

Результат многолетнего исследования А.Бузгалина и А.Колганова доказывает: Маркс не устарел. Книга показывает, что трудовая теория стоимости – это будущее, позволяющее понять те основные изменения капитализма, которые привели к гегемонии корпоративного капитала.

Самир Амин, президент Всемирного форума альтернатив

Это исследование, которое является одновременно и фундаментальным, ибо опирается на широчайший анализ материала и источников, и пионерным, ибо содержит массу оригинальных, новых идей, и спорным, ибо провоцирует на дискуссию по большинству вопросов.

Руслан Гринберг, чл.-корр. РАН, директор Института экономики РАН

Новое третье издание «Глобального капитала» будет интересно каждому, кто хочет понять современный капитализм. Опираясь на работы многих ученых разных стран мира, авторы предлагают уникальный и провокационный анализ, обновляющий марксистскую политэкономию, акцентируя ее диалектические основания.

Дэвид Котц, профессор Массачусетского университета, заслуженный профессор Шанхайского университета экономики и финансов

Книга отвечает вызовам и тех, кого интересует современная марксистская политэкономию и ее ответ неоклассике, и тех, кто ищет ответы на загадки глобализации. Особенно силен анализ глобального капитализма и его влияния на Россию. Рекомендую книгу всем, кто хочет критически понять современный капитализм.

Дэвид Лейн, почетный профессор Кембриджского университета, вице-президент Европейской социологической ассоциации

Три крупных вклада этой книги – это вклад в интеграцию современного марксизма с практикой альтерглобализма, выражение достижений российской теоретической мысли и анализ российской реальности.

Иммануил Валлерстайн, профессор Йельского университета

ISBN 978-5-9710-1634-2



9 785971 016342



ТОМ II

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

А. Бузгалин, А. Колганов



ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

ТОМ II

теория

глобальная гегемония капитала
и ее пределы

«Капитал» *re-loaded*



А. Бузгалин, А. Колганов



библиотека журнала «Альтернативы»

... 42 43 44 45 46 47 48 49 50 **51** 52 53 ...

«Размышляя о марксизме», 101-й выпуск

А.В. Бузгалин, А.И. Колганов

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

ТОМ 2

теория

*глобальная гегемония капитала
и ее пределы*

«Капитал» *re-loaded*

Издание третье,
исправленное и существенно дополненное



URSS

Москва

ББК 65.02 65.5–97 87.6

Бузгалин Александр Владимирович
Колганов Андрей Иванович

Н54 Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория.

Глобальная гегемония капитала и ее пределы

(«Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и суц. доп.

М.: ЛЕНАНД, 2015. – 904 с. (Размышляя о марксизме. № 101;

Библиотека журнала «Альтернативы. № 51)

Двухтомная монография итожит сотни публикаций известных авторов, профессоров Московского государственного университета, чьи работы переведены на многие языки мира. Она критически наследует метод и теорию «Капитала» К.Маркса и раскрывает анатомию современной глобальной капиталистической экономики.

Второй том раскрывает анатомию современной глобальной экономической системы. В нем раскрыта новая природа:

- *товара* – продукта тотального рынка, все более превращающегося в продажу симулякров;

- *денег* – результата гегемонии виртуального фиктивного финансового капитала;

- *глобального капитала*, выстроившего систему всестороннего отчуждения и подчинения не только мирового Труда, но и Человека, его свободного времени и творческого потенциала;

- капиталистического накопления, включающего как присвоение через экспроприацию, так и социальные ограничения рынка и капитала;

- *глобальной гегемонии*, ведущей к формированию протоимперий, и альтерглобализма;

- *российского капитализма*.

Для исследователей, преподавателей и студентов, работающих в области социальных наук, всех интересующихся теорией глобального социально-экономического развития.

Дизайн обложки и принципиальный макет: И. Бернштейн

Верстка: Т. Волохова, Е. Кудрявцев

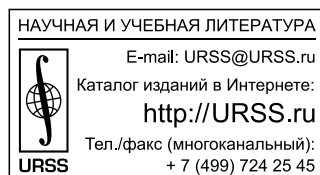
ISBN 978-5-9710-1634-2



9 785971 016342

© ЛЕНАНД, 2014

© А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, 2015



оглавление

6	<i>предисловие ко 2-му тому</i>	
II	<i>прелюдия</i> Контексты	
	<i>глава 1</i> Предыстория гегемонии корпоративного капитала как контекст: история эволюции «позднего капитализма» как логика его самоотрицания	13
	<i>глава 2</i> Закат «царства необходимости» как контекст: некоторые эмпирические свидетельства и методология исследования	55
	<i>глава 3</i> Генезис креатосферы как контекст: изменения производительных сил накануне скачка «по ту сторону материального производства»	89
139	<i>часть I</i> Товар и деньги: инволюция	
	<i>глава 1</i> Рынок как результат глобальной гегемонии корпоративного капитала.....	141
	<i>глава 2</i> Виртуальные деньги.....	246
	<i>глава 3</i> Новое бытие всеобщей формулы капитала: фиктивный финансовый капитал.....	260
	<i>p.s.</i> Трудовая теория стоимости как будущее	277
306	<i>часть II</i> Гегемония капитала: сущность и пределы	
	<i>глава 1</i> Глобальный капитал: содержание и структура отношений эксплуатации	308
	<i>глава 2</i> Контрапункты воспроизводства глобального капитала	389
	<i>глава 3</i> Экономические основы социальной структуры позднего капитализма.....	461
	<i>p.s.</i> Человек и социум как функции капитала и как его предел: к критике теорий «человеческого» и «социального» капитала.....	495

541	<i>часть III</i> Глобализация гегемонии: социопространственные противоречия «заката» экономической формации и позднего капитализма	
	<i>глава 1</i> Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации.....	543
	<i>глава 2</i> Глобализация: социо-политическое, социо-пространственное и социо-культурное измерения	585
	<i>глава 3</i> Тотальная гегемония корпоративного капитала как катализатор глобальных проблем человечества.....	640
660	<i>p.s.</i> Российский капитализм юрского периода (вместо заключения ко 2-му тому)	
	<i>глава 1</i> Эмпирические, методологические и теоретические предпосылки исследования.....	663
	<i>глава 2</i> Система производственных отношений постсоветской экономики.....	700
	<i>глава 3</i> «По ту сторону» капитализма юрского периода.....	738
760	<i>финал</i> От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям (некоторые итоги книги как пролог к будущему)	
	<i>глава 1</i> Альтерглобализм: феноменология, противоречия, перспективы	763
	<i>глава 2</i> От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям	790
797	<i>библиография</i>	
829	<i>указатель имен</i>	
841	<i>предметный указатель</i>	
894	<i>подробное оглавление</i>	

«Фай Родис вспоминала странное чувство ужаса и отвращения, приходившее к ней, по мере того как она углублялась в избранную эпоху. В сосредоточенных размышлениях она как бы перевоплощалась в некоего среднего человека тех времен, односторонне образованного, убого информированного, отягощенного предрассудками и наивной, происходившей от незнания верой в чудо.

Ученый тех времен казался глухим эмоционально; обогащенный эмоциями художник – невежественным до слепоты. И между этими крайностями обыкновенный человек... предоставленный самому себе, не дисциплинированный воспитанием, болезненный, теряющий веру в себя и людей и находящийся на грани нервного надлома, метался от одной нелепости к другой в своей короткой жизни, зависевшей от множества случайностей.

Самым ужасным казалось отсутствие ясной цели и жажды познания мира у очень многих людей, без интереса глядевших в темное, не обещающее никаких существенных изменений будущее с его неизбежным концом – смертью».

«...Если это так, то там встретится опасное, отравленное лживыми идеями общество, где ценность отдельного человека ничтожна и его жизнь без колебания приносится в жертву чему угодно – государственному устройству, деньгам, производственному процессу, наконец, любой войне по любому поводу».

И. Ефремов

предисловие ко 2-му тому

Этот том является, как несложно догадаться, центральным в книге: авторы поставили перед собой весьма нескромную задачу: **показать то новое качество, которое обретает капиталистическая система производственных отношений на современной стадии позднего капитализма.**

Естественно, что логика этого тома должна была напоминать логику «Капитала» К. Маркса: такова изначальная гипотеза авторов.

Но мы, следуя диалектическому методу восхождения от абстрактного к конкретному в его преломлении к особому – «закатному» – периоду э/инволюции капиталистической общественной системы, построили нашу работу исходя прежде всего из **логики самого предмета** – логики подрыва системообразующих производственных отношений капитализма вследствие его же собственного прогресса.

Эту диалектику прогресса и одновременно самоотрицания системы на этапе ее «заката» мы раскрыли в I томе. Там, опираясь на работы наших учителей, мы показали, что социальная система, достигнув своего зрелого состояния, может далее развиваться только за счет инкорпорирования ростков новой, отрицающей ее, будущей системы. Это, в свою очередь, приводит к подрыву собственных основ данной («старой») системы, но одновременно создает возможности для дальнейшего развития последней. Отказ от этого пути обрекает данную систему на инволюцию и регресс.

(В скобках заметим: слово «отказ» было использовано нами неслучайно. Как мы показали в том же I томе, на стадии «заката» эволюция системы становится принципиально мультисценарной и «выбор» того или иного сценария, того или иного «русла» будущего течения этой системы во многом зависит от субъективных факторов и геоэкономических процессов.)

Эта методология оказалась в полной мере востребована при анализе исторического процесса эволюции позднего капитализма XX – начала XXI веков.

Опираясь на историческую практику мирового капитала, мы доказываем, что шедший последние сто лет процесс развития и одновременно самоотрицания этой системы начался с подрыва отношений рыночной конкуренции, т.е. отношений свободного взаимодействия обособленных производителей, осуществляющих воспроизводство в условиях общественного разделения труда, а это – системное качество товара как «экономической клеточки» капитализма. Именно с подрыва свободной конкуренции и развития локального регулирования рынков со стороны

корпораций, зафиксированного В.И. Лениным еще 100 лет назад, начинается история позднего капитализма. И именно это самоотрицание товара есть логически исходный пункт э/инволюции позднего капитализма. На этом этапе развивается система простейших ростков нового, посткапиталистического экономического строя (частичное, локальное регулирование рынков крупнейшими корпорациями, т.н. «неполная планомерность»).

Второй исторический этап – развитие форм ассоциированного ограничения и регулирования экономики («государство всеобщего благоденствия», «социальное рыночное хозяйство») – корреспондирует и со вторым логическим шагом в самоотрицании капиталистической системы: на место денег как единственного и всеобщего средства [само]регулирования и меры ценности частично, в некоторых локусах экономического пространства, приходит общество (государство), в некоторой мере определяющее параметры экономики и ценности ряда благ (прежде всего т.н. общественных). Неслучайно в этом контексте то, что монетаристы – школа, акцентирующая прежде всего роль денег как главного средства саморегулирования в условиях рынка, – столь негативно относятся к любым попыткам социального ограничения и регулирования рынка.

Наконец, третий исторический этап – своего рода отрицание отрицания первого в условиях неолиберализма – оказывается снятием социального регулирования и «восстановлением» саморегулирования экономики, подчиненной движению глобального финансового капитала (глобализация, финансиализация). Здесь с логической точки зрения можно говорить о воспроизводстве в новом виде всеобщей формулы капитала – деньги как бы сами по себе, без производства, приносящие дополнительные деньги, этокое всеобщее ростовщичество, превратившееся в господствующий над производством глобальный «черный ящик» финансовых спекуляций.

Ну а далее – все шире разворачивающийся процесс эксплуатации и подчинения капиталом не только рабочей силы, но и личностных качеств человека.

В снятом виде все эти черты характеризуют практику современного капитализма, эпохи *глобальной гегемонии капитала*. Они итожат историко-логический контрапункт позднего капитализма, который мы полное раскрываем и обосновываем в Прелюдии к этому тому.

Так выглядит в Прелюдии к этому тому применение раскрытой нами ранее методологии (диалектика самоотрицания, «заката» систем) к исследованию позднего капитализма, что, как мы показали выше, позволило вывести системное качество «позднего капитализма», а также теоретически и практически обосновать правомерность выделения основных исторических и логических этапов его эволюции, раскрыв противоречия (т.е. природу) каждой из этих стадий, причины и логику их э/инволюции, возникновения и прехождения.

Ну а далее все «просто»: авторы раскрывают новое качество товара и денег, капитала, эксплуатации и их воспроизводства, глобальные механизмы функционирования этой системы.

Это, повторим, весьма амбициозный замысел: *написать «Капитал XXI века», раскрыв анатомию позднего капитализма при помощи метода «Капитала»*, показывая новое качество тех отношений, которые описал К. Маркс 150 лет назад и которые воспроизводятся ныне в новом виде.

Насколько этот замысел удался – судить читателю. Наша задача в данном случае – оставаясь в рамках предисловия дать краткую аннотацию ключевых новых разработок авторов, представленных в этом томе.

Первая часть тома содержит исходный пункт нашего исследования – раскрытие природы «экономической клеточки» позднего капитализма, а именно – *политэкономического содержания нового качества товара, обретаемого этим отношением в современных условиях*. Мы показываем, *какие изменения* в обособленности производителей и разделении труда, в его содержании, и как приводят к частичным качественным трансформациям рынка. Последний постепенно и нелинейно, но упорно трансформируется в тотальный рынок сетей, который локально контролируется и регулируется конкурирующими между собой крупнейшими корпоративными структурами, охватывает все (а не только экономические) сферы жизни человека и все более становится производством не столько полезных вещей, сколько симулякров. Раскрытие политико-экономической природы последних (их стоимости и потребительской стоимости, цены и механизмов удвоения фетишизации) мы также считаем важным результатом нашей работы.

На этой базе стало возможным теоретическое выведение и эмпирическое обоснование *новой природы денег*, которые все более становятся виртуальными, постепенно превращаясь из реального товара – всеобщего эквивалента в вероятностный феномен, зависящий от конъюнктуры фиктивного финансового капитала.

Постскрипtum этой части посвящен исследованию *новых аспектов трудовой теории стоимости*. Здесь авторы, в частности, показывают, что последовательное завершение процесса восхождения от абстрактного к конкретному, доведенное до исследования превратных форм стоимости, обретаемых ею в условиях позднего капитализма, приводит нас к выявлению феноменов, отражаемых в теории предельной полезности, производительности и т.п. При этом марксистский анализ позволяет показать, что эти теории адекватно отражают то мнимое содержание, которое объективно создается превратностью формы стоимости, многократно видоизменявшейся на протяжении долгой историко-логической эволюции и представленной на поверхности явлений позднего капитализма во многом иначе, нежели это было описано в I главе I тома «Капитала».

Вторая часть книги раскрывает трансформацию сущности производственных отношений капитализма – отношения капитала и наемного труда, эксплуатации и воспроизводства. Эти изменения также нарастают исторически и логически, проходя длинный путь от монополистической (империалистической) сверхприбыли к существенно новым отношениям эксплуатации креативной деятельности. В последнем случае авторы предлагают гипотезу, раскрывающую новую природу этого отношения. Мы доказываем, что эксплуатация творческого работника есть присвоение не столько созданной им прибавочной стоимости, сколько некоторой доли всеобщего творческого труда человечества, всеобщего культурного богатства, распределенного данным работником. Этот результат, присваиваемый, как правило, не [креативным] работником, а субъектом интеллектуальной собственности (корпорацией), не имеет стоимости, но имеет некоторую цену, что позволяет собственнику креативной корпорации получать т.н. интеллектуальную ренту.

Не менее важным моментом, раскрываемым в этой части, является показ системы отношений *формального и реального подчинения капитала не только рабочей силы, но и личностных качеств человека*, в частности его свободного времени.

На этой основе мы показываем новые аспекты отношений воспроизводства капитала, что позволяет вывести *новую форму закона всеобщего капиталистического накопления*, показать существенные изменения в структуре общественного воспроизводства (в частности, выделить наряду с материальным производством *бесполезный [превратный] сектор и креатосферу*) и социальной структуре позднего капитализма. Последнее дает основания для важных выводов о *трансформации социального слоя, несущего на себе историческую миссию снятия власти капитала*.

Завершают этот раздел два очерка, посвященных феноменам *человеческого и социального «капитала»*, где мы даем конструктивную критику этих категорий, отражающих в превратной форме реальные изменения роли человека и его социальных связей в современной экономике.

В **третьей части** мы, завершая исследования, предлагаем пролегомены *марксистской политэкономии глобализации*. Главным для авторов в данном случае стало отражение специфических проявлений противоречия производительных сил и производственных отношений, а также капитала и труда в их социопространственном разрезе. Выходом на анализ политических и идейно-духовных аспектов этих противоречий мы завершаем третью часть, дополнив ее в качестве постскриптума большим и относительно самостоятельным разделом, посвященным анализу российского «капитализма юрского периода». За этим публицизированным образом скрывается анализ *мутаций позднего капитализма полупериферийного типа, характерных для нашей Родины*.

Финал книги достаточно очевиден: мы не могли не показать, какой может быть *альтернатива глобальной гегемонии капитала*, исследо-

ванию которой посвящен этот том. Соответственно, мы взяли на себя труд выведения противоречий альтерглобалистского движения (а значит, и его сущности) и обусловленных ими возможностей и проблем в формах, методах и потенциале этого движения, других социальных движений и антигегемонистских сил.

прелюдия Контексты

Как мы заметили в предисловии к этому тому, его структура носит несколько необычный для современных работ характер: она претендует на отображение последовательного «подрыва» системообразующих отношений капиталистического способа производства. Эти отношения суть товар, деньги, капитал и его многообразные проявления в современном глобальном мире. Они корреспондируют (это давняя гипотеза авторов) с крупными блоками «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля, первый том которой («Учение о бытии») включает разделы «Качество», «Количество» и «Мера», а второй («Учение о сущности») – «Сущность», «Явление» и «Действительность». Несколько упрощая эту логику, мы постараемся ниже показать, как в условиях «позднего капитализма» видоизменяются его (1) системное качество (товар и его наличное бытие – рынок) и (2) сущность (капитал и эксплуатация), а также (3) их проявления в глобальном мире. Соответственно будут построены первая, вторая и третья части книги.

Однако такая строгая структура не оставляет места исследованию того, как и почему вырастает современная система отношений позднего капитализма и какова природа той, существенно изменившейся по сравнению с периодом написания «Капитала», материальной базы, новое качество которой во многом и предопределяет эти изменения. Соответственно, эти методолого-теоретические предпосылки мы оказались вынуждены вынести в особый раздел, который мы неслучайно назвали «Прелюдия. Контексты»¹.

Столь же выбивается из строгой логики книги и завершающий раздел, посвященный анализу современных интенций снятия глобальной гегемонии капитала. Вполне закономерно он стал своеобразным кредендо книги, ее финалом.

Итак, перед вами, читатель, первый – историко-логический – раздел нашей контекстной прелюдии.

¹ Как мы уже отметили в I томе, в музыке *прелюдия* – это, как правило, произведение, не имеющее строгой формы, в ряде случаев предшествующее более длинному, сложному и строго оформленному произведению; впрочем, прелюдия может быть и самостоятельным произведением. И еще одна ремарка: прелюдии по стилю в целом схожи с импровизацией. Именно такой является и наша прелюдия: отчасти введением, отчасти самостоятельным очерком, не имеющей строгой формы и включающей элементы своего рода «импровизаций» – размышлений на темы контекстов основного материала этого тома.

глава 1 Предыстория гегемонии корпоративного капитала как контекст: история эволюции «позднего капитализма» как логика его самоотрицания

В первом томе книги авторы сформулировали ключевую для последующего исследования методологическую посылку: *конкретное есть не (только) результат, но вся система в ее историко-логическом генезисе-развитии-самоподрыве («закате»)*. Тем самым мы предопределили ответ на вопрос о логике развертывания содержания второго тома – о системе категорий, раскрывающей содержание тотальной гегемонии капитала. Итак, ключ к ответу на поставленный выше вопрос – контрапункты истории, взятые в их закономерных, воспроизводимых параметрах. Для того чтобы прояснить эту постановку проблемы, напомним для читателя, непосредственно мало знакомого с проблемами диалектики исторического и логического и восхождения от абстрактного к конкретному, хотя бы пунктиром, основные исторические и логические ступени эволюции капитала. Выделяя их, авторы (подчеркнем это прямо и недвусмысленно) будут преимущественно опираться на некоторые выдержавшие (на наш взгляд) проверку временем разработки советской школы политэкономов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛА И СТАДИИ ЕГО САМООТРИЦАНИЯ

Исходный исторически и логически пункт эволюции капитала – *товарное производство*¹, сущность которого составляет противоречие частного и общественного труда, в основе которого (противоречия) лежит обособленность производителей в системе общественного разделения труда и которое обуславливает остальные противоречия товара: абстрактного и конкретного труда, потребительной стоимости и стоимости и т.д.²

¹ В данном случае мы говорим о производстве в широком смысле слова – о единстве собственно производства, обмена, распределения и потребления.

² «Только продукты самостоятельных, друг от друга независимых частных работ противостоят один другому как товары» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 51). «...Товарное производство, →

Исторически товарное производство и обмен, как и всякое начало, долгое время существует в виде ростков и элементов, подчиненных прежним (добуржуазным) системам и развивающихся в их рамках, позволяя этим добуржуазным системам более эффективно приспосабливаться к изменяющимся условиям, прежде всего прогрессу производительных сил (в условиях феодализма, например, эту роль играют такие переходные формы как откуп, денежная форма ренты и т.п.). Вместе с тем – напомним наши выводы о диалектике «заката» экономических систем – эти ростки товарных отношений подрывают собственные основы добуржуазных систем.

Внутренние противоречия товарного производства в своем развитии порождают новое производственное отношение – *деньги*, всеобщий товар (как именно – это блестяще, и исторически, и логически показано К. Марксом в 1 главе I тома «Капитала»¹). Противоречия товарно-денежных отношений, в свою очередь, ведут к прогрессу производительности труда, формированию в определенных сферах социального пространства и времени товарного производства как особой, относительно самостоятельной системы, из которой, собственно, и вырастает *капитал* как таковой, как производственное отношение, посредством которого осуществляется самовозрастание стоимости.

Основной генезис капитала становятся прежде всего внутренние противоречия товарно-денежных отношений², порождающие дифференциацию товаровладельцев, образование собственников капитала (в форме денег, средств производства) – на одной стороне; свободных (лично и от средств производства) работников, частных собственников только своей рабочей силы – на другой³. Насилие и разрушение фео-

← т.е. производство обособленных производителей, связанных между собою рынком» (Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 425). Это положение Маркса, развитое В.И. Ульяновым, наиболее полно обосновано в работах нашего учителя Н.В. Хессина («Диалектика исследования товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса» (М., 1964) и «В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства» (М., 1968)), а также К.П. Тронева.

¹ Краткое резюме этого диалектического перехода см.: Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 98–99.

² В данном случае авторы оставляют в стороне очень активные и содержательные споры о соотношении исторического и логического, которые велись, в частности, советскими политэкономистами и философами в 1960-е годы по поводу правомерности соотнесения исторического генезиса капитала из денег и логического развертывания категорий в первых отделах I тома «Капитала». Мы оставляем их в стороне, т.к., во-первых, это не предмет данного раздела и, во-вторых, коротко мы об этом уже писали во второй главе части I предыдущего тома нашей книги.

³ См., например: Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 176–180.

дальной системы становятся предпосылками, пространством и временем осуществления этого процесса¹.

Собственно капитал (капитал в узком смысле слова, понимаемый здесь как особое производственное отношение) опять же в силу своих внутренних противоречий, гонящих его по пути интенсификации труда и повышения его производительности (производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости), развивается от формального подчинения труда к реальному.

В первом случае собственно социально-экономическая форма – капиталистическое производственное отношение – господствует над трудом, который по содержанию остается доиндустриальным (К. Маркс показывает это в главах «Капитала», посвященных простой кооперации и мануфактуре, и подробно комментирует в подготовительных рукописях к «Капиталу»²).

Во втором случае (в случае реального подчинения труда капиталу) – уже новое содержание – индустриальное производство, фабрика как система машин, а не только капиталистическое отношение, подчиняют капиталу наемного работника. На этапе крупного машинного производства отдельный рабочий становится частичным и лишь совокупный работник фабрики (включая инженеров, технологов, руководителей) становится производительным³. Но формирование этого совокупного

¹ Роль насилия как всего лишь повивальной бабки (но не матери!) истории в процессе генезиса капитализма показана К. Марксом в заключительном отделе I тома «Капитала» в главе о так называемом первоначальном накоплении. Собственно же логика и история рождения капитала и наемного труда из противоречий товарного производства доказательно раскрыта на примере России позапрошлого века в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1–609*).

² См., например: *Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 433–435, 518–519*. Подробнее см.: *Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 3–33*.

³ «Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т.е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже сам кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит к каждому из его членов, взятому в отдельности» (*Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 516–517*).

работника, его структура и функции, цели его деятельности подчиняются капиталу – логике самовозрастания стоимости¹.

(Запомним эту методологию: она будет не раз «работать» в дальнейшем, когда мы будем исследовать современные – во многом видоизмененные – формы подчинения труда капиталу.)

Достижение адекватного «классическому» капитализму материально-технического базиса (индустриальное материальное производство, фабрика), реальное подчинение труда капиталу знаменуют развитое состояние капитала.

Накопление капитала, характерные для него противоречия и законы делают эту систему развивающейся на собственной основе, исторически прогрессивной, хотя и жестко- и жестоко-противоречивой. Вместе с тем на этой стадии система производственных отношений капитализма достигает такого этапа в своем развитии, когда *дальнейший прогресс человека становится возможным и на путях революционного генезиса нового общества*. Подчеркнем – формирование индустриального производства, фабрично-заводского пролетариата и самовоспроизводящегося на этой основе капитала – это всего лишь минимально необходимые предпосылки, создающие не более чем абстрактную возможность развития нового общества.

(Здесь уместно сравнение с минимально возможными предпосылками возникновения капитализма на базе зрелого феодального общества с развитыми формами ручного труда – мельница, плуг и т.п. – и первыми мануфактурами. На этом базисе капитализм уже мог возникнуть, но не обязательно *должен* был возникнуть. Предпосылки для его генезиса были *минимальны*, и потому появившиеся тогда (в XVI–XVII веках) первые опыты капиталистического развития были неустойчивы и весьма противоречивы. Они базировались на формальном подчине-

¹ «Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязаемую реальность. Вследствие своего превращения в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (master)» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 434).

нии труда капиталу и потому были подвержены мутациям, относительно легко могли погибнуть (что не раз случалось в истории генезиса капитализма), во многих случаях проигрывали в военно-экономическом соревновании феодализму. Запомним эти ремарки, ибо мы еще не раз будем обращаться к анализу примеров реверсивного движения истории на этапе генезиса капитализма, в частности к историческому опыту распада первых ростков рыночной республиканской организации в итальянских городах-государствах в постренессансный период.)

Вернемся к развитому индустриальному капитализму и минимальным предпосылкам рождения новых общественных отношений. Последнее может произойти либо непосредственно – в виде революционного перехода к новой социально-экономической системе, либо *опосредованно и частично, в рамках сохраняющейся, но самореформирующейся капиталистической системы*. В последнем случае – а он типичен для истории XX века – начинается особый период развития капитализма, характеризующийся частичным эволюционным приспособлением капитала к новым условиям, порождаемым как «закатом» общественной экономической формации, так и эволюцией самого капитала. Именно этот этап возникновения в недрах капитализма ростков пострыночных отношений, отрицающих качество, сущность капитала, но вместе с тем дающих капитализму новый импульс развития, мы и будем называть *поздним капитализмом*, эпохой **«заката» капитализма**¹.

¹ Характеристика этого этапа представляет немалые трудности. О феномене «поздний капитализм» первыми заговорили теоретики марксистского направления (см.: *Mandel E. Der Spätkapitalismus – Versuch einer marxistischen Erklärung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag 1972; Habermas J. Legitimationprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1973; Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991*). Значительно ранее В.И. Ленин определял современный ему этап развития капитализма как умирающий и загнивающий капитализм: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций – все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. <...> Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм» (*Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 27. С. 422, 424*) Для нас важно теоретическое определение Ульяновым империализма как стадии, на которой начинается самоотрицание, подрыв всех основных системных параметров капитализма: его качества (подрыв свободной конкуренции и государственное регулирование как начало самоотрицания товарного производства), его сущности (присвоение монопольной сверхприбыли и паразитизм, причем прежде всего – финансового капитала, как трансформация отношений присвоения прибавочной стоимости), его форм и т.п. Что же до публицистизированных →

В этом контрапункте самоотрицания и нового импульса развития (в связи с привнесением элементов будущей системы в недра старой и образованием переходных отношений) нет ничего необычного: вспомним сказанное в первой части I тома о диалектике «заката» и трансформаций общественных систем, где мы показали эту связь как типичную и закономерную. Соответственно и в условиях позднего капитализма это приспособление могло идти и шло путем подрыва капиталом своих собственных основ и генерирования переходных отношений, содержащих внутри капитализма ростки нового общества (сознательное регулирование, социальные ограничения и т.п.). Этот процесс можно сравнить с тем, как в свое время внутри добуржуазных обществ на нисходящей стадии их развития развивались (*временно* укрепляя их) ростки товарно-денежных отношений и даже примитивные формы капитала.

Так, повторим, капитал вступает в эпоху и пространство «заката» – подрыва своих системных основ, что становится главным способом са-

← терминов («загнивающий», «умирающий»), то, как ни странно, содержательно они правильны, хотя и несколько односторонни. Правильны, ибо капитализм, действительно, вступил с конца позапрошлого – начала прошлого века в эпоху самоотрицания и потому умирания. Правильны, ибо паразитизм капитала на этой стадии резко возрос и продолжает расти. Односторонни, ибо в этих характеристиках Ленин не подчеркивал того, что эта стадия самоотрицания может быть (и оказалась) длительной, что она может нести (и несла) не только регресс, но и прогресс, особенно заметный в условиях победы во второй половине XX века в ряде стран «центра» (прежде всего Западной Европы) т.н. «мировой реформы».

Существенно: эта односторонность работ Ленина, написанных за год до Октябрьской революции, во-первых, вполне понятна: породивший Первую мировую войну империализм действительно был чудовищем и действительно оказался кануном социалистической революции, во-вторых, в других своих работах Ленин не раз давал и более тонкие характеристики капитализма на стадии «заката» (подробнее об этом в наших разделах уже упоминавшейся ранее книги «Ленин *online*»). Кстати, сходным образом, но с акцентом на единстве империализма и милитаризма, характеризовала эту стадию и Роза Люксембург. Что же касается работ марксистов после Ленина, то они либо в основном воспроизводили характеристики Ленина (*Бухарин Н.И.* Империализм и накопление капитала. М., 1929), либо давали несколько менее определенные характеристики (одна из наиболее известных – «поздний капитализм» – была дана, как мы уже писали, Э. Манделом), либо вообще уходили (и до сих пор уходят) от проблемы выделения стадии самоотрицания, «заката» капитализма как принципиально важной научной проблемы. Существенные аспекты периодизации капитализма в левой теории видятся, как правило, лишь в связи с выделением этапов «государства благосостояния» и последующей неолиберальной глобализации. Данное деление является общепринятым, и мы его проанализируем ниже, но это принципиально иной вопрос – вопрос выделения этапов внутри «закатной» стадии капитализма, да и то сведенный к позитивистской характеристике всего лишь одной из многих трансформаций внутри исследуемой нами стадии.

мосохранения, саморазвития и ответа на вызов новых технических, социальных и т.п. проблем.

* * *

Представленная выше модель эволюции капитала крайне далека от ныне принятых характеристик динамики капитализма (впрочем, нынешние теоретики от неоклассики вообще стараются «забыть» об историческом подходе к предмету, рассматривая экономику *как бы* вне исторического процесса). Однако мы хотели бы обратить внимание именно на эту теорию историко-логического развертывания категорий капитализма, ибо ее слагаемые используются как методологическая предпосылка (но не более) дальнейшего исследования.

А теперь посмотрим сквозь призму этой методологии самоотрицания системы на стадии ее «заката» на капитализм XX–XXI веков. При этом еще раз оговоримся: ныне вместо всех этих тонких, основанных на системно-категориальном подходе определений принято использовать некий универсальный абстрактный термин – «рыночная экономика»; однако для нашего дальнейшего исследования такой редукционизм уже будет непозволителен: он не обеспечит достаточной строгости исследования.

С точки зрения практически всех научных школ, ставивших вопрос об отличии капитализма последних ста с лишним лет от капиталистической экономики XIX столетия, первый знаменовался развитием как минимум трех основных черт: (1) крупных корпораций, занимающих моно- (олиго-) полистическое положение и антимонопольного регулирования, (2) государственного вмешательства в экономику и (3) опережающего развития финансового капитала (глобализацию как новейший феномен пока оставим за скобками).

Далее мы предлагаем сделать шаг в несколько необычном для современной науки направлении: поставить *проблему исследования* не столько механизма функционирования этой системы, сколько *исторических* (с точки зрения эмпирически наблюдаемого развития предмета) и *логических* (теоретически фиксируемых) *этапов развития позднего капитализма*. Этот провозглашенный в начале данного раздела подход позволяет предположить (пока это только гипотеза), что основные черты данных этапов станут ключом к пониманию конкретного целого (напомним: целое есть «результат со своим становлением!») – современного капитала.

Исторически эти этапы, как мы уже заметили, относительно легко выделяемы.

Первый – генезис монополистического капитала, изменившего рынок (это признает в косвенном виде даже неолиберальная доктрина, выделяя несовершенную конкуренцию и антимонопольное регулирование как важнейшие черты современного рынка) и ставшего экономической

основой империализма и колониализма образца начала XX века и вылившегося в конечном итоге в кошмар Первой мировой войны¹. Используем для обозначения этого этапа определение «империализм как особая (исходная) модель [этап] позднего капитализма»². При этом специально

¹ «Меня всегда приводят в смущение слова “священный”, “славный”, “жертва” и выражение “совершилось”. Мы слышали их иногда, стоя под дождем, на таком расстоянии, что только отдельные выкрики долетали до нас, и читали их на плакатах, которые расклеивали, бывало, наклеивали поверх других плакатов; но ничего священного я не видел, и то, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские бойни, только мясо здесь просто зарывали в землю» (*Хемингуэй Э. Фиеста; Прощай, оружие!; Иметь и не иметь; Рассказы; Старик и море*. М.: Олма-пресс, 2003. С. 256). «Страшнее войны ничего нет. Мы тут в санитарных частях даже не можем понять, какая это страшная штука – война. А те, кто поймет, как это страшно, те уже не могут помешать этому, потому что сходят с ума» (Там же. С. 184). «Война – это не атака, похожая на парад, не сражение с развевающимися знаменами, даже не рукопашная схватка, в которой неистовствуют и кричат; война – это чудовищная, сверхъестественная усталость, вода по пояс, и грязь, и вши, и мерзость. Это заплесневелые лица, изодранные в клочья тела и трупы, всплывающие над прожорливой землей и даже не похожие больше на трупы. Да, война – это бесконечное однообразие бед, прерываемое потрясающими драмами, а не штык, сверкающий, как серебро, не петушиная песня рожка на солнце!»

«Ведь если каждый народ ежедневно приносит в жертву идолу войны свежее мясо полутора тысяч юношей, то только ради удовольствия нескольких вожakov, которых можно по пальцам пересчитать. Целые народы, выстроившись вооруженным стадом, идут на бойню только для того, чтобы люди с золотыми галунами, люди особой касты, могли занести свои громкие имена в историю и чтобы другие позолоченные люди из этой же сволочной шайки обделали побольше выгодных делишек, словом, чтоб на этом заработали вояки и лавочки» (*Барбюс А. Огонь (Дневник взвода)*. М., 1984).

² Такое использование понятия «империализм» противоречит его другому смыслу – характеристике мира, в котором есть империи и, соответственно, колонии и метрополии, равно как и присутствующее в большинстве случаев угнетение первых со стороны вторых. Мы не отрицаем правомерность и этого, преимущественно геополитического, смысла понятия «империализм», но в политической экономии это понятие имеет иное, выделенное нами вслед за В.И. Ульяновым, содержание. Укажем, что, на наш взгляд, геополитический акцент (его делает, в частности, С. Амин. См.: *Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ.* М.: Европа, 2007) во многом маскирует содержательно различную природу отношений колоний и метрополий на разных этапах развития различного качества империй, фиксируя лишь внешние, абстрактно общие формы. В геоэкономическом и геополитическом отношениях этот автор прав, но при этом он не точен в своей критике Ленина. Последний исследовал не столько пространственные, сколько сущностные аспекты. Ленин шел не «вширь», но «вглубь», и потому понимал империализм как особый – «закатный» период развития капитализма, на котором вследствие трансформаций качества и сущности капитала происходят геоэкономические и геополитические трансформации. →

подчеркнем: как исходный пункт «заката» капитализма он будет генетически *всеобщей* чертой всего процесса, и потому все последующие стадии будут нести в себе в снятом виде черты *и* империализма (приведем аналогию: поскольку товар есть генетически всеобщая характеристика капитализма, постольку деньги есть *и* товар, равно как капитал также есть *и* товар).

Второй – период поиска моделей сознательного регулирования экономики в общегосударственных масштабах, начавшийся после (а) Первой мировой войны, (б) серии социалистических революций и других мощных антикапиталистических акций (всеобщих забастовок, вооруженных восстаний и т.п.)¹, а также (в) Великой депрессии и других мирового масштаба тектонических сдвигов «социальной коры» человечества, показавших ограниченность прежней системы. Эти поиски рождали очень разные варианты социально-экономических трансформаций. Победили в конечном счете те из них, что при всех недостатках были в общем и целом скорее прогрессивными («Новый курс» в США, социал-демократические модели в ряде стран Западной Европы). Нельзя, однако, забывать и о сыгравших чудовищно негативную роль в истории и до сих пор сохраняющих определенные корни для возрождения регрессивных моделях (фашизм, национал-социализм). Поскольку именно первые задают основную – относительно прогрессивный – вектор трансформаций, постольку мы используем для определения этого этапа термин «*социал-реформистская модель [этап] позднего капитализма*» (в ряде случаев для простоты мы его будем называть социал-реформизмом, имея в виду не особое политическое течение, а именно названный выше тип позднего капитализма).

Третий период озаменовал начавшийся с начала 1980-х годов «неолиберальный реванш»: в представлении опять же практически всех научных школ конец XX века озаменовался (а) относительным сокращением роли государства и как бы «ренессансом» рынка, а также (б) ускоренным развитием финансового капитала, чему немало способствовали (в) процессы глобализации (о новейших коррекциях экономической

← Подробнее о полемике по этому поводу см.: *Кагарлицкий Б.Ю.* От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

¹ Первая русская революция 1905–1907 гг., Румынское крестьянское восстание 1907 года, Синхайская революция в Китае 1911–1912 гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 года в России, Гражданская война 1918 года в Финляндии, Ноябрьская революция 1918 года в Германии, Баварская Советская республика 1919 года в Германии, Венгерская революция 1919 года, Кемалистская революция в Турции, Сентябрьское восстание 1923 года в Болгарии, Всеобщая стачка 1926 года в Великобритании, Гражданская война 1927–1936 гг. в Китае, Марш безработных ветеранов войны на Вашингтон летом 1932 года, Февральское восстание 1934 года в Австрии, Гражданская война 1936–1939 гг. в Испании, целая череда антиколониальных восстаний.

политики в пользу большего регулирования в ряде стран в период после кризиса 2008–2010 гг. – опять же позже). Соответственно, для обозначения данного этапа мы используем термин «*неолиберальная модель [этап] позднего капитализма*» (или, короче, неолиберализм).

Существенно, что *каждый из последующих этапов снимает предыдущий*, т.е. не только отрицает, но и наследует черты предыдущего, причем логика «отрицания отрицания» приводит к тому, что неолиберальный этап по многим параметрам оказывается «восстановлением» многих черт первого – империализма.

К последнему сюжету мы еще вернемся. Сейчас же достаточно зафиксировать: выделенные выше этапы (империализм, социал-реформизм, неолиберализм) позднего капитализма хорошо известны, и их фиксацию можно считать вполне обоснованной эмпирически.

Другим доказательством правомерности выделения этих этапов станет предлагаемая ниже *матрица качественных изменений экономической системы позднего капитализма на каждом из этих этапов*.

В основу структурирования основных параметров экономики позднего капитализма, изменяющихся на названных выше этапах, мы положим обоснованную в I томе нашей книги (в первой главе третьей части) структуру экономической системы, уделив гораздо больше внимания, чем ранее, такому параметру, как производительные силы.

Ниже мы предложим предельно агрегированный вид данной матрицы, цель которого – показать некоторые принципиально значимые подвижки, происходящие в мировой эволюции позднего капитализма. Объяснения и обоснования предлагаемых ниже тезисов мы предложим при характеристике каждого из этапов. В данном случае будет уместна, пожалуй, только одна дополнительная ремарка: как заметит внимательный читатель, третья стадия эволюции позднего капитализма – неолиберализм – неслучайно напоминает по многим социально-экономическим параметрам первую – империализм¹. В данном случае имеет место классический феномен «отрицания отрицания»: социал-реформизм приходит как снятие наиболее жестких противоречий империализма, а неолиберализм, отрицая этот этап, зашедший в тупик вследствие неизбежной половинчатости и непоследовательности реформ, «восстанавливает» в новом виде многие черты позднего капитализма начала XX века.

Итак, предлагаемая нами матрица имеет следующий вид (см. табл. 1):

¹ В книге Самира Амина «Вирус либерализма» (Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. М.: Европа, 2007) хорошо показано, что современный неолиберализм за фасадом либеральной идеологии скрывает империалистический контроль крупнейших держав над мировой экономикой, подкрепленный открытым применением силы. Использование насилия считает атрибутом накопления в условиях глобального капитализма и Д. Харви (см.: Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4).

таблица 1 Матрица качественных изменений экономической системы позднего капитализма на основных этапах её эволюции в XX – начале XXI веков

блоки экономической системы	этапы эволюции «позднего капитализма»	классический капитализм (конец XVIII–XIX вв.)	империализм (конец XIX – первая половина XX в.)	социал-реформизм (50–70-е гг. XX в.)	неолиберализм (с 80-х гг. XX в.)
производительные силы					
определяющее специфика этапа	репродуктивный машинный; фабричный	репродуктивный машинный + репродуктивный конвейерный;	репродуктивный машинный + репродуктивный конвейерный;	репродуктивный конвейерный + репродуктивный в сфере услуг + творческий; инженер + рабочий сервиса + учёный и деятель образования и культуры / репродуктивный ручной; крестьянин	репродуктивный конвейерный + креативный; «профессионал» / репродуктивный конвейерный; промышленный рабочий + работник сферы услуг
и определяющее звено совокупного работника в странах «центра» / «периферии»	репродуктивный ручной; крестьянин	рабочий + инженер / репродуктивный ручной; крестьянин	рабочий + инженер / репродуктивный ручной; крестьянин	рабочий + инженер + учёный и культуры / репродуктивный ручной / репродуктивный машинный; крестьянин + фабричный рабочий	рабочий + работник сферы услуг
продолжительность жизни в странах «центра»	40 лет	50 лет	70 лет	75 лет	75 лет
уровень грамотности «центра»	40%	60%	97%	97%	99%

блоки экономической системы	этапы эволюции	«позднего капитализма	социал-реформизм	неолиберализм
тип взаимодействия общества и природы в странах «центра» / «периферии»; глобальные угрозы	классический капитализм (конец XVIII–XIX вв.)	империализм (конец XIX – первая половина XX в.)	социал-реформизм (50–70-е гг. XX в.)	неолиберализм (с 80-х гг. XX в.)
	присвоение природных благ как сырья материального производства; начало разрушения природной среды в странах «центра»	присвоение природных благ как сырья материального производства; масштабное разрушения природной среды в странах «центра» и начало такого разрушения в странах «периферии»; возникновение глобальных проблем: первая и вторая мировые войны как глобальная угроза бытию человечества (за обе мировые войны погибло около 100 млн человек)	присвоение природных благ как сырья материального производства; разрушение природной среды в странах центра и периферии в масштабах, порождающих обострение глобальных проблем и осознание экологической деятельности в странах «центра»; оружие массового уничтожения как гиперреализованная угроза бытию человечества; запасы ядерного оружия в мире достигают своего максимума (свыше 60 тыс. боеголовок)	сохранение глобальных угроз в странах центра, обострение глобальных угроз в странах «периферии»; дальнейшая экспансия оружия массового уничтожения как гиперреализованная угроза бытию человечества; генезис экологически-ориентированных производств в некоторых странах «центра»; расширение «трясного» производства в странах периферии (в связи с этим концентрация углекислого газа в атмосфере за 50 лет с 1958 до 2008 г. выросла с 0,0315% до 0,0385%).

господствующий технологический уклад (уклады) в странах «центра» / «периферии»	2–3. Индустриализация; ускоренное развитие железно-дорожного транспорта, возникновение механического производства во всех отраслях на основе парового двигателя / 1–2. Премудственно доиндустриальное производство	3–4. Начало научно-технического прогресса. Третий уклад базируется на использовании в промышленном производстве электрической энергии, развитии тяжёлого машиностроения и электрической промышленности / 1–3. Начало индустриализации в ряде стран периферии	4–5. Начало научно-технической революции. Четвёртый уклад основан на дальнейшем развитии энергетики на базе широкого использования нефти, нефтепродуктов и газа, развитие новых средств транспорта (реактивная авиация, всеобщая автомобилизация) и связи, начало широкого использования новых синтетических материалов / 2–3. Процесс индустриализации охватывает примерно половину стран «периферии». Начало формирования стран полупериферии	4–5. Информационная революция. Пятый уклад опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т.п. / 2–4. Массовая индустриализация. Упрочение «новых индустриальных стран»
--	--	--	---	---

блоки экономической эволюции «позднего капитализма»			
системы	классический капитализм (конец XVII–XIX вв.)	империализм (конец XIX – первая половина XX в.)	социал-реформизм (50–70-е гг. XX в.)
основные параметры новых (специфических для данного этапа) материальных факторов производительных сил в странах «центра» / «периферии» (господствующий тип энергии, средств производства и ресурсов, общественно-го производства, транспорта...)	пар, машина, материальное производство, железные дороги, пароходы / энергия	электроэнергия, конвейер, машиностроение, автомобильный транспорт / энергия животных, ручные орудия труда	атомная энергия, химические, биологические и т. п. производства, авиационный транспорт, освоение космоса / электроэнергия, сырьевое индустриальное производство
основное производственное звено и параметры обобществления производства	фабрика, масса однородных обособленных первичных звеньев индустриального производства / крестьянское хозяйство	комбинат, концентрация, специализация и кооперация производства в рамках ограниченного круга взаимозависимых крупных хозяйственных звеньев / крестьянское хозяйство, возникновение фабрик	научно-производственный комплекс, интеграция НИОКР и массового производства товаров и услуг / крестьянское хозяйство, фабрика
			диверсифицированные и сетевые производства, подвижность и гибкость производственных систем, особенно в сферах пост-материального (виртуального) производства / крестьянское хозяйство, фабрика, комбинаты

среднее значение МВП и ВВП на душу населения в странах «центра» / «периферии»	МВП около 10 \$ млрд. ВВП в странах центра около 10000 \$, в странах периферии около 1500 \$	МВП около 85\$ млрд. ВВП в странах центра около 40000\$, в странах периферии около < 10000\$
особенности отраслевой структуры экономики в странах «центра» / «периферии» (соотношение сельского хозяйства, промышленности и др. сфер материального производства и сферы услуг)	сфера услуг в «центре» – около 25%, промышленность – 60%, с/х – 15%; в странах периферии сфера услуг – 10%, промышленность – 40%, с/х – 50%	сфера услуг в «центре» – 40% промышленность – 50%, с/х – 10%; в странах периферии сфера услуг – 20%, промышленность – 50%, с/х – 30%
производственные отношения	рынок на основе свободной конкуренции, роль государства минимальна (до 10% ВВП) / натуральное хозяйство	рынок на основе монополистической конкуренции, роль государства значима преимущественно в сферах антимонопольного регулирования и ВПК (до 20% в мирный период) / натуральное хозяйство + развитие рынка
определяющий специфику этапа новый способ координации в странах «центра», «периферии», в том числе роль общества (государства) в создании и перераспределении ВВП	рынок на основе монополистической конкуренции, роль государства значима преимущественно в сферах антимонопольного регулирования и ВПК (до 20% в мирный период) / натуральное хозяйство + развитие рынка	Социально ограниченный регулируемый рынок на основе монополистической конкуренции, роль государства и гражданского общества в регулировании возрастает радикально (от 35 до 55% ВВП) / рынок с элементами монополистического контроля + натуральное хозяйство
		«Ренессанс» монополистической конкуренции, некоторое нелинейное снижение регулирующих функций государства и ГО (до 30–50% ВВП) / регулируемый рынок на основе монополистической конкуренции, развитие гос. регулирования (25–45% ВВП). Завершение формирования глобального тотального рынка и развитие рынка симулякров

¹ Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1. – С. 11.

² Там же.

³ Там же.

блоки экономической эволюции «позднего капитализма»				
системы	классический капитализм (конец XVII–XIX вв.)	империализм (конец XIX – первая половина XX в.)	социал-реформизм (50–70-е гг. XX в.)	
отношения капитала и наёмного работника в странах «центра» / «периферии»	«классический» индивидуальный капиталист – частный собственник фабрики – индивидуальный наёмный работник / позднее-феодалы и ранне-капиталистические формы принуждения крестьян с сохранением элементов личной зависимости	преимущественно акционерный капитал, имеющий форму синдиката или треста – индивидуальный наёмный работник, частично объединённый в профсоюзы / позднее-феодалы и раннекапиталистические формы принуждения крестьян с сохранением элементов личной зависимости	концерны и диверсифицированные корпорации – преимущественно объединённые в профсоюзы наёмные работники; отношения эксплуатации труда капиталом по широкому кругу параметров / раннекапиталистические формы принуждения крестьян и классические капиталистические формы эксплуатации наёмных рабочих	неoliberalизм (с 80-х гг. XX в.)
			Транснациональные корпорации как господствующая форма капитала, соединяющая эксплуатацию «человеческого» капитала с эксплуатацией наёмных рабочих, частично объединённых в профсоюзы и имеющих некоторые элементы социальной защиты / эксплуатацией наёмных рабочих, частично объединённых в профсоюзы и имеющих некоторые элементы социальной защиты. Всеобщее развитие глобальной гегемонии капитала и подчинение капиталу свободного времени, пространства развития человеческих качеств.	

система отношений распределения дохода и социальная дифференциация в мире в целом, в странах «центра» и «периферии»	«классические» капиталистические формы дохода: заработная плата, прибыль, рента; уровень дифференциации / преимущественно феодальная система распределения	формирование финансовой олигархии, получающей большую часть прибыли + перераспределение дохода, получаемого от эксплуатации стран «периферии» в пользу финансовой олигархии и, частично, «среднего класса» (мелкой буржуазии, нарождающегося слоя «профессионалов», в т. ч. менеджеров и инженеров в широком смысле) и части наёмных рабочих («рабочая аристократия»); уровень дифференциации / преимущественно феодальная система распределения	развитие системы частичного перераспределения прибыли в целях сокращения уровня социального неравенства, возникновения системы социальных трансфертов и распределения по нуждаемости; формирование «общества 2/3»; сокращение уровня дифференциации (коэффициент Джини – 25–30 ¹) / преимущественно ранее-капиталистическая система распределения со значимыми элементами позднего феодализма; социальное неравенство	усиление концентрации доходов в руках «номенклатуры глобального капитала»; частичное свёртывание системы перераспределения прибыли и социальных трансфертов; диффузия «общества 2/3»; возрастание уровня дифференциации (коэффициент Джини – 35–40 ²) / преимущественно классическая капиталистическая система распределения, дополняемая присвоением сверхвысоких доходов корпоративно-капиталистической номенклатурой
---	--	--	---	---

¹ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2172.html>

² Там же.

этапы эволюции «позднего капитализма»			
блоки экономической системы	классический капитализм (конец XVIII–XIX вв.)	империализм (конец XIX – первая половина XX в.)	социал-реформизм (50–70-е гг. XX в.)
качество воспроизводственного процесса в странах «центра» и «периферии»	экстенсивный и интенсифицированный экономический рост в рамках классического капиталистического цикла / медленный неравномерный экстенсивный рост в условиях качественного отставания от центра. Вывоз товаров в страны периферии	Интенсивный и экстенсивный экономический рост в условиях хронического перенакопления капитала, провоцирующего войны (вплоть до Первой мировой) и кризисы (вплоть до Великой депрессии) / медленный неравномерный экстенсивный рост в условиях качественного отставания от центра. Вывоз товаров в страны периферии	Преимущественно интенсивный экономический рост со значимыми элементами социально- и гуманитарно-ориентированного развития; существенное смягчение цикличности развития за счёт общественного регулирования, ведущего в силу своей последовательности и половинчатости в тулик стагнации / активный экстенсивный рост в ряде стран при сохранении качественного отставания от «центра»
структура мирового социально-экономического пространства	ограниченный анклав капиталистических экономик в рамках преимущественно добуржуазного мира, частично являющегося колониями капиталистических стран	абсолютное доминирование империалистического центра над активно капитализируемой и состоящей преимущественно из колоний периферией	Возвращение к доминированию капиталистического центра, развёртывание глобальной гегемонии корпоративного капитала, процессы рекolonизации и формирования проимперий; возникновение альтерглобалистских проектов и практик

Вернемся к поставленному в начале этого подраздела вопросу о том, каковы содержательные основания выделения этих этапов и, следовательно (авторы, напомним, «работают» в парадигме исследования генетически развивающейся системы), элементов структуры позднего капитализма. При этом мы будем искать (NB! Напомним!) не абстрактно-общие черты, а внутренние существенные основания. Такими *глубинными содержательными основаниями периодизации позднего капитализма являются закономерности «заката» экономической общественной формации*, что, впрочем, также требует доказательства, которое и будет дано (в меру наших возможностей) ниже.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА:
МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ПОДРЫВ ОСНОВ РЫНКА.
ИМПЕРИАЛИЗМ

Анализ этой стадии авторы хотели бы начать с напоминания о тех признаках империализма, которые были выделены в работах В. И. Ленина («Империализм, как высшая стадия капитализма», «Тетради по империализму» и др.)¹. Подчеркнем: авторы делают это не потому, что считают

¹ Напомним эти признаки:

1. концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;
2. слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого финансового капитала финансовой олигархии;
3. вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;
4. образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир;
5. закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Подытоживая свой анализ, В.И. Ленин пишет: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (*Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386–387*).

Сегодня мы можем сказать, что поздний капитализм, пройдя по спирали отрицания отрицания через этап социал-реформизма, вернулся в конце XX века, подойдя к *этапу неолиберальной глобализации* (ныне уже также переживающему пору «заката»). *На этом этапе получили свое мощное развитие (и вместе с тем претерпели определенную модификацию) все названные выше признаки*. Так, (1) решающая роль монополий в хозяйственной жизни развилась в гегемонию корпоративного капитала, (2) финансовый →

именно Ульянова ведущим теоретиком по данной проблеме, а потому, что он (и здесь мы готовы подписаться под старыми выводами советской политэкономии капитализма) едва ли не наиболее удачно продолжил метод «Капитала» применительно к исследованию относительно новой экономической реальности. Именно он, критически синтезируя разработки Гильфердинга, Гобсона, Каутского, Люксембург¹, сумел показать в историко-логическом контрапункте, в чем именно состоит частичное (еще не уничтожающее систему) отрицание системного качества капиталистического способа производства (а именно – «подрыв» товарного производства²). Именно он сумел на этой базе сделать ряд выводов об изменении природы собственно капитала (доминирование финансового капитала и т.п.) и вытекающих отсюда геоэкономических и геополитических, а также социально-политических последствиях (авторы нарочито используют современную лексику, «перезагружая» ленинские характеристики применительно к современному языку). О последних выводах Ульянова можно спорить (хотя серия социалистических революций и слом имперско-колониальной системы им были предсказаны вполне обоснованно; другое дело, что, как мы отметили выше, им был недооценен потенциал самореформирования позднего капитализма и возможная мера мутации будущего социализма). Но теоретико-эмпирическая обоснованность первых двух выводов (господство монополий, подрывающих, но не уничтожающих свободную конкуренцию и доминирование финансового капитала) не вызывает сомнений.

← капитал достиг такого уровня развития, когда объемы спекулятивных операций на порядок превышают объемы реального производства, отрываются, но при этом господствуют над ним, и (3) развился до глобального доминирования виртуального фиктивного капитала, (4) ТНК стали господствующей силой в мировой экономике (глобализация как взаимодействие глобальных игроков на полях национальных государств), которая (5) в целом стала глобально-капиталистической, пронизанной глубинным противоречием «Первого» и «Третьего» миров как внутренним противоречием позднего капитализма.

¹ См.: *Hobson J. Imperialism. A Study.* N.Y.: James Pott & Co., 1902; *Hilferding R. Das Finanzkapital. Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus.* Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1910 (Marx-Studien, vol. III); *Kautsky K. Der Imperialismus // Die Neue Zeit.* 1914. № 32, Vol. 2. P. 908–922; *Kautsky K. Imperialism and the War // International socialist review.* 1914. № 15; *Люксембург Р. Накопление капитала.* Т. 1 и 2. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931; *Воейков М.И. Роза Люксембург как политэконом и революционер // Альтернативы.* 2012. № 2.

² «...Развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам» (*Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 322*).

Итак, при взгляде в глубь явлений, характерных для первого этапа позднего капитализма, мы можем зафиксировать, что здесь (и в данном случае авторы учебников есоpomics и советских курсов политической экономии империализма будут, как ни странно, едины) происходит по меньшей мере значительное видоизменение механизмов свободной конкуренции, появляется «несовершенная» (язык есоpomics) или монополистическая (язык марксизма) конкуренция. В основе этого лежит видоизменение фундаментальных закономерностей, основ рынка – *независимость его агентов, не способных влиять на рыночные параметры* (цену, например), *подрывается* (естественно, лишь отчасти) *сознательным воздействием на них со стороны крупнейших капиталов и их союзов* (первоначально – картелей и трестов), получивших в марксизме имя «*монополий*» (авторы далее будут использовать *это* категориальное обозначение).

Если при этом уйти из области чистых абстракций (что типично для стандартных работ, лежащих в неоклассической парадигме), когда под монополией (олигополией) понимается ситуация, при которой компания (ряд компаний) полностью контролирует (контролируют) рынок, и взглянуть на реальное многообразие монополистических структур (от отраслевых конференций и полулегальных картелей до диверсифицированных финансово-промышленно-информационных групп и холдингов), то можно сделать вывод, что такие агенты способны частично сознательно видоизменять параметры рынка, более того, они способны *подрывать обособленность производителей и потребителей, делая их частично зависимыми от этих объединений*. Вполне закономерно, что это воздействие со стороны монополий на других контрагентов рынка капиталистическая система пытается ограничивать, для чего ей объективно приходится прибегать, опять же, к внерыночным, сознательным (а именно – антимонопольным) механизмам воздействия на рынок со стороны государства как института, не только представляющего интересы крупнейших монополистических капиталов, но и выполняющего функции поддержания стабильности системы в целом.

Тем самым, начиная с XX века, содержание и механизмы функционирования рынка свободной конкуренции (т.е. рынка, описываемого в первой главе и «Капитала», и первых главах любого учебника есоpomics) видоизменяются (мы бы вслед за Лениным сказали жестче – *подрываются*) вследствие развития *сознательного регулирования*. Это регулирование как со стороны монополий, что приводит к «несовершенству» конкуренции, так и со стороны субъектов антимонопольного регулирования, что позволяет удерживать это «несовершенство» в рамках, где *такая конкуренция остается все же конкуренцией*. Этот симбиоз монопольного давления и антимонополистического регулирования (вот они, *реальные переходные отношения*) приводит к тому, что *капиталистические отношения (и в том числе рынок) укрепляются через... видоизменение, развитие «в-себе» и «для-себя» пострыночных начал*.

Так, *первый этап эволюции позднего капитализма знаменуется появлением качественно нового слагаемого рыночной (капиталистической) экономики – промышленно-финансовых монополистических корпораций*, способных сознательно частично воздействовать на рынок, порождающих несовершенную конкуренцию, антимонопольное регулирование и многие другие переходные отношения, подрывающие исходные свойства рынка, но остающиеся в общем и целом в рамках капиталистической системы и укрепляющие ее. Заметим также, что на этом этапе происходит и *трансформация государства в некоторую «супер»- («сверх»-) корпорацию*, не только устанавливающую правила игры на рынке, но и превращающуюся в одного из активнейших игроков, в гигантский капитал, находящийся во всеобщей частной собственности.

Обратим внимание: сделанный ниже вывод основан на использовании положений не только марксизма¹, но и есоnотiс; более того, каждое из его слагаемых абсолютно не ново; относительно² нов лишь вывод.

Сравнение этого, сделанного и обоснованного до нас, вывода с основными посылками метода исследования диалектики «заката» экономических систем позволяет считать достаточно обоснованным следующий тезис: *первый этап эволюции позднего капитализма (монополистический капитализм или империализм) характеризуется подрывом исходного производственного отношения (качества) товарно-капиталистической экономической системы – товарного отношения*, основанного на обособленности производителей в условиях общественного разделения труда (в частности, подрывом *свободной конкуренции*).

Позволим себе в этой связи важное методологическое замечание: сказанное позволяет предположить (но пока не доказать), что вообще *основные этапы «заката» капитализма будут и далее корреспондировать с шагами в направлении видоизменения (подрыва) его основ, системообразующих производственных отношений – денег как универсального средства развития этой системы, отношения капитала и наемного труда и т.п.*

Собственно *монополистический капитал*, следовательно, так и может быть определен – как капитал такой концентрации, которая позволяет ему сознательно, целенаправленно, планомерно воздействовать (в определенных пределах, естественно) на товарные отношения, в част-

¹ Этот первый шаг подрыва системных основ капитала – его исходного пункта, товарного производства – был изучен и отражен в работах марксистов конца XIX – начала XX в., когда Ф. Энгельс, Р. Гильфердинг, Роза Люксембург, а в наиболее ясном виде – В. Ленин показали: прогресс и противоречия капитала (прежде всего обобществление производства) привели к формированию финансово-промышленных монополий. Появление последних и означает, что товарное отношение еще царит, но уже подорвано.

² Подробнее об этом в уже упоминавшихся в I томе, работах Н. Цаголова, Н. Хессина, В. Куликова, С. Янченко и др. авторов, исследовавших эти переходные отношения в 1960–1970-е годы.

ности, рынок и такие его параметры, как цены и качество товаров, объемы и порядок продаж и покупок и т.п.

Основой этой власти монополистического капитала становится развитие позднеиндустриального материального производства. В западных общественных науках принято, характеризуя этот этап, делать акцент на фордизме и тейлоризме, т.е. особых технологиях на микроуровне¹. Эти параметры, безусловно, принципиально значимы. Более того, они должны быть дополнены характеристиками других принципиальных изменений в качестве средств производства и рабочей силы. Для первых становится характерен революционный переход от эпохи пара, железных дорог и фабрик к эпохе электричества, автомобиля, конвейерного производства и комбинатов. Для второго – сведение типичного рабочего к придатку конвейера при одновременном радикальном повышении роли и масштабов участия в общественном производстве технической интеллигенции (инженеров и управляющих производством).

На наш взгляд, не менее плодотворным является акцент на изменениях в макротехнологии, ведущих к таким изменениям в производственных отношениях, которые фиксируются в понятии *обобществление*². Оно наполнено в марксизме богатым смыслом, далеко не сводимым к концентрации, специализации и кооперированию производства. Развертывание процессов обобществления приводит к формированию такой *национальной экономико-технологической макросистемы, в которой ключевую роль играет позднеиндустриальное материальное производство, основные параметры которого определяются высоко обобществленным*

¹ См.: *Тейлор Ф.У.* Научная организация труда. М., 1925; *Он же.* Принципы научного менеджмента. М., 1991; *Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989; *Он же.* Сегодня и завтра. М., 1992; *Ганнт Г.Л.* Организация труда. Размышления американского инженера об экономических последствиях мировой войны. М., 1923.

² «...Научный социализм опирается на факт обобществления производства капитализмом» (*Ленин В.И.* Еще одно уничтожение социализма // *Ленин В.И.* Полн.собр. соч. Т. 25. С. 51); «Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке, и в Германии американским “Керосиновым трестом”); – тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое “переплетение”...» (*Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полн.собр. соч. Т. 27. С. 425). См. также: *Грималюк В.А.* Социалистическое обобществление труда. М.: Экономика, 1972.

ядром – ограниченным кругом крупнейших производств, связанных устойчивыми отношениями производственно-экономической кооперации. Это положение было характерно, конечно же, не для всей макроэкономической системы развитых стран первой половины XX века, но таким тогда было ядро экономики, определявшее основные отличительные особенности того этапа. Именно здесь концентрировались крупнейшие капиталы, и именно для этого ядра был характерен подрыв обособленности производителей, т.е. собственной основы товарного отношения и всей капиталистической системы.

Более того, с марксистской историко-философской и политэкономической точки зрения *монополистический капитал и есть способ приспособления капиталистического строя к прогрессу позднеиндустриальных технологий, обобществления*. Это ответ капитала на вызов такого прогресса, причем ответ, идущий по единственно возможному пути – подрыва товарного отношения (свободной конкуренции) как своего исходного качества.

Этот шаг приспособления капитала к обобществлению оказывается глубоко противоречив, порождая **империализм** как геэкономическое и геополитическое бытие монополистического капитала и свойственные для него глобальные катаклизмы – от колониализма до мировой войны.

Для понимания противоречий последнего мы должны подняться в нашем исследовании на более высокий уровень и взглянуть на процесс эволюции общественной экономической формации в целом. Собственно, именно в этот период человечество впервые сталкивается с ограниченностью механизмов «царства необходимости»: интернациональное обобществление производства требует сознательного регулирования, иначе (при сохранении монополистически-капиталистической формы) возникает глобальная (способная породить и порождающая мировые войны) угроза обществу со стороны... его собственной господствующей силы – государственно-монополистического капитала.

Несколько забегаая вперед, отметим, что эта необходимость была вполне логично выражена в теории «ультраимпериализма», где была показана возможная превратная¹ форма интернационального сознательного регулирования². Ленинская критика этой теории (межимпериалистические противоречия раньше приведут к революциям и распаду интегративных тенденций)³ вполне подтвердилась: на пути к интеграции

¹ Как мы отметили в I томе, мы предпочитаем переводить слово *verwandelte*, которое употребляется в «Капитале» К. Маркса, как «превратные», а не «превращенные» (формы). Подробнее об авторской трактовке проблемы превратных форм см. в I томе нашей книги.

² *Kautsky K. Der Imperialismus // Die Neue Zeit. 1914. № 32. Vol. 2. P. 908–922; Kautsky K. Imperialism and the War // International socialist review. 1914. № 15.*

³ «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения →

империалистических держав мир прошел через торжество и распад «Мировой социалистической системы», две мировые и десятки локальных войн, лишь в XXI веке подыдя к вызовам новой «протоимперии».

Но об этом в самом конце нашей работы. А сейчас промежуточный вывод: *противоречия общественной экономической формации (в частности, рост обобществления) в начале XX века приводят к тому, что общество оказывается способно и в некотором смысле вынуждено (к этому его толкают противоречия империализма) разрушать самое себя в глобальном масштабе.* Мировая война становится важнейшим механизмом такого саморазрушения.

Неслучайно именно в этот момент возникает и первая устойчивая попытка создать новое общество – социалистические революции, победившие в России и породившие, позднее, качественно отличную от капитализма общественную систему, которая называла себя социалистической. Но это тема других работ.

Итак, Первая мировая война, социалистические революции, начавшиеся в 1917 г., и Великая депрессия показали, что монополистический капитал сам по себе может привести к краху капиталистической системы, продемонстрировав очевидную ограниченность первого шага приспособления капитала к новым условиям.

Каким же стал следующий этап?

Вторая стадия позднего капитализма:
КАПИТАЛ В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ОГРАНИЧЕНИЯ
СТИХИЙНЫХ РЫНОЧНЫХ [САМО]РЕГУЛЯТОРОВ.
СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМ, БИПОЛЯРНЫЙ МИР
И ДЕ[РЕ]КОЛОНИЗАЦИЯ

Взглянем для начала на исследуемый нами период (30-х – 70-х гг. XX века) лишь через призму всеми признанных фактов, оставив на время в стороне такой важнейший феномен, как появление «Мировой социалистической системы» (МСС).

Выше мы, опираясь на достаточно общеизвестные выводы, показали, что выделенные выше пять центральных десятилетий XX столетия прошли

← предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, – отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., – что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» (Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 98).

под знаком поиска новых, дополняющих и в чем-то отрицающих рынок и капитал, средств регулирования социально-экономической жизни. Этот поиск был сугубо противоречив: антикапиталистические (как реформаторские, так и революционные) силы стремились максимально социализировать экономику, капитал противостоял этому, где-то (фашизм) прибегая к крайним методам диктатуры, где-то (социал-демократические страны Западной Европы) идя на частичные уступки. В последнем случае эти, обретенные в борьбе, новые отношения охватили весьма широкое социально-экономическое пространство. Капитал приспособился к системе новых, переходных к посткапиталистическим, отношений, подчинив и их в итоге своему господству, и обрел систему оптимальных средств регулирования. Они были оптимальны с точки зрения важнейшего для капитала критерия – сохранения и развития капиталистической системы, да еще и в условиях борьбы с тогда мощной социалистической антитезой не только вне, но и *внутри* капиталистического мира; они распространялись на различные сферы: научно-технического прогресса (программы развития образования, фундаментальной науки, стратегических структурных сдвигов – таких, как космические программы), социальной жизни (системы частичного перераспределения прибыли, социальные трансферты), экологических процессов и т.п.; они были достаточно эффективны (вспомним, сколь активно развивались США после принятия «Нового курса», страны Западной Европы в период после Второй мировой войны); они в конечном счете зашли в тупик...

О последнем – ниже. Сейчас же зафиксируем, что при всем разнообразии этих средств¹ все они имеют единое конкретно-всеобщее (т.е. фиксирующее содержательное, глубинное, построенное по принципу диалектического взаимоотрицания-взаимодополнения, а не внешнего сходства) содержание. Кратко оно может быть охарактеризовано так: *ключевые параметры жизнедеятельности фирмы (что, как, при каких затратах и по каким правилам производить и т.п.), общества (цели, критерии и средства прогресса) и человека (образование, здравоохранение, источники дохода, занятость, ценности и цели жизни) в ряде развитых стран стали определяться не только рынком, но и (отчасти) экономическими, социальными, экологическими нормами, относительно демократичное формирование которых осуществлялось на базе завоеванной трудящимся большинством членов общества возможности воздействовать (через профсоюзы и НПО, левые парламентские партии и т.п.) на социально-экономические и политические процессы.*

¹ Как мы уже заметили, «эксперименты» Запада породили очень широкий спектр моделей – от германского фашизма до шведской социал-демократии. Относительно устойчивым «сухим остатком», сохраняющимся в основных чертах и сейчас, стала система «социального рыночного хозяйства», которую мы и возьмем за основу для исследования в данном подразделе.

Существенно, что это были нормы и правила, не только обеспечивающие жизнедеятельность рынка и капитала (их государство всегда устанавливает и защищает при капитализме), но и частично их (1) *ограничивающие*, а также (2) *замещающие*. Чтобы убедиться в правоте этого утверждения, достаточно вспомнить, что они включают стандарты качества и безопасности, экологические нормативы, социальные пособия, нормативное финансирование науки, образования, здравоохранения и т.п. Еще более важно то, что они регулируют правила *бесплатного* для граждан доступа к широкому кругу общественных благ в жизненно важных отраслях экономики (в первую очередь – креатосферы): образованию, здравоохранению, социальному обеспечению и т.п.

Здесь, тем самым, формируются новые блоки переходных к пострыночным отношений:

- *производство* общественных благ отчасти вне товарно-капиталистических отношений (нерыночными субъектами, *пострыночными* методами и исходя из *внерыночных* целей) в уже упомянутых сферах: образование, здравоохранение и др.;

- *нерыночное, безвозмездное распределение* значительной части благ, причем не только неограниченных (как, например, в сфере образования), но и ограниченных (социально гарантированный минимум, пособия по безработице и др. трансферты);

- формирование и «включение» в сферу экономики широкого спектра отчасти *пострыночных целей, ценностей, стимулов и принципов взаимодействия* как на уровне общества в целом, так и отдельных индивидов; один из примеров этого – отношения солидарности, играющие, наряду с конкуренцией, в рамках социал-реформистской модели важную роль в названных выше сферах производства, распределения и потребления общественных благ;

- превращение общества как *целого* (в лице его представителей – государства и институтов гражданского общества: НПО, органов местного самоуправления и т.п.) в *субъекта отчасти нерыночных социально-экономических отношений*; формирование общенародного социально-экономического интереса как одного из важных детерминантов принятия экономических решений на микро- и макроуровне¹; наиболее значимый пример таких отношений – макроэкономическое регулирование производства, обмена, социальных процессов *ассоциациями граждан*,

¹ Как мы отметили в I томе нашей книги, формирование такого рода отношений было отмечено еще в рамках советской политической экономии социализма (см., например: Курс политической экономии. В 2-х т. Т. II. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд 3-е. М.: Экономика, 1974. С. 120–121). Позиция авторов по этому вопросу отражена в рецензии на книгу Р.С. Гринберга «Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора» (М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012). См.: Бузгалин А.В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности // Альтернативы. 2013. № 1. С. 28–48.

институтами парламентской демократии и т.п. через государство либо государством от имени общества¹.

Сказанное позволяет сделать вывод, что на социал-реформистском этапе эволюции позднего капитализма возникает **социально регулируемый общественный капитал** как реальный конкретно-всеобщий феномен, знаменующий основную черту второго этапа эволюции позднего капитализма и второе важнейшее слагаемое его содержания.

Здесь важно сразу же подчеркнуть: социальное регулирование *капитала* есть *contradictio in adjectio*: капитал по своей природе нерегулируем сознательно, это обособленный экономический агент, что фиксирует частная собственность на капитал. Тем не менее такое регулирование и ограничение возникает как переходное отношение, *подрыв* собственной природы капитала, и иначе капитал эпохи научно-технического и социального прогресса середины XX века существовать не мог.

Теоретики и практики социального рыночного хозяйства и «шведской модели»², равно как и марксисты, исследовавшие государственно-монополистический капитализм³, показали, *что* именно и *как* именно определяется в таких экономиках нерыночным путем (с 1960-х годов это вошло во все учебники – что *economics*'ы, что советские работы по политэкономии империализма).

Если мы теперь вспомним о нашей методологической гипотезе, то приведенные выше общеизвестные и эмпирически достоверные соображения станут достаточно весомым обоснованием следующего вывода: *на втором этапе эволюции позднего капитализма не только деньги, но и, отчасти, сознательно устанавливаемые непосредственно-общественные нормы стали определять параметры и меру развития социально-экономической жизни, а также ценности, цели и мотивы индивидов.*

¹ Неоклассическая экономическая теория, как мы уже отмечали в I томе, обозначила все это (плюс наследие предыдущего этапа) как провалы рынка, что само по себе знаменательно. Но это характеристика отрицательная, а потому малосодержательная. Важнее понять, *какова природа* (а не только механизмы, некоторые из которых описываются *economics*) этих *нерыночных* отношений регулирования.

² Достаточно указать на общеизвестные работы Л. Эрхарда (см., например: Эрхард Л. Благополучие для всех: Пер. с нем. М.: Начала-пресс, 1991), а также книги: Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. М.: ИВФ АНТАЛ, 1996; Эклунд К. Эффективная экономика. Шведская модель. М., 1991; и мн. др.

³ В советских работах по политической экономии государственно-монополистического капитализма (т.н. ГМК) эти процессы также нашли свое весьма широкое и глубокое отображение; особо хотелось бы обратить внимание на трактовку этих феноменов как переходных форм, включающих сознательное регулирование экономики капитализма, характерную для университетской школы, о чем мы уже писали в предыдущем томе с отсылкой к «Курсу политической экономии» – Под ред. Н.А. Цаголова.

Наследуя (в снятом виде) достижения и противоречия монополистического капитала (первой стадии своего «заката»), поздний капитализм середины века рождает новый блок переходных отношений, становящийся (в большей или меньшей мере) неотъемлемым слагаемым *позднего капитализма* – **отношения частично ассоциированного (на привычном языке можно было бы сказать – демократического социального) нормативного общенационального регулирования экономики.**

Его субъекты хорошо известны – «социальное демократическое государство» (мы это понятие неслучайно взяли в кавычки: в своей основе это государство остается политической формой власти капитала) как *ограничитель и регулятор рынка, капитала и других параметров общественной жизни, вкуче с различными формами добровольного ассоциирования трудящихся, граждан* (прежде всего профессиональные союзы, но также органы местного самоуправления, женские, экологические, творческие союзы, НПО и многое другое).

Соответственно, сам этот этап может быть содержательно охарактеризован как период подрыва власти денег (универсального средства развития рыночного мира и меры ценности, снятых на данном этапе своего развития в форме финансового капитала) и развития переходных отношений, соединяющих товарно-денежные и ассоциированные, нормативные механизмы регулирования.

Эти изменения были вызваны к жизни *глубинными процессами, характеризующими «закат» экономической общественной формации* и рыночной капиталистической системы. Эмпирически они описываются как мощные *технологические сдвиги, связанные с научно-технической революцией* и как мощные *социальные сдвиги, связанные с прогрессом «Мировой социалистической системы» и других сил, называвших себя антиимпериалистическими.*

Кроме того, важнейшим фактором победы социал-реформизма стало возникновение и в итоге поражение различного рода диктаторских форм частичной социализации капитала.

Здесь следует сделать важный акцент: эта попытка капитала найти ответ на вызовы объективно востребованной социализации экономики и в реакционных формах *псевдоассоциирования*¹ была неслучайна. Национал-социалистические, фашистские, милитаристские диктатуры по многим параметрам (включая потенциал уничтожения антикапиталистических сил) были более адекватны задачам сохранения и укрепления гегемонии

¹ Заметим: альтернативность реальной истории, когда поиск путей ограничения стихийных рыночных [само]регуляторов пошел (в рамках капиталистической системы – о МСС мы здесь не пишем) по двум траекториям – демократической социальной и фашистской, свидетельствует о правомерности выдвинутой нами в I томе гипотезы о мультиценарности эволюции систем на этапе их «заката».

корпоративного капитала, нежели социал-реформизм. Неслучайно поэтому установление таких диктатур на много лет (а кое-где и десятилетий) во многих метрополиях позднего капитализма (Италия, Германия, Испания, Португалия, Япония), странах Восточной Европы и Латинской Америки. Эта попытка решить проблему социальных альтернатив на путях диктатуры крупного капитала и лавочника вызвали чудовищное политическое и идеологическое мракобесие, геноцид народов СССР и других стран, евреев, цыган... Она спровоцировала Вторую мировую войну и появление оружия массового уничтожения, впервые примененного одной образцово «цивилизованной» капиталистической страной (США) для уничтожения двух городов и сотен тысяч мирных жителей другой, с точки зрения либерализма, несколько менее «цивилизованной» (Японии) в 1945 году.

Для нас, однако, важен не только более чем обоснованный пафос негации этих диктатур как человеконенавистнических, но и политико-экономическая квалификация их как регрессивной формы реакции корпоративного капитала на необходимость государственного регулирования экономики, частичного ограничения социального неравенства и преодоления пределов перенакопления капитала. Для решения всех этих проблем диктаторские режимы закономерно выбрали наиболее адекватный для реакционной модели реформирования частного капитала путь милитаризма и внешней экспансии, характерный и для «классического» капитализма, и особенно для империализма. Государственные военные заказы как простейший и выгоднейший для капитала способ его государственного регулирования, принудительные милитаристские (а потому подконтрольные капиталу и государству) формы социализации рабочих, военная экспансия вовне как способ снятия внутренних пределов накопления и повышения доходов «рядовых» граждан не за счет сокращения доходов корпораций, возвышение роли «среднего класса» (в данном случае – составившего опору фашизма и получившего доступ к верховной власти «лавочника»), искусственная канализация классовых противоречий в борьбу с «расово-неполноценными народами» (славянами и евреями, китайцами и цыганами...) – все это политэкономические квалификации фашизма, национал-социализма и т.п. как реакционных, более того, душегубских в буквальном смысле слова форм социализации¹.

Однако и с социально-экономической, и с политико-гуманистической точки зрения эти модели были тупиковы и столь античеловечны, что разгром их цитаделей (именно так – разгром, а не просто поражение) в итоге Второй мировой войны был абсолютно закономерен, хотя и дался человечеству чудовищной ценой. Причина этого на социофилософском языке заключается в том, что кроме логики и интересов капитала наш мир творит и альтернативная сила – социальное творчество антикапиталистических

¹ См.: *Галкин А.А. Размышления о фашизме // Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998.*

сил. Да, в XX веке оно имело крайне противоречивые, в том числе мутантные формы, о чем мы уже упоминали не раз в наших предыдущих работах¹, но фашизм в итоге победили именно они: народы СССР и антифашистские силы Европы, Америки, Азии. Более того, эта форма, в силу своей исторической тупиковости, характерной любой попытке решать внутренние противоречия за счет внешней экспансии, оказалась в конечном счете стратегически неадекватна и интересам корпоративного капитала. Компромисс с антикапиталистическими силами оказался более адекватен и вызовам научно-технической революции, и задачам снятия угрозы социалистической альтернативы.

Итак, названные выше противоречия и появление новых вызовов капитализму в лице научно-технической революции, а также социальных достижений «реального социализма» (в рамках которого противоречия оказались также замешаны чудовищно густо – но об этом в других работах) и других антиимпериалистических сил заставили капитал сделать описанный выше *второй шаг* по пути подрыва своих основ.

При этом формирование социального рыночного хозяйства и социал-демократических систем стало формой *прогрессивного* направления развития переходных отношений внутри позднего капитализма, вызвав к жизни ряд важных ростков будущего (от демократических систем социальной защиты до партисипативного управления), показав, чего могут (и чего *не* могут) добиться в рамках капитализма трудящиеся, объединенные в мощные профсоюзы; граждане, создавшие общенациональные экологические и потребительские движения; выдающиеся деятели культуры (Пикассо, Сартр, Эйнштейн), возвышающие свой голос в защиту мира и социальной справедливости...

При этом, естественно, поздний капитализм лишь *частично* видоизменился, оставшись по сути антагонистическим способом производства, сохраняющим не только свои основы (отношения эксплуатации наемного труда), но и все основные черты империализма, включая власть монополий и милитаризм (достаточно вспомнить уничтожение в концлагерях десятков тысяч греческих коммунистов «цивилизованными» британцами, сотен тысяч алжирцев – «мирными» французами, миллионов вьетнамцев – «демократическими» США, чтобы понять это).

Существенно и другое: исходное качество социал-реформистской модели состоит в том, что она по определению обременена пределом незавершенности. Мера социализации рынка и капитала даже в рамках

¹ См., например: СССР: незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 26–35 (глава 2); Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2011; *Бенсаид Д.* Большевизм и сталинизм: судьба революции в XX веке // Альтернативы. 2011. № 1.

относительно-прогрессивной социал-реформистской модели ограничена ключевым параметром: сохранением экономической природы и политической власти корпоративного капитала. Отсюда конечная стратегическая тупиковость и бесперспективность и этой (а не только реакционных – фашистской и т.п.) модели. Так, государственное регулирование может развиваться только в той мере, в какой оно не замещает свободную конкуренцию как господствующий механизм аллокации ресурсов, мера перераспределения прибыли не может превысить величины, делающей ее главным мотивом жизнедеятельности капитала и т.п. Как говорит знаменитый анекдот, цель переходящего дорогу социал-демократа состоит в том, чтобы остановиться, дойдя до разделительной полосы...

Другим внутренним барьером, непреодолимым для социал-реформистской модели, является продолжение ее главного достоинства – системы отношений сознательного формирования норм и правил, регулирующих наряду с рынком систему социально-экономических отношений и создающих «коридоры», в рамках которых осуществляется товарно-капиталистическая активность. Тем самым товарный фетишизм рынка в рамках этой модели дополняется фетишизацией правовых норм и институтов. В результате все названные выше параметры – (1) институциональный фетишизм вкупе со (2) стратегической тупиковостью и (3) сохраняющимся товарно-денежным фетишизмом – обуславливают то, что *социал-реформистская модель в итоге оказывается обречена на застой* (он отчасти сходен с застоем СССР 1970-х¹) и то, что мы бы назвали *экзистенциальной политэкономической скукой*.

Последнее отнюдь не строгое теоретическое определение описывает реальные процессы, вызвавшие стагнацию ряда западноевропейских экономик в 1970-е годы, когда возникла ситуация принципиальной непреодолимости построенных самим же социал-реформизмом социально-экономических и институциональных «заборов» (пределов развития модели). Дальнейшее количественное наращивание социализации неизбежно оказывается беременно угрозой качественного, революционного изменения основ капиталистической системы, а на это капитал пойти не может. Эта ситуация тупика крайне односторонне и частично отражена в неолиберальной критике социал-реформизма. Самое смешное при этом состоит в том, что эта критика правомерна: социал-реформизм действительно подрывает капиталистические рыночные стимулы, но она справедлива как реакционная критика, требующая выхода из тупика

¹ Подробное исследование феномена «застоя» представляющими Постсоветскую школу критического марксизма и близкие к ней позиции исследователями предпринято в 3-х книгах под ред. Л.А. Булавки: СССР. «Застой». М.: Культурная революция, 2009; «Застой». Дисконтенты СССР. М.: ТЕИС, Культурная революция, 2010; «Застой». Потенциал СССР накануне распада. М.: Культурная революция, 2011.

исключительно «задним ходом», за счет снижения меры социализации и, тем самым, восстановления тех противоречий, которые вызвали к жизни социал-реформизм в середине XX века.

Этот сюжет станет основой наших рассуждений в конце данной прелюдии. Пока же подытожим характеристики второго этапа эволюции позднего капитализма.

С политико-экономической точки зрения обе его траектории (фашизм и социал-реформизм) стали формами подрыва власти денег (их бытием, характерным для XX века был, намеренно повторим, финансовый капитал) как единственной всеобщей меры ценностей и средства общественной связи при капитализме (напомним: первый шаг на пути «заката» капитализма – монополистический капитал – стал формой подрыва обособленности производителей как основы товарного отношения). И если в рамках социал-реформистской модели подрыв власти денег пошел по пути развития ассоциаций граждан – пусть частичных, переходных, подчиненных власти капитала, но реализующих задачи более или менее демократического по форме регулирования своей экономической и иной социальной жизни, то фашизм означал открытое развитие диктаторских псевдоассоциаций, корпоративных союзов – от тоталитарно организованных профсоюзов и партий до концлагерей.

В социальном пространстве, в отличие от первого шага подрыва власти капитала, который привел к углублению колониализма и формированию империализма в собственном смысле этого слова, второй шаг (развитие демократических социальных государств) характеризовался постепенным разрушением колониализма (*деколонизацией*) и формированием основ политически несколько более мягких (но экономически едва ли не более мощных) форм социально-экономического подчинения «Третьего» мира – *неоколониализма*.

Возникновение и упрочение *«Мировой социалистической системы»* неслучайно совпало по времени со вторым периодом в развитии позднего капитализма, когда социальное регулирование и ограничение товарно-денежных регуляторов стало знаменем времени.

Оба феномена были вызваны к жизни едиными основаниями, а именно: новыми процессами подрыва собственных основ «царства необходимости», связанными с мощной волной социального и научно-технического прогресса, особенно усилившейся в середине XX века (при этом МСС была также пронизана влияниями позднего капитализма, как и капиталистическая система – влияниями МСС; неслучайно с конца 1950-х годов и на Западе, и в СССР начался период социально-гуманитарной «оттепели», сменившей сталинщину «у нас» и «холодную войну» с ее охотой на ведьм «у них»). Этими же причинами в конечном счете был вызван и распад колониального мира. В результате поздний капитализм вступил (авторы в данном случае рассматривают *геоэкономический и*

геополитический аспект) в период **биполярного развития и де[ре]колонизации**¹.

При этом биполярность стала отражением не только сосуществования двух систем (напомним: мы отнюдь не считаем МСС адекватным воплощением новых социально-экономических отношений, приходящих на смену гегемонии капитала), но и *двойственности мирового хозяйства. Противоречие укрепившихся ростков ассоциированного социального регулирования и видоизменяющейся вследствие этого (реформистской) модели гегемонии капитала пронизывало социально-экономическую жизнь на всех ее уровнях* – от отдельного человека или фирмы до каждого государства, любого звена мирового хозяйства (включая МСС и «Третий» мир).

Но этот **«золотой век» позднего капитализма**, ознаменовавшийся *относительным* научно-техническим и социальным прогрессом², **породил мощные противоречия, связанные как с собственными проблемами капитала, так и с их метаосновой – глобальными противоречиями, порождаемыми кризисом «царства необходимости».**

Развертывание научно-технического прогресса и попытки социального ограничения и регулирования капитала, нацеленные на создание «государства всеобщего благосостояния» (welfare state) и «общества потребления», максимизация вещного, утилитарного потребления для 2/3 «золотого миллиарда» вкупе с волной борьбы народов «Третьего» мира за равноправие в мировом сообществе, – все это очень быстро натолкнулось на жесткие ограничения двоякого рода.

Во-первых, со стороны властвующих капиталистических монополистических структур. Это были ограничения как государства, так и, главным образом, транснациональных и национальных корпоративных союзов капитала, который может делиться своей властью лишь в определенных границах. Эти границы качественно определяются как *такая мера перераспределения власти от капиталистических корпораций к ассоциациям граждан, которая не угрожает гегемонии первых.*

Во-вторых, со стороны «пределов роста» общественной экономической формации в целом: человечество «вдруг» обнаружило мощные ресурсные (прежде всего экологические, но также бюджетные и т.п.) ограничения

¹ Для этого периода (в отличие от предшествовавшего ему империализма или развертывающейся позднее глобализации) нет устоявшегося имени, что обусловило использование авторами выделенных выше двух не слишком удачных имен для его обозначения.

² Не будем при этом забывать о внутренних противоречиях и борьбе против антиколониальных сил этих социал-реформистских структур и, главное, о чудовищных потерях, вызванных вторым вполне законным сыном капитала середины XX века – фашизмом, победу над которым одержал в первую очередь, кстати, не социал-демократический капитализм, а СССР (впрочем, и последний А. Бугалин квалифицировал как мутацию социализма, не забывая о жертвах сталинизма и многом ином).

своего вещно-утилитарного прогресса. Находящееся на стадии завершения своей эволюции «царство экономической необходимости» жестко поставило предел: научно-технический прогресс, нацеленный на рост утилитарного потребления, и социальная благотворительность, осуществляемые под эгидой транснационального капитала и служащих его целям государств (1) ведут к необратимым экологическим последствиям; (2) невозможны *в этом виде* для всего мира (глобальное противоречие «Первого» и «Третьего» миров) и (3) столь мощно подрывают собственные основы капитала (частное предпринимательство, конкуренцию капиталов и порождаемые ею угрозы разорения, безработицы и т.п.), что ведут к стагнации и кризису даже в развитых странах.

Эти пределы оказались тем значимее, что вызванный «социальным» капиталом середины века джинн НТП с его бурным ростом образования, медицины, науки (с одной стороны) и прогресс превратных форм капитала, с их акцентом на финансовых спекуляциях, ВПК и т.п. (с другой стороны) в конце 1970-х гг. вплотную подвели к генезису информационного общества, на вызов которого капитал должен был найти адекватный ответ.

Третий этап позднего капитализма:
виртуальный фиктивный капитал как подрыв
капиталистического производства. Глобализация

Этот ответ был найден в конце XX века, когда капитал сделал *третий шаг* на пути подрыва своих основ: своего рода «отрицание отрицания» империализма в последние десятилетия XX века привело по спирали к возрождению в новом качестве сверхвласти транснациональных корпораций, скрытой за видимостью «восстановления» свободы предпринимательства, частной собственности, рыночных начал и «свободной конкуренции» в рамках *неолиберализма – эпохи нового мирового [бес]порядка* (выше мы употребили для обозначения этого этапа два общепринятых – в среде правых и левых соответственно – имени; это не более чем имена, не научные понятия; готового общепринятого научного понятия, характеризующего сущность нынешнего этапа, пока не выработано; что касается понятия «глобализация», то о нем, как уже говорилось, позже).

Характеризуя этот этап с *логической* точки зрения, можно сформулировать исходную посылку для последующего анализа: *корпоративный капитал неолиберального периода позднего капитализма* вбирает в себя все, что было «наработано» предшествующим приспособлением капиталистической системы к изменяющимся условиям мирового сообщества XX века.

Он, во-первых, является транснациональным монополистическим финансовым капиталом, сращенным с государством, наследуя достижения (в деле укрепления своей власти, гегемонии) империализма.

Он, во-вторых, «снял», приспособив к укреплению своего господства, достижения социал-демократии и некоторые механизмы фашизма (от милитаризма до политико-идеологического манипулирования), «очистив» от элементов социализма первые и несколько облагородив вторые. Так, на место переходных, частичных форм ассоциированности 1950–1960-х годов ныне идут закрытые корпоративные структуры. Это, прежде всего, ТНК. Но корпоративными принципами ныне все больше оказываются пронизаны и другие структуры: от профсоюзов и многих других негосударственных организаций (NGO) до национальных государств.

Если же посмотреть на *эмпирически* наблюдаемые и практически общепризнанные процессы, которые ознаменовали этот этап, то можно зафиксировать следующее.

На уровне технологических процессов – бурный прогресс информационных технологий.

В социально-экономической сфере – ренессанс рыночных начал и отступление от практики (и идеологии) социал-реформизма, приведшие к росту социального неравенства даже в развитых странах¹, «восстанавливая в правах» характерную еще для классического капитализма тенденцию относительного обнищания пролетариата. Все это не могло не привести к росту социальной напряженности и обострению разнообразных социальных столкновений (укажем хотя бы на массовое развитие новых социальных движений и ненасильственных массовых действий в арабских странах и Европе 2010–2014 гг. – периода написания этих строк).

¹ Рост социального неравенства, начавшийся еще в 1980-е годы, отмечается многими исследователями, показывающими это, как правило, на примере США – страны с наиболее ярко выраженной неолиберальной моделью. Так, за период 1970–1990 гг. (достаточно нерепрезентативный, так как он захватывает четыре года, предшествующих кризисной точке) доходы низшей квинтили выросли менее чем на 3, а следующей – всего на 7% (см.: *Samuelson R.J. The Good Life and Its Discontents. The American Dream in the Age of Entitlement 1945–1995. N.Y., 1997. P. 71.*). При этом данные за период с 1974 по 1994 г., наиболее подходящие для цели нашего анализа с хронологической точки зрения, показывают, что реальные доходы низших 20% населения устойчиво снижались, следующих двух квинтилей – сохранялись приблизительно на прежнем уровне, тогда как у высших 20% граждан они росли со средним темпом около 1 процента в год (см.: *Krugman P. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.)L., 1998*); данная динамика кардинально отлична от ситуации, складывавшейся в предшествующий период. Таким образом, последние два десятилетия трудно назвать удачными для большинства работников, имеющих лишь среднюю квалификацию. Даже оживление экономики в начале 90-х годов не смогло изменить ситуации, в которой «со времени первого вступления президента Никсона в должность реальная заработная плата среднего американского рабочего после вычета налогов не увеличивалась» (*Ibid. P. 2.*).

Едва ли не самым значительным с точки зрения эволюции собственно капитала стали эмпирически наблюдаемые и выделяемые практически всеми специалистами процессы *гигантского* (многократно опережающего развитие производства) *перенакопления виртуального* (вследствие развития информационных технологий), *фиктивного* (в марксистском смысле) *финансового капитала* и его отрыва от собственно материального производства (эта тенденция, акцентированная многими учеными и в том числе авторами этой книги еще в начале 2000-х, наиболее явно проявила себя в период Мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.).

Здесь на эмпирическом уровне фиксируется, что, оторвавшись от материального производства, современный капитал приобрел способность многократно увеличивать свои объемы и власть за счет... неких виртуальных процессов в финансовой сфере. Какова природа и основа этих процессов, нам предстоит ответить ниже.

Пока же ограничимся тремя ремарками.

Во-первых, обратим внимание на то, что мы эмпирически зафиксировали возникновение в конце XX века широчайше распространенного процесса, напоминающего возвращение по спирали к предыстории капитализма, – ростовщическому и купеческому капиталу (транзакции и финансовые рынки характеризуются «созданием» стоимости без производства материальных благ, и в этом они подобны «допотопному» ростовщическому капиталу эпохи его первоначального накопления: «старый что малый»¹. Напомним: эта «предыстория» капитала логически была отображена в «Капитале» во II отделе I тома, где К. Маркс рассуждает о всеобщей формуле капитала и ее противоречиях: «...Мы пока совершенно не будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т.е. торгового капитала и ростовщического капитала»². «Подрыв» собственно капиталистической основы –

¹ Эта параллель первоначального накопления капитала прошлых веков и нынешнего неолиберального капитализма отмечается и выдающимся политическим географом Дэвидом Харви, считающим, что логика современного капитализма не слишком отличается от прежней логики; изменились лишь методы – если раньше для «первоначального накопления капитала» требовались власть и сила, то сегодня финансовые рынки сами дают в руки капиталистов то, что они силой отбирали в прошлом. Накопление капитала все более оказывается процессом накопления через изъятие (иногда на русский язык это переводится как отчуждение). Эти положения развиваются в первую очередь в исследованиях Д. Харви (см.: *Harvey D. The New Imperialism*. Oxford, 2003. P. 144. Содержательная рецензия на эту книгу написана В.Л. Иноземцевым; см.: *Иноземцев В.Л.* Книгочей. Библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М.: Ладомир, 2005. С. 251–259).

² *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 174.

самовозрастания стоимости – в условиях господства современного виртуального фиктивного финансового капитала происходит в форме движения к чисто спекулятивным (по видимости) основам прибыли, с сущностной природой которых нам предстоит разбираться ниже.

Во-вторых, прогресс *такого* капитала неслучайно совпадает с развертыванием (если говорить о геоэкономике и геополитике) процесса *глобализации*. При этом подавляющее большинство исследователей, принадлежащих к разным школам, согласно, что и гигантское развитие виртуального финансового капитала, и глобализация взаимосвязаны с развитием разного рода сетей и информационных технологий.

В-третьих, выглядит достаточно убедительным и утверждение о том, что названные выше процессы взаимосвязаны и с кризисом, а затем распадом «Мировой социалистической системы» (взаимосвязь последнего процесса с радикальными технологическими сдвигами последнего десятилетия – двух тоже сама бросается в глаза и многократно отмечалась и марксистами, и либералами).

Но это лишь одна сторона медали – лишь один аспект современно-го этапа «заката» капитализма. Вторая сторона этой медали – вызванные все более широким распространением креативной деятельности (основы генезиса «общества знаний») процессы видоизменения отношений капитала и наемного труда. Креативный работник все более характеризуется параметрами, которые подрывают самые основы его подчинения капиталу. Главное здесь – принципиальная неотчуждаемость рабочей силы такого работника. Этот работник не может продать свою способность к труду, не продавая своих личностных качеств, ибо творческий потенциал человека и есть его Личность. Так возникает проблема т.н. «человеческого» и «социального» капиталов как превратных форм новых механизмов подчинения труда капиталу и новых форм создания прибавочной стоимости (прибыли).

Такова вторая сторона медали современного господства капитала. Но со всем этим мы будем разбираться ниже.

Сейчас же завершим наши вводные ремарки констатацией: в рамках этого (обозначим его как этап **глобальной гегемонии корпоративного капитала**) этапа подрыва собственных основ капитала и находится сегодня человечество, и именно к его характеристике мы переходим ниже, завершая пунктирную характеристику доведенной до нынешнего этапа «предыстории» тотальной гегемонии корпоративного капитала, складывающейся в мире к началу XXI века.

Прежде чем начать изложение результатов этой исследовательской работы авторов, мы хотели бы предложить читателю попытку синтезировать многократно звучавшие по всем этим поводам соображения, соединив их в некое подобие двухмерной матрицы (см. таблицу 2), где три ключевых этапа «заката» капитализма соотнесены с тремя ключевыми блоками структуры базовых характеристик (в Логике Гегеля им

соответствуют блоки «качество», «количество», [«мера»], «сущность»¹) капитализма – товар, деньги, капитал – и тремя базовыми параметрами подрыва капитализма (подрыв свободной конкуренции, всеобщности денег и подчинения труда капиталу). Эта таблица будет кратким суммированием и одновременно теоретико-методологическим развитием матрицы, предложенной в начале этой Прелюдии.

таблица 2 **Логика/история эволюции капитала и его самоотрицания («заката» капиталистического способа производства и общественной экономической формации)**

параметры анализа	историко-логические «блоки» эволюции капитала		
	<i>исторически:</i> первый этап «заката» / <i>логически:</i> подрыв товарного производства и свободной конкуренции	<i>исторически:</i> второй этап «заката»/ <i>логически:</i> подрыв власти денег как всеобщей меры богатства и универсального средства обращения	<i>исторически:</i> третий этап «заката» / <i>логически:</i> подрыв сущности капитала
1	2	3	4
этап эволюции («заката») позднего капитализма	господство монополистического капитала, империализм	Социальная демократия. Биполярный мир, деколонизация / неоколониализм	глобальная гегемония корпоративного капитала («неолиберализм», «глобализация»)
этапы эволюции материально-технической базы капитализма (прогресса технологий и «заката» общественно-экономической формации)	позднеиндустриальное производство, народно-хозяйственное обобществление производства, «фордизм»	научно-техническая революция, аэрокосмические, атомные и т.п. технологии; генезис глобальных проблем	развитие информационных и иных глобальных технологий и генезис «общества знаний»; обострение глобальных проблем

¹ В нашем анализе мы существенно огрубляем и Логике «Капитала», и «Науку Логике» Гегеля, абстрагируясь от важнейшей проблемы – превращения денег в капитал (у Гегеля этому переходу, на наш взгляд, соответствует категория «мера»). Причина этого абстрагирования – опасение чрезмерного усложнения данного раздела, и без того (как мы опасаемся) малопонятного для подавляющего большинства современных читателей, не имевших возможности и/или желания тщательно изучить Логике Гегеля и «Капитал».

1	2	3	4
объект подрыва на этапе самоотрицания капитала	подрыв обособленности производителей и свободной конкуренции	подрыв механизмов стихийного саморегулирования социальных процессов и власти денег (рынка)	подрыв механизмов самовозрастания стоимости и производства прибавочной стоимости
содержание подрыва (ростки посткапиталистических отношений vs. вызываемые ими новые формы капиталистического отчуждения)	локальное сознательное воздействие на ряд параметров рынка со стороны экономических агентов (монополий) и гос. регулирование vs. монополистическое манипулирование	частичное общественное (государственное) регулирование и «социализация» экономики vs. фашизация	развитие элементов формального и реального освобождения труда vs. подчинение человека как личности, эксплуатация творческой деятельности

И последняя принципиально важная ремарка, завершающая нашу первую Прелюдию. Акцентированная в первом томе книги методология диалектического единства исторического и логического очень интересно и содержательно «работает» и в случае синтеза *исторически* существовавших черт основных этапов подрыва собственных основ капитализма с теоретической характеристикой *логической структуры* современного, новейшего на данный момент этапа эволюции капитала – этапа его глобальной гегемонии. **Логическая структура этой гегемонии оказывается ничем иным, как «снятой» историей эволюции позднего капитализма, его «заката».**

Так, первый этап – подрыв свободной конкуренции – снимается (по логике отрицания отрицания) в современных формах рыночного тоталитаризма. Второй этап – ограничение всеобщей регулирующей власти денег – снимается (по той же логике отрицания отрицания) в процессах финансиализации и виртуализации фиктивного капитала. Ну а третий – нынешний – этап «задает» логический блок, характеризующий подрыв «классических» форм и развитие современных форм подчинения труда капиталу. Так методолого-теоретически *выводится*, а не постулируется структура следующего раздела (схематически она представлена в таблице 3, в которой мы добавили еще одну – последнюю – строку, характеризующую *логическую структуру современных отношений гегемонии корпоративного капитала*).

таблица 3 Этапы эволюции позднего капитализма и логическая структура современной глобальной гегемонии корпоративного капитала

параметры анализа	историко-логические «блоки» эволюции капитала		
	первый этап «заката» (исторически) – подрыв товарного производства и свободной конкуренции (логически)	второй этап «заката» (исторически) – подрыв власти денег как всеобщей меры богатства и универсального средства обращения (логически)	третий этап «заката» (исторически) – подрыв сущности капитала (логически)
этап эволюции («заката») позднего капитализма	господство монополистического капитала, империализм	Социальная демократия. Биполярный мир и неоколониализм	глобальная гегемония корпоративного капитала («неолиберализм», «глобализация»)
этапы эволюции материально-технич. базы капитализма (прогресса технологий и «заката» общественно-экономической формации)	поздне-индустриальное производство, народно-хозяйственное обобществление производства, «фордизм»	Всемирная научно-техническая революция, аэрокосмические, атомные и т.п. технологии; генезис глобальных проблем	Развитие информационных и иных глобальных технологий и генезис «общества знаний»; обострение глобальных проблем
объект подрыва на этапе самоотрицания капитала	подрыв обособленности производителей и свободной конкуренции	Подрыв механизмов стихийного саморегулирования социальных процессов и власти денег (рынка)	Подрыв механизмов самовозрастания стоимости и производства прибавочной стоимости
содержание подрыва (ростки посткапиталистических отношений vs. вызываемые ими новые формы капиталистического отчуждения)	локальное сознательное воздействие на ряд параметров рынка со стороны экономических агентов (монополий) и государственное регулирование vs. монополистическое манипулирование	частичное общественное (государственное) регулирование и «социализация» экономики vs. фашизация	Развитие элементов формального и реального освобождения труда vs. подчинение Человека как личности, эксплуатация творческой деятельности
параметры современного этапа (системы отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала)	<i>тоталитарный рынок сетей и симулякров</i>	<i>виртуальный фиктивный капитал</i>	<i>подчинение Человека как личности, эксплуатация творческой деятельности</i>

Итак, представленные выше рассуждения позволяют нам построить описание системы отношений тотальной гегемонии капитала как снятие господствующим ныне корпоративным капиталом всей предшествующей системы отношений капитализма.

При таком подходе исходным пунктом возникающей на пороге XXI века тотальной гегемонии капитала становится новая природа отношений товарного производства и обмена. Вот почему первый отдел I тома *«Капитала» XXI века* можно назвать «Товар и деньги. Инволюция».

Но на пути к раскрытию содержания товара, денег и капитала современного глобального мира стоит еще одна проблема, требующая предварительного прояснения: генезис качественно новой метареальности, которую мы назвали *креатосферой* и которая лежит, по образному выражению К. Маркса (уже не раз цитировавшемуся в предыдущем томе), «по ту сторону собственно материального производства», являя собой предпосылку «заката» «царства необходимости» и рождения «царства свободы».

глава 2 Закат «царства необходимости» как контекст: некоторые эмпирические свидетельства и методология исследования

Исследования второй половины XX века (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс и мн. др.) постиндустриальных тенденций и других свидетельств как будто бы рождавшегося все более ускоряющимися темпами нового качества экономики и общества, ставшие тогда чуть ли не всеобщей модой, не принесли тех результатов, которых от них ожидали. По едва ли не всеобщему мнению, их авторы явно преувеличили потенциал возможного продвижения капитализма по пути, который называли сначала постиндустриальным, потом – информационным и т.п. Мировой экономический и финансовый кризис и последовавшая за ним стагнация сделали актуальными казалось бы совсем другие вопросы, среди которых не последнее место заняли проблемы реиндустриализации. Постиндустриальный тренд все более стал ассоциироваться с процессами финансиализации, нарастания посредничества, непроизводительной растраты общественных ресурсов и т.п.

Но и в этих условиях мы вновь подчеркиваем: стратегический прогноз о нелинейном, но неуклонном прогрессе производительности труда и сокращении рабочего времени, о продвижении к миру, где главная деятельность лежит «по ту сторону материального производства» – *этот* научно обоснованный прогноз Маркса (прежде всего именно Маркса, а отнюдь не вторичных в данном контексте авторов второй половины XX века) остается актуальным.

Прежде всего потому, что в мире действительно происходят качественные изменения в содержании труда, его средствах и результатах, в структуре общественного производства и т.п. Другое дело, что капитал, как и предвидели марксистские критики постиндустриализма, в том числе и авторы этой книги, не мог и не смог обеспечить линейный поступательный прогресс этих тенденций, используя достижения научно-технического прогресса для экспансии преимущественно транзакционных сфер, создающих фиктивные и/или симулятивные блага. Именно эта реверсия и стала основой в принципе неслучайной критики капиталистического постиндустриализма.

Тем важнее отделить зерна от плевел и исследовать существенные процессы генезиса нового мира, лежащего «по ту сторону материального производства»¹, абстрагировав их из мира превратных форм современного глобального капиталистического мира.

¹ Намеренно повторим в качестве примечания некоторые особенности касающегося данной проблемной области марксистского понятийного аппарата, →

«ПО ТУ СТОРОНУ СОБСТВЕННО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА»: НЕКОТОРЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРОЦЕССА И ПОДХОДЫ К ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Несмотря на то, что в последние годы критика постиндустриализма доминирует над его апологией, эмпирические черты, характеризующие рождение нового качества общественной жизни, в принципе хорошо известны не только западному, но и отечественному читателю благодаря многочисленным источникам (они частично упомянуты в I томе и будут систематизированы ниже). Поскольку они содержат (кроме всего прочего) большой эмпирический материал, авторам довольно легко решить поставленную выше задачу: мы всего лишь систематизируем достаточно известные факты определенным (каким именно – об этом ниже) образом, и предложим их интерпретацию, отослав читателя за более детальной информацией к соответствующим работам.

В основу систематизации эмпирического материала будет положено историко-логическое развертывание новых черт производства, экономической и общественной жизни, характерных для конца XX – начала XXI века.

Пожалуй, первой из них следует назвать ныне забытую *научно-техническую революцию* – один из наиболее важных объектов исследования в мировой социальной литературе (включая и советскую). Последнее отнюдь не было всего лишь данью моде. Большая часть технологий *материального производства*, определяющих лицо современной эпохи (включая, как несложно предположить, первые десятилетия XXI века) было создано именно в период НТР. В данном случае нет смысла апел-

← кратко раскрытого в I томе. В категориальном поле работ Маркса, Энгельса и их последователей в развитии человечества можно выделить не только отдельные способы производства, но и большие эпохи, в которых господствуют или отсутствуют отношения отчуждения: «царство необходимости» и «царство свободы». Первое включает в себя период, на протяжении которого общественное производство развито относительно слабо и человечество находится в определяющей зависимости от природных факторов; в этом мире преимущественно господствует естественная необходимость. На смену этой системе идет экономическая общественная формация, где уровень развития производства достаточно высок для того, чтобы определяющей жизнь человека стала не столько природа, сколько та или иная система социально-экономического отчуждения. В любом случае базой «царства необходимости» остается материальное производство, в котором человек подчинен общественному разделению труда и той или иной форме средств производства (например, машине, конвейеру), труд остается преимущественно репродуктивным, а рабочее время доминирует над свободным (соответствующие положения К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей, как уже было сказано, были приведены в предыдущем томе книги).

лизовать к статистическим данным. Достаточно лишь назвать эти технологии и принципы организации производства.

В базовых отраслях это прежде всего (1) становление «нефтяной цивилизации» и поиск путей ее трансформации в «постнефтяную», (2) превращение электричества в универсальный источник энергии и (3) создание масштабных энергосистем (в бывшей «Мировой социалистической системе» – в международном масштабе; напомним, у нас существовала уникальная, до сей поры не имеющая аналогов, единая энергосистема «Мир»).

В промышленности – переход от фордизма к (4) так называемому «тойотизму» и иным формам «постконвейерной» организации труда при существенных структурных сдвигах, связанных, в частности, с (5) массовым развитием новых отраслей – химии органического синтеза, микробиологической промышленности, а в последнее десятилетие – генной инженерии и ряда других новых технологий (в качестве краткого отступления заметим: *сдвиги в материальном производстве остаются не только исторической основой, но и ключевым – особенно для экономик «Третьего» мира – сдвигом и современности, а не только 1950–1960-х годов*).

В инфраструктуре – окончательное торжество (6) «автомобильной цивилизации» и (7) реактивного авиатранспорта (параметры, жестко связанные с использованием именно нефти как основного энергоносителя). В результате в материальном производстве, включая прежде всего электротехнику и автотранспорт, авиатранспорт, нефть, химию и даже пищевую промышленность и связанные с ней услуги («фаст-фуд»), сложились и развиваются (не без потрясений и противоречий, конечно) гигантские высокообщественные транснациональные корпорации, объемы продаж которых близки по объемам к ВВП средней страны, например России.

Добавим к этому, с одной стороны, необходимость как минимум (8) всеобщего среднего образования при высокой (до 20–30%) доле работников с высшим и средним специальным образованием и (9) с высокой продолжительностью жизни для обеспечения функционирования производительных сил, а с другой – (10) превращение науки в непосредственную производительную силу, и мы получим важнейшую *тенденцию развития массовой творческой деятельности* (педагогической, инженерной, научной и т. п.).

Эти сдвиги ныне принято не замечать, между тем *именно здесь (в эпоху НТР) наметилась основная граница, указывающая на генезис материальных предпосылок перехода «по ту сторону собственно материального производства»* (этот тезис будет обосновываться ниже путем апелляции к тезису о массовом развитии творческой деятельности как основе остальных качественных изменений в обществе). *Именно в этот момент* (неслучайно совпавший с массовым развитием новых

левых интеллектуальных и политических течений на Севере, победами антиколониальных движений на Юге, «оттепелью» в СССР) у человечества появился шанс движения к новому качеству производительных сил – обществу массовой общедоступной творческой деятельности, создающей прежде всего мир культуры, креатосферы. Его образ, опять же неслучайно, был отображен в научно-художественном творчестве «шестидесятников» в нашей стране, и прежде всего (пусть и в несколько наивной форме) их кумиров – И. Ефремова и братьев Стругацких¹.

Однако власть глобального капитала оказалась достаточно мощной, чтобы переломить эту тенденцию, и, начиная с 1970-х гг., мир постепенно перешел на иную траекторию развития производительных сил.

*Доминирующим стал путь формирования материальных основ глобальной гегемонии капитала. Последний ускоренно формировал и воспроизводил во все более глобализующемся мире прежде всего те **производительные силы**², которые обеспечивали тотальную власть единого актора: транснациональных корпораций, срощенных с финансовым капиталом и государственными машинами протомперий.*

Этим структурам были объективно нужны такие производительные силы, которые бы:

- постепенно высвобождали их от сырьевой зависимости от «Третьего» мира;
- позволяли монополизировать ключевые технологии, определяющие развитие мировых процессов, делая их недоступными для третьих лиц;
- обеспечивали стабильность существования и относительно высокий уровень благосостояния для большинства граждан стран «золотого миллиарда», обеспечивая относительную стабильность в метрополиях ТНК;
- гарантировали возможность стабильного роста прибыли в условиях почти полного исчерпания экстенсивных источников такого роста;
- создавали предпосылки для опережающего развития сфер, обеспечивающих преодоление перенакопления капитала в материальном производстве, т.е. материально-техническую сферу прогресса финансовых и иных трансакций и экспансию производства симулякров.

Процесс формирования таких производительных сил происходил и происходит преимущественно объективно и стихийно, как и вообще

¹ Стругацкие А.Н. и Б.Н. Страна багровых туч. М.: Детгиз, 1959; Они же. Стажеры. М.: Детгиз, 1962; Они же. Возвращение (Полдень, 22-й век). М.: Детгиз, 1963 (1-й вариант); Они же. Далекая Радуга: Фантаст. повести. М.: Молодая гвардия, 1964; Они же. Полдень, XXII век (Возвращение). М.: Детская литература, 1967 (окончательная редакция); Ефремов И.А. Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1958.

² Ниже мы специально поставим проблему деформирующего воздействия производственных отношений (особенного характерного для стадии «заката» способа производства) на развитие производительных сил.

развитие производительных сил в мире отчуждения. Предпосылкой этого процесса и воспроизводимым результатом нового тренда развития производительных сил, отвечающего на названный выше «заказ» со стороны глоболизирующегося капитала, стала *вторая* (и, кстати, тоже часто игнорируемая большинством теоретиков постиндустриального и т.п. общества) подвижка в развитии материальной базы позднего капитализма – *возникновение и превращение в фундаментальный фактор мирового развития глобальных проблем (угроз)*.

Одной из первых таких проблем (мы пока следуем за фактами, пытаясь провести лишь их первичную систематизацию) стало *развертывание в глобальных масштабах оружия массового уничтожения*. Этот процесс происходил под влиянием, с одной стороны, названных технологических сдвигов, с другой – противоречий «холодной войны».

Он обусловил огромное перераспределение материальных и финансовых ресурсов, сдвиги в макротехнологии (доля ВПК и связанных с ним производств в большинстве развитых стран составляет от 10 до 20 % реального сектора, причем это, как правило, наиболее передовые в технологическом и экономическом отношении производства) и, главное, совершенно иную конфигурацию геоэкономических и геополитических процессов. *Формирование однополюсного мира*, «центр» которого обладает почти абсолютной монополией на оружие массового уничтожения, создало важные предпосылки для выполнения одного из названных выше «заказов» глобального капитала на развитие производительных (в данном случае точнее было бы сказать – «разрушительных») сил.

Оборотной стороной этого (хотя, конечно, и не только этого – в III части мы еще вернемся к теоретическому выведению и более строгой систематизации глобальных проблем) процесса стало обострение *экологических и демографических проблем*. Оставаясь в данном подразделе на эмпирическом уровне всего лишь констатации определенных феноменов (они отображены в приводимой ниже таблице 4), ограничимся пока лишь описанием названных выше глобальных угроз природе, обществу и Человеку, а также намеренно повторим, что эти угрозы являются важнейшей подвижкой в развитии материальной базы общественного развития последних десятилетий.

К числу наиболее жестких глобальных проблем традиционно относят **бедность**. Подчеркнем: бедность и обнищание были типичным явлением на протяжении всей капиталистической эпохи, однако как глобальная проблема бедность была осознана относительно недавно – в середине XX века. Последнее неслучайно: примерно в это время человечество, с одной стороны, осознало себя как целое, с другой – уровень мировой производительности труда стал достаточен для того, чтобы бедность была преодолена в общепланетарном масштабе, с третьей – альтернативные социалистические проекты в этот период акцентировали эту задачу как одну из своих практических миссий.

таблица 4 Изменение окружающей среды и ожидаемые тенденции до 2030 г¹.

характеристика	тенденция 1972–1992 гг.	сценарий 2030 г.
сокращение площади естественных экосистем	сокращение со скоростью 0,5–1,0% в год на суше; к началу 90-х гг. их сохранилось около 40%	сохранение тенденции, приближение к почти полной ликвидации на суше
потребление первичной биологической продукции	рост потребления: 40% на суше, 25% глобальный (оценка 1985 г.)	рост потребления: 80–85% на суше, 50–60% – глобальный
изменение концентрации парниковых газов в атмосфере	рост концентрации парниковых газов от десятых процентов до первых процентов ежегодно	рост концентрации, ускорение роста концентрации CO ₂ и CH ₄ за счет ускорения разрушения биоты
сокращение площади лесов, особенно тропических	сокращение со скоростью от 117 (1980 г.) до 180 ± 20 тыс. км ² (1989 г.) в год; лесовосстановление отнесется к сведению как 1:10	сохранение тенденции, сокращение площади лесов в тропиках с 18 (1990 г.) до 9–11 млн км ² , сокращение площади лесов умеренного пояса
опустынивание	расширение площади пустынь (60 тыс. км ² в год), рост техногенного опустынивания, токсичных пустынь	сохранение тенденции, возможен рост темпов за счет уменьшения влагооборота на суше и накопления поллютантов в почвах
деградация земель	рост эрозии (24 млрд т ежегодно), снижение плодородия, накопление загрязнителей, закисление, засоление	сохранение тенденции, рост эрозии и загрязнения, сокращение сельскохозяйственных земель на душу населения
повышение уровня океана	подъем уровня океана на 1–2 мм в год	сохранение тенденции, ускорение подъема уровня до 3,2 мм в год
стихийные бедствия, техногенные аварии	рост числа на 5–7%, рост ущерба на 5–10%, рост количества жертв на 6–12% в год	сохранение и усиление тенденций
исчезновение биологических видов	быстрое исчезновение биологических видов	усиление тенденции по мере разрушения биосферы

¹ Источник: Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. Приведенные данные относятся к самому концу прошлого столетия. К сожалению, первое десятилетие нового века только подтвердило правомерность выделения этих трендов.

качественное истощение вод суши	рост объемов сточных вод, точечных и площадных источников загрязнения, числа поллютантов и их концентрации	сохранение и нарастание тенденций
накопление поллютантов в средах и организмах, миграция в трофических цепочках	рост массы и числа поллютантов, накопленных в средах и организмах, рост радиоактивности среды, «химические бомбы»	сохранение тенденций и возможное их усиление
ухудшение качества жизни, рост числа заболеваний, связанных с загрязнением окружающей среды, в том числе генетических, появление новых болезней	рост бедности, нехватка продовольствия, высокая детская смертность, высокий уровень заболеваемости, необеспеченность чистой питьевой водой в развивающихся странах; рост числа генетических заболеваний, высокий уровень аварийности, рост потребления лекарств, рост аллергических заболеваний в развитых странах; пандемия СПИДа в мире, понижение иммунного статуса	сохранение тенденций, рост нехватки продовольствия, рост числа заболеваний, связанных с экологическими нарушениями, в том числе генетических, расширение территории инфекционных заболеваний, появление новых болезней

Тем самым проблема бедности со второй половины XX века имеет своим Alter Ego проблему **глобального неравенства**.

Первая из этих проблем остается актуальной для относительно уменьшающейся части населения. Впрочем, это происходит главным образом за счет феномена продолжительного ускоренного развития Китая и некоторых других стран, стоящих особняком в мировой хозяйственной системе. *Количество же беднейших жителей Земли (менее 1,25 \$ в день), за исключением жителей Китая, остается практически неизменным – более 1 млрд человек, а абсолютное количество живущих на всего лишь 2 \$ в день выросло с конца XX в. к началу нынешнего века на полмиллиарда (см. таблицы 5 и 6).*

таблица 5 Люди, живущие на менее чем 1,25 \$ в день

группа стран	1981	1984	1987	1990	1993	1996	1999	2002	2005
мир (млн чел.)	1900	1814	1723	1818	1799	1658	1698	1601	1374
Китай (млн чел.)	835	720	586	683	633	443	447	363	208
мир, за исключением Китая (млн чел.)	1065	1094	1137	1135	1166	1215	1251	1238	1166

Источник: расчеты авторов на основании: Poverty data: a supplement to World Development indicators 2008 (доступ к электронной версии по ссылке: <http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/WDIo8supplement1216.pdf>).

таблица 6 Люди, живущие на менее чем 2 \$ в день

группа стран	1981	1984	1987	1990	1993	1996	1999	2002	2005
мир (млн чел.)	2542	2625	2646	2765	2828	2803	2875	2795	2564
Китай (млн чел.)	972	963	907	961	926	792	770	655	474
мир, за исключением Китая (млн чел.)	1570	1662	1739	1840	1902	2011	2105	2140	2090

Источник: расчеты авторов на основании: Poverty data: a supplement to World Development indicators 2008 (доступ к электронной версии по ссылке: <http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/WDIo8supplement1216.pdf>).

Вторая проблема – социальное неравенство – также не снимается с повестки дня (см. таблицу 7).

таблица 7 Социальное неравенство в некоторых странах мира

страна	коэффициент Джини ¹		соотношение доходов богатейших 10% населения и беднейших 10% населения, раз ²	соотношение доходов богатейших 20% населения и беднейших 20% населения, раз ²
1	2	3	4	5
США	40,8 (1997)	45,0 (2008)	15,7 (2000)	8,5 (2000)
Швеция	25,0 (1992)	23,0 (2005)	6,2 (2000)	4,0 (2000)
Китай	35,7 (1996)	47,8 (2012)	11,0 (1999) 17,6 (2009)	7,2 (1999) 10,0 (2009)
Индия	30,8 (1994)	33,9 (2010)	7,8 (2010)	5,0 (2010)
Германия	30,0 (1994)	27,0 (2006)	6,9 (2000)	4,3 (2000)
Россия	46,3 (1994)	41,7 (2011)	12,8 (2002) 11,3 (2009)	7,6 (2002) 7,2 (2009)

¹ По данным Distribution Of Family Income – Gini Index (The Central Intelligence Agency). Доступ по ссылке: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2172.html>.

² Рассчитано авторами по: World Development Indicators, 2008 (доступ по ссылке: <http://data.worldbank.org/sites/default/files/wdio8.pdf>) и по: World Bank Poverty and Inequality Database (доступ по ссылке: <http://databank.worldbank.org>)

1	2	3	4	5
Япония	24,9 (1993)	37,6 (2008)	4,5 (1993)	3,4 (1993)
Нигерия	50,6 (1997)	43,7 (2003)	17,5 (2003)	9,8 (2003)
Бразилия	60,8 (1993)	51,9 (2012)	79,0 (1999) 53,6 (2009)	29,0 (1999) 20,2 (2009)

Как видно из таблицы 7, на протяжении последних десятилетия-двух динамика неравенства сильно зависела от социально-экономической политики, проводившейся в тех или иных странах. В США – стране с и без того одним из самых высоких среди развитых стран уровнем социальной дифференциации – она росла, а в Швеции – стране с одним из самых низких среди развитых стран уровнем социальной дифференциации – она сокращалась. Сокращалась она и в Бразилии, где государство на протяжении последнего времени пытается проводить близкий к социал-демократическому курс и, напротив, растет в Китае, где власти все шире используют либеральные компоненты экономической политики¹...

Обобщая приведенные данные, мы можем сделать вывод, широко известный в мировой литературе – вывод о крайне неравномерном распределении богатства и бедности в мире, где 20% богатейшего населения получает более 80% доходов, а 20% беднейшего – менее 2%. Но эти обобщенные данные, однако, не столько раскрывают, сколько скрывают действительный уровень дифференциации, который еще глубже. Одной из наиболее впечатляющих цифр здесь является концентрация богатства в руках богатейших институтов и даже индивидов. Период экспансии неолиберализма ознаменовался резким ростом этой поляризации. В настоящее время прирост состояния 200 богатейших людей мира (более 300 млрд долл.) сопоставим с годовым доходом почти миллиарда беднейших граждан Земли, получающих доход в среднем около 300 долл. в год (еще более впечатляющая информация содержится в таблице 8).

таблица 8 Состояние богатейших 200 жителей Земли

состояние топ-200 Forbes (2012)	изменение состояния за год (2012)
2572 млрд долл.	+ 305 млрд долл.

¹ Подробнее о проблемах социальной справедливости, неравенства и распределения доходов в мире в целом и в отдельных странах (Бразилии, Китае, Индии, Германии, ЕС, России и др.), а также о проблемах взаимосвязей между экономическим ростом и неравенством см.: Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М: Культурная революция, 2014.

Источник: Расчеты авторов на основе: Miller M. G. and Newcomb P. The World's 200 Richest People. Доступ по ссылке: <http://www.bloomberg.com/news/2012-11-01/the-world-s-200-richest-people.html>

Таковы лишь некоторые иллюстрации и очень краткая фактология некоторых глобальных проблем вообще и проблемы бедности и неравенства в особенности. Однако для нашего анализа остается принципиально значимым и, хотя бы краткое, описание некоторых иных принципиально значимых сдвигов в структуре социума, произошедших на рубеже веков и эмпирически легко наблюдаемых.

Третьей подвижкой в развитии материальной базы мирового сообщества (подчеркнем: мы здесь и ниже ведем речь о сдвигах в макротехнологии глобального человечества, а не только развитых стран) стало существенное изменение в структуре общественного производства. Рост производительности труда и появление новых технологий (названных позднее многими авторами постиндустриальными), вызванных к жизни НТР (а позднее – развитием информационных технологий) привело к ныне общеизвестному структурному сдвигу: **превращению сферы услуг в доминирующую**, при сокращении доли индустрии и материального производства вообще в развитых странах, происходящему на фоне переноса традиционного (особенно трудоемкого и экологически грязного индустриального) производства в страны «Третьего» мира.

Этот процесс был очень подробно, но при этом несколько односторонне, отоброжен в западной литературе, где к тому же часто отождествлялись доминирование сферы услуг и переход к постиндустриальным технологиям.

Между тем этот сдвиг, произошедший в третьей четверти XX века, был и остается крайне противоречивым, о чем свидетельствуют данные, приводимые в многочисленных зарубежных источниках¹.

Кратко прокомментируем эти проблемы, оставаясь пока по-прежнему на уровне первоначальной систематизации эмпирического материала.

Во-первых, «общество услуг» является правилом главным образом для стран «Первого» мира (где сектор услуг занимает, как правило, около 75% занятых). В бедных странах доминирующим сектором является индустрия (более 40%), в беднейших – сельское хозяйство (до 80% за-

¹ Масса данных на эти темы обобщена в регулярно выходивших в большом количестве на протяжении 1970–2000-х годов зарубежных и отечественных работ по проблемам общества услуг, информационного общества, общества знаний и т.п. (их авторский обзор и систематизация были нами даны в уже упоминавшихся книгах «Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе» – (Под ред. А.И. Колганова. М.: ТЕИС, 1998) и «Экономика знаний и инноваций: перспективы России» – (Под ред. А.В. Бугалина. М.: ТЕИС, 2007). Ниже нами будет дана сокращенная и обновленная версия этой систематизации. Существенно иные варианты обобщения работ по названной тематике представлены в также упоминавшихся монографиях О. Антипиной, В. Иноземцева, М. Павлова и других русскоязычных авторов.

нятых). При этом следует учесть, что в последнее время, как мы уже писали, и в экономиках «Первого» мира начинается постепенная переориентация на реиндустриализацию.

Однако в целом, во-вторых, господствующими тенденциями остаются, с одной стороны, то, что наиболее быстрорастущими и наиболее важными для прогресса экономики все более становятся технологии, основанные на использовании новаторского потенциала человека (отчасти этот процесс отображается термином «знаниеинтенсивные технологии»), а с другой – прогресс сфер, производящих преимущественно симулятивные блага и услуги (об этом – чуть ниже).

В-третьих, сфера услуг (если рассматривать, прежде всего, проблему изменения содержания труда, качественных сдвигов в технологиях) даже в странах «золотого миллиарда» крайне неоднородна, включает значительную долю ручного и достаточно примитивного индустриального труда.

Здесь господствует низкоквалифицированный труд, мало меняющий свое содержание оттого, что, например, кассир пользуется компьютеризированным кассовым аппаратом, оставляющим на долю человека примитивнейшие функции: поднести продукт к одному считывающему устройству, пластиковую карточку покупателя – к другому и нажать несколько клавиш с картинками.

Следовательно, *главным является не столько сдвиг в соотношении промышленности и сферы услуг, сколько иные изменения в материальной базе социальных процессов.* Какие именно изменения здесь происходят – этому будет посвящена основная часть нижеследующих размышлений.

Наконец, как мы отметили, при общем росте доли сферы услуг, в ее отраслевой структуре также происходят существенные изменения. Это прежде всего проходивший вплоть до Мирового финансового кризиса опережающими темпами рост таких отраслей, как финансы, корпоративное и государственное управление, услуги адвокатов и других структур, обслуживающих транзакции. Все эти сферы образуют занимающий доминирующее положение в экономиках развитых стран превратный или, говоря проще и жестче, бесполезный сектор – сектор, в котором создаются феномены, бесполезные или вредные с точки зрения задач развития человеческих качеств, культуры, технологий, решения глобальных проблем.

Итак, мы можем сформулировать следующий тезис: *для капитала конца XX – начала XXI века становится характерен именно тот сдвиг в материальной базе общественной жизни, который и был им (среди прочего) «казан»: доминирующими в экономике становятся сферы, где капитал прямо занят производством самого себя (денег) из самого себя (из денег) и обслуживанием этих процессов (управление, защита и спецификация прав собственности и т.п.).* При этом современные технологические сдвиги отчасти позволяют делать это, не прибегая к «излишнему» процессу производства материальных и культурных благ, ранее, как правило, лежавшему в основе производства капитала. Тор-

жество современного фиктивного финансового капитала находит в названных структурных сдвигах свою адекватную базу, на создание которой он и «нацеливал» (еще раз повторим, этот процесс происходил и происходит преимущественно стихийно и объективно) производство.

Не менее важно и то, что *непосредственно связанная с ростом сферы услуг социально-экономическая траектория развития «общества потребления»* обеспечивает выполнение другого «заказа» капитала, адресованного *производительным силам: обеспечить формирование адекватной (задачам укрепления гегемонии капитала) социальной базы в странах «золотого миллиарда»*. Сытый мещанин-потребитель, воспроизводящий развитие сферы услуг (преимущественно утилитарного плана), и есть такой социальный базис.

Однако все описанные выше сдвиги начались по меньшей мере 40–50 лет назад. И хотя они сохраняют свое значение в *мировой* социально-экономической жизни и поныне (будучи особенно актуальны для стран «периферии»), следует специально подчеркнуть, что последние десятилетия вызвали к жизни новые феномены.

Четвертый сдвиг отображается в понятиях «информационного (сетевого и т.п.) общества», «компьютерной революции», «общества знаний» и т.п. Не пытаясь пока систематизировать эти теории, отметим, что во всех этих случаях фиксируются процессы изменения технологий общественного производства, ресурсов и продуктов этих технологических процессов и некоторые экономические, социальные и т.п. процессы, сопровождающие эти изменения. Основными в этих изменениях, с поверхностной точки зрения, являются процессы *массового развития информационных технологий* (прежде всего компьютеризация самых разнообразных трудовых и производственных процессов и развитие информационных сетей, Интернета и т.п., со всеми вытекающими отсюда последствиями).

Статистические данные, характеризующие эти процессы, общеизвестны и многократно приводились в упоминаемых выше работах¹, поэтому ограничимся лишь кратким комментарием.

Акцент на мировом измерении названных технологических сдвигов (его делают, к сожалению, далеко не все исследователи информационного общества) показывает, что массовая информатизация производства и общественной жизни, равно как и сопровождающие ее и многократно прокомментированные в отечественной и зарубежной литературе изменения в размещении и формах организации производства (от «электронных коттеджей» и практики job sharing до сетевых предприятий), социальной структуре (рост роли «профессионалов», меритократии) – все это удел некоторой части стран «Первого» мира. В большей же части мира компьютеры, мобильные телефоны, Интернет и т.п. если и распространены,

¹ Прежде всего в переведенных работах М. Кастельса, сборнике «Социум XXI века», книгах В. Иноземцева, а также на многочисленных сайтах.

то составляют преимущественно поверхностный слой жизнедеятельности человека, не затрагивая базисные качества: содержание труда и место большей части работников в общественном производстве, качество жилья, образования, медицины и т.п. В результате информационные технологии в жизни большинства граждан «Третьего» мира и значительной части граждан развитых стран, занятых в материальном производстве или сервисе ручным или примитивным конвейерным трудом, играют такую же роль, какую стеклянные бусы играли в жизни индейцев в XVI–XVIII веках. *Новые типы организации труда и производства, творческая по своему содержанию деятельность распространены в мире существенно менее, чем поверхностные формы «информационной революции» (Интернет и т.п.).* Для большей части человечества информационная революция ограничивается крайне примитивными проявлениями, подобными проявлениям промышленной революции XIX века в Индии или Китае.

Однако для значительной части экономики «метрополий» глобального корпоративного капитала эти технологические сдвиги стали реальностью. Более того, *лавинообразный прогресс информационных технологий, с одной стороны, был вызван к жизни прежде всего (но не исключительно – у макротехнологии и науки есть и свои внутренние законы развития) потребностями быстрорастущего фиктивного финансового капитала и обслуживающих его и его гегемонии отраслей (от корпоративного управления до ВПК).* С другой стороны, *информационные технологии стали важнейшей материальной основой формирующейся на рубеже веков глобальной гегемонии корпоративного финансового капитала* (подробнее об этом – во II и III частях этого тома).

Оставив обоснование предлагаемого ниже тезиса на будущее, и лишь отметив, что оно связано с характеристикой творческой деятельности как системного качества материальной основы «царства свободы», формулируем наиболее важный аспект глобальных подвижек, происходящих в современном мире. Итак, пятым из отмечаемых в этом подразделе сдвигов становится так называемая «революция знаний», указывающая на не просто возрастающую, но **определяющую роль образования** в развитии социальных и экономических процессов современности. При этом развитие так называемой «образовательной революции» идет (как и все вышеупомянутые процессы) крайне нелинейно во времени и неравномерно в пространстве. Ее прогресс сильно тормозится контртенденциями и существенно замедлился после Мирового экономического кризиса. Кроме того, она, как и все глобальные сдвиги, протекает (NB!) в формах, адекватных для корпоративного капитала, и значима для экономической и социальной жизни преимущественно развитых государств¹.

¹ См. подробнее: Яковлева Н.Г. Современное образование: между гуманизмом и прагматизмом (системно-структурный анализ) // Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России / Под ред. Н.Г. Яковлевой. М.: →

Все это сугубо неслучайно.

Во-первых, по-прежнему велик разрыв в образовании между «Первым» и «Третьим» мирами (в бедных странах неграмотными являются в среднем 30% мужчин и более 50% женщин, а в вузы зачисляется 5–6% молодежи, тогда как в развитых странах – более 50%¹). При этом, как видно из таблицы 9, в бедных странах не только ниже уровень образования, но и удельный вес расходов на образование в ВВП, который и без того несоизмеримо меньше, нежели в развитых странах.

таблица 9 Расходы на образование и индекс образования² в некоторых странах мира

	расходы на образование, % ВВП	индекс уровня образования
Норвегия	7,3	0,99
США	5,4	0,94
Финляндия	6,8	0,88
Россия	4,1	0,78
Доминикана	3,6	0,67
Уганда	3,2	0,48
ЦАР	1,3	0,32

Источник: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-Indicators>

Не менее существенен разрыв внутри каждого из «миров» между социальными группами. Все это закрепляет и воспроизводит социально-экономическое доминирование номенклатуры корпоративного капитала и обслуживающих ее слоев³.

← Культурная революция, 2014; Стратегия опережающего развития – III. В 2-х томах / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, М.И. Воейкова, Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011.

¹ См.: Мир и Россия. СПб., 1999. С. 35–37.

² Индекс образования измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня образования ее населения по двум основным показателям: (1) Индекс грамотности взрослого населения (2/3 веса) и (2) Индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образование (1/3 веса). Эти два измерения уровня образования сводятся в итоговом Индексе, который стандартизируется в виде числовых значений от 0 (минимальное) до 1 (максимальное).

³ Воспроизводство неравенства обусловлено во многом культурной средой: в семьях состоятельных групп культурная среда, как правило, лучше, чем в семьях из бедных (и «хронически бедных») групп, что приводит к разли-

Во-вторых, развитие образования идет прежде всего по траектории подготовки относительно узкого (в мировом масштабе) слоя профессионалов (неслучайно идея «общества профессионалов» является столь популярной ныне), а не гармонично развивающейся личности каждого, ибо именно «профессионалы» нужны для воспроизводства капитала эпохи информационного общества.

И все же именно эти изменения в процессах формирования новых человеческих качеств, и прежде всего содержания деятельности, как покажет дальнейшее исследование, окажутся наиболее важными для поиска решения проблемы «заката» «царства экономической необходимости».

* * *

После предложенного краткого изложения некоторых эмпирически очевидных тенденций и их интерпретации (напомним: задачей авторов было лишь напоминание о процессах, широко отображенных в зарубежной и отечественной литературе), рассмотрим (крупными мазками, ибо это в строгом смысле слова не наш предмет) основные этапы эволюции теоретических трактовок происходящих ныне изменений.

ЗАКАТ «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»:

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ТЕОРИЙ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РУБЕЖА ВЕКОВ

Как мы уже не раз отмечали, в нашем исследовании широко используются критически переосмысленные *работы современных авторов, которые написаны о постиндустриальном (информационном) обществе, революции знаний и т.п.* Они подвергаются, пожалуй, наиболее критическому анализу по сравнению с другими уже упомянутыми блоками источников, прежде всего потому, что акцентируют внимание на

циям в перспективах хорошего образования для детей из каждой группы. →
← Так, по данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН совместно с Фондом им. Ф. Эберта, родители состоятельных людей имеют высшее образование примерно в 3 раза чаще, чем родители бедных (и почти в четыре раза чаще, чем родители в «хронически бедных» семьях), что обуславливает и разрыв в уровне образования младшего поколения каждой группы: выходцы из богатых семей имеют высшее образование в два раза чаще, чем выходцы из бедных семей (и почти в четыре раза чаще, чем дети из «хронически бедных» семей). См.: Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН и Фондом им. Ф. Эберта. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 89–90.

тех формах, которые развиваются в рамках мира отчуждения и подчинены ему, на превратных формах рождения «царства свободы».

Поскольку эти работы в дальнейшем в тексте упоминаются лишь изредка, присутствуя в нашей книге в «снятом» виде, позволим себе вариант их краткой систематизации, положив в основу достаточно традиционный для марксистской методологии принцип историко-логического отслеживания реальных процессов видоизменений в социальной жизни, и прежде всего ее базисе как основы выделения основных этапов и трендов в истории мысли¹.

* * *

Концепции постиндустриального общества сложились в скольконибудь завершенном виде в западной литературе лишь в 1960-е годы, хотя целый ряд этих идей был предвосхищен учеными разных стран еще столетия назад.

В XX веке научно-технический прогресс, а затем научно-техническая революция, институциональные и социально-экономические изменения также подвели многих авторов к идее генезиса нового качества общественного и технологического развития, на пороге которого стоит человечество. Во многом эти идеи перекликались и с упомянутыми концепциями глобалистов (начиная с теории ноосферы, выдвинутой В.И. Вернадским² еще накануне Второй мировой войны).

Однако в наши задачи не входит систематический анализ всего этого круга проблем. Остановимся лишь на некоторых аспектах развертывания идей постиндустриального общества в зарубежной литературе последних десятилетий.

К концу 1960-х – началу 1970-х годов сложилась примерно следующая картина в исследовании постэкономической реальности.

1. Школы, исследующие прежде всего изменения в материально-технических факторах и вызванные этим социальные изменения, и представляющие собой «техницистское» направление, прежде всего теории постиндустриального общества (*Д. Белл, Г. Кан, З. Бжезинский*)³, а также

¹ Авторы выражают благодарность своим коллегам (прежде всего Е. Боуман и Р. Стоуну, Д. Котцу, Дж. Лестеру, О. Антипиной, В. Иноземцеву и М. Павлову) за любезно предоставленную ими возможность использования содержащейся в их работах библиографии, а также фондов их личных библиотек.

² *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991.

³ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973 (перевод на русский язык: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 2000); *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976; *Bell D.* Sociological Journeys. Essays 1960-1980. L.: Heinemann, 1980; *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N.Y.: Viking Press, 1970; *Kahn H., Wiener A.J.* The Year 2000:

(скорее, в 1970-е годы) «антитехницистское» течение, направление «катастрофизма» (*Р. Хейлбронер*)¹. Эти течения по своей парадигме весьма близки к теориям нового индустриального общества (*Д. Гэлбрейт*)².

2. Подход, акцентирующий большее внимание на собственно социальной сфере: «стадиях роста» (*У. Ростов*) и рождении общества, ориентированного на поиск «качества жизни». Этот подход отчасти пересекается с более ранними теориями «народного капитализма» (*П. Друкер, Л. Келсо*), «государства всеобщего благоденствия» (*К. Болдуен, М. Лернеп и др.*), а еще ранее – «социального рыночного хозяйства» (*Л. Эрхард, начиная с конца 1940-х*) и социал-демократических версий капитализма³.

3. Концепции, акцентирующие внимание на структурных сдвигах или рождении новых особо значимых технологий, например теория «общества услуг» или идеи «атомного века» (позднее – века/эры компьютеров, телекоммуникаций и т.п.)⁴.

4. Школы, тяготеющие к анализу глобальных проблем с выводами о необходимости гуманизации и экологизации общественного развития, прежде всего (в 1960-е – начале 1970-х гг.) – *Римский клуб*⁵.

A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. N.Y.: Macmillan; → ← L.: Collier-Macmillan, 1967; *Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y.: Morrow, 1971.

¹ *Heilbroner R.* An Inquiry Into the Human Prospect. N.Y.: Norton, 1974; *Heilbroner R.* Business Civilization in Decline. N.Y.: Norton, 1976.

² *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969; *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

³ *Drucker P.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993; *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; *Эрхард Л.* Благополучие для всех. М.: Начала-Пресс, 1991; *Эклунд К.* Эффективная экономика. Шведская модель. М., 1991

⁴ Обзор этих работ см. в: «Американская модель»: с будущим в конфликте / Под общ. ред. Г.Х. Шахназарова. М.: Прогресс, 1984.

⁵ Римский клуб был создан в 1968 г. Серия «Доклады Римского клуба» издавалась под общим названием «Затруднения человечества». Первый доклад – «Пределы роста» (1972, ред. Д. и Д.А. Медоуз) обращал внимание на то, что промышленный рост и потребление ресурсов, рост народонаселения неизбежно достигнут предела, за которым последует катастрофа. Этот доклад вызвал широкий общественный резонанс. В дальнейшем авторы доклада, в соавторстве с Й. Рандерсом, подготовили 3-е издание (см.: *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: Академкнига, 2007), в котором они не отказались от своих выводов, а только подтвердили и расширили их на основании данных новых исследований. Во втором и последующем докладах Римского клуба, наряду с рассмотрением вариантов развития человечества в будущем, разрабатывались предложения, как избежать катастрофы (второй доклад – «Человечество на перепутье» (1974, ред. М. Месарович и Э. Пестель), третий – «Пересмотр международного порядка» (1974, ред. Я. Тинберген), а также доклады: «За пределами века расточитель-

5. Зарождающиеся «постиндустриальные» социалистические и «радикально-гуманистические» течения, делающие акцент на неспособности капитализма решить глобальные проблемы (войны и мира, гуманизации развития, экологии и т.п.) и представленные в этот период некоторыми отдельными учеными в рамках евромарксизма и близких к нему течений (*Ж.-П. Сартр*), в среде теоретиков «новых левых» (*А. Гори, Г. Маркузе*)¹ и др.

6. Марксизм в СССР и Восточно-Европейских странах, представленный двумя тенденциями: «официальной» (исследования НТР, автоматизации и т.п., скрывающие в ряде случаев под апологетической формой весьма содержательные разработки) и творческой «боковой ветвью» (исследования культуры и творчества, лежащих «по ту сторону материального производства», содержания всеобщего творческого труда, свободного развития личности как процесса творчества и т.п. в СССР, в рамках школы *Praxis, А. Шаффом*² и т.п.).

Начиная с 1970-х и до середины 1980-х годов происходит ряд видоизменений в «раскладке» постэкономических теорий.

1. В рамках «техницистских» теорий происходит постепенное обращение к отдельным конкретным проблемам при общем падении популярности идей постиндустриального (нового индустриального) общества. Некоторым исключением следует признать растущие еще из предыдущего этапа работы *Э. Тоффлера*, посвященные попыткам системного осмысления «третьей волны»³.

ства» (1976), «Цели для глобального общества» (1977, ред. Э. Ласло), «Третий мир: три четверти мира» (1980, ред. М. Гернье), и др. В 2012 г. был издан доклад «2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет», ред. Й. Рандерс). → ← Доклады Римского клуба стали теоретической базой современной глобалистики (подробнее о деятельности Римского клуба см.: Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. С. 893–896. Также обзор докладов и деятельности Римского клуба представлен в статье: *Антипина О.Н.* Глобальные социально-экономические проблемы современности: взгляд Римского клуба // *Альтернативы*. 1995. № 2).

¹ См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989; *Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1990; *Gorz A.* Farewell to the Working Class. L., 1982; *Marcuse H.* One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, 1967.

² См.: *Schaff A.* Alienation as a Social Phenomenon. Oxford, 1980 (из русских переводов названием: *Шафф А.* О смысле жизни // *Философия истории*. М., 1995; Эта позиция А. Шаффа повторена в ряде более поздних работ. См.: *Шафф А.* Срочно требуются «новые левые» // *Альтернативы*. 1995. № 2).

³ *Toffler A.* Future Shock. N.Y. Random House, 1970; *Toffler A.* The Eco-Spasm: Report. Toronto etc.: Bantam House, 1975; *Toffler A.* The Third Wave. N.Y.: Morrow, 1980; *Toffler A.* Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». N.Y.: Morrow, 1983; *Toffler A.* Power shift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. N.Y.: Bantam Books, 1990.

2. С поворотом к неолиберализму и неоконсерватизму падает интерес к различным теориям «социализации» капитализма. Разработки ведутся главным образом по отдельным прикладным проблемам и в рамках социал-демократических научных центров. Качественно новых идей, похоже, не появляется. Однако именно в этот период активизируется разработка проблем производственных кооперативов и акционерной собственности работников, расширяются разработки по теории самоуправляющейся фирмы.

3. «Структурный» подход, акцентирующий приоритетное развитие сферы услуг, постепенно уходит в прошлое (превращается в банальность), но начинает бурно развиваться сонм течений в рамках теории информационного (компьютерного, электронного) общества (века, эпохи). Это работы *Е. Масуда*, *Дж. Нэбитта*, позднее – *Т. Сакайя* и др.¹

4. Широко развивается и к концу периода становится доминирующим акцент на появлении некоторых новых феноменов, по сути частных, но выдаваемых отдельными исследователями за крайне значимые (едва ли не универсальные). К числу таких феноменов относятся, в частности, те или иные изменения технологии (миниатюризация плюс уже упоминавшиеся информатизация и компьютеризация, телекоммуникации как особо важная часть инфраструктуры экономики), новое качество институтов («гибкость» корпораций, рост мелкого бизнеса), социальной структуры (особая роль professional-technical class) и организации (индивидуализация, гибкость, десинхронизация, миниатюризация и т.п.), человека и его «работы» (work) и т.д.

5. «Глобалисты» из области общих проблем все больше устремляются к исследованию отдельных глобальных проблем или (что еще более типично) – конкретных аспектов отдельной подпроблемы (типа: «Загрязнение атмосферы Бруклина выхлопными газами в 198... году»); наиболее популярными становятся работы по экологии и глобальному неравенствию, а также перенаселению.

В конце 1980–1990-е годы складывается несколько иная картина основных течений².

1. «Техницистские» теории в узком смысле слова почти окончательно утрачивают свою популярность. Выходят лишь переиздания работ 1970–1980-х годов, а также книги и статьи типа «NNN... в условиях постиндустриального общества». На их базе родились другие течения (главным образом – вокруг проблем информатизации, компьютеризации и т.п.,

¹ *Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash.: World Future Soc., 1981; Masuda Y. Managing in the Information Society: Releasing Synergy Japanese Style. Oxford; Cambridge: Basil Blackwell, 1990; Нэбит Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992; Sakaya T. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. Tokyo, N.Y.-L., 1991.*

² Обзор имеющегося здесь огромного количества работ представлен в упомянутом сборнике «Социум XXI века».

а также изменений качества «работы»; особо здесь выделяется книга Дж. Рифкина¹). Однако и на этом этапе устойчиво присутствуют исследования, связанные с закономерностями, тенденциями, прогнозами научно-технического прогресса и технологических сдвигов.

2. Теории «социализации» капитализма почти окончательно теряют популярность; развиваются лишь прикладные исследования. Некоторые из последних привлекают довольно широкий интерес. Среди них исследования в области демократизации отношений собственности и управления, новых (возникающих под влиянием роста информационных технологий, глобализации и т.п.) форм организации и стимулирования деятельности (особенно инновационной), занятости и т.п.

Относительно новым течением становятся многочисленные работы по проблеме негативных последствий, вызываемых развитием современных постиндустриальных тенденций.

3. Особую популярность, и похоже, относительно надолго, приобретают *теории информационного общества, «общества знаний»* и т.п. Еще быстрее в рамках этого проблемного поля растет число исследований по частным проблемам (верный признак движения к «пику» в исследовании темы). Здесь накануне XXI века был сосредоточен основной пласт информации (в том числе – более-менее новых идей и идейек), полезной для исследования сути постэкономического мира. Крайне важно, однако, было не поддаваться этой (довольно быстро, кстати, прошедшей) моде: почти очевидно, что «информационное общество» не есть ключ к решению интересующих нас проблем или тем более основное понятие новой («постэкономической») теории. И все же максимум полезного материала *в тот период* был сосредоточен здесь.

В 2000-е годы особенно заметными стали работы в области «сетевого общества», являющиеся продолжением серии работ по проблемам информационного общества и «общества знаний», но имеющие свою специфику. Подчеркнем: сетевой принцип организации производства, рынка, капитала и иных экономических и социальных форм и институтов знаменует собой одно из принципиальных изменений, по меньшей мере, сопоставимых с т.н. «информационной революцией» (авторы будут широко использовать этот круг идей в последующих частях работы). Наиболее интересны здесь прежде всего работы *Мануэля Кастельса*, содержащие, помимо прочих достоинств, огромный библиографический материал².

4. Пока недостаточно ясно, какие именно среди упомянутых (и не упомянутых) выше «частных» идей, связанных с исследованием постэкономического общества, смогут претендовать на роль действительно

¹ Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995.

² См.: Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol 1–3. Malden–Oxford, 1996–1998; Кастельс М. Сетевое общество. М., 2001.

концептуальных. Здесь необходима тщательная работа. В настоящее время такие исследования лишь начаты.

Можно предположить, что среди доминирующих окажется своего рода *неоиндивидуализм*, акцент на котором связан как с сохраняющимся влиянием неолиберализма, так и с реальным процессом возрастания роли индивидов, обладающих творческими способностями. При этом в ряде случаев (Ф. Фукуяма и др.) акцентируется необходимость соединения социальных и индивидуальных ценностей¹. Наиболее активно эта проблематика стала исследоваться в рамках работ по проблемам «социального капитала» и т.н. «экономики счастья» и т.п. (Эту проблематику мы уже рассматривали в I томе и еще вернемся к ней ниже).

Весьма интересным представляется и направление, уже долгое время развиваемое П. Друкером, который исследует тенденции рождения *посткапиталистического общества* и «конца экономического человека»². В России исследования на подобную тему проводит Р.М. Нижегородцев³.

Относительно новой стала также проблематика «креативного класса» и нового «духа» капитализма⁴, где рассматриваются, в частности, социальные сдвиги и неэкономические аспекты трансформаций капитализма. Однако кажущийся акцент на творческом содержании деятельности и культуре («духе») так и остается кажущимся. «Креативный класс» и «новый дух капитализма» остаются по преимуществу всего лишь иными именами для уже известных содержательных изменений⁵.

5. «Глобалисты» сосредоточены в 1990–2000-е годы преимущественно на проблемах «устойчивого» (перевод не точен: *sustainable* означает, скорее, «поддерживающее» или «достаточное») развития. Эта тема стремится поглотить (скорее всего, незаслуженно) едва ли не всю экологическую проблематику, вытесняя на периферию проблемы роста, развития, равновесия, социально-экономических отношений между поколениями и т.п.

Однако поистине доминантной и заслуживающей особого рассмотрения стала в 1990-е годы и продолжает оставаться в начале нынеш-

¹ Укажем в этой связи на работу этого автора «Trust» (1996), где Фукуяма вспоминает о ряде традиционных принципов либерализма, известных еще с XVIII века.

² *Drucker P. Post-Kapitalist Society. N.Y., 1993; Drucker P. The End of Economic Man: The Origins of Totalitarianism. L., 1995; См. также: Drucker P. The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. L., 1994; Drucker P. Landmarks of Tomorrow: A Report of the New «Post-Modern» World. L., 1996.*

³ *Нижегородцев Р.М. Теоретические основы информационной экономики. Владикавказ: Проект-Пресс, 1998.*

⁴ См., например: *Boltansky L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism. L.–NY, Verso, 2005; Florida R. The Rise of the Creative Class. N.Y.: Basic Books, 2002, 2006 (2-е издание).*

⁵ См.: *Бузгалин А.В. Так что же такое постиндустриальный капитализм? // Альтернативы. 2008. № 3. С. 177–191.*

него века тема глобализации и (как ее слагаемые) проблемы интеграции/регионализации, а также роли и места в обществе XXI века стран «Второго» и «Третьего» миров, и особенно новых индустриальных стран. Начиная с 1999 года появились и работы по проблемам так называемого «антиглобализма», принявшего позднее иное имя – альтерглобализм – тема, особенно интересная для нашего исследования. Оба этих блока проблем мы будем особо рассматривать в соответствующих частях этого тома, поэтому здесь ограничимся лишь упоминанием о них.

Несколько менее интенсивно, но тем не менее весьма активно, обсуждаются (как *глобальные*) проблемы нового мирового порядка, возникшего после краха СССР, и перспективы новых геополитических и геоэкономических конфигураций, связанных с устойчивым быстрым ростом Китая, превратившимся во вторую экономику мира.

6. Исследования «постиндустриальных» социалистов в конце 1980-х годов – в период горбачевской «перестройки» – на короткое время получили новый импульс развития. Появились целые серии публикаций на темы нового качества социализма в связи с обострением глобальных проблем, развитием информационного общества и т.п. При этом постановка одной из тем исследования (споры о природе будущего социализма можно оставить в стороне) явно небезынтересна для нас: какие именно глобальные проблемы (мы бы сказали: проблемы постэкономического, постиндустриального свойства) не может решить нынешняя индустриальная рыночная цивилизация? На этот вопрос предлагают ответ новые программы ряда социал-демократических организаций, исследователи-«одиночки», некоторые научные центры.

7. С конца 1990-х годов работа по интересующей нас проблематике ожилилась и в России. Из многих заслуживающих внимания аспектов выделим:

- возрождение интереса к теории В. Вернадского о ноосфере и ряд продолжающих ее работ;
- общие подходы отечественных исследователей к глобальным проблемам и путям их решения, более соответствующие вызову XXI века, нежели «устойчивое развитие»;
- отмеченные выше исследования по проблемам постиндустриального общества и технологических укладов¹, а также быстро растущий круг работ по проблемам глобализации, на которые мы еще обратим внимание ниже; в последние годы в России стала особо модной тема критики постиндустриальных теорий и противопоставление «западному» постиндустриализму российской реиндустриализации²;

¹ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

² Эта проблематика активно раскрывается, в частности, в серии статей в журнале «Экономист», где с конца 2000-х идет обсуждение проблем как ре-, так и неиндустриализации. См. также: Сухарев О. С. Экономическая политика

возрождение и развитие идей (первоначально развивавшихся теоретиками «первой волны» русской эмиграции) «евразийства» как нового, более адекватного задачам развития постэкономического общества, типа общественного прогресса (последнее может приобрести шумную известность)¹.

8. На рубеже веков широкую популярность приобретает и относительно новый вариант фиксации трансформационных процессов. Методология постмодернизма, постепенно распространяясь из области философии и культурологии на социальную сферу, закономерно вызвала к жизни теории «общества постмодерна» (Кумар и др.), которое трактуется как новое качество социальных процессов на рубеже XXI века («начинка» близка к концепциям постиндустриального общества, но с большим вниманием к проблемам методологических парадигм, этики, эстетики, культуры и т.п.)².

9. Существенным видоизменением проблематики исследований, прямо или косвенно посвященных проблемам качественных трансформаций, происходящих в современной экономике, стал Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году. Он закономерно вывел на первое место вопросы внутренних противоречий современного глобального капитализма, заставив с разной степенью радикальности подчеркнуть ту или иную сторону его господствующего вектора инволюции. От критики финансиализации к акцентированию паразитизма фиктивного капитала и далее – поиску глобальных альтернатив в качестве массового общественного движения – этот тренд стал одним из господствующих.

реиндустриализации России: возможности и ограничения // Приоритеты России. 2013. № 24.

¹ См., например: Панарин А.С. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. 1993. № 6; Он же. Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 3–48; Он же. Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // Панарин А.С. «Вторая Европа» или «третий Рим»? М.: РАН, 1996. С. 90–126; Он же. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003; Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5; Он же. Антиевразийство и новое евразийство в канун XXI века // Евразийство: проблемы осмысления. Уфа: Изд-во «Восточный университет», 2002. С. 15–23; Гиренок Ф.М. Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации: (Феномен евразийства). М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 162–179; Он же. Новые дикие // Евразийская перспектива. М., 1994. С. 197–208; Он же (отв. ред.) Основы Евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002.

² Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Cambridge, 1995. См. также: Anderson P. The Origins of Postmodernity. L., 1998; Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. N.Y., 1997. Широкий круг работ по данной проблеме представлен в антологии: Cahoon L. (Ed.) From Modernism to Postmodernism. An Antology. Cambridge-L., 1997.

Подспудно в работах даже известных и умеренных теоретиков (типа Дж. Стиглица, П. Кругмана и т.п.¹) все чаще проскакивает лейтмотив: так дальше жить нельзя. Еще более ярко этот императив виден в требованиях массовых социальных движений: от «Оккупируй!» в странах «Первого» мира до массовых акций на площадях «Третьего». Позитивные альтернативы в социально-экономической области пока, повторим, просматриваются слабо и по преимуществу остаются в рамках прежних социал-демократических, социалистических, троцкистских, анархических и т.п. программ.

Однако есть и принципиальные подвижки, связанные именно с качественным изменением технологий, экономики, общества. Наиболее ярко они проявляют себя в области, которую авторы называют креатосферой, и касаются альтернатив частной интеллектуальной собственности и приватизации финансовой сферы. Это широко известные феномены *crowd-left*, *crowd-sourcing*, *crowd-funding* и др. формы, которые условно можно объединить в рамках понятия *open source*. Эти феномены отражает и современная интеллектуальная «элита».

Суммируем. При всех важных и содержательных новых поворотах в исследованиях глобальных трансформаций, тенденции 1980–2000-х годов в большинстве своем связаны с дроблением и детализацией постиндустриальной проблематики. Такая ситуация заставляет предположить скорое наступление периода новых попыток выдвижения фундаментальных теорий постиндустриального общества.

Пока этот поворот не состоялся, но его предвестники заметны. Литература конца 1990-х и 2000-х гг. свидетельствует о *начале поворота в сторону концептуального осмысления происходящих перемен*. Поднимаются такие проблемы, как новый индивидуализм и новая основа для суверенности личности, изменение характера глобализации экономики (в связи с утратой фирмами национального «лица»), изменения в характере капитала и потребления (к обоим этим явлениям начинают прикладывать эпитет «символический»), угрозы ухода постиндустриального развития в направлении паразитических финансовых и иных посреднических трансакций, необходимости реиндустриализации и т.д. Можно отметить и осторожное возрождение технологического оптимизма, в том числе и в экологической проблематике. Особенно интересными в этом отношении являются работы ученых, идущих «против течения»,

¹ См., в частности: *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003; *Кругман П.* Великая ложь. М.: АСТ; СПб.: Мидгард, 2004. Обзор статей П. Кругмана в «Нью-Йорк таймс», где автор дает критику посткризисной → ← политики США и свои предложения по ее изменению, см. в: *Залетный А.А.* Новейшие социально-экономические работы Пола Кругмана и их значение для российской трансформационной экономики наших дней // Альтернативы. 2012. № 4.

где постепенно складываются различные гипотезы, трактующие общество и экономику нового века как переходную к некоторому новому качеству, не сводимому к известным технологическим подвигам и видоизменениям в принципе прежней капиталистической системы (в других интерпретациях – Западной цивилизации). Дух этого подхода лучшего всего, пожалуй, выразил Э. Валлерстайн еще в конце 1990-х: «...мы живем в эпоху перехода от существующей глобальной системы общественного устройства – капиталистической мировой экономики – к другой или другим глобальным системам»¹.

Пока это еще не широкие фундаментальные концепции, но и таковые, вероятно, не за горами.

Суммируя этот краткий обзор, предложим таблицу (табл. 10), в которой кратко выделены основные течения и жирным шрифтом отмечены периоды их доминирования, а курсивом – относительно активного развития.

таблица 10 **Схема основных течений
в исследовании постэкономических тенденций**

основные течения	период			
	1960–1970-е гг.	конец 1970-х – 1980-е гг.	конец 1980-х – 1990-е гг.	2000-е гг.
I	2	3	4	5
«техни- цистское»	расцвет «техницистских» концепций, пост- индустриальное общество	исследование конкретных аспектов проблемы	<i>вновь рост внимания к проблемам высоких технологий</i>	особое внимание к проблемам Интернета и нано- технологий
«социаль- ное»	расцвет теорий социализации капитализма	<i>сохранение интереса к некоторым проблемам («человеческий капитал», ESOP, кооперативы etc.)</i>	продолжение исследований частных проблем («экономика участия», «конец работы» и др.)	<i>начало исследова- ний по про- блематике альтергло- бализма, «открытых источников» и т.п.</i>

¹ *Wallerstein I. Utopistics, Or Historical Choices of the Twenty-First Century. N.Y., 1998. P. 35* (Цит. по: *Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: Наука, 1999. С. 580*). См. также: *Wallerstein I. The End of the World as We Know it. Social Science for the Twenty-First Century. L., 1999.*

«структурное»	<i>появление концепций структурных сдвигов, «общества услуг», постиндустриального общества</i>	<i>генезис теории информационного общества</i>	<i>расцвет теории информационного общества («общества знаний») etc.</i>	<i>акцент на необходимости сокращения роли финансового и развития реального секторов</i>
I	2	3	4	5
«глобалистское»	<i>расцвет исследований по глобальным проблемам</i>	<i>акцент на исследования «частных» аспектов глобальных проблем</i>	<i>расцвет теорий «устойчивого развития», глобализации</i>	<i>новая волна внимания к проблемам бедности и мирового неравенства, альтернатив однополярному миру</i>
«социалистическое»	<i>расцвет социалистических теорий пост-экономической формации</i>	<i>застой в этих исследованиях</i>	<i>начало «новой волны» социал-демократических и неомарксистских исследований проблем постиндустриального общества и глобализации</i>	<i>поиск нового социалистического и, в ряде случаев, коммунистического проекта на базе снятия интеллектуальной частной собственности</i>
«славянофильское»	–	–	<i>возрождение евразийских и русофильских теорий, близких к постэкономической проблематике</i>	<i>активное распространение этих теорий</i>
«методологическое»	–	–	<i>генезис теорий общества «пост-модерна»</i>	

Завершая наш краткий обзор основных предметных изменений в экономике рубежа веков и начала нынешнего столетия, а также теорий, стремящихся эти изменения отобразить, поставим проблеме некоторой предварительной генерализации этих трансформаций, и в качестве гипотезы, подлежащей раскрытию и обоснованию, предложим вариант первичной структуризации претерпевающей, на наш взгляд, качественные трансформации метасистемы, которую Маркс и Энгельс назвали «царством необходимости».

«ЦАРСТВО НЕОБХОДИМОСТИ»: СТРУКТУРА РАЗВИТОЙ СИСТЕМЫ КАК КЛЮЧ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ «ЗАКАТА»

В первой главе нашей Прелюдии было подчеркнуто, что диалектический метод позволяет в структуре зрелой системы увидеть возможные черты процесса ее самоотрицания, «заката». Поскольку перед нами стоит задача перехода от первичного полумпирического обобщения некоторых черт этого «заката» и теорий, его исследующих, к систематическому теоретическому исследованию содержания процесса самоотрицания экономической общественной формации, то дальнейшей задачей, с очевидностью, является хотя бы краткое изложение результатов исследования авторами структуры и содержательных характеристик «царства необходимости» (в дальнейшем, когда мы это словосочетание будем использовать не как образ, а как понятие, оно будет писаться без кавычек).

По стилю и тону предисловия читатель легко может догадаться, что и в этой области авторы сотворили немало гипотез (и действительно, «грызущей критике мышей» еще в начале 1980-х была предоставлена пятисотстраничная рукопись со «скромным» названием «Предыстория», в которой А.В. Бузгалин предпринял попытку построить – ни много ни мало – диалектическую систему категорий, дающую теоретическую модель исторической динамики мира отчуждения)¹. Однако ниже будут представлены некоторые достаточно традиционные для творческого отечественного марксизма представления о структуре «царства необходимости» (предыстории, мира отчуждения).

При таком подходе мы, по-видимому, можем зафиксировать как минимум следующие основные характеристики «предыстории» – той «старой» системы, которая подлежит снятию (или, точнее, скажем так: которая снимается) в процессе своего саморазвития.

Первая – господство **материального производства**, а значит, господство над человеком (1) общественного разделения труда; (2) производства вещей, материальных продуктов; (3) утилитарных потребностей и ценностей.

Главным элементом такого подчинения является *общественное разделение труда*. Последнее превращает личность (в принципе универсальную, всестороннюю, способную – в отличие от животных – к универсальной жизнедеятельности, не диктуемой непосредственной биологической потребностью, что заложено генезисом рода Человек²) в

¹ Аналогичная попытка была предпринята и В.А. Вазюлиным в его уже упоминавшейся нами книге «Логика истории».

² Этот тезис, основанный на уже не раз упоминавшихся положениях К. Маркса и Д. Лукача, развит в работах советской марксистской школы философии и психологии человека (см., в частности, уже упоминавшиеся работы Э.В. Иль-

частичного человека. А это уже человек, сращенный с выполнением прежде всего лишь одной из функций в рамках общественной системы с разделенным трудом.

Разделенный человеческий труд, в свою очередь, создает прежде всего *вещи* (в философском смысле этого понятия, лежащем в основе понятия «овещнение»¹) – средства и продукты материального производства. Продукты и услуги (в той части, в какой они прямо обусловлены процессом воспроизводства вещей и человека как вещи особого рода – утилитарные услуги), создаются из других вещей (материальных ресурсов) при помощи опять же вещей (орудий труда), произведенных в процессе все того же материального общественного производства. Далее эти вещи подлежат опять же материальному потреблению. Последнее есть, в некотором смысле, физическое уничтожение вещи в процессе производительного или личного потребления. Все эти слагаемые создаются в условиях *подчинения человека процессу материального производства* как главной цели и сфере жизнедеятельности.

Соответственно, в условиях господства материального производства потребности диктуются задачами воспроизводства человека как биологического существа и частичного (подчиненного разделению труда) работника, способного создавать материальные продукты. Как таковые, они *утилитарны*, т.е. привязаны именно к процессу производства вещей, к воспроизводству человека как биологического и экономического существа. Потребности же, связанные с жизнедеятельностью человека как творческой личности, с его духовным миром, с его общением, с его саморазвитием, оказываются как бы «по ту сторону» этого доминирующего комплекса утилитарных потребностей.

Формирование и реализация неутилитарных потребностей относится, в условиях «царства необходимости», преимущественно к сфере «надстройки». Последний термин, видимо, неслучайно был выбран Марксом: эти процессы лежат «над» собственно материальным произ-

енкова и книгу А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» [М.: Политиздат, 1975]), в работах по проблемах антропогенеза Б.Ф. Поршнева (см.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974) и многих других трудах философов и психологов, принадлежащих к представителям творческого марксизма.

¹ Как подчеркивает К. Маркс, в товарном производстве происходит не только превращение деятельности в вещи, но и овещнение самих общественных отношений людей: «...Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их отношением вещей» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 82).

водством, хотя продуцируются и детерминируются *в конечном* счете этим материальным производством. (Сие означает не отсутствие обратных связей, а доминирование экономических параметров над всеми остальными параметрами жизни; напомним в этой связи один из тезисов, развивавшихся в I томе нашей книги: вульгарный, «глупый» экономический материализм, приписываемый ныне повсеместно марксизму, критиковался всеми сколько-нибудь грамотными марксистами, и даже на экзаменах по «истмату» рассматривался как грубейшая ошибка.)

Итак, первая черта «предыстории» – мира, который мы рассматриваем как единую, целостную систему, развивающуюся к своему самоотрицанию, – господство материального производства, общественного разделения труда, утилитарных потребностей и ценностей. Этим обусловлена *вторая* характеристика этого мира: **по поводу материального производства складываются такие социально-экономические отношения, где господствуют отчуждение и превратные формы.**

Отчуждение (напомним данную в I томе нашей книги характеристику) – это система общественных отношений, посредством которых существенные силы человека как родового существа, осуществляющего преобразование природы и общества в соответствии с познанными законами их развития, являются чуждыми для подавляющего большинства членов общества, ибо они как бы «присваиваются» той или иной господствующей социальной системой и лежащими на ее поверхности превратными формами, имеющими видимость института, вещи (типичный пример – деньги как вещь, подчиняющая себе человека) или иной внешней для Личности человека формы. В мире отчуждения собственные качества и способности Человека – творца истории (цели и средства, процесс и плоды его деятельности, его чувства и отношения к другим людям) превращаются в мир внешних, чуждых, неподвластных человеку и непознаваемых им социальных сил. Эти социальные силы – разделение труда и отношения эксплуатации, государство и традиция, денежный фетишизм и религия – как бы присваивают человеческие качества, и тем самым превращают Человека-творца в функцию и раба данных внеличных сил.

В рамках «царства необходимости» *от человека оказываются отчуждены его труд, средства труда и его продукт*. Примеры этого многостороннего отчуждения хорошо известны. Для нас в данном случае наиболее важна капиталистическая форма этого процесса, где работник, продавая свою рабочую силу, отчуждает свой труд, его цели и формы организации; средства и продукт его труда так же принадлежат капиталу, как и рабочая сила работника. Результатом (и предпосылкой) каждого нового витка воспроизводства отчуждения становится *самоотчуждение* человека: жизнь, в которой индивид сам себя воспринимает как функцию внешнего мира.

Данный мир – мир отчуждения – именно как бы передает человеческие качества внешним социальным силам (например, кусочку бумаги с водяными знаками). Как бы – именно потому, что на самом деле этот

мир кривых социальных зеркал создан самими людьми в силу главным образом объективных причин.

Но в силу тех же самых причин только уродливые фигурки зазеркалья и их кривлянья (делание денег, карьеры и т.п. как *самоцель*) воспринимаются нами как единственно реальный и естественный мир (вспомните, читатель, на удивление точный образ сказки о голом короле).

Более того, мы сами своей жизнью создаем эту видимость творения социального распорядка и самой истории не людьми, а внешними силами, но иначе мы не могли бы жить и развиваться в эпоху предистории. И потому в мире отчуждения мы, как правило, не можем жить и развиваться вне этих отчужденных социальных механизмов – разделения труда и эксплуатации, рынка и государства...

Мир отчуждения порождает и еще один феномен, акцентирование и понимание которого принципиально важно для последующего – феномен превратных форм, создающих видимость того, что за ними скрывается иное, нежели реально данное, содержание. Так, в условиях рынка формой человеческих отношений становятся вещи, товары, что создает объективную видимость овещнения человеческих отношений и мира, в котором человек подчинен вещам.

Вот почему мир отчуждения и превратных форм – это мир, где *«кажется то, что есть на самом деле»* (К. Маркс). Кажется – потому что превратная форма – это именно видимость, за которой скрыты действительные сущностные процессы созидания людьми своих общественных отношений, производства материальных продуктов. Но эта видимость объективна, ибо в условиях рынка такое подчинение человека внешним силам рынка, овещненным в товарах и деньгах, действительно является господствующим общественным параметром. Поэтому нам неслучайно кажется *то, что есть на самом деле*: по-другому в условиях «царства необходимости» и мира отчуждения люди не могут вступать в отношения друг с другом. Более того, всякая превратная форма продуцирует *мнимое содержание*, принципиально отличное от действительного.

Методология анализа превратных форм или, точнее, методология анализа социальной реальности при помощи выделения содержания и превратных форм, порождаемых противоречиями данного содержания, – эта методология, раскрытая нами в I томе, будет крайне полезна для данной работы. И здесь, и далее нам придется иметь дело с превратными формами не только «царства необходимости», но и иных процессов – рождения постиндустриального, постматериального общественного бытия, творческого труда, новых человеческих отношений. Все эти феномены также будут приобретать превратные формы, рождаясь как снятие «царства необходимости», но до кризиса и краха последнего, в его рамках.

Рассматривая «царство необходимости» как единую целостную систему, мы можем подчеркнуть не только господство материального производства и мира отчуждения, но и то, что в этой системе культура

(как мир со-творчества, неотчужденных межличностных, или так называемых субъект-субъектных, отношений)¹ также оказывается подвластна законам отчужденного бытия. В результате (и это – *третья* из выделяемых нами важнейших характеристик «царства необходимости») мир со-творчества, мир культуры, шире – весь духовный мир развиваются преимущественно в формах **духовного производства**. Здесь творчество и созидание культурных ценностей подчинено процессам тиражирования и воспроизводства отраженных форм отчужденного общественного бытия. Здесь господствуют религия, идеология, массовая культура (если говорить о современных феноменах), т.е. формы, которые порождены отчужденными социальными отношениями и подчинены им. Иными словами, предыстория – это система, где господствует духовное производство отчужденных форм общественного сознания.

По-видимому, здесь будет небесполезно еще раз (как и в случае с отчуждением) «поиграть» в дефиниции и поискать определение культуры и связанных с ней процессов со-творчества. Безусловно, это определение будет только первым приближением к раскрытию этой сложнейшей категории, но, в любом случае, использование понятия подразумевает необходимость хоть как-то его описать.

Описание культуры может быть следующим: это мир со-творчества, мир, в котором индивиды вступают в отношения распредмечивания и опредмечивания, а не в отношения производства и потребления².

Соответственно, отношения *распредмечивания и опредмечивания* могут быть определены как своего рода «экстракция» (если говорить о распредмечивании) деятельностной человеческой сущности из предметов, которые даны человеку в его общественных отношениях или ее «воплощении» (если говорить об опредмечивании) в предмете³.

¹ Напомним, что идеи субъект-субъектного отношения, диалога вырастают из работ М. Бахтина, Г. Батищева, В. Библера и их последователей.

² Данное описание, как и многие другие тезисы данной работы, является плодом очных и заочных диалогов авторов с Э. Ильенковым, Г. Батищевым, Н. Злобиным, В. Межуевым и их коллегами.

³ «...Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно...» (Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 94). См. также: Батищев Г. Опредмечивание и распредмечивание // Философская энциклопедия. В 5 тт. Т. 4 / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 154–155.

Приведем лишь несколько примеров. Когда вы используете книгу лишь как вещь, если она для вас – не источник культурных ценностей, а всего лишь килограмм-полкилограмма бумаги с краской на ней, то для вас это – материальный продукт, который можно потреблять: вы можете ее использовать как пресс или подставку под чайник...

Если вы ставите книгу на полку только для того, чтобы создать стильный интерьер в квартире или похвастать дорогим раритетом – вы используете ее как отчужденный социальный феномен.

Но если вы берете и используете эту книгу как источник для размышлений и со-чувствований, если вы вступаете в диалог с автором этой книги, пытаетесь понять его мысли, чувства, стремления, ценности, если они находят отклик (не важно – положительный или отрицательный) в вашей душе, в ваших действиях, в вашем творчестве – в этом случае вы распредмечиваете эту книгу как феномен культуры; она для вас предстает как общественная культурная ценность.

Точно так же вы можете поступить не только с продуктом художественной или научно-образовательной деятельности (книгой, файлом, фильмом, записью музыки, картиной). Вы можете точно так же взглянуть и на любой предмет материального производства. Даже если станок, который, казалось бы, уже не может быть использован иначе как для производства деталей, вы будете рассматривать с точки зрения инженера, то он может предстать в новом качестве. Стараясь понять, какая технология определена в этой машине, как можно изменить параметры ее деятельности или, может быть, создать новую машину, улучшив технологию, определенную в данном агрегате, вы рассматриваете станок как культурную ценность. Для вас в *этом отношении*, в *этой деятельности* он существует не как средство производства, а как феномен культуры.

К человеку, к общественным институтам, к нашей экономической и социальной жизни мы тоже можем относиться как к культурным феноменам. И если для нас капитализм есть не просто мир, в котором мы живем и которому мы подчиняемся; если мы рассматриваем те же деньги или капитал как феномены, которые подлежат критическому исследованию, – если мы поступаем *так*, то в *этом отношении* даже эти феномены рассматриваются нами с точки зрения Человека культурного, с точки зрения диалога с общественным миром, который мы воспринимаем через критическое распредмечивание.

Итак, *культура*, живущая в процессах определмечивания и распредмечивания, есть мир со-творчества и диалога, в котором едины деятельность по определмечиванию и распредмечиванию, ее результаты и «средства», сам участник диалога – творец, Человек. В такую деятельность-со-творчество люди вступают как Личности, а не функции материального производства или отчужденных социально-экономических отношений, отчужденных отношений в сфере духовного производства. Такой диалог, такое со-твор-

чество есть ключ к вратам будущего мира, лежащего «по ту сторону материального производства»¹ – миру **креатосферы**.

И в этом (но и только в этом) смысле Сократ и Маркс, Моцарт и Маяковский, Эйнштейн и Эйзенштейн – все они выполняют роль своегообразного апостола Петра, стоящего у входа в мир креатосферы².

При этом мы отнюдь не уходим исключительно в царство идей. *В основе культуры лежит сузубо материальный процесс творческой деятельности общественного человека.*

Более того, намеренно повторим, само рождение человечества и прогресс материального производства в основе своей обязаны именно этой способности человека к творческой деятельности, к изменению мира не по законам естественной, природной целесообразности, а по законам общественной жизни: труд (в данном случае, наверно, точнее было бы использовать понятие «деятельность»³) как творчество является родовой сущностью человека.

Однако на протяжении всей предыстории эта родовая сущность, во-первых, проявляет себя лишь как исключение, прогресс творческого саморазвития человека идет крайне медленно; во-вторых, эта человеческая сущность, этот творческий потенциал проявляет себя преимущественно в превратных формах и подчинены миру отчуждения. Более того, в условиях «царства необходимости» творческая деятельность человека служит прежде всего решению утилитарных проблем: повышению производительности труда в материальном производстве, совершенствованию систем общественного разделения труда, развитию новых и более сложных форм материального и духовного отчуждения.

Безусловно, *в предыстории присутствуют творчество как саморазвитие человека, прогресс культуры и т.п. Но они присутствуют как (1) исключение и (2) антитезы господствующему социальному содержанию этого мира отчуждения, Прогресс подлинной культуры в мире предыстории есть антитеза подчиняющему человека типу производительных сил (в частности, разделению труда), отчужденных и отчуж-*

¹ Не можем не упомянуть в этой связи использованные Н.С. Злобиным в качестве эпиграфов к своей работе 1979 года (см.: *Злобин Н.С.* Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980) тезисы К. Либкнехта («В будущем → ← не будет иной истории человеческого общества, кроме истории культуры») и В.И. Ленина («Пролетарская культура = коммунизм»).

² Вспомните ленинское: нельзя стать коммунистом, не освоив тех культурных богатств, которые выработало человечество.

³ Именно это понятие широко вошло в категориальный аппарат писавших об этом и упомянутых выше советских философов и психологов 1960-х–80-х годов. О нецелесообразности использования термина «труд» применительно к постэкономическому обществу и различии английских терминов *work* и *labour* подробный комментарий имеется в упомянутых монографиях В. Иноземцева.

дающих – сущностные силы Человека – производственных отношений и других социальных форм. Культура в пустыне предыстории – это родник, который постепенно из ручейка превращается в реку, которая способна напоить живительной влагой отдельные оазисы со-творчества, но не может (и в эпоху предыстории никогда не сможет) превратить в цветущий сад все пространство жизнедеятельности человека или хотя бы большую его часть. Этот ручеек культурного процесса, культурной жизни развивается в жестких и жестоких рамках мира отчуждения и под его влиянием, постоянно «замутняясь» им. Интенсификация этого потока, его очищение, **превращение культуры в доминирующий фактор социального прогресса и есть тот процесс, который подлежит исследованию в данной работе.**

Нам предстоит (еще и еще раз подчеркнем это) посмотреть, каким образом может человеческая предыстория как целое достигнуть точки своего самоотрицания и шаг за шагом породить (через качественные, и в этом смысле революционные, изменения) новый мир – мир, лежащий «по ту сторону» отчуждения, «по ту сторону» материального производства, «по ту сторону» духовного производства отчужденных форм общественного сознания.

Итак, мы можем зафиксировать то *системное качество, которое снимается в процессе рождения нового общества, лежащего «по ту сторону материального производства».* Это господство над человеком отчужденных социальных процессов и отношений, в основе которых лежат материальное производство, общественное разделение труда и утилитарные потребности.

Исходя из этого системного качества, исходя из структуры «царства необходимости», мы можем посмотреть и на процессы снятия этого мира.

Таким образом будет построена и структура заключительной главы нашей Прелюдии. Рассмотрев сначала процесс самоотрицания материального производства, мы перейдем к исследованию перехода от отчужденных социально-экономических отношений к новым формам, которые преодолевают это отчуждение; наконец, мы попробуем понять, как культура вытесняет духовное производство отчужденных форм общественного сознания.

глава 3 Генезис креатосферы как контекст: изменения производительных сил накануне скачка «по ту сторону материального производства»

В I томе нашей книги авторы уже отметили, что идея «царства свободы» как лежащего «по ту сторону собственно материального производства» и развивающегося на базе материального производства как своей объективной предпосылки – эта идея была со всей определенностью высказана в «*Капитале*» К. Маркса. Она обусловлена всем содержанием «Капитала», особенно если понимать его не только как политико-экономическую работу по проблемам капитализма. «Капитал» следует рассматривать в контексте всех остальных социально-экономических и экономико-философских работ Маркса, прежде всего *рукописей* 1844 и 1857–1859 годов. В этом случае станет понятен тезис Маркса о снятии материального производства как снятии всей предшествующей предьстории (еще раз подчеркнем: под «снятием» мы будем иметь в виду не абсолютное отрицание, но отрицание с удержанием положительного; снятие системного качества, в частности, подразумевает (1) накопление всего богатства предшествующего развития, (2) его отрицание – качественное скачок и (3) рождение нового системного качества, критически наследующего достижения предшествующего развития).

В то же время следует подчеркнуть: взгляд на «царство свободы» как мир культуры, лежащий «над» материальным производством, связан с традицией рассмотрения творчества, лежащего в основе прогресса человечества, как мира, «возвышающегося» над «грязным» материальным бытием. Идея, что свобода человека начинается там, где он перестает заботиться о непосредственном материальном бытии, где он может подняться над утилитарными потребностями, – эта идея была хорошо известна со времен первых великих поэтов и ученых, музыкантов и общественных деятелей, заботившихся о ценностях, которые мы бы назвали ценностями мира культуры или культурными ценностями¹.

¹ Как мы уже отмечали выше, эти положения активно развивали советские философы-«шестидесятники» (Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков, Н.С. Злобин, В.М. Межуев, Б.И. Шенкман и др.). В последнее время эта идея оказалась воспроизведена на новом уровне В. Межуевым (см.: *Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2*; В ряде материалов, опубликованных в том же номере, а также в статье Б. Славина в № 4 за 1999 г., эта идея была подвергнута достаточно жесткой критике, на которую В. Межуев, в свою очередь, написал ответ во 2-м номере того же журнала →

Но мы считаем особо важными иные акценты.

Во-первых, творческая деятельность и социальные отношения по ее поводу, креатосфера и «царство свободы» – это не «надстройка», не «общественное сознание», а (намеренно повторим вновь) *новый тип материальных социальных отношений*, снимающих отношения отчуждения (прежде всего производственные отношения «царства необходимости»).

Во-вторых, мы подчеркиваем объективную возможность и необходимость развития со-творчества не как замкнутого пространства («башня из слоновой кости») для избранных («элиты»), задача в ином: так изменить *социальные условия, чтобы к творчеству оказался причастен каждый!*

В качестве небольшого, но важного отступления подчеркнем, что последнее различие принципиально важно: *здесь (выше мы отметили одну из черт границы) проходит водораздел между двумя группами ученых, исследующих названный скачок*. Первые – теоретики постиндустриального (информационного, постэкономического и т.п.) общества – о которых мы писали чуть выше – рассматривают последнее как один из этапов развития мира отчуждения, продукт постепенной эволюции нынешнего капиталистического общества. Вторые – представители творческого марксизма (в том числе авторы этой книги) – акцентируют скачок к «царству свободы» как переход, снимающий отношения отчуждения в социальном мире, переход к миру, где *творческая деятельность обретает свою адекватную общественную форму – ассоциированного социального творчества, доступного для каждого*².

← за 2000 г. Более подробно эта дискуссия отображена в книге: *Межуев В.М., Славин Б.Ф. Диалоги о социализме: два подхода к одной идее* (М., 2001).

¹ Характерно, что последовательно развиваемый первый вариант всегда порождает конфликт реального материального мира и искусственно оторванного от него мира культуры. Пожалуй, наиболее тонкий и целостный образец последнего – Касталия Г. Гессе (см.: *Гессе Г. Игра в бисер*. М.: АСТ, 2006) – также оказался подвергнут сомнению как самоценность, и не кем-нибудь, а главным героем романа, alter ego самого Гессе – магистром игры, само имя которого – Кнехт – указывает на необходимость служения. Пройдя весь предначертанный гегелевской логикой (ассоциации структуры «Игры в бисер» и «Науки логики» довольно прозрачны) путь, он в итоге выбирает не рафинированную обитель «духовности» – Касталию, а едва ли не наиболее массовую творческую деятельность, соединяющую мир культуры, социум и человека с его повседневной жизнью – деятельность воспитателя, педагога. Кстати, к этой профессии приковывали внимание едва ли не все романтики прошлого – от «кремлевского мечтателя» В. Ленина и А. Грамши (см.: *Грамши А. Тюремные тетради*. Ч. 1. М., 1991. С. 433–449) до известнейших советских писателей фантастов – И. Ефремова и братьев Стругацких (см.: *Ефремов И. Час быка; Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень. XXII век; Жук в муравейнике* и др.).

² Подробнее об этом – в заключительном разделе I тома этой книги; см. также: *Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике со* →

В свою очередь, с нашей точки зрения, господствующая ныне форма утилизации творческого потенциала, а именно, **гегемония корпоративного капитала** (подробнее см. I–III части этого тома) является тупиковой ветвью социальной эволюции, рождаемой «закатом» преддытории (и позднего капитализма как ее последней фазы).

* * *

Что же касается структуры данной главы, то, размышляя о проблемах снятия материального производства, мы поступим так, как было сказано выше: возьмем за основу структурирования процесса рождения пост-материального производства структуру того, что подлежит снятию – структуру материального производства.

СМЕНА ДОМИНАНТЫ: ОТ РЕПРОДУКТИВНОГО К ТВОРЧЕСКОМУ СОДЕРЖАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. «РЕВОЛЮЦИЯ ЗНАНИЙ», «ОБЩЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛОВ» И «КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС»

Выше мы уже зафиксировали, что для материального производства типичным является *репродуктивный* труд. Поясним это понятие¹.

Во-первых, этот труд осуществляется как деятельность по производству уже существующих материальных продуктов и утилитарных услуг. Если здесь и происходит некоторое обращение к созиданию культурных ценностей, то лишь в виде тиражирования материальных носителей последних².

Во-вторых, результат репродуктивной деятельности принципиально отчуждаем от самой деятельности. Этот результат всегда связан с внешней формой, как правило, материальным продуктом или услугой.

В-третьих (и этот тезис прямо вытекает из первых двух), мотивом репродуктивной деятельности в сфере материального производства являются утилитарные потребности и ценности, лежащие вне деятельности как

← циального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 110–119.

¹ Классические тезисы К. Маркса и его последователей по поводу превращения репродуктивного труда в творческую деятельность достаточно подробно проанализированы в названных выше работах Г. Батищева, Н. Злобина, И. Чангли и многих других философов и политэкономов поколения «шестидесятников», писавших о коммунистическом труде; этот тезис содержится в работах большинства представителей западного марксизма (от Лукача и Сартра до современных неомарксистов).

² Примеры такого тиражирования могут быть крайне разнообразны: от печатания книги до создания тысяча первой версии одних и тех же приключений героя и его подруги, борющихся с некими преследователями в очередном американском триллере, или тысяча двухсотой серии мыльной оперы: и в том и в другом случае новая культурная ценность не возникает.

таковой. Деятельность сама по себе не является мотивом в той мере, в какой она репродуктивна, подчинена законам «царства необходимости».

Другое дело, что всякая деятельность человека всегда (в силу своей родовой сущности) в некоторой мере содержит творческий компонент, что, в частности, характерно и для господствующей в условиях индустриального общества деятельности частичного работника. Но этот компонент проявляется как исключение. Развитие его, превращение его в правило, в доминанту является главной чертой перехода к будущему обществу, но мы немного забегаем вперед.

В-четвертых, репродуктивная деятельность подчинена внешним силам материального общественного производства, среди которых следует выделить прежде всего определенный тип технологии (в частности, общественное разделение труда). В условиях добуржуазных обществ это диктуемые природой традиции производства, например, традиционный аграрный цикл. В индустриальных обществах это система машин, превращающая человека в частичного работника.

Кроме того, репродуктивная деятельность подчинена не только собственно материально-технологическому процессу (разделению труда, системе машин и т.д.), но и социально-экономическим отношениям, которые имеют отчужденный характер и господствуют над человеком. Это может быть подчинение человеческой деятельности законам рынка и подчинение труда капиталу; в добуржуазных обществах – прямое подчинение человека «внеэкономическому» принуждению, когда рабовладелец или сеньор на основе личной зависимости диктовал содержание, цели, характер жизни, а не только деятельности работника. Вследствие названных причин все основные параметры трудового процесса – цели деятельности, управление этой деятельностью, ее кооперация и организация, качество и объем, ее технология – все они отчуждены от работника.

Такая характеристика репродуктивной деятельности как господствующей в условиях материального производства позволяет (по принципу диалектического отрицания) предположить, что творчество как сущностная характеристика мира, лежащего «по ту сторону материального производства», должно обладать параметрами, снимающими основные перечисленные выше черты.

Следовательно, мы можем предположить, что *творчество* – это деятельность, посредством которой нечто, отсутствующее в наличном бытии, но возможное исходя из его «логики», обретает это наличное бытие. Говоря на языке Г.В.Ф. Гегеля, творчество можно определить как деятельность, посредством которой определенное ничто (ничто некоторого [потенциально возможного] нечто) становится нечто¹.

¹ Это определение, восходящее к классической гегелевско-марксовской традиции, авторы позаимствовали у Г.В. Лобастова (см.: Лобастов Г.В. Диалектика разумной формы и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012). →

Как таковое *творчество есть (1) деятельность, созидающая (2) феномены культуры и (3) развивающая ее агентов в процессе (4) диалога (субъект-субъектного отношения) между индивидами* (это определение восходит к уже называвшимся работам Г. Батищева и В. Библиера).

Деятельность, в отличие от [репродуктивного] труда¹, есть не производство и потребление вещей, а процессы опредмечивания [феноменов культуры, идеального] и распредмечивания [деятельной сущности предметов, материального]².

← Поскольку мы не уверены, что читателю понравится гегельянская манера изложения, прокомментируем приведенную выше в принципе понятную характеристику простейшим примером: до середины XIX века электродвигатель отсутствовал как «наличное бытие», но объективно существующие законы физики делали его «бытие» вполне возможным. Задача творца была проста: перевести небытие электродвигателя в «наличное бытие», превратить электродвигатель из «ничто» в «нечто».

¹ «Труд» по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. ... Частная собственность есть не что иное, как *овеществленный труд*. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние*, но и как на *деятельность*, как на труд» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 242). Этот акцент именно на деятельности был характерен и для многих советских ученых-«шестидесятников». Позднее ряд из них стал авторами коллективной монографии, где деятельность рассматривалась в качестве исходной категории, предельной абстракции системы категорий исторического материализма.

² Вот как определяет эти категории выдающийся критический марксист-«шестидесятник» Генрих Батищев в своей очень известной в свое время статье для «Философской энциклопедии», вышедшей в СССР в 1960-е годы, и содержащей едва ли не наиболее критичную и творческую версию советской философии марксизма: «Опредмечивание и распредмечивание – категории марксистской философии, выражающие собой противоположности, единством и взаимопроникновением которых является человеческая предметная деятельность. Определмечивание – это процесс, в котором человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем, благодаря чему предмет становится социально-культурным, или «человеческим предметом» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 42. С. 121). Деятельность опредмечивается не только во внешнем результате, но и в качествах самого субъекта: изменяя мир, человек изменяет самого себя. Распредмечивание – это процесс, в котором свойства, сущность, «логика предмета» становятся достоянием человека, его способностей, благодаря чему последние развиваются и наполняются предметным содержанием. Человек распредмечивает как формы прошлой культуры, так и природные явления, которые он тем самым включает в свой общественный мир. Определмечивание и распредмечивание раскрывают внутренний динамизм материальной и духовной культуры как живого целого, существующего только в процессе непрерывного воспроизведения его и созидания человеческой деятельностью» (Философская энциклопедия. В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия. 1960–1970. Т. 4).

Культура – суть понятие, отражающее не особую отрасль общественного производства, работающую под руководством министерства культуры, а особый спектр общественного и индивидуального бытия: идеальное¹. Последнее есть не просто «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»², но представление де-

¹ Вот лишь три фрагмента из определения идеального, данного Э.В. Ильенковым в ставшей научным открытием статье в «Философской энциклопедии» в середине 60-х гг. XX века:

«Ясно, что пытаться объяснять идеальное из анатомо-физиологических свойств тела мозга – это такая же нелепая затея, как и попытка объяснять денежную форму продукта труда из физико-химических особенностей золота. Материализм в данном случае заключается вовсе не в том, чтобы отождествить идеальное с теми материальными процессами, которые происходят в голове. Материализм здесь выражается именно в том, чтобы понять, что идеальное как общественно-определенная форма деятельности человека, создающей предмет определенной формы, рождается и существует не «в голове», а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека как действительного агента общественного производства» (Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 219–227). «Идеальное всегда выступает как продукт и форма человеческого труда, процесса целенаправленного преобразования природного материала и общественных отношений, совершаемого общественным человеком» (Там же). Последующая история отечественного критического марксизма стала ареной интереснейшей дискуссии по проблеме идеального между сторонниками Э.В. Ильенкова (С.Н. Мареев, Г.В. Лобастов, А.А. Сорокин) и другого выдающегося философа нашей страны – Михаила Лифшица (В.Г. Арсланов). В этой дискуссии были проявлены многие тонкости трактовки этой категории и сформулированы оригинальные, идущие далее наследия Ильенкова и Лифшица, положения (см.: Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 6–62; Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального) М.: Прогресс-Традиция, 2003; Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007; Лобастов Г.В. Идеальное. Ильенков и Лифшиц. М., 2004; Мареева Е.В., Мареев С.Н. Проблема мышления: созерцательный и деятельностный подход. М.: Академический проект, 2013; Сорокин А.А. Идеальное, проблема творчества и развитие человека // Вопросы философии. 2009. № 6).

Развернувшаяся в журнале «Альтернативы» дискуссия на эту тему была инициирована полемикой между В.М. Межуевым и А.Д. Майданским (см.: Межуев В.М. Есть ли материя на Марсе? // Альтернативы. 2013. № 2; Майданский А.Д. Диалектика материального // Там же; Межуев В.М. Мой ответ Майданскому // Там же) и продолжена многими известными философами (см.: Круглый стол о материальном и идеальном // Альтернативы. 2013. № 3).

² По поводу знаменитой фразы «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 21) в марксизме было дано немало комментариев, показывающих, что ее нельзя понимать буквально. В этой связи особо показательным не менее известное →

ательностной сущности материального феномена. Роман «Война и мир» или закон Ома есть идеальное, ибо они отражают в виде некоторых материальных феноменов (знаков, напечатанных на бумаге или иначе отображенных) некоторые черты человеческих отношений и физических взаимодействий. Точно так же феноменом культуры может быть трактор или завод, если они выступают не в качестве средств производства, а как предметное воплощение технологии, подлежащее распределению креативным субъектом (например, инженером, стремящимся улучшить их конструкцию). Точно так же феноменом культуры может быть девственная природа, есть она выступает как эстетический феномен, или подлежащая охране ценность¹.

Становясь созидателем культуры, человек оказывается подобен богу, что заметили еще великие художники и мыслители эпохи Ренессанса, для которых бог оказался товарищем по цеху². Позднее сходный

← положение В.И. Ленина, раскрывающее суть *диалектико-материалистического* взгляда на проблему: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» (*Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194, 195*).

¹ Такое понимание культуры развито в работах ряда советских марксистов, в частности Н.С. Злобина и В.М. Межуева. В последнее время это достижение творческого марксизма воспроизвел А. Шубин, справедливо связав проблему культуры и творчества со свободой: «Содержание позитивной свободы – собственно человеческая деятельность – это социальное, интеллектуальное, художественное и духовное творчество, осуществляемое в поле культуры. Из этого же следует, что человеческая личность может быть превращена в инструмент культуры. Это значит, что человеческое начало, его субъектность, снова подавлено, человеческое начало погашено. Поле культуры – условие развития человеческого начала, но оно же и угроза ему» (см.: *Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 131–132*). Сомнение вызывает только конечная часть утверждения, ибо подчиняет человека не культура как таковая, а ее определенная исторически-конкретная отчужденная социальная форма. Культура же как мир постоянной творческой критики, снятия предшествующего канона, человека не закрепощает, а, напротив, делает критичным и открытым: творец не может быть иным по определению. Другое дело, что вплоть до настоящего времени культура, как правило, развивается именно в и посредством именно отчужденных социальных форм.

² Мы упоминали об этом в I томе книги, здесь же намеренно повторяем ввиду важности этого аспекта для исследования сущности творческой деятельности человека. Об этом становлении человека как созидателя культуры так пишет Л. Булавка – автор ряда статей, посвященных сравнительному анализу Ренессанса и Советской культуры: индивид Возрождения, «“выделившись” из понятия “Бог” как единственной и абсолютной субстанции бытия, сделал первый шаг в мир культуры, чтобы уже в нем в полной мере обрести свою субъектность» (см.: *Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: социологический анализ // Фундаментальные проблемы культурологии. →*

взгляд прозвучал в работах Бердяева и его явных и неявных последователей¹.

Соответственно, *диалог* есть взаимодействие индивидов, где каждый из них есть особенный субъект [творческой] деятельности, а не пассивный объект чьего-либо активного воздействия².

Результатом творческой деятельности является (1) некоторый феномен культуры и (2) саморазвитие ее субъекта (последнее обуславливает самомотивацию творческой деятельности). Как таковая творческая деятельность есть вместе с тем и субъект-субъектное отношение, диалог (а это ее качество делает творческую деятельность-отношение неотчуждаемой)³.

Последнее представляет собой едва ли не самый тонкий и сложный аспект, и потому требует пояснения. Прежде всего подчеркнем, что субъект-субъектный диалог может быть непосредственным, актуаль-

← Том 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.–СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 250).

Это субъектное бытие индивида открыло новые горизонты культуры, что подтверждает не только Ренессанс, но в еще большей степени – Советская культура. И суть этой новизны как для Ренессанса, так и для советской эпохи – «взрывообразный, революционный характер развертывания творческой энергии общественного субъекта, обусловленный его мощными преобразовательными интенциями» (Там же. С. 252).

¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1989; Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Философия свободного духа. М., 1994; Щедровицкий Г.П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное // На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Школы культурной политики, 2004; Щедровицкий Г.П. Интеллект и коммуникация // Вопросы философии. 2004. № 3. См. также об этом: Кутырев В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. С. 119, 120.

² Проблема диалога как отношения, в котором каждая из сторон выступает в качестве субъекта со-творчества, а отношения социального отчуждения отсутствуют, была поднята и во многом раскрыта в работах Михаила Бахтина с отсылками к творчеству Федора Достоевского (*Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics / Edited and translated by Caryl Emerson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984*) и, позднее, Владимира Библиера (*Библиер В.С. Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975*). В отличие от теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса (*Habermas J. Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. P. 18, 86, 95*), предполагающего поиск взаимопонимания в рамках принятых норм, диалог как со-творчество предполагает взаимное со-творение новых культурных ценностей. Подробнее авторское видение этой проблемы раскрыто в статье: Бузгалин А.В., Булавка Л.А. Диалектика диалога versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. 2004. № 1).

³ А эти слагаемые определения творчества восходят к уже называвшимся работам Г. Батищева, В. Библиера и их коллег.

ным, когда индивиды кооперируются друг с другом в процессе совместного научного, педагогического, художественного, социального, etc. новаторства. Но он может быть и *опосредованным*, когда взаимодействие творцов осуществляется посредством материального носителя культурных ценностей: взаимодействие автора книги и ее читателя, ученого, создавшего научную гипотезу и его преемника, который спустя десятилетия изменяет, критикует, развивает идеи своего учителя.

В последнем случае важна не специфика технологии, которая опосредует этот диалог (взаимодействие может быть опосредовано книгой, компьютером, системой информационных сетей), а то, что этот диалог построен именно как со-творчество, то, что здесь происходит распределение и опредмечивание культурных ценностей, а не (только) материальное производство и утилитарное потребление.

Как таковая, *творческая деятельность*, с принципиальной точки зрения (абстрагируясь от всех прочих моментов, в том числе от того, что доньше она всегда сращена и с репродуктивным, подчиненным технологиям, трудом – но об этом ниже), *является универсальной*. Иными словами, *она не подчинена определенному жестко заданному технологическому процессу, и в частности общественному разделению труда*.

Последнее не означает, что индивид, занятый творческой деятельностью, не может специализироваться в определенной сфере. Напротив, он всегда производит конкретный, особенный творческий результат, определенную, конкретную культурную предметную реальность, ценность (роман, теорему...). Но для того чтобы создать ее, он должен вступать в диалог с широким кругом феноменов мира культуры и других лиц, и чем шире этот круг, чем он разнообразней и вместе с тем гармоничней, чем точнее подобрана диалектически-целостная комбинация, всеобщность параметров этой деятельности, позволяющих создать данную культурную ценность, тем выше будет творческий потенциал такого труда.

Последнее требует некоторого прояснения. *Для творческой деятельности характерна специфическая природа «кооперации»¹*, взаимо-

¹ Показательно в этом отношении проведенное еще К. Марксом различие всеобщего (творческого) и совместного (репродуктивного) труда: «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С.116).

«Этот труд, – писал Маркс, – имеет научный характер, ... он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, →

действия (непосредственного и опосредованного) между участниками этого процесса. Для того чтобы создать, «сотворить» некий результат, его автор, творец должен соединить в своей деятельности (в распределении) такой набор культурных феноменов, который позволяет создать *новое всеобщее, целостное качество реальной жизни*.

Эта достаточно абстрактная философская формулировка может быть пояснена на некоторых примерах.

Писатель должен суметь интегрировать в себе понимание мотивов, ценностей, логики поведения широкого круга людей отображаемой им эпохи, для того чтобы выразить их (точнее, если мы говорим об искусстве, свое видение их, свое отношение к ним) в книге, представляющей квинтэссенцию данной системы.

Ученый должен суметь соединить, по-новому осмыслив, критически распредметив, известные ему факты, а также теоретические, а иногда и художественные достижения своих предшественников. При этом, как правило, задачей является соединение в научной деятельности, казалось бы, несоединимых или неизвестных параметров в несуществующие до этого комбинации, позволяющие создать новое истинное (практикой подтверждаемое) знание.

Для педагога такой проблемой является создание творческой атмосферы в группе его учеников, с которыми он вступает в общение; нахождение для них такого способа жизнедеятельности, таких отношений, которые бы каждому из них дали простор для свободного гармоничного развития его личностных качеств.

Для социального новатора это умение увидеть в общественных отношениях проблему, которая еще не была решена, и подобрать адекватные средства, механизмы (отчасти известные, отчасти еще не известные в существующем мире) для того, чтобы сотворить образ нового общественного отношения, а затем совместно со своими коллегами реализовать его на практике.

Итак, творческая деятельность есть диалог как с современниками, так и с предшественниками, создание новой, неизвестной, не существовавшей до этого комбинации (кооперации) творческих деятельностей и их результатов, которые порождают, соединившись в единую систему, новое системное качество, новый феномен мира культуры, представляющий культурную ценность. Таково специфическое содер-

← естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 110). Обобщение исследований всеобщего труда советским критическим марксизмом см. в: *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Труд и социализм. Пермь: Изд-во ПГУ 1991; см. также: *Яковлева А.Ф.* Социальное и философское значение «всеобщего труда» Маркса // *Критический марксизм. Поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под. ред. Г.Ш. Аитовой.* М.: ЛЕНАНД, 2014.

жание творчества и, как таковое, оно не может быть подчинено внешним параметрам (таким, как разделение труда или отношения мира отчуждения).

Сказанное выше, однако, характеризует лишь одну из сторон процесса со-творчества. Будучи диалогом, субъект-субъектным отношением, оно не может не быть и процессом саморазвития и самореализации его участников. *Диалектическое, противоречивое единство творчества как (1) процесса деятельности, создающего предметный мир культуры, и (2) субъект-субъектного отношения, диалога, в котором осуществляется саморазвитие личности, составляет сущность творческой деятельности-отношения*¹.

Следовательно, и результатом творческой деятельности является не только создание предметного мира культуры (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), но и саморазвитие человека в процессе творческой деятельности.

Здесь изменяется само содержание труда (что позволило К. Марксу в своих ранних работах говорить об «уничтожении» труда²), который превращается в деятельность по созиданию (и саморазвитию) человека. Продукт творческой деятельности – книга, научная теория или что-то еще – является своего рода «вторичным» результатом, ибо человек, осуществляющий творческую деятельность, преследует прежде всего один (причем в некотором смысле эгоистический) интерес – *интерес самореализации*, интерес творчества³.

Соответственно, атрибутом творческой деятельности становится ее *внутренняя мотивация*. Ценность, мотив, интерес, который движет таким человеком – это деятельность-общение (диалог) как таковая (иная

¹ В большинстве современных работ по проблеме творчества акцент делается либо на одной, либо на другой стороне содержания творчества. Не принимая диалектического метода вследствие отторжения диалектического способа жизнедеятельности, эти авторы находятся в плену оппозиции так называемого «субъективного» (самореализация как суть творчества – В. Иноземцев) или «объективного» (создание нового как главное в творчестве) подходов.

² «...Коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, устраняет труд...» (Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 70).

³ Этот тезис давно известен в социофилософской литературе. Нам наиболее знакома марксистская традиция – от самого К. Маркса через Ленина, Люксембург, Лукача, Грамши, Сартра и т.д. к ученым 1960–1980-х годов, для которых тезис о самореализации и свободном развитии человека в творческой (свободной) деятельности, выступающей как самоцель, стал общим местом. Кроме того, эта идея довольно полно представлена в работах Э. Фромма и его единомышленников. В настоящее время эту идею вновь «открывают» западные авторы и их последователи, обращаясь преимущественно к прикладным аспектам этой проблемы.

форма того же мотива – свободное время, которое на самом деле соединяется с временем труда). Но это особая материя, к которой мы еще вернемся.

Как таковая творческая деятельность является атрибутом человека как родового существа (Маркс, Лукач) и в потенции принадлежит каждому индивиду, что доказали, с одной стороны, работы западных гуманистов¹, а с другой – советская марксистская психологическая и философская школа².

Это положение в более или менее явной форме не признается большинством зарубежных и выросших на их работах отечественных авторов, рассматривающих «информационную революцию» с праволиберальных позиций, обосновывающих закономерность элитарного характера творческой деятельности «креативного класса». К критике этих взглядов мы обратимся ниже, а сейчас отметим, что такой взгляд неслучаен: на протяжении тысячелетий продолжающегося «царства необходимости» от человека была и остается отчуждена эта его родовая способность. В результате подавляющее большинство представителей рода человеческого было обречено на репродуктивную деятельность. Последнее, естественно, не следует рассматривать как чью-то злую волю. Объективные параметры – низкий уровень производительности труда и соответствующие этому уровню отношения первоначально личной, а позднее вещной зависимости – обусловливали это отчужденное бытие человека. Однако развитые в процессе эволюции предыстории производительные силы Человека к настоящему времени создают возможность включения все большего (в ближайшей перспективе – подавляющего) круга людей в творческую деятельность, и во все большей степени их невовлеченность в творчество оказывается следствием сохранения отношений гегемонии корпоративного капитала.

Вернемся к исходному пункту: *по своей сути (саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей) творческая деятельность и ее результаты (предметный мир культуры, саморазвитие человека, отношения диалога) неотчуждаемы от ее субъекта.*

Другое дело, что *от человека может быть отчуждена возможность быть субъектом такой деятельности*, что и является типичным для подавляющего большинства современных работников, по-прежнему осуществляющих по преимуществу репродуктивные трудовые функции. Более того, несмотря на содержательную неотчуждаемость творчества от его субъекта, социально-экономическая форма творческой деятельности может носить отчужденный характер, будучи антагонистически неадекватна своему содержанию (этот феномен подобен использованию на крепостных фабриках или концлагерях лично зависимого ра-

¹ См.: Фромм Э. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990. С. 94

² См., в частности: Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: МПСИ, 2010; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

ботника для выполнения функций индустриального – содержательно требующего юридически свободного субъекта – труда).

Соответственно, *адекватной для такой (творческой) деятельности является система общественных отношений, при которых эта деятельность не отчуждена, содержательно свободна.*

Здесь следует сделать оговорку, которая, как рефрен, повторяется на протяжении данного раздела. *Соотношение репродуктивного труда и творческой деятельности всегда характеризуется определенной мерой* (в диалектическом единстве качества и количества развития одного и другого). Любая человеческая деятельность на любой стадии развития будет включать как репродуктивный, так и творческий компонент. Вопрос лишь в мере. С того момента, когда количественный рост творческого компонент «перевешивает» репродуктивные, задавая основные параметры деятельности (цели, мотивы, технологию, способ кооперации и т.п.) на основе законов со-творчества, происходит качественный скачок¹.

Итак, движение к «царству свободы» знаменуется переходом к доминированию творческого содержания деятельности, в отличие от репродуктивного труда.

Отчасти аналогией такой трансформации может быть переход, который в свое время совершался от аграрного труда к индустриальному (правда, эта аналогия ограничена, ибо переход к творческой деятельности есть скачок более масштабный). Хорошо известно, что вплоть до конца XIX века на большей части земного шара доминирующим был аграрный труд (преимущественно ручной, подчиненный биологическому природному циклу и зависящий главным образом от внешних природных параметров). Индустриализация привела к тому, что в развитых странах к середине XX века лишь 5–10% населения было занято собственно аграрной деятельностью (сейчас эта доля сократилась в ряде

¹ В качестве важного примечания напомним, что человек, как родовое существо, как представитель рода Человек (мы в данном случае используем этот термин как синоним генетически-всеобщего определения человека как общественного универсально-деятельного существа – подробнее см.: Проблема человека в современной философии. М., 1969; Лукач Д. К онтологии общественного бытия. М., 1991), всегда был, есть и будет наделен способностью к творческой деятельности; его деятельность в целом, во всемирно-историческом измерении всегда носила творческий характер, и этим она отличалась от псевдодеятельности, активности животных. Другое дело, что в условиях отчуждения творческие функции были характерны преимущественно для узкого круга представителей того привилегированного сословия, которое сегодня принято называть интеллигенцией, тогда как деятельность большинства работников носила главным образом репродуктивный характер. Впрочем, это повторы, хотя повторы достаточно важные и потому, на наш взгляд, уместные как постоянное напоминание о контексте.

стран до 2–3%), да и сама она во многом носит индустриальный характер, осуществляется при помощи машин, а ее зависимость от природных, биологических параметров существенно снижена¹. Именно в результате резкого сокращения аграрного ручного труда и развития индустрии развитые страны смогли решить проблему устойчивого и достаточного производства сельскохозяйственных продуктов.

Используя эту параллель, можно предположить, что именно прогресс *творческой деятельности по созданию культурных ценностей позволит решить проблему оптимального (достаточного для удовлетворения рациональных утилитарных потребностей) производства материальных благ*. При этом мы должны помнить, что параллель – это отнюдь не доказательство; обоснование предложенного выше тезиса мы постараемся дать ниже.

Продолжая характеристику творческой деятельности, мы можем ввести еще один параметр (как будет показано ниже, он на самом деле строго *выводится* из содержания творческой деятельности): *изменение соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего и изменение их содержания*.

Для «царства экономической необходимости» рабочее время определялось как время труда, подчиненного внешним параметрам, причем это рабочее время, как правило, распалось на необходимое (связанное с воспроизводством работника) и прибавочное (в течение последнего создавались блага, необходимые для воспроизводства господствующего класса).

Выше авторы использовали марксистский подход. Но даже если оставить его в стороне, то все равно можно заметить, что рабочее время было временем, в течение которого человек был подчинен технологиям материального производства и господствующим экономическим отношениям, осуществлял репродуктивную деятельность.

Соответственно, свободное время было по преимуществу временем, в течение которого человек мог восстановить свою рабочую силу (способность к труду) и воспроизвести тем самым свои качества как фактора производства – вещи особого рода². Это время, скорее, следовало бы называть временем *досуга* (именно этот термин, кстати, и используется, как правило, на Западе для обозначения нерабочего времени), в отличие от свободного времени.

¹ В ряде случаев это приводит к поразительным результатам, когда сельскохозяйственные продукты – фрукты, овощи – в магазинах развитых стран кажутся произведенными на конвейере.

² Рабочая сила была и остается покуда вещной формой, присваиваемой в процессе купли-продажи этого товара на рынке труда; в данном случае мы рассмотрели положение дел в условиях развитого – буржуазного – материального производства; ранее в этой сфере господствовали отношения внеэкономического принуждения.

Переход к творческой деятельности существенно изменяет содержание и рабочего, и свободного времени. В новых условиях *свободное время* (будущи, как и прежде, периодом, когда человек не занят репродуктивным трудом) *становится временем, в течение которого человек может развиваться как свободная творческая личность*, как личность, обладающая потенциалом творческой деятельности, осуществляющая жизнедеятельность вне жесткой экономической, правовой и иной социальной детерминации¹.

Поскольку это развитие происходит преимущественно в самом процессе творчества, и, более того, процесс творчества является самоцелью и в некотором смысле удовольствием, а не обузой и необходимостью, постольку *время творческой деятельности и свободное время совпадают*. Свободное время тем самым соединяет в себе два качества: собственно время творческой деятельности и время рекреации, время восстановления человека как субъекта творчества.

Последнее отличает свободное время от времени досуга, когда происходит восстановление качеств человека как особой «вещи» (например, товара «рабочая сила», «клиента», потребителя), как предмета, подлежащего утилитарному потреблению в процессе репродуктивного труда (напомним: материальное производство с точки зрения использования человека как ресурса есть потребление рабочей силы) и утилитарного потребления.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в «царстве свободы» *работчим является время, которое необходимо затратить на репродуктивный труд* (напомним: он всегда будет иметь место, хотя его роль и сокращается). Свободным будет время (еще раз подчеркнем это) творческой деятельности, общения, развития человека и его рекреации как личности в различных формах.

Соответственно, *мера «заката» «царства необходимости» и генезиса «царства свободы» может определяться соотношением сво-*

¹ «...Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т.е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, обратно воздействует на производительную силу труда» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 221). «Только многообразие человеческих индивидуальностей создает подлинное богатство общественной жизни, позволяет вместить в нее всю палитру человеческих связей и отношений. Труд, имеющий целью формирование собственного «я», позволяющий людям свободно избирать формы своего общения, доступен не только интеллектуальной и художественной элите, но каждому человеку. ...В свободное время, если оно действительно свободно, хочет сказать Маркс, люди производят не вещи и не идеи, а самих себя во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми» (Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. С. 135).

бодного времени и рабочего времени, которым располагает данное общество.

Одним из наших старших коллег – Побиском Кузнецовым¹ – была предложена оригинальная и весьма продуктивная методология исчисления этой пропорции. Суть ее достаточно проста: мы можем рассмотреть миллион жителей определенного сообщества. Достаточно очевидно, что в течение года этот миллион жителей обладает фиксированным объемом времени (количеством астрономических часов за год, помноженным на миллион жителей, за вычетом времени на сон и другие биологические функции). Далее мы определяем, какая часть этого времени данным миллионом граждан используется для репродуктивной деятельности, «досуга» и других функций, которые не связаны с жизнедеятельностью человека как творческой личности. Это будет одна часть пропорции. Вторая часть пропорции – все время, которое используется данным миллионом жителей для своего свободного гармоничного развития в самых различных формах: творческой деятельности, рекреации своего творческого потенциала, общения и т.д.

Существенно, что кажущаяся очевидной угроза одностороннего духовного развития, своего рода аскетизма (наподобие аскетизма монахов или сконструированной Г. Гессе «страны духа» Касталии) и чрезмерного ограничения утилитарного потребления на самом деле отнюдь не угрожает социуму, в котором доминирует творческая деятельность. *Многообразная и массовая (общедоступная) творческая деятельность ученых и педагогов, художников и врачей, людей, занятых рекреацией природы и общества, социальных новаторов и менеджеров предполагает необходимость постоянного развития своей материальной базы – как в области производства, так и в области обеспечения достаточно высокого уровня материального потребления.* Этот уровень, как мы показали выше, должен обеспечивать высокие показатели здоровья (а для этого нужно высококачественное питание, развитая инфраструктура спорта и отдыха), быть адекватен развитым эстетическим требованиям, экологическим стандартам, и при этом достигаться с минимальными затратами репродуктивного труда в бытовой сфере (для чего также нужна развитая технология).

Пропорция между свободным и рабочим временем (включающим в том числе время создания материальных предпосылок творческой деятельности) вполне может быть исчислена. Ее изменение будет важным индикатором, показывающим меру продвижения к «царству свободы». С того момента, когда для общества доминирующим станет свободное время, а репродуктивная деятельность и, соответственно, рабочее время и время досуга будут занимать сравнительно небольшую

¹ См.: По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1990. С. 227–251.

часть жизнедеятельности членов общества, мы сможем сказать, что количественное изменение пропорций необходимого и свободного времени отражает качественный скачок, переход к доминированию новых отношений, характерных для «царства свободы».

Такая характеристика творчества позволяет по-новому взглянуть на «средства производства» творческой деятельности и ее «технологию».

Почти все необходимое для характеристики «технологии» и «средств производства» творческой деятельности было сказано выше.

Если в качестве «ресурсов» этой деятельности выступают феномены мира культуры, а средствами их использования становятся субъект-субъектные отношения, диалог, процессы опредмечивания и распределмечивания, то достаточно понятно, что ключевым параметром («ресурсом») такой деятельности становится «человек культурный», «человек-креатор». Соответственно, *формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой – главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности.*

Отсюда – задача *свободного всестороннего и гармоничного развития личности*¹, сформулированная Марксом 150 лет назад как высшая цель общества, снимающего противоречия капитализма, противоречия предыстории (кстати, весьма важно в этой связи акцентирование именно этой задачи общества будущего в широко известных замечаниях В.И. Ленина на плехановский проект программы РСДРП; Ленин и позднее постоянно подчеркивал несводимость цели социализма к росту материального потребления, при всей важности последнего)².

Здесь, на наш взгляд, уместна аналогия между «производством» творческой личности как главным «средством производства» креатосферы и прогресса постиндустриального общества, с одной стороны, и производством средств производства как главным фактором прогресса индустриального общества – с другой. В последнем, напомним, именно уве-

¹ Подчеркнем: речь идет именно о процессе развития человека, бесконечном прогрессе его личностных качеств, а не о создании раз и навсегда некоторых абсолютных всезнаек.

² Обратимся вновь, намеренно повторяя соответствующие положения I тома нашей книги, к известным ленинским замечаниям на плехановский проект программы РСДРП: «Неудачен и конец параграфа: «планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов» Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет всего общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и *свободного всестороннего* развития *всех* членов общества» (Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232).

личение индустриального потенциала является главным технико-производственным орудием роста общественного богатства.

Иными словами, в *«царстве свободы»* формирование «человека культурного» и является своего рода аналогом производства средств производства в *«царстве необходимости»* (на индустриальной фазе его развития).

Формирование «человека культурного» происходит как в самом процессе творчества, так и, первоначально, в сфере образования в единстве воспитания и обучения.

Тем самым образование (и, в частности, **воспитание**) становится своего рода «первым подразделением» общественной деятельности в рамках мира креатосферы.

Последнее при этом становится не столько отраслью производства знающего специалиста, формирования рабочей силы для той или иной репродуктивной деятельности, пусть даже высокой квалификации, сколько сферой формирования «человека культурного». Обучение и воспитание становятся «первым подразделением» креатосферы в той мере, в какой обеспечивают формирование человека, обладающего творческими способностями (авторы отнюдь не забывают того, что формирование творческого потенциала личности происходит прежде всего в самой деятельности, разновидностью которой – в том числе со стороны ученика – являются и обучение, и воспитание). Они должны содействовать формированию человека, (1) способного к диалогу, со-творчеству, собственно человеческому неотчужденному общению и (2) умеющего увидеть проблемы, противоречия этого мира, найти новые комбинации известных элементов и своей деятельностью создать недостающие элементы для того, чтобы инсайт, творческое озарение породило новую культурную деятельность¹.

Соответственно, деятельность по созиданию предметного мира культуры, будь то активность ученого или художника, социального работника или эколога, учителя или управленца, становится своего рода аналогом «второго подразделения», созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распремечиваются в культурном диалоге.

Спецификой творческой деятельности, однако, является не столько разделенность, сколько синкретичная сращенность, слитность этих двух «подразделений», ибо, как уже говорилось, творчество есть деятельность, в которой одновременно развивается ее субъект и создается культурная ценность. Эта двойственность есть атрибут творческой деятельности.

¹ Выражаясь языком Э. Фромма, этот человек должен быть, а не иметь. Леонтьевская школа психологии в данном случае делает акцент именно на деятельностиной стороне человека, а не просто его способности быть (см.: Леонтьев В. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975).

Таковы основные слагаемые творческой деятельности, включая ее содержание, «ресурсы», технологию и «средства производства».

* * *

Сказанное свидетельствует, что позиция авторов, очевидно, существенно отлична от господствующих ныне представлений о творческой деятельности. Подобно тому, как превратной формой культурных ценностей стало производство, распространение и использование информации-товара, так и *превратными формами творческой деятельности стали «производство» профессионалов и развитие информационных технологий* как главных средств жизнедеятельности информационного общества, общества профессионалов (авторы в данном случае на время абстрагируются от наиболее отчужденной формы – производства симулякров, к политэкономии которых мы вернемся в последующих разделах книги). Существенно, что и информация, и профессионал – это однородные, редуцированные элементы креатосферы, характерные для современного мира: сохраняющееся господство материального производства, отчуждение (если говорить конкретно, то прежде всего власть виртуального финансового капитала – подробнее об этом мы будем рассуждать во II части работы) пытаются «перевести» творческую деятельность и ее компоненты в плоскость традиционного производства и потребления благ, имеющих форму товара и капитала. Так глобальная гегемония капитала редуцирует процесс генезиса креатосферы до утилитарных, включаемых в мир тотального рынка, процессов. Эта объективная редукция и трансформация обуславливают и ограниченное теоретическое видение этих изменений. Вследствие этого качественные изменения, происходящие в экономической и общественной жизни на рубеже веков, процесс генезиса креатосферы трактуются большинством современных авторов как всего лишь рождение «*информационного общества [экономики]*» или «*общества [экономики], основанного на знаниях*» («*знаниеинтенсивной экономики*» и т.п.)¹.

¹ Среди многочисленных работ по данной проблеме хотелось бы выделить, во-первых, известные работы И. Масуды и Т. Сакайи по данной теме (см.: Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society, Washington, 1981; Sakaya T. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. Tokyo-N.Y., 1991); во-вторых, работы, акцентирующие противоречия развития информационного общества (кроме многократно упоминавшихся работ М. Кастельса и Дж. Рифкина, также Branscomb A. Who Owns Information? From Privacy to Public Eccess. N.Y., 1994; Davis J., Hirschi T., Stack M. Cutting Edge. Technology, Information, Capitalism and Social revolution. L.-N.Y.: Verso, 1997; Wresch W. Disconnected. Haves and Have-nots in the Information Age. New Brauunswick, 1996); в-третьих, работы обзорного характера (см.: Webster F. Theories of the Informational Society. L.-N.Y., 1995; см. также: Boisot M. Knowledge Assets. Oxford, 1998; Dordick H., Wang G. The Information Society: →

Последний вариант следует признать несколько более плодотворным, нежели просто апеллирование к росту значения информации и информационных технологий. Акцент именно на знании (информации, «переработанной», «освоенной», открытой для использования) оказывается сопряжен с акцентированием и таких процессов, как рост роли образования и науки, научно-образовательных центров в развитии как производства и общества, так и отдельного индивида. Здесь, тем самым, происходит определенное продвижение к выделению более глубоких пластов происходящих ныне изменений, а именно – возрастания роли творческой деятельности как основы формирования креатосферы – основы неотчужденных форм социального развития.

Однако и в этом случае большинство авторов трактует рост роли знаний лишь с точки зрения фиксации тех изменений в существующих отчужденных формах экономической и общественной жизни, мало задумываясь над проблемой изменения самих этих форм (в лучшем случае отмечая некоторые «нестыковки» в законах развития традиционных механизмов социально-экономической организации (рынка и т.п.) и законов «общества знаний» (последнее характерно, в частности, для работ Этциони и большинства теоретиков-социалистов, затрагивающих эти проблемы).

Такой подход позволяет интерпретировать и теории «общества профессионалов», «общества знаний» и т.п. как характеристики примерно одного и того же процесса: во всех этих случаях речь идет о том, что *знания и профессионализм стали своего рода субститутами мира культуры и творческого потенциала человека.*

Безусловно, такой подход вызовет, по меньшей мере, недоумение среди авторов, пишущих о названных «обществах» и «революциях». Но это неслучайно: любая превратная форма характеризуется противоречием между ее подлинным содержанием и самой формой как таковой. Так же и здесь: «общество знаний», «революция знаний» – это термины, обозначающие превратные формы. Но эти формы (1) реальны и (2) не могут существовать и развиваться без своего содержания, без творческой деятельности и культурного диалога, без формирования творческой личности и ее новаторского потенциала как содержательных процессов, лишь «переворачиваемых» в современном мире с лица на изнанку, редуцирующих со-творчество до деятельности профессионалов, обладающих знаниями, использующих знания и производящих знания.

Это редуцирование и вызываемое им «переворачивание» неслучайны: знание и знаниеинтенсивные технологии (в отличие от культурных

← A Retrospective View. Newbury Park: Sage, 1993; Gay M. The New Information Revolution. Santa-Barbara, 1996; Lyon D. The Information Society. Cambridge, 1988; Neef D. The Knowledge Economy. Boston-Oxford, 1999; Webster F. Theories of the Informational Society. L.–N.Y., 1995 и др.).

благ и со-творчества) могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления (и, соответственно, стать объектом частной собственности, купли-продажи и т.п.). Соответственно, «общество знаний» и т.п. становятся подходящими «именами» для превратных социально-экономических форм, механизмов утилизации растущего творческого потенциала человечества, используемого преимущественно для прогресса материального производства, и еще уже – капитала. Для чего необходимы производство и утилизация знаний, рост профессионализма, постоянное повышение производительности труда. Однако и это редуцирование становится недостаточным для современного капитала, развивающегося во все большей мере в сферах финансовых транзакций, генерирования всяческого рода симулякров, лежащих вне материального производства, но являющихся, в отличие от творчества, не живительным соком последнего, а паразитической надстройкой над ним. Посему в современном мире профессионалы и их деятельность подчинены еще более далекой от креатосферы цели – прогрессу глобального корпоративного капитала, оперирующего преимущественно в сферах даже не материального производства, а генерирования симулякров, для чего необходимы производство и использование даже не знаний, а их симулякров, имеющих видимость «информационных товаров».

Более того, мир отчуждения в его современном виде – гегемонии корпоративного капитала – стремится утилизировать и процесс развития творческого потенциала Человека, осуществляемый в сфере образования и формирования нового человека. Закономерно, что и этот процесс реализуется ныне, в мире отчуждения, как правило, *в превратной форме прогресса «общества профессионалов», обучения квалифицированного работника, производства «человеческого капитала»* (о последнем – в одном из последующих текстов книги). В данном случае формируется не столько творческий потенциал человека и его способность к распределению мира культуры, сколько набор стандартных профессиональных навыков, которые человек может и должен реализовывать на конвейере материального и/или симулятивного производства. Так создаются предпосылки для развития не гармоничного творческого человека, а человека-профессионала, который приспособлен лишь для выполнения частичных функций, жестко подчиненных разделению труда; человека, который обладает соответствующими утилитарными потребностями, диктуемыми набором благ, необходимым для воспроизводства его профессиональных способностей.

Тем самым, *формирование «профессионала» (специалиста, подчиненного разделению труда и капиталу), его деятельность, потребление им массовой культуры или узкопрофессиональных знаний становятся слагаемыми единого процесса функционирования псевдокультуры, псевдовоспитания и псевдообучения, точнее, культуры, воспитания и обу-*

чения в превратных формах, характерных для современного информационного общества или общества профессионалов.

При этом было бы по меньшей мере неточным лишь критически воспринимать прогресс профессионализма. В той мере, в какой сохраняется разделение труда и, уже, – господство корпоративных (прежде всего капиталистических) структур, – в этой мере именно деятельность профессионалов была и остается основой стабильности и прогресса материального производства. Весь вопрос, однако, в том, сколь прогрессивны и перспективны разделение труда и другие атрибуты современного мира отчуждения, равно как и сам этот мир в целом.

Наконец, отметим, что в современных условиях, когда творческая деятельность становится важнейшим слагаемым роста производительности труда (и, тем самым, необходимым компонентом современного материального производства), с объективной необходимостью начинают развиваться и превратные формы творчества.

Последние включают не только всю сферу антитворчества¹, но и совокупности механизмов, характеризующих использование творческого потенциала человека в превратном секторе (от массовой культуры и профессионального спорта до труда программистов в офисах штаб-квартир финансовых корпораций).

К числу этих форм относится и упомянутое выше создание по видимости новых и уникальных утилитарных благ (прежде всего в рамках все более широко распространяющихся сфер производства «эксклюзивной» одежды, машин и т.п.)². Искусственная погоня за новизной или, точнее, погоня за искусственной новизной материальных продуктов и услуг и/или симулякров, ресурсов и утилитарных потребностей имитирует творческий процесс там, где на самом деле происходит удовлетворение качественно

¹ Подробнее об этом феномене, равно как и о иных противоречиях творческой деятельности и мира отчуждения, см. в нашем разделе в уже упоминавшейся книге «Дорога к свободе».

² Выше мы уже упоминали не критическое отношение к этому процессу современных западных исследователей и их отечественных адептов. И те, и другие видят в этом действительный прогресс нового качества человеческой деятельности и потребностей. На наш взгляд (и мы постарались обосновать выше этот подход), в данном случае происходит не более, чем видоизменение вещных по своей природе отношений: для несколько большей, чем ранее, части общества развивается производство особого рода предметов роскоши при некотором сокращении социальных слоев, ориентированных на массовое производство (и при параллельном – но игнорируемом, по сути дела, упомянутым кругом авторов – расширении массового производства особо дешевых товаров для широчайшего круга бедных слоев, особенно в развивающихся и бывших «социалистических» странах). Эти видовые изменения имеют те же материальные основания (развитие «общества профессионалов»), что и процессы трансформации общества $\frac{2}{3}$ в общество $\frac{1}{3}$ (об этом подробнее в последующих частях книги).

тех же утилитарных потребностей при помощи относительно новых материальных средств, продуктов или технологий. Причем в ряде случаев меняется даже не действительное материальное содержание продукта или технологии, а всего лишь внешняя форма (новая упаковка, имя, измененный дизайн и т.п.), создаваемая рынком для того, чтобы повысить объем продаж.

Подобного рода псевдोनовизна характерна не только для производства товаров и услуг на рынке. Она типична для производства, по видимости новых услуг в сфере массовой культуры, для создания, по видимости, новых идеологических установок в области духовного производства и т.д. и т.п.

В этих условиях «революция знаний», «общество профессионалов и т.п. становятся адекватными «именами» превратных форм развития творческого содержания деятельности в условиях рождения креатосферы.

Несколько особняком в данном контексте, судя по названию, должна была бы стоять книга Р. Флориды «Рост творческого класса»¹. Должна была бы, но не стоит, ибо имя «креативный класс» в работе этого автора используется в контексте, наиболее характерном для современного его словоупотребления «элитой» экспертного сообщества, подразумевающей под «креативным классом» успешных предпринимателей и профессионалов с некоторой привязкой к современной моде на «инновационность» и «креативный бизнес» (о последнем чуть ниже). Здесь в этом смысле мало нового по сравнению с более сложной конфигурацией понятий у Й. Шумпетера (предприниматель как новатор²) и гораздо более строгой дефиницией капитала-функции и управляющего у Маркса и его последователей. Так что в общем и целом идея формирования нового – творческого (creative) класса – оказывается мало оригинальной: об особой роли профессионалов, интеллектуалов и меритократии кто только не писал за последние 30 лет.

На первый взгляд, кажется, что изменено только имя. Однако есть и важный «нюанс»: само имя представляется более удачным, чем предыдущие, в том смысле, что одним из важнейших отличительных качеств возникающего нового общества, действительно, является творческая деятельность (напомним, что многие работы с таким акцентом в большом количестве выходили еще в 1960-е годы³). Более того, в современных исследованиях присутствует и отличная от общепринятой трактовка креативного класса, когда этот слой понимается как некоторое нерасчлененное единство всех тех лиц, в чьей деятельности присут-

¹ Авторы ниже указывают страницы по второму (2006 г.) изданию этой книги.

² Шумпетер И. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1982. С. 158.

³ Назовем имена столь разных ученых, как Р. Косолапов и Г. Батищев, В. Межуев и Н. Злобин, Э. Ильенков и И. Чангли... В последние годы эта идея развивается в работах В. Иноземцева, авторов этих строк и др. ученых.

ствуют элементы творчества, а не только представители предпринимательского, менеджерского и т.п. «сословий» высшего среднего класса.

Здесь есть большой плюс по сравнению с идеей «общества профессионалов», ибо массовые творческие в своей основе профессии учителя, медицинского работника, эколога, библиотекаря и т.п. не выпадают в этом случае из структуры наиболее передового социального слоя. Но есть и традиционный для современной социологии большой минус: следуя методологии позитивизма, авторы в «креативном классе» соединяют воедино очевидно бесполезного (скорее всего, вредного) для общества суперкреативного «инсайдера» и столь же очевидно полезного умеренно креативного учителя. Творческие лица, занятые в креатосфере и превратном секторе, занимающие качественно различные места в системе социально-экономических отношений и играющие принципиально разную роль в современном обществе, оказываются объединены в один социальный слой¹.

Акцент на креативности, а не профессионализме, интересен еще и тем, что позволяет хотя бы косвенно отразить статистически то, что западные авторы (в том числе Р. Флорида) называют «креативной экономикой» (см. таблицу 11).

таблица 11 Место «креативной экономики» в глобальной экономике и в США

отрасли (1999 г., млрд долл. США)	глобальная экономика	США	доля США (в %)
1	2	3	4
исследования и разработки	506	243	44,6
издательская деятельность	506	137	27,1
программная продукция	489	325	66,5

¹ Вот какой перечень представителей этого класса дает Р. Флорида. «Креативный класс», по мнению автора книги, делится на «суперкреативный» (собственно творцы) и «креативных профессионалов». К первым он относит специалистов в области компьютеров и математики, архитекторов, инженеров, занятых в общественных науках, образовании, повышении квалификации и т.п. (training), работников библиотек, занятых в сфере искусства, дизайна, спорта и медиарботников. Ко вторым – менеджеров, работников в сфере бизнеса и финансов, юриспруденции, здравоохранения, конечных продаж. Для сравнения укажем, что к сервис-классу, по его мнению, относятся вспомогательный персонал в области здравоохранения, клерки, работники, занятые персональным уходом, приготовлением пищи и сервисом в этой области, чисткой, защитой, а также социальные работники и часть работников торговли (см.: Florida R. Op. Cit. P. 328–329).

1	2	3	4
телевидение и радио	195	82	42,1
дизайн	140	50	35,7
музыка	70	25	35,7
фильмы	57	17	29,8
игрушки и игры	55	21	38,2
реклама	45	20	44,4
архитектура	40	17	42,5
представления	40	7	17,5
видеоигры	17	5	29,4
мода	12	5	41,7
искусство	9	4	44,4

Источник: Florida R. Op. Cit. P. 47

«Естественно», что при этом они опять же некритически смешивают превратный сектор и ростки креатосферы, при этом теряя ряд важнейших отраслей последней и занижая размеры первого (например, в статистике Флориды «потеряны» образование и многие виды не имеющей денежного выражения общественной творческой деятельности и, на наш взгляд, существенно занижены расходы на рекламу, маркетинг, финансовое посредничество). Однако даже такие косвенные оценки позволяют говорить о росте различных сфер экономики, включающей творческие компоненты (см. таблицу 12).

**таблица 12 Динамика «креативного класса»
и других социальных групп в экономике США**

классы (доля в %)	годы	
	1900	1999
креативный класс	10	30
в т.ч. суперкреативный класс	2,5	12
рабочий класс	35	26
сервис-класс	17	44
аграрный класс	38	0 (463 тыс. чел.)

Источник: Florida R. Op. Cit. P. 67. Некоторые данные в этой таблице, как и во всей книге, вызывают сомнения, но мы их приводим так, как их дает автор (с. 67), отсылающий читателя к официальной статистике США.

В докладе ООН о креативной экономике последняя сводится, по сути дела, к неким преимущественно коммерциализированным разновидностям искусства¹. Несколько более свежие, чем в работе Флориды,

¹ Согласно классификации UNCTAD (см.: Creative Economy Report 2010. P. 8–9), креативные индустрии делятся на четыре группы: наследие, искусство, →

данные доклада ООН о ее месте в мировой экономике и т.н. «креативном классе» мало что добавляют к сказанному выше (см. таблицу 13).

таблица 13 Занятые в креативных индустриях в США, 2003 г.

отрасли	численность занятых, тыс. чел.	доля занятых, %
реклама	429	0,3
прикладной дизайн	428	0,3
архитектура	296	0,2
радиовещание	320	0,2
фильмы	142	0,1
музыкальная продукция	41	0,0
исполнительские искусства	159	0,1
издательская деятельность	700	0,5
визуальные искусства	122	0,1
прочие ¹	611	0,5
итого – креативные индустрии	3,250	2,5
итого – все отрасли	132,047	100,0

¹ «Прочие» включают независимых художников, писателей и исполнителей в креативных индустриях.

Источник: Creative Economy Report 2010. P. 24.

← медиа, функциональный креатив, в каждой из которых выделяются две или три подгруппы. Группа «Наследие» представляет собой первоисточник всех форм искусства и культурных и креативных индустрий и включает в себя две подгруппы «Традиционная культура» (в т.ч. художественные ремесла, фестивали, праздники) и «Культурные источники» (в т.ч. археологические памятники, музеи, библиотеки, выставки). В группе «Искусство» – две подгруппы: «Визуальное искусство» (в т.ч. живопись, скульптура, фотография, антиквариат) и «Исполнительское искусство» (в т.ч. живая музыка, театр, танцы, опера, цирк, кукольный театр). Группа «Медиа» включает отрасли, производящие «креативный контент» с целью коммуникации с большими аудиториями. Здесь две подгруппы: «Публикации и печатные издания» (в т.ч. книги, газеты, пресса, публикации) и «Аудиовизуальное творчество» (в т.ч. кино, телевидение, радиовещание). Наконец, в группу «Функциональный креатив» входят отрасли, ориентированные на спрос и услуги; она включает три подгруппы: «Дизайн» (в т.ч. интерьер, графика, мода, ювелирное искусство, игрушки), «Новые медиа» (в т.ч. программное обеспечение, видеоигры, цифровой контент), «Креативные услуги» (в т.ч. архитектура, реклама, креативные НИОКР, культурные и рекреационные услуги). Как мы уже заметили ранее, большинство отраслей, входящих в креативные индустрии согласно рассмотренной классификации UNCTAD (за исключением группы «Наследие»), относятся к коммерциализированным разновидностям искусства и массовой культуры, но при этом не включают, например, такую значимую для развития и проявления креативного потенциала общества отрасль, как образование.

Согласно классификации креативных индустрий, приводимой в отчете ООН, процент занятых в этих отраслях для США составлял в 2003 г. 2,5% от общей численности занятых в экономике, что существенно ниже, чем по расчетам Р. Флориды (см. таблицу 12), в соответствии с которыми, даже если учитывать только «суперкреативный» класс, доля занятых составляла уже в 1999 г. 12% для США.

Согласно данным статистики Великобритании, число занятых креативных профессий в креативных индустриях (creative jobs in creative industries) составляло в 2012 г. 2,9%, еще столько же составляет численность занятых креативных профессий в отраслях, не входящих в перечень креативных индустрий (creative jobs outside of the creative industries¹), и чуть меньшая доля занятых – 2,5% – задействована на обслуживающих рабочих местах в креативных индустриях («support» jobs in the creative industries).

Таким образом, всего в креативной экономике Великобритании в 2012 г. было занято 8,5% экономически активного населения². При этом темпы роста численности занятых в креативной экономике Великобритании были существенно выше, чем для экономики в целом (6 и 0,7% соответственно в 2012 г.)³.

При всей пользе акцента на «креативности» вообще и некоторых статистических иллюстраций, в частности, позволим себе напомнить, что для *современного позднего капитализма характерна устойчивая закономерность: рост числа занятых творческой деятельностью сопровождается параллельным* (а возможно, и опережающим – авторы не нашли соответствующей статистики) *ростом занятых низко- и среднеквалифицированным репродуктивным трудом*. Впрочем, здесь, по сути дела, нет никакого открытия, ибо в последние десятилетия и на Западе, и в нашей стране наряду со всяческим развертыванием идей «постиндустриальной», «информационной», «креативной» и т.п. экономики как несомненно позитивного сдвига в экономике, немало и других работ. В последних, как мы уже отмечали, пишется о том, что постиндустриальные тенденции сделают «излишними» едва ли не 80% населения Земли, кои не войдут в круг новой «элиты» – меритократии.

¹ К этой категории занятых относятся, например, ответственные за рекламу, но работающие в организациях финансового профиля, а не в рекламных агентствах.

² Подчеркнем, что понятия «креативные индустрии» и «креативная экономика», закрепленные в классификациях для целей статистического учета, не совпадают: креативная экономика шире, чем креативные индустрии, т.к. включает в себя и занятых креативных профессий, задействованных в отраслях, не относящихся к перечню «креативных индустрий».

³ См.: Creative Industries Economic Estimates: Statistical Release. January 2014. L., 2014. P. 9. Доступ к электронной версии по ссылке: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/271008/Creative_Industries_Economic_Estimates_-_January_2014.pdf.

В связи с этим взглядом требуются некоторые уточнения. Даже если признать правомерность этой позиции (а авторы этих заметок считают ее как минимум неточной), то ее следует по меньшей мере скорректировать. Да, 80% граждан не нужны в постиндустриальном секторе, но для обслуживания 20% «меритократов» вполне может быть востребовано в 3–4 раза больше слуг. Бомжевать же будет, как и сегодня, «всего лишь» 10–20% населения.

Эта модель вполне реалистично описывает будущее, если...

Если мы принимаем в качестве аксиомы тезис о том, что иной модели общественного устройства, чем та, что ныне характерна для «северных» стран позднего капитализма, нет и быть не может. Эта модель, действительно, предполагает, что «креативный класс» (меритократия или т.п.) так и останется функцией корпоративного капитала, и потому, *во-первых*, будет сосредоточена преимущественно в отраслях бизнеса, финансов, государственного управления, милитаризма и в обслуживающих их нужды науке и «элитном» образовании, плюс в креативных областях производства продуктов масс-потребления, масс-культуры, СМИ и т.п.

Как следствие, *во-вторых*, останутся без сколько-нибудь значительной поддержки области, где объективно необходимы креативные способности *большинства* членов общества: равно доступные для каждого члена общества и высококачественные образование и воспитание, здравоохранение и спорт, подлинное искусство, обеспечение доступа к культурным ценностям (библиотеки, музеи), а также рекреация природы и социальная рекреация и мн. др. В этих условиях все эти сферы будут хиреть, и лишь малая толика специалистов сможет работать здесь за символические деньги.

В-третьих, эта модель предполагает, что доминирующими ценностями привилегированной меритократии останутся ценности общества потребления. В этом случае, действительно, каждому из этих «креаторов» потребуются как минимум особняк, гараж с «мерседесами» и «хаммерами», прислуга и т.п. В самом деле, не может же утонченный интеллеktуал сам убирать свой дом и свой микрорайон, не говоря уже о том, чтобы ходить в столовую самообслуживания и пользоваться, как обычный западноевропейский рабочий, домом, в котором всего по 1 комнате на члена семьи и всего 2 малолитражки на 4 человек...

Авторы этих строк предполагают, однако, что иная модель – параллельный рост числа занятых творческой деятельностью во всех ключевых отраслях при опережающем сокращении низкоквалифицированного труда и относительно низком росте высококвалифицированного индустриального труда – возможна. Но об этом мы уже писали...

И еще одна важная «деталь». Не всякая творческая деятельность содействует прогрессу человеческих качеств *всех* (или хотя бы большинства) членов общества. Ныне значительная (если не большая – опять

же, нужна работа со статистикой) часть тех, кого называют «креативным классом», занята в отраслях, бесполезных, а то и просто вредных для общества и Человека. Разработчики новых видов вооружений и «анти-террористических» технологий, «новых» типов элитной косметики и блокбастеров, массмедийных «новостей» и видеоклипов, а также финансовые спекулянты, брокеры, дилеры, маркетологи и т.д. и т.п. – все эти суперпрестижные и «сверхкреативные» деятели современного мира, а также обслуживающие их действительно талантливые компьютерщики, художники, ученые, педагоги и т.п. – все они нужны только корпоративному капиталу. Человеку, стремящемуся красиво (но не обязательно дорого) одеваться, удобно (но не обязательно богато) жить, а главное, творчески, интересно, для блага других людей работать, учиться и развиваться, все эти люди (пусть хоть архи-творческие) *не нужны*.

* * *

Мы, конечно же, несколько увлеклись в своем публицистическом задоре. Впрочем, то, что написано несколькими строчками выше, не мечта или нравственный императив (точнее, *не только* мечта и императив морали). Это не более, чем несколько публицистизированное представление о возможных альтернативных проектах развития¹.

СМЕНА ДОМИНАНТЫ:
ОТ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ И ПОТРЕБНОСТЕЙ
К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ.
«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»

Всякое материальное производство предполагает использование материальных ресурсов с целью удовлетворения некоторых утилитарных потребностей (первичные, простейшие определения данных понятий мы уже дали выше, а читателей, интересующихся более точным определением, мы можем отослать, с одной стороны, к классической политической экономии, а с другой – к любой современной работе, лежащей в рамках *mainstream* экономической теории, хотя бы к стандартному учебнику *Economics*²). С точки зрения как марксизма, так и

¹ См. Бузгалин А.В. Новая Кастилия. На пространстве постсоциализма может родиться новая интеллектуально-культурная сеть прогрессоров // Политический класс. 2006. № 9 (краткая версия статьи); Бузгалин А.В. Новая Кастилия // Альтернативы. 2006. № 2 (полная версия); Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социализм после «социализма»: ответы на вызовы неэкономии // Альтернативы. 2006. № 4.

² В условиях генезиса информационного общества в экономической теории Запада не могли не произойти некоторые изменения: появился ряд новых направлений, таких как «Socio-Economics» (А. Etzioni), «The New Economics» →

economics, равно как и большинства других школ экономической теории, *материальные ресурсы являются ограниченными*. (Всем всего всегда не хватает в этом мире экономической необходимости – так можно перевести тезис об ограниченности ресурсов на обыденный язык.)

В то же время *стремление к расширению использования материальных ресурсов* является едва ли не основной установкой, характерной для эпохи господства материального производства.

В этих условиях и с этой точки зрения и природа, и человек выступают прежде всего как ресурсы, которые могут быть использованы и которые следует использовать безгранично (с качественной точки зрения) для наращивания материального богатства. При этом во всякий данный момент времени, в всяком данном социально-экономическом пространстве (скажем, в стране, регионе или в рамках некоторой фирмы) эти ресурсы оказываются ограничены, и главной задачей является преодоление этих ограничений.

Поскольку данный тезис является хорошо известным и едва ли не аксиоматичным, мы можем идти дальше.

В условиях развитого (индустриального) материального производства *ресурсы являются массовидными, стандартными, постоянно воспроизводимыми и восстанавливаемыми*. Этот стандартный набор тиражируемых и восстанавливаемых ресурсов может «задаваться» разными общественными параметрами. Его может диктовать традиция, и в этом случае данный набор будет почти не изменям, постоянен на протяжении тысячелетий. Его может диктовать и современный рынок, где уже постоянное изменение набора воспроизводимых и массовидных или искусственно уникальных ресурсов, подлежащих потреблению, будет главной задачей прогресса¹.

В условиях господства материального производства, некоторый набор утилитарных потребностей и массовидных ресурсов воспроизводится, тиражируется (возможно – искусственно обновляется), но при этом качественно мало изменяется². Материальные ресурсы производятся и потребляются, но, как правило, они не являются компонентами со-творчества. Данная характеристика – потребление и производство ресурсов,

← of Communication» (Mulgan G.); «The Economics of Information» (G. Stigler) и т.п.

¹ Более того, в условиях «позднего» капитализма важнейшей задачей прогресса становится, как мы уже отмечали, продуцирование «искусственной» новизны. Мы еще вернемся к характеристике этого феномена ниже, сейчас же лишь отметим, что это новизна, которая создается *не* прогрессом культурного содержания данных материальных предметов, возможностью их нового распределения, включения в новую творческую деятельность.

² Если быть более точными, то надо заметить, что эти изменения все же присутствуют, ибо в рамках материального производства, безусловно, всегда осуществляется прогресс культуры, со-творчество, развитие потенциала человека. Но это, повторим, подчиненный, глубинный процесс.

которые связаны всякий раз с изменением их материального бытия, с появлением некоторой материальной формы или ее уничтожением – существенна, она снимается при переходе к новому качеству общественного развития.

Соответственно, в этих условиях *потребности в основном утилитарны*. Они главным образом сводятся к потреблению материальных ресурсов, а потому *безграничны количественно*. Всякий раз всякий агент материального производства как человек, подчиненный законам «царства необходимости», объективно оказывается заинтересован в теоретически безграничном наращивании утилитарного потребления материальных благ и услуг (последнее наиболее ярко проявляет себя в стремлении к безграничному наращиванию универсального ресурса товарного производства, обладающего способностью удовлетворять любые рыночные потребности – денег).

При этом *материальные потребности ограничены качественно*: они не выходят за рамки потребления материальных ресурсов; потребности в творческом диалоге, восприятию культурных ценностей, еще раз подчеркнем, является (вплоть до начала эпохи самоотрицания предыстории) исключением, и знаменует переход «по ту сторону материального производства»¹.

Каким же может быть снятие этих свойств?

При поиске ответа на этот вопрос авторы будут исходить не столько из формальной логики отрицания данного системного качества, сколько из анализа тех действительных процессов, которые развиваются на протяжении всей предыстории человечества, но особенно интенсивными становятся со второй половины XX века.

Начнем анализ с рассмотрения нового качества «ресурсов» (мы неслучайно взяли этот термин в кавычки: культурная ценность, используемая в процессе со-творчества, лишь внешне может напоминать «ресурс»).

Первая черта. На смену ограниченным ресурсам (в мире которых природа и человек также воспринимаются только как ресурсы) приходит новый тип – «ресурсы», которые теряют свои качества ограниченности и становятся всеобщими, переставая тем самым быть ресурсами.

Знает ли общественная практика такие «ресурсы»? Естественно, да. Ими являются *феномены культуры*, имеющие в *принципе*² универсальную (всеобщую) ценность.

¹ Другое дело, что общественный процесс материального производства, естественно, связан с тем, что потребляемые ресурсы воспроизводятся благодаря человеческой деятельности, являются источником нового труда, создания новых ресурсов, рождения потребностей, которые вновь подлежат удовлетворению на основе воспроизводства и т.д.

² В СССР в условиях дефицита был хорошо известен анекдот, что, дескать, в *принципе* у нас все есть, вот только никто не знает, где этот *принцип* располагается. В данном случае речь идет об ином смысле этого понятия. На →

С момента рождения человечества, но особенно в настоящую эпоху, *любое произведение, принадлежащее к миру культуры, является по своей природе неограниченным и всеобще-ценным*. Теорема Пифагора или опыт талантливого педагога, новые формы человеческого общения или произведение искусства (симфония, картина, книга) – все они в потенции могут использоваться бесконечно долго бесконечно широким кругом субъектов. Их от этого «не убудет» (в данном случае мы абстрагируемся от проблем тиражирования материального носителя культурных благ и внешних для мира креатосферы форм частной интеллектуальной собственности – к этим вопросам мы вернемся в последующих частях работы). Следовательно, ограничения, свойственные для материального производства, для них неактуальны. Другое дело, что в креатосфере возникают свои «ограничения», которые устроены принципиально иначе. Во-первых, доступ к предметам культуры и включение в процесс творчества «ограничены» необходимостью осуществления деятельности по их распределению. В этом их отличие от потребления благ материального производства. Во-вторых, бытие феноменов креатосферы «ограниченно» с точки зрения проблем их *старения*.

Но об этом также позже. Сейчас зафиксируем еще раз: книги, симфонии, песни, стихи, формулы, творческий опыт – все это потенциально *доступно каждому*, все это в принципе *неуничтожимо* и в потенции *для каждого может быть ценно* (в том числе в будущем)¹.

Эти феномены культуры не могут быть потреблены. Единственный способ взаимодействия с ними – это диалог, в который вы можете вступить, и тем самым увеличить богатство культурного мира. В самом деле, прочитав, например, книгу, вы, будучи культурным человеком, рож-

← философский язык мы бы его перевели так: абстрагируясь от всех прочих обстоятельств, рассматривая проблему только на сущностном, *принципиальном* уровне.

¹ На языке есоnomics блага, для которых дополнительные потребители не увеличивают издержек производства этих благ, относятся к группе «неконкурентных» благ (в учебниках есоnomics в качестве примеров таких благ часто приводятся маяки или скоростные шоссе). А блага, для которых верно то, что люди не могут быть исключены из сферы потребления этих благ и в силу этого могут пользоваться благами без прямой оплаты, называют «неисключаемыми», приводя обычно в качестве примера национальную оборону (подробнее об этих категориях благ см., например: *Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л.* Микроэкономика. М.: Дело, 2000. С. 678–680).

Можно сказать, что посредством введения понятий «неконкурентности» и «неисключаемости» благ (и шире – посредством рассмотрения проблем производства общественных благ) в есоnomics предпринята попытка ввести в научный оборот рассматриваемые нами в данном разделе феномены. Но рыночноцентричный инструментарий есоnomics не позволяет в полной мере исследовать сущность явлений, о которых мы ведем речь в данном тексте.

даете новый мир ассоциаций, творческих интенций, интересов (в том числе в ваших собственных действиях, поступках), а это и есть расширение мира культуры. При этом вы не уничтожаете книгу, но, наоборот, «оживляете» ее содержание (и тем самым ее автора), делаете актуальной эту культурную ценность. Последнее происходит и в науке, где вы, развивая (или даже опровергая) предшествующие идеи, тем не менее сохраняете эти достижения («снимая» их), ибо в этом мире негативный результат тоже есть результат, часть истины как конкретного развивающегося целого (помните, мы отмечали: конкретное есть не результат, но результат со своим становлением).

Итак, «ресурсы», которыми являются феномены культуры, относятся к миру, лежащему «по ту сторону материального производства». Они являются всеобщими, неограниченными, неуничтожимыми. Как тут не вспомнить знаменитое булгаковское: «Рукописи не горят»! Физически может быть уничтожен только материальный носитель культурной ценности. Другое дело, что для существования этой ценности нужен хотя бы один материальный носитель: человек, папирус, лист бумаги или компьютер. Наконец, для сохранения культурной ценности нужны социальные условия, позволяющие ее распределить.

Однако с принципиальной точки зрения (если не брать во внимание материальный носитель и социальные обстоятельства) они могут бесконечно распределяться («потребляться») сколь угодно широким кругом лиц и на протяжении сколь угодно продолжительного периода времени¹.

¹ Воспользуемся в качестве комментария двумя положениями из западных источников (они позаимствованы из упомянутого сборника «Социум XXI века»), авторы которых в конце XX века «открыли» то, что было давно известно классической философии и марксизму. Вот лишь несколько свидетельств:

«Полезную или вдохновляющую информацию может быть трудно найти из-за организационных и структурных барьеров, даже если она имеется в достаточном количестве. Теоретические знания, давно признанные одной из движущих сил экономических перемен, – другой пример. Может существовать редкость людей, имеющих степень Ph.D., и искусственная редкость, установленная патентным законодательством, но не существует редкости знаний в области физики плазмы или биохимии» (*Mulgan G. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford: Polity, 1991. P. 174*).

«Знания являются расширяющимися и самогенерирующимися. Сырьевые ресурсы индустриальной экономики являются конечными благами; железная руда расходуется в момент производства стали. В отличие от железной руды, однако, знания в результате их использования возрастают. Используя мои знания, я выполняю задание, я совершенствую мои знания и расширяю мое понимание задачи. Хирург, который делает операцию десятый раз, обладает большим количеством знаний и большим пониманием операции, чем хирург, который делает операцию впервые. Таким образом, в экономике →

В процессе распредмечивания такой «ресурс» всякий раз как бы «оживляется», превращаясь из потенциальной в актуальную культурную ценность.

Более того, *ценность феноменов культуры определяется именно тем, сколь широко и сколь долго они служат одним из «партнеров», субъектов для диалога, для со-творчества, для распредмечивания.*

С другой стороны, эти всеобщие «ресурсы» ограничены, но иначе, нежели в мире материального производства: это ограничение связано с мерой их социокультурной ценности, востребованности (одно из проявлений этого – «устаревание» некоторых феноменов культуры), а не физической нехваткой или ограниченностью спроса. Кроме того, культурные ценности сталкиваются в своем распространении с некоторыми абсолютными границами: они имеют некоторые изменяющиеся, но жесткие экологические и гуманитарные ограничения. В «царстве свободы» *природа, предметный мир культуры или человек выступают не как ресурс, не как предмет потребления или источник производства вещей, а как ценность, которая не может и не должна быть потребляема в физическом смысле этого слова.*

В этом мир культуры качественно противоположен миру материального производства, который нацелен на безграничное физическое потребление природных и человеческих ресурсов. Напротив, *для мира культуры задачей становится воспроизводство и прогресс (а на первом этапе – восстановление и сохранение) биогеоценозов, предметного мира культуры и человека как ценностей.*

Кстати, отсюда, несколько забегая вперед, можно сразу же вывести необходимость *системы социальных, гуманитарных, экологических (а в потенции и эстетических!) нормативов как границ «жизненного пространства» «царства необходимости».* Это абсолютное требование мира, рождающегося «по ту сторону материального производства».

Вторая черта: на смену ресурсам, которые являются воспроизводимыми и массовидными, приходят «ресурсы», являющиеся *уникальными* по своей природе. И речь в данном случае идет не только о развитии и все большем распространении потребления уникальных предметов в рамках современного мира. Здесь-то (в бутиках и на подиумах) как раз мало что поистине уникального создается...¹

Речь идет прежде всего о другом – о том, что всякая культурная ценность уникальна и невозпроизводима (лишь тиражируема) по своей

← знаний редкость ресурсов заменяется на расширение ресурсов» (Crawford R. In the Era of Human Capital. N.Y., 1991. P. 11). Спустя еще десяток лет эту идею сделал центральной для своей книги «Революционное богатство» Элвин Тоффлер.

¹ Именно на этом делает акцент большинство теоретиков постиндустриального общества (подробнее см. упомянутые работы О. Антипиной и В. Иноземцева, в которых цитируется большое количество зарубежных источников).

природе. Нельзя многократно производить шестую симфонию Чайковского, «Гамлета» или «Сон в летнюю ночь» Шекспира – это неповторимые произведения. Можно тиражировать лишь материальные носители этих культурных феноменов, а сами по себе они уникальны с момента своего рождения и навсегда¹. В этом смысле опять-таки данное качество «ресурса» мира культуры является отрицанием предшествующего качества ресурсов в системе материального производства.

Наконец, *третья черта*, которую мы, по сути дела, уже вывели выше и сейчас лишь фиксируем: «ресурсы» мира культуры *непотребляемы, они подлежат лишь распределению*. Они могут выступать лишь как феномены, с которыми можно вступать в творческий диалог².

Итак, по основным качествам «ресурсы», лежащие «по ту сторону собственно материального производства», отрицают основные характеристики ресурсов материального производства.

Соответственно, и потребности в условиях нового мира становятся иными: они *качественно безграничны, не утилитарны, но при этом они ограничены количественно, и это [NB] самоограничение*³. В этом их отличие от утилитарных потребностей, которые качественно всегда ограничены существующим уровнем развития материального производства, а количественно всегда безграничны.

Мир культуры характеризуется (опять же на принципиальном уровне) иной системой потребностей, которые безграничны качественно, в том смысле, что человек никогда не ограничен данным кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, и эта новизна, не искусственная, а действительная творческая новизна, является главным импульсом и главной ценностью.

В то же время эти потребности сугубо ограничены количественно. И не потому, что здесь присутствуют некоторые внешние ограничения, связанные с господством той или иной экономической или институциональной формы (напомним, что, например, в мире развитого материального производства, имеющего форму рынка, вам всегда не хватает денег для того, чтобы купить достаточно потребительских благ, а в «эко-

¹ Это касается и произведений науки, педагогических и т.п. новаций: можно открыть заново теорему Пифагора, но зачем? Подобное «открытие» может иметь смысл только в случае искусственного ограничения (в том числе социального – частная собственность на знание, цензура и т.п.) доступа к этим феноменам культуры.

² В некотором смысле, конечно, они могут быть «потреблены» за счет физического уничтожения их материального носителя, но в этом случае мы будем иметь не что иное, как акт вандализма или просто глупости.

³ На языке еconomics можно обозначить это явление через признание существования «точки насыщения потребности». При достижении этой точки потребление блага перестает увеличиваться при любом увеличении дохода (или любом снижении цен).

номике дефицита» у вас не было возможности достать необходимые блага, даже если у вас и были деньги).

В мире культуры *суть ограничения* в ином. Индивид *сам* и сугубо добровольно ограничивает свои *актуальные* потребности. Поясним этот тезис. Своего рода «потребление», а на самом деле распредмечивание, культурных ценностей предполагает сложную творческую деятельность, требующую времени, усилий, энергии от того, кто хочет эту ценность «потребить». Здесь само «потребление» превращается в проблему.

Даже сейчас, даже в условиях «царства экономической необходимости», вы можете свободно, почти без ограничений пользоваться довольно широким кругом культурных благ. Практически общедоступными в развитых странах являются крупнейшие библиотеки. Довольно легко включиться в систему телекоммуникаций и «качать» информацию из мировых информационно-сетевых сетей. Вы можете участвовать в системе обучения практически в любой сфере, и даже если это обучение платное, то последнее – внешняя социальная граница, не связанная с внутренними ценностями «царства культуры».

Во всех этих случаях возникает другая проблема – ограниченность вашей собственной способности «потребить» те или другие культурные ценности, поскольку это потребует от вас времени, энергии, знаний, умений и высокого культурного потенциала, иными словами, напряженной деятельности.

Поясним: человек утилитарный хочет как можно больше того, что он видит и знает, и не обладает потребностью в том, чего он не знает. Человек творческий видит проблему в любом феномене бытия и желает невозможного и неизвестного: новых знаний, новой музыки, новых форм общения, новых принципов образования. В области же утилитарной его потребности ограничены кругом предпосылок его деятельности.

Итак, старая проблема – «всего на всех все равно никогда не хватит» – в данном случае приобретает прямо противоположное звучание: *«Всё для всех всегда есть, но каждый ограничен в своих возможностях распредметить культурные ценности»*.

Достаточно понятно, что к новым феноменам – «ресурсам» и потребностям мира культуры, – рождающимся «по ту сторону материального производства», принадлежат практически все культурные блага, которые могут быть использованы в процессе обучения и научной деятельности, в процессе художественного творчества и социального новаторства.

В данном случае важно добавить, что *природа в этом мире также выступает как феномен культуры*¹, ибо она подлежит распредмечива-

¹ В этом смысле определение культуры как внеприродного мира, в сути своей, ошибочно, что поняли наши учителя (прежде всего упомянутые выше советские марксисты 1960–1970-х годов) многие десятилетия назад, освоив работы великих мыслителей прошлого и нынешнего столетий.

нию: изучению, художественному восприятию и т.п. Человек взаимодействует с природой не как с «мастерской» или «источником ценного промышленного сырья», а как с *равноправным субъектом со-творчества (научного, художественного, воспитательного)*¹. Природа как культура может и должна быть также своего рода партнером по рекреации человека при использовании им свободного времени для создания предпосылок нового творческого процесса.

Существен вывод, который мы можем сделать: *ограниченные материальные ресурсы и утилитарные потребности в силу своей природы, с объективной необходимостью, порождают такие социально-экономические отношения (и в силу наличия обратных связей порождаются такими отношениями), которые ограничивают доступ индивидов и институтов к ресурсам и ограничивают определенным образом их утилитарные потребности*. Ресурсы не могут быть социально не ограничены (общедоступны) в условиях «царства экономической необходимости», потребности не могут быть социально не ограничены, ибо в этом случае возник бы мир, в котором ресурсы были бы исчерпаны практически мгновенно по определению алчным потребителем «царства необходимости».

Такие ограничения создаются как уровнем развития производительных сил, так и, еще раз подчеркнем, социально-экономическими отношениями.

Это могут быть добуржуазные отношения, где доступ к ресурсам ограничивали традиция и внеэкономическое принуждение. Например, возможность использования земли была ограничена для работника необходимостью превратиться в раба или крепостного, вступить в отношения вассальной зависимости или участвовать в той или иной системе насильственных действий, например в Крестовом походе, междоусобной войне и т.п.

В буржуазной системе, в условиях рыночной экономики, эти ограничения связаны прежде всего со стоимостью товаров, деньгами, капиталом. Именно денежное, стоимостное богатство создает предел как потреблению, так и использованию ресурсов. Вы можете использовать

¹ Как замечает Л. Булавка, Возрождение несет в себе открытие природы не только через подчинение ее задачам обустройства своей жизни, т.е. не только как мастерской, но и как основы разработки новых эстетических принципов. И самое главное, в мире Ренессанса природа впервые после Средневековья рассматривается как органичное (наряду с божественным) начало Нового человека. И в этом смысле Возрождение делает значительный шаг вперед в преодолении отчуждения индивида от природы, сближая понятия «природа» и «Бог». Отсюда и ренессансная устремленность в познании не столько сверхприродного Бога, сколько самой природы, которая для ренессансного индивида есть «Бог в вещах». Так в мировоззрении возрожденческого индивида происходит перезагрузка понятий «Бог» и «природа» и – что принципиально важно – на основе и в пространстве мира культуры.

ресурсы, удовлетворять свои потребности только в той мере, в которой располагаете капиталом, деньгами или товарами.

В противоположность этому *культурные блага по природе своей общедоступны* (хотя низкий уровень производительности в материальном производстве и/или «старая» социальная организация могут ограничивать доступ к ним)¹. Принципиальным (специфическим для «царства свободы») вопросом здесь является социальная организация процессов опредмечивания и распределмечивания, хотя в условиях генезиса нового общества отчужденные социально-экономические и правовые отношения, возникающие по поводу создания и присвоения культурных благ (та же интеллектуальная собственность), могут играть и играют наиболее значимую роль. Однако на принципиальном уровне здесь, повторим, возникают совершенно новые проблемы *общественных отношений по поводу со-творчества, диалога, распределмечивания мира культуры и опредмечивания творческой деятельности.*

* * *

Выше мы не раз подчеркивали, что бытие мира культуры в рамках господства экономической необходимости имеет специфические превратные формы. Одна из них – бытие культурных благ как *информационных товаров*. В этих условиях *информация как товар, рассматриваемая с социально-экономической точки зрения, становится феноменом, который напоминает «овещненную»* (от слова вещь), *превратную форму предметного мира культуры*. Культурные феномены, ценности в данном случае переносятся из сфер со-творчества в плоскость меркантильную и утилитарную: они становятся предметом материального и симулятивного производства и утилитарного потребления, транзакций и т.п.

Таким образом, информация-товар с социально-экономической точки зрения (мы говорим сейчас не о философском аспекте этой категории, а об информации как о товаре, т.е. о феномене, который постоянно используется в экономической жизни современного мира) становится той превратной формой, которая как бы «отрекается» от своего содержания (а им является статус феномена культуры, культурной ценности, результата и импульса со-творчества). Информация-товар создает объективную видимость того, что это продукт производства, что это – ресурс производства, что это – предмет потребления.

Так мы получаем специфический мир, который фиксируется в понятии «*информационное общество*»². Как следствие, информация ста-

¹ Неслучайно даже есоnотiс выделяет *общественные блага*, на которые непосредственно не распространяется система частной собственности и рыночных отношений.

² Подробный анализ этого понятия, основных признаков информационного общества, его структуры содержится в уже упомянутом сборнике «Социум →

новится не общедоступным всеобщим культурным благом, а объектом частной собственности, купли-продажи; развиваются такие феномены, как патенты, коммерческая и государственная тайна, цензура и другие многочисленные механизмы ограничения доступа к информации.

Вследствие этого информация может быть монополизирована (и как товар, и как объект собственности) частными, государственными или иными институтами. Кроме того, информация начинает распространяться преимущественно не в мире культуры, со-творчества, а в мире отчужденных социальных форм (в настоящее время прежде всего рынка).

Основой массового развития информационных товаров стала *компьютерная революция*, поскольку прежде всего с этим феноменом (и развитием на этой базе других информационных технологий) связаны наиболее радикальные современные технологические сдвиги. Вследствие фетишизации информации-товара развивается и *фетишизация компьютера как главного средства, иногда самоцели, и главного орудия тех изменений, которые происходят в современном мире*¹.

Однако бытие культурных благ как информационных товаров есть не более чем частная форма более общей закономерности, отмеченной нами выше, где авторы подчеркнули, что известный нам путь развития производительных сил – это специфический для мира общественной экономической формации (в частности, капитализма) путь, характеризующийся существенным (в том числе деформирующим, «подгоняющим» под господствующие формы отчуждения) обратным воздействием производственных отношений на содержание своей материальной базы. Превратная форма «информационного товара» – один из ярких тому примеров.

Но гораздо важнее другое. *В условиях позднего капитализма начинающиеся качественные превращения ресурсов и потребностей развертываются в тех формах, которые им навязывает (точнее – которые вызывает к жизни) глобальный корпоративный капитал.*

Так, если взглянуть на структуру современного социума, то окажется, что *информационные продукты сейчас главным образом производятся, потребляются, распространяются в «превратном секторе» – секторе воспроизводства превратных форм человеческой жизнедеятельности.* Это сфера (ниже пока что даются ее социофилософские характеристики), где одни превратные формы используются для производства,

← XXI века», разд. 1. Пожалуй, наиболее интересные результаты в исследовании современных форм организации производства и транзакций в этих условиях можно найти в трех томах упомянутой выше работы М. Кастельса, частично переведенной на русский язык.

¹ Этот феномен находит свое отражение в самых разнообразных формах. Так, в конце 1990-х гг. на MTV гремела композиция «It's All About The Pentiums» («Это все о Пентиумах»), в которой современная жизнь представлялась как бесконечное состязание – чей же компьютер лучше.

тиражирования etc. других превратных форм. С политэкономической точки зрения он может быть определен как **бесполезный сектор** – сфера, в которой не создаются (как основной продукт ее деятельности) ни материальные блага, способствующие развитию производительных сил и личности Человека, ни культурные ценности.

Авторы будут еще не раз возвращаться к этому понятию, каждый раз по возможности обогащая данные ранее характеристики, а сейчас вернемся к проблеме *информационных товаров*. Как мы отметили выше, в этом понятии фиксируется *специфическая превратная форма развития производительных сил, когда человеческая деятельность ориентирована на создание прежде всего не культурных благ, а особого рода товаров*. Включив в наш анализ феномен бесполезного сектора, мы можем сделать следующий шаг, зафиксировав, что в условиях глобальной гегемонии капитала информационные товары производятся и потребляются прежде всего в таких сферах, как *транзакции* (торговля, финансы, страхование); *государственно-бюрократический аппарат* и весь связанный с ним бюрократический мир; *военно-промышленный комплекс* и связанные с ним наука, образование, функционирование информации и контроля; *массовая культура и mass-media и т.д.*¹ О последних следует сказать особо: масс-культурное и масс-медийное производство – это сферы, где создание культурных ценностей является скорее исключением, чем правилом, где производятся прежде всего информационные товары, создаваемые как средства для увеличения прибыли и манипулирования обывателем и потребляемые для расслабления после вынужденной работы (в английском есть хорошее выражение *for fun*, для, так сказать, балдежа, но не для развития человека или реакции человека как личности).

Как следствие всего этого, в мире, где господствует производство и потребление информационных товаров (как превратной формы рождения мира культурных благ, мира со-творчества), т.е. в современном мире, потребности и цели деятельности человека, включенного в жизнедеятельность превратного сектора, производящего и потребляющего информационные товары, – все это становится средствами подчинения человека правилам жизни в условиях отчуждения.

Еще одной *превратной формой*, порождаемой миром экономической необходимости в современных условиях – условиях развитого материального производства – становится *показное паразитическое перепро-*

¹ Позволим себе две оговорки. Необходимо принять во внимание (и ниже этот тезис будет подробно развит), что, во-первых, во всех этих сферах создаются продукты и услуги, абсолютно необходимые для жизнедеятельности современного общества – общества, основанного на отчуждении (но это блага, которые абсолютно не нужны миру, лежащему «по ту сторону» отчуждения); во-вторых, в этих сферах, как побочный продукт их деятельности (трактор на танковом заводе), создаются и общественно-полезные блага.

требление (потребление, качественно превышающее достаточный, рациональный уровень)¹.

Здесь следует сделать небольшую оговорку: когда мы говорим о «достаточном (рациональном) уровне утилитарного потребления», то имеем в виду уровень, который может быть задан не количественно, но качественно. Это уровень, при котором человек имеет объем свободного времени и материальные предпосылки, необходимые и достаточные для участия в творческой деятельности. Если говорить проще – достаточно одежды, еды, хорошее жилье, значительно сокращенные затраты времени в быту и т.п., а также доступ к общению с другими людьми и природой, к художественным ценностям (музыка, живопись и т.п.), библиотеке, компьютеру, электронным сетям, другим источникам получения знаний, обучения, передачи своих творческих достижений своим коллегам плюс, повторим, достаточный объем свободного времени.

Этот уровень обеспечивается при достижении необходимой для перехода к «царству свободы» производительности труда, когда утилитарные потребности практически всех членов общества могут быть удовлетворены на достаточном уровне без дальнейшего существенного *экстенсивного* наращивания производства материальных благ и утилитарных услуг, без дальнейшего существенного расширения использования природных, человеческих и т.п. ресурсов на эти цели.

Этот уровень потребления ныне уже доступен для среднего класса развитых стран. Другое дело, что для большей части жителей Земли этот уровень еще не доступен, но *ресурсы, используемые ныне для жизнедеятельности превратного сектора*, в принципе *достаточны для того, чтобы повысить качество жизни во всем мире примерно до уровня, достигнутого в настоящее время нижней частью среднего класса развитых стран.*

К числу превратных форм, которые приобретают культурные блага, относится не только *информация-как-товар*, но и *массовая культура*, включая шоу-бизнес, игры и большую часть индустрии развлечений. В данном случае происходит еще одно «превращение», «выворачивание

¹ Понятие показного потребления (*conspicuous consumption*) введено в экономический институциональный анализ Т. Вебленом (см. *Веблен Т. Теория праздного класса*. М., 1984).

Обоснование необходимости ограничения паразитического потребления содержится не только в марксистской литературе, но и в широком круге работ теоретиков Римского клуба, а также в книгах Э. Фромма, во многом корреспондирующих с ними (см.: *Фромм Э. Иметь или быть*. М., 1990). Укажем также на многовековую традицию критического отношения к показному потреблению и – это более широкая проблема – потребительству в искусстве (из любимых работ нашей молодости укажем на повесть А.и Б. Стругацких «Хищные вещи века»). «Перепотребление» как болезнь современного мира рассматривается в книге: *Граф Дж., Ванн Д., Нэйлор Т. Потребительство: болезнь, угрожающая миру*. М.: Ультра.Культура, 2003.

наизнанку» действительного позитивного процесса роста свободного времени. Превратной формой этого процесса становится возрастание времени, которое используется не для рекреации человека и развития его творческого потенциала, а для реализации нового круга утилитарных потребностей в рамках искусственного мира псевдокультурных благ (мы назвали его временем «досуга», в отличие от свободного времени).

Особо в этой связи следует выделить прогресс так называемой «*виртуальной реальности*». Значительная часть ресурсов Интернета и социальных сетей, компьютерные игры и подобные им феномены становятся субститутами реальной деятельности, живого человеческого общения¹. Информационные технологии – казалось бы, позитивное средство для передачи, сохранения и распространения культуры, средство диалога между людьми – превращаются в данном случае в фетиш, вытесняющий живое общение, и создают целый набор искусственных превратных форм².

Естественно (напомним промежуточный вывод), проблема в данном случае не в компьютере, Интернете или информационных продуктах, а в том как, для чего, с какими целями, при посредстве каких отношений они используются.

Вообще следует заметить, что *грань, отделяющая мир культуры и со-творчества от мира массовой культуры*, весьма тонка, но очень существенна. В случае диалога с культурными ценностями человек участвует в процессе распремечивания, он является «со-творцом», кото-

¹ Эти тезисы стали едва ли не общим местом среди западных левых интеллектуалов.

Кстати, идея «*виртуалки*» как универсального и общедоступного наркотического средства, погружающего человека в иллюзорный мир, довольно подробно «раскручивается» в фантастике, что характерно (NB!) преимущественно для отечественных писателей, выросших на Стругацких и Ефремове, и еще не запыленных в той мере, как на Западе, превратными формами общественной жизни и сознания. Один из самых известных образов такого рода – т.н. Глубина, мир глубокого погружения в виртуальную реальность, фигурирующий в фантастическом цикле Сергея Лукьяненко (романы «Лабиринт отражений», «Фальшивые зеркала», «Прозрачные витражи»). Заметим, что в удивительно прозорливой книге А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века», написанной полвека назад и посвященной художественной, но при этом жесткой, социально-заостренной критике общества [пере]потребления, предложен прообраз серии виртуальных и аналогичных им наркотических воздействий: от «легкого» («дрожки» – некоего аналога современного ночного рок/поп/...-клуба) до тяжелого («сэг» – электронное средство, уводящее человека в иллюзорный мир иллюзорных гармоний).

² Это не означает, что компьютерные игры или другие формы тренинга лишь вредны или бесполезны. Но это означает, что в условиях господства отчуждения, в «превратном» секторе они приобретают характер фетиша и тем самым подрывают те цели, ради которых были вызваны к жизни, превращаясь в своего рода джинна, который, будучи выпущен из бутылки, оказывается вне контроля его освободителя.

рый обогащается и создает нечто (прежде всего самого себя как творческую личность) в процессе диалога с этими культурными ценностями, будь то книга, общение с другим человеком или природой. В случае массовой культуры или других превратных форм происходит утилитарное потребление культурных благ, которое либо «работает» исключительно на воспроизводство рабочей силы (в частности, даруя человеку возможность релаксации тем или иным образом, в частности на массовых спортивных или рок-шоу), либо вообще разрушает личность.

К числу превратных форм, порождаемых «закатом» «царства необходимости», относятся и социально-экономические формы, в которых капитал пытается решить проблемы глобального кризиса биосферы Земли. Объективно проблема если и ставится в полный рост (что характерно только для некоторых развитых стран и очень узкого круга стран «Третьего» мира), то сводится в большинстве случаев к *охране окружающей среды*. Акцент именно на (1) *охране* (2) *среды* деятельности капитала и его человеческих ресурсов здесь весьма симптоматичен. Более того, эта охрана ограничивается, при такой постановке, исключительно узким полем проблем, непосредственно затрагивающих условия воспроизводства корпоративных центров (страны золотого миллиарда). При этом, однако, даже эту ограниченную по своему полю и масштабам деятельность капитал как общественное отношение выносит за скобки имманентной для него системы экономических механизмов (прежде всего рынка), оставляя ее на откуп государству и общественным организациям, что само по себе символично¹.

* * *

Но мы несколько увлеклись. Пора сделать промежуточные выводы.

Так, мы можем предположить, что в мире происходит рождение новых типов «ресурсов» и потребностей, связанных с переходом «по ту

¹ Подчеркнем: современный мир знает и иные, объективно оппозиционные капиталу, общественные силы, настаивающие на целостном решении глобальной экологической проблемы. Но в той мере, в какой они остаются частью существующей системы отчуждения (а именно таковы в большинстве своем современные экологические организации), эти агенты способны лишь на выдвижение компромиссных проектов. К числу одних из наиболее известных принадлежит концепция sustainable development – поддерживаемого (в русском языке принят не очень точный перевод – устойчивого) развития. Впрочем, и ее отказались реализовывать на практике боссы «большой семерки» на встречах в Рио-де-Жанейро и более поздних.

Критика концепции «устойчивого развития» как недостаточно глубоко отражающей необходимость решения экологических проблем содержится во многих работах левых теоретиков. Среди известных работ на русском языке назовем книгу Н. Моисеева (см.: *Моисеев Н. С мыслями о будущем России. М., 1997*).

сторону материального производства». Однако пока что этот переход осуществляется по-прежнему в рамках «царства необходимости» и господства отчужденных общественных отношений. В силу этого он приобретает превратные формы, фиксируемые в понятиях «информационного общества», «охраны окружающей среды», «устойчивого развития» и ряде других категорий.

Именно эти превратные формы могут быть зафиксированы и фиксируются на эмпирическом уровне, создавая объективную видимость «мнимого содержания» этих процессов.

Мы же предполагаем теоретически, что за ними скрыто эмпирически трудно различимое действительное содержание – генезис «царства свободы» и креатосферы как его основы.

Предлагаемое нами понятие – креатосфера – перекликается с широко известным и уже называвшимся нами термином «ноосфера», предложенным Тейяр де Шарденом и превращенным в научное понятие В. Вернадским. Последний вкладывал в эту категорию вполне определенный смысл – превращение человека в господствующую над биосферой силу. В отличие от этого, мы *под креатосферой понимаем мир (социальное пространство и время) со-творчества, диалога, неотчужденных отношений, в которые включены Человек и его [творческая] деятельность, предметный мир культуры, природа (биосфера).*

В этом смысле мы можем утверждать, что *креатосфера как основа жизнедеятельности «царства свободы» есть торжество, победа подлинной культуры (мира Ломоносова, Маркса, Ползунова, Пушкина, Сократа, Чайковского, Шекспира, Эйнштейна и десятков, сотен миллионов известных врачей и учителей, социальных новаторов и инженеров...), развивавшейся в рамках «царства необходимости» в процессе диалектической борьбы с отношениями отчуждения.*

СМЕНА ДОМИНАНТЫ: «ПРОИЗВОДСТВО» КРЕАТОСФЕРЫ.

«ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» И «ОБЩЕСТВО УСЛУГ»

Зафиксировав качественные изменения в содержании труда, материального производства и потребностей, легко предположить, что такие изменения должны вызывать *существенную трансформацию макротехнологии и структуры общественного производства в целом.* Вслед за многими нашими предшественниками мы можем зафиксировать переход от индустриальной системы как вершины материального производства, производства вещей в рамках «царства необходимости», к новому типу общественного производства. К какому именно – тема нижеследующих размышлений.

В современной западной литературе это общество было принято называть постиндустриальным или информационным. На наш взгляд, эти

термины слишком узки и недостаточно точно отражают суть происходящих изменений, но к этому мы еще вернемся. Пока же зафиксируем ключевые черты *индустриального производства как вершины эпохи господства материального производства*.

Во-первых, индустриальное производство предполагает господство механических технологий.

Во-вторых, облик материального производства определяют системы машин, развивающихся от фабрик до комбинатов, объединяющих ряд комплексов, где во многих случаях господствуют конвейерные технологии («фордизм» как вершина индустриальной организации труда на предприятии).

В-третьих, развитие систем машин обуславливает развитие общественного разделения труда, вплоть до формирования частичного работника, подчиненного этим системам.

При этом происходит как бы «удвоение» подчинения человека общественному разделению труда: с одной стороны, человек становится частичным работником в рамках фабрики (системы машин) или более сложного и более современного производственного звена; с другой – это производственное звено является не более чем компонентом общественного разделения труда, специализируясь на производстве определенного круга материальных продуктов.

На развитой стадии индустриального производства эти системы машин дополняются прогрессом сферы услуг, инфраструктуры, в частности транспорта и энергетики, построенных (как и производство в узком смысле слова) на некомпенсируемом, можно даже сказать, хищническом использовании невозобновляемых природных ресурсов (таких, как уголь, нефть, газ, лес, руды и другие).

В результате этих изменений в первой половине XX века формируется особая *структура материального производства*, где доминирующей сферой является индустрия вкупе с инфраструктурой (позднее – сектором услуг), а ранее господствовавшая аграрная сфера оттесняется на второй план в развитых странах, но сохраняет свое доминирующее (по числу занятых) положение в большинстве стран «Третьего» мира.

Человек в этих условиях подчиняется системе разделения труда, диктуемой индустриальным типом технологии с одной стороны, капиталистической формой этой технологии – с другой, и воспроизводится преимущественно именно как работник, причем частичный.

Развитая индустриальная технология, базирующаяся на некомпенсированном потреблении природных ресурсов, в XX веке переходит к новому качеству, которое характеризуется созданием *единой макротехнологической системы*, фактически являющейся *интернациональной*. Она базируется на противоречии между технологически развитыми центрами, потребляющими основную часть природных ресурсов, и «периферией» (где господствуют индустриальные или даже ранне-, а то и доиндустриальные технологии), поставляющей эти ресурсы для «цен-

тра». Позднее, во второй половине XX века, возникает новый феномен, о котором речь пойдет ниже: вынос «грязных» индустриальных производств в развивающиеся страны и формирование в развитых странах «общества услуг» (в качестве иллюстрации этих сдвигов можно рассматривать данные, приведенные в 1 главе Прелюдии).

Переход от преимущественно механических технологий к технологиям, использующим новые формы движения материи (физические, химические, биологические и микробиологические) и их постепенное развитие (но в рамках подчинения господству индустриальных технологий), приводит к формированию *глобальных проблем развитого индустриального производства*. Производительные силы, имеющие индустриальную основу, достигают интернационального, планетарного масштаба и становятся глобальными производительными силами.

Материальное производство, достигшее такой стадии, характеризуется тем, что на планете Земля создается единая *техносфера*, подчиняющая биосферу и функционирование человека своим законам.

Такого рода единая техносфера может быть изменена лишь глобально, на основе рождения новой модели отношения между человеком и природой. Не менее важно и соответствующее изменение отношений между «Первым» и «Третьим» мирами, а также многих других параметров, о которых мы не будем далее распространяться (здесь мы всего лишь делаем некоторые выводы о характере материального производства как целостной планетарной системы на стадии, когда это индустриальное производство приближается к пределу своего развития).

Объективная необходимость снятия этих противоречий предполагает развитие нового качества планетарной общественной деятельности. Прежде всего должны произойти соответствующие изменения в самом материальном производстве, которое всегда остается базисом для «царства свободы» (еще раз пропедалируем этот важный тезис).

Достаточно очевидными тенденциями уже являются процессы видоизменения и сокращения индустриальных и доиндустриальных, а также *генезис постиндустриальных технологических процессов* как в материальном производстве, так и в креатосфере.

Гораздо более спорной является теза о необходимости вытеснения ***превратного (бесполезного) сектора***.

Это понятие мы уже ввели выше. Здесь, делая новый шаг в исследовании, мы к предложенным выше социофилософским характеристикам можем добавить, что радикальный рост этого сектора в данном случае мы можем определить, как радикальный сдвиг в структуре общественного воспроизводственного процесса эпохи «заката» «царства экономической необходимости», вызванный противоречивыми тенденциями. С одной стороны, ростом производительности труда в индустриальной сфере и генезисом сферы постиндустриальной, что позволяет высвободить значительные ресурсы из материального произ-

водства. С другой стороны, превратный сектор – это *продукт навязывания структурным сдвигам в материальном производстве тех направлений и форм, которые выгодны современному глобальному капиталу, что обуславливает использование этих ресурсов в секторе, где не создаются ни материальные продукты и услуги, служащие производительному и/или личному потреблению, ни культурные блага.*

В следующей части нашей книги мы еще раз вернемся к политико-экономическому исследованию превратного сектора в связи с исследованием отношений воспроизводства позднего капитализма, а сейчас продолжим наш анализ структурных сдвигов, происходящих в экономике под влиянием генезиса креатосферы¹.

* * *

Выше мы уже несколько раз обращались к тем превратным формам, которые приобретают эти структурные сдвиги в условиях современного капитализма. Наиболее типичным для обозначения этих изменений является использование таких понятий, как «*общество услуг*» или, начиная с 1960–1970-х годов, «*постиндустриальное общество*». В последние годы, как мы отмечали в начале Прелюдии, эти термины стали менее популярны, но это не означает их ухода из поля социально-экономической теории. Использование этих названий фиксирует действительные, реальные, объективные тенденции вытеснения индустриальных технологий и, шире, материального производства. При этом, однако, не критически, позитивистски отражается процесс создания субститутов, которые как бы «переносят» превратные формы мира экономической необходимости (эти формы были названы выше) в то свободное пространство, которое могло бы быть занято креатосферой.

Пожалуй, наиболее близка по сути к пониманию тенденции вытеснения материального производства гипотеза генезиса *постиндустриального общества*, в которой фиксируется рождение технологий и сфер материального производства, уходящих от собственно машинного производства, индустриальной технологии.

Что же касается более «продвинутых» вариантов теории постиндустриального общества, то здесь следует, пожалуй, признать наиболее

¹ Одной из наиболее интересных сфер, в которой могут произойти такие изменения, является деятельность человека в системе экономических и, шире, социальных отношений. Не секрет, что для корпоративной рыночной экономики главными формами такой деятельности являются бизнес, предпринимательская деятельность. Последняя имеет двойственную природу. Одна ее сторона – деятельность персонифицированного капитала (или его представителя), в которой собственно творческие функции играют подчиненную роль, они обслуживают внешние силы капитала, рынка, государства. Вторая сторона (она, как правило, подавлена первой) – собственно социальное новаторство.

популярной тему «*сетевое общество*» (экономики, производства и т.д.). Благодаря работам широкого круга авторов (прежде всего многократно упоминавшегося выше Мануэля Кастельса) этот тип экономической и общественной организации стал не просто хорошо известен, но и отражен на теоретическом уровне. Отмечается, что сетевая организация производства (так называемая «*модель сиско-системз*»), использующая современные информационные технологии, является для постиндустриального производства (специально подчеркнем – речь идет именно и прежде всего о *реальном секторе*) тем же, чем для позднеиндустриального стала фордистская модель организации труда, а позже – тойотизм.

При этом, однако, и зарубежные, и отечественные авторы (как и во всех вышеперечисленных случаях анализа «постиндустриального», «информационного» и т.п. общества) не разделяют во многом позитивных новых форм организации производства в реальном секторе и его позднекапиталистических социально-экономических форм¹. Что касается последних, то, например, бурный рост в 1990-е годы стоимости акций «Сиско-системз» (Cisco Systems) стал результатом не только роста производительности труда и расширения производства этой фирмы, но и общего (и, как показывает новейшая история, весьма противоречивого) роста стоимости акций корпораций, занятых бизнесом в сфере информационных технологий. Кризис рубежа веков в этой сфере также стал неслучайным, о чем мы еще поразмыслим в следующей части книги. Там же будет показано, что эти технологические сдвиги становятся одной из основ нового качества гегемонии корпоративного капитала – формирования « *сетевого рынка*».

В связи с анализом превратных форм структурных сдвигов, порождаемых «*закатом*» «*царства необходимости*», особо важно прокомментировать уже упоминавшуюся теорию «*общества услуг*».

Здесь как раз фиксируется активное и все убыстряющееся развитие характерных именно для сферы услуг отраслей, где не создается материальный продукт, и где сегодня в основном осуществляется функционирование многочисленных *субститутов креатосферы* (заметим, что в сферу услуг входит и часть креатосферы: медицина, образование, наука, рекреация человека и природы; это особая часть сферы услуг, которая выходит за пределы ее превратных форм).

Концепция «*общества услуг*» может быть в целом охарактеризована как отражение процесса замещения своего рода «*свободного места*», которое образовалось вследствие резкого сокращения в развитых стра-

¹ Критика такого подхода дана, в частности, Вольфгангом Хаугом (см.: Хауг В. Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма // *Альтернативы*. 2008. № 3). См. также: Хауг В. F. High-Tech-Kapitalismus: Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg & Hegemonie. Hamburg: Argument-Verlag. 2005.

нах материального производства, превратным сектором, лишь частично обеспечивая развитие собственно креатосферы, да и то преимущественно в отчужденных формах.

Прокомментируем последний тезис. Развитие *отчужденных форм собственно креатосферы* связано с тем, что и наука, и образование, и искусство, и рекреация человека и природы, равно как и научное управление обществом (а последнее является сегодня в большей или меньшей мере компонентом любой экономики, любой социальной системы), – все эти сферы становятся механизмами, обслуживающими процесс функционирования корпоративной рыночной экономики и адекватных для нее политических систем, духовных ценностей, идеологии, и, что наиболее тревожно, сознания.

* * *

В заключение этой главы подчеркнем: *рождение креатосферы*, вытеснение собственно материального производства – *это процессы, которые только начались в современном мире*. Мы отслеживаем лишь первые шаги, которые неизбежно связаны с появлением достаточно уродливых, иногда мутантных форм, и сегодня мы можем лишь с большим трудом продираться через эти, довольно уродливые, обличия новых феноменов, их превратные формы, пытаясь вычлениить их зародыш, понять их действительное существо.

Более того, рождение креатосферы происходит сейчас *крайне неравномерно*, и мы можем фиксировать в ряде случаев лишь необходимость ее появления при господстве реакционных, попятных (по отношению к долгосрочному тренду ее рождения) тенденций. Так, в последние десятилетия в развитых странах, где уровень развития производительных сил уже достаточен для того, чтобы креатосфера стала доминирующей, доминирующим является тренд опережающего развития превратного сектора. В развивающихся странах (а в последнее время – и в странах бывшей «Мировой социалистической системы»), где уровень развития материальных предпосылок пока достаточен в лучшем случае для зарождения отдельных элементов этой сферы, утвердилась (за редким исключением некоторых стран Латинской Америки) также реверсивная тенденция развития старого типа материального производства и сервиса, ориентированных на создание утилитарных благ и весьма далеких от приоритетного развития образования, культуры, рекреации общества и природы, других отраслей креатосферы.

В любом случае, однако, существенно, что сегодня мировая экономика подошла вплотную к черте, за которой, с одной стороны, дальнейший прогресс глобальной гегемонии капитала предполагает освоение им в принципе чуждых для него территорий мира культура, вынужденно превращаемого капиталом и рынком в производство и распространение симулякров. С другой стороны, открываются потенциальные возмож-

ности для качественных изменений системы общественного производства, его переориентации на приоритетное развитие креатосферы.

Но это особая материя, к которой мы вернемся в последней части работы, а сейчас обратимся к исследованию противоречий социально-экономической формы материального производства, характерной для современного этапа позднего капитализма – системы производственных отношений, характерной для высшей на сегодняшний день фазы развития «царства необходимости».

Перед нами, тем самым, стоит задача исследования тех изменений, которые претерпевают товар, деньги и капитал в условиях описанных выше глобальных трансформаций в содержании труда, его средств и результатов, в структуре общественного производства и т.п., т.е. во всем комплексе производительных сил.

Это и есть задача создания пролегомен к «Капиталу» XXI века...

часть I Товар и деньги:
инволюция

...но, к сожалению, потенциал авторов слишком мал для того, чтобы претендовать на создание реактуализированной версии величайшего труда Карла Маркса. Ниже мы предлагаем читателю всего лишь краткое изложение результатов наших исследований последних двух десятилетий в области теории товара и денег эпохи позднего капитализма, причем исследований, предметом которых было не создание целостной картины движения товаров и денег в современном хозяйстве, а «всего лишь» генерализация некоторых качественных характеристик, раскрывающих глубинные противоречия и, следовательно, закономерности их бытия. Некоторое первоначальное приближение к решению этой задачи нам показалось возможным уже хотя бы потому, что значительную (едва ли не определяющую) часть этой работы уже проделали наши учителя и коллеги.

Соответственно, этот раздел будет включать анализ нового качества категорий «товар» и «деньги», а также тех изменений, которые претерпевает система рыночных отношений под влиянием описанных выше изменений в капиталистическом способе производства и «царстве необходимости» в целом. «Постскриптумом» к этому разделу будут наши размышления о современном видении основы основ политэкономии капитализма – трудовой теории стоимости.

глава 1 Рынок как результат глобальной гегемонии корпоративного капитала

Пройдя по спирали виток «отрицания отрицания» своей эволюции (товарное производство как генезис капитала – развитой промышленный капитализм – империализм и последующие стадии «заката»), капитал в конце XX века начал процесс восстановления подорванной социал-реформистским периодом *всеобщей власти рынка как господствующей формы координации (и аллокации ресурсов)*. Но это восстановление на новой основе (на основе информационных технологий, достижений предшествующей эволюции капитала, кризиса мутантного социализма, глобализации...), и потому с новым содержанием, а это значит – воспроизводство (опять же по спирали отрицания отрицания) не просто капиталистического рынка, но некоторого нового вида последнего.

Тотальный рынок сетей

Корпоративный капитал эпохи глобализации существенно видоизменяет все основные черты товарных отношений, генерируя процесс становления *тотального рынка*¹. Тотальность рынка на эмпирическом уровне оказалась наиболее заметна с конца XX века, когда неолибе-

¹ Данное явление неолиберальной власти капитализма с ее стремлением подвести все общественные процессы под рыночные мерки у некоторых исследователей носит название «маркетизация» (см. *Fine B. Theories of Social Capital. Researched behaving Badly*. L.: Pluto Press, 2010).

С огромным для себя удивлением в момент завершения работы над первым изданием книги один из нас (а именно – А. Бузгалин) столкнулся с этим термином в... научно-фантастическом романе: «Привычка до сих пор так сильна в нас, что нам и в голову не придет называть тоталитарным режим, в котором насилие не применяется массово...

И мы не разглядим тоталитаризм, который достиг, наконец, предела своих мечтаний и так подвесил подавляющее большинство своего населения на ниточках материальных наград и наказаний, что в применении массивированного насилия он *просто не нуждается*...

И мы с готовностью будем называть тоталитаризм *тотального рынка* так, как он сам себя называет – свободным миром» (*Рыбаков В. На чужом пиру*. М.: Аст, 2000. С. 276–277. Выделения в тексте В. Рыбакова).

Не правда ли, любопытное совпадение в понятийном аппарате? Интересно и то, что В. Рыбаков использует образ марионетки, которой управляет некто третий для обозначения поведения человека в условиях тотального рынка – этого апофеоза отчуждения. →

ральная практика и идеология дошли в своей экспансии до рубежа так называемого «рыночного фундаментализма»¹.

Существеннейшая черта этого нового качества рынка, скрывающаяся за практикой и идеологией рыночного фундаментализма, – это завершение начавшегося с эпохой монополистического капитала перехода к рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей и действий, а именно – корпоративный капитал. Именно он сознательно манипулирует остальными агентами рынка, будь то домохозяйства или мелкие производители. Все они превращаются в клиентов корпораций, еще точнее – корпоративного капитала, который как целое, скорее, господствует над рынком, чем подчиняется его стихийным законам.

Тоталитарный рынок: сети и их хозяева («рынок пауков и паути»)»

Эта система господства уже давно известна социально-экономической теории. Едва ли не впервые она была отражена В.И. Лениным и его последователями, писавшими, как мы уже заметили выше, о подрыве свободной конкуренции рыночной монополией. Существенно, что в этом случае были показаны, во-первых, материальная основа этого регулирующего воздействия (обобществление производства и обмена) и, во-вторых, то, что это регулирующее воздействие монополистических объединений на рынок есть зародыш нового отношения, в своем развитом виде принадлежащего будущему – планомерности общественного производства. Неслучайно в этой связи Лениным было подчеркнуто,

← Подчеркнем также, что положение о тоталитаризме современного рынка развивается в ряде работ Л.А. Булавки, где акцентируются преимущественно проблемы взаимодействия экономики и культуры (см.: Булавка Л.А. К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки. 2012. № 10. С. 56–71; Булавка Л.А. Постсоветская культура: принуждение к мутации // Политэкономика провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013. С. 151–170; Булавка Л.А. Императивы симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2).¹ Тезис о «рыночном фундаментализме», «тирании рынка» и т.п. ныне весьма популярен и в России (где его критика, правда, смешивается с осуждением главным образом геополитического доминирования Запада – эта линия особенно ярко представлена в работах А. Зиновьева), и за рубежом (см., например: Bourdieu P. Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market. N.Y., 1998; Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999). Критику рыночного фундаментализма см., в частности, в работах: Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008; Гринберг Р.С., Сороскин Д.Е. Опасный пессимизм. Отказаться от демонизации роли государства в экономике // Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2014.

что планомерное регулирующее воздействие на рынок дают уже тресты. Планомерность же будущего предполагает, что ее субъектом является все общество и осуществляется она в интересах развития личности каждого, а не увеличения прибыли корпораций¹.

Это идейное наследие было воспринято и развито советской политекономией (в первую очередь, но не только, «цаголовской школой»), авторы которой специально акцентировали переходный характер отношений монополистического регулирования рынка, которые они называли «неполной планомерностью». Мы об этом уже писали в связи анализом диалектики трансформационных процессов и генезиса пострыночных отношений в первой части, но здесь будет уместно напомнить весь комплекс параметров регулирующего воздействия на экономику со стороны монополистических союзов².

Схожие выводы, независимо от марксистских исследователей, были сделаны Дж. Гэлбрейтом в его известной книге «Новое индустриальное общество», где он отметил в первую очередь «плановость» отношений внутри корпоративного сектора, но к этому он добавил еще и регулирующее воздействие корпораций на потребителя, в первую очередь – манипулирующее воздействие рекламы. Позже этот тезис стал едва ли не общим местом в работах критиков «рыночного фундаментализма»³.

¹ Ранее мы уже приводили соответствующие слова Ленина из его работы «Замечания на второй проект программы Плеханова».

² К кругу этих параметров относились, в частности:

1. Обобществление производства как технологическая основа зависимости;
2. Возможности манипулирования ценой, качеством и другими параметрами неценовой конкуренции на основе высокого уровня концентрации и централизации капитала;
3. Навязывание вследствие этих же причин потребителям и зависимым поставщикам выгодных для корпораций условий сделок через разнообразные механизмы (в частности, маркетинга, рекламы);
4. Использование механизмов сращивания с финансовыми корпорациями для воздействия на контрагентов через системы кредитов и др. форм создания финансовой зависимости;
5. Использование личной унии в бизнесе и теневых форм;
6. Сращенность с государственными структурами и СМИ;
7. Использование корпоративного аппарата насилия (от «цивилизованного» промышленного шпионажа в странах «Первого» мира до прямого насилия корпоративных наемников в странах «Третьего» мира) и др.

³ Ряд из этих работ мы уже упоминали, но все же напомним о них еще раз: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969; Он же. Экономические теории и цели общества. М., 1976.; Ойкен В. Основы национальной экономики. М., 1996; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001; Power in Economics. Harmondsworth, 1971 и др. Обзор этой литературы дан, в частности, В. Дементьевым (Дементьев В. Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. 2004. № 3), предложившим оригинальный вариант институциональной интерпретации данной проблемы.

Эта линия классического институционализма была продолжена в работах многих авторов, принадлежащих к левому спектру мыслителей-«шестидесятников» на Западе, но это были преимущественно социофилософские или даже литературно-философские работы, написанные на стыке экзистенциализма и марксизма (эти мотивы можно найти в книгах Камю, Сартра), марксизма и анархизма (Кон-Бендит) и др. Позднее эта тема в качестве «боковой» возникла в книгах Бодрийера и коллег по постмодернистскому «цеху». К этим работам мы еще вернемся позднее, в связи с анализом рынка симулякров, а сейчас продолжим наш краткий экскурс в историю разработки проблем регулирующего воздействия корпораций.

В настоящее время в среде критиков корпоративной системы очень широко известны работы Наоми Кляйн¹ (на них ссылаются, как едва ли не классику, даже такие известные исследователи, как С. Жижек; они переведены на массу языков, в том числе – русский и изданы большими тиражами), где механизм манипулирования потребителем со стороны корпоративного капитала раскрыт на массе примеров. Существенно новым моментом в данном случае стало акцентирование феномена манипулирования, соединяющего сложный комплекс не только собственно экономических, но и информационных, культурных и даже идеологических воздействий на потребителя со стороны корпоративного капитала.

При этом, однако, в этих работах, как правило, речь идет преимущественно о манипулятивном воздействии на конечного потребителя – того, кто приходит в бутик или супермаркет (или заказывает товар через Интернет). В стороне остается едва ли не самый глубокий пласт – регулирующие воздействия корпораций друг на друга и на некорпоративный сектор, а также государство².

¹ См. *Кляйн Н. NO LOGO: Люди против брендов.* М.: Добрая книга, 2003; *Она же. Заборы и окна.* М.: Добрая книга, 2005; *Она же. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф.* М.: Добрая книга, 2009.

² «Современный капитализм – это капитализм генерализованных монополий. Под этим я подразумеваю то, что монополии более не похожи на островки (хотя бы и важные) в море остальных (еще относительно автономных) компаний а образуют интегрированную систему. Поэтому они плотно контролируют все производственные системы. Малые и средние предприятия и даже крупные корпорации, не являющиеся в строгом смысле олигополиями, прочно заключены внутри сети контроля, установленной монополиями. Уровень их автономности упал настолько, что они выступают не более чем субподрядчиками монополий. Эта система генерализованных монополий – продукт нового этапа централизации капитала в странах «триады» (США, Западная и Центральная Европа и Япония), проходившего в 1980–1990-е годы. Генерализованные монополии теперь господствуют в мировой экономике» (Амин С. «Схлопывание» современного капитализма и дерзость левых // *Альтернативы.* 2014. № 2. С. 8).

В рамках неоклассической теории, как мы уже мельком отметили выше, этот феномен тоже замечен, но не слишком акцентирован. Главное внимание есоnomics, как известно, уделяет исследованию механизмов несовершенной конкуренции. Но этот анализ *функциональных* связей, посвященный *количественным* аспектам формирования цены в условиях олигополии, мало что говорит о природе феномена регулирующего воздействия корпораций на рынок. Другое дело, что в понятийном аппарате есоnomics присутствует категория «*рыночная власть*»¹, которая по сути дела прямо корреспондирует с отношениями локального корпоративного регулирования и манипулятивного воздействия, анализируемыми другими школами. Эта категория пользуется минимальной популярностью у неоклассиков, что неслучайно: по зрелому размышлению этот феномен им следовало бы отнести к очередным провалам рынка, но... Но этот провал характерен практически для всей системы отношений ключевого для современной экономики корпоративного сектора, что неявно ставит проблему: а не является ли рынок в данной сфере по большей части «провалом»?

Вообще следует заметить, что проблема власти в экономике является одной из центральных скорее для марксизма. Особенно явственно она рассматривалась в работах, посвященных экономическим проблемам империализма – начиная с исследований Дж. Гобсона, Р. Гильфердинга, Н. Бухарина, Розы Люксембург, В.И. Ленина и заканчивая работами советских специалистов по проблемам государственно-монополистического капитализма. Как мы уже отметили, она поднимается и в работах авторов, принадлежащих к направлению классического институционализма и близких к нему школ². В то же время практика позднего капитализма заставила взглянуть на нее более пристально и неоклассику.

Пожалуй, наиболее активно эти проблемы рассматриваются в рамках нового институционализма, продолжающего во многих отношениях методологическую линию именно неоклассики. Новый институционализм также не обошел вниманием этот феномен, выделив такой параметр взаимоотношений рыночных агентов, как «переговорная сила». Но в рамках данной школы этот феномен представлен как бы нейтраль-

¹ Количественным отображением рыночной власти (то есть способности фирмы влиять на рыночные цены) выступают Лернеровский индекс монопольной власти, индекс Херфиндаля–Хиршмана. Предполагается, что феномен рыночной власти возникает там, где происходит отступление от свободной конкуренции (какая-то, вообще-то говоря, давно превратилась в исключение, а не правило). Существуют и специальные исследования по проблеме рыночной власти. См., например: *Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности* / Пер. с англ. под ред. В.М. Гальперина и Н.А. Зенкевича. В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2000.

² См. упомянутые выше работы Дж. Гэлбрейта, В. Ойкена, Э. Гоффлера и др. и обзор публикаций по этой тематике, данный в также упоминаемой ранее статье В. Дементьева «Экономическая власть и институциональная теория».

ным: позитивно фиксируется наличие возможностей использования некой «силы» в переговорах о параметрах сделки. Сами эти возможности расписаны достаточно подробно (что следует признать явной заслугой этого направления), хотя и на уровне видимости¹. Впрочем,

¹ На языке нового институционализма эти параметры могут быть интерпретированы следующим образом:

1. неравенство в распределении (степени монополизации) собственности на определенный вид ресурсов;
2. асимметричный характер распределения специфических ресурсов;
3. асимметрия в распределении информации между сторонами обмена или отношений «принципал-агент»;
4. различная величина издержек для сторон обмена, связанных с «выходом» из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников получения ресурса (блага);
5. отсутствие равновесия спроса и предложения на конкурентном рынке;
6. неравный доступ к ресурсам принуждения или насилия (государственным и частным);
7. неравная эластичность спроса на блага (ресурсы), которыми обладают стороны трансакции;
8. неравная значимость для сторон трансакции ресурсов, которыми обладают стороны обмена;
9. асимметрия покупательной способности (purchasing power) экономических агентов.

Если сравнить эти общеизвестные «позитивные» достижения нового институционализма с «апологетическими» разработками советской политэкономии, кратко суммированными в одном из предыдущих текстов, окажется, что большинство из них были раскрыты в теории т.н. «монополистической планомерности». Ее авторы, в частности, показали, что крупнейшие капиталы: 10. обладают возможностью прямого и/или косвенного участия в системе отношений собственности контрагентов (от владения акциями до личной унии и внеэкономического воздействия на собственников и/или менеджеров контрагентов);

11. контролируют ресурсы в определенной сфере рынка;
12. имеют большую информацию о параметрах рынка и контрагента (вплоть до возможности прямо манипулировать такой информацией);
13. «привязывают» к себе контрагентов технологически, экономически, финансово, информационно, затрудняя возможность отказа от взаимодействия с крупным капиталом;
14. контролируют значительную часть технологий, производства, рынка, не только ограничивая альтернативы «контрактов» для контрагентов, но и создавая устойчивое неравновесие в соотношении спроса и предложения (отсюда, в частности, феномен монопольной цены, о которой так много писалось в советской политэкономии империализма);
15. формируют технологическую зависимость контрагентов от крупного капитала;
16. воздействуют на финансовые параметры контрагентов, порождая их финансовую зависимость, и др.

Ниже мы предложим авторскую версию систематизации, обобщения и развития этих параметров в рамках нашего анализа нового качества рынка.

теоретики этого направления в этом видят скорее достоинство, ибо именно такой анализ позволяет предпринимателям использовать теоретические выводы для выработки и принятия решений, что именно и является критерием успешности позитивной экономической теории.

Но, согласитесь, возможность дать совет о том, что и как можно использовать для усиления позиций своей фирмы на переговорах об очередной рыночной сделке, это не то же самое, что сказать: закономерностью рыночных трансакций, начиная с XX века, является устойчивая асимметрия «переговорной силы» во взаимодействии крупных корпораций и других агентов экономики, причиной этой асимметрии является то-то, следствиями – то-то... Впрочем, у некоторых представителей институционализма, выросших на диалогах с марксизмом, можно найти и нечто похожее на сформулированный выше тезис¹.

Итак, в рамках практически всех школ, так или иначе, отмечается феномен регулирующего воздействия крупного корпоративного капитала на экономику и ее агентов. Этому явлению уже более сотни лет, но в последние десятилетия он приобретает новое качество, исследование которого для нас принципиально важно. Последнее, однако, можно проделать лишь в рамках более широкого исследования нового вида «рынка», характерного для современного этапа «заката» капиталистической системы.

А это исследование, оставленное за скобками данной работы, показывает, что за феноменами «локального регулирующего воздействия», «манипулирования», «рыночной власти» и т.п. скрывается существенное *видоизменение противоречий товарных отношений, «снятых» развитием глобального корпоративного капитала.*

Последнее рождает рынок, который, с одной стороны, тотально подчинен власти не просто капитала, но корпоративного капитала как *целого* (не отдельных фирм, но капитала как конкретно-всеобщего производственного отношения²) и, с другой стороны, сам *тотально* господствует над всеми параметрами социально-экономической жизни. Так появляется своего рода рыночная диктатура, рыночный тоталитаризм, соединяющий власть рынка, капитала и корпоративных структур в единый механизм подчинения человека и общества, скрывающий под личиной свободной конкуренции тотальную гегемонию капитала. Человек в современном капиталистическом обществе оказывается под властью корпоративных структур *sine prece, sine pretio, sine poculo*³.

¹ См., например: Олейник А. Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

² Повторим важный методологический тезис I тома: конкретно-всеобщее – это не внешнее формальное сходство, а действительное, реальное единство конкретного целого в его генетическом развитии (данное содержание вкладывается в это понятие в работах Э.В. Ильенкова).

³ Без просьбы, без подкупа, без попойки (*лат.*).

Рассмотрим генезис этого феномена подробнее, обратившись прежде всего к анализу видоизменений основы всякого товарного производства – противоречия общественного разделения труда и обособленности товаропроизводителей.

Экспансия тотального рынка сопровождается новым витком разветвления (в том числе по мере прогресса постиндустриальных технологий и глобализации) **общественного разделения труда** (в рамках марксистской теории последнее означает не просто рост многообразия особых видов деятельности и специализации, но и подчинение человека условиям разделенного труда) и *экспансией частичного работника и частичного человека*.

Проделавший отмеченную выше эволюцию глобальный капитал:

- углубляет *мировое* разделение труда, являющееся основой противоречия между «Первым» и «Третьим» мирами (развитие «третичного» и «четвертичного» секторов в «Первом» мире, консервация «первичного» в наиболее отсталых и развитие «вторичного» в новых индустриальных странах «Третьего» мира при угрозе их кризиса по мере превращения знаний и инноваций, а не сырья, в ключевые ресурсы развития);

- интенсифицирует процессы формирования *частичного работника*, способствуя развитию «обычного» индустриального частичного работника (преимущественно в «Третьем» мире) и направляя (преимущественно в «Первом» мире) прогресс наиболее современных форм деятельности в русло роста не универсальности, а профессионализма (культ последнего отображен теориями «общества профессионалов», о чем мы уже писали в других работах¹);

- приводит к доминированию производства «частичного продукта» – т.е. продукта, который является не в своей вещественности потребительной стоимостью, а лишь в совокупности с услугами по технической поддержке его эксплуатации... – этот перечень легко продолжить.

В то же время генезис постиндустриального общества (в терминологии марксизма – «закат» «царства необходимости», эпохи господства материального производства) объективно порождает и противоположные тенденции – к *снятию разделения труда*, основывающиеся на прогрессе общедоступной творческой деятельности, но эти тенденции современный корпоративный капитал как раз тормозит, а противоположные (ориентацию образования на усвоение набора узкоспециальных знаний, науки – на узкопозитивные, преимущественно прикладные проблемы²) – интенсифицирует.

¹ Этот акцент на профессионализме, а не креативности, представлен в большинстве западных работ по проблемам постиндустриального общества, что мы специально отметили в Прелудии.

² Так, в США бизнес в 2004 году потратил на заказные исследования в университетах, государственных и частных бесприбыльных научных центрах →

Но самое главное изменение в природе общественного разделения труда, характерное для современного тотального рынка, связано с развитием **глобального обобществления** и информационных технологий. *На место атомарной структуры* (отдельные производители и их связи) *приходит «вязкая» и аморфная структура, образующаяся как взаимоналожение различных сетей.* И «актерами», и связями этих акторов между собой становятся сети. Их можно сравнить с системой паутин, которые постоянно плетет и переплетает некий «паук». Это гибкие, аморфные, быстро изменяющие свои конфигурации образования, находящиеся в то же время под жестким контролем формирующего их властного центра («паука»). Эту картину можно проиллюстрировать примерами из области производства информационных продуктов, где контролирующие эту сферу корпоративные центры постоянно заново «сплетают» сети по производству тех или иных разработок. Или примерами из области финансовых спекуляций с их многоуровневыми «паутинами» транзакций, контролируемых «рейнмейкерами», или даже примерами производства легковых автомобилей, где сборочное предприятие в какой-нибудь стране «Третьего» мира лишь венчает сложную сеть поставок, управленческих связей, маркетинговых операций, пиара и финансовых потоков, «сплетенную» той или иной ТНК под конкретные условия сборки и, главное, реализации в данной стране¹...

Так возникает **тотальный рынок сетей**, где место отдельных обособленных единиц занимают аморфные, вступающие друг в друга сети, причем действующие в большинстве случаев либо вне материального производства, либо в пограничных областях, в частности в сфере, которую мы назвали «*превратным (беспольным) сектором*». Это сектор, в котором не создаются блага, содействующие развитию человеческих качеств (большая часть финансов, бюрократического управления, ВПК, массмедиа, масскультура и т.п.). Но в то же время это сфера, где наиболее активно развиваются современные формы рынка.

Одной из наиболее близких по своей технологической природе для корпоративно-сетевого рынка форм становится так называемое «*сетевое предприятие*», где единая система информации и стандартов сое-

← лишь 2,2% от своих расходов на НИОКР (Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. М.: ИПРАН, 2008. С. 19). По данным на 2006 год в США из 342,8 млрд долл. ассигнований на НИОКР 18,5% было израсходовано на фундаментальные исследования. Из этой суммы 55% пришлось на долю университетов, 40% – на долю государственных лабораторий (Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. С. 18, 74).

¹ См.: Castells M. The Rise of the Network Society. Malden–Oxford: Blackwell, 1996.

диняет в единую цепочку производства «точно вовремя» и для конкретного потребителя тысячи звеньев¹.

Сети, складывающиеся в превратном секторе, а также предприятия-сети, принципиально отличны по своим признакам от обычных индустриальных звеньев общественного разделения труда, ибо:

- связаны с генезисом постиндустриальных технологий;
- подвижны, аморфны, слабо «центрированы», т.е. мало привязаны к определенному «месту» (в отраслевом, территориальном и т.п. плане);
- потенциально (а в ряде случаев – Интернет и т.п. – реально) всемирны и разомкнуты;
- неопределенны по своим размерам и границам (неопределенно-велики/малы) и постоянно изменяют свои масштабы (растут, сокращаются, пульсируют)...

Перечень легко продолжить, но принципиально важно другое. Происходит значимое изменение: *начался переход от массового индустриального производства на отдельных специализированных предприятиях, работающих на массовых неизвестных потребителей, к индивидуализированному, осуществляемому на многочисленных предприятиях сети, постиндустриальному производству, ориентированному на конкретных потребителей*. При этом для каждого из потребителей может образовываться своя особая сеть (кооперация) производителей. Но наряду с этим могут существовать и иные, внепроизводственные сети, и сети, ориентированные на удовлетворение массовых потребностей, и мн. др. При этом каждая из таких сетей в конечном счете контролируется тем или иным корпоративным капиталом (или их совокупностью).

Подчеркнем: этот переход именно «начался», и идет он *нелинейно*, но тренд налицо. И дело здесь далеко не только в развитии малого бизнеса: в новом веке именно крупные корпорации все более разнообразно и адресно строят свое производство. Они его, если так можно выразиться, *конкретизируют*².

Существенно, что эта тенденция проявляет себя и в сфере материального производства.

¹ Об этом исследователи пишут уже не один десяток лет. См., например: Reich R.B. The Work of Nations: Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992, а также названные выше работы М. Кастельса по сетевой экономике.

² В этом контексте понятно, что отмеченные зарубежными авторами еще в прошлом веке и обобщенные В.Л. Иноземцевым феномены сокращения массового производства (*Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: Наука, 1999. С. 36, 41*) и развития производства индивидуализированного (Там же. С. 57, 60) действительно можно рассматривать как характерные черты постиндустриальной системы, но не следует абсолютизировать и сводить их, как это делали иные из исследователей (но не В.Л. Иноземцев) к однозначному и линейно протекающему процессу.

В этой связи заметим: следуя любым веяниям экономической моды, некоторые теоретики, увидевшие популярность темы реиндустриализации, о необходимости которой заговорили не только в России, но и в США, норовят выплеснуть с грязной водой и ребенка, и объявить регрессивными все аспекты «постиндустриализма». Мы не раз говорили, что, действительно, тенденция замещения производства необходимых человеку благ созданием симулякров, вытеснения реального сектора – превратным есть сугубо реакционная тенденция. Но!

Но переход от преимущественно репродуктивного индустриального труда к преимущественно творческому постиндустриальному может и должен происходить и в реальном секторе экономики. Более того, именно в нем он должен происходить в первую очередь.

Эти изменения, несмотря на сохраняющиеся процессы финансиализации и т.п., происходят и в современной капиталистической экономике. Новое материальное производство, базирующееся на высоких технологиях, становится все более постиндустриальным и «конкретизированным». Это касается даже таких «старых» отраслей, как автомобилестроение. Даже в этой, традиционно индустриальной, сфере сегодня технологии производства «точно вовремя», lean-production и т.п. современные формы требуют строго конкретных, точных, выверенных буквально до минут связей поставщиков и потребителей. Весьма широко развита в этой сфере и ориентация на конкретного потребителя, проявляющаяся, в частности, в многообразии вариантов комплектации базовых моделей. И это пример конкретизации, проникающей даже в массовое производство. В области же высоких технологий в материальном производстве и в креатосфере (микробиология, нанотехнологии, космос, современная медицина, образование, создание know-how) эта конкретность является господствующим принципом организации производства (причем в широком смысле слова – включая обмен, распределение и потребление).

Так складывается *конкретно-ориентированное производство*, для которого характерны все более четкие и однозначные связи поставщиков, производителей и потребителей. И это не абсолютно новая тенденция: о ней авторы-марксисты, анализирувавшие *реальное обобществление* производства, писали еще в XX веке, на что мы не раз указывали выше.

Такое изменение общественного разделения труда не может не быть взаимосвязано и с **новым качеством обособленности производителей**. На место обособленности частных товаропроизводителей и товаровладельцев, хозяйствующих на свой страх и риск (одной из глубинных черт всякого рынка), приходит тотальная власть транснациональных корпораций, которая при этом (NB! Обратите внимание на эту диалектику!) сама порождает видимость «ренессанса» малого бизнеса и свободной конкуренции. Более того, только в этой, по видимости, свободно-конкурентной, среде и посредством нее и может развиваться эта власть. Рассмотрим эту диалектику подробнее.

Обособленность субъектов глобального рынка весьма специфична, и распадается на два крупных типа агентов (акторов) «рынка сетей».

Первый – корпоративные капиталы (корпоративное «ядро», «пауки») – те, кто формирует *поле зависимости (паутину)*.

Они (1) являются не столько особым частным производителем, сколько сложными кооперациями труда гигантских (с качественной стороны – это масштабы рыночной деятельности, сравнимые с экономикой средней развивающейся страны) масштабов, *imperium in imperio*¹.

При этом, однако, в отличие от монополистического капитала начала века, они, как правило, (2) организованы не как высококонцентрированные концерны или комбинаты, а как аморфные *сети-паутины* (поля), где собственно ТНК-паук (генератор поля) контролирует всю систему.

Как таковые, эти «пауки» (3) способны *создавать «паутину» (поле) – осуществлять локальное (частичное, сталкивающееся с борьбой других корпораций) сознательное воздействие не только на некоторые основные параметры рынка, но и на «правила игры».*

Для осуществления такого регулирующего воздействия «паукам» необходима институциональная среда, которая (4) *как бы* «восстанавливает» видимость свободной конкуренции за счет относительного снижения регулирующей роли государства. Существенно, что это именно видимость, точнее – симулякр свободно-конкурентной среды (поэтому выше было употреблено словечко «как бы»).

На самом деле они (5) воздействуют (совместно с государством) на степень и параметры своей обособленности (в том числе – антимонополистическое регулирование) и меру обособленности своих контрагентов, создавая через систему манипулирования и другие каналы «рыночной власти» систему зависимости последних от «пауков».

Наконец, «пауки» (6) находятся в собственности неопределенного и постоянно изменяющего свою конфигурацию круга юридических и физических лиц (эта неопределенность, точнее, сложная, скрытая от внешнего наблюдателя специфицированность прав собственности, является одной из принципиально важных черт этих сетей); при этом, однако, существует узкий круг скрытых инсайдеров, обладающих реальной экономической властью над корпорацией (реально контролирующих ключевые права собственности).

Последнее следует пояснить особо. Во-первых, формальные права собственности существенно отличны от реальных. Во-вторых, даже в сфере формально фиксируемых прав возможность использовать достижения информационных технологий для «отслеживания» всей совокупности постоянных изменений в системе прав собственности, особенно интенсивных в условиях господства виртуального капитала (особого рода фиктивного, финансового капитала – подробнее об этом ниже),

¹ Государство в государстве (лат.).

является во многом иллюзорной. Сложность системы обусловлена не просто многообразием информации и ее подвижностью, но принципиальной неподконтрольностью и непознаваемостью переплетений этих прав взаимного владения. Последнее связано не только с коммерческой тайной в этой области, но и с развитием неформальных связей («блатной капитализм» – подробнее см. в следующем подразделе) как одного из ключевых слагаемых «пучка» прав собственности, а также с доступом к инсайдерской информации и большой изобретательностью во введении в заблуждение информационного контроля. Уже сегодня можно отслеживать уход от налогов в крупных масштабах, осуществляемый благодаря офшорам¹, схемам «оптимизации налогообложения»² и т.п.; все мы знаем и термин «нецелевое использование средств»³...

¹ «Бизнес в офшоре взаимовыгоден. Так, у компаний, зарегистрированных в офшоре, отпадает необходимость платить высокие налоги, принятые, к примеру, в РФ. Конфиденциальность всех проводимых операций и стабильность экономической жизни, фактическая политическая независимость – все это делает офшоры отличным местом для ведения бизнеса» – зазывают регистрироваться в офшорных зонах на портале <http://www.offshoreport.ru/newcompany.html>; «Глава Счетной палаты Сергей Степашин сообщил о планах ведомства проверить операции в офшорных зонах крупных компаний, принадлежащих государству» (см.: Проверка на связь с офшорами // Финансовая газета. 13.01.2012. Режим доступа к электронной версии: http://fingazeta.ru/financial_markets/173803); Утверждение, сделанное в программе партии «Справедливая Россия», что 70 % активов российских компаний зарегистрировано в офшорах, эксперты сопроводили следующими комментариями: «Не знаю, насколько это соответствует действительности – надо проводить специальные исследования. Но то, что большинство крупных компаний контролируется через офшоры, это – безусловный факт» (Андрей Нечаев, президент банка «Российская финансовая корпорация». Большинство крупных компаний контролируется через офшоры // Финансовая газета. 26.12.2011. Режим доступа к электронной версии: http://fingazeta.ru/opinions/173549/?sphrase_id=1831). В первой половине 2011 года на 4 государства (Британские Виргинские о-ва, Ирландию, Багамы и Кипр) пришлось 66 % прямых иностранных инвестиций в российскую экономику (см.: <http://zhu-s.livejournal.com/188703.html>). Достаточно ясно, что это не «иностраннные инвестиции», а всего лишь репатриация российского капитала, спрятанного в офшорных зонах.

² Налоговая служба разрабатывает специальные методические рекомендации, призванные помочь вскрывать типовые схемы уклонения от налогов. Например, внутреннее письмо налоговой службы от 21 апреля 2004 г. № 06-3-06/425дсп, к которому прилагаются Методические рекомендации по выявлению схем уклонения от налогообложения, используемых строительными организациями (см.: Хажеева А. Схемы ухода от налогов: как их выявляют налоговики // Двойная запись. 2004. № 8). Можно обратить также внимание на подзаголовок журнала «Практическое налоговое планирование» – «Журнал о том, как безопасно сэкономить на налогах» (см.: <http://www.nalogplan.ru>).

³ По данным Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзор), неправомерное использование бюджетных средств в 2010 →

При высоких ставках истина перестает существовать. Остаются одни гипотезы. Различные версии...

Второй тип агентов рынка сетей – *клиенты* («периферия», «мухи») – те, кто вплетен в паутину, подчинен «полю зависимости» и функционирует в рамках, формируемых в процессе борьбы этих пауков. Это прежде всего конечные потребители, являющиеся объектами экономико-культурно-идеологического манипулирования (маркетинг, и прежде всего реклама, «пиар», клиентская зависимость...), но, как мы уже сказали, не только. Устойчиво воспроизводимый исключительно в условиях поддержки со стороны государства сектор малого и среднего бизнеса также является объектом такого манипулирования, государственные органы регионального, федерального и наднационального уровня, даже целые страны, экономики которых данные сети могут «асфальтировать» – вот далеко не полный перечень «мух».

Если продолжить использовать некие образы, то этот рынок с названными выше двумя типами его агентов – ТНК («пауки») и их клиенты («мухи») – можно сравнить с совокупностью мощных паутин или своеобразных *полей социально-экономической «гравитации», зависимости*, центрами формирования которых (генераторами поля, «пауками») являются крупнейшие корпоративные капиталы, *агенты глобализации* (подробнее о них – в конце книги), прежде всего ТНК. Так складывается *тотальный корпоративно-сетевой рынок – рынок паутин*.

То, как взаимодействуют между собой крупные корпоративные капиталы-сети, как протекает битва этих «пауков», мы охарактеризуем ниже, а теперь от образов, характеризующих тотальный рынок сетей, перейдем к его политико-экономическим характеристикам.

**Тотальный рынок:
каналы корпоративного манипулирования
(«поля зависимости» – «паутины»)**

Социально-экономическая природа «поля зависимости», генерируемого крупнейшими корпоративными капиталами, состоит в мультипликации эффекта той «неполной плановности», которую монополистический капитал генерирует с конца XIX – начала XX века. Эта мульт-

← году увеличилось на 60%. Неправомерное расходование денежных средств и материальных ресурсов в 2010 году составило 45,475 млрд рублей по сравнению с 39,178 млрд рублей в 2009 году. Общий объем расходов бюджета в 2010 году – около 10 трлн рублей. (см.: <http://www.gazeta.ru/financial/2011/05/06/3606737.shtml>). «Газпром», как и другие государственные компании, регулярно подвергается проверке Счетной палатой. В результате одной из таких проверок в сентябре 2011 года выяснилось, что за 2009 год газовая монополия потеряла из-за неправомерных расходов \$1 млрд (см.: Проверка на связь с офшорами // Финансовая газета 13.01.2012. Режим доступа к электронной версии: http://fingazeta.ru/financial_markets/173803).

типикация достигается за счет целого ряда достижений более чем вековой э- (и ин-) волюции позднего капитализма.

Во-первых, характеризую технологические основы этого «поля», мы можем подчеркнуть, что последние десятилетия показали не только сохранение классических тенденций роста обобществления в сфере традиционного индустриального производства (в частности, в странах «Третьего» мира), но и качественное изменение этого процесса вследствие развития всеобщего (творческого) труда, что приводит ко все более широкому развертыванию упомянутой выше «сетевой» системы разделения и интеграции труда в глобальных масштабах. *Контроль над современными высокими технологиями вообще и технологиями формирования и функционирования сетей, в частности, составляет материальную основу манипулятивных воздействий корпоративного капитала.*

Во-вторых, переход от первоначальных форм монополистического капитала к корпорациям-сетям сохранил основные черты первых. В частности, сохраняются и даже возрождаются вновь процессы образования различных форм (от простейших пулов до картелей и синдикатов) монополистических объединений, часть из которых носила и носит «теневой» характер. При этом относительно новым феноменом является формирование «вторичных» объединений, соединяющих в более или менее легальные союзы уже не отдельные предприятия, а гигантские корпорации. Более того, замедлившийся было во второй половине XX века процесс концентрации и централизации капитала в новом столетии (особенно накануне кризиса 2008–2010 гг.) заметно ускорился: тема слияний и поглощений стала одной из наиболее обсуждаемых в среде ученых-экономистов первого десятилетия XXI века. Эти новые импульсы и формы процессов концентрации и централизации стали основой для использования широкого комплекса преимуществ.

Это не только давно известные механизмы использования высокоуровня концентрации и централизации капитала для извлечения монополистической прибыли, но и ряд иных механизмов, частично, как мы уже заметили выше, теоретически выделенных в работах по политэкономии империализма советской поры и «позитивно» описанных новой институциональной теорией.

Среди них можно выделить «старые» и «новые» формы регулятивного воздействия на рыночных контрагентов крупнейших корпораций.

К числу первых можно отнести различные механизмы проведения монополистической политики посредством манипулирования (1) ценами на рынке, (2) неценовыми параметрами (здесь первостепенное значение имеет формирование брендов и других симулякров, о чем – ниже), а также (3) нормой прибыли и (4) направлениями инвестиционной политики (об этом подробнее – в разделе о финансиализации). Материальными предпосылками для этого становятся (5) возможности гибкого изменения параметров концентрации, специализации и, главное,

(6) оптимизация форм кооперации и организации производства, сбыта, управления и т.п. в рамках крупных экономических сетей¹. Все это создает возможности для относительного сокращения издержек производства и транзакционных издержек, и/или монополизации некоторых ресурсов, и/или обладания особо значимыми на рынке ресурсами, и/или завоевания рынков и новых доходов за счет производства симулякров и т.п.

К кругу относительно «новых» механизмов манипулирования рыночными агентами можно отнести (7) механизмы «личной унии» – прямого воздействия на хозяев и/или топ-менеджеров, а лучше всего реально контролирующих объект теневых инсайдеров фирм-«партнеров»². Не менее эффективно создание и использование (8) преимуществ в области доступа к информации и (9) искусственной асимметрии информации. Для решения этих задач используются как хорошо известные механизмы маркетинга (прежде всего рекламы), пиара и т.п. форм³, так

¹ Подчеркнем: спецификой современного локального регулирования рынка со стороны крупных корпораций является использование не только и не столько высокого уровня концентрации и специализации производства и капитала (это было характерно для стран «центра» в начале XX века и остается типичным для стран [полу]периферии и, в частности, России в настоящее время), сколько за счет гибкого управления этими параметрами и, как уже было подчеркнуто, параметрами кооперации в рамках сетей.

² Как тут не вспомнить знаменитое российское: «Зачем покупать завод, если можно купить директора».

³ Позволим себе небольшое отступление, ибо авторам хотелось бы уделить некоторую толику дополнительного внимания проблеме рекламы. Среди тысяч исследователей этой проблемы лишь некоторые критически мыслящие авторы (Гэлбрейт, Бодрийяр, Кляйн и т. д.) акцентируют манипулятивный характер этого феномена. Притом далеко не все из них специально подчеркивают, что реклама как способ манипулирования заведомо содержит определенную меру недостоверности и искажения информации о рекламируемом объекте, или, говоря проще и точнее – определенную меру лжи. Она может быть прямой (повсеместно распространенная реклама зубной пасты актерами со вставными зубами) или косвенной (утверждение, что съев шоколадку, вы испытаете «райское блаженство»), но это все равно будет обман. Об этом не принято писать в учебниках по маркетингу, но любой практик рекламы знает, что «не обманешь – не продашь». Вопрос, однако, в мере этой лжи, ибо здесь (в отличие от пропаганды, где «чем чудовищнее ложь, тем эффективнее») чрезмерная диффамация может вызвать эффект отторжения продукта.

Сие банальность, но банальность, позволяющая сформулировать некоторую закономерность, нарисовав «Кривую зависимости эффективности рекламы от меры ее лживости». Выглядеть эта кривая будет просто: первоначальный рост меры эффективности по мере лживости рекламы в определенной точке перегиба (назовем ее, в порядке политэкономической игры, «оптимумом лжи») будет сменяться падением эффективности рекламы до нулевой отметки при чрезмерной недостоверности информации...

и целенаправленное формирование симулятивных потребностей, производство товаров-симулякров, «выращивание» симулятивных имидж-структур (типичный пример – «звезды» шоу-бизнеса) и т.п. механизмы, к исследованию которых мы обратимся ниже специально.

Итак, второй блок каналов воздействия на «клиентов», формируемых «полем зависимости», создаваемым корпоративным капиталом, может быть определен как *система тотального манипулирования локацией ресурсов и акторами экономики*. Выше мы выделили только шесть параметров такого манипулирования, но и этого достаточно, чтобы показать: это не просто подрыв обособленности товаропроизводителей. Это уже нечто большее. Но и это далеко не все тайны «поля зависимости».

В-третьих, это «поле зависимости» включает систему многообразных каналов финансового подчинения клиентов корпоративного капитала. Система «финансовых паутин» к настоящему времени описана весьма подробно, но большинством теоретиков она не связывается с проблемой подрыва рыночных механизмов саморегулирования и конкуренции (в качестве доказательства заметим, что ни характерные для неоклассической теории Лернеровский индекс монопольной власти или индекс Херфиндаля–Хиршмана, ни предлагаемый новой институциональной теорией перечень каналов «рыночной власти» не включают параметров финансовой зависимости). Между тем система каналов финансовой зависимости является одним из наиболее важных блоков подчинения экономики корпоративному капиталу. Основа этого – описанное еще в работах В.И. Ульянова и Розы Люксембург¹ (критически использовавших, в свою очередь, исследования Р. Гильфердинга и К. Каутского) сращивание банковского и промышленного монополистических капиталов и формирование единого финансового капитала.

О современном виде последнего речь пойдет ниже, а здесь мы отметим, что этот капитал позволяет как минимум² решать следующие задачи:

(1) *Вести сознательный учет и контролировать транзакции клиентов корпорации*. Упомянем лишь два примера. Один из них – едва ли не простейшая форма учета и контроля – скидочная карточка сетевого супермаркета. Она дает хозяевам корпорации почти исчерпывающую информацию обо всех транзакциях подавляющего большинства

¹ См.: Бузгалин А.В. Роза Люксембург: ответы на вызовы времени // Альтернативы. 2012. № 2.

² Заметим, что в отличие от современных западных теорий, «старая» советская политэкономия эту зависимость изучала, обобщала и отображала совершенно очевидным образом, хотя и (будем самокритичны) в весьма апологетической форме. В чем-то сходный (но менее идеологизированный) анализ финансового капитала давался в XX веке и дается в настоящее время в работах зарубежных марксистов. Подробнее см.: Залетный А.А. Финансовый капитал: взгляд изнутри. М.: ТЕИС, 2014.

ее клиентов в режиме *on line*, что позволяет не только прогнозировать, но *планировать* объемы будущих продаж с очень высокой точностью, ибо средне- и долгосрочные тренды основных покупок «среднего класса» очень устойчивы; так казалось бы самая «рыночная» из всех возможных сфер – розничная торговля продуктами повседневного спроса – становится сферой локального планирования, а не только регулирования. Второй пример – старая форма финансового обслуживания клиентов банка – вообще не требует комментариев. Причем речь идет об информации, которая не может быть коммерческой тайной для банка, ибо это объект *его* деятельности. При этом банк не передает эту информацию «третьим лицам»: он сам часть «третьего лица» – сложной финансово-промышленной корпоративной структуры.

(2) Создавать системы предпочтений (или трудностей) в финансировании (кредиты, инвестиции, гарантии, эмиссия ценных бумаг...) для клиентов («мух») корпорации-сети («паука»), проводя политику *сознательного кредитно-финансового регулирования определенных сфер экономики* – тех, где данный «паук» уже сплел или плетет паутину, и где ему не могут помешать другие пауки (об их «конкуренции» между собой, как мы уже пообещали, – ниже).

(3) Осуществлять долгосрочные программы развития (включая НИОКР, программы «выращивания» человеческого и социального «капиталов», в частности образования), что особенно важно для обеспечения устойчивого лидерства и сохранения (упрочения, развития) монополий корпоративных капиталов на высокие технологии и вообще знаниеинтенсивное производство. Сращивание финансового капитала и капитала реального сектора в корпоративных структурах, сопоставимых по масштабам с государственными, позволяет этим «частным» агентам осуществлять *программируемое, в значительной степени не зависимое от по крайней мере текущей конъюнктуры рынка* (от глобальных кризисов страдают и государства...) **развитие**. В результате корпорации формируют пострыночные механизмы развития и в тех сферах, которые ранее были доступны только (преимущественно) государству.

Перечень каналов регулирующих воздействий финансового капитала мы могли продолжить, но это будет уже включением в проблематику следующего подраздела, посему пойдем дальше в нашем исследовании.

В-четвертых, как мы уже отметили выше, корпоративные сети формируют сложную и принципиально непрозрачную систему отношений и прав собственности, которые становятся одними из каналов подчинения «клиентов» корпорации номенклатуре глобального капитала. Эта тема будет подробнее рассматриваться нами ниже, здесь же хотелось бы отметить только несколько наиболее ярких феноменов.

Один касается «периферии» корпоративного влияния – это «*включение*» в *собственность корпорации широкого круга, прежде всего «рядовых», работников*. Последние, превращаясь в мелких акционеров фир-

мы, становятся в этом случае не столько собственниками (из всех прав собственности у них имеется только право на получение дивидендов, величину отчислений на которые определяют не они), сколько зависимыми от корпорации лицами. У них объективно формируется отношение к истинным хозяевам корпоративного капитала не как к противоположному классу (эксплуататору их наемного труда) или хотя бы противоположной стороне рыночной сделки (тем, кому надо максимально дорого продать свою рабочую силу в обмен на минимум своего труда), а как к партнерам по извлечению прибыли. Дополняясь системой социального партнерства и шагами по реализации «доктрины человеческих отношений», эта зависимость превращается в плотную паутину подчинения работника корпорации. Так мы выходим на проблему новых форм подчинения труда капиталу, к которой мы специально обратимся ниже.

Второй феномен – *«переплетение» некоторых второстепенных прав собственности «ядра» корпорации и относительно независимых фирм, составляющих ее «периферию»* (аутсорсеров, дистрибьюторов, субконтракторов, субпоставщиков). Термин «переплетение» неслучайно взят в кавычки, ибо он отражает видимость явления, в глубине которого – система отношений подчинения «клиентов». За «партнерским соглашением» с «равноправием сторон» скрывается контроль за деятельностью клиентов и ее регулирование со стороны «ядра» корпорации, в том числе через монополизацию ряда ключевых прав собственности (контроль за информацией, финансовыми потоками, мелкими акционерами и т.п.), формально равноправный обмен которыми происходит между участниками этой транзакции с «неравной переговорной силой».

Третий феномен – *инсайдерский контроль, приводящий к перераспределению значительной части прав собственности и ее объектов, а также дохода, в пользу «ядра» корпоративной системы.* Оно состоит из единого по своим интересам (а иногда и персональному составу) симбиоза мажоритарных акционеров и топ-менеджеров, не обязательно владеющих контрольным пакетом акций и занимающих высшие формальные должности в управленческой пирамиде, но монополизующих ключевые права собственности – информацию, «интеллектуальный капитал», финансовый и кадровый контроль, личную унию с государственными структурами и ключевыми партнерами («авторитет»). Это «ядро» (ниже мы по возможности строго определим его как «номенклатуру корпоративного капитала»).

Но это все темы последующего исследования: здесь мы упомянули о данных феноменах лишь в контексте анализа основных каналов «поля зависимости», создаваемого корпоративным капиталом.

Завершает системы каналов поля зависимости, в-пятых, блок *над-экономических механизмов властно-идеологического воздействия «ядра» на систему клиентов корпорации.* Это область своего рода политики

и идеологии, только осуществляемых не государством (в данном случае понимаемым как система органов власти – управления и принуждения), а «ядром» корпорации. Последнее в этой своей функции обретает качество «квазигосударства», имея иную генетическую природу, нежели государство (отсюда приставка «квази»), ибо возникает на основе экономической власти корпоративного капитала, а не как продукт социально-классовой борьбы (на поверхности явлений в современных капиталистических странах – политического процесса).

Эти каналы власти в прямом смысле слова формируются как результат негативного (регрессивного) снятия достижений социал-реформизма: в условиях «неолиберального термидора» некоторые функции государства как в определенной мере демократического института, представляющего (опять же в определенной мере – ее определяет соотношение социально-политических сил) интересы общества в целом, частично приватизируются номенклатурой крупнейших корпораций.

Крупнейшие корпорации (в настоящее время практически полностью – транснациональные):

(1) оказывают влияние на формирование не только параметров рынка, но и на социально-институциональные параметры экономической жизни – то, что институционализм называет «правилами игры»; параметры правового поля и текущего государственного управления являются во все большей мере (о ее качественных и количественных параметрах подробнее – в разделе о политических формах гегемонии корпоративного капитала) определяются борьбой корпораций между собой; формирование выгодных тем или иным корпорациям (или их союзам) «правил игры», причем как формальных (правовое поле и т.п.), так и неформальных, является одним из важнейших каналов «поля зависимости», формируемого корпорацией;

(2) *приватизируют ряд функций государства по осуществлению легитимного насилия*, формируя собственные системы «охраны», тайной и «явной» полиции, разведки и контрразведки, и/или подключают методы *теневого (нелегитимного) насилия*, и/или используют *государственный аппарат насилия в своих узкоклановых или общекорпоративных целях*, используя широкий набор методов принуждения и/или прямого насилия («частного» или с помощью государства) по отношению к «непослушным» объектам¹ (вплоть до, как мы уже отметили, «ас-

¹ Широко известна цитата Т. Фридмана: «Тайная рука рынка никогда не работает без тайного кулака. „Макдональдс“ не может расцвести без „Макдоннел-Дуглас“, производителя F-15. И тайный кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, ВВС, флот и морская пехота США». – *Перевод авт.* (Friedman T. A Manifesto for the Fast World // N.Y. Times Magazine. 1999, March 28).

фальтирования» целых государств, методика которого уже давно описана¹);

(3) Формируют систему *идеологического воздействия и манипулирования*, объектами которых становятся как работники корпораций, так и (что особенно важно для данного раздела) их клиенты; это многообразный спектр традиционных и новых методов социально-психологического давления при помощи *средств массовой информации* и т.п. с целью создания такой общественной атмосферы, где «поле» их власти распространяется максимально легко и эффективно (формирование утилитарно-конформистских установок социально пассивного поведения потребителя, клиента, «профессионала»), широкий спектр методов *пиара* и т.п.

В результате складывается мощное поле экономической, институциональной и т.п. зависимости. Как будет показано ниже, оно еще более усиливается на основе новых форм фиктивного виртуального капитала, подчинения капиталу не просто рабочей силы, но и личностных качеств человека (в частности, его новаторского потенциала) и т.п.

Итак, каждый «паук» выращивает свою «паутину»: в каких-то случаях холя, лелея и пестуя клиентов через маркетинговую политику и личную унию, плетение сетей финансовой зависимости и коррупцию, в каких-то используя прямое насилие (если, например, «бунтуют» клиенты в «Третьем» мире) – круг методов широк, и мы, по мере сил, дали выше их характеристику. Вопрос в том, как эти системы «паук – паутина» взаимодействуют между собой.

Тотальный рынок: кооперация и борьба корпоративных сетей («рынок пауков»)

Очевидно, что ТНК-«паук» в узком смысле слова (то, что обычно подразумевается под корпорацией, будь то General Motors, IBM или Microsoft) находится в сложной системе отношений с другими «пауками» и их «паутиной» (клиентами-потребителями, клиентами-субподрядчиками, «клиентелой»-лобби в госструктурах, средствами массовой информации и т.д.).

Важнейшей чертой этого взаимодействия в условиях генезиса «рынка паутин», как мы уже отметили, является диалектическое снятие олигополистической конкуренции и социал-реформистского регулирования. Нынешний рынок – это не столько анархия монополистических

¹Эта методика спекулятивных атак на национальные экономики путем массированных приливов и отливов краткосрочных вложений финансового капитала описана в работах ряда зарубежных и отечественных авторов (см., напр.: Глазьев С.Ю. Грядет ли новый финансовый кризис в России? // Вопросы экономики. 2000. № 6).

сговоров и битв конца XIX – начала XX века (своего рода игра без правил) или жестко регулируемый (социальным государством) рынок (игра по правилам, устанавливаемым при участии граждан и хотя бы отчасти в их интересах), сколько «новый порядок». Это имеющие форму более «свободной», чем ранее, конкуренции контрактные, регулируемые в локальных масштабах отношения, подчиненные правилам, которые устанавливаются в процессе борьбы самых мощных игроков – сетевых корпоративных структур.

Эти игроки (во всяком случае, их «центры» в экономиках «Первого» мира) все более отказываются от стихийной борьбы за передел сфер влияния абсолютно любыми методами (как это делалось монополиями начала XX века). Они выбирают другую стратегию. *Корпоративные капиталы не только сознательно регулируют в локальных масштабах параметры рынка (выполняя роль своего рода «приватизированных» квазигосударств), но и, что принципиально важно, воздействуют на ключевые параметры современного рынка.* Они осуществляют влияние на:

- (1) образование и динамику сетей, а значит – структуры экономики, пропорций, разделения труда, потребностей клиентов и т.п.;
- (2) формирование «рамок» рынка и «правил игры» на рынке;
- (3) регулирующие действия государства.

Подчеркнем: эти три параметра являются еще одним уточнением *социально-экономической природы «полей зависимости», но формируемых уже «кооперативно» («контрактно») сетями сетей.*

Более того, можно сделать вывод, что *в той мере, в какой развит тотальный корпоративно-сетевой рынок, крупнейшие капиталистические корпорации-сети как бы «выпадают» из-под общественных ограничений, уходят от контроля государства, профсоюзов и других объединений трудящихся, институтов гражданского общества.* ТНК выходят за устанавливаемые обществом и государством рамки, нарушают ранее хотя бы частично соблюдавшиеся социальные «правила игры», разрушая достижения социал-демократического периода. Причины этого уже были показаны выше: ТНК «приватизируют» некоторые регулирующие функции государства.

Важные дополнительные основания для этого создает глобализация (а ТНК – это именно глобальные игроки), которая, как всем известно, подрывает регулиующую роль национальных государств (подробнее об этом ниже)... – перечень легко продолжить.

В результате складывается система отношений, названная на Западе «кооперативным» (мы бы сказали – «партнерским») капитализмом¹.

¹ М. Грейдер, например, подчеркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнерству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм. Эти корпорации совместно распределяют фонды, вкладывают капиталы, разрабатывают технологические новшества и т.п. →

Более того, в разных странах в разной мере, но в общем и целом повсеместно, развивается такой Alter Ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как «блатной капитализм» (crony capitalism¹). По мере развития информационного, профессионализированного, зависимого от «человеческих качеств» общества, «партнерство», своего рода «дружба» – то, что в последние десятилетия стали называть «социальным капиталом» – все это становится формой взаимодействий относительно равноправных партнеров, борьба которых обретает новую основу, скрытую за превратной формой «партнерства». И эта основа – новый вид конкурентной борьбы капиталов-сетей представляет собой немалую теоретическую проблему, которую мы и рассмотрим ниже.

Начнем с обращения к историко-диалектическому методу. В данном случае мы легко можем заметить, что в этой сфере капитализм проходит по своеобразной спирали «отрицания отрицания» от «блатных», коррупционно-насильственных отношений раннего капитализма (в постсоветской России, вступившей на путь Запада многовековой давности, мы наблюдаем эти феномены во всей первоизданной их красе), едва вырастающего из феодальных форм личной зависимости, через юридически-формальный капитализм «классической» эпохи капитализма, к новому типу «блатного капитализма» эпохи сговоров и «партнерства» корпораций.

← (см.: Greider M. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 171). Даже если автор несколько преувеличивает степень кооперации ТНК, то тенденция контрактного взаимодействия, думается, отмечена верно. Другое дело, что эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции.

Характерна в этом отношении и уже упоминавшаяся работа Ф. Фукуямы «Доверие», где именно этот фактор выдвигается на роль ключевого во взаимоотношениях, а кризис доверия в США рассматривается как одна из важнейших проблем (см.: Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. L.: Hamish Hamilton, 1995. P. 269–307. Заметим: этот известный автор в данном случае всего лишь вновь «открыл» феномен «доверия», на котором делали акцент практически все либералы с XVII–XIX веков).

¹ Эта проблема обсуждается как в серьезных экономических исследованиях, так и в публицистике. См., например: Wei Sh.-J. Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // International Finance. 2001. № 4. P. 15–45; Singh A., Zammit A. Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of “doing business”? // Corporate Governance: an International Review. 2006. Vol. 14. № 4. P. 220–233; Stiglitz J. Crony capitalism American-style // Project Syndicate, February 2002 (available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>); Kristof N. Crony Capitalism Comes Home // The N.Y. Times. October 27, 2011 (available at: http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1).

Сущность этого нового типа взаимодействий «пауков» и их «паутинок» друг с другом состоит в противоречии между все более сознательно-регулируемым на уровне горизонтальных связей, «кооперативным» (т.е. независимым от внешних объективных законов рынка, его «невидимой руки») взаимодействием корпоративных сетей друг с другом, – с одной стороны, и все более стихийным и неподконтрольным общественным силам развитием мирового капиталистического хозяйства (и даже шире – системы всех все более «маркетизируемых» общественных отношений капитализма) – с другой.

Оба этих процесса столь же объективно сращены, сколь и противоположны друг другу, антинормично противоположны. И с этим следует разобраться подробнее.

Что касается «партнерски-кооперативного» взаимодействия корпоративных капиталов, то оно продолжает «традицию» рыночной конкуренции в крайне специфическом, во многом отрицающем свои качественные основания, виде. Деятельность современного «ядра» ТНК – это не столько попытка приспособить свое производство и сбыт к независимой от отдельных экономических лиц, стихийно складывающейся конъюнктуре рынка, сколько *сознательно организованная борьба* между ограниченным кругом хорошо известных друг другу «врагов-партнеров» за:

(1) установление более или менее выгодных для участников битвы, но относительно стабильных «правил игры», допустимых форм и методов борьбы;

(2) определение пространственно-временных границ («полей») конкуренции (преимущественно на периферии) и партнерства (в сфере стратегических крупномасштабных проектов, входящих в круг интересов «ядра») с выделением, в качестве особо значимых, стратегических долгосрочных проектов в области высоких технологий и развития в целом (здесь особо значимо определение стратегии партнерства или войны);

(3) распределение сфер влияния на третьих лиц (прежде всего государство);

(4) «пространства войн» и «нейтральные территории» и мн. др.

Традиционно являвшиеся главными объектами конкуренции параметры качества и цены на те или иные виды продукции¹, равно как и характерные для более поздних этапов параметры неценовой конкуренции, становятся относительно менее значимыми, решаемыми на

¹ Приведем только один пример: качество и цена легковых автомобилей определенного (например, бизнес) класса, производимых крупнейшими корпорациями, практически неразличимы. Для обычного пользователя действительная разница BMW, «Мерседеса» или «Гойоты» практически неизвестна (тем более что значительная часть их комплектующих может производиться на основе кооперации, приспособиваясь к удобству сборки-реализации в том или ином регионе земного шара).

уровне «периферии» корпораций вопросами схваток-партнерств между ТНК.

Содержанием этой борьбы-партнерства становится постоянное сравнение мощности, интенсивности, эффективности тех каналов власти (мощности и структуры «полей зависимости»), которыми обладает каждая из корпораций. Ослабление одного из параметров этого «поля» или несвоевременное обновление его «технических характеристик» приводит к пересмотру границ сфер влияния в пользу конкурентов, усиление и опережающее обновление некоторых параметров – к расширению за счет конкурентов. Все это напоминает борьбу огромных, обладающих едва ли не орудием массового уничтожения и примерно равных по мощи, армий друг с другом: постоянная гонка вооружений при массе локальных войн, но в целом при соблюдении правил «мирного сосуществования».

Впрочем, для нас важны не образы, а теоретическая политэкономическая характеристика нового качества взаимодействия корпораций-сетей на рынке. Последняя и была дана выше, когда мы определили стратегически важные *объекты* – названные выше пункты (1)–(4) – и *средства* (мощность «оружия» – политэкономически описанные нами каналы корпоративной власти, параметры «паутин», «полей зависимости») *борьбы-партнерства между ТНК*.

Что касается *целей* этого взаимодействия (кстати, именно они и определяют границы партнерства-борьбы), то они задаются, опять же, охарактеризованной выше сущностью современного глобального корпоративного капитала. Это долгосрочная гегемония во всех ее слагаемых, а не просто увеличение прибыли. Впрочем, последнее как было, так и остается генетически-всеобщим основанием любых последующих объективных интенций любого капитала.

Формы этих взаимодействий могут быть многообразны: от партнерства и «дружбы» (кооперации) высших менеджеров разных корпораций до открытых войн с применением методов идеологического и военного насилия (последнее, как и столетия назад, особенно характерно для дележа источников сырья, особенно в странах «Третьего» мира), от абсолютно легитимных юридических войн до теневых методов «блатного капитализма», характерного отнюдь не только для постсоветского пространства.

Содержание этих отношений представляет гораздо большую трудность для анализа, ибо здесь мы имеем дело с относительно новым переходным отношением, сочетающим «старую» олигополистическую конкуренцию капиталов на рынке с «новыми» началами сознательно-установливаемых горизонтальных кооперативных связей. Последнее есть капиталистически-деформированный росток *горизонтального* планового (непосредственно-общественного) взаимодействия экономических агентов. Это – намеренно повторим – один из слагаемых рож-

дающей плановой организации производства будущей построчной социально-экономической системы, имеющей пока капиталистически-деформированный (переходный) вид.

Впрочем, мы опять увлеклись. Напомним: борьба-партнерство корпоративных капиталов как способа их сознательного горизонтального взаимодействия была охарактеризована нами как всего лишь *одна из сторон* современного тотально-сетевых рынка.

В то же время (и здесь мы *подходим* к пониманию *второй стороны* внутреннего противоречия тотального рынка, хотя сформулируем мы его позже), *борьба и взаимодействие корпоративных структур в целом является стихийным и неподконтрольным никому* (ни корпорациям, ни государствам) *процессом*¹. Параметры тотального рынка, как будет показано ниже, определяются прежде всего стихийно формирующимся финансовым рынком и глобальными процессами.

Последнее воссоздает на новом уровне объективную *видимость* *восстановления свободного равноправного рынка, скрывающую принципиально иную суть – формирование контрактно-блатного (по форме), тоталитарного, корпоративно-сетевого (по содержанию) рынка, где победителям достается все (winner-takes-all market)*².

Более того, поскольку объектами корпоративного господства (как мы показали выше) становятся не просто сферы производства и обмена продуктов и услуг, но практически все сферы общественной (а не только экономической) жизни, а механизмы осуществления этого господства также предполагают широкое использование и неэкономических средств, *постольку новейший этап развития капитализма и характеризуется «неомаркетизацией», «орыночничеством» всех сфер общественной жизни.*

Последнее и нашло отражение в тех категориях, которые мы использовали в начале данного раздела: *тоталитаризм рынка*, т.е. все-

¹ Характерно, например, что З. Бжезинский одну из своих последних работ конца XX в. завершает постановкой двух ключевых, на его взгляд, проблем современного мира: глобального беспорядка и иллюзий контроля (см.: *Brzezinsky Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1993. P. 201*).

² *Frank R., Cook P. The Winner-Takes-All Society. N.Y., 1995. P. 1–13.* Иное имя этому феномену предложил Э. Лутвак, выдвинувший идею «турбокапитализма». Описывая, по сути, тот же процесс борьбы корпораций-сетей, определяющий пропорции, направление инвестиций и даже образ жизни, он делает вывод, что именно это меньшинство (несколько идеализируемое автором и не связываемое напрямую с корпорациями-сетями) является архитектором и реализатором большей части экономических и технологических инноваций, именно они почти всегда в выигрыше, а большинство – в проигрыше (*Luttwak E. Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. N.Y.: Huppers Collins Publishers, 1999*).

общее тотальное господство рыночных принципов, или «рыночный фундаментализм».

Эта тотальная экспансия рынка должна и единственно может протекать в атмосфере всеобщего восстановления (в новом виде, естественно) *видимости* обособленности товаропроизводителей, их независимости (формальной, скрывающей мощную технологическую, финансовую, информационную и т.п. зависимость от ТНК), равноправной конкуренции. В результате неомаркетизация порождает «ренессанс» и рыночных иллюзий, и реального мелкого товарного производства¹.

Для этого с конца XX века (преимущественно в развитых странах) формируются и *адекватные технологические предпосылки*. Это вытеснение индустриального материального производства сферой услуг, развитие гибких и информационных технологий, возрастание роли небольших творческих коллективов и т.п.² Более того, генезис творческой деятельности создает новые предпосылки для этого ренессанса, создавая видимость независимости индивидуализированных творческих личностей, действующих абсолютно на свой страх и риск и производящих несоизмеримые (по затратам труда) блага, оценить которые якобы может только рынок с его стихийными колебаниями спроса и предложения. Однако это – как мы показали в ряде своих уже не раз упоминавшихся работ по проблемам «общества знаний» – всего лишь видимость, скрывающая под превратной формой рыночного ренессанса развитие высшей формы обобществления – всеобщего труда.

¹ По поводу степени самостоятельности малого бизнеса в условиях позднего капитализма идет непрекращающаяся полемика в отечественной и зарубежной литературе. Среди российских авторов, показавших основные аргументы дискутантов, укажем на серию работ В. Рубе (см.: Рубе В.А. Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М.: Изд-во МГУ, 1978; Она же. Сотрудничество или эксплуатация. (Мелкий бизнес глазами буржуазных экономистов). М.: Мысль, 1986; Она же. Малый бизнес: история, теория, практика. М.: ТЕИС, 2000; Она же. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России. М.: ИНФРА-М, 2004).

Что же касается авторов этой работы, то нам представляется вполне обоснованным вывод тех зарубежных исследователей (Кастельс, Кортен и др.), кто, опираясь на анализ массы данных в США, Японии и др. странах, делает вывод, что, несмотря на всю аргументацию в пользу малого бизнеса как более приспособленного к гибким, миниатюрным технологиям постиндустриального общества, крупнейшие корпорации остаются хозяевами мировой экономики (см. подробнее: Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford, 1997. P. 155–157; Korten D. When Corporations Rule the World. West Hartford. 1995. P. 221. Последний автор, в частности, показал, что на долю только 500 крупнейших ТНК приходится около 25% мирового объема производства).

² См.: Castells M. Op. Cit. P. 151–201.

Обособленность и независимость таких мелких производителей, как правило, относительна или вообще фиктивна (мы к этому вопросу вернемся во II части тома). Кроме того, эти мелкие производители функционируют в общем пространстве нынешнего «контрактного» рынка, правила которого устанавливаются ведущими «игроками». Более того, на этом рынке процессы производства (в том числе в сфере услуг, информационных технологий и т.п.) в целом подчинены транзакционной (и прежде всего финансовой) сфере, где (как будет показано ниже) господствует корпоративный «виртуальный» капитал.

Наконец, подчеркнем главное: именно в результате прогресса миниатюризации, гибкости, сетевых методов организации технологических процессов и складываются те самые «паутины», о которых шла речь выше. По видимости они полупрозрачны, тонки, подвижны и аморфны. Кажется, что вы можете абсолютно легко войти в эти сети и выйти из них. Но это объективная иллюзия, когда (как и вообще в случае с превратными формами) «кажется то, что есть на самом деле». Кажется, что эти сети не отрицают свободы агентов рынка, и действительно, вы можете в любой момент отказаться от связей с пауками-фирмами. Вы можете не работать на них (ни прямо, ни косвенно – как служащий или пользователь грантов, выделенных созданными ими фондами, как субподрядчик или реализатор их продукции...), не пользоваться их финансовыми сетями (откажитесь от услуг банков, кредитов, сбережений, пластиковых карточек...), не покупать их продукцию, не смотреть, не слушать, не читать продукцию их средств массовой информации – сделать все это очень просто. Это так же просто, как наркоману, выросшему в семье наркоманов, «слезть с иглы».

Впрочем, не будем пессимистами и в качестве небольшого отступления заметим: в современном капиталистическом мире есть немало тех, кто в полной мере осознает проблемы подчинения Человека силам отчуждения вообще и глобальной гегемонии капитала прежде всего, кто (как максимум) борется с силами отчуждения или (как минимум) не использует «тяжелых наркотиков» капиталистической гегемонии (не является рабом постоянной гонки за все новыми символами благосостояния, навязываемой корпоративным капиталом), ограничивая себя – да и то в редких случаях – «травкой» зависимости от современных механизмов рыночных трансакций и форм автомобильной цивилизации.

Эти позитивные тенденции в той или иной мере свойственны каждому человеку, и авторы не раз обращались к проблеме возвышения конформиста-мещанина до социально-творческой жизнедеятельности¹, но

¹ Подробнее об этом, в частности, в упоминавшейся ранее коллективной монографии «Кто творит историю...»; см. также: Бенедетти К. Европа: практики обновления // Альтернативы. 2011. № 2.

господствующими интенции социально-творческой, нон-конформистской жизни являются пока что у меньшинства.

Для большинства доминирующей формой является подчинение господствующей системе отношений отчуждения. Вот почему мы считаем правоммерным сделанный выше вывод: *тотальный корпоративно-сетевой рынок, в сущности, пропитывает его агентов особым наркотиком всесторонней зависимости, причем не столько непосредственно от «пауков», сколько от «паутинок», не столько от капиталов-корпораций, сколько от создаваемых ими правил – «полей зависимости».* И это касается не только экономической жизни (производства, потребления, накопления...), но и всех остальных сфер человеческого существования. Большинство акторов сегодняшнего капиталистического мира – от индивида (как работника фирм, клиента фирм, потребителя культурной жвачки фирм) до «независимого» хозяина малого бизнеса – живет ныне по правилам, формируемым, повторим, не столько свободным рынком, сколько «полями зависимости» корпораций-сетей. Именно эти «поля» определяют модели и рамки поведения, мотивы и цели деятельности, ценности и принципы принятия решений и т.п. И происходит все это в той мере, в какой развит тотальный рынок (вот в чем, а рынок, основы открытого Дж. Соросом рыночного фундаментализма).

Здесь будет уместно использовать сделанный авторами в своих предыдущих работах вывод: прогресс креатосферы (в терминологии большинства авторов – постиндустриального общества, общества знаний) превращает лежащие вне собственно материального производства сферы производства информационных товаров, масскультуру и массмедиа в основные сферы развития сегодняшнего рынка, в которых и живет главным образом современный homo ecomoticus (хомо экономикас), и в которых прежде всего развивается тотально-сетевой рынок.

Так генерируется ***тотальное подавление нерыночных форм общественной жизни*** и в экономике, и во внеэкономической сфере, порождая новый виток экспансии *товарного фетишизма*, омещанивания общества, восстанавливая в новом виде господство homo ecomoticus с характерным для него доминированием узкоэкономических, рыночных ценностей, стимулов и мотивов жизнедеятельности.

При этом *новая экспансия товарного фетишизма и неовецизм сталкиваются с мощной противоположной тенденцией*, лежащей как на уровне материально-технических факторов производства (прежде всего статистически фиксируемый бурный рост нерыночных форм трудовой активности – занятость в так называемом «третьем» секторе, добровольный труд и т.п.¹), так и в сфере альтернативных форм социальной организации (уже отмечавшиеся нами феномены роста роли социальных движений, неправительственных организаций и др.).

¹ Более подробно мы писали об этих тенденциях как о ростках будущего еше в конце 1990-х в сборнике «Социум XXI века».

Кроме того, «снятые» (но не до конца разрушенные) достижения социал-реформистского периода сохраняют в странах «Первого» мира пока что для большинства населения¹ стандарт «общества потребления». Однако в отличие от гарантированного и опирающегося на ассоциированную социальную борьбу (профсоюзов, левых etc.) стандарта середины века, ныне для его сохранения типичный представитель «среднего класса» развитой страны должен вести постоянную и все более активную *частную* борьбу за существование как мелкий частный собственник, даже если в его собственности находится только один товар – рабочая сила или т.н. «человеческий капитал».

Сокращая сферы коллективной социальной защиты, корпоративный капитал тем самым *принуждает* гражданина к активизации его деятельности как мелкого товаровладельца и *частного собственника*, действующего без гарантий, на свой страх и риск, но в рамках и по правилам мира, где господствует корпоративный капитал. Так рыночный фундаментализм и тотальность рынка рождают столь же тотальное омещанивание населения. В результате формируется (в некотором смысле – «восстанавливается») *адекватная позднему капитализму социальная, человеческая атмосфера всеобщего тотального доминирования рынка эпохи гегемонии корпоративного капитала*.

Однако этот «ренессанс» рыночных начал и частной жизни, «свободной» конкуренции оказывается не более чем объективной видимостью тотальной власти сетей, создаваемых корпоративным капиталом.

Суммируя сказанное, мы можем сформулировать важнейшее: тем самым «неомаркетизация» *выводит на новый уровень интенсивного (противоречие тотального рынка: с одной стороны, всевластие корпоративных капиталов, формирующих на «партнерской» основе правила борьбы на современном мировом рынке; с другой – стихийность и нерегулируемость глобальных социально-экономических процессов, порождающая видимость восстановления свободной конкуренции и «ренессанса» рынка, как бы «вглубь», укореняя во власти корпоративных капиталов) и экстенсивного (как бы «вширь», вовне экономики) развития базисные черты рынка – обособленность товаропроизводителей и ее диалектическую противоположность – общественное разделение труда*.

Более того, «неомаркетизация» (развитие тотального корпоративно-сетевого рынка) эпохи глобальной гегемонии капитала закономерно порождает и *неоприватизацию* – волну «восстановления» частной собственности, но на базе гегемонии корпоративного капитала.

¹ Неoliberalизм усилил как внутреннюю дифференциацию внутри прежде относительно однородного «среднего класса», так и разрыв наиболее богатых и бедных слоев в развитых странах и мире в целом.

Неоприватизация: «ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка

Неоприватизация также разворачивается и интенсивно, и экстенсивно, будучи результатом развития тотального рынка и воспроизводя эту тотальность как предпосылку ее экспансии и порождая значимые напряжения в системе прав собственности, возникновение массы противоречий в этой сфере¹.

Интенсивная экспансия неоприватизации предполагает, в частности, что:

(1) реальные права собственности в экономике все более концентрируются в руках гигантских негосударственных и необщественных корпоративных капиталов;

(2) в рамках этих сложно организованных корпоративных структур (ТНК и др.) реальные права собственности² все более переходят в руки ограниченного круга частных физических лиц, находящихся на вершине пирамиды корпоративной власти³ – «корпоративную номенклатуру», олигархов западного мира – более «цивилизованных» и менее заметных, но более мощных, чем, скажем, российскийские.

Оба этих процесса сопровождаются *экстенсивной* неоприватизацией, примеры которой более заметны: расширение рамок корпоративного капитала за счет привлечения средств мелких собственников, в том числе и рабочих; превращение части публично-группового капитала в частно-групповой; распродажа государственной собственности; сокращение других прав собственности, находящихся в руках государства и общественных структур; приостановка прогресса кооперативов и собственности работников и т.п.

Все эти процессы являются не просто восстановлением «обычной» (мелкой или капиталистической) частной собственности. Нынешний этап позднего капитализма характеризуется прогрессом (как было отмечено выше) «*новой частной собственности*».

Пройдя сложный путь развития (мелкая частная собственность работника → собственность капиталиста-физического лица → акционерная капиталистическая собственность → ...), частная собственность как экономико-волевая форма капитала⁴ породила сложнейшую систему прав

¹ См.: Delong J. Property Matters. N.Y., 1996.

² Подчеркнем вновь: контроль за основными правами собственности и контрольный пакет акций – это далеко не одно и то же.

³ В данном материале эти тезисы лишь провозглашаются как теоретическая гипотеза, но не доказываются; отчасти этот тезис обоснован в упоминавшейся выше работе Франка и Кука «Winner-Takes-All Society». Своеобразным подтверждением названных положений является и опыт постсоветской России – жесткой, шаржированной пародии на мировой капитализм.

⁴ Данная трактовка собственности как единства правовых (волевых) и экономических отношений восходит к разработкам университетской школы →

собственности¹. Экспансия «новой частной собственности» (как «отрицание отрицания» этой эволюции) является *процессом приватизации не столько новых объектов, сколько новых ключевых прав собственности* как в рамках сложных корпоративных структур, так и в обществе в целом².

Первый процесс – это уже отмеченный рост экономической, социальной, административной власти частных лиц в рамках ТНК и других корпоративных структур.

Второй процесс еще сложнее. Во всякой экономике существует мощное поле, насыщенное пучками (волнами? – авторы затрудняются в подборе удачной физической аналогии) *экономической власти* – собственности. Это поле с разными центрами притяжения-излучения составляет более или менее специфицированную (между различными агентами) систему прав собственности. *Перераспределение в экономике в целом основных прав собственности в руки частных лиц, использующих для реализации своей власти всю пирамиду корпоративных (ТНК, государства и т.п.) структур, все механизмы тотального рынка и составляет суть диктатуры новой частной собственности* как важнейшего аспекта неоприватизации.

Кроме того, неоприватизация, порождаемая неомаркетизацией и углубляющая последнюю, распространяется за рамки экономики и порождает процесс своеобразного «очастнивания» (термин Л. Булавки³) всех сторон социальной жизни вплоть до духовной.

Естественно, что процесс неоприватизации (как и другие формы гегемонии капитала) сталкивался и сталкивается с мощными *контртенденциями*. Важнейшие из них связаны с:

(1) прогрессом обобществления (в индустриальном секторе) и всеобщего труда (в постиндустриальном), причем оба процесса генерируют

← политической экономии. См.: Курс политической экономии. В 2-х т. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973. С. 58 и др.

¹ Отчасти описание этой системы можно найти у экономистов нового институционального направления (на русском языке они отражены в упомянутых выше работах Р. Капелюшникова, А. Шаститко, А. Олейника и др.).

² Одна из первых работ, где рассматривались проблемы «диффузии собственности» и перераспределения функций собственности между владельцами и управляющими: *Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property*. Macmillan Publishing, N.Y., 1932 (ср. более современные трактовки аналогичных процессов, например «постбизнес-общество», «посткапиталистическое» общество Дракера: *Drucker P. Post-Capitalist Society*. N.Y.: Harper Business, 1993). Однако процесс концентрации прав собственности в руках ограниченного круга частных лиц был и остается реальностью (см., напр., *Domhoff G. Who Rules America*. Prentice-Hall, 1967. P. 18, 19–20 и др.).

³ Одной из первых работ, в которых Л. Булавка вводит понятие «очастнивание», является статья «Парадоксы Никиты Михалкова» (Независимая газета. 1997. № 30).

мощные импульсы создания ассоциированных, общественных форм организации не только труда, но и распоряжения и присвоения;

(2) объективным, обусловленным интенсификацией глобальных проблем, возрастанием роли общенациональных (или даже общечеловеческих) ценностей и ресурсов;

(3) генезисом креатосферы, «ресурсы» которой (культурные блага, творческие способности и т.п.) по своей природе неадекватны частному присвоению;

(4) развитием различных форм организации антигегемонистских сил, которые неслучайно в качестве одного из своих основных лозунгов выбрали «Мир – не товар!» (World is not for sale!).

Итак, тотальный рынок и «новая частная собственность» становятся адекватными глобальному капиталу всеобщими формами его гегемонии, пронизывая рыночным, частным «духом»¹ все поры общества, облекая в формы «рынка сетей» и новой частной собственности все, что существует в этом обществе².

Поскольку же доминирующими агентами, «хозяевами»³ такого рынка являются крупнейшие корпоративные структуры, постольку всеобщее

¹ Подчеркнем, что в получившей весьма широкое распространение на Западе, да и у нас, книге Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма» дается весьма жесткая критика этого «духа», последний, по мнению этих авторов, не только (1) вызывает иллюзорное бытие действительных объектов, персон и даже эмоций, но и распространяет атмосферу (2) угнетения как антитезы свободе, самостоятельности и творчеству человека (эта тема активно развивается в книге, где показано подавление личности рынком, труда – капиталом, работника – боссом и т.п.); (3) нищеты и беспрецедентного неравенства; (4) эгоизма и доминирования частного интереса, разрушающего общественные ценности (Boltansky L., Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism*. L.–N.Y.: Verso, 2005. P. 37). Согласитесь: ныне мало кто из ученых способен столь откровенно и четко охарактеризовать социально-духовную и этико-эстетическую атмосферу («дух») капитализма.

² Несколько забегаая вперед, заметим: в эпоху «заката» «царства необходимости» и обострения вызываемых этим процессом глобальных проблем, неомаркетизация не может не приводить к фундаментальным противоречиям. Важнейшее из них воспроизводит на новом этапе антагонизм эпохи империализма: необходимость сознательного, исходящего из интересов социума в целом (а это значит, и Природы, и Человека как родового существа) решения существенно углубившегося (по сравнению с началом века) комплекса глобальных проблем – с одной стороны; способности «новых частных собственников» и всей этой системы в целом, в лучшем случае, на время законсервировать эти проблемы, в долговременном плане лишь усугубляя их, – с другой.

³ Поясним еще раз: под «хозяевами» авторы подразумевают агентов, (1) концентрирующих в своих руках основные права собственности; (2) формирующих (в борьбе друг с другом) основные правила и ограничения рынка; (3) способных локально регулировать рынок и (4) целенаправленно →

распространение формы «рынка сетей» («паутин») делает все и вся потенциальным объектом не просто купли-продажи, но и гегемонии корпоративного капитала, определяющего (повторим: речь идет не о конкретных фирмах, а о корпоративном капитале как тотальности, соединяющей власть рынка, капитала и корпоративных структур) в итоге кто, что, кому, по какой цене и как будет продаваться...

* * *

Подытоживая анализ тоталитарного рынка, вернемся к характеристике его противоречия, где, с одной стороны, корпоративные сети формируют «поля зависимости», подчиняя всех тех агентов рынка, кто попадает в это «поле», и формируют на «партнерской» основе правила борьбы, а с другой нарастает стихийность и нерегулируемость глобальных социально-экономических процессов, порождающая видимость восстановления свободной конкуренции и «ренессанса» рынка.

Эта формулировка противоречия оставляет, однако, некоторую «незавершенность» анализа, если мы не покажем, как и почему формируется механизм объективной стихийной рыночной детерминации всех этих локально регулируемых и по «вертикали» (внутри «паутины»), и по «горизонтали» (в «партнерском» взаимодействии «пауков») процессов, почему эта стихийность не просто сохраняется, но, более того, становится тотальной.

Причина же последнего – новое качество денег, которые (как и весь тотальный рынок) в условиях новейшего этапа позднего капитализма становятся продуктом гегемонии капитала. В данном случае – виртуального фиктивного финансового капитала. Именно он «разрешает», но одновременно и воспроизводит в наиболее интенсивном виде, противоречие тотального рынка, формируя наиболее сильные регулирующие воздействия и наибольшую анархичность и неподвластность регулирующему воздействию как целое процесса функционирования позднего капитализма в целом.

Исследование этого феномена мы начнем с анализа предпосылок развития виртуальных денег как продукта глобального фиктивного финансового капитала, предпослав этому исследованию наши размышления на тему политико-экономической природы нового типа рынка, связанного с развитием материально-технических, социальных и культурных слагаемых эпохи постмодерна – рынка симулякров.

РЫНОК СИМУЛЯКРОВ

Предшествующий раздел мы завершили выводом, что современная система отношений товарного производства, распределения, обмена

← «подталкивающих» экстенсивный и интенсивный прогресс тотального рынка и новой частной собственности.

и потребления и представляющий ее на поверхности явлений рынок существенно изменились по сравнению с моделью, описываемой в работах представителей классической и неоклассической экономической теории позапрошлого и прошлого веков (и это никому доказывать не нужно). В частности, мы показали, что эти изменения привели к развитию, во-первых, рыночного тоталитаризма и, во-вторых, локального манипулирования отдельными сегментами рыночного пространства-времени со стороны крупнейших корпоративных капиталов («пауков»), формирующих «поля зависимости» («паутины»).

Этим, однако, далеко не исчерпываются изменения в системе отношений рынка. Товар – эта исходная (с точки зрения марксистской методологии) категория системы производственных отношений капитализма – одновременно является результатом воспроизводства всех отношений капитализма как единой системы. В условиях позднего капитализма товарные отношения и представляющий их формы рынок также являются продуктом функционирования всей системы в целом. И потому в условиях позднего капитализма рынок есть:

форма взаимодействия производителей, чей труд все более носит творческий характер;

форма товарных отношений в мире не только материальных продуктов и утилитарных услуг (услуг, удовлетворяющих материальные потребности человека и общества), но и виртуальных феноменов;

продукт манипулятивных воздействий со стороны «пауков», искусственно формирующих спрос на те или иные продаваемые на рынке феномены;

социально-экономическое пространство, в основном подчиненное (вследствие финансиализации) движению фиктивного финансового виртуального капитала...

Этот перечень можно продолжить, опираясь на предыдущие размышления авторов. Но даже если на это не обращать специального внимания, то простое обращение к эмпирическому материалу – современному рынку товаров и услуг – покажет, что он во все прогрессирующей мере становится (но так и не стал и до конца никогда не станет) не просто тотальным рынком, но и рынком симулякров¹.

«Логика товара распространяется, управляя сегодня не только процессами труда и производства материальных продуктов, она управляет

¹ О социокультурных преломлениях рынка симулякров и их экономических основах см.: Булавка Л.А. К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки. 2012. № 10. С. 56–71; Она же. Императивы симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2; Она же. Личность в мире симулякров // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры». Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 г. Тезисы и выступления участников. СПб.: Эйдос, 2013. Режим доступа: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1194.

всей культурой, сексуальностью, человеческими отношениями вплоть до индивидуальных фантазмов и импульсов. Все охвачено этой логикой не только в том смысле, что все функции, потребности объективируются и манипулируются под знаком прибыли, но и в том более глубоком смысле, что все делается спектаклем, т.е. представляется, производится, организуется в образы, в знаки, в потребляемые модели», – эти строки Бодрийяра, по-своему выразившего идею генезиса тоталитарного рынка симулякров, были написаны сорок лет назад, но особенно актуальными стали именно в последние десятилетия¹.

Рынок симулякров: некоторые предварительные замечания

Понятие «симулякр» в экономической теории (что классической, что неоклассической) до сих пор не завоевало достойного места, хотя социальная философия, да и вообще гуманитарный интеллектуальный мир использует его принципиально широко вот уже более четверти века. Симулякр – это, как мы показали в I томе, одно из ключевых понятий постмодернизма, дополняющее ряд ключевых категорий этой методологической парадигмы, отрицающей значимость любых парадигм. Непосредственно симулякр есть обозначение *как бы* реальности² – феномена, который является результатом деконструкции, децентрации,

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006. С. 239–240. Эти положения были затем развиты Бодрийяром в работе «Симулякры и симулирование» (*Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Michigan: The University of Michigan. 1994; originally published as Simulacres et Simulation, Paris: Edition Galilee, 1981.*)

Обращение к данной проблематике в России едва ли не полвека спустя после книг западных авторов на эту тему (речь идет, в частности, о работах Ж. Бодрийяра 1970-х годов, к рассмотрению которых мы вернемся позже) выглядит следствием глубокой периферийности нашей общественной науки, но это так лишь отчасти. Объективным основанием актуальности темы рынка симулякров именно для начала XXI века является прежде всего то, что именно сейчас – в эпоху бурного развития Интернета и финансовализации, не только массмедийных, но и виртуальных симуляций, в эпоху, когда, вопреки мнениям Бодрийяра и К^о, мировые кризисы вновь стали реальностью, – в эту эпоху проблема симулятивной реальности и симулятивных феноменов ставшего тотальной властью рынка стала особенно, вопиюще актуальной.

Неслучайно и на Западе в новом веке вновь актуализировались исследования по этим проблемам (см., например: *Hegarty P. Jean Baudrillard Live Theory. L.–N.Y.: Continuum, 2004.*)

² Студентам этот феномен мы, как правило, объясняем при помощи отсылки к едва ли не самым употребляемым в молодежной среде словечкам «как бы» и «вроде того». Типичный пример – фраза: «Ну, мы *как бы* пойдем *как бы* в университет, ну а там – на занятия или *вроде того*». Фраза означает, что молодые люди, может быть, пойдут, а может и нет, может в университет, →

детерриализации реальности в процессе некоторых толкований контекстов того, что само есть не более чем текст (тоже деконструированный)¹.

Ключевой пункт в этом потоке – *деконструкция*. Это не только следствие иных атрибутов постмодернизма, но и исходная установка данного течения. При этом (напомним то, что мы показали в I томе) данный термин остается принципиально неопределенным. К нему ведет бесконечный процесс различения всего от всего, который пройдет через абсолютную разрозненность бытия и взаимобезразличия его осколков, «шумов», и завершится деконструкцией, торжеством обесмысленного текста.

Результатом этой деконструкции, но уже как объективного процесса, и становится мир симулякров. Подчеркнем: термин «симулякр» принципиален, ибо он фиксирует настроенность на оперирование исключительно в пространстве искусственно созданных форм, с самого начала ориентированных на симулирование, а не адекватное отображение реальности. Более того, как отмечает, например, Томас С. Рэй, симулякр делает неразличимым *a-жизнь* (a-life) и жизнь, а-реальность и реальность².

Все сказанное выше – не интеллектуальные экзерсисы, а отражение господствующего дискурса, предполагающего несколько последовательных шагов по деконструкции реальности. Первый – отрицание любых «больших нарративов», когда больше нет доказанных теоретических ориентиров Истины, которая всегда конкретна и системна, а есть только фрагменты позитивно воспринимаемой реальности, из которой можно складывать любые пазлы. Второй – все эти децентрированные (*вне-* и *a-*системные) феномены подвергаются деконструкции и превращаются во всего лишь тексты, которые можно едва ли не произвольно трактовать, рождая – и это третий шаг деконструкции – контексты. Последние, в свою очередь, должны быть еще и лишены авторства, субъектности. Так рождается *искусственно создаваемая симуляция реальности*.

На первый взгляд вся эта философская игра не имеет никакого отношения к проблемам политической экономии рынка. Но это только на первый взгляд. На самом деле эта связь есть, и связь принципиально значимая.

Эта связь обусловлена приоритетным развитием в современном мире новых аспектов жизнедеятельности капитала, связанных с опережающим развитием превратного сектора – таких сфер, как финансовые спекуляции и военное производство, масс-культура и вызывающее *пресыщение* сверхразвитие утилитарного потребления, политическое

← а может попить пива, а если и в университет, то еще не известно для чего – то ли заниматься, то ли «вроде того» – болтать в коридоре.

¹ Социокультурные аспекты проблемы рынка симулякров раскрыты в статье: Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2.

² См.: Sim S. The Routledge Companion to Postmodernism. L.: Routledge, 2001. P. 66.

и духовное манипулирование человеком и т.п. продукты современного капитала. Все они рождают особый мир симулятивного, прозрачного, рождающего наваждения (если использовать образ, предложенный Ж. Деррида¹) бытия. Каждая из этих сфер полна «симулякрами». Финансовые спекуляции на мировых рынках валют и т.п. симулируют реальные инвестиции в развитие материального производства или культуры. Маркетинг создает симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей². Это бытие «наведено» на людей капиталом так, как злой колдун наводит морок. В результате этого у людей формируются «наведенные» потребности – «оторваться с „Фантой“», «запепсовать мегахит», использовать для передвижения крайне неудобный в городских условиях гигантский «Хаммер» или «Роллс-Ройс»³, голосовать за политиков, вызвавших глубочайший кризис, искренне интересоваться тем, какая из «попсух» находится на каком месте в «горячей десятке», а то и «написать черной икрой по капоту белого «Мерседеса». «Жизнь удалась!» (цитата из выступления профессора, депутата Государственной Думы РФ от правившей в 2008 году в России партии). Конечно же, мир еще не до конца перешел в мир симулякров, но тенденция, улавливаемая постмодернизмом, очевидна: сфера «наведенных» потребностей и деятельности, их производящих и удовлетворяющих, растет грандиозными темпами.

Но обо всем по порядку. Начнем с наиболее типичного примера товаров-симулякров – мужского костюма (оставим в покое прекрасных дам и их вкусы), на подкладке которого имеется лейбл со знаменитым

¹ Ж. Деррида неслучайно пишет именно о «всевозможных формах наваждения, которое... организует те формы, которые господствуют в сегодняшнем дискурсе». И чуть ниже: «Гегемония всегда организует репрессии, а значит, подтверждает наличие наваждений» (*Деррида Ж. Призраки Маркса*, М., 2006. С. 56).

² Как отмечают современные исследователи, в этом случае «...отношения между предметом и его символом-образом переворачиваются: не образ репрезентирует продукт, а скорее продукт репрезентирует образ» (*Жижек С. 13 опытов о Ленине*. М.: Ad Marginem, 2003. С. 157).

³ В результате, перефразируя работы С. Жижека и упоминаемого им Дж. Рифкина, мы можем сказать, что в современном мире человек покупает не столько товары и услуги, сколько продукты рекламы, симулякры, причем даже сам процесс потребления превращается в символический товар (ужин в престижном ресторане, релаксация в символически «крутом» клубе...). Приведем в подтверждение еще один пассаж Жижека, цитирующего известного автора: «Так, Кристофер Ишервуд выразил эту нереальность американской повседневной жизни в своем описании комнаты мотеля: „Американские мотели нереальны!.. Они специально сделаны так, чтобы быть нереальными... Европейцы ненавидят нас за то, что мы ушли в мир, созданный рекламой, подобно отшельникам, уединяющимся в пещерах для созерцания“» (*Жижек С. 13 опытов о Ленине*. М., 2003. С. 197).

брендом. В этом случае костюм, который шьется из китайской ткани на китайской (или российской) швейной фабрике и имеет себестоимость максимум в 50 долларов, получая нужную этикетку на подкладке и продаваясь в фирменном бутике, обретает цену едва ли не в 100 раз большую – скажем, 5000 долларов. За костюм «от NN» – это даже немного. Что продается в данном случае – потребительная стоимость? Даже если предположить, что костюм от NN сшит особо тщательно (что далеко не всегда так: зачастую и у «брендов» в парижских бутиках, куда мы специально заходили проверить, строчка косовата), а ткань особо хороша (что тоже далеко не всегда истина), то даже в этом случае реальное качество реального товара к цене в 5000 долларов отношения не имеет: более качественный костюм может стоить в 2–3, но не в 100 раз дороже. Да и покупают его по стократно завышенной цене не из-за качества строчки или прочности ткани. Его покупают потому что... – потому что это – *символическое благо*¹, указывающее на то, что его владелец богат и успешен (или, на языке российских симулякров, – «крут»).

В данном случае происходит именно тот набор превращений, который выше мы описали на языке постмодернистской методологии. Первый шаг: потребительная стоимость материального блага (костюм) деконструируется и превращается в «текст» – костюм из предмета одежды превращается в *знак* благосостояния. Далее этот костюм-как-текст заменяется «контекстом» – *лейблом* фирмы, причем последний – третий шаг – «работает» только в определенном дискурсе – *при покупке в бутике и использовании в соответствующей среде*.

Существенно. Если в XVII–XVIII веках богатство вельможи определялось количеством бриллиантовых подвесок, золотого шитья и дороговизной ткани костюма, то есть действительной стоимостью одежды, то на рынке симулякров оно определяется *знаком* «крутизны», каковой формируют контекст (лейбл бренда на подкладке) и дискурс (бутик),

¹ Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет об ином смысле символического блага, чем в теории Веблена, делавшего акцент на «хвастовстве», и считавшего, что для дорогих товаров сама по себе высокая цена создает особую привлекательность товара (как тут не вспомнить замечательный анекдот о двух «новых русских», один из которых хвастается перед другим, что он купил такой же точно галстук в престижном бутике в 2 раза дороже...). Данный исследователь справедливо заметил, что для предметов роскоши завышенная цена есть часть потребительной стоимости данного класса товаров, но это не то же самое, что символически-симулятивные свойства, о которых мы ведем речь. Замечателен в этом отношении пассаж Ж. Бодрийяра: «Важно понять, что... стремление к статусу и высокому жизненному уровню основывается на знаках, то есть не на вещах или благах самих по себе, но на различиях». И далее Бодрийяр показывает, что формой такого знака может быть нарочито, симулятивно «простой» товар: «Мадам, именно у X вы будете самой растрепанной в мире» (Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 122).

а не действительные качество и трудоемкость данного костюма (воплощенные в нем конкретный и абстрактный труд).

Другое дело, что на создание контекста-«бренда» и подобных ему симулякров также требуются огромные усилия. Но весь вопрос в том – какие? кого? и с какой целью осуществляемые?

Вот здесь и начинается политэкономия рынка симулякров (*s*-рынка), на котором продаются и покупаются товары-симулякры (*s*-товары) или то, что Жан Бодрийяр назвал политэкономией знака¹, а Михаил Воейков – постклассической политэкономией.

Прежде чем обратиться к первичной систематизации мира *s*-товаров, заметим: практически любой симулякр в мире экономики есть в определенной мере *и* реальное благо, удовлетворяющее реальную потребность. Бренд-костюм, как правило, несколько лучше костюма, продаваемого в магазине дешевой одежды, «Мерседес» по своей надежности и эксплуатационным качествам превосходит большинство автомашин, не имеющих столь мощного бренда, и т.д. Иными словами, говоря о *s*-рынке, мы всегда должны помнить, что это не более (но и не менее) чем некоторое видоизменение «нормального» рынка. Весь вопрос, однако, в *мере*.

Именно эту эмпирически описанную меру (о содержательном отличии *s*-товаров от «обычных») – ниже) мы и положим в основу первичной, поверхностной **классификации феноменов *s*-рынка**².

¹ Авторы в данном случае имеют в виду книгу «К критике политической экономики знака», которую Бодрийяр опубликовал в 1972 году (на русском языке наиболее известно издание 2007 г.). Она продолжает идеи его же работы «Общество потребления» (1970, русский перевод – 2006). Затем эти идеи развиваются в книге «Зеркало производства» (1973). В этих работах Ж. Бодрийяр подчеркивает формирование в условиях позднего капитализма мира *искусственно вызываемого пресыщения, псевдодеятельностей и псевдоценностей*. При этом данный автор – не будем отрицать действительных заслуг – активно критикует эти проявления «объективного постмодернизма». Но неслучайным парадоксом при этом является то, что он не подвергает систематической критике самую постмодернистскую методологию. И как таковой Бодрийяр остается в плену тех гносеологических «симулякров», онтологические эманации которых он критикует.

Пожалуй, глубже в критике этих феноменов идет более далекий от постмодернизма автор – Джеймисон, указывающий на объективную укорененность этого постмодернистского дискурса. С его точки зрения, постмодернизм – это попытка теоретически отобразить специфическую логику культурного производства эпохи позднего капитализма (см.: *Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991. P. 400). Критика постмодернизма дана также в работе А. Каллиникоса «Против постмодернизма» (см.: *Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique*. L., 1989).

² Любопытна классификация симулякров Ж. Бодрийяра, который определяет следующий их порядок. Первый (характерен для эпохи Ренессанса) – имитации, чучела, копии, подделки («Подделка работает пока лишь с субстанцией и формой, а не с отношениями и структурой»). Второй (эпоха промышленной →

Первое подмножество рынка симулякров – это «обычные» товары, превращенные в символы и получившие в силу этого ценность, существенно превышающую ту, что имеют их аналоги. Один из примеров – костюм-бренд, стоящий в десятки раз дороже не имеющего соответствующего лейбла костюма с аналогичными потребительскими качествами. Различие в цене в данном случае может служить *косвенным количественным индикатором меры симулятивности некоторого вида товаров или целого сегмента рынка*. Сказанное характерно не только для товаров, имеющих бренд. Подобными качествами могут обладать любые продукты, получившие более высокую, нежели их аналоги, цену вследствие обретения некоторого симулятивного и/или знакового качества. К ним могут относиться все феномены из области так называемого «престижного потребления» – от модных ресторанов и клубов до особых видов образа жизни.

Более того, такой тип рынка порождает и феномен «человек-бренд», когда создатели брендов сознательно, а названная выше система отношений объективно, формируют некие личности как симулякры определенного образа жизни. Как правило, это тот или иной вариант гламура, где за симулякром искусства (человека искусства) скрыто формирование имиджа тех или иных корпораций. В результате формируется *человек-симулякр (s-человек)*, создающий эпидемию симулятивно-подражательного поведения. Одним из примеров этого может быть симулякр «Мадонна».

Второе подмножество s-товаров – это чисто знаковые феномены, не имеющие «обычной» потребительной стоимости. Наиболее типичный пример – поток симулякров, идущих от СМИ¹, и продукты масс-культуры,

← революции) – функциональные аналоги, серии. Третий (постмодерн) – гиперреальность (деньги, мода, ДНК, модель, общественное мнение).

Здесь, очевидно, Бодрийяр смешивает совершенно различные с содержательной точки зрения феномены, строя абстрактно-общие группировки, присваивающие статус симулякра всему, что не есть результат опредмечивания творческой деятельности. Это типологизация по принципу объединения ежа и половой щетки на основании того, что у обоих есть щетина. В самом деле, копии результатов творческой деятельности есть атрибут любого *производства* (прежде всего материального репродуктивного труда) в любую эпоху. Массовое производство реальных материальных предметов машинной системой – это опять же атрибут репродуктивного материального труда, только уже индустриальной эпохи. Ну а уж соединение в один ряд ДНК, денег и моды только на основании того, что это модные темы постмодернистских деконструкций... – здесь авторы просто немеют...

¹ Подчеркивая нарочитую деконструкцию ценностно-смысловых приоритетов в потоках симулякров, идущих от СМИ, Ж. Бодрийяр пишет: «Телевидение, радио, пресса, реклама – это многообразие знаков и посланий, где все уровни эквивалентны друг другу. Вот радиофоническая последовательность, выбранная случайно: →

не имеющие собственно культурной ценности (не способствующие возвышению человеческих качеств), но имеющие очень высокую символическую ценность, создаваемую опять же специфическими методами (от «обычной» рекламы до особых механизмов «раскрутки» поп-звезд). К числу таких знаковых s-товаров относятся и многочисленные искусственно-сформированные знаково-символические сферы досуга. Если такие товары и услуги все же обладают некой действительной потребительской стоимостью (например, способностью отвлечь человека от отупляющей ежедневной работы и узких рамок обыденности существования), то на s-рынке им придается (вменяется) совсем иная символическая, симулятивная ценность.

Третье подмножество – виртуальные s-товары. Наиболее типичный пример – товары на рынках, порожденных современными тенденциями эволюции фиктивного капитала и дальнейшего отрыва его от реального. Это прежде всего симулякры, создаваемые процессом финализации в сфере виртуального фиктивного капитала («начинка» искусственно «надутых» финансовых пузырей – деривативы и другие финансовые производные), ставшего столь значимым в условиях современного «казино-капитализма»¹. Другим примером виртуальных s-товаров является совокупность предметов и услуг виртуального потребления (от бессодержательных компьютерных игр до привычки к бездумному и бессмысленному web-серфингу).

Дополним наши поверхностные характеристики рынков симулякров некоторыми ремарками.

Во-первых, о нелюбви экономистов (в том числе – теоретиков от экономики) к категории «симулякр». Она, эта нелюбовь, неслучайна: данное слово семантически *не*-нейтрально. Оно несет в себе определенный критический (по отношению к своему объекту) заряд. Слово «бренд» несет позитивный заряд, ассоциируясь с чем-то престижным, значимым. Слово «симулякр» несет негативный заряд, ассоциируясь с обманом. Как только вы говорите: «бренд – это в определенной мере симулякр», вы тут же создаете у покупателя ощущение, что вы его дурите, наводите на него некий морок. Если, далее, вы скажете, что реклама есть прежде всего деятельность по созданию симулякров, то вы

← • Реклама бритвы «Ремингтон»

• Резюме социального движения за последние пятнадцать дней

• Реклама покрышек „Данлоп СП-Спрот“

• Дебаты о смертной казни

• Реклама часов „Лип“

• Репортаж о войне в Биафре

• Реклама мощного средства „Крио“ с подсолнечником...»

(Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 158)

¹ Подробнее об этом – в разделах данного тома, посвященных финансовому капиталу и кризису.

невольно признаете, что ее главная цель – суггестивное, манипулятивное воздействие на потребителя с целью его умеренного (мера здесь принципиально важна!) обмана. Согласитесь – очевидно, что такая квалификация ключевых сфер бизнеса (создание и раскрутка брендов, маркетинг, и в частности реклама, а еще PR и т.п.) этому бизнесу не только не нужна, но прямо вредна.

У принадлежащего к неоклассическому течению экономиста-теоретика есть и методолого-теоретические основания для неиспользования терминов «симулякр», «симулятивный рынок» и т.п. Эти основания хорошо известны: отказавшись от проблемы исследования стоимости как не имеющей практического значения, и сосредоточив свои исследовательские усилия на изучении исключительно процессов движения цен и сопряженных с этим явлений, а также объявив равно важными для рынка любые феномены, которые можно продать и купить («частные блага»), неоклассика создала необходимые и достаточные условия для того, чтобы различие товаров, имеющих реальную потребительскую стоимость и стоимость, и товаров-симулякров стало невозможно. Другое дело, что сами предложенные выше аксиомы неоклассики более чем спорны...

Во-вторых, методология постмодернизма, породившего на свет понятие «симулякр», также создает определенные предпосылки для того, чтобы различие реальных продуктов и продуктов-симулякров стало невозможно. Особенно легко это продемонстрировать на примере искусства. Если мы, как это принято в постмодернизме, отказываемся от понятий Человека-субъекта и прогресса, критерием которого является развитие человеческих качеств, а также от гносеологических (соотнесение истины и лжи), этических (добра и зла) и эстетических (красоты и безобразия) различий, то попсовый хит и «Игра в бисер» становятся качественно неразличимы, а критерием их сравнительной ценности становятся цены на рынке, однозначно доказывающие, что философский шедевр Гессе ничто в сравнении с песенкой о юбочке из плюша или розовых розах и яблоках на снегу.

Однако реактуализация классики позволяет иначе взглянуть на данную проблему.

Рынки симулякров:

возможность и необходимость генезиса

Политико-экономический взгляд на природу s-рынка предполагает в качестве первого шага исследование возможности и необходимости его массового развития. Анонс ответа на этот вопрос мы дали выше: прогресс технологий и капитала создал такие условия, когда *такой* рынок стал возможен и необходим. Развернем эти общие положения в систему аргументов.

Материальной предпосылкой формирования рынков симулякров стали двоякого рода технологические процессы.

Во-первых, развитие технологий, повышение производительности и роста креативной составляющей труда до такого уровня, когда стало возможным массовое производство товаров-симулякров, ориентированное на широкие круги общества. Только во второй половине XX века стало возможным массовое производство как товаров-брендов, ориентированных на резко увеличившийся свою численность так называемый *middle* и *upper-middle class*, так и феноменов масс-культуры, ориентированных на широчайшие слои молодежи и в «Первом», и в «Третьем» мирах. Только несколько десятилетий назад технологический прогресс и рост производительности привели к существенному возрастанию числа лиц, хотя бы частично занятых творческой деятельностью и потому способных создавать предпосылки для превращения товаров и услуг в симулякры. Для появления десятков миллионов работников рекламных и пиар-агентств, маркетологов и имиджмейкеров необходимы были материальные предпосылки, которые человечество создало относительно недавно и только для некоторой (меньшей) своей части.

Еще одним слагаемым этого процесса стал поиск псевдоальтернатив массовому производству в сферах так называемого «индивидуализированного» производства, ориентированного на якобы особого, индивидуального потребителя¹. Эта в принципе рациональная тенденция также получила свою симулятивную окраску, когда опять же в массовом масштабе (вот он парадокс!) стала развиваться s-индивидуализированная сфера услуг, и миллионы визажистов и имиджмейкеров стали тиражировать симулякры индивидуальности для миллионов представителей *upper-middle class*'а.

Во-вторых, к кругу технологических предпосылок массового развития s-рынков, безусловно, относится развитие и повсеместное распространение компьютерных технологий и Интернет-среды, что создало необходимые предпосылки для развития s-рынков третьего рода (рынков виртуальных симулякров), а именно они растут быстрее всего в современных условиях

Итак, создание товаров-симулякров для сотен миллионов (а в случае масскультуры – миллиардов) потребителей требовало иных предпосылок, нежели создание благ в рамках «обычного» (создающего в массовом масштабе реальные потребительские стоимости) общества потребления первой половины – середины XX века. И эти предпосылки сложились в конце XX века.

¹ На эту удочку – якобы разворачивающийся процесс индивидуализации, идущей на смену эпохе массового производства, – попалось немало исследователей постиндустриального общества. В России данный тезис развивал, в частности, В. Иноземцев (см.: *Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia-Наука, 1999. С. 57*).

Что же касается *необходимости генезиса рынков симулякров* в столь массовых масштабах, то она связана со специфическими противоречиями процесса накопления капитала, характерными для второй половины прошлого – начала нынешнего веков. В предшествующих публикациях авторы, опираясь на работы своих учителей и коллег, по сути дела, уже дали ответ на вопрос о том, в чем состоит эта специфика: она связана с пределами прогресса накопления капитала в реальном секторе экономики: Эти пределы – возможность бесконечного инвестирования в реальное производство (производство продуктов и услуг, необходимых для прогресса производительных сил и прежде всего самого человека) *при несокращающейся норме прибыли* – были впервые достигнуты развитыми странами накануне Великой депрессии. Именно тогда капитал впервые в столь значимом масштабе столкнулся с тем, что дальнейший прогресс реального производства будет приводить к снижению нормы прибыли и общей стагнации. Выход тогда был найден за счет разных способов изменений «правил игры» – за счет перехода в одном случае к социально ограниченной и регулируемой капиталистической системе, во втором – к фашизму.

В первом случае пределы перенакопления преодолевались за счет вывода из-под власти рынка от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ экономики и перераспределения в пользу общества от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ прибыли, получаемой капиталом.

Во втором случае (немецкий, итальянский, испанский и т.п. фашизм) «выход» был найден за счет дополнения и одновременно маскировки капиталистической эксплуатации тотальным контролем правящей элиты через подчинение всего населения аппарату корпоративного государства. В пределе объединение в корпоративное государство противопоставляло «свой» народ всем остальным, используя его как инструмент внешней экспансии (впрочем, внешней экспансией не брезговали и в первом случае: десятки миллионов убитых в Африке и Индокитае во второй трети XX века тому подтверждение).

Однако оба варианта к 1970-м годам оказались исчерпаны. А потенциал экстенсивной экспансии капитала «ядра» мировой капиталистической системы за счет глобализации не мог быть реализован без создания адекватных глобальных инструментов социально-экономического господства и подчинения. И тогда капитал пошел по пути формирования симулятивных товаров, благо предшествующий рост производительности труда в реальном секторе создал для этого достаточные предпосылки. К этому пути толкали и пределы системы массового производства, которая также исчерпала к концу XX века потенциал своего прогрессивного развития.

Так пределы накопления глобального корпоративного капитала создали необходимость продуцирования *симулятивных товаров, т.е. предложение на симулятивных рынках.*

Сходные импульсы по генерированию рынка симулякров сложились и со стороны спроса, где «общество потребления» столкнулось с

границами наращивания объемов и номенклатуры возможных *утилитарных* товаров и услуг реального сектора. Агент рынка, принадлежащий к той или иной доходной группе, ограничен в своем утилитарном потреблении: принадлежащая к среднему классу семья не будет покупать 3 холодильника и 4 машины экономкласса, да и количество недорогих платьев и костюмов, которые нужны такой семье, относительно ограничено, равно как и вообще их потребность в реальных утилитарных благах. Выйти же за рамки своей доходной группы подавляющее большинство представителей этого класса не может. Более того, вследствие перехода к неолиберальной модели эволюции поздний капитализм (а мы рассматриваем именно этот предмет) породил тенденцию сокращения масштабов среднего класса. Выход за пределы этих ограничений был найден на уже отмеченном нами пути формирования нового класса потребностей – симулятивных или *s*-потребностей. Последние оказались как нельзя более кстати, ибо позволяли формировать новые рынки на основе товаров, себестоимость которых оказалась относительно низка в сравнении с их ценой.

Аналогичным образом *s*-потребности стали формироваться и для «высшего среднего» класса, и для буржуазии, и для номенклатуры глобального капитала, где сложились свои системы искусственных знаков принадлежности к тому или иному слою «элиты».

Наиболее значимым с экономической точки зрения оказалось формирование спроса со стороны капитала на симулятивные средства развития, прежде всего различные симулякры денег и иных ресурсов для инвестирования, что стало следствием обострившихся вследствие перенакопления капитала пределов его экспансии. Но об этом мы уже писали и еще напишем в связи с упомянутым выше авторским анализом причин кризисов позднего капитализма.

Более того, сложилась (а во многом была полустихийно сформирована корпоративным капиталом) и специфическая *s*-элита – совокупность представляемых в роли *как бы* элиты высших слоев массовой культуры, профессионального спорта, профессионалов от финансового, рекламного и т.п. бизнеса, т.е. верхушки тех сфер, где создаются, рекламируются и продаются симулякры разного рода. Это именно *как бы* «элита»: она не имеет реальной экономической и политической власти и по большому счету является функцией медийных, финансовых и т.п. корпораций, она *вынуждена* вести демонстративно-роскошный образ жизни, симулируя свою избранность и демонстрируя потребление прежде всего именно симулятивных благ – подчеркнуто дорогих брендов и т.п.

Так соединяются в едином процессе возможность и необходимость формирования симулятивного производства, удовлетворяющего симулятивные потребности, а значит и *s*-предложения, реагирующего на сформировавшийся *s*-спрос.

Генезис этой новой реальности обуславливает и основные содержательные черты s-рынка

Политическая экономия товара-симулякра

Этот подзаголовок решительно напоминает название книги уже упоминавшегося нами автора – Жана Бодрийяра¹. Однако авторы этих строк предлагают ниже существенно иную, нежели известный французский постмодернист, теоретическую гипотезу, объясняющую феномен s-рынка.

Ж. Бодрийяр прав в своей характеристике наступающей эпохи постмодерна (для Западной Европы символом ее генезиса стали поражения «парижского мая» и «пражской весны» 1968 года), как несущей прогрессирующее развитие гиперреальности, приводящей к замещению реальных содержаний и смыслов симулякрами и знаками.

Однако авторы этих строк не разделяют ключевой идеи французского ученого о том, что современный ему мир симулякров вырос из символического обмена добуржуазных обществ, а Маркс был не прав, характеризуя капитализм как сферу реального материального производства реальных благ. На наш взгляд, над Бодрийяром, как и над его соратниками по цеху левого постмодернизма (Делез, Фуко) злую шутку сыграло то, что они... искренне считали мир *симулякров*, в котором они жили, едва ли не единственно... *реальным* миром. Он не заметил (не понял? не знал?) различия превратной формы и действительного содержания (напомним: превратная форма возникает тогда, когда, по словам Маркса, «кажется то, что есть на самом деле», когда на самом деле поверхность общественной жизни наполнена превратными феноменами, извращающими подлинное содержание реальных процессов). В результате Бодрийяр не отразил диалектики прогрессирующего развития симулякров как превратных форм **инволюции** материального производства позднего капитализма.

Между тем в условиях позднего капитализма кажется, что на смену материальному производству идут симулякры. И эта кажимость реальна, но это реальность превратной формы, а не содержания. Поэтому акцент на симулякрах есть доказательство не заблуждений Маркса, а правоты его методологии, всегда утверждавшей, что теория марксизма должна критически развиваться по мере изменения практики. Вот почему только марксистский *историко-диалектический взгляд на капитализм позволяет показать, как, почему и в какой мере на определенном этапе своего развития капитализм, базирующийся на реальном материальном производстве, превращается в систему продуцирования и потребления симулякров, лежащих «по ту сторону» последнего.*

¹ Речь идет об упомянутой выше книге этого автора «К критике политической экономии знака».

Рассмотрим эти непростые связи подробнее. Авторы этих строк исходят из гипотезы, что товар-симулякр есть превратная форма товара как исходной и всеобщей формы капиталистического мира или так называемой «рыночной экономики».

Основание для такого утверждения – сама природа симулякра, о чем мы уже писали. Теоретически эта связь должна выглядеть так: если *s*-товар есть превратная форма, то он должен обладать видимостью некоторой потребительной и меновой стоимости, но в глубине этой видимости должна лежать некая отличная от нее сущность. Если нам удастся содержательно раскрыть эти положения, то авторская гипотеза будет доказана (по меньшей мере в рамках марксистской парадигмы).

Потребительная стоимость *s*-товара должна состоять в полезности данного товара для потребителя. В чем же эта полезность? В удовлетворении некой потребности, способствующей развитию производства, человеческих качеств? Нет, в этом случае мы бы имели дело с «обычным» товаром. Ее полезность состоит в удовлетворении *симулятивной*, – т.е. в данном случае искусственно созданной, наведенной как *морок* – *потребности*. Если же потребность «естественна», не является «наведенной», то удовлетворяющее ее благо есть обычный товар, а не симулякр – таково определение симулякра, исходные «правила игры». Следовательно, встает вопрос: как (кем?) создается эта «наведенная», искусственная потребность и в чем именно ее искусственность?

Ответ на последний вопрос мы уже дали выше, и он будет несколько тавтологичен: потребность искусственна в той мере, в какой она не связана с развитием человека и его производительных сил¹.

Ответ на второй вопрос более сложен. Абстрактно он может быть сформулирован так: *s*-потребности создаются особыми условиями жизни и/или сознательной деятельностью некоторых субъектов по их формированию. Конкретно этот ответ предполагает раскрытие тех условий и той деятельности, которые создают *s*-потребности.

Начнем с конца, ибо в этом случае поиск ответа проще, и он поможет понять начало. Примеры деятельности по формированию искусственных потребностей в симулятивных благах (симулякрах) хорошо известны: это прежде всего маркетинговая деятельность и в первую очередь реклама товаров и услуг, которые являются по большому счету бесполезными (напомним: мы ведем речь не о рекламе вообще, а о

¹ Авторы выше уже отметили, что такое различие возможно только при условии снятия постмодернистских дискурсов – деконструкции и отказа от больших нарративов, – ибо при их сохранении критерия «искусственности» нет и быть не может: там, где нет критериев прогресса, Истины, Добра и Красоты, нет и критериев для разграничения благ, потребностей и деятельностей, служащих прогрессу Человека и его производительных сил, и безразличных (а то и вредных) с точки зрения последнего.

рекламе s-товаров, симулякров). Если вам доказывают: для того чтобы у вас все было кока-кола! (читай – *ОК!*, отлично!), надо выпить слабый раствор ортофосфорной кислоты, насыщенный диоксидом углерода и подкрашенный жженым сахаром или его заменителями, то вам навязывают искусственную потребность в если не вредном, то, по крайней мере, малополезном напитке. И это пример сознательной деятельности по созданию «наведенной» потребности. Ее именно «наводят» (слово заимствовано из лексики модной ныне фэнтези: там колдуны и маги «наводят» на ничего не подозревающих жителей разного рода мороки), и это типичный отличительный признак превратной формы.

Впрочем, в данном случае речь идет о симулякрах первого рода – некоем «дополнении» симулятивной составляющей в чем-то полезного продукта (в конце-то концов – кока-колой можно удовлетворить жажду, хотя полезней это делать при помощи кваса или просто чистой воды). Точно так же обстоит дело и в случае с продажей по баснословно высокой цене имеющего брендовый лейбл костюма: в принципе полезная вещь получает симулятивную составляющую.

В этом случае потребительной стоимостью s-товара будет не его способность удовлетворить жажду или прикрыть тело, а то, что вы это делаете при помощи имеющего бренд товара. Престижность бренда, созданная маркетинговой и иной деятельностью корпоративного капитала по формированию «поля зависимости» (вспомним начало раздела, где мы говорили о предпосылках формирования рынка симулякров), и есть в приведенных нами примерах потребительная стоимость s-товара.

Собственно симулякры в наиболее чистом виде производятся в случае, когда капитал создает потребность в товаре (услуге), который сам по себе не имеет потребительной стоимости (не удовлетворяет действительную потребность – ни к пользе, ни даже к вреду для потребителя), а эта потребительная стоимость существует лишь в представлении, как некий знак (идеально, символически). К таковым относится большая часть развлекательной виртуальной продукции, «произведенный» масскультуры и массмедиа, симулякры финансовых рынков и т.п. В этом случае потребительная стоимость s-товара также состоит в способности удовлетворять s-потребность, искусственно созданную целенаправленной деятельностью корпоративного капитала по формированию поля зависимости.

В обоих случаях потребительная стоимость кока-колы или попсовой песенки как s-товаров создается не на заводе по производству и розливу этого напитка, и не в студии, где производится клип, а в процессе маркетинговой и иной деятельности корпоративного капитала по искусственному формированию s-потребностей, когда человек хочет пить именно кока-колу, а не квас или минералку, и слушать именно попу, а не настоящую музыку.

Еще раз оговоримся: с точки зрения неоклассической экономической теории и постмодернистской философии все сказанное выше не имеет никакого смысла, ибо в рамках их «дискурсов» критерием полезности частного блага является то, платят за него деньги на рынке или нет; в рамках этого «дискурса» попса – это такое же произведение искусства, как и классическая музыка...

Но в рамках «большого нарратива», называемого «марксистская политическая экономия», такое различие есть, и оно значимо для всех тех, кто считает, что производству пора *работать на развитие человеческих качеств и производительных сил общественного человека, а не на все что угодно, лишь бы оно приносило прибыль*. Поэтому в рамках нашей теории можно выделить специфическую потребительную стоимость симулякра, которая на поверхности явлений состоит в способности этих феноменов удовлетворять симулятивные потребности. Но это, повторим, превратная форма. Прежде чем начать разбираться с ее содержанием, подчеркнем, что *s*-потребности формируются в условиях современного позднего капитализма не только целенаправленной деятельностью того или иного конкретного корпоративного капитала, но и тем *объективно* складывающимся образом жизни, который создается *тотальностью рынка* (рыночным фундаментализмом), который, как мы показали в начале статьи, превращает в неизбежное правило жизни все то, что создается корпоративным капиталом, проникая во все поры человеческой жизни, включая личные ценности и межличностные отношения (западные постмодернисты в данном случае с упоением пишут в первую очередь о сексе), сферы культуры и нравственности.

Так складывается система *объективного формирования s-потребностей* как не только продукта сознательной деятельности конкретных субъектов (отдельных корпораций), но и части объективно формируемого и воспроизводимого тотальной гегемонией капитала образа жизни.

В отличие от описанных выше превратных форм, содержание потребительной стоимости *s*-товаров, формируемое деятельностью по навязыванию обществу *s*-потребностей и общей объективной атмосферой такого навязывания, состоит не в том, что удовлетворяются пусть бессмысленные и искусственные, но (1) потребности (2) людей.

Действительная полезность производимых корпоративным капиталом *s*-товаров, *содержание* их потребительной стоимости состоит в том, что они, эти товары, позволяют снимать ограничения перенакопленного в реальном секторе капитала и получать среднюю и даже большую, чем средняя, норму прибыли в условиях, когда объективные границы реального сектора делать это далее не позволяют. Наиболее яркий пример этого – бесконечное производство *s*-товаров (деривативов и т.п.) на финансовых рынках накануне Мирового кризиса, начавшегося в 2008 году. Несколько менее яркий, но от этого не менее значимый пример – произ-

водство симулятивной потребности в бесконечно обновляемом перечне бесполезных масскультурных феноменов и виртуальных «игрушек»...

Косвенным доказательством тезиса об особом содержании потребительной стоимости *s*-товара (способности [частично] снимать ограничения перенакопления капитала), принципиально отличного от превратной формы его потребительной стоимости (способности удовлетворять искусственно созданные потребности) может служить моделирование ситуации, в которой общество откажется от современной капиталистической организации. В этом мире продукты и услуги, позволяющие развивать человеческие качества и производительные силы, окажутся востребованы не менее, чем в капиталистическом, тогда как *s*-товары утратят свою потребительную стоимость¹.

Новая стоимость *s*-товара – пропорция, в которой *s*-товар обменивается на другой товар, – представляет собой не меньше тайн. Если обмен происходит на деньги (а *s*-товар сам может быть в некоторых случаях [квази] деньгами), то перед нами не представляющая на первый взгляд трудностей проблема *цены симулякра*. С точки зрения неоклассической теории здесь, действительно, нет никаких особых моментов, отличающих данный товар от других. Во-первых, можно утверждать, что равновесная цена на симулякр устанавливается в точке, где спрос равен предложению (исключение могут составлять лишь информационные товары, но о них мы писали в другом месте). Во-вторых, в случае *s*, например, товаром, производимым известной фирмой, можно оценить даже ее бренд. Для этого из величины капитализации компании вычитается стоимость ее материальных активов и получается стоимость ее нематериальных активов, среди которых едва ли не главной принято считать стоимость бренда.

С точки зрения классической политической экономии здесь, однако, есть немало тонкостей.

Прежде всего в случае *s*-товаром наиболее выпукло проявляется более общая проблема: способность крупных корпоративных капиталов осуществлять в некоторых пределах (их устанавливает мощь «поля зависимости», генерируемого данной корпорацией, и наличие аналогичных полей определенной мощности у конкурентов) локальное сознательное воздействие на параметры рынка, в частности цену. Цена на *s*-товар в

¹ В реальной истории «заката» СССР все оказалось наоборот: не только реально полезные блага, дефицит которых, действительно, был бичом «реального социализма», но и многочисленные симулякры западного мира, особенно масскультура, оказались алкаемы советским мещанином, поддерживавшим рыночно-капиталистические преобразования на рубеже 1980–1990-х гг. Но это не столько опровержение наших теоретических положений, сколько указание на силу мороков и фетишей, создаваемых миром отчуждения и не снимаемых за десятилетия, тем более десятилетия мутаций новых тенденций социального освобождения.

большинстве случаев – это не просто цена на олигопольном рынке, это цена, во многом сознательно формируемая корпоративным капиталом¹.

Впрочем, как мы уже заметили, это свойство цены характерно не только для симулякров – оно общо всем товарам, производимым и реализуемым корпоративным капиталом на современном рынке «пауков» и «паутинок». Просто в случае с *s*-товаром оно проявляется наиболее отчетливо.

Гораздо большую сложность представляет чисто марксистский вопрос: если цена *s*-товара как и любого другого есть [денежная] форма стоимости, то что представляет из себя его *стоимость*? И не есть ли цена *s*-товара *превратная* форма? Поскольку субстанцией стоимости с точки зрения марксистской теории является абстрактный общественный труд, воплощенный в товаре, постольку и в случае с товаром-симулякром встает вопрос: а какой труд воплощен в его стоимости, если *s*-товар вообще имеет стоимость?

Исходя из данных выше характеристик товара-симулякра мы можем предположить, что субстанцией его стоимости *не* может быть труд по производству его материального носителя. Так, в случае с кока-колой высокая цена этого товара определяется не затратами на производство раствора ортофосфорной кислоты, а наличием особого бренда. В случае с бездарной попсовой песенкой затраты на ее написание вообще не создают никакой стоимости, ибо сама по себе, без раскрутки, она полезным благом не является: ни петь, ни слушать ее никто не будет (если же, как, например, в случае с песнями Высоцкого, их, несмотря на *запрет*, будет петь вся страна, то перед нами будет не симулякр, а произведение искусства, т.е. мы выйдем за поле исследования в *данном* тексте).

Можно предположить, что трудом, лежащим в основе стоимости *s*-товара, является вся совокупность деятельности по созданию собственно симулякра. В случае с брендом это труд по его разработке, регистрации, продвижению и т.п., за исключением действительно создающего стоимость труда по «доводке» (например, художественному оформлению) «обычного» товара – «носителя» бренда. Для того чтобы отделить предмет нашего анализа от «обычного» труда, назовем *это* деятельностью по созданию симулятивной оболочки (*s*-оболочки). Итак, имя дано. Но проблема отнюдь не решена. И на пути к ее решению нас подстерегает немало трудностей.

Во-первых, с точки зрения марксистской теории труд по созданию *s*-оболочки непроеизводителен и потому создавать *стоимость* не может.

¹ Попутно заметим: косвенную (рыночную) количественную оценку мощи генерируемого корпоративным капиталом «поля зависимости» дает то, что в неоклассике принято называть «стоимостью нематериальных активов»; трудности здесь создает только такой «нюанс», как капитализация присваиваемой данным капиталом интеллектуальной ренты, которую по идее надо вычестить из стоимости нематериальных активов с тем, чтобы хотя бы косвенно оценить мощь локального корпоративного воздействия на рынок.

Во-вторых, далеко не всегда затраты на создание этой оболочки приносят результат. В отличие от обычного товара вопрос о дополнительном доходе, получаемом от *s*-оболочки, решается исходя не столько из затрат и качества, сколько из силы корпоративного давления на рынок.

Но если ни труд по созданию «материального тела» *s*-товара, ни труд по созданию его *s*-оболочки стоимость не создает, то правомерным может только вывод об... *отсутствии у s-товара стоимости*. Этот вывод корреспондирует с предшествующим тезисом о превратной форме потребительной стоимости *s*-товара, создающей видимость того, что это благо, удовлетворяющее пусть искусственно созданную, но все же действительно существующую потребность предъявляющего спрос агента рынка, и скрывающей в качестве содержания действительную полезность *s*-товара, состоящую в способности [частично] снимать ограничения перенакопления капитала¹.

В случае с ценой *s*-товара авторы в меру сил постарались обосновать вывод: она есть превратная форма, создающая видимость высокой стоимости данного феномена, но при этом скрывающая действительное содержание – целенаправленное, осуществляемое нерыночными методами сознательного воздействия на человека, общество и экономику

¹ Весьма интересен в этом отношении пересказ Бодрийера Дж. Култером: «Он (Ж. Бодрийер. – *авт.*) указывал на то, что Маркс обращался к «классической» стоимости – более натуральной стадии потребительной стоимости и товарной стадии меновой стоимости. Сегодня стоимость прошла структурную стадию (стадию знаковой стоимости) и вступает во фрактальную стадию, где нет никаких референций, а «стоимость излучается во всех направлениях». Как он сказал Филиппу Пети, «мы утратили потребительную стоимость, а значит и старую добрую меновую стоимость, стертую спекуляцией, а в настоящее время мы утрачиваем даже знаковую стоимость, сменяющуюся неопределенным сигналетизмом». В противоположность Марксу, Бодрийер заметил, что «капитал не качается от кризиса к кризису, как он предсказывал» (*Култер Дж.* Критика политэкономии знака. Маркс Бодрийера / Пер. с англ. А.В. Дьякова // Хора: Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 2. Доступ к электронной версии статьи по ссылке: <http://jkhora.narod.ru/2009-02-06.pdf>).

Здесь, как легко заметить, сплелось и (1) правильное понимание Бодрийером того, что симулякр не имеет стоимости, и (2) абсолютно догматическая интерпретация марксизма (быть марксистом, по Бодрийеру, значит... некритически повторять сто-сто пятьдесят лет спустя то, что написал Маркс? Маркс бы перевернулся в гробу от такой интерпретации марксизма), и (3) явное преувеличение «стирания и утраты даже знаковой стоимости, сменяющейся неопределенным сигналетизмом» (рынок симулякров и 40 лет спустя остается всего лишь надстройкой над рынком вещей, да и стирание знаков «неопределенным сигналетизмом» есть явное преувеличение), и (4) очевидно ошибочные ныне, но весьма распространенные в последней трети прошлого века представления о том, что капитализм навсегда избавился от кризисов...

(т.е. по критериям товарного производства *искусственное*) формирование особой симулятивной среды. *Субстанцией цены s-товара является не стоимость* – овещенный абстрактный общественный труд обособленного производителя, *а сознательно-формируемое субъектом и объективно складывающееся в условиях рыночного тоталитаризма манипулятивное воздействие на потребителя и производителя.*

Это своего рода «социальный гипноз», заставляющий человека и/или фирму тратить все больше сил на то, чтобы зарабатывать деньги для все большего удовлетворения все новых потребностей в том, что им не нужно, с тем, чтобы содействовать [частичному] снятию ограничений перенакопления, стоящих, как старуха с косой, за плечами современных корпоративных капиталов.

Тем самым мы беремся утверждать, что для рынков симулякров характерны *непроизводственные и нетоварные субстанциональные отношения сознательного формирования основ цен на s-товары.*

Первую сторону этого нетипичного для капитализма положения дел в полной мере отразили и неоклассическая экономическая теория, и постмодернизм. Есоpotics в данном случае, как кажется, может торжествовать победу: самые современные рынки уходят от трудовой субстанции стоимостей и цен. Постмодернизм также может радоваться: марксистский политэкономический анализ подтверждает 40-летней давности выводы Бодрийяра, который уже тогда (в частности, в уже упоминавшейся книге «Зеркало производства») подчеркнул принципиально непроизводственную субстанцию товаров-симулякров, сделав на этом основании вывод о неправомерности едва ли не всей политэкономии. Этот французский ученый неслучайно привязал рынки симулякров к проблемам символического обмена, где едва ли не последним бастионом реальности остается смерть, на страхе которой строится вся экономика и политика.

Все эти акценты на непроизводственной природе симулятивного рыночного мира, повторим, вполне правомерны. При этом, однако, и неоклассики, и большинство постмодернистов, оставаясь в плену «рыночноцентричного» мира¹, не «замечают» того, что *в случае с товарами-симулякрами, удовлетворяющими симулятивные потребности, сам рынок становится... симуляцией товарных отношений.* На этом рынке продаются и покупаются симулякры, чья потребительная стоимость и меновая стоимость (цена) являются превратными формами *нетоварного содержания.* Более того, на s-рынках сами общественные экономические отношения и формы их функционирования, институты («правила игры») имеют лишь видимость более-менее свободного конкурент-

¹ Авторская характеристика «рыночноцентричности» основного направления современной экономической теории и ее критика были дана в I томе нашей работы.

ного рыночного взаимодействия. Действительной же их основой являются конкурентные взаимодействия манипулятивных влияний корпоративных капиталов, создающих мороки искусственных потребностей, удовлетворяемых симулятивными благами.

Здесь есть, однако, принципиально важный «нюанс». Во многих случаях s-товары являются продуктами не только манипулятивных воздействий, но и весьма специфической творческой деятельности по целенаправленному формированию симулятивного блага, удовлетворяющего симулятивную потребность. Одним из наиболее часто обращающих на себя внимание аспектов этого процесса является бесконечная погоня современного капитала за искусственной новизной (как средством создания и захвата новых сегментов рынка), но этим названная проблема далеко не исчерпывается.

Проблема же состоит в том, что, с одной стороны, всякая творческая деятельность есть создание всеобщего культурного богатства, бесконечного в своей (опять же по субстанции культурной) ценности¹. Художник создает полотно и фильм, который (отвлечемся на время от частной интеллектуальной собственности) принадлежит человечеству и истории, есть с момента его создания часть бесконечного во времени и пространства мира культуры, в котором он удовлетворяет культурную потребность (главную потребность развивающегося Человека – потребность в со-творчестве) неограниченного круга людей.

С другой стороны, в случае с деятельностью «креативщика», работающего по заказу фирмы, создающей очередной симулякр (возьмем для примера чистый случай рекламы заведомо не нужного для развития человеческих качеств и производительных сил товара X), мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Здесь креативный работник с самого начала и до конца сознательно создает вне (а то и анти-) культурный феномен².

¹ Это противоречие раскрыто в послесловии к I тому нашей книги.

² «Журналисты и специалисты рекламного дела – это мифические операторы: они ставят на сцене, придумывают объект или событие. Они его “переинтерпретируют” – в крайнем случае, они его обдуманно конструируют», – замечает Ж. Бодрийяр. И несколько ниже продолжает: «Как в некоторых лабораториях осуществляется искусственный синтез молекул, так и здесь осуществляется «искусственный синтез» истины, исходя из эффективного слова. «Персил стирает чище» – это не фраза, это дискурс Персил» (Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 165, 167). Французский автор, однако, не прав, когда он на этом основании делает вывод, что реклама – миф, что рекламные синтагмы «не предлагают смыслы», они «не истинны и не ложны» (Там же. С. 167). Если в рамках постмодернистской методологии (где нет критерия Истины) «Персил стирает чище» – это не истина и не ложь, а дискурс, то с политэкономической точки зрения это – в определенной мере (мы о ней писали выше) ложь, искусственно созданный симулякр потребительной стоимости одного из стиральных порошков. →

С точки зрения творческой компоненты деятельности этого «креативщика» он не отличим от любого другого творца. С точки зрения рыночного эффекта он если и отличим от другого творца, то только тем, что получает гораздо больший гонорар. Отличие «прячется» исключительно в тонкой материи – *культурно-смысловом содержании творчества*. Именно здесь и происходит подмена, которую не могли не заметить практически все чуткие к культуре авторы (и Бодрийяр среди них), – *подмена культурных содержаний-смыслов рыночными соблазнами-симулякрами*.

Это различие принципиально важно. В самом деле, если на современном рынке используется труд творческого работника, создающего культурные ценности, то тем самым в рыночный оборот вовлекаются блага, имеющие своей субстанцией всеобщий общественный труд. Этот труд не создает стоимости *товаров*, но он создает действительное общественное богатство, реальные потребительные стоимости. И это богатство может получить и получает в условиях тотального господства рынка определенную оценку. Творческий труд и его результат имеют цену, для которой имеются связанные с трудом основания.

В случае же использования творческого работника для создания симулятивного блага и/или симулятивной потребности складывается принципиально иная ситуация. Здесь труд «креативщика» (авторы намеренно заменили в данном случае понятие «креатор» на позаимствованный из рекламного бизнеса термин «креативщик») не создает всеобщего культурного богатства. И потому последнее не может расцениваться как пусть косвенная, но субстанция цены *s-товара*. И в этом отличие труда «креативщика» от деятельности творца, создающего культурную ценность (произведение искусства, новый научный продукт и т.п.). В основании цены последней лежит всеобщий труд, получивший [косвенную] рыночную оценку. В первом же случае труд креативщика не создает культурное богатство, и потому в основании цены товара-симулякра лежат описанные выше манипулятивные воздействия на потребителя (заказчика) со стороны корпоративного капитала. Осуществляемые же рекламными фирмами «привязки» расценок на рекламную продукцию к тем или иным издержкам не более чем часть такого манипулирования...

Удвоение фетишизации: рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма

Анализ рынка симулякров как особого вида товарных отношений, характерных для позднего капитализма, останется не полным, если не

← Механизм, правила и т.п. такой деятельности описаны в романе французского писателя *Фредерика Бегбедера «99 франков»* (М., 2002). Название совпадает с ценой книги во французских магазинах. В чем-то сходные идеи можно найти в книге *Виктора Пелевина «Generation „П“»* (М., 1999), в которой писатель характеризует «поколение Пепси».

обратимся к проблеме новых аспектов фетишизации общественных отношений, «удваивающих» и без того фетишизированной реальность товарного мира.

В результате вообще присущий товарному производству фетишизм¹ получает новое качество, достигая апогея: *фетишем становится даже не товар как псевдосубъект, а его знак*. То же касается денег, которые удваивают свой отрыв от золотой основы – электронные деньги как знак бумажного заместителя золота². И в этом мире вынуждены жить даже те, кто не имеет никакого отношения к методологии постмодернизма и не любит постмодернистское искусство³. В культуре эти наваждения еще более значимы⁴. Они стирают грань бытия и его отражения,

¹ Ф. Джеймисон прямо связывает мир симулякров с обществом, где меновая стоимость генерализирует все общественное бытие (см.: *Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991. P. 18).

² «Это, конечно, заставляет нас полностью пересмотреть традиционную марксистскую проблему “овеществления” и “товарного фетишизма”, поскольку эта проблема по-прежнему основывается на представлении о фетише как о целостном объекте, неизменное присутствие которого маскирует его социальную опосредованность. Парадоксальным образом фетишизм достигает пика своего развития именно тогда, когда сам фетиш “дематериализуется”, превращается в изменчивую “бесплотную” виртуальную сущность; денежный фетишизм достигает своей кульминации с переходом денег к электронной форме, когда исчезнут последние следы их материальности – электронные деньги представляют собой третью форму после “настоящих” денег, которые олицетворяют собственную стоимость (золото, серебро), и бумажных денег, которые, хотя и являются “всего лишь знаком”, лишенным внутренне присущей ему стоимости, все еще существуют в материальной форме. И только на том этапе, когда деньги станут виртуальной точкой референции, они примут форму нерушимого призрачного присутствия» (*Жижек С. 13 опытов о Ленине. С. 162–163*). Авторам также довелось специально акцентировать виртуальность как отличительную черту денег капитализма новой эпохи (см. часть II нашей книги «Глобальный капитал» [М., 2004, 2007]).

³ «Я постарался провести различие между постмодернизмом и постмодерном, и, если взглянуть с достаточного расстояния, станет ясно, что между ними существует четкая граница. В конце концов, сегодня есть много тех, кто не любит постмодернистское искусство, отвергает постмодернистское отношение к культуре и обществу. Тем не менее, нравится им это или нет, они живут в мире массмедиа, виртуальных денег и гиперреальной рекламы» (*Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 45*).

⁴ Как отмечает Л.А. Булавка, отсутствие определенности как качественной характеристики постмодернизма и определяет виртуальность его бытия, дискурс как бы культуры. Здесь название объекта доминирует над его реальностью: «Постмодернизм же является тем типом культуры, которая остается «не нареченной», без имени... Это обстоятельство – не просто изъян, но «ахиллесова пята» постмодернизма» (*Булавка Л.А. Российский постмодернизм →*

превращая реальность в воплощение телевизионных образов (то, что не показали по ТВ, не существует), стирая грань культуры и антикультуры, превращая все в коллапс «всякого-любого»¹.

Этот феномен «удвоения фетишизма» далеко не прост, хотя названные выше примеры у всех на виду. Напомним читателю, что свой анализ товарных отношений в 1-й главе I тома «Капитала» Маркс неслучайно завершает рассмотрением товарного фетишизма, показывая, что в мир, формой которого является рынок, наполнен мороками. Его обитателям кажется, что экономика – это движение вещей (товаров, денег), а не отношения людей. Им кажется, что, соответственно, изучать экономисты должны только то, что можно сосчитать, причем сосчитать именно в денежной форме, выражающей стоимость товаров. Им (нам?) кажется, что человек ценится по тому, сколько он стоит: во сколько может быть оценена его недвижимость и акции, которыми он владеет, его талант и его почки (одну из них можно недешево продать, если вы молоды и здоровы)... Паразитирующий на сырьевых ресурсах миллионер – это «круто», а получающий 300 долларов в месяц сельский учитель – это «лузер». Мир рынка превращает деньги и товары в фетиши. И эта видимость действительных общественных отношений правит миром рынка. Правит нами – его агентами (во всяком случае, в той мере, в какой мы живем по правилам, нам этим миром навязанным).

Впрочем, об этом мы уже писали.

Рынок симулякров, как мы вкратце упомянули там же, удваивает эту фетишизацию. Если на «обычном» рынке фетишизм создается стоимостной формой бытия продуктов и труда, то на рынке симулякров появляется знак *фетиша* (товара, денег). Этим знаком и становится симулякр. В результате на рынках s-товаров Человек подчиняется уже не деньгам и товарам, а искусственно созданным знакам, симулирующим то, что за ними (этими знаками-симулякрами) скрыта стоимость.

← как результат эволюции противоречий советской культуры // Языки культуры. Взаимодействия. М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. С. 201).

¹ Интересно, что А. Кроузер проводит параллель между телевидением и постмодернистской ситуацией, говоря, что не телевидение сегодня является отражением жизни, а жизнь есть отражение телевидения: «...телевидение усугубляет эту становящуюся коллажностью сознания, создает эффект привыкания к совмещению несовместимого. Все годится и все сочетается. Высокая классика и рекламный ролик. Своеобразный триумф феномена “всякого-любого”. Коллажность, фрагментарность сознания и культуры, игра смыслами, образами становится нормой. Все не просто имеет право на существование, а мирно уживается рядом друг с другом, не сливаясь, однако, в единое целое, оставаясь самостоятельными фрагментами. ... Лиотар пишет, что эклектизм есть «нулевая ступень всеобщей культуры наших дней»... И дальше: «Эклектичным творениям легко найти себе публику» (Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003. С. 96–97, 98).

Пройдем по этой цепочке еще раз.

Фетишизация «первого уровня»: нам кажется, что экономика рынок, который есть движение товаров и денег, а не отношения между людьми по поводу особого рода – товарного – производства. Нам кажется, что человек ценен настолько, насколько он представлен товарами и деньгами. Это фетишизация, морок, видимость, но это (повторим) объективная видимость. В условиях рынка людей действительно оценивают по деньгам, а не по нравственным, эстетическим интеллектуальным и т.п. качествам.

Над этим в условиях рынка симулякров надстраивается фетишизация «второго уровня». Фетишем, правящим миром и людьми, становится символ, знак товара и/или денег, симулирующий то, что он и есть содержание – реальная стоимость, богатство. Бренд симулирует (не на 100%, а в определенной мере, о чем мы упоминали выше), что он и есть самое главное в товаре (который, в свою очередь, и есть самое главное в его обладателе), что он – бренд – и есть алкаемая потребителем ценность (апофеозом этой фетишизации становится вынесение «лейблов» на самые видные места престижной одежды или символическое приобщение к симулятивным благам типа престижного фитнес-центра, СПА-салона, ночного клуба). Ценная бумага инвестиционного фонда симулирует то, что она и есть самый эффективный способ размещения денег, самое выгодное вложение, т.е. «самый капиталистический» капитал (и это удвоение фетишизации, создаваемой самим капиталом, который создает видимость того, что погоня за максимумом прибыли есть наиболее прогрессивный способ развития).

Эти удвоения фетишей требуют и «удвоения» критики: к «старым» лозунгам «Мир – не товар!», «Люди, а не прибыль!», сегодня можно было бы добавить «**Ценности, а не симулякры!**». Человек, который сегодня хочет выйти из мира этих фетишей и мороков, должен понять, что действительные ценности, обеспечивающие прогресс человеческих качеств, решение социальных и экологических задач, – это не симулирующие действительные блага лейблы «сбрендившей» системы, и даже не скрытые за этими симулякрами денежные и товарные фетиши, а реальные дела и поступки социально ответственного Человека...

* * *

Возникновение и развитие рынка симулякров является, однако, не более чем одним из свидетельств глобальных изменений, характеризующих начало нелинейной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», начало движения к качественно новому миру, лежащему «по ту сторону собственно материального производства» и названному нами креатосферой. Эти трансформации идут сугубо нелинейно и противоречиво. И эти противоречия между уходящим в прошлое рынком и возникающей креатосферой, равно как и противоречия самого рынка в условиях генезиса креатосферы, требуют своего исследования.

Продолжение исследования трансформаций, которые претерпевают содержание и форма товарных отношений в условиях позднего капитализма, предполагает обращение к проблеме контекста того «заката», который, как мы постарались показать, переживает данная система производственных отношений. А этим контекстом является – и это специфика подхода критического марксизма – более широкий процесс «заката» общественной экономической формации, о котором как о контексте всех настоящих процессов мы постоянно напоминаем в этой книге, продолжая настаивать на положениях, которые вот уже более 30 лет аргументируют авторы этих строк, естественно соотнося свои разработки с исследованиями ряда уже не раз упоминавшихся коллег.

При таком взгляде вопрос ставится в несколько иную, нежели в предшествующих разделах, плоскость, обнажая как минимум две проблемы: совместимы ли новое качество технологий, ресурсов, человека, которые они обретают в условиях генезиса креатосферы, с одной стороны, и рынок – с другой? и если да, то как?

Первый вопрос в рамках неоклассического взгляда на экономику не стоит вообще: эти исследователи позитивно (некритически) констатируют, что информация и знания в современной экономике продаются и покупаются, причем со все большим энтузиазмом, и на этом ставят точку. Для марксиста же здесь есть проблема: теоретически обособленность производителей, частный труд не совместимы с всеобщностью деятельности, имеющей творческое содержание. Последнее для нас – достаточное теоретическое основание для того, чтобы сказать: рынок и креатосфера – «две вещи несовместные». Однако современный капитализм – это мир, где продаются не только рукописи, но и вдохновенья. Следовательно?

Следовательно, возможны два решения: либо теория ошибочна, либо «ошибочна» практика, которая идет по пути генерирования превратных (маскирующих и деформирующих новое содержание) форм для соединения неадекватных друг другу начал творчества и рынка.

(В скобках напомним: последнее не есть некий неожиданный методологический «выверт», придуманный авторами для выхода из тупика «марксистских догм»; в первом томе, рассматривая «новую» диалектику, в частности проблемы взаимодействия производительных сил и производственных отношений в условиях трансформаций экономических систем, мы показали, что «закат» старой системы может порождать феномены превратных социально-экономических форм использования новых технологий, принципиально переросших эту систему производственных отношений; примеры таких форм хорошо известны: так, в истории «заката» феодализма такими формами были крепостные фабрики, где новые для того времени – индустриальные – производительные

силы «приводились в действие» при помощи старой социально-экономической системы отношений – крепостничества.)

Тем самым перед нами стоит двоякая задача: во-первых, показать противоположность мира креатосферы и отношений товарного производства и, во-вторых, раскрыть те превратные формы, которые «надевает» рынок» на возникающие ростки креатосферы. Последнюю задачу (в частности, проблемы рынков информационных товаров и симулякров) мы будем решать во втором подразделе данной главы, а сейчас рассмотрим первую проблему.

Исходным пунктом нашего исследования, естественно, станет задающая системное качество противоречие мира товарного производства – противоречие обособленности производителей и общественно-го разделения труда как двух единых и противоположных атрибутов товара.

Креатосфера: свобода как снятие обособленности производителей и их подчинения рынку

В марксистской литературе вынесенная в заголовок этого подраздела проблема традиционно связывается со снятием отношений товарного производства в связи с развитием «царства свободы»¹. Но снятие

¹ Проблема будущего общества (социализма) как нерыночной социально-экономической системы имеет очень давнюю историю. Что касается западных марксистов, то ее обзор можно найти в книге одного из наиболее сильных теоретиков этого направления – Э. Мандела (см.: *Мандел Э. Власть и деньги. М.: Экономическая демократия, 1992*). Что касается ученых СССР, то здесь спор «рыночников» и «нерыночников» имеет очень долгую историю. Авторы (и это намеренно следует повторить) выросли в рамках последнего направления, одним из выдающихся представителей которого был Н.В. Хессин (см.: *Хессин Н. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968*). В работах наших учителей в большинстве случаев снятие рынка рассматривалось как процесс, обусловленный прежде всего обобществлением производства. Идея же нерыночного характера не социалистического, а будущего коммунистического труда (всеобщего и автоматизированного, преодолевающего разделение труда) казалась очевидной, прописанной даже в учебниках и энциклопедиях (см., например: *Батищев Г.С. Коммунистический труд // Философская энциклопедия. В 5 тт. / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970*). Авторы тоже отдали дань этой традиции, написав объемистую рукопись «После рынка» (она была подготовлена к печати в издательстве «Экономика» в 1990 году, но после путча 1991 года не смогла увидеть свет), в которой постарались показать, как формальное и реальное обобществление, а затем формальное и реальное (базирующееся на господстве творческой деятельности) освобождение труда позволяют снять товарные отношения (частично первоначальный вариант этих идей был отображен в наших книгах: *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Плановость в системе экономических отношений социализма. М., 1983* и *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных →*

товарных отношений – это проблема, которая отражает лишь финальную стадию эволюции социально-экономических форм распределения ресурсов. Исходным же пунктом генезиса отношений координации были дорыночные отношения, основанные на натуральном хозяйстве и дополняемые отношениями волевого распределения и перераспределения (аллокации) ресурсов. К числу последних относились такие формы прямого насилия, как войны (от крестовых походов до грабежа соседнего княжества), а также различные механизмы иерархического принуждения. Более того, натуральное хозяйство также предполагало и предполагает специфический обмен деятельностью и соединение производителя с потребителем, причем механизм этого взаимодействия, как правило, регулируется традицией, т.е. во многом доэкономическими отношениями.

Мы упоминаем эти механизмы потому, что выше проблема была поставлена в контекст «заката» всей системы отношений «царства необходимости», а не только капитализма. Поскольку же «царство свободы» лежит «по ту сторону» не только рынка, но и всех форм отчужденных отношений, в том числе всех форм отчужденных отношений, регулирующих распределение ресурсов и взаимодействие производителя с потребителем, постольку перед нами встает проблема «заката» не только рынка, но и дорыночных отчужденных форм аллокации ресурсов. Более того, в процессе снятия рыночных отношений возможно вторичное, точнее, реверсивно-повторное (воз)рождение добуржуазных форм координации. Снятие же тех и других механизмов (как дорыночных, так и рыночных) представляет собой немалую теоретическую и практическую проблему¹.

Кроме того, процесс снятия рынка может порождать мутантные, превратные формы возникающих новых пострыночных отношений (именно такими, на наш взгляд, были отношения так называемого бюрократического планирования и регулирования в «командной» экономике). Данная глава – не место для их анализа². Наша же задача сейчас – посмотреть, что именно и как снимается и что именно приходит на смену экономическим отношениям, определяющим форму связи производителей и потребителей, распределение ресурсов, пропорции и т.п.

← интересов. М., 1985). Краткое резюме нашей позиции по этому вопросу можно найти также в статье: *Бузгалин А. Десять тезисов о рыночном социализме // Альтернативы. 2000. № 4*).

¹ Мы постарались дать ее краткую интерпретацию в работе: *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: ТЕИС, 2003.*

² Авторы посвятили этому немало специальных работ, в том числе брошюру: *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма (М.: Знание, 1988)*, где достаточно подробно рассмотрены эти феномены.

Ключом к решению этих проблем послужит следующий тезис: *независимые от человека, неподвластные ассоциированным, объединенным индивидам распределение ресурсов, поддержание пропорций, определение затрат труда* и так далее должны уступить и уступают место *сознательному ассоциированному регулированию этих процессов*.

Данная точка зрения является более чем спорной, но она имеет определенные основания. Они уже были суммированы авторами в предыдущем томе, где мы аргументировали правомерность выделения пострыночных экономических отношений. Напомним ключевые тезисы этого текста.

Аргумент первый. На протяжении последнего столетия в экономике развитых стран и, позднее, мировой экономике в целом, присутствует тенденция *нелинейной тенденции к возрастанию роли сознательного регулирования экономической жизни*. Подчеркнем: эта тенденция (1) является принципиально нелинейной, но при этом (2) она есть, что показывает динамика даже такой либеральной экономики, как североамериканская (см. таблицу 1.1).

таблица 1.1

	государственные расходы к ВВП (США)							
	1929	1935	1939	1950	1960	1980	2007	2012
Государственные расходы (млрд дол)	8,4	11,8	15,1	63,9	131,2	879,5	4541,8	5621,6
ВВП (млрд дол)	104,6	74,3	93,5	300,2	543,3	2 862,5	14 480,3	16 244,6
Отношение государственных расходов к ВВП (%)	8,03	15,88	16,15	21,29	24,15	30,72	31,37	34,61

Источник: Bureau of economic analysis www.bea.gov, World bank, <http://data.worldbank.org/>

Хорошо известно, что в последние десятилетия XX и в начале XXI века наблюдалось скорее отступление от предшествующей линии возрастания сознательного регулирования, продолжавшееся вплоть до Мирового экономического кризиса, который ознаменовал новый перелом и начало новой волны активного включения государства в экономическую жизнь. Более того, это отступление было далеко не абсолютно. Имеющий сегодня место своеобразный «ренессанс» рынка (он связан с определенными причинами, о которых мы размышляли выше) отнюдь не перечеркивает то, что в экономике практически всех стран (а особенно развитых) на протяжении XX века сложилась *система разнообразных механизмов, обеспечивающих сознательное воздействие на экономику*. Напомним и

о них, кратко суммировав выводы раздела первого тома, посвященные генезису пострыночных отношений.

Во-первых, в условиях позднего капитализма сложился блок достаточно жестких социальных, экологических и гуманитарных нормативов, которые ограничивают рыночные отношения и касаются качества продукции, параметров деятельности и условий использования рабочей силы, природной среды и т.п. Рыночные отношения ныне действуют лишь в рамках определенных, сознательно сформированных «коридоров» ограничений.

Во-вторых, существует система сознательного регулирования экономики со стороны государств и наднациональных институтов, а также муниципальных органов, которые формируют программы, планы, другие механизмы сознательного воздействия на экономическую жизнь (от антимонопольного регулирования до стратегических программ структурной перестройки или развития определенных секторов экономики). Это воздействие носит косвенный характер, но по ряду параметров оно оказывает влияние на экономику отнюдь не меньшее, чем рыночная конкуренция.

В-третьих, крупнейшие корпорации на протяжении последнего столетия доказали свою способность косвенно, частично, локально, но мощно регулировать и контролировать определенные сегменты рынка (последнее особенно характерно для деятельности ТНК в ряде развивающихся стран). Антимонопольное же регулирование (1) само является сознательным воздействием на рынок и (2) лишь ограничивает (но не устраняет полностью) влияние ТНК.

Наконец, *в-четвертых*, весьма значительными являются (1) объем экономических ресурсов и (2) часть пропорций на внутрифирменном (так называемом «микро») уровне, которые сегодня также являются объектом сознательного регулирования. При этом понятие «микроуровень» в ряде случаев достаточно условно: «внутренние» экономические отношения крупнейших транснациональных корпораций регулируют объем производственной деятельности и, соответственно, обмена этой деятельностью, распределение ресурсов, пропорций и так далее в масштабах многих сотен миллиардов долларов и сопоставимы с масштабами небольших государств. В таких корпорациях существует система отношений сознательного регулирования и планирования, которая предполагает наличие (1) внутренних нормативов, (2) трансфертных цен, (3) механизмов сознательного распределения ресурсов, (4) единой системы управления (степень ее централизации – второй вопрос; тезис о самостоятельности звеньев как атрибуте сознательного регулирования был давно обоснован¹), (4) формирования контингента ме-

¹ Этот тезис развивался в работах Н.А. Цаголова, В.Н. Черковца, Э.П. Дунаева, В.В. Куликова и др. Особо хотелось бы в этой связи вновь выделить →

неджеров и «профессионалов» вплоть до целостной стратегии работы с персоналом, включающей определенную идеологию, культуру и традиции фирмы.

Но мы не будем увлекаться: в данном случае задачей было лишь упоминание о том, что сознательное регулирование является одной из тенденций, которые характерны для сегодняшнего мира, где конкуренция во многом ограничена.

В то же время главные проблемы в исследовании процессов снятия рыночных отношений в результате развития креатосферы лежат «по ту сторону» традиционных экономических вопросов соотношения плана и рынка¹. Речь пойдет о более масштабных закономерностях.

Начнем рассмотрение проблем снятия рынка, взяв за основу аксиоматику неоклассики, представленную в различных курсах *econometrics*, и тем самым вновь обратимся к предмету, рассматривавшемуся в тексте, посвященном пределам неоклассики. Этот повтор будет намеренным, ибо разный контекст по-новому высветит некоторые важные акценты. Кроме того, не хотелось бы заставлять читателя возвращаться назад для того, чтобы увидеть обоснование принципиально важных для нас выводов.

Рынок и креатосфера: взгляд сквозь призму econometrics

Econometrics уже давно сталкивается с тем, что снятие материального производства (даже в таких превратных формах, как развитие информационного общества, и так далее) «бросает вызов» многим аксиомам, на которых построена эта теория. В то же время для *econometrics* характерно игнорирование этой проблемы как *вызова*: все эти феномены

← работы Н.В. Хессина, который одним из первых и наиболее тщательно обосновал этот тезис. Позиция авторов по этому вопросу отражена в нашей книге «Реализация общенародных интересов» (М., 1985) и книге Бузгалина «Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве» (М., 1988).

¹ Заметим: во второй половине 1990-х годов на эту проблему вновь обратили пристальное внимание В. Л. Иноземцев и О. Н. Антипина, сосредоточившись преимущественно на анализе «деструкции стоимости (см.: Антипина О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5, 6, 7), и обратили вполне заслуженно, хотя и без соотнесения с существовавшей задолго до них критической советской традицией. При этом, на наш взгляд, эти авторы неправомерно и без достаточно глубокого обоснования «забывают» о тренде снятия рыночных отношений по мере роста обобществления. Последний процесс, в строгом смысле слова, характерен – здесь нет оснований для дискуссий – для индустриального производства. Но, во-первых, последнее было и остается основой экономики большей части человечества и, во-вторых, обобществление не исчезает по мере развития постиндустриальных технологий, а снимается в более сложном феномене, предсказанном еще К. Марксом, назвавшим его «всеобщим трудом».

трактуются в большинстве случаев лишь как новые экстерналии, внешние факторы, которые не характерны для собственно экономической материи, для рыночных отношений¹.

Последнее само по себе верно. И если бы при этом признавалось, что рынок, как таковой, под влиянием этих процессов уходит в прошлое, не было бы и оснований для полемики.

Однако реакция большинства ученых, принадлежащих к этому направлению, оказывается обратной: для них, как известно, характерен своего рода «экономический (если не сказать – «economics'овский») империализм». Они искренне принимают перенесенные рыночной средой на постэкономический мир превратные формы за сущность, воспринимают их как естественно-вечный (точнее, вневременной, ибо историзм в их научном методе отсутствует практически полностью) феномен и не видят проблемы. Генезис информационного общества, по их мнению, лишь несколько «усложняет», но не отрицает фундаментальных закономерностей рыночной системы.

Между тем этот «вызов» существует.

Дело в том, что *мир креатосферы отрицает ключевые аксиомы economics*, а экономическая теория, принадлежащая к mainstream, этот вызов не принимает².

Первый блок проблем, связанных с этим «вызовом». Общеизвестно, что в основе теории микроэкономики лежит понимание ресурсов как ограниченных, массовидных, а потребностей как безграничных. Между тем именно здесь происходят существенные изменения. В самом деле, каким образом может строиться взаимодействие экономических агентов, какой вид приобретут параметры спроса и предложения, если ресурсы окажутся «непотребляемыми», неуничтожимыми; если они будут носить всеобщий характер; если при этом целый ряд ресурсов (а именно ключевые – человеческие и природные – ресурсы) окажутся невозпроизводимы и абсолютно ограниченными в силу своей уникальности, что обуславливает отношение к ним не как товарам, а как к неотчуждаемым общечеловеческим культурным ценностям?

¹ В ряде случаев феномены, связанные с рождением постиндустриального, информационного общества, могут рассматриваться как аналогичные другим общественным благам.

² В сборнике «Социум XXI века» имеется материал О. Антипиной, в котором содержится немало отсылок к западным работам, подтверждающим приводимые тезисы (Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. Колганова А.И. М.: ТЕИС, 1998. С. 74—90). Еще больше их можно найти в последних публикациях этого автора: (см., например: *Антипина О.Н.* Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009; *Антипина О.Н., Вереникин А.О.* О чем спорят экономисты? // Вестник Института экономики РАН. № 1. 2013).

Ответ неоклассической теории в данном случае известен и на принципиальном уровне прост: такие ресурсы должны либо выступать как общественные блага, либо их надо превратить в ограниченные и потребляемые, т.е. «нормальные» частные блага. Соответственно, в рамках ортодоксальной, тяготеющей к право-либеральному тренду теоретической постановке роль первых должна быть сведена к минимуму, а спецификация прав собственности на вторые должна быть максимально полной. Такая постановка предполагает, следовательно, максимально полное, широкое и скрупулезное распространение интеллектуальной частной собственности на все возможные и невозможные области креатосферы.

В рамках неоклассики, в большей мере тяготеющей к левому идейному полю, неявно признается, что все большее распространение мира культуры (даже если мы рассматриваем его уже и в превратной форме, как мир информации) делает малопродуктивным рассмотрение благ как ограниченных, частных, а потребностей как безграничных и представленных только платежеспособным спросом, что создает предпосылки для появления нового поля исследования – процессов создания, распределения и «потребления» (точнее, как уже не раз отмечалось, распредемечивания) общественных благ или (здесь присутствует некоторая доля условности) «экономики общественных благ» (но не экономики общественного сектора; подробнее об экономике общественных благ как теоретической проблеме – ниже).

Второй блок. Распространение уникальных ресурсов (в частности, превращение биогеоценозов в уникальные ценности) не позволяет строить отношения конкуренции на основе простого соотношения спроса и предложения. Скорее, для всякого уникального ресурса будет характерен механизм, напоминающий естественную монополию, где существуют абсолютные ограничения, а неповторимость ресурса не просто накладывает определенный отпечаток на конкуренцию (что показано в современных версиях есоpomics), а делает ее вообще антисоциальным феноменом (типа продажи уникальных произведений искусства в частные руки на аукционах). Невозможность воспроизводства данного предмета, невозможность свободного вхождения в эту сферу других агентов – все это можно, конечно же, интерпретировать как лишь некоторую модификацию рынка. Но вот вопрос: не есть ли это тот редукционизм, который приводит к игнорированию (или, в лучшем случае, камуфлированию) нового содержания? Автомашину можно представить в виде нового типа телеги, но поможет ли такая «научная» квалификация развитию автомобильного транспорта? Пока автомобили оставались исключением, а телеги были правилом, для адептов гужевого транспорта такая «наука» была полезна и выгодна, но для Генри Форда она бы оказалась уже как минимум бесполезна.

Так и с миром уникальных и одновременно всеобщих благ: пока они были исключением и использовались как некоторый «странный»

объект частной собственности (автомобиль, согласитесь, это ведь не несколько *странная* телега), их создание и распределение (потребление) как товаров было явлением возможным, хотя и вредным (в самом деле, нахождение в частной собственности уникальных произведений искусства или биогеоценозов, научных открытий и т.п. есть, как мы показали ранее, антисоциальный феномен). Но когда деятельность, определяющая векторы и качество развития человечества, становится ничем иным, как опредмечиванием уникального творческого потенциала уникальной личности, создающей уникальный результат, который может быть без ограничений использоваться каждым, тогда исключение становится правилом, а перед исследователем встает новая проблема. Это проблема поиска пострыночного способа аллокации уникальных и одновременно всеобщих ресурсов. В этих условиях исходная аксиома *нового есоnomics* должна звучать так: *это наука о создании и использовании уникальных всеобщих (неограниченных) благ с целью обеспечения эко-социо-гуманитарного прогресса.*

(Боишься, что Маршалл и Самуэльсон восстанут из гроба, дабы наказать за кощунство авторов последнего утверждения.)

Итак, по всем названным параметрам экономическая теория, лежащая в рамках *mainstream*, по-видимому, должна либо переосмыслить свою аксиоматику, либо...

Либо найти возможность решения проблем развития рынка, соблюдая старые аксиомы, но при этом принимая во внимание новое качество ресурсов и потребностей.

Последнее, как мы уже заметили, ей удастся, причем без особых трудностей, ибо это решение уже «нашла» практика. Оно просто как колумбово яйцо: современный рынок «просто» превращает всеобщие уникальные блага в частные при помощи простейшей формы – *частной интеллектуальной собственности*. Но это решение принадлежит к тому типу неталантливо-ретроградных шагов, которые загоняют систему на старую дорогу реверсивного движения к прошлому. На старой смоленской дороге поражение ждет даже наполеонов...

(Впрочем, в социальных сферах победы Истины, Добра и Красоты часто приходится ждать гораздо долее, нежели в случае войн как таковых. Да и Добро от Зла здесь отличить гораздо труднее...)

Третий блок проблем. Едва ли не самый главный «вызов» *есоnomics*'у связан с изменением параметров поведения человека, его ценностей и мотивации. Неоклассическая экономическая теория в основе своей исходит из понимания человека как *homo есоnomicus*, а рациональность его поведения (после некоторого рода манипуляций с идеей максимизации полезного эффекта) сводится к максимизации стоимостного, денежного дохода при минимизации затрат ресурсов, прежде всего труда. При этом подразумевается, что мотивация может быть шире, что человек может преследовать, ориентироваться не только на стоимостные цен-

ности, но в практическом приложении, при анализе рыночных процессов, основные ценности и мотивы так или иначе сводятся к узкоэкономическим, к измеряемым деньгам.

Между тем рождение мира культуры, лежащего «по ту сторону материального производства», и превращение репродуктивного труда в творческую деятельность, с одной стороны, качественным образом изменяют параметры мотивации, превращая саму деятельность как таковую, сам процесс созидания в стимул, мотив и результат труда. С другой стороны, сами потребности оказываются ограничены, ибо их удовлетворение всякий раз оказывается связано с необходимостью затраты времени, труда, энергии на сам процесс «потребления», который в данном случае выступает как распределение (ограничимся только одним примером: удовлетворение основной потребности ученого – в новом знании – есть самый сложный труд).

Заметим: и здесь в последние десятилетия неоклассическая теория сумела «открыть» (едва ли не столетие спустя после марксизма) наличие у индивидов долгосрочной альтруистической мотивации: стремление человека не только к максимуму денег и минимуму труда, но и к счастью, солидарности и т.п. (мы об этом уже писали в I томе). Но это «открытие», к сожалению, мало что изменило. Поглощенные неоклассической методологией авторы и качественно новый тип деятельности качественно новых людей, преследующих качественно иные, нежели максимизация денежного дохода, цели пытаются анализировать исключительно с точки зрения построения моделей оптимизации их решений, применяя старые подходы к решению качественно новых проблем и получая в результате весьма плоское отражение некоторых рыночноподобных «закономерностей» функционирования участников социальных движений, НПО, добровольческой деятельности и т.п., но игнорируя новое качество их бытия.

Четвертый блок проблем. Еще одним «вызовом» аксиомам есоnотіcs становится вопрос о собственном содержании благ, создаваемых в процессе творческой деятельности. Если мы их рассматриваем как элемент культуры (а вещь, в которой воплощена эта культурная ценность, есть всего лишь тиражируемый материальный носитель, но не как главный результат труда), то в этом случае стоимостная оценка (механизмы рыночного формирования которой, собственно, и описывает есоnотіcs) оказывается применимой лишь к материальному носителю собственно культурной ценности. Что же касается «вклада» собственно творческой компоненты, то последний оценивается исключительно по его рыночному эффекту – с точки зрения той прибыли (большого дохода), которую может принести его использование на рынке. Это решение есоnотіcs столь же «естественно» для него (он как всегда позитивно-некритически отражает практику тотального рынка), сколь и реверсивно-банально. Для плотника микроскоп есть несколько странный молоток. Для агента рынка

и его ученого адепта полотно Рембрандта есть выгодная инвестиция, университетское образование – способ заработать на дорогой автомобиль, справедливость – средство предотвратить обострение социальных противоречий и тем самым обеспечить стабильность институтов и низкие транзакционные издержки...

Эту практическую и теоретическую инверсию целей и средств человеческого развития можно было бы считать даже полезной (университеты никто не закрывает, профсоюзы в странах «золотого миллиарда» никто [пока?] не запрещает), если бы не один «нюанс»: *общая тенденция превращения креатосферы в превратный сектор, а социального творчества – в предпринимательство*. В результате университеты все больше становятся более или менее выгодными инвестиционными проектами, нацеленными на максимизацию прибыли, и готовят по преимуществу профессиональных финансовых спекулянтов, пиарщиков, юристов и все меньше учителей и рекреаторов общества и природы; круг ориентированных на обслуживание бизнеса «профессионалов» от науки и искусства расширяется, а общедоступные культура и образование сокращаются; масскультура и идейное манипулирование доминируют, а низовая демократия и подлинное искусство обречены на маргинальность...

Вернемся к теории. За этими видимыми проблемами скрывается невидимая вооруженным (не вооруженным категориальным аппаратом диалектической логики, позволяющей различать сущность и видимость, развитие и реверсивную инволюцию) взглядом проблема адекватного социофилософского и политико-экономического отображения новой природы творческой деятельности и созидаемого ей всеобщего богатства, имеющего прежде всего культурное, а не рыночное значение. Иными словами, *Прогресс креатосферы, собственное содержание всеобщих [культурных] благ предполагают, что экономическое (не рыночное, а экономическое – имеющее значение для эффективного развития производства человеческих качеств и технологий) значение последних должно определяться, исходя из вклада в развитие мира культуры*. Последнее, в частности, означает, что параметры образования должны задаваться задачами прогресса человеческих качеств и общества, а не конъюнктурой рынка рабочей силы, что так же должны формироваться сферы искусства, рекреации общества и природы.

Это переворот не меньшего масштаба, чем трансформация средневекового мира, где параметры производства (сельскохозяйственного, ремесленного и т.п.) и торговли определялись исходя из их ценности для пьянок, дуэлей и кутежей сеньора, к миру нового времени, где максимизация денег есть высшая цель, определяющая ценность человека и его возможность получать иные удовольствия. Для первого деньги не есть ценность – они лишь одно из (причем наименее достойных – грабеж и война есть дело не в пример более благородное) средств упрочения своего статуса в иерархии. Для второго – они самоценность.

Так же и переход от мира товарного производства к «царству свободы» и миру креатосферы. Для последнего измерение ценности произведения творческой деятельности и ее самой рыночным эффектом от их продажи есть примерно то же, что для буржуа – измерение эффективности промышленного производства древностью рода, количеством выпитого на пиру вина и успехами на дуэлях.

Впрочем, эти примеры – не более чем иллюстрация неадекватности рыночных измерителей для мира креатосферы.

В качестве небольшой, но важной с точки зрения авторов ремарки заметим: определение феноменов креатосферы как *общественных благ* создает объективное основание для рассмотрения мира культуры как всего лишь некоторого исключения из правил рынка; мы же рассматриваем мир, где эти исключения становятся правилом: *лежащая «по ту сторону собственно материального производства» «экономика» «царства свободы» рассматривает ограниченные ресурсы и рынок как некоторые «провалы» «экономики общественных благ»* (авторы здесь нарочито используют не слишком адекватный для данного материала язык есономіcs).

Более того, определение в качестве общественных благ применимо лишь по отношению к весьма ограниченному кругу предметов мира культуры (большая часть последних в аксиоматике есономіcs к таковым благам не относится, ибо в этой парадигме проблема решается предельно просто: все, что продается, общественным благом не является, и задачей является создание таких условий, в которых как можно более широкий круг благ подлежал бы продаже, независимо от их собственного содержания: *Everything for Sale!* – таков лозунг неолиберализма; *World is not for Sale!* – говорит оппозиция). В свою очередь, купля-продажа культурных благ создает предпосылки для отождествления феноменов мира культуры и материальных продуктов репродуктивного труда как товаров.

В самом деле, на сегодняшнем рынке равно успешно продаются картины великих мастеров и кока-кола, научные открытия и старые ботинки рок-звезды. Здесь возникает типичная для рынка инверсия: кажущееся естественным «простое» применение критериев соотношения спроса и предложения к оценке культурных ценностей представляет собой не более чем превратную, перенесенную форму, неадекватную собственному содержанию последних.

И эта инверсия, повторим, небезопасна: она лишает феномены культуры их собственного, адекватного их природе социального содержания, делая их всего лишь одним из видов товара и /или капитала. Здесь «работают» те же механизмы, что и при продаже чести, совести, любви и т.п. Самое интересное здесь состоит в том, что последние *действительно* продаются в мире рыночных отношений (превратные формы вообще всегда действительны, не выдуманы в мире отчуждения), но это не означает, что именно купля-продажа есть адекватная форма для этих челове-

ческих отношений. Точно так же и с феноменами культуры: их можно продавать, их продают, но это неадекватная их природе (как универсальных, всеобщих, общедоступных благ) социальная форма. Более того, господство этой отчужденной формы не проходит бесследно для культуры: *господство рынка* (особенно в его современных формах, связанных с гегемонией корпоративного капитала) *деформирует развитие культурных процессов*, подчиняя их внешним рамкам и целям, мощно мотивируя превращение подлинной культуры в массовую (или, как ее Alter Ego, «элитарную»)¹.

Продолжая анализ в рамках теорий, принадлежащих к mainstream'у, подчеркнем, что их соединение с *экономической теорией прав собственности* позволяет поставить еще одну проблему, с которой сталкивается (или, по крайней мере, может столкнуться) экономическая теория при переходе к исследованию объектов, лежащих «по ту сторону собственно материального производства». Это *проблема возрастания транзакционных издержек в результате сокращения собственно материального производства и замещения «свободного пространства» не собственно культурной деятельностью, а превратным сектором*. Ведь уже сегодня транзакционные издержки, как отмечают западные исследователи (и как мы отмечали выше), примерно равны издержкам производства.

Это рождает новый блок проблем: экономическая теория рынка все более описывает не собственно материальное производство продуктов и услуг, а механизмы обмена социальных форм, не имеющих материально-вещного содержания, т.е. взаимодействие овещненных социальных форм и институтов с самими собой. В самом деле, что собой представляют различные формы фиктивного капитала (выражаясь марксистским языком) или ценных бумаг (говоря на более привычном экономическом языке)? Что такое рынок финансов, рынок услуг в сфере менеджмента? Что такое услуги, предоставляемые консалтинговыми, аудиторскими, маркетинговыми компаниями, и рынок этих услуг? Что такое услуги, связанные с деятельностью венчурных корпораций? Что такое рынок валют (если мы выходим на международный уровень) и так далее?

Во всех этих случаях мы имеем дело не с товарами как продуктами материального производства, не с феноменами культуры (науки, искусства, образования), а с «вторичными» и «третичными» формами, где социальные «костюмы» товаров (такие как деньги, акции и т.п. феномены, порожденные функционированием фиктивного капитала), становятся

¹ Существенно, что последний блок проблем фактически не воспринимается есопотіс (за исключением, да и то отчасти, экономики информации, образования и культуры, где всякий раз культурные ценности, повторим, сводятся к статусу общественного блага или «обычного» товара, который может быть оценен на основе соотношения спроса и предложения).

объектом купли и продажи. Здесь «работают» многократно трансформированные фундаментальные закономерности рынка (в том числе и те, что описываются *economics*).

Именно здесь все более складываются основные рыночные отношения современного мира, и они подчиняются уже другим закономерностям – не материального производства, а превратного сектора и других сфер, являющихся субститутами того мира культуры, который мог бы развиваться вместо этих превратных форм.

Не менее существенно и то, что развитие современного рынка, связанного преимущественно со сферой транзакций, порождает значительные издержки, связанные с оппортунистическим поведением, получением и использованием информации, спецификацией прав собственности и т.п. Все эти *транзакционные издержки возрастают* в той степени, в какой (1) прогрессирует в силу названных выше причин превратный сектор; (2) деятельность начинает носить творческий и в этом смысле непредсказуемый и нерегулируемый характер; (3) обостряются проблемы использования всеобщих, абсолютно ограниченных ресурсов (например, углубляются экологические проблемы, проблемы обеспечения социальной защиты и так далее)¹.

Во всех этих случаях рынок начинает «работать» не столько на связь производителя и потребителя материальных благ и услуг, связанных с утилитарными потребностями, сколько на самовоспроизводство своих собственных институциональных предпосылок, т.е. на «производство», «потребление» и обслуживание своих собственных превратных форм и институтов. *Рынок превращается в «механизм по обслуживанию [рыночных] механизмов», лежащих в сфере отношений, опосредующих связь производителя и потребителя. И чем в большей степени прогрессирует творческое содержание деятельности и развивается креатосфера (или хотя бы ее превратные формы), тем в большей степени должны возрастать, исходя из стандартной экономической теории, и возрастают*

¹ Надежды на то, что информационные технологии позволят существенно сократить эти издержки, по большому счету не оправдываются. Новый технологический базис, повышая эффективность транзакций, в то же время создает мощный импульс для их дальнейшего роста. Здесь действует механизм, подобный тому, как индустриализация, повышая производительность труда, вызывала не сокращение, но рост производственного капитала. В данном случае повышение производительности труда в сфере транзакций под влиянием информатизации и компьютеризации также провоцирует все больший прилив капитала в эту сферу. Разница лишь в одной «детали»: капитал прошлых столетий развивал производственно-техническую базу и (при всех противоречиях) увеличивал реальное общественное богатство, а капитал в превратном секторе создает лишь фиктивные социально-экономические формы этого богатства и/или фиктивные блага (типа финансовых пузырей, термоядерных вооружений или продуктов массовой культуры).

на самом деле трансакционные издержки и весь сектор, опосредующий самопродуцирование и самовоспроизводство трансакций.

Так начинается разворачиваться дурная бесконечность экстенсивной экономики: трансакции по поводу трансакций по поводу... и т.д. (в чем-то это механизм, подобный экстенсивной экономике бюрократического мира).

Отсюда еще один «вызов» неоклассической экономической теории: *в какой мере можно считать рациональной и эффективной экономическую систему, которая уходит от производства и потребления (не говоря уже о креатосфере) и замыкается на самовоспроизводстве форм, обслуживающих механизмы, институты, превратные формы рыночного взаимодействия и связанные с этим издержки?*

Сказанное, однако, на первый взгляд, противоречит практике развитых капиталистических экономик, где растут не только трансакции, но и производство реальных благ производственного и потребительского назначения, развиваются наука и образование, создаются новые технологии...

Это возражение столь же справедливо, сколь и некорректно: мы выше постоянно вели и здесь ведем речь о соотношении целей и средств развития и о той цене, которую современный мир платит за прогресс в области производства реальных благ. А цена эта намного выше, нежели могла бы быть при условии отказа от существующей модели экономики. Задумаемся: качественные изменения технологий в основных сферах материального производства, скачки в развитии фундаментальной науки и образования, взлеты подлинной культуры – все это остается по преимуществу уделом первых двух третей прошлого века. Мы по-прежнему передвигаемся на автомобилях со средней скоростью 90–120 км/час (а то и 5–10 – если говорить, например, о забитой пробками Москве 2000-х) и самолетах со скоростью 800–900 км/час; мы все так же производим энергию, сжигая нефть и газ (плюс используем немного устаревших ядерных и гидростанций); практически не изменилась организация пространства нашей жизни (разве что мегаполисы стали еще больше)... – перечень легко продолжить. Информационные технологии используются по преимуществу во все той же «экономике симулякров» (от компьютерных игр до «симулякроподобных» или, в лучшем случае, развлекательных сайтов Интернета, на которые в общей сложности приходится до 80% общего времени их использования). И хотя пользу этих технологий для производства, науки и образования нельзя отрицать, но ее нельзя и преувеличивать (во всяком случае, ни сокращения использования бумаги, ни роста скорости и объемов фундаментальных научных открытий они сами по себе не вызывают). И главное: надо показывать *пути альтернативного, нацеленного на прогресс Человека, развития и использования компьютеров, Интернета и т.п.*

Однако мы увлеклись. Вернемся к проблеме адекватности методологии и теории есоnотіс для исследования феноменов креатосферы.

Пожалуй, самое время отметить, что существует большое количество разделов современной экономической науки, вырастающих из mainstream'a, но таких, где непосредственно не «работают» микро- и макроэкономика, характеризующие механизмы рынка. Эти разделы также связаны с функционированием превратного сектора – это совокупность дисциплин, связанных с менеджментом, глобальными проблемами и даже финансами.

Сегодня (и это неслучайно) подавляющее большинство экономистов и, соответственно, теоретиков специализируются именно в этих сферах. Но если мы внимательно посмотрим на менеджмент или на управление финансами, учебники или теоретические работы, которые описывают эти процессы, то во всех этих случаях окажется, что здесь используется не столько классическая система, построенная на анализе взаимодействия спроса и предложения, сколько совершенно другой набор инструментов, лежащих на стыке различных экономических наук с социологией, психологией и так далее.

В работах по менеджменту это будет видно в наибольшей степени, но даже в работах по маркетингу (в науке, где рынок присутствует даже в ее названии) будут доминировать проблемы прогнозирования, оценки, социологических исследований, планирования и многие другие, описываемые при помощи апелляции к параметрам, весьма далеким от предлагаемых стандартным учебником *economics*. То же самое касается современного управления финансами.

В то же время отнюдь не следует считать, что здесь рождается некоторое новое качество, лежащее «по ту сторону» рыночных отношений – все это не более чем «вторичные» или «третичные» формы современного рынка. И если мы их рассматриваем столь подробно, то только для того, чтобы подчеркнуть: *рыночные отношения в сфере собственно материального производства сейчас играют относительно сокращающуюся роль*. Это признано в косвенной форме – в форме акцента и практики, и теории на феноменах, которые характеризуют трансакции – мир, лежащий между производством и потреблением.

В заключение вновь поставим вопрос, который прозвучал в начале этого подраздела: почему «вызов», который, казалось бы, столь очевидно «бросается» генезисом общественной деятельности, лежащей «по ту сторону материального производства», не принимается экономической теорией, принадлежащей к mainstream'у?

Для этого есть целый ряд оснований, часть из которых уже была названа. Добавим лишь, что собственно процессы со-творчества являются как бы «потусторонними», как бы «невидимыми» для классического *economics*. Последний может ответить на этот вызов предельно просто: созидание культурных ценностей, диалог по поводу их созидания, со-творчество, опредмечивание и распредмечивание – все это не та материя, которая изучается и описывается *economics*. И этот ответ будет совершенно справедливым.

Однако этот ответ позволяет сделать два вывода.

Первый: материя, которая лежит «по ту сторону» предмета есоnomics, малоинтересна и маловажна для исследователей общественной жизни, принадлежащих к данному направлению, ибо эта общественная жизнь до настоящего времени подчинена законам рынка, которые, в свою очередь, описываются есоnomics.

Второй вывод, который может быть сделан: *будущее принадлежит именно той сфере, которая лежит «по ту сторону материального производства», «по ту сторону» рынка, и поэтому есоnomics как наука, описывающая некоторые закономерности только рыночной экономической общественной жизни, уходит в прошлое.*

Естественно, что авторам больше по душе второй вывод, поэтому мы его прокомментируем. Есоnomics, на наш взгляд, в исторически обозримом будущем уйдет на второй план общественных наук, подобно тому, как сто-двести лет назад в прошлое ушли теология, геральдика и т.п. науки, крайне важные для понимания правил жизни и поведения в феодальном обществе. В самом деле, вплоть до XVIII–XIX веков именно эти проблемы – проблемы отношений внутри аристократического сословия (генеалогии, иерархии титулов, правил наследования), а также проблемы отношений третьего сословия с аристократией и духовенством – все это (а отнюдь не законы спроса и предложения) было главным предметом социального познания. Кажущиеся нам сегодня экзотическими диковинами науки – геральдика, теология, астрология, схоластика и т.п. – создавали именно ту картину жизни, которая и должна была бы существовать, чтобы дать соответствующее представление об эпохе.

Эти науки раскрывают нам не только духовный, но и социальный мир средневекового общества, где реальная жизнь – социальный статус, богатство, власть – действительно зависели от родovitости и изысканий в тонкостях генеалогических древ, астрологические прогнозы существеннейшим образом влияли на действия королей и пап, схоластические изыскания служили важным фактором борьбы церковных и рыцарских орденов и т.п.

И точно так же, как сейчас мы имеем дело лишь с отголосками этих представлений в исторических романах, точно так же, по-видимому, в новой эпохе мы будем иметь дело лишь с отголосками проблем есоnomics в исторических работах, которые будут посвящены описанию обществ, где господствовали рыночные отношения.

Такой (исторический) взгляд требует комментария по поводу сугубо современной проблемы: в какой мере взгляд на рынок как отмирающий феномен и есоnomics как отмирающую науку актуальны для начала XXI века, когда они, по видимости, переживают вторую молодость? Это общая проблема актуальности всей данной работы, и потому мы ограничимся лишь указанием на то, что авторы его видят и понимают. Отвечать на этот вопрос мы будем в конце нашей работы, а точнее – всей нашей

работой: если она окажется актуальна, значит и методология наша адекватна задачам поиска ответов на вопросы, которые ставит практика перед современным исследователем.

Посему нам следует обратиться к проблеме снятия рынка, исходя из марксистской парадигмы, из марксистского объяснения товарных отношений и природы стоимости.

Марксистский анализ пределов рынка:

обобществление и границы обособленности производителей

Строго говоря, в современном марксизме целостной концепции снятия рынка в будущем обществе не существует. Но *в марксизме, в отличие от есопотіс, существует достаточно стройное обоснование необходимости снятия рынка, основанное на исследовании собственных законов развития (и, следовательно, отмирания, перехода в новое качество) товарного производства и вырастающего из него капитала.* Кроме того, в области возможных путей снятия рынка в XX веке появился ряд серьезных разработок, характерных для различных школ современного марксизма, не принадлежащих к сторонникам рыночного социализма. Попытка критического синтеза этих тезисов и будет приведена ниже. При этом мы будем исходить из классической марксистской трактовки рынка как проявления исторически определенной системы производственных отношений (отношений товарного производства), определяющей способ распределения ресурсов и поддержание пропорций¹.

При таком подходе проблема снятия рынка становится одновременно проблемой преодоления всех предшествующих форм, определявших способ распределения ресурсов и поддержания пропорций. Во всяком случае, нам будет важно показать, как каждый из шагов такого снятия рынка и генезиса пострыночной системы привязан к конкретным чертам системы товарных производственных отношений. Базируясь на структуре последней системы, мы постараемся показать и совокупность тенденций, которые отрицают и в то же время развивают товарное производство и обмен, создавая *пострыночные*, а не *антирыночные* отношения для нового мира, лежащего «по ту сторону собственно материального производства».

Традиционный марксистский подход к снятию рынка был связан с прогрессом процесса обобществления труда и производства. При этом

¹ Авторская характеристика этих черт рынка дана в упомянутой работе «Переходная экономика» и очерке «Мифы рынка» (в кн.: На пути к экономической демократии. Международный опыт. В 2-х кн. / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1994). Подчеркнем: наш подход к вопросу содержания отношений товарного производства в основном базируется на ленинской интерпретации К. Маркса и развитии этих взглядов в уже упоминавшихся работах Н.В. Хессина (подробнее см. наш раздел в кн.: Ленин online. 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011).

последнее трактовалось как не только развитие концентрации и специализации, но и углубление общественного разделения труда, дифференциации и интеграции общественных звеньев.

Некоторые из этих процессов (в частности, это касается процессов концентрации и специализации) оказались характерны исключительно для индустриального типа производства. Переход к постиндустриальным, в том числе информационным, технологиям породил новые процессы, когда на смену укрупнению хозяйственных звеньев и развитию их специализации при производстве конкретных видов продукции пришли гибкие миниатюрные производственные системы; в ряде случаев произошла индивидуализация технологий и привязка производства к деятельности отдельного человека или небольшой по масштабу кооперации индивидов.

Эти тенденции позволили ряду исследователей сделать вывод о том, что марксистский прогноз роста обобществления производства оказался несправедлив. Но здесь возможны два контраргумента.

Первый. Марксизм описывал *рост обобществления как закономерность именно индустриальной экономики*. В этих рамках достаточно обоснованно было показано, что для индустриального типа производства прогресс последнего связан не только с ростом концентрации и специализации, но и с ростом взаимной зависимости отдельных хозяйственных единиц, их интеграции, созданием единых сложных целостных макроэкономических систем, которые охватывают огромные масштабы производственной деятельности, распределения ресурсов, обмена трудом, его продуктами и т.д.¹ Этот тезис до сих пор остается верным, так как *прогресс миниатюризации, развитие гибких, подвижных технологий и даже такие новейшие технологические формы, как сетевые предприятия*, не отрицают, но, напротив, *усиливают взаимозависимость хозяйственных звеньев*, хотя и позволяют последним более гибко и быстро адаптироваться к изменяющимся потребностям. Последняя «деталь» существенна, ибо показывает, что характерная для многих марксистов XX века идея пострыночной (планомерной) организации производства по принципам «единой фабрики»² уходит в прошлое.

Впрочем, она не была адекватна и для развитой индустриальной системы, что показал творческий марксизм уже в 1960–1970-е годы, сделав

¹ Авторы базируются на трактовке обобществления, содержащейся в работах В. Грималюка, Э. Дунаева, Р. Косолапова, В. Куликова, В. Черковца и других советских ученых, основывавшихся на работах К. Маркса и В.И. Ленина, а также анализе изрядного (и не только отечественного) статистического материала. Авторская позиция, равно как и обзор соответствующей литературы, представлены в названной выше работе «Реализация общенародных интересов».

² «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» (Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101).

акцент на *постоянстве пропорциональности при подвижности и изменчивости самих пропорций* и наличии, с одной стороны, не просто некоторого центра, но общенародной ассоциации как направителя планомерности и относительной самостоятельности звеньев единого народно-хозяйственного комплекса – с другой¹.

Второй. Во многом сходные с обобществлением (рост интеграции, взаимозависимости и т.п.) процессы развертываются и под влиянием развития информационных технологий. Индивидуализация и возможность кажущейся обособленной деятельности отдельного работника со своим персональным компьютером (в рамках так называемого «электронного коттеджа», о котором много писалось еще в прошлом веке и о котором стали подзабывать как о в малой мере сбывшемся прогнозе ныне), который соединен через Интернет со всем остальным миром, равно как и феномен постоянной смены хозяйственных связей в условиях сетевой организации производства – все эти и подобные им процессы лишь, по видимости, являются отрицанием прогресса обобществления труда. На самом деле, компьютер и Интернет оказываются ключом к не просто обобществленному, но *всеобщему труду* – ключом к информационным и производственным сетям, которые позволяют работнику передавать информацию для практически неограниченного числа пользователей, получая необходимые «ресурсы» (информационные продукты) также от практически неограниченного количества «поставщиков».

Тем самым *на место обобществленного труда по мере развития постиндустриальных тенденций приходит труд всеобщий*. А это – труд, характеризующийся еще большей взаимозависимостью. Более того, это не просто взаимозависимость. Это *технологически непосредственное [потенциальное] включение каждого из производителей в мировую систему интеграции труда*. Такой системой, например, может служить информационная сеть или подобный ей технологический феномен.

Если же вернуться к материальному производству, то можно зафиксировать, что процесс обобществления труда и производства, как закономерность развития индустриального общества, равно как и генезис креатосферы, создают предпосылки для *снятия содержания и формы товарных отношений*.

Начнем с первого и напомним: *противоречие обособленности производителей и их общественной взаимозависимости* (независимость, частный труд обособленных лиц – с одной стороны; их всеобщая зависимость,

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И., Шухтин В.П. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1985; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

диктуемая разделением труда, общественным характером труда – с другой) *является сущностным и лежит в основе товарного отношения*¹.

Прогресс обобществления и связанный с ним «подрыв» этой связи (во всяком случае, одной из ее сторон – обособленности производителей) позволил ученым марксистской ориентации сделать вывод о том, что на смену рыночной обособленности производителей приходит их взаимозависимость (этот вывод мы уже сформулировали выше). В свою очередь, предполагалось, что эта взаимная зависимость хозяйственных звеньев требует сознательного регулирования процессов поддержания пропорций, обмена ресурсами, деятельностью, продуктами.

При этом следует заметить, что сознательное поддержание пропорций лишь в условиях бюрократического планирования приводило к «экономике дефицита» и их консервации или волюнтаристическому изменению. В принципе требованием обобществленного производства является не консервация определенных пропорций (или, в ряде случаев, диспропорций) и образование «экономики дефицита», но развитие противоположного процесса – *процесса гибкого изменения пропорций в соответствии с изменяющимися общественными потребностями при помощи механизмов сознательного регулирования.*

В свою очередь, механизмы сознательного регулирования предполагались как сложная система методов, развивающихся, начиная с простейших форм массового учета и контроля через косвенное и прямое регулирование экономики в краткосрочном периоде *до планирования.*

Последнее должно было соединять в себе как прогноз и индикативные регуляторы долгосрочного характера, так и собственно директивы, принимающие форму государственного заказа. Формирование этого заказа в рамках демократического планирования предполагалось как *диалог* (хотелось бы обратить внимание на неслучайное совпадение: диалог в этом случае рассматривался как одна из важнейших форм социального творчества, рождения новых общественных форм креатосферы) производителей, потребителей и планирующих органов. Если этот государственный заказ принят производителем, то он становится обязательным для выполнения и определяет программу деятельности сложного производственного комплекса на определенный (среднесрочный или долгосрочный) период.

Данная система методов сознательного регулирования – не утопия, ее элементы (возникающие, естественно, в переходных, отчужденных формах) существовали и существуют в современном мире. Примерами таких элементов, ростков могут служить организация производства и поддержания пропорций в рамках оборонного комплекса практически

¹ Любопытно: западные исследователи-марксисты фактически игнорируют это противоречие, хотя оно было очевидно подчеркнуто в работах К. Маркса и В.И. Ленина.

во всех развитых странах, реализация долгосрочных программ в Японии, Франции, Южной Корее, Финляндии и т.д. Более того, ныне, после глобального кризиса бюрократической системы планирования, наиболее динамично развивающейся является экономика Китая, где не только в раннеиндустриальном секторе, но и в таких сферах, как производство ядерного оборудования и электроники, современных транспортных средств (в частности, сети скоростных поездов), новых прорывных технологий (например, эффективного и экономичного электромобиля) широко используются прямое сознательное регулирование и долгосрочное планирование¹.

Впрочем, об этом, равно как и о том, что «торжество» рынка, связанное с ренессансом неолиберализма в конце XX века, эту тенденцию проблематизирует, но не отрицает вовсе, мы уже не раз упоминали.

Подведем промежуточный итог: для развитого индустриального производства процесс обобществления предполагает снятие апостериорного саморегулирования, основанного на конкуренции, стихийном столкновении и соединении в процессе обмена продуктов труда обособленных производителей.

При этом надо отметить, что процесс обобществления трактовался в марксистской литературе двояко: как процесс *формального и реального обобществления* (выше мы указали на основные работы по данной проблеме). Под первым понималось создание общественной формы, которая обеспечивала бы социально-экономическую взаимосвязь между отдельными хозяйственными звеньями (в «Мировой социалистической системе» она практически с момента своего возникновения развивалась в мутантном, бюрократическом виде). Формальное обобществление само по себе, без развития достаточной базы для этого процесса, противоречно и подчас отрицательно влияет на процесс интеграции производства, хотя и позволяет решать ограниченный круг задач, например ускоренного развития индустрии, оборонного комплекса, как это было в СССР. Реальное же обобществление (процессы соединения в единую, взаимосвязанную и гибкую макроэкономическую систему хозяйственных звеньев, их технико-производственная интеграция, формирование материально-технических основ единой макроэкономической системы) характерно не только для развитого индустриального производства, но в еще большей степени – для производственных процессов, лежащих в основе

¹ Идея демократической (а не бюрократической, как это было преимущественно в СССР) модели сознательного планового регулирования экономики («планомерности») была развита в сотнях интереснейших работ в нашей стране и за рубежом. (Наличие вынужденного эзопового языка в работах отечественных авторов вполне объяснимо наличием цензуры и «самоцензуры»). Обзор этих позиций и авторская позиция представлены в уже не раз упоминавшейся работе «Реализация общенародных интересов».

«царства свободы», использующих постмеханические формы движения материи. Типичный пример – единые энергетические системы, существующие в ряде стран на макроуровне.

И последняя ремарка в связи с проблемами обобществления: марксистская парадигма предполагает, что для развитого материального производства, где происходит переход от индустриального типа деятельности к деятельности, основанной на использовании постмеханических форм движения материи, развитие процессов обобществления может и должно протекать при *подвижности, гибкости, но растущей взаимозависимости производственных систем.*

Однако, с точки зрения марксистской теории, *процесс снятия товарных отношений связан не только с процессом обобществления, но и с гораздо более масштабными, глубокими процессами генезиса «царства свободы».*

Марксистский анализ пределов рынка: креатосфера и проблемы нестоимостной редукции труда

Характерный для рынка *труд обособленных, независимых от других производителей; труд, создающий материальные продукты, вещи, – такой труд оказывается неадекватен развертывающимся в массовых масштабах тенденциям развития творческого содержания труда, генезиса креатосферы.*

Дело в том, что, как уже было отмечено, товарное производство подразумевает обособление труда, а также отчуждение продуктов (результатов) и мотива деятельности от непосредственного производителя. Между тем творческий труд по своему содержанию является всеобщим и предполагает, что мотив деятельности и ее цель состоят в развитии человека в процессе труда, в процессе со-творчества, опредмечивания и распределенности феноменов культуры, и этот результат неотчуждаем¹.

Сказанное позволяет сделать промежуточный вывод: *в процессе генезиса «царства свободы» отрицание сущностных сторон товарного производства включает по меньшей мере два аспекта.*

Первый процесс происходит в рамках собственно материального производства по мере приближения его к постиндустриальной стадии, по мере прогресса его обобществления.

Второй связан с развитием творческого содержания труда, с генезисом деятельности и отношений, лежащих собственно «по ту сторону

¹ Данный тезис, давно известный в марксизме, достаточно подробно рассмотрен в уже упоминавшейся книге В. Иноземцева «По ту сторону экономического общества», в которой приводятся традиционные и оригинальные аргументы в пользу снятия товарного производства по мере развития постэкономической реальности. См. также: *Иноземцев В. Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995.

материального производства», переходом к доминированию креатосферы, мира культурных ценностей.

Далее. Выше мы уже показали, что творческая деятельность не требует признания своей общественной значимости через отчуждение ее результата, обмена вещи на другую вещь. Если это так, то перед нами *снятие формы стоимости*.

Существенно, что в рамках первого процесса снятия рынка, связанного с обобществлением труда и производства, на смену выражению общественной необходимости труда в вещи, потребительной стоимости другого товара через обмен, колебание спроса и предложения и т.д., должны прийти новые механизмы *нестоимостной редукции труда* в рамках сохраняющегося в «царстве свободы» материального производства¹. Показанные выше материальные основы генезиса нового общества позволяют сформулировать следующую гипотезу решения проблемы учета и соизмерения затрат [репродуктивного] труда, не прибегая к стоимостным (рыночным) механизмам.

В XX веке в исследовании проблемы нестоимостной редукции труда сложилась парадоксальная ситуация.

С одной стороны, вывод о нерыночной природе творческой деятельности был достаточно подробно обоснован (причем как минимум трижды: самим К. Марксом, марксистами-«шестидесятниками», их нынешними учениками).

С другой стороны, для материального производства проблема нестоимостной редукции труда так и не была решена (хотя решений предлагались сотни, но научную общественность они не убедили).

Все дело упиралось (и в теории, и на практике) в феномен *социальной неоднородности труда* [репродуктивного, лежащего «по сю сторону» собственно материального производства]. Проблема соизмерения труда столяра и металлурга, дворника и хлопкороба вне рыночных механизмов оказалась теоретически неразрешимой. Более того, на наш взгляд, *проблема нестоимостной редукции социально неоднородного труда действительно неразрешима на объективной основе*. Тем не менее мы уверены (и поста-

¹ На практике в народнохозяйственном масштабе эта проблема отчасти (и весьма противоречиво, в превратных, бюрократических формах) уже решалась в форме нормативного ценообразования и регулирования в бывшей социалистической системе, в частности в СССР. На внутрифирменном уровне эти отношения достаточно развиты в современных крупных корпорациях. Все это, однако, не снимает актуальности теоретической проблемы нестоимостной (сознательной, нормативной) редукции труда. Эта проблема, как сфинкс, грозит поглотить марксистских исследователей, если они так и не найдут ее решения. К настоящему времени в этой области накоплен достаточно широкий круг гипотез, которые, однако, нам не кажутся слишком убедительными. Основы авторской гипотезы решения этой проблемы предлагаются ниже.

раемса это доказать), что возможен нестоимостной учет затрат труда в часах рабочего времени (причем труда репродуктивного, осуществляемого в условиях разделения труда и в материальном производстве).

Разрешение этой антимонии, на наш взгляд, может быть только одним: *«гордиев узел» нестоимостной редукции социально неоднородного труда должен быть разрублен. Социально неоднородный труд* (а репродуктивный труд, осуществляемый в условиях его общественного разделения, по определению содержательно неоднороден) *должен осуществляться в таких условиях, когда он будет для общества (и каждого из его членов) социально* (по своей общественной форме) *однороден*. Иными словами, *для общества и его членов затраты разнокачественного репродуктивного труда* (труда дворника и слесаря 6-го разряда, например) *должны быть совершенно равны с точки зрения их социальной формы*.

Очевидно, что подобная ситуация невозможна в условиях господства в обществе отчужденных социально-экономических отношений. Однако (и это столь же очевидно для марксистов-нерыночников, как и первая теза) *проблема нестоимостной редукции труда решается только в ином обществе – обществе непосредственно общественного свободного труда*.

Вот здесь-то и подстерегает нас очередная ловушка: экономическая возможность (пока что теоретическая) такого пострыночного общества, как правило, и подвергается критике через апелляцию к невозможности прямого нерыночного учета затрат труда. Мы же утверждаем, что она возможна при следующих условиях.

Во-первых, господствующей в обществе является свободная общедоступная творческая деятельность в очень широком спектре: от воспитателя в детском саду или яслях, через деятельность рабочих-новаторов к активности педагогов, ученых, конструкторов, библиотекарей, деятелей искусства и мн. др., включая управление и многообразные формы социального новаторства. Именно в этой деятельности реализуется высшая цель и ценность такого общества – свободное всестороннее развитие личности, а рост времени этой деятельности – свободное время (в отличие от времени досуга) – выступает как результат (цель) совокупного общественного прогресса. Соответственно, сфера этой всеобщей деятельности (креатосфера) становится приоритетной по отношению к материальному производству, в котором господствует репродуктивный, разделенный труд частичных работников.

По отношению к креатосфере материальное производство становится всего лишь средством обеспечения ее развития, а труд в материальном производстве – социально однородным вычетом из совокупного фонда времени общества.

Поясним эту мысль, обратившись к уже упоминавшейся модели П.Г. Кузнецова. Известно, например, что миллион жителей располагает в течение 1 года постоянным объемом времени (24 часа × 365 дней × 1 млн чел. = 8760 млн часов); чем меньше рабочее время (время, затра-

чиваемое на репродуктивный труд всеми теми из 1 млн жителей, кто был занят таким трудом в течение года) и потери совокупного фонда времени (например, очереди в условиях «экономики дефицита» или стояние в пробках в современной глобально-рыночной Москве) этого миллиона жителей, тем больше их свободное время – время саморазвития их человеческих качеств. Соответственно, в этих условиях сверхзадачей общества (и каждого его члена) становится максимальное сокращение рабочего (вообще, несвободного) времени при общественно установленных (как именно – это особый вопрос, касающийся проблем развития т.н. «демократии корней травы») параметрах развития креатосферы.

Для общества и человека, занятых преимущественно творческой деятельностью, любая особая репродуктивная деятельность в материальном производстве является *социально однородной* – это потеря возможностей саморазвития (примерно как для нас сейчас время уборки квартиры, мытья посуды, стирки белья и т.п. есть, в общем и целом, «семейно-однородный» вычет из времени семейного досуга). *Чем большую часть совокупного времени общество (и индивид) может высвободить для развития креатосферы, тем лучше. Чем в меньшей степени тот или иной частичный труд содержит творческие компоненты, тем важнее его сокращать.*

Поскольку развитие креатосферы вообще без репродуктивного труда невозможно, постольку, повторим, эта сфера получает от общества «заказ» на обеспечение адекватных условий развития креатосферы при минимальных затратах нетворческого труда (из расчета, как мы предложили, скажем, на 1 миллион жителей в год).

Именно в таких условиях, опять же, повторим, *любой [репродуктивный] труд в материальном производстве социально однороден как вычет из свободного времени общества и индивида, как потеря потенциала их саморазвития. Что же касается этого потенциала, т.е. высшей цели и конечного результата жизнедеятельности «царства свободы», то этот результат деятельности общества и индивида в принципе оказывается не оцениваем и не учитываем в затратах (ни прямо – в часах рабочего времени, ни косвенно – в деньгах); он оценивается как мера достижения результата, мера развития креатосферы, человека (отчасти – долей свободного времени в его совокупном фонде). В часах же рабочего времени (времени нетворческого труда) учитываются только подлежащие экономии затраты; и обществу все равно, затраты это труда уборщика или квалифицированного рабочего; задача – сократить их в целом. Более того, в этих условиях общество будет стремиться сократить в первую очередь наиболее тяжелый и наименее квалифицированный труд, ибо он менее всего содержит творческий компонент (от проблемы разграничения творческой и репродуктивной деятельности мы в данном случае абстрагируемся – это было предметом ряда названных выше предшествующих публикаций авторов).*

Соизмерение же разнородных качественно затрат (в разных отраслях и т.п.) может осуществляться в одних и тех же унифицированных (точнее – одинаковых, равных по величине) часах (ниже мы уточним – *нормо-часах*), которые для плана будут таким же абстрактным измерителем и носителем экономической информации, каким рубли (доллары, марки...) являются в условиях рынка.

Как именно будут осуществляться такие учет и планирование – это в данном случае не наш предмет. Единственное, что мы хотим сейчас подчеркнуть, так это то, что демократическое планирование будущего будет органически вырастать из более простых форм (учета, контроля, регулирования) подобно тому, как современные формы рынка выросли из простейших форм товарообмена. Соответственно, сейчас оно (планирование будущего) для нас столь же трудно представимо во всей своей сложности, сколь был мало представим для крепостного безграмотного крестьянина России еще аж в XIX веке механизм фондовой биржи.

Такова своеобразная аннотация возможного решения проблемы нестоимостного учета затрат в материальном производстве, базирующегося на развиваемой в книге теории перехода к «царству свободы»¹.

**Марксистский анализ пределов рынка:
контрапункты [не]бытия субстанции, формы
и закона стоимости в мире креатосферы**

Что же касается снятия товарных отношений (в частности, формы стоимости) в пространстве креатосферы, то здесь *общественная необходимость результата творческой деятельности (культурной ценности, человеческих качеств) не требует особого выражения ни в деньгах, ни в нормах*². Такая деятельность получает признание своей ценности непосредственно, причем как на индивидуальном уровне (через саморазвитие автора-творца), так и в общественном масштабе (в пространстве-времени распределенности созданных данным творцом феноменов мира культуры)³.

¹ Подробнее сформулированная выше гипотеза развита в нашей статье «Гордиев узел (к проблеме нестоимостной редукции труда)» (Философия хозяйства. 2001. № 6).

² Результатом творческой деятельности является, как уже многократно подчеркивалось, не только новый феномен культуры (программа, книга и т.д.), но и развитие самого автора, творца. И то, и другое «оценивает» на протяжении лет, столетий и, возможно, тысячелетий бесконечное, открытое во времени и пространстве сообщество тех, кто использует формулы Эвклида или слушает только что родившиеся стихи возлюбленного, восхищается дарованием Леонардо да Винчи или обаянием своего первого учителя...

³ Отметим наличие интересной проблемы: в рамках «переходного периода» к «царству свободы» существует проблема проникновения в жизнь последнего элементов предшествующей метасистемы – элементов «экономической →

Она предполагает снятие общественного разделения труда и подразумевает диалектическое *отрицание закона стоимости* как закона, который регулирует распределение труда по сферам деятельности и пропорций между ними.

Последнее утверждение требует хотя бы краткого комментария. Согласно марксистской теории, закон стоимости есть закон движения товарного производства – мира обособленных производителей, взаимодействующих в условиях общественного разделения труда и стихийно обменивающих свои товары на рынке. Сущностной характеристикой этого обмена является привязка цен товаров (колеблющихся под влиянием спроса и предложения) к их стоимости, овещенному в товарах общественно необходимому абстрактному труду, что происходит стихийно, в среднем, как результат взаимодействия всей совокупности факторов товарного производства и обмена.

При этом независимо от индивидов (стихийно) складывающееся разделение труда и распределение его по отраслям и сферам деятельности, случайный обмен товарами являются главными регуляторами пропорций и распределения труда по сферам деятельности. Господство закона стоимости означает: что, как, когда и где производить формально выбирает агент, но реально это диктует система рыночных отношений. Отдельный товаропроизводитель или покупатель может лишь случайно угадать, как сложится эта система пропорций. Колебание индивидуальных цен вокруг общественно необходимых затрат труда и является главным механизмом, который диктует стремление к повышению производительности труда и минимизации издержек.

Достаточно очевидно, что в условиях современного, высоко обобщественного материального производства, находящегося на этапе перехода от развитой индустриальной к постиндустриальной стадии, *такой рынок уже отсутствует*. Он дополняется сложной системой регулирования, о которой говорилось выше. Но в основе своей (в той мере, в какой рынок существует) распределение труда по сферам деятельности

← необходимости». Так, проблема справедливой оплаты деятельности творца неразрешима ни на основе принципа «по труду», ни на основе рынка. Первый вступит в противоречие с принципиальной ненормированностью творческой деятельности, осуществляющейся в свободное (по своему содержанию) время. Второй потребует передачи творцу бесконечно большого «эквивалента» созданной им всеобщей по своему содержанию ценности. Более того, оба подхода подрывают принципы «царства свободы» (эти тезисы весьма спорны и, вообще-то, требуют большей, чем в данном тексте, аргументации). Остается лишь путь нормативного распределения, обеспечивающего творцу удовлетворение всех тех его утилитарных потребностей, которые обусловлены необходимостью создания достаточных предпосылок для творческой деятельности. Здесь, правда, возникает масса новых проблем, которые мы рассматриваем в книге «Пределы капитала».

происходит именно таким стихийным образом (во всяком случае, это утверждает классический марксизм, чью парадигму мы в данном случае и рассматриваем; с этим согласятся и поклонники идеи «невидимой руки рынка» как главного регулятора экономики).

Что же касается мира культуры, креатосферы, то здесь распределение труда по сферам деятельности регулируется, как мы уже заметили, иными закономерностями их общественного признания, значимости. *Ценность культурного феномена тем выше, чем большее количество других лиц вступает в диалог с ее создателем, его деятельностью и ее результатом, использует их для своего развития, для своей творческой деятельности.* Для нас существенно, что общественное признание результата творчества, опредмеченного в некотором материальном носителе, может осуществляться лишь через диалог его участников, т.е. лишь в процессе со-творчества.

Что же касается другого результата творчества – саморазвития субъекта этой деятельности, – то здесь индивидуальная оценка, *самооценка тождественна социальному признанию.* Если человек – субъект творческой деятельности – сам развивается в деятельности, то он сам и является ценностью. Самоудовлетворенность от этого саморазвития, подтверждаемая (не обязательно здесь и сейчас: здесь скрыто одно из фундаментальных противоречий: творчество есть и индивидуальная деятельность, в которой осуществляется саморазвитие, и всеобщая деятельность, имеющая универсальную ценность) другими личностями, вступающими с вами в диалог, и есть способ социального признания этого результата, ибо свободное развитие личности каждого и есть высшая ценность такого социума¹. Вступая в диалог с другой личностью, вы лишь подтверждаете его общественную значимость, «доказывая» тем самым, что его твор-

¹ Как и большинство представителей классического марксизма, Г. В. Плеханов подчеркивает момент творческого начала освобождающегося человека, хотя и связывает его едва ли не исключительно с познанием законов необходимости, не акцентируя многовариантности протекания исторических процессов и действительной свободы социального творца как того, кто творит вопреки обстоятельствам, но в соответствии с логикой (красной нитью) всемирной истории. Приведем лишь один из комментариев Плеханова по этому поводу: «Пока личность не завоевала этой свободы мужественным усилием философской мысли, она еще не вполне принадлежит самой себе и своими собственными нравственными муками платит позорную дань противостоящей ей внешней необходимости. Но зато та же личность родится для новой, полной, до тех пор ей неведомой жизни, едва только она свергнет с себя иго этого мучительного и постыдного стеснения, и ее свободная деятельность явится сознательным и свободным выражением необходимости. Тогда она становится великой общественной силой, и тогда уже ничто не может помешать ей и ничто не помешает» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956. С. 308).

ческая деятельность была неслучайной, что он как личность, как «человек культурный» действительно целен и достоин общения. Заметим: последние тезисы касаются любой творческой деятельности, в том числе воспитательной и образовательной.

Продолжим наши размышления. Для марксистской парадигмы существенно то, что рыночная экономика предполагает обмен эквивалентов при взаимном отчуждении результатов труда. Развитие мира культуры приводит к появлению странного феномена, когда вы можете получить в процессе взаимодействия, обмена деятельностью продукт труда своего контрагента, не теряя при этом своего продукта. Обмен такими благами или даже информационными продуктами (но не товарами!) приводит к тому, что вы как бы удваиваете, мультиплицируете результат, вступая в диалог со своим контрагентом или созданной им ценностью. При этом вы не потребляете, не уничтожаете ни материальный носитель, ни саму ценность (например, можно многократно читать одну и ту же книгу, используя содержащиеся в ней знания для самых разных видов деятельности).

Этот феномен известен со времен античности, однако его констатация до сих пор вызывает двойственную реакцию: с одной стороны, это очевидно; с другой – противоречит всем аксиомам рыночного бытия, кажущегося нам «естественным». Еще большее отторжение встречают следствия из этой «банальности». В самом деле, такой обмен деятельностью (а это устойчивая закономерность мира, лежащего «по ту сторону материального производства») предполагает, что на смену эквивалентному (в среднем) обмену приходит новый феномен – **распределение издержек: чем больше круг лиц, заинтересованных в использовании данного феномена культуры для распремечивания, тем ниже удельные издержки на ее создание (за вычетом затрат на тиражирование материальных носителей)**¹.

Например, издержки на создание новой компьютерной программы могут быть равномерно распределены между всеми ее пользователями. Чем больше число таких пользователей, тем ниже цена программы на

¹ Идея распределения издержек была «открыта» нами самостоятельно много лет назад. Впрочем, уже тогда мы догадывались, что она должна быть известна мировой науке. С одним из разработчиков этой проблемы – известным французским марксистом Полем Баккара – один из нас столкнулся на международной конференции в 1995 году (подробнее см.: *Альтернативы*. 1996. № 2. С. 174–177). Позднее об этом с несколько иных позиций напишет Э. Тоффлер в своей книге «Революционное богатство» (*Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство*. М.: АСТ, 2007). Не сомневаемся, что есть и другие авторы, исследующие эту проблему.

Конкретные формы возможной практической реализации механизма распределения издержек описаны в статье: *Колганов А.И. Собственность на знания как тормоз экономического и социального развития // Альтернативы*. 2002. № 1. С. 22–24.

каждого из них (за вычетом цены носителя, которая в условиях использования Интернета может быть нулевой). Тем самым отрицается один из фундаментальных законов рынка – закон стоимости (в области явления – фиксируемая и есономіcs связь: чем выше спрос, тем выше цена). Для креатосферы характерна иная связь: *чем большее количество пользователей заинтересовано в распрямечивании созданного вами феномена культуры, тем ниже удельные издержки на ее создание, которые должен компенсировать каждый пользователь*. И это не только теория: практики *wіkinomіcs* (викономики), экономики «открытых ресурсов» (*open-source*)¹ и т.п., о которых мы уже упоминали, показывают, как именно реализуются эти механизмы. Но эта материя – исследование собственно пострыночных отношений – выходит за пределы *этой* книги, посвященной анализу рынка, капитала и их пределов. Посему продолжим анализ параметров, показывающих противоположность отношений товарного производства и мира креатосферы.

Сказанное делает очевидной противоположность ценностных оценок рыночного мира и мира культурных ценностей. В рыночном мире рост спроса на продукт вызывает увеличение его цены. В мире культурных ценностей повышение ценности вашего продукта приводит к тому, что его себестоимость для пользователя снижается, в пределе стремится к нулю.

Естественно, что в этих условиях – условиях всеобщего труда, креатосферы – *деньги утрачивают свое бытие универсального всеобщего эквивалента, служащего для материального признания общественной необходимости труда*. Здесь тем самым происходит важное изменение не только в форме, но и в сущности товарных отношений.

Согласно марксистской теории, деньги являются продуктом всеобщего труда. Они в этом смысле схожи с творческим трудом, который по своему определению априори является общественно необходимым и имеет всеобщий характер. Но на этом сходство заканчивается, ибо деньги – всего лишь товар, хотя и особого рода. Потому вне мира купли-продажи они не выступают в качестве освященного всеобщего труда, превращаясь в кусочки металла, малополезную бумажку или некоторый объем бесполезной информации, хранящейся на том или ином электронном носителе.

Поэтому деньги снимаются в мире всеобщей творческой деятельности, где ценность созданных благ утверждается в процессе распрямечивания, а не обмена на всеобщий эквивалент.

¹ Подробно эти практики рассмотрены в источниках, ссылки на которые мы приводили в I томе книги. См., например: *Perspectives on Free and Open Source Software* / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, L., England: The MIT Press, 2007; *Танскотт Д., Вильямс Э. Викономика: Как массовое сотрудничество изменяет все*. М., 2009 (англ.: *Tapscott D., Williams A. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. N.Y.: Penguin, 2007).

Марксистская модель товарного производства венчается теорией *товарного и денежного фетишизма*. Напомним: ее суть состоит в том, что в условиях, когда жизнедеятельность человека определяется законом стоимости, стихийным распределением труда по отраслям (внешним выражением чего является стихийное движение товаров и признание их общественной необходимости через продажу, обмен на деньги, которые, в свою очередь, являются мерой стоимости, богатства, успеха) – в этих условиях человек оказывается подчинен вещи, товару и в наибольшей степени – деньгам. Именно они становятся важнейшим мотивом и ценностью, которые определяют деятельность и поведение человека. Они являются всеобщим богатством и уникальным исполнителем любых желаний. Деньги могут сделать все – даже больше, чем джинн из сказки¹.

Так деньги становятся фетишем, подчиняющим себе жизнь человека. Таким же фетишем становится товар, вещь, вступающая в обмен. Создается объективная видимость того, что вещь-товар и вещь-деньги самостоятельны и обладают некими социальными свойствами, обладают ценой, стоимостью, и именно они диктуют человеку, что он будет делать. В действительности это лишь видимость, хотя и объективная. В реальности человеческий труд создает товары, а деньги лишь специфическим образом выражают значимость этого труда, являясь отчужденной, внешней мерой стоимости, мерой абстрактного общественного труда². Но это превращение происходит постоянно, и оно создает особый мир экономических, социальных, даже духовных отношений.

Снятие товарного производства предлагает и *снятие мира, фетишизирующего товары и деньги*, и переход к миру, в котором непосредственные человеческие отношения, взаимодействие людей именно как *личностей*, обладающих творческими способностями, становится непосредственной мерой общественного бытия человека.

В этом смысле креатосфера позволяет уйти от фетишизма внешних форм товаров и денег и перейти к миру, в котором высшей ценностью

¹ «С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютной общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности. «Золото – удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.)» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 142).

² «...Именно эта законченная форма товарного мира – его денежная форма – скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно и общественные отношения частных работников, вместо того, чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 86). «...Золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами» (Там же. С. 92).

обладает непосредственно человек, его деятельность и неотчужденный результат этой деятельности¹.

Все названные выше черты рыночной системы, равно как и она сама, снимаются в процессе качественного диалектического отрицания по мере перехода к «царству свободы».

Существенно также, что товарные отношения, фетишизм денег и товаров являются лишь высшей формой развития отчужденных механизмов распределения труда и поддержания пропорций. Последовательное их снятие невозможно без предшествующего преодоления более простых и более жестких отчужденных механизмов распределения ресурсов и поддержания пропорций – таких как традиция, насилие (война), иерархия и др. Эти механизмы преодолевались на протяжении развития буржуазного общества, но они вытеснены отнюдь не окончательно. Поэтому *снятие рынка предполагает снятие и добуржуазных форм координации (распределения ресурсов).*

Противоположность товарного производства и креатосферы: некоторые тренды

Проведенное выше исследование позволяют предположить наличие некоторых устойчивых закономерностей, характеризующих противоположность товарного производства и креатосферы, в частности, противоположность механизмов рыночного отчуждения товаров и опредмечивания/распредмечивания мира культуры.

Начнем с относительно частной закономерности, характеризующей противоречие в развитии частной собственности и конкуренции в мире креатосферы. Эта связь выглядит, на первый взгляд, достаточно спорно, но она легко выводится из предыдущего анализа. Коротко она может быть сформулирована так: *чем полнее и завершеннее система прав [частной] собственности на культурное благо (например, новую технологию), тем меньше возможности конкуренции на данном конкретном рынке.*

Поясним эту связь на простейшем примере. Предположим, что г-н Н. изобрел лекарство от рака. Если он запатентовал это изобретение на неограниченный срок, т.е. если он обладает абсолютной частной собственностью (подобной, скажем, частной собственности на машину) на этот продукт, то вплоть до того момента, как объект его собственности «износится» (в нашем случае – его know-how устареет),

¹ Отвлекаясь от основной темы, отметим, что это позволяет преодолеть даже границу физической жизни отдельного человека: творец живет в созданных им культурных ценностях, учениках, друзьях столь долго, сколь ценны были он и его деятельность. Правда, в некотором смысле эти границы человеческой жизни в отчужденной форме преодолеваются и в условиях предьстории. Так, рыночная система, в которой частная собственность, общественное богатство передаются по наследству, тоже как бы «увекочивила» внешнее выражение человеческой деятельности.

данное лекарство полностью выпадает из сферы конкуренции: никто, кроме г-на Н., не имеет право его производить (напомним: всякий продукт подлинно творческой деятельности уникален и единствен по определению). Следовательно, конкуренции здесь не может быть вообще. Противоположный предельный случай – абсолютно свободной конкуренции бесконечно большого (в пределе) числа фирм, производящих данное лекарство, – возможен, как легко догадаться, лишь в том случае, если вообще никто не обладает частной собственностью на данное культурное благо (патент не является объектом частной собственности, он лишь фиксирует приоритет г-на Н. как изобретателя, удовлетворяя его честолюбие, но не принося никакого дохода).

Следовательно, предположив (в пределе) бесконечным срок действия права частной собственности на являющийся культурным благом товар (как и на любой другой товар: в условиях классического рынка, купив товар, вы становитесь его собственником «навсегда»), мы получим абсолютную монополию, абсолютно отрицающую конкуренцию. И наоборот: абсолютно свободная конкуренция на рынке культурных благ возможна только при полном отсутствии частной собственности на последние. Иными словами, для попыток развития рынка в мире креатосферы характерно внутреннее ограничение: *чем полнее развит один атрибут рынка (частная собственность), тем меньше развит другой (конкуренция)*.

Поясним эту связку. Прежде всего подчеркнем, что связь носит *мерный* характер, это и качественная, и количественная противоположность. Последнее позволяет на практике найти некоторый компромисс: «немного» частной собственности (например, патент на 5 лет), «немного» конкуренции (после окончания действия патента).

Но это именно внешнее ограничение «естественных» (имманентно присущих, атрибутивных) свойств рынка, основанного на частной собственности. В самом деле, ведь никому даже в голову не придет ограничить действие вашего права собственности на построенный за свои деньги и своим трудом дом сроком в 5 лет. Однако ограничение вашего права собственности на созданное вами новое знание таким сроком ныне выглядит «естественным», и это неслучайно: при последовательной реализации права частной собственности «общество знаний» вообще не могло бы развиваться.

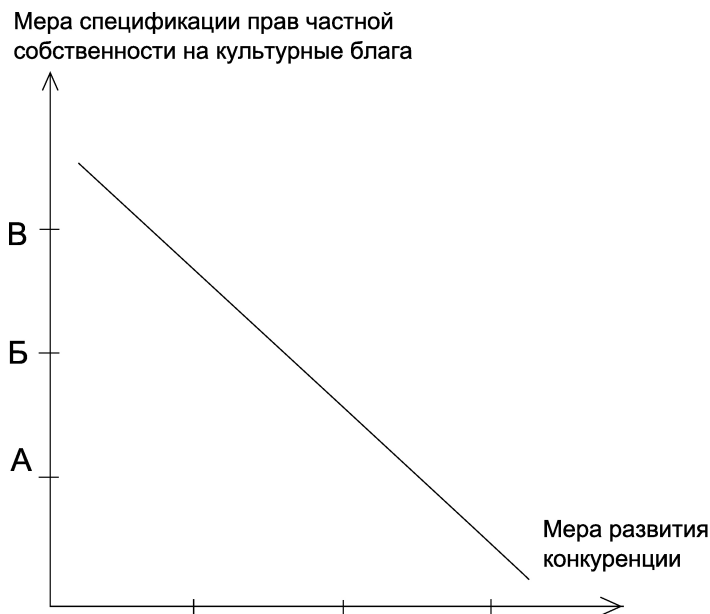
С изрядной долей условности (вообще характерной для графических иллюстраций сложных закономерностей) можно показать названные связи при помощи приводимого ниже графика (см. рис. 1.1), где точки А, Б, В показывают ограничение прав частной собственности (например, срока действия патента) на «А», «Б», «В» (например, 3, 5, 10) лет.

Названная противоречивая взаимосвязь вновь показывает, что частная собственность и конкуренция являются внешними ограничениями развития креатосферы.

Развивая это суждение, мы можем вывести и более общую закономерность: *мера развития рыночных (и, шире, вообще основанных на*

отчуждении) механизмов организации и мотивации деятельности постепенно «убывает» (речь идет опять же о единстве качественных и количественных характеристик) по мере продвижения от репродуктивного труда к творческому.

рис 1.1



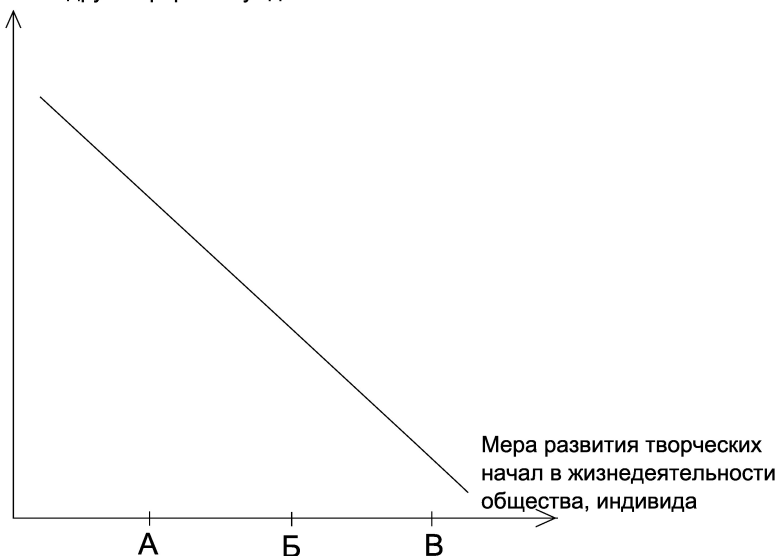
Это утверждение, выводимое нами логически из ряда обосновывавшихся выше утверждений, может быть выведено и на базе исследования имманентных объективных противоречий творческой деятельности, что мы, в частности, проделали в 1-м издании этой книги (в данное издание эта часть не включена).

Сформулированную выше зависимость легко проиллюстрировать и эмпирическим материалом. При всем том, что рыночная атмосфера в целом господствует в современном мире, даже сегодня роль рыночных стимулов и конкурентных начал, ориентация на прибыль больше (а социальные ограничения и роль государства, творческих коллективов, неденежных стимулов меньше) в массовом производстве, чем в прикладной науке, а в прикладной науке – чем в фундаментальной. То же можно сказать о связи: массовое производство – шоу-бизнес – подлинное искусство; или: обучение специалистов – профессиональное образование – формирование свободно и гармонично развивающейся личности и т.п.

Как и выше – весьма условно – мы можем проиллюстрировать названные связи при помощи приводимого ниже графика (рис. 1.2).

рис. 1.2

Роль в жизни общества и индивида
рынка и других форм отчуждения



Комментируя схему, мы можем (опять же с известной долей условности) предположить, что на отрезке [О–А] будет располагаться массовое производство, шоу-бизнес и иные сферы фиктивного сектора, требующие определенных творческих усилий от их агентов; на отрезке [А–Б] – прикладная наука, профессиональное образование, дизайн и декоративно-прикладное искусство и т.п.; на отрезке [Б–В] – фундаментальная наука, воспитание, образование и культура, ориентированные на гармоничное развитие личности и т.д.

К числу закономерностей «заката» рынка относится и *нелинейное вытеснение качеств «рационального экономического человека» по мере прогресса креатосферы и адекватных ей социальных отношений, типа личности.*

Как и в двух предыдущих случаях, мы можем предложить в качестве графической иллюстрации простейшую кривую, которая указывает на снижение роли утилитарных потребностей (от уровня «Х» к уровню «У», но не ниже уровня «Z» – уровня рационального потребления) по мере развития творческого содержания деятельности (см. рис. 1.3).

Существенно, что господство тотального рынка и других форм отчуждения может существенно модифицировать эту связь, приводя к

тому, что творческая деятельность, осуществляемая в мире отчуждения, является лишь одним из детерминантов поведения человека. В той мере, в какой субъект такой деятельности подчинен рынку, деньгам, капиталу, его потребности, ценности и мотивы будут оставаться по преимуществу утилитарными. Мы еще вернемся к этой проблеме ниже, а сейчас прокомментируем названную выше закономерность.

рис. 1.3



Несложно зафиксировать, что бурный прогресс креатосферы уже в 1950–70-е гг. бросил вызов миру Человека: черты homo economicus стали вытесняться рождающимися ценностями и мотивами homo creator’a (хомо креатора), развернулась не только научно-техническая, но и «человеческая революция» (еще ранее чрезвычайную популярность приобрели теории «человеческого капитала», где в косвенной форме была отражена эта проблема)¹.

¹ Мы еще вернемся к этим проблемам ниже. Там же будет дан и анализ соответствующих источников, начиная с работ Печчеи и Фромма – с одной стороны, Беккера – с другой.

Подчеркнем: в десятках сильных работ советских марксистов 1960–1970-х годов тезис о движении от «экономического» человека к свободной, гармонично развивающейся личности рассматривался как на философском, так и на прикладном, социологическом уровне (см., напр.: Проблема человека в современной философии. М., 1969; С чего начинается личность. М., 1984 →

Более того, даже в жесткой атмосфере СССР эта эпоха породила новый феномен «шестидесятников» – людей, для которых на первом месте были прогресс науки и искусства, освоение нового пространства (романтика, престиж профессий геологов, летчиков, космонавтов, полярников).

Откат в этих сферах и ренессанс homo eсоpoticus, начавшийся в 1980-е годы, оказался порожден усилением гегемонии глобального капитала и жестко связан с развитием превратных форм индивидуализации творческого труда, развитием иных процессов, довольно подробно раскрытых в теориях «общества профессионалов». Эти теории, в свою очередь, оказались неслучайны: возникающее «общество профессионалов» становится реакцией, с одной стороны, на невозможность имманентного прогресса креатосферы в условиях господства современной корпоративно-капиталистической рыночной экономики; с другой – оно тормозит прогресс креатосферы и развивает широкий круг ее субститутов и превратных форм. Но эта попятная тенденция временна, неоднозначна (нерыночные мотивы и ценности и ныне остаются среди доминирующих у лиц, хотя бы частично занятых творческой деятельностью, что показывают практически все современные социологические исследования¹).

Подытожим. Анализ существующих ныне материальных, технологических и социальных предпосылок нового общества позволяет построить некоторые **гипотезы генезиса пострыночной системы отношений**, дополняя сказанное выше. Именно эти пострыночные отношения должны

← и мн. др.), а также в политико-экономических работах, посвященных проблемам цели социалистического производства и т.н. «основного экономического закона социализма» (работы В. Черковца, К. Тронева, Г. Латышевой, А. Мелентьева и др. См., напр.: *Латышева Г.И.* Основное отношение и высшая цель общественного производства при социализме. М.: Наука, 1981; *Мелентьев А.Ю.* Основной экономический закон и социально-экономическая эффективность социалистического производства // Экономические науки. 1981. № 4; *Тронева К.П.* Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. 1974. № 4; *Он же.* Соотношение основного экономического закона и закона социалистического накопления // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика 1974. № 5; *Черковец В.Н.* Основной экономический закон и высшая цель общественного производства при социализме. М.: Знание, 1974; Эффективность и высшая цель социалистического производства / Под общ. ред. В. Н. Черковца. М.: Экономика, 1986).

¹ См., например: *Сергеева И., Быков В.* Материальные и нематериальные факторы мотивации труда // Человек и труд. 2010. № 9. С. 43; *Скрауч О.Н., Мехришвили Л.Л.* Специфика научной мотивации молодых преподавателей региональных вузов: по материалам социологического исследования // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. В теоретическом ключе об этом писали многие марксисты-«шестидесятники». Позднее этот феномен отметил В. Иноземцев (см.: *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 145).

стать первым шагом генезиса «царства свободы»; первым звеном новой социальной системы, обеспечивающей как рост эффективности материального производства, так и ответы на «вызовы», которые бросает социальным творцам генезис креатосферы.

Как результат развития общественного разделения труда и диалектического отрицания господствующей ныне формы отчуждения в экономике – товарных отношений – может возникнуть *пострыночная (планомерная) форма регулирования социально-экономического развития, поддержания пропорций, распределения и учета затрат [репродуктивного] труда и других ресурсов.*

Это должен быть более сложный и эффективный (нежели рынок) способ регулирования, который невозможно построить «сверху» – в этом случае получится очередная бюрократическая пародия на планомерность общественного производства. Он может вырасти лишь «снизу», на основе развития процессов обобществления труда и ассоциирования трудящихся, естественно-историческим путем, но при помощи активного социального творчества ассоциированных работников, проходя ряд стадий зрелости.

Характеристика пострыночных отношений не входит в задачу данного текста¹. Отметим лишь, что их генезис – отношения общественного учета и контроля (некоторый опыт которого приобретен уже и в нашей стране, особенно в первые годы советской власти, и массовыми демократическими движениями Запада, включая рабочее и профсоюзное); демократическое регулирование и социально-экологическое ограничение рыночной экономики; нормативный учет качества и количества труда – все это не фантазия. И новая экономическая политика в СССР (равно как и противоречия последующего развития механизмов сознательного регулирования), и социал-демократические модели, и внутрихозяйственное планирование в рамках гигантских корпораций – во всех этих явлениях угадываются первые шаги и направление развития таких отношений.

Более зрелыми новые пострыночные механизмы становятся, развиваясь до демократического народнохозяйственного программирования экономики (оно сегодня считается будущим, судить о котором мы можем, лишь пытаясь «очистить» от демократических деформаций мутантную систему планирования «социалистических» стран).

¹ Авторы, развивая традиции наших учителей (Н. Хессин, В. Черковец и др.), написали в свое время серию работ (многие из них были уже упомянуты нами выше), посвященных проблеме планомерности, в которых постарались показать содержание и форму этого отношения (см.: Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М., 1983; Бузгалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988; Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990 и др.).

Эти механизмы, естественно, долгое время будут противоречиво сосуществовать с ограничиваемыми, регулируемыми (и в этой мере отмирающими, но реальными) товарными отношениями.

Существенно, что рынок не был и не будет нейтрален по отношению к этим новым (плановым) отношениям; плановость и товарные отношения будут сосуществовать, находясь в состояниях противоречия, соперничества, борьбы. Плановое регулирование при этом будет иметь лишь одно основание для вытеснения рынка: более высокую экономическую и социальную результативность.

Базой для этого могут стать процессы реального обобществления труда (вплоть до развития всеобщего труда и распространения описанного выше механизма *распределения издержек*, вытесняющего эквивалентный обмен по мере движения к информационному обществу) и ассоциирования трудящихся.

Вырастая на базе раскрепощения процессов свободного ассоциирования трудящихся, «царство свободы» с самого начала складывается как *система экономического самоуправления*, соединяющая в единое целое такие подсистемы, как:

- производственное и территориальное самоуправление (в бригаде, цехе, на предприятии; в микрорайоне, поселке, городе);
- участие представителей трудовых коллективов и иных ассоциаций граждан в управлении отраслевыми и региональными экономическими процессами;
- демократическое планирование (сняющее противоречия «плановых делок» эпохи «реального социализма»);
- функциональное экономическое самоуправление (деятельность полномочных профсоюзных, потребительских и т.п. организаций по нормативному регулированию экономики) и т.п.¹

Элементы этих отношений, предпосылки их массового развития существуют уже сегодня, оставаясь в то же время не более чем переходными, постоянно возникающими и гибнущими (под давлением господствующих механизмов отчуждения, в частности рынка, гегемонии корпоративного капитала) ростками будущей системы экономического самоуправления. Возможности их развертывания в общественном масштабе – это уже совсем иная тема.

¹ Подчеркнем: в СССР в конце 1980-х годов вышла серия интересных работ по проблемам самоуправления. Это неслучайно: именно тогда, в конце горбачевской «перестройки», это отношение развивалось (естественно, в достаточно противоречивых первоначальных формах) на практике в весьма широких, по сути народнохозяйственных, масштабах (см.: Аузан А. Социалистическое самоуправление в экономике. М., 1987; Белоцерковский В. Самоуправление. М., 1990; Бузалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М., 1985; Бузалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988 и др.).

А теперь самое время рассмотреть давно уже приходящие на ум *конtradикции противников гипотезы нелинейного снятия рынка в современном мире* и дать, наконец, интерпретацию хорошо известного феномена «ренессанса» как самих рыночных отношений, так и идеологии, проповедующей их естественность и неизбежность.

Для объяснения этого процесса сформируем следующую гипотезу: *волна неоллиберализма стала реакцией на развертывание новых превратных форм объективной тенденции «заката» «царства экономической необходимости», а именно – становления глобальной гегемонии корпоративного капитала, и в частности развития тотального рынка.* Сам феномен тотального рынка и его противоречия нами были охарактеризованы выше, поэтому мы, базируясь на сделанных ранее выводах, можем продолжить наши размышления.

Первоначально тенденции появления постиндустриальных технологий в мировом капиталистическом хозяйстве и обострение вызванных этим глобальных проблем (уже в 1950–1970-е гг. человечество столкнулось с обострением противоречий между обществом и природой, угрозами, связанными с распространением оружия массового уничтожения, перенаселением и т. д.), а также социально-политические факторы (относительные успехи «Мировой социалистической системы» в этот период, крах фашизма и мн. др.) стали одним из существенных факторов частичной социализации капиталистической экономики и демократизации политики. В этот же период появились уже упоминавшиеся нами теории «человеческой революции», «нулевого роста» и т. д. При этом и практика, и теория 1950–1970-х гг. дали определенные позитивные результаты, но столкнулись с внутренними противоречиями. Результатом этого столкновения на первом этапе стали не кризис и изменение мировой капиталистической системы, а отказ от дальнейшего развития процессов социализации, экологизации и гуманизации экономики. Причины этого многообразны, а их анализ был частично дан в начале Прелюдии. В данном случае важна фиксация самого процесса.

Так в конце 1970-х – 1980-е гг. западный мир столкнулся с жесткой альтернативой: либо изменение коренных основ капиталистической системы, либо «откат» и регрессивное движение в области социализации, экологизации и гуманизации, отказ от продвижения к миру, лежащему по «ту сторону» отчуждения.

Выбор был сделан (во многом – объективно) в пользу второго варианта. При этом тенденции генезиса нового общества, естественно, не могли исчезнуть вовсе. Необходимость постоянного технологического прогресса, диктуемая самой сутью капиталистической системы¹, по-

¹ «...Каждый отдельный капиталист заинтересован в удешевлении товара путем повышения производительной силы труда» – резюмирует свой анализ →

требовала поиска превратных форм для этих тенденций. И такие формы (мы их уже рассмотрели выше) были найдены. Параллельно стали развиваться процессы индивидуализации деятельности и роста искусственных («перенесенных») форм обособления производителей.

Позволим себе аналогию между внедрением товарной формы информационного продукта и частной собственности на информацию как превратных форм культурных ценностей, с одной стороны, и аналогичными в чем-то процессами создания феодальных искусственных границ на пути движения товаров в период генезиса буржуазного общества – с другой¹.

Обращаясь к последнему периоду, легко заметить, что на всем его протяжении господствовавшая в большинстве стран до середины XIX века система феодальных отношений создавала огромное количество препятствий и внешних превратных форм на пути производства и продвижения товаров, развития денег как всеобщего эквивалента и т.п. Такими формами были феодальная раздробленность, искусственные границы рынков, крепостническая зависимость, привилегии аристократии, зависимость финансов от интриг при дворе и иные механизмы, внешне, искусственно (с точки зрения собственных законов рынка) тормозившие прогресс товарного производства и обращения, генезис капитала.

По аналогии можно предположить (авторы вполне отдают себе отчет в том, что аналогия – не доказательство), что такими же *внешними «тормозами» для прогресса мира культурных ценностей являются рыночные формы, формы буржуазной частной собственности.*

Рынок и капитал навязывают предметному миру культуры форму информационного (а также масскультурного, массмедийного и т.п.) товара подобно тому, как феодально-крепостническая, сословная система навязывала товарам и деньгам форму оброка, ренты и т.п. На место свободного всеобщего доступа к культурным ценностям приходят система патентов, частная собственность на интеллектуальные продукты, различные механизмы платности и жесткого контроля за доступом к информации

← по данному вопросу К. Маркс, и добавляет: «этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства» (*Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 328 и 329*).

¹ Этот тезис развивается, в частности, в упоминавшихся ранее статьях А. Колганова «Собственность на знания как тормоз экономического и социального развития» (Альтернативы. 2002. № 1) и А. Бузгалина «Частная собственность устарела» (Отечественные записки. 2004. № 6). В настоящее время тема частной интеллектуальной собственности как основного препятствия развития, создаваемого капиталом, стала едва ли не общим местом работ левых интеллектуалов, и это совершенно справедливо. Мы к этой проблеме еще не раз будем возвращаться.

и многие другие феномены, создающие огромные препятствия и трудности для свободной жизнедеятельности культуры. Такого рода барьеры «съедают» большое количество ресурсов, требуют создания сложной системы институтов и высоких транзакционных издержек, необходимых для охраны крайне трудно фиксируемых прав частной собственности на информационные продукты, знания и, в еще большей степени, культурные блага. Огромные трудности возникают и при перенесении закономерностей рыночных отношений в такие сферы, как наука, культура и т.д.

Но эти трудности разрешаются в той мере, в какой творческая деятельность надевает на себя превратные формы, создаваемые современным рынком. *Объективный процесс развития креатосферы и вытеснения ею собственно материального производства (даже если мы абстрагируемся на время от расширения превратного сектора) в условиях тотальной маркетингизации приобретает превратные формы опережающего прогресса таких сфер, как производство информационных товаров (точнее, информации как товара, в частности патентов), массовая культура и массмедиа.* В этом объективные основы экстенсивного и интенсивного распространения этих сфер в условиях современного рынка. Так развиваются:

- производство информационных товаров (т.е. культурных феноменов, находящихся в частной собственности и произведенных на продажу, ориентируясь на платежеспособный спрос) как превратная форма научного, технического и т.п. прогресса (именно этот феномен часто получает имя «инноваций» как коммерчески реализованных новшеств)¹;
- массовая культура, т.е. удовлетворение спроса на массовидный, стандартный (хотя, возможно, и искусственно «новый» – как нов Шварценеггер в сравнении с Жан-Клодом Ван Даммом или наоборот...) «художественный» товар, подлежащий потреблению (но не распределению) мещанином (агентом рынка, неспособным к диалогу, со-творчеству). Как таковая, масскультура и есть превратная форма искусства;
- деятельность средств массовой информации, производящих стандартные тотально-рыночные, тотально-капиталистические идеологемы, т.е. превратные экономико-политические формы представлений о мире и отношениях между людьми в нем. Эти отчужденные формы и нормы замещают диалог личностей и, тем самым, творчески-критическую самооценку и самопознание мира индивидом в свободном диалоге с другими.

¹ «Инновация – результат инновационного процесса, т.е. изобретение, доведенное до стадии коммерческого использования и распространяющееся на рынке в виде нового продукта или процесса» (Экономический словарь. Режим доступа: <http://abc.informbureau.com>). Аналогичное определение: «Инновация – конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке» (Финансовый словарь Финам. Режим доступа: <http://dictionary.finam.ru>).

Вследствие этих инверсий развитие производства информационных товаров, масскультура, деятельность массмедиа и иные превратные формы творческой деятельности в современных условиях тотального рынка создают новые основания для возрождения теоретических объяснений феноменов рынка, основанных именно на методологии экономического индивидуализма и парадигме предельной полезности. Здесь происходит двойная инверсия, приводящая (по логике «отрицания отрицания») к возрождению исходных посылок. Рассмотрим эту непростую зависимость подробнее.

Шаг первый (мы о нем писали подробнее в тексте, посвященном критике есопотіс). Модель предельной полезности и основанная на описании соотношения спроса и предложения трактовка *механизмов функционирования* рынка (а не сущности развития отношений товарного производства) есть неслучайное теоретическое отображение превратных, фетишистских форм товарных отношений. В этом случае, как мы уже замечали вслед за Марксом, «кажется (в том числе и теоретику, принадлежащему к неоклассическому направлению) то, что есть на самом деле». Соответственно, *такая* теория адекватно отражает видимость превратных форм, т.е. адекватно (и в этом смысле *истинно*) отражает внешние, видимые, маскирующие сущность (и потому по сути дела *ложные*) формы (механизмы функционирования) рынка.

На политико-экономическом языке эту связь можно интерпретировать следующим образом: случайные решения индивидов и случайные колебания спроса и предложения есть закономерное проявление отношений товарного производства, где стоимость, действительно, определяется абстрактным общественным трудом, но цены – колебаниями спроса и предложения. Последнее вполне правомерно и фиксирует есопотіс, показывая механизм взаимодействия этих трех (спрос, предложение, цены) и иных, производных от них, параметров и давая ему превратную (т.е. адекватно отражающую действительные превратные формы – формы спроса и предложения, которые для отдельных лиц не могут не зависеть от их индивидуальных предпочтений, с чем не будет спорить ни один марксист) интерпретацию.

Шаг второй: развитие творческого содержания деятельности («всеобщего труда» в терминологии К. Маркса) приводит к подрыву собственных основ товарного отношения – обособленности производителей и общественного разделения труда. Трудовая основа стоимости объективно выдавливается по мере прогресса творческой деятельности. При этом, однако, сохраняется и даже прогрессирует социально-экономическая форма (а она, как известно, относительно независима и может отрываться от материально-технического базиса) товарных отношений – рынок.

Соответственно развиваются и превратные формы товарных отношений, указывающие на действительную (на уровне превратных форм) зависимость цен от спроса и предложения, а последних (в конечном

счете) – от предельной полезности благ (точнее, от индивидуальных предпочтений). Более того, прогресс творческого содержания деятельности создает объективные предпосылки для еще большего отрыва этих форм от сущности. Это не только диффузия трудовой основы стоимости, но и индивидуализация, неповторимость как самой деятельности, так и ее продуктов, а также ее непосредственная сращенность с неопределенно широким кругом лиц-деятельностей (и их продуктов), с которыми «кооперируется» каждый творец. «Посчитать» стоимость продукта такой деятельности, сводя ее к некоторым затратам труда, становится абсолютно невозможно (впрочем, стоимость в строгом смысле слова никогда нельзя было посчитать, на что специально указывал К. Маркс). Так еще более увеличивается видимость зависимости не только цен, но и ценности (в данном случае этот перевод английского/немецкого понятия *value/vert* более точен, нежели стоимость) от случайных колебаний спроса и предложения, утверждая с новой силой жизненность превратных форм товарных отношений – рынка.

Шаг третий – на этой реальной, объективной основе разворачивается как новая волна фетишизации рыночных форм (в ее основе лежит и феномен развития рыночного тоталитаризма), так и новый тип рыночных отношений.

Последние можно назвать «*фиктивным*» (или, отдавая дань современной моде – «*симулятивным*») рынком. Этот рынок является предметом специального анализа в данной книге, но здесь мы не можем не заметить, что это рынок, где все его атрибуты (действительно, реально сущие превратные формы) все более отрываются от своей основы (частного труда обособленных производителей, связанных общественным разделением труда) и живут за счет самопродуцирования социально-экономической формы. Возникает феномен, напоминающий фиктивные формы ростовщического (позднее – ссудного, финансового) капитала, где деньги создавались... деньгами. Так и здесь возникает система фиктивных отношений, где рыночные формы создаются другими рыночными формами и так далее, безотносительно к их стоимостной, трудовой основе.

Этот тип рынка (равно как и само информационное общество) еще только возникает. Но он, как было показано выше, интенсифицирует и интенсифицируется развитием современных форм сетевого рынка, виртуальных денег и фиктивного финансового капитала.

Этот новый «*симулятивный*» (или «*фиктивный*») рынок вызывается к жизни соединением противоречивых феноменов: с одной стороны – генезисом (на материально-техническом уровне) творческого содержания труда, вытесняющего стоимость как объективную основу цен и вообще рыночных отношений; с другой – разворачиванием (на социально-экономическом уровне) тотального рынка как продукта оторвавшейся от своего содержания рыночной формы.

Разрешение этого противоречия возможно только в том случае, если к жизни будет вызываться такая творческая деятельность, которая адекватна потребностям тотального рынка, которая может и «хочет» развиваться в этих условиях (это деятельность прежде всего в таких сферах, как финансы, массовая культура, обучение «профессионалов» и т.п.), а рынок будет развиваться именно как «фиктивный», но при этом тотальный. Фиктивным он должен быть для того, чтобы там могли обмениваться продукты, не имеющие стоимости (продукты творческого труда и симулякры). Тотальным – чтобы подчинить себе творческую деятельность и, более того, обеспечить ее переориентацию на функционирование преимущественно в превратном секторе.

Развитие такого рынка приводит к взаимной мультипликации превратных форм генезиса творческой деятельности и рыночного фундаментализма.

С одной стороны, индивидуализированная, лежащая «по ту сторону материального производства» (и, следовательно, «по ту сторону») создающего стоимость абстрактного труда) творческая деятельность может получать социальное признание и при помощи превратных (т.е. не адекватных содержанию) форм рыночных отношений, в которых индивидуальные случайные предпочтения сталкиваются в процессе обмена. Последнее, однако, должно иметь место только в том случае, если творческой деятельности извне, принудительно навязана социально-экономическая форма рынка, от которой она не может избавиться. Но именно это навязывание (как именно оно происходит в условиях позднего капитализма, показывает теория тотального рынка) и является атрибутом такого рынка с его «рыночным фундаментализмом».

С другой стороны, атмосфера тотального рынка («рыночного фундаментализма») XXI века стимулирует развитие именно тех способов и форм творческой деятельности, которые могут существовать в условиях рыночной конкуренции и, более того, вызываются к жизни современным рынком (деятельность в превратном секторе).

Так происходит, повторим, взаимомultiпликация развития «фиктивного» (оторванного от стоимостной основы вследствие развития деятельности, лежащей «по ту сторону материального производства»), но при этом тотального рынка, с одной стороны, лежащей «по ту сторону материального производства» деятельности в фиктивном (превратном) секторе, адекватной формам тотального рынка – с другой.

Сказанное, тем самым, объясняет, почему в современных условиях прогресс творческой деятельности вызывает не вытеснение и отмирание рынка, а прогресс превратных форм и товарных отношений, а прогресс творчества приводит к экспансии «фиктивного» тотального рынка (рыночного фундаментализма) и развитию преимущественно не креатосферы, а масскультуры, массмедиа и других сфер превратного сектора.

глава 2 Виртуальные деньги

Процессы генезиса нового качества экономики в XXI веке неслучайно оказались «завязаны» на два феномена – глобализацию и развитие новых технологий. Оба этих процесса, соответственно, неслучайно вызвали к жизни феномен виртуального фиктивного финансового капитала, генезис его как продукта развития тотальных сетевых рынков и глобальной гегемонии капитала. На поверхности эти процессы проявили себя как прогрессирующее развертывание виртуальной экономики, финансовая глобализация и итожащая все это «финансиализация».

Рассмотрим эти процессы подробнее.

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ:
«ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ», И НЕ ТОЛЬКО**

Развивая тотальный корпоративно-сетевой рынок как адекватную всеобщую форму своей гегемонии, современный корпоративный капитал порождает и адекватные средства для этого. Деньги как всеобщий эквивалент – мера стоимости (ценности) и средство обращения (жизнедеятельности) всякого товарного производства – в нынешнюю эпоху приобретают новые свойства, которые являются продуктом их предшествующей эволюции. Последняя, напомним, проходит следующие *историко-логические ступени*.

1. Исходный пункт: деньги как особый товар (золото, серебро), исторически выполняющий функцию всеобщего эквивалента в товарных отношениях как при капитализме, так и еще до него. В рамках теоретического анализа капитализма этот уровень анализа соответствует абстракции простого товарного производства.

2. Деньги как продукт капитала: обращение денег определяется законами движения товарного и денежного капитала.

3. Деньги как кредитные деньги в условиях сохранения золотого стандарта (деньги выражают цену товаров, причем преимущественно товаров в материальном производстве), дополняемые фиктивным капиталом, в частности банковскими и государственными ценными бумагами. Курс («цена») последних выражается деньгами как относительно независимым товаром – всеобщим эквивалентом (хотя и представленным в виде активов банковской системы). Происхождение бумажных денег носит кредитный характер, путем развития через частные векселя, служащие инструментом товарного кредита, к векселям банков, а затем – государственных казначейств и государственных банков. Таким образом,

появляются казначейские билеты и банкноты – непрерывно обращающиеся векселя, которые сначала можно погасить золотыми монетами, а затем уже нет.

Форма бумажных денег, имеющих кредитную природу, проходит следующую цепочку развития:

а) Бумажные деньги, замещающие золото в функции средства обращения: банкноты, свободно размениваемые на золотые монеты, совершающие параллельное обращение.

б) Бумажные деньги, замещающие золото в функциях средства обращения и средства платежа: банкноты, свободно размениваемые на золотые монеты, не совершающие параллельного обращения (золотомонетный стандарт).

в) Бумажные деньги, замещающие золото в функциях средства обращения, средства платежа и частично – средства накопления (сокровища): золотодевизный и золотослитковый стандарт.

4. Эволюция денег в условиях империализма как первой стадии эволюции позднего капитализма: возрастание влияния монополий на цену (но не деньги как таковые), развитие финансового капитала до роли основной формы капитала, подрыв, но не ликвидация золотого стандарта.

5. Эволюция денег в условиях социально-государственного регулирования: подрыв объективных основ денег как товара – всеобщего эквивалента вследствие мощного государственного регулирования, развитие различных нормативов, форм ассоциирования трудящихся и граждан как альтернатив власти денег, отказ от золотого стандарта и окончательный переход к системе, где *сознательно регулируемый государством* агрегат – свободно конвертируемые валюты, прежде всего доллар, – становится субститутутом денег как объективного всеобщего эквивалента. Переход к «долларовому» стандарту (Бреттон-Вудская система) создает еще более мощные иллюзии того, что вся «тайна» денег есть их... количество. Количественная теория денег торжествует. Едва ли не главное внимание экономистов с этого момента уделяется проблемам количества денег в обращении и производным от этого вопросам инфляции, эмиссии, бюджетного дефицита, норм резервирования, долгов, валютных курсов и т.п. «Финансовый фетишизм» в экономической теории становится отражением господства финансовых процессов в экономической практике. Предпосылки финансиализации созданы, но она удерживается в терпимых границах сохраняющимся сильным государственным регулированием.

Итак, бумажные деньги, имеющие кредитную природу, перестают быть реальным *товаром-эквивалентом*, выделившимся из всего остального товарного мира. Затем они перестают быть и *реальным представителем* такого товара-эквивалента (золотого товара). Но остаются ли они *идеальным* представителем товара-эквивалента? Да, потому что законы денежного обращения, основанные на движении товара – всеобщего эквивалента, продолжают действовать и относительно бумажных

денег, реально с таким товаром не связанных. Таким образом, идеальная связь, выраженная в законе обращения денег, остается.

Однако развитие фиктивного капитала и современного финансового рынка, формирование виртуального капитала, начинают размывать и эту связь.

6. Современное положение, на котором остановимся подробнее.

Возникновение виртуального капитала и обслуживающих его виртуальных денег – новейший этап эволюции форм существования капитала. В исходном пункте формирования виртуального капитала лежит обособление денежного капитала как одной из функциональных форм промышленного капитала (в терминологии К. Маркса это капитал, функционирующий в сфере производства, совершая движение по формуле $D-T-D'$, так что в дальнейшем мы будем говорить о производительном капитале).

Обособляясь, денежный капитал начинает функционировать как ссудный капитал. Его институциональной оболочкой является кредитная система (банки, инвестиционные компании, пенсионные и страховые фонды и т.п.).

На основе развития кредитных операций становится возможным развитие фиктивного капитала – совершающих обособленное обращение титулов собственности на инвестированный капитал. Здесь не только капитал-собственность отделяется от капитала-функции, но и право собственности отделяется от объекта собственности.

Институциональным оформлением фиктивного капитала выступает фондовый рынок, на котором обращаются разнообразные титулы собственности – векселя, акции, облигации, варранты, доковые и складские расписки, фьючерсные контракты, закладные и т.д., и образованные от них производные ценные бумаги.

Указанные две группы институтов – кредитная система и фондовый рынок (с добавлением к ним страхового и валютного рынков) – образуют финансовый рынок.

Первоначально и ссудный, и фиктивный капитал, равно как и организующие их функционирование кредитная система и фондовый рынок, выполняли функции по обслуживанию движения производительного капитала в целом, мобилизуя и перераспределяя временно свободные денежные средства. Тем самым возможности расширения капитала продвигались за пределы возможностей накопления индивидуального капиталиста. Однако эти возможности все еще лимитировались совокупным потенциалом мобилизации временно свободных денежных средств в масштабах всего общественного капитала.

Ситуация меняется, когда оценка фиктивного капитала, обращающегося на финансовом рынке, отрывается от оценки того действительного капитала, который представлен в ценных бумагах – первоначально просто в силу относительной самостоятельности фондового рынка. Это создает, во-первых, широкие возможности для чисто спекулятивных

операций, основанных на высокой степени неопределенности оценки стоимости ценных бумаг. Во-вторых, это создает реальную видимость возможности привлечения с фондового рынка денежных капиталов, значительно превосходящих размер действительного капитала.

Данная возможность распространяется не только на фондовый рынок, но и на рынок ссудного капитала, поскольку становятся распространенными кредитные операции под залог ценных бумаг (а оценка последних отрывается от оценки действительного капитала). Такое обеспечение кредитной эмиссии, уже не основанное на стоимости действительного капитала, создает, тем самым, не только возможность расширения капитала за пределы реальной мобилизации временно свободных денежных капиталов (а также роста спроса за пределы реальных доходов). Вместе с этим происходит существенный рост риска, связанного с обнаружением несоответствия стоимости действительного и фиктивного капитала.

Именно на этой основе и происходит превращение фиктивного капитала в виртуальный капитал, т.е. в капитал, стоимостная оценка которого неопределенна, место нахождения которого из-за частоты и многоступенчатости сделок также неопределенно, и собственник которого по той же причине расплывчат и неуловим. Неопределенность стоимостной оценки доходит до того, что в некоторые моменты времени вообще нельзя сказать, стоит ли данный капитал хоть что-нибудь, то есть вообще является ли капиталом.

Виртуальный капитал в определенный исторический период (70–90-е гг. XX века) послужил эффективным инструментом снятия противоречий капитализма, связанных с перенакоплением производительного капитала. Переток относительно излишнего капитала на финансовый рынок, во-первых, означал использование отдушины для избавления производственного сектора от перенакопленного капитала, и, во-вторых, способствовал созданию дополнительного спроса, который первоначально не обнаруживал свой фиктивный (или, точнее, виртуальный) характер.

Такая ситуация способствовала смягчению колебаний капиталистического промышленного цикла. Однако невозможно устранить фундаментальную связь фиктивного капитала, пусть и приобретшего свойства виртуального, с действительным капиталом. Перенакопленный в сфере производства капитал может найти себе временное эффективное применение на финансовом рынке и даже содействовать расширению спроса в производственном секторе. Однако эта ситуация не устраняет факта перенакопления действительного капитала, а лишь отсрочивает экономическую реализацию этого факта.

Экономический рост, опирающийся на фиктивное (виртуальное) расширение спроса, в конечном счете упирается в реальную нехватку действительного денежного капитала или дохода. Когда обнаруживается, что реальный денежный спрос не соответствует представленному виртуальными финансовыми инструментами, рынок вынужден принудительно

ограничить расширение действительного капитала (как это случилось, например, с американской – и не только – строительной промышленностью после краха ипотечного рынка в 2008 году). Поэтому превращение фиктивного капитала в виртуальный создает опасность значительного обострения циклических кризисов.

Требует самого пристального внимания результат этого резкого возрастания значения финансового рынка для всех секторов экономики и усиления обратного влияния финансов на сферу производства, которое вот уже более десятилетия обычно обозначается термином «*финансиализация*»¹. Последняя характеризуется многими специфическими чертами, среди которых наиболее значимыми стали следующие.

Во-первых, качественный и количественный сдвиг в пользу финансового сектора (растущие опережающими темпами объемы трансакций, более высокая норма прибыли, отток в эту сферу человеческих и иных ресурсов, образование новых институтов и т.п.).

Во-вторых, едва ли не определяющее влияние этого сектора на всю систему аллокации ресурсов и координации (направления потоков инвестиций, принятие решений, структура цен и т.п. во *всей* экономике определяется ныне во многом конъюнктурой финансового сектора...). Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну дерегулирования; финансовые спекуляции стали «регулятором»-субститутом государственного воздействия на экономику².

¹ Основные характеристики финансиализации авторами даны на основе работ: *Levina I. What is Financialization: New Phenomenon, or Periodically Occurring Process?* (Manuscript, 2002) и *Lapavitsas C., Levina I. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010* (Available at: <http://researchonmoneyandfinance.org/media/papers/RMF-24-Lapavitsas-Levina.pdf>), в которых обобщен широкий круг зарубежных исследований по данной проблеме, в частности, такие работы, как: *Binswanger M. Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1999*; *Minsky H. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press, 1986* и др. В основу систематизации основных параметров финансиализации И. Левиной была положена структура системы производственных отношений, предложенная авторами этой книги.

² «...все большая часть прибавочной стоимости не может быть инвестирована в расширение и совершенствование производственных систем, и поэтому единственной возможностью продолжать накопление в условиях контроля монополий становится «финансовое инвестирование» этой избыточной прибавочной стоимости. В результате финансиализации основные функции контроля над воспроизводством системы накопления перешли примерно к тридцати крупнейшим банкам «триады» Так называемые (эвфемистически) «рынки» – не что иное, как площадки, на которых разворачиваются стратегии этих субъектов, главенствующих на экономической арене. В свою очередь, эта финансиализация – причина роста неравенства в распределении доходов →

В-третьих, существенно изменились отношения собственности (система прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал – тема особого исследования) и распределения дохода.

Наконец, вся система общественного воспроизводства приобрела многие специфические черты, среди которых резко возросшая зависимость этого процесса от случайных факторов, рисковость, нестабильность экономической системы, шот-термизм (short-termism) и т.п. черты, давшие содержательные основания для того, чтобы назвать эту систему «казино-капитализм».

Результатом этого процесса стало формирование особого типа человеческого поведения, ориентированного на финансовые трансакции как главный способ жизнедеятельности и модель поведения. По мере развития финансиализации, «homo finansus» (категория введена в научный оборот И. Левиной¹) становится едва ли не господствующим типом личности (причем это характерно не только для предпринимателей, но и для потребителей).

Даже этот краткий и неполный перечень основных черт процесса финансиализации позволяет зафиксировать некоторые качественные изменения в природе капитала. Прежде чем сформулировать их, заметим, что данная выше характеристика феномена финансиализации в значительной мере корреспондирует с широко известным перечнем выделяемых широким кругом исследователей за рубежом и в России *едва ли не общепринятых характеристик современной финансовой системы*², которые в данном случае будут субординированы исходя из логики развертывания

← и богатства, – порождает растущую массу активов, которой и питается» (см.: *Амин С.* «Схлопывание» современного капитализма и дерзость левых // *Альтернативы.* 2014. № 2. С. 9)

¹ См.: *Левина И.* К вопросу о соотношении реального и финансового секторов // *Вопросы экономики.* 2006. № 9.

² Одним из источников для предлагаемых выводов послужили солидная коллективная работа Money and the Nation State. The Financial Revolution, Government and the World Monetary System / R.H. Timberlake, K. Dowd (Eds.), M.H. Miller (Foreword) (L., 1998), известная статья П. Суизи (*Sweezy P.* The Triumph of Financial Capital // *Monthly Review.* 1994. Vol. 46), ряд докладов профессора Михаила Бри (*Brie Michael*), а также дающие не только обобщение западных работ, но и оригинальное авторское видение тексты И. Левиной (см.: *Левина И.* К вопросу о соотношении реального и финансового секторов // *Вопросы экономики.* 2006. № 9).

Кроме того, важным источником данного текста стали следующие работы: *Российская экономика: финансовая система*, М., ТЕИС, 2000; *Осунов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М.: ТЕИС, 2004; *Пороховский А.А.* Вектор экономического развития. М.: ТЕИС, 2002; *Binswanger M.* Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1999; *Guttman R.* Cybercash: the Coming Era of Electronic Money. Palgrave, 2003; *Tobin J.* World Finance →

процесса трансформации денег (и их функций) как феномена национально-регулируемой и социально ориентированной экономики позднего капитализма в деньги как виртуальный продукт фиктивного финансового капитала неолберальной стадии глобальной гегемонии капитала.

Как мы заметили выше, информационные технологии создали предпосылки для доминирования *электронных денег*.

Эти предпосылки создают адекватные основания для сращивания денег «в узком смысле слова» (агрегат М1) и фиктивного капитала в мировом масштабе, рождая виртуальный фиктивный капитал (ниже авторы особо прокомментируют значительное обратное влияние этой новой формы на содержание – капитал). Соответственно, *функцию меры стоимости* выполняют преимущественно не деньги «в узком смысле слова», а новый экономический феномен – синтез денег как М1 и различного рода форм *фиктивного капитала*¹, «живущих» в финансовых информационных системах, – «*виртуальные деньги*».

Основным стихийным регулятором движения таких денег становится финансовый рынок (а в данном случае, точнее, фиктивный капитал), где и «живут» виртуальные деньги, Последний под влиянием глобализации во все большей степени является мировым и во все меньшей степени зависит от регулирования движения денег «в узком смысле слова», которое осуществляется преимущественно на национальном уровне. Процессы эмиссии (особенно кредитной) и остальные национальные финансовые регуляторы находятся в сильной зависимости от конъюнктуры финансового рынка (а он, еще раз подчеркнем, стал глобальным). Следовательно, *движение денег, их функции как средства обращения и средства платежа, все больше определяется фиктивным капиталом как конкретно-всеобщим феноменом*. Более того, эмпирически легко фиксируется и рождение нового аспекта движения денег в этой функции: до 80 процентов трансакций, обслуживаемых деньгами, связано с движением не товаров и услуг, а денежных агрегатов и суррогатов.

Роль *мировых денег* выполняет сложно организованная система некоторых национальных валют и их агрегатов (евро). Характеристика «сложно» здесь значима – степень сложности системы такова, что она становится принципиально «закрытой» для отслеживания ее жизнедеятельности. Сознательному воздействию она поддается только как «черный

← and Economic Stability: Selected Essays of James Tobin. Cheltenham, Glos. et al.: Elgar, 2003.

¹ Понятие фиктивного капитала здесь и ниже используется в марксовом смысле, раскрытом в III томе «Капитала». Подчеркнем, что анализ этого наследия Маркса, к сожалению, до сих пор далек от завершения, хотя имеются и исключения. Среди них – принципиально значимая для понимания этого феномена статья нашего коллеги по обучению в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова Сергея Леонова (см.: *Леонов С. Л. Фиктивный капитал: содержание и виды // Экономические науки. 1980. № 9*).

ящик» (в кибернетическом смысле этого понятия), причем лишь вероятно (и во многих случаях недостоверно, чему примером мировой кризис 2008–2010 гг.) прогнозируемым «выходом» в ответ на определенный «вход». При этом «качество» (в частности, устойчивость, курс и т.п.) *таких* денег зависит в определяющей степени от мирового финансового рынка.

Роль *сокровища* (сбережений) выполняют преимущественно денежные вклады в крупнейшие банки и др. финансовые институты, где эти вклады «сращиваются» с фиктивным капиталом и оказываются под определяющим воздействием последнего (в том смысле, что их движение зависит и от вложений в ценные бумаги, осуществляемых банками, и от котировки ценных бумаг, эмитируемых самим банком в конечном счете от конъюнктуры мирового финансового рынка).

Опираясь на эти факты, можно сделать вывод: в целом в современных условиях *функционирование денег в узком смысле слова качественно и количественно определяется глобальным (общемировым) виртуальным фиктивным финансовым капиталом.*

ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИКТИВНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ: DIFFERENTIAE SPECIFICAЕ

Это новое качество финансового капитала, которое последний обретает в результате диалектического соединения как своих прежних качеств (фиктивного и снимающего его финансового капитала), описанных еще К. Марксом, Р. Гильфердингом, В. Лениным и др., так и новых качеств, порожденных развертыванием (1) информационных технологий (качество «технической» виртуальности) и (2) корпоративно-сетевой рынка (корпоративно-сетевая структура финансового рынка).

Этот капитал, в отличие от «обычного» фиктивного капитала XIX века, уже «в себе» (3) сращен с производственным монополистическим капиталом (как мы покажем ниже, даже корпорации реального сектора накануне мирового финансово-экономического кризиса до половины прибыли получали от финансовых спекуляций); но в отличие от «обычного» финансового капитала, пройдя спираль «отрицания отрицания», он (4) *вновь оторвался от жизнедеятельности реального капитала* (производственного, торгового и даже ссудного) и образовал особое пространство своей виртуальной жизни (отчасти оно может быть соотнесено с мировым финансовым рынком).

К тому же, пройдя стадию социально-государственного контроля середины XX века, он, с одной стороны, (5) «снимает» ее в результате сращивания транснациональных финансовых (и иных...) корпораций, национальных государств и международных финансовых институтов, с другой (6) – в определенной мере преодолевает эту власть национально-

государственного регулирования, вырываясь на простор глобальных финансовых спекуляций.

В этих условиях основные функции денег (при рассмотрении их на сущностном, глубинном уровне – уровне действительных детерминантов, а не превратных форм) выполняются, как мы заметили выше, также этим капиталом, который при этом является многократно опосредованной и оторванной от материального производства превратной формой капитала как основы капиталистического способа производства.

Тем самым деньги становятся виртуальными и по своей технологической природе, и по социальной форме.

В первом случае – это продукт развития информационных технологий, создающих (1) вид особой – виртуальной – реальности, заменяющей золото (и бумагу) и (2) возможность неограниченного перемещения и преобразования форм в информационных сетях и финансовых системах. Изначально востребованные качеством денег как всеобщего эквивалента свойства (делимость, сохранность и т.п.), ранее находившие адекватное воплощения в материальных свойствах золотого металла, ныне обретают еще более адекватное воплощение в электронных носителях. Последние позволяют выражать сколь угодно большие денежные суммы в сколь угодно малом носителе, перемещать их с практически мгновенной скоростью, хранить сколь угодно долгое время без каких-либо значительных издержек и т.п.

Все это позволяет сделать элементарный и общеизвестный, но важный вывод: электронная форма денег не создает всемирный виртуальный фиктивный капитал (и современный мировой финансовый рынок как одну из форм его наличного бытия), но без этой формы такой капитал был бы невозможен технически: транзакции в два-три триллиона долларов в день (объемы операций на мировых финансовых рынках последнего десятилетия) совершать без компьютеров и Интернета невозможно.

Во втором случае деньги виртуальны уже в ином – социально-экономическом – смысле: *они не имеют материального носителя, независимого от конъюнктуры общественных процессов.* Золото было и остается мерой стоимости, пока существуют отношения товарного производства и обмена. Виртуальные деньги как продукт тотального корпоративно-сетевого рынка (последний находит в виртуальных деньгах адекватную меру ценности товаров – тоже все более виртуальных – и средство своего функционирования) и виртуального финансового капитала, «живущего» в информационных сетях, полностью зависимы от последних. Они «живут» только в той мере, в какой сохраняется фиктивный финансовый капитал. Обрушение спекулятивной составляющей последнего (а накануне кризиса она составляла – по разным оценкам – от 80 до 90%) будет одновременным крахом виртуальных денег.

Виртуальность денег в данном случае означает не только их электронную форму, но и их вероятностное, неустойчивое, случайное бытие, не укорененное в стоимости, созданной абстрактным общественным трудом.

Деньги из «абсолютного» всеобщего эквивалента (продукта всеобщего абстрактного труда), срощенного с устойчивой натуральной формой (золота или серебра), превращаются в аморфную совокупность продуктов жизнедеятельности виртуального капитала, причем совокупность качественно разнородную и лишь вероятностно (виртуально) выполняющую роль и меры стоимости, и средства обмена, и уж тем более средства накопления. Свойство бумажных денег быть всего лишь посредником обращения, не имеющим собственной стоимости, в виртуальных деньгах достигает своего апогея, ибо не имеет даже тех – национально-государственных – гарантий, которые имели бумажные деньги. Виртуальные деньги как продукт мирового фиктивного капитала этих гарантий не имеют.

Каждый из особых видов этих виртуальных денег (а они мировые по своей природе) с той или иной вероятностью выполнит завтра или послезавтра ту или иную из своих функций¹. Это касается и национальных валют (они же существуют почти *исключительно* в виде электронных записей на одном из счетов одного из банков), и облигаций, и любых других слагаемых агрегатов М3 и М4.

Прежде чем продолжить наше исследование, подчеркнем: и в XXI веке наряду с виртуальными деньгами сохраняется и некоторая толика реальных денег – золота и других драгоценных металлов, а также национальные деньги и СКВ, представленные не столько наличными купюрами, сколько безналичными деньгами. Последние также могут иметь электронную форму, но в данном случае *социально* они не виртуальны в той мере, в какой они базируются на *реальном* экономическом богатстве (стоимости) той или другой страны или группы стран (в случае евро) и не зависят от конъюнктуры мировых финансовых рынков.

Вернемся к виртуальным деньгам.

Соединение электронного носителя и виртуальной социальной формы превращает виртуальные деньги в особую (финансовую) суперсеть, «паутину паутинов» (у которой, естественно, есть и свои «пауки»). Так

¹ Хотелось бы привести здесь в неизменном виде примечание, написанное в 2004 году, до финансового (а затем и экономического) кризиса, начавшегося в 2008-м. Этот кризис стал прямым подтверждением приведенных выше тезисов:

«В России эпохи реформ эта виртуальность денег (в том числе и старомодно-бумажных) была нам продемонстрирована не раз самым наглядным образом. Впрочем, в нашем случае мы имели дело в большей степени с „обычной“ инфляцией, известной еще с позапрошлого века. А вот „азиатский“ и прочие финансовые кризисы конца 90-х, равно как и „гиперреализованная“ угроза краха доллара, о чем написаны сотни работ – это уже более близкие примеры такого вероятностного бытия всеобщего эквивалента, о котором мы ныне не знаем, где, когда и насколько он есть мера стоимости, а где, когда и насколько уже не есть» (Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: УРСС, 2004. С. 225).

виртуальный капитал как «суперсеть» (сеть – «всеобщий эквивалент») обретает особую роль – всеобщего [полу]стихийного регулятора «сетевого рынка», ибо он играет роль универсального «оценщика» (NB! Он же выполняет функцию меры стоимости) компаний-сетей и, опосредованно, всех товаров, плюс универсального средства (механизма, посредника, властителя) транзакций.

При этом переход *таких* денег из виртуального бытия в реальное, мера выполнения ими своих функций (в частности, мера ликвидности), оказываются связаны с тройкими проблемами.

Во-первых, с огромным *риском* (это неизбежное следствие их виртуальной социально-экономической формы, являющейся продуктом виртуального капитала), *что (NB!) превращает этот риск в товар особого рода*. Виртуальность (вероятность, нереальность) денег (фиктивного капитала), тем самым, мультиплицирует в невиданных ранее масштабах *систему разнообразных видов экономической деятельности по поводу рисков*. Вероятность большинства транзакций на финансовых рынках превращает их в особую сферу, где производство товара (создание стоимости общественным трудом) подменяется игрой с возможными выигрышами и потерями и страхованием выигрышей и от потерь. Так рождается спекулятивная в строгом смысле слова (не связанная с производством реальных благ) сфера движения капитала («бизнеса»), имеющая целиком виртуальную природу. Виртуальными являют процессы) и результаты. Заметим: вплоть до мирового финансового кризиса это была наиболее быстро растущая сфера бизнеса.

Как таковые, виртуальные деньги (а значит, и «сетевой рынок», мерой и средством развития которого они являются), *во-вторых*, оказываются в потенции неустойчивы, ибо зависят от стихийного развития конъюнктуры мирового виртуального капитала. Названная выше *двойная виртуальность денег (по их носителю и социальной форме)*, порожаемые этим *спекулятивность и неустойчивость финансовой сферы – все это требует высоких транзакционных издержек* (на содержание страховых институтов, охрану прав собственности и т.п. вплоть до защиты информации от хакеров).

В-третьих, такие деньги *находятся в реальной зависимости от функционирования отдельных институтов глобального капитала*. Последнее требует особого комментария.

Едва ли не впервые за предшествующие столетия эволюции капитала *некоторый ограниченный круг крупнейших корпоративных структур* (финансовые корпорации, центральные банки ряда государств, МВФ, МБ и некоторые другие¹ сращенные друг с другом системы) *приобретает*

¹ Подчеркнем: сегодня институты, регулирующие денежную систему (национальные государства, МВФ и т.п.), зачастую в своих действиях преследуют узкокорпоративные интересы, а не интересы тех сил, которые они формально представляют (например, всех граждан данной страны).

экономическую (и отчасти политическую) власть, которая ранее была сконцентрирована лишь в объективном безличном феномене *мировых денег*. Между тем эти структуры (1) все более попадают (вследствие неоприватизации) в руки «новых частных собственников» (повторим: это может касаться даже формально сохраняющих государственный и надгосударственный статус институтов); они приватизируют реальные *права собственности, власть*, а не [только] объекты)¹.

В то же время они (2) все менее подконтрольны каким-либо социальным силам вследствие как глобализации, снижающей роль национального государственного контроля, так и общей деградации социального государства, реальной демократии, снижения роли ассоциаций трудящихся, граждан, характерной для периода неолиберализма.

Наконец, эти институты (3) оперируют во все более адекватной среде, создаваемой тотальным сетевым рынком. Такие структуры, представляющие глобальный виртуальный капитал, повторим, становятся (как «снятые» деньги) всеобщей мерой и основным средством жизнедеятельности глобальной экономики и общества.

Таким образом, *новое качество виртуальных денег*, в отличие от денег эпохи классического и даже раннемонополистического капитализма, состоит в том, что, с одной стороны, их новый – электронный – «носитель» существенно упрощает и облегчает систему транзакций, делая их потенциально учитываемыми, контролируемыми и регулируемыми в сколь угодно значительных масштабах. Существенно, что эта возможность тем выше, чем более интенсивно развивается зависимость мировой денежной системы от крупнейших финансовых институтов, масштабы и роль которых превращают их в субъектов, которые потенциально способны осуществлять такое регулирование.

Но, с другой стороны, социальная виртуальность денег (следствие их бытия как продукта глобального виртуального капитала, особой суперсети, «паутины паутин»), складывающаяся в результате стихийного взаимодействия частных фиктивных финансовых капиталов и представляющих их частных финансовых институтов, делают эту суперсеть «черным ящиком». Все это придает виртуальным деньгам свойства неустойчивости, превращает реализацию ими своих функций в вероятностный, неподконтрольный, рискованный процесс.

Как таковые, *виртуальные деньги-капитал*, с одной стороны, создают возможность превращения сферы финансовых транзакций в особую, оторванную от производства и ускоренно разбухающую (вследствие возможностей как получения спекулятивных, так и роста транзакционных

¹ Этот тезис был сформулирован авторами в самом начале 2000-х годов, задолго до мирового экономического кризиса. Ход последнего, равно как и проблемы выхода из него несколько затормозили эту тенденцию, но не отменили ее вовсе. Подробнее об этом см. в разделе о кризисах.

издержек) сферу экономики, а с другой – являются адекватными механизмом и формой экспансии этой сферы.

В качестве комментария позволим себе некий образ: деньги – этот единственный универсальный и всеобщий «джинн» рыночного мира, способный, по словам Шекспира, все черное сделать белым¹ – ныне оказался в новой «бутылке». Первоначально ею было золото, и всем золотом не владел никто. Затем роль «бутылки» выполняли казначейские билеты и другие бумаги, эмитируемые национальным государством, лишь временно выпускавшим заменители золота и представлявшим интересы широкого круга обособленных капиталов в их противоречии с остальным обществом (и при этом мировыми деньгами оставалось лишь золото). Ныне же роль «бутылки» (NB! В мировом масштабе) переходит к электронным феноменам, продуцируемым ограниченным кругом преимущественно частных транснациональных корпоративных структур.

Еще более близким может быть даже иной образ: на наших глазах все быстрее происходит диффузия этой «бутылки», растворяющейся в компьютерных системах мировых финансовых институтов, а контроль за этой тающей на глазах «бутылкой» (деньгами, «снятыми» в виртуальном капитале) находится в руках относительно узкого круга все более приватизируемых структур, но и от них он ускользает, поскольку «джинн» все растет и растет. При этом самое главное состоит в том, что эти структуры находятся в состоянии активной борьбы друг с другом и сами же пытаются устанавливать правила этой борьбы.

Итак, корпоративный капитал обретает универсальный механизм проведения в жизнь своей гегемонии – виртуальные деньги².

¹ К. Маркс цитирует в «Капитале» строки из трагедии Шекспира «Жизнь Тимона Афинского»:

«Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее – белейшим,
Все гнусное – прекрасным, всякий грех –
Правдивостью, все низкое – высоким,
Трусливого – отважным храбрецом,
А старика – и молодым и свежим!»

См.: Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 143, ссылка 91.

² Монетаризм – теоретическая фетишизация денег как главного и едва ли не единственного параметра, характеризующего функционирование экономики – тем самым отражает в превратной форме объективные процессы: (1) экспансию не регулируемого (в своих основах) обществом тотального рынка; (2) восстановление роли денег как стихийного регулятора (в том числе вследствие отступления социального государства и других механизмов неденежного регулирования экономики) и (3) реальную власть финансового капитала, скрытого за формой виртуальных денег. При этом третий аспект монетаристы, как правило, не осознают, но «социальный заказ» этого →

Однако сам джинн – развитые до своего наиболее могущественного (во всяком случае, из известных ныне) вида мировые виртуальные деньги – вообще по природе своей неподконтролен чьему-либо субъективному сознательному воздействию¹. В результате финансовые корпорации, с одной стороны, оказываются функцией малоподвластного им процесса стихийного движения (в компьютерных сетях и, гораздо реже, на реальных рынках) мирового капитала; с другой – они являются персонификацией и частными собственниками этого капитала.

Так этот капитал становится гиперреализованной угрозой дерегулирования.

← капитала выполняют, «подсознательно» чуя его власть и сознательно получая от него деньги на исследовательскую и преподавательскую деятельность.

¹ Деньги – это стихийная объективная мера и регулятор рыночных процессов. Беря в свои руки власть над виртуальными деньгами, финансовые структуры превращают себя в своеобразный всемирный групповой «Госплан», различные отделы которого ведут непримиримую борьбу друг с другом, и при этом этот «Госплан» берется регулировать стихийный по своей природе процесс.

глава 3 Новое бытие всеобщей формулы капитала: фиктивный финансовый капитал

Как известно, во II отделе I тома «Капитала» К. Маркс, фиксируя всеобщую формулу капитала (Д–Т–Д': деньги, приносящие дополнительные деньги), формулирует ее противоречие, фиксируя знаменитую антиномию: дополнительные деньги в соответствии с этой известной любому предпринимателю формулой возникают в обращении, но столь же верно и то, что они не могут возникнуть из обращения, если только в нем осуществляется обмен эквивалентов.

Не менее хорошо известно, что эта антиномия снимается Марксом через обращение к исследованию процесса производства, где и создается, в соответствии с теорией автора «Капитала», прибавочная стоимость.

Но вот парадокс: видимость позднего капитализма вновь возвращает нас к этой антиномии: фиктивный капитал, живущий вне сферы производства, как бы вновь обретает чудотворную способность создавать прибыль исключительно в сфере обращения...

Эта видимость неслучайна. Более того, как и большая часть характерных для капитализма превратных форм, она объективна.

Тем важнее разобраться с тем, какое действительное содержание скрывается за этим очередным кульбитом, «превращением» капитала.

Прибыль без производства, или Превратные формы «долговой экономики»

Поскольку сама эта проблема стала особенно актуальной после кризиса 2008 года, начнем с постановки вопроса, прямо связанного с практикой: могут ли колебания на финансовом рынке разрушать реальную экономику? И если да, то почему?

Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, почему невозможна постоянная работа экономики в долг, в расчете на будущие прибыли и доходы – ведь реально люди работают, производят товары и услуги, эти товары потребляются (и в личном, и в производительном потреблении). Однако при капитализме этого недостаточно: товар может попасть в потребление, только будучи продан на рынке, только будучи обменен на деньги. Если обмен на деньги почему-либо оказывается невозможен, хотя бы в некоторых случаях, то это поначалу лишь частная проблема неудачников. Но если масштабы этих неудач достигают некоторой критической точки, вызывая цепную реакцию неисполнения обязательств, то система регулярного обращения товаров в обмен на деньги

рушится. И вторая причина, важная именно для капитализма – если товары все же продаются, но приносят недостаточную (меньшую чем средняя) прибыль или не приносят ее вовсе, то их производство будет свернуто.

Хорошо известно, что современный денежный (платежеспособный) спрос базируется в основном не на реальных деньгах, а на долговых обязательствах и на свидетельствах о праве на будущие прибыли (то есть, на кредит и фиктивный капитал). Однако опираясь на эти две ноги (костыля?), спрос дает предложению крайне неустойчивое основание.

Долг может нарастать без особых проблем довольно длительное время – но лишь до тех пор, пока есть расчет его вернуть, или до тех пор, пока поступление процентов способно значительно перекрывать основную сумму долга даже и без надежды на возврат этой основной суммы. С претензиями на будущие прибыли, выраженными в финансовых инструментах фиктивного капитала, дело обстоит сложнее. Рынок воспринимает их как ликвидные ресурсы (квазиденьги) не только до тех пор, пока (1) есть расчет на эти самые будущие прибыли, но и пока (2) есть расчет на то, что рыночная оценка фиктивного капитала будет расти. *Рост рыночной оценки создает возможность прибыльных операций с фиктивным капиталом независимо от того, приносит ли реальный капитал, отражением которого является фиктивный, действительную прибыль или же нет.* Однако этот рост также имеет свои пределы и не является абсолютно независимым от реального капитала.

Наиболее глубинная причина негативного влияния неустойчивости финансового рынка на реальную экономику – отрыв движения денежного капитала от движения действительного (производительного) капитала, выражающийся в угнетении «правомерных», «естественных» функций денежного капитала (т.е. тех, что обусловлены его генезисом как средства обслуживания движения производительного капитала, его *бытием-для-иного*) и росте его «самодовлеющих» функций (*для-себя-бытия*), основанных на использовании спекулятивных эффектов¹. (В данном случае под денежным капиталом имеются в виду в том числе и все его производные и превратные формы – ссудный, фиктивный и виртуальный капитал).

Почему с развитием капитализма не только предоставленные кредиты, но и сами долговые обязательства (кредитные договора, векселя и т.п.) оказались в состоянии обеспечивать расширение спроса? Почему фиктивный капитал, в свою очередь, сделался основанием для кредитной экспансии (то есть стал приниматься в обеспечение кредитов)? Это вопросы, принципиально важные для характеристики взаимоотношений действительного капитала и виртуального капитала.

¹ См.: Миргородская Е.О. Глобальный финансовый капитал. М.: Магистр, 2007; Митяев Д.А. О динамике саморазрушения мировой финансовой системы. Сценарии и стратегии. В 4-х частях // Экономические стратегии. 2009. №№ 1, 2, 4 и 5–6.

Долговые обязательства и претензии на будущий доход могут формировать реальный спрос при том условии, что они могут функционировать как «знаки стоимости», то есть как заместители реальных денег в их функции средства обращения. По существу, они создают *частный, не контролируемый государством массив квазиденег*. Их особенность, однако, состоит в том, что они образуют спрос на все товары не прямо (обычно никто не оплачивает товары акциями или фьючерсными контрактами), а лишь через (1) расширение кредита и (2) извлечение прибыли с финансового рынка.

Именно эти источники позволяли крупному капиталу обеспечивать себе прибыльное применение, и именно они *делают общественно-требуемым «для-себя-бытие» финансового капитала*. Более того, вследствие этого и нефинансовые корпорации во все большей степени стали вовлекаться в операции по извлечению прибыли непосредственно с финансового рынка. До 1997 года нефинансовые корпорации США имели убытки от финансовых операций – и это было естественно, ибо они выступали как заемщики финансовых средств по отношению к кредитной системе, а эффективность их операций на фондовом рынке была низка постольку, поскольку это были вынужденные операции для привлечения недостающего капитала. Однако после этой даты операции становятся прибыльными, более того – доля прибыли от финансовых операций у нефинансовых корпораций в отдельные периоды превышает 50%. Но и это еще не все. По отношению к кредитной системе нефинансовые корпорации после 2003 года на какое-то время превращаются из нетто-должников в нетто-кредиторов: полученные ими от собственных кредитных операций проценты перекрывают проценты, уплачиваемые ими за взятые займы.

Тем самым через кредит и фиктивный капитал (как это было обосновано еще в «Капитале» К. Маркса) реальный капитал получает способность к добавочному расширению, раздвигая узкие для него рамки условий реализации стоимости и прибавочной стоимости на основе лишь реального денежного спроса и обычной купли-продажи. Но эта способность приобретается ценой усиления неустойчивости рынка.

Долги и фиктивный капитал постольку могут обслуживать движение реального капитала, поскольку создаваемый ими добавочный спрос соответствует способности реального капитала к расширению, сдерживаемому узкими рамками денежного спроса. Этот добавочный спрос позволяет капиталу увеличивать реальное производство товаров и услуг, вовлекая в него все доступные ресурсы и используя все возможные усовершенствования. Но у этого роста есть внутренняя граница – капитал должен иметь прибыльное применение. Как только эта граница обнаруживает себя, оказывается, что какая-то часть капитала не может быть применена с нормальной средней прибылью, а ранее видимый спрос оказывается мнимым (виртуальным). Точнее, поскольку производство все же функционировало, он не столько абсолютно мнимый, сколько недостаточный

для прибыльного применения капитала. Не избыточный, как можно было бы подумать, глядя на распухшие «финансовые пузыри», а именно недостаточный (о природе этой «недостаточности», червотой «инфарктом»-кризисом – чуть позже). Итак, главная проблема – наличие в самом реальном капитале внутренней границы, препятствующей его прибыльному применению.

До какого-то момента внутренний предел расширения капитала остается скрыт, и не обнаруживает себя на рынке.

До какого?

ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИКТИВНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ: ГИПЕРРЕАЛИЗОВАННЫЕ УГРОЗЫ КРИЗИСА И ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ

Ответ в принципе известен: до тех пор, пока не обнаруживается, что обязательства, – в первую очередь в реальном секторе, хотя на поверхности это может выглядеть как внезапное падение котировок ценных бумаг, – которые сделаны в расчете на будущие прибыли, не могут быть реализованы, или их фактическая реализация уже не может быть отложена. Следует принять во внимание, что на фондовом рынке «крутятся» преимущественно заемные деньги. Игра на повышение вовлекает дополнительные кредиты. Заминка приводит к тому, что кредит не удается вернуть – начинается паника: сброс активов, чтобы расплатиться, ведет к дальнейшему ухудшению конъюнктуры, повышению ставок кредита из-за возросших рисков, требованиям увеличения залога по сделкам репо, требованиям досрочного погашения и т.д.

Здесь мы сталкиваемся с действием двух закономерностей капиталистического способа производства вообще и позднего капитализма – в частности.

Первая: наличие противоречия между общим стремлением капитала к безграничному расширению (чему служит раздувание виртуальных финансовых пузырей, создающее иллюзию возможности безграничного расширения спроса) и стремлением к обеспечению частных интересов и избеганию риска потери прибылей. Частный капитал не может бесконечно довольствоваться лишь иллюзией спроса и иллюзией оплаты – он готов рискнуть, используя эти иллюзии, но в конечном счете он желает обратить свои товары и услуги в реальные деньги, действительно реализовать созданные стоимость и прибавочную стоимость.

Вторая: циклический характер воспроизводства капитала, который, собственно, и вынуждает капиталистов включиться в цепную реакцию принудительной необходимости обеспечить свои частные интересы в условиях неминуемого спада деловой конъюнктуры.

В результате, защищая свои частные интересы и стремясь к действительной реализации произведенной стоимости и прибавочной стоимо-

сти, к исполнению обязательств в реальных деньгах, капиталисты и обнаруживают мнимость созданного ими при помощи виртуального капитала разбухшего спроса. Но эта мнимость обнаруживается, конечно, не на фазе оживления и подъема, а на фазе спада (когда падает эффективность применения реального капитала).

Возникает вопрос: почему же тогда капитализм в развитых странах почти непрерывно, лишь с небольшими заминками, ухитрялся развиваться без серьезных кризисов в течение по меньшей мере пяти циклов? Это – самый сложный вопрос во всей этой истории.

Сам механизм финансовой экспансии за счет разбухания рынка фиктивного капитала был создан (полубессознательно, разумеется) в том числе и для того, чтобы при наступлении фазы спада купировать ее при помощи инструментов виртуального расширения спроса. Остается открытым вопрос, почему этот фокус удался не один, не два, и даже не три раза, а удавался довольно систематически?

Думается, потому, что на рост финансовых пузырей наложился еще целый ряд факторов.

Первое. Государственное регулирование рынка – как антициклическое (стимулирование спроса на спаде, охлаждение конъюнктуры на подъеме), так и структурное (активная промышленная политика), – сглаживающую циклический характер обновления капитала.

Второе. Формирование так называемого социального государства («общества всеобщего благосостояния»), что обеспечило расширение спроса за счет перераспределительных механизмов. Если у миллионов людей есть кое-какие денежные накопления, но малость не хватает на холодильник, автомобиль, квартиру и т.д., а государство им эту малость подкинуло, то тем самым создается реальный добавочный многомиллионный спрос для целых отраслей, выходящий далеко за рамки произведенных бюджетных трансфертов. Трансферты превращают часть отложенного спроса, в виде частных накоплений дохода, в реальный спрос.

Третье. Крах колониальной системы и переход к неокOLONIALИЗМУ открыл дорогу процессам глобализации. Перенос производства в страны «Третьего» мира обеспечил снижение издержек реального сектора, удешевление элементов стоимости рабочей силы и т.д., временно сгладив явления перенакопления капитала.

Четвертая. Рост финансиализации совпал с повышательной фазой очередного кондратьевского цикла.

Все эти процессы политически стимулировались фактором соревнования с мировой системой социализма.

Теперь все эти факторы исчерпали свою эффективность. Они не исчезли, капитализм не может от них отказаться (во всяком случае, полностью), но уже нет значительных перспектив наращивания эффективности капитала за счет этих факторов. Регулирование остается, тот или иной социальный компромисс остается, глобализация нелинейно,

но углубляется, длинная волна технологического обновления не повернет вспять, но «сливки» с этих факторов уже сняты.

Кроме того, компьютерная, информационная, телекоммуникационная и т.п. революция, при всей ее значимости (она, в частности, стала одним из факторов победы в соревновании с мировым социализмом), все же не привела к качественному технологическому обновлению капитализма. Технологически капитализм по-прежнему остается индустриальным. Более того, возможности существенного прироста эффективности за счет компьютеризации уже в основном исчерпаны, причем не сегодня, а на рубеже 2000-х.

Сказанное выше позволяет, как представляется, определиться с тем, что же такое виртуальная прибыль, извлекаемая с финансового рынка. Это плата, которую взимают денежные капиталисты (агенты финансового рынка) за предоставление капиталу возможности якобы неограниченного расширения и получения дохода от реализации товаров и услуг, удовлетворяющих мнимый спрос. Собственно, мнимый спрос и создается капиталом в финансовом секторе для присвоения виртуальной прибыли. Мнимый же характер и того, и другого, определяется тем, что финансовая экспансия выходит далеко за рамки условий сбалансированного воспроизводства капитала. Весь этот процесс мультиплицируется производством товаров-симулякров, удовлетворяющих мультипликативные потребности.

Так на новом витке и в новом качестве в снятом виде воспроизводится (не раз пройдя по спирали «отрицания отрицания») **закон стоимости**, когда цена отдельных товаров на рынке определяется уже не столько соотношением спроса (покупателей) и предложения (продавцов), колеблющегося вокруг стоимостей товаров, сколько конъюнктурой конкуренции различных многообразных мировых сетей. В результате *цена становится крайне опосредованным выражением стоимости, причем не в (золотых) деньгах, а в сложном агрегате, где за видимостью старой денежной формы (доллара, рубля) скрыта неопределенная конъюнктура мировых финансовых сетей.*

На место единого и целостного всеобщего эквивалента (денег как товара, который объективно всегда всем нужен, ибо является продуктом всеобщего общественно необходимого труда) приходит стихийный, подвластный неведомой конъюнктуре (а с другой стороны – зависимый в каждом своем конкретном звене от субъективных сил – той или иной финансовой корпорации) мировой рынок виртуальных денег. Непосредственно, как мы уже отмечали, он может быть соотнесен с мировыми финансовыми рынками, наполненными к тому же гигантскими «пузырями»¹. *На место золота как универсального регулятора и стабилиза-*

¹ Парето еще в начале века заметил, что число финансовых трансакций растет быстрее числа товарных, что приводит к образованию (по его же →

тора (якоря и предохранительного клапана одновременно) рынка приходят виртуальные деньги-капитал – неустойчивая, стихийная, приватизированная неопределенным кругом корпораций, но никому не подконтрольная суперсеть.

Эта стихийность финансового рынка (сердцевины жизнедеятельности современного рынка) находится в сущностном противоречии с глубоко упорядоченным, взаимозависимым (точнее – высоко обобществленным) в мировом масштабе производством. Последнее в своей технологической основе уже давно функционирует не столько стихийно (восстанавливая пропорциональность через постоянные диспропорции, кризисы перепроизводства), сколько на базе постоянно поддерживаемой пропорциональности, которая относительно редко, но чрезвычайно мощно взрывается всемирными системными (затрагивающими основы власти капитала) кризисами.

Эти системные кризисы ныне (начиная с Великой депрессии) возникают и будут возникать в результате переходящей определенную границу экспансии (перенакопления) виртуального финансового капитала. С качественной стороны эта граница может быть определена (пока что это не более чем гипотеза) как такое перенакопление виртуального капитала (субститута денег), которое не позволяет ему выполнять функции, аналогичные деньгам, на современном рынке. Предпосылка этого – чрезмерный (эту меру опять же следует определить) отрыв такого капитала от (1) реального производства и (2) регулирующих воздействий со стороны общества, в частности государственного регулирования денежного обращения (неслучайно монетаристы так боятся этого разрыва и так стремятся его предотвратить).

Учитывая, что тотальная маркетизация углубляет и глобальные проблемы человечества, а средством относительной стабилизации и регулирования этой системы являются лишь виртуальные деньги, – учитывая все это, несложно сделать вывод, что мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, был закономерным следствием названных выше причин¹. Более того, неустраненность коренных причин этого кризиса (прежде всего сохранение проблемы перенакопления капитала вообще и виртуального фиктивного капитала, в особенности) делает

← терминологии) множества финансовых «пузырей». В конце XX столетия этот процесс многократно интенсифицировался, на что указывали многие зарубежные и отечественные (академики Львов и Моисеев, например) исследователи.

¹ Данный тезис впервые был опубликован авторами до начала кризиса, в первом российском издании книги «Глобальный капитал» в 2004 г., где приведенная выше фраза завершалась следующим образом: «... вполне вероятный в обозримом будущем кризис мировой финансовой системы может оказаться детонатором серии глобальных катаклизмов (Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: УРСС, 2004. С. 228–229).

более чем вероятным повторение аналогичных явлений в случае, если не будут приняты существенные коррекции как минимум на институциональном уровне и в рамках экономической политики. Но обо всем этом ниже, в главе, посвященной капиталу и его кризисам.

Здесь, на наш взгляд, вполне уместна образная параллель Бодрийера, сравнившего глобальную угрозу финансового кризиса с глобальной угрозой термоядерного взрыва. И крупный финансовый капитал, и средства массового уничтожения, по мнению этого автора, «суперреализованы»; они как бы находятся на орбите над нашими головами, могут в любой момент привести к катастрофе. И хотя сама эта катастрофа пока лишь вероятностна, угроза финансового коллапса, как и угроза ядерной войны, является реальным глобальным фактором сегодняшней жизни¹. Более того, можно считать, и это мнение все чаще развивается и теоретиками, и финансистами-практиками, что кризисы конца 1990-х в Юго-Восточной Азии, России и Латинской Америке были своего рода микроинсультами глобального виртуального капитала. Мировой экономический кризис оказался «настоящим» инсультом, лечение которого ведется крайне противоречиво, хотя большой (капитализм) по-прежнему «скорее жив».

Как мы заметим ниже, на самом деле с политэкономической точки зрения более сложным является вопрос не о том, почему произошел мировой финансово-экономический кризис, а о том почему он так долго откладывался. Причины этого авторы также зафиксировали еще задолго до кризиса. Они суть в том, что современная экономика содержит и целый ряд мощных *контртенденций*.

Начнем с того, что описываемые выше процессы пока лишь развертываются, но не обрели абсолютную силу. Отчасти сохраняется (хотя во все меньшей степени) золотой базис денег. Еще важнее то, что крупнейшие государства пока все еще контролируют движение значительной части денежных агрегатов внутри стран и на мировом рынке в интересах не только корпоративных элит, но и общей стабильности, а приватизация государственных функций не зашла чрезмерно далеко (качественно-количественная граница – мера – здесь определяется сохранением у государства способности обеспечивать регулируемость денежного обращения). Власть частных ТНК пока еще недостаточна для соперничества на равных с крупнейшими государствами «Первого» мира, а международные финансовые структуры подчинены пока что в большей мере последним, чем первым. Но равновесие крайне шаткое (на что указали первые толчки – локальные финансовые кризисы, а еще в большей мере – мировой «толчок» 2008 г.), и экспансия тотального рынка вкуче с монетаристскими тенденциями свертывания социального демократического контроля и регулирования рынка могут окончательно

¹ См.: Baudrillard J. The Transparency of Evil. L., N.Y., 1993.

выпустить джинна финансового кризиса из (и без того тающей) «бутылки» контроля за мировым финансовым рынком. *Ipse fecit*¹.

Генезис тотального «рынка сетей» и виртуальных денег в условиях неолиберального этапа подрыва собственных основ капитализма (этапа, на котором мы и находимся сегодня) порождает следующий – один из важнейших и наиболее решительных – шаг в подрыве этих основ, скрытых, повторим, за видимостью восстановления «классических» черт капитализма. Этот шаг (весьма половинчатый, непоследовательный) – *подрыв собственно формы капитала как производственного отношения*, всеобщей формулы его обращения.

Для знатоков «Капитала» не секрет, что таковой является всеобщая формула капитала ($D - T - D + \Delta D$): деньги, приносящие деньги с приростом. Противоречие этой формулы формулируется К. Марксом в виде антиномии (ΔD возникает и не возникает в обращении), имеет, как было отмечено выше, историческим прообразом допотопные формы капитала (купеческий и ростовщический капиталы, действующие вне непосредственного материального производства). В теории К. Маркса показывается, что противоречие всеобщей формулы капитала разрешается так, что товар рабочая сила в материальном производстве создает не только эквивалент стоимости своей рабочей силы, но и прибавочную стоимость.

Разрыв этой связи ныне происходит как бы (это объективная видимость) путем «возврата» к извлечению ΔD вне материального производства, в рамках обращения, где транзакции (используем этот модный термин нового институционализма), сделки с товарами (Т) и деньгами (Д) как бы (опять объективная видимость) сами по себе приносят дополнительные деньги (ΔD ; выражаясь языком есопотіс, – прибыль).

Но нынешний этап – это не просто возврат к спекуляциям торгового и ростовщического капитала эпохи генезиса капитализма. Это нечто большее. Накладываясь на рост обобществления в мировом масштабе (высокоэффективные и дешевые транспортные и телекоммуникационные системы и т.п.) и, главное, генезис информационных технологий, «рынка сетей» и виртуальных денег, капитал порождает в процессе своего самоотрицания новое пространство и время своего доминирования – сферу транзакций. Прежде всего это пространство и время жизнедеятельности глобального виртуального фиктивного финансового капитала. Это пространство и время могут быть соотнесены с формой финансового рынка. Именно здесь сегодня сосредоточены основные (по своей роли) и гигантские (по своим масштабам, превышающим бюджеты многих государств) капиталы современного мира.

Этот фиктивный капитал оторван от материального производства по самой своей природе, и лишь в конечном счете (после сложнейшей системы опосредований) обязан своей жизнью (t) капиталу, накоплен-

¹ Сделано собственноручно (лат.).

ному за столетия своего господства и (2) собственно материальному производству, где наемные работники создают прибавочную стоимость. (Существенно, что последняя производится ныне многочисленным как никогда ранее мировым классом наемных работников, сосредоточенных преимущественно в странах «Третьего» мира в материальном производстве и других отраслях, где создается стоимость. Здесь, кстати, ключ к обоснованию одного из ключевых противоречий глобализации – между мировым капиталом и мировым трудом, принимающим и геэкономический характер – но об этом в следующих разделах).

Такой фиктивный капитал утилизирует предшествующий рост производительности труда, приведший к резкому сокращению материального производства и генезису информационных технологий в развитых странах. В результате он оккупирует и подчиняет себе самую современную сферу деятельности и общения – информационные системы, создавшие адекватный базис для жизни и экспансии корпоративного фиктивного капитала. Так возникает особый мир этого виртуального капитала со своим особым пространством, временем, законами и ценностями жизни. Именно этот капитал – корпоративный виртуальный капитал – является ныне основной социально-экономической силой тотальной гегемонии капитала вообще.

Виртуальная форма этого капитала оказывает, как было замечено выше, значительное влияние на его содержание.

Во-первых, виртуальный капитал становится принципиально более мобилен во времени и пространстве, нежели капитал, имеющий любую другую форму. А скорость оборота, как было показано еще во II томе «Капитала», имеет для капитала принципиальное значение. Виртуальное бытие капитала качественно увеличивает эту скорость, позволяет ему перемещаться в любые точки пространства с практически мгновенной скоростью и с минимальными «транспортными» (транзакционными) издержками: достаточно сравнить виртуальный капитал-деньги с капиталом в форме золота или фондов, чтобы понять, что это значит (это эмпирически легко фиксируемый тезис, но мы его теоретически вывели ранее, и это важно, ибо служит одним из подтверждений правомерности проведенного выше теоретического построения). Тем самым виртуальный капитал обретает такой носитель, такое материальное воплощение, которые сами по себе являются всемирными и вечными: информация устаревает лишь морально.

Как таковой, во-вторых, виртуальный капитал-деньги оказывается связан с конкретным субъектом (физическим или частным лицом), с конкретным положением в социальном пространстве-времени лишь по форме собственности и может менять своего хозяина сколь угодно быстро и часто (что и происходит постоянно на финансовых рынках). Если добавить к этому зафиксированную ранее принципиальную сложность (т. е. такую сложность, когда отображение всех связей в системе

уже невозможно) и размытость современной системы прав собственности, то станет ясно, что виртуальный капитал – это капитал, не только оторвавшийся от производства, но и не находящийся сколько-нибудь устойчиво в частной собственности каких-либо конкретных физических или юридических лиц. Последнее означает (мы вновь возвращаемся к сделанному выше выводу), что виртуальный капитал не является объектом сколько-нибудь устойчивого регулирования и контроля со стороны какого-либо лица.

В-третьих, противоречие между свойствами информации и свойствами капитала приводит к тому, что частная собственность на виртуальный капитал, его отчуждение и присвоение становятся феноменами, зависящими прежде всего от формальных и тоже виртуальных «правил», регулирующих его движение. Всякие материально-производственные и личные связи (в том числе между собственником капитала и работниками, а также связи собственников с физическими объектами – фабриками, землями, зданиями и т.п.) постепенно исчезают и заменяются процессами, протекающими в компьютерных сетях.

Более того, виртуальный капитал в целом становится полностью зависим от качества институтов, обеспечивающих поддержание и развитие капиталистической формы (например, частной собственности на информацию, гарантий коммерческой тайны и т.п.) информационной сети в целом (последняя, напомним, едина во времени и пространстве). Посему Человечество может, если не сегодня, то в ближайшем будущем, оказаться зависимо от хакеров, не только угрожающих запуском ракет с ядерными боеголовками, но и способных ввести вирус в финансовые компьютерные системы и тем самым вызвать мировой финансовый кризис. Более того, постепенно складывается такое положение, когда субъект, контролирующий информационные сети мира, оказывается и властелином единого материального носителя всего виртуального капитала, материального носителя «всех денег мира» (но не денег как таковых, ибо деньги – это не некий материальный носитель – пусть даже золото: общеизвестно, что на необитаемом острове золото – не деньги).

Тем самым виртуальный характер капитала, обретение капиталом деньгами нового носителя означает и существенные изменения в социально-экономическом содержании капитала. Этот носитель в принципе позволяет любому капиталу стать всемирным, вечным и предельно подвижным. Имеющий такой носитель капитал лишь формально связан с конкретным собственником, и эти связи постоянно изменяются, что является его атрибутивной характеристикой; он зависим во всех своих звеньях от единой информационной системы человечества и является предельно могущественным и в то же время предельно уязвимым.

Существуя прежде всего виртуально (в компьютерных сетях), он тем не менее реально впитывает все высшие достижения цивилизации (от лучших специалистов до лучших офисов) и все более укрепляет свое

господство, выкачивая соки из материального производства (сосредотачиваемого ныне все более во «Втором» и «Третьем» мирах), природы (поглощая опосредованным образом гигантский объем ресурсов) и Человека (присваивая не только большую часть создаваемой во всем мире прибавочной стоимости, но и достижения человеческой культуры, творческий потенциал человечества).

Суммируя и, отчасти, повторяя сказанное выше, можно сделать вывод, что виртуальный капитал-деньги конца XX – начала XXI века, в отличие от фиктивного капитала XIX века:

- является *глобальной виртуальной* (это существенно – см. сказанное выше о новых качествах капитала, создаваемых новым «носителем») *сетью*, а не атомизированной совокупностью денежных единиц, регулируемой национальным государством, или совокупностью обособленных финансовых корпораций; эта сеть едина во всех своих звеньях (виртуальный капитал мгновенно перемещается по ее «капиллярам», реагируя на изменения в любом из «нервных центров» сети); она функционирует по определению (в силу своей глобальности и единства) стихийно, и потому лишь частично подконтрольна национальным и наднациональным государственным структурам;

- *приватизирован* (будучи мировой суперсетью) *ограниченным кругом частных лиц, но при этом им не подконтролен*; виртуальным капиталом владеет *виртуальный* (вероятностно-неопределенный) *архаически-неорганизованный, внутренне противоречивый круг хозяев современного корпоративно-сетевого рынка*;

- *выполняет роль неоденег – универсального «регулятора»* и всеобщего эквивалента (меры стоимости, средства осуществления транзакций, сокровища и т.п.), *корпоративно-сетевого рынка*; роль своего рода «сети сетей», что *делает всю систему цен* (на товары, капиталы, рабочую силу и т.п.), *транзакций, сбережений и т.п. зависимой от состояния этой суперсети* (как некогда от золота: вспомните «революцию цен» – всемирный катаклизм XV–XVI веков в результате появления большого количества привозного золота);

- *обладает* в силу перечисленных выше свойств *качеством виртуального самовозрастания* (накопления виртуальной, вероятностной ценности, выражаемой, однако, в «обычных» деньгах – долларах, евро и т.п., ибо они тоже становятся виртуальными), лишь косвенно связанного с производством (и накоплением) прибавочной стоимости; граница этого виртуального накопления, равно как и угроза его коллапса, была в качестве гипотезы определена выше¹.

¹ Авторы в полной мере понимают ограниченность такого определения, дающего всего лишь перечень взаимосвязанных черт; впрочем, выше мы постарались показать и противоречия, суть виртуального капитала. Подчеркнем также вновь, что мир ныне движется (но еще не пришел) к гегемонии корпоративного →

ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИКТИВНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ КАК ФЕНОМЕН ПРЕВРАТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Наиболее адекватной для *такого* капитала становится сфера «вторичных» и «третичных» производственных отношений¹. Это сферы финансов, торговли, других трансакций, где деятельность, отношения по поводу деятельности, функционирование материальных факторов этой деятельности – все эти слагаемые полностью порождены (не только подчинены, но и порождены!) капиталистической *формой*. (Заметим в скобках: они не нужны производству, они нужны *капиталистическому* производству. В иной общественной системе формой обмена деятельностью могут стать совсем иные отношения.) Более того – в большинстве случаев они порождены формой виртуального фиктивного капитала. Каждый из названных компонентов является не материальным продуктом, а социально-экономической формой как таковой.

Последнее особенно характерно для *финансов* – ключевой сферы гегемонии современного корпоративного капитала.

В самом деле, весь процесс функционирования финансов основан на том, что ресурсами этой деятельности является социально-экономическая форма – капитал, ценные бумаги; сама деятельность состоит в превращении, изменении этой социальной формы (операции с ценными бумагами, с валютой – классический пример такой деятельности). Производственные отношения возникают здесь по поводу деятельности, имеющей своим предметом и своим результатом буржуазную социально-экономическую форму; присваиваемый результат опять-таки связан с функционированием исключительно этой формы, но не непосредственных материальных благ или культурных ценностей.

Этот мир многократно удвоенных, утроенных, мультиплицированных превратных форм во многом укрепляет гегемонию корпоративного капитала, ибо *в этой сфере вытеснение капитала другими общественными отношениями невозможно. Возможно лишь вытеснение этой сферы в*

← *капитала вообще и виртуального в частности, поэтому все сказанное выше является отображением не более чем одной из доминирующих траекторий развития, которой противостоят достаточно мощные контртенденции и силы.*

¹ Выделение так называемых «первичных» (определяющих бытие и сущность системы) и «вторичных», «третичных» и т.п. (характеризующих механизм функционирования системы) производственных отношений является одним из малоизвестных и ныне практически полностью забытых методологических достижений университетской (имеется в виду МГУ им. М.В. Ломоносова) школы политической экономии. Ниже авторы под «вторичными» (и т.д.) производственными отношениями будут понимать не отношения по поводу производства материальных благ, а по поводу деятельности, объектами и результатами которой являются социально-экономические формы предметов (деньги, ценные бумаги и т.п.).

целом, для чего требуется качественное изменение всей системы общественных отношений и замена сферы трансакций тотального рынка новой общественной системой отношений (авторы вслед за своими учителями показывают, что это может быть сфера демократического общественного управления и самоуправления).

Так мы, базируясь на анализе противоречий позднего капитализма, приходим к выводу, сделанному в предыдущих работах авторов на базе исследования мира отчуждения в целом: для глобального социума рубежа веков характерно, что наиболее современные, определяющие лицо экономики сегодняшнего и завтрашнего дня информационные продукты главным образом производятся, потребляются, распространяются в «превратном [бесполезном] секторе». Последний, напомним, есть сектор воспроизводства превратных форм человеческой жизнедеятельности, т.е. сфера, где одни превратные социально-экономические формы используются для производства, тиражирования, etc. других таких же превратных форм в той мере (NB! Это очень важная оговорка, к которой мы еще вернемся), в какой эта сфера не является управляющей подсистемой экономики.

Анализ «заката» *«царства необходимости»* позволил показать границы этого сектора – это сфера, где не создаются (как основной продукт его деятельности) ни материальные, ни культурные блага (блага, способствующие развитию личности)¹.

Анализ «заката» *капитала* позволяет дать его более точные характеристики. С социально-экономической точки зрения превратный сектор есть сфера создания, потребления и превращений (трансакций) продуктов глобального виртуального капитала.

Историко-генетическая структура этого капитала дает ключ и к структуре превратного сектора.

Во-первых, эта система деятельностей надстраивается над свободной (классической) рыночной конкуренцией вследствие контроля и регулирования рынка со стороны крупнейших монополистических объединений и государственных органов в той мере, в какой эта деятельность направлена на экспансию гегемонии корпораций (последнее касается в том числе и государств как суперкорпораций), а не на выполнение управленческих, социальных и т.п. производительных (в точки зрения общества в целом) функций. В самом деле, не следует забывать, что эта деятельность, как правило, одновременно служит и делу прогресса экономики,

¹ Позволим себе две оговорки. Необходимо принять во внимание, что, во-первых, во всех этих сферах создаются продукты и услуги, абсолютно необходимые для воспроизводства отношений отчуждения, а значит, и для жизнедеятельности современного общества – общества, основанного на отчуждении (но это блага, которые абсолютно не нужны миру, лежащему «по ту сторону» отчуждения); во-вторых, в этих сферах как побочный продукт их деятельности создаются и общественно полезные блага.

«исправляя» провалы рынка. Так, например, государственно-бюрократический аппарат в той мере, в какой он работает на свою экспансию и привилегии, есть часть превратного сектора; в той мере, в какой регулирует структуру экономики и т.п. – часть совокупного работника общества.

Во-вторых, превратный сектор растет вследствие развития отношений тотального корпоративно-сетевого рынка («рынка паутин»), а именно – деятельности «пауков» (центров ТНК) по плетению (обеспечению функционирования и экспансии) своих паутин во всем многообразии их активности, направленной на подчинение клиентов (от потребителей и субподрядчиков до лоббистов в госаппарате и подконтрольных средств массовой информации). *Значительная часть менеджерской и маркетинговой деятельности* (особенно рекламы¹) – классический пример такого «плетения паутин» и важное слагаемое превратного сектора.

В-третьих, компонентом превратного сектора становится вся совокупность отношений, связанных с *самовоспроизводством фиктивного капитала*, начиная с биржевых спекуляций XIX века, через финансовый капитал начала и середины XX в. (неслучайно названный паразитическим), к виртуальному капиталу конца XX – начала XXI века. Именно последний в силу всех описанных выше обстоятельств становится системой «пузырей» виртуального финансового капитала, которые пусты по своей сущности (в них не создаются материальные и культурные блага), но при этом, как уже было отмечено, поглощают огромные и наиболее высококачественные ресурсы и взрывоопасны как оружие массового уничтожения.

Наконец, превратный сектор выходит и вовне экономики, включая, в частности, такие сферы, как *военно-промышленный комплекс* и связанные с ним наука, образование, функционирование информации и контроля²; *массовая культура*, где в действительности культурные ценности отсутствуют³, и др.

В целом, превратный сектор может быть определен как *паразитическая составляющая «вторичных» производственных отношений* (в отличие от «управляющей подсистемы» хозяйства).

¹ Попутно заметим, что реклама – это прежде всего способ манипулирования клиентом, а не информирования покупателя, о чем мы специально писали выше, апеллируя, в частности, к Дж. Гэлбрейту.

² Следует иметь в виду, что ВПК (как и вообще превратный сектор) в условиях сохраняющейся гегемонии глобального капитала с его постоянной системой локальных войн и угрозой мировой относительно полезен – обеспечивает национальную безопасность. Посему до тех пор, пока сохраняется эта гегемония, ВПК можно и должно лишь сокращать до уровня минимальной достаточности при параллельной конверсии оборонных производств, науки и т.п.

³ Подчеркнем, что массовая культура есть не просто субститут, но и механизм активного разрушения культуры подлинной (это разрушение осуществляется через формирование дурновкусия у граждан, скупку талантов, выдавливание подлинной культуры в маргинальную сферу «элитарной» культуры и т.п.).

Говоря образно, последний может быть сравнен со своего рода гигантским пылесосом, всасывающим наиболее ценные интеллектуальные, финансовые и т.п. ресурсы общества и запирающим их в пыльном мешке, где человек-творец превращается в «человека в футляре».

Может превратный сектор быть сравнен и с раковой опухолью на теле стареющего капитализма. Но тонкость здесь, однако, в том, что удалить эти метастазы, не уничтожив организм, уничтожить превратный сектор, не уничтожая поздний капитализм, нельзя. Более того, стареющая система сама их постоянно продуцирует во все больших масштабах...¹ Задача-максимум, следовательно, состоит в том, чтобы качественно изменить сами отношения господства рынка и капитала, порождающие эту фиктивную надстройку. Как минимум можно и должно локализовать, сократить, поставить под демократический контроль экспансию этой «опухоли», этого сектора².

¹ Здесь, естественно, возникает вопрос: в чем же причина «жизненной силы» этой «поздней» системы? Один из ответов наших оппонентов таков: превратный сектор (и прежде всего финансовый рынок) есть управляющая подсистема современной рыночной экономики. Этот ответ *отчасти* верен, на что мы уже неоднократно указывали, подчеркивая двойственность этой подсистемы. Поздний капитализм, действительно, без нее существовать не может. Вопрос в том, может ли он быть заменен другой системой. Но этот вопрос мы исследуем в других, ранее упомянутых, работах. Пока же вывод таков: превратный сектор служил и будет служить делу укрепления гегемонии корпоративного капитала, но очень дорогой и все более возрастающей ценой – ценой высасывания гигантских ресурсов, достаточных для решения основных глобальных проблем человечества (последние, кстати, порождаются именно этой гегемонией как высшей формой мира отчуждения – этот тезис мы также постарались обосновать в своих предшествующих публикациях).

² Вообще, следует заметить, что *всякая социально-экономическая система в период своего «заката» порождает гигантский превратный сектор* (напомним: выше мы его сравнили с паразитической опухолью). Так, поздний феодализм (например, во Франции XVIII века) отличался безграничной пышностью монархически-дворянской «надстройкой» (двора и т.п.), которая оправдывала свое расточительство необходимостью выполнения функций управления страной, поддержания ее обороноспособности и т.п. Вплоть до этой эпохи едва ли не всем «просвещенным» слоям общества, за исключением разве что «вольтерьянцев», казалась очевидной неспособность недворян осуществлять функции управления, обороны и т.п., подобно тому, как ныне неспособными к этому считают всех, кто не принадлежит к высокооплачиваемым категориям – даже не обязательно к касте «профессионалов» (далеко ходить за примерами не приходится: вряд ли киноактеров типа Никсона или Шварценеггера можно считать высшими профессионалами в области государственного управления, что не помешало одному из них стать президентом, другому – губернатором).

Подобные же процессы легко проследить и в СССР в период «застоя» и т.п. Все это позволяет авторам вновь подчеркнуть правоту определения позднего капитализма (империализма) как паразитического, что было блестяще →

В заключение этого подраздела авторы хотели бы отметить и то, что нынешний период подрыва собственных основ капитала характеризуется не только доминированием корпоративного капитала, но и попытками этого капитала скорректировать (к своей пользе, естественно) механизм формального и реального подчинения труда. Суть этой «коррекции» – в развитии переходных отношений, создающих возможности, с одной стороны, частичного (в рамках господства капитала) преодоления отчуждения труда от капитала, с другой – использования, эксплуатации не только рабочей силы частичного работника, но и творческих, инновационных способностей целостного человека.

Но это уже новая тема для размышлений, выходящая за пределы данного текста и являющаяся предметом следующего раздела.

Но, как всегда, прежде чем сделать этот шаг к новым содержательным характеристикам современного капитала, позволим себе некоторый комментарий, касающийся «основ основ» марксистской политической экономии – трудовой теории стоимости.

← показано, в частности, В.И. Лениным. Другое дело, что этот паразитизм проявляется ныне не столько в показной роскоши (ее тоже хватает, особенно у «королей» (нефтяных шейхов) нынешней системы и их «шутов» – звезд массовой культуры и т.п.), сколько в паразитизме «финансовых пузырей», оружия массового уничтожения и других крайне дорогостоящих и глобально-опасных феноменах.

p.s. Трудовая теория стоимости как будущее

В одном из разделов первого – методологического – тома нашей книги мы показали, почему повсеместное господство теории предельной полезности стало видимым основанием для отказа трудовой теории стоимости в теоретической и практической актуальности. Напомним: главная причина непопулярности трудовой теории стоимости не в том, что строго и окончательно доказана ее теоретическая несостоятельность и практическая неплодотворность. Причина в другом – в объективной востребованности со стороны господствующих общественно-экономических сил иной научной парадигмы. Бизнесу (в широком смысле слова; строже, на языке марксизма, следовало бы сказать – «капиталу») и всем тем агентам общественной жизни, которые принимают устанавливаемые им «правила игры» (а это все мы как агенты рынка: потребители, продавцы рабочей силы и т.п.), объективно необходимы прежде всего позитивные знания, позволяющие принимать наиболее эффективные с точки зрения рынка решения. Эту задачу и реализует так называемый *mainstream* современной экономической теории, выросший из теории предельной полезности. Трудовая теория стоимости эту задачу, действительно, непосредственно не решает. Она решает другие теоретические и практические проблемы.

Какие именно? На этот вопрос авторы уже отвечали в начале книги, в разделе об актуальности I тома «Капитала» для современной экономической теории и практики. Ниже нам хотелось бы продолжить свои размышления, сделав другой акцент.

Парадоксом (но только на первый взгляд) является то, что *теорию предельной полезности можно вывести из трудовой теории стоимости, пройдя всю цепочку восхождения от абстрактного к конкретному*. Как это можно сделать, мы покажем во втором подразделе этого текста, указав на основные вехи длинной дороги, включающей все три тома «Капитала» (но не только). Эта дорога приведет нас к пониманию того, что на поверхности явлений стоимость в условиях зрелой, более того, вступающей в пору «заката», капиталистической системы, может и должна проявляться исключительно в превратной форме, создающей объективную видимость совершенно иного («превратного», «перевернутого») содержания. Истинным (в точном смысле слова) теоретическим отображением этого неслучайно сформированного «перевернутого» содержания и является теория предельной полезности. Более того, именно марксистская методология и теория позволяют показать, как и почему в XX веке

сформировалась объективная необходимость широкого распространения именно маргиналистского подхода и видимость его истинности. Любопытно, что сам маржинализм, в отличие от марксизма, свое господствующее в последние десятилетия положение воспринимает как должное, некритически, не только не отвечая на вопрос о причинах своего доминирования, но даже и не ставя его.

Все это мы покажем в заключительной части данного текста.

Начать же нам хотелось бы с иного – с прояснения того, каково содержание трудовой теории стоимости, ибо за время, прошедшее с распада СССР, едва ли не большая часть научного сообщества нашей страны утратила тот уровень понимания «Капитала», который был нормален хотя бы для студента-отличника экономического факультета МГУ 1970-х годов. Что же касается знания «Капитала» экономистами-теоретиками в других странах, то об этом судить не нам.

(В скобках заметим: едва ли не большинство нынешних критиков этой теории всерьез считают, что суть трудовой теории стоимости состоит в измерении последней объемом трудозатрат, рабочим временем, а то и вообще в часах. В бытность нашу студентами за это ставили двойки на I курсе...)

Поэтому начнем с напоминания некоторых классических тезисов.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К КЛАССИКЕ: СТОИМОСТЬ ЕСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Начнем с того, что далеко не всякое общественное богатство, созданное трудом, является стоимостью. В рамках марксистской трудовой теории стоимости доказан тот факт, что стоимость – это специфическая общественная форма богатства, создаваемого трудом, характерная исключительно и только для товарного производства.

Попробуем аргументировать этот столь же простой, сколь и не самоочевидный тезис¹.

Начнем с того, что стоимость (во всяком случае, в рамках классической марксистской теории) есть одна из двух сторон товара. Товар же есть элементарное бытие («клеточка») системы отношений товарного производства, что мы уже не раз фиксировали выше.

Отсюда несколько следствий.

Первое. Стоимость в рамках классического марксизма есть прежде всего не некий экономический агрегат, помогающий соизмерить обмен

¹ Об историческом различии стоимостной и натуральной формы богатства приходится напоминать снова и снова. Западным марксистам также приходится специально подчеркивать этот факт. См., например: Postone M. Rethinking Marx in a Postmarxist World // Camic Ch. (ed.), Reclaiming the Sociological Classics. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1998.

нивающиеся продукты, учесть затраты труда. Это поверхностный взгляд на проблему, который является необходимым исходным пунктом анализа, но никак не его конечной точкой.

Стоимость есть экономическое отношение – объективное отношение, в которое люди вступают в условиях товарного производства, обмена и потребления. И лишь затем мы можем сказать: стоимость есть такое экономическое отношение, которое лежит в основе обмена товаров, что, в частности, делает их соизмеримыми. Это нюансы, но они, как будет показано ниже, важны.

Как таковая стоимость – и это *второе* следствие – есть одна из сторон системы отношений товарного производства, т.е. специфической и с теоретической, и с *исторической* точки зрения экономической системы. К. Маркс многократно подчеркивал, что условием возникновения товара и товарных отношений является наличие, во-первых, общественного разделения труда (то, что стоимость есть воплощенный, овещенный в продукте *общественный* труд, труд, осуществляемый в условиях общественного разделения труда, прямо подчеркнуто в «Капитале»). Во-вторых, условием существования товара является *обособленность производителей* или то, что Маркс назвал *частным трудом*. Это также абсолютно недвусмысленно подчеркнуто им в самом начале «Капитала», где он говорит, что только продукты частных, независимых работ становятся товарами¹. В силу этого *стоимость есть феномен исключительно исторически-конкретной экономической системы* – системы товарных отношений (ее формой является рынок, давший общепринятое ныне имя этой системы).

В других общественных системах труд создавал и будет создавать общественное богатство, но оно имело и будет иметь другую – нестоимостную – социально-экономическую природу и форму. В течение долгих тысячелетий человеческий труд создавал общественное богатство, но не создавал стоимость. Так, в частности, производили свой продукт в условиях господства натурального хозяйства крестьяне (т.е. большинство человечества) в большинстве стран мира на протяжении тысяч лет, вплоть до XX века. Так до сих пор производят значительную часть своего продукта сотни миллионов крестьян в странах «Третьего» мира и даже в России. Так производят и будут производить свой продукт те ученые и художники, педагоги и врачи, кто дарит его человечеству как общественное благо, не превращая свое творение в объект частной собственности... Но это иная материя.

Сейчас же нам важно зафиксировать: *исследуя стоимость, мы всегда должны оставаться в рамках системы товарных отношений*.

¹ «Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависящих друг от друга частных работ» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 82).

Итак, мы вспомнили, что трудовая теория стоимости К. Маркса есть не более (но и не менее) чем составная часть единой теоретической системы «Капитала», отображающей (во всяком случае, по мнению Маркса и его сторонников) систему производственных отношений особой системы, называемой ныне «рыночной экономикой».

Как же именно выводится трудовая теория стоимости?

В трактовке этой проблемы даже среди марксистов есть немало расхождений, но есть и некоторые инварианты, принятые всеми, кто судит об этом предмете не по учебникам и хрестоматиям. Для того, чтобы их вспомнить, необходимо «всего лишь» воспроизвести основные шаги логики I отдела I тома «Капитала».

Исходный пункт – фиксация того, что исследуемый нами предмет есть мир товаров¹. Как мы уже заметили, это важно: мы тем самым ограничиваем наше исследование только данной системой.

Второй шаг: выделение двух сторон товара – потребительной стоимости (способности продукта удовлетворять некоторую общественную потребность) и меновой стоимости (способности обмениваться в некоторой пропорции на другой продукт). Здесь важно подчеркнуть очевидный, но часто «забываемый» тезис: *стоимость есть всего лишь одна из сторон товара и вне единства с потребительной стоимостью не существует*. Этот тезис следует акцентировать, ибо он будет не раз содержательно «работать» на доказательство выдвигаемых нами положений².

Третий шаг: выведение стоимости как общественного отношения, делающего возможным и необходимым производством, обмен и потребление продуктов как именно товаров. Именно здесь лежит ключ к выделению труда как субстанции стоимости. Логика Маркса достаточно прозрачна. Он фиксирует то, что полезность продукта есть свойство *всякой* экономической системы, в которой есть хотя бы потребление. Следовательно, эта черта должна быть присуща товару, но она не может служить той *differentia specifica*, которая характеризует товарное отношение. *Специфика стоимости как производственного отношения состоит в том, что (NB!) продукты производятся в условиях общественного разделения труда и обособленности производителей*.

С последним следует разобраться предельно внимательно. Дело в том, что одно из принципиальных различий трудовой теории стоимости

¹ «В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, не зависящий от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности. Это проявляется прежде всего в том, что продукты их труда принимают вообще форму товаров» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 102–103).

² Подробнее об этом см.: Зяблюк Р.Т. Потребительная стоимость в экономическом учении марксизма и перестройка хозяйственного механизма. М.: Издательство Московского университета, 1989.

и теории предельной полезности связано с тем, что именно – только обмен или производство в широком смысле слова (в единстве собственно производства, обмена, распределения и потребления, соединенных в едином воспроизводственном процессе) – кладется в основу исследования. Это должно быть хорошо известно всем экономистам-теоретикам. Запомним это.

Пойдем далее. Экономистам-практикам, в том числе сторонникам максимально свободного и полного развития рынка, хорошо известно, что для такого развития необходимы некоторые объективные условия. Какие? Только возможность свободно продавать на рынке свою продукцию и покупать ресурсы по свободным ценам? Отнюдь. И идеология, и практика рыночных реформ в России 1990-х годов показала, что этого мало. Что для развития рынка в необходимо нечто большее. Первое и очевидное (столь очевидное, что экономисты-рыночники многое потеряли, «забыв» об этом): для развития рынка необходимо развитое общественное разделение труда (общественный характер труда). Реверсивное развитие экономики, породившее в первой половине 90-х годов мощную волну бартера и натурализации хозяйства, доказало, что забывать об этом нельзя.

Для развития рынка нужна не только возможность обмена, но и *производство*, которое может и должно совершаться в условиях развитого разделения труда. С этим никто вроде бы не станет спорить, но есть один нюанс: выше в качестве практикой востребованного атрибута рыночной экономики был выделен (1) *особый тип* (2) *именно производства, труда*.

Второе условие развития рыночной экономики, выделенное нами выше вслед за Марксом – *обособленность производителей и частный характер труда*. Тяготеющие к *mainstream*'у теоретики эту формулу не признают. Однако либеральные экономисты-практики прекрасно знают: рыночной экономики не будет, если производитель (именно производитель, а не только продавец и покупатель) действует в условиях более или менее жестких ограничений его деятельности. Отсюда требования частной собственности (т.е. концентрации экономической власти, в частности, решений, что, как, для кого и т.п. производить в руках частного лица, субъекта частного, независимого от других производства), невмешательства государства в производственную деятельность, монополизации производства (а не только торговли) и т.п.

Впрочем, либеральный экономист-теоретик с этим тоже на принципиальном уровне согласится, хотя и предложит несколько иное терминологическое оформление. Согласится. Но не вынесет эти характеристики в качестве основных ограничений, указывающих на специфику рыночной экономики, в учебник. Этот ученый будет и в теоретической полемике с оппонентами, и в своей практической консультационной деятельности доказывать, что для развития рыночной экономики нужны максимально полное развитие частной собственности и максимально полная свобода (мы бы сказали – независимость, *обособленность*, ибо свобода и в клас-

сической философии, и в экзистенциализме, есть нечто много большее) фирмы (мы бы сказали – производителя товара). Но этот ученый не положит общественное разделение труда и обособленность производителя в основу своей теоретической конструкции, призванной отобразить параметры рыночной экономики.

Этот парадокс имеет вполне разумное и четкое объяснение. Во-первых, для функционирующей рыночной экономики и общественное разделение труда, и обособленность производителей есть само собой воспроизводимая предпосылка. Посему теория может от нее... абстрагироваться. Если только эта теория не ставит вопрос: как, почему и сколь надолго возникла изучаемая ею система. А этот вопрос неоклассика почти никогда не ставит и не может ставить по упомянутым выше причинам.

Во-вторых, такая характеристика *differentia specifica* рыночной экономики четко указывает, что последняя есть всего лишь одна из многих экономических систем; что рыночная экономика имеет свои логические и исторические границы и не тождественна «экономике вообще». Такая постановка вопроса для этого направления, опять же, невозможна.

В-третьих, признание противоречия обособленности производителей и общественного разделения труда как системного качества так называемой рыночной экономики обуславливает акцент на исследовании в первую очередь производственных отношений и лежащего в их основе труда, его характера и содержания. А это опять же нож острый для *mainstream'a*.

В результате этого и складывается внешне парадоксальная ситуация, когда для того, чтобы сформировать рыночную экономику, и сторонникам, и противникам решения этой задачи равно нужны теоретически достоверные знания о системном качестве, границах, специфике этой системы. А это знание дает только исследование ее производственных отношений. Неслучайно поэтому на заре борьбы капитала за место под солнцем теоретики этой системы делали акцент на тех же параметрах, что сторонники рыночных реформ в России 90-х гг. XX века. Неслучайно первые стали основоположниками трудовой теории стоимости, а вторые проводили последовательный курс на (1) либерализацию и (2) приватизацию. Подчеркнем: первая предполагала не только объявление свободы торговли и цен, но и – главное – слом системы планового контроля за *производителем*. Вторая – установление частной собственности во всей системе общественного воспроизводства, а отнюдь не только в сфере торговли, причем частной собственности не только как юридической формы, но как системы отношений, обеспечивающих реальную обособленность частных производителей.

Итак, товарное производство предполагает общественное разделение труда, т.е. полную зависимость производителей друг от друга, и в то же самое время и в том же самом отношении их обособленность, т.е. полную друг от друга независимость. Такова практически достоверная теоретическая модель товарной экономики.

Как же разрешается (и вместе с тем, естественно, воспроизводится) это *противоречие*? А очень просто. Это знает любой, кто производил что-то для продажи. Действительно независимый ни от кого производитель создает на свой страх и риск некий продукт (вот она, обособленность), предназначенный для другого члена общества (вот оно, общественное разделение труда) и выходит на рынок. Здесь он сталкивается с такими же производителями и потребителями, так же производившими свои товары независимо, но ориентируясь на общественные (не свои личные) потребности. И далее лишь стихийное (в исходном пункте изучения рынка все – и А. Смит, и К. Маркс, и А. Маршалл, и их последователи абстрагируются от всяческих его ограничений), от воли и сознания никого из агентов не зависящее, взаимодействие продуктов этих работ приведет к тому, что часть из них будет обменена в некоторой пропорции на другие, часть так и останется нереализованной, причем для одних эта пропорция окажется более выгодной, для других – менее. Далее все они опять уйдут с рынка и опять на свой страх и риск начнут производить те же (или иные – рыночная экономика, в отличие от патриархальной, любит новшества) продукты, предназначенные для реализации неизвестно в точности каких именно общественных потребностей.

Вот в этом реальном процессе снятия и воспроизведения обозначенного выше противоречия и формируется стоимость как общественное отношение (то же касается и потребительной стоимости, но об этом ниже).

Возвращаясь к классике: стоимость нельзя сосчитать
(к проблеме субстанции стоимости)

Продолжим наши размышления о классической марксовой трудовой теории стоимости. Следствием признания того факта, что стоимость есть общественное отношение, является сделанный выше жесткий вывод: стоимость нельзя сосчитать. Она принципиально не поддается квантификации.

Этот тезис выглядит, возможно, неожиданно для тех, кто никогда всерьез не изучал «Капитал» или забыл об этом. Более того, те, кто «проходил» трудовую теорию стоимости по стандартному советскому или советологическому учебнику, как правило, получали прямо противоположное знание. Как будто именно для этих читателей Маркс в свое время заметил, что стоимость тем и отличается от известной вдовицы, что ее нельзя «пощупать», сосчитать¹. Сосчитать, непосредственно увидеть можно только *форму* стоимости, в частности *цену* товаров.

¹ Разумеется, мерой стоимости выступает абстрактный труд, общественно необходимое рабочее время. Но стоимость не выражается в часах труда непосредственно. Во-первых, стоимость одного товара находит форму своего выражения только в потребительной стоимости другого товара (что в →

Раскрытие этого следствия – а оно принципиально важно – потребует от нас исследования субстанции, содержания и формы стоимости, исследования, доведенного как минимум до выведения денег и феномена цены (а эта категория в «Капитале» – в отличие от «economics» – не постулируется, а строго выводится).

Эту, едва ли не самую главную, задачу мы будем решать ниже, продолжив начатое выше воспроизведение основных шагов восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании феномена «стоимость». А сейчас вернемся к тому, на чем мы остановились, а остановились мы на том, что стоимость товара есть общественное отношение, предполагающее, что имеющие стоимость товары производятся в условиях общественного разделения труда и обособленности производителей. Способом признания общественной необходимости товаров – продуктов обособленных частных работ – являются на поверхности явлений акты купли-продажи. Сама же стоимость есть нечто более сложное – это тот «общественный иероглиф», та скрытая общественная сущность, которая определяет меру общественной необходимости всех тех продуктов, которые были признаны на рынке как товары (были проданы и куплены). Сам рынок при этом автоматически определяется как форма системы отношений (соответственно, и факторов, «правил» и т.п., их обеспечивающих) обмена, признания общественной необходимости продуктов обособленных частных работ.

Чем же может определяться эта общественная необходимость товара, формирующаяся в процессе разрешения реального противоречия, осуществления реального отношения и так выведенная Марксом, отобразившим в системе категорий 1-й главы I тома «Капитала» этот объективный процесс? Тем, что этот товар в определенной мере удовлетворил чью-то потребность и, следовательно, затраченный на его создание труд в некоторой мере (она зависит от пропорции обмена) оказался общественно-необходимым. Первый аспект обуславливает наличие общественной по-

← более развитом виде предстает как денежная форма) (см.: Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 61). Во-вторых, в системе стихийно складывающегося разделения труда невозможно сказать, какая часть фактически затраченного на производство товаров труда действительно представляет собой общественно необходимое рабочее время. «... Общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ... Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет *вещной формы определения величины стоимости*» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 85; курсив наш. – А.Б., А.К.).

требительной стоимости товара. Второй – общественно необходимого труда, воплощенного в товаре; точнее – овещеннного в товаре, ибо товар – это вещь (в философском смысле этого слова). Последнее и есть стоимость как одна из сторон товара – «клеточки» того, что сейчас принято называть рыночной экономикой.

Подчеркнем: не весь реально затраченный на производство товара труд есть субстанция стоимости, а лишь тот, что оказался общественно необходимым в той системе пропорций, каковая реально сложилась на рынке и каковая в основе своей определяется структурой производства, стихийно сложившейся в процессе осуществления массой производителей массы различных частных работ. Именно эта стихийно складывающаяся за спинами производителей система пропорций конкретных видов труда и их затрат (проявляющаяся в системе определенных пропорций обмена на рынке) и определяет в своей основе то, какая часть труда, воплощенного в том или ином продукте, окажется востребована системой общественного воспроизводства (производства, обмена, распределения и потребления, повторяющихся как постоянный процесс). Этот востребованный, общественно необходимый труд и есть субстанция стоимости, что Маркс выводит из анализа реального процесса взаимодействия обособленных производителей.

«Увидеть», «пощупать», сосчитать эту общественную субстанцию невозможно по определению. Если бы это могло произойти, то мы бы получили сознательно организованный учет затрат труда, осуществляемый априори, до процесса обмена. Последнее есть атрибут не товарного, а непосредственно общественного, планомерного производства, т.е. очевидно не-рыночная экономика.

Другое дело, что конкретные пропорции обмена товаров обязательно непосредственно, практически определимы: их знает, уходя с рынка, каждый продавец и покупатель. Если вы продали пару произведенных вами башмаков и купили двух поросят, то это значит, что стоимость этих башмаков равна... двум поросьятам. И иначе ее не измеришь. И ни в чем другом, кроме как в поросятах, воплощенный в произведенных вами башмаках общественный труд не проявляется.

Отсюда известнейшее, но ныне, как мы уже заметили во введении к этому тексту, многими прочно забытое положение Маркса: *стоимость товара проявляется только в потребительной стоимости другого товара и ни в чем ином*¹. Соответственно, если говорить о количественной стороне, то стоимость определенного товара внешне выражается в опре-

¹ «Посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*. Товар *A*, относясь к товару *B* как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости» →

деленном количестве того товара, на который первый был обменен. (*Но никогда не в часах труда! Стоимость определяется средними общественно необходимыми затратами труда, но не выражается в них*).

Попутно заметим: это один из многих параметров, указывающих на не только противоположность, но и неразрывное единство стоимости и потребительной стоимости в «Капитале». Марксова теория есть в строгом смысле трудовая теория товарного производства, трудовая теория стоимости и потребительной стоимости.

Выше мы привели очень краткое изложение известного положения Маркса о том, что *в условиях товарного производства и обмена стоимость не выражается в часах рабочего времени, а общественно необходимые затраты труда (в отличие от цен) не могут быть подсчитаны (ни априори, ни, кстати, апостериори)*.

Как именно может быть аргументирован этот тезис?

Ответ на этот вопрос затруднителен. Но не потому, что нет аргументов, а потому, что они состоят именно в выведении путем теоретического отображения реальных процессов развертывания товарного отношения при помощи восхождения от абстрактного к конкретному, что мы, вслед за Марксом, кратко проделали выше. И в той мере, в какой мы смогли отобразить логику Маркса, мы доказали приведенное выше положение.

Впрочем, возможны и дополнительные аргументы. Учет величины стоимости как некоторых количественно определенных («сосчитанных») общественно необходимых затрат труда априори, до процесса производства и обмена продуктов в товарном производстве невозможен, ибо это мир обособленных, независимых друг от друга агентов, производящих продукцию на свой страх и риск, вне какой-либо общественной связи и координации их деятельности. Какая часть их труда окажется востребована общественным воспроизводством (внешне – продана/куплена на рынке) и окажется ли вообще – принципиально не может быть установлено до того, как это признание состоится.

Что же касается апостериорного измерения затрат общественно необходимого труда, то на рынке общественная необходимость товара признается только как акт обмена на другой товар, который продавцу объективно необходим только как потребительная стоимость. В этой потребительной стоимости товара-эквивалента и выражается стоимость продаваемого товара, причем реальное количество труда, затраченного продавцом и покупателем, будет различно.

Маркс неслучайно свой анализ начинает именно с простой формы стоимости, где скрыта предельно абстрактная и потому максимально генерализованная, *генетически всеобщая* картина процесса. В рамках простого обмена двух товаров весь рынок сведен к абстракции двух

← (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 62. См. также: Там же. С. 61, 76–77).

производителей, представляющих две отрасли. Пропорция их обмена складывается случайно и продукт труда в течение 20 часов одного производителя может быть обменян на продукт труда в течение 10 или 40 часов другого. Общественно необходимыми затратами абстрактного труда будут те, что стали общими для обеих отраслей. Вопрос – чему они равны, какова их величина – бессмыслен. Точнее, он имеет ответ, но несколько обескураживающий для желающих все сосчитать экономистов. Если использовать приведенный выше пример, то овеществленный в обмененных товарах общественно необходимый труд будет равен... паре башмаков или двум пороссятам. И ничему иному. Если мы рассмотрим многоотраслевую модель с массой производителей в каждой отрасли, то это ничего не изменит. Реально осуществленные среднеотраслевые затраты *конкретного* труда работников данной отрасли будут так же далеки или близки (причем неопределенно далеки или близки) от общественно-необходимых, как и затраты труда одного-единственного башмачника в приведенной выше простейшей модели.

Впрочем, все это Маркс неоднократно показывал и доказывал в своих спорах с Прудоном и иными – им несть числа – калькуляторами пропорций справедливого обмена¹.

Подчеркнем: последнее не означает, что обмен продуктов не может производиться по некоторым правилам, которые общество считает справедливыми. Последнее означает иное. Если такой обмен кто-то попытается производить в условиях *товарного производства*, т.е. обособленности производителей, то рынок быстро поставит его на место, доказав, что здесь все должны играть только по правилам свободной торговли. Если же эти правила (пропорции «справедливого обмена») будут сознательно диктоваться участникам обмена обществом, то это будет не рынок, а непосредственно общественная организация производства.

Пойдем далее.

Как мы показали выше, стоимость может проявить себя только в процессе обмена, где и выявляются эти, доступные любому рыночному агенту, черты товарного отношения. Они доступны и любому исследователю, даже не вооруженному таким важнейшим «прибором» научного труда как абстракция, а еще лучше – метод восхождения от абстрактного к конкретному, которому мы неслучайно уделили так много внимания в I томе книги. Тому, как в реальном процессе взаимодействия товаров проявляются их сущностные основы, и посвящен один из самых важных

¹ Марксистская критика представлений о «справедливом» обмене в условиях товарного производства (развитых в первой трети XIX в. социалистами-рикардианцами, а затем Прудоном) содержится в работах К. Маркса «Нищета философии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 106–109) и «К критике политической экономии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 67–70).

разделов «Капитала» – параграф «Форма стоимости». В нем раскрывается едва ли не самая главная «тайна» трудовой теории стоимости.

Именно здесь Маркс показывает, что проявиться в реальной жизни, обрести форму, стоимость может только через потребительную стоимость другого товара.

Что воплощенный в товаре абстрактный труд может проявить себя только через конкретный труд товара -эквивалента (конкретного труда по выращиванию поросят, на которых вы обменяли башмаки).

Что ваш труд имеет общественное признание только в той мере, в какой его продукт оказался нужен другому частному лицу, который согласился отдать продукт своего частного труда в обмен на продукты вашей деятельности, признав тем самым, что вы не зря поработали и что в вашем продукте овещнено общественного труда в количестве... равном его частному труду по выращиванию двух поросят.

Таким образом, *стоимость получает определенность такого общественного отношения, в котором в продуктах труда обособленных производителей овещняется определенная мера общественно необходимого абстрактного труда*. Эта мера проявляет себя в определенной пропорции обмена данного товара на другой и может быть выражена только в потребительной стоимости другого товара-эквивалента (в ставшем товарном производстве его роль играют деньги).

Тем самым абстрактный труд оказывается чем-то существенно большим, нежели некоторые затраты труда вообще. И уж тем более он не является средними затратами труда на производство данного товара.

(В скобках заметим: последний подход наиболее типичен для авторов, идущих от применения математических методов анализа, и многих зарубежных авторов. Это неслучайно. Возможность сосчитать абстрактный труд возникает едва ли не единственно при таком подходе, а для этого круга ученых логика исследования подчас выглядит следующим образом: посмотрим, что именно можно сосчитать и... определим это как единственно поддающийся строгому научному познанию предмет.)

Абстрактный труд как категория, которую ученый (впервые – Карл Маркс) выводит путем исследования действительного процесса развертывания и разрешения (и воспроизведения) противоречий товарного производства, а не конструирует формально-логически как то, что поддается квантификации, определяется следующим образом¹: Это та прак-

¹ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. С новым дополнением к статье. Ответ критикам. 4-е изд. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930; *Дволайцкий Ш.* К теории ценности Маркса (о различном толковании понятия «Общественно необходимый труд») // Экономические науки. 1975. № 10. Кристофер Артур также разделяет позицию И.И. Рубина, согласно которой стоимость товара не является прямым выражением количества труда, затраченного на его производство, и не может быть понята вне общественного отношения товаровладельцев, выступающего как форма стоимости →

тическая, самым реальным процессом товарных отношений порождаемая абстракция общественно необходимого труда, которая существует только как действительно сложившееся соотношение различных конкретных видов деятельности, при котором они получили общественное признание в процессе обмена.

Еще раз: эти общественно необходимые затраты труда существуют как действительная, *практическая* абстракция – определенное соотношение конкретных видов работ, образующих сложившуюся в некоторый момент в общественном воспроизводстве (и, в частности, на рынке) систему пропорций. Обменные в данных условиях товары будут равны по стоимости (здесь мы пока абстрагируемся от отклонения цен от стоимости) и, следовательно, по общественно необходимым затратам труда. Но эти затраты абстрактного общественного труда как были так и останутся принципиально не измеряемы в часах рабочего времени (даже средних – хотя и тяготеют к последним, как вытекающим из сложившейся структуры производства и трудозатрат). И уж тем паче они не равны никаким индивидуальным (или даже среднеотраслевым) затратам конкретных видов труда.

На все сказанное выше, к сожалению, не принято обращать внимание. Между тем, как уже давно показал Карл Маркс и его многочисленные последователи, дело здесь обстоит много сложнее. Начнем с того, что логика «Капитала» приводит к тому, что в дальнейшем появляется не-

← товара (см.: *Arthur Ch. The New Dialectic And Marx's Capital. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 12–15*).

В советском критическом марксизме эти дебаты в 1960-е–1970-е годы были до чрезвычайности актуальны и активны, имели широкий резонанс, хотя и шли преимущественно внутри коллектива кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Наибольшую популярность в тот период имели три позиции. Первая – ее развивали Н.В. Хессин и его последователи – акцентировала не только теоретическое понятие, но и реальный исторический феномен обособленности производителей в системе общественного разделения труда как основу противоречия частного и общественного труда, труда конкретного и абстрактного, т.е. как системное качество всякого товарного производства – «экономической клеточки» капитализма. Вторая – наиболее известным ее выразителем был К.П. Тронев – фиксировала противоречие частного и общественного труда как логическое выражение исходного пункта системы категорий «Капитала», абстрагированной из структуры производственных отношений зрелого капитализма. Третья – ее развивали В.П. Шкредов и его последователи – вообще редко упоминала это противоречие, акцентируя (как и большинство западных авторов, равно как и «обычных» советских учебников) внимание на противоречии абстрактного и конкретного труда, стоимости и потребительной стоимости в их не только экономическом, но и правовом отношении; частный характер труда (даже скорее производства) В.П. Шкредовым фиксировался, как правило, только в связи с частной собственностью.

что, вполне поддающееся квантификации, а именно – цены и их многочисленные производные. Но цены – это отнюдь не затраты абстрактного труда; впрочем, об этом опять же ниже.

Далее. «Польза» и предназначение марксистской политической экономии вообще и трудовой теории стоимости, в частности, состоит не в том, чтобы помочь бизнесу считать свои затраты и принимать наиболее эффективные решения о том, какой товар производить и по какой цене продавать. Здесь марксизм малополезен и потому малоинтересен для бизнесменов и их ученых собратьев. «Польза» марксистской методологии и трудовой теории стоимости состоит в том, чтобы показать закономерности генезиса, развития и «заката» товарного производства и рождаемого им капитализма, природу и противоречия общественных отношений в этой системе и т.п.

Подводя промежуточный итог наших размышлений, зафиксируем: трудовая теория стоимости не конструируется Марксом как один из более или менее удобных способов исчисления и соизмерения затрат¹. Теория Маркса принципиально иная. Перед этим ученым задача «считать» стоимость не стоит в принципе. Более того, своей работой он показывает, что ее вообще не нужно и не правильно ставить, ибо сосчитать стоимость в принципе невозможно, что он и доказывает в «Капитале».

Для критиков марксовой экономической теории этот вывод оказался кстати. Поскольку общепринятая в их среде (да и вообще господствующая вот уже более века в общественных науках) методология позитивизма, с его акцентом на количественных методах анализа, априори квалифицирует такую (делающую невозможной квантификацию) теорию бесплодной и бездоказательной, постольку марксистская политическая экономия с их точки зрения сама себя обрекла на «изгнание из храма»².

«Классические» марксисты к этому относились и относятся спокойно, понимая, что принципиальное различие методологий неоклассики и марксизма есть корень различий теоретических. Однако те из сторонников марксизма, кто оказался не способен противостоять методологии *mainstream*'а или был искренне убежден в ее истинности, оказались в очень сложном положении и предприняли попытку решить проблему путем «улучшения» марксизма вообще и трудовой теории стоимости в частности путем формализации и математизации марксовых выкладок.

Результат усилий последних оказался по большому счету печален, ибо они искали и ищут решение задачи, в принципе не имеющей решения.

¹ Последнее, нарочито повторим, наиболее типично для многих сторонников трудовой теории стоимости, особенно из числа тех, кто исходит в своей методологии либо из естественно-научных аналогий, либо из приоритета математических методов исследования, когда все то, что не квантифицируется, не существует (во всяком случае, для науки...).

² Мы неслучайно в I томе книги столь много внимания уделили критике позитивизма: вне отказа от исключительно этой методологии марксизм непонятен и неконструктивен.

(Заметим в скобках: если бы эту фразу когда-нибудь захотели и смогли прочесть те из сторонников аналитического марксизма, кого волнуют проблемы трудовой теории стоимости, то они бы, скорее всего, не удержались от скептической ухмылки; не более. Периферийные (Россия ныне – задворки мировой экономической теории) авторы, почти не знакомые с очень давней и многомерной полемикой по сложнейшей проблеме, норвят одним махом разрубить гордиев узел... Ай, Моська, знать она сильна... Впрочем, этот скепсис и ухмылки, очевидно, останутся лишь в нашем воображении: этот текст вряд ли будет доступен и/или интересен для зарубежных авторитетов. Да и не в этом скепсисе дело.)

Дело в существе вопроса. А по существу мы в меру своих сил воспроизвели выше многократно и тщательно аргументированные в советской экономической литературе и частично раскрытые классическими марксистами Запада тезисы, глубоко укорененные в содержании и букве «Капитала».

Еще существеннее другое. Воспроизведенный выше подход позволяет продвинуться по пути решения ряда актуальнейших проблем современности. Среди них, во-первых, анонсированное в начале раздела выведение теории предельной полезности из «Капитала» и показ того, что она является закономерно возникшим отображением господства тех превратных форм, которые делают эту теорию, по видимости, истинной и практически востребованной (бизнесом). Во-вторых, раскрытие практической актуальности трудовой теории стоимости как знания, позволяющего не столько строить формальные модели исчисления трудозатрат и соизмерения продуктов в некой абстрактной «экономике вообще», сколько как важнейшего слагаемого экономической теории товарного производства («рыночной экономики»), позволяющей показать ее исторические границы и пути снятия, дав «попутно» критику «рыночноцентризма» нынешней экономической теории (в том числе отчасти и аналитического марксизма). Все это, в-третьих, позволяет несколько иначе взглянуть на известнейшее направление критики (и развития – и в кавычках, и без) Маркса, связанное с так называемым противоречием между I и III томами «Капитала» и проблемой трансформации.

Поскольку о второй проблеме мы уже кое-что написали, остановимся на первой. Это тем более уместно, что по мере ее решения нам удастся сформулировать и предпосылки для решения третьей.

ЕЩЕ РАЗ О ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ
И ТЕОРИИ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕВРАТНЫХ ФОРМ
В ФЕТИШИЗИРОВАННОМ МИРЕ

Итак, мы зафиксировали, что *трудовая теория стоимости* (и это специально подчеркивал сам Маркс) *является предельной, глубинной*

абстракцией системы экономических отношений товарного производства, развивающейся в отношении наемного труда и капитала. Вне системы категорий «Капитала», как теория «ценности вообще», трудовая теория стоимости «не работает». Стоимость есть исторически-конкретная категория отношений товарного производства.

В соответствии с методом Маркса, путь от категории стоимости до поверхности непосредственных экономических действий *далек*. Начав этот путь, мы вслед за Марксом показали, что трудовая теория стоимости предполагает исследование двойственного характера труда, единства и противоположности стоимости и потребительной стоимости (как мы уже заметили, марксизм – это трудовая теория не только стоимости, в основе которой лежит общественный абстрактный труд, но и потребительной стоимости, в основе которой лежит частный конкретный труд). Далее мы показали значимость исследования формы стоимости, открывающей, в частности, дорогу к выведению денег, и здесь мы остановились.

Теперь же пойдем далее. Следующий важнейший этап исследования – деньги как мера стоимости. Именно в деньгах стоимость обретает свою адекватную форму и меру. Но здесь начинаются новые проблемы и тонкости.

Во-первых, анализ функции денег как меры стоимости позволяет вывести феномен *цены* – денежного выражения стоимости товара. Но цена как форма оказывается подвержена влиянию спроса и предложения, колебания которых обуславливают являющиеся правилом отклонения цен от стоимости. Так, уже в I томе «Капитала» появляются категории *спроса и предложения*, их колебания и т.п. функциональные связи, которые (в отличие от движения самой стоимости) уже могут стать объектом *квантификации* и моделирования. В принципе, в качестве иллюстрации Маркс мог бы уже в 3 главе I тома «Капитала» выделить и описать кривые спроса и предложения, феномен равновесной цены и т.п. Выведение этих параметров в этом случае, естественно, будет иным, чем у маржиналистов, но сами феномены теоретически могут получить свое отображение.

Этот вывод и это дополнение марксова исследования уже давно не секрет для марксистов¹. Для нашего же текста здесь важен вывод: стоимость имеет лишь косвенное выражение в цене. Более того, поскольку товарный фетишизм находит свое последовательное воплощение в фетишизме денег, постольку в товарно-денежном хозяйстве не может не развиваться и *фетишизм цены*. *Цена* есть та форма стоимости, которая принципиально отлична от содержания и *отчасти создает видимость иного содержания* – *того, что стоимость* (здесь правильнее было бы использовать другой русский аналог value/wert – ценность) *зависит от конъюнктуры рынка*.

¹ См.: Сорокин А.В. Модель общественного богатства – матрица синтеза категорий микро- и макроэкономики (часть 1) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2010. № 1. С. 54–81.

Эта видимость обусловлена не ошибочным теоретическим представлением о цене, а практикой, где единственно эмпирически данное бытие стоимости – цена – действительно зависит от соотношения спроса и предложения. Отражающий (в силу неслучайной приверженности позитивистской методологии) исключительно это эмпирически данное объективное положение дел ученый не только может, но и должен зафиксировать эту связь и постараться построить ту модель, которая адекватно отобразит функциональные связи, обуславливающие определенные параметры движения цен, и влияющие на эти функции параметры. Так в «Капитале» делается второй (первый, самый глубинный, – исследование формы стоимости) шаг к объяснению, почему и какая именно позитивная теория функционирования рынка может и должна быть создана адептами рыночной системы.

Во-вторых, деньги, выполняя функцию средства обмена, могут, как известно, быть замещены некоторым знаком денег-золота. Отсюда еще одна линия фетишизации и рождения форм, создающих видимость иного содержания отношения «стоимость», нежели то, что лежит в основе системы отношений товарного производства. Деньги как всего лишь мимолетный посредник обмена выполняют свою функцию не как золотой товар, имеющий реальную стоимость (овещенный в золоте абстрактный общественный труд), а как всего лишь знак этого товара. Главное условие выполнения этой функции – не качество, субстанция этого знака (бумажных или иных заместителей золота) как товара, имеющего стоимость – для денег-бумаги это как раз не играет существенной роли, – а его количественная определенность (как сказал бы Гегель – «определенное количество»).

Здесь важно «всего лишь» соответствие количества (номинала) денег в обращении сумме стоимостей товаров, включенных в данный воспроизводственный процесс. Отсюда неслучайное *выведение* Марксом *формулы количества денег в обращении*. Более того, отсюда вытекает объективная возможность возникновения количественной теории денег: для нее есть объективные основания, точно раскрытые Марксом (мы их очень коротко охарактеризовали выше). Эта возможность превращается в действительность там и тогда, где и когда возникает объективная заинтересованность в этой теории. В результате на стыке либеральной монетарной политики и востребованной ею теории рождается «уравнение Фишера», сотворившего (возможно, не ведая, что творит) прямой плагиат...

Следующие шаги в развитии трудовой теории стоимости связаны с генезисом и развертыванием такого производственного отношения как «капитал». Этот текст – не место для пересказа трехтомной работы. Поэтому отметим лишь несколько ключевых пунктов хорошо известной серьезным теоретикам логики восхождения от абстрактного к конкретному.

Анализ денег и всеобщей формулы капитала создает предпосылку для выведения из трудовой теории стоимости нового важнейшего отно-

шения – отношения создания наемным трудом и присвоения капиталом прибавочной стоимости – отношения эксплуатации. Здесь существенна двоякая теоретическая связь, отображающая реальную диалектику производственных отношений «рыночной экономики».

С одной стороны, К. Маркс на основе анализа законов развития товарного отношения (в единстве стоимости и потребительной стоимости товара) строго выводит теоретически то, что в условиях генезиса капитализма происходило и происходит в массовом порядке практически: товар превращается в деньги, а деньги в капитал. Посему трудовая теория стоимости неизбежно и органично вырастает в теорию прибавочной стоимости.

С другой стороны, важнейшим теоретическим доказательством теории эксплуатации является именно трудовая теория стоимости в ее полной определенности, включая теорию двойственного характера труда, потребительной стоимости и стоимости, денег как товара особого рода и т.д. Для доказательства факта совершения прибавочного труда и его присвоения капиталом, осуществляющихся в рамках соблюдения законов товарного производства, Маркс должен был раскрыть целый ряд моментов, опирающихся на его теорию товарного производства. Во-первых, специфику стоимости товара «рабочая сила» (общественно необходимый абстрактный труд, затрачиваемый на воспроизводство этого специфического товара и овещенный в нем) и потребительной стоимости этого товара (способность создавать в процессе труда стоимость, большую, чем его собственная). Во-вторых, Маркс мог и должен был использовать теорию двойственного характера труда для того, чтобы показать, как именно происходит одновременный процесс переноса стоимости постоянного капитала на конечный продукт и создание новой стоимости. Тем самым именно теория двойственного характера труда служит важнейшим основанием для доказательства неправомерности теории факторов производства, предельной производительности. В-третьих... – пожалуй, мы можем остановиться и не разворачивать далее доказательства взаимно однозначной связи трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости в «Капитале».

Раз возникнув, капитал обретает свои собственные новые законы движения, развивающие закономерности товарного производства. Деление капитала на постоянный и переменный, анализ воспроизводства капитала, выделение процесса обращения и деления капитала на основной и оборотный подводят Маркса вплотную к выведению закономерного превращения прибавочной стоимости в прибыль. Это один из интереснейших шагов в «Капитале», и он особо важен для наших размышлений: здесь происходит трансформация содержания (отношения создания и присвоения прибавочной стоимости) в форму, причем форму превращенную (авторы, как уже упоминалось выше, предпочитают использовать более точный термин – «превратную», не только трансфор-

мирующую, но и как бы переворачивающую содержание форму; этот термин мы раскрыли в меру сил в первом томе книги).

Прибыль в теории Маркса становится той превратной формой, которая объективно создает видимость иного, чем действительное, содержания. Прибыль – это такая форма, которая создает объективную видимость того, что действительно происходит на поверхности явлений, а именно того, что она есть результат функционирования всего капитала, а не только наемного труда. Маркс доказывает, что эта видимость объективна, но при этом противоположна действительному содержательному процессу. Показывает, как и почему происходит это раздвоение объективного бытия на содержание и превратную форму. Показывает, что прибыль как превратная форма не только есть, «бытийствует», эмпирически дана, но и должна быть: в процессе воспроизводства, оборота капитала прибавочная стоимость действительно становится прибылью как результатом функционирования всего капитала, хотя прибавочная стоимость как таковая создавалась и создается только наемным трудом.

Здесь вновь складывается та же ситуация, что и со стоимостью: прибавочная стоимость есть объективный реальный феномен, производственное отношение, но ее так же нельзя «пощупать», как и стоимость. Это та объективная реальность, которую можно «увидеть» только при помощи особого научного инструментария – метода восхождения от абстрактного к конкретному. Здесь уместно напомнить хорошо известную аналогию с микроскопом, без которого нельзя увидеть даже инфузорию-туфельку, не говоря уже о вирусе или гене. Не вооруженный специальным инструментарием ученый «не видит» некоторых объектов и абсолютно честно и искренне заявляет, что их нет. Зато он без всякого инструментария видит то, что дано эмпирически, и столь же честно заявляет, что это есть. И только это есть. Так появляются витающая в абстракциях и не имеющая осязаемых практических доказательств и применений генетика и позитивно-прагматичная теория Лысенко...

Так же и с соотношением прибавочной стоимости и прибыли: первая содержательно-реальна, но доказательство этого требует использования метода восхождения от абстрактного к конкретному (впрочем, практика доказывает верность марксизма и непосредственно, но это происходит преимущественно тогда, когда возникают качественные изменения того, что сейчас называют «рыночной экономикой»). Вторая непосредственно эмпирически дана, но с точки зрения марксизма является превратной формой.

К вопросу о том, как доказать, что это только форма, и к тому же превратная, мы еще вернемся. Сейчас же заметим, что Маркс в очередной раз показывает основы возникновения и развития очередного теоретического блока *mainstream'a*: теории факторов производства, предельной производительности. Они *могут* возникнуть как отражение превратной формы – действительного процесса функционирования капитала, порожд-

дающего прибыль. И они *должны* возникнуть, ибо адекватно отражают интересы тех, кто «заказывает музыку» в экономической науке.

Напомним также важный пропущенный нами блок – теорию заработной платы Маркса. Здесь автор «Капитала» раскрывает еще один аспект движения от содержания к превратным формам, показывая, как и почему стоимость и цена рабочей силы превращаются в заработную плату и как эта объективно существующая форма создает видимость превратного содержания – того, что наемный рабочий продает труд и получает за него плату. Превратная форма «зарплата» *как бы* (здесь термин-симулякр «как бы» значим) наводит морок и на работника, и на работодателя, и на исследователя, формируя фиктивное содержание, когда кажется, – намеренно повторим! – что суть отношения наемного работника и капиталиста в том, что первый продает товар «труд» в обмен на заработную плату – плату за этот труд. Что, следовательно, это всего лишь обмен эквивалентов и никакой эксплуатации здесь нет. Сложность здесь состоит в том, что обмен товарами между капиталистом и рабочим – это действительно обмен эквивалентов, что показал, в частности, и Маркс. Но эта эквивалентность – не более чем реально существующий морок, ибо на самом деле продается не труд, а рабочая сила – особый товар, стоимость которого всегда меньше, чем та, что этот товар создает в процессе его потребления капиталом (в процессе труда, включающего не только необходимое, но и прибавочное время).

Так происходит серия продвижений на пути от стоимости к превратным формам рынка.

Едва ли не наиболее сложный шаг, весьма близкий к завершающей стадии трансформации – это формирование средней прибыли и цены производства. На протяжении всего XX века и доньше по этому поводу ведется напряженная полемика, связанная с так называемым противоречием между I и III томами «Капитала» (в зарубежной литературе – проблемой трансформации¹).

¹ Обзор дискуссий по этой проблеме можно найти в: *Desai M. The Transformation Problem // Journal of Economic Surveys. 1988. Vol. 2. № 4.* Некоторые более свежие подходы к проблеме получили отражение в работах: *Foley D.K. Recent Developments in the Labor Theory of Value // Review of Radical Political Economics. 2000. Vol. 32. № 1; Stamatis G. On the «New Solution» // International Journal of Political Economy. 1998. Vol. 28. № 4; Veneziani R. The Temporal Single-System Interpretation of Marx's Economics: A Critical Evaluation // Metroeconomica. 2004. Vol. 55. № 1; Laibman D. Rhetoric and Substance in Value Theory: An Appraisal of the New Orthodox Marxism // Freeman A., Kliman A., Wells J. (eds.). The New Value Controversy and the Foundations of Economics. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar. 2004. Критический анализ этих работ с позиций диалектического метода: *Левина И. Проблема трансформации: сравнительно-исторический анализ подходов и решений (классические версии) // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 123–138.**

Проведенный выше краткий экскурс в логику I отдела I тома «Капитала» напомнил, как эта проблема решается в классическом марксизме. Там этот Гордиев узел разрубается: показав, что стоимость *не есть* средние затраты конкретного труда (труда в некоторой отрасли), мы ставим под сомнение само наличие расхождений в количественной определенности стоимости и цены производства. Это просто теоретически разные и не сопоставимые между собой феномены.

Сказанное в полной мере соотносится с так называемым «законом стоимости». Его часто трактуют так, что, дескать, в условиях товарного производства продукты продаются и покупаются по стоимостям, которые равны средним общественно-нормальным затратам труда, причем последние сводятся к среднеотраслевым. Между тем (1) *трудовая теория стоимости не отождествляет общественно необходимые затраты труда со среднеотраслевыми* и (2) закон стоимости отнюдь не предполагает, что товары продаются по их стоимости. Более того, этот закон предполагает, что *товары, как правило, не продаются в соответствии с их стоимостью*, что рыночные цены товаров обычно отклоняются от стоимостей, совершая колебания, лишь в среднем, в сумме этих колебаний, тяготея к величине стоимости. Последняя же, повторим, есть овещнение *общественно необходимых затрат абстрактного труда*, а не *среднеотраслевые затраты конкретного* (совершаемого в конкретной отрасли) труда (в примерах Маркса – труда ткачей, производящих сукно, или портных, шьющих сюртуки). В этом неразличении конкретного и абстрактного труда и лежит глубинная (но не единственная) причина неспособности большинства западных теоретиков решить проблему трансформации.

Продолжим. Механизм формирования цен производства является конкретным механизмом отклонения цен от стоимости, причем механизмом, не нарушающим в среднем тяготение общей суммы цен товаров к их стоимости, а лишь перераспределяющим затраты труда в результате межотраслевой конкуренции в зависимости от отраслевых различий в уровне органического строения капитала (есть и другие механизмы отклонения цен от стоимости, в частности механизм образования земельной ренты).

Следует заметить, что цена производства может быть представлена не только как нечто, не равное стоимости, но и как частный случай стоимости. Закон стоимости действует и применительно к цене производства, если учитывать, что понятие общественно необходимых затрат труда в капиталистическом производстве приобретает более конкретную модификацию. Здесь *общественно необходимыми признаются не просто средненормальные затраты труда, обеспечивающие соответствие спроса и предложения (то есть равенство совокупных затрат труда на обмениваемые массы товаров), а такие затраты, при которых продажа товаров приносит равновеликие прибыли на авансированный*

капитал путем создания избытка предложения в отраслях с низким органическим строением капитала, и дефицита предложения – в отраслях с высоким органическим строением, при обеспечении лишь суммарного соответствия спроса и предложения на рынке.

Впрочем, так просто уйти от проблемы, обсуждаемой более столетия, конечно же, нельзя: мы лишь отметили возможный путь поиска ее решения. К тому же нельзя не отметить, что полемика по проблеме трансформации дала немало новых интересных теоретических разработок и позволила нащупать немало «узких мест» в марксовой теории товарного производства.

Для нас же это превращение интересно тем, что оно выводит на первый план одну из самых сложных и – что греха таить – пока не решенную до конца в марксизме *проблему взаимосвязи законов содержания системы и механизмов функционирования ее превратных форм.*

У авторов, к сожалению, в кармане нет готового ответа на этот вызов. Есть некоторые тексты, в которых содержится ряд гипотез, но не более того. Впрочем, в отличие от авторов, у Маркса, при всей незавершенности III тома его основного труда, есть немало весьма продуктивных моментов, показывающих, как именно происходит такая трансформация стоимости в совокупность ее превратных форм, одной из которых и является цена производства. Далее следует рыночная стоимость и рыночная цена, еще далее...

Вот здесь Маркс остановился, не успев продолжить свою работу.

А через некоторое время господствующей стала теория предельной полезности, обретающая все новые и новые оттенки и аспекты.

Почему это произошло? С точки зрения марксизма – по вполне понятной причине. *Зрелая «рыночная экономика» (можно сказать – капиталистическая система производственных отношений) в своем воспроизводстве порождает господство превратных форм.* В этой системе, завершившей свой генезис и стабильно функционирующей на собственной основе, все ее основания ушли в глубину, не видны, скрыты многочисленными напластованиями воспроизводящих и множащих самих себя превратных форм. В результате этих многочисленных напластований и складывается объективная система некоторых механизмов функционирования рынка, где непосредственно взаимодействуют только отдельные субъекты, осуществляющие определенные трансакции, зависящие от их собственных решений и некоторых эмпирически данных параметров (например, количества денег в обращении и др.), эндо- и экзогенных для рынка. *Ничего другого на поверхности (т.е. в сфере подлежащих позитивному отображению фактов) устойчиво воспроизводимой рыночной экономики просто нет.* Здесь стоимость предстает только как цена, причем цена, зависящая от параметров и отраслевой, и межотраслевой конкуренции, спроса и предложения; деньги – как всего лишь агрегат, количество которого должно не превышать определенных объемов;

прибавочная стоимость – только как прибыль (причем многократно перераспределяемая в силу многоплановых форм конкуренции); наемный труд озабочен только максимизацией заработной платы (еще одна превратная форма)...

В результате складываются необходимые и достаточные предпосылки для формулирования и признания всех основных слагаемых сегодняшней теории mainstream'a.

Так логика «Капитала» показывает не только содержание, но и причины господства тех превратных форм, которые и отображает mainstream. Причем отображает неслучайно: теории тех авторов, кто позитивно исследует именно и только эмпирически данные феномены, могут и должны отображать только эти формы¹. Такая ориентация большинства нынешних экономистов-теоретиков обусловлена – повторим – не только спецификой их методологии (позитивизма; тоже, кстати, неслучайного). Она есть еще и продукт их неспособности и нежелания исследовать что-либо, кроме эмпирически данных форм, незаинтересованности в исследовании чего-либо большего, чем эти формы. Последнее же, в свою очередь, есть результат объективно данных общественных условий, где господствующими экономическими субъектами (бизнесом; шире – агентами рынка, т.е. людьми как всего лишь продавцами или покупателями того или иного товара) востребованы и оплачены именно эти исследования и объяснения...

При этом субъективно экономисты mainstream'a вроде бы как и не виноваты в том, что они ведут именно такие исследования. Непосредственно здесь действует обратная описанной выше связь. Теоретики искренне считают, что они так работают не потому, что им за это платят, а им за это платят потому, что они создают полезные для практики знания (отсюда столь большая популярность методологии прагматизма). Самое смешное, что эти экономисты правы: в условиях стабильно функционирующей экономики полезную для агентов рынка информацию, т.е. информацию, в основном адекватно отражающую практику, можно получить прежде всего на основе теоретического фундамента mainstream'a. Это действительно адекватное, научное отражение действительных механизмов функционирования... превратных форм. Такие формы можно и должно отражать именно на основе такого как у mainstream'a теоретического и методологического багажа. Иначе теоретик

¹ Несколько иной вариант решения проблемы связи «Капитала» и основных положений современной микроэкономики предлагает А.В. Сорокин, стремящийся вывести многие микроэкономические параметры из различных разделов «Капитала». Этот автор считает, что едва ли не каждая значимая категория марксистской политической экономии капитализма есть глубинное основание более или менее соответствующей ей микроэкономической категории (см.: *Сорокин А.В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики.* М., 2009).

получит и передаст заказчику знание не о путях повышения прибыли, а об условиях отмирания капитала...

(Как в старом анекдоте о работнике, воровавшем детали с «почтового ящика», где производят якобы холодильники. Сколько бы ни бился мужик, но в результате сборки дома этих деталей у него в руках всегда оказывался пулемет. Так и с марксистской теорией: сколько ни пытайся ее использовать для повышения эффективности бизнеса, в результате обязательно получишь вывод о необходимости преодоления капитализма...)

Другое дело, что для того, чтобы правильно отражать механизмы функционирования превратных форм как таковых, как истины в последней инстанции, а не как мистификации (пусть объективной, но мистификации), *mainstream* должен создавать и адекватный этому, т.е. мнимый теоретико-методологический фундамент. Подобный фундамент опять же точно и истинно отражает некоторое содержание – но это фиктивное, «наведенное» превратными формами (как морок, наводимый ведьмами) содержание. Таким «наведенным» [превратными формами стабильно функционирующей на собственной основе рыночной экономики] содержанием-морокком и является теория предельной полезности и ее производные вплоть до монетаризма.

(В результате *mainstream* создает теории, объясняющие превратные формы функционирования рыка и доказывающие необходимость сокращения государственного регулирования и социальных расходов для борьбы с финансовыми кризисами, подобно тому, как средневековые ученые создавали теоретические трактаты по теологии и демонологии, объясняя превратные формы средневековой жизни и доказывая важность борьбы с ведьмами для предотвращения чумы...)

Но! Подчеркнем еще раз: *теория предельной полезности – это не теоретическая фикция*. Это теоретически адекватное (морокам реальности) и практически полезное (для агентов рынка) отражение действительно существующего превратного содержания, созданного миром превратных форм, господствующих в экономической жизни рынка и определяющих основные механизмы и формы его функционирования. И в этом она тоже подобна теологии как теоретически адекватному и практически полезному отображению превратных форм бытия, определяемого религиозными догматами.

А теперь о том, как доказать, что формы функционирования рынка, исследуемые и отображаемые *mainstream*'ом, превратны, а содержание системы товарных отношений совсем иное, а именно то, что отображено в «Капитале», что, в частности, содержательно истинной является трудовая теория стоимости.

Поскольку это не более чем завершающие аккорды текста, ограничимся отсылкой к одному из ключевых положений, с которых мы его начали. Как при природных катаклизмах бури и землетрясения срывают многочисленные поверхностные напластования, обнажая коренную

породу, так и в социально-экономической жизни генезис или слом определенных общественных систем обнажает их действительную природу. Лишь два примера из мировой и отечественной истории.

Первый – генезис капитализма. В каких бы формах не происходил переход от натурального хозяйства и неэкономической зависимости, сословного неравенства и политического абсолютизма к рынку, капитализму, правам человека и республиканскому строю, теория той поры (Просвещение прежде всего) ломало догмы религиозного сознания, а практика создавала содержательные основания товарного производства, наемного труда и частнокапиталистического присвоения. И неслучайно преуспевающие капиталисты той поры (от Д. Рикардо до Ф. Энгельса) отображали это содержание при помощи трудовой теории стоимости. Возникавшему капиталу была нужна правда о природе феодализма для того, чтобы его разрушить, и правда о содержании своего строя для того, чтобы он мог победить.

Второй блок примеров. Как бы мы ни относились к событиям 1917 и 1991 годов в России, и в том, и в другом случае все завесы тоже были сорваны. В первом случае произошло (при всей сложности реальных исторических событий) разрушение именно коренных основ прежней системы. Не только форм рынка, не только конкуренции. Была разрушена система отношений создания и присвоения стоимости путем товарного производства. Были разрушены наемный юридически свободный труд и частный капитал... Во втором, в противоположность первому, создавали опять же не только формы рынка, но отношения обособленного производства товаров, отношения наемного труда и частнокапиталистического присвоения...

Во всех случаях содержание процессов было предельно обнажено, и оно подтвердило правомерность выделения именно системы производственных отношений как действительного содержания той или иной экономической системы. Именно для понимания причин, природы, последствий, закономерности или случайности таких грандиозных сдвигов и нужна марксистская теория вообще и трудовая теория стоимости, в частности. Для того же, чтобы успешно делать свой мелкий или крупный бизнес или выбрать оптимальный по соотношению цена-качество автомобиль, марксистская экономическая теория слишком сложна и многоаспектна. Она здесь так же бесполезна, как космический корабль для похода в супермаркет.

Кроме того, не забудем и о том, что люди в экономике – это не только агенты рынка, даже если эта экономика рыночная. Мир, в котором мы живем, – это не просто рыночная экономика. Это система производственных отношений капитализма. И потому в ней действуют и более сложные, глубинные законы и процессы, обуславливающие более сложную, нежели подороже продать и подешевле купить, систему социальных интересов. И эти интересы, равно как и диалектический метод, позволяют

обнажить более сложные, содержательные процессы, доказав, что исследование *mainstream'a* – это характеристика именно и только превратных форм. И только носителю буржуазного «здорового смысла» достаточно отображения этих форм, создающих видимость наличия некоторого фиктивного, как бы «наведенного», содержания, говорящего, что экономиста – это взаимодействие преследующих свои эгоистические цели рациональных индивидов, а в основе ценности лежит исключительно предельная полезность...

ТЕОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ КАК... ПРОДОЛЖЕНИЕ «КАПИТАЛА»

Всем хорошо известно, что в «Капитале» Маркс показал, как создается (в частности, в процессе обращения капитала) объективная видимость того, что прибыль выступает порождением *всего* капитала. Как таковая прибыль формируется в результате конкуренции капиталов, которые, стремясь к максимизации нормы прибыли, формируют среднюю норму прибыли на равновеликие капиталы. Таким образом, для капиталиста нормой экономического поведения является максимизация прибыли и минимизация издержек производства. Постольку, поскольку реализация как прибыли, так и величины издержек происходит через сферу обращения, для капиталиста здесь действует тот же императив, что и для любого агента рынка: подороже продать, подешевле купить.

Так закономерности воспроизводства капитала *на собственной основе* формируют объективную видимость сведения капиталистической системы к процессам купли-продажи товаров. Процесс обращения капитала, межотраслевая и отраслевая конкуренция между ними превращает всех участвующих в нем агентов в как бы одинаковых абстрактных субъектов, преследующих частные интересы – интересы максимизации своей выгоды и минимизации издержек. Этот частный интерес неслучайно *в этом* процессе выглядит как единственный и универсальный. И эта видимость объективна: в процессе воспроизводства капитала на поверхности явлений других интересов у агентов, действительно, нет. В результате исследуемая экономическая система сама себя сводит к актам индивидуализированного взаимодействия рационально-эгоистических продавцов-покупателей, возвращая нас к тому простейшему бытию «рыночной экономики», с которого Маркс начинал «Капитал».

Но если у Маркса это возвращение опосредовано всем тем богатейшим и сложнейшим анализом, который содержится в трех томах его основного труда, то для экономиста, исследующего исключительно эмпирически данные факты экономической жизни, ситуация иная.

Для первого этот процесс воспроизводства капитала, сводящий в конце концов сам себя к простейшей абстракции рынка, есть подтвержде-

дение правомерности выбора исходного пункта всей его работы по «раскручиванию» системы категорий, характеризующих бытие, сущность, явление и действительность (явление как «продукт» воспроизводства сущности) товарно-капиталистической экономической системы. Маркс показывает и доказывает всем своим «Капиталом» (и, в частности, III томом), что эта система категорий может и должна начинаться с факта бытия массы товаров и заканчиваться фактом бесконечного процесса их обращения. Что эта система *должна* скрывать все свои основные законы в глубине и выставлять на поверхности лишь совокупность превратных форм, каковые он и выводит в процессе своего исследования.

Для второго существует исключительно и единственно поверхностный уровень капиталистической *действительности* (непосредственно эмпирически данный процесс обращения). Поскольку (1) иная действительность такому экономисту не дана (для того, чтобы ее «увидеть», надо использовать метод восхождения от абстрактного к конкретному, исследуя процесс генезиса, развития и «заката» товарно-капиталистической экономики как исторически особой системы – материя, по определению закрытая для mainstream'a), а (2) главным, практикой диктуемым вызовом его научной деятельности является необходимость теоретически обосновать факт рационального поведения частного индивида, ищущего фундаментальные основы для принятия на рынке эффективных решений, постольку... Постольку *такой экономист оказывается вынужден представить рыночную действительность an sich* (взятую «в-себе и для-себя») как *следствие неких фундаментальных закономерностей «экономики вообще»*.

Поэтому, во-первых, неявно, но с железной последовательностью главной и первой проблемой экономической теории mainstream'a оказывается исследование эффективного индивидуального выбора на рынке, и, соответственно, проблема формирования индивидуальных предпочтений. Отсюда закономерно вытекает следующий шаг: именно столкновения индивидуальных предпочтений объявляются основой формирования меновых пропорций. Так выводится (причем вполне логично) теоретическая конструкция, отражающая мнимое, но неслучайно возникшее, содержание рынка как экономического феномена – содержание, созданное господством описанных выше превратных форм и адекватно отображаемое исследователем, который в соответствии с непосредственными законами рыночной действительности (но не ее сущности) отображает ее формы как (просим прощения за повтор-педалирование) единственно действительные (но не превратные).

Посему и то [мнимое] содержание, которое генерируют эти превратные формы, исследующий исключительно эмпирически данную действительность экономист принимает как действительное. Так формируются основы теории рынка, адекватно отражающие *мнимое* содержание этой системы. Далее эта теория достаточно строго выводит из категорий, адекватно отражающих это [мнимое, наведенное пре-

вратными формами] содержание, другие категории, адекватно, эмпирически достоверно отражающие действительные механизмы функционирования [превратных форм] рынка, и тем самым доказывает свою научную состоятельность...

Теория предельной полезности [в превратной форме] отражает действительную закономерность рынка – продавцы и покупатели выходят на него с уже сложившимися индивидуальными трудозатратами, а стремление получить эквивалент этих трудозатрат и составляет основу их «индивидуальных предпочтений».

(Здесь, правда, есть «нюанс». Mainstream не ищет *объективную* основу цены – раз она следствие индивидуальных предпочтений, то именно в индивидуальных, субъективных стремлениях и следует обнаружить основу этих индивидуальных предпочтений. Это тем более верно, что вполне соответствует либеральной догме об индивидуальной свободе на рынке.)

Что же это за субъективные желания? Желание получить за свой труд как можно больше чужого труда? Фи! При чем тут труд? Труд – это удел наемных работников, и вспоминать об этом неприлично (вы еще о классовой борьбе вспомните!). И никто на рынке не собирается облапошивать своего ближнего (да-да, конечно...). Рынок есть идеальный механизм для того, чтобы каждый, эгоистически максимизируя свою индивидуальную полезность, увеличивал тем самым эффективность экономики в целом и, следовательно, максимизировал общее благосостояние. Поскольку же всего на всех все равно не хватит (то есть ресурсы ограничены), постольку необходима частная собственность... Вот вам и исходный пункт для теории предельной полезности. И главное, что все это – правда. Но правда далеко не вся и исключительно о... превратных формах.

Правда, далее mainstream утверждает, что уже сама установившаяся в результате столкновения индивидуальных предпочтений равновесная цена определяет пропорции обмениваемых друг на друга товаров, то есть объем реального спроса и предложения на рынке (хотя дело обстоит ровно наоборот – при том, конечно, что сложившийся уровень цен влияет на *последующие* решения об объемах производства тех или иных товаров). Как это сочетается с либеральной свободой – подчинение экономических решений всех индивидов тем ценам, которые сформировались как независимый от каждого из них результат столкновения всей суммы индивидуальных предпочтений – mainstream уже не объясняет, но это «детали».

Здесь мы можем поставить если не точку, то многоточие: цепочка выведения возможности и необходимости основных идей mainstream'a из логики «Капитала» нами кратко обрисована. А посему несколько слов в заключение

* * *

В заключение нам хотелось бы вернуться к проблеме фундаментальной значимости трудовой теории стоимости. Позволим себе в этой

связи только одну ремарку, связанную с вопросом об исторических и теоретических границах рынка¹. Марксова трудовая теория стоимости как часть общей теории товарного производства указывает на то, что последнее есть исторически и теоретически ограниченная система, имеющая свое начало и конец. Вот почему для того, чтобы понять закономерности *генезиса, развития и «заката» системы отношений товарного производства, и обмена*, надо анализировать не функциональные связи спроса и предложения, а нечто иное, а именно – противоречие потребительной стоимости и стоимости, двойственный характер труда, лежащего в основе товара. Только этот анализ покажет, как, где и почему коллективный (общинный) труд в рамках натурального хозяйства сменяется частным трудом обособленного производителя, действующего в условиях общественного разделения труда, а этот труд может смениться всеобщей творческой деятельностью homo creator'a.

Если же говорить о соотношении трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, то мы можем сделать следующий вывод. Первая показывает глубинные основы отношений товарного производства, исторические и теоретические границы этой системы, ее природу. Вторая же может быть *выведена из первой* через сложную цепочку опосредований и указывает на фиктивное (как бы «наведенное») содержание действительно существующих превратных форм – определенных функциональных зависимостей в соотношении спроса, предложения и т.п. Соответственно марксова теория нужна «лишь» для того, чтобы исследовать природу и границы товарной экономики; для анализа функциональных зависимостей спроса и предложения она, действительно, не нужна.

Изюминка, однако, заключается в том, что нынешний рынок уже подошел к своим границам, и для того, чтобы понять, кто, как и почему действительно определяет не столько цены, сколько закономерности эволюции современного рынка, нужно анализировать прежде всего его сущность. И вот здесь оказывается востребован марксистский анализ проблем обособленности производителей (которая подрывается «рыночной властью» корпораций), типа и природы новой сетевой модели разделения труда и много, много другого – но это предмет других текстов книги.

А нам пора вернуться к логике «Капитала» и исследовать те новые определенности, которые приобретает сам капитал в современную эпоху.

¹ В последние десятилетия развитие информационной революции, рост многообразия экономической жизни, развитие творческого содержания труда (человеческого и социального «капитала») и феномены «ограниченно-рационального» поведения, теоретико-методологическая критика микроэкономических оснований неоклассической теории и ряд других причин побудили экономистов, принадлежавших к mainstream'у, постепенно начать искать выходы за пределы прежней аксиоматики, что само по себе знаменательно.

часть II Гегемония капитала:
сущность и пределы

Это уродование личностей я считаю самым большим злом капитализма.
Эйнштейн А. Почему социализм?
// Коммунист, 1989, № 17, с. 100

Продолжим наше исследование системы отношений тотальной гегемонии капитала. Напомним: она складывается как снятие господствующим ныне корпоративным капиталом всей предшествующей системы отношений капитализма и одновременно выступает как результат противоречивого обретения капиталом форм, адекватных изменениям в основах жизнедеятельности общества (в частности – в производительных силах). Эти же изменения – напомним и еще один принципиально важный тезис – связаны с начавшимся десятилетия назад процессом нелинейного перехода к миру, лежащему «по ту сторону собственно материального производства».

Выше мы показали, что исходным пунктом возникающей с конца XX века тотальной гегемонии капитала становится феномен, который был назван *«тотальным корпоративно-сетевым рынком»* («рынком сетей», «паутин»), охватывающим все сферы жизни общества и человека. Противоречия этого нового вида отношений товарного производства и обмена «снимаются», как мы тоже показали выше, в новом виде денег – *виртуальных деньгах как продукте жизнедеятельности виртуального фиктивного финансового капитала*. Продолжающая логику этого снятия система отношений эксплуатации и подчинения труда капиталом также предстает сегодня в новом виде – виде тотальной гегемонии корпоративного капитала, анализу которой и будет непосредственно посвящен этот раздел.

Принципиально новым и потому наиболее сложным аспектом этой многообразной проблемы является феномен эксплуатации творческой деятельности.

Но начнем мы с некоторых предварительных ремарок, позволяющих точнее показать структуру и место данной проблемы.

глава 1 Глобальный капитал: содержание и структура отношений эксплуатации

Прежде чем обратиться к проблемам современных отношений в этой области, сделаем небольшой экскурс в относительно малоизвестную ныне сферу классической марксистской теории эксплуатации и в частности теории подчинения труда капиталу.

ОТ НАЕМНОГО РАБОЧЕГО И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ К НОМО СРЕАТОР'У И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕНТЕ

К сожалению, в настоящее время для значительной части теоретиков, в том числе марксистов (хотя, естественно, не для всех – кое-кто из марксистов, даже молодых, внимательно читал «Капитал» и подготовительные рукописи, а не только их пересказы), не просто основным, но, по сути дела, единственным вопросом теории прибавочной стоимости является присвоение капиталом некоторого количества неоплаченного труда наемного работника (разницы между стоимостью, созданной трудом работника, и стоимостью воспроизводства его рабочей силы). Между тем марксистская теория эксплуатации включает в себя целый ряд других – едва ли не более сложных и не менее важных аспектов, формирующих целостную систему производственных отношений эксплуатации, являющуюся подсистемой отношений капиталистического способа производства.

Капиталистическая эксплуатация: классический марксизм

В действительности проблема эксплуатации многогранна и включает в себя по меньшей мере следующие уровни *восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании и развитии капиталистической эксплуатации*.

Первый – раскрытие всеобщей формулы капитала и ее противоречия. Фиксация всеобщей формулы капитала: $D - T - D'$ – деньги, приносящие добавочные деньги посредством обмена – эта «формула» собственно и задает то определение феномена «капитал», которое используется во всех современных экономических работах и даже обыденным сознанием. Заслуга Маркса в данном случае состоит не в том, что он дал это определение капитала, а в том, что он теоретически доказал, что это *видимость* капитала. Последнее важно и актуально, поскольку ныне под эту видимость подпадает масса феноменов, не являющихся

капиталом по своей сущности, но имеющих видимость капитала («человеческий капитал», «социальный капитал»).

Более того, Маркс показал, что эта видимость противоречива, сформулировав знаменитую антиномию: дополнительные деньги создаются и не создаются в обращении. Загадка этой антиномии породила мощные дискуссии, в частности в советской политэкономической и философской литературе, ставшие особенно интенсивными в 1960–70-е годы. Суть позиции наших учителей – Эвальда Ильенкова и Николая Хессина, полемизирующих с И.С. Нарским и его коллегами¹, – состояла в доказательстве того, что данная антиномия – не умозрительная конструкция и не прием изложения, а отражение действительного противоречия возникновения и невозникновения капитала в обращении, ибо здесь оба утверждения равно верны и равно не верны.

Такой взгляд позволяет сделать несколько существенных выводов. Так, он позволяет показать, что Маркс не постулирует наличие особого товара «рабочая сила», потребительная стоимость которого состоит в способности создавать стоимость большую, чем его собственная, а выводит необходимость такого товара как единственно возможного средства разрешения данного противоречия. Иначе противоречие остается не снятой антиномией и феномен одновременно существует и несуществует. И это опять-таки не логический кунштюк, а практика генезиса капитализма. Последнее верно хотя бы потому, что допотопные формы капитала, не опиравшиеся на капиталистическое производство, в строгом смысле слова капиталом не были и потому не могли привести к образованию капитализма как господствующего способа производства. Торгово-ростовщические кампании всегда оставались лишь неустойчивым (то расцветающим, то хиреющим) анклавом добуржуазных экономик. Марксово определение противоречия всеобщей формулы капитала как действительного есть теоретическое объяснение названной исторической закономерности.

Для исследования отношения эксплуатации, однако, важнее другое – то, что и теоретическое исследование, и обращение к практике позволяет показать: разрешение противоречия *всеобщей* формулы капитала возможно только там и тогда, где и когда есть все основные слагаемые *капиталистического процесса создания и присвоения прибавочной стоимости*. Это (1) экономически и юридически независимый работник, являющийся собственником товара «рабочая сила» и (2) частный собственник средств производства, имеющих социально-экономическую форму *капитала*; этот собственник (3) покупает товар «рабочая сила» и соединяет его с принадлежащими капиталу средствами производства, инициируя тем самым (4) капиталистический процесс *производства*,

¹ См.: Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; работы Э. Ильенкова и Н. Хессина мы уже многократно упоминали.

где наемным рабочим создается (5) стоимость, большая чем та, по которой его купили (*прибавочная стоимость*); последнюю (6) *присваивает собственник капитала* и она подтверждает себя как стоимость (а не просто затрата труда) только после (7) *реализации на рынке* товара, произведенного наемным рабочим, но (8) *отчужденного* от него и принадлежащего капиталу.

Так, Маркс *строго теоретически выводит* отношение производства прибавочной стоимости рабочим и присвоения капиталом (отношение эксплуатации) как необходимое и достаточное условие стабильного существования капитала. Что и подтверждает история. Отличие – Марксовой теории от неоклассики и т.п. в данном случае не только в том, что теоретически отображается феномен эксплуатации, но и в том, что он не постулируется исходя из факта, а выводится, объясняя загадочный факт.

Второй уровень восхождения от абстрактного к конкретному в развертывании теории эксплуатации – это исследование процесса *создания и присвоения прибавочной стоимости* как такового. Эти положения Маркса о прибавочном времени, труде и продукте и особенно их количественные соотношения. *Абстракции* m , v и их соотношения хорошо известны, и мы в данном случае можем ограничиться лишь тремя ремарками.

Первая: числовые иллюстрации в «Капитале» есть не более чем примеры для не слишком начинающего читателя; содержательной нагрузки они не несут. Маркс никогда не пытался считать стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость. Сосчитать можно только рыночные формы этих явлений (прибыль, заработную плату), которые Маркс случайно назвал превратными, ибо они искажают действительное содержание. Мы об этом писали в одном из предшествующих разделов книги и более не будем к этому возвращаться.

Вторая ремарка – о феномене, на который очень редко обращают внимание даже знатоки «Капитала». Предваряя исследование собственно прибавочной стоимости, Маркс очень точно и тонко показывает, как и почему стоимость постоянного капитала (машин, оборудования, сырья и т.п.) не изменяется в процессе производства, *доказывая* тем самым *неправомерность тезиса о создании прибыли* [постоянным] *капиталом*. Для этого оказывается абсолютно необходимо проведенное в первой главе исследование двойственного характера труда, ибо только оно позволяет показать, как и почему в одном и том же трудовом процессе происходит и перенесение стоимости постоянного капитала на конечный продукт (это «миссия» конкретного труда) и создание новой, в том числе прибавочной, стоимости (а это уже «миссия» труда абстрактного. Без этого «нюанса» рухнет вся теория эксплуатации, поэтому *исследование двойственного характера труда, создающего товары* – одна из немногих разработок, которые сам Маркс ставил себе в заслугу – *есть абсолютно необходимое теоретическое основание всей экономической*

теории марксизма. Вне него все разговоры о стоимости и прибавочной стоимости в рамках марксистской парадигмы остаются в лучшем случае безграмотностью.

Третья ремарка, совсем короткая. Исследование К. Марксом абсолютной прибавочной стоимости и рабочего дня есть очень важный и, к сожалению, *не устаревший* аспект его теории эксплуатации. Стремление капитала к увеличению продолжительности рабочего времени не исчезает даже в XXI веке, особенно в странах периферии и полупериферии¹. Соответственно и борьба за сокращение рабочего дня, рабочей недели, пенсионного возраста была, есть и будет актуальной на протяжении всего существования капитала и объяснение причин этого, теоретическая интерпретации природы противоречий, лежащих в основе этой борьбы – заслуга Маркса.

Третий уровень исследования Марксом эксплуатации – **теория относительной прибавочной стоимости** – с количественной точки зрения тоже хорошо известна. Но теоретически здесь есть немало открытий, которые далеко не сводимы к тому, что увеличение прибавочного труда может осуществляться за счет сокращения необходимого при постоянном рабочем дне. Неявно сформулировав еще одну антиномию – рабочий день не может увеличиваться безгранично, прибавочная стоимость должна увеличиваться бесконечно (такова *всеобщая формула*, «судьба» капитала) – Маркс опять-таки *выводит* необходимость постоянного повышения производительности труда. Последнее означает *наличие у капитала объективных стимулов уничтожения и развития технического прогресса и более производительного труда.* Эту прогрессивную миссию капитала всячески подчеркивали и Маркс, и Ленин, и их последователи, и даже советские учебники².

При этом Маркс показывает, что непосредственным предметом заботы капитала является повышение не общественной производительности труда, а производительности труда его частного предприятия. Последнее позволяет капиталисту сокращать индивидуальные издержки ниже общественно-нормального уровня и получать прибавочную сто-

¹ Приведем лишь один пример сохраняющейся до сих пор актуальности этой проблемы. В XXI веке, в стране, входящей в «большую восьмерку» – России – один из ее крупнейших предпринимателей – олигарх Прохоров – предложил ввести... 60-часовую рабочую неделю. Другой пример – типичное для России и ряда других стран СНГ практически произвольное удлинение рабочего дня (до 10–12 часов) и рабочей недели (до 60–70 часов) у сотрудников многих частных компаний в сфере обслуживания и финансов. И это только примеры хорошо известной нам России. Уверены, что во многих странах «Третьего» мира ситуация аналогична.

² См., например: Курс политической экономии в 2-х томах / Под ред. *Н.А. Цаголова.* Изд. 3-е, перераб. и доп. Т. 1. М.: Экономика, 1973. С. 221–222, 238–245.

имость, которую Маркс назвал *избыточной*. В этом часто забываемом исследовании скрыто целое соцветие крайне актуальных положений.

Во-первых, с методологической точки зрения это исследование Маркса важно как пример важнейшей черты *взаимодействия производительных сил и производственных отношений*, а именно того, как, почему и в какой мере определенное производственное отношение обуславливает прогресс производительных сил и каких именно производительных сил. Теория эксплуатации наемного работника оказывается прочно посажена на материальный фундамент развития технологического процесса, что, как мы покажем далее, позволяет Марксу раскрыть массу важных следствий.

Во-вторых, Маркс раскрывает систему объективных *стимулов* технического прогресса, вытекающих из природы производственных отношений и процесса эксплуатации, а не из доброй воли или врожденных качеств предпринимателя. Автор «Капитала» показывает, что стремление к инновациям есть атрибут капитала и делает это *на пол века раньше Шумпетера* (которому приписывают это «открытие»). Причем делает он это путем выведения из специфических законов капитализма, показывая, что это следствие особых объективных производственных отношений капитализма, а не «естественной» психологической особенности некоторого избранного круга людей – предпринимателей, как то постулирует Шумпетер.

В-третьих, в этом же контексте раскрываются капиталистические *границы* технического прогресса: капитал идет на использование новой техники тогда и только тогда, когда для него закрыты иные пути – повышение продолжительности и/или интенсивности труда, вовлечение более дешевой рабочей силы и т.п. История капитализма, и в частности современного вывоза индустриальных предприятий в страны «Третьего» мира, прямо подтверждает эти положения. В России их подтверждением стала гротесково-пародийная форма паразитирования российского капитала на сырьевых и иных общественных ресурсах вплоть до «распила» государственного бюджета¹. Более того, капитал развивал и развивает только те сферы технического прогресса, которые приводят к

¹ Подобного рода приемы хорошо описаны в книгах Юрия Болдырева: *Болдырев Ю.Ю. Русское чудо – секреты экономической отсталости, или как, успешно преодолевая препятствия, идти в никуда. Книга первая. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Крымский мост–9Д, Форум, 2002; Болдырев Ю.Ю. Русское чудо – секреты экономической отсталости или как, успешно преодолевая препятствия, идти в никуда. Книга вторая. Похищение Евразии. М.: Крымский мост–9Д, Форум, 2003.*

Теоретическую характеристику подобного положения см.: *Бузгалин А.В. Результаты «реформ» в России: рынок и капитал. / Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России. М.: Едиториал УРСС, 2013. С. 51–53, 62–79; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая →*

росту прибавочной стоимости. Если же результатом становится «всего лишь» увеличение объема и качества общественных благ, не приносящее дополнительной прибыли, капитал в это не включается вообще, либо делает в форме благотворительности, т.е. формы, к собственно капиталистическому производству отношения не имеющей.

На этом исследовании базируется *четвертый* – едва ли не наиболее важный и наиболее забытый уровень восхождения Маркса от абстрактного к конкретному в исследовании отношений эксплуатации – исследование *формального и реального подчинения труда капиталу*.

Отчуждение труда в капиталистической форме (а оно развивается на базе снятия предшествующих форм – внеэкономического принуждения, личной зависимости) предполагает наличие формально-правовых предпосылок, а именно – наличие собственности на средства производства в руках неработника (капиталиста) и их отсутствие у работника при личной независимости последнего. Первым шагом отчуждения становится, следовательно, *отчуждение средств производства от работника и* (на это реже обращают внимание) *отделение качества рабочей силы от других свойств работника, превращение этого качества в товар* (отчуждаемую вещь), что позволяет затем продать этот товар собственнику капитала.

За этим вполне логично следует второй шаг по пути отчуждения: работник теряет свою рабочую силу, она переходит в собственность хозяина средств производства. Теперь он определяет все основные слабые стороны трудового процесса: что, как, при помощи каких средств производства и для кого производить. Труд оказывается отчужден по социально-экономической форме.

Третий шаг: созданный работниками продукт и часть его стоимости (а именно – прибавочная стоимость) также отчуждается капиталом.

Предпосылкой анализа этих феноменов служит понимание того, что покупка капиталом товара рабочая сила имеет ряд принципиальных качественных отличий от любой другой транзакции на рынке. Это отношение, изменяющее природу человеческого труда и управления. Поскольку в условиях рынка собственник товара может его использовать так, как он хочет, постольку благодаря акту покупки товара «рабочая сила» капитал становится собственником всех параметров его использования. Поэтому *в условиях капитализма капитал, а не работник определяет параметры трудового процесса*: с какой целью, что, как, при помощи каких средств производства, и т.п. будет работник производить определяет отныне не производитель, а собственник капитала или его представитель. Так *капитал отчуждает от наемного работника не только средства производства, но и его труд*, превращая человека на

← система как мутация позднего капитализма // Альтернативы. 2014. № 1. С. 4–41.

производстве в подобие муравья или пчелы, активность которых отличается от труда человека, в частности, тем, что не имеет функции самостоятельного целеполагания¹.

Более того, поскольку капиталистический процесс производства и исторически, и логически начинается с отношений использования кооперативного труда (наем группы рабочих для осуществления коллективного трудового процесса – у Маркса это положение раскрыто в главе о кооперации I тома «Капитала»), постольку капитал присваивает еще три атрибута этого процесса. *Объединение людей в коллектив и формирование совокупного работника – во-первых; производительную силу его кооперативного труда – во-вторых; функции управления этим коллективным производственным процессом – в-третьих, – все это присваивает капитал.*

Заметим: известная в классической политэкономии (да и хорошо знакомая каждому бригадиру) большая производительность кооперативного труда по сравнению с суммой трудовых усилий обособленных индивидов, ныне в есоnотiс интерпретируется как «эффект от масштаба». Заметим в этой связи: во-первых, фиксация этой закономерности есть достижение не есоnотiс, а классической политэкономии, в частности марксизма; во-вторых, производительная сила кооперации – явление более сложное и богатое, нежели «эффект от масштаба»; в-третьих, у Маркса показано не только наличие этой закономерности функционирования производительных сил всякого общества, где есть кооперативный процесс труда (начиная от строительства египетских пирамид), но и то, почему и как ее подчиняет капитал, и что из этого следует. «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, – пишет в этой связи К. Маркс, – оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением. Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих

¹ «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю». Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 189.

одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически – как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям»¹.

В результате капитал как особое производственное отношение подчиняет себе трудовой процесс. Так складывается *формальное* (диктуемое социально-экономической формой) *подчинение труда капиталу*.

Однако безудержное стремление капитала к извлечению не только абсолютной, но и избыточной прибавочной стоимости, получаемой вследствие первоначального использования выгод от повышения производительности труда на своем предприятии, приводит (в условиях последующего всеобщего распространения инноваций; о современных противоречиях этого процесса – ниже) к возникновению и росту относительной прибавочной стоимости, а вместе с тем – техническому прогрессу. Последний становится причиной трансформации простой кооперации первоначально в мануфактуру, а затем – фабрику.

Для нас этот процесс важен прежде всего тем, что развитие даже мануфактуры приводит к еще одному шагу в процессе подчинения труда капиталу – формированию *частичного работника*. Поскольку труд рабочих в мануфактуре разделен и отдельный работник выполняет лишь одну из операций, на которой он специализирован, постольку он становится не целостным, способным к созданию конечного продукта, а частичным, способным к совершению лишь некоторой узкопрофессиональной операции. Трудовой процесс в целом в этих условиях становится производительным только при условии, что он организован некоторой третьей силой, которой в условиях капитализма и является в большинстве случаев (кооперативы пока оставим в стороне) капитал. *В результате труд наемного рабочего как частичного работника подчиняется капиталу и по своей технологии, а капитал становится собственником еще одной даровой производительной силы – той, что дает разделение труда.*

Но это лишь первый шаг на пути *реального (затрагивающего содержание трудового процесса, производительные силы) подчинения труда капиталу*. Адекватный вид это подчинение обретает по мере развития машинного производства и формирования системы машин – фабрики. Здесь работник подчинен уже не только капиталу как особой социально-экономической форме. Он подчинен капиталу технически, *ибо на фабрике рабочий – это не более чем придаток машины, дополнение этого «мертвого»* (по образному выражению Маркса) труда. С этого момента начинается период господства «мертвого» труда над «живым», а капитал и система машин (основной капитал в терминологии «Капитала») ста-

¹ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 343.

новятся синонимами; более того, сама категория «капитал» начинает использоваться и «основным течением» экономической теории, и хозяйственной практикой как обозначение прежде всего системы машин.

Апогеем развития реального подчинения труда капиталу в условиях индустриального производства становятся конвейерная организация труда (т.н. «фордизм») и затрагивающий частично даже ручной труд тейлоризм, о которых мы уже писали выше.

Итак, сущность *реального подчинения труда капиталу* состоит в том, что самое содержание процесса производства – технология трудовой деятельности, природа средств производства (система машин) – подчинено процессу воспроизводства капитала и, в свою очередь, служит подчинению труда материальным факторам производства как капиталу. Разделение труда, машина, конвейер и т.п. превращают работника в частичного, являющегося придатком системы машин, а сами становятся функцией капитала (постоянным капиталом, «мертвым трудом») – силой, подчиняющей живой труд логике мертвого, логике ставшей капиталом системы машин. В результате капитал обретает адекватную материально-техническую базу. Ею – повторим – становится система машин, где труд человека, во-первых, разделен (человек превращен в частичного работника, не способного самостоятельно создавать полезный продукт) и, во-вторых, подчинен машине (а она является безраздельной собственностью капитала, его непосредственным материальным воплощением).

«Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осозаемую реальность. Вследствие своего превращения в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (master)» – замечает по этому поводу Карл Маркс в «Капитале»¹.

¹ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 434.

В этих условиях *работник не только экономически, но и технологически подчиняется капиталу*. Более того, он *теряет свои ключевые человеческие качества: способность творческого самостоятельного преобразования материального мира, становясь придатком вещных факторов труда*, утрачивая свойство целеполагания (элементы гуманизации труда на современных предприятиях в развитых странах несколько корректируют эту связь, но для большинства предприятий «Второго» и «Третьего» миров она по-прежнему актуальна). Неслучайно поэтому именно фабрика – система машин – и является технико-производственной основой реального, содержательного подчинения труда капиталу в условиях классически-капиталистического индустриального производства.

* * *

Все это – всего лишь азы марксистской политэкономии капитализма, и мы не стали бы их повторять, если бы не (1) их принципиальное значение для анализа современного положения дел в наиболее развитых сегментах капиталистической экономики, где в постиндустриальных сферах многие из этих феноменов видоизменяются вследствие развития и производственных отношений, и производительных сил, снимая (отрицая и сохраняя) классические основы, а также (2) сохранение всех этих атрибутов эксплуатации и подчинения труда капиталу везде, где сохраняется и/или воспроизводится господство индустриальных и доиндустриальных технологий¹.

Эксплуатация XXI века: контрапункты «диффузии»
капитала и присвоения прибавочной стоимости,
монополистической [сверх] прибыли
и интеллектуальной ренты

Прежде чем рассмотреть наиболее современные формы эксплуатации, предполагающие подчинение капиталу творческой деятельности, подчеркнем, что современный глобальный капитализм представляет собой сложную систему всех основных «пластов» взаимодействия наемного труда и капитала, характерных для исторической эволюции капиталистического способа производства, снятых в его современном пространственном бытии. Проще говоря, *современная «география» (социопропространственное бытие) мировой капиталистической системы*

¹ Приведем в этой связи слова из уже упоминавшейся работы В. Грейдера, который специально подчеркивает, что основным конфликтом современного мира вновь является противоречие труда и капитала, а К. Маркс может с улыбкой взирать на всех кричащих о смерти марксизма (Greider W. Op.Cit. P. 39).

есть одновременно и живая история капитализма: от доиндустриальных полукрепостнических форм в наиболее отсталых анклавах через «классическую» эксплуатацию индустриальных рабочих на промышленных предприятиях до более чем специфических форм подчинения капиталу творческой деятельности программистов и учителей...

Рассматривая процесс как *глобальный*, мы можем зафиксировать (возвращаясь к вводным ремаркам I части) ряд эмпирически и теоретически легко фиксируемых черт, которые послужат исходным пунктом нашего анализа.

Во-первых, в мире сохраняются многие сотни миллионов лиц, занятых преимущественно ручным (доиндустриальным) или раннеиндустриальным трудом и являющихся объектом полуфеодальной-полукapиталистической эксплуатации в формах, наиболее близких к тем, что описаны Ф. Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии»¹, К. Марксом в заключительных главах I тома «Капитала»², посвященных истории капиталистического накопления, В.И. Лениным в «Развитии капитализма в России»³ или... в некоторых довольно реалистических «мыльных операх» российского телевидения XXI века.

Во-вторых, начиная с конца XX и особенно в XXI веке как никогда массовым становится слой классических индустриальных наемных работников (в мире в целом – более миллиарда человек), создающих классическим образом прибавочную стоимость. *Количество труда, создающего прибавочную стоимость классически капиталистическим способом ныне как никогда велико*, ибо и объем наемного индустриального труда, и его производительность в мире в целом сегодня выше (даже в расчете на душу населения), чем в любую другую эпоху.

В-третьих, значительная часть работников так называемой «сферы услуг», которую принято рассматривать как постиндустриальную сферу, занята (даже с точки зрения классической марксистской теории) *производительным, т.е. создающим стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость трудом*⁴. К ним относятся все те, кто занят в сферах

¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

² Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.

³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958.

⁴ В марксистской теории идет долгая и не во всех своих аспектах плодотворная дискуссия о том, какой труд считать производительным. Мы в данном тексте не будем уходить в тонкости этих дебатов, хотя еще в советское время немало сил отдали участию в них. Зафиксируем лишь те выводы, к которым мы пришли. Производительный труд – это категория, содержание которой обогащается по мере развертывания основных блоков экономической системы и, соответственно, системы категорий политической экономии данного →

непосредственно продолжающих функционирование и воспроизводство производительных сил, в том числе – рабочей силы. Соответственно, сферами, в которых (с точки зрения классической марксистской теории!) создается стоимость, являются не только та часть торговли, где осуществляется продолжение процесса производства материальных благ в широком смысле слова, но и аналогичная ей по своей природе и функциональной роли часть сферы услуг.

Для подтверждения этого тезиса воспользуемся марксовской методологией различения дополнительных и чистых издержек обращения¹. В первом случае это та часть процесса торговли, которая связана с процессом функционирования производительных сил и является, как мы уже отметили, продолжением процесса общественного производства в широком смысле слова (в единстве производства, обмена, распределения и потребления). Во втором случае это издержки торговли, связанные с функционированием капиталистической формы, т.е. те, без которых мог бы обойтись процесс воспроизводства, если бы он осуществлялся не в капиталистической форме.

Так же мы можем различить и два *слагаемых капиталистической сферы услуг*. Первая ее часть связана с воспроизводством рабочей силы как производительной силы и потому она производительна *по содержанию*: в ней происходит создание стоимости и прибавочной стоимости, ибо она. Вторая связана с воспроизводством капиталистической формы бытия человека, порождающей массу фиктивных потребностей и удовлетворяющих их фиктивных услуг. Эта сфера. производительна *исключительно по форме*, причем превратной: занятый здесь капитал присваивает прибыль, но там не создается прибавочная стоимость.

Эта методология² касается собственно капиталистических критериев производительности и восходит к марксистской теории производительного труда. В советском и постсоветском марксизме было принято различать вслед за Марксом различные теоретические уровни в определении *капиталистических* критериев различения производительного и непроизводительного труда. Эта система критериев была построена на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному в соответствии с логикой «Капитала».

← (в нашем случае – капиталистического) способа производства. Соответственно, присутствует система определений производительного труда, построенная по принципу восхождения от абстрактного к конкретному.

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. М.: Госполитиздат, 1961. С. 147–151, 155–156, 168–170.

² Кстати, эту методологию мы используем и применительно к сфере производства, выделяя как его *слагаемое* непроизводительный труд по производству благ превратного сектора. Производство симулятивных благ (и продуктов, и услуг) еще более усложняет эту проблему, ибо их создание также следует расценить как непроизводительный – с точки зрения создания стоимости – труд.

Если оставить в стороне критерии лежащие на уровне производительных сил (производство и воспроизводство средств производства и человека), то она предполагала выделение как минимум следующих основных ступеней определения *производительного труда*, вытекающих из специфики *капиталистических производственных отношений*:

- предельно абстрактный уровень: производителен материальный труд, создающий стоимость;
- уровень сущности: производителен материальный труд, создающий прибавочную стоимость;
- уровень явления и превратных форм: производителен любой труд, позволяющий присваивать прибыль.

Итак, в сфере услуг может быть выделена та часть, где создается стоимость и есть наемный труд, т.е. происходит создание прибавочной стоимости. Это та ее часть, где *создаются услуги, являющиеся необходимым звеном воспроизводства рабочей силы, в том числе – современной высококвалифицированной* (к проблеме воспроизводства т.н. «человеческого капитала» мы еще вернемся).

По-видимому, к этим сферам следует отнести большую часть торговли средствами производства и несимулятивными потребительскими товарами, а также создающей не-симулятивные блага сферы услуг. В последнем случае речь может и должна идти о большей части предприятий общественного питания, бытового обслуживания, рекреации и т.п.

Точно количественно оценить эту часть занятых мировой экономики мы не беремся, но ориентировочно это должно быть значительная – порядка $\frac{1}{2}$ – часть *мировой* сферы услуг. Подчеркнем, что большая часть из них занята специфической формой ручного, ранне- и позднеиндустриального производительного труда, создающего стоимость и прибавочную стоимость в точном соответствии с классическими положениями «Капитала».

Итак, в традиционных сферах производительного труда, создающих прибавочную стоимость классическим образом, сегодня занято никак не менее половины мировой рабочей силы. *С учетом накопленной за столетия капитальной стоимости это производство создает ту массу богатства, которая не только обеспечивает современное воспроизводство, но и создает определенные основы для роста паразитирующего на нем (хотя и не только на нем) превратного (бесполезного) сектора.*

Итак, для современного капитализма характерно сохранение «классических» отношений капиталистической эксплуатации. Соответственно, мы можем сделать вывод, что **первый «пласт»** подчинения труда современному глобальному капиталу – «восстановление» (частично ограниченных предшествующим периодом социал-реформизма) *классических отношений формального и реального подчинения труда капиталу* и, соответственно, извлечения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Напомним, что ныне, несмотря на характерное для раз-

витых стран сокращение индустриального материального производства и усложнение социальной структуры, *в мире в целом* достигли максимального за все предшествующие периоды масштаба эксплуатация ручного и индустриального наемного труда.

Не следует также забывать о том, что неолиберальный этап позднего капитализма характеризуется и восстановлением в большинстве стран (в том числе – «Первого» мира, например в США) относительного, а в определенные периоды – и абсолютного обнищания пролетариата как устойчивых тенденций (так, например, среднечасовая реальная оплата труда в США в последние 25 лет XX века в среднем практически не росла, а в отдельные периоды – сокращалась. Разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился; почти в 2 раза вырос разрыв в зарплате высших менеджеров – а это ныне скорее форма получения прибавочной стоимости, чем плата за товар рабочая сила, – и большинства наемных работников)¹.

Второй «пласт» отношений тотального подчинения труда капиталу связан с диалектическим снятием (критическим наследованием) в современных условиях отношений труда и капитала, характерных для последующего исторического этапа (и одновременно логического уровня) эволюции *позднего* капитализма. Это новые аспекты эксплуатации и подчинения труда капиталу, характерные для первого этапа подрыва основ капитализма – **монополистического капитализма или империализма**. От этого историко-логического этапа эволюции позднего капитализма «сохраняется», в частности, многоступенчатая иерархия перераспределения прибавочной стоимости в пользу (1) развитых стран и (2) монополистических объединений этих стран (монополия [сверх] прибыль) с двойным, тройным и т.д. бременем эксплуатации для наемных рабочих развивающихся стран и (3) финансового капитала. О природе этого перераспределения под влиянием «полей зависимости» («рыночной власти»), создаваемых крупным корпоративным капиталом, и вследствие господства виртуального фиктивного капитала авторы писали в предыдущих разделах и потому здесь не будут возвращаться к этим проблемам².

¹ См., например: *Bowles S., Gordon D., Weisskopf T.* Beyond the Waste Land: A Democratic Alternative to Economic Decline. N.Y.: Doubleday, 1984; *Dennis G.* The American Class Structure in an Age of Growing Inequality. Belmont, California: Wardsworth, 1998; *Gordon D., Weisskopf T., Bowles S.* Power, Accumulation and Crisis: The Rise and Demise of the Postwar Social Structure of Accumulation // *Lippit V. D.* (ed.) Radical Political Economy: Explorations in Alternative Economic Analysis. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996; *Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century* / Edited by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 2010.

² Упомянем, что эти механизмы были описаны еще В.И. Лениным и Розой Люксембург для условий начала века, их современный вид, характерный →

От следующего историко-логического этапа эволюции позднего капитализма – *социал-реформизма* – сохраняется (хотя и в несколько урезанном виде) характерная для развитых стран сложная система как ограничений эксплуатации в узком смысле слова (от ограничения продолжительности рабочего дня, недели и т.п. до прогрессивного подоходного налога и разнообразных форм социальной защиты), так и «коррекций» механизмов формального и реального подчинения труда (от охраны труда до участия работников в собственности и управлении). **Это третий «пласт» современных отношений подчинения труда капиталу.**

Однако *неолиберальный период не только ограничивает достижения предшествующего этапа, но и подрывает механизмы их обеспечения*: ослабление и снижение роли различных ассоциаций трудящихся, проходящие под давлением неомаркетизации, и «очастнивание» социальной жизни разрушают основы для противодействия росту эксплуатации.

Наиболее интересным и сложным с точки зрения марксистской теории эксплуатации на этом уровне исследования становится вопрос о кажущемся изменении природы капитала и **«преодолении» эксплуатации** наемного труда в связи с появлением многочисленных пенсионных, инвестиционных и иных фондов, аккумулирующих накопления наемных работников и тем самым, якобы, превращающих их в совокупного капиталиста. Это достижение «государства всеобщего благоденствия» ныне существенно трансформировалось, но базовые его слагаемые сохраняются до сих пор, не уходя в историю, и потому требуют анализа.

Как мы уже отметили, тезис о диффузии капитала и генезисе «посткапитализма» стал широко распространенным во второй половине XX века. На наш взгляд, вывод о переходе мира к «посткапитализму», основанный на тезисах о т.н. исчезновении капитала как накопленной прибавочной стоимости и превращении его в накопления граждан, в основе своей неверен (во всяком случае, с точки зрения марксистской теории прибавочной стоимости). Но не потому, что мы отрицаем роль пенсионных фондов и других форм сбережений, используемых для капитализации: их роль действительно велика, хотя в *глобальной экономике* не решающая.

Дело в ином.

В пенсионных и иных фондах¹ аккумулируется частично *необходимый продукт работника* (страховая медицина, накопления для образования

← для периода глобализации, представлен в работах С. Амина и других леворадикальных теоретиков, о чем мы уже упоминали ранее. Напомним также, что краткий обзор этих концепций можно найти, в частности, в: *Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики.* 2-е изд. М.: Норма, 2008. С. 189–195.

¹ Несколькими страницами ниже, анализируя новое качество работников в условиях гегемонии корпоративного капитала, мы покажем, почему это качество сопряжено с резким возрастанием роли таких фондов.

детей и т.п. слагаемые воспроизводства квалифицированной рабочей силы), частично *прибавочный* продукт общества.

В качестве небольшого отступления подчеркнем проводимое нами здесь различие прибавочного продукта общества и прибавочного продукта, присваиваемого частным лицом – как правило капиталистом. Первый в отличие от последнего – средства, которые используются в любом обществе (а в особенности – в условиях позднего капитализма, прошедшего через период «государства благосостояния» и не до конца от него отказавшегося) на реализацию общенародных нужд: от безопасности до (в современных условиях) экологии.

Продолжим наш анализ. Прибавочный продукт общества в настоящее время достаточно велик и в условиях некапиталистической системы общественного присвоения должен был бы использоваться на увеличение продолжительности жизни, рациональное использование свободного времени, содержание уже и еще нетрудоспособных.

В условиях капитализма дело обстоит сложнее.

Первоначально «классический» капитализм, для которого были характерны детский труд, низкая продолжительность жизни и т.п., не предполагал включения этих расходов в необходимый продукт работника.

Технологический прогресс последнего столетия обусловил необходимость (во всяком случае, в развитых странах) перехода к другому типу работника. Среднее специальное и высшее образование значительной части работников *развитых стран* стало условием накопления капитала. Параллельно условием воспроизводства рабочей силы «профессионалов» стало увеличение продолжительности и стабильности жизни. В этом же направлении действовали такие факторы, как организованная борьба трудящихся и граждан, соревнование с «Мировой системой социализма», в конечном счете – переход к социал-реформизму. В результате часть этих расходов в XX веке вошла в цену рабочей силы, часть стала *вычетом из прибавочной стоимости, перераспределяемым* (под давлением оппозиционных капиталу сил) *в пользу трудящихся*.

Кризис социал-реформизма и «общества двух третей», частичное сворачивание социальных расходов и т.п. привели к тому, что (1) в ряде случаев эти расходы в целом сократились; (2) изменилась пропорция между их частным и общественным слагаемыми: относительно увеличились расходы за счет сбережений работников, относительно, а в ряде стран и абсолютно сократились общественные расходы и (3) усилилась концентрация этих сбережений в частных фондах.

Последнее особенно важно, ибо указывает на то, что на нынешнем этапе инволюции капитала стала разворачиваться *приватизация капиталом части как необходимого продукта работника, так и общественного прибавочного продукта, используемой на социально-гумани-*

тарные цели. Эта приватизация и стала реальным содержанием того процесса, который, по видимости, имеет вид... диффузии капитала и капитализма.

Кроме того, следует учитывать, что *эти сбережения в значительной части осуществляются теми наемными работниками, чья зарплата является в точки зрения марксизма частью прибавочной стоимости* (и, шире, прибавочного продукта, имеющего стоимостную форму), создаваемой трудом работников материального производства и креатосферы. К числу наемных работников, получающих *такие* доходы, относятся все работники превратного сектора (большая часть специалистов в области финансов, маркетинга, пиара и иных создателей симулякров, работников масскультуры, частных юристов, политтехнологов, звезд и «звездочек» шоу-бизнеса и профессионального спорта и т.п.), а также все высшие менеджеры в той части, в какой их доходы образуются из прибавочной стоимости (прибыли), лишь облекаясь в форму зарплат. В последнем случае никакой «диффузии капитала» вообще не происходит: используемые для инвестиций доходы этих «работников», намеренно повторим, суть не что иное, как часть прибавочной стоимости, присваиваемой совокупным общественным капиталом.

Итак, оставаясь на этом уровне исследования мы можем зафиксировать, что и *в современной глобальной экономике одним из основных источников доходов и образования капитала остается «классическая» прибавочная стоимость*, создаваемая производительным трудом наемных работников (ниже мы покажем, что ныне другим таким источником становится имеющее стоимостную форму всеобщее богатство, создаваемое творческим трудом в креатосфере).

Эти источники, однако, трансформируются в инвестиции и личное потребление сложной системы классов и промежуточных слоев капиталистического общества (в том числе корпоративной номенклатуры, «профессионалов» и т.п. – о социальной природе и структуре этих слоев ниже), опосредуясь сложной системой превратных форм.

Одна из них – *закамуфлированное присвоение прибыли* (в том числе в материальном производстве) в форме зарплат и других доходов высших менеджеров и «профессионалов».

Другая, едва ли не еще более важная – *перераспределение части создаваемой в мире прибавочной стоимости* (включая часть «заработной платы» высших служащих и «профессионалов») в пользу превратного сектора. Это перераспределение идет через два основных канала: инвестиции в превратный сектор средств накопления фирм (только один пример: до Мирового кризиса корпорации нефинансового сектора США до половины своей прибыли получали от инвестиций в финансовые спекуляции) и направление в тот же сектор личных сбережений, источником которых является прибавочная стоимость и интеллектуальная рента.

Кроме того, напомним, что для позднего капитализма (особенно периода неолиберализма) характерна приватизация корпоративным капиталом сберегаемой для воспроизводства высококвалифицированного работника части необходимого общественного продукта (стоимости рабочей силы). Эта часть также используется для воспроизводства капитала, в том числе – вложений в превратный сектор.

Наконец, сложная система перераспределения характерна для доходов, получаемых из такого источника как интеллектуальная рента (напомним, это прибыль корпораций – собственников интеллектуального «капитала», и часть доходов работников-интеллектуалов). Они также в части сбережений становятся источником воспроизводства капитала, в том числе – превратного сектора.

Далее ресурсы превратного сектора, равно как имеющее стоимостную форму богатство, создаваемое в креатосфере, и прибыль материального производства прямо и косвенно (через сбережения из «зарплаты») превращаются в источники образования новой капитальной стоимости.

Эти процессы показывают, как происходит камуфлирование процесса эксплуатации и как создается объективная видимость того, что капитал как таковой (частная собственность физического лица, нанимающего наемного работника) исчез, а присутствует всего лишь сбережение доходов работников, используемое «профессионалами» для расширенного воспроизводства экономики.

И все же наиболее интересен для данного материала **четвертый «пласт»** подчинения труда – новые отношения эксплуатации, формируемые на нынешнем этапе позднего капитализма. Это **отношения эксплуатации творческой деятельности и подчинения корпоративному капиталу Человека как Личности** (а не только рабочей силы)

Современный капитал – это отнюдь не только классическое индустриальное производство, но и *сферы творческой деятельности*, где занят «креативный класс», о котором мы уже писали в Прелюдии¹. Именно здесь возникают новые формы капиталистической эксплуатации, ибо, как будет показано ниже, современный капитал частично присваивает богатство, создаваемое всеобщим творческим трудом. А к сферам, где значимую роль в деятельности играют творческие компоненты (мы их, напомним, назвали *креатосферой*) сегодня относится широкий круг отраслей общественного воспроизводства. Это обучение и воспитание во всем их многообразии, здравоохранение, техническое и научное твор-

¹ Напомним, что точной статистики о численности этого типа занятых нам найти не удалось. По косвенным оценкам Р. Флориды, которые мы приводили, суммарная доля представителей креативного класса, занятых и в превратном секторе, и в креатосфере составляла в конце XX века в США около 30% общей численности занятых (*Florida R. The Rise of the Creative Class*. N.Y.: Basic Books, 2006. P. 67).

чество, рекреация природы и общества, производительная часть управленческого труда, искусство и др. Труд во всех этих сферах производителен, но уже не по собственно капиталистическим, а по общечеловеческим критериям, ибо служит воспроизводству и развитию рода Человек в любых общественных системах.

В марксистской теории хорошо известно (и мы это специально покали выше, в главе, посвященной судьбам стоимости в мире креатосферы), что этот – *всеобщий творческий – труд не создает стоимость, но он создает действительное (несимулятивное) общественное богатство, получающее в условиях тотального рынка форму стоимости*. Эта стоимостная форма для него является превратной, но само данное общественное богатство реально, производительно и лежит в основе воспроизводства материальных и культурных благ, присваиваемых современным капиталом. Более того, в условиях частной собственности на результаты творческой деятельности оно в значительной степени бесплатно присваивается капиталом в виде так называемой *«интеллектуальной ренты»*, являющейся основной формой дохода от такой деятельности в условиях позднего капитализма.

Механизм и природу этих превращений мы рассмотрим в последующих разделах этой главы. Здесь же нам важно зафиксировать достаточно широко известный и эмпирически фиксируемый феномен: меньшая часть интеллектуальной ренты составляет некоторый «добавок» (сверх стоимости рабочей силы), скрытый в заработной плате наемного работника-«интеллектуала», большая часть присваивается собственником «креативной корпорации», использующей наемный творческий труд. Еще одна часть этой ренты присваивается креативными работниками, чей труд не является наемным, но и здесь значительная часть этих рентных доходов реинвестируется (опосредуясь формой сбережений) в капиталистическое воспроизводство. Так *интеллектуальная рента становится, наряду с классической прибавочной стоимостью, основным источником прибыли современного капитала*.

Итак, **современная система эксплуатации предполагает противоречивую и далеко не всегда органичную интеграцию** (своеобразный контрапункт) **четырёх историко-логических «пластов»** (подсистем производственных отношений) **эксплуатации труда капиталом**:

1. «классическую» систему отношений производства [наемным трудом] и присвоения [капиталом] «обычной» прибавочной стоимости;
2. отношения производства и присвоения монополистической [сверх] прибыли и финансовой прибыли;
3. отчасти снятые неолиберализмом и воспроизводимые в урезанно-деформированном виде отношения перераспределения части прибавочной стоимости и «диффузии» капитала;
4. отношения эксплуатации креативной деятельности и присвоения интеллектуальной ренты и другие, специфические именно для совре-

менного этапа слагаемые тотальной гегемонии капитала, и в частности эксплуатации.

5. К исследованию последней проблемы мы и обратимся ниже, сделав предварительно, еще одно отступление и посмотрев на поставленную проблему под углом зрения неоклассической экономической теории.

Творческая деятельность и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики

Начнем наши размышления с анализа данного предмета под углом зрения **теории факторов производства**. Авторы, как несложно догадаться, относятся к ней весьма критически, как к теории, описывающей мнимое содержание буржуазного мира, порожденное господством отношений отчуждения, но она господствуют донныне в экономической науке и потому мы не можем обойти ее своим вниманием.

Если принять эту теорию, то даже с подобной точки зрения можно показать, что будущее общество предполагает снятие традиционных схем, в которых земля, капитал и труд создают соответствующие источники дохода.

Обратимся к наиболее интересному для анализа в данном разделе предмету – доходу *от капитала*. С переходом к развитию, лежащему «по ту сторону материального производства», здесь также происходят принципиальные изменения, которые можно зафиксировать, даже оставаясь в рамках теории факторов производства. Важнейшее из них – способность даже индивидуальной творческой деятельности человека создавать (уже в современном мире) общественное богатство, сравнимое по своему масштабу и влиянию на развитие экономики с деятельностью целых корпораций. Тем самым предметные условия труда перестают играть доминирующую роль, и это – одно из качественных отличий общества, лежащего «по ту сторону материального производства», от индустриального.

Эти изменения вызвали определенную коррекцию теории «трех факторов»: *появились теории интеллектуального и человеческого «капитала»*. В число факторов производства, создающих доход, с конца XX века стали включать т. н. «интеллектуальные (в ряде формулировок – нематериальные) активы» фирмы и творческие (чаще – уже – предпринимательские, профессиональные) способности человека¹. К проблеме «человеческого капитала» мы еще вернемся позже, а вот в случае с «нематериальными активами» фирмы происходит смешение целого ряда

¹ См.: *Taichi S. The Knowledge–Value Revolution, or A History of the Future*. N.Y.: Kodansha America Ltd., 1991; *Stewart T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations*. N.Y. L.: Doubleday–Currency, 1997; *Edvinsson L., Malone M. Intellectual Capital. Realizing Your Company’s True Value by Finding Its Hidden Roots*. N.Y.: Harper Business, 1997; *Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация*. М.: Наука, 1999. С. 74–76, 487 и др.

превратных форм. К этим активам *de facto* (но не эксплицитно, даже мы бы сказали – неосознанно) относят:

Во-первых, имеющийся у корпорации потенциал локального регулирования рынка и подчинения клиентов. Эта локальная власть (силы формируемого ею «поля зависимости» или «рыночной власти», пиар- и маркетингового воздействия, бренда и т.п.) над определенными сегментами рынка, как мы показали выше, при анализе «поля зависимости», может приводить к росту нормы прибыли и потому увеличивать капитализацию фирмы. Здесь собственно «интеллектуальный» фактор по сути дела ни при чем, малозначим.

Во-вторых, эксклюзивную (монопольную) частную собственность корпорации на определенный интеллектуальный потенциал (know-how, технологии, в том числе управленческие, и т.п.). Частная интеллектуальная собственность приносит ренту, и эта рента, естественно, увеличивает доход фирмы и, следовательно, ее капитализацию.

В-третьих, капиталистически трансформированный творческий потенциал используемых фирмой «профессионалов» (в том числе – менеджеров). Создаваемое их творческой деятельностью всеобщее общественное богатство получает в условиях рынка стоимостную оценку, многократно превышающую затраты на приобретение такого «фактора производства», как «профессионал». Этот фактор оказывается, тем самым, весьма производительен и также увеличивает капитализацию.

Итак, даже оставаясь на поверхности явлений и не выходя за пределы теории факторов производства, мы можем назвать *два основных источника дополнительной прибыли, получаемой т.н. «креативной корпорацией» – корпоративным капиталом, формирующим «поле зависимости» и использующим креативные ресурсы. Это (1) доход, создаваемый ее рыночной властью (часто его маскируют другие формы, особенно т.н. «бренд») плюс (2) рента на частную интеллектуальную собственность, которая является результатом присвоения капиталом результатов функционирования тех или иных креативных ресурсов.*

Если вернуться к теории факторов производства, то легко заметить, что теоретически здесь не возникает особых затруднений, ибо во всех этих случаях либо в превратной форме отражается тот факт, что общественное богатство создается деятельностью («человеческий капитал», создающий доход для своего хозяина), либо простыми методами экстраполяции и редукции: на качественно новый объект (творческую деятельность) переносится старая теория.

Подчеркнем: теоретического исследования субстанции интеллектуальной ренты и иных доходов от «интеллектуального капитала» в рамках теории факторов производства нет, объяснения, как творчество создает особый доход, в работах, посвященных роли этого нового фактора, не дается; авторы ограничиваются фиксацией эмпирических феноменов: работники творческого труда, предприниматели получают большие доходы, и от их деятельности зависит эффективность бизнеса.

Позволим себе историческую аналогию. Эта фиксация подобна тезису: если в позднефеодальном обществе вы хотите занять титул – накопите деньги и купите его. То, что такой путь возможен, подтверждал опыт. Более того, «элита» большинства европейских стран (не говоря уже о России) вплоть до XIX века копила деньги именно для этого – для покупки титулов и получения признания в свете и при дворе (вспомним «Мещанина во дворянстве» или героев Грибоедова и Пушкина).

Но доказывала ли эта эмпирическая связь то, что деньги по своей сущности есть не всеобщий эквивалент товарного мира, а не более чем «фактор» сословного продвижения?

Да, в условиях позднего капитализма творческие способности, действительно, редуцируются (причем не только теоретиками, но и самой жизнью) до положения фактора накопления капитала и получения дохода, но это лишь исторически-временная (характерная только для периода подчинения творческой деятельности капиталу) превратная (т.е. искажающая свою «родовую сущность») форма более глубинного процесса – рождения нового качества общественной жизни, вытесняющего капитал как таковой.

Что же касается *труда как источника заработной платы*, то мы полагаем достаточно аргументированным вывод, что ценность, создаваемая творческой всеобщей деятельностью, не сводима к заработной плате как рыночной цене рабочей силы.

Более того, даже оставаясь в рамках теории факторов производства, можно сформулировать гипотезу: для творческой деятельности характерно своеобразное слияние «труда» и «капитала» (в определенном смысле можно говорить о «капиталоподобности»¹ творческой деятельности), где каждый из феноменов снимается в новом процессе.

Другое дело, что в *условиях господства капитала и процесс творчества организуется по-капиталистически*. Собственник внешних для творчества материальных факторов деятельности и/или таких имманентных факторов творчества, как информационный *товар*, будет выступать в качестве персонифицированного капитала (субъекта присвоения прибыли). Работник, обладающий креативными способностями, либо получит «обычную» зарплату (эффект его новаторства «войдет» в прибыль), либо выступит в качестве одного из сохозяев совокупного капитала («вложив» в деятельность фирмы свой интеллектуальный, человеческий «капитал», оцененный неким внешним образом в деньгах или даже акциях). В последнем случае он будет претендовать на соответствующую долю прибыли.

¹ Понятие «капиталоподобности» труда введено и раскрыто И. Левиной в статье «Природа и структура труда в экономике XXI века» (Философия хозяйства. 2006. № 1). Данное понятие, однако, трактуется И. Левиной не как внешнее сходство творческой деятельности и капитала, а как особое качество превратного труда (например, труда в финансовом секторе).

В любом случае, однако, здесь происходит перенесение капиталистических форм на явно иной по своей природе процесс, подобное тому, как поздний феодализм «одевал» на возникавший в его недрах процесс капиталистического производства сословно-иерархические формы (например, покупка титулов или должностей при дворе для успешной коммерческой деятельности) и/или формы внеэкономического принуждения (капиталист, являющийся крепостным).

Прежде чем, следуя нашей традиционной логике, перейти к марксистской парадигме, позволим себе несколько комментариев к проблеме соединения (отчуждения) работников и средств производства, рассматривая последнюю с точки зрения экономической теории прав собственности¹.

Сразу бросается в глаза, что *переход к миру, где главную роль играют творческий труд, неповторимая индивидуальность и т.п. свойства креативеры, повышает экстерналии, усложняет спецификацию прав собственности, приводит к росту трансакционных издержек.*

В свою очередь, усложнение системы прав собственности приводит к тому, что *отчуждение непосредственного работника от ключевых прав собственности развивается и усложняется.* В то же время происходит создание *переходных форм*, когда значительная часть творческих функций, связанных с «обслуживанием» функционирования прав собственности, оказывается связана с деятельностью специфического социального слоя – менеджеров, обладающих высшей квалификацией. Усложнение и диффузия прав собственности; возрастание роли и значения творческой деятельности (в том числе предпринимательства как одной из ее превратных форм); рост масштабов фирмы (до размеров ТНК) и, следовательно, управления – таковы *основные факторы, обусловившие зафиксированную классическим институционализмом и марксизмом еще в начале XX века тенденцию «революции управляющих».*

Предпосылкой этой тенденции является проанализированное еще К. Марксом отделение капитала-собственности от капитала-функции, что предопределяет как возможность замены капиталиста-собственника наемным управляющим, так и неизменность при этом основного капиталистического отношения между наемным трудом и капиталом². Рост централизации и концентрации капитала, переход к господству крупных корпораций определил сдвиги в роли высших управляющих в таких крупных корпорациях. Их относительная независимость от соб-

¹ См.: Eggertson T. Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Boltanski L., Thevenot L. De la Justification. Lea Economies de la Grandeur. Paris: Gallimard, 1990; Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993; Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.

² См.: Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1961. С. 421–422, 425–429.

ственников капитала и укрепление их собственных интересов в отличие от интересов собственников были проанализированы в работах американских институционалистов более полувека назад¹.

Эти агенты выполняют функцию соединения определенного блока прав собственности с трудовой деятельностью. Такое усложнение системы прав собственности является реакцией на противоречивые процессы в области снятия материального производства и прогресса современных форм корпоративного капитала, что (в общем и целом) подтверждает сделанные выше выводы.

Однако наибольший интерес для анализа снятия отношений отчуждения работника от средств производства, по мнению авторов, представляет использование марксистской теории.

* * *

Характеристика системы отношений подчинения труда капиталу и эксплуатации, характерных для современного этапа позднего капитализма, неслучайно обусловила акцент на проблеме субъекта творческой деятельности. Именно здесь, в противоречиях нелинейной трансформации находящегося в процессе «заката» «царства необходимости» и нарождающейся креатосферы (называемой ныне преимущественно по ее внешним признакам «обществом знаний») и лежит наиболее актуальный блок проблем современного капитала. На поверхности явлений он проявляется в проблемах капиталистической организации труда интеллектуалов, интеллектуальной собственности и т.п. Но в основе этих вопросов лежит «проблема проблем»: противоположность творческой по своему содержанию деятельности и отношений отчуждения, свойственных для системы глобальной гегемонии корпоративного капитала.

Глобальный капитал: эксплуатация номо креатор'а
и мира культуры (присвоение интеллектуальной ренты
как снятие присвоения прибавочной стоимости)

С содержательной точки зрения в рамках категориального поля классического марксизма *присвоение прибавочной стоимости и эксплуатация наемного работника в узком смысле слова* (рассматриваемая

¹ Можно обратить внимание на классическую работу: Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan Company, 1932. В этой книге, выдержавшей множество переизданий, полностью содержатся все теоретические основы концепции «революции управляющих», авторство которой позднее приписывалось Бернхему, несмотря на неоригинальный характер работы последнего. Наиболее ярко этот феномен раскрыт, на наш взгляд, в уже упоминавшейся работе Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество».

лишь как отношения такого присвоения) *также отрицаются развитием креатосферы*. С точки зрения марксистской теории феномен эксплуатации связан с тем, что в результате производительного процесса создается товар, стоимость которого превышает стоимость совокупной рабочей силы, затраченной на его создание, и стоимость перенесенных на данный товар средств производства. Эта разница и является прибавочной стоимостью, результатом эксплуатации наемного работника, ибо вся вновь созданная стоимость, с точки зрения марксизма, создается трудом (кроме того, труд, в силу своего двойственного характера, переносит стоимость средств производства на конечный товар).

Если же мы перейдем к миру, лежащему «по ту сторону собственно материального производства», то здесь результатом деятельности, как мы уже многократно отмечали, оказывается не товар, отчуждаемый и продаваемый на рынке, а собственно деятельностный процесс и саморазвитие работника в этом процессе плюс культурная ценность. Эти результаты принципиально не отчуждаемы от работника, а отчуждение может быть характерно лишь для материального носителя этой культурной ценности.

Однако практика позднего капитализма показывает, что креативный работник все же является объектом эксплуатации. Во всяком случае, эмпирически очевидно, что использование в качестве наемного творческого труда в креативных корпорациях приносит их собственникам доход, несоизмеримый с доходом даже самых высокооплачиваемых работников, не входящих в круг хозяев и топ-менеджеров.

В чем же тайна этого разрыва?

Эксплуатация творческой деятельности: специфика объекта, содержания и форм

Оставим в стороне те ответы, что дают теории факторов производства и предельной производительности. С их точки зрения все просто: «обычный» капитал, который инвестирует Билл Гейтс (напомним: он начал с вложения в свой бизнес нескольких сотен тысяч долларов, а сейчас является собственником более сотен миллиардов¹), в несколько тысяч раз более эффективен, чем «интеллектуальный капитал» даже самых талантливых его программистов, «инвестировавших» в его бизнес свои креативные способности (на их «создание» были затрачены те же сотни тысяч долларов многолетнего образования) и получающих за всю свою жизнь максимум несколько десятков миллионов.

¹ Рыночная капитализация компании Microsoft на май 2010 года – \$247,23 млрд (ru.wikipedia.org/wiki/Microsoft). В 1999 году капитализация была максимальной – \$618,9 млрд (<http://www.computerra.ru/41280/google-obognal-po-kapitalizatsii-microsoft-no-do-apple-em/>). Личное состояние Билла Гейтса оценивается в \$56–57 млрд (<http://bishelp.ru/rich/anatomia/bogache-Geitca.php>).

Нас в данном случае интересует марксистское категориальное поле, и здесь нам, естественно, придется обратиться к марксистской методологии, и в частности методу восхождения от абстрактного к конкретному, развернув систему отношений, которые позволяют собственнику капитала присваивать стоимость, созданную креативным работником.

Начнем с отношения креатора и капитала, в котором сохраняется форма наемного труда. Непосредственно процесс выглядит так же, как и в случае покупки рабочей силы субъекта репродуктивного труда. Однако сущность этого отношения существенно видоизменена: собственник капитала покупает уже не рабочую силу, а *творческий потенциал Человека*. Здесь есть несколько важных отличий, о которых мы уже писали и здесь лишь суммируем (отвлекаясь от проблемы содержания отношения подчинения труда капиталу) для того, чтобы разобраться с проблемой эксплуатации в узком смысле слова. Рассмотрим **ключевые отличия творца как «объекта»** (слово «объект взято в кавычки, ибо в случае творчества им является субъект) **эксплуатации** от «обычного» (являющегося субъектом репродуктивного труда) наемного работника.

Во-первых, это товар, который всегда находится в двойной собственности: он неотчуждаем от его «носителя»; последний не теряет его даже при продаже другому лицу. Более того, в процессе потребления этого товара его потребительная стоимость возрастает. В отличие от рабочей силы, которая, будучи куплена, потреблялась капиталом, истощая рабочего физически и нравственно¹, *творческий потенциал человека в процессе деятельности* (и, тем самым, эксплуатации) *возрастает* и это один из главных результатов творчества.

Во-вторых, хорошо известно, что творческий процесс протекает не только в рабочее, но и в *свободное* время. Отсюда вытекает стремление капитала приобрести Человека со всеми его личностными качествами, все время его *жизнедеятельности*, все продукты его личностной само-

¹ Вот одно из наиболее современных описаний такого состояния человека, добровольно ставящего себя на службу капиталу: «Показатели росли, команда увеличивалась, казалось, мы неуязвимы. Мы рвались вперед, но не чувствовали, что надрываемся. Нас подогревал постоянный приток адреналина от новых публикаций в прессе и от привлечения новых крупных клиентов. Нам не требовался отдых, мы чувствовали себя прекрасно. Более чем прекрасно. Но после самого пика те замечательные времена начали уходить. Мы стали тратить кучу денег и не могли удержаться на пути, на который встали. Дни стали казаться длиннее, а приливы адреналина – все реже. И даже Red Bull не помогал. Единственным выходом было еще поднажать, что мы и делали. Все мы пахали по 80 часов в неделю. Сохранить этот темп было невозможно. В конце концов я перегорел. Помню, как пришел домой и упал на диван. Я был настолько истощен эмоционально и физически, что не мог даже двигаться. Моя производительность упала до нуля. На следующий день в офисе я тупо смотрел в компьютер. Часами. Не двигался, просто смотрел» (Ideanomics. 8 июля, 2013; <http://ideanomics.ru/?p=821>).

реализации. Отсюда, в частности, заинтересованность собственника капитала в долгосрочном (в пределе – пожизненном) контракте с креатором.

В-третьих, приобретаемая креативные человеческие качества капитал должен оплатить стоимость воспроизводства *этого* товара. В эту стоимость наряду с традиционными слагаемыми стоимости рабочей силы (жизненные средства и содержание семьи) войдет вся совокупность затрат на образование и повышение квалификации (переквалификацию), освоение и постоянное использование ценностей культуры, рекреацию личности, обеспечение здорового образа жизни и ее большой продолжительности¹. Кроме того, в эту стоимость войдут и определенные социальные гарантии, дающие креатору «право на ошибку» (возможность не страдать в случае отсутствия коммерческих результатов его деятельности; напомним, в творчестве негативный результат тоже результат). В силу этого мы можем теоретически показать причину эмпирически хорошо известного феномена: *креативные качества человека – дорогостоящий товар*.

В то же время творчество есть такая деятельность, которая сама по себе является стимулом ее осуществления. Денежная мотивация в данном случае выступает как внешняя. Отсюда *возможность капитала паразитировать на внутренней мотивации творческого работника*, получая часть творческого потенциала даром, не оплачивая тех стимулов, которые работник создает сам себе, занимаясь творчеством.

В-четвертых, упомянутое выше свойство творческой деятельности создавать непредвиденный (в ряде случаев – вообще негативный) результат приводит к тому, что собственник капитала приобретает кот в мешке – именно *потенциал*, неопределенный ни качественно, ни количественно. Капитал покупает не фиксированную качественно и количественно способность создавать определенную стоимость (эта фиксация имеет форму повременной или даже сдельной зарплаты), а

¹ В гротескной, но художественно-правдивой форме эта закономерность выражена в научно-фантастическом романе И. Ефремова «Час быка». В созданном талантом этого художника и ученого еще в конце 1960-х гг. позднеиндустриальном обществе планеты Торманс царит гегемония государственного капитала, порождающая не только политическую диктатуру, но и вызванное угрозой истощения ресурсов и перенаселения деление общества на две касты: «кжи» (коротко живущие, обреченные на принудительную «радостную» смерть на исходе 30 лет рабочие) и «джи» (долго живущие – *интеллигенция*, которая должна жить и живет до долгой старости).

В условиях современной глобальной гегемонии капитала на планете Земля нет формального насильственного принуждения к «радостной смерти», но есть косвенное экономическое принуждение большей части граждан «Третьего» мира, занятых индустриальным и доиндустриальным трудом к отнюдь не радостной смерти от болезней и тяжелых условий жизни в среднем в 60 лет, тогда как «профессионалы» «Первого» мира сейчас живут в среднем около 80-ти.

принципиально неопределенный потенциал и потому *оплачивает уровень этого потенциала, а не затраты труда или количество созданной трудом продукции (объем услуг).*

Соответственно и *цена* этого товара (в отличие от товара – рабочая сила) зависит не столько от того, сколько стоит его рабочая сила (сущность отношений найма) и не от объема и качества произведенного данным работником товара (превратная форма отношений найма – сдельная зарплата), сколько от того, как *общество* и рынок оценивают качественные параметры креативного работника.

Следствием этого является важная зависимость: выделенная нами *общественная, нерыночная оценка* (например, диплом об образовании, ученая степень, престиж в среде коллег – в случае науки) тем важнее, чем в большей мере субъект деятельности включен в собственно творческую деятельность в области креатосферы (наука, искусство, образование). И наоборот: собственно рыночная оценка тем значимее, чем в большей мере речь идет о труде профессионалов в превратном секторе (корпоративное управление, финансы, масскультура, профессиональный спорт). Сказанное обуславливает, в частности, возможность *очень больших отклонений цены креативного работника от действительной стоимости воспроизводства его креативных качеств* (хорошо известно, что тотальный рынок симулякров поп-звезду или удачливого рейн-мейкера оценивает в сотни раз выше, чем известно ученого, не говоря уже о сельском учителе).

Наконец, и это особенно важно, в рассматриваемом нами случае мы сталкиваемся с *двойственностью объекта эксплуатации креативной деятельности*, и это прямое следствие двойственности самого творчества. Напомним, оно, с одной стороны, есть сугубо индивидуальная деятельность конкретного субъекта, а с другой – всеобщий труд, со-творчество, открытый (во времени и пространстве) диалог творца со своими коллегами, предшественниками и потомками – всеми теми, чьи культурные результаты он распредмечивал в своей деятельности, и кто будет распредмечивать результаты его усилий. Новую теорию в физике создают не только ее непосредственные авторы, но и их учителя, и их ученики, и Пифагор, и Эйнштейн... Так же создается новая музыка или «педагогическая поэма», воплощенная в жизнях учеников.

Отсюда принципиально важный вывод: *в каждом конкретном случае использования творческой деятельности капитал эксплуатирует не только данного конкретного субъекта, но и весь мир культуры, все человечество*, культурный потенциал которого он косвенно присваивает, опосредуясь процессом диалога используемого им креативного работника со всем миром креатосферы.

К этому важному для последующего тезису мы еще вернемся ниже, а сейчас сделаем промежуточный вывод: *творец как «объект» эксплуатации существенно отличен от «обычного» (являющегося субъектом репродуктивного труда) наемного работника.*

Но этим далеко не исчерпываются *differentiae specificaе* рассматриваемого в этом подразделе феномена. Наиболее важны отличия *содержания эксплуатации творческой деятельности* от того, что мы – марксисты – знаем еще по «Капиталу».

Творческая деятельность, как мы показали выше, по своему содержанию есть продукт всеобщей деятельности взаимодействующих в процессе неотчужденного диалога со-творцов, а не абстрактного труда обособленных производителей. Как таковая творческая деятельность создает не стоимость, а всеобщее общественное богатство. Другое дело, что в условиях господства отношений товарного производства, а тем более – тотального рынка – это содержание «надевает» на себя превратную форму, получая на рынке неопределенно большую стоимостную оценку.

Существенно, что эта оценка (*цена продукта творчества, превращенного в частную [интеллектуальную] собственность*) лишь косвенно может быть (а может и не быть) связана с затратами труда креатора¹, которые к тому же вообще не подлежат измерению (даже в часах: время творчества – это не время работы, это свободное время).

Следовательно, в случае эксплуатации творческой деятельности не происходит ни создания, ни присвоения прибавочной стоимости. Происходит нечто иное – создание всеобщего [неотчужденного] культурного богатства работником-творцом (а косвенно – всем миром культуры) и присвоение этого богатства капиталом-корпорацией (персонифицированным отчужденным вещным богатством). Тем самым капитал присваивает не неоплаченное рабочее, а свободное время творца, ибо именно в это время и создается названное выше богатство, это эксплуатация свободного времени и потому, как мы отметили выше, жизнедеятельности творца (свободное время и есть время жизни человека, его самореализации).

Однако самой важной спецификой в данном случае является двойственность не только объекта, но и содержания отношения эксплуатации творческой деятельности. Парадокс эксплуатации в сфере [со]творчества состоит в том, что и сам творец не имеет (если исходить из законов креатосферы) оснований для присвоения стоимостной оценки всего созданного им культурного богатства. По законам креатосферы культурная ценность экономически (т.е. как эксклюзивно используемый и приносящий доход ресурс) принадлежит не его создателю, а всем – всему миру человечества и каждому представителю рода Человек. Мы уже не раз писали об этом: для мира креатосферы характерна «собственность каждого

¹ Здесь будет уместен пример с созданием молоденькой девушкой Консуэло Веласкес Торрес песни «Besa Me Mucho», прославившей ее в мире и в веках, и принесшей немалые доходы, обеспечив ей всю ее последующую жизнь... (<http://www.gazeta.lv/story/6322.html>; <http://www.etoya.ru/culture/2011/10/5/19426/>).

на все». Культурная ценность есть результат процесса со-творчества данного креатора и его непосредственных и опосредованных коллег по культурному диалогу. Поэтому в строгом смысле слова *эксплуатация творческой деятельности есть не только эксплуатация конкретного творца, но и эксплуатация капиталом всей креатосферы*, бесплатное присвоение всех тех культурных благ, которые были распределены конкретным креативным работником корпорации в процессе создания для нее коммерческой инновации. Более того, поскольку капитал есть не только совокупность отдельных предприятий, но и конкретно-всеобщее капитализма¹, *постольку мы можем говорить об эксплуатации совокупным капиталом креатосферы человечества во всем ее пространственном и временном богатстве* (несколько забега вперёд к креатосфере следует присвокупить и ее alter ego – биосферу Земли).

Последнее обуславливает существенные **отличия эксплуатации креативной деятельности от «обычной» капиталистической эксплуатации.**

Так, в случае с присвоением конкретным капиталистом (например, Генри Фордом) прибавочной стоимости, созданной репродуктивным трудом некоторого совокупного наемного работника (скажем, трудового коллектива автомобильного завода), проблема снятия эксплуатации с количественной стороны могла решаться относительно просто – путем изъятия прибавочной стоимости у данного конкретного капиталиста и передачи ее трудовому коллективу. На национальном уровне эту проблему могла решить национализация (в случае, если государство экономически и политически есть представитель интересов работников). И посему социализация (национализация) средств производства была и остается ключевым вопросом [индустриального] социализма как общественной системы, призванной прийти на смену [индустриальному] капитализму.

В случае с креативной деятельностью все намного сложнее. Альтернативой капиталистической эксплуатации в данном случае не может быть передача собственности на результат деятельности самому творцу (индивидуальному или коллективному – в данном случае неважно), ибо есть не более чем «финальная стадия» бесконечного всеобщего процесса со-творчества. *Снятием эксплуатации [всеобщей] творческой деятельности может быть поэтому лишь снятие [частной]² собственности на культурные ценности* (интеллектуальной собственности), а по-

¹ Положение о капитале как конкретно-всеобщем (сущем как противоречивое единство многообразных явлений капиталистического мира) социально-экономическом отношении, базирующееся на идеях самого Маркса, было развито главным образом в рамках наследующей идейное поле Э. Ильенкова «цаголовской» школы политэкономии МГУ.

² Мы неслучайно использовали выше квадратные скобки: в данном случае речь идет о любой отчужденной форме собственности, включая и государственную; другое дело, что частная собственность как форма отчуждения →

следнее может быть реализовано *лишь как снятие отношений отчуждения и присвоения (в экономическом их смысле) в мире креатосферы, отказ в этом мире от собственности как особого института.*

(Заметим: эта фундаментальная закономерность заставляет по-новому и чрезвычайно актуально звучать знаменитое положение Маркса и Энгельса:

«Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»¹.

Отказ от [частной] интеллектуальной собственности не есть, однако, отказ от отношений опредмечивания и распредмечивания и присвоения авторского имени результату творчества: созданное креатором N. произведение науки или искусства будет иметь то имя, которое ему даст творец и станет феноменом культуры, с которым отныне будут вести диалог остальные субъекты со-творчества. Эти отношения имеют ту же природу, что и процесс наименования и включения в звездный атлас новой звезды или планеты, открытой астроном...

Сказанное позволяет нам сделать важный вывод: снятие эксплуатации [всеобщей] творческой деятельности и, соответственно, [частной] собственности на культурные ценности (интеллектуальной собственности) есть посему процесс собственно коммунистический, важнейшее слагаемое процесса трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», а не только капитализма в социализм. В этом смысле это проблема не социализма (пусть и постиндустриального), а коммунизма².

← в современном мире является наиболее типичной и господствующей, что и обусловило ее упоминание.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 438. Авторы уже не раз писали, что в данном случае более уместным было бы выражение «снятие» – отрицание с удержанием накопленного позитивного потенциала.

² Заметим: противопоставление коммунизма как повестки дня левых XXI века социализму как повестке дня прошлого столетия уже существует в современной критической литературе, например у С. Жижека в его многочисленных работах, и в частности в уже упоминавшейся книге «Размышления в красном цвете» (М.: Издательство «Европа», 2011). Последний, однако, проводит это притивопоставление, во-первых, в свойственной ему неопределенно-эпатажной манере, как бы не различая интеллектуальную игру и ответственные политико-идеологические императивы, поднимающие тысячи и миллионы людей на борьбу. Настоящую. То ли приводящую к великим победам, то ли чреватую великими преступлениями. Во-вторых, →

Соответственно, снятие эксплуатации [всеобщей] творческой деятельности не может происходить как всего лишь социализация в рамках отдельного предприятия или даже национализация. Это собственно коммунистический процесс перехода к другим «правилам игры», для которых должны быть созданы новое социальное пространство-время их жизнедеятельности¹.

Как таковой этот процесс является по определению открытым и интернациональным, примеры чего в современном мире распростра-

← Жижек под социализмом в упоминаемом нами пассаже подразумевает всего лишь социал-демократический реформизм западно-европейской модели «общества благосостояния», противопоставляя ему не слишком четкий новый левый радикализм.

¹ Такое понимание коммунизма, опирающееся на уже приводившиеся ранее выводы Маркса и Энгельса об объективно-возможных параметрах «царства свободы», было развито советскими марксистами-«шестидесятниками». Оно содержится в целом ряде работ. Упомянем в данном случае лишь заключительную часть книг Н.С. Злобина «Культура и общественный прогресс» (М.: Наука, 1980) и Р. Косолапова «Социализм: к вопросам теории» (2-е изд. М.: Мысль, 1979. Последняя книга, подчеркнем, содержала и немало брежневского «официоза»...) и короткий, но очень точный и впечатляющий текст Г. Батищева о коммунистическом труде в «Философской энциклопедии». Не откажем себе в удовольствии процитировать фрагмент этого текста: «Собственно К.т. (коммунистический труд, – *авт.*) – это деятельность, выступающая как первейшая и определяющая потребность каждого члена коммунистич. общества. Превращение труда в такую потребность означает, по Марксу, превращение трудовой деятельности в самодеятельность, когда определяющим побудит. мотивом является не внешняя для нее необходимость, а внутр. содержание самой деятельности; превращение свободного времени, ставшего временем универсальной деятельности, в мерило обществ. богатства; превращение труда, поскольку он наполнен всем богатством социального содержания, из средства в цель жизни каждого человека; превращение всестороннего, целостного и свободного развития человек. сил в самоцель; превращение самого процесса деятельности в источник эстетич. наслаждения. При этом труд отд. человека, становясь с самого начала достоянием и богатством всего общества, не перестает быть также и его личным достоянием и богатством, ибо он не отчуждается, и то, что человек обретает в процессе деятельности, представляет собой нечто неизмеримо более высокое в сравнении с тем, что он расходует и что необходимо возместить средствами потребления» (Философская Энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинова. В 5-х т. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970).

Авторы также немало писали о коммунизме как снимающем мир отчуждения социальном пространстве-времени (см.: Бузгалин А.В. Новая Кастилия // Альтернативы. 2006. № 2; Бузгалин А.В. Коммунизм как практический вызов: к критике Славоя Жижека // Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 635–674).

нены весьма широко: проблема отказа от [частной] интеллектуальной собственности внесена в повестку дня международных социальных движений, сетей (одна из первых и наиболее известных в этом поле инициатив – инициированный Ричардом Столлманом Фонд свободного программного обеспечения) и даже партий (прежде всего, т. н. «пиратских»). На этих принципах строятся едва ли не самые интересные современные интернациональные проекты – викиномика, анархономика и др.¹

Такова содержательная характеристика эксплуатации *всеобщей* творческой деятельности, в основе которой лежит всеобщий (определение Маркса) труд, о котором мы уже писали выше. Существенно, что это содержание определяется в параметрах не только капиталистической системы производственных отношений (где качественная характеристика этого процесса есть присвоение деятельно-личностных качеств человека капиталом), но и в пространстве-времени трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Именно здесь, в *категориальном поле исследования скачка в мир креатосферы, лежащий «по ту сторону собственно материального производства»*, единственно возможно целостно и адекватно определить содержание эксплуатации творчества капиталом.

Однако выделенные выше специфические черты эксплуатации творческой деятельности пока что не затрагивали второй стороны этого двоякого процесса: *эксплуатации конкретным корпоративным капиталом конкретного творческого работника* (индивидуального или коллективного – в данном случае не важно). С качественной стороны наличие этой эксплуатации несомненно: мы показали выше основные слагаемые подчинения творца и его жизнедеятельности корпоративному капиталу. Более того, поскольку творчество всегда есть не только всеобщий, но индивидуальный труд, постольку встает проблема снятия и этого аспекта эксплуатации. И с содержательной точки зрения принципиальное направление решения этой проблемы достаточно очевидно: на место капитала должна прийти свободная работающая ассоциация творческих работников (о конкретных формах такой организации в данном тексте мы речь вести не будем).

Что же касается **формы эксплуатации творческой деятельности**, **то** здесь требуется различение двух аспектов: форм *отношения* эксплуатации наемного креативного работника капиталом и формы *присвоения результатов* эксплуатации творческой деятельности.

Что касается первого аспекта, то здесь, как ни странно, отличия не столь значительны. В большинстве случаев используемый корпорацией творческий работник корпорации остается по форме наемным работ-

¹ См. об этом: «Анархономика. Доклад Копенгагенского института изучения будущего (М.: Ультракультура 2.0, 2012), а также уже упоминаемую ранее работу Д. Тапскотта и Э. Вильямса «Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все» и др.

ником, с которым заключается договор найма и который получает оговоренные в этом договоре заработную плату и (в случае некоторой социальной «продвинутой» бизнеса) социальный пакет и определенные трудовые права. Если посмотреть на наиболее типичных креативных работников (учителей частных школ, врачей частных больниц, программистов и сотрудников исследовательских подразделений фирм), то окажется, что отличия креативного наемного работника от «обычного» (занятого репродуктивным трудом) есть, но они, как правило, не принципиальны: больше размер заработной платы, чаще используется долгосрочный наем, формы управления ближе к модели «человеческих отношений» или аналогичным моделям менеджмента, менее жестко детерминирован капиталом трудовой процесс (выше автономность труда), больше внимания уделяется повышению квалификации... – перечень хорошо известен и многократно воспроизведен в работах по проблемам менеджмента в креативных корпорациях.

Другое дело, что отношения подчинения труда капиталу (даже формального) в данном случае действительно претерпевают значительные изменения. Кроме того, наряду с наемным трудом развиваются отношения, где креативный работник по форме и/или содержательно становится свободным, не подчиненным капиталу работником (т.н. «лица свободных профессий»), но это тема следующего раздела книги.

Проблема же формы присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности гораздо сложнее, ибо здесь-то как раз изменения принципиальны. И для того чтобы их отобразить, нам придется постараться адекватно отразить и количественную сторону эксплуатации творческой деятельности.

Эксплуатация творческой деятельности: количественные аспекты

С количественной точки зрения здесь ситуация также принципиально иная, чем в случае с классическим капитализмом. Марксова формула эксплуатации, предполагающая деление рабочего времени наемного работника на необходимое (время, в течение которого он создает стоимость, равную стоимости его рабочей силы) и прибавочное (время создания прибавочной стоимости, присваиваемой капиталом), здесь «не работает», ибо, как мы отметили выше, присваиваемое капиталом всеобщее культурное богатство создается творцом в свободное время. Что же здесь получается? А получается соотношение двух разнокачественных параметров. С одной стороны – стоимости воспроизводства креативных качеств человека в капиталистической системе. С другой – стоимостной оценки (это перенесенная превратная форма) всеобщего культурного богатства, созданного эксплуатируемым творцом и (NB!) всем предшествующим миром культуры, с которым данный творец вступил в диалог в процессе деятельности.

Чтобы уточнить это соотношение применительно к условиям капиталистического производства, необходимо принять во внимание, что из итогового дохода от реализации креативного богатства (Wcr) необходимо вычесть:

- расходы на компенсацию покупаемых капиталистом креативных ресурсов (Ccr ; заметим: их стоимость в отличие от элементов «обычного» постоянного капитала не переносится на конечный продукт, ибо они не имеют стоимости; они имеют лишь стоимостную оценку);
- затраты на приобретение креативных качеств человека (Hcr);
- вновь созданную стоимость в сопутствующем креативной деятельности «обычном» капиталистическом производстве (заработную плату «обычных» работников V и созданную ими прибавочную стоимость M) и перенесенную на конечный продукт стоимость «обычных» материальных издержек (C).

Оставшийся итог – *стоимостная оценка присваиваемой собственниками корпорации части всеобщего культурного богатства, созданного творческим работником и всем миром культуры* ($Wmcr$), – и будет тем чистым доходом капитала, который он получает от эксплуатации креативного работника и (опять же NB!) всего мира культуры.

(Последняя ремарка принципиально важна. Повторим: *использующий креативные факторы капитал всегда эксплуатирует не только конкретного работника, но и весь мир культуры*. Причина этого, напомним, в том, что эксплуатируемый капиталом креативный работник значимую часть необходимых для его творчества «ресурсов» получает от общества бесплатно. Спектр последних принципиально широк: от общетеоретических знаний до выставленных в музее произведений искусства или природных красот, способствующих его творческому инсайту, результаты которого получает капитал; напомним также, что стоимость покупаемой капиталом информации войдет в издержки капитала.)

Соотношение $Wmcr$ со стоимостью воспроизводства креативного работника (остальные культурные блага креативным работником были распределены бесплатно и/или вошли в капиталистические издержки) в этом случае будет мерой эксплуатации данным конкретным капиталом не только его креативных работников, но и всего мира культуры ($Wmcr'$).

В виде простейших формул эти соотношения можно выразить следующим образом:

$$Wcr = Wmcr + Hcr + Ccr + (C + V + M)$$

Соответственно,

$$Wmcr = Wcr - (C + V + M) - Hcr - Ccr$$

Мера эксплуатации:

$$Wmcr' = Wmcr / Hcr$$

Сходство обозначений ($Wmcr$ и M , $Wmcr'$ и M') не должно, как мы уже заметили, скрывать содержательных различий формулы эксплуатации творческой деятельности и формулы Маркса.

Это, во-первых, различие прибавочной стоимости как результата «обычного» капиталистического производства и стоимостной оценки всеобщего культурного богатства, присваиваемого собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы (авторы пока не нашли краткого категориального обозначения этого феномена).

Во-вторых, в случае использования капиталом творческой деятельности речь всегда идет о двойственном объекте эксплуатации: и о конкретном креаторе, и обо всей креатосфере.

Двойственность процесса эксплуатации креатосферы и ее субъекта ставит проблему: если всеобщее культурное богатство, присваиваемое собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы, создается не только конкретным творцом, то как подсчитать *количественное выражение эксплуатации конкретного наемного творческого работника?*

Авторы обосновали выше только один возможный ответ на этот вопрос: *никак*.

Количественное выражение в стоимостных (капиталистических) параметрах этой меры невозможно, ибо невозможно выразить количественно «вклад» в это богатство, сделанный данным творцом и всеми его предшественниками, и коллегами по со-творчеству. В мире креатосферы принципиально не существует количественного выражения соотношения затрат труда участников культурного диалога, процесса со-творчества. В условиях рыночной формы организации этого процесса данное выражение тем более невозможно, что базовые блага креатосферы творческий работник (и, следовательно, капитал) используют бесплатно.

Более того, соединение первого и второго следствий позволяет сделать внешне парадоксальный вывод: если смотреть на проблему эксплуатации творческого работника только с количественной точки зрения (с точки зрения объема получаемого им стоимостного дохода), то освобождение творческого труда от подчинения капиталу ничего особенно не меняет в положении этого субъекта. В принципе творческий работник будет получать от общества не более чем эквивалент средств, необходимых для воспроизводства его человеческих качеств. Учитывая, что многие из благ в этом случае будут бесплатны (образование, здравоохранение, доступ к информации), можно было бы даже предположить, что собственно стоимостный эквивалент творца может быть и меньше, чем в условиях капитализма.

Однако здесь есть немало «нюансов». Во-первых, как мы уже отметили, неизбежным следствием рыночной капиталистической системы являются высокие отклонения цены творческого работника от стоимости воспроизводства его потенциала. В силу гегемонии корпоративного капитала эти отклонения «устроены» так, что цена работников, наиболее тесно сращенных с капиталом и обслуживающих его гегемонию, включенных в воспроизводство превратного сектора (работники таких сфер, как финансы, корпоративный менеджмент, СМИ, масскультура, про-

фессиональный спорт и т.п.), намного превышает стоимость воспроизводства их человеческих качеств. И наоборот, работник общедоступных отраслей креатосферы (учителя государственных школ, социальные работники и т.п.) имеют на рынке симулякров цену, существенно более низкую, чем стоимость средств, необходимых для воспроизводства их человеческих качеств (хорошо известно, что даже в США учитель школы в «цветном» гетто не имеет средств на то, чтобы оплатить образование своих двух-трех детей в Гарварде...).

Во-вторых, капитал оплачивает креативных работников (да и то, как мы показали выше, далеко не всех) на уровне, близком к стоимости воспроизводства их человеческих качеств, креативного потенциала, только в развитых странах. Большая часть «рядовых» субъектов общедоступной творческой деятельности (деятельности, наиболее важной с точки зрения задач развития креатосферы и, следовательно, универсальных критериев прогресса) в мире получает от капитала средства, меньшие тех, что они должны были бы иметь даже по законам капитала. Мировая «рядовая» интеллигенция недооценена капиталом, тогда как круг мировых «профессионалов» переоценен. Так *современный глобальный капитал формирует внутреннее противоречие в социальной стратегии креативных наемных работников*. Первые – наиболее близкие по своей профессиональной роли (субъекты собственно креатосферной деятельности, а не труда в превратном секторе) к миру «царства свободы» и недооцененные капиталом даже по меркам капитализма – даже с этой точки зрения заинтересованы в снятии глобальной гегемонии капитала. Вторые – выполняющие задачи непосредственного «творения» гегемонии капитала, занятые в превратном (вытесняющем и уродующем креатосферу) секторе и переоцененные капиталом – объективно оказываются противниками такого снятия.

В-третьих, количественный, стоимостный аспект эксплуатации креативного наемного работника с принципиальной точки зрения должен быть наименее значим для него. *Ценность бытия homo creator'a объективно определяется мерой свободы его деятельности*, и с этой точки зрения превращение условий творческой жизнедеятельности, ее пространства и времени в объект эксплуатации, функцию капитала («пласты» подчинения жизнедеятельности творца капиталу мы описали особо) есть наиболее глубокое основание противостояния Человека как творца и глобального капитала. Это основание тем более значимо, что капитал привносит в это отношение и черты личной зависимости, подчиняя себе, как мы уже сказали, «божественную душу» человека и превращая его в раба. Но и здесь есть свои «детали». Для обслуживающих гегемонию капитала «профессионалов» это рабство сладко, ибо именно оно делает их привилегированными и обласканными капиталом рабами, как бы (вот он, мир симулякров!) равными ему в своей роли. Кроме того, не забудем и о том, что положение *каждого* субъекта творческой

деятельности в условиях капитализма двойственно: с одной стороны, он – творец, алкающий свободы жизнедеятельности, с другой – собственник «человеческого капитала», продавец своего креативного потенциала, заинтересованный в хорошей цене за свой товар. Поэтому субъективно творец может быть и противником, и сторонником сохранения гегемонии капитала.

Эта субъективная противоречивость накладывается на названное выше объективное противоречие в природе творческого наемного работника, образуя сложный спектр конкретных социально-политических пристрастий социального слоя, обычно обобщенно называемого «интеллигенцией»¹.

Прежде чем продолжить наш анализ, двигаясь к рассмотрению конкретных форм процесса присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности, позволим себе небольшое уточнение. Оно касается *прибыли получаемой корпорацией, использующей креативные ресурсы*. Достаточно понятно, что в рамках марксистской методологии последняя может быть представлена как превратная форма (всякая прибыль есть с точки зрения марксизма превратная форма) суммы прибавочной стоимости и стоимостной оценки всеобщего культурного богатства, присваиваемого собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы:

$$Pcr = f\{M + Wmcr\}$$

Поскольку в подавляющем большинстве случаев такие корпоративные капиталы способны и к генерации «поля зависимости» (обладают «рыночной властью») и получают от этого определенный доход (Pmp), а также (вследствие описанного в предыдущих разделах текста процесса финансиа-

¹ Современная интеллигенция крайне противоречива. Большая ее часть (особенно хорошо обеспеченная, «элитная» интеллигенция, работники творческого труда, прямо работающие на заказ капитала и/или политической элиты) противоречие между интенциями творчества и интересами мелкобуржуазного разрешения в пользу последних. Но есть и противоположное течение: среди хорошо знакомых авторам по совместной жизнедеятельности в процессе подготовки и проведения международных социальных форумов, акций солидарности, контрсаммитов и т.п. активистов социальных движений и НПО преобладают представители этого же социального слоя – «рядовой» интеллигенции. Это учителя, инженеры, социальные работники и т.п. люди, которые заняты трудом, включающим и творческие функции, и обладают двойкой системой ценностей. Как и все акторы капиталистической системы, они зарабатывают деньги и покупают товары, озабочены увеличением заработной платы и неповышением цен... Но главные их ценности и мотивы их основной деятельности лежат «по ту сторону» рынка и частной собственности. Это прежде всего увлеченность своим трудом и общественной деятельностью плюс серьезная включенность в подлинную культуру (в домах большинства из них вы крайне редко увидите включенный телевизор, но почти всегда услышите классическую музыку или джаз, а квартиры у них буквально забиты книгами... Во многом такими же были советские «шестидесятники»...

лизации, вовлекающего в орбиту виртуального фиктивного капитала практически все корпорации) некоторую финансовую прибыль (обозначим ее P_f), постольку эта формула примет несколько более сложный вид:

$$P_{cr} = f\{M + Wmcr\} + P_{mp} + P_f$$

А теперь мы можем начать разбираться с такой конкретной формой присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности как интеллектуальная рента.

Интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства

Как мы уже отмечали выше, доход, получаемый собственником капитала, использующего креативные ресурсы, по форме аналогичен рентному доходу, что адекватно отражено и практикой, и экономической теорией. И сторонники неоклассики, и многие марксисты специально подчеркивают, что этот доход есть *интеллектуальная рента*. Последняя определяется на поверхности явлений как доход, получаемый от собственности на созданный креативной (в современной рыночной терминологии – интеллектуальной¹) деятельностью продукт. При этом первые в соответствии со своей методологией ставят преимущественно вопросы не природы, а количественного определения этой ренты, а вторые ограничиваются правильной, но содержательно недостаточной констатацией того, что это новая форма капиталистической эксплуатации. Между тем едва ли не ключевым здесь является вопрос не формы, а природы отношений, скрытых за формой интеллектуальной ренты. А за ней, как мы покажем ниже, скрыто отношение, существенно отличающее данную форму от, скажем, природной ренты.

Но начнем со сходства формы. Определение дохода от собственности на креативные ресурсы как *ренты* неслучайно. Здесь в неявном виде проводится аналогия с находящимся в частной собственности любым иным всеобщим ресурсом – землей, нефтью, газом... Сам по себе ресурс является общественным благом и потому доход от его использования в случае обретения последним (землей, нефтью) экономической формы [частной] собственности квалифицируется не только марксизмом, но и *mainstream*'ом экономической теории, а также (что особенно важно) хозяйственной практикой как рента, а не прибыль.

Здесь в неявной форме признается тот факт, что по своей природе культурная ценность («интеллектуальный продукт») есть обществен-

¹ Как мы уже отмечали, принадлежащие к *mainstream*'у авторы за небольшим исключением – Р. Флорида и др. – не любят категорию «творчество», предпочитая пользоваться термином «интеллектуальный труд», «интеллектуальный ресурс», а еще лучше – «интеллектуальный капитал». Такой категориальный ряд позволяет снять различие между культурными ценностями и симулякрами, деятельностью по созданию первого и второго.

ное, а не частное благо. Превращение же этого общественного блага в частную собственность дает его владельцу возможность получать не прибыль, а ренту, которую принято назвать интеллектуальной (и мы ниже будем как правило использовать это имя), но правильнее было бы назвать *культурной или креатосферной*.

Самое смешное, что в этом случае позитивный взгляд на данный феномен оказывается как нельзя более близок к истине: доход, о котором мы ведем речь и с марксистской точки зрения должен быть квалифицирован как рентный по своей форме. Всеобщее культурное богатство становится источником стоимостного дохода только в той мере, в какой это богатство обретает форму [частной] собственности. Сам доход в этом случае должен получить форму ренты так же, как это происходит с землей в случае с абсолютной рентой – феномен, корректно описанный Марксом в «Капитале». И точно так же как абсолютная рента есть не более чем доставшаяся от прошлого (феодалного землевладения) похлеба в развитии капитализма в земледелии (совокупность искусственных границ для развития производства и дополнительное бремя на потребителя данной продукции), интеллектуальная рента есть искусственная похлеба в развитии деятельности в креатосфере. Впрочем, эту тезу мы в данном тексте ни доказывать, ни даже развивать не будем.

Итак, внешне интеллектуальная и «обычная» (например, природная) ренты сходны: превращение общественного блага (феномена культуры или природного ресурса) в объект частной собственности и рыночного (капиталистического) использования есть предпосылка формирования и присвоения рентного дохода. Однако источники этих рентных доходов различны.

Интеллектуальная рента есть в своей основе *продукт деятельности* (всеобщего творческого труда), создающей то богатство, присвоение которого и приносит ренту. В ее основе – стоимостная оценка труда, создавшего культурную ценность. Природная рента этой основы не имеет. Природное богатство *не создано человеческим трудом* (мы в данном случае абстрагируемся от расходов на геологоразведку и т.п. – они входят в капиталистические издержки и к рентным доходам отношения не имеют). Посему природная рента в качестве своего источника имеет ложную социальную стоимость, предполагающую перераспределение абстрактного общественного труда.

И еще одна важная ремарка: в условиях рыночной экономики интеллектуальная рента есть источник не только возмещения расходов на приобретение платных креативных ресурсов и [сверх]дохода, получаемого креативной корпорацией, но и дохода, получаемого творцом, работающим в этой корпорации в качестве наемного работника. Из этого не следует, однако, что работник-креатор есть паразит на шее общества, аналогичный получателю феодальной ренты. Напротив, он есть создатель общественного богатства, многократно превышающего

по своему полезному эффекту то, что общество затрачивает на создание условий его воспроизводства. «Издюминка» проблемы здесь не в практическом соотношении, а в теоретической квалификации природы дохода, получаемого творцом в условиях *капитализма*. Именно социально-экономическая форма последнего и создает все те инверсии, которые связаны с рентной природой дохода «интеллектуала». Вне рынка и капитала проблема решается совершенно иначе: общество определяет меру дохода субъектов творческой деятельности так, как, например, это происходит в общественном университете, школе или получившем общественный грант временном творческом коллективе. Впрочем, это опять-таки не тема данного текста.

Возвращаясь к проблеме количественного выражения эксплуатации творческой деятельности и вводя в приведенные выше формулы параметр интеллектуальной ренты (обозначим ее Rcr , ибо, как мы отметили выше, эту ренту правильнее было бы называть культурной или креатосферной), мы можем сформулированные выше положения представить в виде простейших формул:

$$Rcr = Wmcr + Hcr + Ccr$$

или:

$$Wmcr = Rcr - Hcr - Ccr$$

Формула валового дохода корпорации в случае ее выражения через интеллектуальную ренту примет вид:

$$Wcr = Rcr + (C + V + M)$$

Вывод о том, что интеллектуальная рента является источником оплаты творческого работника (подчеркнем – не оплаты труда творческого работника, а оплаты его потенциала), на первый взгляд, вносит некоторые сомнения в сделанный нашими предшественниками и подтвержденный нами вывод о паразитической природе интеллектуальной ренты. Однако это – именно «первый взгляд», видимость. Сущность же состоит в том, что паразитическим является само отношение, надевающее стоимостную форму на не являющееся стоимостью общественное богатство и передающее его не каждому способному его распределить члену общества («собственность каждого на все»), а неким частным собственникам. Тот факт, что среди последних находится и непосредственный создатель этого богатства, сути дела не меняет: *по законам креатосферы творец работает не ради вознаграждения, получая от общества или его представителей (творческой ассоциации, государства, НПО) бесплатные блага и социально гарантированный доход, обеспечивающие воспроизводство его человеческих качеств*¹.

У этой медали есть, однако, и другая сторона.

¹ Последнее – не фантазия. Мы уже упоминали, что именно так работает в современных развитых странах преподаватель государственной школы или публичного университета, освобожденный сотрудник НПО или имеющий →

Бесплатное присвоение рыночными агентами, и прежде всего креативными корпорациями, части благ мира культуры (результатов предшествующего развития науки и культуры, плодов общедоступного образования и фундаментальной науки) ставит *проблему разграничения и взаимодействия двух миров – бесплатного и общедоступного мира культуры и платного и ограниченного частной собственностью мира рынка – как фундаментальный теоретический и практический вопрос периода трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», «позднего» капитализма в «ранний» коммунизм.*

Мы в данном тексте ограничимся лишь постановкой этой проблемы.

Для «основного течения» экономической науки здесь проблемы нет: бесплатные блага создаются на деньги платящих налоги и осуществляющих пожертвования агентов рынка (корпораций, наемных работников) и безвозмездно присваиваются на основаниях общедоступности или государственного нормирования. Частные блага создаются рыночными агентами и присваиваются ими на возмездной основе. Разная природа благ (ограниченные – неограниченные) обуславливает разные способы их присвоения.

Для марксиста, как мы постарались показать выше, за этим вопросом скрыта фундаментальная проблема *эксплуатации капиталом мира креатосферы* – бесплатное и/или частично оплаченное присвоение им культурных ценностей («креативных ресурсов») человечества.

В этой связи нам представляется уместной следующая гипотеза: *мера эксплуатации культуры капиталом (ECC')* может быть выражена и количественно, а именно, как соотношение доходов полученных в виде сверхприбыли и интеллектуальной ренты (*IIR*) и затрат капитала на развитие креатосферы (*CCCr*).

$$ECC' = IIR / CCCr$$

Уточним. Первое (*IIR*) – это показатель, о природе и исчислении которого мы уже размышляли выше.

Второе (*CCCr*) – это прямые вложения капитала в развитие креатосферы, включающие вложения в материальные ресурсы развития креатосферы (основной капитал), расходы на наем работников (переменный капитал) и вложения в интеллектуальные ресурсы (т.н. «человеческий капитал») плюс средства бюджета, используемые на эти цели.

Наличие такой эксплуатации позволяет предложить и некоторую гипотезу переходных форм ее частичного снятия – своего рода *«окультуривания» капитализма* (феномен, о котором много говорится в последнее десятилетие¹). Если мы исходим из того, что (*г*) капитал в

← поддержку творческой ассоциации художник, сотрудник общественного исследовательского центра или получающий грант ученый.

¹ Одна из наиболее известных работ, в которых поднимается эта тема, – книга Дж. Рифкина «Век информационного доступа» (*Rifkin J. The Age of* →

своей коммерческой деятельности безвозмездно присваивает общественные блага креатосферы, так что это позволяет увеличить прибыль (например, используя портрет Моцарта на коробке конфет, можно продавать их больше и дороже, нежели в случае, если на этой коробке будет лишь обычная картинка), и того, что (2) этот дополнительный доход есть особый вид ренты (назовем ее в данном случае культурной), то логичным будет следующий вывод: эта рента, как и всякая другая, должна изыматься у капиталиста и передаваться собственнику. Поскольку собственником культуры является (и это доказано в рамках марксистской парадигмы) *каждый*, постольку и рента от использования феноменом культуры капиталом должна использоваться для развития той сферы, где любой феномен принадлежит любому субъекту, т.е. креатосферы. Проще говоря, бизнес должен платить за вставку в рекламу портрета Моцарта не меньше, чем за использование фотографии топ-модели, а деньги, получаемые от фирм, использующих общественные блага культуры, должны идти в интернациональные фонды развития креатосферы.

Это предложение нарушает фундаментальный принцип рыночной экономики: общественные блага потому и общественные, что равно бесплатны для всех. Мы предлагаем «отлучить» коммерческий сектор от того, что люди создают бесплатно. Аналогом в данном случае может быть модель музеев, библиотек, сайтов, бесплатных лишь для некоторых категорий граждан (скажем, работников культуры). В данном случае предлагается то же самое, только принципом дискриминации становится то, где и для чего используется феномен культуры. Если для производства общедоступных и объектов – блага креатосферы бесплатны. Если для производства предметов частной собственности – платны. Более того, какие-то феномены культуры можно вообще запретить использовать в коммерческих целях.

Как это может быть сделано технически, сколько именно и кому именно должны платить бизнесмены и как разграничить блага культуры, за использование которых надо платить, и те, которые могут использоваться бесплатно (как, например, язык или правила арифметики) – это задача для последующих фундаментальных и прикладных исследований. И путь к ее решению может быть не менее длительным и сложным,

← Access. 2000) – констатирует массовое распространение этого феномена. В отличие от этого автора и его российских коллег (см., например: Зуев С. Э. Капитализация культуры и культурный капитализм // Арт-менеджер. 2003. № 3. Доступ к электронной версии статьи по ссылке: <http://cultinfo.ru/cultura/2006-11/zuev.pdf>), С. Жижек подвергает феномен т.н. «культурного капитализма» жесткой критике, показывая его ограниченность и симулятивность (кроме упомянутых работ С. Жижека см. также: *Жижек С. Культурный капитализм – иллюзия благотворительности* // Доступ по ссылке: <http://real-philosophy.livejournal.com/496206.html>).

чем путь от гипотезы Циолковского до космического корабля Гагарина. В качестве первых шагов может быть предложено, например, создание международных экспертных комиссий, «патентующих» общественные культурные блага. Для, скажем, феноменов искусства, это может быть набор «санкций» в спектре от абсолютного запрета на коммерческое использование до рентных платежей в международные фонды поддержки искусств на основе модели, подобной запрету использовать для коммерческих показов продаваемые для граждан видеозаписи. Контроль (напомним, он будет распространяться только на коммерческие фирмы) может быть организован по аналогии с контролем за использованием запатентованных интеллектуальных продуктов. Впрочем, все эти формы будут несовершенно, как и любые паллиативные решения, направленные на формирование переходных отношений, остающиеся в рамках капиталистической системы, «царства необходимости».

Немного отвлекаясь, отметим, что сходные решения возможны в области *«экологизации» капитализма, использования для благ всего человечества природной ренты.*

Происходящее в условиях обострения глобальных экологических проблем превращение природы, и в частности земли, в универсальную культурную ценность («общественное благо») предполагает ее общедоступность как элемента креатосферы, подлежащего распределению. Частная собственность в этом отношении может выступать не более чем превратной (перенесенной) формой, которая по своей сути не сможет не тормозить использование биогеоценоза как культурного феномена – общедоступной, открытой для всех ценности.

Кстати, здесь весьма уместно заметить: *поскольку природные ресурсы планеты Земля созданы естественным развитием биосферы, постольку (если мы абстрагируемся на время от фактора человеческой деятельности, увеличивший – в случае, скажем, пахотных земель в развитых странах – или снизившей продуктивность этих ресурсов) можно считать обоснованной тезу о всеобщей собственности человечества на природные ресурсы.* (подчеркнем: не особых фирм, государств или даже международных организаций, а Человечества; кому и как оно поручит реализовывать свои всеобщие интересы – это второй, хотя и очень важный, вопрос).

Всеобщность собственности на природные ресурсы обуславливает *присвоение ренты от использования любых (точнее, всех, находящихся в коммерческом использовании) природных ресурсов человечеством в целях решения своих глобальных проблем:* обеспечения всем гражданам всех стран социально гарантированного минимума, проведения в жизнь глобальных экологических, социальных, гуманитарных и т.п. программ. Подчеркну: в данном случае нет посягательства ни на один из принципов капитализма: собственник Земли (биогеосферы), т.е. Человечество, получает «созданный» (мы пока остаемся в рамках теории факторов производства) ею продукт – ренту.

Однако вернемся к проблемам интеллектуальной ренты и, завершая этот анализ, рассмотрим вопрос об *эксплуатации в мире креатосфере в случае, когда [частным] собственником некоторой культурной ценности является* (но не в случае креативной «рассеянной мануфактуры» – об этом в следующем разделе) *сам творец*. В этом случае проблема эксплуатации мира креатосферы оказывается применима и к данному субъекту. И если об эксплуатации творца третьим лицом в данном случае говорить не приходится, то эксплуатация креатосферы творцом как частным собственником налицо и в данном случае. Присваивая стоимостную оценку культурную ценность, созданной им *в кооперации со всем миром креатосферы, креатор-частник выступает как эксплуататор человечества*. При отказе от [частной] интеллектуальной собственности, т.е. социализации (превращения во всеобщий общедоступный бесплатный ресурс) всех слагаемых креатосферы, креатор-частник может лишиться значительной части своего имеющего стоимостную форму богатства (культурное богатство у него никто в этом случае не отнимает; у него, как и у всех других «отнимают» право трансформировать его в деньги, «отнимают» интеллектуальную ренту).

Так теоретически выводится эмпирически хорошо известная двойственность творца-частника в капиталистическом мире. Она отлична и от внутреннего противоречия в положении креативного наемного работника, и от положения «обычного» мелкого буржуа. Поскольку о креативном наемном работнике мы написали уже немало, прокомментируем кратко второй случай. От субъекта репродуктивной деятельности, являющегося собственником и средств производства, и продуктов своего труда («обычного» мелкого буржуа – например, хозяина киоска), самостоятельно работающий креатор отличается как минимум тем, что он бесплатно присваивает общественные культурные блага и получает в качестве дохода не созданную им новую стоимость, а стоимостную оценку созданного им (и – NB! – его соавторами по открытому диалогу, сотворчеству) всеобщего богатства, получающую в условиях господства отношений частной собственности на «интеллектуальные» продукты форму ренты. Как таковой он, в отличие от «обычного» мелкого буржуа, является и субъектом эксплуатации мира культуры, каждого из нас.

Характеристика содержания и формы эксплуатации творческой деятельности и позволяет нам перейти к проблемам противоречий подчинения последней корпоративному капиталу.

Подчинение труда, свободного времени и Человека: КАПИТАЛ, ЕГО ГЕГЕМОНИЯ И ПРЕДЕЛЫ В МИРЕ КРЕАТОСФЕРЫ

Подчинение труда капиталу, как мы отметили выше, есть атрибут капитала как производственного отношения. В условиях позднего ка-

питализма и генезиса в его недрах креатосферы и ростков «царства свободы» это подчинение остается, но вместе с тем изменяется. Новым в данном случае является то, что системы отношений гегемонии корпоративного капитала формирует в современных условиях *тотальное подчинение капиталу не просто труда, но и Человека как личности.*

Безусловно, эта тенденция к тотальной гегемонии никогда не реализуется абсолютно, сталкиваясь с контрсилами (прежде всего глобальным кризисом общих основ мира отчуждения, кризисом, порождающим мощный импульс борьбы с отчуждением на путях массового ассоциированного социального творчества, вырастающего из классовой борьбы пролетариата – об этом мы писали в других, уже упоминавшихся книгах). И все же генезис и экспансия тотального подчинения труда капиталу стали знаменем последних десятилетий.

* * *

Начнем наш анализ с краткой методологической «установки», напомнив уже звучавший в нашей книге тезис: тотальная гегемония капитала снимает, с одной стороны, воспроизводя в модифицированном виде все предшествующие «достижения» капитала в деле подчинения и эксплуатации наемного труда, с другой – привносит в это подчинение нечто новое, а именно, те предпосылки, которые создают для этого «рынок паутин», неоприватизация и доминирование виртуального фиктивного капитала, а также собственно новые параметры отношения эксплуатации, о которых мы писали выше. При этом снятие прежних форм подчинения труда капиталу есть и подрыв (частичное отрицание) сущности капиталистического отношения, что, однако (вот она, диалектика эпохи «заката» капитала) ведет непосредственно к *укреплению этого подчинения.*

Иерархия отношений *тотального подчинения определяется сущностью последнего – движением капитала к гегемонии над всеми человеческими качествами всех членов общества* (а не только эксплуатации рабочей силы наемного рабочего).

Креативная деятельность и ее субъект: контрапункты формального подчинения капиталу

Главное в этих ростках – *попытка подчинения капиталу*, возникающему в период «заката» «царства необходимости», нового качества – *творческой деятельности*, а это основа самореализации *целостного человека*, его «бессмертная душа». Направленность на подчинение именно *целостной личности* и делает это подчинение *тотальным* по своей сущности в отличие от классической системы капиталистического подчинения преимущественно репродуктивного труда как функции рабочей силы, т.е. «всего лишь» одного из качеств Человека – его бытия как (1) частичного работника в рамках только (2) трудового процесса.

Эти важные моменты требуют более тщательного рассмотрения.

Как уже не раз отмечалось, творческая по содержанию деятельность является по самой своей природе:

(1) неотчуждаемой и потому с содержательной точки зрения она не может быть объектом эксплуатации¹;

(2) всеобщей, априори общественно необходимой (и в этом качестве она может служить аналогом денег – всеобщего эквивалента, продукта всеобщего труда); но при этом, в отличие от денег она

(3) создает безграничное (с количественной точки зрения) богатство, универсальные ценности.

Подчинение *такой* деятельности капиталу в его классическом виде с *содержательной* точки зрения является неразрешимой задачей (*неслучайно классический капитализм так и не смог создать в массовом масштабе капиталистически-организованных форм творческой деятельности*). Но это не означает невозможности возникновения решающих эту задачу социально-экономических *форм* – отношений, подчиняющих капиталу (и отчуждающих от творца) социальную организацию такой деятельности и социальное бытие ее предметных результатов (прежде всего собственности на последнее).

Именно эту задачу и начал решать во второй половине XX века корпоративный капитал, ища *переходные формы*, позволяющие ценой подрыва своих существенных черт (подчинения труда капиталу) найти ответ на наиболее фундаментальный вызов эпохи – смену «царства необходимости», основанного на отчужденном репродуктивном труде, «царством свободы», основанном на свободной творческой деятельности.

При этом в ближайшей исторической перспективе перед капиталом стоит и будет стоять *задача подчинения* не столько собственно творческой деятельности, сколько относительно более простого феномена – *новаторского, инновационного, профессионального потенциала работников и процессов их воспроизводства*. И здесь капиталом испробована сложная система переходных форм. Авторы хотели бы заострить внимание только на трех, показав пути подчинения капиталу новаторского потенциала «рядовых» работников, управленцев и творческой «элиты».

Первая – различные механизмы частичного снятия формального подчинения труда капиталу путем привлечения работников к выполнению функций капитала, в частности – к управлению и собственности².

¹ Показанная еще в классических марксистских работах причина этого будет подробнее раскрыта ниже.

² Зарубежный опыт в этой сфере проанализирован многими учеными, на что мы обратили внимание еще в I томе. Обобщение эмпирического материала и массы зарубежных и отечественных работ можно найти в книгах А. Колганова «Коллективная собственность и коллективное предпринимательство» (М.: Экономическая демократия, 1994) и Э. Рудыка «Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России (М.: РИГ-Издат, 2002), «Производственная демократия в стране и мире: →

Во всех известных нам случаях (производственные советы в ФРГ, «кружки качества» в Японии, (частичная) передача акций работникам фирм – ESOP – в США и Западной Европе и мн. др.) эти механизмы всегда сохраняют основные функции контроля в руках капитала, мобилизуя при этом в целях накопления последнего новаторский потенциал работников. В то же время эти механизмы создают элементы ассоциированного социального творчества работников и этим особенно ценны для будущего.

Вторая группа форм связана с развитием феноменов предпринимательства и менеджмента, когда творческие, новаторские способности человека (причем, как правило, наиболее талантливых лиц) подчиняются капиталу и направляются в сферу деятельности по укреплению его гегемонии, что «оттягивает» творческий потенциал человечества от науки, искусства, образования, воспитания и других аспектов развития креатосферы, не говоря уже об ассоциированном социальном творчестве (в различных формах – от профсоюзов и «зеленых» до левых демократических партий) как антитезе гегемонии капитала.

Наконец, *третья* форма отображена теориями «человеческого капитала»¹. Подробнее мы ее рассмотрим в одном из последующих текстов книги, но уже здесь выделим некоторые важные для последующего моменты. Так, в основе этой теории лежит действительный феномен некоторой аналогичности творческой деятельности как всеобщего труда, создающего неограниченную ценность, и капитала как самовозрастающей стоимости (ценности). Человек как «капитал» – это человек целостно, вместе со своим новаторским потенциалом, превращенный в капитал. При этом в отличие от классического наемного работника, *рабочая сила* которого превращается в переменный капитал, «капитал-человек» имеет и иные свойства. Он служит еще и своеобразной разновидностью (1) постоянного капитала, «изнашивающегося» (теряющего квалификацию) на протяжении определенного длительного пе-

← состояние, проблемы и перспективы» (Альтернативы. 2011. № 2), М. Кропоткина «Производственное самоуправление: альтернатива капиталу» (Альтернативы. 2011. № 2), а также в работах: Симмонс Дж., Мэрс Э. Эффективное предприятие. Американский опыт участия работников в управлении. М.: Аргументы и факты, 1993; На пути к экономической демократии. Международный опыт (в 2-х кн., М.: Экономическая демократия, 1994); От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике / Под ред. С. Федорова. М.: Слово, 2001; На пути к рабочему контролю и самоуправлению трудящихся / Под ред. А. Колганова, Э. Рудыка, Д. Симмонса. М.: РИГ-Издат, 2001; Хабибулин Р. Предприятия с собственностью работников: марксистская теория и современная российская практика // Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.

¹ Подробнее об этом – в постскриптуме к данному тексту.

риода (ряда циклов оборота), требующего периодических инвестиций в свое воспроизводство и т.п., а также (2) капитала-функции, так как инвестиции в «человеческий капитал» направлены на формирование собственных профессионалов корпорации, т.е. скорее не «классических» наемных рабочих, а служащих, членов корпоративной иерархии (см. ниже о корпоративной природе капитала), выполняющих во многих случаях частичные предпринимательские функции.

Однако самое главное в феномене подчинения творческого труда капиталу состоит в том, что, как мы показали в предшествующем разделе, *креативная деятельность создает ценность, обладающую способностью постоянного «самовозрастания» в практически неограниченных масштабах.* Ценность продукта творческого труда бесконечно увеличивается как бы «сама собой» в процессе ее распределения новыми творцами. За этой «умной» фразой скрыт до очевидности простой, но очень важный смысл: всякий ученик увеличивает творческий потенциал учителя, есть последний осуществляет преподавание как творческий процесс, всякий художник-исполнитель рождает новый феномен культуры, всякий рабочий-новатор, включенный в «кружок качества» или рационализаторскую деятельность умножает знания и повышает производительность...

Именно это всеобщее богатство (богатство феноменов креатосферы) и подчиняет себе капитал, «одевая» на них превратную форму [частной] интеллектуальной собственности.

Но этот аспект мы рассмотрели выше, характеризуя эксплуатацию творческой деятельности и методологически это неслучайно: эксплуатация как присвоение капиталом не им созданного богатства и есть главная «тайна» формального подчинения.

Прежде чем перейти к проблемам реального подчинения не только труда, но и Человека капиталу, авторы хотели бы сфокусировать внимание на реверсивном процессе генезиса в рамках возникающих отношений капитала и креативного работника элементов докапиталистической – личной – зависимости, неслучайно корреспондирующем с формальным подчинением: последнее и в условиях раннего капитализма, и в условиях его «заката» оказывается сопряжено со стремлением подчинения личностных качеств. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Характерная для субъекта творческой деятельности синкретичность качества человека как рабочей силы и как Личности, отличающая его от субъекта репродуктивного труда, обуславливает как свой достаточно закономерный результат *подчинение капиталу и личностных качеств человека.* Последнее приводит к внешне парадоксальному процессу *восстановления в современной глобальной экономике в новом историческом обличье отношений отчуждения работника от средств производства, основанных на личной зависимости (от рабства и крепостничества до административно-бюрократической иерархии).*

Методологически этот феномен может быть квалифицирован как результат социально-экономической реверсивности исторического процесса: инволюция капитала приводит к реактуализации докапиталистических форм отчуждения.

Теоретически этот феномен мы раскрыли в предыдущем разделе текста, показав механизм долгосрочного контракта, при помощи которого капитал становится собственником творческого потенциала работника, процесса и результатов его деятельности, т.е. личностных качеств Человека, подчиняя его «вдохновенью» или «бессмертную душу», т.е. Личность. Так возникает «*креативное рабство*», мультиплицирующее эффект отчуждения, свойственный для креативно-вещной зависимости.

Креативный «раб» последних десятилетий – это персона, имеющая во многих случаях привилегированное (по сравнению с индустриальным наемным работником) экономическое положение, занятая относительно интересной работой, имеющая немалый объем свободного времени и зачастую субъективно не отражающая своей личной зависимости от корпорации. Однако при этом он не свободен в главном – в осуществлении своей творческой деятельности, основные параметры которой внешним образом заданы капиталом, подчиняющим его интенции соображениям увеличения корпоративной прибыли и усиления ее «рыночной власти»¹.

После этих ремарок о специфике формального подчинения капиталу Человека мы можем продолжить наше исследование, показав, что вызываемое прогрессом позднего капитализма развитие креативной деятельности приводит к формированию как ряда *новых форм реального подчинения труда и Человека капиталу*, так и ростков подрыва реального подчинения труда капиталу, которые, однако, используются капиталом для усиления своего господства.

Противоречия трансформаций реального подчинения труда капиталу: личность и свободное время как объекты гегемонии

Эти феномены появляются тогда, когда перед капиталом встает задача так видоизменить свою гегемонию, чтобы сама «технология» *жизнедеятельности глобального корпоративного капитала подчиняла ему человека как целостную личность*. В полной мере эта задача в принципе неразрешима, ибо, как уже было замечено, творческая по содержанию

¹ Сошлемся в подтверждение данного тезиса на художественные образы: книгу и фильм «99 франков», описывающие каббалу «креативщика», работающего в рекламной корпорации, и фильм «Дьявол носит Prada» о карьере сотрудницы модельного агентства, которую та может делать исключительно путем подчинения всей своей личной жизни и даже свободного времени воле топ-менеджера.

деятельность неотчуждаема по самой своей природе. Однако определенные переходные отношения здесь могут возникнуть, продолжая линию подрыва (и одновременно – усиления) формального подчинения труда капиталу (исторической аналогией здесь может служить мануфактура или даже фабрика, использующая труд крепостных – феномен, хорошо известный позднему феодализму).

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Начнем с важнейшего для нашей работы тезиса: *новые, специфические для XXI века формы и механизмы подчинения человека (а не только труда) капиталу связаны именно с процессом перехода «по ту сторону материального производства»*, кратко охарактеризованным нами в Прелудии.

В условиях относительного сокращения материального производства и необходимости развития креатосферы у капитала есть только три возможности реакции на эту объективную необходимость.

Первая. Торможение прогресса творческой деятельности и консервация прежней системы с доминированием материального производства (индустриального или даже доиндустриального типа) и соответствующими социально-экономическими отношениями.

Вторая. Развитие субституттов креатосферы (рост превратного сектора).

Третья. *Подчинение времени и пространства свободного развития человека (потенциально открытого для развития креатосферы) капиталу и превращение его в составную часть экономического процесса капиталистического производства.*

Первый путь доминирует в системах, ориентированных на консервативное, «фундаменталистское» направление эволюции капитализма (он, в частности, начал активно пропагандироваться частью российской чиновничества и капитала в период, когда пишутся эти строки).

Второй и третий интегрируются современным глобальным капиталом, создающим условия, в которых на место креатосферы приходят ее субституты (квазитворчество в сфере финансов и т.п.) и превратные формы организации свободного времени, превращаемого капиталом во время досуга.

Рассмотрим чуть подробнее *феномен подчинения капиталу свободного времени человека как дополнение процесса подчинения труда капиталу*. Переход «по ту сторону материального производства» приводит к тому, что именно целостное развитие индивида на протяжении свободного времени становится основным «капиталом» общества, в котором развивается креатосфера. Следовательно, *экономическое подчинение именно этого пространства-времени жизнедеятельности человека капиталу, точнее, превращение жизнедеятельности человека на протяжении свободного времени в составную часть экономического процесса капиталистического производства становится объективно необходимым направлением развития капитала.*

Проблема, однако, в том, чтобы это подчинение стало не только формальным, социально-экономическим, но и реальным, технологи-

ческим. Для этого надо не просто превратить свободное время и процесс формирования Человека в капиталистический по социально-экономической форме, но и так трансформировать самое содержание («технологию», природу) свободного времени и всего процесса воспроизводства Человека как личности, чтобы независимо от [капиталистической] формы само содержание этих процессов делало из человека марионетку капитала, раба его глобальной гегемонии.

Именно такая трансформация осуществляется путем превращения свободного времени во время досуга, культуры – в масскультуру, знаний – в интеллектуальный товар, образования – в производства специалистов для тотального рынка и т.п. Повторим: вследствие этих трансформаций происходит не просто «надевание» капиталистической формы на свободное время, культуру, образование и т.п., а изменение их содержания.

Рассмотрим эти аспекты подчинения человека корпоративному капиталу подробнее.

Начнем с трансформации свободного времени во время досуга.

Подчинение капиталу свободного времени – это относительно новое явление, характерное именно для позднего капитализма, ибо «классическая» модель капитала предполагала, что экономическая власть капитала над рабочим заканчивается за пределами фабрики. Безусловно, политическая и идеологическая власть капитала была и раньше частью капиталистической общественно-экономической формации. Но ранее это был феномен «надстройки»¹. Новое в этом явлении – формирование производственных отношений, в и посредством которых осуществляется и подчинение капиталу **свободного времени (формальное подчинение Человека)**, трансформация свободного времени во время досуга.

Механизмы этого подчинения и этой трансформации хорошо известны и тесно сращены с феноменами «общества потребления» и симулятивного бытия (мы писали о них в одном из разделов предыдущей главы) – от масскультурного и массмедийного манипулирования до «культуры» шопинга и рекламы. Гораздо интереснее содержание этого феномена, раскрытое зарубежными исследователями еще в 1960-е годы².

Содержательно процесс реального подчинения капиталу потенциально свободного времени состоит, как мы уже сказали, в том, что капитал трансформирует природу нерабочего времени, превращая его во время досуга. Последнее становится временем воспроизводства человека как функции рынка и капитала, а не как свободно и гармонично развивающейся личности.

Содержание первого – *манипулятивно-навязанная технология потребления товаров и услуг, являющаяся по преимуществу технологией*

¹ Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci / Q. Hoare and G. Nowell-Smith (eds. & trans.). L.: Lawrence and Wishart, 1986. P. 181–182, 195.

² Mills Ch. The Marxists. N.Y.: Dell Publishing Co., 1962.

массового и/или симулятивного потребления. Содержание второго – распределение феноменов креатосферы. В первом случае вы выполняете технологические процедуры, навязанные вам капиталом. Вы либо *стандартно* потребляете массовые реальные и симулятивные блага, проводя время в супермаркетах и мечтая о новом «Форде» (вариант для бедных и низшего среднего класса), либо *стандартно* «выделяетесь» из общей массы при помощи стандартных же процедур (то ли превращаясь в каких-нибудь «готов», то ли вариант для «высшего среднего класса» – пользуясь одним из прорекламированных бутиков и стоя в очереди на коллекционный «Бентли»). Во втором случае вы индивидуально развиваетесь в мире культуры и/или творите историю.

Сферы первого – шопинг и иные виды стандартного и все более симулятивного потребления, интернет-серфинг, масскультура и иные формы «расслабления» (вплоть до наркотиков как абсолютно завершённой формы симулятивного досуга). Сферы второго – образование и воспитание Человека (а не узкого профессионала – частного работника), наука, искусство, рекреация общества и природы, социальное творчество (участие в жизни гражданского общества).

Перефразируя и несколько смягчая одного из современных российских писателей можно образно сказать, что еда (утилитарное потребление) производит фекалии и мусор, а мечта (творчество, распределение) – историю и культуру.

Существенно, что, однако, в некоторых анклавах социального пространства-времени (в социализированных, частично ограниченных обществах формах своего бытия) капитал временами отступает, обеспечивая развитие и собственно свободного времени. Более того, это отступление для него необходимо, ибо без развития креатосферы невозможен современный технологический прогресс, а значит и накопление капитала. (Здесь вновь «работает» наша методология анализа диалектики трансформаций: «старая» система для своего укрепления должна частично отступать, давая простор развитию ростков «новой» и переходным отношениям.)

Превращение свободного времени во время досуга предполагает, далее, формирование капиталом такой системы *институтов организации нерабочего времени*, которая соответствует задачам развития его гегемонии и обеспечивает расширенное воспроизводство названных технологий бытия человека как марионетки капитала. Это институты (понимаемые и как «правила игры», и как организационные структуры) воспроизводства потребительски-конформистских систем ценностей и мотивов деятельности. Последние могут быть как рациональными (классический «вещизм», вырастающий еще из товарного фетишизма и ориентирующий работника на достижение стандарта «дом, две машины, двое детей в колледже»), так и симулятивными (о них мы уже писали), как материальными, так и духовными (вот здесь уже включается масскультура и СМИ).

Как итог, капитал формирует определенный образ жизни, превращая человека в (используем образа нашумевшего в 2000-е гг. фильма) *раба матрицы*¹. За этим образом стоит система сознательно и субъектно сформированных и объективно, стихийно сложившихся манипулятивных экономических, социальных и т.п. воздействий, превращающих самое содержание и образ жизнедеятельности человека в функцию капитала, а Личность – в пассивного конформиста (*марионетку*, смирившуюся со своей общественной ролью) или Хама (активного субъекта воспроизводства системы манипулирования -подчинения). Подчеркнем, что все это ныне не столько специфические функции государства и институтов идеологии, сколько часть процесса экономической деятельности корпоративно организованного капитала, одно из важных слагаемых его тотальной гегемонии.

Но превращение свободного времени во время досуга и подчинение нерабочего времени – это не единственное направление реального подчинения капиталу личностных качеств человека. В современных условиях развиваются механизмы *реального подчинения капиталу не только свободного времени, но и самой творческой деятельности*.

Среди основных направлений такого подчинения выделяются не только названные процессы развития массовой культуры и массмедиа, но и *монополизация капиталом «средств производства» творческой деятельности*. С методолого-теоретической точки зрения этот феномен в принципе следует отнести к формальному (идущему от капиталистической формы) подчинению творческой деятельности капиталу. Но практически в данном случае граница формального и реального подчинения стерта вследствие специфики творчества, где сама деятельность и ее предпосылки слиты. Вот почему развитие частной собственности на know-how и другие культурные ценности приводит к своего рода «огораживанию» капиталами культурных пространств, доступ в которые возможен для творца только путем подчинения капиталу (устройства на работу в фирму с обязательством неразглашения ее тайн...).

Как следствие возникает иррациональный по своему содержанию феномен собственности корпорации на результаты творческой деятельности – создаваемые культурные ценности и новые способности работника-творца (господство долгосрочных контрактов).

«Производство» творческих личностей также монополизируется капиталом (с методолого-теоретической точки зрения это опять же скорее феномен формального подчинения творческой деятельности). Последний контролирует наиболее высококачественные учебные заведения и центры переподготовки кадров² (известны феномены сращивания

¹ Ниже мы вернемся к образу «матрицы» и раскроем эти проблемы подробнее, характеризуя внутрикорпоративные отношения.

² В этом феномене, в принципе, нет ничего нового: господствующая социальная сила во всяком обществе отчуждения контролирует эти процессы →

элитных вузов с крупнейшими корпорациями и превращения первых – таких, например, как Гарвард в США, – в ТНК).

Наконец, современный капитал доводит до совершенства характерные для любых обществ эпохи отчуждения (от азиатской деспотии до мутантного социализма и корпоративного капитализма) механизмы подчинения интеллигенции господствующей социально-экономической силе. Специфика в данном случае состоит в том, что эти механизмы носят преимущественно экономический характер, базируясь на тех же отношениях тотальной гегемонии капитала, что и в других случаях.

Наибольший интерес и наибольшие трудности в данном случае представляет вопрос о реальном подчинении капиталу собственно творческой деятельности.

Невозможное возможно: парадоксы реального подчинения капиталу творческой деятельности и «двойное замещение» [креатосферы и творца]

Парадокс этого феномена состоит в том, что, с одной стороны, *содержательно творчество не может быть капиталистическим, содержание творческой деятельности* (в отличие от разделенного частного труда работника как придатка машины) **освобождает человека** и потому не позволяет подчинить его никакой отчужденной внешней силе, в том числе – капиталу. Этот тезис мы уже аргументировали выше и еще вернемся к нему в ином контексте (доказывая неадекватность капитала для мира креатосферы). С другой стороны, однако, капитал объективно стремится к такой организации творчества, когда оно по своему содержанию становится механизмом подчинения Человека капиталу. Так возникает дурная антиномия: *капитал не может подчинить содержание творческой деятельности и он не может не подчинять ее.*

Не разрешением, но [псевдо]снятием этого парадокса может стать только одно: наличие такой деятельности, которая содержательно будет подчинять человека капиталу, одновременно будучи как бы творчеством (превратной формой и/или симулякром последнего). Такой формой теоретически может быть создание как бы новых результатов (симулякром феноменов культуры) в процессе деятельности как бы творцов (субъектов труда, подчиняющего Человека капиталу). Практически эти феномены хорошо известны и давно описаны в литературе – это *деятельность профессионалов в превратном секторе*. Именно здесь и создаются симулякры новых культурных феноменов (от рекламных роликов, призывающих купить абсолютно новый вид кока-колы, или новейших по спецэффектам 3,4,...,п...D-блокбастеров до элитарных

← (так, средневековые университеты совместно контролировались монархической властью и господствующей церковью); ныне эстафету принял корпоративный капитал.

перформансов и психо-сексо-... и прочее...логических философских трактатов).

Сказанное есть ничто иное, как *выведение* (путем проведения подкрепленного обращением к практике теоретического исследования проблемы единственно возможного пути разрешения выделенного выше реального противоречия между капиталом и творческой деятельностью) следующего положения: для [превратной] капиталистической формы генезиса креатосферы характерно двоякое замещение: (1) креатосферы превратным сектором и (2) творца – «профессионалом».

Основа этого замещения в том, что характерные для современного буржуазного общества технологии (в том числе компьютерные, информационные) предполагают и воспроизводят господство превратных форм творческой деятельности.

Вследствие этого замещения господствующим пространством развития новых форм капитала и его гегемонии становится сфера «вторичных» и «третичных» производственных отношений и шире – *превратного (бесполезного) сектора*, где собственно и развиваются *par excellence* (по преимуществу. – *авт.*) и наиболее интенсивно современные (в том числе – симулятивные, часто имеющие виртуальный вид) формы рынка и капитала.

С точки зрения процессов генезиса творческой деятельности названное выше двоякое замещение означает очень важный сдвиг. Замещение креатосферы превратным сектором означает не только то, что сферы собственно творчества (образование, наука, искусство) вытесняются сферами, симулирующими творчество, но и то, что собственно творческие сферы, подчиняясь глобальному капиталу, превращаются в его функции и сами обретают симулятивные формы. Креатосфера, как и превратный сектор, начинает в определенной мере (последняя зависит от соотношения сил гегемонии и освобождения) превращаться в области создания виртуальных симулякров культуры (масскультура), ценностей (символическое потребление), знаний (образование как производство корпоративным капиталом «профессионалов», чьи качества детерминированы параметрами тотального рынка)... В результате разворачивается двоякий процесс: и (1) *постепенной экстенсивной экспансии превратного сектора, вытесняющего креатосферу, т.е. внешнего замещения креатосферы превратным сектором*, и (2) *интенсивного самовырождения креатосферы в превратный сектор, превращения имманентных для креатосферы практик (деятельностей, субъектов, пространств, результатов) в отрасли превратного сектора*¹.

¹ Л.А. Булавка, исследуя проблему творчества в условиях симулятивной реальности, отмечает следующую закономерность: «...индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества, которое все активнее вытесняется из всех сфер жизнедеятельности индивида засильем →

Именно таков глубинный политико-экономический и – шире – социофилософский – смысл типичных для современного этапа инволюции позднего капитализма процессов (1) сокращения пространств и роли фундаментального, развивающего личность образования, высокой культуры, добровольческой деятельности по рекреации общества и природы и их замещения коммерциализации и функциональным обучением профессионалов, масскультурой и т.п., а также (2) коммерциализации и бюрократизации образования, искусства, науки, социальной и природной рекреации и т.п.

Второй аспект названного выше «двоякого замещения» также требует некоторого комментария. *«Профессионал» становится субститутот homo creator'a в той мере, в какой происходит не только замещение креатосферы превратным сектором, но и в какой на место субъекта свободной универсальной всеобщей творческой деятельности приходит субъект преимущественно репродуктивного разделенного (частичного) интеллектуального труда, подчиненного в своих основных целях, мотивах и функциях внешней силе* (в данном случае – корпоративному капиталу).

Несколько подробнее эту связь можно выразить так: в той мере, в какой работник, осуществляющей интеллектуальную, требующую высокой квалификации деятельность (1) свободно и самостоятельно выбирает цели и механизмы своей деятельности, потребные для нее «ресурсы» (знания, культурные блага), а также круг лиц, с которыми он включается в диалог в процессе ее осуществления; (2) его ценности и мотивы связаны с самореализацией в процессе этой деятельности (труд есть стимул самого себя¹); (3) время этой деятельности есть свободное и ненормируемое, а сам труд (4) носит всеобщий универсальный характер

← технологизма разного рода, постепенно превращая его в функционера социальных, рыночных, политических институтов. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, они, как правило, оказываются во власти превратных форм. В любом случае, современный индивид связывает творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым, а вот превратные формы действительности, властвующие над ним, он воспринимает уже как некую трансценденцию, абсолютно неизменную во времени и пространстве» (Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2. С.102).

¹ Напомним: этот атрибут творческой деятельности выделяют многие исследователи, причем далеко не только зарубежные. В нашей стране этот аспект раскрыт весьма полно: от работ психологов, акцентировавших деятельностную природу личности через не раз уже упоминавшихся марксистов-«шестидесятников» (Г.С. Батищев, В.С. Библер, Н.С. Злобин, В.М. Межуев и др.), до работ авторов этих строк 1980-х годов и В. Иноземцева 1990-х. Последний, правда, необоснованно ограничивает *differentia specifica* творческой деятельности только этим ее свойством, оставляя в стороне все иные аспекты, раскрытые в работах его предшественников.

и имеет творческое содержание – в этой мере мы можем говорить о субъекте творческой деятельности.

В той мере, в какой субъект интеллектуального высококвалифицированного труда (1) работает в соответствии заданными извне целями, функциями, формами кооперации; (2) мотивирован внешними для творчества (прежде всего денежными и иными отчужденными) ценностями; (3) осуществляет свой труд в рабочее (отделенное от досуга) время, а труд его носит характер (4) репродуктивного и разделенного – в этой мере мы можем говорить о «профессионале» – подчиненном отчужденным силам [корпоративного капитала] субъекте.

Названное двойное замещение – важнейшее основание создания механизмов реального подчинения и разделения труда, в принципе не характерных для творческой деятельности.

Сказанное позволяет нам сделать еще один шаг по пути исследования отношений подчинения Человека капиталу и показать, что для современной эпохи характерно доминирование корпоративного капитала как не только финансового, но и *информационно-креативного*, так как информационная сфера становится доминирующей превратной формой креатосферы.

Тем самым скачок «по ту сторону материального производства» в условиях гегемонии корпоративного капитала оказывается началом движения в направлении *превращения информации в основную форму движения капитала* (инвестиционных, финансовых, маркетинговых и т.п. процессов). Особенно важно в данном случае то, что монополизация этой формы обеспечивает контроль за финансовым капиталом, а через контроль за финансовыми процессами – за движением капитала в целом и, следовательно, за функционированием всего материального производства, протекающего в капиталистической форме.

Оборотной (а скорее всего, напротив, «лицевой») стороной этого процесса является *монополизация корпоративным капиталом ключевых инноваций, нововведений и know-how* (как важнейших слагаемых конкурентоспособности товаров-вещей, товаров-услуг) и *информации* как товара в современном мире.

Во многом таким же образом современный корпоративный капитал подчиняет себе государство (или, точнее, срачивается с ним, ибо здесь трудно сказать, кому принадлежит больше власти – транснациональным корпорациям или национальным государственным институтам).

Национальные *государственные институты* также претерпевают существенные изменения. Все «стандартные» функции государства (института, защищающего волевыми, в том числе политическими и идеологическими, методами господство буржуазии; обеспечивающего определенный баланс классовых интересов и воспроизводство общества как целого; гарантирующего соблюдение институциональных правил функционирования буржуазной экономики, прав частной собственности и т.д.) во многом подчиняются этой новой функции.

Поскольку (1) на протяжении всего XX века, и особенно во второй его половине, государство осуществляло еще и функции регулирования экономики, и социума, а кроме того, (2) крупнейшие корпорации тоже способны частично регулировать рынок и социальную жизнь, постольку сращивание этих сил приводит к тому, что в условиях перехода к новому качеству экономики и общества *отношения и процессы, лежащие «по ту сторону собственно материального производства»*, также становятся объектом государственного регулирования.

В условиях генезиса креатосферы регулирующие функции не только корпораций, но и государства дополняются функциями *информационного обслуживания и контроля*. Эти функции сращиваются с информационным контролем корпораций, и эта объединенная власть является новым феноменом, характеризующим данный уровень гегемонии корпоративного капитала.

В результате всех этих процессов *соединение ростков нового реального подчинения не только труда, но и Человека капиталу с использованием новых механизмов формального подчинения создает предпосылки для сращивания элиты корпоративного капитала и элиты новаторов («профессионалов»), мультиплицируя власть капитала, как бы «перемножая» власть современного корпоративного капитала на «власть» творцов*. И если в прежние эпохи этот, в принципе известный феномен, был скорее исключением, чем правилом практик отчуждения в силу редкости и уникальности творческой деятельности, то в последние десятилетия, в связи с превращением «креативного класса» в массовой слой, производящий ключевые ресурсы обогащения капитала, эта мультипликация стала важнейшим слагаемым власти корпоративного капитала.

При этом, естественно, *гегемония капитала приводит к тому, что прогресс творческой деятельности и ее материальных факторов протекает в формах, наиболее адекватных не для свободной творческой деятельности, а для подчинения новаторских способностей капиталу*.

В результате *прогресс креативной деятельности уходит преимущественно в русло развития превратных форм творчества*:

- экспансию бесполезного сектора (в частности, превратных форм креатосферы);
- формирование узких специалистов (превратной формы универсально развивающегося homo creator'a), работающих преимущественно на заказ превратного сектора (финансового капитала, ВПК, массовой культуры и т.п.);
- превращение культурных ценностей в интеллектуальную собственность вследствие того, что капитал «надевает» на них превратную форму информационных товаров, находящихся в частной собственности крупнейших корпораций, и т.д.¹

¹ Позволим себе аналогию с поздним феодальным обществом, например Россией, где таланты и способности потенциальных буржуа-предпринимателей →

Что же касается собственно творческого труда в его действительном содержании, то *капитал здесь оказывается в двойственном положении.*

С одной стороны, он не может не развивать креативную деятельность, ибо нуждается в ее продуктах для повышения производительности труда, что дает возможность получать избыточную прибавочную стоимость, и создания всеобщего общественного богатства (научных, художественных, педагогических и т.п. новшеств, присвоение которых капиталом позволяет ему присваивать интеллектуальную (культурную) ренту.

С другой стороны, капитал не может содержательно подчинить себе этот труд.

В результате формируется система *переходных* отношений, где, с одной стороны, капитал стремится подчинить себе творчество формально и через «окольные пути» (мы о них писали выше, размышляя о трансформации свободного времени и т.п.), а с другой – вынужден идти на компромиссы, развивая не только прагматически-ориентированное и/или симулятивное, но и реальное фундаментальное образование, науку и т.п.

Подчинение капиталу Человека: заключительные ремарки

Развивая ростки новых механизмов формального и реального подчинения капиталу не только труда, но и человека, его творческих способностей, нынешняя эпоха дополняет их системой отношений **корпоративного доминирования** капитала над трудом и (шире) человеком.

Суть этого доминирования состоит в том, что *современный корпоративный монополистический капитал представляет собой* не просто предприятие, но как бы «административно-командную систему»¹ в миниатюре, в чем-то сходную с бюрократической подсистемой «реального социализма и включающую многие свойственные для такого типа систем каналы власти/подчинения. Это *закрытая и в определенной мере бюрократическая система.* Попав в нее, работник становится не столько свободным наемником, сколько членом закрытого «клана», дающего определенные привилегии, гарантии, защищающего от некоторых внешних воздействий и т.п., но вместе с тем требующего и определенных жертв, обязательств по отношению к системе (это особенно характерно для японских и других азиатских ТНК). Отношения управления, обретающие черты бюрократизма, также вносят свою лепту в систему подчинения работника как личности капиталу, в данном случае высту-

← утилизировались феодальной системой и служили ее укреплению. Можно предположить, что ныне так же утилизируются на пользу позднему капитализму таланты потенциальных свободных творцов-новаторов.

¹ Термин появился в статье Г. Попова «С точки зрения экономиста» (Наука и жизнь. 1987. № 4). В ней на основе отсылок к роману Александра Бека «Новое назначение» Г. Попов пытался свести сущность плановой экономики СССР к командным функциям административной системы.

пающего в принципиально чуждой для него, но свойственной для больших корпораций форме власти «бюро», канцелярии, формы.

Тем самым корпорация строится как сложная иерархическая система, целостно (в том числе административно-бюрократически) подчиняющая *личность* человека (а не только его рабочую силу) некоему безличному, внеличному механизму – административно-бюрократической власти. Подчеркнем: такой характер власти означает не столько ее неэффективность, сколько другие качества бюрократии – власть замкнутого безличного привилегированного слоя, обособленного от низов и реального процесса деятельности; при этом сам этот слой подчинен интересам сохранения господства и экспансии безличной машины в целом, над ним довлеют фетишизм формы, тенденции к доминированию вертикальной власти («я – начальник, ты – дурак») при постоянных болезнях ведомственности, коррупции etc.¹

И хотя всякая корпоративная структура постоянно борется с этим, затрачивая массу усилий и средств на создание эффективного менеджмента, в целом она остается *по сути* бюрократической системой, т.е. системой, основанной на отчуждении управления от труда (повторим: это отчуждение лишь отчасти, в переходных формах снимается для высших и средних служащих штаб-квартир ТНК, и некоторых современных производств (преимущественно в странах «золотого миллиарда»).

Этот подход авторов резко контрастирует с современными трактовками внутрикорпоративных отношений и систем управления в корпорациях. Большинство исследователей, пишущих о корпорациях эпохи генезиса информационного общества, акцентируют внимание на совершенно ином. Как правило, речь идет даже не о «революции управляющих» как новой (по сравнению с капиталом XIX века) эффективной управляющей силой-власти (это было характерно преимущественно для работ 1960-х гг.), а о новой роли интеллектуалов («меритократия»),

¹ Как мы уже отметили, анатомия бюрократизма как не просто относительно неэффективного управления, но определенного социального феномена (а именно – системы отношений, отчуждающих управление от трудящихся и превращающих его в монопольную функцию привилегированного, замкнутого и самовоспроизводящегося социального слоя, обособленного от реального трудового процесса), была раскрыта в работе, написанной нами в годы перестройки (см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма. М.: Знание, 1988). В ней мы воспроизвели основные элементы классической теории бюрократии Гегеля и Маркса и обобщили в меру сил важнейшие тенденции бюрократизма в СССР. Новая версия этого текста, учитывающая работы М. Вебера, Дж. Гэлбрейта, Э. Мандела и др. авторов содержится в книге А.В. Бузгалина «Переходная экономика» (М.: Таурус, 1994). Данная тема исследуется также в книге А.А. Ермоленко, В.П. Зыза и В.Ф. Лазовского «Бюрократизм в коллективном производстве» (Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1989).

профессионалов как относительно независимых от менеджмента, но принципиально важных для корпорации лиц; переходе от вертикально-иерархической к модульной организации труда и гипертекстовой – управления; снижении роли административных каналов власти и возрастании значения внутрикорпоративной культуры и традиций и т.п.

Как же объяснить это радикальное различие подходов?

Мы отнюдь не игнорируем названные выше новые тенденции, однако, на наш взгляд, большинство зарубежных авторов, пишущих на эту тему (мы уже упоминали работы таких ученых как Белл, Дракер, Кэннон, Тоффлер, Нэсбитт и мн. др.) и их российские последователи (В. Иноземцев прежде всего), по сути дела, во-первых, *выделяют лишь одну из многих тенденций*. Они акцентируют феномены, которые мы называли подрывом отношений подчинения труда капиталу в сферах управления и организации, развивающиеся по мере роста значения новаторских и предпринимательских способностей служащих среднего и высшего уровней.

Во-вторых, в качестве предмета анализа они берут *не столько факты и действительные отношения в корпорациях, сколько декларации о намерениях высшего руководства компаний и поучения из курсов менеджмента, модели управления и организации корпораций*.

Наконец, в-третьих, что особенно важно (и потому мы это повторяем), в качестве отношений внутри корпорации названные выше авторы рассматривают, как правило, модели управления служащими штаб-квартиры, а не всеми звеньями гигантских транснациональных корпоративных структур. О сети же клиентов и говорить не приходится.

В результате происходит *идеализация (приукрашивание) реальных внутрифирменных отношений*, подобная идеализации «социалистической организации управления». Эти тексты похожи на реалии корпоративного управления примерно в той же мере, в какой советская теория планирования была похожа на работу Госплана и министерств в СССР¹.

В результате бытия ТНК как административно-командной системы в миниатюре ее *наемный работник превращается еще и в служащего*

¹ Реальные механизмы жизни внутри штаб-квартир западных ТНК (именно как своего рода аналоги АКС советского типа) замечательно описаны нашим философом-диссидентом Александром Зиновьевым, о чем многократно (и что удивительно, в положительном аспекте) писала даже пролиберальная пресса (подробнее об этом в следующем разделе). Не менее впечатляющи и картины внутрикорпоративного подчинения человека иерархии, показанные в произведениях К. Воннегута. Несколько более идеализированными, но все равно крайне далекими от учебников по менеджменту, они представлены в романах А. Хейли (см.: *Hailey A. Wheels*. N.Y.: Doubleday & Company, 1971. Русский перевод: *Хейли А. Колеса*. М.: Прогресс, 1983. *Hailey A. Moneychangers*. N.Y.: Doubleday & Company, 1975. Русский перевод: *Хейли А. Менялы*. М.: Все для вас, 1993).

иерархической системы со всеми свойственными для нее специфическими законами, интересами и ценностями (от карьеризма до коррупции), в принципе не свойственными для «классического» индустриального наемного рабочего. Он подчиняется капиталу не только как частичный работник сложной системы технологически разделенного труда, но и как «винтик» *бюрократической системы*.

Вследствие названных причин «*профессионалы*» превращаются в слуг (если не крепостных-дворовых, иные из которых жили не хуже обедневших помещиков) *корпорации*. В этом смысле они становятся в некоторой мере (разной для разных работников разных корпораций) высокопоставленными рабами некой «*матрицы*» *корпоративных отношений*¹. В этом смысле они *подчиняются* даже не столько конкретной корпорации (хотя в условиях «пожизненного найма» или долгосрочных контрактов возможно и такое), сколько *корпоративному капиталу* как конкретно-всеобщему содержанию современного общества.

Более того, как «винтик» этого корпоративно организованного капитала-функции работник становится *трудоголиком*, *склонным к самэксплуатации* не столько вследствие творческого содержания труда, сколько вследствие своего подчинения этому капиталу-функции, превращения, если так можно выразиться, в ничтожно малое «*частичного капиталистика*» (причем не столько в своем качестве *собственника* своего человеческого и социального капитала или акций, сколько в качестве *элемента корпоративного капитала* как целого).

Последнее возникает при соединении этого превращения с (1) возможностью социально престижной творческой деятельности в рамках корпорации (например, работа в «Майкрософте», являвшаяся с конца XX века априори престижной для молодежи), дающей прогресс (2) не только рабочей силы, но и человеческого и социального «капитала» работника, плюс (3) участием в собственности данной корпорации, а также (4) современными методами управления для слоя «профессионалов» (т.е. меньшей части наемных работников пирамиды ТНК) – при интеграции всех этих параметров и создается новая мощная система мотивации к работе «профессионала» на благо фирмы и тем самым окончательного превращения его в «раба матрицы».

Материальным базисом массового развития такого типа работников и их административно-бюрократического подчинения капиталу становится отмеченный выше рост сферы трансакций, и прежде всего перемещение наиболее мощные корпоративных структур все более в сферу движения фиктивного капитала и управления им, а также других

¹ Содержательно эту тему начала раскрывать в своей успешно защищенной магистерской диссертации одна из наших учениц – М. Альбац, которая выдвинула гипотезу «*нового крепостничества*» в отношениях работников и хозяев корпорации. К сожалению, эта работа не была продолжена.

видов деятельности в сфере транзакций (от аудита и консалтинга до маркетинга и финансов).

Как таковая, корпоративная система воздействует на личность работника, создавая социальные, юридические, психологические, идеологические и т.п. механизмы подчинения работника иерархии. Здесь вновь проявляется тотальность гегемонии капитала, «экономический империализм» особого рода – использование неэкономических механизмов с целью усиления экономического подчинения. Это подчинение может осуществляться в тонких и «деликатных» формах, свойственных для системы «человеческих отношений», а может иметь вид тоталитарного по своей сущности подавления, широко использующего механизмы насилия (преимущественно в развивающихся странах).

Наконец, корпоративная система усложняет и «размывает» границу между капиталистом и наемным работником, «втягивая» последнего (как служащего управляющей иерархической системы) в частичное осуществление деятельности, свойственной для капитала-функции. Это неслучайно: как мы показали в I части, для «закатных» состояний экономических систем (а поздний капитализм относится именно к таким состояниям) диффузия «классических» отношений и структур является правилом, а не исключением, что и происходит в данном случае с отношением капиталиста и наемного работника. Так наемный работник, осуществляющий функции управления (даже на низшем уровне), встраивается корпорацией в деятельность по подчинению труда, порождая как бы самоподчинение и самоэксплуатацию (естественно, тоже частичную).

Корпоративная структура тем самым создает объективную видимость (превратную форму, скрывающую все описанные выше «пласты» гегемонии капитала) трансформации наемного работника в члена корпорации, связанного с другими работниками системой «контрактов» в рамках единой структуры. Так создается основа объективной видимости единства интересов, ценностей и т.п. работника-члена корпорации и капитала-корпорации. Это еще более подчиняет первого второму, тотально «растворяя» работника в корпорации и подчиняя его не столько отдельному капиталисту, сколько целому – корпоративной структуре (которая, как уже многократно отмечалось, в конечном счете фактически приватизирована корпоративно-капиталистической номенклатурой, контролирующей основные пучки прав собственности).

Включая работника-профессионала в иерархию корпоративной организации, капитал тем самым должен существенно видоизменять параметры воспроизводства товара рабочая сила, прежде всего способности к труду работника-новатора, являющегося в то же время и «рабом матрицы».

Эти изменения в принципе общеизвестны, но авторам важно показать, что эти феномены, фиксируемые как эмпирически данные многими исследователями, нами были выведены путем восхождения от абстрактного к конкретному в процессе исследования противоречий сущ-

ности реального подчинения человека корпоративному капиталу конца XX – начала XXI века. Это важно для нас, ибо подтверждает правомерность раскрытых выше теоретических гипотез. Более того, данное логическое выведение отражает объективный процесс воспроизводства таким капиталом нового типа работника, что доказывает: приведенные выше свойства есть прежде всего следствие нового этапа подчинения труда, а не «доброй воли» капитала (впрочем, не будем забывать и о таком факторе, как организованная борьба антикорпоративных, антигегемонистских сил).

Каковы же эти новые качества? Такой работник (*новатор и одновременно «раб матрицы»*) должен иметь (1) высокое образование; (2) определенную стабильность своей жизнедеятельности; вследствие этого (3) высокую продолжительность жизни и хорошее здоровье, а также (4) значительное нерабочее время для воспроизводства квалификации. ...Перечень легко продолжить.

Если эти параметры не обеспечиваются общедоступной социальной системой, их должен воспроизводить сам работник (семья). Отсюда, в частности, прямо вытекает *необходимость осуществления наемными работниками в массовых* (в меру массовости «профессионалов») *масштабах значительных* (достаточных для решения как минимум задач 1–4) *сбережений*, прямо связанных с названными параметрами воспроизводства качества человека как дорогостоящей рабочей силы и «винтика» капитала-функции. Тем самым *капитал сам вызывает к жизни массовые сбережения* (высших и средних слоев развитых стран) *и сам же их присваивает* (заметим: здесь авторы с новой стороны приходят к дополнительному обоснованию предложенной ими в начале раздела схемы производства и присвоения прибавочной стоимости в условиях развития массовых сбережений работников).

Такая модель воспроизводства работника-служащего (добавим сюда также закономерности воспроизводства «общества потребления») продуцирует формирование «*общества стариков*», где наряду с позитивным процессом значительного роста продолжительности жизни (для меньшинства граждан Земли), наблюдается и вытеснение всех сторон внекорпоративной жизни человека в период старости. Последняя, кстати, тем самым тоже превращается в «досуг» потребителя -клиента ...

Суммируем: в условиях позднего капитализма человек целостно подчиняется корпоративному капиталу, одновременно воспроизводя последний всей своей жизнедеятельностью. Основными каналами такого подчинения-воспроизводства становятся, во-первых, труд человека как не просто наемного работника, но и «раба матрицы» – трудоголика-профессионала, чьи новаторские качества и стремление к качественной деятельности подчинены и впитываются корпорацией, во-вторых, его бытие как клиента -потребителя и, в-третьих, аккумуляция его сбережений.

А теперь обратимся к давно откладывавшемуся вопросу о (*не?*) *подчинении капиталу внекорпоративной творческой деятельности* –

тех интеллектуалах, кто на первый взгляд самостоятельно (по контракту) работает на любого из представленных в сети потребителей, находясь в своем «электронном коттедже».

Развитие в конце XX века информационных технологий, гибких производственных систем, процессы миниатюризации и т.п. дали (по видимости) новый импульс для развития внекорпоративных систем организации труда (труд на дому, частичная занятость, job sharing и др.). С точки зрения большинства (но не всех¹) западных исследователей этого феномена и их российских последователей во всех этих случаях развиваются формы не подчиненного капиталу свободного интеллектуального труда.

Авторы же ниже постараются доказать, что на самом деле в большинстве случаев в эти формы камуфлируют обратный процесс: *рост реальной зависимости труда от капитала как целого* (конкретно-всеобщего), т.е. прогресс именно тотальной зависимости. Другое дело, что развертывается эта зависимость в камуфлирующих ее содержание формах и по зачастую малозаметным каналам.

Среди последних:

- отсутствие существенных гарантий социального обеспечения и, что особенно важно, *занятости* для лиц, работающих неполный день, по временному контракту, на дому и т.п.;

- увеличение вследствие этого не только нормы *эксплуатации*, но и *зависимости* такого работника как от отдельного работодателя, так и от капиталистической системы в целом;

- существенное ограничение возможности *самоорганизации* и коллективного противостояния гегемонии капитала;

- воспроизведение механизмов «рассеянной мануфактуры» на новом этапе, лишаящих работников преимуществ обобщественного труда, и не создающих коллективы (подобные фабрично-заводским), в которых развиваются отношения *солидарности*;

- интенсификация *конкуренции* между наемными работниками;

- «*очастничество*» не только труда, но и всех сторон социальной жизни работника, что приводит к еще большему подчинению человека тотальной власти не только капитала, но и рынка.

В результате формируется (этот тезис развивается в рамках концепции двойственной экономики – dual economy²) разделение трудящихся не

¹ Один из примеров критического анализа данных процессов – уже упоминавшаяся книга Дж. Рифкина «Конец работы» (*Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era. N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995*).

² Эта концепция впервые введена в работе: *Boeke J. Economics and Economic Policy of Dual Societies. N.Y.: Institute of Pacific Relations, 1953*. Затем она получила развитие в исследованиях многих экономистов, среди которых такие известные имена, как Гуннар Мюрдаль (*Myrdal G. Economic Theory and Under-developed Regions. L.: Gerald Duckworth & Co., 1957*). О признаках →

только в мире в целом, но и внутри развитых стран на «элиту» постоянно (а подчас и гарантированно) занятых служащих, срощенных с капиталом-корпорацией, и остальных наемных рабочих, попадающих (в силу отсутствия социальной защиты) в полурабскую зависимость от капитала.

Особенно важен в этом контексте переход к все более широкому использованию формы, которую мы в конце 1990-х гг. назвали «*постиндустриальной рассеянной мануфактурой*». Использование широко разрекламированной еще в работах Д.Белла формы «электронного коттеджа» создало видимость перехода в случае с постиндустриальным работником от формы наемного труда к форме труда по предоставлению услуг одним независимым товаропроизводителем (постиндустриальным работником) другому (корпорации). Эта видимость неслучайна: отношения наемного труда и капитал, по видимости, всегда были и остаются отношениями двух независимых товаровладельцев, что специально подчеркнуто К. Марксом. Но так же верно и то, что в сущности своей они были и остаются отношениями подчинения труда капиталу.

Другое дело, что форма этого подчинения может быть, была и будет для разных в технологическом и организационном отношении капиталистических предприятий. Мы неслучайно ниже уделили некоторое внимание напоминанию о теории формального и реального подчинения труда капиталу. Она «работает» во многих случаях, в том числе и в случае с «постиндустриальной рассеянной мануфактурой». В данном случае мы видим действительно имеющий место отход от отношений реального подчинения труда капиталу, типичных для индустриального

← двойственной экономики в развитых странах можно прочесть в работах: *Mishra R. Welfare State in Capitalist Society. Policies of Retrenchment and Maintenance in Europe, North America and Australia.* Toronto–Buffalo: University of Toronto Press, 1990. P.39–42; *Gilder G. Wealth and Poverty.* N.Y.: Basic Books, 1981. P.140–141; *Gordon D., Edwards M., Reich M. Segmented Work, Divided Workers.* Cambridge: Cambridge University Press, 1982; *Schram S. Words of Welfare. The Poverty of Social Science and Social Science of Poverty.* Minneapolis–L.: University of Minnesota Press, 1995. P.164–177; *Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era.* N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995. P.173–175. В. Льюис дал своеобразную интерпретацию данной концепции, представив модель развивающейся экономики, где происходит постоянный переток работников из отсталого традиционного сектора в современный капиталистический, благодаря чему обеспечивается экономический прогресс. См.: *Lewis W. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour* // Manchester School of Economic and Social Studies, XXII. May 1954). Поскольку эта модель рисует перспективы слаборазвитых стран в весьма благозвучном свете, то, несмотря на серьезную критику ее теоретических предпосылок и многочисленные эмпирические свидетельства об отсутствии в реальности эффектов, предсказываемых этой моделью, ее автор был удостоен Нобелевской премии, а сама модель вошла в мифологический арсенал экономического mainstream'a.

капитализма (фабрика, конвейерное производство). Но этот процесс не отменяет старых механизмов формального подчинения труда капиталу и добавляет новые механизмы тотального подчинения интеллектуального работника капиталу, описанные выше. Так что сравнение «электронного коттеджа» с рассеянной мануфактурой – это более чем аналогия. Это характеристика действительного сходства методолого-теоретической природы отношений подчинения труда капиталу.

Продолжим наш анализ. Система названных каналов подчинения человека капиталу, мультиплицированная развитием «общества профессионалов» (как, повторим, одной из превратных форм генезиса креатосферы), приводит к **разрушению «общества двух третей», размыванию «среднего класса»**. Образуется не только социальный слой («прото-класс»), персонифицирующий гегемонию корпоративного капитала («корпоративная номенклатура»), но и социальный слой («прото-класс»), непосредственно осуществляющий (прежде всего в превратном секторе) эту гегемонию («профессионалы» – новое качество капитала-функции)¹.

В целом эти два подразделения новой корпоративной буржуазии вкуче с интегрированными в эту систему интеллектуалами, превращенными в «человеческий капитал» и непосредственно обслуживающими гегемонию капитала в духовном производстве, плюс средняя и преуспевающая часть мелкой буржуазии образуют новую «высшую 1/3» (а где-то и меньше) общества развитых стран. Социальный статус, доходы и власть этой 1/3 активно растет (не только абсолютно, но и относительно) на протяжении последних 20–30 лет.

В противоположность этому собственно наемные работники (*потенциальные субъекты массовой общедоступной творческой деятельности – учителя и воспитатели, «рядовой» медицинский персонал, инженеры, рекреаторы общества и природы*) все более отстают от этой высшей части. Динамика их социального положения (отсутствие существенных положительных сдвигов на протяжении последних 30–40 лет при росте интенсивности труда) становится все ближе к положению нижней трети населения развитых стран.

В результате можно предположить, что *при сохранении этих тенденций в недалеком будущем развитые страны станут «обществами одной трети (четверти...)*», выкинув большинство своих граждан за порог «прогресса»².

¹ Выделение этих слоев проведено в соответствии с классическими марксистскими критериями, прежде всего местом в системе общественного разделения труда и системе производственных отношений.

² Формирование даже не «общества 1/3», а «общества 20%» (постиндустриальная система, где меньшинство занято высокоэффективным и высокооплачиваемым трудом профессионалов, большинство в лучшем случае осуществляет обслуживание жизнедеятельности этого меньшинства) описано в работах многих западных авторов и их российских коллег. Авторы в своих →

В результате в мире в целом складывается аморфный, но постоянно растущий *массовый слой лиц, «исключенных» из системы стабильных, институционально-гарантированных отношений труда и капитала – прекариат* (в некоторых случаях понятие «прекариат» переводится на русский как «отверженные», что, учитывая традиции перевода Виктора Гюго, даже ближе русскоязычному читателю)¹.

* * *

Завершая наш анализ подчинения капиталу Человека и креативной деятельности, гегемонии корпоративного капитала в сферах, лежащих «по ту сторону собственно материального производства» напомним, что *не* рассматриваемые в этом подразделе многие противоречия подчинения *индустриального* труда капиталу ныне «выносятся» в страны «Третьего» мира, где эти «старые» формы доминирования капитала до сих пор являются наиболее актуальными. В полной мере они актуальные и для большей части отраслей сервиса во всем мире, в том числе – в развитых странах. Более того, начинающаяся после Мирового экономического кризиса 2008–2010 годов волна реиндустриализации в ЕС и США может реактуализировать названные выше проблемы, расширив сферу материального производства этих стран, где никогда полностью не исчез традиционный индустриальный труд «обычного» наемного рабочего и его «обычное» формальное и реальное подчинение капиталу, описанные еще К. Марксом.

Наконец, не забудем и о том, что гегемония корпоративного капитала воспроизводит целый ряд как *бы «восстановленных» в новом качестве добуржуазных отношений отчуждения*. Последние не только включаются в систему отношений гегемонии корпоративного капитала, но и воспроизводятся параллельно с ним в странах «Третьего» мира и бывшей «Мировой социалистической системы».

Как мы писали выше, в развитых странах эти добуржуазные отношения зависимости (в частности, прямого подчинения творческого тру-

← работах уже давно обосновали отмеченную выше возможность и необходимость альтернативного решения этой дилеммы: движение к обществу, где 20% занято трудом в материальном производстве (сельское хозяйство, промышленность, строительство, транспорт) и сфере создания утилитарных услуг, а 80% – в креатосфере (образование, здравоохранение, искусство, наука, рекреация общества и природы и др. сферы). Подробнее об этом см.: Бузгалин А.В. Россия на пути в XXI век: проблемы выработки стратегии опережающего развития // Альтернативы. 1996. № 3.

¹ Прекариат – понятие, пока не имеющее устойчивого значения. Как правило под ним понимают весьма аморфный слой лиц, не имеющих стабильной занятости или, в более широком смысле, лиц, не имеющих стабильных оснований жизни, гарантий будущего (см.: Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism. L.-N.Y.: Verso, 2005; Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. L.-N.Y.: Bloomsbury Academic, 2011).

да и присвоения человека вместе с его творческими способностями) сохраняются (в снятом виде) через специфическую систему бюрократического контроля, административного подчинения в рамках государства и корпораций, а также в виде различных механизмов внеэкономического принуждения (например, психологического и идеологического давления на работников), систему патерналистской зависимости работников от корпораций и ее боссов. Тем самым возникает сложная система не только экономической, но и психологической, идеологической, социальной власти корпоративного капитала.

В результате развертывания всех этих процессов в условиях позднего капитализма происходит формирование своеобразных *транснациональных кланово-корпоративных группировок* («пирамид»), в которых осуществляется интернациональная эксплуатация человека, а не только наемного работника, отчуждение и подчинение капиталу его личностных качеств.

Итак, важнейшим источником создания своего рода «субститутов», позволяющих использовать в рамках прежней системы прогресс технологий в материальном производстве и, главное, процессы, лежащие «по ту сторону собственно материального производства», является гегемония корпоративного капитала, но не только она.

Своеобразной реакцией на процессы снятия буржуазных производственных отношений может быть сохранение в прежнем мире того, что Иштван Мессарош называет метаболизмом капитала. На основе разработок этого автора можно сделать вывод, что снятие буржуазных производственных отношений может не означать одномоментного снятия и всех остальных компонентов социальной жизни, характерных для этой системы¹. Последние включают, в частности, общественное разделение труда, специфически капиталистическую структуру производства и его макротехнологии, типы организации хозяйственных звеньев и их взаимодействия, структуру социальной жизни общества, модели и традиции поведения и т.п.

Все эти процессы, противоположные генезису освобождения труда, позволяют как бы реставрировать и поддерживать механизмы отчуждения в отношениях соединения работника со средствами производства.

Именно в силу развития названных выше механизмов гегемонии корпоративного капитала и сохранения его «метаболизма» проблема снятия отчуждения (и, в частности, эксплуатации) не может быть и не будет решена сама собой вне качественных, диалектических изменений системы нынешних социальных отношений (социальной революции), осуществляемых вполне определенными социальными силами (какими именно, это предмет другой работы), объективно заинтересованными в осуществлении таких изменений.

¹ См.: Mészáros I. Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. L.: Merlin Press, 1995.

Капитал способен до определенного предела развивать переходные формы, абсорбирующие развитие творческой деятельности, но сам по себе он никогда не изменится так, чтобы утратить свою власть, гегемонию. Такое изменение может быть осуществлено лишь противоположной капиталу общественной силой – этот фундаментальный вывод К. Маркса не устарел и в XXI веке.

ОТСТУПЛЕНИЕ I. ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
VS. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ:
КАПИТАЛ СТАНОВИТСЯ ИЗЛИШЕН?

Наш анализ пределов капитала в мире креатосферы начнем с простейшего тезиса: сама по себе характеристика формального и реального подчинения труда капиталу показывает, что с переходом к творческому по содержанию труду практически все компоненты формального и реального подчинения труда капиталу могут быть сняты.

* * *

В принципе хорошо известный (о чем мы не раз упоминали ранее) тезис об «излишности» капитала в мире креатосферы касается в первую очередь содержательных параметров: творческий труд лежит «по ту сторону» реального подчинения труда капиталу (напомним, оно связано с подчинением труда человека машине, с превращением работника в частичного, и тем самым с наличием капитала как той силы, которая соединяет машину и работника, присваивает рабочую силу, организует трудовой процесс и осуществляет функции управления как технологическими, так и экономическими процессами, присваивая в результате прибавочную стоимость). В той мере, в какой труд преодолевает границы индустриальной репродуктивной деятельности, становится творческим, взаимодействие его субъекта с другими субъектами, их кооперация (как во времени, так и в пространстве) содержательно не могут быть подчинены внешним силам. Это взаимодействие не подчинено силам материального производства и характерным для них механизмам кооперации, оно не подчинено и собственно силе капитала. Сама суть творческого процесса состоит в том, что поиск субъектов для взаимодействий и диалог с ними, равно как и определение круга используемых «средств производства» (например, информационных продуктов, используемых программистом или художественных образов, используемых писателем в своей работе) осуществляется самостоятельно творцом и не может навязываться свыше. Точнее, даже так: *в той мере, в какой «средства производства» творческой деятельности навязываются субъекту извне, его деятельность утрачивает творческий характер.*

Поэтому, собственно, реальное подчинение труда капиталу теряет свою основу. Остается лишь социально-экономическая форма, которая навязывает себя творческому по содержанию труду, не требующему, по своей сути, капитала.

Более того, *практически все функции, которые в условиях индустриального производства присваиваются капиталом, в условиях господства креатосферы могут осуществляться без капитала*, ибо в этом случае капитал не требуется ни как (1) та сила, которая обеспечивает соединение отдельных работников с целью создания крупномасштабных коопераций труда, ни как (2) та сила, которая позволяет организовать управление этим кооперативным трудовым процессом, не требуется капитал ни как (3) социальная форма, обеспечивающая [частичным] работникам возможность соединения со средствами производства.

Первое в мире культуры осуществляют сами субъекты творческой деятельности, ориентируясь на содержательные характеристики процесса со-творчества: круг творческих сотрудников лаборатории по идее должен формировать ее научный руководитель, исполнителей ролей в спектакле – режиссер и т.п. Другое дело, что существует проблема обеспечения творческой деятельности материальными предпосылками: ученым нужно оборудование, артистам – помещение и, едва ли не главное, что нужно и тем и другим в современном мире – деньги для финансирования проекта.

Вот здесь то и встает самый главный вопрос: какая общественная сила может и должна создавать эти предпосылки – капитал или общество (государство, НПО, международный фонд). Но это – подчеркнем – другой вопрос. Это вопрос о *предпосылках творческой деятельности*, тогда как в индустриальном производстве вопрос стоял иначе: *какая общественная сила – капитал или общество – необходимы как та сила, которая необходима для организации и осуществления совокупного трудового процесса.*

Позволим себе аналогию. Капитал в случае с творческой деятельностью есть одна из возможных (но уже устаревших) предпосылок, которые нужны для нормального течения процесса творчества, так же как частные феодальные дружины европейских баронов или герцогов могли быть одной из тех (устаревших) форм, которые гарантировали стабильность системы прав собственности капиталу еще в начале XIX века на территории, скажем, будущей Германии. Но *точно так же, как для нормального развития индустриального капитализма была необходима социализация насилия (создание единого правового государства), так же и для нормального развития со-творчества в мире креатосферы необходима социализация материальных факторов творчества (общественная организация материальных предпосылок научной и художественной деятельности, общедоступного образования и здравоохранения и т.п.).*

Впрочем, последнее уже поле столь жестких дискуссий, что здесь нужны не аналогии, а доказательства. К ним мы еще вернемся. Пока же зафиксируем вывод: при спорности вопроса о целесообразности ис-

пользования капитала как возможной предпосылки, создающей условия для творческой деятельности, теоретически доказанным можно считать *отсутствие необходимости в капитале как социально-экономической силы организации и осуществления творчества в условиях активного прогресса креатосферы как доминирующей сферы деятельности.*

Второе. Мы предположили, что капитал не нужен как сила, осуществляющая управление творческим процессом. Этот тезис едва ли не самоочевиден: кооперация в процессе со-творчества осуществляется по определению самими его субъектами на основе тех или иных форм самоорганизации при (или без – в зависимости от типа деятельности) помощи других творческих работников – профессиональных менеджеров. Это может быть относительно монолитный коллектив лаборатории, реализующей идеи на основе едва ли не авторитарного лидерства руководителя, а может быть и jazz-band, где «кооперация» в рамках jam-session строится на основе диалога импровизаций.

В любом случае, однако, это имманентная процессу со-творчества модель самоорганизации. Капитал здесь может функционировать лишь как внешняя сила («антрепренер»), которую можно привлекать исключительно для того, чтобы *продать* результат творчества, включив его в систему рыночных отношений. Следовательно, *в креатосфере капитал как субъект управления может быть востребован только в той мере, в какой существует рыночный механизм косвенного признания общественной необходимости результатов творческой деятельности.* Для содержания [со-]творческой деятельности это [внешнее] управление чуждо. И в этом качественное отличие креативного процесса от репродуктивной индустриальной кооперации, управление которой предполагает наличие некоторой внешней социально-экономической силы – силы собственника. Другое дело, что и в условиях индустриальной системы собственником может быть не только капитал – им может быть и коллектив работников, и государство, и иной общественный субъект.

Третье. Субъекты творческой деятельности в отличие от индустриальных рабочих не являются частичными, не способными к самостоятельному осуществлению производительного труда вне кооперации, заданной системой машин. Творческий работник может включиться в разные системы отношений со-творчества, он легко постоянно [само] обучается, включен в процесс повышения квалификации и переквалификации. Поэтому он *относительно автономен, его деятельность адекватна для систем подвижной, гибкой занятости.*

Этот вывод был сделан несколько десятилетий назад довольно широким кругом теоретиков постиндустриального общества¹. Более того,

¹ См., например, следующие работы, часть из которых мы упоминали ранее: Gouldner A. The Future Intellectuals and Rise of the New Class. N.Y., Toronto: Oxford University Press, 1979. P. 6, 48; Reich R. The Work of Nations: Preparing →

ряд из них (в России, в частности, активно ссылающийся на западных коллег В. Иноземцев) сделали на этой основе вполне правомерный вывод: творческий работник относительно независим от власти капитала как организующей процесс производства силы. Но они не сделали на этой основе едва ли не тавтологичный по содержанию, но резко отличный по форме вывод: *капитал излишен как сила, организующая кооперацию творческих личностей.*

Однако капитал может быть силой, внешне подчиняющей творцов. Впрочем, последний процесс происходил и может происходить практически во всех обществах, основанных на отчуждении. В них физически присваивались (и присваиваются) материальные носители культурных ценностей или даже творцы. Так, в добуржуазных формациях поэты и художники, ученые и воспитатели могли быть рабами или крепостными. В результате вся их деятельность формально присваивалась собственником данной личности (хотя реальное культурно-творческое бытие и этих людей, и созданных ими предметов культуры – будь то басни Эзопа или картины российских крепостных – с самого начала принадлежало и принадлежит креатосфере). Такого же рода присвоение может осуществляться в рамках азиатских деспотий или обществ, возникающих на стадии позднего капитализма, где как бы восстанавливаются в новых формах (ниже мы их определим как формы креативно-вещной зависимости) добуржуазные отношения присвоения личности человека собственником факторов производства.

Присвоение же материального носителя культурной ценности капиталом выступает, с точки зрения законов рынка, как гораздо более проблематичный процесс. Впрочем, это возможный результат, ибо формальное подчинение труда капиталу, будучи в принципе неадекватно материальному содержанию творческой деятельности, тем не менее может развиваться и развивается в условиях позднего капитализма в качестве «перенесенной» формы; оно не исчезает автоматически с развитием нового содержания деятельности работника.

Однако *с точки зрения формального подчинения творческой деятельности капиталу возникают возможности для его преодоления и снятия.* Они связаны с тем, что работник, выполняющий творческие функции, по своей природе способен выполнять и функции, характерные и для собственника (в частности, функции управления, о чем мы уже писали выше). Здесь наблюдается достаточно устойчивая связь: *чем*

← ourselves to 21th Century Capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992. PP. 98–99, 102–103; *Toffler A. The Third Wave.* N.Y.: Morrow, 1980. P. 222; *Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era.* N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995. P. 175; *Drucker P. Post-Capitalist Society.* N.Y.: Harpers Business, 1993. P. 6; *Drucker P. The Post-Capitalist World // The Public Interest.* 1992. № 109. P. 94.

более развит творческий, новаторский потенциал работников, тем в большей мере они способны к осуществлению функций управления как неотчужденной творческой деятельности.

Для креатосферы адекватным является снятие частной собственности, и переход к общественному управлению при осуществлении присвоения в процессе творческого диалога, распределения и определения культурных ценностей.

Такой процесс вообще приводит к *снятию отношений собственности* в их традиционном экономическом (связанным с экономической реализацией, присвоением дохода) понимании. В частности, снимаются проблемы спецификации прав собственности, защиты объектов собственности от «посягательств» других собственников; система экономических отношений, позволяющих присваивать богатства одним лицам (точнее, классам или социальным стратам) и отчуждать это богатство от других лиц (классов или социальных страт). Причина этого состоит по меньшей мере в том, что (1) целью любого создателя мира культуры является максимально широкое освоение другими созданных им благ, а не обособление их и (2) всеобщий, неотчуждаемый характер последних.

На место отношений отчуждения и присвоения приходят отношения со-творчества, а функции управления материальными ресурсами, которые являются предпосылкой производственного процесса, в этом случае вполне могут быть переданы ассоциированным работникам (сотворцам).

Выделенные выше три параметра, характеризующие капитал как форму, излишнюю с точки зрения процесса со-творчества, однако, не означают того, что, во-первых, снятие капиталистической формы не может произойти до торжества новых (постиндустриальных) технологий. Социально-экономическая форма капитала может быть снята и до того, как творческий труд станет господствующим, подобно тому, как сам капитал мог возникнуть и в ряде случаев возникал еще до того, как была завершена индустриализация. Теоретически правомерно и исторически достоверно зафиксировать: капитал первоначально возникает на базе доиндустриального общества, снимая феодальный способ соединения работника со средствами производства еще до того, как разовьется адекватный для капитала технологический способ производства (индустрия).

Используя эту методологию мы можем предположить, что «царство свободы» может начать развиваться в условиях господства преимущественно индустриальных технологий. Другое дело, что такое освобождение труда будет формальным и неустойчивым, равно как формальным и неустойчивым было подчинение труда капиталу на доиндустриальной стадии.

Во-вторых, развитие творческой по своему содержанию деятельности само по себе не приводит к автоматическому устранению капитала. Последний может сохраняться как внешняя и чуждая творчеству

форма на протяжении длительного исторического периода (наподобие феодальных форм переходного к индустриальному общества).

Прокомментируем это положение. Обеспечение творческого процесса деятельности внешними материальными факторами *может быть* и зачастую является в современном обществе функцией капитала. Но здесь примечательна именно эта формулировка: «может быть функцией и капитала». Капитал при этом может претендовать в результате лишь на то, что затраты, связанные с созданием материального носителя культурной ценности, будут компенсировать издержки самого капиталиста. Творческий процесс и его результат при этом ни с какой стороны теоретически не могут принадлежать собственнику материальных факторов творческой деятельности, ибо последние служат лишь предпосылкой, но не «ресурсом» творчества, о чем специально было сказано выше.

Другое дело, что капитал может превращать и превращает в свою частную собственность феномены культуры (они, напомним, по своей природе являются общедоступными всеобщими ценностями, «общественными благами»). В этом случае для работника, занятого творческой деятельностью, возможность использования этих благ будет сопряжена с необходимостью вступать в отношения зависимости от капитала. Эти отношения наследуют классическую эксплуатацию наемного работника и, как правило, имеют ту же социально-экономическую форму, но по содержанию они отличны от традиционной купли-продажи товара «рабочая сила». Мы бы их назвали (по аналогии с понятиями «личной зависимости» и «вещной зависимости») «креативно-вещной» (превращающей творчество, культуру в вещь, объект частной собственности и рыночных сделок) *зависимостью*.

Этот вид подчинения человеческих качеств (в данном случае – косвенного подчинения творческого потенциала личности) является сугубо *перенесенной социальной формой*, находящейся в конфликте с содержанием (природой) не только самой деятельности, но и личностных качеств, и качеств «факторов» деятельности. И творческое содержание деятельности, и природа феноменов культуры как общественных благ, и личностные качества, которыми должен обладать занимающийся творчеством человек – все эти параметры по своей природе не должны быть объектами частной собственности и капиталистического (основанного на покупке товарной формы) присвоения в силу их имманентных свойств как всеобщих, открытых диалогу феноменов.

Однако они становятся таковыми в условиях позднего капитализма вследствие целого ряда причин. Мы их рассматривали в предыдущих разделах книги и обратимся к их анализу в следующем подразделе, но прежде заметим, что *развитие тотальной гегемонии капитала, и в частности тотального рынка, позволяет подчинять им в принципе выходящие за пределы их власти области жизни, в частности культу-*

ру, творческие интенции человека и т.п., продуцируя креативно-вещную зависимость, там, где должна развиваться востребованная прогрессом креатосферы свободная индивидуальность. Эта инволюция по траектории сохранения капиталистических форм подчинения человека и творчества в постиндустриальную эпоху создает мощную глобальную угрозу исторического тупика, аналогичного тупикам, в которые зашли в индустриальную эпоху общества, основанные на личной зависимости. Впрочем, это тема последующих разделов нашей книги.

Отступление 2. Творчество
vs. ГЕГЕМОНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КАПИТАЛА:
ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА
КАК ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ БУДУЩЕГО

Возвращаясь к анализу отчуждения работника от средств производства в рамках марксистской парадигмы, мы можем зафиксировать, что развитие творческого содержания труда усиливает, делает еще более интенсивным противоречие, лежащее в основе буржуазного общества. Подчиняя себе Человека, и в частности его творческую деятельность, поздний капитализм обретает новое противоречие – противоречие человека и капитала. Это не только противоположность общественных (по своей технологической природе) средств производства и частнокапиталистической формы присвоения, но и противоречие растущего потенциала свободной творческой деятельности работников, развития личностных качеств Человека (как родового существа), с одной стороны, и глобальной гегемонии капитала, стремящегося подчинить себе даже личность человека – с другой.

Но кроме названного взаимоотрицания важно также отметить, что оба полюса этого противоречия взаимозависимы, диалектически едины. Капитал для своего прогресса должен развивать творческий потенциал человека, а это развитие, в свою очередь, в современном мире отчуждения протекает преимущественно в превратной форме капитала и посредством отношений его гегемонии. Последнее характерно для современной эпохи в той мере, в какой человечеству не удалось добиться (хотя бы в отдельных «оазисах», хотя бы частично) освобождения труда.

Данная диалектика вместе с тем выражает в современной, наиболее развитой к настоящему времени форме и **фундаментальное противоречие «царства необходимости»**. Это противоречие между родовой сущностью человека, заключенной в его способности к свободно-творческой деятельности (ныне эти сущностные способности могут быть практически реализованы для большинства людей вследствие развития производительных сил, самого Человека) и отчуждением (развившемся до глобальной гегемонии капитала).

Причина этого антагонизма в том, что прогресс творческого труда в этих условиях возможен лишь в неадекватных превратных формах, которые замедляют этот прогресс, снижают его социальную, гуманистическую результативность и/или уводят в тупиковое с социально-исторической и культурной точек зрения русло (об этом ниже).

Однако, как мы уже отметили выше, *автоматическое снятие противоречий частнокапиталистического присвоения по мере развития творческого содержания труда невозможно*. И в этом мы радикально расходимся с теми исследователями, кто как бы автоматически дает противоположный ответ на этот вопрос, даже не ставя его: эксплуатация, на их взгляд, снимается как бы сама собой по мере развития творческого содержания труда.

В других случаях акцент делается на развитии информационных технологий. В последнем случае, по видимости, автоматически происходит преодоление отчуждения работника от средств производства. В самом деле, каждый из субъектов деятельности в рамках информационного общества потенциально способен быть собственником компьютера и минимальных ресурсов, необходимых для включения в информационные сети, преодолевая тем самым, на первый взгляд, отчуждение от средств производства.

Действительно, саморазвитие человека в творческой деятельности как ее результат, равно как и такие процессы, как индивидуализация средств производства, их непосредственная «сращенность» с субъектом творческого труда и т.д., становятся важными предпосылками для преодоления реального подчинения труда капиталу и границ частной собственности.

Однако такого рода идеи как бы автоматического преодоления противоречий капиталистического общества не учитывают целого ряда проблем, которые, как правило, подчеркиваются в марксистской теории и которые следует специально выделить. На пути «автоматического» снятия эксплуатации по мере развития творческого содержания труда стоит система производственных отношений, генерирующая, как уже было сказано, *новые механизмы формального подчинения труда капиталу, свойственные отношениям позднего капитализма в креатосфере*. Капитал, оставаясь господствующей социально-экономической формой, а частная собственность – формой, адекватной для капитала, сохраняют возможность присвоения материальных носителей творческой деятельности плюс воспроизводят превратные формы процессов творческой деятельности и превратные формы культурных ценностей. Все они могут быть присваиваемы и присваиваются капиталом, сохраняя отношения частной собственности в их современных формах.

Но во всех этих случаях капитал создает *искусственные* границы для доступа к предметному миру культуры, культурным благам (напомним, эти границы искусственны, ибо культурные блага являются

всеобщими и в этом смысле неограниченными ресурсами, о чем мы уже размышляли, характеризуя искусственные границы, создаваемые рынком в процессе развития творческого труда). Частная собственность и корпоративный капитал воспроизводят такие искусственные границы, важнейшей из которых является частная собственность на интеллектуальные ресурсы, know-how и т.д. Эти границы тормозят развитие процессов, лежащих «по ту сторону материального производства», в сфере свободного функционирования творческой деятельности, свободного обмена культурными ценностями. *Поэтому капитал как социально-экономический тормоз развития креатосферы должен быть снят в процессе перехода к «царству свободы».*

Какими же могут быть *отношения присвоения, снимающие в новом качестве отношений «царства свободы» противоречия современной системы*, где отчуждение работников от средств производства вступает в конфликт с развитием креатосферы?

Мы можем проследить лишь некоторые тенденции генезиса новых отношений присвоения, которые следует, пожалуй, квалифицировать как процесс освобождения труда, где присвоение материальных факторов выступает лишь как предпосылка собственно свободной человеческой деятельности. Естественно, термин «освобождение» является достаточно пустым и требует своего содержательного наполнения.

Базируясь на анализе предпосылок будущего общества, связанных с генезисом «царства свободы», а также реальных ростков массового социального творчества, существующих в современном мире, мы можем построить гипотезу содержания такого феномена, как *освобождение труда*. Оно должно стать *важнейшим социальным отношением, базирующимся на развитии креатосферы и обеспечивающим ее генезис и развитие.*

Освобождение труда приходит на смену внеэкономическому государственно-корпоративному принуждению и капиталистической эксплуатации. И здесь новому обществу придется пройти длинную дорогу, прежде всего завершив решение буржуазных задач обеспечения каждого «негативной» свободой, свободой от юридического неравноправия, личной зависимости, бюрократического и иного внеэкономического подчинения человека.

Но генезис собственно свободного труда начнется с развития «позитивной» свободы¹, когда перед трудящимися встает задача не просто «экспроприировать экспроприаторов» и перераспределить доходы, но и самим по-новому организовать производство, *на деле стать хозяе-*

¹ Напомним, что авторская интерпретация этих положений представлена в тексте: Бузалин А.В. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 80–168.

вами экономической и общественной жизни. А для этого надо «вырастить» сложную систему отношений, обеспечивающую свободное, совместное, равное распоряжение общим достоянием и его присвоение.

Как именно практически может развиваться эта система отношений, преодолевающая отчуждение труда, его результатов, управления, может показать только опыт созидания, «выращивания» этих новых отношений объединенными трудящимися. Придумывать сейчас детали этих механизмов бессмысленно. Однако у нас есть некоторые историко-эмпирические основания для того, чтобы выделить основные тенденции генезиса этих новых отношений. Эти основания нам дает, во-первых, анализ противоречий первых практических шагов освобождения труда – ростков социальной справедливости и общественного самоуправления в нашей стране, коллективизма и энтузиазма строителей новых городов, «физиков и лириков», покорителей космоса и сибирских рек; опыта отечественных и зарубежных коллективных предприятий; практики развития неправительственных организаций и социальных движений и т.п.¹ Во-вторых, критическое освоение предшествующей теоретической работы ученых социалистической ориентации. В-третьих, таким основанием может быть и развернутая выше картина объективных тенденций снятия отношений отчуждения.

Как такой, развертывающийся снизу, во времени и пространстве, **процесс освобождения труда предполагает** формирование:

- «собственности каждого на все» в креатосфере;
- системы отношений самоуправления (на предприятии, в регионе, национальном и наднациональном уровнях), объединяющих граждан в свободные добровольные открытые работающие ассоциации и позволяющих гражданам на деле участвовать в принятии решений;
- отношений свободного соединения ассоциированных граждан со средствами производства.

Последнее, в свою очередь, предполагает (1) господство общественных форм собственности, создающих волевые (в том числе – правовые) предпосылки концентрации основных прав собственности в руках ассоциаций трудящихся; (2) возможность ассоциированного присвоения, равнодоступность средств производства, в частности гарантированную занятость при свободе выбора сферы, места приложения своих способностей, возможности обучения и переобучения и т.п., т.е. труд по способностям; (3) гарантированное присвоение необходимого продукта (на основе распределения по труду и/или – для общедоступных, неограниченных благ – по потребностям) и общественное присвоение материального прибавочного продукта (при общедоступности культурных благ), используемого на создание предпосылок прогресса креатосферы (прежде

¹ Ховард М. Самоуправление, развитие и денежные трансферты // Альтернативы. 2011. № 4.

всего свободного гармоничного развития человека, в частности путем развития общественных фондов потребления в таких областях, как образование, здравоохранение, охрана природы, обеспечение достойной жизни нетрудоспособным и т.п.); (4) общедоступность и открытость пространства творческой деятельности, предметного мира культуры, возможностей обучения и переквалификации (в частности, бесплатность информации, образования и т.п.).

Однако все это не более чем «*формальное*» (касающееся лишь социально-экономической формы труда – производственных отношений) *освобождение труда*.

Оно неизбежно будет сосуществовать с отношениями отчуждения труда, элементами частной собственности и т.п. в той мере, в какой (абстрагируясь от политических, международных и т.п. условий) над человеком по-прежнему господствуют общественное разделение труда, репродуктивный индустриальный (или, тем более, ручной) труд.

Реально (содержательно) свободными человек и его труд становятся лишь в той мере, в какой последний, по содержанию превращается в творческую деятельность, созидание мира культуры – новых технологий и хорошего настроения мальчишек, и девчонок в детском саду; произведений искусства и доброго здоровья граждан, людей как творцов и времени их жизнедеятельности как свободного...

И в той мере, в какой *такой* труд станет доминирующим, – в этой мере начнут укрепляться *новые ценности, новые стимулы*, а значит, и *новые отношения воспроизводства*, к анализу которых мы и перейдем ниже.

глава 2 Контрапункты воспроизводства глобального капитала

Этот раздел поневоле будет одним из самых коротких и беглых в книге: авторы не завершили разработку этого блока проблем и потому предлагают читателю некоторые тезисы, характеризующие гипотезы, еще не прошедшие проверку временем и лишь в самых главных вопросах сопряженные с тем поистине безграничным морем источников, которые исследовали, исследуют и будут исследовать проблемы роста, накопления, инфляции, безработицы, кризисов и т.п. С точки зрения профессионала-перфекциониста такой текст нельзя представлять читателю. Однако мы рискнули пойти на этот шаг с тем, чтобы показать возможную целостность нашего исследования пролегомен системы категорий, раскрывающих содержание гегемонии глобального капитала.

Воспроизводство в условиях позднего капитализма: новое качество всеобщего закона капиталистического накопления

В I томе книги мы показали, что производственные отношения любой конкретной экономической системы, и в частности позднего капитализма, равно как и мира экономической необходимости в целом, отнюдь не исчерпываются соединением работника со средствами производства и предшествующими ему отношениями координации (связи производителя с потребителем). Они предполагают сложный комплекс других отношений, где главенствующее место занимают **отношения воспроизводства**, которые соединяют в едином процессе все сущностные производственные отношения, характерные для определенной общественной системы.

Поэтому мы продолжим наш анализ некоторыми ремарками, связанными со спецификой этих отношений в условиях рождения креатосферы. Именно здесь, как мы заметили, надо было бы дать наиболее комплексный анализ процессов снятия отчуждения, но авторы вынуждены в данном случае ограничиться лишь некоторыми тезисами.

Начнем с принципиально важного методологического положения: *теория воспроизводства отношений позднего капитализма имеет существенно более сложную, богатую структуру, нежели теория воспроизводства классического капитализма, представленная в «Капитале»* (которая, кстати, тоже отнюдь не проста). Теория воспроизводства позднего капитализма включает, в частности, несколько дополнительных (по сравнению с «классической») уровней, а именно:

- специфические закономерности «заката» этой системы, что предполагает не только воспроизводство отношений самой системы, но и генезис и воспроизводство внутри старой (капиталистической) системы отношений *новой* (посткапиталистической);

- воспроизводство отношений «заката» не только капитала, но и «царства необходимости» в целом, равно как и ростков не только посткапиталистических отношений, но и «царства свободы»;

- неадекватность материальной базы этого воспроизводства природе отношений капитала вследствие рождения ростков креатосферы.

Все эти три параметра существенно усложняют проблему воспроизводства позднего капитализма, где каждый традиционный для данного круга вопрос (например, качество роста или источники накопления) требует анализа как минимум по всем этим трем параметрам.

Применим этот подход к проблеме воспроизводства производственных отношений, производственной структуры позднего капитализма, а также проблем роста и кризисов.

«Закат» капитализма и «царства необходимости»: трансформации воспроизводства производственных отношений

Как известно, одной из фундаментальных отличительных особенностей «Капитала» К. Маркса является то, что в нем проблемы экономической динамики исследуются в первую очередь содержательно – как воспроизводство производственных отношений, характерный для него закон накопления, обусловленные этим закономерности занятости и т.д. Структура воспроизводства рассматривается лишь во II томе «Капитала», а проблеме темпов роста и функциональным зависимостям различных его параметров уделено вообще минимальное внимание.

Начиная с XX века практически все немарксистские направления экономической теории (а со второй половины XX века и большинство марксистов) поступают иначе, уделяя главное внимание проблемам количественным, на все лады моделируя темпы роста ВВП, динамику инфляции, безработицы, денежной массы и т.п., а также их функциональные взаимозависимости. Авторы этой работы и в этом разделе вопреки господствующим в современной науке установкам пойдут, как было сказано в заглавии одной из наших книг, «другим путем»¹ и поставят во главу угла проблемы воспроизводства производственных отношений и закон накопления в их позднекапиталистической специфике.

Если в «Капитале» Маркс в данном разделе показал, как отношения простого товарного производства превращаются в отношения капита-

¹ Мы имеем в виду нашу работу «Мы пойдем другим путем. От “капитализма Юрского периода” к России будущего» (М.: Яуза, Эксмо, 2009).

листического присвоения¹, то мы можем если не раскрыть и обосновать, то хотя бы выделить новую закономерность, связывающую воедино обоснованные выше тренды инволюции глобальной гегемонии капитала.

Напомним, что всеобщий закон капиталистического накопления фиксировал, что рост концентрации и централизации капитала означает одновременно, что «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»². Маркс добавляет: «...По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»³.

В I томе нашей книги мы уже отметили, что последнее столетие продемонстрировало наличие значимых *контртенденций*. Именно их наличие и призван объяснить закон накопления капитала эпохи «заката» не только капитализма, но и «царства необходимости». Суммировав уже раскрытые нами выше закономерности двоякого «заката» (капитализма и «царства необходимости») мы можем показать, что наряду с воспроизводством собственно капиталистических производственных отношений и характерного для них процесса накопления капитального богатства в руках все более сложных форм капитала – на одном полюсе, и воспроизводства наемного работника как собственника только своей рабочей силы – на другом, происходят и иные процессы.

Первый – *превращение процесса накопления капитала в процесс экстенсивного и интензивного расширенного воспроизводства его гегемонии.*

Экстенсивное расширенное воспроизводство гегемонии корпоративного капитала идет путем выхода процесса накопления капитала за границы собственно экономического мира и включение в него сфер, лежащих «по ту сторону» производства материальных благ и утилитар-

¹ «Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере мы должны были принять это допущение, так как друг другу противостоят лишь равноправные товаровладельцы, причем средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего – невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество». Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 597.

² Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 660.

³ Там же.

ных услуг. Источником, участником и результатом воспроизводства капитала в современном мире становятся не только такие неэкономические сферы как внешняя и внутренняя политика (это было и раньше), но и большая часть креатосферы и Человек как его главный актер, а также формируемый и расширенно воспроизводимый этой экспансией превратный сектор, мир симулякров.

Интенсивное расширенное воспроизводство гегемонии корпоративного капитала осуществляется за счет постоянного качественного изменения механизмов гегемонии. Этот процесс принципиально многообразен. Он включает новые формы и методы (1) создания «полей зависимости» (рыночной власти) и унии с национальным государством и транснациональными институтами, (2) интенсификации процессов финансиализации и каналов финансовой власти, (3) формального и реального подчинения труда и Человека капиталу и т.п.

Поскольку к характеристике всех этих процессов мы уже не раз обращались выше, постольку сделаем шаг вперед и посмотрим, *как отношения воспроизводства трансформируются под воздействием качественных изменений в содержании труда, происходящих вследствие генезиса креатосферы*, что обусловлено началом процесса трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» и характерно для современного этапа «заката» позднего капитализма. Это **второй** процесс трансформаций отношений накопления.

Он обусловлен тем, что только что акцентированный прогресс производительных сил, генезис креатосферы и, особенно, все более широкое использование интеллектуального труда (а позднее творческой деятельности) как массового типа наемного труда приводит к изменению качества как капитала, так и – что особенно важно – работника. Все это существенно видоизменяет закономерности накопления. И дело здесь отнюдь не сводится к возрастанию стоимости рабочей силы. Закономерностью, привносимой новым содержанием труда, становится диффузия процессов воспроизводства капитала и труда, в результате которой *капитал отчасти непосредственно становится субъектом воспроизводства нового типа работника, а работник – накопления капитала*. Образно это можно выразить как свойственную для периода «заката» капитализма тенденцию формирования «капиталоподобного» [занятого высоквалифицированным трудом] работника и «трудоподобного» капитала¹.

Возможность данного превращения создается охарактеризованными выше трансформациями содержания труда и качества наемного работника, который из собственника исключительно рабочей силы пре-

¹ Подчеркнем: это лишь одна из тенденций. еще более значима другая: отрыв капитала от труда по созданию полезных (с точки зрения задач прогресса Человека) результатов и экспансия превратного (бесполезного) сектора.

вращается и в собственника капитальных ресурсов, типичных для мира креатосферы – знаний и умений профессионала плюс личностного потенциала креативного работника. И то и другое отлично от качеств рабочей силы, ибо (1) в отличие от рабочей силы неотчуждаемо (в виде продаваемого товара) от личности особенного работника и (2) может накапливаться и инвестироваться аналогично другим капитальным ресурсам.

Оба этих тезиса мы аргументировали в Прелюдии и развили в предыдущей части, где показали, что всеобщий труд, субъектом которого является homo creator, неотчуждаем от личности творца и подобен капиталу (который, как известно, способен «производить» [при помощи эксплуатации] из денег еще большие деньги, т.е. всеобщее богатство) в своей роли созидателя культуры, т.е. подлинного всеобщего богатства, которое может иметь и форму капитала¹. *Творческий труд способен непосредственно (не опосредуясь капиталом) осуществлять самовозрастание всеобщего богатства. Поскольку последнее в условиях товарного мира обретает денежную форму, постольку творческий труд способен непосредственно осуществлять самовозрастание денег.*

Это не опосредованное капиталом самовозрастание возможно, однако, только в том случае, если ценности культуры (основные «средства производства» творческой деятельности) находятся во всеобщей собственности (открытом доступе). В противном случае (в случае, если собственность на интеллектуальные ресурсы находится преимущественно в руках капитала) субъект творческой деятельности не сможет соединиться с ними в процессе производства. Последнее еще раз показывает, почему столь важна для капитала частная интеллектуальная собственность. Она выступает в качестве барьера на пути реализации креатором (индивидуальным или коллективным – в данном случае не так важно) возможности самостоятельного, внекапиталистического воспроизводства всеобщего общественного богатства.

Вернемся к воспроизводству капитала. Необходимость названной трансформации отношений накопления обусловлена пределами классической (покоящейся на индустриальном базисе) системы отношений накопления капитала, адекватно описанной Марксом в его великом труде. Выход за пределы перенакопления капитала, достигнутые уже к концу XIX века, был возможен на пути либо (1) внешней экспансии, либо (2) революционного перехода к посткапиталистическим отношениям, либо (3) освоения нового (переходного к посткапиталистическому) типа отношений накопления, использующих качественно новый тип ресурсов.

Эпоха империализма со свойственным ей исчерпанием пределов колониального раздела мира и переходом к его переделу (чего стоит

¹ Как мы показали выше, это служит основанием для теорий «человеческого капитала», которые отражают это в виде превратной формы, фиксирующей видимость процесса – «капиталоподобие» нового типа работника.

одна Первая мировая война!) показала, что первый путь был использован капиталом в полной мере. Более того, непрекращающаяся пандемия насилия (о ней ниже) показывает, что он продолжает использоваться и ныне. Возникновение в XX веке «Мировой социалистической системы» показало – при всех мутациях этого процесса – что второй путь стал реальностью в 1/3 стран мира и продолжает оставаться реальностью (хотя бы как интенция ряда стран и общественных сил) и в нынешнем столетии. Однако наиболее типичным для последних десятилетий оказался третий путь и потому именно его мы исследуем ниже.

Итак, перед нами стоит проблема диффузии процессов воспроизводства капитала и труда. Эта диффузия *двусторонняя*.

С одной стороны, *капитал* [наряду с самим работником] *становится непосредственным агентом воспроизводства работника, его профессиональных и личностных качеств*. Причина этого в том, что прогресс содержания труда (в том числе генезис креатосферы) обуславливает необходимость массового использования капиталом профессиональных и, в несколько меньшей мере, креативных работников, а также его заинтересованность в формировании и последующем использовании именно такого труда, что заставляет капитал инвестировать в развитие «человеческого капитала» фирмы (повышение квалификации, кредиты на образование и мн. др.). Подчеркнем еще раз – речь в данном случае идет не о простой массовой однокачественной *рабочей силе* индустриального производства, а о профессионале-*работнике*, обладающем определенным неотчуждаемым личностным потенциалом («человеческим капиталом»). В пределе же, когда капитал включается в воспроизводство креативного работника, речь идет о воспроизводстве и своеобразных личностных качеств индивидов.

Эту функцию субъекта, участвующего в воспроизводстве наемного работника-профессионала (и тем более креатора) капитал выполняет двояко. Он это осуществляет и как (1) *особенный капитал*, и как (2) *капитал-конкретно-всеобщее капиталистической экономики*.

В первом случае особенный капитал, имеющий вид корпорации или иного института, вкладывает ресурсы, предназначенные для расширенного воспроизводства, не только в денежные и материальные активы, но и в развитие профессионального и креативного потенциала работников. Этот процесс имеет массу конкретных и хорошо исследованных форм: кредиты, гранты, стипендии для обучения будущих работников, оплата повышения квалификации и переквалификации и мн. др.

Во втором случае капитал действует как единая общественная сила, представленная, в частности, государством, реализующим в данном своем качестве единый классовый интерес капитала. Как таковой он использует (через налоги и расходы из государственного бюджета) часть совокупной прибыли, а также заработной платы на обеспечение условий расширенного воспроизводства личностных качеств работника-про-

фессионала и работника-креатора Это опять же хорошо известные вложения в образование, здравоохранение и т.п. (оплачиваемое государством базовое образование плюс стипендии, гранты и т.п. для особо талантливой молодежи и др.). Последнее создает условия для получения каждым из субъектов капиталистического накопления (каждой из фирм) лишь косвенно и частично оплаченного им (субъектом накопления, капиталом) источника дальнейшего накопления – высококвалифицированного (или даже креативного) работника.

Существенно, что этот источник накопления лишь частично финансируется из прибыли капитала, ибо значительную долю бюджета буржуазного государства составляют налоги на наемных работников (в том числе т.н. «средний класс») плюс поступления от использования общенациональных ресурсов (типичный пример – природная рента). Последнее означает, что источником такого финансирования являются и заработная плата «обычных» наемных рабочих, и доходы «профессионалов», и общенациональные ресурсы. Впрочем, сразу оговорим пункт, к которому мы еще вернемся: общенациональные системы общественного и бесплатного для пользователя образования, здравоохранения и т.п. играют *и* иную – социально-перераспределительную – роль. Но об этом позже.

Продолжим. Другой стороной диффузии процесса воспроизводства капитала и наемного труда становится *превращение доходов наемного работника в источник накопления капитала*. Возможность данного превращения обусловлена охарактеризованным выше превращением наемного работника из собственника исключительно рабочей силы в собственника и капитальных ресурсов, типичных для мира креатосферы – знаний и умений профессионала и личностного потенциала креативного работника. Последнее и обуславливает «капиталоподобие» нового типа работника. В результате *новый тип наемного работника становится одним из субъектов накопления капитала*. Конкретные формы такого процесса хорошо известны и уже были описаны нами выше. Это, напомним, сложная система сбережений и инвестиций данных лиц в пенсионные, инвестиционные и т.п. фонды, а также их потребительские кредиты, создающие один из основных источников современного накопления капитала.

Вопрос о массовом потребительском кредите требует пояснения. Как известно, уровень доходов высококвалифицированного наемного работника должен быть достаточным, чтобы обеспечивать ему возможность долгосрочных вложений в развитие своих личностных качеств и семьи (образование, долголетие, хорошее жилье, потребительские товары длительного пользования...). Эти вложения могут осуществляться в двух формах: (1) страховок, сбережений, инвестиций наемного работника, т.е. его вложений в те или иные институты капитала и (2) получения от этих институтов потребительских кредитов (ипотека, кредиты

на образование, лечение и т.п.)¹. При всей противоположности этих процессов наемный работник в обоих случаях становится непосредственным субъектом накопления капитала.

Что же касается вопроса о включении в процесс накопления капитала описанного выше слоя «независимых» креативных работников – т.н. «фрилансеров», то здесь как раз особых тайн нет: они в него включаются так же, как и любые другие представители классического слоя капиталистической экономики: индивидуальных (семейных) предпринимателей, выступающих одновременно и работниками, и собственниками средств производства («капитала»). Особенность состоит в данном случае в том, что главными «средствами производства» («капиталом») фрилансера выступает его собственный потенциал креативного работника.

Итак, исходным пунктом включения наемного работника нового типа в процесс накопления является необходимость и возможность средне- и долгосрочной аккумуляции им капитальных ресурсов (в виде получаемых ими кредитов и/или инвестируемых ими сбережений). Необходимость такой аккумуляции нами уже показана выше: без накопления (или займа) ресурсов на ряд лет воспроизводство (тем более расширенное) работника-профессионала невозможно. Возможность этой аккумуляции создается не только относительно высокой заработной платой такого работника, но и частичным участием в этом процессе капитала. Последнее, опять же напомним, осуществляется капиталом как непосредственно (в форме кредитов, стипендий, расходов на обучение и т.п., механизмов, используемых особенной корпорацией), так и опосредовано (через трансферты капиталистического государства на эти же цели).

Описанная двоякая диффузия, характерная для отношений накопления в условиях позднего капитализма, не исчерпывает, однако, всей специфики этого процесса. «Закат» капитализма и «царства необходимости» вызывает к жизни не только существенные изменения в содержании труда, но и развитие переходных производственных отношений, в которых противоречиво соединяются отношения капиталистического накопления и элементы генезиса новых, посткапиталистических отношений.

Этим обусловлен *третий* процесс трансформации отношений воспроизводства в условиях позднего капитализма. Он хорошо знаком читателю и описан нами в Прелюдии ко II тому в связи с характеристикой перехода от империалистического к социал-реформистскому этапу э[ин]волюции позднего капитализма. Суть этого процесса состоит в том, что

¹ Не удержимся от напоминания о том, что перенакопление капитала в сфере ипотечного кредитования, а также деятельности пенсионных, инвестиционных и т.п. фондов стало непосредственным источником финансового кризиса 2008 года.

*генезис отношений контргегмонии (социального творчества) со стороны трудящихся*¹ (одного из двух основных субъектов капиталистического процесса воспроизводства) приводит к появлению ростков *посткапиталистических отношений присвоения и распределения дохода и, как следствие, частичному подрыву и ограничению формального и реального подчинения труда и человека капиталу.*

Данная методолого-теоретически строгая, но несколько усложненная формулировка сущности названного процесса скрывает хорошо известные его формы. Это переходные (содержащие ростки посткапитализма) отношения, обеспечивающие ограничение продолжительности рабочего времени, охрану труда, частичное участие работников в управлении и т.п., плюс отношения частичного перераспределения дохода от капитала к труду (прогрессивный подоходный налог, социальные трансферты, социально гарантированный минимум и т.п.), плюс бесплатный для граждан доступ к ряду благ (часть образования, здравоохранения, культуры) и др.

Эти переходные производственные отношения вызывает к жизни, с одной стороны, активизм противоположного капиталу социально-экономического субъекта: борьба профсоюзов, левых политических и иных общественных организаций, и движений, с другой – объективная необходимость частичного реформирования капиталистических отношений, вызванная прогрессом содержания труда и изменениями мировой экономической конфигурации (социалистическая альтернатива и др.).

Сказанное позволяет сформулировать вывод о *двойственности т. н. welfare state* (государства всеобщего благоденствия) или, уже, социальных функций буржуазного государства. Это, с одной стороны, новые формы накопления капитала, необходимые последнему для осуществления интенсивного воспроизводства в условиях генезиса креатосферы, с другой – механизмы социализации и самоотрицания капитализма.

В контексте исследования отношений воспроизводства названная выше двойственность важна, в частности, тем, что обуславливает значимую трансформацию закона *капиталистического накопления в условиях позднего капитализма.*

Однако прежде чем сформулировать последний, мы должны продолжить исследование трансформаций отношений воспроизводства в условиях позднего капитализма.

Четвертый аспект расширенного воспроизводства гегемонии корпоративного капитала является прямым следствием первых трех. Его суть состоит в том, что *процесс накопления капитала в узком смысле слова все более осуществляется путем экстенсивной и интенсивной*

¹ Речь идет о трудящихся, а не только о наемных рабочих, поскольку эксплуатации подвергаются и те работники, которые наемными рабочими не являются, будучи формально самостоятельными.

экспансии в сферы, лежащие «по ту сторону собственно материального производства».

Экстенсивная экспансия процесса накопления за границы собственно материального производства осуществляется путем формирования новых источников, акторов и результатов накопления капитала.

Наиболее известной формой такой экспансии является, во-первых, уже исследовавшийся выше процесс финансиализации, позволивший ряду ученых сделать вывод, что основной сферой накопления ныне стал финансовый сектор¹. На наш взгляд, этот вывод правомерен, но недостаточен. Безусловно одной из важнейших черт современного накопления является то, что оно происходит преимущественно в сфере виртуального фиктивного финансового капитала. Однако названная экспансия распространяется не только на финансы. Она осуществляется на всем пространстве превратного сектора, который, собственно говоря, именно экстенсивной экспансии накопления капитала в сферы, лежащие «по ту сторону материального производства» товаров и утилитарных услуг, обязан своему рождению и росту. Как мы уже говорили выше, в этом секторе расширенно воспроизводятся, принося прибыль и создавая новые источники накопления, процессы создания многочисленных симулякров во всем многообразии «постматериальных» областей – от массовой культуры и СМИ до рекламы и брендинга.

Во-вторых, характерной чертой этой экстенсивной экспансии является ее распространение в область собственно творческой деятельности, в креатосферу. Неисчислимы (буквально!) объемы общественного богатства, создаваемого всеобщим творческим трудом, включенным в сферу гегемонии корпоративного капитала, становятся важнейшим источником и воспроизводимым результатом накопления последнего.

В-третьих, как мы показали выше, капитал подчиняет себе не только труд наемного работника, но и внутрудовое бытие человека. Вследствие этого накопление захватывает и все многообразие процессов использования времени досуга и свободного времени.

Что касается интенсивного проникновения капитала в сферы накопления, лежащие «по ту сторону собственно материального производства», то здесь наиболее значимым является процесс постоянного качественного совершенствования механизмов гегемонизма, использующих все новые неэкономические (психологические, культурные, идеологические и т.п.) методы. Этот процесс принципиально многообразен, включая новые методы (1) формирования «полей зависимости» (рыночной власти) и унии с национальным государством и транснациональными институтами, (2) интенсификации финансиализации и каналов финансовой власти, (3) формального и реального подчинения труда и человека капиталу и т.п.

¹ См.: Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 144.

Следствием этих процессов становится существенное изменение еще одной воспроизводственной закономерности, связанной с появлением и непрерывным (хотя и нелинейно-интенсивным) ростом трансакционных издержек. В условиях расширенного воспроизводства гегемонии капитала рост трансакционных издержек становится неизбежным следствием каждого из ее слагаемых и мультиплицируется их интеграцией. Поясним эту связь.

Во-первых, феномен тотальности корпоративного рынка, где крупнейшие агенты-корпорации оказывают локальное регулирующее воздействие на остальных агентов рынка и друг на друга, приводит к тому, что правилом такого рынка становится неравенство «рыночной власти» (переговорной силы») его акторов. Как следствие возрастает значение этой «силы» как с точки зрения возможностей ее применения для давления на контрагентов, так и с точки зрения защиты от нее, что, в свою очередь, ведет к перманентному росту трансакционных издержек, связанных с осуществлением этих процессов.

Во-вторых, сетевой характер рынка и, особенно, прогресс фиктивного виртуального финансового капитала (финансиализация, шот-термизм и т.п.) превращают традиционный институционально-стабильный капитал в капитал-странник с размытыми и постоянно изменяющимися границами и конфигурациями прав собственности (этому дополнительно немало способствуют и такие формы диффузии капиталов, как аутсорсинг, франчайзинг и др.). К этому же следует добавить рост издержек на поддержание в этих условиях стабильности кредитно-финансовой системы, и в частности денежного обращения. Все это еще более усложняет систему прав собственности и контрактов, делая ее принципиально нестабильной и диффузной.

В-третьих, в условиях десоциализации экономической жизни, свойственной процессу расширенного воспроизводства гегемонии капитала на современном этапе, растут издержки (назовем их *[анти]социальными*), связанные с (1) борьбой капитала против антигегемонистских сил (во всем их богатстве: от «старых» профсоюзов до новых социальных движений) и (2) парированием последствий десоциализации, проводимой этим самым капиталом (роста нестабильности, криминализации, наркомании и терроризма как феноменов глобальной гегемонии капитала, в которой ненадежность, нестабильность, уязвимость и т.п. становятся «знаменем нашей эпохи»).

На практике это выражается в росте армии различного рода юристов-консультантов и адвокатов, аудиторов и консультантов, затрат на лоббирование и манипулирование плюс содержание «охранных» служб, расходы на промышленный шпионаж и защиту от него, а также полиции, судов, армии, секретных служб и т.п. подразделений, бюджеты которых в тех же США растут непрерывно.

В результате мы можем сформулировать в качестве гипотезы наличие **закона-тенденции возрастания в процессе расширенного вос-**

производства гегемонии капитала транзакционных и [анти]социальных издержек. Этот рост происходит в той мере, в какой экстенсивно и интенсивно разворачиваются процессы (1) роста локального манипулирования рынком со стороны корпоративного капитала плюс (2) финансовализации и других форм экспансии виртуального фиктивного финансового капитала и (3) десоциализации экономической жизни.

Статистическое обоснование наличия этой закономерности представляет немалые трудности, и именно поэтому авторы назвали приведенное выше утверждение гипотезой. Однако некоторые свидетельства в пользу ее правомерности (особенно третьего ее аспекта) мы можем привести. Это и высказывания экспертов, и некоторые доступные авторам статистические данные, показывающие, что, по международным оценкам, уровень бюрократизации, коррупции, криминализации и т.п. индикаторы в странах с большей мерой социализации ниже, чем в странах с более либеральной экономикой.

Безусловно, существуют и контр-тенденции, в том числе связанные с тем, что технологический прогресс, приводящий к возможности скачка «по ту сторону собственно материального производства» (в частности, развитие информационных технологий) в целом снижает уровень необходимых транзакционных издержек. В силу этих причин мы в данном случае склонны говорить скорее о законе-тенденции, формулировка которого на данный момент, повторим, является не более чем гипотезой.

Пятой важнейшей чертой расширенного воспроизводства производственных отношений современного этапа позднего капитализма является их глобальный характер, проявляющийся в том, что капитал подчиняет мир своей гегемонии и экстенсивно, и интенсивно. В первом случае речь идет о том, что весь мир становится пространством этой гегемонии, что лучше всего отражается французским словом «мондиализация» («овсемирнивание»), точнее, чем термин «глобализация», передающим суть дела. Во втором – о проникновении этой экспансии во все сферы жизни общества, что порождает систему глобальных проблем.

Так, даже краткий экскурс в проблемы расширенного воспроизводства производственных отношений позднего капитализма позволяет нам вывести (а не просто постулировать) феномены [неолиберальной позднекапиталистической] глобализации и глобальных проблем как закономерные результаты накопления корпоративного капитала.

Венчает же систему отношений тотальной гегемонии совокупность **неэкономических средств и методов гегемонии капитала**, делающих ее тотальной и «по вертикали» общественной структуры. В последующих главах, посвященных глобализации, мы еще вернемся к этой теме, ограничившись в этом разделе принципиальной постановкой вопроса.

Ключевое утверждение в данном случае таково: воспроизводство гегемонии глобального капитала осуществляется на основе «отрицания отрицания» механизмов первоначального накопления капитала. Если

первый шаг такого отрицания – теоретическая модель «классического» капитализма – предполагал преодоление внеэкономических механизмов (насилия и др.) как средства накопления капитала, то современный этап – поздний капитализм, капитализм эпохи «заката» этого способа производства – «восстанавливает в правах» эти механизмы. *Внеэкономическое принуждение становится имманентной характеристикой накопления глобального капитала.*

Рассмотрим лишь несколько аспектов этой проблемы.

Во-первых, это различные формы внеэкономического присвоения капиталом различных общественных благ. Д. Харви называет это «*накоплением через изъятие*» (accumulation by dispossession) и приводит целый ряд таких примеров: от загрязнения окружающей среды, приватизации общественных природных ресурсов (воды) или принудительного выселения жителей («джентрификации») в Индии или России до отказа от выплаты пенсий кампанией «Юнайтед Эйрлаенс»¹. Обобщая, можно выделить ряд ключевых направлений такого «накопления через изъятие». Это (1) широкий спектр приватизации капиталом («огораживания») общественных благ, причем не только природных (сырьевых ресурсов, земли, воды) но и культурных («огораживания» капиталом информационных ресурсов, присвоение всеобщего творческого труда и его результатов, о чем мы писали выше), а также экономических (общественные жилища и т.п.). Далее, это (2) «изъятие» инсайдерами ресурсов и доходов корпораций (как государственных, так и частных) при помощи широкого спектра внеэкономических методов, причем частью – легальных (сверхвысокие доходы топ-менеджеров – один из примеров). Добавим (3) процессы приватизации в образовании, медицине и другие формы сокращения общественных плюс прямые отказы от социальных обязательств по отношению к работникам и третьим лицам, что является правилом для «периферии» глобального капитализма, но присутствует, как следует из упомянутого Д. Харви примера с «Юнайтед Эйрлаенс», и в «метрополиях» капитала.

Во-вторых, современный корпоративный капитал доводит до совершенства систему отношений прямого насилия как средств подчинения мира своей власти. Опыт войн XX–XXI веков – двух мировых и «локальных» (унесших столько же жизней, сколько мировые и уносящих все новые и новые) – показывает, что корпоративный капитал воспроизводит войну как имманентный механизм своего глобального бытия. К этому следует добавить тотальный силовой контроль над современным ми-

¹ См.: Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // *Альтернативы*. 2013. № 4. С. 6–7; Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 2003; Harvey D. *The “New” Imperialism: Accumulation by Dispossession* // *Socialist Register*. 2004. № 40. PP. 63–87.

ровым сообществом со стороны капитала и его государств, формирующих протоимперию(-и).

В-третьих, современный корпоративный капитал развил широкую систему средств косвенного внеэкономического подчинения в политической сфере, информационном пространстве, духовной жизни.

Он фактически контролирует при помощи политических *технологий*¹ и манипулирования политической жизнью современных развитых стран², а истеблишмент «большой семерки» в основном контролирует мировую геополитику.

Имманентным фактором воспроизводства капитала становится *гегемония в информационной и духовной сферах*, что особенно важно в период «заката» экономической формации и генезиса мира, в котором будет доминировать креатосфера. В информационном пространстве и духовной жизни капитал властвует, манипулируя через корпорации-СМИ сознанием масс³; контролируя процесс воспроизводства интеллигенции (включая образование) и постоянно «впитывая» ее лучшие силы; тотально подчиняя остальное население стандартам массовой культуры (поддерживающим и интенсифицирующим неомаркетинговую и тотальное омещание) при помощи mass media – адекватных механизмов такой власти; формируя системы ценностей, адекватные сознанию легко поддающегося манипулированию потребителя-конформиста, используя массу других средств и каналов.

Суммируем: насилие в прямых и косвенных формах из «повивальной бабки» первоначального накопления капитала превращается в условиях позднего капитализма во внутренний элемент воспроизводства гегемонии глобального капитала, являясь одной из основ присвоения им того, что Самир Амин назвал монополистической/империалистической рентой⁴.

¹ Понятие «технология» в данном случае весьма характерно: оно показывает превращение демократии, где гражданин по идее является субъектом свободной сознательной деятельности, в процесс производства из такого пассивного объекта как «электорат» такого заведомо спланированного продукта как отданные за нужного кандидата голоса.

² Упомянем вновь книгу М. Паренти «Демократия для немногих», где он делает вывод: «...власть в Америке распределена между прочно утвердившимися, крепко организованными и хорошо обеспеченными политико-экономическими конгломератами, которые способны воспроизводить социальные условия, необходимые для сохранения авторитарной гегемонии» (Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990. С. 403).

³ О механизмах манипулирования см.: Лимнатис Н. Манипулирование – сущность, проявления, пути снятия: философский и социально-политический анализ. М.: Экономическая демократия, 2000.

⁴ См.: Амин С. «Схлопывание» современного капитализма и дерзость левых // Альтернативы. 2014. № 2. С. 9.

К этим проблемам мы, однако, обратимся существенно позже, а сейчас, в качестве некоторого итога исследования воспроизводства производственных отношений позднего капитализма, предложим читателю гипотезу закона накопления эпохи позднего капитализма.

Трансформация закона капиталистического накопления

В данном контексте классический закон должен быть дополнен положением о том, что *процессы концентрации капитала – на одном полюсе, обнищания трудящихся – на другом, характерны для позднего капитализма в той мере, в какой им не противостоит социальное творчество трудящихся, вызывающее снижение социально-экономической дифференциации*. Усиление активности антикапиталистических и реформистских сил сужает область и снижает интенсивность действия закона капиталистического накопления. Ослабление активности этих акторов приводит к обратной тенденции¹.

Суммируем наши размышления и сформулируем (как гипотезу) **закон капиталистического накопления эпохи «заката» капитализма и «царства необходимости»**: *расширенное экстенсивное и интенсивное воспроизводство гегемонии капитала и усиление его экономико-политической власти и богатства, с одной стороны, и ослабление власти и богатства на стороне противоположных капиталу экономико-политических сил² – с другой, происходит в условиях позднего капитализма в той мере, в какой ослабляется (1) прогресс креатосферы и, соответственно, использование в процессе капиталистического накопления личностных качеств работника как профессионала и креатора, а также (2) социальная-творческая активность антигегемонистских сил.*

Возможна и обратная формулировка этого закона: *воспроизводство гегемонии капитала становится суженным и его экономико-полити-*

¹ Международная статистика показывает, что в период неолиберальной экспансии усиливается социальное неравенство и относительное (а для ряда категорий – абсолютное) сокращение доходов. Мы уже писали об этом в Прелюдии к данному тому. Подробное обоснование этих выводов можно найти в международной работе: *Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса* / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М.И. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.

² Подчеркнем: антигегемонистские силы в условиях «заката» не только капитализма, но и «царства необходимости» в целом принципиально многообразны и многомерны (как и силы гегемонии). Они включают как широкий спектр анти(*пост*)капиталистических и социально-экономических и политических организаций и движений, так и реформистские структуры. Подробно об этом мы писали в серии работ по проблемам альтерглобализма (см., например: *Кто творит историю – II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО* / Под ред. И. Абрамсона, А. Бузгалина, П. Линке, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция-ТЕИС, 2011).

ческая власть ослабляется, а у противоположных капиталу экономико-политических сил усиливается, в той мере, в какой усиливается (1) прогресс креатосферы и, соответственно, использование в процессе капиталистического накопления личностных качеств работника как профессионала и креатора, а также (2) социально-творческая активность антигегемонистских сил.

Если эту, возможно излишне усложненную (но, на наш взгляд, точную), формулировку выразить проще, то она будет звучать так: **между экспансией гегемонии капитала, с одной стороны, и мерой прогресса креатосферы и социального творчества трудящихся, с другой – существует обратно пропорциональная взаимосвязь.**

В виде простейших формул эта связь может быть выражена следующим образом:

$$HC = f\{1/(Cr, Scr)\}; AH = f\{Cr, Scr\};$$

где:

HC – мера гегемонии корпоративного капитала,

Cr – мера прогресса креатосферы,

Scr – мера прогресса социального творчества,

AH – мера прогресса антигегемонистских сил.

В конкретных исторических условиях тех или иных стран колебание этой меры (подчеркнем: речь идет о единстве качественных и количественных параметров) проявляет себя в виде борьбы различных политических и общественных сил за ту или иную модель эволюции капитализма, социальной и экономической политики. В результате в разных областях социально-экономического пространства и времени формируются модели скандинавского типа с высокой степенью социализации капитализма, или более либеральные (менее социализированные) модели этой системы, или промежуточные модели социального рыночного хозяйства¹.

В качестве небольшого отступления заметим: эта связь является Alter Ego так называемого противоречия между *экономической эффективностью и социальной справедливостью*. Акцент на оппозиции этих двух сторон базируется на многочисленных «неточностях».

Во-первых, эта трактовка неявно исходит из рыночноцентричной модели экономической теории (мы писали о ней в I томе), ибо предполагает, что единственная мера эффективности – норма прибыли, а справедливости – перераспределение доходов от богатейших к беднейшим слоям общества. Между тем в современной экономике возникают и переходные к пострыночным отношения, которые предполагают выделение в качестве результата экономической активности прогресс человеческих качеств, а не [только] прибыль.

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 287–298.

Во-вторых, прогресс социальной справедливости предполагает отнюдь не только перераспределение дохода, но и прежде всего рост равнодоступности условий развития – образования, здравоохранения и, главное, содержательной творческой деятельности. При таком, более точном, понимании названных категорий оказывается, что рост равнодоступности условий развития становится не препятствием, а условием роста эффективности экономики, если под последней понимать прогресс человеческих качеств¹.

В-третьих, даже узко понимаемое соотношение эффективности и справедливости показывает, что экономика, в которой капитал «делится» с работниками, формируя дорогостоящую, но высококвалифицированную рабочую силу, в современных условиях может получать и получает, может быть, не самую большую, но устойчиво извлекаемую прибыль, не говоря уже о высоких гуманитарных результатах, о чем свидетельствует опыт тех же скандинавских стран.

Рецензируя работы П. Дракера², В. Иноземцев пишет, что этот автор «приводит богатый статистический материал, подтверждающий хорошо известные факты, такие как успехи европейской системы социального обеспечения в уменьшении доли граждан, живущих ниже черты бедности; в предоставлении высоких пособий по безработице (при потере работы главой семьи, в которой воспитываются два ребенка, ее жизненный уровень снижается лишь на 10% в Швеции и Нидерландах, на 11% – во Франции и на 26% – в Германии, тогда как в США в аналогичных условиях уровень жизни снижается в среднем в два раза); в пенсионном обеспечении (доля пенсионеров, живущих за чертой бедности, составляет в основных европейских странах 4,4–7,7% против 19,6% в США); в здравоохранении (в США, где на эти цели тратится 14% ВВП, 43 млн чел. не охвачены медицинским страхованием, а продолжительность жизни остается ниже, чем в любой из нынешних стран Европейского союза)³.

В любом случае, однако, описанная выше система производственных отношений обеспечивает **воспроизводство глобальной гегемонии капитала, складывающаяся в экономической сфере.**

¹ Подробнее об этом см.: *Гринберг Р.С.* Современная политическая экономия: экономическая свобода и социальная справедливость // *Альтернативы.* 2013. № 1; *Бузгалин А.В.* Справедливость как предпосылка свободы и эффективности // Там же.

Глобальный аспект проблемы раскрыт в работе Г. Ш. Аитовой «Марксистский взгляд на проблему глобальной справедливости» (в кн.: *Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию* / Под ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014).

² *Druker P.* The new realities. Oxford, 1996.

³ См.: *Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С.* Возращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии. М.: Интердиалект+, 2002. С. 42–75, 275–278.

Венчает же систему отношений тотальной гегемонии совокупность *неэкономических средств и методов гегемонии капитала*, делающих ее тотальной и «по вертикали» общественной структуры. Мы уже раскрыли отчасти эти механизмы выше и в последующих главах еще вернемся к этой теме, а пока лишь несколько штрихов для полноты картины.

Во-первых, современный корпоративный капитал доводит до совершенства систему отношений *прямого насилия* как средств подчинения мира своей власти. Опыт войн XX–XXI веков – двух мировых и «локальных» (унесших столько же жизней, сколько мировые и уносящих все новые и новые); тотальный силовой контроль над современным мировым сообществом со стороны НАТО; контроль корпоративного капитала развитых стран (при их конкуренции между собой) за оружием массового уничтожения; его же монополия на общемировые секретные службы и мн. др.

Во-вторых, современный корпоративный капитал фактически контролирует при помощи политических *технологий* (последнее понятие весьма характерно: оно показывает превращение демократии, где гражданин по идее является субъектом свободной сознательной деятельности, в процесс производства из такого *пассивного объекта* как «электорат» такого заведомо спланированного продукта как отданные за нужного кандидата голоса) и манипулирования политической жизнью современных развитых стран¹, а истеблишмент «большой семерки» в основном контролирует мировую геополитику.

В-третьих, этот капитал обеспечивает свою гегемонию в духовной жизни, что особенно важно в период «заката» экономической формации и генезиса мира, в котором будет доминировать креатосфера. В духовной жизни капитал властвует, манипулируя сознанием масс² и контролируя процесс воспроизводства интеллигенции и постоянно «впитывая» ее лучшие силы; поистине тотально подчиняя остальное население стандартам массовой культуры (поддерживающим и интенсифицирующим неомаркетизацию и тотальное омещанивание) при помощи mass media – адекватных механизмов такой власти, используя массу других средств и каналов.

Эта система кажется абсолютной и вечной, однако в своих недрах она растит и альтернативы самой себе.

¹ Упомянем вновь книгу М. Паренти «Демократия для немногих», где он делает вывод: «...власть в Америке распределена между прочно утвердившимися, крепко организованными и хорошо обеспеченными политико-экономическими конгломератами, которые способны воспроизводить социальные условия, необходимые для сохранения авторитарной гегемонии» (Паренти М. Демократия для немногих. С. 403).

² О механизмах манипулирования см.: Лимнатис Н. Манипулирование. М.: Экономическая демократия, 2000.

В этой связи авторы позволяют себе в качестве отступления от строгого исследования производственных отношений позднего капитализма предложить читателю некоторые ремарки по поводу снятия противоречия экономической эффективности и социальной справедливости, закона накопления и распределительных отношений в условиях генезиса «царства свободы».

ОТСТУПЛЕНИЕ I.

«ПО ТУ СТОРОНУ» ВОСПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

Продланное выше исследование позволяет, опуская целый ряд опосредующих моментов, предположить, что со снятием сформулированного выше закона накопления эпохи «заката» капитализма и «царства экономической необходимости» может стать продвижение к экономической системе, где противоположные стороны воспроизводства (накопление вещного богатства, имеющего форму капитала, с одной стороны, и про[ре]гресс человеческих качеств – с другой) станут положительным основанием и условием воспроизводства друг друга, где развитие креативного потенциала человека станет основой роста экономических результатов, служащих интересам развития Человека как родового существа, а не отчуждения этих результатов от человека в форме товаров и капиталов, превращающихся к тому же в современных условиях во все большей степени в симулякры. Воспроизводство этой положительной воспроизводственной связи сделает законом *воспроизводства и прогресса будущего общества* следующее взаимодействие двух взаимодополняющих и взаимоотрицающих процессов: чем в большей мере развиваются материальные предпосылки прогресса человеческих качеств, креативного потенциала Человека, тем больше возможности свободного гармоничного развития личности всех членов общества; и наоборот: чем выше развитие человеческих качеств, креативный потенциал Человека, тем больше возможности развития материальных основ прогресса «царства свободы»¹.

Рассмотрим несколько подробнее эту связь.

¹ Школой Н.А. Цаголова эта взаимосвязь формулировалась в виде закона социалистического накопления, в соответствии с которым «чем больше экономической потенциал социалистического общества, тем больше возможности всеобщего благосостояния и всестороннего развития личности, и наоборот, чем полнее всеобщее благосостояние, чем всестороннее развита личность, тем богаче социалистическое общество» (Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. II. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1974. С. 202). Подробнее см.: *Тронеv К.П.* Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1974. № 4. С. 28–33.

Одна сторона названной закономерности – обусловленность возможности прогресса креатосферы (а значит и творческого содержания труда, свободного всестороннего развития личности) ростом материального богатства общества. И в этом случае мы фиксируем зависимость развития креатосферы от прогресса материального производства, повышения его эффективности, особенно в области использования ограниченных природных и человеческих ресурсов. При этом абсолютным ограничением этого прогресса является обеспечение воспроизводства биогеоценозов и человека как культурных ценностей.

Вторая сторона этой закономерности состоит в том, что прогресс креатосферы, творческих способностей человека оказывается в свою очередь источником развития материального производства, повышения производительной силы совокупного человеческого труда.

В этой двоякой взаимосвязи, по-видимому, скрыта тайна будущего прогресса общества, лежащего «по ту сторону» сферы материального производства, но развивающегося на базе этого материального производства как на своем фундаменте.

В основе этой двусторонней взаимосвязи лежат *внутренние противоречия*, в частности противоречие рабочего и свободного времени (труда), формирующее единый интерес всех членов будущего общества в сокращении первого и росте второго, т.е., в частности, росте производительности труда и эффективности материального производства. Эта связь, однако, сугубо диалектична, поскольку в каждый данный конкретный момент истории перед конкретным человеческим сообществом стоит проблема распределения совокупного фонда времени между развитием человека в креатосфере и в сфере собственно материального производства. (В скобках заметим: это противоречие является актуальным уже сегодня, выступая как противоречие между использованием прибавочного продукта общества на потребление и развитие социальной сферы, с одной стороны, и накопление – с другой.)

Названная диалектическая взаимосвязь двух сторон процесса производства социальных отношений и материальных основ «царства свободы» показывает, как могут (а это всего лишь гипотеза) быть соединены два противоположных процесса: с одной стороны, генезис креатосферы, условием чего является преодоление отчуждения, развитие социального творчества (общественных отношений «царства свободы»); с другой – прогресс этих новых общественных отношений, прогресс, который превращается из возможности в необходимость именно по мере развития творческого содержания деятельности.

И все же для того, чтобы разорвать этот замкнутый круг, недостаточно указать на названную двоякую воспроизводственную взаимозависимость. Необходимо выделить тот процесс, ту общественную силу, которые позволят совершить скачок из мира воспроизводства гегемонии капитала в мир освобождения труда. Естественно, что именно здесь пред-

стоит наиболее сложная борьба с отношениями отчуждения, с отношениями воспроизводства и самоукрепления гегемонии корпоративного капитала, описанными в предыдущих подразделах. Как именно будут протекать эти процессы, какие глобальные проблемы они порождают, к этим вопросам мы еще обратимся в последующих текстах этой книги.

Сейчас же заметим, что названная выше воспроизводственная зависимость позволяет подобрать ключик и к проблеме *превращения социальной справедливости из антитезы в условие роста экономической эффективности*¹. Для этого достаточно «всего лишь» реформатировать каждое из двух названных выше и полярных условий. Естественно, это «реформатирование» должно произойти не на бумаге и не в голове исследователя, а в экономической жизни.

Поясним эту связь. Для мира товарных отношений экономическая эффективность есть максимизация вновь созданной стоимости (для капитализма – прибыли) и минимизация затрат живого и овещенного труда, а социальная справедливость – *исходя из законов самосохранения этой системы*² – присвоение товаровладельцем всей стоимости его товара. В условиях капитализма и это означает присвоение заработной платы собственником рабочей силы, а прибавочной стоимости – собственником капитала. В эпоху социал-реформизма социальная справедливость получает новое определенность: под влиянием борьбы представителей класса наемных работников и др. описанных нами выше изменений справедливым становится *частичное* перераспределение прибыли капитала в пользу трудящихся. Последнее действительно снижает *собственно рыночные* стимулы повышения экономической эффективности. Именно в связи с постоянным присутствием в условиях позднего капитализма этой объективной антитезы экономическая теория и сформулировала названное выше противоречие.

Однако новая, посткапиталистическая, характерная для периода рождения креатосферы, воспроизводственная связь снимает это противоречие. Критерием экономической эффективности в этом новом мире становится не рост прибыли, а прогресс человеческих качеств и рост *свободного* времени (в том числе – времени творческой деятельности) при снижении затрат *рабочего* времени; социальной справед-

¹ См.: Бузгалин А.В. Социальная справедливость как условие экономической эффективности // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. М.: Экономика, 2011. С. 62–76; Бузгалин А.В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности // Альтернативы. 2013. № 1. С. 28–49.

² Выделенная курсивом оговорка важна: с точки зрения общеисторических критериев прогресса и марксистского парадигмального подхода присвоение прибавочной стоимости (прибыли) собственником капитала несправедливо, ибо создает ее рабочий. Отсюда требование снятия капитализма, т.е. критерий прямо противоположный задачам его самосохранения.

ливостью – новые отношения распределения, способствующие, а не антагонистичные росту *такой* эффективности.

Так перед нами встает проблема исследования *отношений распределения дохода*, которые являются продуктом сущностных отношений присвоения/отчуждения средств производства и труда. Какие именно процессы отрицания отчуждения могут развиваться в сфере распределения доходов в результате генезиса креатосферы и снятия отношений материального производства, преодоления противоречий «царства необходимости» – это не просто трудный, но и до чрезвычайности многоплановый вопрос, поэтому авторы в данном подразделе ограничатся лишь некоторыми ремарками.

Ремарка номер один. Не только соображения социальной справедливости, но и генезис креатосферы, когда прогресс основывается на повышении роли и значения творческой деятельности Человека, обуславливает необходимость решения проблемы *социально гарантированного минимума*. «Сверхзадача» последнего – обеспечить доступность для граждан (и особенно для подрастающего поколения) образования и предметного мира культуры, а также определенный уровень услуг, создающих условия для здорового образа жизни (здравоохранение, спорт) и соответствующее качество утилитарного потребления.

Попробуем коротко напомнить не раз выделявшиеся в работах акцентирующих социальную справедливость и не раз нами упомянутых авторов основные тезисы, доказывающие необходимость такого социального обеспечения всех граждан. Во-первых, к обоснованию могут быть привлечены соображения социальной справедливости (восходящие к работам социалистов-утопистов); во-вторых, теоретическое обоснование экономической необходимости генезиса нового общества с распределением по труду, а затем по потребностям (марксизм); в-третьих, компромиссно-прагматичные соображения социального партнерства («надо делиться»), характерные для социал-демократов.

Продолжая линию первого и второго направлений, дополним их соображениями, связанными с генезисом креатосферы и развитием творческого содержания труда. Дело в том, что даже с прагматической точки зрения превращение творческой деятельности в основу экономического, социального и духовного прогресса требует обеспечения равных возможностей образования и доступа к культуре для *всех* граждан с тем, чтобы творческий, новаторский потенциал *каждого* человека не был потерян для человечества. В этом *отчасти* оказывается заинтересован даже корпоративный капитал, создающий систему социальной защиты в развитых странах, и в частности системы бесплатного среднего (а в ряде стран – и высшего) образования.

Однако для прогресса общества, лежащего «по ту сторону материального производства», задача использования творческого потенциала каждого гражданина превращается в насущную проблему повсеместно.

Отсюда – и необходимость всеобщего обеспечения проблемы социально гарантированного минимума.

Как alter ego социально гарантированного минимума в современном сообществе выступает *социальный максимум*, т.е. ограничение сверхвысоких, превышающих определенный (а именно *такой, за которым рост личного материального дохода, как правило, не является сильным стимулом труда и новаторства*) уровень доходов.

Необходимость введения социального максимума (а на этом настаивают далеко не только марксисты, но и многие «радикальные гуманисты», некоторые «зеленые», теоретики Римского клуба, например А. Печчеи¹) диктуется не только соображениями социальной справедливости, необходимостью получения ресурсов для обеспечения социально-гарантированного минимума и наличием абсолютных ограничений природных и человеческих ресурсов. Эта необходимость обусловлена прежде всего тем, что *за определенным уровнем повышение материального благосостояния как такового не служит стимулом более активной и качественной творческой деятельности*.

Наличие еще нескольких десятков комнат вдобавок к тем двум-трем, в которых реально живет и работает творец, лишних десятков костюмов или платьев, коллекционного автомобиля и т.п. мало способствует повышению эффективности творчества. Более того, как было показано в разделе о рынке симулякров, за названной выше границей утилитарное потребление становится символическим, нацеленным исключительно на повышение статуса товаровладельца в рамках системы отчужденных ценностей позднего капитализма и как таковое выступает как паразитическая растрата человеческого труда и материальных ресурсов.

Вторая ремарка, которую мы хотели бы сделать в связи с анализом отношений распределения, характеризует *возможность развития распределения по потребностям по мере перехода к доминированию творческого труда*.

Казалось бы, абсолютно невозможно решить задачу распределения благ по потребностям, если нет каких-либо внешних ограничений, диктуемых отсутствием либо достаточного количества денег (мы, наверное, все хорошо знаем, что «денег всем всегда мало»), либо других ограничений, диктуемых внешними нормами (такими, например, как в экономике дефицита).

Развитие потребления, не ограничиваемого такими внешними рамками, кажется невозможным. И оно действительно невозможно, если речь идет об утилитарных потребностях, которые по природе своей безграничны.

В той же мере, в какой главными потребностями становятся творческая деятельность и свободное время, распредмечивание и опреде-

¹ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

чивание культурных ценностей, субъект-субъектные отношения и диалог со своими коллегами во времени и пространстве, – в этой мере распределение по потребностям становится вполне реальным, ибо, как мы уже заметили выше, главным объектом, который должен подлежать распределению, становится деятельность, а не утилитарные блага. Формирование таких новых потребностей является прямым следствием развития творческой деятельности, ведь она сама по себе и цель, и мотив, и потребность для человека.

Следовательно, превращение труда в потребность переносит проблему распределения по потребностям в совершенно другую плоскость: в плоскость распределения труда (точнее творческой деятельности).

Это кажущееся абсолютно фантастическим предположение, на самом деле, реализуется даже в современном обществе.

Более того, этот феномен реализовывался в обществе, казалось бы, крайне далеком от идеалов креатосферы – в Советском Союзе 1960-х годов. Именно тогда, как не раз отмечалось в советской литературе, наиболее престижными и важными ценностями для подрастающего поколения были возможности будущей деятельности в сферах фундаментальной науки или искусства, открытие новых пространств (профессии летчика и космонавта, геолога и полярника) или общественная деятельность. Причем, как правило, это было связано не столько с более высоким доходом работников в этих областях (начинающий физик тогда получал меньше продавца пива), сколько с действительной потребностью в интересной, творческой, престижной деятельности, самореализации, уважении.

Проблема распределения деятельности, дающей возможность такой самореализации (ученого или полярника, поэта или артиста), действительно была чрезвычайно остра. Потребности молодых граждан СССР в самореализации превышали возможности общества обеспечить такую деятельность (упомянем хотя бы характерные для того периода безумные конкурсы на физические и математические факультеты университетов или художественных вузов).

В свою очередь, *развитие потребности в деятельности, являющееся следствием прогресса его творческого содержания, как бы «автоматически» тормозит утилитарное потребление*, ограничивая его уровнем, достаточным для поддержания и развития творческого потенциала. Человеку, занятому творческим трудом, не нужно чрезмерное потребление материальных благ; оно мешает ему, отнимает его свободное время, заставляет интересоваться проблемами, которые в принципе не связаны с его основной деятельностью, с его основными интересами. Для творческого человека не нужны ни третий автомобиль, ни двадцать пятый костюм, ни чрезмерное количество деликатесов, ни огромное жилище.

Эта гипотеза, отчасти, подтверждается даже современной практикой. Безусловно, *в современном мире любой человек, занятый творческой деятельностью, является и продуктом этого мира отчуждения, чело-*

веком-потребителем, человеком-клиентом корпорации, человеком, подчиненным иерархии и денежному фетишизму. Однако, несмотря на все это, для лиц творческих профессий уже сегодня неденежные стимулы становятся (при условии достижения определенного – не ниже «рационального» – уровня утилитарного потребления) весьма значимыми: выбирая между средней зарплатой, но престижной творческой работой и большим объемом свободного времени в государственном университете или большой зарплатой, но жестко-отчужденными отношениями и бесконечночасовым рабочим днем в частной корпорации, многие молодые люди с PhD предпочитают университет...

Однако действительное торжество социальных стимулов, связанных с творческой самореализацией человека, возможно лишь по мере качественного, диалектического отрицания мира отчуждения.

Распределение по труду в материальном производстве и по потребностям в креатосфере – таков важный шаг по дороге к «царству свободы», дороге созидания системы социальных отношений, адекватных «вызовам» креатосферы.

Но мы немного увлеклись. Главным для нас было не сформулировать вновь этот широко известный марксистский тезис, а показать, что распределение по потребностям становится возможным и реальным в той мере, в какой сам труд превращается в потребность и имеет творческое содержание.

Вернемся к проблемам воспроизводства и рассмотрим изменения, происходящие в структуре его основных подразделений.

Новая структура

общественного воспроизводства

Исследование структуры общественного воспроизводства во II томе «Капитала» К. Маркса является одной из тех разработок, которые стали хрестоматийными для марксистов. На наш взгляд, однако, существенные изменения в производительных силах и производственных отношениях, произошедшие за почти полтора столетия, обуславливают необходимость развития этой модели. Прежде чем предложить читателю нашу гипотезу таких трансформаций, позволим себе несколько методологических ремарок.

Предварительные методологические ремарки

Начнем с напоминания о том, что важнейшим слагаемым теории воспроизводства, представленной в «Капитале», является выделение во II томе этого сочинения I (производство средств производства) и II (производство предметов потребления) подразделений общественного воспроизводства. В теории К. Маркса это деление было значимо не

только само по себе, но и играло принципиально важную роль в объяснении механизма реализации прибавочной стоимости¹. Ниже мы обоснуем необходимость коррекции предложенной Марксом структуры, что обусловлено существенными объективными изменениями в технологии и экономике. При этом авторам придется ограничиться лишь констатацией этих изменений, не углубляясь в одну из интереснейших проблем: трансформации проблемы реализации в условиях новой структуры общественного воспроизводства. Причина этого неуглубления, к сожалению, субъективна: мы не успели предпринять исследование этого вопроса.

Другое важное напоминание: современная экономика с политико-экономической точки зрения структурируется отнюдь не по тем принципам, которые приняты в современной статистике и, соответственно, практикуются большинством представителей современной экономической теории.

(Как известно, нынешние экономисты в большинстве своем следуют известному принципу «искать там, где фонарь, а не там, где потерял»: они исследуют то и так, что и как отражено в статистических сборниках. А в этих сборниках отражается только то и так, что и как необходимо для оптимизации процесса извлечения прибыли капитала и стабильности этого процесса на макроуровне. Поскольку все остальное статистически [почти] не отражается, постольку для экономической теории оно *как бы* не существует.)

Между тем наиболее значимые пропорции (и диспропорции) глобальной экономики связаны с более сложными, лежащими не на поверхности явлений, а на сущностном уровне процессами. Это не просто соотношение финансового и нефинансового секторов, материального производства и сферы услуг и т.п. Многие важнейшие вопросы современной экономики современная статистика отражает только косвенно, а во многих случаях информация об этом вообще недоступна. Это касается, в частности, измерения роли и меры развития творческого содержания труда, объемов свободного времени (не времени досуга, а времени свободного гармоничного развития личности) и т.п., с одной стороны; меры экспансии симулякров и т.п. – с другой.

Однако марксистская экономическая теория в отличие от неоклассики говорит: искать надо именно *здесь* – в сфере глубинных структурных сдвигов в общественном воспроизводстве. И если пока в этих сферах «темно», ибо нет «фонаря» (достаточного объема и структуры адекватных данных), то это не основание для того, чтобы закрыть пробле-

¹ Решение, как хорошо известно марксистам, оказалось не столь простым и однозначным, как это трактовали стандартные советские учебники политической экономии капитализма, породив в начале XX века мощную дискуссию легальных марксистов, народников, В.И. Ульянова, Розы Люксембург и др. Мы не будем уходить в эту проблему в данной книге.

му. Здесь ученому на помощь приходит, тот «инструмент», который по образному выражению Маркса заменяет политэконому телескоп, микроскоп или иное оборудование, позволяющее разглядеть то, что не видно «невооруженному взгляду» обывателя и его научного собрата. Этот инструмент – сила научной абстракции и (в наиболее развитом виде) метод восхождения от абстрактного к конкретному, которому предшествует долгая работа по критическому анализу и синтезу эмпирически доступных феноменов практики, а также «очищению» их от всех тех деформаций, которые привносит мир превратных форм и фе-тишей.

Не углубляясь в тонкости этих методолого-теоретических представлений (авторы об этом подробнее писали в I томе нашей книги), мы можем представить читателю результаты наших предшествующих исследований, которые в свою очередь, опираются на разработки наших учителей и коллег.

Воспроизводство в условиях «заката» капитализма и «царства необходимости»:

прогресс креатосферы vs. экспансия превратного сектора

Продолжим наши краткие комментарии к многоплановой проблеме воспроизводства позднего капитализма.

В Прелюдии к данному тому мы зафиксировали, что эпоха «заката» капитализма и «царства необходимости» рождает два новых принципиально значимых структурных сдвига. Первый – превращение некогда малозначимой для экономики сферы культуры в едва ли не определяющую качество и динамику материального производства (через влияние на прогресс содержания труда, технологий, потребностей и т.п.) креатосферу. Второй – развитие едва ли не опережающими темпами сферы, которую выше мы охарактеризовали как ***превратный (бесплезный) сектор***¹.

¹ Так, в 2012 году доля финансов, страхования, рынка недвижимости, арендных и лизинговых операций в добавленной стоимости в экономике США составила 20,2% от ВВП против 11,9% у обрабатывающей промышленности, почти сравнявшись с долей *всех* отраслей материального производства, составляющей в сумме – 20,3% от ВВП (Bureau of Economic Analysis, U.S. Department of Commerce // http://www.bea.gov/newsreleases/industry/gdpindustry/2013/pdf/gdpind12_adv.pdf).

Для сравнения – в 1980 году эти показатели составляли соответственно 16,0%, 20,0% и 32,4% (Econ. Rept. 2012 – Table B–12: Gross domestic product (GDP) by industry, value added, in current dollars and as a percentage of GDP, 1980–2010 // <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/ERP-2012/pdf/ERP-2012-table12.pdf>). Добавим также, что за последние 50 лет доля обрабатывающей промышленности в ВВП США сократилась более чем вдвое (с 25% до 12%), при этом доля финансового сектора удвоилась (с 3,7% до 8,4%). (Сергеева И.Г. →

Как мы писали выше, экспансия этого сектора неслучайна, она вызвана противоречивыми тенденциями и вызывает радикальный сдвиг в структуре общественного воспроизводственного процесса эпохи «заката» «царства экономической необходимости». Эта экспансия обусловлена, с одной стороны, ростом производительности труда в индустриальной сфере и генезисом сферы постиндустриальной, что позволяет высвободить значительные ресурсы из материального производства. С другой стороны, превратный сектор – это *продукт навязывания структурным сдвигам в материальном производстве тех направлений и форм, которые выгодны современному глобальному капиталу, что обуславливает использование этих ресурсов в секторе, где не создаются ни материальные продукты и услуги, служащие производительному и/или личному потреблению, ни культурные блага.*

Тезис о сокращении превратного сектора, как абсолютно необходимым условием прогресса, еще совсем недавно (до мирового экономического кризиса 2008–20120 годов) выглядел весьма спорным, что было связано прежде всего с ростом сферы транзакций в развитых странах Запада, где этот рост стал одной из доминирующих тенденций второй половины XX века, хотя начался гораздо раньше. Однако в современных условиях едва ли не всеобщей критики финансовой предпринимательской деятельности нами еще в конце 1990-х годов гипотеза выделения превратного сектора как бесполезного выглядит все более убедительно.

В любом случае мировые экономические практики свидетельствуют: такие сферы, как *финансы и движение фиктивного капитала, корпоративное и государственное управление, ВПК и массовая культура* становятся преимущественным объектом крупного бизнеса; на них все более ориентируется деятельность наиболее преуспевающей части совокупного работника («профессионалы»); именно здесь сосредоточиваются наиболее дорогостоящие рабочие места, обеспечивающие наибольший доход; на изучении именно этих сфер сосредоточены наибольшие усилия современной экономической мысли, а также мысли социологов, психологов, специалистов в области информационных технологий и прочее и прочее. Утверждение, что *именно превратный сектор является мощным тормозом социально-экономического прогресса, и в частности процесса перехода от господства материального производства к креатосфере*, выглядит по меньшей мере крайне спорным.

Как же оно может быть обосновано? Развернутый ответ на этот вопрос – задача будущих исследований.

Однако возникшая после мирового кризиса 2008 года тенденция к реиндустриализации (как мы ответили в Прелюдии, она характерна даже для развитых стран Западной Европы и США), показывает, что предло-

← Взаимодействие финансового и реального секторов экономики в посткризисном мире // <http://economics.open-mechanics.com/articles/467.pdf>.

женный выше вывод базируется не на пустом месте. Другое дело, что есть и угроза реверсивного, а не прогрессивного выхода из тупиков превратного сектора: не вперед, к креатосфере, а назад, в прошлое классического индустриального производства.

Однако к вопросу о соотношении материального производства, креатосферы и превратного сектора и обусловленной этим новой структуре общественного воспроизводства мы обратимся ниже, а сейчас продолжим наши размышления о сфере производства бесполезных благ.

Подчеркнем: именно в превратном секторе деятельность, имеющая творческое содержание, нацелена даже не на рост утилитарного потребления и материального производства, а на решение задач, связанных с прогрессом собственно превратных форм этого материального производства и утилитарного потребления, характерных для современного корпоративного капитализма.

Здесь происходит как бы «удвоение превращения»: центром общественных связей, центром притяжения ресурсов, получения доходов и т.д. становится не просто материальное производство в форме рынка (первое превращение: полезного блага в товар, стоимость), но деятельность по обслуживанию и опосредованию собственно рыночных транзакций. Последняя же есть по преимуществу производство симулякров (второе превращение: товара – в симулякр).

Подчеркнем: транзакции между различными институтами (например, между фирмами, правовыми структурами, государством и корпорациями, государством и идеологическими структурами и т.п., и т.п.) содержат и производительный компонент. Последний, однако, чем далее, тем более сокращается, тогда как паразитический, симулятивный растет (одно из доказательств этого – процесс финансовализации, о котором мы писали выше). И этот рост будет продолжаться, если контрсилы (например, регулирующее воздействие общества) его не затормозит.

Так между материальным производством и утилитарным потреблением, между производителем и потребителем, между собственником и работником встает огромный опосредующий их жизнь массив фиктивного капитала, бюрократизма, массовой культуры и т.п. Именно он поглощает те огромные ресурсы, высвобожденные прогрессом материального производства с конца XX века, которые могли бы быть использованы для развития креатосферы.

Как мы уже заметили, деятельность в превратном секторе как наиболее престижная в условиях современного глобального капитализма, не может не притягивать к себе значительную (скорее всего – большую) часть наиболее творческих, способных, обладающих новаторским потенциалом людей. Соответственно, именно она становится важнейшей сферой приложения новейших технологий (прежде всего информационных), здесь сосредоточивается основной творческий и новаторский потенциал человечества. Именно здесь, в превратном секторе, в сферах

обслуживающей его науки и новаторской деятельности, *происходит сращивание творческого содержания труда и описанных выше превратных форм*. Занятые в этой сфере лица, обладающие высоким творческим и новаторским потенциалом, в наибольшей степени «подкуплены» бизнесом, сосредоточенным в этом секторе. Для этих интеллектуалов разрыв с превратным сектором и переход в другую сферу творческой деятельности принципиально сложен, ибо их мотивация, результаты их деятельности, сам ее характер, диктуемый превратными формами данного сектора, – *вся жизнь должна быть в этом случае качественно изменена*.

Сказанное вплотную подводит нас к выводу, что *именно в превратном секторе в наиболее жесткой форме проявляется противоречие между прогрессом творческого по содержанию труда и превратными формами рыночных и властных отношений*, которые опосредуют творческую деятельность.

Однако мы несколько забежали вперед. Вернемся к проблемам структуры общественного воспроизводства.

Изменения в структуре собственного материального производства являются важнейшим структурным компонентом генезиса креатосферы. Однако *наиболее значимыми структурными изменениями, связанными с рождением креатосферы, является собственно прогресс творческой деятельности и, соответственно, сфер, в которых создаются культурные блага, идет процесс формирования, воспитания, обучения и развития человека как свободной, всесторонне развивающейся личности*.

Таковыми сферами становятся как обучение и воспитание (причем касающееся не только детей, молодежи, но и лиц всех возрастов), так и все те сферы, где в самой творческой деятельности, в общении, провозирующем новаторство, развивается человек. В строгом смысле сам творческий труд является той сферой, которая создает свободную, всесторонне развивающуюся личность. Так, мы можем подтвердить вывод, сформулированный в предыдущем разделе: *«первое подразделение»¹ креатосферы, связанное с формированием творческого человека, может стать доминантой, главной точкой роста на ближайшую перспективу для обществ, которые хотят идти по прямой дороге снятия материального производства и развития креатосферы, а не нагромождения превратных форм этого процесса*.

¹ Напомним, что при анализе общественного воспроизводства во II томе «Капитала» К. Маркс выделил I и II подразделения (сферы производства средств производства и предметов потребления). Мы выше уже отметили, что в современных условиях структура общественного воспроизводства становится сложнее, в ней наряду с материальным производством возникают превратный сектор и креатосфера. Последняя тоже имеет свою структуру, и именно о I и II подразделениях креатосферы мы ведем речь в данном случае.

Собственно творческая деятельность в таких сферах, как наука, художественная культура и т.д., могут (как мы уже отметили) быть представлены как своего рода «второе подразделение» совокупной общественной деятельности, которое также должно шаг за шагом вытеснять массовую культуру, духовное производство и другие субституты креатосферы при параллельном сокращении собственно материального производства.

Тем самым мы можем предложить новый вид структуры общественного производства эпохи рождения креатосферы в недрах позднего капитализма.

Изменения в структуре общественного воспроизводства: материальное производство, креатосфера и бесполезный сектор в экономике XXI века

Прежде чем мы остановимся на собственно авторских акцентах, подчеркнем, что экономика позднего капитализма воспроизводит и традиционные структурирования любой экономической системы. Это идущее преимущественно от специфики предмета и/или результата труда отраслевое деление, а также базирующееся преимущественно на специфике орудий труда выделение различных технологических укладов. Однако исследование воспроизводства прежде всего производственных отношений позволяет сделать и иные акценты.

В этом случае мы, *во-первых*, можем использовать критерий социально-экономического прогресса (прогресс человека и других компонент производительных сил) и выделить, те сферы общественного производства, которые (1.1) содействуют прогрессу этих параметров (большая часть отраслей материального производства и креатосферы), и те сферы, где (1.2) создаются феномены, служащие исключительно целям извлечения прибыли и иным отчужденным целям (геополитическая экспансия и т.п.). Как мы уже писали, первое – это *реальный сектор*, в котором производятся полезные блага. Второе – *бесполезный сектор*, который более строго может быть назван *превратным*, ибо в нем производятся не полезные для прогресса экономики, общества и человека блага, а превратные формы, являющиеся по преимуществу симулякрами.

Критерий выделения этих двух сфер с теоретической точки зрения прост и был сформулирован выше: [не] создание компонент прогресса Человека, производительных сил и/или культурных ценностей. На практике этот критерий может быть применен лишь косвенно, ибо мы можем лишь теоретически определить, что в одних из фактически выделяемых отраслей (например, в промышленности, образовании, здравоохранении) выше роль первого компонента, в других (финансы, масскультура и т.п.) – второго. Однако и в промышленности, и в образовании создается немало симулятивных псевдоблаг, а сфера финансов необходима для

интенсификации инвестиционного процесса, того, что образно можно назвать «общественным счетоводством» и т.п.

Во-вторых, используя такой базовый критерий как содержание труда и (как производный) технологий в рамках собственно реального сектора могут быть выделены следующие большие сферы:

(2.1) производства, основанные на репродуктивном ручном труде и использующие доиндустриальные технологии I уклада (сюда войдет часть материального производства и сферы услуг);

(2.2) производства, основанные на репродуктивном машинном труде и использующие индустриальные технологии 2–4 укладов;

(2.3) креатосфера, где главную (не обязательно количественно доминирующую, но определяющую лицо и миссию этой сферы) роль играет творческая деятельность; это большая часть образования (включая воспитание), здравоохранения, культуры, деятельности по рекреации природы и общества, плюс та часть материального производства, которая базируется на постиндустриальных технологиях, где человек по выражению Маркса выступает преимущественно как контролер и регулятор.

В-третьих, в рамках креатосферы мы можем выделить аналоги I и II подразделений. Напомним, что в индустриальной экономике, основой которой была, естественно, индустрия, производство машин (производство средств производства) именно эта сфера была названа в рамках марксистского дискурса I подразделением. Производство при помощи этих машин предметов потребления было, соответственно, II подразделением. По аналогии мы можем предположить, что в рамках креатосферы роль I подразделения выполняют сферы, в которых производится главный «ресурс» развития – творческий потенциал человека (это такие «отрасли» как образование, здравоохранение, социальная работа и т.п.). Использование этого главного ресурса для производства важнейших результатов функционирования креатосферы – культурных ценностей, в частности инноваций, know-how, произведений искусства и т.п. происходит в таких областях как фундаментальная и прикладная наука, инженерное и социальное творчество, управление, художественная культура и т.п. Эти сферы, следовательно, выполняют роль II подразделения креатосферы.

В экономике, где креатосфера играет роль лидера, локомотива развития, *собственно материальное производство и сектор полезных* (для прогресса человеческих качеств, решения экологических задач) *услуг будет выполнять роль, производную от развития креатосферы*. Соответственно, в рамках материального производства можно в этом случае выделить (следуя марксовой традиции и несколько развивая) ее III (производство средств производства), IV (производство предметов потребления) и V (производство полезных услуг) подразделения. «По ту сторону» такого реального сектора будет лежать сфера производства симулякров

и иных бесполезных (а то и просто вредных) феноменов – превратный сектор (см. таблицу 2.1).

таблица 2.1 Структура общественного воспроизводства рыночной экономики в условиях генезиса массовой творческой деятельности (разработано авторами)

общественное воспроизводство	реальный (полезный) сектор	<i>креатосфера</i>	Формирование человеческих качеств (образование, искусство, здравоохранение и спорт и т.п. – I подразделение общественного воспроизводства)
			Использование человеческих качеств для создания феноменов культуры (НИОКР и другие сферы, создающие новые технологии, произведения искусства и т.п. – II подразделение общественного воспроизводства)
		<i>материальное производство и сектор полезных услуг</i>	Производство средств производства (III подразделение общественного воспроизводства)
			Производство предметов потребления (IV подразделение общественного воспроизводства)
			Производство полезных услуг (V подразделение общественного воспроизводства)
<hr/>			превратный (бесполезный) сектор

Эта обобщенная модель структуры общественного воспроизводства эпохи генезиса «царства свободы» может быть конкретизирована в виде опять же не имеющей конкретных количественных значений и потому сугубо теоретической модели (см. таблицу 2.2), показывающей на основе условных экспертных оценок меру про[ре]гресса креатосферы и превратного сектора в основных традиционно выделяемых отраслях общественного воспроизводства.

таблица 2.2 Мера про[ре]гресса креатосферы и превратного сектора в основных отраслях общественного воспроизводства позднего капитализма (теоретическая модель)

отрасли	основные технологические уклады (1–6)	основное содержание труда (репродуктивный; репродуктивный с элементами творчества; творческая деятельность)	мера развития реального («полезного») сектора (пр-во мат. благ и утилитарных услуг, содействующих прогрессу произв. сил и человеческих качеств) (экспертная оценка по 5-балльной системе)	мера развития креатосферы (экспертная оценка по 5-балльной системе)	мера развития превратного (бесплезного) сектора (экспертная оценка по 5-балльной системе)
1	2	3	4	5	6
р	3, 4	сельское хозяйство	++++	+	-
р, р-т	4, 5 (инф. компонент)	промышленность (без ВПК)	+++	+	+(пр-во излишних мат. благ).
р	3, 4, 5 (инф. компонент)	транспорт	++++	+	-
р	1, 3, 5 (инф. компонент)	торговля	++	-	+++ (рекл. и т.п.)
р	2, 3, 4	складское хоз-во)	+++	+	+(пр-во излишних благ)
р	3, 4, 5	связь	+++	+	+(пр-во излишних благ)
р, р-т	1, 5, 6	управление (в т.ч. внутри-корпоративное)	+	++	++ (манипулирование, бюрократ. компонент)
р, р-т	1, 6	финансы	+	+(контроль, учет)	+++
р, р-т	1, 2, 3	бытовые услуги населению	++	+	++ (пр-во излишних благ)
р-т	4, 5	ВПК (без НИОКР)	+	+	+++
р-т, т	1, 6	образование и воспитание	+	+++	+(пр-во фиктивных знаний, манипулирование, воспр-во номенклатуры)

1	2	3	4	5	6
р-т, т	4, 5, 6	наука и ОКР	+	+++	+ (пр-во антиобщ. и фиктивных инноваций)
р-т, т	1, 6	искусство	+	+++	+ (пр-во антиобщ. и фиктивных феноменов)
р, р-т	4, 6	средства масс. информации; масс. культура	+	+	+++
р-т	5, 6	информаци- онные системы	+	++	++ (обслужива- ние преврат. сектора)

«Иерархия» отраслей построена на основе выделения, параметров, доминирующих в XIX веке (1–4), первой половине XX (5–10) и второй половине XX – начале XXI (11–15) веков. Знаком «+» обозначен удельный вес (от 1 до 5 «+», экспертная оценка) реального сектора, превратного сектора и креатосферы в данной отрасли на современном этапе развития.

Представленная в форме таблицы 2.1 теоретическая модель¹ позволяет показать (доказательством модель, естественно, служить не может), что с содержательной точки зрения структура общественного воспроизводства в современных условиях должна иметь существенно отличный от принятого ныне вид. В ней с содержательной точки зрения следовало бы выделять прежде всего названные выше крупные блоки (материальное производство и утилитарные услуги, креатосфера, превратный сектор) и их конкретные «отрасли». Такое структурирование было бы не только теоретически корректно, но и принципиально важно с точки зрения практики. Только не практики делания бизнеса и подсчета прибылей и убытков от безразлично какой [с содержательной точки зрения] деятельности, а практики продвижения общества к миру, где общественное воспроизводство будет подчинено эко-социо-гуманитарным приоритетам.

В последнем случае мы могли бы на основе предложенной выше группировки ресурсов и результатов общественного воспроизводства оценить количественно меру продвижения из мира удовлетворения утилитарных потребностей в мир развития человеческих качеств, а также бесполезной (вредной) растраты ресурсов общества и природы на достижение фиктивных результатов. В этом случае *эффективность об-*

¹ Наполнение таблицы статистической информацией представляет немалую практическую и методологическую трудность, ибо доступные статистические данные сгруппированы принципиально иначе и с большим трудом поддаются идентификации с предлагаемыми выше структурными группами.

щественного воспроизводства будет тем выше, чем больше благ, необходимых для развития человеческих качеств (производство в креатосфере) и меньше благ, создаваемых в превратном секторе, приходится на одну единицу производимых в обществе материальных благ. Количественным выражением эффективности общественного воспроизводства может служить формула:

$$Ef = (Cr - Ir) / Q, \text{ где:}$$

Ef – эффективность общественного воспроизводства,

Cr – объем производства креатосферных ценностей (на душу),

Ir – объем производства бесполезных феноменов в превратном секторе (на душу),

Qm – объем производства материальных благ и услуг (на душу).

Справочно: общий объем производства всех благ и услуг $[Q]$ равен сумме объемов производства материальных благ и услуг, креатосферных ценностей и бесполезных феноменов в превратном секторе:

$$Q = Qm + Cr + Ir$$

К сожалению, авторы не могут предложить числовую иллюстрацию данной модели. И главная причина этого – не субъективная ограниченность наших исследовательских возможностей, а объективная специфика существующих количественных данных (прежде всего национальной и международной статистики), которые собираются исходя из задач общественного капитала и потому концентрируют свое внимание на непосредственных явлениях экономической жизни, кои, как мы уже не раз отмечали, суть превратные формы, создающие видимость иного, нежели реальное, содержания. Судить же по статистике, отражающей бытие превратных форм, о количественных параметрах содержательных процессов – задача крайне трудно разрешимая.

Продолжим наши комментарии. Выделенная выше новая структура общественного воспроизводства позволяет дополнительно аргументировать уже сделанный выше (в Прелюдии ко II тому) вывод о том, что за понятиями «сфера услуг» и «материальное производство» в современной капиталистической экономике скрывается крайне неоднородная совокупность сфер. Если в качестве критерия для вычленения исследуемой нами структуры принять меру продвижения от материального производства к креатосфере, да еще и с учетом формирования превратного (бесполезного) сектора, то весьма сомнительными окажутся многие едва ли не общепринятые ныне тезисы.

Во-первых, по существу *неправомерным* окажется типичное для многих упоминавшихся выше авторов *сближение (а то и прямое отождествление) постиндустриального сектора и сферы услуг*. Последняя включает огромный пласт доиндустриальных и индустриальных видов деятельности. Кроме того, нельзя забывать и о том, что в отраслях материального производства (промышленность, транспорт и т.п.) ныне весьма развиты постиндустриальные технологии.

Во-вторых, окажется, что критерий «постиндустриальности» как неявно применяемая мера развитости обществ и, в частности, один из критериев «отрыва» «Первого» мира от остальных, даже если его использовать достаточно строго, как синоним более высоких, чем индустриальные, технологий, по меньшей мере недостаточен, ибо не учитывает такого важнейшего параметра, как сфера (а значит, мотивы, цели и социальные, экологические, гуманитарные *результаты*) использования этих высоких технологий. Тем более не следует отождествлять постиндустриальный и превратный сектора, о чем мы специально писали в Прелюдии.

В-третьих, *наиболее важными с точки зрения прогресса (экономического, социального, гуманитарного) окажутся те отрасли сферы услуг, где в наибольшей степени обеспечивается простор для ростков креатосферы* (названные два критерия лишь частично совпадают), а не все те, где максимально используются информационные и иные высокие технологии (и уж тем более не те, где максимально широко развит превратный сектор).

Перечень следствий несложно продолжить¹, но главное для нас сейчас в том, что все они обусловлены не произвольно заданной авторами групп-

¹ Экспансия превратного сектора приводит к еще одному, пожалуй что неожиданному для большинства нынешних экономистов, результату. В рамках общего контекста перенакопления капитала и перенасыщения рынка всевозможными товарами и услугами, приводящих к опережающему развитию производства симулякров, в условиях позднего капитализма возникает фундаментальный... дефицит. Это дефицит *Культуры, Природы и Человека* как таковых, а не их рыночных и уж тем более симулятивных форм. Три выделенных выше слова неслучайно написаны с большой буквы. В постоянно акцентируемом нами контексте генезиса креатосферы они обозначают Человека в его генетически-всеобщем, родовом бытии, Культуру как мир неотчужденного со-творчества и Природу как ценность, а не ресурс или уж тем более не свалку. Эти феномены поздний капитализм воспроизводит в *суженном* масштабе, что вступает в жесткое *противоречие* с потребностью в их *расширенном* воспроизводстве, создаваемой выделенными нами изменениями в содержании труда, его средств и результатов, во взаимодействии общества и природы и т.п. Существенно, что рынок не может отразить наличие этого дефицита и потому он *кажется* несуществующим: в мире нет и не может быть платежеспособного спроса на универсальные, всеобщие ценности – человеческие качества, произведения подлинной культуры, красоту природы: человечество уже тысячелетия назад поняло, что любовь, дружбу, этические и эстетические чувства купить нельзя... Но хотя эти феномены не существуют для рынка, общественная потребность в них высока и постоянно растет вследствие названных выше объективных причин. Так возникает *противоречие*. С одной стороны, всеобщие и универсальные ценности нельзя купить. Их можно только распределить в процессе со-творчества как деятельности и общения. С другой стороны, и современный капитал-производитель благ, и жаждущий их обрести покупатель не способны ни опредмечивать, ни распределить феномены креатосферы: они умеют лишь продавать и покупать. →

пировкой, примененной в таблице (она, еще раз повторим, всего лишь иллюстрация), а предложенной ниже теоретической гипотезой. Она же, напомним, показывает, что именно креатосфера, а не сонм многократно упоминавшихся выше превратных форм, есть прогрессивный наследник развития материального производства.

Таковы некоторые фрагментарные характеристики процесса накопления в условиях позднего капитализма. Они, однако, останутся сугубо неполными, если мы не обратимся к анализу процессов перенакопления капитала, о чем мы не раз уже упоминали и что стало глубинным основанием мирового финансового и экономического кризиса, начавшегося в 2008 году и заставившего вновь «вспомнить» экономистов (и теоретиков, и практиков) о том, что капитализм и кризисы – «две вещи нераздельные».

ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА: КРИЗИСЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

2008 год ознаменовался многими различными событиями. Но два из них кажутся авторам этого текста не просто тесно взаимосвязанными, но символическими: в мире разразился по-настоящему глубокий экономический кризис, и при этом резко возрос интерес к работам Маркса.

На это совпадение указывают многие. Но не меньшее число интеллектуалов подчеркивает, что иные из марксистов так долго говорили о кризисе капитализма, что подавляющее большинство аналитиков перестало воспринимать их всерьез. Эти разговоры ведутся вот уже более полувека и стали напоминать известную притчу о пастухе, который все время кричал: «Волк! Волк!», а волка все не было и не было.

Но однажды волк пришел...

Между тем серьезные марксисты (в отличие от парт политпропагандистов) заговорили об угрозе мирового финансового кризиса и потенциальной возможности превращения его в мировой экономический кризис лишь относительно недавно – на рубеже веков. Именно тогда стало очевидным: отрыв фиктивного финансового капитала от нужд производства материальных благ и человеческих качеств достиг опасной черты.

Так, авторы данного текста уже в 2004 г., подводя итоги анализа природы виртуального фиктивного финансового капитала XXI века, сделали уже упоминавшийся в I части вывод о том, что *«вполне вероятный в обозримом будущем кризисе мировой финансовой системы может ока-*

← Разрешением этого противоречия становится все расширяющееся производство симулякров культурных, человеческих, природных ценностей. Последние продаются и покупаются и именно в этой сфере возникают многочисленные новые формы капитала: от *продажи семьи* (жен, мужей, детей) до т.н. *«креативного бизнеса»*. Суть первого – продажа симулякра семьи, последнего – симулякров участия потребителя в процессе со-творчества. Подчеркнем: к этим выводам авторов подтолкнула гипотеза М.Ю. Павлова.

заться детонатором серии глобальных катаклизмов»¹. В другом тексте, посвященном анализу макроэкономической динамики в нашем Отечестве, также был сделан вывод, что в этих условиях в России результатом продолжения установившегося в 2000-х годах государственно-олигархического капитализма, приводящего к фактическому отказу от приоритетного развития социальных отраслей и вложений в развитие Человека при продолжающемся доминировании топливно-сырьевых и финансовых олигархических групп, станет «нарастание экономических трудностей, неизбежное в районе 2008–2010 гг.»².

И авторы были не одиноки в этом прогнозе. К сожалению, он сбылся. «Волк» пришел. Мировой кризис стал реальностью.

Кризис-2008: «Капитал» Карла Маркса стал наиболее востребованным экономическим сочинением

Анализ мирового экономического кризиса мы начнем с констатации двух эмпирически очевидных явлений.

Явление № 1. Впервые после долгого перерыва, вопреки всем рассуждениям mainstream'a об окончательном торжестве в новом веке механизмов рыночной саморегуляции³, разразился всемирный финансовый кризис, очень быстро ставший и кризисом экономическим. Причем кризис оказался на удивление «нормальным», весьма похожим по основным параметрам на «обычный» циклический кризис, описанный в учебниках по политической экономии еще в позапрошлом веке. Это совпадение с классической марксистской теорией было даже чрезмерным: значительно изменившийся за более чем столетие капитализм должен порождать видоизменившиеся кризисы, а тут (на первый взгляд) все точно по марксистскому учебнику. Одновременное появление массы необеспеченных («плохих») долгов, паника на бирже и падение фондовых индексов, постепенно начинающееся сужение потребительского спроса и сокращение производства, рост безработицы, плюс – совсем уж необычное для современной экономики явление – угроза дефляции (кризисного падения цен).

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 228–229.

² Колганов А.И. Пример классового анализа российского капитализма (кое-что о макроэкономической мудрости журнала «Эксперт») // Альтернативы, 2004. № 2. С. 89–90.

³ А.А. Пороховский и ряд его коллег указали на примечательный факт: в 2003 году нобелевский лауреат по экономике Роберт Лукас заявил, что «макроэкономика в определении, данном выше, выполнила свое предназначение: ее центральная проблема – предотвращение депрессии – успешно решена, и с практической точки зрения, решена уже в течение многих десятилетий» (Lucas R. Macroeconomic Priorities (Presidential Address Delivered at the One-hundred Fifteenth Meeting of the American Economic Association, January 4, 2003, Washington, DC) // The American Economic Review, Vol. 93. 2003. № 1. P. 1).

Все это очень похоже на классическую картину кризиса, как она была описана (точнее выведена из анализа природы капиталистической экономической системы) Карлом Марксом полтора столетия назад.

Явление № 2, вполне понятное в интерьере описанных выше событий – невероятный, лавинообразный рост интереса к марксистской теории вообще и «Капиталу» К. Маркса, в частности: общеизвестно, что эта книга раскупалась в 2008–2010 годах в мире с удивительной скоростью¹. Даже в России несколько разных издательств выпустили заново изрядными тиражами «Капитал»², который до этого в нашей стране выбрасывали из библиотек...

Итак, Маркс вновь актуален. Назад, к «Капиталу»?

Будучи марксистами не по самоназванию, а по существу, мы должны предостеречь легковверную публику и профессионалов. Здесь не все так просто. «Капитал» как таковой за эти полтора столетия существенно устарел. И это подтверждение правоты марксизма: наша методология и теория всегда требовала саморазвития и самокритики в соответствии с развитием самой жизни. В ситуации с нынешним кризисом все это вполне подтверждается.

Прежде чем обратится к анализу глубинных процессов и причин кризиса, напомним общеизвестные параметры современного кризиса.

Мировой кризис: некоторые факты и варианты их объяснения

Прежде чем обратится к анализу глубинных процессов и причин кризиса, напомним общеизвестные параметры кризиса. Началось все в США, что неслучайно: претензии этой экономической системы на роль «метрополии» в новой глобальной «империи» небезосновательны.

На рубеже веков в США развернулись меры по дерегулированию финансового сектора. Чуть позже начавшийся бум цен на недвижимость начал надувать огромный пузырь ипотечного кредитования. Параллельно

¹ А. Пороховский пишет: «...цельной теории воспроизводства, рассматривающей и причины кризисов, и основу периодичности и длительности деловых циклов, ни у кого не удалось обнаружить, кроме как в “Капитале” К. Маркса. Неслучайно поэтому среди интеллектуалов, политиков и простых людей вдруг спонтанно возник бурный интерес к “Капиталу”, который начали переиздавать и на материалах которого впервые издавались художественные произведения и даже комиксы для детей» (см.: *Пороховский А.А. Современный кризис: взгляд политэконома // Альтернативы. 2009. № 1. С. 59*).

² См., например: *Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга 1. Процесс производства капитала (комплект из 2 книг). М.: Терра – Книжный клуб, 2009; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо, 2011; Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. Кроме того, «Капитал» приходит к русскоязычному читателю с помощью современных медийных технологий: *Маркс К. Капитал (аудиокнига МР3). М.: АрМир, 2010; Маркс К. Капитал. Цифровая книга. М.: Проспект, 2011. А уж размещенных в сети интернет-изданий «Капитала» вообще не счесть!**

с этим шло бурное развитие «теневых» (неконтролируемых непосредственно ФРС) финансовых институтов, о чем мы упоминали выше в связи с анализом виртуального фиктивного финансового капитала. Все это перегрело и без того бурно прогрессирующий процесс надувания пузыря финансовых активов (превысившего к 2007 году мировой ВВП более чем в 10 раз, о чем писалось почти во всех текстах, посвященных кризису).

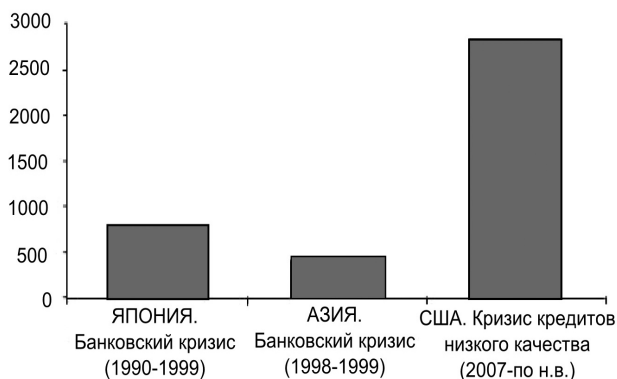
Этот фиктивный рост финансового сектора, не имевший реальных экономических основ, должен был закончиться, и он закончился. Падение цен на жилье стало спусковым крючком для всей последующей цепочки: свертывание межбанковского кредитования вследствие резкого падения доверия в отношениях между финансовыми институтами, общее обострение проблем с кредитом, крах одного за другим нескольких крупнейших финансовых институтов (оно превратилось бы в обвал банкротств, если бы не триллионные вливания государств в экономики США, ЕС и т.п.)... Кризис стал мировым и общеэкономическим.

Вскоре большинство экономистов признало, что перед нами экономический кризис со всеми его типичными симптомами. Коротко остановимся на основных из них:

- сокращение объемов и ужесточение условий кредитования¹;
- резкое падение капитализации компаний;
- резкое (хотя и неравномерное) падение фондовых индексов;
- рост бюджетного дефицита;

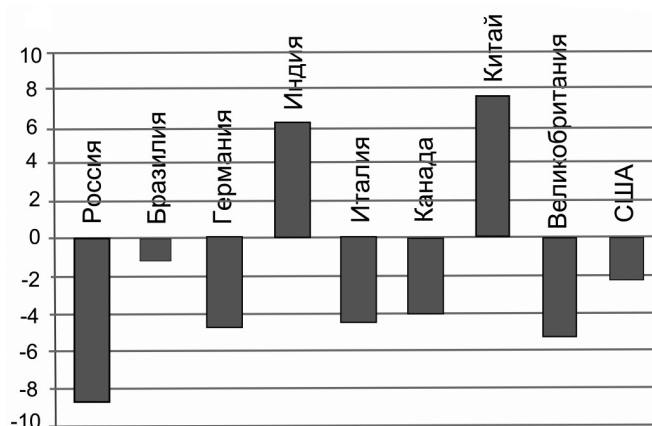
Все это, естественно, привело к резкому ухудшению ситуации в финансовом секторе в целом, вызвав значительные потери банков и других финансовых институтов (см. рис. 2.1)

рис. 2.1 Потери стран от финансовых кризисов (млрд долл.)
(Источники: IMF, Bank of England.)



¹ Бывший глава Bear Stearns в этой связи заявил уже 10 декабря 2008 г.: «Уолл-стрит прекратил свое существование». Это было, конечно же, сильным преувеличением, но на проблему сие заявление указало точно.

рис. 2.2 Динамика реального объема ВВП за 2008–2009 гг. (в %)¹



Чуть позже стала очевидной *рецессия в производстве*, захватившая в разной мере большинство стран мира (см. рисунок 2.2). Исключение составили Китай и ряд других экономик с активным государственным регулированием.

В области *занятости* ситуация также оказалась далеко не благоприятной: процент безработных увеличился в 1,5 раза, а в некоторых отраслях – в два раза и более.

таблица 2.3 Безработица в некоторых странах мира в 2007–2011 гг.

страна	годы				
	2007	2008	2009	2010	2011
Россия	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5
США	4,7	5,9	9,3	9,7	9,0
Германия	8,6	7,5	7,7	7,1	5,9
Франция	8,0	7,4	9,1	9,3	9,2
Великобритания	5,4	5,4	7,8	7,8	7,9
Китай	3,8	4,4	4,4	4,2	4,3

Источник: Составлено авторами по данным Всемирного банка. Доступ по ссылке: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>.

¹ Анисимова Г. Неравенства в российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы. 2014. № 1.

Массовым явлением стало *замедление инфляции и даже падение цен производителя*. Так, в США снижение потребительских цен стало рекордным за 61 год. Потребительские цены в этой стране в октябре 2008 года снизились на процент, что стало рекордным падением с 1947 года, когда начала фиксироваться статистика, сообщает Bloomberg¹.

Весьма впечатляющим является *свертывание потребительских расходов* (только один пример: покупки автомобилей в США – в расчете на душу населения – в конце 2008 года опустились до уровня более чем полувековой давности² и т.д.).

Все основные параметры классического кризиса, на первый взгляд, налицо³. Как и легко наблюдаемые отличия: кризис начался в финансовой сфере, с самого начала сопровождается мощными антикризисными регулирующими мерами государства и т.п.

Казалось бы, есть все предпосылки для обращения к марксистской теории кризисов. И это обращение состоялось. Но далеко не все экономисты-теоретики пошли по этому пути, что, впрочем, совершенно естественно. Логика развертывания противоречий самого капитала и обусловленная в определенной мере ею логика развертывания суждений его адептов-теоретиков и здесь проявили себя с достаточной прозрачностью.

Так, принципиально свойственная корпоративному капиталу – субъекту глобальной гегемонии – [само]уверенность в возможностях своей безграничной экспансии при условии невмешательства в механизмы функционирования тоталитарного рынка (развивающегося ныне, как мы показали, под эгидой ренессанса «свободной конкуренции») обусловила радикально-правый взгляд на причины кризиса. Сам феномен был объявлен случайным, а его причины сведены к ошибкам в регулирующей политике государства. Поскольку последняя, по мнению экономистов этого типа, вообще не может не приводить к субъективным деформациям экономического равновесия, постольку регулирование рано или поздно должно было привести к кризису, что и стало реальностью в результате ряда неудачных решений правительств (прежде всего США). Впрочем, среди сторонников экономического либерализма есть и ряд радикально-правых теоретиков, которые рассматривают вопрос на принципиальном уровне и утверждают, что причины кризиса – не просто ошибки в регулировании, а вообще наличие регулирования, которое должно быть прекращено.

¹ См.: <http://www.lenta.ru/news/2008/11/19/deflation/>.

² См.: www.worldcrisis.ru.

³ Приводимые выше факты, равно как и многообразные версии причин и природы кризиса (преимущественно авторов, тяготеющих к марксистско-кейнсианскому направлению экономической мысли) подробно раскрыты в серии статей, собранных в коллективную работу *The Economic Crisis Reader* / By G. Friedman, F. Moseley, Ch. Sturt et al. N.Y.: Dollars & Sense, 2010.

Эта позиция, конечно же, теоретически неслучайна: способный на осуществление глобальной гегемонии (формирование «полей зависимости», многоплановое формальное и реальное подчинение труда и Личности) капитал *an sich* не нуждается в регулирующем воздействии общества и государства – необходимое современной экономике сознательное регулирование и программирование он способен осуществлять сам. *Частный корпоративный капитал сам есть субъект сознательного регулирования и другие субъекты ему не нужны.* Государство и общество как субъекты сознательного регулирования экономики ему прямая помеха, если не враг. Вот только вопрос: способно ли соперничество локальных регулирующих субъектов (корпораций), генерирующих перенакопление капитала (проявляющее себя в росте превратного сектора, в частности финансиализации и рынка симулякров) и растущую социальную дифференциацию, обеспечивать бескризисное развитие глобального капитализма?

Авторы уверены, что нет. И кризис, начавшийся в 2008 г. подтверждает нашу правоту и правоту всех тех, кто критически относится к стратегии сворачивания регулирования экономики¹. Аргументы в данном случае хорошо известны. Во-первых, развертывание кризиса стало следствием не усиления, а свертывания регулирования и начался кризис именно там, где это свертывание было наиболее сильным – в финансовой сфере. Во-вторых, крупный бизнес, как хорошо известно, потребовал не сворачивания, а усиления регулирующих действий государства, названных даже некоторыми горячими головами «финансовым социализмом»

¹ Ставшие следствием неолиберальной политики последних десятилетий дерегулирование и десоциализацию выделяют как одни из основных причин кризиса многие экономисты марксистского и посткейнсианского направлений, и даже «ортодоксальные» кейнсианцы. Об этом много писалось в работах всем известных Дж. Стиглица и П. Кругмана. Более глубокий и более точный, на наш взгляд, анализ *системы* причин кризиса дан в работе: Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Edited by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 2010.

Ряд российских авторов также указывают на дерегулирование и десоциализацию как одни из важнейших причин кризиса. Так, среди причин кризиса А.А. Пороховский и Р.С. Гринберг выделяют несогласованность общенациональных и частных интересов в условиях господствующей идеологии рыночного фундаментализма, отрыв финансового сектора от реального и др. (см.: Пороховский А.А. Политическая экономика современного кризиса // Главная книга о кризисе. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 47–59; Гринберг Р.С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Там же. С. 59–72). Кризис рынка ценных бумаг считает неизбежным следствием философии *laissez-faire* Г.Г. Чибриков (см.: Чибриков Г.Г. Кризис финансовой системы: методы преодоления // Главная книга о кризисе. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 238–251).

(на наш взгляд, эти меры следовало бы назвать финансовым *антисоциализмом*, ибо это были шаги по перераспределению денег от граждан в пользу проигравшихся в «финансовых казино» частных финансистов). В-третьих, масштабы (всемирность, глубина спада, продолжительность) кризиса явно слишком велики для того, чтобы объяснять их «ошибками».

Здесь, правда, требуется несколько оговорок. Об «ошибках» предпочитают говорить не только сторонники экономического либерализма, но и все те из интеллектуалов, кто вообще не акцентирует проблему *причин* кризиса, подменяя их содержательный анализ описанием процессов, приведших к кризису. Но ученым хорошо известно, что *post hoc, non est propter hoc* («после того не означает вследствие того»). Здесь срабатывает общая логика позитивизма и обращения только к эмпирически наблюдаемым феноменам и их функциональным связям, свойственная большинству нынешних ученых. Если вы под причинами явления понимаете не обстоятельство, непосредственно приведшие к появлению феномена (в данном случае – мировому кризису), а фундаментальные противоречия, закономерно вызвавшие данный результат, то исследователи-позитивисты просто не понимают такой постановки вопроса. Они, повторим, понимают только один вопрос: какие эмпирически наблюдаемые процессы в экономике привели к кризису, и как эти процессы можно (нельзя) было скорректировать, и в каком направлении, дабы кризиса избежать.

К сожалению *методологически* сходным образом рассматривает проблему кризиса и большинство представителей тех ученых и экономполитиков, кто видит будущее мировой экономики в развитии активно селективного, социально ориентированного государственного регулирования и программирования. Справедливо, на наш взгляд, усматривая непосредственный импульс развертывания кризиса в свертывании регулирования в финансовом секторе, они в то же время не рассматривают более глубоких противоречий современного капитала, которые собственно и являются *причиной* кризиса, сдерживавшегося государственным регулированием.

Различие нашего и данного (восходящего кейнсианству) подхода, на первый взгляд, лишь в теоретико-методологической нюансировке. Но на самом деле проблема гораздо серьезнее. Кейнсианцы с большей или меньшей степенью радикальности показывают, что современная рыночная экономика для своего нормального (в частности, бескризисного) функционирования должна использовать государственное регулирование и не более того. Мы же доказываем (и этому будет посвящен весь данный текст), что современный глобальный капитал не может не порождать кризисы перенакопления в силу своих внутренних противоречий, а государственное регулирование способно в лучшем случае смягчать проблемы перенакопления, канализируя их в замедление темпов роста и структурные диспропорции глобального капитализма.

Что касается левой (тяготеющей к марксизму) ветви политэкономии, то она активно отреагировала на феномен кризиса и это вполне естественно: после десятилетий полумаргинального существования наши идеи оказались востребованы научным сообществом. Спектр объяснений феномена «глобальный финансово-экономический кризис» в нашем сообществе весьма широк: от преимущественно посткейнсианского (тяготеющего к идеям Мински) через социальную теорию накопления¹ к классически (если не сказать старомодно) марксистским.

Прежде чем предложить авторский вариант исследования природы кризиса, заметим, что основные его положения были сформулированы, что называется, «по горячим следам» – в 2008 году – и вскоре опубликованы на русском и английском². В это время теоретические объяснения кризиса, предлагаемые нашими зарубежными коллегами-марксистами, или вообще еще не были сформулированы, или, по крайней мере, не были нам доступны. Поэтому вполне естественно, что позже мы обнаружили немало общего в наших подходах, и об этих инвариантах мы поведем речь ниже.

Свой анализ мы начнем с вопроса, постановка которого, на наш взгляд, дает в руки исследователя «золотой ключик» от двери в мир теоретической проблемы «причины мирового финансово-экономического кризиса». Этот ключевой вопрос суть следующий: *почему после более чем полувекового развития без значительных спадов мировая капиталистическая экономика вновь оказалась в условиях глубокого всестороннего всемирного кризиса?*

Принципиальный ответ современного марксизма на этот вопрос относительно прост: *капиталистическая социально-экономическая система, пройдя по спирали «отрицания отрицания», вернулась (в новом качестве) к тому состоянию, для которого были имманентны мощные внутренние кризисы.* Уточним. После падения советской системы и постепенно начавшегося демонтажа социальных ограничений и государственного регулирования капитализм стал постепенно возвращаться к состоянию, напоминающему эпоху классического монополистического капитализма конца XIX – начала XX века. В условиях снятия многих антикризисных регуляторов (один из наиболее очевидных примеров – отмеченное выше нарастание дерегулирования в финансовой сфере) вновь актуализировались «классические» причины

¹ См.: Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Edited by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 2010.

² Бугалин А.В., Колганов А.И. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1; Buzgalin A., Kolganov A. Economic Crisis: Scenarios of Post-Crisis Development // Science&Society, Vol. 74. 2010. № 4.

кризиса, характерные для «свободного» рынка (классического капитализма). Кроме того, они оказались мультиплицированы новыми причинами, включая новый виток развития виртуального фиктивного финансового капитала как господствующей в условиях современного рынка экономической силы.

Рассмотрим эти причины по порядку, взяв за основу логику классической марксистской теории кризиса, показывая всякий раз (естественно, очень бегло, штрихами) основные модификации, которые претерпел капитал в новом веке.

Противоречия товара. Глубинные предпосылки кризиса, или Почему бизнес осенью 2008 г. начал требовать государственной поддержки

Сейчас уже мало кто помнит классическую марксистскую теорию кризисов, поэтому некоторые напоминания о ней станут необходимой частью нашего анализа. Все начинается – и в этом специфика Маркса, который не постулирует, а *выводит* все основные положения своего грандиозного сочинения – с анализа товара. Именно здесь содержится ключ ко всему последующему анализу капиталистической экономики и потому ключ к пониманию кризисов.

(В скобках заметим: у Маркса нет особой теории кризиса. Теория кризиса и теория капиталистического способа производства есть *одна* теория: все тома «Капитала» раскрывают на основе восхождения от абстрактного к конкретному теорию цикличности капиталистического воспроизводства, и, в частности кризисов перепроизводства.)

Итак, теория товара Маркса предполагает, в частности, то, что труд в условиях этой системы носит двойственный характер.

С одной стороны, это частный труд – труд обособленных производителей, где каждый работает абсолютно независимо от других, за свой счет, на свой страх и риск, не зная, сколько его товара будет куплено, по какой цене и будет ли куплено вообще. Отсюда, в частности, такие фундаментальные свойства рыночной системы как возможность обогащения и разорения, конкуренция и т.п. важнейшие черты и стимулы развития рыночной системы.

С другой стороны, в условиях товарного производства все производители соединены системой общественного разделения труда. Здесь каждый производит товары не для себя, а для другого и потому все зависят друг от друга и от пропорционального развития всей системы в целом.

Как разрешается это противоречие товарного *производства*? Только посредством обмена продуктов как товаров на рынке. Признал рынок произведенные каждым агентом рынка на свой страх и риск продукты общественно необходимыми (акт купли-продажи совершился успешно) – система товарного воспроизводства работает нормально. Не признал

какую-то часть из них необходимыми (а именно это и происходит на многих рынках) – вот оно, *возможное* начало кризиса.

Вот здесь – в этой основе товарного *производства и обмена как единого процесса воспроизводства* – и лежит самая глубокая (и вместе с тем самая абстрактная) тайна экономических кризисов капитализма. В этой системе пропорциональность, сбалансированность экономики устанавливаются не непосредственно, а только апостериори, «задним числом», в результате стихийного столкновения товаров на рынке.

Но это еще не объяснение кризисов. Это только показ того, почему при капитализме в принципе возможен кризис *перепроизводства* (*недопроизводство* в этой системе быстро и просто компенсируется ростом цен; проблема же перепроизводства простым падением цен не решается; но об этом позже). Кстати, здесь же лежит и *самая глубокая* (и потому, намеренно повторим, самая абстрактная) *тайна всех шагов антикризисного регулирования: сделать так, чтобы производитель имел общественные, а не рыночные гарантии производства* (гарантируемые инвестиции, дешевые кредиты и т.п.) *и реализации своей продукции* (государственные закупки или «хотя бы» кредитование реализации).

Отсюда некоторая абстрактная закономерность, выведенная Марксом 140 лет назад: чем глубже обособленность производителей (*mainstream* бы сказал: чем более совершенна конкуренция), тем больше потенциал кризиса. Чем более точно и полно производство и обмен ориентированы на действительные общественные потребности, тем менее вероятен кризис перепроизводства.

Совсем недавно эти слова казались анахронизмом, верхом старомодности. А в октябре 2008 г. глава ФРС США на весь мир заявил, что причина кризиса – в чрезмерном доверии к механизмам саморегулирования рынка. Гораздо важнее, однако, другое доказательство: чего возжаждали в условиях кризиса представители капитала, бизнесмены-практики? Они потребовали не отказа государства от какого бы то ни было регулирования, а вливания в экономику гигантских общественных ресурсов с целью... непосредственно-общественного гарантирования своего выживания. Здоровый рефлекс капитала говорил устами взалкавших 700 млрд долларов бизнесменов США (первоначальный объем государственных вливаний, предусматривавшийся планом Польсена; в последний месяц 2008 года в этой стране заговорили уже о гарантиях на более чем 2 трлн долларов), 1,3 трлн долларов – бизнесменов ЕС, более 100 млрд долларов – бизнесменов России: *рыночный механизм саморегулирования не работает*. Нужны непосредственно-общественные регуляторы, гарантирующие априори общественную необходимость того, что они производят или того, чем они спекулируют. И вот государства выкупают «плохие долги», чтобы защитить бедных финансовых спекулянтов от разорения...

Деньги и абстрактная возможность кризисов при капитализме. Финансовый кризис как относительно самостоятельное явление

Следующий шаг в анализе возможности кризиса (напомним, мы о необходимости этого явления не сказали еще ни слова) связан с анализом денег. Для Маркса деньги – не просто некий механизм, создающий удобную форму обмена. И не просто некое количество знаков стоимости, которое должно быть урегулировано так, чтобы не нарушались пропорции товарного обмена. Для Маркса товар и деньги есть две стороны производственного отношения, обуславливающего определенные принципы функционирования рыночной экономики и ее противоречия. Одно из таких противоречий связано с функцией денег как средства обращения. В самом деле, в акте обмена двух товаров (акте купли-продажи) деньги – всего лишь мимолетный посредник. Как таковые они могут быть заменены всего лишь некоторым символом стоимости – бумажным или (в современных условиях все чаще) виртуальным знаком. Более того, в формуле $T - D - T$ акты $T - D$ и $D - T$ в принципе могут оказаться разорваны во времени и в пространстве. По мере дальнейшего развития денег и обретения ими функции средства платежа (появление кредитных денег) этот потенциальный разрыв все более становится правилом.

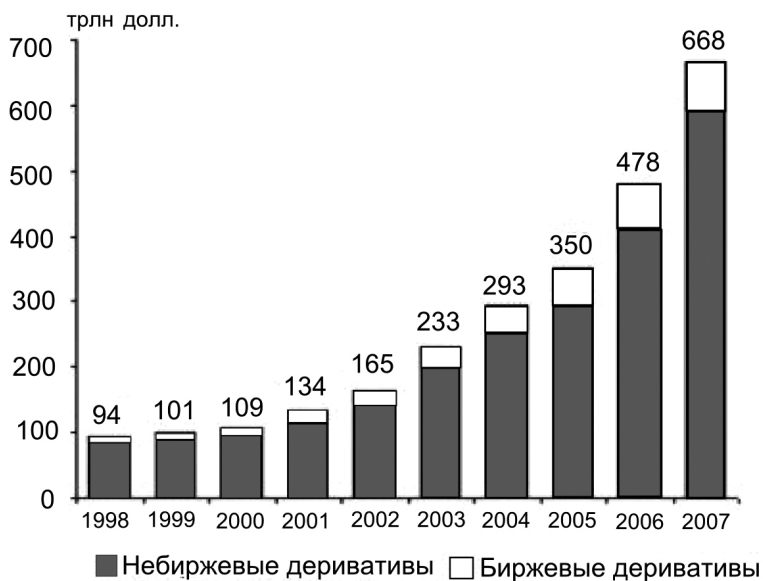
Так возникает простейшая определенность *проблемы реализации* как одной из важнейших проблем рыночной экономики вообще и капиталистической экономики, в частности. В условиях капитализма кому-то всегда не хватает денег, кто-то всегда не может продать товар. В результате там и тогда, где и когда в силу некоторых обстоятельств (о них ниже) масса этих жаждущих, но не способных обрести деньги (или хотя бы дешевый кредит) товаровладельцев становится критической, возникает *возможность кризиса перепроизводства*. Там и тогда эти товаровладельцы (бизнесмены, выражаясь современным языком) начинают требовать от правительства (ибо больше не от кого: свой брат частник просто так или задешево ни копейки не даст!) дешевых кредитов и субсидий.

Таков первый шаг в объяснении природы кризисов в классической марксистской теории. Но для анализа современных кризисов классических положений Маркса недостаточно. Мир существенно изменился и одно из таких фундаментальных изменений – *формирование виртуального фиктивного финансового капитала* и, как следствие этого, огромного финансового сектора. Последний термин, вообще-то говоря, не слишком строг, хотя и типичен для исследований на заданную выше тему. Для придания нашему изложению строгости авторы хотели бы уточнить его: далее мы будем говорить не столько о некотором секторе экономики, в котором осуществляются финансовые операции, сколько об особом капитале, осуществляющем вложения в финансовые транзакции и

получающем от их осуществления некоторые прибыли и/или убытки. Так вот, этот – **финансовый** – капитал в последние десятилетия стал превращаться в относительно самостоятельный и самодостаточный. Более того, он стал расти темпами, существенно опережающими динамику капитала в сфере так называемого «реального производства» (статистически его обычно отображают как нефинансовый сектор). Цифры этого роста хорошо известны, и они впечатляют. В 1980 году мировые финансовые активы (акции, негосударственные долговые обязательства, государственные долговые обязательства, банковские вклады) были примерно равны мировому ВВП (12 и 10 трлн соответственно). На 2007 год, с учетом вторичных деривативов, объем финансовых активов превышал мировой ВВП уже в 12 раз (см. рис. 2.3).

рис. 2.3 Динамика рынка деривативов (Источник: BIS.)

Объемы рынка деривативов*, трлн долл.



* Без товарных деривативов

Таким образом, можно констатировать, что в мировой экономике появилась гигантская «надстройка», в которой происходит относительно самостоятельное движение финансового капитала как обособившейся формы капитала вообще.

Что же стоит за феноменом отрыва финансового сектора от реального?

В глубине этого явления скрыты противоречия нового типа финансового капитала и его нового места в системе отношений глобального

капитала, развернувшиеся в конце XX – начале XXI столетия. Но не о них сейчас речь. В этом тексте отметим только хорошо известный парадокс.

С одной стороны, капитал, занятый в сфере финансовых трансакций, *самостоятелен и обособлен* в своем функционировании. И вплоть до кризиса-2008 эта сфера, действительно, казалась самодостаточной...

Однако в период кризиса выяснилось, что, *с другой стороны*, эта самостоятельность *относительна*. При этом многим аналитикам, совершающим ныне сие продиктованное радикально изменившейся практикой «открытие», невдомек, что марксисты (а вслед за нами и многие знавшие и не знавшие Маркса теоретики XX века) доказали эту относительность и показали ее основания полтора столетия назад, что мы показали в главе, посвященной анализу современного виртуального фиктивного финансового капитала. Впрочем, уже классический марксизм доказал, что деньги (не золото как товар, на создание которого затрачен общественно необходимый труд, а деньги как посредник обмена, бумажный или виртуальный знак) не есть богатство вне системы отношений товарного производства, системы *производства товаров*. Деньги как средство обращения есть всего лишь знак стоимости, а стоимость есть овещенный в товаре общественно необходимый труд.

Посему с точки зрения Маркса только эта стоимость может в дальнейшем распределяться и перераспределяться в любых других сферах экономики, в том числе в финансовом секторе, деятельность в котором сама по себе стоимости не создает. Все движение богатства, «вращающегося» в финансовых сферах, с точки зрения классической марксистской теории есть не более чем перераспределение стоимости, созданной в реальном секторе. При этом (и это уже не Маркс, а марксизм последних десятилетий, в частности выводы авторов, сделанные нами выше, в связи с анализом природы эксплуатации в современных условиях) современное производство характеризуется столь высокой производительностью труда и столь значимым общественным богатством, создаваемым всеобщей творческой деятельностью, что созданного в нем стоимостного богатства хватает и на всех спекулянтов, и на всех хозяев, и на всех тружеников финансового сектора. Финансовый капитал как таковой (за вычетом относительно небольшой доли расходов, необходимых для ведения деятельности, обслуживающей трансакции «реального сектора» и повышающей его эффективность) создает лишь... фиктивный капитал, крайне своеобразную «ложную социальную стоимость».

В условиях относительно стабильной экономики прошлых лет эта теоретическая модель казалась априори ложной или, в лучшем случае, безнадежно устаревшей. Квалификация едва ли не наиболее высокооплачиваемых профессионалов и самых «эффективных» предпринимателей, занятых в финансовом секторе, к кругу лиц, создающих по пре-

имуществу фиктивное богатство, выглядела как очевидно неадекватная практике теоретическая конструкция.

Кризис резко изменил ситуацию: фиктивность создаваемого в финансовом секторе богатства начала обнаруживаться с ужасающей быстротой. Казавшиеся очевидно высокодоходными вложения в финансовые активы и сами эти активы, выглядевшие очевидно общественно признанным богатством, превращаются в ничто. Бумажное (точнее, в сегодняшних условиях, виртуальное) богатство становится тем, что оно есть на самом деле – бумагой или всего лишь виртуальной, в воображении существующей реальностью.

Это богатство исчезает с пугающей легкостью: как мы показали выше, за время кризиса капитализация крупнейших корпораций и иных фирм сократилась радикальнейшим образом.

Так кризис доказывает правомерность трудовой теории стоимости и относительную самостоятельность денег, выступающих в своей функции средства обмена и – особенно – средства платежа (напомним: почти все финансовые активы в XXI веке так или иначе производны от заемных обязательств).

Таков второй шаг марксовской теории кризиса¹.

Разрыв актов купли – продажи во времени, относительная самостоятельность денежной формы в функции средства обращения и – особенно – средства платежа, обнажают проблему реализации и создают потенциальную возможность кризиса. В условиях приоритетного развития финансового сектора и его все большего отрыва от реального сектора эта возможность становилась все более и более реальной...

¹ «Дискуссия о причинах кризиса, лежащих в сфере финансов, отражена, в частности, в статье Л.Л. Игониной «Экономика и финансы: диалектика взаимосвязи» (Альтернативы. 2013. № 1. С. 123–124), которая делает основной акцент на гипотезе финансовой нестабильности Х. Мински (*Minsky H. The Financial Instability Hypothesis. Working Paper № 74. N.Y.: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College, May 1992*) и критике нерегулируемого капитализма денежных менеджеров Л. Рея (*Wrey L. The Rise and Fall of Money Manager Capitalism: a Minskian Approach // Cambridge Journal of Economics. 2009. № 33. P. 89*). Сама Л.Л. Игонина справедливо отмечает, что лежащие в этой сфере причины финансово-экономических кризисов «связаны со спецификой проявления биомодальной основы финансового капитала в глобализирующей экономике... Двойственный характер финансового капитала, описанный в рамках марксистской парадигмы, в современном мире выражается во все более четком разделении этого капитала на реальный капитал, аккумулируемый в денежных фондах компаний и участвующий в процессе реального воспроизводства, и трансфертный капитал, представленный диверсифицированным спектром фондовых и кредитных инструментов, обращающихся на финансовых рынках» (*Игонина Л.Л. Экономика и финансы: диалектика взаимосвязи // Альтернативы. 2013. № 1. С. 125–126*).

А теперь о превращении этой возможности в реальность.

***Перенакопление капитала и материальная основа кризиса.
Противоречия материального производства
и рост превратного сектора как первопричины кризиса***

Хорошо известно, что в позапрошлом веке кризисы носили по преимуществу циклический характер и были достаточно тесно связаны с волнами циклического обновления основного капитала. Первоначально эти волны рассматривались только как 7–10-летние циклы, связанные с обновлением оборудования (именно они и исследуются Марксом в «Капитале»), затем появились работы Кондратьева и его последователей, посвященные длинным волнам конъюнктуры. Постепенно материальную основу кризиса стали связывать и с периодической сменой технологических укладов¹.

Относительно менее известны, пожалуй, более важные аспекты марксистской теории кризисов. С точки зрения автора «Капитала» *кризис перепроизводства из потенциального становится реальным, тогда, когда возникают столь значительные массы перенакопленного капитала*, что значительная часть предпринимателей не может далее осуществлять свою деятельность, получая прибыль, близкую к средней, или вообще продолжать прибыльное воспроизводство (оказываются на грани банкротства или банкротятся). Точного количественного определения этой границы, конечно, нет и быть не может, но качественно она определяется так, что волна банкротств и/или свертывания активности бизнеса оказывается столь значительна, что вызывает не только приостановку роста, но и спад. Сначала в отдельных отраслях экономики, а затем и в экономике в целом.

Что же такое перенакопление капитала? Маркс выводит этот феномен из анализа закона-тенденции нормы прибыли к понижению. До недавнего времени это положение марксизма подвергалось систематической критике, причем часто некорректной: дело в том, что сам Маркс писал именно о тенденции, подробно анализируя причины ее возникновения и противодействующие ей факторы. Первые в современных условиях существенно изменились, вторые стали значимее. Так что опровержения марксизма здесь не состоялось.

Но состоялось совершенно справедливое заключение, что вследствие существенного изменения материально-технических основ и системы производственных отношений капитализма, произошедших за последние полтора столетия, норма прибыли не имеет тенденции к *постоянному падению*. Это объясняется, в частности, тем, что лежащий

¹ См., например: Яковец Ю.В. Кризисы неизбежны и необходимы // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Выпуск 3. / Под общ. ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2013. С. 59–63.

в основе тенденции нормы прибыли к понижению рост органического строения капитала был и остается закономерностью для индустриального типа развития. Современные технологии, предполагающие приоритетное развитие человеческих качеств и творческого содержания труда, производство прежде всего знаний, а не машин и оборудования (кстати, развитие технологий именно в этом направлении было строго предсказано-выведено Марксом еще в 1857–1859 гг.), изменяют динамику органического строения капитала и, следовательно, нормы прибыли. Кроме того, современная экономика развитых стран в значительной степени состоит из превратного сектора, прибыль которого вообще есть продукт перераспределения прибавочной стоимости, создаваемой в материальном производстве, и всеобщего культурного богатства, создаваемого в креатосфере. Так что для этой сферы классические характеристики «Капитала» вообще применимы лишь как абстрактная предпосылка, но не как конкретное объяснение любых феноменов, в частности, динамики нормы прибыли. Такова система производственных отношений позднего капитализма, породившая сложнейшую систему превратных, иррациональных и фиктивных форм капитала, «имеющего дело» с созданием и присвоением «ложной социальной стоимости». Все это, естественно, ставит проблему перенакопления капитала в принципиально новый контекст.

Однако само по себе перенакопление капитала в его строгом марксовом определении никуда не исчезло. Капитал, в силу как традиционных «старых», так и новых, связанных со специфическими закономерностями позднего капитализма (о них ниже) причин, по-прежнему то и дело оказывается в положении перенакопленного, не способного принести даже среднюю прибыль. И тогда в полный рост встают все те причины кризисов перепроизводства, о которых писал автор «Капитала».

Что же происходит?

Давайте вспомним классику, а затем посмотрим на ее современные модификации.

Выше уже упоминалось о том, что процесс воспроизводства всего общественного капитала носит в условиях капиталистического способа производства циклический характер, и было указано на материальную основу этой цикличности, которая лежит в периодическом характере обновления основного капитала.

Далее. Появление и применение нововведений, значительно увеличивающих эффективность нового основного капитала, заставляет конкурирующих капиталистов также применять в широких масштабах аналогичные нововведения, приводя к волнам массового обновления основного капитала и общему росту деловой конъюнктуры. Начавшись в какой-либо одной отрасли, эти волны, благодаря межотраслевым связям и эффекту мультипликатора, распространяются на многие, если не на все, отрасли экономики. Исчерпание этого массового обновления со-

кращает спрос на средства производства и приводит к общему снижению конъюнктуры. Каков экономический механизм этого снижения?

Значительную массу капитала, новообразованного в процессе его накопления, оказывается невозможно применить с прежней нормальной средней прибылью, поскольку: 1) выросло органическое строение капитала (но до поры падение нормы прибыли компенсируется для капиталистов ростом ее массы в условиях экономического подъема, либо противодействующие факторы вообще не дают видимого снижения нормы прибыли); 2) спрос на новые средства производства не может до бесконечности удерживаться на уровне, характерном для периода массового обновления основного капитала. Но этот факт проявляется для промышленных капиталистов не сразу. Поначалу заминки с реализацией начинают ощущать торговые капиталисты – именно у них начинают залеживаться нереализованные товары. Промышленные капиталисты пребывают в спокойствии – ведь они-то *уже продали* свой товар торговым капиталистам, а потому превосходно могут обратить вырученные деньги в добавочный капитал, что они и делают, продолжая расширять производство, привлекая новых рабочих и даже увеличивая заработную плату.

А'ргорос заметим: именно такая картина наблюдалась, в частности, в России осенью 2008 года: начавшись со сферы обращения, кризис лишь постепенно стал подбираться к сфере производства. Предприниматели в промышленности, на транспорте и т.п. стали думать об угрозах, с ним связанных, на несколько месяцев позже, чем их коллеги по обращению.

И еще одна ремарка: отмеченные выше закономерности процесса вхождения в кризис позволяют отвергнуть объяснение циклических кризисов недопотреблением широких масс, ибо накануне кризиса оно как раз достигает наиболее высокого уровня.

Продолжим анализ. Тем временем торговые капиталисты, будучи не в силах реализовать свой товар, снижают цену, чтобы сократить убытки и реализовать хоть что-нибудь, а нехватку денег для платежей по собственным обязательствам пытаются покрыть за счет привлечения ссудного капитала сверх обычного уровня, беря займы в надежде на временный характер затруднений. Повышенный спрос на ссудный капитал и более рискованные условия предоставления кредитов ведут к росту ставки процента. Развивается *кризис сбыта*.

В следующем кругообороте уже промышленный капитал сталкивается с трудностями в реализации произведенного товарного капитала. Торговые капиталисты не в состоянии купить его даже в прежних размерах – ведь они не смогли полностью реализовать и ранее сделанные закупки. Кроме того, раз цена конечной реализации упала, они также предлагают приобрести товары у производителей по сниженным ценам. А ведь промышленный капитал уже успел расширить производство!

Итак, значительная часть товаров не реализуется, а те, что реализуются, продаются дешевле, чем раньше. Начинается *кризис перепроизводства*. Денежная выручка падает, и промышленные капиталисты, в свою очередь, вынуждены делать добавочные займы, чтобы расплачиваться по своим обязательствам. Ставка ссудного процента взлетает еще выше.

В результате развертывания описанных выше процессов оказывается, что нормальная средняя прибыль предыдущего периода превратилась в недостижимую мечту. Общая норма прибыли падает, а значительная часть индивидуальных капиталов несет убытки. Разорившиеся торговые и промышленные капиталисты оказываются не в состоянии вернуть взятые кредиты. Поэтому ряд банков (особенно те, которые проводили рискованную кредитную политику) также оказывается в затруднительном положении и разоряется. Начинается *банковский кризис*. Банкротство банков приводит к панике среди вкладчиков – они начинают спешно изымать свои вклады из банков, ставя те в еще более затруднительное положение.

Здесь следует сделать оговорку: в отличие от «старой» модели, в условиях 2008 года цепочка кризисных явлений развертывалась несколько иначе. Начавшись в США с проблем ипотечного кредитования, она вызвала значительные потери банковского сектора и лишь затем кризис стал угрожать всем остальным сегментам экономики. Причины этого – в специфике сегодняшнего капитализма. В частности, в развертывании процесса так называемой «*финансализации*», о которой мы писали выше и к анализу которой мы еще вернемся.

Невозможность прибыльно реализовать свой капитал можно расценивать как *перенакопление капитала*: появляется масса капиталов, которые не в состоянии приносить прибавочную стоимость (тем более – среднюю прибыль), а потому являются относительно излишними. Множество капиталистов вынуждено сокращать, приостанавливать или вообще ликвидировать свою деловую активность. Вместе с излишними капиталами образуется и относительно излишняя рабочая сила. Растет резервная армия труда. Вместе с ростом безработицы падает заработная плата тех, кто удержался на своих рабочих местах. Капитал идет на удержание всех и всяческих расходов, чтобы возможно более сократить издержки производства и поднять норму прибыли (или вообще получить хоть какую-нибудь прибыль).

Падение доходов, как капиталистов, так и основной массы населения (наемных рабочих) ведет к падению нормы сбережения. Население сокращает сбережения для поддержания уровня потребления. Капиталисты-предприниматели для поддержания текущих расходов отказываются от долгосрочных инвестиций. Одновременно сокращается и предложение ссудного капитала, и спрос на него. Происходит дальнейшая декапитализация банковской системы.

Такое развитие событий переводит капиталистический цикл в *фазу депрессии*. Производство медленно сокращается или стоит на одном уровне, безработица весьма высока. За счет «выведения из игры» перенакопленных капиталов (то есть тех, которые не в состоянии найти прибыльное применение) постепенно восстанавливается нарушенная сбалансированность капиталистического хозяйства. «Выжившие» капиталы – как правило, наиболее эффективные с *точки зрения производства прибыли*, а также принявшие экстраординарные меры для восстановления своей прибыльности, – начинают медленно расширять производство. Восстанавливается связь промышленного, торгового и ссудного капитала, однако при более низком объеме операций, чем в период предшествовавшего подъема. Рынок фиктивного капитала стабилизируется, но его активность и уровень цен на нем стоят на низком уровне.

Вместе с начавшимся ростом производства начинает понемногу снижаться уровень безработицы. Сохранившийся в банках ссудный капитал не может лежать без движения – он также ищет прибыльного применения и начинает предлагать действующим промышленникам и торговцам займы по более низкой ставке процента. Начинается *оживление производства*. Постепенно оживление производства распространяется на все большее число индивидуальных капиталов и целых отраслей хозяйства. Оживление перерастает в *фазу подъема*, и весь цикл повторяется сначала.

Отличие современного капиталистического цикла от того, который сложился во времена К. Маркса, заключается в том, что в XIX – первой половине XX вв. кризис проявлялся прежде всего в *перенакоплении товарного капитала*, а потому выступал как *кризис перепроизводства*. Современные методы изучения рынка и учета движения товаров позволяют гораздо более оперативно реагировать на заминки со сбытом и даже прогнозировать их. Поэтому перенакопление товарного капитала хотя и происходит, но в гораздо менее значительных масштабах, и происходящее перенакопление капитала проявляется в первую очередь как *перенакопление, с одной стороны, производительного капитала*, выражающееся в растущей недогрузке производственных мощностей, а с другой – *финансового капитала*, выражающееся в нарастании массы «плохих долгов», неплатежей и т.п.

Кроме того, вместе с сокращением длительности цикла обновления основного капитала постепенно сокращается и длительность делового цикла. Если во времена Маркса кризисы наступали с периодичностью примерно в 10–12 лет, то сейчас промежуток между циклами сократился до 7–8 лет.

Еще более значимые изменения цикла, и прежде всего кризиса, связаны с формированием крупного корпоративного (монополистического) капитала, способного оказывать на рынок локальное регулирующее воздействие и приоритетным развитием финансового капитала.

Наконец, система государственного регулирования и нерыночного перераспределения ресурсов государством (охватывающая, напомним, от 35 до 55% ВВП) еще более видоизменяет механизм кризиса.

Но обо всем по порядку.

Начнем с проблемы *материальной основы кризиса 2008 года*. Здесь все далеко не очевидно, ибо нет ни сколько-нибудь завершенных статистических исследований, ни (сколько известно авторам) общепринятых решений проблемы цикла обновления основного капитала и смены технологических укладов в современную, переходную к «обществу знаний», эпоху. Однако выглядит достаточно обоснованным утверждение (оно базируется на известных фактах приоритетного развития и последующего кризиса ряда значимых фирм в области high tech'a), что к середине 2000-х годов стала завершаться волна перехода к качественно новым производственным системам во всех основных секторах экономик развитых стран. В частности, к этому времени оказался близок к завершению процесс экстенсивной экспансии компьютерных технологий, Интернета и телекоммуникаций (мобильной связи, кабельного телевидения и т.п.).

Значительное отличие эволюции материальной основы современного цикла от классического проявилось в том, что по меньшей мере в двух предшествующих циклах страны развитого капитализма (прежде всего США), не смогли эффективно утилизировать возможности новой технологической волны: лишь на начальной стадии волны компьютеризации и развития современных средств телекоммуникаций (до начала 1990-х гг. XX века) эти новые технологии сравнительно легко находили для себя расширяющийся рынок сбыта. В дальнейшем эта проблема резко обострилась, поскольку новейшие технологические достижения оказались не в состоянии серьезно повлиять на рост производительности труда в подавляющем большинстве секторов материального производства и сферы услуг. На этот счет существуют различные, подчас противоречивые данные, но все они так или иначе свидетельствуют, что так называемая «новая экономика» не обеспечила рывка производительности в общественном производстве в целом¹.

В результате реальный спрос на продукцию отраслей, связанных с информатикой и телекоммуникациями, оказался ограничен. Для того чтобы стимулировать рост в этом секторе экономики и вместе с этим – рост в смежных отраслях, были предприняты меры по искусственному раздуванию спроса на их продукцию и услуги. Тенденции к «финансализации» экономики и к раздуванию превратного сектора (на чем мы остановимся ниже), оказались тут как нельзя кстати, позволяя искус-

¹ См.: Антипина О.Н. Загадка «новой экономики знаний» («парадокс Солоу») // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2000. № 6. С. 3.

ственно раздуть потребность в информационных и телекоммуникационных услугах и в производстве соответствующего оборудования.

Таким образом, с точки зрения материальной основы цикла современный капитализм пришел к 2008 году, не сумев адекватно использовать плоды компьютерной революции, которая на деле не стала двигателем экономического прогресса, а сама обеспечивалась за счет изъятия ресурсов из всех остальных секторов экономики. *Надежда на то, что «новая экономика» в ее позднекапиталистическом исполнении создаст возможности для бескризисного развития капитализма, оказалась блефом.*

Между тем никаких принципиально новых технологий, способных серьезно преобразовать материальное производство, транспорт, связь и т.д. в настоящее время нет. Те же действительные возможности, которые созданы в сферах формирования творческого потенциала человека, современный капитализм использует крайне ограниченно и отнюдь не торопится развивать далее. *Тот небольшой рост удельного веса специалистов и профессионалов общей массе занятых, который был действительной основой прогресса позднего капитализма, уже натолкнулся на внутренние пределы, диктуемые логикой производства прибыли.*

Капитал, во-первых, должен подчинять и контролировать этот социальный слой, поскольку от него существенным образом зависит воспроизводство капитала, и для этой цели создает специалистам и профессионалам привилегированные условия, нередко делая их мелкими совладельцами капитала и привязывая тем самым к своим интересам.

Во-вторых, как мы писали выше, капитал уравнивает рост удельного веса этого слоя параллельным ростом занятости работников, выполняющих функции малоквалифицированного труда в сфере утилитарных услуг (дворников и гостиничной прислуги, продавцов и работников фастфудов), нередко покоящегося на доиндустриальных технологиях. Понятно, что дальнейшее увеличение удельного веса высококвалифицированных работников, занятых в значительной мере творческим трудом, ставит капитал в крайне неудобное положение – надо либо идти на дальнейшие материальные уступки и/или делиться контролем над производством, либо ограничивать и то и другое, тормозя тем самым так необходимый капиталу прогресс технологий.

Поэтому выход из нынешнего кризиса будет происходить, вероятнее всего, на принципиально той же технологической базе, что будет сужать спрос на новое оборудование и сделает более трудным и менее выраженным переход к оживлению и подъему.

Все это можно считать такими характеристиками материальной основы циклического кризиса, которые позволяют оценить его не как рядовой цикл в числе прочих, а как всемирный кризис, чреватый глубокими системными напряжениями.

И если в прежние десятилетия эти процессы сглаживались государственным регулированием, то в нынешнюю эпоху повального торжества

неолиберальных стратегий это регулирование оказалось на задворках (впрочем, кризис это положение несколько изменил). Зато на крыльце появился иной процесс, оказавший не тормозящее, а стимулирующее влияние на развертывание перенакопления капитала.

Речь идет о том, что авторы этого текста еще в конце прошлого века назвали *приоритетным развитием превратного сектора* и о чем мы писали в предыдущих текстах этой книги. Посему здесь ограничимся лишь краткими напоминаниями-пояснениями.

Выше мы показали, что для позднего капитализма вообще и его неолиберальной фазы в особенности, стал характерен перелив наиболее производительных ресурсов (человеческих, финансовых и т.п.) из сферы материального производства и того, что принято называть «человеческим развитием», в иные сферы. Это превратный сектор¹, где, как мы показали выше, стоимость не создается. Создаются лишь превратные формы (отсюда и имя – «превратный сектор») богатства, ложная социальная стоимость.

Как этот процесс самым непосредственным образом связан с проблемой перенакоплением, ибо он сам по себе стал следствием фундаментального (выходящего за масштабы циклического) перенакопления капитала в «реальном секторе». Уже много десятилетий назад капитал оказался ограничен своими собственными пределами развития. Он не мог далее эффективно применяться, принося хотя бы среднюю прибыль, оставаясь исключительно в пространстве отраслей, содействующих прогрессу производительных сил, человека. И он выплеснулся в превратные сферы. Этот «выплеск» открыл новые сферы экстенсивной экспансии капитала и частично «разрядил напряженность» в реальном секторе. И хотя все последние десятилетия норма прибыли в отраслях превратного сектора, как правило, превышает ту, что характерна для реального (что подтверждается все большими инвестициями в эту сферу со стороны даже производственных компаний), последний продолжает развиваться.

Следовательно, *перенакопление капитала в условиях позднего капитализма конца XX – начала XXI века результируется едва ли не главным образом в приоритетном развитии превратного сектора* (прежде всего финансовых спекуляций и других форм спекулятивной посреднической деятельности).

¹ Напомним, это такие области, где не создается ни материальных благ, ни средств развития человеческих качеств: финансовые спекуляции и многообразные формы посреднической деятельности – раз; «индустрия досуга» и в особенности отрасли масскультуры – два; переразвитая сфера военно-промышленных расходов – три; гипертрофированно переразвитая сфера бюрократического государственного и корпоративного управления – четыре... Перечень можно продолжить...

Теоретически картина перенакопления капитала в условиях приоритетного развития превратного сектора должна была бы выглядеть следующим образом. Капитал в реальном секторе встречает все большие затруднения в прибыльном вложении и все активнее устремляется в сферы финансовых спекуляций и посреднической деятельности. В этих сферах разворачивается ажиотажный спрос и происходит искусственное нагнетание конъюнктуры. В надежде на ее дальнейший рост в эти области устремляются все большие капиталы, которые идут на все более и более рискованные вложения. Далее все как в классическом цикле: перегрев конъюнктуры и кризис перепроизводства, банкротства и т.п.

А теперь давайте посмотрим на процесс разворачивания кризиса-2008 в эпицентре этого феномена – в США. С чего начался этот кризис? С затруднений фирм, осуществлявших по сути дела спекулятивное ипотечное кредитование (как еще оценить кредитование очевидно некачественных заемщиков в надежде на беспредельный конъюнктурный рост цен на недвижимость?). Что стало следующим шагом в разворачивании кризиса? Банкротство финансовых корпораций. Что делалось после этого правительством США (начиная с «плана Полсона»)? Скупка «плохих долгов» (прежде всего связанных с ипотечным кредитованием), т.е. спасение экономики от лавинообразного процесса распространения перенакопленного капитала превратного сектора на все остальные сферы экономики.

Но это еще не вся марксистская теория кризиса даже в ее самом простом изложении. Эта теория будет очевидно не полной, если мы не обратимся к анализу фиктивного капитала. Последний был исследован Марксом в III томе «Капитала», став одним из завершающих аккордов его исследования капитализма, и с той поры, превратившись в финансовый капитал, стал едва ли не господствующей формой этого производственного отношения.

Фиктивный капитал:

финансиализация как мультипликатор кризиса

Одна из интереснейших и относительно мало привлекающих внимание тем «Капитала» – фиктивный капитал. Показав природу кредита как средства экстенсивной и интенсивной экспансии капитала, Маркс из анализа этого явления выводит образование акционерного капитала и, как следствие, появление фиктивного капитала – капитала, который «живет» исключительно как некоторый знак возможного получения прибыли и имеет свою стоимость только как производная нескольких параметров, весьма далеких от процесса создания стоимости. Это ожидаемые дивиденды (которые лишь косвенно зависят от успешности процесса извлечения прибыли фирмой, выпустившей акции), ставка процента (т.е. параметр функционирования общественного ссудного капитала) и конъюнктура фондового рынка.

Все это параметры, *непосредственно* являющиеся субъективными, зависящие прежде всего от случайных соотношений и поведения рыночных агентов. Здесь характерный для рынка вообще отрыв цены от стоимости как бы «возводится в степень». Материальная основа – движение общественного абстрактного труда, стоимости – оказывается столь далека от непосредственного процесса «оценки» [фиктивного] капитала (величины капитализации), что играет уже незначительную роль. И только в период кризиса, в период, когда «будят спящую собаку» и докапываются до действительных основ, – только в этот период выясняется, что этот капитал – фиктивен. И выясняется это в совершенно очевидной и brutальной форме – резком падении котировок акций, спаде на фондовом рынке. Последний недвусмысленно говорит обладателям казавшегося огромным фиктивного капитала: ваши акции – фикция. Бумага. Некие виртуальные файлы. Это *не* товары. Это *не* стоимость. Это *не* капитал. Ибо «это» нельзя продать и «это» не приносит прибыли.

Итак, в рамках логики Маркса то, что сегодня называют «капитализацией фирмы», есть косвенная оценка фиктивного капитала, находящегося в собственности того или иного лица (персоны или корпорации). И этот капитал именно фиктивен. Не в том смысле, что он не реален – он вполне реален. А в том смысле, что это реальность особого рода. Этот капитал по своей природе *количественно и качественно неопределенен*. Он не может быть определен *количественно*, ибо в принципе не известно и не может быть даже приблизительно известно, какова его действительная величина, т.е. стоимость (выраженная, естественно, в денежном эквиваленте). Известна лишь *постоянно изменяющаяся* оценка, зависящая не от стоимости данного «товара» (товара-то как такового нет – есть лишь фиктивная производная от функционирующего капитала), а от производных второго, третьего и т.д. порядка факторов. Эта неопределенность делает фиктивный капитал, с одной стороны, особенно чувствительным к кризисным явлениям, а с другой – наиболее выгодным средством локального регулирования экономики (особенно ее финансового сектора) и извлечения сверхприбылей. Именно благодаря неопределенности рынка фиктивного капитала глобальные игроки перераспределяют совокупную прибыль в свою пользу (так, согласно официальным данным более 93% рынка деривативных контрактов, эмитированных в США, контролируют всего 4 банка¹).

Прошедшие после написания «Капитала» эпохи существенно изменили фиктивный капитал. Он стал основной формой *финансового ка-*

¹ Office of the Comptroller of the Currency. U.S. Department of the Treasury. OCC's Quarterly Report on Bank Trading and Derivatives Activities Fourth Quarter 2012. Graph 4. Доступно по адресу: <http://www.occ.gov/topics/capital-markets/financial-markets/trading/derivatives/dq412.pdf>.

питала, который превратился в господствующий вид капитала в прошлом и особенно нынешнем веках.

Эти изменения носили двоякий характер.

С одной стороны, как форма господствующего вида капитала, опирающегося на власть гигантских (распоряжающихся объемами общественного богатства, сравнимого с потенциалом средних государств) корпораций, сращенных к тому же с мощнейшими государствами мира, фиктивный капитал обрел гораздо большую устойчивость.

С другой стороны, он еще более оторвался от своей материальной основы, капитала тех сфер, где создается стоимость. Он стал *виртуальным*. Прежде чем дать его теоретическую характеристику, заметим, что на практике это превращение приняло вид явления, названного на Западе «*финансализацией*».

Последняя характеризуется многими специфическими чертами, среди которых наиболее значимыми стали (напомним положения раздела, где мы анализировали виртуальный фиктивный финансовый капитал) качественные и количественный сдвиг в пользу финансового сектора, едва ли не определяющее влияние этого сектора на всю систему аллокации ресурсов и координации (что интенсифицировало волну дерегулирования), существенно изменившиеся отношения собственности (система прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал – тема особого исследования) и распределения дохода.

Процессы компьютеризации и развитие телекоммуникационных сетей создало новые возможности для развития *финансового капитала как виртуального*. Капитал отныне живет в виртуальной среде, оторван от любого материального носителя. Он постоянно движется, это «*капитал-странник*» (термин Л.Л. Игониной), причем движется со столь высокой скоростью (миллиарды долларов сменяют своих собственников каждую секунду; триллионы – каждый день), что это существенно изменяет самую природу капитала.

Результатом всего этого становится относительное «выключение» этого капитала из процесса рыночного саморегулирования *производства*. Его величина, эффективность зависят в первую очередь не от качества продукции и издержек на ее производство, а от случайных факторов, от постоянно изменяющейся конъюнктуры рынков фиктивных «бумаг». Он отрывается от реального процесса поиска наиболее эффективных решений производства товаров и услуг и превращается в относительно самодостаточный мир спекуляций. Этот капитал не имеет более некоторой локализации в пространстве и времени экономической жизни. Он, выражаясь на языке постмодернизма, «де-терриализован», не имеет «прописки», «земли», к которой он был бы хоть как-то привязан. Как таковой он легко уходит из-под любого – национального и международного – государственного регулирования. И в то же время он оказывается виртуален двояко. Он виртуален с «технологической»

точки зрения (живет в компьютерных сетях). И он виртуален во втором значении этого слова – он «вероятностен». Виртуальный финансовый капитал – это, *возможно*, деньги. А может быть и просто фикция. Де-нежные агрегаты (особенно М3), становясь чем-то производным от виртуального финансового капитала, перестают быть всеобщим эквивалентом и превращаются в особый рискованный капитал, «капитал-риск».

Безусловно, сказанное выше – лишь одна сторона реального процесса общественного воспроизводства. Другая его сторона – «старые» функции финансового капитала, связанные с осуществлением кредитных операций, инвестиций и т.п. средств развития производства товаров и услуг.

Вот это-то *противоречие двух сторон жизнедеятельности современного финансового капитала как капитала виртуального, «риск-капитала» и как средства развития системы общественного воспроизводства (судный капитал и т.п.)* и проявляет себя особенно явно в период кризиса.

Виртуальный финансовый капитал, достигнув невероятных еще двадцать лет назад масштабов, превратился в своеобразный «черный ящик», живущий относительно независимо от системы общественного воспроизводства. Это именно «черный ящик»: он столь масштабен, изменения в его структуре и величине происходят столь быстро, он столь всемирен, что познание его внутренней структуры, системы взаимодействий и т.п. представляет собой принципиально неразрешимую задачу. Известно лишь, что он некоторым образом, как правило (но не всегда) реагирует на некоторые внешние «раздражители» (регулирующие меры крупнейших государств и международных финансовых институтов). Но не более того. Теоретически и практически выверенной модели жизнедеятельности этого «ящика» нет. Как такой «черный ящик» он способен как породить гигантский финансовый коллапс, так и «самоуспокоиться». Система не познаваема и не регулируема.

Монетаристы до недавнего времени считали, что эта система гарантированно способна развиваться на основе саморегулирования и, как ныне уже всем очевидно, несколько «ошиблись». Их оппоненты (в том числе – марксисты) совершенно строго могли сказать только одно: с большой (но не 100%) вероятностью можно было ожидать наступления кризиса этой конструкции, этого виртуального финансового «черного ящика». Мы говорили, что этот кризис *может* разразиться в *любой* момент (но в том и дело, что «может» и что «в любой» – никто в принципе не мог сказать, когда именно это произойдет и обязательно ли произойдет; мы могли утверждать и утверждали на протяжении последнего десятилетия лишь то, что, *скорее всего*, и в *ближайшее время* такой кризис может случиться).

В этих условиях монетаризму кажется возможной только одна стратегия взаимодействия с этим монстром: «кормить» его, подобно тому как в страшных сказках жители кормят нависшего над городом дракона, отдавая ему самых красивых девиц.

Впрочем, если и дальше использовать образы, то мы бы сравнили нынешнюю финансовую надстройку скорее даже не с драконом или «ящиком», а с *пузырем* (благо этот термин стал для финансистов уже строгой категорией). Гигантским черным пузырем, нависшим над человечеством (без преувеличений).

Кризис, начавшийся в 2008 году, обнажил огромные прорехи в этом пузыре и оттуда пошел зловонный, душащий экономику и жизнь газ «плохих долгов», банкротств, увольнений и т.п.

Так что же делать с этим ящиком-драконом-пузырем?

Прежде чем дать ответ на этот вопрос подытожим наш анализ причин мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. Среди них:

- де-регулирование и де-социализация экономики, которые подарили «второе дыхание» внутренней закономерности капитализма: возможности появления периодически повторяющихся кризисов;
- превращающее эту возможность в реальность перенакопление капитала, интенсифицированное экспансией превратного сектора, приведшей, в частности, к образованию гигантского «финансового пузыря», надутого спекулянтами на финансовых рынках и превывсившего за последние десятилетия более чем в 10 раз объемы реального производства;
- общая неспособность позднего капитализма найти новый, не связанный с пределами капитала и рынка, путь развития «экономики знаний».

Кризис стал реальностью и стал вопрос о том, как искать пути выхода из него. Большая часть экономистов и политиков заговорила об усилении регулирующей роли государства. Вот только вопрос: какого регулирования и в чьих интересах?

Для ответа на этот вопрос обратимся вновь к марксистской теории, неслучайно ставшей столь популярной в условиях кризиса.

Отступление 2. Марксистская теория государства и программы выхода из кризиса

Критика классической марксистской трактовки государства как машины по реализации экономических, социальных и политических интересов буржуазии общеизвестна. Несколько менее известно то, что эта характеристика – лишь малая толика марксистской теории государства как института капиталистической общественно-экономической системы (о государстве вообще мы в данном тексте речь вести не будем). *Марксистская теория государства, во-первых, фиксирует противоречие функций государства как «комитета по управлению делами буржуазии» (политический орган, реализующий интересы капитала как конкретно-всеобщего отношения буржуазной системы), с одной стороны, и органа обеспечения стабильного функционирования социума в целом – с другой.*

Это противоречие имеет разные формы своего проявления. В условиях относительной стабильности и прогресса системы, при усилении активности граждан, и прежде всего наемных работников, на первый план выходит последняя функция и государство эволюционирует в сторону большего демократизма и социальной ответственности. В условиях кризиса же наиболее ярко проявляется его первая ипостась: государство начинает непосредственно проводить в жизнь интересы капитала. И только рост социальной активности граждан и/или угрозы самому существованию системы (как в случае Великой депрессии, развернувшейся на фоне ускоренного роста СССР) заставляет буржуазное государство идти на компромиссы.

Ниже мы покажем, что именно делали в условиях Мирового экономического кризиса президенты и правительства таких стран, как США, ЕС и Россия, а сейчас пойдём дальше. *Марксистская теория государства, во-вторых, развиваясь на протяжении последних полутора веков, показала, что внутренние противоречия капиталистического способа производства обуславливают объективную необходимость включения государства в экономическую деятельность.*

Причем приоритет в обосновании этого вывода принадлежит именно марксистам, а отнюдь не Кейнсу. Еще в самом начале XX века эту закономерность выделили марксисты – В.И. Ленин, Роза Люксембург и многие другие. Позднее идеи косвенного государственного регулирования товарно-капиталистического сектора уже на практике были реализованы в период новой экономической политики (1920-е годы) в СССР – за десятилетие до Рузвельта и Кейнса.

Эти теория и практика марксизма показали, что государство в условиях позднего капитализма выступает как не только «ночной сторож» (субъект, устанавливающий «правила игры» и обеспечивающий их стабильность, в частности гарантии прав собственности, устойчивость денежной системы и т.п.), но и как (1) капитал особого рода (государственная собственность и государственное предпринимательство, государственные закупки и трансферты и т.п.) и (2) субъект сознательного регулирования экономики, ограничивающий и корректирующий механизмы саморегулирования, характерные для рыночной системы.

При этом марксизм четко зафиксировал противоречие между объективной необходимостью развития такого регулирования и незаинтересованностью (в «обычном», стабильном состоянии экономики) капитала в развитии таких ограничений и регулирования.

История 2008-го и последующих годов кризиса оказалась на удивление близка к указанной модели. Мы уже не раз отмечали, что после падения СССР и резкого ослабления давления в сторону развития регулирования экономики со стороны социал-демократии и гражданского общества в 1990-е годы в большинстве стран Севера началось некоторое свертывание государственного регулирования, обусловленное, кроме

того, развитием глобализации и транснационального капитала. Все больше надежд возлагалось на механизмы саморегулирования рынка и так продолжалось вплоть до 2008 года. Если бы еще в 2007 г. кто-то сказал, что Дж. Буш распорядится увеличить государственные расходы ни много ни мало на 700 миллиардов долларов, то этого эксперта сочли бы... не будем использовать выражений, не подходящих для научного текста. Однако эта сумма была ассигнована в самом начале кризиса, а пришедший на смену Бушу Обама (кстати, тоже весьма характерная замена) увеличил ее многократно. То же (и в масштабах не меньших, если учитывать размеры экономики) начали делать Медведев – Путин в России.

При этом, по видимости, парадоксальным выглядит то, что сторонники социально ориентированной, регулируемой экономики и в США, и в России, и в других странах выступили против этих мер. Но этот парадокс относится именно к сфере видимости. На самом деле здесь перекрещиваются две разных, хотя и взаимосвязанных проблемы: вопрос о необходимости регулирования экономики со стороны государства и о том, в чьих интересах и за счет кого это регулирование будет осуществляться.

Антикризисное регулирование: какое и в чьих интересах?

Кризис 2008 года вновь резко актуализировал старый добрый вопрос, которым при решении социальных проблем советовали задаваться еще авторитеты античности: *Qui prodest?* (Кому выгодно?). Марксизм это известное положение было развито вплоть до акцента на исследовании социально-экономических интересов конкретных общественных групп (в частности, классов, но не только: современный марксизм много тоньше и конкретнее, чем учебник сталинских времен с его проповедью вездесущего «классового подхода»), скрытых за теми или иными экономическими действиями, или решениями тех или иных эконом-политиков.

В частности, нынешний кризис и программы по его элиминированию показали, что *нарастание государственного вмешательства в экономику не всегда отвечает интересам большинства граждан* (а его составляют, как известно, наемные работники). Так, начиная с 2008 года триллионы долларов, выделяемые из средств, полученных от граждан, направляются правительствами США и ЕС (не забудем и о России) на поддержку прежде всего частных финансовых институтов, т.е. именно тех экономических агентов, чья спекулятивная деятельность и чьи сверхвысокие доходы стали непосредственным спусковым крючком кризиса.

Анализ социальных интересов, лежащих в основе выработки программ выхода из кризиса, позволяет выделить две основных группы решений (оставим в данном случае в стороне предложения крайне правых, выступавших за сворачивание регулирующих действий государ-

ства, – в условиях кризиса они не получили поддержки даже от крупного бизнеса).

Первая: необходимо поддержание финансового сектора экономики с целью (естественно!) обеспечения стабильности финансовой системы для предотвращения углубления (и в последующем – преодоления) кризиса экономики, что отвечает интересам всех граждан страны, ибо предотвращает обесценение вкладов, способствует сохранению рабочих мест и т.п. То, что для этого требуется поддержать собственников финансового капитала и возместить им потери от их неудачных спекуляций – это вопрос «технический», это вопрос *средств* выхода из кризиса, а не социальных (а уж тем паче классовых) приоритетов. С точки зрения сторонников этого решения другого выхода из кризиса просто нет. Самое смешное, что они правы: сохраняя *их* правила игры, выйти из кризиса иначе, чем путем вливания нового вина (огромных ресурсов, полученных от налогоплательщиков), в старые меха стоящих на грани банкротства финансовых корпораций невозможно.

Другое дело, что можно изменить правила игры.

Но это уже *вторая группа* решений. Она предполагает более или менее (в зависимости от объективных предпосылок и субъективных условий) радикальное изменение сложившейся финансовой системы, выход из кризиса за счет сокращения не только доходов, но и богатств (собственности) всех тех, кто активно инвестировал в финансовые спекуляции на протяжении последних десятилетий: те, кто включился в азартные игры казино-капитализма XXI века должны расплачиваться (по правилам всякого честного казино) не только текущим доходом, но всем своим состоянием. А если нечем платить – идти в долговую яму. Общество за проигрыш в финансовом казино никому ничего компенсировать не должно – таковы правила рынка (ни о какой социальной справедливости здесь речь не идет вообще). Средства госбюджетов в рамках этого сценария пойдут не коммерческим банкам, а *непосредственно* на поддержку производства, общественных работ, решение социальных проблем, *не опосредуясь частными финансовыми институтами* (пример такого решения – прямое выделение в Китае в начальный период кризиса более 500 млрд долларов на развитие инфраструктуры, строительства, решение социальных, экологических и т.д. проблем).

Наиболее радикальный путь (мы в своих решениях остаемся в рамках капиталистического способа производства; социалистическая революция пока что не имеет достаточных предпосылок ни в России, ни в США) – *социализация финансов*. По сути дела – хирургическое вмешательство в финансовую сферу – удаление раковой опухоли (финансовых пузырей) при сохранении общественно полезных функций финансовой системы. Эти шаги предполагают, в частности, но не только, национализацию крупнейших банковских институтов при гарантиях неприкосновенности вкладов и постепенной компенсации акционерам

банков стоимости их акций в размере, который они имели *в результате* кризиса (ответственность за неудачные спекуляции должен нести спекулянт, а не общество), принудительное слияние в несколько крупных структур, и передача под общественно-государственный контроль средних и мелких банков и т.д. Что касается гарантий вкладов, то они могут и должны быть осуществлены в полном масштабе только для мелких и средних вложений, связанных с получением заработной платы, пенсионными сбережениями и т.п. Вклады тех, кто хотел нажиться на спекулятивном финансовом буме, вкладывая крупные капиталы под высокие проценты гарантировать не логично: отправляясь в казино, каждый должен знать, что он может и проиграться и компенсировать потери от этой частной страстишки общество не обязано...

Для поддержания производства материальных благ и услуг могут использоваться механизмы прямого государственного кредитования и финансирования, жесткого привязанного к реализации производственных программ.

Сказанное – не только авторская позиция. Эксперты, работающие с международными НПО (в частности, международной сетью АТТАК, поставившей своей целью сокращение финансовых спекуляций еще в начале 1990-х гг. прошлого века) и социальными движениями (мировые сети «Интеллектуалы и художники за гуманизм», Всемирный форум альтернатив и др.) в течение 2008 года не раз формулировали требования выхода из кризиса не за счет граждан.

Выделим только два аспекта.

Требование № 1. Отвечать – причем не только своим доходом, но и своим капиталом, своей собственностью, своим положением – за кризис должны те, кто виновен в его инициировании. Виновны же в этом, во-первых, все инициаторы и участники безудержной экспансии виртуального фиктивного финансового капитала (очень упрощенно их можно назвать финансовыми спекулянтами в самом широком смысле этого слова) – все те, кто «надул» огромный пузырь фиктивных финансовых ресурсов. Во-вторых, в этом виновны все те политические структуры (от президентов и правительства, до партий, одобрявших и поддерживавших эту политику, включая их идеологов, экспертов и т.п. лиц), которые проводили по сути дела монетаристскую политику безграничного доверия «невидимой руке» рынка, характерной для большинства стран и «несвятой троицы» (ВТО, МВФ И МБ) в последние десятилетия. Соответственно, кризис можно и должно преодолевать за счет резкого сокращения их доходов и собственности (уже упомянутые социализация и национализация банков, но не вкладов), расширения и ужесточения общественно-государственного контроля за финансовой сферой при полной прозрачности финансовых транзакций, закрытии офшорных зон и т.п., при социальном ограничении инвестиций в финансовые спекуляции и выдавливании капиталов из этой сферы (за счет прямых

институциональных ограничений, специального повышенного налогообложения и т.п.).

Требование № 2. Открытость, гласность и прозрачность обсуждения и принятия решений по проблемам выработки, принятия и реализации антикризисных программ. Да, финансы – это дело профессионалов, но профессионалы уже привели мировую экономику к вполне «профессиональному» кризису. Кроме того, есть разные профессионалы, предлагающие разные модели выхода из кризиса. Наконец, люди, гражданское общество каждой из стран и мировое гражданское сообщество должны знать и понимать, кто и какую цену заплатит за выход из кризиса, что, как и в чьих интересах (и за чей счет) будет сделано, кто и какую конкретно ответственность на себя принимает.

Возможны и более мягкие шаги, связанные исключительно с общественно-государственным контролем за финансовой сферой, ограничением спекулятивных финансовых операций и доходов от них и т.п. меры.

Все эти предложения не являются чем-то новым. Эксперты и интеллектуалы, принадлежащие к кругу противников неолиберальной, монетаристской политики и в России, и за ее пределами уже давно и детально прописали эти альтернативы, много более десяти лет назад показав, что финансовый кризис в условиях безудержной «финансиализации» возможен в любой момент. Поэтому у нас сейчас есть немалые основания для того, чтобы потребовать от тех, кто делает «реальную политику»: прислушайтесь к голосу тех, кто в отличие от вас показал, почему и как может наступить кризис и давно предложил пути выхода из него за счет тех, кто его породил, а не тех, кто страдал и страдает от финансовых спекуляций.

Впрочем, сам по себе этот призыв – глас вопиющего в пустыне. Другое дело, что следствием кризиса стало обострение внутренних противоречий глобального капитала, следствием которых, в свою очередь, стала резкая активизация социального протеста во многих странах мира: революционные выступления в арабском мире, массовые демонстрации и уличная борьба во Франции и Великобритании, Испании и Португалии, всеобщие стачки и предреволюционная ситуация в Греции – все это факты 2010–2012 годов. И это не конец... И эти выступления делают поставленные выше проблемы уже не абстрактно-гуманистическим призывом, а реальным вызовом, с которым столкнулся ныне поздний капитализм. Каким будет ответ? Какими будут *сценарии посткризисного развития*, являющиеся, как известно, пространством социально-экономической и идейно-политической борьбы

Начнем с констатации: если баланс общественно-экономических сил не сложится в пользу большинства граждан, то посткризисное развитие пойдет по сценарию усиления концентрации капитала и дальнейшего укрепления некоторых крупнейших финансовых институтов

(кто-то из них, конечно же, проиграет) при общем качестве жизни практически всех слоев наемных работников (в том числе занимавшего до кризиса явно привилегированное положение слоя «профессионалов»-финансистов). Этот сценарий был наиболее вероятен, по мнению авторов, в 2008 году, и во многом он и оказался реализован. Однако резкая активизация гражданского общества США, способствовавшая победе Обамы, который был вынужден хотя бы частично скорректировать праволиберальную политику своего предшественника и волна социальных протестов в Европе и арабском мире – все это сделало возможным некоторый компромисс, оставшийся к лету 2013 года, когда пишутся эти строки, крайне неустойчивым. Угроза реализации правого сценария остается. И она велика.

В случае реализации этого сценария мы можем прогнозировать появление новой модели капитализма – реверсивной даже по отношению к неолиберальной модели глобального капитализма начала этого века. Это будет выход из тупика, в который в очередной раз уперся (и кризис тому свидетельство) глобальный капитал. Но выход назад и в сторону.

Конкретные черты этой посткризисной модели мы прогнозировали еще до кризиса. Ныне они становятся все более рельефными.

В экономике на смену внешнему торжеству свободного глобального рынка будет все более идти имперский протекционизм и все более активное использование государствами-метрополиями и контролируемые ими наднациональными институтами (типа ВТО, МВФ, НАТО или их преемников) различных рычагов того, что можно условно назвать в духе неоклассики «рыночной властью» для обеспечения своих экономических преимуществ. Отношения наемного труда и капитала будут характеризоваться дальнейшим ослаблением профсоюзов, растущей дифференциацией доходов внутри социального слоя наемных работников, Последний будет все более уходить от некогда типичного для в развитых стран классического состояния относительно однородного «среднего класса» при дивергенции его на узкий слой высокооплачиваемых «профессионалов» и большинство индустриального и доиндустриального пролетариата, а то и прекариата. Концентрация капитала продолжится, равно как и развитие новых форм фиктивного виртуального финансового капитала. Можно, правда, прогнозировать его большую связанность с государством и еще меньшую прозрачность трансакций плюс развитие некоторых встроенных демпферов, парирующих чрезмерный «перенадув» пузырей; пар перенакопленного капитала можно спускать и вовремя, заранее перераспределяя триллионы долларов государственных бюджетов в пользу неудачно спекулирующих финансовых институтов.

Для обеспечения такой экономической модели потребуются про-имперская геополитика и еще более манипулятивная политико-идеологическая система.

Для стран периферии (полупериферии) останутся сценарии полуколоний («периферийных империй»). Возможно также образование мощных антиимперских союзов (тоже, впрочем, довольно реакционного толка).

Идеологически все это будет сопровождать мощная волна правого неоконсерватизма.

Потенциал альтернативных сценариев (скажем, новой глобальной экономической сети с «правилами игры», напоминающими «скандинавскую модель» или – в более радикальном виде – Венесуэльские интенции: приоритет социально-экологических целей, ограничение крупного бизнеса, социализация образования, здравоохранения, финансов...) зависит от того, окажется ли достаточно мощным потенциал мирового гражданского общества и ряда государств, уже сейчас проводящих такую политику...

Впрочем, этот сценарий, на наш взгляд, маловероятен, хотя мы считаем важным его всяческую поддержку. Она нужна хотя бы для того, чтобы обозначить идейно-теоретические альтернативы, а также побороться за *компромисс* или, по крайней мере, соревнование в недалеком будущем двух предложенных выше крайних сценариев посткризисной эволюции/развития.

* * *

Проведенный выше анализ причин возобновления кризисов как закономерного звена воспроизводства позднего капитализма и сценариев антикризисного развития показал нам, что реальный ход эволюции исследуемой нами системы непосредственным образом ставит проблему основных социально-экономических сил, формируемых этой системой и определяющих конкретные сценарии ее про(ре)гресса.

Ту же проблему мы можем и должны поставить, следуя логике «Капитала» К. Маркса в исследовании воспроизводства производственных отношений.

Так перед нами практически и методологически неслучайно встает проблема экономических основ социальной структуры позднего капитализма.

глава 3 Экономические основы социальной структуры позднего капитализма

Начнем, следуя традициям этой книги, с методологических ремарок.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном тексте мы как всегда использовали прежде всего диалектический метод исследования. Именно он дает возможность раскрыть природу не только меж-, но и внутриклассовых противоречий и показать динамику классовых противоречий, в том числе подрыв собственных основ этих противоречий.

Последнее требует критического использования и этой части классического марксистского наследия.

Данный тезис необходимо подчеркнуть: видоизменение классовых противоречий, их самоотрицание и в то же время углубление и усложнение как внутри капиталистической системы, так и под влиянием более масштабных сдвигов («закат» «царства необходимости»), – это процесс подтверждающий, а не опровергающий правоту марксистской методологии. И, напротив, сохранение старого тезиса о том, что капитализм есть исключительно противоречие пролетариата и буржуазии, противоречит и методологии, и теории марксизма для современного этапа.

А теперь к существу проблемы.

Для характеристики классов общества позднего капитализма необходимо использовать ту богатую картину общественно-экономической формации, которую мы можем найти в сумме работ Маркса, Энгельса, Ленина и их последователей, включая разработки авторов, а не просто ленинское определение классов. Формулы Маркса о том, что есть капитал и наемный труд, и формулы Ленина, которые несколько более богаты, принципиально важны, но недостаточны. Для того чтобы определить класс, нужна совокупность образующих единую систему признаков, генетически взаимосвязанных между собой, где одни вырастают из других (хотя могут быть и какие-то рассогласования), и тогда классовая структура становится сложной, но целостной.

Только в этом случае мы получаем адекватное реалиям современного капитализма развитие классических характеристик.

В силу этих причин в основу социальной стратификации ниже будут положены критерии, развивающие традиционные марксистские взгляды и исходящие из структуры общественной экономической формации. При этом коррекция будет обусловлена прежде всего развертыванием процессов подрыва собственных основ как капитализма, так и «царства экономической необходимости» в целом. Соответственно, важнейшими основаниями выделения классов (с учетом внутриклассовой стратификации) в современном глобальном позднем капитализме станет положение этих групп в следующих сферах социального бытия.

Во-первых, *место человека в общественном производстве* (включая сферы, лежащие «по ту сторону» собственно материального производства), рассматриваемом на данном уровне исследования как процесс функционирования производительных сил. Важнейший аспект в данном случае – место человека в системе *общественного разделения труда*. Последнее предполагает, в частности, учет деления на репродуктивный (доиндустриальный, индустриальный) и творческий труд; связь социальных групп с трудом по управлению и др., т.е. учет такого параметра как *содержание труда*.

Во-вторых, *положение человека в системе производственных отношений*¹. Она оказывает определяющее влияние на содержание и структуру классов. Здесь, однако, надо принять во внимание, что система производственных отношений любой общественной системы несводима лишь к отношениям собственности и способу распределения доходов. Действительная структура системы производственных отношений много богаче.

Отсюда оказывается, что для классовой структуры в ее динамике важно принимать во внимание все основные блоки этой системы.

Первый ее блок – исторически определенный тип *хозяйствования* (способ *аллокации ресурсов*). Исторически первый такой тип в классовом обществе – натуральное хозяйство и насилие как способ обмена деятельностью во всем многообразии его форм: феодальный грабёж, крестовые походы и иные «религиозные» войны и т.д. Наиболее известный тип – рынок, в его различных модификациях. В последнее столетие рынок дополняет совокупность отношений сознательного общественного регулирования хозяйства. Определенный тип хозяйствования (и это существенно) влияет на формирование типа личности и, следовательно, социальную структуру общества, интересы общественных групп, их самосознание и т.д. В частности, экономические и социальные ценности и мотивы, самосознание у человека, занятого натуральным хозяйством, и у человека, включенного преимущественно в рыночное хозяйствование, будут разными. Рынок – система производственных отношений,

¹ Авторская трактовка структуры системы производственных отношений была раскрыта в I томе нашей книги.

которая задает определенный тип экономического поведения и сознания, определенные политические интенции и даже идеологию. На этом, в частности, основана марксистская постановка вопроса о мелкой буржуазии как особом социальном слое или (в определенных условиях) – классе.

Второй блок производственных отношений, которым детерминруется социальная структура – специфические для данной общественной системы *отношения собственности*. Здесь важна не столько форма собственности, сколько ее содержание¹, отношения между собственником средств производства и работником. Мы этот абсолютно классический марксистский тезис несколько уточним, сделав акцент на характере отчуждения/освобождения труда (от эксплуатации и подчинения наемного или даже лично зависимого работника до формально/реально свободного труда) и присвоения прибавочного труда и продукта.

Это отношение, однако, опосредованно оказывает влияние на классовую структуру. Последнее связано с достаточно сложной *системой прав собственности*². Соответственно, для понимания экономических основ социальной стратификации (особенно *внутриклассовой*) важно учитывать такой критерий, как специфика и объем прав собственности, концентрируемых в руках некоторой страты: от положения реального хозяина через контроль за функцией распоряжения собственностью до отчуждения от собственности.

В силу этого в условиях, когда отношения собственника и работника становятся многоаспектными (что типично для стадии «заката» общественной экономической системы в целом и позднего капитализма, в частности), возникает сложная совокупность форм, усложняющих внутриклассовую структуру. Это касается как структуры класса буржуазии (анонсируем здесь хорошо известные проблемы «революции управляющих» и экспансии власти «инсайдеров», к которым вернемся ниже), так и класса наемных работников.

В последнем случае это, с одной стороны, такие процессы как диффузия класса наемных работников и класса собственников средств производства (в условиях позднего капитализма существует немало форм,

¹ За той или иной формой собственности может скрываться существенно различное содержание. В современной России, например, за государственной собственностью в ряде случаев скрывается феодально-капиталистическое присвоение. А за частной собственностью может скрываться бюрократическое государственно-частное присвоение, когда работник работает под жестким контролем губернатора или мэра, или председателя поселкового совета, или участкового полицейского (к подробной характеристике этих отношений мы вернемся в конце этого тома).

² Характеристика системы прав собственности, показывающих конкретные механизмы (институты) присвоения, распоряжения и т.п., раскрыта в работах сторонников нового институционализма, начиная с работ Р. Коуза (см.: Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993 и др.).

позволяющих работнику получить некоторые права собственности: участие в акциях, прибылях, управлении). С другой стороны, возможна обратная траектория: *инволюции* капиталистического найма, когда эксплуатация наемного работника дополняется формами внеэкономического принуждения (как у многих российских гастарбайтеров).

Все это влияет на классовую структуру и определенность классов в рамках некоторого общественного организма, усложняет его социально-классовую структуру. Поэтому при анализе классов необходимо рассматривать всю совокупность реально существующих отношений собственности, выражающихся в тех или иных институтах, правах, формах собственности, а не сводить все к дилемме частной или государственной формы.

Третий блок детерминации социальной структуры – способ формирования и получения доходов, включая перераспределение доходов.

Скажем, 50% подоходный налог на богатых существенно реформирует классовые параметры в условиях социал-демократической модели современного капитализма, хотя и не изменяет их основы.

Четвертый блок – воспроизводство производственных отношений и детерминируемой ими социальной структуры. В этой связи, в частности, отметим, что в условиях «заката» определенной экономической системы (в нашем случае – в условиях позднего капитализма) обязательно развивается феномен самоотрицания тех отношений, которые воспроизводят социально-классовую структуру, что приводит к *диффузии и размыванию границ классов* и более мелких социальных групп, к *усложнению всей социальной структуры.* Это закон «заката» способа производства.

Выходим на уровень *надстройки*. Здесь выявляется проблема *политического представительства* определенной социальной силы (класса). Оно, подчеркнем, может и отсутствовать.

Завершенным политическое бытие класса становится при наличии *классовой идеологии* (от проблем [классовой] культуры в данном тексте мы абстрагируемся, адресуя читателей к ряду работ по этой теме наших коллег¹), что делает возможным превращение класса в себе в *класс для себя*². Для этого необходимо самоосознание социальной массой себя

¹ См.: Булавка Л.А. «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12. С. 74–88; Булавка Л.А. Пролетарская культура: культура для пролетариата? // Альтернативы. 2011. № 4. С. 41–51; Булавка Л.А. Пролеткульт. Отношение к культурному наследию // Альтернативы. 2012. № 1. С. 4–32.

² «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя» (Маркс К. Нищета философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 4. С. 183).

как особого класса, самоопределение в деятельности и в идейном поле своей классовой природы, фундаментальных классовых интересов и т.д.

В условиях позднего капитализма одним из важнейших критериев станет также *место класса (слоя) в системе отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала*. Это добавит **социопространственное** измерение социально-классовой структуры.

Социовременное измерение этой структуры требует учета того, что в условиях качественных социально-экономических и политических **трансформаций** возможно рассогласование параметров, образующих классовую структуру. *Нелинейность и неравномерность эволюции социальной структуры*, типичная для трансформационных состояний, обуславливает то, одни из социальных параметров идут в одном направлении, а другие – в другом¹.

Таковы некоторые тезисы, показывающие, как можно соединить в относительно целостную *систему* в принципе хорошо известную марксистам совокупность признаков, показав, как они взаимообуславливают друг друга, построив такую *систему классовообразующих параметров*, в которой они *генетически взаимосвязаны отношениями прямой* (базисная экономическая) и *обратной детерминации*.

Сказанное позволяет достаточно аргументированно утверждать: **у всякого общества есть определенная классовая структура**. Другое дело, что это утверждение верно только если мы понимаем этот тезис не так, что в современную эпоху существуют только два класса – пролетариат и буржуазия, – а все, что сверх того – от лукавого.

Мы можем утверждать, что акцент на исследовании классовой структуры не устарел, но только при условии, что мы (1) используем сложную систему классовообразующих признаков, причем (2) рассматриваем все это в динамике, подчеркивая активное образование (3) межклассовых и (4) внутриклассовых переходных форм. Только в этом случае тезис о том, что классы есть, причем есть и как диалектическая абстракция, и как реальный экономико-социополитический феномен, окажется актуальным и, более того, принципиально значимым для понимания природы современного капитализма.

¹ Классический тому пример – ситуация в современной России: на уровне производственных отношений возникает, с одной стороны, натуральное хозяйство, рождающее патриархальные структуры, с другой, капиталистическая эксплуатация, порождающая почти классических буржуа и пролетариев, с третьей, деградация индустриальной базы, ведущая к депролетаризации, причем адекватное политико-идеологическое представительство нарождающихся классов отсутствует. Классовая структура становится диффузно-неопределенной. И это нормально для трансформационного процесса. Хотя и создает большие сложности для анализа социально-классовой структуры. Возможно позитивное рассогласование. Какие-то параметры бегут вперед, какие-то за ними не успевают. Генезис СССР свидетельствовал, на наш взгляд, именно о таком рассогласовании.

В этой связи требуется оговорка: *есть сущностные классообразующие признаки, лежащие в основании этой структуры, и есть производные*. Классический марксистский тезис о том, что отношение работника и собственника есть фундаментальный классообразующий признак и ныне остается в силе. Из него, действительно, вытекают в итоге все остальные. Оно сложно, диалектично, «завязано» на основах классообразования, лежащих в производительных силах, и не менее сложно взаимосвязано с производными признаками: способом формирования и величиной дохода и т.д.

Если мы наблюдаем размывание сущностного классообразующего признака, то изменяется и природа, состояние социальной структуры. Диффузия классовой структуры есть свидетельство видоизменения социально-экономической системы, ее «заката», трансформации, связанной с зарождением в ее недрах новой системы. Однозначное доминирование классических классовых признаков, в свою очередь, есть свидетельство классического состояния системы. И если последнее столетие есть эпоха «заката» капиталистической системы, то диффузия классовой структуры есть совершенно закономерное свидетельство этого. Попытка же утверждать, что такой диффузии нет, означает, что нет и «заката» капитализма, а это отрицание современного марксизма. Если же оказывается, что где-то на практике возникает жесткая классовая модель с индустриальным наемным работником и частным капиталистом в простейшей форме акционерного общества, то это означает, что в данном социальном анклав капитализм покатился назад, от стадии «заката» к стадии «классики».

Этот методологический подход позволяет нам сделать вывод: *тяготя к двум «традиционным» классам (индустриальный наемный работник – частный собственник капитала), нынешняя социальная структура капитализма рождает широкую и при этом размытую картину социальных слоев, как то всегда бывает на нисходящей стадии эволюции всякого способа производства*¹. На этой стадии развитие разнообразных

¹ Авторы в данном случае хотели бы подчеркнуть принципиальное отличие своей позиции от господствующего в современной социологии позитивизма и прагматизма, когда социальная стратификация оказывается весьма зыбким понятием, ибо критерии выделения страт в этих теориях либо предельно размыты, либо привязаны к конкретным и достаточно узким задачам того или иного социологического деления, тяготея к внеисторическим параметрам стратификации (половозрастные группы и т.п.).

В то же время мы считаем недостаточно обоснованным (вследствие прежде всего объективно сложного «устройства» социальных отношений и, следовательно, социальных групп в современном обществе) стремление ряда марксистов свести основы классовой структуры общества исключительно к процессу отчуждения прибавочного труда (эта линия особенно типична для группы американских ученых, объединенных вокруг журнала *Rethinking Marxism*).

переходных производственных отношений, вызванное к жизни процессом подрыва коренных отношений способа производства (а именно последние вкупе с основными полюсами общественного разделения труда *базисно* детерминируют классовую структуру), приводит к образованию многообразных межклассовых и *внутриклассовых страт и слоев*. Последние в отличие от классов становятся следствием «диффузии» коренных производственных отношений и основаны в большей степени на структуре надстроечных факторов.

Кроме того, как мы покажем ниже, это в целом базирующееся на структуре отношений «царства необходимости» классово-групповое деление необходимо, но недостаточно для понимания социальной структуры позднего капитализма. Генезис «царства свободы» вносит и еще одно важное основание: *роль различных социальных групп в процессе рождения креатосферы, а также выделение особых социальных сил – субъектов рождающегося ассоциированного социального творчества.*

При всем кажущемся многообразии выделенных выше критериев и параметров на самом деле только их целостное системное использование позволяет построить единую модель реальной социальной стратификации общества позднего капитализма.

Ее мы и рассмотрим ниже, интегрируя названные выше основания для выделения социальных групп.

Предварительно, однако, хотелось бы сделать важное отступление.

Отступление. К критике теорий меритократии

В современной социологии принято считать, что генезис постиндустриального общества радикально изменяет социальную структуру прежде всего в связи с развитием слоя «профессионалов» – субъектов управления и контроля, носителей инноваций, творческого потенциала, знаний, «человеческого капитала» – существует множество формулировок. В основу социальной стратификации в данном случае кладется уровень знаний и профессионализма, который якобы главным образом детерминирует все социальное расслоение, включая уровень дохода и общественный статус. Соответственно выделяются слои *технократии*, *меритократии* и т.п. Им приписывается господствующая роль в экономике, а деление на наемных рабочих и капиталистов считается устаревшим¹.

Позволим себе несколько важных критических замечаний по этому поводу.

¹ Описание этих позиций можно найти в упоминавшихся работах О.Н. Антипиной, В.Л. Иноземцева и др.; при этом ряд российских ученых, к сожалению, некритически принимают тезисы систематизируемых ими авторов за аксиомы.

Хорошо известно, что нынешний социум давно стал глобальным, всемирным, и рассмотрение исключительно развитых стран далеко недостаточно для понимания расстановки социальных сил в едином человеческом сообществе ближайших десятилетий. Более того, даже рассматривая собственно тенденции генезиса постиндустриального общества, необходимо понимать, что ныне мы имеем дело, во-первых, с переходом от экономической к постэкономической жизни и потому критерии стратификации должны быть переходными. Во-вторых, мы имеем дело с превратными формами генезиса постиндустриального общества, порожденными гегемонией капитала, что требует проникновения в глубь тех связей, которые скрываются за поверхностью социальных отношений в развитых странах, а то и вообще всего лишь в штаб-квартирах современных корпораций (где, по видимости, властвуют профессионалы, менеджеры и «носители традиций», а по сути власть принадлежит корпоративной номенклатуре, тогда как первые, вторые и третьи являются ее функциями).

Все это требует гораздо более сложной системы критериев стратификации, нежели параметры, связанные с объемом знаний и уровнем образования, содержанием труда и идеализированной моделью внутри-корпоративного менеджмента. Более того, принципиально значимым становится выделение иерархии критериев, определения тех важнейших параметров, которые определяют (при всей размытости социальных структур позднего капитализма) его важнейшие социальные группы, а точнее в данном случае надо сказать – классы.

В современных условиях, действительно, произошли существенные изменения, вызвавшие формирование широкого слоя высококвалифицированных работников, которые должны для своего воспроизводства получать достаточно высокий уровень заработной платы или иных доходов. И здесь спора нет.

Существенные расхождения есть по другим пунктам.

Во-первых, мы утверждаем, что *уровень образования*, выдвигаемый в качестве основного критерия стратификации в информационном обществе многими западными теоретиками и их российскими последователями, *в современном, находящемся под властью капитала обществе является в гораздо большей степени следствием социального положения человека, чем его личных качеств*. От человека во все времена отчасти зависело, сможет или нет он в силу своих особых способностей (будь то умение хорошо драться на шпагах или делать деньги, карьеру и т.п. любой ценой) лично выбиться из третьего сословия в дворянство, из крепостных в купцы, из рабочих в партноменклатуру или буржуазию, но сословное деление или классы рабочих и капиталистов от этого не исчезали. Даже в СССР подавляющее большинство высших партийных руководителей, включая генеральных секретарей, были выходцами из семей обычных рабочих, крестьян или инженеров, но это не отрицало

закономерности – господства партийно-государственной номенклатуры в нашей стране того времени.

В современных условиях высокоодаренный ребенок из бедной семьи также может пробиться в элитный университет и стать высокооплачиваемым менеджером. Но закономерностью является устойчивая зависимость, показывающая, что в большинстве случаев высококачественное образование получают выходцы из семей «элиты».

Во-вторых, выглядящее внешне очевидным доминирование среди богатейшей части нынешнего сообщества представителей «креативного класса» является во многом следствием господства превратных форм и рынка симулякров. Как мы показали выше, эта «элита», составляющая большую часть богатейших лиц, является по существу *людьми-симулякрами*, чей «творческий потенциал» есть по преимуществу продукт рекламы и пиар-технологий. Соответственно, их богатство и «элитное» положение есть продукт не столько их выдающихся человеческих качеств, сколько целенаправленной деятельности корпоративного капитала. И напротив, в пространстве современного глобального капитализма имеются широчайшие (насчитывающие сотни миллионов человек) слои бедной «рядовой» интеллигенции. Это учителя, врачи, социальные работники, инженеры и т.п. в государственных учреждениях, получающие (особенно в бедных странах) средние или ниже средних доходы при том, что их человеческий, творческий потенциал существенно выше и общественно значимее, чем у попсовых звезд или калечащих себя и болельщиков профессиональных спортсменов.

Здесь, правда, требуется оговорка: их потенциал значимее с точки зрения общечеловеческих, а не рыночных критериев. Последние в условиях рынка симулякров делают наиболее значимыми именно превратные ценности. Но для того и дана исследователю сила абстракции, чтобы отличать содержание от превратных форм.

Другое дело, что изменение содержания труда в условиях генезиса информационного общества сделало образование более важным, чем хорошие кулаки, предпринимательский талант или умение продвигаться вверх по бюрократической лестнице. Иными словами, изменения действительно произошли. *Поздний капитализм тем и отличается от классического, что в некоторых его анклавах* (в штаб-квартирах ТНК в странах «центра», некоторых университетах, элитных – типа Бангалора – формированиях в крупных развивающихся странах и т.п.), *некоторая часть работников превращается в «человеческий капитал».*

Это является следствием того, что в результате прогресса производительных сил образование, или, точнее, творческий потенциал человека, способность человека создавать всеобщее общественное богатство, становится в некоторых анклавах глобального капитализма одним из параметров, обуславливающих статус человека в обществе.

В этом мы согласны с критикуемыми нами авторами. Но в отличие от них мы доказываем, что в условиях позднего капитализма уровень

образования – это не столько вопрос личных способностей, сколько социальная проблема, продукт социальных противоречий. Соответственно, доступ к образованию является ныне одним из основных параметров, непосредственно обуславливающих социальную стратификацию и возможности социальной мобильности.

Но, повторим, во-первых, мера и модель доступа к образованию рядовых граждан всех стран мира есть продукт социально-классовой борьбы глобального капитала на одной стороне, и общественных сил, выступающих за образование, равно доступное для всех – на другой¹. Во-вторых, образование – это не более чем одно из средств социального продвижения. Именно «одно из» и именно «средств». Считать уровень знаний человека основой социальной стратификации ныне можно не в большей степени, чем умение владеть шпагой – основой социальной стратификации при феодализме.

После этих замечаний мы можем обратиться к анализу социальной структуры современного капитализма.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: КЛАССЫ, МЕЖ/ВНУТРИКЛАССОВАЯ ДИФФУЗИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Для анализа гегемонии капитала наиболее значим **класс наемных работников**. Причины этого очевидны: именно этот слой был и остается наиболее многочисленным в условиях современного глобального капитализма и именно на труде наемных работников базируется вся пирамида власти корпоративного капитала.

Начать, как и в некоторых других разделах нашей книги, придется с напоминания некоторых *классических марксистских положений*, которые, к сожалению, ныне преданы едва ли не полному забвению.

Для начала подчеркнем: этот класс является внутренне противоречивым, что обусловлено системой производственных отношений капитализма. На это в марксистской литературе не принято обращать внимание, хотя внутренние противоречия этого класса отображены в «Капитале» и очень подробно развиты Лениным². В то же время будем

¹ Один из примеров возможной модели такого образования предлагает российское общественное движение «Образование для всех».

² К. Маркс отмечает в «Капитале», что наемный работник есть собственник товара рабочая сила. Как таковой он не может не быть носителем внутренне присущего любому товаровладельцу мелкобуржуазного по своей сути стремления к выигрышу в конкуренции и максимально дорогой продаже своей рабочей силы. В.И. Ленин именно с этим связывал экономизм в рабочем движении. С другой стороны, класс наемных рабочих – и это азбука марксизма – коллективная, созданная обобществлением сила, призванная снять капиталистическую систему в целом, «могильщик» капитализма.

откровенны, целостная и законченная характеристика внутренних противоречий класса наемных работников у классиков отсутствует. Посему напомним азбуку марксизма.

Внутренние противоречия классического индустриального наемного работника связаны с тем, что с одной стороны, он является субъектом, заинтересованным в снятии присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов и обобществлении средств производства. С другой стороны, он является частным собственником товара «рабочая сила», заинтересованным в максимизации дохода от продажи своего товара. И как частный собственник этого товара он является «нормальным», адекватным рынку и капитализму субъектом, у которого нет никакого другого интереса, кроме как подороже продать и подешевле купить.

Кроме того, значимые противоречия в среде класса наемных рабочих обусловлены существенными различиями в содержании труда (здесь как минимум необходимо выделять ручной репродуктивный труд, индустриальный труд частичного работника и креативную деятельность; то, что рабочий класс может базироваться на ручной или машинной репродуктивной деятельности, описано опять-таки в «Капитале»; ответ же на вопрос о природе эксплуатации креативной деятельности мы постарались дать выше).

Наконец, важные внутриклассовые противоречия пролетариата связаны с социопространственным делением глобального капитализма и противоречиями глобализации (к их анализу мы обратимся в следующей части тома).

В связи с коллективным по преимуществу характером труда представителей этого класса встает и очень интересный вопрос о природе и мере его сплоченности и коллективизма. Как собственники товара «рабочая сила» наемные работники имеют абстрактно общий интерес – подороже продавать свою рабочую силу (его объективация – профсоюзы). Почему абстрактно? Потому что, если возникает возможность продать свою рабочую силу подороже за счет других, этот интерес подорвет абстрактно общий интерес – всем *вместе* подороже продавать рабочую силу (штрейкбрехерство). Отсюда возможная противоположность интересов индивидуального работника и профсоюза.

Но у этого коллективизма есть и другая сторона – *конкретно-всеобщее единство интересов наемных работников как эксплуатируемого класса, заинтересованного в снятии своего подчинения капиталу и освобождении труда.*

Отсюда противоположная мелкорбуржуазности владельцев товара рабочая сила сторона содержательного противоречия класса наемных работников – обусловленное обобществлением воспроизводство рабочего класса как ассоциации, заинтересованной в освобождении труда. Последнее обуславливает и сформулированную еще Марксом интенцию снятия себя как класса, присущую именно и исключительно классу наемных

работников: будучи классом, заинтересованным в снятии отчуждения труда и, следовательно, классового деления, *пролетариат стремится и к уничтожению самого себя (а отнюдь не только буржуазии) как класса*¹.

Таковы некоторые классические марксистские постановки вопроса, нередко, к сожалению, «забываемые» как сторонниками, так и критиками марксизма.

А теперь обратимся к наиболее значимым для нашего исследования проблемам **специфики класса наемных работников в условиях глобального капитализма**.

Среди наиболее актуальных проблем исследования этой специфики едва ли не наиболее часто задаваемый нам вопрос: *насколько индустриальный рабочий класс является прошлым?* Этот вопрос воспроизводится в сотнях публикаций на протяжении последнего полувека². В чем прав Горц и его коллеги? В том, что, действительно, происходит развитие нового типа работника, связанного с интеллектуальной (в определенной мере креативной) деятельностью и что является следствием генезиса постиндустриального технологического базиса. Но Горц прав далеко не во всем и об этом тоже писалось уже много раз, но для дальнейшего важно эту неправоту зафиксировать, поскольку это поможет понять специфику противоречий современного рабочего класса.

Во-первых, Горц не прав в том, что работник сферы услуг не является индустриальным наемным рабочим, поскольку значительная часть современной сферы услуг – это *индустриальный труд*. Он специфичен (часто связан с созданием симулякров и других продуктов превратного сектора, для него как правило характерен низкий уровень коллективизма, обобществления), но в главном он остается наемным индустриальным

¹ «Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов» (Маркс К. Нищета философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 4. С. 184).

² Генезис постиндустриальных тенденций и сокращение численности промышленных рабочих в развитых странах позволили Г. Маркузе еще в конце 1960-х (а А. Горцу десятилетие спустя) сделать выводы о сокращении роли этого класса, развитии некласса постиндустриальных пролетариев (А. Горц) и т.д. По этому поводу авторы уже замечали, что (1) анализ исключительно развитых стран – неправомерно узкая абстракция, (2) даже если рассматривать развитые страны как образец будущего (а такой подход по меньшей мере сомнителен, ибо, на наш взгляд, «Первый» мир реализует тупиковую, превратную форму постиндустриальных тенденций), то и здесь предлагаемая в данном тексте система критериев социальной стратификации и, глубже, классового деления позволяет существенно продвинуться по сравнению с выводами Г. Маркузе о снижении роли промышленного пролетариата и возрастании роли люмпенов и интеллектуалов или тезисами Горца о том, что только некласс производителей способен стать основой рождения «царства свободы» (см.: *Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. 2nd edition. L.: Routledge, 1991; *Gorz A. Farewell to the Working Class*. L., 1982).

трудом, формально и реально подчиненным капиталу. Для тех, кто работает в механизированной прачечной, химчистке, на автотранспорте, их труд по содержанию, очевидно, является индустриальным. И это принципиально: мы неслучайно выше подчеркнули содержание труда как важный классовообразующий признак.

Кроме того, в сфере услуг возникает реверсивная тенденция развития в массовом масштабе ручного труда, который является до-, а не постиндустриальным. Это наемный рабочий, напоминающий своего собрата эпохи мануфактурного капитализма. Классическим примером такой «рассеянной мануфактуры» является организация торговых процессов во многих развивающихся и развитых странах.

Еще более важно то, что в третьем мире происходит *ренессанс классического индустриального рабочего класса*, и доля индустриальных рабочих мира в общем числе занятых в XXI веке больше, чем в XIX или в XX веках.

При этом, однако, важно и другое – то, что определяющей тенденцией современности является все же развитие креативной деятельности, а не индустриального труда, даже если количественно доля последнего растет.

После этих предварительных ремарок мы можем внимательное взглянуть на *внутреннюю структуру мирового класса наемных работников*. К ним относятся по меньшей мере следующие слои.

Во-первых, массы «классических» наемных работников, занятых, как правило, репродуктивным индустриальным (или даже доиндустриальным) трудом (именно их мы можем вслед за К. Марксом и его единомышленниками называть классом наемных рабочих или пролетариатом, прекрасно отдавая себе отчет в многозначности последнего термина). Они подчинены капиталу как формально, так и реально, а в некоторых случаях (иммигранты) являются объектом и добуржуазной эксплуатации. В подавляющем большинстве они отчуждены не только от средств производства и продуктов своего труда, но и от управления, а также возможностей повышения квалификации. Их заработная плата обеспечивает лишь минимум средств, необходимых для воспроизводства данного качества рабочей силы; система социальной защиты как правило находится на уровне, характерном для развитых стран в начале XX века. В большинстве это рабочие в странах периферии и полупериферии (в том числе, занятые в филиалах ТНК). Старый тезис В. Ленина, Розы Люксембург и их коллег о двойной эксплуатации работников «Третьего» мира для них верен в полной мере. К тому же ныне они являются объектами информационного, культурного и т.п. гегемонизма.

В то же время в ряде новых индустриальных стран (Бразилия и др.) они могут представлять собой социально и политически организованный класс с достаточно сильным самосознанием «классических» наемных пролетариев.

Численно это наиболее массовый слой наемных работников в современном мировом капиталистическом хозяйстве. Именно они по большей части (повторим тезис предыдущей главы) производят ныне ту прибавочную стоимость, которой хватает на содержание всего превратного сектора и перепотребление привилегированных слоев в развитых странах.

Близко к ним по социальному положению располагаются *рабочие в развитых странах, занятые низкоквалифицированным трудом* (причем не только в индустрии, но и в сфере обслуживания, всех занятых в которой иногда ошибочно относят к более «продвинутому», нежели промышленные рабочие, слою; заметим также, что значительная часть из них – рабочие-иммигранты).

Во-вторых, наемные работники, занятые квалифицированным индустриальным (но преимущественно репродуктивным) трудом в развитых странах. Они также являются объектом всех современных механизмов формального и реального подчинения труда, но на них распространяются некоторые переходные формы (от охраны труда и социальной защиты до участия в управлении и собственности), а также механизмы перераспределения в их пользу части мирового общественного богатства, снижающие прямое бремя эксплуатации, но усиливающие в конечном счете их подчинение капиталу. Особенно важно подчеркнуть их подчинение стандартам общества потребления, товарному и денежному фетишизму, а также фетишизму симулякров.

Экономически и социально они, как правило (прежде всего в Западной Европе), достаточно организованны, но политически оппортунистичны вследствие наличия названных выше переходных форм, принадлежности к «золотому миллиарду» и других причин.

В-третьих, наемные работники массовых творческих профессий, включенные в потенциально общедоступную креативную деятельность, – учителя, воспитатели, врачи общедоступных госпиталей и клиник, социальные работники, низшие государственные служащие, работники учреждений культуры (библиотек, музеев) и т.п. Они, как правило, подчинены гегемонии корпоративного капитала в той мере, в какой (1) последняя является всеобщей, а также (2) государства и общественные организации сами являются агентами этой гегемонии.

Эти слои наемных работников стоят несколько особняком по отношению к первым двум. В то же время по мере размывания среднего класса «рядовая» интеллигенция (работники массовых творческих профессий) *вместе с квалифицированными рабочими корпораций даже в развитых странах все более, как мы уже отмечали выше, исключаются из числа среднеобеспеченных слоев, являвшихся опорой «государства всеобщего благоденствия», переходя в группу «низов» формирующегося на наших глазах «общества одной трети», активно сменяющего в странах «центра» прежнее «общество двух третей».*

Совершенно особое социальное положение занимают, *в-четвертых*, «профессионалы», работающие в штаб-квартирах *корпораций* (особенно занятые в превратном секторе – корпоративное управление, финансы, маркетинг и мн. др.). Они соединяют в себе черты наемного работника (последние доминируют у низших служащих) и членов корпоративной иерархии (они более типичны для служащих среднего и высшего уровня), а также некоторые черты капитала-функции. В силу этого последние превращаются в своего рода «*жрецов гегемонии капитала*».

Несмотря на наличие некоторых творческих функций в их деятельности, занятые в корпорациях «профессионалы» в наибольшей степени (среди работников) подчинены гегемонии капитала, срощены с ним (привилегированное материальное положение, вращение в бюрократическую иерархию и другие описанные выше механизмы). Соответственно, они в наименьшей степени способны на самостоятельную реализацию интересов себя как представителей класса наемных работников. Именно они вкупе с «верхушкой» – персонифицированным корпоративным капиталом – составляют наряду со средней буржуазией и «элитой» работников свободных профессий основу верхней «одной трети» населения развитых стран и менее чем десятипроцентной «верхушки» населения Земли.

В современном глобальном мире, где-то уже десятилетия живущем по правилам позднего капитализма, а где-то еще сохраняющем пережитки феодализма, необходимо выделить такой социальный слой как *крестьянство* и другие слои стран «Третьего мира», занятые до- и ранне-индустриальным трудом и являющиеся объектом *добуржуазной* и ранне-буржуазной эксплуатации.

Формально *вне рамок гегемонии корпоративных капиталистических структур* находятся и *работники кооперативных и коллективных предприятий*. Эта группа крайне неоднородна (здесь следует выделить по меньшей мере мелкие крестьянские кооперативы, кооперативы, основанные на индустриальных технологиях, добровольные научные и иные творческие ассоциации).

Но при этом, несмотря на малочисленность (около 1% занятых), группа «кооператоров» весьма интересна как пример рождения ограничено (вследствие доминирования общей атмосферы капитализма) свободного ассоциированного труда, не подчиненного прямо гегемонии капитала.

Отчасти сходное положение занимают *лица творческих профессий, работающие в рамках относительно свободных общественных и государственных структур* (университетов, NGO) или самостоятельно.

Достаточно многочисленный слой *работников, являющихся одновременно мелкими частными собственниками* (в т. ч. определенная часть «интеллектуалов», возделывающих свой частный интеллекту-

альный огородик)¹ в условиях современного глобального капитализма как правило **непосредственно включен в орбиту гегемонии капитала**. В той мере, в какой они подчинены создаваемому корпоративным капиталом «полю зависимости» (мы его описали в начале этой части) эти акторы выступают в качестве придатка корпоративного капитала. Они подчинены ему технологически, заняты преимущественно в превратном секторе и – особенно это касается таких массовых в развитых странах профессий, как адвокаты и им подобные – по самому содержанию своей деятельности заняты укреплением механизмов гегемонии корпоративного капитала.

Что касается **класса буржуазии**, то в современных условиях внутри него следует выделить прежде всего расположенный наверху современной социальной пирамиды весьма аморфный слой **субъектов гегемонии корпоративного капитала**, которых мы можем назвать **номенклатурой глобального капитала**² (от высших менеджеров, держателей крупных

¹ Отметим: **в строгом смысле слова к этому слою относятся только лица, не использующие в своих фирмах наемный труд**. В противном случае они попадают в разряд мелкой и средней буржуазии. С этой точки зрения т.н. «малый и средний бизнес» в подвляющем большинстве случаев представляет собой ничто иное как подвиды класса буржуазии, господствовавшие в условиях европейского капитализма XIX века.

² Термин «номенклатура» в данном случае неслучаен. М.С. Восленский не дает собственного определения номенклатуры, заимствуя его из учебного пособия: «*Номенклатура* – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах». (Партийное строительство. Учебное пособие, изд. 6-е. М., 1981. См.: *Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.* - М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991 (доступ к электронной версии по ссылке: // <http://lib.ru/POLITOLOG/woslenskij.txt>).

Авторы вслед за М.С. Восленским и отечественными «прорабами перестройки» под номенклатурой понимают замкнутый, привилегированный, самовоспроизводящийся слой хозяев корпоративных структур (в СССР – относительно единой бюрократической пирамиды, в глобальном капитализме – многообразных пирамид-капиталов). «Легко меняются специальности, кабинеты и персональные машины, неизбежной остается принадлежность к номенклатуре. Эта неизбежность гарантируется самим порядком формирования номенклатуры. Освобождает от номенклатурной должности тот орган, который на нее утверждал. Но правило таково, что освобождают от одной должности, назначая тут же на другую (или в связи с уходом на пенсию). Значит, освобожденного номенклатурного работника назначает на новую должность тот же орган, а назначать он может только на номенклатурные должности. Так самой структурой власти обеспечена неизбежность пребывания в →

пакетов акций и государственной номенклатуры до лиц, контролирующих основные права собственности в корпоративных группах – мы много писали о них выше).

К подгруппам класса буржуазии сегодня, естественно, относятся также во многом зависимые от корпоративной номенклатуры господствующие слои в странах «Второго» и «Тьетьго» мира (от полуфеодалных вождей до российских олигархов), а также страты частных собственников относительно независимых некорпоративных капиталов (средняя буржуазия), рантье и т.п.

Весьма интересный продукт противоречий позднего капитализма являет собой слой **«исключенных» (прекариата)**. Он весьма противоречив по своему положению и внутренней структуре.

Во-первых, «исключенные» довольно устойчиво делятся на две существенно различающиеся группы. Первая – это имеющие образование и некий «человеческий капитал» профессионалы, тяготеющие к самозанятости и занимающие пусть неустойчивое, но в общем и целом близкое по параметрам к «среднему классу» положение. Вторая – представители «социальных низов», особенно массовые в странах «Третьего» мира. Это лица, годами не могущие найти работу, безземельные крестьяне, бездомные, люмпены, не имеющие прав мигранты и разного рода меньшинства)¹.

Во-вторых, прекариат обладает некоторым кругом качеств, отличающих его от других слоев общества. «Исключенные» действительно

← номенклатуре» (*Восленский М.С.* Номенклатура. М., 1991. Доступ к электронной версии по ссылке: <http://lib.ru/POLITOLOG/woslenskij.txt>). В условиях глобальной гегемонии капитала в рамках класса капиталистов образовалась именно «корпоративная номенклатура» – устойчиво воспроизводимый относительно замкнутый слой, являющийся персонификацией не просто капитала, а глобальных корпоративных систем – этих миниатюрных административно-командных систем (отсюда, кстати, именно номенклатурная модель воспроизводства этого слоя – слоя хозяев и одновременно функционеров корпоративных структур). Подробнее тема бюрократии и ее субьекта развита, в частности, в нашей работе «Анатомия бюрократизма» (М.: Знание, 1988).

¹ Как мы уже отметили, прекариат – это не только «лица свободных профессий», но и не имеющие стабильных (или вообще каких-либо) источников дохода люмпенизированные слои стран «Третьего» мира, составляющие большую часть этого прото-класса.

Существенно, однако, что этот прото-класс обладает, однако, немалым потенциалом самоорганизации и создания новых форм экономической жизнедеятельности (это показал, в частности, британский исследователь Дж. Лестер. См.: *Лестер Дж.* Отверженные как новый революционный класс // *Альтернативы.* 2009. № 1. С. 85–90), Один из самых ярких примеров такой социально-творческой активности – движение безземельных крестьян и безработных Латинской Америки, которые провели массовые акции по оккупации необрабатываемых земель и создали на них систему многообразных форм семейных и коллективных хозяйств.

выключены из непосредственного воспроизводства корпоративного капитала: они не имеют стабильной (а в ряде случаев – вообще никакой) занятости, устойчиво воспроизводимого социального статуса (они на протяжении короткого времени становятся то наемными работниками, то «фрилансерами», то мелкими предпринимателями, то безработными или даже люмпенами), устойчивого, определенного дохода и т.п.

Говоря образно, прекариат – это, с одной стороны, выход вовне глобального капитала, и потому отрицание глобального капитала, но с другой – это выход в большинстве случаев «в никуда» и потому это, образно говоря, «отходы» жизнедеятельности глобального капитала. Говоря строго, этот слой образуется вследствие неспособности глобального капитала подчинить себе все аспекты воспроизводства человека вообще и совокупного работника, в частности, в условиях глубинных технологических и социально-экономических трансформаций. В результате в современных условиях складывается не только традиционная капиталистическая резервная армия труда и сохраняется безработица (в том числе – застойная, известная еще со времен К. Маркса и ранее) среди «обычных» наемных рабочих, являющихся [потенциальными] субъектами репродуктивного труда, но и формируется «резервная армия профессионалов» – [потенциальных] творческих работников. Это особый по своему содержанию тип безработицы, к анализу которого мы еще вернемся ниже.

Кроме того, представители прекариата не менее, чем все остальные члены общества подчинены глобальному капиталу и являются объектами манипулирования. Последней цели служит сложная система методов – от доступного ныне даже голодному безработному телевидения, которое уводит его в виртуальный мир MTV, Sport-TV, «мыльных опер» и т.п., для «низов» прекариата, до искусственно («как бы») исключенного из общего потока мира «исключительной» («элитной») субкультуры для «элитных» «исключенных». Причем и для тех, и для других широко открывается мир таких неизбежных сателлитов современного корпоративного капитала как наркотики, «виртуалка»¹ и иные формы ухода от действительности. Только для одних – постмодернистских интеллектуалов –

¹ Так называемая интернет-зависимость появилась еще на заре Интернета и впервые подробно описана в статье: *Young K. Internet Addiction: The Emergence Of A New Clinical Disorder // CyberPsychology and Behavior, Vol. 1. 1998. № 3. P. 237–244.* Причиной ее формирования является стремление уйти от различного рода социального дискомфорта, напряжения, проблем в реальной жизни. «71% офисных работников злоупотребляют Интернетом в рабочее время, посещая сайты социальных сетей, онлайн магазины, читая личную электронную почту или просматривая порнографию, играя в азартные или ролевые игры. У людей, страдающих от депрессии, тревожности и тревожных расстройств, социальной фобии и других навязчивых состояний, чаще чем у других развивается интернет-зависимость», говорится на сайте →

это превращается в игру в жизнь пресыщенного детерриаризатора всяческих ценностей. Для других – жителей фавел, которым нечем кормить и не на что лечить детей – в борьбу за физическое выживание. И к чести последних следует сказать, что они находят и новые, некапиталистические альтернативы криминалу и наркотикам, о чем умно и красиво написал упомянутый выше профессор Дж. Лестер.

Однако возвращаясь к низшему слою прекариата – *люмпенам* – мы должны подчеркнуть, что специфика положения этого слоя состоит ныне в том, что глобальная гегемония капитала:

- делает этот слой чрезвычайно массовым и «запирает» его в многочисленные «гетто отсталости», разбросанных как анклавов-болота по мегаполисам развитых стран и превращающихся в целые «саргассовы моря» в третьем мире;
- превращает эти гетто во все более замкнутые образования, из которых чрезвычайно сложно выйти;
- при этом (как *alter ego* этого принудительного замыкания бедноты в «гетто отсталости») порождает массовую миграцию, превращая ее в глобальную проблему;
- в условиях развития высоких технологий и образования усугубляет социальную поляризацию образовательно-квалификационной, создавая мощную, вязкую границу, препятствующую выходу из этого почти самодостаточного, замкнутого, засасывающего, как болото, гетто социальной и образовательно-квалификационной отсталости, но открытую для «входа» в него¹.

Таковы краткие выводы, касающиеся экономических основ социальной структуры позднего капитализма, которые мы можем сделать, основываясь на нашем предшествующем анализе системы производственных отношений этой системы.

Однако приведенная выше социальная стратификация, основанная на выделении классов и внутриклассовом делении, ныне недостаточна.

Большинство специалистов, акцентирующих эту недостаточность, обращаются в поисках путей ее преодоления к генерируемому современными постиндустриальными тенденциями новому образовательно-профессиональному делению (возникновение слоя «профессионалов», меритократии и т.п.).

Выше нами уже было показано, что такое деление реально и отражает превратные (порожденные гегемонией корпоративного капитала) формы роста роли и масштабов творческой деятельности. В то же время мы

← Психологического центра (<http://www.psyq.ru/internet-zavisimost/internet-zavisimost.html>).

¹ Формирование такого массового социального слоя как феномена глобального капитализма было проанализировано А. Горцом, а также в работах Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Ю. Хабермаса и др.

уже отметили и то, что это деление лишь дополняет один из классово-образующих принципов (место в системе общественного производства) и приводит к социальным различиям лишь вследствие особых отношений, когда капитал воспроизводит «профессионалов» как полужамкнутую страту («жрецов гегемонии»), обслуживающую и воссоздающую власть корпоративного капитала; в то же время эта же гегемония запирает малообразованные слои в «гетто отсталости», крайне затрудняя для них доступ к образованию (в этой связи мы не можем не подчеркнуть еще раз: *всеобщий равный доступ к качественному образованию является одним из важнейших объектов и средств борьбы против глобальной гегемонии капитала в условиях генезиса постиндустриального общества*).

Критическое отношение к названным выше интенциям дополнения «классического» социального структурирования указывает на то, что поиск новых, дополняющих классовое, социальных делений ныне должен идти по другому пути.

Однако прежде чем мы пойдем дальше, авторы должны хотя бы кратко остановиться на проблеме, которая станет непосредственным предметом нашего исследования в следующем, III томе нашей книги, работа над которым, мы уверены, будет завершена в ближайшие годы, – проблеме **классовой борьбы**.

В данной книге мы ограничимся только несколькими ремарками, которые станут своего рода пролегоменами к последующим выводам.

Во-первых, авторы хотели бы подчеркнуть очень важный тезис, в принципе принадлежащий к классике марксизма, но в явном виде, выпукло едва ли не в первые сформулированный нашим другом и коллегой профессором М.И. Воейковым: *для капитализма типична классовая борьба не только пролетариата с буржуазией, но и буржуазии с пролетариатом*¹. Поэтому в случае (как, например, в современной России),

¹ М.И. Воейков справедливо пишет: «Нелогично полагать, что в классовой борьбе участвуют только рабочие. Борьба не бывает односторонней. еще в 1931 году Н.А. Бердяев сделал в этой связи очень глубокое наблюдение: «В действительности классовую борьбу ведет и буржуазия и всегда вели господствующие классы. Но когда борьба ведется за сохранение своего господствующего положения, она менее производит впечатление борьбы, чем когда она ведется за изменение существующего социального строя. Это есть обычная иллюзия восприятия. Сохранение существующего не кажется насильственной борьбой. Именно это и есть преимущество рабочих и социалистов, что они ведут классовую борьбу открыто, в то время как буржуазные командующие классы ведут ее замаскированно» (Бердяев Н.А. Христианство и классовая борьба. Париж, 1931. С. 181).

Сегодня мы видим довольно вялую борьбу со стороны рабочего класса. Это верно. Но почему-то не замечаем очень активную борьбу со стороны хозяев «работодателей». Все эти годы характеризовались очень активной и острой борьбой именно предпринимательского класса по отношению к наемному труду. Это невыплата зарплаты, искусственное банкротство предприятий, →

где и когда заработная плата наемных работников абсолютно или относительно сокращается по сравнению с прибылью капитала, усиливается формальное и реальное подчинение труда, сокращаются социальные трансферты и т.д. и т.п., там и тогда мы видим победу класса буржуазии в экономической борьбе с классом наемных работников. Более того, где и когда сокращаются возможности создания профсоюзов, проведения забастовок (в том числе – с политическими требованиями), деятельности левых партий и общественных организаций, нарастают другие формы социального отчуждения и гегемонии капитала, там и тогда мы можем говорить о политическом, стратегическом наступлении капитала в его классовой борьбе с трудом. Высшей и наиболее жестокой формой этой классовой борьбы капитала с трудом является, как мы хорошо знаем из истории, фашистская диктатура.

Во-вторых, в условиях позднего капитализма диффузия социальной структуры, рост внутри-, а не только меж-классовых различий и противоречий существенно усложняет общую картину классовой борьбы. Она не сводится исключительно к противостоянию двух «чистых» классов – индустриальных наемных рабочих и частных собственников капитала. Это противоречие остается *действенной абстракцией*, которая может и должна лежать в исходном пункте анализа классовых конфликтов, но не может подменять всего исследования, восходящего от абстрактного (противостояния двух названных классов) к конкретному – кратко охарактеризованной выше системе меж- и внутриклассовых противоречий.

Отсюда практическая актуальность многообразных и гибких, всякий раз привязанных к специфике исторически-конкретных условий и конкретным сферам социального пространства, форм и методов классовой борьбы и союзов.

Характеристика основных «реперных точек» этих сложных противостояний, как мы уже отметили, – предмет будущей работы. Однако уже в этом томе мы постараемся во всей этой многосложности выделить достаточно четкий водораздел, разводящий по разные стороны баррикад силы прогресса (социального освобождения) и регресса (социального отчуждения) и он нами будет по возможности строго определен ниже.

В-третьих, классовая борьба в условиях позднего капитализма неизбежно сращена с более широким и глубоким, нежели характерное для капиталистического способа производства как такового, социальным противостоянием, связанным с борьбой за рождение «царства свободы».

← незаконные увольнения, понижения зарплаты и т.д.» (Воейков М.И. Социальные реформы и социально-классовая проблема в современной России // Социальные реформы: иллюзии и реальность. Материалы научной конференции. М.: УРСС, 2006. С. 222–223).

ПРОТИВОРЕЧИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА:
СОЦИАЛЬНЫЕ АКТОРЫ

*Период «подрыва» собственных основ «царства экономической необходимости» и развития ростков «царства свободы» обуславливает артикуляцию основного противоречия всемирно-исторического процесса – социального отчуждения и ассоциированного социального творчества, что выводит на первый план социального противостояния два подмножества социальных акторов¹, персонифицирующих это противоречие: **конформистов и социальных творцов.***

Наряду с традиционным делением (на вершине которого – элита корпоративного капитала, внизу – беднейшие слои наемных работников и пауперы) социальную структуру современного мира как бы «рассекает» черта, разделяющая современное сообщество на тех, кто является «рабом» корпоративного капитала и реализует его гегемонию (вне зависимости от того, свойствен им или нет субъективный конформизм), с одной стороны, и тех, кто способен к социальному творчеству, к изменению этого мира, кто в социальных отношениях видит проблему и потенциал изменения, а не устойчивый стереотип, – с другой.

Это противоречие требует более тщательного анализа.

На одном полюсе этого противоречия – персонифицированный международный корпоративно-организованный капитал. Это – элита, реальные хозяева транснациональных корпораций, осуществляющих своеобразный синтез бюрократически-тоталитарного подчинения и капиталистической эксплуатации. Существенно, что эти хозяева корпоративного капитала опираются, как на свою социальную базу, на подчиненных им (через всю совокупность описанных выше каналов власти) трудящихся-конформистов (на этом мы подробнее остановимся чуть ниже).

На другом полюсе этого противоречия – те трудящиеся (лица наемного и свободного труда), кто способен практически противостоять этой власти, являясь субъектом социального творчества, способен к самоорганизации, самозащите, целенаправленному созиданию новых общественных отношений в экономической, политической и культурной жизни.

¹ Мы неслучайно используем в данном случае постмодернистский термин «актор». Он удобен своей неопределенностью и смысловой нейтральностью, ибо обозначает любое социальное лицо – как отчужденно-пассивное, так и социально-творческое. Термин «субъект» в данном случае будет неадекватен для характеристики пассивно-конформистского большинства, термин «агент» в русском языке имеет двусмысленную аннотацию (в том числе ассоциацию с «агентом секретной службы»), термин «социальный слой (страта)» в данном случае также неудачен, ибо названное выше деление в большей или меньшей степени есть внутреннее противоречие всякого индивида и социальной страты.

Речь в данном случае идет не просто об осознании или неосознании классом наемных работников своих сущностных интересов, а об объективной (может быть, еще и неосознанной) способности этой социальной группы совместно творить новый мир и об объективной же необходимости осуществлять это творчество как коренном интересе данной группы.

Дело, иными словами, не только в превращении «класса в себе» в «класс для себя». Выше было предложено *объективное* разделение на лиц, которые потенциально и реально («в себе и для себя») готовы включиться и включаются в социальное творчество – с одной стороны; тех, кто ни потенциально, ни реально в это творчество не включится – с другой. Кроме того, подчеркну, что к субъектам ассоциированного социального творчества относятся определенные представители не только наемных работников (хотя и по преимуществу – именно они).

Точно так же как буржуазные революции и реформы осуществляли не основные классы феодального общества (ни сеньоры, ни крепостные), а выросшие из их разложения новые общественные силы (по генезису преимущественно представители не господствующего класса, а «третьего сословия»), так же и преобразования, связанные с рождением «царства свободы», будут осуществлять не буржуа, не наемные работники как таковые, а выросшие из их разложения (но по генезису преимущественно наемные работники) **субъекты ассоциированного социального творчества**¹. Именно этой общественной силе предстоит сконцентрировать столь мощную общественную энергию, которая сможет разрушить гегемонию корпоративного капитала и перейти (через серию реформ и революционных изменений – см. подробнее заключительную часть книги) к социальному творчеству, начиная с простейших форм пострыночного регулирования (всенародного учета и контроля и т.п.), формального освобождения труда, базисной демократии и т.п.

Вернемся к постулированному выше новому **социальному делению общества на субъектов (потенциальных и актуальных) ассоциированного социального творчества и лиц, персонифицирующих глобальную гегемонию капитала** (корпоративно-капиталистическую номенклатуру вкупе с составляющим ее базисным слоем «конформистов», тех, кто не способен преодолеть сложившиеся социальные рамки и собственные социальные роли).

¹ Данная параллель была предложена А.И. Колгановым (см.: Альтернативы. 1999. № 3. С. 23–31) на основе творческого использования соответствующих положений А. Тарасова, который, в частности, писал: «Марксистская методология предполагает, что революционный субъект должен появиться, как сейчас бы сказали, вне Системы. Не рабы уничтожили рабство и не крестьяне – феодализм. Точно так же не пролетариат должен был стать могильщиком буржуазии» (Тарасов А. Суперэтатизм и социализм // Свободная мысль. 1996. № 12. С. 86; см. также с. 87–95).

Первые – субъекты ассоциированного социально-экономического творчества – это лица (прежде всего наемные работники), пробудившиеся к самостоятельной деятельности по преобразованию общества в самых разнообразных формах. Это та часть трудящихся, кто в своей жизнедеятельности практически по преимуществу не подчиняется гегемонии капитала, идет «против течения», действуя в логике не внесистемного бунта (радикальное левачество) или пассивного ухода от реальности (в стиле хиппи, клошаров или иных обитателей внесистемных пространств), а конструктивного совместного противодействия гегемонии капитала (и, шире, отчуждению) в процессе создания предпосылок и форм освобождения труда и человека¹.

Вторые – не только (хотя и прежде всего) корпоративная номенклатура, но и составляющие ее опоры мелкие буржуа, лица свободных профессий и люмпены, а также частью наемные работники, являющиеся «рабами», функцией корпоративно-капиталистических структур. Это широкий круг лиц, в своей жизнедеятельности подчиняющихся практически без остатка гегемонии капитала: от крупного менеджера до «рядового» наемного рабочего, озабоченного лишь проблемой выгодной продажи рабочей силы и соблюдения правил «порядочной жизни» – даже если он всей душой ненавидит эти правила; от рантье-миллиардера до мещанина-пенсионера, послушно соблюдающего все навязанные ему условия существования в государстве-корпорации.

Подчеркнем еще раз: речь в обоих случаях идет не столько о социально-психологических установках (они вторичны), сколько об особом объективном социальном делении, обусловленном степенью действительного высвобождения определенных групп людей из-под власти гегемонии корпоративного капитала и соответственно включения индивида в объективный социальный процесс (и систему отношений) – социальное творчество.

Можно предположить, что чем сильнее человек по своему классовому положению привязан к собственности, посту в иерархии и иным институтам господствующего мира отчуждения, тем труднее порвать ему с этой поработавшей связью и включиться в социальное творчество. Отсюда следует, что *наиболее соответствующим нонконформистской жизнедеятельности является положение свободного работника, включенного в коллективный, самими трудящимися организуемый творческий труд*. Но такие формы труда пока что остаются исключением. Более

¹ *Субъекты ассоциированного социального творчества как сила, практически противостоящая элите капитала и рабам его гегемонии*, в последние годы вновь с очевидностью проявила себя, как мы уже заметили, в солидарной борьбе организованных наемных работников, студентов и т.п. против высших институтов глобальной власти капитала – ВТО, МВФ и т.п. – в Сиэтле, Вашингтоне и Праге, Генуе и т.п. – подробнее об этом в следующей главе.

того, работник кооператива, например, в буржуазном мире приобретает многие черты, характерные для частного собственника.

Поэтому *потенциально наиболее массовым субъектом позитивной борьбы с отчуждением* (субъектом социально-гуманистических реформ, а затем и народно-демократических, социалистических революций) *может быть наемный* (т.е. частично зависимый от капитала, но противоположный ему по своему классовому интересу; частично отчужденный от своих товарищей вследствие конкуренции продавцов рабочей силы, но коллективистский по характеру своего труда) *работник, обладающий способностью к социальному творчеству* (в частности, высоким уровнем культуры и навыками коллективной самоорганизации).

Наиболее далекими от этой роли являются собственник капитала и «обслуживающие» гегемонизм корпоративного капитала слои: высшие служащие превратного сектора и госаппарата (включая «верхушку» армии и полиции), лица, занятые «производством идеологии» («встроенная» в мир отчуждения и воспроизводящая его своим трудом – например, в mass media и «массовой культуре» – интеллигенция), а также мелкая буржуазия и маргинальные, люмпенизированные, криминальные слои.

Существенно также деление внутри этих «сил отчуждения» на *субъектов гегемонии* – они в значительной степени (но не полностью) совпадают с классом буржуазии – и «рабов» гегемонии – как правило, это наиболее придавленные слои угнетенных. Последние при определенных условиях способны поддержать как социалистические преобразования (но могут послужить и опорой их вырождения), так и крайние формы гегемонизма капитала, например фашизм.

Несложно сделать вывод, что деление на социально подавленных членов общества и социальных творцов в основе своей обусловлено объективным *противоречием между гегемонией корпоративного капитала* (высшей на сегодняшний день формы отчуждения) и *ассоциированным социальным творчеством*.

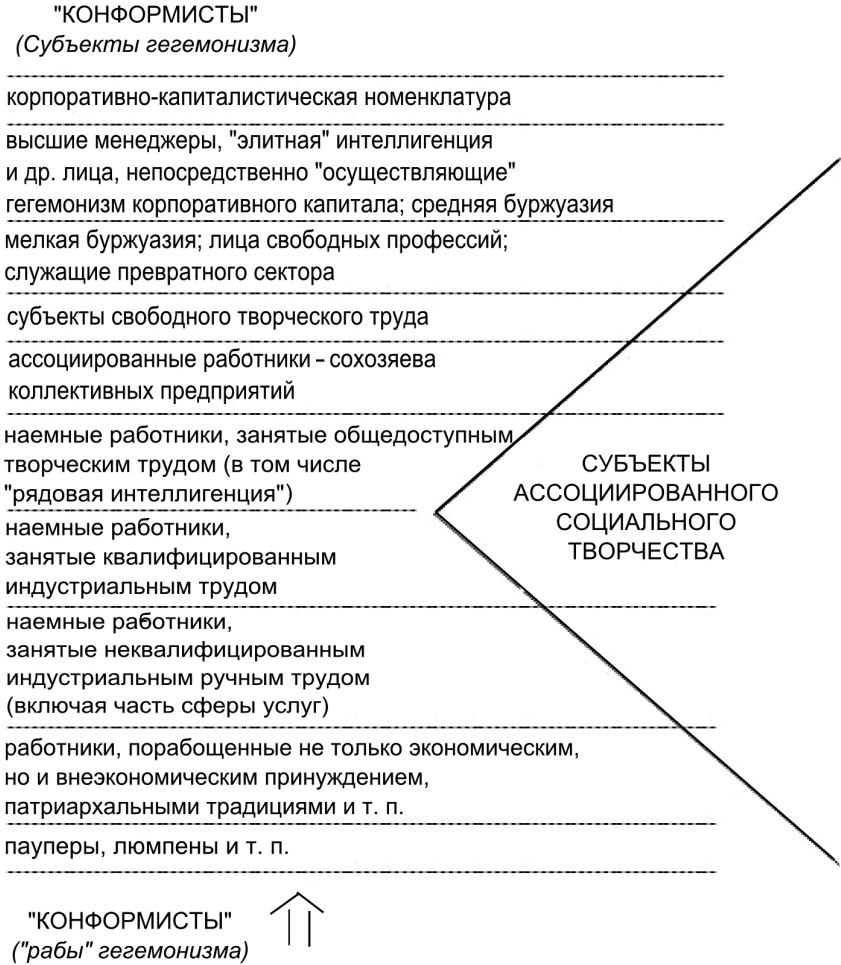
Несколько условно описанное деление может быть проиллюстрировано схемой (естественно, существенно упрощающей реальные отношения), показывающей «наложение» и взаимообусловленность социально-классового и социально-творческого (субъекты и объекты гегемонии, с одной стороны, субъекты социального творчества – с другой) делений общества (см. рис. 2.4).

В первом случае (вертикальное деление) представлены классы и внутри (а также меж-) классовые страты, выделяемые по традиционным марксистским критериям, привязанным к месту человека в системе производительных сил и производственных отношений (с учетом надстроечных факторов) современного общества, где отношения позднего капитализма соседствуют с пережитками внеэкономического принуждения.

Во втором случае, представленном на схеме (диагональный разрез, «*стрела социального творчества*»), водораздел проходит не по тради-

ционным классообразующим признакам, а на основе иного, но тоже базисного, материального социального критерия: бытия индивида как функции, (субъекта или объекта, «раба») отчуждения или субъекта ассоциированного активно-творческого преобразования общественных отношений (естественно, в соответствии с закономерностями их развития).

рис 2.4 Социальная структура позднего капитализма



В отличие от классового деления эта граница носит «мерный» характер (поэтому на схеме она изображена косыми диагональными линиями): большая часть из нас в определенной мере (а не абсолютно) является и «рабом» отчуждения, и субъектом ассоциированного социального

творчества. К тому же *эта граница крайне подвижна во времени и пространстве*: в периоды революционного подъема, а тем более революций граница резко смещается влево – широкие массы включаются в социальное творчество; в периоды кризиса социальных движений и усиления гегемонизма капитала растет конформизм, снижается социально-преобразовательный потенциал, и граница смещается вправо.

Замечу: отсюда вытекает очевидный императив для левых сил – сдвиг «стрелы социального творчества» влево.

Итак, социальная стратификация позднего капитализма оказывается принципиально сложна и несводима к традиционному марксистскому делению. Более того, важнейшим параметром социальной структуры позднего капитализма является и то, что она прямо связана в последние десятилетия с *антагонистическим характером процессов глобализации и интернационализации современного мирового сообщества* (этой проблеме будет посвящена следующая глава работы). Последнее расколото не просто на богатых и бедных. Его противоречия ныне многослойны и сложны.

В исходном пункте – противоречие трудящегося большинства стран «Третьего» и «Первого» мира, с одной стороны; транснационального и национального капитала тех же стран, с другой.

Однако трудящиеся стран «Первого», «Второго» и «Третьего» миров имеют существенные различия, касающиеся специфических условий отчуждения и эксплуатации (доминирование «цивилизованного» гегемонизма капитала и элементов социального партнерства – в первом; «варварских» форм капитализма вкуче с внеэкономическим принуждением – во втором и третьем случаях), уровней культуры, организованности, опыта, т.е. потенциала социального творчества и др. В этих условиях складываются объективные противоречия между трудящимися «бедных» и «богатых» стран.

В то же время противоречие «Север»–«Юг» создавало и создает основы для «классового мира» антагонистических классов внутри каждой из групп стран. В «богатых» – для защиты своих «общих» привилегий (отсюда почва для расизма, поддержки милитаризма, защиты не только сверху, но и снизу «нового мирового порядка» в развитых странах). В «бедных» – для совместной борьбы «верхов» и «низов» этих стран против гегемонии «Севера» (отсюда основания для фундаментализма, национализма, сепаратизма и милитаризма в развивающихся странах).

Пронизывающие весь современный мир противоречия труда и капитала – с одной стороны; конформистов (субъектов и «рабов» гегемонизма капитала и бюрократии) и субъектов социального творчества – с другой; граждан отстающих и развитых стран – с третьей, создают крайне сложную картину расстановки социальных сил в современном мире.

В результате *борьба против национального угнетения, неоимпериализма приобретает амбивалентный характер*: накладываясь на конформизм, зачастую приобретающий в странах «Третьего» и «Второго»

миров агрессивно-консервативные формы, эта борьба выливается в поддержку авторитарных, патриархальных, полуфеодальных движений, «но-стальгию» по «развитому социализму» и т.п.

В то же время борьба за национальное освобождение и новый тип международных отношений становится неотъемлемой частью социалистических преобразований, если она опирается на интернационализм, ведется на основе совместного с ассоциациями трудящихся развитых стран (иначе успеха не добиться) созидания новых форм общественной жизни в национальном и интернациональном масштабе – от социально, гуманистически ориентированных реформ до народно-демократических и социалистических революций.

В свою очередь, конформистское большинство трудящихся развитых стран способно, проявляя шовинизм, поддерживать гегемонизм «отечественного» корпоративного капитала или, напротив, может сформировать большинство, ориентирующееся на интернациональное решение проблем освобождения трудящихся.

В результате, с одной стороны, «рабы» отчуждения в странах «Севера» и «Юга», ориентируясь на фундаментализм, национализм или шовинизм, поддерживая свои элиты, фактически консервируют, укрепляют власть корпоративного капитала в развитых странах и бюрократических националистических режимов – в развивающихся, что ведет к увековечиванию нынешних мировых антагонизмов. С другой стороны, поднимаясь до интернационализма, международных форм совместного социального творчества, его субъекты создают *интернациональную социальную базу социалистических преобразований* в борьбе (путем реформ и революций) как против мировой гегемонии корпоративного капитала, так и против национализма и сепаратизма.

Также и *социальная база борьбы против глобальных угроз человечеству* формируется в итоге из той части общества, которая в силу своих жизненных условий способна воспринять, осознать приоритетность этих общечеловеческих проблем. Прийти же к такому осознанию можно (1) теоретически (это была и будет узкая «интеллектуальная» часть этих движений), (2) практически (что становится участью все большего числа граждан, сталкивающихся с экологическими проблемами, ужасом войн, геноцида и т.п.) и (3) через высшие формы организованной борьбы за социализм (трудящиеся, являющиеся субъектами социального творчества).

Лишь соединение этих трех сил в конечном счете может дать социальную базу для решения глобальных проблем по мере изменения общественных отношений в международном масштабе. Только в этом диалоге первые две группы смогут на деле (в опыте совместной борьбы за реформы и т.п.) убедиться, что глобальные проблемы неразрешимы без создания новых социальных отношений (отношений царства свободы), а третья – в невозможности социальных реформ (а тем более революций)

вне решения глобальных международных проблем; в недопустимости поддержки сил национализма, милитаризма, экспансионизма; курса на тупиковую модель «общества потребления», угнетающего культуру (и, в частности, природу) Земли.

Акцент на внутренних противоречиях в среде трудящихся и «диффузии» класса буржуазии, на проблемах интернационализации и глобализации – все это требует критического «снятия» классических марксистских представлений об *исторической миссии рабочего класса*.

Понимая переход к новому обществу как прежде всего глобальную трансформацию всего мира отчуждения (а не только капитализма) в «царство свободы», мы *de facto* ставим под сомнение старый тезис об индустриальном пролетариате как главной движущей силе социалистических преобразований. Выдвигается более сложная концепция (многие ее слагаемые давно известны «новой» генерации левых Запада).

Да, в той мере, в какой в современном мире сохраняются индустриальный труд и «обычная» задача борьбы против капиталистической эксплуатации, индустриальный пролетариат будет потенциально наиболее активным субъектом этой борьбы, но опять же не весь, а лишь та его часть, которая «возвысится» до практического понимания своих классовых интересов. Эти задачи были и остаются актуальными для новых индустриальных стран и в значительной мере для стран «Второго» мира.

Более же сложные задачи формирования массовых демократических движений, осуществляющих практические реформаторские шаги по хотя бы частичному преодолению отчуждения, будет осуществлять та часть лиц наемного и свободного труда, которая обладает желанием и способностью самим строить по-новому свою жизнь. В большинстве своем в странах с развитым технологическим и культурным потенциалом это будет преимущественно социально активная часть «рядовой» интеллигенции – наемных рабочих, включенных в коллективный и (хотя бы отчасти) творческий труд (инженеров и учителей, программистов и врачей), а также квалифицированных рабочих (в традиционном индустриальном пролетариате такие лица составляют меньшинство).

Именно из этих социальных слоев, накопивших опыт творчески-преобразовательной деятельности, может при определенных (описанных выше) условиях сформироваться субъект будущих преобразований. В то же время интеллигенция, воспроизводящая культурно-идеологическую гегемонию капитала (служащие госаппарата и корпораций, работники mass media и т.п.), в большинстве своем по роду своей жизнедеятельности окажется «по другую сторону баррикад» в борьбе за преобразования, направленные на прогресс ростков «царства свободы». Лишь в период кризиса системы отчуждения эта часть интеллигенции будет генерировать из своей среды (и то как исключение) теоретиков и идеологов левого движения.

В этой связи хотелось бы особо остановиться на проблеме: **интеллектуалы и ассоциированное социальное творчество (в частности – социалистические преобразования).**

Для начала позволим себе две важные оговорки. Во-первых, данная тема уже упоминалась в заключительном разделе предыдущего тома и будет подробнее развита в III томе, над которым сейчас работают авторы. Во-вторых, напомним сформулированный выше тезис: субъект творческой по содержанию конкретной деятельности (ученый, художник и т.п.; на Западе таких людей часто называют «интеллектуалами»¹) далеко не всегда становится субъектом ассоциированного социального творчества. Более того, «интеллектуалы» в условиях «позднего» капитализма играют, как правило, двойную роль (иногда – одновременно).

Первая – роль «агентов» корпоративного капитала, тех, кто действует воспроизводству его гегемонии: разрабатывает стратегию и тактику такой гегемонии, управляет ее реализацией (слой менеджеров), готовит «кадры», осуществляет «идеологическое обеспечение» и т.п. Именно эти слои современная западная социология квалифицирует как новую элиту, предпочитаемая «не замечать» действительных хозяев корпоративного капитала (впрочем, процесс диффузии первых и вторых – вполне реальная тенденция).

Вторая – роль «беглецов» (это, естественно, лишь видимостный уход от социальных противоречий в мир культуры «в себе и для себя», в эту «башню из слоновой кости». Для этого ухода есть немалые объективные основания, а именно – относительная самостоятельность воспроизводства и жизнедеятельности мира культуры. Но эта самостоятельность именно относительна: в целом в условиях «царства необходимости» мир культуры (в узком смысле слова – мир со-творчества), креатосфера подчинены отношениям отчуждения.

Проблема включения интеллектуалов (как первого, так и второго «рода») в ассоциированное социальное творчество крайне сложна (особенно для «агентов» корпоративного капитала) и опирается в некоторое

¹ Если исходить из тезиса о творческой компоненте как родовой черте Человека, то можно сформулировать следующий тезис: *все люди потенциально являются «интеллектуалами», субъектами творческой деятельности. Это качество «всего лишь» отчуждено от них в мире предыстории, общественно-разделения труда, где эти функции оказываются сращены лишь с узким социальным слоем.*

Более того, вполне понятно, что (1) господствующие классы должны стремиться подчинить себе этот слой (без него они не могли бы воспроизводить свое господство ни духовно, ни – прогресс технологий и т.п. – материально), равно как и то, что (2) это подчинение всегда будет сталкиваться с анти-тезисом – стремлением интеллектуалов к свободной творческой деятельности, что протекает из содержания их труда.

*фундаментальное противоречие*¹, лежащее в основе жизнедеятельности этого социального слоя.

С одной стороны, интеллектуалы, как субъекты креатосферы, принадлежат миру культуры в его внеисторичном, «вечном» измерении и в этом (но и только в этом!) смысле относительно независимы от господствующих социальных отношений отчуждения; с другой, они же, как агенты духовного производства, подчинены данным исторически определенным отношениям отчуждения и, более того, являются одним из важнейших звеньев воспроизводства и развития этого отчуждения.

Акцент на этом противоречии (а оно пронизывает жизнедеятельность практически любого человека, хотя бы отчасти включенного в творческую деятельность) позволяет нащупать ключ к решению проблемы включения интеллектуалов в ассоциированное социальное творчество. Этот ключ – «выведение» человека-творца (художника, ученого, учителя, управленца) тем или иным путем из-под власти отчуждения. Это может быть создание адекватных материальных условий для его творчества (гарантированный доход и доступ к культурным ценностям), не связанных с отчуждением его деятельности (зарплата, карьера), продукта его труда (продажа картины или патентование открытия) или его личным подчинением (полурабство ученых на секретных объектах); это может быть включение в борьбу против власти отчуждения (участие в социальных, экологических, политических движениях); это может быть нечто третье (здесь авторам и их коллегам следует немало поразмышлять...).

Выходя из-под власти отчуждения, интеллектуал оказывается потенциально способен включиться в ассоциированное социальное творчество.

Что именно превращает эту возможность в действительность – вопрос для нас открытый. Можем лишь предположить, что решающим обстоятельством здесь может стать лишь то, что гегемония корпоративного капитала подавляет действительно свободную творческую деятельность, а ассоциированное социальное творчество на практике докажет: эта общественная связь дает больший простор для конкретных видов творчества, нежели мир отчуждения².

Решающим препятствием на пути превращения этой возможности в действительность оказывался и окажется статус каждого интеллектуала как не только субъекта творческой деятельности, но еще и агента мира отчуждения (как правило, относительно привилегированного мелкого

¹ О противоречиях интеллигенции в условиях гегемонии см.: *Граммши А.* Тюремные тетради. Ч.1. М., 1991. С. 374–408, 327–335.

² В работах Л.А. Булавки показано, что в первые годы советской власти многих художников и ученых привлекла к сотрудничеству с ней именно возможность более свободной и полной реализации своих творческих замыслов – от грандиозных театральных постановок на площадях до не менее грандиозных планов электрификации.

буржуа или «элитного» наемного работника), агента и «проводника» гегемонии корпоративного капитала. В то же время угнетенный и подавленный в ряде стран (например, в современной России) статус лиц творческого труда может немало способствовать снятию этих препятствий.

Не менее сложной является и проблема возвышения до включения в мир культуры тех угнетенных слоев, кого отчуждение (в частности, капиталистическая эксплуатация) непосредственно подталкивает к борьбе за смену этого строя. Для них потребность в культуре возникает только в той мере, в какой они включаются в ассоциированное социальное творчество, ибо последнее требует от них не просто профессиональных знаний, но способностей к распределению, индивидуальному конкретному творчеству¹.

Но наиболее значимым и сложным оказывается процесс *соединения этих двух потоков: «возвышения» интеллектуалов до участия в социальном творчестве, а угнетенных социальных сил – до включения в мировую культуру*. Именно здесь скрыта едва ли не главная проблема формирования массового субъекта социального творчества². Но эту проблему мы не будем обсуждать далее в данной главе, обратившись к ней в заключительной части работы.

В то же время нельзя не отметить, что процесс «ухода» от индустриального общества с характерным для него объединением работников в обобщественные, дисциплинированные, солидарные трудовые коллективы, где названные выше качества диктовались самим содержанием трудового процесса, порождает и проблему отсутствия достаточных материально-технологических оснований у возникающих добровольных ассоциаций.

¹ Эту связь в полной мере осознавали и прочувствовали практически все большевики «ленинской гвардии». Да и сам В.И. Ленин многократно подчеркивал, что потребность в культуре у рабочих рождается по мере включения в простейшие функции учета, контроля, участия в управлении, которые, в свою очередь, не могут реализовываться без культуры (подробнее см.: Злобин Н. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980; эта мысль также развивается в материале Л.А. Булавки в сборнике: На пути к экономической демократии. Международный опыт. В 2-х кн. / Под ред. А.В. Бузгалина. Кн. 2. М.: Экономическая демократия, 1994).

² Ранее эта проблема ставилась в более узкой и привязанной к практике рубежа XIX–XX веков форме; тогда она звучала как проблема соединения социалистической теории с рабочим движением. На наш взгляд, задача принципиально шире и сложнее: *соединение социального протеста и интенций социальных преобразований угнетенных слоев с мировой культурой (включая и теорию социализма как ее часть), миром креатосферы и ее агентами*.

Особо упомянем в этой связи провокационную и весьма спорную идею А. Грамши о коммунистической партии как способе «выработки» особой «органической» интеллигенции пролетариата (см. Грамши А. Цит. соч. С. 335–336).

У индустриальных трудовых коллективов основанием для объединения и совместного социального творчества были и остаются не только единые социально-экономические интересы, но и технология трудового процесса, опыт коллективизма, взаимопомощи, кооперации.

Это порождало и порождает немало преимуществ для совместного социального творчества (среди главных – солидарность, дисциплина, совместная трудовая деятельность). В то же время те же обстоятельства – обобществление производства, индустриальная организация труда – способны порождать мощную интенцию авторитаризма и подавления самоуправления как основы самоорганизации всякой свободной ассоциации¹.

У свободных ассоциаций, не привязанных к коллективному трудовому процессу (экологических, творческих и т.п. союзов), нет ни этих преимуществ, ни этих недостатков. У них есть плюс – действительно свободное и добровольное (не диктуемое внешней силой – будь то даже единство трудового коллектива) объединение, но у них есть и минус – слабость основ этого союза, присутствие мощных центробежных сил (они особенно значимы, когда члены таких союзов по своему социальному статусу – мелкие буржуа, «частники»), легкость подкупа и/или бюрократического вырождения этих союзов.

Таковы некоторые соображения касательно социальной структуры позднего капитализма в их связи с поиском ответа на вопрос о социальных силах преодоления глобальной гегемонии корпоративного капитала.

Как соединить преимущества первых и вторых, избавившись от их недостатков и «возвысив» их до действительно свободного, добровольного, но в то же время дисциплинированного и солидарного ассоциированного социального творчества – к этой проблеме авторы, как уже было сказано, намерены обратиться в следующем томе.

* * *

Продолжая наше исследование корпоративного капитала и его накопления, мы можем и должны от исследования сущностных процессов перейти к рассмотрению тех универсальных, всеобщих социально-экономических процессов, в которых непосредственно *проявляется* эта гегемония.

Таким универсально-всеобщим *явлением* позднего капитализма является глобализация (кстати, и саму гегемонию корпоративного капитала, как было отмечено выше, мы неслучайно называем глобальной).

¹ Отсюда и широкоизвестная (но не прямая и не обязательно реализуемая исторически) связь: индустриальный труд – обобществление – дисциплина – авторитаризм (вплоть до сталинизма).

Кстати, индустриальный базис на капиталистическом предприятии – от фабрики до фордовских комбинатов – одно из технологических оснований, которые (наряду с социально-экономическими причинами) порождают жесткую диктатуру капитала и поставленных им управленцев.

Однако мы предварим этот переход обращением к анализу причин генезиса и действительного содержания многообразных новых превратных форм глобального капитала, порождаемых подчинением капиталу Человека и Общества в условиях генезиса креатосферы и сохранения гегемонии капитала, а именно, так называемых человеческого и социального «капиталов».

p.s. Человек и социум
как функции капитала и как его предел:
к критике теорий «человеческого»
и «социального» капитала

«Закат» капиталистического способа производства, неслучайно совпадающий в социальном времени и пространстве с «закатом» экономической общественной формации, порождает, как мы показали в предшествующих разделах, феномены будущего, включенные в уходящее настоящее в подчиненных последнему превратных формах. Так происходит и с ключевыми атрибутами снимающей мир отчуждения креатосферой и адекватными для нее общественными формами «царства свободы». Рождение первой предполагает переход от репродуктивного труда и, соответственно, господствующего общественного бытия человека как носителя рабочей силы, к творческой деятельности и, соответственно, бытию человека как ее субъекта – целостной личности, Человека как родового существа (К. Маркс, Д. Лукач). Генезис второго знаменуется превращением социально-преобразовательной деятельности человека и его неотчужденных общественных отношений, т.е. ассоциированного социального творчества в то, что классики называли «основным фактором новой общественности».

В этих условиях глобальная гегемония капитала, подчиняющая себе не только экономическую сферу, но и всю общественную жизнь и ее субъекта – Человека, в процессе своей экспансии не может не порождать двоякого рода процессов.

Первый – трансформация человека как носителя рабочей силы и субъекта репродуктивного труда в Человека как целостную личность, субъекта креативности. И это важнейшее направление технологического прогресса, без которого жизнедеятельность капитала вообще и позднего в частности невозможна. Но служить капиталу этот феномен может лишь в том случае, если он хотя бы формально (в сфере производственных отношений) подчинен капиталу и сам обрел [превратную] форму капитала. Последняя, в отличие от переменного капитала, в который превращается товар рабочая сила, будучи приобретен капиталистом, имеет именно превратный вид. Причина этого в том, что для Человека как целостной личности отчужденное бытие в социальной «одежде» капитала неадекватно и в этом отличие Человека от рабочей силы человека, его способности к [репродуктивному] труду, для которой в условиях капитализма превращение в товар и, далее, капитал, органично.

Второй феномен – социальное творчество – оказывается необходимым позднему капитализму как одна из форм смягчения его противоречий (социал-реформизм) и как адекватная форма организации творческой деятельности (напомним: по своей сущности она есть со-творчество, субъект-субъектный диалог). Как таковое социальное творчество (так же как и Человек в его качестве «родового существа») носит неотчужденный характер, есть феномен деятельности свободной добровольной работающей ассоциации предполагающей господство отношений солидарности и субъект-субъектного диалога¹). Как таковая эта форма общественного взаимодействия личностей также может быть подчинена капиталу лишь при помощи некоторой превратной формы, и в этом ее отличие от отношений конкуренции и иных отчужденных по своей природе товарно-капиталистических общественных отношений.

Так перед нами встает проблема «капиталоподобных» форм бытия Человека и неотчужденных социальных отношений в мире глобальной гегемонии капитала².

Текст 1. Человек в экономике:

К КРИТИКЕ ТЕОРИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА»

Сама по себе проблема Человека в экономической теории стоит как минимум со времен Адама (Смита), да и термин «человеческий капитал» появился и стал общераспространенным в мировой литературе много лет назад³. При всем при этом отношение к проблеме во

¹ См.: *Бузгалин А.В.* По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // *Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения* / Под общ. ред. Б. Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013.

² Непосредственным поводом к написанию данного текста для нас послужили защиты двух докторских диссертаций (А. Вереникиным в Московском государственном университете и К. Маркаряном в Московском университете управления), посвященных проблемам человеческого потенциала и «человеческого капитала» (см.: *Вереникин А.О.* Человеческий потенциал экономического развития. : Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005; *Маркарян К.В.* Человеческий капитал в постиндустриальной экономике. : Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005).

³ Речь идет прежде всего о работах Г. Беккера, Т. Шульца и Э. Денисона начала 60-х гг. XX века (*Becker G.* Investment in Human Capital // *The Journal of Political Economy.* 1962. № 10; *Denison E.* The Sources of Economic Growth in US and Alternative before US. N.Y., 1962; *Schultz T.* The Economic Value of Education. N.Y., 1963), а также о более поздних работах, связывающих концепцию «человеческого капитала» с концепцией «информационного общества» и «общества знаний» (*Becker G.* Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago-L., 1993; *Brooking A.* Intellectual Capital. N.Y. – L., 1995; *Edwinson L., Malone M.* Intellectual →

многим остается скорее прикладным. Фундаментальные теоретические проблемы и вопросы методологии поднимаются относительно редко. Тем важнее, что хотя бы некоторые авторы (в России, в частности, упомянутые выше В.Автономов, А.Вереникин, К.Маркарян¹) сделали предметом своих исследований именно эти аспекты. Впрочем, и для этих работ во многом характерны тяга к неоклассической методологии и/или стремление к развертыванию и дальнейшему обоснованию подхода к экономическому качеству человека как «капитала», что провоцирует скорее на полемику с этими авторами, нежели на воспроизведение их тезисов.

Соответственно задаче данного текста станет по неволе краткое (ограниченное рамками одного подраздела) обоснование следующей (уже сформулированной выше) системы тезисов: *историко-системный взгляд позволяет показать, что в экономике XXI века Человек все более выступает как (1) субъект творческой деятельности, который при этом (2) многоаспектно подчинен тотальному рынку и капиталу и в силу этого (3) обретает превратную форму «человеческого «капитала».*

Обоснование этих положений позволит, в свою очередь, показать противоречия и границы развития человеческих качеств (прежде всего – творческого, личностного потенциала) в условиях тотальной гегемонии капитала.

В современной экономической науке, развивающейся преимущественно в рамках «рыночноцентрической» парадигмы², историко-системный подход не пользуется популярностью вообще и в связи с исследованием проблемы Человека в частности. Между тем достаточно хорошо известно, что Человек в экономике играет много качественно различных ролей, каждая из которых существенно изменяется исторически.

← Capital. N.Y., 1997; Hudson W. Intellectual Capital: How to Build it, Enhance it, Use It, N.Y., 1993; Machlup F. Economics of Information and Human Capital. Princeton, 1994; Frane A., Roncevic B. Social Capital: Recent Debates and Research Trends // Social Science Information. 2003. Vol. 42. № 2; Schuller T., Baron S., Field J. Social Capital: a Review and Critique // Social Capital: Critical Perspective / S. Baron, et al. (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000; etc.). Аналитический обзор основных течений по проблеме человека в экономической теории представлен в работах В.С. Автономова «Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли)» (М.: Наука, 1993) и «Модель человека в экономической науке» (СПб.: Экономическая школа, 1998). Там же содержится его собственная трактовка этих проблем.

¹ См.: Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998; Вереникин А.О. Человеческий потенциал экономического развития. А: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005; Маркарян К.В. Человеческий капитал в постиндустриальной экономике. : Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.

² К этой проблеме мы уже обращались в одном из текстов I тома нашей книги.

В I томе нашей книги мы, напомним, показали, что Человек есть (1) *субъект деятельности*. Этот пункт важен тем, что позволяет показать качественно иную, нежели у других экономических феноменов (денег, товаров), природу Человека (он активный субъект) и провести различие репродуктивного труда и творческой деятельности. Кроме того, сказанное позволяет зафиксировать: некоторые функции человека как субъекта деятельности могут быть отчуждены от человека (например, в условиях разделения труда функция целеполагания – то, что наиболее ярко отличает деятельность Человека от функций животного – может быть отделена от непосредственного работника).

Далее, (2) человек есть *субъект исторически специфических экономических отношений* (купли и продажи товаров или подчинения общинным традициям, найма на работу или рабства, получения социальных трансфертов или присвоения ренты, и т.п.), которые различаются исторически.

В эти отношения человек вступает (3) в некотором особом историческом обликии (*конкретно-исторический социально-экономический тип человека*, одним из примеров которого является homo economicus). Этот тип, в свою очередь, определяет систему ценностей и мотивов деятельности, поведения, принятия решений в экономике, и не только.

Продолжим. Экономическая теория должна учитывать (4) *различный социально-экономический статус представителей разных социальных групп* и прежде всего классов. Но и здесь различение (по содержанию деятельности, роли в экономической системе и т.п.) люмпена, классического наемного рабочего, менеджера, мелкого предпринимателя, олигарха и государственного чиновника выглядит достаточно важным, даже если оставить в стороне марксистский классовый подход¹.

Наконец, не забудем о том, что человек есть не только функция объективных экономических отношений, но и (5) (в рамках марксистской парадигмы) творец истории, *субъект социального творчества* (институционализм в данном случае сказал бы – создатель институтов), а также (6) гражданин, *личность с особой культурой, нравственностью и т.п.* и что все это (7) имеет существенные *национальные, исторические и т.п. особенности*.

При таком подходе достаточно очевидна по меньшей мере ограниченность взгляда, фактически сводящего статус человека в современной экономике к «человеческому капиталу» (одно из свидетельств чему – почти повсеместная² подмена в экономических работах понятия «человек» термином «человеческий капитал»).

¹ Авторы, однако, считают, что забывать о нем не следует, хотя следует существенно обновить, о чем мы уже не раз писали в называвшихся выше работах.

² Среди исключений – работы представителей Постсоветской школы критического марксизма, о которых мы писали в I томе, а также такие авторы как А. Вереникин, чьи работы мы уже упоминали, С. Булганина (см.: Булганина С.Н. Природа и структура экономических субъектов. Оренбург, 2003) и др.

И все же появление этого термина (равно как и стремление использовать его как синоним человеческих качеств) сугубо неслучайно. Более того, причины генезиса категории «человеческий капитал» укажут нам и на то, почему он столь распространен, каково действительное содержание процессов, вызвавших к жизни этот термин, и как оно преломляется в термине «человеческий капитал», а также почему именно он столь активно используется в современной науке.

Прежде всего встает вопрос о том, *почему в аппарате экономической теории появилось понятие «человеческий капитал»*, а традиционные представления о «труде» (педанты-марксисты сказали бы – «рабочей силе»), как том товаре, который работник продает на рынке, оказались недостаточны.

Для этого есть несколько хорошо известных оснований.

Первое и главное основание связано с изменениями в практике жизнедеятельности капитала: начиная с некоторого этапа, значительная часть фирм столкнулась с тем, что использование ими человеческих ресурсов не исчерпывается проблемой приобретения на рынке и использования в производстве товара «рабочая сила» («труда»). Практика поставила задачи существенных инвестиций в развитие человеческих качеств работников и, как следствие, необходимость отображения этих расходов, измерения их эффективности и т.п. Поскольку внешне эти расходы и отдача от них по механизму своего воспроизводства напоминают капитал, постольку в рамках неоклассической парадигмы этот феномен и не мог получить другого имени. Сама по себе практическая необходимость учета новой роли человеческого фактора нарастала постепенно, но с некоторого момента количественные изменения явственно привели к некоторому качественному скачку.

Этот момент оказался связан с существенными изменениями в технологии и структуре производства: Вторым основанием для широкого использования категории «человеческий капитал» стало существенное изменение качества и роли работника под влиянием генезиса постиндустриального общества. Произошел значительный рост значения творческой деятельности и соответствующее изменение человеческих качеств. В этих условиях стал очевиден бурный рост объемов использования и экономического значения высококвалифицированной рабочей силы, требующей значительных затрат на образование, здравоохранение и т.п. Перед капиталом встала проблема приобретения и использования в производстве не просто рабочей силы, субъект которой занят репродуктивным трудом, а цели, организация и результативность которого задаются извне. Возникла новая задача – взаимодействия с субъектом творческой (хотя бы в некоторой степени) деятельности.

Здесь сразу же появилась совокупность новых теоретических и практических проблем, отражающих не только изменения в практике бизнеса, но и существенные подвижки в качестве работника.

Во-первых, как мы постарались доказать выше, рабочая сила субъекта творческой деятельности по определению неотчуждаема («не продается вдохновенье...»). Этим субъектом самостоятельно определяются основные параметры как своего трудового процесса, так и кооперации с партнерами, более того, в пределе он может самостоятельно задает результат и цели всего процесса производства, т.е. выполняет ряд функций капитала (предпринимателя) и в этом смысле он сходен с капиталом-функцией.

Во-вторых, творческая деятельность создает всеобщее богатство, априори являющееся (как всякий феномен культуры, например теория относительности Эйнштейна или романы Льва Толстого) общественно необходимым, имеющим общественную ценность независимо от рыночного признания. И в этом смысле творческая деятельность имеет природу, сходную с деньгами (всем всегда необходимым общественным богатством), причём постоянно возрастающими в своем объеме, т.е. капиталом.

Эти первые два момента уже делают творческую деятельность и ее носителя внешне «капиталоподобным».

Однако этим дело не исчерпывается. *В-третьих*, развитие человеческого капитала неслучайно приходится на период активного роста таких сфер, как финансовый рынок (и вообще все институты и инфраструктура, обеспечивающие рыночные трансакции), менеджмент, консалтинг, аудит, а также масскультура и производство медиапродукции, другие сферы, которые авторы этого текста обозначили как «превратный сектор». В нем не происходит создание материальных благ и культурных ценностей, служащих прогрессу материального производства и/или гармоничному развитию личности, а создаются преимущественно социальные формы, вызванные к жизни собственно рыночной системой и вне нее ценности не имеющие (в отличие от хлеба, станка, синхрофазотрона, научной теории или произведения искусства). Здесь развитие «капиталоподобного» труда становится особенно массовым явлением.

Наконец, *в-четвертых*, период экспансии неолиберальной модели рыночной экономики привел к существенным изменениям в функционировании сфер, в которых создаются и воспроизводятся человеческие качества. Прежнее бытие образования, здравоохранения, культуры и т.п. как сфер создания и использования по преимуществу общественных благ, постепенно во все большей мере смещается (в результате все более широкой их коммерциализации и приватизации) в частную сферу. Соответственно, воспроизводство человеческих качеств в большей мере стало частным делом индивидов и фирм. Так появилась еще одна объективная предпосылка для развития теории «человеческого капитала».

Сказанное позволяет сформулировать утверждение: «человеческий капитал» есть (1) превратная форма некоторого реального содержания, а именно – действительных изменений (2) в качестве деятельности и ее субъекта, а также (3) в роли человека в рыночной экономике, происходящих в условиях генезиса постиндустриальных технологий и экспансии

неолиберальных тенденций. Эти изменения суммируются в (4) развитии нового качества Человека (*homo creator*) и его деятельности (ее творческое содержание), которые делают капитал (как особое экономическое отношение, институт) излишним.

Положения (2) и (3) мы постарались раскрыть выше. Тезисы (1) и (4) – суть теорема, подлежащая доказательству.

Рассмотрим основные пункты такого доказательства.

Как мы уже заметили, термин «человеческий капитал» обязан своему происхождению очевидному сходству с «обычным» капиталом по форме воспроизводства. И в том, и другом случае мы имеем дело с долгосрочным расходом средств (инвестированием) на создание некоторых факторов, которые затем применяются и обеспечивают отдачу от вложенных средств. Как и вещественный капитал, «человеческий» (также применяются термины «интеллектуальный» или «культурный») капитал обеспечивает при своем применении эффект, превышающий объем затрат на его создание.

Более того, выше были показаны некоторые содержательные черты «капиталоподобия» творческой деятельности в современной рыночной системе.

Однако различия между человеческими способностями к творческой деятельности и капиталом достаточно велики для того, чтобы с научной точки зрения было бы оправдано объединение их в общий класс явлений – «капитал».

Начнем с того, что понятие капитал, как бы оно ни трактовалось различными направлениями экономической теории, предполагает такой фундаментальный факт, как *применение капитала человеком в процессе деятельности (трудовой или предпринимательской)*. Очевидно, что к «человеческому капиталу» такая трактовка уже не подходит. За внешним «капиталоподобием» здесь скрывается другое содержание: формирование и использование самим Человеком своих же способностей. Человеческие способности, в отличие от капитала, не представляют собой некий инертный потенциал, требующий для своего производительного применения внешней по отношению к нему активной силы человека. Напротив, *способности человека к творческой деятельности, как и живой труд вообще, выступают как необходимое условие производительного применения капитала*. Одного этого уже достаточно, чтобы провести качественную границу между рассматриваемыми категориями.

Далее, капитал выступает в своей денежной форме, как стоимость, авансируемая на приобретение вещественных элементов производства. Даже если вести речь о средствах производства с длительным циклом изготовления (сооружение зданий, строительство судов, прокладка трубопроводов...), то и в этом случае авансирование денег на формирование творческих способностей человека отличается от авансирования денег на создание средств производства с длительным циклом освоения аванси-

рованных средств. Человек *постоянно* формирует свои творческие способности и осуществляет их использование (хотя бы в процессе обучения). Он начинает их применять задолго до окончания процесса их формирования. Соответственно, цикл авансирования средств растягивается на весь период активной жизни человека (непрерывное образование, обмен знаниями и информацией, совершенствование своих способностей). Кроме того, сам процесс применения творческих способностей человека одновременно является и процессом их совершенствования, чего никак нельзя сказать о вещественных элементах капитала – они лишь снашиваются в процессе применения.

Добавим, что «человеческий капитал» нельзя приобрести простой покупкой, например, услуг образования. Покупатель таких услуг одновременно (и в активном сотрудничестве) с их продавцом выступают как «производители» творческих способностей человека, чего вовсе нельзя сказать о покупателе капитальных благ. «Человеческий капитал» нельзя не только купить, но его нельзя и продать, поскольку творческие способности человека неотделимы от их носителя.

Что же касается семейных «инвестиций» в воспитание подрастающего поколения, то их вообще нельзя рассматривать как капитал даже и по форме движения, ибо эти «инвестиции» совершаются, как правило, без расчета на последующую коммерческую отдачу. К ним также в полной мере относится и то, что было сказано выше об услугах образования.

Кроме того, прибыль на капитал в свою очередь распадается на капитал (реинвестируемую прибыль) и доход. Если проводить аналогию, то доход, получаемый благодаря применению творческих способностей человека в производстве, «реинвестируется» целиком – то есть расходует на потребление человека. Здесь вообще невозможно провести границу между потреблением и «инвестированием».

Наконец, *рассмотрение человеческих способностей как капитала – стоимости, авансируемой для производства добавочного дохода – противоречит общей тенденции эволюции мотивов и стимулов человеческой деятельности*¹. Рассмотрение человеком самого себя как инструмента получения повышенного заработка, что прямо вытекает из концепции «человеческого капитала», вполне возможно. Но тогда следует категорически отвергнуть другую концепцию, согласно которой спецификой изменений, происходящих в условиях генезиса постиндустриального общества, является развитие совсем иных тенденций: творческие мотивы человеческой деятельности, стремление реализовать себя, свои способности, свой творческий потенциал оттесняют вещные, денежные стимулы

¹ Аналогичная аргументация развивается в: *Марцинкевич В.И.* Человек в экономической науке и в российской экономике (что скрывается за термином «человеческий капитал») // *Человеческий капитал и Россия. Материалы теоретического семинара ИМЭМО. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 26, 30.*

на второй план. И напротив, следует категорически заявить, что стремление развивать свои человеческие качества определяется исключительно стремлением сделать свои способности основанием для претензий на повышенный доход.

Но даже если признать последнее утверждение, то и в этом случае цели вложений капитала и расходов, например на высшее образование, будут отличаться, поскольку *стремление надежно обеспечить себе высокую доходную базу все же отличается от стремления получить наивысшую прибыль на вложенный капитал.*

За всеми этими внешними различиями скрыта *сущностная противоположность Человека как субъекта творческой деятельности и капитала.*

Выразить эту противоположность, однако, можно лишь в рамках марксистского категориального аппарата, поскольку аппарат неоклассики принципиально ограничивает исследование (1) полем обмена, отказываясь от анализа содержания деятельности, и (2) рассмотрением исключительно рыночных форм, квалифицируя все остальные феномены как провалы рынка.

Если же мы рассмотрим проблему, используя марксистский категориальный аппарат, то творческая деятельность будет определена как процесс непосредственной, неотчужденной кооперации, диалога, со-творчества субъектов деятельности. Для включения в этот процесс нужны (1) личные способности к опредмечиванию и распредмечиванию [результатов творчества] и (2) открытый, неограниченный [частной собственностью] доступ к культурным ценностям (поскольку они сами по себе безграничны, то и использовать их можно безгранично: читайте книги, слушайте музыку сколько угодно – их не убудет...). Капитал же, наоборот, предполагает отчуждение личностных качеств человека и частную собственность на знания и другие культурные ценности (своего рода «средства производства» для формирования человеческих качеств).

Однако в рамках буржуазной системы вообще, а современной – в особенности, человек и его творческая деятельность воспроизводятся (оставим пока в стороне провалы рынка) посредством рынка и капитала. Как следствие, они не могут не обретать и соответствующих форм. Но здесь есть нюансы (понятные, впрочем, лишь тем, кто помнит или вновь узнал тонкости марксистской методологии). Если товарная форма была адекватна для рабочей силы в условиях капитализма (в условиях этой системы рабочая сила действительно есть товар и, более того, иначе не может быть использована в процессе производства), то *«человеческий капитал» есть превратная форма.*

Раскроем этот сформулированный еще в анонсе данного текста тезис подробнее. «Человеческий капитал» – это форма, создающая видимость иного (чем действительное) содержания. Данная форма создает видимость того, что человеческие качества есть капитал, который приносит

его владельцу прибыль (т.е. доход, больший, чем заработная плата работника)¹. В действительности же здесь складывается иное отношение.

Если оставить в стороне сферу самозанятости творческих работников (индивидуальная деятельность, кооперативы, временные творческие коллективы, государственные университеты), и посмотреть на отношение творца с корпорацией, то здесь происходит (1) приобретение собственником капитала человеческих качеств работника, несводимых к качеству рабочей силы (творческого потенциала человека, т.е. его неотчуждаемых личностных качеств) и, как следствие этого, (2) большей части всеобщего общественного богатства, созданного этой творческой деятельностью. Работник же (1) теряет контроль над своим творческим потенциалом, но (2) получает некоторую (оговоренную контрактом) долю созданного им богатства. В практике развитых рыночных экономик эта доля, как правило, больше, чем просто цена рабочей силы. В других экономических системах (например, в условиях России) ситуация может быть иной.

Тем самым действительным содержанием категории «человеческий капитал» является описанное нами в предшествующих текстах книги отношение подчинения капиталу не только рабочей силы и [репродуктивного] трудового процесса, но и Человека как целостной [творческой] личности и, соответственно, присвоения (в форме т.н. «интеллектуальной ренты») капиталом всеобщего богатства создаваемого этой личностью в процессе ее творческой деятельности.

«Наведенным» же, превратным (это действительная, практическая «кажимость») содержанием «человеческого капитала выступает функция инвестирования некоторого субъекта в развитие человеческих качеств некоторого субъекта (возможного, его самого) с целью получения результата, стоимость которого превышает по своей величине ту, что была инвестирована.

Так очень кратко может быть охарактеризован этот пласт отношений, если мы остаемся в рамках марксистской парадигмы.

В этом случае нельзя отрицать некоторого внешнего сходства между творческой деятельностью человека в условиях капитализма и капиталом; нельзя отрицать и того, что применение творческих способностей человека в производстве имеет тенденцию занять место капитала в качестве ведущего фактора производства. По этим причинам применение слов «человеческий капитал» в качестве образного выражения оказы-

¹ Упомянутый выше К. Маркарян, развивая положения зарубежных теоретиков человеческого капитала, делает на этом основании вывод, что в получаемой наемным работником заработной плате есть две составляющие: собственно заработная плата (амортизация «человеческого капитала») и прибыль. См.: *Маркарян К.В. Общая теория постиндустриального государства*. М.: Едиториал УРСС, 2002.

вается неслучайно – если не забывать, что *это не капитал в научном смысле слова*.

При этом достаточно очевидно, что экономическую оценку суммы творческих способностей человека нельзя свести только к цене его рабочей силы или цене труда. И здесь нет особого предмета для полемики. Но следует ли на этом основании согласиться с тем утверждением, что оплата жизнедеятельности (не просто труда!) творческого работника означает не покупку его рабочей силы, а приобретение услуг труда? Или точнее будет иная формулировка: присвоение капиталом и подчинение ему человеческих качеств, личности («божественной души», суть которой – то самое, «вдохновение», которое не продавалось во времена Пушкина, а сейчас стало предметом рыночно-капиталистических отношений)? Безусловно и в первом и во втором случае объем сделки между капиталистом и творцом не может быть сведен к возмещению издержек на формирование способностей к труду данного качества. Соответственно, эта величина («зарплата» творца) может выходить далеко за пределы величины издержек на формирование рабочей силы. Но вопрос о природе этой сделки остается.

Мы согласны с тем, что владелец капитала может приобретать «услуги труда». Однако такое отношение между капиталом и трудом возникает только в том случае, если предоставление этих услуг не контролируется владельцем капитала, не обусловлено применением капитала, и, напротив, целиком осуществляется «трудом» по собственному усмотрению и за собственный счет. Иными словами, этот тот случай, когда капитал не нанимает трудящегося, а *покупает услуги творческой деятельности независимого производителя (работника)*.

Однако, как мы показали выше, анализируя механизмы подчинения творческой деятельности капиталу, в большинстве случаев в условиях позднего капитализма присутствует иное отношение. По форме оно напоминает «рассеянную мануфактуру», оставляющую лишь видимость независимости «интеллектуала».

По сути здесь присутствует новый вид подчинения капиталу труда, имеющего, кстати, старую форму *наемного* труда. В этом случае оплата труда работника определяется не результатами творческой деятельности, а ставками заработной платы, предусмотренными договором найма. В основе этих ставок лежит описанный выше механизм, по своей сущности сходный с механизмом купли-продажи рабочей силы: основа стоимости «человеческих качеств» («бессмертной души») – как всегда в условиях товарного производства ничто иное как общественно необходимые затраты живого и овеществленного труда на воспроизводство этого «товара» (включая сюда, естественно, затраты на высшее образование, обеспечение здорового образа жизни и большой продолжительности жизни, обеспечение социальной стабильности и других условий, без обеспечения которых затруднительно получить воспроизводство

сложения «профессионалов» в массовых масштабах). Цена же этого товара, как и в случае с другими товарами, колеблется вокруг стоимости под влиянием соотношения спроса и предложения, национальных особенностей, места данной экономики в глобальном мире и т.п.¹

Однако не следует рассматривать концепцию «человеческого капитала» как банальную попытку замаскировать эксплуатацию капиталом творческих работников. В отличие от работников репродуктивного, рутинного труда, творческие работники представляют собой зачастую не только уникальный, но и критический для данной фирмы ресурс, главный источник ее дохода – постольку, поскольку таким источником повсеместно становится технологическое применение науки.

Именно поэтому отношения таких работников с владельцами капитала фирмы могут строиться не только на основаниях купли-продажи рабочей силы: *собственник капитала может вступить с таким творческим работником в фактическое соглашение о разделе части прибыли, добываясь подчинения творческого труда капиталу не на основе экономического принуждения, а на основе компромисса*. Ведь, по существу, деятельность такого творческого работника теперь выступает не только как необходимое (подобно живому труду всех других работников), но и как уникальное условие эффективного функционирования капитала фирмы, без которого капитал обесценивается². Здесь и лежит едва ли не самое глубокое основание развития концепции «человеческого капитала».

В рамках неоклассической парадигмы эта проблема решается, естественно, совсем иначе. В данном случае человеческие качества выступают как всего лишь один из видов ресурсов и потому вполне могут рассматриваться как «капитал» – понятие крайне многозначное в рамках этой школы. Более того, поскольку эта парадигма предполагает (основываясь на известной формуле Сэя), что каждый фактор производства создает некоторый доход, постольку вполне логично выглядит тезис о том, что человеческий капитал, как и физический, создает сумму, достаточную для амортизации и получения прибыли его владельцем.

Далее может встать вопрос: какую форму на практике имеет «прибыль», получаемая «человеческим капиталом»? Некоторые теоретики считают (и их теории активно используются рядом профсоюзных лидеров), что прибыль человеческого капитала есть часть прибыли, полу-

¹ Сказанное позволяет нам предположить, что если бы Билл Гейтс был лишь служащим (пусть даже директором) компании «Майкрософт», а не ее владельцем, то его оплата не шла бы ни в какое сравнение с теми доходами, которые он получает в качестве владельца – даже в том случае, если характер, объем и результаты выполняемой им деятельности были бы идентичны.

² «...Накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала...» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. С. 205).

чаемой фирмой от продажи товара (чистая прибыль должна распределяться между работниками и собственниками физического капитала пропорционально стоимости каждого из этих двух слагаемых). Другие¹ считают, что при заключении трудового договора рынок (конкуренция работников и работодателей) уже определил пропорцию, в которой должен быть распределен конечный доход, и вся проблема заключается в том, чтобы специально выделить в заработной плате долю, соответствующую «амортизации» человеческого капитала и его прибыли.

Возвращение к марксистскому категориальному полю требует не только констатации того, что феномен «человеческого капитала» оказывается отображением закономерных изменений роли человека и качества его деятельности, происходящих под влиянием постиндустриальных сдвигов, но отображаемых в виде превратной формы и того, что эта форма неслучайна – творческая деятельность объективно становится все более «капиталоподобной», что указывает на то, что капитал излишен, как обществено-экономическая форма и институт. Требуется анализ и иных проблем, порождаемых практикой широкого развертывания творческой деятельности в условиях нового качества рынка и капитала, характерных для постиндустриальной экономики. Эти проблемы и противоречия заслуживают самого пристального внимания в силу своей практической актуальности и для критиков капиталистической системы, и для ее адептов, и для наемных работников, и для предпринимателей и собственников капитала, желающих с открытыми глазами встретиться с действительными проблемами.

В рамках неоклассической парадигмы эти проблемы и противоречия просто не видны. Она исходит из того, что «человеческий капитал» есть не более чем новая разновидность капитальных ресурсов², некоторые особенности которой требуют не более чем некоторых коррекций при учете затрат на этот вид капитала и при оценке эффективности его использования. Все прочее – провалы рынка, которые, как известно, надо минимизировать.

В рамках же марксистского категориального поля видна принципиально сложная и значимая проблема. Если мы исходим из того, что

¹ Эта идея проводится, в частности, в уже упоминавшейся диссертации К.В. Маркаряна.

² Неоклассический подход к капиталу, как к некоему стоимостному (денежному) фонду, приносящему добавочный доход – не важно, в чем воплощен этот фонд, – позволяет «безразмерно» расширять понятие капитала (см., например, трактовку капитала в известной работе: Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. С. 265–266). Но и в этом случае применительно к способностям человека возникают затруднения в трактовке их как некоего денежного фонда (хотя бы потому, что, в отличие от денежного фонда, человеческие способности не могут сменить владельца – ведь мы имеем дело не с рабовладением!).

анализ реальной системы отношений современной рыночной экономики указывает на то, что в ее основе лежит система подчинения Человека (а не только труда) капиталу в условиях глобальной гегемонии последнего, то оказывается, что **проблема соотношения понятий «Человек» и «человеческий капитал» не сводима к терминологической: различие теоретических трактовок прямо связано с различием стратегических установок развития экономики.**

Поясним это положение. Теоретические дебаты о природе и роли Человека в рыночной экономике можно было бы считать чисто академическим спором о словах, если бы не некоторые весьма важные обстоятельства.

Во-первых, трактовка человека как особого вида «капитала» обуславливает и соответствующее отношение к его развитию. В рамках данной парадигмы Человек определяется как (1) частная собственность (то ли самого работника, то ли фирмы, инвестировавшей в развитие данного «капитала»); здесь, следовательно, возникает целый круг хорошо известных теоретических и практических проблем: кто и почему может и должен получать доход от инвестиций в образование и как обеспечить использование новых знаний, полученных работником за счет фирмы исключительно в интересах фирмы; еще шаг – и будет введено «контрактное крепостное право»¹). Если человеческие качества (напомним: это не только рабочая сила, но прежде всего творческий потенциал, т.е. личные качества человека) определены как частная собственность и, более того, капитал, то они (2) становятся отчуждаемы. Следовательно, их (3) можно продать (будь Пушкин сторонником теории «человеческого капитала», он бы, наверное, написал Оду в честь продажного вдохновенья... Не нравится? Но ведь *теория человеческого капитала прямо утверждает, что гений и продажность – две вещи... совместные, более того, органично единые для современного человека*).

Во-вторых, легко выводится еще одно следствие: если человеческие качества есть капитал, находящийся в частной собственности, то его развитие и приумножение является частным делом каждого отдельного собственника. Задача государства состоит всего лишь в создании «гарантий прав [интеллектуальной] собственности» и «благоприятного инвестиционного климата». В результате приватизация образования и здравоохранения, культуры и спорта становится социально прогрес-

¹ Данный термин взят в кавычки как образное выражение. Но оно неслучайно: долгосрочный контракт с творческим работником, обязывающий последнего передавать фирме все свои разработки, по сути дела есть элемент именно личной зависимости. Можно, конечно, считать, что «человеческий капитал» вообще не может быть продан, а могут быть проданы лишь его услуги. Но тогда что же это за капитал, который нельзя продать? Системное качество капитала здесь отсутствует...

сивной и теоретически вполне обоснованной. И напротив, трактовка человеческих качеств как неотчуждаемых свойств личности служит одним из теоретических оснований для обоснования необходимости развития культуры, образования, здравоохранения и т.п. как общедоступных сфер.

В-третьих, трактовка человека как «капитала» прямо обуславливает и то, что мерой его развития и эффективности становится денежный доход, получаемый посредством рыночных транзакций с данным «капиталом». Отсюда несколько следствий.

Первое: «качество» человека (*ценность и самооценочность Личности*) с экономической точки зрения становится равно рыночной цене его «человеческого капитала» (отсюда еще одно любопытное следствие: *если исходить из доктрины «человеческого капитала», то оказывается, что человеческие качества учителя из российской глубинки в сотни тысяч раз ниже, чем у успешного финансового спекулянта, а у миллиарда беднейших жителей человечества они вообще близки к нулю...*).

Второе: образование и другие формы «инвестиций в человеческий капитал» должны быть нацелены на формирование максимальной рыночной ценности этого «капитала», следовательно, ориентироваться прежде всего на конъюнктуру рынка (отсюда практическое следствие: качество образования и вуза, его давшего, определяется зарплатой выпускника...), а не на свободное и гармоничное развитие личности. Эту цепочку следствий легко продолжить.

Наконец, и это очевидно, трактовка человека как носителя «человеческого капитала» в применении к наемному работнику «окончательно» снимает проблему эксплуатации: становится «очевидно», что в современной экономике происходит не более чем взаимодействие (конкуренция, социальное партнерство) двух видов капитала¹. Все разговоры о противоположности интересов (стратегических, долгосрочных) труда и капитала в этом контексте становятся «пережитком прошлого». Но вот что-то этот пережиток не хочет уходить из практической жизни...

Сказанное, однако, не следует понимать как отрицание возможности использования термина «человеческий капитал».

Напротив.

Авторы стремились показать, что это закономерно появившееся в рамках mainstream'a понятие, отражающее те превратные формы бытия человеческих качеств (прежде всего креативного личностного потенциала), которые становятся особенно значимы с переходом к знаниеинтенсивной экономике и которые создает общая атмосфера тотальной

¹ Мы уже специально подчеркнули, что в данном разделе мы не намерены вести полемику по поводу правомерности использования теорий прибавочной стоимости и факторов производства. Авторы лишь подчеркивают: термин «человеческий капитал» неадекватен для анализа всех тех пластов подчинения труда капиталу, которые кратко были выделены выше.

маркетизации. В этой обстановке господства рыночного фундаментализма (используем вновь термин Дж. Сороса) вышедшие на первый план креативные свойства человека будут объективно превращаться в частную собственность, которую корпоративный капитал будет стремиться присвоить (или хотя бы использовать), надевая на творческую личность маску «капитала» и отрицая все формы неотчужденного развития человеческих качеств¹. Между тем от широты развития именно этих неотчужденных форм, от возможно более широкого развития творческого потенциала всех людей, независимо от их способности «инвестировать в самих себя», во все большей и большей мере зависит не только прогресс современного общества – в том числе и экономический, – но и сама его способность к прогрессу, а то и к выживанию.

* * *

Феномен «человеческого капитала», стал едва ли не первым в череде разного вида новых «капиталов» – интеллектуальных, культурных, природных и т.п. Что касается исторического первенства «человеческого капитала», то авторы не берутся утверждать наверняка (мы не занимались специальными историко-библиографическими изысканиями на эту тему) но логически он неслучайно занимает первое место. Именно подчинение человеческих качеств стало закономерным первым (но не последним) шагом капитала в область присвоения им неэкономических ресурсов. Если оставить в стороне природу как источник сырья, то прогресс капитала в XX веке уперся прежде всего в необходимость подчинения себе науки, образования и культуры, что и породило проблему Человека и капитала и феномен «человеческого капитала».

Развертывание научно-технического проблема неизбежно генерировало совокупность глобальных проблем и среди них как едва ли не ключевые – экологические. Здесь в принципе должен был бы встать в полный рост вопрос развития Природы (Как абсолютной предпосылки жизнедеятельности человечества и как культурной ценности) и можно было бы ожидать появления проблемы «природного капитала» как одной из наиболее актуальных. Но вот незадача: Природа как культурная ценность что-то плохо поддается приватизации и капитализации (об этих проблемах в других текстах книги) и потому категория

¹ А это, напомним, общедоступные, независимые от дохода индивида, образование, воспитание, здравоохранение, культура; формы свободного (а не наемного) труда креативных работников в рамках общественных организаций, ассоциаций (кооперативов), индивидуальной деятельности; нерыночная оценка общественной значимости творческой деятельности (когда воспитатель детсада или лесник оценивается обществом как не менее значимый для социума, чем финансист) и мн. др. (Подробнее об этих альтернативах – в заключительных текстах этой книги.)

«природного капитала», хотя и появилась, но так и не стала особенно популярной.

Иное дело – неотчужденные общественные отношения людей как личностей, субъектов тех или иных форм общественного диалога. Этот феномен стал неизбежным практическим и логическим следствием развития человеческих качеств и капитал, естественно, не мог пройти мимо этой сферы, не превратив ее в объект своей экспансии. Так возникли проблема «приватизации» и капитализации социальных межличностных взаимодействий и понятие «социальный капитал».

Текст 2. Посткапиталистические социально-экономические отношения или «социальный капитал»?

Итак, гегемония капитала на обозначенном выше этапе экспансии делает своим объектом и едва ли не большую часть сферы социальных связей, отношений и институтов, обозначая их термином «социальный капитал», который «вдруг» (в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов) оказался очень удобным и востребованным понятием¹. Есть и еще одна причина обращения к теме «социального капитала»: этот текст логично (во всяком случае, по мнению авторов) продолжает серию наших размышлений на темы генезиса пострыночных отношений, продолжающих, однако, по-прежнему одеваться в традиционные костюмы мира товаров и капиталов.

¹ Некоторая попытка первичной систематизации основных зарубежных трактовок «социального капитала» и подробная библиография содержатся в англоязычных интернет-ресурсах (см.: www.socialcapitalresearch.com; www.gnudung.com/literature/contemporaryauthors.html). См. также: Штырбул С.А. Социальный капитал и социальный потенциал. : Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: 2010. Отметим, что значительную часть зарубежных источников по проблемам, связанным с «социальным капиталом», авторы использовали, опираясь на названные выше источники. Кроме того, одна из основных проблем в изучении социального капитала – не сложность составления категориального аппарата и выявления границ предмета исследования, а подход, смешивающий суть общественных явлений и их воздействие на экономику (см.: *Fine B. Theories of Social Capital. Researched behaving Badly. L.: Pluto Press, 2010*).

Большинство исследователей сходятся на том, что такая крупная теория социального капитала не могла развиваться столь стремительно и быстро без должных оснований, наработок предшественников (см.: *Fine B. Theories of Social Capital. Researched behaving Badly. L.: Pluto Press, 2010*).

«Социальный капитал»: как ищут и что находят западные и копирующие их отечественные авторы?

Этот раздел будет мало оригинальным и относительно коротким: мы не ставим перед собой задач первоначального анализа материала, состоящего в пересказе того, кто что сказал на Западе о том, что такое «социальный капитал» и каковы его основные слагаемые. Не ставим, ибо в первом приближении они уже решены во многих кандидатских диссертациях, описывающих этот феномен. А вот некоторое обобщение того, что написали западные специалисты и в основном воспроизводящие их отечественные авторы, мы предложить хотим, ибо оно будет работать на доказательство ряда последующих тезисов.

Однако в отличие от авторов типичных обзорных работ мы хотим подчеркнуть: в мировой литературе есть и иной – критически-марксистский взгляд на социальный капитал (в частности, упомянутая выше книга Бена Файна), и мы в определенной мере будем опираться на имеющиеся у этих авторов разработки.

Начнем с того, что первым импульсом для появления этого термина стало «открытие» в 1980-е годы прошлого века несколькими учеными¹ феномена, не описываемого традиционными неоклассическими терминами и/или терминами нового институционализма – того, что, в частности, образно называют «доверительной распиской» (членство в группе, которое дает право на «кредит», в разных смыслах этого слова)². Кроме известного еще с XVIII века феномена «доверия» (кстати, один из наиболее маститых авторов в этой тематике – Ф. Фукуяма – во многом сводит «социальный капитал» именно к этому феномену³) в это поле были включены такие явления как дружба, членство в добровольных организациях и обществах, семейные и другие некоммерческие связи, а также особая (о том, какая именно – ниже) роль социальных структур. Получилась некая весьма аморфная совокупность, которую, «естественно», тут же назвали капиталом, а прилагательное «социальный» появилось как бы само собой.

Описывающие эту совокупность в предельно общем виде справочники и словари, делают «социальный капитал» поистине безграничным понятием: это институты, отношения и нормы, которые формируют качест-

¹ Современные комментаторы сходятся на том, что это были работы П. Бурдьё, Дж. Коулмана и Р. Патнэма (см.: *Bourdieu P.* 'The Forms of Capital.' in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by J. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986.; *Coleman J.* *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Harvard University Press, 1990; *Putnam R.* *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* // *Journal of Democracy*. 1995. № 6. См. также: *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 133–134).

² *Bourdieu P.*, *Op.cit.* P. 243, 248.

³ См.: *Fukuyama F.* *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. L.: Hamish Hamilton, 1995.

венно и количественно, социальные взаимодействия в обществе (определение Мирового банка). В профессиональных работах эта аморфность, однако, отчасти преодолевается, что позволяет несколько специфицировать данную категорию.

Позволим себе для начала выделить ряд устойчиво повторяющихся феноменов, которые разные группы авторов относят к «социальному капиталу».

Первый, очевидно бросающийся в глаза – *доверие и связанные с ним феномены знакомства, признания, толерантности*¹.

Второй – социальные связи, контакты разного рода (перечень этих связей, встречающихся в разных работах, очень широк: семья, религиозные группы, сети выпускников, сообщества по национальному признаку, знакомства и т.п.) с выделением неформальных (то, что мы бы назвали «блатом») и чисто личностных (товарищество, дружба и т.п.)².

Третий – социальные структуры. С этим ситуация сложнее. Сделанный рядом авторов выбор таких структур показывает, что наиболее часто упоминаются различного рода элитные структуры (вплоть до закрытых бизнес-клубов и разного рода «саммитов» типа Давосского, о чем, правда, упоминают редко), но есть и работы, в которых речь идет о разного рода социальных сетях³ и/или добровольных организациях, структурах гражданского общества⁴.

Если же говорить о более-менее устоявших типах связей, выделяемых в литературе, то это будут авторы, делающие акцент на (1) внешних связях, также называемых связями преодоления (bridging) или коммунальными связями и/или (2) на внутренних связях – связях «склеивания» (т.н. bonding)⁵.

Наконец – и это очень важный аспект – некоторые из зарубежных авторов отмечают, что отношения, описываемые понятием «социальный капитал» по преимуществу неконкурентны⁶.

¹ Об этом пишут, в частности, Ф. Фукуяма (Op. cit., p. 10), Р. Инглхарт (Inglehart R. *Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 198), Р. Пантнэм (Op. cit., p. 67) и мн. др.

² Эти положения характерны, в частности, для таких авторов, как П. Бурдьё и Дж. Коулман.

³ Социальные связи в группе, знакомства, признание, которые можно конвертировать в капитал, выделяет как атрибут «социального капитала» подавляющее большинство авторов, пишущих на эту тему.

⁴ Об этом, в частности, пишет К. Томас (см.: *Thomas S. Capital Markets, Financial Markets And Social Capital (An Essay on Economic Theory and Economic Ideas)* // *Social and Economic Studies*. 1996. Vol. 45. № 2/3. P. 11).

⁵ Несколько условное деление на авторов, принадлежащих к той или иной из упомянутых выше групп, приведено в указанном выше интернет-ресурсе, реферирующем работы зарубежных авторов.

⁶ Отмечая этот аспект, мы хотели бы в то же время заметить, что акцент на преимущественно неконкурентном характере связей как одной из отличительных →

Для целей нашего исследования, однако, особенно важным будет иное деление зарубежных авторов. Первая и *доминирующая группа – те, кто «социальный капитал» понимает сугубо коммерчески* (или экономически в узком смысле слова), т.е. как те социальные параметры (как правило, это прежде всего доверие и знакомства в той или иной сети), которые могут быть использованы для получения дополнительной коммерческой (и иной) выгоды¹, или как заметил один из этих исследователей (М. Шифф) – являются аргументом производственной функции и/или функции полезности². Вторая группа – те, для кого он есть *еще и феномен, описывающий особый* (мы бы сказали – не типичный для рынка) круг отношений, в которых «социальный капитал» *выступает как общественное благо*³. Это отношения «сотрудничества» (Патнэм, Брем и Ран)⁴, «оказания помощи и поддержки» (де Грааф, Боксман, Флап, Бур-

← черт «социального капитала» для зарубежной литературы не характерен. Описывая по преимуществу именно неконкурентные отношения, большинство авторов тщательно старается этого не замечать. И ведь у них это получается!

Еще один вопрос: если верить неоклассике, то атрибутом рынка (и, следовательно, капитала) является конкуренция. Следует ли отсюда, что это (как и многие другие формы взаимодействия в капиталистической системе) – нерыночный феномен? Или неконкурентные отношения есть один из атрибутов рынка? В самом деле, почему бы не считать отношения солидарности одной из прогрессивных форм рынка и обеспечивать переход к рынку в России путем сворачивания конкуренции и развития солидарности? Глупость? А считать не-конкурентные отношения по своей природе рыночными – это что?

¹ Это характерно для большинства упомянутых выше авторов, а также для таких ученых как Р. Барт (*Burt R. Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 9), Д. Кнок (*Knock D. Organizational Networks and Corporate Social Capital / Corporate Social Capital and Liability*. Boston: Kluwer, 1999. P. 18) и др.

² *Schiff M. Social Capital, Labour Mobility, and Welfare: The Impact of Uniting States // Rationality and Society*. 1992. Vol. 4. № 2. P. 160.

³ См.: *Portes A. Social Capital. Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology*. 1998. № 24. P. 1–24.

Сходная трактовка социального капитала дана в работах одного из немногих отечественных исследователей этого феномена – К.В. Маркаряна, который развивает свое понимание этой категории вплоть до серии стратегических рекомендаций в области экономической политики (см.: *Маркарян К.В. Человеческий и социальный капитал: теория и модели будущего / Социальная экономика: теория и практика*. М., 2010).

⁴ См.: *Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭиМО*. 1995. № 4; *Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy*. 1995. № 6. P. 67; *Brehm J., Rahn W. Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // American Journal of Political Science*. 1997. № 41. P. 999.

дье и Вакан)¹ и т.п., которые способствуют «развитию коллектива в целом» (Томас)², «с целью решения проблем коллективных действий» (Брэм и Ран)³.

Иными словами, можно сказать, что последняя группа авторов в совокупности определяет «социальный капитал» как... *систему отношений коллективизма, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества с целью развития сообщества в целом.*

...приостановив анализ взглядов западных авторов и написав выделенную выше курсивом дефиницию, я (этот пассаж писал А. Бузгалин) едва не упал со стула: в самом деле, любой обществовед, заставший советские времена, знает, что это ничто иное, как... определение основного производственного отношения социализма в учебнике по политической экономии Академии общественных наук при ЦК КПСС⁴...

Оставим пока в стороне это неслучайное сходство и лишь запомним проведенное выше деление на две группы западных авторов: тех, кто акцентирует рыночный капиталистический эффект («капиталистическая» трактовка») и тех, кто рассматривает в первую очередь новый тип и характер общественных отношений («социальная трактовка»). Это деление принципиально важно для нашего дальнейшего исследования и потому мы уделили ему столько внимания.

Если же суммировать общие признаки социального капитала, содержащиеся в работах большинства известных нам авторов, пишущих о «социальном капитале» на Западе и воспроизводящих эти трактовки в нашей стране⁵, то получится следующий набор характеристик:

¹ Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 119; Boxman E., de Graaf P., Flap H. The Impact of Social and Human Capital on the Income Attainment of Dutch Managers // Social Networks. 1991. № 13. P. 52.

² Thomas. Op.cit. P. 11.

³ Brehm J., Rahn W. Op.cit. P. 999.

⁴ Политическая экономия социализма – научная основа руководства народным хозяйством / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Каф. марксист.-ленин. полит. экономии. Каф. основ науч. упр. социалист. экономикой / Под ред. И. И. Кузьминова, С. В. Рогачева. М.: Мысль, 1975.

⁵ Авторы, конечно же, не претендуют на исчерпывающую полноту своего обзора, носящего к тому же вторичный характер, и потому будут рады любому дополнению и критике, но, исходя из теоретико-методологических соображений, мы все же склонны считать, что ничего принципиально иного, чем упомянуто выше, в рамках mainstream'a о «социальном капитале» не сказано и не будет сказано. Мы, скорее всего, упустили какие-то дополнительные черты, новые формулы и модели и т.п. параметры, лишь дополняющие или более успешно квантифицирующие названные выше черты. Другое дело, что имеются и иные – критически анализирующие социальный капитал работы наших зарубежных коллег, что мы специально подчеркнули выше.

- использование методологии позитивизма и потому выделение преимущественно эмпирически наблюдаемых черт;
- у многих (но не у всех) авторов – господство прагматического подхода, обуславливающее выделение прежде всего тех социальных связей и отношений, которые могут обеспечить прирост исходных ресурсов (в большинстве случаев – дополнительный денежный доход);
- выделение в качестве предмета исследования процессов, отождествляемых (в какой мере правомерно – это особый вопрос) с рыночными, капиталистическими отношениями;
- ориентация на выделение функциональных и иных связей, которые позволяют формализовать и квантифицировать выделяемые черты «социального капитала», неявное абстрагирование от связей, взаимодействий и аспектов исследования, не поддающихся математическому моделированию;
- господство методологического индивидуализма в большинстве работ (исключение составляют немногочисленные авторы, включающие и анализ социально-групповых процессов)...

Перечисленные выше параметры не выбиваются из типичного пейзажа «основного течения» современной экономической и социальной теории ни по предмету, ни по методу. Это позволяет, в частности, объяснить, почему едва ли не все известные исследователи «социального капитала» никогда даже не задаются вопросом о том, насколько правомерно называть совокупность подводимых под это имя явлений именно *капиталом*. Почему бы их не назвать, скажем, «социалом» – рыночной и некоммерческой социальной связью индивидов?

Ответ на этот вопрос довольно очевиден: принадлежащие к *mainstream*’у авторы все, что производительно, как и вообще любую форму богатства, считают капиталом (ибо они как бы не знают никакой другой формы богатства), а то, что социальные связи могут быть производительны, знает всякий, кто использовал в целях собственной выгоды дружбу, кумовство, связи внутри национальных диаспор и т.п. Впрочем, открытие «продуктивности» социального капитала также считают важным научным достижением, и не без оснований: теперь у экономистов есть несколько способов, при помощи которых можно посчитать экономическую эффективность товарищества, дружбы и семейных привязанностей, что (без всяких шуток!) весьма важно для всякого серьезного бизнесмена и менеджера.

Для нас здесь, впрочем, важен не ответ, а вопрос. Задав его, мы ставим под сомнение не прилагательное, а существительное – самую суть феномена «социальный капитал». Мы ставим проблему: *а капитал ли это?* Можно, конечно, все, что так или иначе дает некий прирост богатства, считать капиталом. И это правильно с точки зрения неоклассического нарратива. Более того, даже спорящий с этим в принципе марксизм, подтверждает, что капитал, будучи в условиях капитализма всеобщей формой богатства, придает всем феноменам этого общества вид капитала.

Вот только вопрос: а можно ли, например, считать *капиталом* (пусть и социальным) добровольные и легальные организации, постоянно и неуклонно проводящие деятельность (исключительно легитимную, мирную и демократическую) по:

- ограничению доходов собственников капитала и перераспределению их (в размерах до 50%) в пользу беднейших слоев населения?
- национализации образования, здравоохранения, природных ресурсов, объектов инфраструктуры, телекоммуникаций и т.п.?
- развитию селективного регулирования экономики и увеличению даже не до 50 (как сегодня в скандинавских странах) а до, скажем, 70–80% доли ВВП, перераспределяемой обществом (НПО, органами местного самоуправления и государством)?

А деятельность профсоюзов, органов местного самоуправления, социалистической, коммунистической и других левых партий, обеспечивших победу на президентских выборах в 1971 году Сальвадора Альенде, начавшего в Чили социалистические преобразования, была прогрессом социального *капитала*?

Между тем все эти явления в полной мере подпадают под то определение «социального капитала», которое принято на Западе: они являются формой общественной связи индивидов, обеспечивающих рост полезного эффекта – в данном случае социального равенства и социальной справедливости.

Так вопрос в современных западных исследованиях «социального капитала» никто не ставит. И это неслучайно.

Во-первых, *mainstream* названные процессы вообще не замечает, считая их незначительными маргинальными возмущениями на границах системы. Более того, *mainstream* вообще не хочет видеть ничего, что указывает на наличие иных, нежели рынок и капитал, феноменов в реальной действительности. А они есть.

Во-вторых, прогресс социального равенства и справедливости принадлежащие к *mainstream* исследователи «социального капитала» вряд ли будут считать продуктивным актом, если это не вызывает рост прибыли корпораций или хотя бы рост ВВП страны.

Фиксация такого подхода для нас важна, ибо соглашаясь с ним (в самом деле, называть капиталом, пусть даже и социальным, то, что не увеличивает денежное богатство, странно), мы можем провести то ограничение, которое сами по себе исследователи «социального капитала» проводят редко. Мы можем сказать, что «социальным капиталом» можно называть только *те социальные взаимодействия, которые прямо или косвенно результируются в росте рыночного эффекта, в первую очередь – приросте денег, капитала.*

Все остальные социальные связи даже по аналогии называть «капиталом» не стоит, ибо в этом случае «социальном капиталом» окажется и вся совокупность отношений, формируемых в СССР под мудрым руко-

водством Коммунистической партии и советского правительства, а любое общество и любой экономический строй будет капиталистическим... (В самом деле, вряд ли ученые, стоящие на позициях экономического либерализма, согласятся с тем, что социализация экономики есть прогресс капитала, пусть даже и «социального»...)

В этом случае та трактовка исследуемого нами понятия, которую мы выше назвали «социальной», выйдет из поля, обозначаемого понятием «социальный капитал» и это важный аспект, к которому мы еще вернемся.

Итак, перед нами два подмножества явлений, обозначаемых понятием «социальный капитал»: (1) некие ранее не описывавшиеся экономической теорией формы социальных взаимодействий, включение в которые дает *рыночный, капиталистический эффект*, и (2) формы социальных взаимодействий, которые дают *не рыночный, а социальный эффект*. Существенно, что эти два подмножества пересекаются.

А теперь поставим вопрос: а какова природа этих социальных взаимодействий? Едина ли она для первого и второго подмножеств?

Отступление. Несколько предварительных определений

Гипотеза, которую авторы будут разворачивать и аргументировать в этом подразделе, состоит в следующем: отношения и процессы, обозначаемые термином «социальный капитал», являются *par excellence* посткапиталистическими (и пострыночными) феноменами, которые обретают форму капитала в силу всеобщности бытия и господства последнего в современных условиях. Эти посткапиталистические отношения могут служить прогрессу преимущественно капитала («социальный капитал» первого вида) или общества («социальный капитал» второго вида). В первом случае включение и собственно капиталистических отношений является правилом, во втором – исключением.

Прежде чем начать пояснять и аргументировать эти положения позволим себе (в качестве одного из блоков гипотезы) акцентировать некоторые понятия, уже исследовавшие нами в книге.

Будем считать:

(1) *рынком* – форму только таких взаимодействий, субъекты которых независимы друг от друга; функционируют в условиях общественного разделения труда, преследуют цели максимизации дохода (имеющего в развитой рыночной экономике денежную форму или денежный эквивалент) и минимизации затрат труда, а также других ресурсов; взаимодействуют посредством отношений конкуренции;

(2) *капиталом* – только такой процесс прироста общественного богатства по сравнению с исходным (процесс создания прибавочного продукта), в основании которого лежит частная собственность одних лиц на персонифицированные факторы этого процесса (в частности, сред-

ства производства, включая такие как информация), а других лиц – на рабочую силу, причем собственник рабочей силы лично свободен и лишен какой-либо иной собственности;

(3) иные феномены – *нерыночными* и/или *некапиталистическими*. В частности, нерыночными, будем считать отношения натурального хозяйства (производства и потребления продукции внутри одного хозяйственного субъекта); безвозмездного дарения и безвозмездной помощи; не ориентированных на максимизацию частного эффекта сотрудничества и кооперации; сознательного распределения и перераспределения благ на основе непосредственно-общественного принятия решений исходя из социальных (гуманитарных, экологических и т.п.) критериев и т.п.

К некапиталистическим при таком подходе будут отнесены, например, процессы получения прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения лично зависимых работников; или создание прибавочного богатства общества ассоциацией собственников общественных средств производства; или сотворение свободным креатором, работающим на основе гарантированного обществом обеспечения рациональных потребностей нового культурного феномена, передаваемого человечеству бесплатно, как общественное благо (научная работа сотрудника НИИ или университета в общественном секторе экономике);

(4) *переходными* – всякие процессы, в которых противоречиво соединяются черты рыночных и нерыночных (капиталистических и некапиталистических) отношений. Достаточно очевидно, что в современных экономиках господствуют именно такие, переходные отношения: от 30 до 50% ВВП развитых стран распределяется и перераспределяется по не-рыночным критериям на основе общественных, сознательно-вырабатываемых решений; многие работники являются собственниками акций, а высшие менеджеры соединяют в себе черты собственника капитала и наемного работника и т.п.;

(5) что в классе переходных процессов можно, в частности, выделить, *отмирание дорыночных (докапиталистических) отношений* и *генезис пострыночных (посткапиталистических) отношений* в процессе эволюции рыночной капиталистической экономики¹. В качестве основы для такого выделения будет использован известный в социофилософской литературе *критерий прогресса*: мера свободного гармоничного развития личности²

¹ Этот аспект гипотезы предполагает, что в качестве исходной посылки принимается весьма спорный и в неоклассике вообще не обсуждаемый тезис, аргументированный нами выше, а именно: рыночная экономика имеет исторические и логические социовременные и социопространственные границы, т.е. где-то и когда-то она есть, а где-то и когда-то ее нет.

² Этот критерий в разных формах воспроизводится в работах теоретиков Ренессанса (Пикко де ла Мирандола), Просвещения (Вольтер), марксизма (прежде всего сам К. Маркс, а также Д. Лукач, А. Шафф и др.), экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), гуманистической психологии (Э. Фромм) и т.д. Не-

(его косвенным социально-экономическим измерителем может служить Индекс человеческого развития, а также ряд других показателей, используемых ООН и ЮНЕСКО для сравнительного анализа социального, гуманитарного и экологического развития стран). Соответственно, в том случае, если переход осуществляется от менее прогрессивных отношений, чем рынок (капитал), к рынку (капиталу), мы можем говорить об отмирании дорыночных (докапиталистических) отношений. В случае, если осуществляется переход от рынка (капитала) к более прогрессивным отношениям, мы будем говорить о генезисе пострыночных (посткапиталистических) отношений.

Эти предпосылки доказательств сформулированной выше гипотезы, естественно, будут приняты далеко не всеми.

Радикально-правые сторонники свободного рынка и частной собственности не примут ни тезис об исторической ограниченности рынка и капитала, ни положение о том, что нерыночные и некапиталистические отношения могут быть более прогрессивны, нежели рынок и капитал. Они *не* будут отрицать, что возможна экономика с бесплатным образованием, здравоохранением и большим госсектором в промышленности, на транспорте, в энергетике, с селективным регулированием, с прогрессивным налогообложением и т.п. Но они скажут: такая экономика менее эффективна, чем экономика с минимальными госсектором и социальной защитой, а также невмешательством государства в процесс аллокации ресурсов. Тем самым они скажут, что есть такие формы организации экономики, которые мешают рынку и капиталу и, следовательно (это будет уже моим продолжением их логики) являются нерыночными. Тем самым они волей-неволей вынуждены будут согласиться, что нерыночные и не-капиталистические отношения возможны, но лишь как менее эффективные. Запомним вывод о том, что в экономике могут действовать нерыночные и некапиталистические механизмы присвоения и отчуждения, аллокации ресурсов и распределения (перераспределения) дохода и др.

Как ни странно, но гораздо резче к сформулированным нами выше предпосылкам отнесутся сторонники социально ориентированной и регулируемой рыночной экономики. Они напомнят известный тезис о том, что рынок и капитализм уже в XX веке существенно изменились и потому перераспределение государством значительной части ВВП есть развитие рынка (а не форм, переходных к пострыночным), что

случайно в политической экономии социализма этот императив был назван → ← основным законом коммунистической системы (Подробнее о соотношении апологетики и науки в этой связи см. в: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. Материалы дискуссии / Под ред. А.В. Бузгалина, З.А. Корчагиной. М.: ТЕИС, 2003).

участие работников в собственности есть прогресс капитала (а не ростки посткапиталистических отношений) и т.п.

Авторы уже не раз полемизировали со сторонниками этих взглядов¹, поэтому напомним только один аргумент, касающийся капитала. Если участие работников в собственности есть прогресс капитала, то почему бы тогда не перейти к собственности работников на средства производства (кооперативной, коллективной, коммунальной, муниципальной, федеральной и т.п.) как главной форме капиталистической организации экономики? Или же такой переход будет означать скачок «по ту сторону» капитала?

Нам ответят: этот процесс может идти лишь до определенной меры, до тех пор, пока основой экономики будет все же оставаться частная собственность. И этот ответ будет абсолютно правомерен: в самом деле, до тех пор, пока новые формы (те же ассоциированные формы собственности) развиваются лишь в виде переходных отношений и как подчиненные по отношению к капиталу как таковому (отношению, в котором собственник и наемный работник отделены друг от друга), они (эти новые формы) могут служить укреплению капитализма. Если же новые отношения станут доминирующими... то мы окажемся «по ту сторону» капитала. Точно так же обстоит дело и с соотношением рыночного саморегулирования и сознательного регулирования.

Итак, введение в анализ параметра исторического развития и перехода количественных изменений (например, нарастания регулирования) в качественные (переход «по ту сторону» рынка в нашем примере) позволяет нам аргументировать тезис о том, что наличие нерыночных отношений может быть признано даже если стоять на позициях, которые мы бы обозначил политическим маркером – как социал-демократические.

**Отношения и процессы,
скрытые за понятием «социальный капитал»:
базовые социальные взаимодействия**

После этих предварительных замечаний мы можем вернуться к проблеме историко-диалектического исследования феномена, называемого «социальным капиталом».

Что же скрывается за этим термином?

Если мы рассмотрим первый подвид «социального капитала» (отношения, приносящие рыночный эффект), то окажется, что основанием для такого имени является способность этих отношений и общностей приносить прибыль тем агентам, кто умело использует их для своих частных целей. Итак, внешне все параметры соблюдены. Даже с точки зрения марксовой всеобщей формулы капитала ($D-T-D'$) перед нами

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009. С. 443–456.

капитал¹. Более того, мы можем представить его формулу: $D-C-D'$, где C – социальные связи и отношения². Эта формула, как выяснится ниже, несколько упрощена, но пока это не важно. С практической точки зрения она предстает в несколько циничном, но вполне понятном виде. У некоего агента X есть, скажем, 1 млн долларов, которые он хочет приумножить. В случае обычных вложений этот исходный капитал принесет, скажем, 10% прибыли, т.е. 0,1 млн. Но если осуществить эти вложения, пользуясь протекцией однокашников по престижному N -скому университету, то процент окажется выше, и наш агент X получит не 0,1, а, скажем, 0,2 млн долларов прибыли. Соответственно 100 000 долларов в этом случае будут продуктом «социального капитала»³.

Однако с точки зрения Маркса всеобщая формула капитала есть не сущность, но видимость капитала как особого историко-экономического феномена. Под эту формулу подпадают и те формы, которые характерны и для «допотопного» (например, ростовщического и купеческого) капитала. Для нас эта «деталь» очень важна, ибо эти формы капитала, существовавшие задолго до капитализма, были классическим примером переходного экономического отношения. Возьмем в качестве примера следующую типичную для купеческого капитала эпохи российского позднего средневековья сделку: купец покупает у помещика в N -ской губернии некий товар, везет его в Петербург и продает другому помещику (или царскому двору) с выгодой⁴. Этот пример указывает на отношение, которое противоречиво соединяло феодальное по своей социально-экономической сути производство (производство, основанное на использовании лично-зависимого работника как продавцом товара, так и его покупателем, деньги которому принес опять же крепостной) и капиталистическое по форме обращение.

¹ Заметим: неоклассическое определение капитала несколько более аморфно и менее строго повторяет первоначальное определение [видимости] → ← капитала, данное во II разделе I тома «Капитала». Другое дело, что Маркс, в отличие от представителей неоклассики, не ограничивается видимостью, которая складывается в обращении, и идет дальше, анализируя и сущность, которая раскрывается только в исследовании процесса производства в широком смысле слова.

² С.А. Штырбул в своей упомянутой выше работе предлагает несколько иной вид этой формулы: «Доверительная расписка» – Услуга – «Доверительная расписка».

³ В приведенном выше примере «социальный капитал» выступает в виде своего рода мультипликатора, что позволяет уточнить приведенную выше формулу. Она получит вид: $D - T(C) - D'$.

⁴ Со стороны производства эта сделка будет представлена в виде формулы: Произведенный в некапиталистической сфере товар – Деньги... и ...Полученные в некапиталистической сфере Деньги – Товар.

Идем далее. Если мы приняли предложенное и в меру наших сил обоснованное определение капитала, то окажется, что в приведенном нами примере капиталистического социально-экономического отношения нет. Есть лишь его *видимость* (вполне реальная), т.е. перед нами *как бы* капитал, видимость капитала¹.

Теперь мы можем взглянуть на систему отношений, которые характеризуют «производство» социального капитала в современную эпоху и на этом основании ответить на вопрос, является ли производство «социального капитала» капиталистическим производственным отношением.

Если мы посмотрим на процесс этого «производства» сквозь призму историко-диалектического исследования рынка и капитала, то окажется, что в данном случае мы имеем дело с классом явлений, которые по своим основным параметрам не принадлежат к атрибутам товарно-капиталистических отношений. Скрытые за термином «социальный капитал» отношения и процессы либо (а) существовали до и независимо от рынка и капитала, существуют при этой экономической системе и будут существовать после, либо (б) относятся к нерыночным, некапиталистическим (ниже мы постараемся доказать – пострыночным и посткапиталистическим) феноменам.

Что касается подвиды (а), то здесь все относительно просто. В самом деле, вряд ли кто-то станет оспаривать, что семейные связи, дружба, религиозная или национальная общность есть порождения рынка и капитала. Впрочем, и здесь есть нюансы. Точно так же как станок (или даже кусок золота) по своей природе не капитал, а всего лишь некоторое технологическое устройство (или металл), так же и семья (остановимся в качестве примера на этой форме социальной связи) по своей природе есть способ воспроизводства рода Человек, а не средство получения прибыли.

Однако будучи включен в капиталистический процесс производства станок становится [постоянным] капиталом. Можно ли по аналогии говорить о сходном превращении семьи?

Ответ будет неоднозначным. Если семья «производится» как часть процесса создания прибыли (формирование капитала для начала семейной жизни – производство семьи – получение большего, чем авансированный, капитала в результате функционирования семьи), то по форме процесс является капиталистическим. Но по существу семейные отношения как таковые лишь в исключительном случае являются отношениями

¹ Заметим: если мы приведенное выше логическое построение отрицаем, то тем самым мы утверждаем, что с точки зрения капитала и основанной на нем капиталистической общественной системы нет никакого различия между производством, основанном на использовании наемного труда и на использовании крепостных (или иных лиц, находящихся в личной зависимости – скажем, колхозников сталинской поры или узников ГУЛАГа).

собственника капитала-семьи (того, кто вложил средства в создание семьи) и того, кого условно можно назвать «семейным наемным работником» (того, кто получает содержание от хозяина и выполняет оговоренные контрактом функции). Более того, переход внутрисемейных отношений на собственно капиталистические основы (или отношения рыночного партнерства – производства семьи совладельцами «семьи-капитала») приводит к тому, что семья перестает быть собственно семьей – отношениями людей, основанными на взаимной любви, дружбе, традиции, взаимопомощи.

Итак, в случае с подвидом (а) «социального капитала», который мы рассмотрели на примере семьи, мы можем сделать важный вывод. Вместо формулировки «семья есть капитал» (мы просто опустили в данной формуле прилагательное «социальный») мы получили иную: семья по своей природе не есть капитал, но может иметь видимость капитала, если используется для извлечения прибыли. Более того, она может даже приобрести содержательные черты капитала, если строится на принципах, отрицающих собственно семейные.

Эту формулу можно генерализовать, заменив термин «семья» на «базовые социальные связи»¹ (напомним, семья выше была использована лишь как пример для упрощения изложения). В этом случае мы можем сказать: *базовые (родовые) социальные связи человека по своей природе не есть капитал, но могут получить видимость капитала, если используются для извлечения прибыли и даже приобрести содержательные черты капитала, если строятся на собственно капиталистических (а не социально инвариантных) принципах*².

В контексте нашего исследования этот подвид отношений не может быть квалифицирован ни как до-, ни как пострыночные и/или капиталистические отношения. Они в большинстве своем принадлежат к

¹ Авторы не уверены в том, что выше был использован наилучший термин, и будут благодарны за критику и помощь в поиске более адекватного понятия. Смысл, вкладываемый в этот термин, однако, известен: социальные связи и взаимодействия, характерные для Человека как родового существа и существующие во всех (или нескольких) социальных образованиях независимо от собственного системного качества последних.

² Здесь нас ждет большая трудность: с точки зрения неоклассики «естественным», родовым свойством человека является рациональный экономический эгоизм. Авторы выше показали неправомочность этого постулата, указав, что исторически доказанным является наличие существенно иных, нежели рыночные, капиталистических принципов, ценностей и мотивов поведения у представителей самых разных до- и внекапиталистических общностей (так, для доклассового общества дарение было правилом, а эквивалентный обмен – случайным исключением, для добуржуазного общества правилом было внеэкономическое принуждение, а утверждение о равенстве дворянина и крепостного как экономических агентов выглядело как нонсенс...).

неэкономическим сферам жизни общества и лишь абсорбируются (подчиняются) рынком и/или капиталом.

Гораздо интереснее для нас социальные связи и взаимодействия типа (б) – те, что мы назвали *пострыночными и посткапиталистическими*.

Феномены, скрытые за понятием «социальный капитал»: генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим

Для начала напомним, о каких процессах мы ведем речь. Рассматривая взаимодействия субъектов в рамках неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, в некоммерческих коллективах ученых, художников и педагогов (школы, университеты и т.п. общественного сектора), взаимодействия людей в процессе совместной добровольной (voluntary) деятельности и т.п., ряд упомянутых выше зарубежных авторов выделяет в качестве связей, описываемых категорией «социальный капитал», отношения *взаимного сотрудничества, солидарности, взаимопомощи, кооперации*.

(Прежде чем продолжить анализ напомним одно из тех положений, которые не следует забывать тем, кто хочет адекватно воспринять мысль авторов: в современной экономике мы практически никогда не встретим чистых некапиталистических форм. Сегодняшний мир – это мир рынка и капитала. Единственное, что может быть в нем наряду с ними – формы соединяющие черты этих отношений и ростки новой – посткапиталистической – или старой – докапиталистической – системы, но и только. Повторим: в чистом виде некапиталистические отношения в сегодняшней экономике почти не встречаются.)

Мы сейчас не ставим практически актуальный вопрос о том, насколько широко распространены отношения солидарности, коллективизма и т.п. в современной экономике¹. Мы лишь фиксируем теоретически значимый тезис: нерыночные отношения солидарности и кооперации в современной экономике есть и они настолько значимы, что зарубежные исследователи были вынуждены их не только заметить, но и обозначить как особый вид капитала.

Для авторов этот круг отношений интересен по нескольким причинам.

Во-первых, эти отношения *an sich* носят *не рыночный* характер. Главное основание такого утверждения в том, что эти отношения предполагают не обособление, независимость акторов, а кооперацию и диалог

¹ Подробную информацию об экономике солидарности можно найти на сайтах ряда международных сетей, в частности, таких, как АТТАС (www.attac.org), САДТМ (www.cadtm.org), Transform! (www.transform-network.org), World forum for Alternatives (www.forumdesalternatives.org/en/; www.forumdesalternatives.org/ru/) и др. См. также: Социальная экономика: теория и практика / Под ред. А.В. Бузгалина, К.В. Маркаряна. М.: ТЕИС, 2009.

субъектов. Следствием этого является по преимуществу неконкурентный характер этих взаимодействий. В рамках таких отношений *солидарность оказывается реально действующим, эффективным и практически используемым в экономике способом кооперации индивидов в процессе осуществления совместной деятельности.*

Во-вторых, эти отношения предполагают и полагают формирование черт иного, нежели характерные для рационального homo economicus, типа личности с иными ценностями и иной мотивацией, иными социально-экономическими интересами.

Если в рамках рыночного, конкурентного отношения общественный интерес реализуются лишь *post festum*, в итоге, как продукт взаимодействия *противоположных* интересов участников конкурентного процесса, то в отношениях солидарности с самого начала, *а priori* интересы субъектов кооперации едины и в основном совпадают с общим интересом. Так, принципиально и *а priori* едины интересы участников экологических организаций или субъектов глобальной сети АТТАК, предупреждавшей об угрозе мирового финансового кризиса с конца 1990-х годов прошлого века. В основе своей едины интересы членов профсоюза и партнеров в рамках бизнес-ассоциаций¹. Более того, отношения солидарности (или, в менее продвинутых «по ту сторону» рынка и капитала, формах партнерства) могут быть характерны и для некоторых взаимодействий участников рыночного процесса: то, что взаимодействия бизнесменов включают не только конкуренцию, но и партнерство, хорошо знают не только теоретики, но и практики бизнес-процесса.

Оговоримся: совпадение интересов и целей субъектов отношения солидарности может быть основано на *формальной*, заданной извне, общности целей и ценностей и тогда оно легко вырождается в бюрократическую форму, представителем которой становится оторванный от кооперирующихся субъектов координирующий орган. Но оно может быть и следствием *конкретно-всеобщего взаимодополнения интересов, потребностей, целей участвующих в диалоге субъектов*². В последнем

¹ Проблеме развития бизнес-ассоциаций посвящены работы ряда представителей российской группы исследователей, работающих преимущественно в рамках парадигмы нового институционализма, в частности А.А. Аузана и его коллег по кафедре на экономическом факультете МГУ (см., например: Аузан А.А., Золотов А.В., Ставинская А.А., Тамбовцев В.Л. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах. Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009. М., 2010; Аузан А.А. Коалиции за модернизацию: возможности возникновения и методология анализа // Вопросы экономики. 2008. № 1).

² Напомним, что в I томе нашей книги мы показали, что категория конкретно-всеобщего, развитие которой дано в работах Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса и – как суммирование и дополнение классических трактовок – Э. Ильенкова, предполагает не формальное (по принципу сходства ежа и

случае (типичный пример здесь – кооперация ученых, разрабатывающих единую проблему в рамках творческого коллектива) бюрократическая инверсия общности оказывается принципиально затруднена, хотя и не невозможна. (В качестве краткой ремарки заметим: такая инверсия возможна с любым типом экономических взаимодействий, Так, в условиях нестабильности институтов рыночная конкуренция легко вырождается в криминальные разборки или даже войны: у каждого свои «болезни»...)

В рамках отношений солидарности формируется и особый тип соперничества, являющийся не иным именем конкуренции, а принципиально иным способом самореализации.

Рассмотрим в качестве примера сферу науки. Здесь в соревновании участников научного диалога выигрывает не тот, кто наиболее обособлен от партнеров, а тот, кто максимально открыт к диалогу, кто постоянно дарит свои знания другим в ожидании критики (т.е. ответного подарка – нового блока знаний) и стремится превзойти своих оппонентов, доказав им в открытом споре свою правоту (подарив новый блок знаний). Во многом сходно строятся и отношения в творчески работающей студенческой группе, где каждый из участников стремится проявить себя как можно полнее, доказать в диалоге, что он (она) талантливее других, победить в дискуссии, получив максимальное признание коллег и профессора, т.е. стремится к победе через дарение своих знаний и талантов...¹

В-третьих, отношения, которые были выше обозначены термином «солидарность», носят некапиталистический характер. Они основаны на концентрации основных прав собственности в руках всех членов кооперации и в строгом смысле не совместимы с отношениями капиталистического найма одними участниками солидарного трудового процесса других. И распоряжение процессом (в частности, целеполагание и другие функции управления), и присвоение факторов деятельности, и использование ее результатов (например, отказ от вырубki леса как следствие деятельности экологической НПО) носит *непосредственно-общественный* характер.

Более того, с точки зрения отношений собственности в данном случае мы можем говорить о наличии и такого аспекта как безвозмездная *взаимопомощь* участников солидарной деятельности и их непосредственное (не опосредованное принципами эквивалентности и иными видами отчуждения) *сотрудничество* в процессе реализации конкретно-всеоб-

половой щетки, равно обладающих щетиной), а содержательное, родовое, конкретное единство, в том числе внешне не сходных, но глубинно-сродственных объектов.

¹ Еще раз заметим: мы отнюдь не идеалисты. Выше речь шла об идеальном виде отношений солидарности, тогда как в сегодняшней реальности они всегда «перемешаны» с отношениями конкуренции, борьбы за место в иерархии и т.п.

щих целей и ценностей (напомним: все это пересказ не текстов по политэкономии социализма, а упомянутых выше *западных работ о «социальном капитале»*).

Другое дело (повторим в третий раз, ибо читатели предварительных вариантов текста все время приводят одни и те же возражения), что в реальности отношения солидарности всегда противоречиво соединены с отношениями частного присвоения и коммерциализации, бюрократического управления и карьеризма, порождая погоню за деньгами и местом в иерархии в науке и педагогике, бюрократизацию управления и злоупотребления в НПО и т.п. Но ведь и собственники капитала «вырождаются»: одни норовят подкупить госчиновников, другие превратятся в «баронов разбойников» (господствующий тип крупного бизнеса в США второй половины XIX века и России конца XX века и далее), третьи – создать под видом частной службы безопасности мафиозную структуру... Причем степень вырождения особенно высока на этапе генезиса системы, так что *только зарождающиеся отношения солидарности и другие посткапиталистические отношения просто обязаны все время «грешить» тенденциями коммерциализации, бюрократизма и иными «пережитками прошлого» вследствие тех же законов, по которым капитал в эпоху первоначального накопления «грешил» страстью к использованию в целях обогащения не только наемного труда, но и нелегитимного насилия и государственной власти...*

Вернемся к нашей проблеме анализа отношений солидарности и сотрудничества, и поставим проблему: о чем свидетельствует их наличие – о сохранении (возрождении) дорыночных и докапиталистических отношений или о генезисе отношений *пострыночных и посткапиталистических*?

Авторы и здесь предлагают пойти по традиционному для нас пути историко-логического анализа содержания этих отношений. Такой анализ позволит выделить внешне сходные, но содержательно различные отношения, подпадающие под имя «солидарности».

Это могут быть докапиталистические отношения сотрудничества, основанные на доиндустриальном типе технологий, ручном репродуктивном труде, подчинении человека традиции и другим формам личной зависимости (наиболее типичный пример – община).

В наиболее варварском виде эти отношения могут существовать в форме принудительной «солидарности» («коллективная организация труда» в условиях ГУЛАГов), которая по существу является сущностно иным отношением, а именно технологической кооперацией, осуществляемой при помощи внеэкономического принуждения. Ничего общего с социально-экономическим отношением солидарности эта принудительная кооперация не имеет, хотя «имена» (в стиле сталинских «коллективных хозяйств» – колхозов) и отсутствие конкуренции создает видимость их внешнего сходства. Но еж (вспомним сравнение этого

животного с так похожей на него половой щеткой), как ни странно, по существу имеет гораздо более общего с зайцем или бегемотом, нежели с половой щеткой, которая, в свою очередь, содержательно гораздо ближе к пылесосу, чем к ежу. Так и с принудительной солидарностью: хотя внешне она в силу отсутствия конкуренции похожа на свободную ассоциацию, содержательно она ближе к кооперации наемных работников на капиталистическом конвейере, куда рабочего гонит не любовь к одуряюще-однотипному наворачиванию гаек, а нужда и угроза безработицы, т.е. внешнее *принуждение*. Как и в случае с общиной крепостных здесь налицо зависимость и принуждение работников, только зависимость и принуждение экономические, а не основанные на личном подчинении.

Но возможны и принципиально иные отношения, предполагающие преимущественно творческое содержание деятельности и добровольное свободное ассоциирование участников этого процесса. В случае, если в основе их сотрудничества лежит совместное социальное творчество мы попадем в сферу деятельности социальных движений и НПО. Если же в основе такой кооперации лежит творческая деятельность ученого, художника, педагога, эколога, субъекта управления и т.п., то мы окажемся ближе к отношениям со-творчества в процессе деятельности креативного класса (и опять повторим рефрен: в реальности в большинстве случаев эта деятельность будет иметь переходные формы организации, включающие значимую рыночно-капиталистическую составляющую).

Наконец, возможны и промежуточные варианты, когда преимущественно репродуктивный индустриальный труд наемных работников организуется на основе отношений солидарности за счет использования отношений формального освобождения труда (авторы об этой переходной форме писали еще в 1980-е годы¹). Ростки этих отношений существовали (хотя и были генетически обременены бюрократическими деформациями²) в СССР, где они получили имя «энтузиазма» и «социалистического соревнования», а в теории – основного производственного отношения нового способа производства, о чем мы уже упоминали.

Эти черты советского прошлого мы бы здесь, наверное, даже не стали вспоминать, ибо ныне подавляющее большинство экономистов абсолютно уверено, что названные выше феномены были исключительно идеологическим штампом³, если бы не один «нюанс». Дело в том, что нынешняя организация труда и межличностных отношений, обозначаемая терми-

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.

² См.: Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990. С. 90–97.

³ О соотношении апологетики и науки в политической экономии социализма см.: Бузгалин А.В. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // Вопросы экономики. 2003. № 3; Бузгалин А.В. Политическая экономия социализма: наука или...? // Политическая экономия

ном «социальный капитал» начинает повторять (естественно без указания на исторически первые опыты) практику советской организации, а это уже важный факт.

Кроме того, как мы уже заметили выше, элементы отношений солидарности имеются в формах партнерства в сфере бизнеса, а также – о чем в этом тексте мы специально писать не будем – социального партнерства и социально ответственного бизнеса.

Сказанное позволяет теоретически квалифицировать отношения, основанные на внеэкономическом принуждении, имеющие лишь видимость солидарности, как докапиталистические, ибо они базируются на отношениях, менее развитых социально и дающих меньший гуманитарный эффект, нежели капиталистические. С этим никто не будет спорить и потому оставим этот тезис без комментариев.

Отношения же солидарности, основанные на творческой деятельности (в том числе – социальной креативности) и свободном ассоциировании участников мы считаем правомерным квалифицировать как посткапиталистические (и, соответственно, пострыночные). И этот тезис следует аргументировать.

Во-первых, они базируются на творческом, *постиндустриальном* по своему содержанию труде, что позволяет оценить их как по меньшей мере не менее прогрессивные, чем капиталистические, по технологическому базису.

Во-вторых, они предполагают снятие капиталистических форм отчуждения. Они лежат «по ту сторону» наемного труда, когда работник продает свою рабочую силу и, следовательно, отчуждает свои способности и выполняет в процессе труда функции, диктуемые капиталом: цели, технологию и т.п. такой деятельности задает капитал (о креативной корпорации и новых методах управления креативным персоналом – в другом тексте этой книги, хотя это формы, также включающие элементы посткапиталистических отношений, основанные на использовании человеческого и социального «капиталов»). Кроме того, они предполагают преодоление отчуждения работника от функций управления, присвоения результатов деятельности и т.п., а также такой формы отчуждения как конкуренцию.

Наконец, в-третьих, они ставят задачи свободного развития человеческих качеств или сходные задачи как непосредственные цели деятельности и, как правило, обеспечивают высокие результаты в их достижении (косвенным подтверждением этого является то, что страны, широко использующие эти формы организации, – выше мы их обозначили как социал-демократические – имеют наивысшие рейтинги по Индексу человеческого развития, опережая по этому показателю аналогичные по уровню развития технологий страны с либеральной ориентацией экономики).

Генезис посткапиталистических отношений: эмпирические проявления

А теперь, после того как теоретически сформулированы критерии, позволяющие выделять ростки посткапиталистических отношений, мы можем завершить нашу спираль, начавшуюся с систематизации эмпирических черт «социального капитала», фиксируемых западными исследователями, и вновь обратится к практике. Обогащенное теоретическими выводами, это обращение позволит нам показать, где именно и как именно проявляются в практике современного позднего капитализма отношения, которые мы обозначили как посткапиталистические и которые в западной литературе причисляются к сфере явлений, называемых «социальным капиталом».

Построим *классификацию этих эмпирически наблюдаемых в условиях позднего капитализма посткапиталистических отношений, проявляющих себя как «социальный капитал»*, на основе выводов проведенного выше краткого исследования, а именно, по принципу нисхождения меры развития посткапиталистических начал в эмпирически данных переходных отношениях и институтах позднего капитализма.

Первый блок – совокупность отношений и процессов, где в наибольшей (в условиях капитализма) степени развиты эти начала. Это феномены, где (1) труд имеет значимые творческие компоненты, (2) главными целями деятельности непосредственно являются социальные, гуманитарные, экологические и т.п., а денежная мотивация субъектов играет подчиненную роль и (3) отношения *par excellence* носят характер свободной добровольной кооперации (отчуждение работников от средств и результатов деятельности, а также от управления если и присутствует, то не является доминирующим). На этих основаниях сегодня строится деятельность многих социальных движений и НПО¹, коллективов ученых, занятых преимущественно фундаментальными исследованиями, значительной части педагогов в начальной, средней и высшей школе (как правило, в общественном секторе), социальных работников, работников некоммерческих организаций в сфере культуры и взаимодействия человека с природой, людей искусства, ориентированных не на коммерческие результаты.

Эти пласты практики довольно редко упоминаются в исследованиях по «социальному капиталу» и еще реже о них вспоминают экономисты, принадлежащие к *mainstream*^у, но с нашей точки зрения они принципиально важны. Важны, так как это *постиндустриальные сферы экономики, являющиеся наиболее значимыми для прогресса в XXI веке*, ибо они формируют креативные качества человека – главный ресурс развития эко-

¹ Анализ теории и практики деятельности тысяч новых социальных движений и неправительственных организаций, объединяемых принципами Хартии Порту-Алегри (ее ключевые лозунги хорошо известны: «Мир – не товар!», «Люди, а не прибыль!») будет дан нами в заключительных текстах книги.

номики, основанной на знаниях. Важны они еще и потому, что здесь скрыт ключ к ответу на заявленный в начале этого раздела вопрос: что есть «социальный капитал». Образно этот вопрос можно переформулировать так: «социальный капитал» – это скрепы современного капиталистического общества или же гексоген в его основании?

Второй блок. Элементы посткапиталистических отношений в индивидуальном поведении акторов экономики позднего капитализма, ориентированном на развитие человеческого и социального «капитала». Этот блок изучен и описан едва ли не наиболее полно, поэтому позволим себе лишь напомнить некоторые известные положения. Мы бы их сформулировали так: в той мере, в какой индивид (1) действует (как работник, потребитель, собственник), исходя из ценностей и мотивов развития человеческих качеств, социальной кооперации, максимизации общественных благ и т.п. как приоритетных по отношению к целям максимизации [частного] денежного дохода; (2) включен в отношения солидарности, а не конкуренции и (3) осуществляет свою деятельность свободно, а не как наемный работник или функция (персонификация) частной собственности (в развитом виде – капитала) – в этой мере он включен в посткапиталистические отношения и формирует «социальный капитал» (а также свой «человеческий капитал») как систему посткапиталистических по своей сущности отношений. Эти три параметра сегодня в немалой степени характерны, в частности, для представителей «рядовой» интеллигенции, лиц, занятых в экономике солидарности и т.д., и, следовательно, этот блок в значительной мере пересекается с первым.

Третий блок. Элементы отношений солидарности, взаимопомощи и т.п. в организации деятельности персонала в современных креативных фирмах, фирмах, использующих доктрину «человеческих отношений» и другие механизмы неотчужденного социального взаимодействия и мотивации. Этот блок отношений и механизмов достаточно подробно описан в зарубежной литературе, посвященной, однако, преимущественно проблемам менеджмента, а не «социального капитала». Естественно, в этих источниках почти никогда не говорится не то что о посткапиталистических формах организации труда, управления и других форм социально-экономических взаимодействий, но даже и о «социальном капитале». Посвященные этим вопросам работы по менеджменту вновь и вновь на протяжении вот уже почти столетия «открывают» для себя то, что индивид является не только рациональным экономическим человеком, максимизирующим денежный доход и минимизирующим затраты [своего труда и др. ресурсов], но и личностью, со сложной системой интересов и потребностей, ценностей и мотивов.

Для нас здесь наиболее интересны следующие компоненты, в наибольшей степени проявляющие себя у индивидов, описанных выше, при характеристике второго блока:

• превращение [творческого] труда из бремени в ценность и стимул, что позволяет развивать формы стимулирования труда... трудом [имеющим творческое содержание];

• трансформация времени досуга в свободное время (время развития человеческих качеств, в том числе – время творческой деятельности)¹, что позволяет развивать формы стимулирования труда и активности свободным временем;

• стремление к включению в отношения солидарности, а не конкуренции в процессе трудовой деятельности, в том числе в трудовом микроколлективе (развитие форм коллективной организации труда, «работы командой» и т.п.);

• формирование долгосрочной некоммерческой (о коммерческой – участия в прибылях и т.п. – уже говорено-переговорено) заинтересованности в результатах деятельности макроколлектива: фирмы, организации, в случае социально ответственного бизнеса – граждан страны в целом или даже человечества (работа на фирму, строго соблюдающую экологические нормы, является в странах, широко использующих модель социально ответственного бизнеса, одним из важных стимулов мотивации ответственной, высококачественной творческой работы персонала);

• развитие форм некоммерческого соревнования, ориентированного на максимальную реализацию личностных качеств и самореализацию индивида, индивидуальный престиж в коллективе, а также социально-гуманитарное стимулирование персонала (вплоть до форм, поразительно напоминающих «моральное» стимулирование участников социалистического соревнования в СССР);

• формирование климата неотчужденных социальных отношений и практики взаимопомощи в коллективе (в частности, доктрина «фирмы-семьи») и мн. др.

Четвертый блок. «Социальный капитал» как слагаемое отношений партнерства в бизнесе и социального партнерства. Как мы уже заметили выше, отношения между персонифицированными капиталами (фирмами, предпринимателями) также включают не только отношения конкуренции, но и партнерства. Последние нельзя в строгом смысле считать разновидностью отношений солидарности или взаимопомощи, т.к. целевые установки, мотивация и положение акторов этого отношения характеризуют его как в основе своей рыночное, более того, капиталистическое.

В то же время наличие общих (не конкурентных) целей у участников бизнес-ассоциаций или партнерств (как явных, так и скрытых), содейст-

¹ Едва ли не самая интересная характеристика свободного времени как богатства, ценности и стимула, развивающая идеи К. Маркса, содержится в работах Побиска Кузнецова (см.: По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1990).

вие развитию каждого из участников ассоциации (партнерства), а не стремление к разорению конкурента, инициативная выработка неких общих «правил игры» (в том числе во взаимодействии с третьими лицами), добровольные ограничения коммерческих целей (вплоть до соглашений о не превышении неких заранее установленных уровней нормы прибыли) и т.п. говорит о наличии в рамках таких соглашений и элементов пострыночных, неконкурентных отношений¹.

Отношения социального партнерства капитала и наемных работников, в частности трехсторонние соглашения профсоюзов, государства и бизнес-ассоциаций, мы бы квалифицировали как более продвинутые по шкале социализации, нежели чистое бизнес-партнерство, поскольку в таких договорных отношениях собственно гуманитарные, социальные цели играют несколько большую роль².

В то же время авторы не склонны преувеличивать пострыночные элементы в отношениях, которые были условно отнесены к четвертому блоку. Они есть, но здесь доминируют преимущественно рыночные, капиталистические параметры.

В качестве особого блока отношений, напрямую не встраивающегося в приведенную выше классификацию, выделим отношения *доверия*. Известный еще с XVIII века как один из краеугольных камней рыночных отношений и воспетый в массе произведений, восхвалявших честность купечества и крепость слова бизнесмена еще на заре капиталистической эры, феномен доверия в новом столетии стал едва ли наиболее часто упоминаемым (а у такого мэтра, как Ф. Фукуяма, как мы заметили выше, – едва ли не единственным) слагаемым «социального капитала».

Этот феномен интересен тем, что соединяет в себе сложный комплекс отношений, принадлежащих к взаимопересекающимся, но разноплановым пластам общественной организации. В самом деле, доверие есть (и это общеизвестно) один из институтов, обеспечивающих предпосылки функционирования рынка и капитала, наподобие других институциональных условий. Так, в сфере права рынок и капитализм невозможны вне гарантий неприкосновенности частной собственности и соблюдения контрактов. Такие же гарантии должны существовать и в нравственной

¹ То, что отношения конкуренции в условиях рынка предполагают и некую толику иных, партнерских, отношений, а также некие нравственные [само]ограничения, заметил еще Адам Смит. Этот феномен хорошо известен и современным экономистам: как теоретикам, так и практикам. При этом, однако, большинство из его исследователей трактует его как элемент рынка, ибо для них (как мы уже отмечали выше) все, что содействует развитию рынка, есть его атрибут, наличие нерыночных отношений игнорируется, не говоря уже о диалектике развития ростков нового качества внутри старой системы как важнейшего способа самосохранения последней.

² Выше мы уже указывали на основные работы по проблемам самоуправления и коллективного хозяйствования.

сфере, и они существуют. Напомним лишь один аспект: из 10 заповедей христовых в буржуазном обществе наиболее хорошо известны и чаще других упоминаются именно те, что охраняют право частной собственности и контрактов: не возжелай чужого имущества, не укради, не убий (т.е. не используй внеэкономических методов воздействия на контрагентов). Первые же четыре заповеди, где говорится о том, что единственный господин человека – бог, большинство даже не знает¹.

Доверие есть одна из таких «заповедей» – нравственный гарант соблюдения контрактов и [рыночных] обязательств. Впрочем, как и все остальные нравственные заповеди, эта имеет и внерыночный², общечеловеческий смысл и основания, что свидетельствует об особом месте *доверия* и позволяет отнести его к тем базовым человеческим ценностям и отношениям (наподобие семьи и т.п.), которые рыночная капиталистическая система превращает в «социальный капитал». Как и все такие отношения «доверие» не исчерпывается статусом одной из предпосылок рынка и капитала, но включает в себя и внеисторический нравственный смысл – отношение к другому человеку как к субъекту, который соблюдает установленные нормы, прежде всего – нравственные. И этот аспект позволяет квалифицировать «доверие» как феномен, имеющий не только рыночное содержание. Это общегуманистическая норма, которая именно в силу этого и совершенно неслучайно отнесена к «социальному капиталу», а не просто к одной из институциональных предпосылок рынка.

¹ В I томе мы упоминали об этом аспекте, но не приводили полностью текста Заповедей. Считаю важным привести здесь их полностью, так, как они изложены в Ветхом Завете (по Синодальному переводу Библии):

- «1. Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.
4. Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исход, 20: 2–11).

Согласитесь, сложно назвать это универсальными, общечеловеческими этическими принципами. Лишь после них идут требования – почитай отца твоего и мать твою, не убивай, не прелюбодействуй, не кради и т.д.

² См.: *Гумаргалиев И.Е.* «Доверие» как феномен пострыночных отношений // *Альтернативы.* 2009. № 1.

Впрочем, доверие не является специальным предметом нашего исследования и потому пойдем дальше.

Наряду со слагаемыми «социального капитала», которые чаще или реже, но все же исследуются как компоненты этого феномена, существуют и такие общественные отношения, которые мы также квалифицируем как посткапиталистические, но которые обычно не включают в «орбиту» «социального капитала». В частности, это отношения:

- добровольного дарения (gift-economy), включая как давно известные пожертвования и взносы граждан на развитие неправительственных организаций и социальных движений, благотворительность и т.п., так и особенно быстро прогрессирующие в условиях развития информационных технологий новые формы со-творчества как дарения (викиномика, анархономика и др.);

- *социальные трансферты* и иные легитимные формы безвозмездной добровольной передачи благ гражданами государству и НПО (они составляют десятки процентов ВВП развитых стран);

- *добровольная безвозмездная деятельность*, которая является типичной для очень разных социальных слоев в странах с социальной ориентацией развития: от среднего класса Западной Европы до прекариата Латинской Америки) и др.

Не включение этих форм в сферу «социального капитала» неслучайно: они как правило не могут быть использованы как объект для выгодных инвестиций, позволяющий получить рыночный эффект. Но их наличие и широкое распространение указывает на наличие в современной экономике социально-экономических процессов и отношений, которые не дают рыночного, но дают социальный эффект. «Открытие» этого пласта, конечно же, не наша заслуга. Но это и не заслуга упомянутых выше зарубежных авторов, описавших это (второе в приведенной в начале статьи классификации) подмножество явлений. Они были квалифицированы как зародыш некапиталистических отношений в марксизме едва ли не столетие назад...

Этот пласт явлений, на наш взгляд, также может быть назван посткапиталистическим на тех же основаниях, что и рассмотренные выше элементы социального капитала. Добавим к прежним еще один аргумент: эти отношения рождаются как правило как следствие компенсации провалов рынка, т.е. именно там, где отношения рынка и капитала не могут дать ответ на вызовы новой реальности. Впрочем, эту тему авторы уже рассматривали в тексте о критике рыночноцентричности современной неоклассики.

И последняя ремарка в связи с анализом посткапиталистических отношений как специфических оснований «социального капитала». Эти отношения в большинстве своем *позволяют компенсировать провалы не только рынка, но и государства*. Лежащие в основе «социального капитала» и таких институтов как НПО, социальные движения, научные, педагогические, экологические и т.п. ассоциации, отношения солидар-

ности, социально-гуманитарные ценности и мотивы, т.е. *отношения и формы свободного добровольного ассоциирования граждан, по своей природе лежат «по ту сторону» не только рынка и капитала, но и государства* с его бюрократизмом, иерархией, карьерными и властными устремлениями и т.п.

Впрочем, это уже тема иного текста – работы, которую мы бы назвали «По ту сторону провалов рынка и государства» (надеюсь, что она скоро выйдет в свет).

А теперь давно напрашивающийся вопрос: *а что же делает эти внерыночные по своей природе отношения и связи людей капиталом?* Пусть всего лишь по видимости, но капиталом?

Ответ на этот вопрос уже был дан выше: то, что в большинстве случаев суммированные выше отношения и процессы в условиях современной экономики можно использовать как одно из средств для увеличения прибыли, как *один из мультипликаторов процесса накопления капитала*.

Соответственно, ответ на вопрос о том, почему это всего лишь *симулякр* капитала, как бы капитал, тоже был дан выше: здесь нет сущности капиталистического отношения, которая была сформулирована выше как отношение, в котором есть не только процесс самовозрастания стоимости (подчеркнем: именно стоимости, адекватной всеобщей формой которой являются деньги, а не любого богатства), но и взаимодействие лично свободного и не имеющего капитала наемного работника с собственником капитала (об эксплуатации мы намеренно не ведем здесь речь, чтобы остаться в рамках аксиоматики, приемлемой и для неоклассики).

Если на языке постмодернизма это положение дел обозначается как симулякр¹, то в марксизме для этого используется категория «видимости» и «превратной формы». Видимость, как известно, обретается на поверхности явлений и отрывается от сущности, скрывая ее. Воспроизводство этих видимостных феноменов приводит к возникновению превратных форм – форм, которые создает видимость иного, чем действительное, содержания некоторого процесса.

Именно это и происходит в случае с социальным капиталом. *Воспроизводство отношений позднего капитализма, тотальная гегемония капитала приводят к тому, что и базовые человеческие связи, и порождаемые «закатом» капитализма ростки посткапиталистических отношений эта ставшая тотальностью сила превращает в как бы капитал, создавая превратную форму, получившую имя «социальный капитал».*

Впрочем, все это непосредственно касается только тех форм «социального капитала», которые дают его агентам рыночный эффект.

Гораздо менее понятно, почему не только эти отношения, но и отношения, не дающие частного рыночного эффекта, тоже называют «со-

¹ О природе симулякра и аналогичных ему феноменах мы писали выше.

циальным *капиталом*». Мы лично видим только одно основание для такой квалификации: они производительны, хотя и не в рыночном, частном, смысле. Они результативны лишь как социальное явление, дают в первую очередь собственно социальный (гуманитарный, экологический и т.п.) эффект. Но, как уже было отмечено ранее, такой подход позволяет в качестве капитала квалифицировать и все мероприятия НПО, социальных движений и иных левых сил по ограничению рынка и капитала, что, на наш взгляд, делает *такое* употребление термина «капитал» просто абсурдным...

Более того, учитывая, что социальные трансферты и аналогичные им социальные феномены зачастую вызывают снижение прибыли частных корпораций и доходов их собственников, мы бы назвали этот класс явлений «*социальным антикапиталом*», в отличие от приведенных выше классов явлений, которые с полным правом можно называть видимостью (или, еще точнее, симулякром) «социального капитала».

***Новая реальность,
скрытая за видимостью «социального капитала»:
что было бы полезно увидеть бизнесу и наемному работнику
(вместо заключения ко 2-му тексту)***

Этот – заключительный – подраздел будет совсем коротким. Собственно говоря, все главное уже было сказано выше. Остается лишь сформулировать «мораль» сей «басни». На наш взгляд, проделанное выше исследование позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, вывод о том, что открытие в течение последних десятилетий целого сонма разного вида новых «капиталов» (мы их уже перечисляли: человеческий, социальный, природный, культурный...) позволяет говорить о разветвлении в рамках позднего капитализма новых общественных отношений и процессов, не вписывающихся в «классику» капитализма и описывающих его теории. Эти отношения (в частности, «социальный капитал») по своему содержанию капиталом не являются, они лишь создают симулякры капитала, превратные формы базовых социальных и посткапиталистических отношений. Соответственно наличие последних и их все большее распространение есть первый вывод.

Во-вторых, скрывающиеся под именем социального и иных «капиталов» отношения, будучи в своей сущности противоположностью капитала, в конкретных условиях современной экономики используются во многих случаях к вящей выгоде последнего, служат его укреплению, трансформируя некапиталистические формы в «капиталоподобные» и интегрируя их в систему. В то же время, прогресс посткапиталистических основ социального и иных «капиталов», особенно в их наиболее адекватным новому строю формам, перейдя определенную меру, способны подрывать основы позднего капитализма.

Глобальный капитал как субъект, заинтересованный в сохранении своих основ, устами теоретиков, отражающих его интересы, формулирует это адекватным для себя образом: с их точки зрения развивающиеся до определенной меры новые формы есть лишь особые разновидности рынка и капитала, а далее этой меры их развивать не следует, ибо это неэффективно. Вот и все. И никаких зародышей посткапиталистических отношений.

С нашей же точки зрения именно эта граница и указывает на самые интересы проблемы – проблем *пределов капитала и формирования элементов новой социальной системы в его недрах*. Но уже другая тема.

В-третьих, исследование «социального капитала» позволяет сделать и некоторые выводы, небезынтесные с точки зрения бизнеса: развитие нерыночных, некапиталистических форм, в том числе тех, что крайне «дешевы» (если не вообще бесплатны) для капитала, может давать значимый *капиталистический эффект*, обеспечивая не только большую устойчивость системы, но и позволяя повысить рыночную эффективность ее агентов, развивая активность ее субъектов, в том числе – наемных работников, создавая для них не оплачиваемые капиталом стимулы работать более производительно, творчески, содержательно.

Этот вывод, на первый взгляд, «льет воду на мельницу капитализма»: авторы указывают на новые способы повышения не только эффективности [капитала], но и – перевода разговор на язык марксизма – эксплуатации. И это действительно так.

Но это лишь одна сторона медали. Противоположная сторона состоит в том, что трансформируя наемных работников в субъектов человеческого, социального и т.п. «капитала», поздний капитализм развивает основы своего самоотрицания. На смену формально и реально подчиненного капиталу частичного наемного работника классического капитализма приходит *Человек*, активный субъект социальных отношений, для которого полнота личностного развития и социальных связей становится важной ценностью и стимулом. И такой *Человек* подрывает собственные основы капитала, становясь потенциальным субъектом созидания новых социально-экономических отношений и институтов. Капитал «нутром» чувствует эту угрозу и потому с большой опаской идет на развитие описанных выше переходных форм взаимодействия с работниками и организации их труда даже там, где это сулит ощутимый коммерческий эффект.

Впрочем, здесь есть и поле для компромисса: упомянутые выше модели социального государства, социально ответственного бизнеса, некапиталистически организованные формы хозяйства («экономика солидарности» и т.п.) показывают возможный исторический компромисс. Другое дело, что он выгоден капиталу лишь в очень ограниченных рамках, ибо сколько-нибудь серьезное продвижение по пути развития этих новых

переходных форм создает мощные предпосылки и импульсы для перехода к иной, посткапиталистической общественной системе.

И последнее. Выше мы заметили, что «социальный капитал» в настоящее время часто рассматривается в качестве некоего «клея», социальных скреп, соединяющих разрозненные и во многом противоречащие друг другу фрагменты общества. И это действительно так: все описанные нами переходные формы позволяют, при их эффективном использовании, в некоторой мере снимать (в гегелевском смысле – отрицания с удержанием положительного) ключевые антагонизмы рынка и капитала – эгоизм, конкуренцию, противостояние наемного труда и капитала и другие формы отчуждения, способствуя кооперации и устойчивости общественных связей. Но есть здесь и диалектически противоположная сторона: все эти позитивные результаты, связанные с развитием «социального капитала», в большинстве случаев связаны с прогрессом некапиталистических и, более того, посткапиталистических отношений, т.е. отношений, подрывающих основы господствующей ныне системы...

* * *

Сформулированная в заключении предыдущей части интенция перехода от анализа сущности гегемонии корпоративного капитала к исследованию его многообразных проявлений вполне логична и не требует дальнейшего обоснования. Предварительной ремарки заслуживает только один аспект: включение глобального социопро странственного измерения. Эта постановка для нас принципиальна: без дальнейшего обоснования (оно было сделано до нас широким кругом теоретиков, как марксистского, так и немарксистского направлений: от Рудольфа Гильфердинга, В. Ульянова и Розы Люксембург до Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна, Джованни Арриги, Андре Гундера Франка и Самира Амина) мы будем исходить из того, что *функционирование современного корпоративного капитала осуществляется как глобальный процесс.*

часть III Глобализация
гегемонии:
социопространственные
противоречия «заката»
экономической формации
и позднего капитализма

Двадцатое столетие сделало мир как никогда единым, взаимозависимым и одновременно чудовищно противоречивым, уязвимым. Новый век лишь усилил эти тенденции.

Это антагонистическое единство обусловлено, с одной стороны, интернационализацией социально-экономической, политической и даже культурной жизни, интенсифицируемой наличием глобальных проблем (экологической, угрозы применения оружия массового уничтожения, нищеты, перенаселения и др.), единых для всего человечества, разрешимых только при помощи международных усилий.

С другой стороны, глобальный мир пронизан мощными внутренними социально- и политико-экономическими противоречиями, усугубляемыми межимпериалистическими и даже межимперскими противостояниями вкуче с неисчезающей антагонистичностью «центра» и «периферии».

Возникшая на рубеже столетий конкретная интернациональная всеобщность человечества, имеющая к тому же не умоглядный, а сугубо практический, донельзя актуальный характер, ныне воспроизводится посредством отношений тотальной гегемонии корпоративного капитала. В результате новый век ставит мир перед *фундаментальным противоречием нынешнего этапа развития глобального и интернационального мира отчуждения*. С одной стороны, созданы возможность и необходимость единого развития человечества с целью реализации всеобщих и предельно конкретных, неотложных интересов, объективно присущих каждому человеку на Земле (хотя и не каждым осознаваемых как его лично актуальные проблемы): необходимость сохранения природы, мира и т.п. С другой стороны, реализация этих задач ныне зависит от узкого круга враждующих между собой корпоративно-капиталистических и бюрократических элит, «глобальной номенклатуры».

глава 1 Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации

Синтез выделенных выше историко-логических уровней тотальной гегемонии корпоративного капитала позволяет показать некоторые черты их воспроизводства в пространстве в данный конкретный период времени (а именно – в условиях развертывания неолиберального этапа эволюции позднего капитализма). Этот период с качественной точки зрения может быть задан как такой этап в эволюции позднего капитализма, когда интернациональное единство человечества становится практически данным феноменом. В обыденной жизни глобализация ощущается большинством населения Земли во всех сферах своей социальной жизни: начиная с практически актуальных для каждого глобальных проблем и заканчивая всемирным рынком товаров (когда мы покупаем китайскую одежду, голландское масло, австралийские яблоки и т.п.) и единым «информационным полем» (чего стоят хотя бы всемирные СМИ и одинаковая по всему миру реклама всего – от прохладительных напитков до кинофильмов).

Поскольку в настоящее время перечень работ по проблемам глобализации исчисляется многими тысячами, а определений этой категории не менее сотни, постольку начнем с очень краткой систематизации основных подходов.

Глобализация: вводные замечания

В течение последних десятилетий в мире и в России появились многочисленные исследования процессов глобализации, и если в первое время шла значительная полемика о том, является ли глобализация исключительно новой научной модой или это действительно наблюдаемый на практике важнейший феномен конца XX – начала XXI века, в последние годы сомнения в этом отношении стали проявляться все реже и реже, подавляющее большинство авторов в широком спектре как экономических, так и социально-политических работ соглашаются с тем, что глобализация стала основным системным качеством новой эпохи¹. В то же время новейшим веянием стало более пристальное, чем ранее, внимание

¹ Для русскоязычного читателя широкодоступными стали обзоры западных дискуссий, публиковавшиеся в журнале МЭиМО и других изданиях в 90-х годах. В последние два десятилетия появился и широкий круг русскоязычных монографий на эту тему.

к противоречиям глобализации, контртенденциям, формированию региональных объединений и союзов и т.п.

При этом можно выделить несколько основных подходов к процессу глобализации, которые наиболее типичны для западной литературы и ряда отечественных авторов, критически воспроизводящих эти взгляды.

Среди господствующих подходов, *во-первых*, описательная характеристика глобализации¹, делающая акцент на углублении экономических и социально-политических связей, подчеркивающая рост мировой торговли, рост удельного веса экспортно-импортных операций в доле валового национального продукта, разрастание роли транснациональных социально-экономических, информационных и технологических сетей, появление экономических, политических и иных институтов, играющих роль наднациональных и выступающих прежде всего как инсти-

¹ Обзор основных работ такого плана дан в многочисленных источниках, пик которых выпадает на начало 2000-х годов. См., например: Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? / Под ред. Т.Т. Тимофеева. М.: Новый век, 2002; Глобальное сообщество: Новая система координат (подходы к проблеме) / Под ред. А.И. Неклесса. СПб.: Алетейя, 2000; Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. М.: ТЕИС, 2002; Глобализация мирового хозяйства и место России / Под ред. В.П. Колесова, М.Н. Осьмовой. М.: ТЕИС, 2000; Грани глобализации: трудные вопросы современного развития / Под ред. М.С. Горбачева. М.: Альпина Паблишер, 2003; *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. М.: Наука, 1999; *Кочетов Э.Г.* Глобалистика. Теория. Методология. Практика. М.: Норма, Норма-Инфра-М, 2002; *Мовсесян А.Г.* Транснационализация в мировой экономике. М.: Финансовая акад., 2001; *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2002; Постиндустриальный мир и Россия / Под ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001; Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М.: ИНФРА-М, 2000; *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001; *Яковец Ю.В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001 и др.

За рубежом за последние два с лишним десятилетия вышли многие сотни работ по различным проблемам глобализации. Не считая себя специалистами в тонкостях дискуссий по этим темам, позволим лишь назвать несколько работ, в которых дается обзор позиций, в том числе т.н. «ридеров» по глобализации, воспользовавшись любезно предоставленной А. Пороховским и В. Иноземцевым возможностью посмотреть основные из них в их библиотеках:

Amoroso B. On Globalization, Capitalism in the 21st Century. L., 1998; *Beck U.* What is Globalization (UK). Cambridge–Oxford, 2000; *Beynon J., Dunkerley D.* (eds). Globalization: The Reader. L.: The Athlone Press, 2000; *Held D., McCrew A.* The Global Transformations Reader. An Introduction to Globalisation Debate. Oxford–N.Y., 2000; *Lechner F.J., Boli J.* (Eds.) The Globalization Reader. N.Y.–Oxford (UK)–Malden (MA), 2000; *Mittelman J.H.* Globalization. Critical reflections. Boulder (Co)–L., 1997; *Pieters J.N.* Global Futures. Shaping Globalization. L.–N.Y., 2000.

туты в международной сфере. Этот процесс описания наиболее типичен для целого ряда не только научно-публицистических, но и конкретных работ, исследующих ту или другую сферу глобализации.

Кроме того, следует отметить, что в современной литературе дается довольно подробный перечень различных аспектов и элементов процесса глобализации (используем для их систематизации ряд указанных выше работ современных авторов).

Прежде всего это собственно социально-экономические аспекты: свободное перемещение товаров, услуг, технологий, капиталов и людей; взаимозависимость национальных экономик; унификация мировой экономики. Затем следуют определения, связанные с конкретными изменениями в качестве современного рынка: формирование единого рыночного пространства, взаимопроникновение рынков, появление транснациональных систем и форм хозяйствования. И, наконец, следует привести определения, отражающие изменения в образе жизни и культуре, как особые экономические аспекты глобализации: приверженность универсальным ценностям, принципам и нормам поведения; сближение образа жизни людей; растущая стандартизация потребления; универсализация культуры; гомогенизация мира.

Во-вторых, появилась и развивается серия исследований, которые основной своей задачей ставят выделение *системного качества глобализации*. При этом продолжается значительная полемика вокруг вопросов о том, действительно ли только в конце XX века и экономическая, и политическая жизнь стала глобальной, и в чем именно эта глобальность состоит.

К числу таких системных качеств, как правило, большинство исследователей относят доминирование наднациональных закономерностей экономического развития и функционирования по отношению к закономерностям национальным. Глобальной экономика, по их мнению, становится в той мере, в какой закономерности мирового хозяйства становятся доминирующими по отношению к закономерностям национальных экономик. Принципиально значимым здесь является рассмотрение проблемы соотношения долговременных процессов интеграции и современного состояния этих процессов, обычно определяемого как глобализация. Среди основных трактовок здесь выделяются следующие¹.

Прежде всего предполагается наличие мирового интегрирующего развития, которое объединяет национальные экономики в единое целое. Содержанием такого процесса является интернационализация вкупе с транснационализацией производства и капитала. Все это подготовило необходимую почву для глобализации, которая, образно говоря, в настоящее время получает эстафету от транснационализации и интернационализации. В ряде случаев глобализацию противопоставляют интерна-

¹ См.: Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. М.: ТЕИС, 2002.

ционализации. Критериями противопоставления являются для интернационализации рациональное государство, дипломатия и культура, воспроизводство иерархических отношений. Для глобализации соответствующими характеристиками становятся отрицание рациональности, массовое потребление, «новая повестка дня»: изменение климата, устойчивое развитие, экология, проблема неравенства и т.д. Продолжением упомянутого выше подхода является утверждение о конкуренции между глобализацией и интернационализацией как двумя конкурирующими понятиями. Они различаются тем, что при глобализации доминируют общемировые системы, а при интернационализации – отношения между государствами. К тому же глобализация несет в себе больше рисков и охватывает больше объектов, нежели интернационализация.

Особый взгляд на глобализацию представлен через рассмотрение исторического контекста. В этом случае она представляется как часть исторического эволюционного перехода, целой эпохи, знаменующей формированием нового системного уровня человеческой общности. Интернационализация в рамках такой версии выступает как прелюдия глобализации.

В ряде случаев (особенно это характерно для западных авторов 2000-х годов, в частности уже упоминавшихся А. Негри и М. Хардта) говорится даже о становлении новой мировой «империи» как результате развития процессов глобализации.

При такой постановке вопроса достаточно естественным является отношение к процессу глобализации именно как к развивающемуся и развертывающемуся во времени и пространстве, что позволяет нам сделать шаг в выделении третьего блока определений глобализации.

Эти авторы, *в-третьих*, как правило, соединяют вопросы глобализации с наличием и иных процессов. В ряде случаев речь идет о развитии параллельно с глобализацией процессов *локализации*, и вводится даже такое определение, как «глокализация», которое в последние годы вошло во многие учебники по мировой экономике, мировому хозяйству, геополитике и другие исследования.

К числу определений, которые пользуются достаточно широким распространением, относится также, *в-четвертых*, акцент на глобализации как *качественно новом явлении, связанным с развитием постиндустриальных и информационных технологий*¹, но об этом мы будем говорить несколько ниже. Стоит уделить внимание и трактовке глоба-

¹ См., например: *Gilpin R. The Challenges of Global Capitalism. Princeton, 1998; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981; O'Meara P., Mehlinger H., Krain M. Globalisation and the Challenges of a New Century. Bloomington-Indianapolis, 2000; Building a Global Information Society: Report Of The Aspen Institute Roundtable on International Telecommunications / Ed. by Robinson K.G. Washington, D.C.: The Aspen Institute, 1996.*

лизации как такого состояния экономики, при котором она способна работать, как принято сейчас говорить, «в режиме реального времени» и в масштабе всей планеты, т.е. акцент делается на средства информатики и коммуникации.

Наконец, нельзя не упомянуть и о том, что многие исследователи смотрят на процесс глобализации как на достаточно *противоречивое явление, выделяя в нем как позитивные, так и негативные стороны, факторы усиливающие и ослабляющие глобальные тенденции, интегрирующие и дезинтегрирующие мировую экономическую и социальную жизнь*¹, и акцентируют эту двойственность процесса глобализации. При этом происходит достаточно известный феномен раздвоения взглядов ученых. Как правило, при этом позиции исследователей оказываются близки с определенными идейными течениями.

С одной стороны, *сторонники либеральных концепций* акцентируют внимание на том, что процесс глобализации является прежде всего объективным и неизбежным процессом, подобным развитию машинной технологии или мирового разделения труда, как процессов, происходивших несколько столетий назад. Естественно, эти авторы оговаривают, что такой процесс не может не иметь и некоторых отрицательных сторон; как и всякий прогресс вообще, что он амбивалентен; но тем не менее подчеркивают такого рода исследователи, процесс глобализации неизбежен, объективен, и всякие попытки противодействия ему становятся регрессивными и должны подвергаться как идейной критике, так и практическому вытеснению.

Отсюда целый ряд и практических, и теоретических тезисов этих авторов, в которых указывается на необходимость развития интеграции. В ряде случаев, речь может идти всего лишь о, скажем, укреплении Европейского экономического союза или других наднациональных структур; в других же случаях речь может идти об усилении таких экономических

¹ См., например: *Aghion P., Williamson J.G. Growth, Inequality and Globalization. Theory, History and policy. Cambridge, 1998; Kalb D., van der Land M., Staring M. et al. (Eds.) The Ends of Globalization. Bringing Society Back In. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000; Mittelman J.H. Globalization Syndrome. Transformation and Resistance. Princeton, 2000; Robison R., Goodman D.S.G. (Ed.) The New Rich in Asia. L.–N.Y., 1996; Rodrick D. Has Globalization Gone Too Far? Washington (DC), 1997; Rodrick D. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. Washington (DC), 1997; Rugman A. The End of Globalization. A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means For Business. L., 2000; Ryrie W. First World, Third World. N.Y., 1995; Sassen S. Globalization and its Discontents. N.Y., 1998; Scholte J.A. Globalization. A Critical Introduction. Houndmills–N.Y., 2000; Scott G.M. (Ed.) The Limits of Globalization. Cases and Arguments. L.: Routledge, 1997; Stiglitz J. Globalisation and its Discontents. N.Y., 2000; Veseth M. Selling Globalization. The Myth of the Global Economy. Boulder–L., 1998.*

и политических структур, как ВТО, МВФ, МБ и даже НАТО, их более активного включения в мировую геоэкономику.

С другой стороны, существуют группы исследователей левой ориентации, которые рассматривают процесс глобализации как двоякий, имеющий как объективные основы в области развития производительных сил и производственных отношений (это уже марксистская терминология), так и определенные специфические, исторические социально-экономические формы, которые, по мнению этих исследователей, могут быть изменены. Этот подход характерен для достаточно широкого круга и современных *марксистских* исследователей, в том числе он довольно типичен для представителей «альтерглобализма», которые раскрывают двойственность глобализации как, с одной стороны, объективного процесса интеграции технологий, культур, экономик и т.п., но, с другой стороны, подчеркивают, что господствующая ныне социальная форма этого процесса – гегемония корпоративного капитала – ведет к глубочайшим противоречиям и должна быть снята другими отношениями другой интеграции¹. Именно эту позицию, как несложно догадаться, разделяют авторы данной работы и ниже раскроют ее подробнее.

Для России в исследовании процесса глобализации характерен несколько иной акцент. Отечественные авторы делятся на два крыла. Естественно, граница между ними является сугубо условной, и каждый конкретный исследователь во многом принадлежит к обоим направлениям в теоретическом исследовании процессов глобализации, но тем не менее акценты в конкретных работах просматриваются достаточно очевидно.

Одним из таких крыльев является «западническое» течение, где авторы (в большинстве случаев исследователи экономических и социально-политических проблем; эта позиция представлена в работах И. Василенко, С. Долгова, В. Иноземцева, В. Кудрова и мн. др.) делают акцент на объективности развития процессов глобализации и во многом воспроеиз-

¹ Широкий спектр взглядов представлен в русскоязычном издании «Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения» (под ред. А.В. Бузгалина. М., 2003), а также в не раз упоминавшейся выше книге «Кто творит историю». Широко известен также круг работ левых авторов, критически анализирующих процессы глобализации: *Валлерстайн И.* После либерализма, М.: Едиториал УРСС, 2003; *Amin S.* Capitalism in the Age of Globalization. The Management of Contemporary society. L.–N.Y., 1997; *Breshner J., Costello T., Smith B.* Globalization from Below: The Power of Solidarity. Cambridge, 2000; *Haseler S.* The Super-Rich. The Unjust New World of Global Capitalism. Houndmills–L.–N.Y., 2000; *Wallerstein I.* World Inequality. Montreal, 1975. Основной массив информации на эту тему, однако, содержится в работах, публикуемых в периодических изданиях (в том числе на русском языке в таких журналах, как «Альтернативы», «МЭиМО», «Полис», «Свободная мысль», «Полития» и др.) и на многочисленных сайтах, в частности сайтах Всемирных и Европейских социальных форумов, Всемирного форума альтернатив и мн. др.

водят позиции своих либеральных коллег из-за рубежа (наиболее популярным в России западным автором, представляющим это направление, стал Дж. Бхагвати, к основным положениям которого мы еще вернемся).

В этих работах российские ученые подчеркивают прогрессивность развития процессов интеграции нашей страны в мировое сообщество. В частности, как правило, это акцент на необходимость дальнейшего более плотного сотрудничества с Международным валютным фондом, Мировым банком, дальнейшей интеграции с развитыми (прежде всего) странами в сфере экономики, упование на благотворность международной конкуренции. В 2010-е годы для этих авторов была характерна активная теоретическая и идейная защита позиций представителей экономического блока правительства РФ, обеспечившего вступление России во Всемирную торговую организацию. Аргументация этих авторов обычно близка к аргументации западных исследователей, и они делают акцент прежде всего на том, что интеграция является процессом объективным, а любые процессы противодействия такой интеграции, в частности в России, приведут к ее отсталости, замкнутости, развитию патриархальных тенденций и тем самым будут содействовать регрессу экономических и социально-политических процессов.

Другим крылом в области не столько экономики, сколько в области геоэкономики и геополитики является тенденция, которую условно можно было бы назвать «*славянофильской*» (среди наиболее известных авторов назовем таких, как А. Зиновьев, С. Кара-Мурза, А. Дугин, Ю. Осипов и др., в более мягкой версии эта позиция представлена в работах А. Панарина). Странники этого подхода акцентирует внимание прежде всего на специфике российской общественной системы как государственно-экономической целостности, как Российского государства с многовековыми традициями и определенными геоэкономическими и геополитическими интересами, и как особого типа цивилизации и духовной жизни. Причем последний аспект, акцент на специфической российской, или во многих работах – евразийской цивилизации, является доминирующим.

Эти авторы определяют процесс глобализации, как правило, в негативном ключе и, хотя отмечают наличие некоторых объективных тенденций, которые должны развиваться тем не менее главное внимание уделяют специфике России как экономического, общественно-политического и духовного феномена, имеющего долгую историю и долженствующего развиваться как самостоятельная геоэкономическая и социально-духовная целостность.

Завершая наш краткий обзор подчеркнем: тема глобализации постепенно становится все менее популярной, что неслучайно, но, на наш взгляд, незаслуженно.

Неслучайно, ибо, во-первых, проблема оказалась очень быстро описана (если не сказать «изъезжена») в невообразимом множестве работ и далее

перед исследователями встала дилемма: либо переходить к стратегическим обобщениям на основе отказа от чисто позитивистской методологии, либо уйти в детали. Первое для mainstream'a невозможно в принципе, а второе дает все меньшее (убывающее) приращение эффекта. Главное, однако, в другом – в том, что, во-вторых, реальные противоречия глобализации стали обостряться, приводя к появлению многочисленных контртенденций, причем преимущественно геополитического характера, на исследование которых и набросилась жадная до конъюнктурно-новых тем обществоведческая братия. Между тем объективные технологические, социально-экономические и т.п. основы глобализации никуда не исчезли, а обобщение их противоречий все еще остается и останется на обозримую перспективу актуальной задачей, ибо остается реальностью глобальная гегемония корпоративного капитала, к рассмотрению которой мы и переходим.

В качестве отправной точки для своего анализа используем ряд в принципе общепризнанных тезисов.

Воспользуемся в качестве первого приближения представлением о глобализации как процессе, *во-первых*, характеризующем некоторое *новое качество* современного общества как единого, всемирного, глобального (авторы бы сказали, используя понятия, введенные в этой книге – новое качество социопространственного бытия не только позднего капитализма, но и «царства необходимости» в целом; подчеркнем: для нас акцент на том, что т.н. «глобализация» есть феномен характерный для «заката» прежде всего «царства необходимости» в целом принципиально важен).

В чем состоит это новое качество мы постараемся разобраться ниже, а пока заметим, что глобализация, *во-вторых*, есть именно процесс, а потому она имеет определенную меру своего развития. Более того, этот процесс (как и всякий социальный процесс) *противоречив и не линеен*. В силу сказанного, естественно, мера глобализации может быть и является различной для разных периодов социального времени и «локусов» социального пространства (проще говоря, мера глобализации социальной жизни различна для деревни в Российской глубинке и для Брюсселя, она может расти или снижаться от года к году в зависимости от многообразных обстоятельств).

Соответственно, *в-третьих*, мало у кого вызовет сомнения, что *наряду с глобализацией в современном мире развиваются и противоположные ей процессы* (локализации, ренессанса социальной роли ряда национальных государств, «разбегания» и столкновений цивилизаций, дифференциации качества жизни и т.п.).

Наконец, логичным выглядит и утверждение, что это процесс, протекающий на уровне и технико-экономических (производительные силы), и социально-экономических (производственные отношения), и социально-политических, и культурных отношений.

Если согласиться с этими представлениями, то на первый план выходит вопрос: а в чем же состоит это новое качество социопро пространственного бытия современного мира, и есть ли оно вообще?

Авторы ответили бы на это вопрос так (пока что это не более чем гипотеза, опирающаяся на критический синтез широкого спектра позиций, кратко рассмотренных выше): *глобализация развивается в современном мире в той мере, в какой «глобальные игроки» (их перечень общеизвестен; это ТНК, такие наднациональные институты, как НАТО, МВФ, ВТО и т.п., сверхдержавы...) оказывают влияние (вплоть до решающего) на экономические, социальные, политические и духовные процессы, протекающие в национальных государствах и на международной арене.*

Если же посмотреть на процесс глобализации строже, то мы, используя марксистский подход, можем выделить как *объективные основы и причины* этого процесса (прогресс мирового обобществления производства, в частности углубление международного разделения труда до такого уровня, когда оно становится не менее значимым, чем внутринациональное; обострение глобальных проблем до такого уровня, когда их решение затрагивает жизненные интересы большинства граждан Земли и требует вмешательства мирового сообщества; развитие мировых транспортных и телекоммуникационных систем до такого уровня, когда они становятся частью повседневной жизни граждан и т.п.), так и их *специфическую историческую форму*.

Именно последняя часто обозначается термином «глобализация» и есть *социопро пространственное бытие противоречий всемирной гегемонии корпоративного капитала* или, иными словами, глобальная гегемония корпоративного капитала как особая историческая социальная форма процессов интернационализации, «глобализация по-капиталистически». Вот почему мы настаиваем на различении (1) *объективных* и в целом, при всех их противоречиях, *прогрессивных процессов интернационализации* и (2) *их особой позднекапиталистической формы, которая может и должна быть снята, преодолена. Интернационализация может и должна приобрести новые общественные формы.*

Обоснование последнего тезиса – непростая задача, требующая серьезного анализа, к которому мы и переходим.

Используя известную аналогию со структурой земной коры, начнем наш анализ с *систематизации основных «пластов» процесса глобализации*, структура которых диктуется структурой «царства необходимости».

Глобализация производительных сил

В качестве *первого «пласта»* процесса глобализации мы можем выделить глобализацию производительных сил, и в частности интернациональную макротехнологию, характеризующуюся рядом специфи-

ческих черт (они не просто постулируются – непосредственно обусловлены предшествующим анализом «заката» «царства экономической необходимости»).

Во-первых, производительные силы достигли состояния глобальных.

Проблема использования природных ресурсов обернулась своей противоположной стороной: сохранения, восстановления и развития природы как культурной ценности, т.е. оказалась глобальной проблемой, соединяющей различные государства (в пространстве) и различные поколения (во времени). Отныне использование в сколько-нибудь значительных (а именно – влияющих на состояние биосферы) масштабах любого природного ресурса в любой стране становится глобальной (во времени и в пространстве) проблемой, т.е. проблемой, наличие которой необходимо учитывать при определении технологии производства, издержек, полезного эффекта этой деятельности практически всем крупным (имеющим статус «глобальных игроков») хозяйствующим, политическим и т.п. субъектам.

Кроме того, не только оружие массового уничтожения, но и современная энергетика, транспорт, ядерная, химические, микробиологические и т.п. технологии делают мир единым и целостным как с позитивной, так и с негативной (возможности его уничтожения) точек зрения.

Во-вторых, в мировом социуме складывается мощная система крайне противоречивых и далеко не всегда эффективных, но жестких зависимостей, которые в духе старых марксистских традиций следует назвать всемирным обобществлением.

По сути дела, глобальным стало международное разделение труда; постепенно оно начинает оказывать большее влияние на производство и экономическую жизнь, чем разделение труда внутри национальных государств. Производство даже относительно простых индустриальных продуктов (автомобилей, например) осуществляется на основе международной кооперации (в том числе внутри одной – но транснациональной! – фирмы). Единые мировые технологические стандарты ныне распространяются на все основные изделия в области индустриальных и постиндустриальных технологий (от типоразмеров проката и качества бензина до программного обеспечения и даже размеров овощей и фруктов). Уже в середине XX века энергосистема стран-членов СЭВ показала технологическую эффективность единых международных энергетических сетей. По сути мировыми стали требования к качеству и безопасности авиационного транспорта, стандарты грузовых контейнерных перевозок и мн. др.

Однако глобальное обобществление затрагивает не только международное разделение труда и крайне интенсивные потоки как сырья и материалов, так и готовых изделий, а также услуг, но и развитие международной кооперации труда, соединяющей гибкими кооперационными связями тысячи производств по всему миру. И если в сфере развитых

индустриальных технологий эти связи являются стабильными и долгосрочными, то в постиндустриальных секторах кооперация приобретает вид сетевых структур и даже сетевых предприятий, где идеально выверенная и индивидуализированная (предназначенная для конкретного потребителя) продукция создается сотнями и тысячами звеньев с точностью до минут. Эта кооперация становится гибкой, но при этом и еще более интенсивной.

В силу этого мы можем сказать, что, *в-третьих*, важнейшей чертой глобального характера производительных сил является распространение *всемирных по своей природе постиндустриальных, прежде всего информационных, технологий и телекоммуникаций* (простейшая иллюстрация – всем известная сеть Интернет, которая с момента своего рождения имеет всемирный характер).

В целом процесс глобализации (даже если его рассматривать пока на технико-экономическом уровне – о его социальных и политических аспектах – ниже) оказывается обременен существенными внутренними противоречиями.

Они касаются и противоположных тенденций в развитии глобальной макротехнологии как таковой (прежде всего это – *противоречие интернационализации и локализации производственных процессов, находящее одно из своих разрешений в формировании открытых глобальных технологических систем*), и противоречий в развитии глобальных производительных сил, вызванных господствующей ныне общественной формой этого процесса – глобальным капиталом. Последний приводит, в частности, к *искусственно (по отношению к технологическим, экологическим и гуманитарным критериям) переразвитому международному разделению труда и мощным гео-технологическим диспропорциям*.

Эти диспропорции обращиваются еще одним противоречием.

«Север» (обозначим этим общепринятым термином социальное пространство, являющееся «родиной» субъектов глобальной гегемонии, глобальных игроков), наследуя достижения столетий буржуазного развития, колониализма и неоколониализма и имея ограниченное, устойчиво воспроизводимое население с мощными традициями жизни в условиях рынка, создает (и монополизировывает) высокие технологии, квалифицированную рабочую силу и возможности прорыва в постиндустриальные сферы, поглощая при этом большую часть (до 80%) природных ресурсов Земли и вывозя в «Третий» мир грязные технологии, требующие массового использования низкоквалифицированной рабочей силы и истощающие (загрязняющие, разрушающие...) природную среду.

«Юг» (обозначим этим термином социальное пространство жизнедеятельности объектов глобальной гегемонии) соответственно поставляет развитым экономикам природные ресурсы, концентрирует доиндустриальные и грязные индустриальные технологии, в силу этого (а также

господства ранне- и добуржуазных традиций в образе жизни) оказывается обременен мощными демографическими проблемами и т.п.

Будучи характеристикой «заката» «царства необходимости» (мира социального отчуждения) в целом эта черта глобализации приобретает особый аспект. Вспомним, что формой прогресса креатосферы в этом мире является рост *превратного сектора*. В силу этого возможности прогресса креатосферы поглощаются характерными для этого сектора превратными формами. *Процесс глобализации начинает «питаться» высвобождающимися из материального производства ресурсами и сосредоточивается преимущественно в таких сферах, как транзакции (особенно финансы и торговля), милитаризм, бюрократия, масскультура, СМИ и т.п.*

Иными словами, намеренно повторим здесь вновь этот вывод предыдущих текстов книги, в человеческом сообществе возникает возможность вырастить на месте, освободившемся вследствие сокращения материального производства, некую новую сферу. Однако господствующий в условиях глобализации корпоративный капитал незамедлительно реализует эту возможность для укрепления своей гегемонии. Наиболее эффективно это можно сделать, развивая превратный сектор – мировой финансовый рынок, военные блоки и т.п., контролируемые ведущими государствами «Севера», и глобальный капитал именно это и делает.

Так процесс глобализации оказывается направлен (даже на уровне производительных сил) в русло закрепления гегемонии транснационального корпоративного капитала, сращенного с верхушкой ряда государств (прежде всего США и других стран «большой семерки»).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривая второй, лежащий на уровне социально-экономических отношений «пласт» процесса глобализации, выделим прежде всего ряд широко известных форм, обеспечивающих *всемирную* гегемонию корпоративного капитала и «закрепляющих» предпосылки такой гегемонии, выделенные на предшествующем – технико-производственном – уровне.

Традиционно воспользуемся для исследования диалектикой системой категорий, отражающей внутреннюю структуру производственных отношений и позволяющей выделить такие подсистемы, как способ координации, отношения присвоения/отчуждения, воспроизводство и др.

К ключевым противоречиям социально-экономической глобализации, лежащим в сфере *аллокации ресурсов (способа координации)* традиционно относят контрапункт национального по преимуществу государственного регулирования и мирового и по преимуществу свободно конкурентного рынка. Это противоречие действительно «имеет место быть» и является одним из основных вызовов социал-демократическому тренду

экономической политики последних десятилетий. Однако есть и другие, гораздо менее заметные, но от этого не менее значимые противоречия, характеризующие специфику способа координации глобальной экономики позднего капитализма. Их выделение не представляет труда, если мы примем во внимание результаты нашего предшествующего исследования.

Так, тезис о формировании тотального рынка сетей, пронизанного «полями зависимости», позволит сформулировать прямое следствие: наличие системы отношений *локального регулирования мирового рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы со стороны ТНК и других глобальных игроков.*

Намеренно повторим: *глобальный рынок, вопреки господствующей ныне мифологии рыночного фундаментализма, является сузубо регулируемым, только не национальными государствами, а глобальными игроками.* Существенно, что масштабы и интенсивность регулирования глобального рынка едва ли не значимее, чем регулирование национальных экономик. Причина этого состоит, в частности, в том, что ТНК и другие глобальные игроки подчиняют своему регулирующему воздействию по преимуществу качественно менее развитых контрагентов. Они, как правило, слабее ТНК в технологическом отношении, по уровню концентрации капитала, институциональному развитию, мощи политической «крыши» (одно дело, когда твои транзакции охраняют армия и флот США, другое – страны N с годовым ВВП, меньшим, чем объем продаж одного из филиалов средней ТНК) и других параметров, относимых неоклассикой к сфере «рыночной власти»).

Не менее существенно и то, что наиболее «древняя» и общепризнанная в экономической теории функция государства – *формирование «правил игры» на рынке, установление и защита прав собственности и контрактов – по мере развития глобализации все более переходит от национальных государств к транснациональным институтам –* таким как ВТО и др.

Более того, *кажущиеся нейтрально-единиными «правила игры» на глобальных рынках на самом деле существенно различны для акторов, принадлежащих к разным по уровню развития своих национальных экономик.* Как писал в свое время Джордж Оруэлл, «все звери равны, но некоторые равнее других»¹.

Так, хорошо известно, что правила ВТО отнюдь не едины и существенно различаются для разных стран. Различаются, в частности, размеры разрешенной государственной поддержки сельского хозяйства², возможности использования демпинговых цен, таможенных квот и т.п.

¹ См.: Оруэлл Дж. Скотный Двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии / Пер. с англ. М., 1989.

² См. подробнее Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Пронин В.В., Самохвалов В.А. Последствия присоединения России к Всемирной торговой организации. М.: Центр полиграфических услуг «Радуга», 2012.

Еще более значимо то, что реальная *возможности защиты прав собственности и контрактов также существенно различны для разных акторов мировой экономической системы*. Если важнейшие из них примут решение о том, что некоторое национальное государство с их точки зрения не соблюдает неких «общечеловеческих» норм и/или правил рынка, то они могут ввести и вводят санкции (вплоть до экономической блокады), которые не то что подрывают, но попросту уничтожают основы свободной глобальной конкуренции для целого спектра экономических игроков. Причем эти санкции, как правило, лишь прикрываются рассуждениями о «правах человека» и «демократии», ибо позволяют вести активное экономическое сотрудничество с фашистом Пиночетом и вводить блокаду Кубы, где реальные права рядовых граждан защищены куда лучше, чем во многих странах мира, с которыми «дружат» те же США.

Более того, поскольку, как мы уже отметили, некоторые национальные государства и их союзы (США, ЕС...) являются вместе с тем и глобальными игроками, устанавливающими правила игры на мировых рынках, постольку мы можем говорить о *протоимперском регулировании глобальных рынков со стороны ограниченного круга [сверх]национальных государств*. На мировом рынке осуществляется государственное регулирование, но для большинства национальных экономик мира это регулирование со стороны «чужого» государства.

Оно оказывается тем более активным и значимым, чем в большей мере та или иная национальная экономика зависима от мировых технологических и экономических потоков. Особенно финансовых рынков вообще и потоков свободно конвертируемой валюты, в частности. В данном случае (особенно в случае с долларом США) особенно наглядно видно, что в современной экономике государственное регулирование (а регулирование денежного обращения – одна из ключевых функций государства) мирового рынка осуществляется одним из [сверх]национальных государств.

Наконец, *абсолютно неравными для разных акторов являются «правила игры» на глобальных рынках рабочей силы*, которые практически свободны для граждан «Первого» мира и жестко ограничены для граждан «Третьего».

Таковы лишь некоторые из реальных противоречий тотального регулирования мировых рынков глобальными игроками.

Поднимемся на уровень **основного производственного отношения глобального капитализма** – отношения глобального капитала и труда.

Капитал как конкретно-всеобщее производственное отношение в условиях глобализации обретает ряд качественно новых признаков.

Во-первых, господствующей формой капитала становится *транснациональная корпорация (ТНК)*.

В известном смысле можно согласиться с известным мнением, что ТНК – это такое же открытие XX века, как атомная бомба (в известном –

ибо нужны как минимум две оговорки: во-первых, это «изобретение» не является результатом чей-либо субъективной деятельности, оно вышло и сложилось объективно и, во-вторых, бомбы-ТНК «взрывались» и «взрываются», в отличие от атомных, постоянно).

Начнем наш анализ с некоторых определений. Прделанное выше исследование позволяет показать, что *транснациональной корпорация является в той мере, в какой она (в отличие от «обычной» национальной корпорации-монополии) представляет собой субъект гегемонии (в частности, монопольного локального регулирования и влияния на рынок, подчинения труда и Человека и т.п.) в ряде государств*. Более того, ТНК представляет собой меж- и надгосударственную институциональную форму международного капитала. Если при этом она базируется не в одной (как «обычная» ТНК), а в нескольких странах, то можно говорить о *мультинациональной корпорации* – но дело не в тонкостях терминологии. Важнее, что с содержательной точки зрения ее можно определить как *такой корпоративный капитал, который генерирует описанное выше «поле зависимости» и систему отношений подчинения труда и человека в международном (в пределе – общемировом) масштабе, является «пауком», создавшим и воспроизводящим одну из мировых сетей*.

В результате гегемония корпоративного капитала проявляет себя как власть всемирно-единого (хотя и внутренне конкурентно-антагонистического) глобального капитала.

Глобализация изменяет не только капитал, но и труд.

Для процесса глобализации трудовых отношений характерно формирование мирового рынка рабочей силы, который пронизан глубочайшими противоречиями, порождаемыми мировой гегемонией капитала.

С одной стороны, этот рынок уже стал единым и мировым, ибо единый транснациональный глобальный капитал использует (эксплуатирует) наемных работников в любой стране, в любом регионе; *труд соединен использующим его капиталом (в частности, ТНК) в единый мировой производственный процесс*.

С другой стороны, капитал делает все возможное для того, чтобы рынок труда (в отличие от, например, рынка товаров) был:

- принципиально *фрагментарен*, жестко разделен на качественно различные, во многом закрытые политически и экономически локализованные подсистемы;
- даже формально *несвободен*, подконтролен в каждом из своих фрагментов субъектом глобальной гегемонии;
- *неравноправен*: в разных «локусах» мирового рынка труда качественно различны содержание и структура совокупного работника, господствующие условия труда, цена рабочей силы, возможности развития человеческих качеств и реализации «человеческого капитала», мера социальной защищенности и организованности работников и т.п.

В результате глобальный капитал объективно и субъективно формирует такую систему экономических и социально-политических отношений, в которых наемные работники как социально-экономическая сила, противостоящая капиталу (на рынке труда, в социально-экономической и политической борьбе), воспроизводятся в условиях сохранения *глубоких диспропорций в заработной плате, социальном обеспечении, условиях и содержании труда* (а значит, и всем образом жизни трудящихся) в развитых и развивающихся странах.

Эти диспропорции включает:

- стабильное воспроизводство преимущественно низкоквалифицированного до- и раннеиндустриального труда в «Третьем» мире, квалифицированного индустриального и постиндустриального труда – в «Первом» мире, приводящее не только к принципиальному различию структур совокупного работника в одной и другой группах стран, но и к закреплению этого разрыва¹;

- разрыв в оплате труда работников одной и той же квалификации в десятки раз;

- качественные различия в уровне и масштабах социальной защиты, условиях труда, социального страхования и обеспечения между названными группами стран, что закрепляет качественные различия в содержании и характере воспроизводства труда и рабочей силы;

- устойчивые институциональные барьеры, разделяющие мировой рынок рабочей силы на жестко фиксированные сегменты (движение труда оставлено гораздо большими барьерами, чем движение капитала, эмиграции в развитые страны из развивающихся крайне затруднена).

Если же мы теперь взглянем на **процесс взаимодействия труда и капитала**, то легко сможем зафиксировать ряд важных следствий проведенного выше анализа.

Единый мировой капитал (особенно финансовый), имеющий примерно одну и ту же ценность в любой точке земного шара (в ряде случаев, в «Третьем» мире, капитал может приносить даже большую прибыль, чем в развитых странах, при большей рисковости операций), взаимодействует с разделенным на сегменты и пронизанным диспропорциями классом наемных работников. Частичная защита интересов труда и хотя бы относительное ограничение эксплуатации труда осуществляются лишь в некоторых национально-государственных образованиях. В этих условиях у капитала, являющегося субъектом гегемонии в мировой экономике и использующего форму виртуального (особо мобильного) капитала, появляется возможность почти абсолютно свободного маневрирования в мировом масштабе, противостоя наемному труду и используя его там и так, где и как это обеспечивает ему наибольшую выгоду.

¹ Феномены, подобные Бангалору, относятся к разряду тех исключений, которое подтверждают правило.

Глобализация гегемонии корпоративного капитала означает, следовательно, что единый мировой капитал:

- организован в рамках высокоэффективных транснациональных институтов (ТНК, МВФ, НАТО и т.п.), контролирующих в определенных пределах рынки и мелкий бизнес, наемных работников и «клиентов»;
- обладает почти неограниченной свободой выбора сфер своего приложения (эта свобода предполагает возможность перемещения по сферам деятельности, регионам мира и т.п.), что дает ему неоспоримые преимущества по отношению к наемному труду (он в большинстве случаев жестко «приписан» к национально-государственным, а в случае с низкоквалифицированным трудом – региональным и профессиональным странам);
- использует преимущества своей транснациональной кооперации и мобильности для формирования всемирного господства и укрепления диспропорций, противоречий между регионами и странами, социальными и национальными группами.

Так складывается *противоречие труда и капитала эпохи глобализации*.

На одном его полюсе – капитал: глобальный, интегрированный, организованный, свободно движущийся в рамках интернациональной экономики, сращенный с национальными государствами и международными институтами и обладающий не только экономической, но и политической, а также духовной властью.

На другом полюсе – труд: дифференцированный, раздробленный, локализованный в масштабах национальных государств, регионов, отраслей (до сих пор интересы и права трудящихся если и отстаиваются, то преимущественно в национальном, а то и локальном или отраслевом масштабах, что касается и профсоюзов, и государственных систем социальной защиты), слабо организованный и не являющийся в настоящее время силой, сопоставимой по своему влиянию с капиталом.

Более того, гегемония капитала, стремящегося в условиях генезиса постиндустриальных технологий к подчинению личности человека, приводит в условиях интернационализации этого процесса к всестороннему подчинению человеческих качеств наемных работников транснациональным стандартам, формируя из них *глобального обывателя* и вытесняя альтернативы капиталистической гегемонии на обочины национализма.

Так через сложную систему каналов своей гегемонии *глобальный капитал как целое стремится к подчинению человечества как целого*. Не только в отношениях отдельного капиталиста и нанимаемого работника, но и (постепенно) в масштабах Земли *осуществляется превращение человека (работника, клиента, потребителя продуктов массового производства и mass media) в обезличенную функцию глобального корпоративного капитала, в винтик «глобального человеконика»*.

Так мы вплотную подходим к феномену *глобализации воспроизводственного процесса*, характерному для отношений позднего капитализма.

Начнем с того, что в результате синтеза в процессе воспроизводства названных выше свойств *функционирование мировой экономики оказывается подчинено конкурентно-антагонистическому взаимодействию ТНК в той мере, в какой в мире разворачивается процесс глобализации* (напомним, он неравномерен, нелинеен, противоречив!).

Это подчинение проявляется, в частности, в том, что, *во-первых*, ключевые глобальные игроки (ТНК и др.) оказываются способны оказывать локальное регулирующее воздействие (в международном масштабе!) на все те параметры, о которых речь шла в предыдущих главах:

- мировой рынок рабочей силы и «человеческого капитала», на котором складывается интернациональная, живущая по правилам корпорации армия работников, охватывающая десятки и сотни тысяч человек – от элиты менеджеров и разработчиков технологий в развитых странах до полунцих сборщиков компьютеров и официантов «Макдональдсов» в «Третьем» мире;

- потребителей, превращая их в стандартизованных в международном масштабе «клиентов» кока-кол или представителей «поколения Пепси»;

- мелкий бизнес (создавая международную, пронизывающую ряд государств зависимость мелких предпринимателей от данной ТНК; типичные примеры – мелкие предприниматели, связанные с деятельностью нефтяных компаний или ТНК, производящих пиво или т.п.);

- ряд государств, срачиваясь с их верхушками, имея лобби в правительствах, парламентах, муниципальных структурах;

- международные бизнес-структуры (от МВФ и ВТО до закрытых клубов элиты ТНК);

- информационные системы (в том числе международные), где господствуют медиахолдинги, которые сами по себе являются ТНК и сращены с другими ТНК через перекрестное владение акциями, личную унию и т.п.;

- массовую культуру и шоу-бизнес, где складываются наиболее динамичная подсистема современной глобальной экономики, базирующейся на генезисе и развертывании сфер, лежащих «по ту сторону материального производства»;

- образование, науку и подлинное искусство (через «благотворительные» фонды и ряд других неправительственных организаций).

Продуктом этих полей зависимости в итоге становится «глобальный человек» (А. Зиновьев) со стандартизованным, но при этом предельно противоречивым (глобальный стандарт для российской или китайской работницы, шьющей костюм от Hugo Boss и носящего этот костюм топ менеджера глобальной ТНК – это два образа жизни, отличные по всем параметрам друг от друга едва ли не сильнее, чем жизнь крепостного и помещика). Более того, описанные выше *процессы неомаркетизации (генезиса тотального корпоративно-сетевого рынка) и*

неоприватизации становятся всемирными и иначе как всемирные не могут быть поняты, ибо, как правило, разные полюсы, субъекты и объекты гегемонии относятся не только к разным уровням социальной структуры, но и отделены друг от друга в пространстве (например, финансово-информационные центры и промышленная периферия корпораций, принадлежащие, как правило, не просто к разным странам, но и разным мирам). Борьба между этими ТНК и внутри них становится важнейшим фактором, определяющим состояние современного мирового сообщества.

Во-вторых, глобальный капитал, базируясь на международном обобществлении производства и росте сферы транзакций, превращает мировой финансовый рынок, мировые рынки капитала и товаров в господствующие в мировом масштабе сферы экономической жизнедеятельности. Те, кто властвует на этих рынках (особенно мировом финансовом рынке), становятся хозяевами мирового сообщества.

Так встает важнейшая (и очень широко обсуждаемая) проблема *финансовой глобализации*. Именно в этой, ключевой для сегодняшнего капитала, сфере осуществляются процессы, определяющие экономику позднего капитализма и превращающие ее в процесс функционирования глобального виртуального фиктивного финансового капитала *par excellence* (мировой кризис, начавшийся в 2008 году, лишь на время притормозил развертывание этих процессов):

- значительно (вплоть до возникновения качественного различия) превышающие объемы производства материальных благ и торговли ими, масштабы транзакций на валютных и иных мировых финансовых рынках;

- доминирование мировых финансовых корпораций (банки с объемами капиталов в сотни миллиардов долларов, едва ли не на порядок превышающих бюджет большинства стран мира), оперирующих как монополисты-«пауки» на международных рынках;

- едва ли не определяющее влияние на геоэкономику международных институтов финансового регулирования (не секрет, что от МВФ и стоящих за ним частно-государственных капиталов зависят не только частные фирмы, но и многие десятки национальных государств);

- во многом определяющие судьбы национальных экономик международные потоки капиталов (включая государственные и частные долги) и т.п.

На наш взгляд, за этими явлениями скрыта сущностная подвижка, отмечаемая в том или ином виде сегодня многими исследователями: **финансовая глобализация** (глобальная гегемония виртуального фиктивного капитала) разворачивается в мире в той мере, в какой микро- и макроэкономические параметры национальных хозяйственных систем (объемы и направления инвестиций, маркетинговая стратегия, направления роста, структурные сдвиги в национальных хозяйственных системах и в мировом разделении труда, уровень и динамика инфляции

и мн. др.) складываются под определяющим воздействием конъюнктуры финансовых рынков, на которых господствует ограниченный круг конкурирующих между собой финансовых ТНК («пауков»), образующих взаимопересекающиеся виртуальные фиктивные сети («паутины»). В конечном счете именно глобальная борьба этих корпораций-сетей становится (но не стала) решающим фактором социально-экономической жизни не только отдельных капиталов, но и стран, народов.

При этом в целом глобальная финансовая система остается преимущественно стихийным, слабо регулируемым «черным ящиком». Однако в отдельных случаях крупнейшие финансовые корпорации-сети («пауки») способны проводить скоординированную стратегию подчинения (или разрушения) потенциальных конкурентов, захвата еще не подконтрольных пространств («асфальтирование» экономик) и иные скоординированные действия вплоть до (при консолидации с институтами политической глобализации) войн.

В-третьих, господствующие в мировом масштабе ТНК срываются не только с национальными государствами, но и с международными органами межгосударственного регулирования мировой экономики. Создание последних является выражением, с одной стороны, международного обобществления экономики и социально-политических процессов, с другой – новым (по сравнению с первой половиной XX века) механизмом господства капитала и его институтов на макроуровне. Эти наднациональные межгосударственные институты оказываются важным слагаемым международной гегемонии капитала. Причем речь в данном случае идет не только об экономических, но и геополитических, идеологических и т.п. образованиях: от МВФ, МБ и ВТО до НАТО.

Вследствие этого мировое социально-экономическое пространство довольно жестко делится на субъектов гегемонии (ТНК и государства, являющиеся их «родиной», прежде всего США, затем Европейский союз и лидирующие в нем страны – ФРГ и т.д., Япония, Китай и – в гораздо меньших масштабах – Южная Корея и другие «тигры») и ее объектов (преимущественно «Третий» мир). Впрочем, реальный расклад сил гегемонии сложнее, ибо существуют и мощные тенденции к противостоянию власти сверхдержав и контролируемых ими международных структур; субъектами этого противостояния, однако, зачастую могут быть реакционные союзы, выступающие с добуржуазными интенциями антигегемонизма (фундаментализм и т.п.).

При таком раскладе сил складываются весьма своеобразные отношения ТНК с некоторыми национальными государствами: первые могут манипулировать своими капиталами, как бы выбирая себе «подходящее» государство, а вторые оказываются заложниками международных потоков капитала. Широко известен перелив капитала, особенно финансового (но не только) в офшорные зоны, «под крыло» государств с льготным налогообложением, в зоны, защищенные от международных социально-

политических потрясений (Швейцария), и т.п. Еще более мощным является миграция капитала в страны с дешевой рабочей силой, низким уровнем социальной защиты, слабым государственным регулированием, незначительными демократическими ограничениями деятельности капитала со стороны профсоюзов, местного самоуправления, экологических и т.п. ассоциаций.

Все это создает *мощные угрозы развитию социальных и других регулирующих функций государства*, осуществляемых в национальных масштабах. В ряде случаев (например, для стран «Третьего» мира, для России) эта свобода движения капитала приводит к его массовому бегству, что интенсифицирует внутренние социально-экономические проблемы. Впрочем, на последнюю тему написано великое множество работ, что позволяет нам оставить ее без дополнительных комментариев.

Интереснее акцентировать противоположный феномен: своего рода «помощь» со стороны ТНК своим «родным» государствам, чья внешнеполитическая активность помогает разрыванию их гегемонии. Для этого может использоваться широкий набор методов: от проталкивания принципов свободы торговли для одних до блокады для других; от массового использования «гуманитарных» каналов и «помощи», создающих своего рода плацдармы для разворачивающих свою активность ТНК (вестернизация образа жизни является важнейшим условием проникновения западных ТНК, особенно в таких сферах, как производство товаров народного потребления и массовая культура) до прямой агрессии. Не менее важно и то, что «родные» для ТНК государства создают предпосылки гегемонии корпоративных капиталов по отношению к наемному труду (от «подкормки» своих до запрета иммиграции и консервации бедности «чужих», варварски эксплуатируемых теми же ТНК).

В этом контексте особенно выпуклой становится неправомерность позиции, согласно которой современная капиталистическая глобализация представляет собой исключительно благотворное явление, а за ее отрицательные последствия несут ответственность национальные государства, неправильно определяющие условия деятельности транснационального капитала¹. Разумеется, государственные деятели тех или иных стран должны нести ответственность за ту экономическую политику, которой придерживаются. Но не является большим секретом тот факт, что именно уступки лидеров тех или иных государств (в частности, России в период «радикальных рыночных реформ», и не только) «пожеланиям» (а то и неприкрытому давлению) транснациональных компаний и их

¹ Таковую позицию отстаивает лауреат Нобелевской премии Джагдиш Бхагвати (см.: *Бхагвати Дж. В защиту глобализации*. М.: Ладомир, 2005). Ниже мы суммируем уже встречавшиеся в книге аргументы, показывающие неправомерность оптимизма адептов неолиберальной глобализации вообще и Дж. Бхагвати в частности.

покровителей в МВФ, ВТО и Госдепе США ведут к таким решениям, которые усугубляют отрицательные стороны неолиберальной глобализации.

Но даже наиболее продуктивное использование возможностей глобализации, осуществляемое в рамках неолиберальной модели и политики, соблюдающей правила «Вашингтонского консенсуса», сопряжено со значительным возрастанием неизбежно связанных с ней рисков. Укрепление позиций транснациональных компаний в экономике национальных государств влечет за собой возрастание зависимости от решений в штаб-квартирах этих корпораций, принимаемых под влиянием конъюнктуры мирового рынка, – причем ни эти решения, ни эта конъюнктура, ни в какой мере не поддаются контролю суверенных правительств и во многих случаях идут вразрез с национальными интересами этих государств и их народов.

Еще более беззащитными национальные государства выступают перед лицом действий глобальных игроков на мировом финансовом рынке: изменение направленности потоков «горячих денег» может в одночасье создать ситуацию финансового кризиса едва ли не в любой стране «Третьего» мира. И это не только возможность: сия угроза стала из гиперреализованной реальностью во многих странах мирах, в том числе в нашем Отечестве.

Наконец, тот факт, что транснациональные компании приносят с собой более высокие технологии и относительно более высокий уровень оплаты труда и экологических норм, является полуправдой. Действительно, в ряде случаев (но далеко не всегда) транснациональный капитал более «продвинут» в технологическом, социальном и экологическом отношении, чем «местный». Но это лишь одна сторона медали.

Другая сторона состоит в том, что *глобальный корпоративный капитал оказывает существенное регрессивное воздействие на «периферию».*

Он, как правило, (1) не передает национальным системам современных технологий, вывозя в третьи страны наиболее примитивные производства.

Более того, он (2) инициирует и поддерживает такую (неолиберальную) экономическую политику национальных правительств, которая консервирует технологическую отсталость национальных экономик, а сами ТНК безжалостно подавляют ростки национального высокотехнологического производства как своих потенциальных конкурентов.

Мера «социальности» ТНК в странах «периферии» (3) сугубо ограничена, крайне далека от уровня «своих» стран и нисколько не отменяет последовательной борьбы этих корпораций за ограничение социально-трудовых прав наемных работников и стремления воспрепятствовать выравниванию норм оплаты труда на периферии мирового хозяйства со странами «ядра» мировой экономики.

Тоже касается и (4) проблем экологии: большая часть производств ТНК в странах «периферии» – это предприятия, которые неэффективно размещать в странах «центра», в том числе по экологическим соображениям, и которые, следовательно, выгодно вывозить из метрополий с целью экспорта экологической «грязи».

И самое главное: адепты (если не сказать – апологеты) глобализации все время сравнивают неолиберальную глобализацию исключительно с консервативными, отсталыми, зачастую полуфеодальными интенциями тех или иных национальных правительств, убеждая нас, что глобализация – это наименьшее из зол. Но в том-то и суть дела, что это сравнение двух зол. Между тем и теория, и практика подсказывает, что в современном митре можно и должно выбирать не между консервативным полуфеодальным национальным изоляционизмом и неолиберальным «оглоблением», а между этими двумя негативными тенденциями, с одной стороны, и альтернативной моделью социально-, гуманистически-, экологически ориентированного экономического развития национальных систем в рамках новой интеграции, строящихся на основе новых правил по-новому открытых экономик и сообществ. Впрочем, к теме альтерглобализма мы вернемся ниже.

В результате перечисленных выше процессов *глобальная гегемония капитала* как бы «взламывает» *национальные народнохозяйственные комплексы*. Прежние закономерности воспроизводства, развития и функционирования экономики на макроуровне, которые складывались (и описывались) как национальные, в условиях глобализации формируются и должны не только описываться, но и, что особенно важно, регулироваться (известно, что ни одна экономика не выживет ныне без макрорегулирования) на международном уровне.

Однако ныне такое регулирование если и существует, то нацелено почти исключительно всего лишь на поддержание правил и норм «свободного» рынка. Между тем *необходимо глобальное сознательное регулирование как минимум во всех тех сферах, которые в настоящее время являются объектом воздействия национального государства*. В странах Западной Европы это, например, социальные и экологические нормативы и программы, системы частичного перераспределения доходов в пользу беднейших и социально незащищенных слоев населения, программы (и призванные их обеспечить регуляторы – финансово-кредитные и т.п.) структурной перестройки и многие другие.

Такое регулирование необходимо и в мировом масштабе и это будет всего лишь один из элементов «программы-минимум», смягчающей противоречия глобальной гегемонии капитала. Однако эти *интернациональные механизмы глобального программирования и регулирования мировой экономики* ныне лишь зарождаются, причем как альтернатива [неолиберальной] глобализации, главным образом как инициативы разного рода неправительственных организаций, движений и т.п.

Практикой же является фундаментальное *противоречие в механизме функционирования глобальной макроэкономики*: все более взаимосвязанные и единые процессы функционирования и развития *интернациональной экономики*, требующие более интенсивного и комплексного регулирования (в частности, вследствие мощнейших контрастов в развитии), агенты глобализации пытаются *втиснуть в прежние рамки либерального рынка* при наличии *национального государственного регулирования*.

Вследствие этого складывается уже отмеченное нами в начале подраздела противоречие между либеральной моделью глобализации, с одной стороны, и национально-государственными системами регулирования и социальной защиты – с другой. Так *национальное государственное регулирование, по видимости, оказывается тормозом глобализации*. Последнее создает опять же объективную видимость альтернативы: или сильное регулирование и социальное национальное государство, но при этом бегство капиталов и проигрыш в глобальной экономике, или сокращение госрегулирования и социальных ограничений (дающее, добавим, большую свободу для гегемонии агентов глобализации) и выигрыш на глобальных рынках (но, добавим, проигрыш в социальной защите и т.п.).

Но эта дилемма, намеренно повторим, лишь видимость. Действительная же проблема состоит в том, чтобы *глобальная экономика была объектом интернационального эко-социо-гуманитарно-ориентированного регулирования со стороны демократически организованных субъектов (открытых международных ассоциаций и их представителей)*. Даже если пока не рассматривать стратегической задачи-максимум – снятия глобальной гегемонии капитала, – остается стратегическая задача-минимум: *развития принципов социального хозяйства и социального партнерства на международном уровне (для всех кооперирующихся государств), включая гарантии социальной защиты, единые социальные, экологические и т.п. нормативы, международные механизмы хотя бы частичного смягчения социальной дифференциации богатых и бедных как мировой проблемы, мощные демократически формируемые надгосударственные органы, способные хотя бы вводить ТНК в единые для всех стран социальные рамки*.

Но мы забежали в проблемное поле альтерглобализма, а наш предмет – глобальная гегемония капитала. Вернемся к его анализу.

Рассматривая *социальные параметры функционирования глобальной экономической системы* мы можем зафиксировать, что воспроизводство описанных выше противоречий, и в частности противоречия труда и капитала в глобальной экономике XXI века, прошедшей через этап социально-регулируемой системы (и не до конца потерявшей его достижения), не может не обострять *антагонизм между принципами социального государства и законами жизнедеятельности глобального капитала*, для которого характерно свободное движение в поисках

наименьших социальных ограничений (со стороны государства, профсоюзов, местного самоуправления и т.п.).

Выше мы уже отметили эту видимостную дилемму в связи с проблемой противоречия неолиберальной глобализации и государственного регулирования экономики. Мы можем в данном случае лишь повторить сказанное применительно к проблемам социальной защиты: ее высокий уровень вызывает бегство капитала (и, как следствие, снижение экономического потенциала и т.п.). Как и в случае с государственным регулированием, наличие этого противоречия и его острота сегодня не оспаривается никем. Однако и здесь выход из конфликтной ситуации большинство ищет на путях либо снижения социальной защиты, либо ограничения интернационализации.

Между тем существует и кратко описанный нами принципиально иной выход. Даже если пока не рассматривать путь перехода к посткапиталистическому обществу как наиболее общую альтернативу, возможна борьба за реформирование мирохозяйственных отношений позднего капитализма, которая могла бы стать своего рода «отрицанием отрицания» отношений частного социального регулирования капиталистической системы, когда обновленные принципы «социального государства» и гражданского общества были бы развиты в интернациональном масштабе.

Ниже мы еще вернемся к этой проблеме, а сейчас подчеркнем, что **глобальный капитал не только противостоит наемному труду и другим антигегемонистским силам, но и внутренне противоречив**. Его жизнедеятельность – это экономическая, силовая, идеологическая и т.п. борьба (а не только конкуренция) различных группировок (корпоративных союзов), в которой используется весь тот сонм методов, которые были выделены нами при анализе гегемонии капитала, а также и другие, в данной (преимущественно политико-экономической) работе не исследуемые. Арены борьбы этих группировок крайне многообразны – от мировых рынков и геополитических столкновений держав до внутригосударственных структур (столкновение в борьбе за влияние на правительство, парламенты и президентов сил, лоббирующих интересы разных корпоративных группировок) или даже человеческих душ.

* * *

Завершая этот раздел, авторы хотели бы обратить внимание на то, что исходным пунктом, своего рода «клеточкой» глобальной гегемонии капитала является, на наш взгляд, то новое общественное отношение корпоративного доминирования и манипулирования, которое было проанализировано авторами выше, в разделе, посвященном новой – тотально-сетевой – природе современного глобального рынка. Именно это новое отношение, рождающее власть корпоративных сетей над рынком и даже шире – экономикой, обществом и человеком – становится системным

качеством глобализации. И именно о нем пойдет речь ниже с акцентом на эмпирически-данных, а не только абстрактно-сущностных аспектах.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КОРПОРАТИВНАЯ СЕТЬ: АНАТОМИЯ, СТРУКТУРА, ДОМИНИРОВАНИЕ

Исследование структуры и механизмов жизнедеятельности современного корпоративного капитала (т.е. непосредственная задача этой части текста) оказалось для нас задачей более сложной, чем предыдущие, преимущественно абстрактно-теоретические проблемы. Поэтому именно этот раздел и будет наиболее уязвим для критики и в то же время относительно менее оригинален: ниже мы будем опираться на ряд проделанных другими учеными конкретных исследований механизмов функционирования современного капитала.

Начнем нашу презентацию итогов такого анализа с *анатомии корпоративной сети*.

Категории *транснационального капитала* и *корпоративного капитала* широко используются в современной литературе, а понятие корпоративной сети мы рассмотрели выше, поэтому будем использовать их в дальнейшем как некоторые рабочие термины, более точные определения которых мы должны получить как итог нашего исследования анатомии того, что из себя представляет «единица» позднего капитализма – относительно обособленный капитал неолиберального периода капитализма.

Проделанный выше анализ отношений гегемонии капитала позволяет сразу же уточнить его: «*типичная транснациональная корпоративная сеть (группа)*¹ – это, на наш взгляд (и здесь нет ничего особенно

¹ В начале этой части авторы специально подчеркнули, что они не отождествляют понятие корпоративного капитала (в этом разделе мы говорим уже о проявлении этой сущностной категории – транснациональной корпоративной группе) с корпорацией как юридической формой акционерной фирмы определенного типа. Речь идет о соединении качеств современного монополистического капитала с качествами закрытой корпоративной структуры. В зарубежной литературе речь, как правило, ведется о корпорации в узком смысле слова (по сути дела – о штаб-квартире ТНК, расположенной, как правило, в США или другой стране «Первого» мира). И здесь существует очень широкий спектр трактовок этой категории: неоклассический, «классический» (корпорация как индустриальная, плановая система – Д. Гэлбрейт) и новый (корпорация как система контрактов, нацеленная на минимизацию транзакционных издержек) институциональный подходы, акцентирующие специфику управления, роль интеллектуального капитала и знаний, внутрикорпоративной структуры и этики... При этом, однако, в большинстве случаев объектом анализа являются модели (а не практика) управления персоналом штаб-квартир (а не всей системы звеньев) ТНК. →

оригинального), система корпоративных капиталов, соединяемая в единое, но аморфное образование с размытыми границами и слабо специфицированными правами собственности, характеризующееся сложной совокупностью внутренних социальных связей (о ее структуре – ниже).

Ее *системным качеством* (отличающим сеть от совокупности входящих в нее капиталов и других групп) является способность этой сети как целого (1) оказывать локальное регулирующее воздействие на рынок, быть субъектом гегемонии («пауком»), генерируя «поле зависимости» (о его социально-экономической природе мы писали выше) и (2) осуществлять отношения гегемонии данного капитала по отношению к включенным в него работникам. Оговоримся сразу: это определение носит политэкономический характер и не может служить рабочим для экономической практики. Но оно базируется на выводах предшествующего и может служить отправной точкой для последующего исследования.

Эта группа представляет собой центр (сердце и мозг) гигантской полупрозрачной, но мощной сети, образуемой ее актуальными и потенциальными клиентами во всем их многообразии (паук и его паутина). Типичным эмпирическим феноменом с которым мы можем соотносить названную выше категорию, является транснациональная корпорация.

Как таковая, *корпорация-сеть есть система определенных производственных отношений*. Такой взгляд не является чем-то принципиально новым. Он восходит к марксовой трактовке отдельного (единичного) капитала как отношения двух полюсов – наемного труда и капитала в узком смысле слова. Однако для нас такой политэкономический акцент принципиально важен, ибо указывает на ключ к исследованию природы данного феномена: анализ параметров взаимодействий различных акторов, их форм и содержания.

Начнем этот анализ с фиксации полуэмпирических-полутеоретических, но относительно легко выделяемых параметров, постепенно продвигаясь от финансовой «вершины» к все более глубоким и низовым пластам.

«Наверху» наш объект предстает как сеть, которая (1) объединена *виртуальным финансовым капиталом* (в виде совокупности формально и неформально сращенных финансовых институтов, включая банки, холдинги, пенсионные и иные фонды).

← Мы постарались критически интегрировать многие из этих подходов (в первую очередь, «классический» и новый институциональный). Что же касается изменений природы корпорации, происходящих в условиях генезиса информационного общества, к этой теме мы уже обращались и еще не раз будем обращаться (подробнее о постиндустриальной корпорации см.: Павлов М.Ю. Корпорация в условиях генезиса постиндустриального общества дис. ... канд. экон. наук. М., 2001; Павлов М.Ю. Новая природа корпораций в неэкономике // Неэкономика: Очерки теории и методологии / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ТЕИС, 2003).

Эта виртуальная и размытая финансовая сеть (2) сращена с несколько более определенной совокупностью относительно самостоятельных фирм-корпораций, имеющих эмпирически-фиксируемые атрибуты, в том числе имя-бренд и юридически зафиксированные характеристики. Примеры их на слуху: Wal-Mart, Exxon, Apple, General Motors, Ford, General Electric, Hewlett-Packard, Bank of America, IBM, Procter & Gamble и другие представители верхних строчек списка Fortune-500¹. Именно эти «подсистемы» исследуемой нами сети, как правило, и ассоциируются с понятием «транснациональная корпорация» и это верно, но лишь отчасти, ибо действительная сеть, один из немногих центров внутренней и внешней власти современного рынка/капитала есть гораздо более крупное, аморфное и юридически не фиксируемое объединение с принципиально размытыми границами.

Входящие в эту сеть и имеющие «имя» корпорации, в свою очередь (и это уже банальность, но мы ее все же отметим), имеют (3) свои «штабы», «центры» где работают тысячи «элитных» служащих-профессионалов. Часто, как мы уже отметили, говоря о внутренних отношениях в ТНК и характеризуя их как «креативные» фирмы имеют в виду именно эту часть корпорации.

Однако в действительности корпорация – это (4) более или менее интегрированная единой системой отношений совокупность относительно независимых филиалов – «периферия» корпорации. Каждый из таких филиалов может включать десятки [производственных, транспортных

¹ См.: <http://fortune.com/fortune500/2014/>.

Характерно, что немало из так называемых креативных корпораций, о необыкновенных блестящих успехах которых вот уже много лет говорится столько громких фраз, до недавних пор пребывали в этом рейтинге в конце первой, а то и во второй сотне, хотя в последние несколько лет произошли существенные изменения позиций некоторых корпораций из этой группы. Особенно заметно улучшение позиций Google, переместившейся из второй сотни (117-е место в рейтинге-2009) в первые полсотни (46-е место в рейтинге-2014); Microsoft стабильно пребывает в четвертом десятке (34-е место по итогам рейтинга-2014); также заметно изменение позиций Oracle (82-е место по итогам рейтинга-2014, тогда как в рейтинге-2009 она занимала только 113-е место). Прочие же стабильно пребывают на своих позициях, например Walt Disney стабильно пребывает в седьмом десятке (61-е место по итогам рейтинга-2014).

Также обратим внимание читателя на различие позиций разных компаний с точки зрения устойчивости их положения. Так, ряд компаний сохраняют свои устойчивые позиции на всем протяжении 60-летней истории рейтинга Fortune500: Exxon ни разу не опускалась ниже 4-го места, General Motors – ниже 15-ого места, General Electric – ниже 11-го места. В то же время такая компания, как U.S. Steel, входившая в тройку лидеров в 1955 г., сейчас находится во второй сотне (166-е место по итогам рейтинга-2014) (см.: <http://fortune.com/2014/06/02/first-fortune-500>).

и т.д.] предприятий и [маркетинговых, снабженческих и т.п.] служб, а также свои управленческие центры. В целом это система, состоящая из многих сотен структур в странах не столько «Первого», сколько «Второго» и «Третьего» миров, на которых осуществляется производство широкого спектра товаров и услуг (диверсифицированная система взаимозависимых фирм или/и их филиалов). Мера интегрированности/независимости этих филиалов зависит от многих параметров (от технологической специфики до качества «местного» менеджмента), которые мы здесь не будем рассматривать. С политэкономической точки зрения в данном случае важно лишь то, что это система переходных производственных отношений, противоречиво сочетающих определенную меру развития рыночной конкуренции и планомерного регулирования, а также других отношений, о которых мы уже не раз упоминали.

Основа этой сети – (5) сотни и тысячи предприятий (преимущественно на периферии капиталистического мира), где заняты не только высокообразованные профессионалы, но и прежде всего сотни тысяч наемных работников средней и низшей квалификации, получающих в лучшем случае несколько долларов в час за сбоку машин и мобильных телефону, разливку Кока-колы и приготовление гамбургеров... Это *рабочий класс корпорации*. Эти работники заняты преимущественно индустриальным (а в некоторых случаях, особенно в сфере услуг, и ручным) трудом и находятся в жесткой не только экономической, но и социальной зависимости от корпорации, что особенно характерно для малых городов в странах «Второго» и «Третьего» миров, где зачастую просто нет сколько-нибудь нормальных рабочих мест.

Внутри каждой из этих корпораций действует сложная система каналов власти, обеспечивающих (6) господство корпоративной номенклатуры. Об этих каналах мы уже упоминали и подробнее рассмотрим их ниже, здесь же важно подчеркнуть, что это не просто советы директоров отдельных фирм, а находящийся преимущественно в тени «мозг» не столько отдельных корпораций, сколько всей сети в целом. Основной отличительной особенностью это вершины является то, что она реально «приватизирует» основные права собственности (власти, контроля) и информации (что особенно важно для современного виртуального капитала эпохи информационного общества) в этой системе. Это специфическая «приватизация», ибо она распространяется на частные, а не общественные ресурсы (ресурсы корпорации) и лишь отчасти фиксируется юридически. Опять же отчасти эта «корпоративная номенклатура» (реальные собственники и высшие менеджеры) сети может быть соотнесена с широко используемым в западной литературе понятием «инсайдеры»¹. Последнее носит, как правило, негативный оттенок и связано с уголовно

¹ См.: Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 27, 189–216. См. →

преследуемым использованием менеджерами внутренней информации фирмы в личных целях. Мы же говорим об ином – о реальной внутрикорпоративной власти, а это феномен, который лишь отчасти пересекается с феноменом инсайдерства.

Эта верхушка сети сращена с (7) рядом национальных и международных государственных институтов, причем не столько нелегальными отношениями коррупции, сколько легальными отношениями разнообразной кооперации – от сотен каналов экономического взаимодействия до взаимного легального «консультирования» по стратегическим вопросам в формах открытых «саммитов» типа Давоса и закрытых секретных переговоров «без галстуков», от влияния капитала на выборы до личной унии... Все эти каналы многократно описаны в самых разных формах: от журналистских «разоблачений» до личных мемуаров экс-руководителей государств и/или корпораций, от учебников по государственному управлению профессоров гарвардской Kennedy School¹ до монографий по проблемам государственно-монополистического капитализма советских академиков из Института мировой экономики и международных отношений (превращавшихся потом порой – в стиле академика Примакова – в руководителей внешней разведки и даже премьер-министров).

Не менее важна слаженность корпоративной номенклатуры с (8) системой институтов насилия – как легальных (собственная система охраны, разведки и т.п.), так и нелегальных, вплоть до организованной преступности (преимущественно в странах «Второго» и «Третьего» миров, где действуют филиалы фирм) и подчинения коррумпированных марионеточных правительств некоторых малых стран или отдельных регионов.

Эти структуры к тому же подчиняют себе (9) ряд средств массовой информации.

Наконец, (10) они контролируют систему воспроизводства «человеческого капитала» (колледжи, университеты, благотворительные фонды и т.п.).

Все эти «этажи» и слагаемые корпоративной сети мы выделили, синтезируя сказанное выше о природе тотального рынка и гегемонии капитала и соотнося эту теорию с общеизвестными чертами современного капитала. Существенно, что каждый из этих «этажей» корпоративной группы относительно самостоятелен, связи между ними (и горизонтальные, и вертикальные) пронизаны массой противоречий, но при этом они все соединены тем системным качеством, которое было отмечено

← также: *Hessen R. The Modern Corporation and the Private Property: a Reappraisal // The Journal of Law&Economics. 1983. Vol. XXVI(2). P.288.*

¹ Harvard Kennedy School – Гарвардский институт государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди.

выше – способностью этой сети как целого оказывать *внешнее* локальное регулирующее воздействие на рынок, быть субъектом гегемонии («пауком»), генерирующим «поле зависимости» и субъектом *внутренней* корпоративно-капиталистической гегемонии. Любопытно, что это системное качество (равно как и другие конкретно-всеобщие категории, например, стоимость) невозможно «пощупать», увидеть невооруженным [диалектическим методом] взглядом.

Однако и здесь есть некоторые важные «нюансы». Если сеть как таковую увидеть невозможно, то власть ее отдельных «видимых» слагаемых можно соотнести с некоторыми эмпирическими феноменами. К их числу относятся, в частности, такие выражающие своего рода «дух» фирмы феномены, как ее имя, бренд. Именно бренд фирмы ныне ценится как никогда высоко и составляет одно из важнейших слагаемых виртуальной ценности корпорации.

Последнее неслучайно – этот «бренд» *и есть некоторая внешняя фиксация способности данной фирмы (корпоративного капитала как звена сети) генерировать «поле зависимости»*. Бренд – это в определенной мере симулятивный¹ символ наличия устойчивой клиентелы («паутины» – например, людей, привыкших пить именно пепси-колу в любом городе или стране мира, куда бы они не приезжали), знак зависимости определенного социально-экономического пространства от этой корпорации («поколение Пепси») и т.п.² Таким образом, мы можем дать достаточно строгое теоретическое объяснение кажущейся для теоретиков загадочной ценности «бренда» – *это косвенный символ системного качества корпорации*, утратив которое она может перестать существовать как субъект гегемонии, как не просто капитал (большого или меньшего размера), но как капитал особого рода – капитал, способный оказывать локальное регулирующее воздействие, имеющий «клиентелу» и отчасти подчиняющий ее своему воздействию. Поэтому мы можем предположить, что *высокая экономическая оценка этого бренда – это не столько «цена» гарантированно высокого качества* (костюмы от Hugo Boss ныне шьют преимущественно в Китае, а BMW собирают и в России из запчастей, сделанных в самых разных уголках земного шара) и/или «интеллектуального капитала» фирмы, *сколько денежный эквивалент ее способности локально регулировать рынок*, навязывая (в определенных

¹ Диалектику бренда как в определенной мере реального товара высокого качества, а в определенной – товара-симулякра, мы рассмотрели в первой части этого тома. Напомним, что эта мера и в одном, и в другом случае может очень сильно варьироваться. Бренд «Мерседес» в значительной степени базируется на действительно высоком качестве этой машины, бренд попсовой звезды является по преимуществу симулякром.

² Авторы уже упоминали весьма показательную в этом отношении работу Н. Кляйн «NO LOGO. Люди против брендов», где показаны механизмы подчинения человека корпоративному контролю через систему «брендинга».

пределах, естественно) потребителям и иным контрагентам свои товары, эквивалент ее «рыночной власти».

Характеризуя корпорацию-сеть как генератор «поля зависимости» не следует забывать, что эти сети вступают в систему разнообразных отношений борьбы и партнерства друг с другом, перераспределяя весьма аморфные границы своего влияния. Соответственно и круг клиентов каждой из корпораций всегда размыт, подвижен, не определен, да и подчинение не только локально, но и частично, неполно.

На поверхности явлений может казаться, что этот «бренд» создает команда менеджеров (или, в редких случаях, ее хозяин-основатель, например, мифологизируемый Форд или Билл Гейтс), но в сущности дело в другом – в том, что в условиях глобальной гегемонии капитала не могут не возникать именно такие корпоративные структуры. Существование таких «фирм» (равно как и их борьба, взаимопоглощения¹ и конкуренция) есть закон нынешней стадии развития позднего капитализма.

Возвращаясь к анализу структуры корпоративных групп, заметим, что не каждая из них включает все перечисленные выше блоки. Часть замыкается на операциях с фиктивным финансовым капиталом, оказываясь лишь косвенно связанной с производством товаров и услуг; иные, наоборот, относительно независимы от контроля отдельных финансовых институтов (но не от жизнедеятельности финансового капитала как конкретно-всеобщего феномена); возможны иные модификации...²

Естественно, что эта многоуровневая международная система весьма отлична от частнокапиталистической или даже акционерной капиталистической фирмы, которые были описаны в «Капитале» К. Маркса и к характеристикам которых (вот парадокс!) до сих пор апеллируют праволиберальные теоретики, размышляющие о преимуществах частной собственности (типичный пример – работа Дж. Сакса «Рыночная экономика и Россия»)³.

Существенно, что в этих условиях *корпоративная группа превращается в мини-общество, где складывается своя система производственных*

¹ Колоссальное переплетение транснациональных корпораций как на уровне активов, так и на уровне членов их управляющих структур, показано в книге: Carroll W. The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the 21st Century. L.–N.Y.: Zed Books, 2010.

² Своего рода шаржем, пародией на такие структуры выступает система кланово-корпоративных групп в России, названная нами «парком капитализма Юрского периода» (Capitalism's Jurassic Park). Этот анализ представлен в одном из заключительных разделов данного тома.

³ Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994. Безоглядным защитником частной собственности выступает также современный представитель австрийской школы М. Ротбард (см.: Ротбард М. Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010).

(но не только) *отношений*. В рамках корпоративной группы («паука» и его «паутины») начинает складываться даже особая социальная стратификация¹, особая система распределения прав собственности, посредством которой осуществляются важнейшие отношения производства, распределения труда и его продуктов в условиях современного капитализма.

Как было отмечено выше, эти отношения включают сложный комплекс механизмов подчинения труда капиталу (экономической власти).

Завершая этот подраздел подчеркнем едва ли важнейший его вывод: *основная власть в таких аморфных структурах принадлежит* (что в принципе давно известно специалистам, но почти никогда не раскрывается в учебниках, популярной и пропагандистской литературе) не акционерам, и даже не менеджерам (как это считают многочисленные сторонники теории «революции управляющих»), а, как уже было отмечено выше, **корпоративной номенклатуре** – ограниченному кругу частных лиц, «приватизировавших» не собственно объекты, а преимущественно основные права собственности, каналы власти.

Заметим, что на теоретическом уровне, при характеристике системы отношений тотальной гегемонии корпоративного капитала, мы уже показали принципиальное наличие этих «каналов».

Суммируем эмпирически фиксируемые проявления важнейших из **каналов власти внутри корпорации**². Это:

- власть, которую дает виртуальный фиктивный капитал (кто контролирует транзакции с фиктивным капиталом данной корпоративной структуры, тот получает контроль над ее «кровеносной системой»);
- контроль, сохранение и развитие «традиций» и имиджа фирмы (того самого «бренда»);
- контроль за информацией и монополия на ключевую внутреннюю информацию (в том числе о распределении прав собственности, движении финансов, персонале);
- стратегическое управление (принятие стратегических решений, контроль);

¹ Этот комплекс идей развивается, в частности, в работе *McDermott J. Corporate Society. Class, Propriety, and Contemporary Capitalism*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1991. PP. 4–16. При этом, на наш взгляд, этот автор явно преувеличивает роль внутрикорпоративных отношений, основанных, как он пишет, на квазиколлективной собственности и предполагающих выделение и взаимодействие трех классов: (1) высшие, (2) средние и низшие менеджеры плюс (3) корпоративный рабочий класс. Реально эти отношения составляют лишь один из аспектов нового качества капитала как корпоративного.

² Описание некоторых из этих каналов, а также статистику, подтверждающую сделанные выше выводы, можно найти в работе: *Korten D. When Corporations Rull the World*. West Hartford, 1995.

- управление кадрами и шире – функционированием «человеческого капитала» и т.п. вплоть до жесткого административного подчинения труда на «периферии» корпорации);

- контроль за движением акций (не обязательно собственность на контрольный пакет);

Упомянем вновь, что методы такого доминирования раскрыты (в несколько публицистизированной форме) в работе А. Зиновьева «Запад»: «... читая книги и смотря фильмы, в которых как-то затрагивалась внутри-клеточная жизнь западного общества, я узнавал феномены, хорошо знакомые мне по жизни в России, но с одним коррективом: в западных клеточках эти феномены проявляются в более жестокой форме, а индивид меньше защищен от социально более сильных коллег.

У меня не было иллюзий насчет внутриклеточных отношений на Западе. И все же то, что мне довелось узнать из официальных источников в Германии (например, из телевизионных передач), меня потрясло. По исследованиям социологов и психологов, более миллиона наемных работников в Германии является жертвами систематического психологического террора со стороны коллег. Многие исследователи условий труда считают центральной проблемой 90-х годов преследование группой сотрудников своих «слабых» коллег. Рабочее место для огромного числа людей превращается в ад. Интриги, оскорбления, шантаж, угрозы, принуждение к сексу и т.п. являются обычными явлениями. На рабочих местах идет ежедневная война такого рода. В коммунистических коллективах против этого есть хоть какая-то защита (партийная и комсомольская организация, общие собрания, дирекция, стенная газета и т.п.), в западных же ее почти нет. Клеточка коммунистического общества более человечна.

- осуществление связи с государственными структурами и иными институтами легального и нелегального насилия, а также средствами массовой информации...

Таков далеко не полный перечень лишь важнейших из каналов власти в ТНК. Подчеркнем вновь, что юридически зафиксированная собственность на акции является не более чем одним из них. При этом система отношений собственности (включающая доверительное управление, многоступенчатый контроль за фирмой через систему перекрестного владения акциями, дочерние или материнские кампании etc.), как правило, принципиально сложна (если не сказать – запутана до степени превращения в уже упоминавшийся «черный ящик»). Акциями конкретных фирм в большинстве случаев владеют другие фирмы и многоступенчатая система холдингов (причем часть информации об этом является коммерческой тайной), а также мелкие акционеры, за которыми скрывается опять же очень мало кому известный круг физических и юридических лиц, которым акции переданы в доверительное управление (поэтому, кстати, авторы выделил информацию о правах собственности как важнейший канал власти).

Подчеркнем еще раз – реальным «прототипом» описанной выше корпоративной структуры является не столько отдельная фирма (пусть даже гигантская ТНК), сколько аморфная *финансово-производственная и политико-информационная сеть*, реальная вершина которой скрыта на Олимпе виртуального финансового капитала. Именно там находятся постоянно грызущиеся между собой боги современного капитала, властвующие (но не прямо и не однозначно) над царями (боссами юридически зафиксированных фирм) и рядовыми жителями «земли». При этом (как и в античных легендах) «люди» (среди которых то и дело встречаются «герои») далеко не всегда следуют велениям «богов», а «боги» то и дело спускаются с Олимпа по той или иной нужде.

Но оставим в стороне аллегии. В принципе собственно исследование внутренней жизни такой аморфной структуры (а они к тому же *взаимно проникают друг в друга и переплетаются, особенно на вершине*¹) не входит в задачу данного текста, посвященного исследованию отношений тотальной гегемонии современного капитала.

Поэтому ниже обратимся к анализу того, как устроены ***механизмы взаимодействия кланово-корпоративных структур между собой и с «третьими лицами»***.

Здесь авторы вновь сталкиваются с задачей показа не сущностных черт современного капитала, но их проявлений, что в принципе является для *данного* текста не столь важной задачей. В то же время эта задача относительно менее сложна, так как в современной теории существует ряд областей, призванных описать именно эти механизмы, – от микро- и макроэкономических исследований (и даже многочисленных учебников) до исследовательских работ (и опять же учебников) по финансам, менеджменту, маркетингу, теории отраслевых рынков и т.п. Тем самым с теоретической точки зрения в этой области осталось сделать совсем «пустяк»: критически синтезировать в единую систему эти знания, показав к тому же, как эти проявления взаимосвязаны с сущностными механизмами гегемонии капитала.

Некую совокупность гипотез, нацеленных на поиск решения этой проблемы, мы и хотим предложить ниже.

В качестве весьма пространного, но абсолютно необходимого (с точки зрения авторов, естественно) предварительного замечания сформируем некоторую *гипотезу*.

¹ Анализ реальной системы взаимного переплетения корпоративных структур как совокупностей взаимосвязанных монополистических капиталов можно найти в работах Х. Окумуры, П. Доремуса, В. Келлера, Л. Паули, С. Рейха и др. См.: *Okumura H. Corporate Capitalism in Japan. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 2000; Doremus P., Keller W., Pauly L., Reich S. The Myth of the Global Corporation. Princeton: Princeton University Press, 1998.*

ОТСТУПЛЕНИЕ.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ECONOMICS, МАРКЕТИНГЕ, МЕНЕДЖМЕНТЕ И ФИНАНСАХ КАК ОБЛАСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕВРАТНЫХ ФОРМ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Так как выше было показано, что система форм капиталистических отношений (отношений отчуждения) не может не быть системой превратных форм, то логичным представляется утверждение: описание этих форм, как таковых, в отрыве от их действительного содержания (вскрываемого марксизмом) и есть описание ничего иного как превратных форм определенных «блоков» и форм жизнедеятельности современного капитала. Проще говоря, показываемые в работах позитивистов (например, в учебниках по экономике и управлению) реально существующие формы бизнеса и есть те проявления сущности капитала, которые мы хотим исследовать в этом разделе.

Разница между нашим, критически-марксистским, взглядом и взглядом позитивиста состоит не в том, что видим разные факты, а в том, что мы даем их разную интерпретацию. Позитивист лишь описывает формы рынка, механизмы управления корпорацией и т.п. (при этом зачастую их изрядно идеализируя – для позитивизма вообще характерна идеализация господствующей системы как единственно возможной, а потому естественной, разумной и эффективной). Мы же показываем, что эти формы превратны, создают объективную видимость иного содержания, чем-то, что скрыто за ними на самом деле.

Используем для пояснения некую параллель: не критически воспринимающий явления обыватель средневековья видел в инквизиции то, за что она себя сама (искренне!) выдавала – карающий меч господень. Критически же воспринимающий мир в его историческом развитии еретик не закрывал глаза на существование инквизиции, но объяснял, что религиозное мракобесие вообще и инквизиция в частности есть не более чем превратная форма господствующих в данном мире и подлежащих уничтожению отношений личной зависимости, а не божественный промысел, каковым они кажутся на поверхности явлений. Естественно, Джордано Бруно или Томазо Кампанелла выражали эти мысли 500 лет назад на другом языке, но суть дела от этого не меняется.

Вернемся из эпохи средневековья в мир современных ТНК. Предложенная методология позволяет сделать еще один логический шаг и поискать, какие из известных современной мировой экономической науке описаний внешних форм функционирования современного капитала соответствуют каким «пластам» эволюции капитализма.

По-видимому, несложно будет доказать (если, конечно, признать правильной саму гипотезу), что, во-первых, основные идеи микроэкономики в ее классическом (данном еще Маршаллом) виде являются, в общем и целом, отображением превратных форм олигополистического рынка эпохи империализма.

Соответственно, во-вторых, совокупность положений макроэкономики (при всей их эклектичности) является идеализированным (в стандартном курсе нет, например, ничего о сращивании корпоративного капитала с государством и т.д.) отражением столь же эклектичной, незавершенной, противоречивой совокупности закономерностей функционирования экономической системы позднего капитализма на социал-реформистском этапе его эволюции.

В-третьих, такие сферы исследований, как финансы, менеджмент, маркетинг и другие конкретно-экономические дисциплины, а также многочисленные разновидности нового институционализма отражают превратные формы различных конкретных механизмов доминирования корпоративного капитала (каналов власти внутри корпорации – менеджмент, теории фирмы; учета рынка и сознательного воздействия на него – маркетинг; оперирования с фиктивным капиталом – финансы и так далее).

Во всех этих случаях, однако, известные всем и *господствующие ныне экономические дисциплины отражают* – повторим это еще раз намеренно как особо важный тезис – *прежде всего превратные формы*. Последние не только скрывают существенные отношения гегемонии капитала, но и *создают объективную видимость наличия иного содержания капиталистической экономики* (его отражают теории предельной полезности и производительности, факторов производства и их современные производные).

При этом даже на уровне явления происходит не только затушевывание существенных связей, но и чрезвычайное огрубление и *идеализация действительных, эмпирически наблюдаемых процессов*, что делает названные исследования лишь отчасти применимыми на практике даже в мире превратных форм.

Так, в качестве картины конкуренции строится модель олигополистического взаимодействия частных фирм и независимых потребителей, причем поведение последних моделируется так, как будто они действуют на рынке XVIII века. Между тем ныне это глобальный рынок «паутин», развивавшийся от колониализма к современному «новому мировому порядку», разделенный и многократно переделенный транснациональными корпорациями и пронизанный – даже на поверхности, на уровне реальных связей, знакомых каждому высшему менеджеру, – системой корпоративного доминирования с широчайшим использованием нерыночных и вообще неэкономических методов (чего стоит хотя бы уже упоминавшийся «блатной капитализм»). Последнее если и отражается, то только новым институционализмом, да и то как некоторое то ли дополнение, то ли исключение. Между тем даже на уровне непосредственных явлений практики эта сложная система кооперации, а также во многом нерыночной борьбы, равно как и подчинения (механизмы которых мы в меру сил охарактеризовали выше), есть именно правило, под-

лежащее исследованию, а не исключение, которое следует выносить в область спецкурсов.

Подключение (в виде некоторой внешней добавки) описания олигополистической конкуренции и антимонопольного регулирования мало что меняет по существу, ибо неявно предполагается, что антимонопольное регулирование обеспечивает «восстановление» конкуренции. При этом и теоретические работы, и учебники очень часто «забывают» говорить, что речь идет о предельно абстрактной модели рынка. Более того, дальнейшее обогащение этой дисциплины идет преимущественно по пути усложнения математического аппарата моделирующего все ту же далекую от реалий абстракцию, а не по пути приближения к реальным механизмам доминирования корпоративных капиталов на рынках мира.

Эту тенденцию продолжают макроэкономические исследования, которые игнорируют проблему сращивания ТНК и государства, доминирования ТНК над другими агентами рынка и мн. др., оставаясь в русле абстрактной модели функционирования беспристрастного государства-арбитра, исходящего из общенациональных интересов (в лучших традициях нашей старой партийной науки, только идеализируют они не наше прежнее, а их нынешнее государство).

Точно так же маркетинг преподносится как изучение спроса, хотя по преимуществу это важнейшие для тотального корпоративного сетевого рынка наука и искусство навязывания потребностей и подавления потребителя методами, лишь косвенно связанными с собственно рыночными отношениями.

Менеджмент предстает опять же таки как чрезвычайно идеализированная (достаточно сравнить теоретические работы и учебники менеджмента с результатами социологических исследований действительных отношений власти и подчинения в фирмах) модель, скрывающая реальное доминирование верхушки транснационального капитала над ее служащими и их всех над пролетариатом в собственном смысле слова, а также глубочайшие противоречия внутрифирменного управления¹.

Тем не менее следует признать, что в условиях экономического, политического и духовного доминирования корпоративного капитала названные превратные формы оказываются единственно доступным для официальной науки и образования отображением реальных механизмов хозяйствования, причем отображением локально полезным для

¹ На тот факт, что многие аспекты жизнедеятельности западных предприятий умышленно игнорируются теоретиками, обращали внимание и другие авторы, вовсе не являющиеся врагами капитализма и западного образа жизни вообще (например, Robert L. Heilbroner, *On the limited «Relevance» of Economics, Capitalism Today*, N.Y./L., 1970) (Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 71–72).

практики (подобно тому как были полезны для работников Госплана курсы по теории управления и планирования советской эпохи, рисовавшие превратную – в философском смысле этой категории – картину действительных отношений мутантного социализма).

Что же касается *действительных форм и механизмов взаимодействия корпоративных групп друг с другом и с третьими лицами (государствами, мелким и средним бизнесом, работниками, клиентами и т.п.)*, скрытых за превратной оболочкой названных дисциплин, то их характеристика, по существу, была дана при анализе «рынка паутин», поэтому ниже авторы ограничатся лишь некоторыми ремарками по этому вопросу.

Каналы внешней власти корпораций: некоторые дополнительные замечания

Первая. Прделанный выше анализ содержания гегемонии корпоративного капитала на нынешнем этапе его развития позволяет предположить, что *взаимодействие корпоративных групп между собой и с третьими лицами есть единый механизм, сохраняющий видимость рыночной конкуренции* (это не чисто субъективная видимость, это описанный Марксом и воспроизведенный выше нами феномен превращения, когда «кажется то, что есть на самом деле») *и интегрирующий все доступные этим группам каналы гегемонии.*

В результате каждая из таких групп-«пауков» *стремится сплести как можно более пространную и мощную паутину* (экстенсивно и интенсивно развивая каналы гегемонии), *стремясь* (в пределе, который она никогда может достигнуть) *к превращению всех контрагентов* (юридических и физических лиц – смежников, потребителей, работников, государственных чиновников, журналистов) в своих клиентов, зависимых (часто бессознательно) от «паука» – корпорации, генерирующей поле своей власти.

К каналам власти корпорации по отношению к «внешним» агентам, суммируя сказанное выше и переходя на более поверхностный уровень исследования, можно отнести:

- монополизацию достижений международного обобществления (например, технологическая зависимость партнеров в третьем мире и мелкого бизнеса) и новых технологий (в первую очередь – высоких, доступных в большинстве случаев только крупным группировкам); подчинение клиентов технологическим *стандартам* корпорации;
- воспроизводимое на новом уровне монополистическое локальное регулирование рыночных параметров путем создания «паутин» (в настоящее время это не столько воздействие на уровень цен, сколько «огораживание» определенного социально-экономического пространства, монополизация «имиджа» продукции, ее рыночных стандартов, качест-

венных параметров и т.п.), в том числе при помощи активной маркетинговой политики и иных названных выше методов;

- монополизацию определенных сегментов финансового рынка и финансовый контроль (контроль за движением фиктивного капитала), осуществляемые как открыто (например, «обслуживание» финансовых потоков банками, на деле часто дополняемое регулированием и контролем со стороны этих институтов), так и скрытно (например, скупка акций через холдинги, не раскрывающие информацию о структуре своего пакета акций);

- основанное на сращивании с государственными институтами ряда стран и собственной институциональной власти воздействие на устанавливаемые региональными, национальными и международными институтами рамки и правила взаимодействия на рынке, стандарты, долгосрочные социальные, структурные и т.п. программы и даже на общую модель эволюции капитала (поддержка социал-демократических или либеральных партий на выборах как простейший и не самый важный пример);

- реализацию собственных стратегических долгосрочных программ нерыночными (бюрократически-плановыми, если угодно, «командно-административными») методами в рамках своих «империй» и на подконтрольной им экономической территории (например, в малых развивающихся странах, или в отдельных регионах, или в некоторых отраслях отдельных экономических систем);

- монополизацию информации и информационных каналов (в том числе путем сращивания с государством и СМИ) легальными (патенты и т.п.) и нелегальными методами, информационное давление на клиентов через эти каналы, рекламу и т.п.;

- использование всех описанных выше методов подчинения индивидуальных клиентов, прежде всего конечных потребителей товаров и услуг (от общей стратегии навязывания потребительского образа жизни и уже упомянутой агрессивной рекламы до прямого принуждения в странах «Третьего» мира);

- подключение всего спектра неэкономических методов (от прямого и косвенного насилия до подчинения СМИ и воздействия через них на конкурентов, государственные институты, работников и клиентов).

Перечень этих каналов, равно как и их конкретизацию, можно дать даже исходя из приведенного выше анализа сущностных черт гегемонии капитала, не говоря уже о тысячах зарубежных и сотнях отечественных работ по этим вопросам.

Вторая ремарка. Описанные выше и все остальные каналы гегемонии на практике действительно сращены в единую систему, где каждое конкретное действие (например, продвижение нового товара на рынок или борьба за создание более благоприятных институциональных условий для деятельности фирмы путем избрания подходящего прези-

дента в одной из стран, где действуют филиалы ТНК) интегрирует практически все из них. При этом, однако, можно несколько условно выделить два типа взаимодействий¹.

Первый – взаимодействие между собой равносильных субъектов – *борьба за гегемонию* (отношения между корпоративными группами, в частности ТНК, между ними и государствами или наднациональными институтами регулирования социально-экономических и геополитических процессов – от Всемирного банка и МВФ до НАТО). Здесь сталкиваются относительно равно «вооруженные» армии (каждый из субъектов «пауков» может использовать практически весь описанный выше арсенал методов, а также какие-то иные, неизвестные авторам или вообще секретные виды «оружия»). Здесь борьба лишь внешне сохраняет атрибутику и видимость рыночной конкуренции и осуществляется как относительно «равномощное» столкновение агентов, использующих все названные выше механизмы гегемонии.

При этом столкновения часто (но не всегда!) проходят лишь на «предконкурентной» стадии (в процессе поиска параметров будущих контрактов, при разработке инвестиционных программ и т.п.), переходя затем, на стадии производства в систему отношений, иногда называемую (как было показано выше) «кооперативным» или «контрактным» («партнерским») капитализмом. Последнее неслучайно: современное высокообщественное (в индустриальном секторе) или вообще всеобщее (в информационном секторе) производство требует постоянно поддерживаемой гибкой пропорциональности, а не периодических кризисов и коллапсов крупнейших производственно-информационных комплексов.

Второй тип взаимодействий – *подчинение субъектами гегемонии своих объектов* (работников, клиентов, мелкий бизнес и даже, отчасти, правительства малых стран «Второго» и «Третьего» миров). В этом случае использование названных выше каналов единого механизма гегемонии носит почти исключительно односторонний характер. Ни работники, ни клиенты, ни иные объекты гегемонии, как правило, не могут использовать ни один из названных выше механизмов подавления в ответ на действия корпоративного капитала.

Им остаются лишь различные *средства противодействия подчинению*.

Среди них попытки «восстановления» доимпериалистического «классического» капитализма, в частности культивирование общей атмосферы

¹ Заметим, что первый тип взаимодействий, если позволительно использовать исторические параллели, напоминает скорее борьбу между герцогами эпохи позднего европейского феодализма, где в ход шло все – от подкупа королевских постельничих и фавориток (как тут не возникнуть ассоциации со скандалом вокруг Клинтона и Левински) до шпионажа и вооруженных столкновений, которые сегодня заменяют торговые войны (впрочем, кое-где и ныне развязываются войны как таковые).

Второй тип взаимодействий скорее похож на крепостничество.

«свободного» рынка, где у наемного работника, потребителя, мелкого предпринимателя и т.п. как относительно независимых контрагентов сохраняется некоторая свобода выбора (повторим еще раз во избежание недоразумений: **гегемония корпоративного капитала нигде не была абсолютной**; это лишь доминирующая сторона капиталистической социально-экономической и политической жизни).

К этой группе методов можно отнести и попытки использования механизмов представительной политической демократии и других способов давления на государство с целью «сдвига» его деятельности в сторону поиска компромисса между корпорациями и населением.

Более важна, однако, деятельность по объединению граждан в добровольные ассоциации (профсоюзы, экологические и иные союзы и т.п. вплоть до левых партий) для совместного противопоставления силе корпоративного капитала силы свободной ассоциации (подробнее об этом – в разделе об антигегемонистских силах).

Возможны также и консервативные методы «отгораживания» от глобального капитала, которые пытаются использовать некоторые страны «Третьего» и «Второго» миров.

Но все это опять же «забегание» в проблематику финального раздела этого тома.

Между тем у нас остался не проясненным еще один, выделенный выше, блок проблем, связанный с над-экономическими сферами проявления глобализации.

глава 2 Глобализация: социополитическое, социопространственное и социокультурное измерения

Продолжим наш анализ обращением к венчающим гегемонию глобального капитала политической и духовной сферам.

**ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ:
ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И МАНИПУЛИРОВАНИЕ
VS. ДЕМОКРАТИЯ И КУЛЬТУРА**

Одним из важных следствий предшествующего исследования стал вывод: *развитие отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала приводит к формированию корпоративно-капиталистической номенклатуры (субъекта всесторонней гегемонии капитала) и, как alter ego этого процесса, нарастанию конформизма в среде наемных работников* (а они, напомним, потенциально могли и должны были бы быть основным субъектом изменения существующего общества). А это, в свою очередь, *создает предпосылки для подрыва наиболее развитых, классических форм социально-политической организации «царства необходимости» – гражданского общества и демократии.*

Наш анализ мы, однако, начнем с небольшого, но важного отступления, кратко напомним читателю важнейшие слагаемые марксистской теории государства и демократии, которые будут непосредственно использованы в дальнейшем исследовании.

***Отступление. Демократия, капитализм и социализм:
краткая апология основ марксизма***

Нам уже доводилось писать, что ныне широко распространена крайне примитивная версия классической марксистской теории государства как исключительно машины по реализации экономических, социальных и политических интересов буржуазии.

Критика этой версии хорошо известна и отчасти правомерна¹. Однако эта критика окажется малопродуктивна, если мы примем во внимание,

¹ Основанием для нее могут служить не только иные упрощающие марксизм учебники, но и некоторые высказывания «классиков». Особенно последнее →

что приведенная выше характеристика – лишь малая толика марксистской теории государства как института капиталистической общественно-экономической системы (о государстве вообще мы в данном тексте речь вести не будем). *Марксистская теория государства, во-первых, фиксирует противоречие функций государства как «комитета по управлению делами буржуазии» (политический орган, реализующий интересы капитала как конкретно-всеобщего отношения буржуазной системы), с одной стороны, и органа обеспечения стабильного функционирования социума в целом – с другой.*

Это противоречие имеет разные формы своего проявления. В условиях относительной стабильности и прогресса системы, при усилении активности граждан и прежде всего наемных работников, на первый план выходит последняя функция и государство эволюционирует в сторону большей социальной ответственности. В условиях же кризиса наиболее ярко проявляется его первая ипостась: государство начинает непосредственно проводить в жизнь интересы капитала (к этой теме мы специально вернемся в заключительном тексте этой главы). И только рост социальной активности граждан и/или угрозы самому существованию системы (как в случае Великой депрессии, развертывавшейся на фоне ускоренного роста СССР) заставляет буржуазное государство идти на компромиссы.

Следовательно, *во-вторых*, марксистская теория предполагает, что *буржуазное государство может отражать не только классовые интересы капитала, но и интересы наемных работников, а также других граж-*

← относится к цитатам из В.И. Ленина. Он действительно не раз и не два в предельно заостренной форме писал и говорил о буржуазном государстве как машине по обеспечению господства буржуазии. Особенно жестко Ленин подчеркивал это в работах периода Гражданской войны (см., например: *Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 259–260; Ленин В.И. О «демократии» и диктатуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 289 и др.*). И делал он это совершенно справедливо: в период предельного обострения классовых противоречий буржуазное государство, действительно, становится практически исключительно механизмом по реализации интересов капитала и его политических представителей и делает это предельно жестко. Так оно поступало в России (белый террор), в Германии (подавление революции 1919 года и убийство Розы Люксембург, К. Либкнехта, Л. Йогихеса и руководителей Баварской Советской республики), Финляндии (расстрелы и репрессии в 1918 г. по отношению к десяткам тысяч сторонников социализма. По самым скромным подсчетам, 8400 человек было расстреляно и 12500 погибло в концлагерях; для сведения: население Финляндии тогда составляло около 3 млн человек – см.: <http://lahdenpohja.onego.ru/history/fini.htm>). Другое дело, что в периоды классовых компромиссов, успешных реформ и развития переходных форм на первый план могут выходить и другие функции и ипостаси государства, на которые так любят указывать критики марксизма, «забывая» о крови и насилии, инициированных их «коллегами» в иные периоды.

дан, не принадлежащих к привилегированному классу, в той мере, в какой им удастся добиться вследствие своей социально-политической активности их представительства на государственном уровне. Кроме того, как мы уже говорили, государство всегда в той или иной мере выполняет функции по поддержанию процесса функционирования социума и обеспечению его развития (другое дело, что цели, средства, качество этого развития, как правило, задаются прежде всего интересами господствующей социально-экономической силы данного социума, в частности – капиталом).

А теперь к проблемам **демократии** как таковой.

Во-первых, в рамках и классической, и современной марксистской теории демократия рассматривается как *исторически-конкретный феномен*, содержание которого зависит от природы той социально-экономической системы, политическим оформлением которой она является¹, и находится под более или менее значительным (в зависимости от типа общества и стадии исторического развития) влиянием неэкономических факторов (от природно-климатических и технологических до социокультурных), а также социовременного (исторического) и социопро странственного (геополитического) контекста. Следовательно, есть разные типы, виды и т.д. демократии. Типичное сведение демократии только к одному ее виду – как правило, ассоциируемому с либеральной моделью развитых стран XX века – столь же некорректно, сколь и широко распространено. Для такого редукционизма есть только одно основание: именно этот вид демократии сегодня навязывается как господствующая модель всем странам мира и выдается за (1) оптимальный, (2) универсальный, а иногда еще и (3) единственно последовательно демократический.

При этом часто забывается, что на самом деле принятый сегодня в качестве «образца» вид есть не более чем один из исторически возможных вариантов реализации политического оформления позднего капитализма в развитых странах. *Были, есть и (боимся) будут как другие типы*

¹ «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остается – и при капитализме не может не оставаться – узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» (Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 252). «На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные массы вопиющее противоречие между *формальным* равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами *фактических* ограничений и ухищрений, делающих пролетариев *наемными рабами*» (Там же. С. 255). «Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся» (Там же. С. 256).

демократии (и более, и менее демократичные, чем нынешний либеральный), так и другие – не демократические – политические формы господства капитала (вплоть до диктатур и фашистских систем). Более того, забывается и то, что в последнее десятилетие при всех флюктуациях истории наблюдается тенденция нелинейного нарастания авторитарных тенденций.

При этом, однако, во-вторых, могут быть выделены (1) некоторые инварианты в определении демократии как политической формы и (2) некоторая мера продвижения ко все большей демократии. И если первое относится к числу общепринятых характеристик, которые можно найти в любом учебнике политологии¹, то второе, на наш взгляд, принципиально важно зафиксировать. Мера демократичности общества (а не просто развитие демократии как политической формы) определяется тем, на сколько на практике граждане принимают участие в управлении обществом (что прямо корреспондирует с этимологией слова «демократия» – власть народа) при соблюдении базисных прав личности (о последних специально ниже). Соответственно проблема политической формы в этом контексте приобретает несколько другое звучание: *чем в большей степени политическая система создает возможности для каждого гражданина эффективно и без ограничений принимать участие в управлении обществом и создает предпосылки для реализации этой возможности, тем более демократична эта система.*

В этом подходе заложено и «противоядие» против охлократии, власти толпы: проблема из плоскости противостояния «просвещенных» и профессиональных «элит»² и тупых масс переводится в сферу создания механизмов возвышения каждого гражданина до обретения им не только формальной, но и содержательной возможности управлять обществом (наличии развитой гражданской позиции, достаточного уровня культуры и т.п.) и заинтересованности в этом процессе. Так вопрос из области предоставления исключительно формально-политических прав переводится в плоскость *ответственности общества* (и представляющего

¹ «Под демократией понимают форму правления государства, характеризующуюся признанием народа источником власти, равноправием граждан, подчинением меньшинства большинству при принятии решений и признанием ценности мнений, интересов меньшинства, выборностью основных органов государства и другими характерными признаками, основным из которых выступает соблюдение прав и свобод человека» (Словарь по политологии / Под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001).

² Сторонниками меритократии, то есть власти наиболее способных и заслуженных лиц, являются очень разные эксперты – от тяготеющего к социал-демократии Даниэла Белла (см. его наиболее известную книгу: *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Basic Books, 1973) до такого «ястреба» как Збигнев Бжезинский (*Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. N.Y.: Viking Press, 1970).

его интересы государства) за создание условий, на деле превращающих обывателя, неразличимого винтика толпы, в ответственного, заинтересованного, культурного гражданина. Здесь лежит принципиальное различие между **формальной демократией и демократией на деле**.

Первая, как несложно догадаться, есть лозунг классического либерализма. Вторая – его левых продолжателей и критиков. Причина этого проста: для развития демократии на деле необходимы как минимум отсутствие бедности и социальная стабильность общества, достаточно большой объем свободного времени у каждого члена общества (соответственно – невысокая продолжительность рабочего времени и условия для нерыночного использования времени досуга), общедоступность культуры и образования, практическая вовлеченность большинства членов общества в деятельность институтов гражданского общества (это формирует политическую ответственность и навыки управления) и т.п. Все это предполагает системы развитой социальной ответственности государства и бизнеса, что крайне противоречиво сочетается со свободным развитием рынка и частной собственности.

Так мы подходим к еще одной группе вопросов, давно и подробно раскрытых марксизмом – к проблеме соотношения **демократии, рынка и частной собственности**.

Эта тема уже давно обсуждается в марксистской (и всей социально-гуманистической-ориентированной) интеллектуальной традиции¹, и потому мы остановимся лишь на нескольких относительно редко комментируемых вопросах.

Начнем с того, что напомним общеизвестное противоречие между «демократией» рынка и политической демократией, в основе которого лежит то, что экономически и политически члены одного и того же общества оказываются в неравном положении: в первом случае действует правило «один доллар – один голос», во втором «один человек – один голос».

Далее следует вспомнить целый ряд классических марксистских положений о реальном экономическом неравенстве наемных работников и собственников капитала, обуславливающим существенное политическое неравенство. Последнее связано с возможностями получения образования и, соответственно, политических знаний, наличием свободного времени для участия в политической деятельности и – главное – денег для использования СМИ и т.п.

¹ См., например: *Воейков М.И.* Демократия и экономическая политика: российские тенденции. Трудовые и социально-классовые отношения в России / Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. М.: Экономика, 2011. С. 172–262; *Колганов А.И.* Демократия и права собственности / Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. М.: Экономика, 2011. С. 330–354.

Следующий шаг – подчинение политических и идеологических институтов общества капиталу через механизмы рынка. Это не только прямая покупка голосов, хотя и это всегда присутствует в большей или меньшей степени, но и система финансирования капиталом деятельности политических партий и институтов гражданского общества, позволяющего «заказывать музыку» в том, что касается их программ и действий, это превращение средств массовой информации в капиталистические структуры, реализующие соответствующие политические интересы и т.п. (о современных формах массового политического производства и политико-идеологического манипулирования – ниже).

К классике марксистского анализа относятся также разработки А. Грамши о системе отношений гегемонии и превращении интеллигенции в пробуржуазную интеллектуально-политическую силу.

Наконец, общая атмосфера господствующего в этих условиях товарного и денежного фетишизма, а также фетишизма капитала создает условия для превращения конформистски-буржуазного самосознания в господствующее. Тем самым создаются идеолого-поведенческие основания для того, чтобы стремление к максимальному денежному доходу и наличию товаров было господствующей ценностью, признание отношений наемного работника и собственника капитала как равноправных конкурентов на рынке и получателей справедливого вознаграждения («капитал создает прибыль, а труд – заработную плату»; «богат тот, кто талантлив, инициативен и трудолюбив, а беден тот, кто бездарен, пассивен и ленив» и т.п.) было общепризнанным, а устои рынка и частная собственность выглядели как естественные, то ли богом, то ли природой данные, вечные институты цивилизации¹.

¹ Так, например, Мюррей Ротбард утверждает, что «добровольные действия на рынке... являются необходимо гармоничными, мирными и взаимовыгодными для всех» (*Ротбард М.* Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003. С. VII. См. также: *Там же.* С. 17–18, 361–362). Другой идеолог частной собственности, Айн Рэнд, пишет целый панегирик частной собственности: «В капиталистическом обществе все человеческие взаимоотношения *добровольны*. Люди вольны сотрудничать между собой или не сотрудничать, заключать сделки или не заключать в соответствии с тем, что диктуют им личные мнения, убеждения и интересы. Они могут взаимодействовать между собой только на разумных условиях и разумными средствами, то есть средствами обсуждения, убеждения и *договорных* соглашений, добровольного выбора на условиях взаимной выгоды. Ни одно общество не отказывает своим членам в праве на согласие с другими; зато *право на несогласие* – решающий момент. Именно институт частной собственности защищает и практически осуществляет это право, тем самым уничтожая препятствия на пути самого ценного человеческого качества (ценного не только для него лично, но и для общества, а также в *объективном плане*) – способности мыслить творчески» (*Рэнд А.* Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.32–33).

Именно в этой, объективно создаваемой буржуазной общественно-экономической системой фетишизации рынка и капитала как единственно возможных, единственно справедливых, отвечающих вечной и естественной человеческой природе, и кроется самая глубокая основа торжества буржуазных партий на любых выборах (за исключением некоторых особых условий, создающих предпосылки для успеха антикапиталистических сил, но о них – ниже). Причина этого – не только формирование идеологии как «ложного сознания» (в интерпретации Ф. Энгельса)¹, но и лежащие в основе иллюзорного восприятия действительности объективно складывающиеся общественные отношения, формирующие такой образ жизни, при котором человек оказывается подчинен капиталистической системе ценностей и мотивов, искренне считая при этом себя абсолютно свободной личностью.

Вот что пишет по этому поводу К. Маркс: «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений». И далее: «Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственного физического процесса их жизни»².

Все это показывает возможности классического капитализма в области подчинения политико-идеологических институтов интересам капитала и тем самым возможности подрыва демократии капиталом как социально-экономической силой, господствующей в буржуазном обществе.

Соответственно для оппозиционных социально-экономических сил остается одно возможное основание для хотя бы частичного смягчения этой гегемонии – энергия их социального творчества, формирующая отношения и институты, препятствующие реализации в политике экономической власти капитала и создающие, напротив, условия для того, чтобы политическое представительство граждан зависело не от их экономического положения, а от социально-политической активности.

Эти условия предполагают как общественно-политические ограничения использования экономических ресурсов в политической деятельности, так и развитие таких форм демократии, которые не зависят от наличия или отсутствия денежных средств или зависят от них в незначительной

¹ См.: Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу 14 июля 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.. Т. 39. С. 83.

² Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 19, 20. Тайна этой гегемонии и ее механизмы хорошо раскрыты, как мы уже заметили, А. Грамши.

степени. К последним относятся прежде всего механизмы *демократии участия* или так называемой «базисной демократии». Эта система основана на концентрации основных правомочий в руках низовых добровольных объединений граждан (органов местного самоуправления, различных общественных организаций и социальных движений, органов самоуправления трудовых коллективов и т.п.) с политическим представительством прежде всего этих реально работающих открытых ассоциаций, а не полупрофессиональных, во многом коммерциализированных и сращенных с государственной бюрократией политических партий.

Борьба за движение к «базисной» демократии от традиционной представительной системы, господствующей ныне в развитых странах, становится одним из ключевых вопросов развития хотя бы некоторых элементов политического равноправия в буржуазной системе.

Другим компонентом – и едва ли не основным – развития элементов такого политического равноправия становится борьба за социальнo-гуманитарные ограничения рынка и капитала. Эти ограничения, с одной стороны, сужают возможности использования своих преимуществ капиталом. Этому служит сложная система мер, включающая и простейшие механизмы прогрессивного подоходного налога, и системы социальных и гуманитарных нормативов, ограничивающих возможности эксплуатации работников, создающие потенциал для развертывания их социальной активности (ограничение рабочей недели и т.п.) и механизмы т.н. «социального партнерства» и т.п. С другой стороны, наличие социальных гарантий и общедоступность некоторых общественных благ (частично – образования, здравоохранения) усиливает потенциальные возможности политической активности несобственников капитала.

Сказанное позволяет зафиксировать устойчивую закономерность (закон-тенденцию) прямо-пропорциональной связи меры социализации капиталистической экономики и потенциальных (не обязательно реализуемых) возможностей для повышения меры равноправия участников политического процесса, принадлежащих к разным социальным группам (классам) общества, меры реального демократизма политической системы. Иными словами, *при наличии «классических» институтов [буржуазной] демократии в рамках капиталистической системы действует закон-тенденция: чем выше мера ее социализации, тем более развита реальная демократия.*

Эта закономерность сталкивается с массой противодействующих факторов, среди которых в настоящее время господствующими являются механизмы политико-идеологического манипулирования – но об этом ниже. Сейчас же отметим, важное политическое следствие наличия этой тенденции: *объективную необходимость поддержки борьбы за социализацию экономики всеми действительными сторонниками демократии.*

Столь же известна и обратная связь: поскольку главным механизмом введения социальных ограничений в условиях капиталистической системы является социальная активность наемных работников и других слоев граждан, заинтересованных в развитии социальных институтов, постольку *создание условий для реализации социальной активности, институтов демократии (особенно низовой, базисной) является условием повышения меры социальной справедливости.*

Кроме того – и этот пункт акцентируется гораздо реже – только включение в низовое социальное творчество как форму развития и демократии, и социальной ответственности формирует качественно иной – *нон-конформистский* – образ жизни, обнажает для участников этого процесса историческую ограниченность и противоречия рыночно-буржуазной модели ценностей и поведения, подрывает основы товарного и денежного фетишизма, идейно-поведенческого господства рынка и капитала.

Отсюда так же хорошо известный теории, но далеко не всегда реализуемый на практике императив: *возвышение демократии есть важнейшая предпосылка развития социальной справедливости.*

В этой связи на первый план выходит акцентируемая либералами проблема социально-экономических основ свободы индивидуума. Традиционный аргумент правых в данном случае – апелляция к частной собственности как единственно возможной основе такой свободы¹. Отсюда, в частности, делается вывод о том, что только обладающие частной собственностью представители общества (т.н. «средний класс» – собствен-

¹ Известный американский правый советолог Ричард Пайпс, сначала осторожно оговариваясь – «Право собственности само по себе не есть гарантия гражданских прав и свобод», – затем заявляет: «Но исторически из всех существовавших способов защиты и тех и других оно было самым действенным, потому что оно создает особое пространство, в которое по взаимному согласию ни государство ни общество не смеют вторгаться; проводя разграничительную линию между общим и частным, оно делает собственника, так сказать, равноправным партнером верховной власти. Поэтому есть основания считать, что оно важнее избирательного права граждан» (Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 365).

Характерно, что Пайпс, говоря «собственность», практически всегда подразумевает «частная собственность», хотя из его цитируемой книги видно, что он знаком и с другими системами собственности. Вообще, эта книга, написанная историком по профессии, проникнута духом не исследования, а доктринерства: вместо исторических аргументов автор апеллирует к тем мнениям, которые ему импонируют, против утверждений, с которыми он не согласен. Когда же Пайпс все же прибегает к собственно историческим данным, их использование превращается в нелепость. Так, для опровержения концепции «первобытного коммунизма» он опирается на отсылки к законам Хаммурапи и древнеримским Законам двенадцати таблиц, составленным отнюдь не в первобытном обществе (Там же. С. 107).

ники если не значительных акций, то хотя бы недвижимости и «человеческого капитала») являются действительными гарантами политических свобод и, следовательно, демократии. В своем крайнем виде эта логика приводит к выводу о предпочтительности элитарной модели политической организации, где политическая власть принадлежит тем, у кого в руках сконцентрирована собственность и кто, «следовательно», ответствен, профессионален и компетентен.

Этот текст – не место для критики право-либеральных идей. Один из нас посвятил этому другие свои работы¹. В данном случае нам важно зафиксировать лишь два позитивных тезиса.

Первый. *Материальной социальной основы позитивной свободы индивида, Человека как родового существа на самом деле выступает не частная собственность, а актуализируемая способность человека творить историю*, изменяя обстоятельства в соответствии с познаваемой им же объективной логикой развития исторического процесса, «спрямая» зигзаги истории (мы об этой проблеме писали в I части книги). Здесь, конечно же, присутствует мощная угроза излишнего активизма таких творцов истории, но в том-то и проблема, что именно *мера сознательного воздействия на исторический процесс отличает свободного индивида от волюнтариста*. Эту меру (чтобы не увести в вопрос в плоскость споров о социализме, нарочито приведем лишь примеры буржуазно-демократических воздействий на историю) знали Вольтер и Руссо, безвестные гезы и всемирно известный Линкольн... *В отличие от частной собственности социально-творческий потенциал подлинно демократичен*: им обладают и великие политические лидеры демократических революций и «рядовые» организаторы экологических движений, такие представители научной аристократии, как Ноам Чомски и миллионы представителей «отверженных» Латинской Америки.

Этот социально-творческий потенциал в отличие от частной собственности не является чем-то внешним, отчужденным и отчуждаемым от индивида: он не передается по наследству; он не отчуждаем (настоящий социальный творец остается им даже в застенках; он не является атрибутом какого-то одного, монополюно владеющего средствами производства социального слоя. В то же время его формированию способствуют прогресс общедоступных образования и культуры, социальной защищенности и т.п. И в этом смысле, повторим, социально ориентированное развитие есть предпосылка возвышения свободы. В свою очередь, рост социально-творческого потенциала все более широкого числа (в пределе – всех) граждан есть важнейшая предпосылка развития действительной демократии, демократии как народовластия, мера прогресса которого тем выше, чем более значима роль каждого гражданина в управлении развитием всех институтов общества.

¹ См.: Бузгалин А.В. Анти-Поппер. М.: Либроком, 2009.

Частная же собственность делает индивида не субъектом свободно-го действия, а функцией той экономической структуры, собственником которой он является: функцией «Хаммера», на котором ужасно неудобно (но престижно) ездить по тесным городским улицам, или корпорации, которой поэт должен помогать рекламировать пиво... свобода распоряжения частной собственностью столь же иллюзорна, сколь свобода покупателя в супермаркете, где вы можете купить любой из ста сортов одинаково невкусной колбасы, или любую из тысячи одинаково модных кофточек, но не можете отказаться от бытия shoppingmen'a (или shoppingwomen).

Второй аспект, который нельзя не затронуть в качестве дополнительной ремарки к тексту об азбуке марксистской теории демократии, – это упомянутая, но не раскрытая выше *проблема вырождения демократии в охлократию*, проблема некомпетентности и безответственности решений «безграмотной» и «некультурной» «толпы». Принципиальное решение этой, кажущейся неразрешимой, проблемы на самом деле давно уже найдено. Оно содержится в самой постановке вопроса. В самом деле, в той мере, в какой господствующая система экономических и общественных отношений превращает большинство граждан в толпу безответственных Хамов-конформистов, – в этой мере народовластие мало продуктивно.

Но в том-то и *соль марксистской постановки проблемы, что мы хотим не Хама делать хозяином, а создавать такие условия, в которых превращенные капиталом и рынком в конформистов (а частью и в хамье, в том числе – привилегированное, зачастую обладающее дипломами элитных университетов или учеными степенями) люди смогут шаг за шагом освободить себя от власти социального отчуждения и учиться социальному творчеству*, начиная с простейших форм участия в управлении собственным домом или организации экологической дружины.

Кстати, именно об этом говорил Ленин, которому ныне все время приписывают фразу о передаче управления «кухаркам». Намеренно повторим: В.И. Ульянов писал о том, что мы *согласны с буржуазными лидерами в том, что кухарку нельзя ставить управлять государством* (это буржуазная система ставит полуграмотных экс-киноактеров на роль президентов и губернаторов в гигантских государствах: вспомним о господах рейганах, шварценегерах и К°). Но мы не согласны с тем, что трудящихся нельзя обучать управлению государством, обучать и практически, и включая их в культурную жизнь.

Именно об этом говорил Ленин, призывая молодежь учиться, учиться и учиться делу коммунизма, т.е. *делу живого социального творчества*; именно поэтому в своем завещании он на первое место поставил задачи культурной революции: «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества,

чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции. <...> Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. <...> Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет»¹.

Следовательно, демократия может, должна и будет развиваться, не вырождаясь в охлократию, в той мере, в какой граждане будут все более включаться в социальное творчество, будучи социально защищены и обладая не только открытым доступом к культуре и образованию, но и всеми необходимыми политическими свободами, и гарантиями своих социальных и гражданских прав.

Все сказанное выше относится, как легко заметит хорошо знающий классический марксизм читатель, к азам нашей школы. Но поскольку эти азы многим из нынешних специалистов в области общественных наук мало (а то и вообще не) известны, постольку авторы решились о них напомнить, дополнив некоторыми своими комментариями.

Наиболее интересные вопросы возникают, однако, при обращении к современным формам подрыва демократии в развитых «цивилизованных» странах.

Массовое политическое производство vs. демократия

На протяжении последних десятилетий, ознаменовавшихся торжеством неоллиберализма, позднебуржуазные формы социал-реформизма все более вытесняются превратными формами демократии – массовым политическим производством и массовым потреблением институтов власти². И если первое осуществляют обслуживающие власть корпора-

¹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304–306.

² Под институтами (в соответствии с понятийным аппаратом не только классического – Веблен, Гэлбрейт, – но и нового институционализма – Коуз, Алчян, Демсец и др.) в данном случае понимаются не только структуры и организации, но и правила, стандарты и стереотипы социально-политической жизни и поведения, в данном случае – целенаправленно «наведенные» [методами активного использования политических технологий и других средств манипулирования] корпоративным капиталом (подобно тому, как – позволим себе образ популярной ныне фэнтэзи – маги напускают порчу...). Сошлемся в этой связи на известного теоретика новой институциональной теории Дагласа Норта, который считает, что институты – это «структурные →

тивной номенклатуры «профессионалы» из среды политтехнологов и им подобных, то второе – удел обывателей, мещан¹, превращаемых этим массовым производством в послушных объектов манипулирования.

Причины и содержание таких подвижек и станут предметом нашего внимания.

Начнем с постановки проблемы **нового качества государства и политики в эпоху конца предыстории.**

Достаточно известен (во всяком случае, в рамках парадигмы современного постсоветского марксизма) тезис о том, что *государство как форма институционализированной политической власти, есть исходная и всеобщая форма социально-политического отчуждения.* Иными словами, государство – это аппарат, регулирующий общественную жизнь при помощи насильственных, над человеком стоящих и человека подчиняющих форм. Для обществ, основанных на социальном неравенстве («царства необходимости»), в частности современного глобального капитализма, этот аппарат так же имманентен, как и рынок (и другие формы социально-экономической власти – вплоть до корпоративного капитала). Пройдя через ряд этапов своего развития, государственно-политические механизмы достигают своего развития, адекватного зрелой общественно-экономической формации (классическому капитализму) вида в форме буржуазных демократии и гражданского общества, но период «заката» этой эпохи существенно видоизменяет природу государства как особой ипостаси отчуждения.

Переход к глобальному постиндустриальному обществу и «протоимперии», знаменующийся принципиальными изменениями в материальном производстве, экономических отношениях и социально-классовой структуре, приводит и к существенным подвижкам в сфере *политических отношений*².

Во-первых, «закат» эпохи разделения труда и господства репродуктивной деятельности создает *предпосылки для размывания [буржуазной]*

← формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения» (Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение. // THESIS. Т.1. 1993. Вып. 2. С. 79).

¹ Как тут не вспомнить знаменитую горьковскую реплику по поводу обывателя, сподобившегося полуслучайно поучаствовать в протестной студенческой акции: «Я же аккомпанирую вам... мещанин, бывший гражданином – полчаса?» (Горький М. Мещане // Горький М. На дне. СПб.: Азбука-классика, 2008. Доступ к электронной версии текста по ссылке: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0170.shtml).

² См., например: Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990; Лимнатис Н. Манипулирование --сущность, проявления, пути снятия: философский и социально-политический анализ. М.: Экономическая демократия, 2000.

демократии как формы наибольшего приближения политической власти к гражданам, доступной в условиях «царства экономической необходимости»¹. Известно, что в мире культуры (и в некоторой мере – в обществе знаний) «решения» принимаются не голосованием, а в диалоге субъектов со-творчества. Здесь прав не тот, кто получит больше голосов, а тот, кто сумеет доказать истинность своего утверждения (в сфере науки), реализуемость своей конструкции (в сфере технологий), красоту своего произведения (в сфере искусства), нравственную правомерность своего поступка (в области морали)... Вследствие этого в данном мире, лежащем «по ту сторону» утилитарных ограниченных благ и репродуктивной деятельности создаются предпосылки для перехода от [буржуазной] демократии к самоуправлению ассоциированных индивидов (подробнее об этой диалектике не раз говорилось в работах Сартра, Фромма, Батищева и мн. др.).

Однако в современном мире существует мощная тенденция к замещению высвобожденного прогрессом производительности и потенциально свободного для развития культуры пространства некими фиктивными, иррациональными механизмами – профессионально-технологичным, но малохудожественным шоу-бизнесом, ничего не дающим большинству жителей профессиональным спорт -бизнесом и т.п.

Нечто подобное происходит и в политико-идеологической сфере. Здесь возникают предпосылки для замещения [буржуазной] демократии не открытым диалогом субъектов ассоциированного социального творчества (зародышевыми формами которого являются демократия участия, базисная демократия, самоуправление), а превратной формой – *политическим производством и манипулированием*². Последнее (как и, например, в случае с шоу-бизнесом в его роли субститута культуры), во-первых, становится бизнесом и, во-вторых, осуществляется «профессионалами», выступающими как субституты творцов.

Более того, *глобальное информационное общество и массовые телекоммуникации обеспечивают для этого манипулирования адекватную материально-техническую базу*. Этот тезис столь же очевиден, сколь и

¹ Авторы в этой связи хотели бы напомнить высказывание У. Черчилля о демократии как политической форме, которая обладает массой недостатков, но лучше которой человечество (под которым имеются в виду, естественно, «черчиллеподобные» индивиды) ничего не придумало: «Правильно было сказано, что демократия – наихудшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени». (Из речи в Палате Общин 11 ноября 1947 года; http://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8C).

² Феномен политико-идеологического манипулирования многократно комментировался в нашей литературе, о чем мы уже писали выше.

важен. Роль «ящика» (вообще электронных СМИ) в навязывании политических решений общеизвестна. Несколько меньше внимания уделяется другим аспектам генезиса массового информационного общества: унификации идейно-политической среды, культурной деградации индивида, все более превращающегося в узкого специалиста, сущностью личностных качеств которого становится безоговорочное доверие другим специалистам (политтехнологам и т.п.) и недоверие самому себе в областях, выходящих за пределы его узкой компетенции и мн. др.

Тем самым, **во-вторых**, создаются основы для столь же массового конформизма, вызывающего гражданскую пассивность, подрывающую основы демократии и гражданского общества, превращающего гражданина в пассивный объект – с одной стороны, рождения субъекта – силы, заинтересованной в трансформации демократии в управляемое «электорат», а субъектом – номенклатура глобального корпоративного капитала.

Характеристика основных каналов власти глобального капитала нами была уже дана: системы управления, характерные для господства корпоративного капитала и стабилизирующие эту систему господства (это касается и управления внутри корпораций, и манипулирования «клиентами», и государственного управления), воспроизводят все необходимые компоненты этой гегемонии. Воспроизводятся, во-первых, институциональные, правовые условия этой гегемонии; во-вторых, система образования, формирующая человека, отчужденного от функции социального творца, человека-мещанина, конформиста; в-третьих, адекватная этой гегемонии система культурных ценностей (что осуществляется прежде всего через массовую культуру и идеологию современного корпоративного капитала); в-четвертых, ... перечень читателю уже известен¹.

Оборотной стороной этой гегемонии и предпосылкой ее воспроизводства является уже упомянутый нами выше конформизм и подавленность масс. Так образуется замкнутый круг «конформизм – гегемония капитала – конформизм...»².

Существенно, что в развитых странах люди как бы «куплены» и подчинены обществу потребления, обеспечивающему большинству представителей «золотого миллиарда», с одной стороны, высокий стандарт удовлетворения утилитарных потребностей; с другой – необходимость постоянной борьбы за их удовлетворение.

Эта двойная игра, постоянная погоня за удовлетворением утилитарных потребностей воспроизводится всеми компонентами гегемонии

¹ Все это – мощные социально-политические механизмы торможения процессов качественных (революционных) преобразований нынешнего мира отчуждения.

² Другое дело, что существуют и контртенденции, но о них ниже.

корпоративного капитала: технологий репродуктивного труда (который вызывает у человека желание лишь утилитарно потреблять); экономическими отношениями (работа за зарплату); формальной демократией; господствующими формами духовного производства, где доминирует массовая культура, воспроизводящая утилитарные потребности и ценности. Через всю эту пирамиду социальных отчуждений у человека формируется потребительский стереотип, и он воспроизводит конформизм и подчинение данного человека корпоративному капиталу, создавая, в свою очередь, основы для власти этого капитала.

Оборотной стороной этого потребительского общества, этой «сытости» так называемого «среднего класса» развитых стран является нищета и обострение национальных конфликтов в странах «Третьего» мира (об амбивалентности национально-освободительных движений писалось не раз) и среди угнетенных «низов» развитых стран.

Выше мы, опираясь на аргументы широкого круга исследователей, обосновали вывод: сегодня в мире сложилась достаточно устойчивая и самовоспроизводящаяся структура корпоративного капитала, которая сверху донизу пронизывает социальные отношения современного человеческого сообщества.

Вершина этой структуры – элита корпоративного капитала, в которой соединены представители высших слоев как частных корпоративно-капиталистических образований, так национальных и интернациональных государственных образований. И это – не просто высшие менеджеры («вышедшие из народа таланты» – хотя кто-то из представителей этой элиты, подобно советским членам Политбюро в прошлом, может быть сыном рабочего или рядового интеллигента). В современном глобальном мире существует не просто класс капиталистов. Сформировалась новая «номенклатура», которая достаточно устойчиво воспроизводится. В ее среде сложились традиции определенных отношений, в том числе и отношений между поколениями, когда дети высших чиновников и боссов государственного аппарата, топ-менеджеров и частных собственников оказываются студентами привилегированных колледжей и университетов, позже попадают на высокие престижные должности и затем, подобно номенклатуре советского времени, могут перемещаться из государственного аппарата управления в офисы корпораций и обратно, из руководства армией в сферу патронажа деятельности образовательных структур или науки и т.п.

Так формируется *корпоративно-капиталистическая номенклатура*¹ – система полузамкнутых, самовоспроизводящихся социальных структур, персонифицирующих субъектов социального отчуждения в мире глобальной гегемонии корпоративного капитала. Эта номенклатура по ряду ка-

¹ Об авторском понимании термина «номенклатура» мы писали выше (см. раздел 2.3).

честв отлична от традиционного класса капиталистов, включая не только частных собственников капитала, но и сращенных с ними лиц, формально являющихся наемными работниками или «лицами свободных профессий», но на деле спаянных с «классическими» капиталистами в единую господствующую силу, опирающуюся на систему сложных, связанных не только с экономическим господством, но и со сложной совокупностью внеэкономических социально-политических, духовных, технологических механизмов подчинения человека корпоративному капиталу.

Существование и власть этой номенклатуры является alter ego конформизма трудящихся и как таковая и прямо (через каналы глобальной гегемонии капитала), и косвенно (воспроизводя конформизм масс) становится важнейшей антитезой для развития социального творчества, ибо она стремится монополизировать все основные функции контроля над обществом, управления обществом, причем не обществом как единым целым, а обществом как совокупностью разделенных властных пирамид – пирамид-государств, пирамид-корпораций...

На эту систему власти работает и современная политическая структура: парламенты и партии, которые мало чем отличаются друг от друга (за исключением ряда антикапиталистических политических организаций и новых социальных движений), но обслуживают борьбу этих пирамид; сложнейший и высокоэффективный репрессивный аппарат, включающий и армию, и специальные войска, и разнообразную тайную полицию; формируемая государством и корпорациями идеология и многое другое.

Соответственно *массовое политико-идеологическое производство*, осуществляемое профессиональными политтехнологами, с одной стороны, непосредственно реализует интересы этой номенклатуры (как и всякий наемник, профессионально работающий на хозяина, тот же капэзэсный пропагандист, сотрудник Госплана и т.п. в Советском Союзе). С другой стороны, политтехнолог создает для нежелающего быть политическим субъектом конформиста предметы массового политико-идеологического потребления (аналогичные любому другому товару из супермаркета или масскультуре), превращая гражданина как субъекта принятия решений в пассивного агента массового политпотребления.

В дополнение обывателя приучают еще и к постоянно им принимаемому «политическому наркотику» (как и любой другой наркотик, создающий иллюзию жизни, он создает – через возможность поговорить на кухне или в кафе о политике и опустить бюллетень в урну – иллюзию реального участия в политическом процессе). Этим наркотиком в руках политтехнологов становятся разнообразные PR-игры и даже выборы, на «иглу» которых ныне вполне профессионально «подсаживают» большинство обывателей. Средства же массовой информации делают этот наркотик доступным практически для всех граждан.

В то же время в нынешнем мире существуют и альтернативы: развитие культуры и социального творчества (массовых общественных

движений и других сил независимого гражданского общества), процессы социализации и гуманизации труда, лежащего «по ту сторону материального производства», создают предпосылки для движения от демократии и гражданского общества, основанных на частном индивиде, к базисной демократии и самоуправлению, основанных на свободной ассоциации. Тем самым формируются материальные предпосылки для демократической победы социально-творческих сил как сопоставимых по своей мощи (мощи всеобщего творческого труда и свободных ассоциаций граждан) с силами капитала. В этих условиях при последовательной реализации хотя бы формальных общедемократических правил и норм складываются новые реальные угрозы господству корпоративной номенклатуры. В свою очередь, прогресс телекоммуникаций и сети Интернет также амбивалентен: последние являются не только средством для развития массовой культуры и манипулирования, но и создают в потенции универсальное средство социально-творческого диалога. Вот почему столь значимым для глобальной гегемонии капитала становится ползучее замещение демократии политической гегемонией, осуществляемой посредством массового политического производства.

В-третьих, глобальная гегемония корпоративного капитала (господствующая форма современных экономических отношений) создает экономические основы для реализации механизмов такого манипулирования (политических технологий, PR'a и т.п.). И это не просто политика как бизнес (что отражают различные вариации на тему теории общественного выбора¹). *Экономические механизмы политической гегемонии формируются как продолжение экономического «поля доминирования» (т.н. рыночной власти) крупных корпораций и подрывают формальные правила демократии так же, как корпоративный капитал подрывает свободную конкуренцию.*

¹ «Человек, делающий выбор, отождествляет свои экономические интересы с товарами, имеющими для него субъективную ценность. Такое поведение характерно не только для рынка, но и для политики. Рынки – это *институты обмена*: люди идут на рынок, чтобы обменять одну вещь на другую, но не для того, чтобы получить некие общественные результаты помимо торговли или удовлетворения личных интересов. Мотивация поведения не влияет на функционирование рынка, поскольку индивиды не осознают, что процесс индивидуального выбора приводит к социальным последствиям: размещению или перераспределению общественных ресурсов. Применение концепции обмена к анализу политики опровергает известное философское заблуждение о том, что люди участвуют в политической деятельности, движимые общим стремлением к поиску добра, справедливости и красоты, причем эти идеалы не зависят от нравственных ценностей самих участников и не всегда характерны для их собственного поведения» (Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Бьюкенен Дж. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. Пер. с англ. / Под ред.: Нуреев Р.М. и др. М.: Таурис Альфа, 1997).

При этом *государство как капитал* (особо мощный, корпоративный, сращенный с ТНК) подчиняет себе функции государства как политического института, призванного обеспечивать определенный баланс социально-классовых сил и институциональную стабильность¹, многократно усиливая функции государства как проводника интересов господствующего класса буржуазии.

В-четвертых, размывание классических капиталистических классов и их идеологий, развитие массового производства и подобные им процессы, описанные выше, ведут к формированию номенклатуры глобального капитала и конформистского обывателя, для которых реальная политическая активность граждан становится и опасной (для номенклатуры), и невостребованной (со стороны конформиста). Политико-идеологическое манипулирование, напротив, становится и возможным (в силу концентрации корпоративно-капиталистической власти в руках первых), и алкаемым (в силу привычки к продуктам массового политпотребления и тяги к «политнаркотику» со стороны вторых)².

Так складывается система **политической гегемонии** эпохи «заката» «царства экономической необходимости», институты которой становятся еще одним блоком превратного сектора, знаменующего собой тупиковый тип развития процессов, связанных с необходимостью перехода «по ту сторону» отчуждения. Эта политическая гегемония находится в очевидном противоречии с задачами развития креатосферы и ассоциированного социального творчества (свободного диалога творческих индивидуальностей, объединяющихся в свободные добровольные ассоциации), объективную необходимость прогресса которых авторы в меру своих сил аргументировали выше.

Более того, подобно тому, как реальная корпоративная власть может развиваться только в атмосфере видимостного ренессанса свободного рынка и реального «рыночного фундаментализма», так же и *массовое*

¹ Подчеркнем, что социальные и подобные им функции государства, которые на данном этапе развития социума во многом являются объективно необходимыми и выполняют позитивную роль, также в конечном итоге оказываются подчинены господству корпоративного капитала. Это крайне важный момент, ибо и функции регулирования социально-экономической жизни, и функции обеспечения социальной защиты, и функции защиты национальных государственных интересов в условиях современных геополитических противоречий, и многие другие позитивные функции государства оказываются во многом монополизированы номенклатурой корпоративного капитала (несмотря на противодействие гражданского общества, новых социальных движений, левых общественно-политических организаций), что способствует усилению господства корпоративной элиты.

² В то же время эпоха «заката» «царства экономической необходимости» создает и субъектов ассоциированного социального творчества, способных противостоять этому манипулированию и подчинению.

политическое производство и потребление развивается в эпоху конца предьстории в атмосфере формального, видимостного ренессанса либеральных политико-идеологических механизмов (неолиберализм), лишь постепенно вытесняемых циничным имперским политповедением.

Пока же «демократия» оказывается таким же внешне сохраняющимся механизмом, камуфлирующим политическую гегемонию, как и «свободный» рынок, камуфлирующий гегемонию экономическую. В результате демократия (в форме современной буржуазной демократии), с одной стороны, *остается важнейшим достижением и предпосылкой перехода к миру, лежащему «по ту сторону» отчуждения; с другой стороны – механизмом, камуфлирующим косвенное, но всестороннее и мощное подчинение человека институтам отчуждения в современном мире, что позволяет в рамках относительно мирного, минимально конфликтного процесса социально-политически подчинить (через механизмы манипулирования) бóльшую часть общества корпоративной номенклатуре.*

Подытожим: *в условиях конца предьстории возникает, с одной стороны, востребованность (со стороны корпоративной номенклатуры и массового конформиста), а с другой – возможность (созданная новыми технологиями и глобальной властью капитала) массового политпроизводства и политпотребления, основанных на использовании политических технологий, манипулирования и подобных им средств политической гегемонии¹.*

В чем же сущность охарактеризованного выше процесса *массового политического производства*?

Суть любых технологий состоит в том, что они позволяют решать задачу сознательного превращения некоторого пассивного объекта в некоторый искомый результат при помощи некоторых средств [производства]. *Политические технологии (как и всякие иные) решают ту же задачу – производства заданного (субъектом – номенклатурой глобального капитала) результата (голосов, отданных за принятое номенклатурой решение) из пассивного объекта (массового конформиста – электората) при помощи некоторых «средств производства» (массме-*

¹ В то же время, как было отмечено выше, складывается объективная необходимость и материальная возможность преодоления этой гегемонии, реальный субъект этого преодоления (субъект ассоциированного социального творчества). Вот почему нам не остается ничего иного как вновь, на основе анализа закономерностей «заката» «царства необходимости», подтвердить вывод классического марксизма: отмирание генетически всеобщих форм «царства необходимости» нового времени (капиталистической общественно-экономической формации), в частности государства (отчужденного от Человека аппарата насилия), есть условие торжества «царства свободы», а вместе с тем и освобождения мира культуры, процессов генезиса креатосферы (раскрепощения творческой деятельности, постиндустриальных технологий) от сковывающего их социального отчуждения.

диа, денег, «административного ресурса» и других, находящихся в распоряжении глобальной номенклатуры)¹.

Как таковой процесс политического производства противоположен по своим основным параметрам демократическим процессам. Демократия, как известно, основывается на том, что субъектом политического процесса является индивид, получающий качество гражданина – субъекта принятия политических решений, обладающего равной властью и равными правами с любым другим членом общества. Рассматриваемые нами механизмы политических технологий (как ядро массового политического производства) предполагают нечто противоположное: индивид, субъект, гражданин заменяется пассивным объектом (электоратом), который в этом качестве выступает как некоторая масса – предмет труда (ее структура важна для политтехнолога так же, как для столяра важна структура древесины). Принятие решений гражданами заменяется производством результата, заданного теми или иными слоями номенклатуры, а «электорату» предлагается субститут-игра (ее природа близка к природе экономических игр в «казино-капитализме», описанных нами в предыдущей главе) под названием «выборы». Равенство прав граждан как субъектов политического процесса заменяется их неразличительностью-аморфностью (массовкой, «тусовкой»); отчасти здесь употребим термин Негри и Хардта *multitude*)² ... – перечень легко продолжить.

Сказанное позволяет сформулировать некоторую **закономерность политического процесса общества, периода глобальной гегемонии капитала** (теорему, доказательству которой была посвящена вся первая часть этого текста):

Для современного общества характерна обратно пропорциональная связь между развитием демократии и массового политического производства³.

¹ Соответственно, здесь, как и в любой другой сфере массового частного производства, не может не возникать и определенной конкуренции (этот феномен «экономического империализма» отображается, в частности, в теориях общественного выбора), но она не отменяет общей связи: это конкуренция различных экономико-политических корпораций, осуществляемая при посредстве государства, но не открытые демократические отношения между индивидами-гражданами, каждый из которых абсолютно равен другому, обладая всегда только одним голосом.

² Безусловно, существуют и альтернативы. Причем не конкуренция различных экономико-политических корпораций (о чем упоминалось выше), а ассоциированное социальное творчество граждан – реальная демократическая социальная оппозиция (подробнее об этих альтернативах – в конце главы и упоминаемых там многочисленных публикациях по этой проблематике).

³ Как мы покажем ниже, этот процесс становится особенно интенсивным в современных условиях, когда неолиберальная тенденция прошлых десятилетий все активнее сталкивается с угрозой формирования протоимперий.

Следствие из этой теоремы звучит еще более жестко:

В современном обществе демократия отмирает в той мере, в какой эффективны (достигают поставленных целей) политические технологии, PR и другие средства политико-технологического манипулирования, превращающие граждан-субъектов в пассивную массу-электорат (объект).

Подчеркнем: речь идет именно о некоторой *мере* отмирания демократии в современном обществе. Причем мере, которую вполне могут определить именно профессионалы из сферы политтехнологий и т.п., оценив результативность своей деятельности (подчеркнем вновь – не результаты деятельности той или иной «команды» технологов, а результативность той системы, по правилам которой играют *все* они). При этом сами политтехнологи ответственны за этот подрыв демократии не более (*и не менее*), чем наемные экономисты-менеджеры – за власть корпоративного капитала, наемники-офицеры – за жертвы войн и т.п.

Таковы основные аспекты системы политической гегемонии современного глобального капитала, оформляющей ее технологические и социально-экономические основания. Венчает же эту систему воспроизводство духовной гегемонии корпоративного капитала.

Воспроизводство духовной гегемонии капитала: идейное манипулирование и массовая культура

Характеризуя развитие как бы «попятных» процессов, типичных для новейшего этапа позднего капитализма в области духовного производства и воспроизводства, подчеркнем особо заметную с конца XX века тенденцию «декультуризации» общественной духовной жизни (понимая под культурой охарактеризованный авторами выше интенсивный и открытый для всех, не только элиты, процесс со-творчества)¹.

На смену своеобразию относительного культурного ренессанса середины XX века (неслучайно совпавшего с тремя волнами социального освобождения – Октябрьской революцией, победой над фашизмом, всемирной «оттепелью» шестидесятых) с его шедеврами кино и литературы, преклонением перед наукой и образованием, ныне идет процесс восстановления господства именно духовного производства, адекватной

¹ Исследуя проблему *попятного* развития культуры, Л. Булавка отмечает следующую закономерность этого процесса: «... отношение отчуждения, пронизывая все сферы общественной и человеческой жизнедеятельности, стало настолько всеобщим, что даже культура, которая всегда была тем идеальным, которое несло в себе критику господствующих форм отчуждения, теперь уже сама стала мегапроизводством самых изощренных форм отчуждения. А ведь культура до некоторого времени оставалась нишей бытия человека как представителя рода *Человек*» (Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2. С. 97–98).

*философской парадигмой для которого оставался до последнего времени постмодернизм*¹.

Это господство вообще является отличительной чертой предыстории, и в частности эпохи гегемонии корпоративного капитала (относительные всплески культуры в периоды, неслучайно корреспондирующие с ростом социального творчества и элементов освобождения человека, его деятельности, не отрицают этой закономерности).

Ныне, повторим, идет волна нового наступления духовного производства эпохи mass media и информационных технологий. Это мир, где идеи и ценности не рождаются, но тиражируются; где, более того, на культурные ценности как бы «надеваются» разнообразные превратные формы (среди наиболее распространенных – «информационный товар», «инновация»), характерные для современного общества отчуждения; где новые знания превращаются в средство для извлечения дополнительной прибыли; где рост культурного потенциала становится средством для профессионального роста и повышения заработной платы, в свою очередь служащей средством повышения утилитарного потребления; где культурные, художественные ценности превращаются в объект для массовой культуры...

Такова основная тенденция духовного производства – подчинение и «переворачивание», превращение культурных ценностей в объекты отчужденного мира за счет «выдавливания» их культурной сущности и развития лишь формы отчужденного сознания. Кроме того, в мире духовного производства происходит отражение отчужденных форм, характерных для экономических и социально-политических отношений. Этот мир увековечивает в идеологических и нравственных нормах, в произведениях культуры, в общественной науке, образовании (увековечивает, одевая на них свои превратные формы, подчиняющие себе их содержание) господство частной собственности и капитала, статус человека как наемного работника, утилитарные ценности, государство как аппарат насилия и т.д. и т.п.²

¹ Авторы уже обращались к анализу этой связи в I томе данной книги и ниже продолжают это исследование.

² В этой связи упомянем увиденный в момент написания первого варианта этой работы нашумевший американский «блокбастер» «День независимости», в котором прямая идеологическая пропаганда мощи американской армии и будущего всеобщего господства американской нации, утверждение Дня независимости США как дня независимости человечества от неких мифических инопланетных завоевателей – все это превращается в высшую цель и ценность фильма. Мало того что этот фильм обладает малой культурной ценностью как произведение искусства (главным образом в нем акцентируется внимание на формальных технологических актах разрушения и спецэффектах); он воспроизводит к тому же чисто идеологические, пропагандистские, отчужденные формы господства американского военного аппарата, политической структуры не только в данной стране, но и в мире в целом.

Итак, тиражирование культурных ценностей, при наделении на них превратных форм, убивающих культурную ценность, – во-первых; духовная апология и через это увековечивание как «естественных ценностей цивилизации» феноменов экономического, социального и политического отчуждения (денежного фетишизма, частной собственности, рыночного эгоизма...) – во-вторых; создание духовных предпосылок и интенций для воспроизводства этого отчуждения – в-третьих, – таковы важнейшие сферы «ренессанса» современного духовного производства¹.

В результате этих характерных для конца XX века процессов «декультуризации» и «ренессанса» духовного производства в мире утверждается *идеология корпоративного капитала*. Она сводит духовные ценности, идеалы и цели к тем ценностям, идеалам и целям, которые продуцируются, воспроизводятся корпоративным капиталом и позволяют ему воспроизводиться. Наиболее типичными оказываются два типа такой идеологии.

Первый – прямое подчинение человека господствующим нормам, своего рода «*империалистический патриотизм*». В этом случае духовное производство доказывает через все доступные средства – науку и искусство, образование и воспитание, повседневную жизнь – и во всех проявлениях – от научных трудов до рекламы, от боевика до армейского устава, – что такие феномены экономического отчуждения, как рынок с характерным для него денежным фетишизмом, утилитарными потребностями и т.д.; такие институты, как капитал и частная собственность; такие механизмы, как господство государственного аппарата, сращенного с элитой корпораций – все эти нормы, все эти институты, все эти феномены суть вечные, незыблемые, естественные и единственно возможные нормы и ценности. Именно так они утверждаются в умах и сердцах людей в процессе воспроизводства идеологии корпоративного капитала.

Второй тип идеологии корпоративного капитала (на самом деле, эти две формы соединены и являются двумя сторонами одного процесса) – это *увековечивание мещанской, конформистской идеологии и соответствующих форм общественного сознания*. Прежде всего это увековечивание норм и ценностей общества потребления, в котором высшей ценностью является обладание и потребление предметов, вещей (и чем дальше – тем больше даже не вещей как таковых, а их симулякров). При этом сами люди, личности превращаются в данном случае в функции социализированных вещей или их симулякров. Человеку внушается, что его ценность сводится к тому, сколько денег лежит у него на счете, какой у него дом, какая у него машина, какие бренды он способен приобрести, к какому тренду он принадлежит и т.д. и т.п.

¹ Последний – третий – тезис требует некоторого пояснения: человек – это существо не только материальное, но и духовное, и без воспроизводства духовных форм отчуждения, материальное отчуждение существовать никогда бы не могло.

Аналогичным образом трансформируется семья, которая воспроизводится на основе не столько человеческих чувств, сколько на основе сохранения и воспроизведения частной собственности.

Дружба превращается в отношения партнерства с обязательным заключением коммерческих соглашений, с оценкой издержек оппортунистического поведения и выгод от инвестиций в «социальный капитал» и т.д. и т.п.

Любовь замещается сексом.

Культура – шоу-бизнесом.

Все это – не критика западного общества, а лишь констатация господства отчужденных институтов массового духовного производства¹.

Материальные предпосылки для этой трансформации связаны с тотализацией рынка и гегемонии капитала, для которых, в свою очередь, основанием является процесс постепенного перехода человечества «по ту сторону собственно материального производства». В условиях гегемонии капитала последний приобретает вид все ускоряющейся экспансии духовного производства, вытесняющего культуру. Наиболее активная сфера этой экспансии в настоящее время – массовая культура и ее производные (компьютерные игры и другие феномены «виртуалки» и т.п.). Все они позволяют реально (т.е. не только по социальной форме, но и технологически!) подчинять человека капиталу в сфере его свободного времени (точнее было бы сказать – времени досуга) и духовной жизни.

Поясним последний тезис. Переход «по ту сторону материального производства» и трансформация индустриального носителя рабочей силы в человека, хотя бы потенциально способного к креативной деятельности, приводит к тому, что именно целостное развитие индивида на протяжении свободного времени становится основным «капиталом» общества и основным пространством-временем, в котором развивается креатосфера. Следовательно, экономическое подчинение именно этого пространства-времени жизнедеятельности человека капиталу, точнее, превращение жизнедеятельности человека на протяжении свободного времени в (повторим

¹ «Такого прямого рыночного диктата в сфере культуры (причем влияющего не только на ее форму, но и на само содержание), как это наблюдается сегодня, еще не было. Общественная актуальность того или иного предмета культуры сегодня измеряется главным образом востребованностью его как товара, который – и это особенно важно – оценивается прежде всего по своей рыночной, а не потребительной стоимости...

Таким образом, получается, что посредством культурного артефакта художник создает представления (1) о частной сущности человека, (2) о товарах и формах престижного потребления, (3) о престижных имиджах, (4) о престижном потреблении как приоритетном направлении его жизнедеятельности. Одним словом, культурный артефакт есть создание симулятивной ценностной навигации» (Булавка Л.А. Пощечина общественному вкусу: историческое послевкусие. Доклад на круглом столе Российского института культурологии. Май, 2013).

тезис одной из предыдущих глав, посвященной анализу подчинения человека капиталу) в составную часть экономического процесса капиталистического воспроизводства становится объективно необходимым направлением развития капитала. Именно эту роль выполняют массовая культура и система деятельности средств массовой информации¹.

Массовая культура (точнее, корпоративный капитал, организующий творческую деятельность как масскультуру) формирует такую систему отношений, где творческая деятельность превращается (посредством системы отношений отчуждения, свойственных для корпоративного капитала – отсюда, кстати, характеристика масскультуры как превратной формы) в массовое квазииндустриальное производство, тиражирование псевдокультурных феноменов (стандартных клипов, фильмов или комиксов, в которые превращаются даже величайшие произведения искусства).

Более того, благодаря массовости (мы бы сказали – тотальности, ибо масс-культура становится важнейшей частью тотального рынка сетей) и корпоративной организации, создающей сложные механизмы подчинения клиентов («поля зависимости»), здесь складывается экономическая система подчинения человека как личности (а личность живет и действует именно в свободное время) капиталу как тотальности. И это один из важнейших аспектов превращения свободного времени человека в разновидность капитала.

Вот почему мы можем сказать, что *масскультура и массмедиа есть не столько формы культуры и распространения информации, сколько особые сферы бытия тотальной гегемонии капитала*. Они становятся важнейшими сферами жизнедеятельности капитала и подчинения ему человека в той мере, в какой (1) разворачивается процесс перехода человечества «по ту сторону материального производства» и (2) сохраняются капиталистические формы этого процесса.

Итак, *механизмы массового духовного производства и идейного манипулирования завершают пирамиду гегемонии корпоративного капитала, становясь субститутом креатосферы*. Логика этого процесса такова: объективные закономерности социального прогресса (рост производительности труда и соответствующее сокращение удельного веса и значения материального производства, развитие творческой деятельности, увеличение объемов свободного времени) требуют разворачивания деятельности и отношений, адекватных для креатосферы, но власть

¹ В данном случае авторы предлагают читателю свою интерпретацию ряда положений В. Арсланова, касающихся проблемы подчинения свободного времени (см.: *Арсланов В.Г. Альтернатива или глобальная провокация? (заметки об антиглобалистском движении)* // *Альтернативы*. 2003. № 3. С. 20–42). При этом мы отнюдь не разделяем по преимуществу скептически-нигилистическое отношение автора к альтерглобалистскому движению.

корпоративного капитала не может допустить этого развития и потому замещает его субститутами – массовым духовным производством (масскультурой и идеологией корпоративного капитала¹).

В то же время современный мир свидетельствует о наличии и столь же объективного процесса развития альтернатив этим формам отчуждения, но прежде чем говорить о них, обратим внимание на уже названный выше тезис – тенденцию рождения «протоимперии».

К последней проблеме мы вернемся чуть ниже, а сейчас обратим внимание на социопространственный аспект глобальной гегемонии капитала, ибо рассмотренные выше отношения массового политического и духовного производства есть лишь одна из сторон политической гегемонии. Другой стороной является порождаемая совокупностью глобальных проблем (в свою очередь, вызванных к жизни процессами «заката» «царства экономической необходимости») и внутренних противоречий между различными структурами корпоративного капитала новая геоэкономическая и геополитическая конфигурация мира, рождающая интенции *глобальной системы отношений насилия*.

СОЦИОПРОСТРАНСТВЕННОЕ БЫТИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛА:
НОВАЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИРА.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АРХАИЗАЦИЯ

Суммируя выделенные выше характеристики трех «пластов» процесса глобализации, можно сделать вывод, что в той мере, в какой развивается глобальная гегемония корпоративного капитала, в этой мере ***социальное пространство капитала XXI века реорганизуется по-новому***. Оно не похоже на социопространственную структуру эпохи «классического» капитализма и империализма первой половины XX века с метрополиями и колониями; оно устроено иначе, чем в условиях существования «Первого» (развитые капиталистические страны), «Второго» («Мировая социалистическая система») и «Третьего» (развивающиеся страны) миров. Классические работы по империализму В.И. Ленина и Розы Люксембург, о которых мы уже не раз упоминали, оказываются в этом контексте в определенной мере и актуальными, и требующими критического снятия,

¹ Еще раз подчеркнем: важнейшими каналами, по которым поступает «потребителю» идеология корпоративного капитала в обоих ее видах, являются монополизированные средства массовой информации (NB! Обратим еще раз внимание читателя на неслучайность этой «массовости», знаменующей «закат» предыстории и типичной для всех сфер – от массового производства до масскультуры и оружия массового уничтожения), системы воспитания, обучения и образования, коммерциализация и государственный контроль в сфере науки и искусства.

развития. Первое относится ко всему тому, что сказано о сращивании крупнейших производственных корпораций (в категориальном поле Ленина – монополий), банков и государств в единую систему, подчиняющую себе весь остальной мир и выступающую как источник и экономической, и политической гегемонии, более того, как актуальная угроза вооруженного насилия, регулярно оборачивающаяся очередной «локальной» войной. Второе – необходимость критического снятия – касается не только новой конфигурации стран периферии (уход в прошлое колониальной системы, появление мощной группы стран, реализующих стратегии догоняющего развития и т.п.), но и прежде всего рассматриваемой ниже новой геоэкономической и геополитической конфигурации мира.

Не точно характеризует нынешний мировой порядок и схема И. Валлерстайна («центр–периферия»)¹, не говоря уже о модели ре-колонизации и создания однополярного мира в духе З. Бжезинского² или идеях «империи доверия»³...

Глобальная гегемония капитала: социопространственная структура

Дело в том, что глобальные игроки (МНК и ТНК, международные институты – МВФ, НАТО и др.) создают гораздо более сложную структуру мира. ***Социальное (в т.ч. экономическое) пространство современного мира все более воспринимает сетевую структуру современного***

¹ См., например: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.

² См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: «Международные отношения», 2010. Стоит заметить, что значительно ранее Бжезинский так отзывался о марксизме: «Марксизм представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, так же как и руководство действием, вытекающим из этого изучения». («Marxism is simultaneously a victory of the external, active man over the inner, passive man and a victory of reason over belief... Marxism puts a premium on the systematic and rigorous examination of material reality and on guides to action derived from that examination». *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y.: The Viking Press, 1970. P. 34). Вероятно, именно поэтому Бжезинский стал непримиримым противником марксизма.

³ Концепция «империи доверия» изложена в книге: *Madden T.* Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World. N.Y.-L.: Penguin Press, 2009. Ее критику дал В. Иноземцев (Великая ложь // Свободная мысль. 2010. № 2. С. 195–200).

капитала и превращается в совокупность взаимопересекающихся глобальных сетей.

(Еще раз повторим важный рефрен: этот процесс, как и все остальные атрибуты глобальной гегемонии капитала, носит незавершенный характер; он сугубо не линейен в социальном времени и неравномерен в социальном пространстве.)

Каждая из этих сетей тем самым становится **«базовым элементом»** метасистемы глобальной гегемонии капитала. Это необычный «элемент» структуры. Он аморфен, не имеет определенных границ и есть скорее поле, нежели материальный объект, хотя и вполне конкретные объекты («глобальные игроки» и зависимые от них структуры) в этих сетях присутствуют. Основные из этих сетей **объединяют экономически и политически субъектов и объектов глобальной гегемонии капитала, сращенных в противоречиво, антагонистически единые системы.** Подчеркнем: в каждой из таких сетей соединены и субъекты, и объекты глобализации, включенные именно в их поле зависимости. Первые, в большинстве случаев – это корпоративные капиталы, сращенные с государствами «Первого» мира. Вторые – совокупности опять же капиталов (в том числе филиалов ТНК) и правительств-сателлитов стран «Третьего» мира, зависимых от определенных «глобальных игроков», в качестве которых выступают сети ТНК и государств «Первого» мира, а также ключевые международные институты. Работники и потребители в этих сетях занимают подчиненное положение, причем граждане «Третьего» мира оказываются в двойном подчинении.

Существенно наличие не только **противоположности и единства субъектов и объектов глобализации** как акторов одного отношения подчинения-эксплуатации, но и их **диффузии.** Субъекты глобальной гегемонии капитала проникают в «Третий» мир, образуя анклав «цивилизированности» (в той мере, в какой макдональдсы и пятизвездочные отели являются атрибутами «цивилизации») и даже постиндустриального капитала (особенно в центрах мегаполисов или «бангалорах»), а объекты глобальной эксплуатации проникают в страны «Первого» мира (эмигранты, острова нищеты и пауперизма в развитых странах, особенно опять же в мегаполисах). Именно эти **аморфно-диффузные симбиозы антагонистически сращенных субъектов и объектов гегемонии капитала и образуют базовые элементы социопространственной структуры воспроизводства капитала в глобальном масштабе.**

В то же время здесь необходимо сделать оговорку: в конце XX – начале XXI века человечество находилось и находится в начале перехода к описанной выше новой структуре, черты которой лишь возникают и пока просматриваются не слишком определенно (что, надеемся, отчасти извиняет размытость приведенных характеристик: становящийся предмет обуславливает незавершенность и неопределенность его теоретического описания). В той мере, в какой глобальная сетевая структура гегемонии капи-

тала еще не сложилась, остается правомерным выделение мира (стран) – субъектов гегемонии (т.н. «Первый» мир) и миров (стран) – объектов гегемонии (т.н. «Третий» мир).

В основе этого деления лежит *устойчивое воспроизводство на протяжении всей историко-логической эволюции капитала XX – начала XXI веков противоречие между различными* (по уровню развития, историко-логическому месту в системе отношений капитализма) *типами систем, образующих основные блоки пространственно-временной структуры современного глобального капитала*¹. Это:

- образующие «Первый» мир богатейшие страны (социопространственная характеристика; на языке мир-системного анализа – «центр»), для которых преимущественно характерна переходная к постиндустриализму неолиберальная модель позднего капитализма (социовременная характеристика), выступающие в качестве совокупного субъекта гегемонии (характеристика места в глобальной метасистеме);

- страны «Третьего» мира со средним уровнем экономического развития (социопространственная характеристика; на языке мир-системного анализа – «полупериферия»), для которых характерен преимущественно позднеиндустриальный монополистический капитализм (социовременная характеристика), реализующие модель догоняющего развития зависимого типа (характеристика места в глобальной метасистеме);

- лежащий в основании всей систем блок беднейших стран «Третьего» мира (социопространственная характеристика; на языке мир-системного анализа – «периферия»), для которых характерен преимущественно раннеиндустриальный капитализм (социовременная характеристика) зависимого типа (характеристика места в глобальной метасистеме).

Существенно, что в данной структуре сопрягаются социальное время и пространство, подтверждая правомерность наших методологических выводов о структурировании экономических систем (они были сделаны

¹ Одной из предпосылок такого вывода служит использование методологии мир-системного анализа, о котором мы уже писали в I томе, где упоминали работы авторов, предлагающих интересные подходы к поиску путей интеграции марксизма и мир-системного анализа (см.: *Гловели Г.Д.* История экономических учений. М.: Юрайт, 2013; *Хакимова Г.А.* Марксистские основания мир-системной методологии: неосмитианский марксизм или новый исторический материализм? / Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014; *Гравер А.А.* Попытка исследовательской адаптации неомарксизма И. Валлерстайна / Там же).

Противоречия догоняющего развития в условиях позднего капитализма раскрыты в цикле статей Р.С. Дзарасова «Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости?» (Альтернативы. 2013. № 1), «Нужна другая модель экономики» (Альтернативы. 2014. № 1). Полемика с позиций Р.С. Дзарасова представлена статьей «Российский капитализм: анатомия эксплуатации» (Альтернативы. 2010. № 4).

в I томе) и гипотезу об историко-логической структуре эволюции позднего капитализма (в Прелюдии ко II тому данной книги).

Это внутренняя закономерность структуризации «позднего капитализма» эпохи глобализации, обусловленная тем, что содержательно он включает, повторим, разные историко-логические пласты как элементы своей современной структуры и именно эта структура обеспечивает едва не наиболее эффективную из возможных (с точки зрения интересов глобального капитала) модель его всемирного воспроизводства.

Поскольку гегемония капитала всегда не абсолютна, ибо капитал есть лишь один из полюсов капиталистического мира, постольку и в социопространственной структуре глобального воспроизводства капитала присутствует *тенденция к образованию относительно независимых анклавов*, стремящихся к (опять же относительно) самостоятельному существованию в глобальном мире. При этом одни из них (Китай, Вьетнам) образуют хотя и особую, но относительно открытую подсистему, другие (фундаменталистские образования) тяготеют к изоляции.

Более того, характеризуя глобализацию как форму, скрывающую всемирную гегемонию корпоративного капитала в условиях интернационализации производства и других сфер жизни общества, мы можем сделать вывод, что как таковая (как процесс самоотрицания, «заката» и «царства необходимости», и капитализма) она порождает *мощные завихрения социального пространства и времени*. В результате такая (являющаяся следствием гегемонии капитала) *глобализация неизбежно сопровождается одновременной **архаизацией** социальной жизни*, возрождением реакционных, регрессивных общественных форм в определенных анклавах мирового сообщества.

Глобализация, как глобальная гегемония мирового капитала, не может дать и не дает всемирного равномерного развития наиболее прогрессивных форм капитала, базирующихся на генезисе постиндустриального общества. Она порождает, повторим, (1) противоречиво взаимосвязанные сети, в каждой из которых [пере]развитый «паук» («центр») высасывает соки из огромной «периферии»; (2) архаичные анклавы с реверсивным током социального времени, а также (3) социумы, пытающиеся вырваться из этой глобальной гегемонии.

Воспроизведение такой структуры становится (но еще не стало) закономерностью глобальной экономики XXI века.

Завершим этот подраздел достаточно очевидным следствием из вышесказанного: *такая пространственная конфигурация глобализации не может не породить и на практике постоянно порождает массовое геонасилие.*

От мировых войн к пандемии насилия

Период позднего капитализма знаменуется и адекватными для него (т.е. эскалирующими наиболее зверские формы отчуждения – прямое

насилие, и прежде всего, – войны) последствиями в геополитической сфере.

Первый этап этого «заката» (и, соответственно, эволюции позднего капитализма) ознаменовался адекватными для империализма формами насильственного подавления колоний и Первой мировой войной. Последняя стала неизбежным следствием всемирного обобществления производства (этапа индустриального общества), протекавшего в форме образования государственно-монополистического капитала и закономерно породила первый всплеск массового (но первоначально локализованного лишь в нескольких странах) выступления против гегемонии капитала – Октябрьской революции в России (несколько позднее в Германии и Венгрии). *Ответом на мировую войну стала первая победившая в масштабах одной из империй революция против капитала*, приведшая к началу радикального изменения мировой геополитической системы¹.

Начало второго этапа столь же неслучайно ознаменовалось Второй мировой войной – *Войной капитала против человечества*. Она была развязана именно корпоративным капиталом, обретшим свою предельно жесткую форму – фашизма. Она была войной не только против отдельных стран, не только за перераспределение общественного богатства и жизненного пространства. *Вторая мировая война со стороны фашизма была насилием, направленным на установление тотального мирового господства корпоративного капитала*, т.е. всемирное попрание родовых качеств человека (физическое и интеллектуальное порабощение) повсюду (в том числе и в фашистских метрополиях), на тотальное уничтожение целых народов (вплоть до попыток физического истребления евреев, славян, цыган...), разрушение мировой культуры. Это было *насилие против Человека и Человечества*.

Принявший форму фашистской диктатуры корпоративный капитал опять же неслучайно потерпел поражение именно от антикапиталистических сил – советского народа и антифашистов (единый фронт которых сложился практически во всем мире – от Юго-Восточной Азии до Америки – с центром в СССР²). Эти трагические годы стали не только

¹ Спектр позиций авторов постсоветской школы критического марксизма представлен в книге Октябрь 1917: Вызовы для XXI века / Под общ. ред. А.А. Сорокина. М.: ЛЕНАНД, 2009 и статьях: *Пантин И.К.* Русская революция: политико-философское прочтение события // Альтернативы. 2011. № 2; *Воейков М.И.* Постреволюционный большевизм: идейные альтернативы социально-экономической стратегии // Альтернативы. 2011. № 2.

² Существенно, что даже капиталистические государства и корпорации, поддержавшие (из сугубо «эгоистических» соображений) эту борьбу, объективно оказались подчинены общему мировому антифашистскому потоку, неслучайно оказавшись неспособными пойти ни на алкаемый ими сепаратный сговор с Германией, ни на восстановление довоенного мирового порядка. При всей «мутантности» советского социализма мир после Второй мировой →

временем самых жестоких преступлений, но и массовой солидарности и альтруистической творческой энергии (вплоть до готовности отдать свою жизнь ради общего дела – победы над фашизмом) людей (*десятков миллионов людей по всему земному шару!*), действовавших вразрез со всеми рефлексамися отчужденного эгоистического человека.

В этой борьбе человечество впервые практически проявило свою «родовую сущность» во всемирном масштабе, показав, что «простые» люди способны на проявление высочайших человеческих качеств – той самой «родовой сущности человека» – в массовых масштабах, а всемирная борьба за освобождение от наиболее варварских форм отчуждения (мировой эпидемии фашизма) реальна и может быть победоносна. Вот почему эта Война – прежде всего и именно Великая Отечественная война – стала величайшим событием всемирной истории, указывающим на то, что «царство необходимости» смертно, а Победа в этой войне стала важнейшим знаменем начала конца предыстории (прологом к которому была Октябрьская революция, породившая силы, победившие в этой войне).

Конечно же, эта победа была не полной и временной (одной из причин и следствий чего была мутантная природа социализма в СССР и, позднее, «Мировой социалистической системе»), но это была Победа.

Эпоха НТР неслучайно совпала с **завершением второго этапа** эпохи «заката» «царства необходимости» (и, соответственно, эволюции позднего капитализма) и адекватных ему форм насилия. Сотни тысяч мирных жителей, уничтоженных ядерной бомбардировкой американской военной японских городов Хиросима и Нагасаки, открыли счет жертв *оружия массового уничтожения, которое стало символом насилия эпохи «заката» предыстории*. Создание и применение такого оружия указали на достижение предельных форм **массового** уничтожения, неслучайно совпавших с эпохой массового производства, массового потребления, массовой культуры – у всех них единый технологический базис (переход от позднеиндустриальных к постиндустриальным глобальным производительным силам) и единая социально-экономическая природа (гегемония корпоративного капитала).

Завершением этого периода стали «локальные войны». Основные из них – узаконенное институтами капиталистической геополитики насилие против субъектов, вступивших на борьбу с наиболее варварской (колониализм) формой мировой гегемонии капитала (войны США и Западной Европы против народов Африки, Азии и Латинской Америки, начавших борьбу за освобождение от колониализма) – унесли суммарно больше жизней, чем Вторая мировая война. И они же породили новую волну мирового антикапиталистического движения, имевшего как мир-

← войны стал иным: в нем сложилась «Мировая социалистическая система», в нем начали распадаться и рухнули колониальные империи, в нем победили социал-реформистские модели позднего капитализма...

ные, так и насильственные формы (антиколониальная борьба, революция на Кубе и др.), сформировавшего новые формы геополитики (сложился двухполюсный мир и движение неприсоединения), идеологии и культуры.

Третий этап стал закономерным порождением «информационной революции» и неолиберальной глобализации, тяготеющей к постепенной эволюции в направлении к ультраимпериализму (протоимперии) и порождающей пандемию так называемых **асимметричных войн и терроризма** как одного из их слагаемых.

Последние десятилетия сделали общераспространенным мнение, что современные международные конфликты можно объяснить «столкновением цивилизаций», противостоянием якобы склонного к «терроризму» мусульманского мира и якобы «демократического», «правового», «мирного», а потому «цивилизованного» Запада. Однако этот поверхностный взгляд не только не отражает действительного существа проблемы, но и, более того, создает, как и всякая превратная форма, видимость ложного содержания.

Действительной же глубинной основой терроризма и так называемых «миссионерских войн» (именно эту «пару» мы назвали «асимметричными войнами») стало очевидно бросающееся в глаза фундаментальное противоречие, установившегося более 20 лет назад однополюсного мира, в котором власть (и это сегодня очевидно и для правых, и для левых) принадлежит узкой группе «глобальных игроков», и которое базируется на развитии новых глобальных сетевых технологий и адекватных им форм корпоративного капитала.

На одном полюсе этого противоречия – субъекты мировой экономической, геополитической и духовной гегемонии капитала (в том числе и государства, являющиеся их «родиной», прежде всего США в качестве не особого национального государства, а глобального «сверхигрока»), а также корпоративные структуры в странах «Второго» и «Третьего» миров, как бы «продолжающие» власть своих «старших братьев». Они монополизируют (1) наиболее современные ресурсы развития (know-how, высококвалифицированные кадры и т.п.), (2) контроль за глобальными институтами (ТНК, НАТО, МВФ и ВТО – это их агенты, а отнюдь не «представители интересов мирового сообщества»), (3) механизмы и институты насилия и политического гегемонизма (от почти абсолютной монополии на оружие массового уничтожения и стоящих вне конкуренции с какими бы то ни было другими структурами вооруженных сил США и НАТО до играющих роль «мирового политбюро» саммитов и пронизывающих весь мир секретных служб); в их руках находятся также (4) характерные для периода генезиса «общества знаний» механизмы гегемонии в области духовного производства (прежде всего всемирные массмедиа, информационные системы и стандартизованная, контролируемая ТНК масскультура) и идейно-теоретический контроль (послушная и оплачиваемая ими «элита» интеллектуалов).

Эти субъекты постепенно сращиваются в новую метаструктуру, которую ныне все чаще называют «империей», и которую мы в следующем подразделе назовем «протоимперией», ибо процесс ее формирования только начался и альтернативы этой траектории еще существуют.

На противоположном полюсе противоречия процесса глобализации геополитической и духовной жизни – объекты гегемонизма, включая сотни миллионов «рядовых» граждан в развитых странах и миллиарды – в развивающихся, вкупе с государственными и частными структурами капитала стран «Третьего» мира (а также ряд экс-«социалистических» государств), занимающими относительно самостоятельное положение.

При этом формирование в этих государствах корпоративно-клановых структур, монополистических объединений (часто зависимых от ТНК); нищета, традиции бюрократизма и докапиталистической эксплуатации; низкий уровень культуры и угнетение национального самосознания (в том числе – и вследствие всеобщего распространения вестернизированной масскультуры); гегемония мирового корпоративного капитала, давящего их экономику, разрушающего природу, развращающего местную элиту, – все это вкупе с культурным и информационным империализмом создает основы для формирования новой угрозы мировому сообществу. Это – корпоративно-бюрократические режимы стран «Третьего» (и отчасти «Второго») мира, ориентированные на сепаратизм, национализм и милитаризм как иррациональные средства решения проблем их отсталости и зависимого типа капитализма.

Нынешняя модель мировых отношений не может разрешить это противоречие. «Свободная конкуренция» и открытые границы становятся идеальными механизмами для того, чтобы страны, монополизировавшие капитал, высокие технологии, военную мощь и контроль над международными организациями, могли «свободно» конкурировать с теми, кто ничего этого не имеет. Иррационально (милитаризм, паразитические финансовые спекуляции, «общество потребления», массовая культура и т.п.) растрачивая большую часть пока еще крайне ограниченного потенциала высокой производительности труда, корпоративный капитал неизбежно сохраняет «периферию», где консервируются существующие в современном мире доиндустриальные и «грязные» индустриальные технологии, где при нынешнем типе международных отношений будут сохраняться нищета и жестокие внутренние конфликты¹.

¹ Общеизвестно, что несколько сот богатейших семей (живущих по большей части в США и других странах «золотого миллиарда»), контролируют богатства, соизмеримые с доходом беднейшего миллиарда граждан Земли, что военный бюджет одних только США (напомним: в 2014 году он составит 633 миллиарда долларов – <http://www.kp.ru/online/news/1610199>) достаточен, чтобы вдвое поднять уровень жизни более чем миллиарда беднейших жителей →

Эти противоречия порождены господствующим ныне, в период «заката» неолиберализма, типом экономической и политической организации, а отнюдь не мифическим «столкновением цивилизаций», лишь камуфлирующим реальные экономические, политические и духовные основы геэкономической, геополитической и духовной гегемонии корпоративного капитала во всемирном масштабе, равно как и внутренних противоречий между различными структурами корпоративного капитала.

Продуктом этих противоречий неолиберального типа глобализации, трансформирующегося в протоимперию, с неизбежностью становится перманентно воспроизводящаяся и усложняющаяся *система отношений насилия, охватывающих человечество в целом.*

После разрушения «Мировой социалистической системы» мир оказался в положении, когда *массовое прямое сопротивление власти протоимперии становится практически невозможно.* Только ее хозяева обладают (остановимся здесь преимущественно на неэкономических аспектах):

- финансовыми, материальными и высококачественными человеческими ресурсами, достаточными для воспроизводства современных систем насилия;
- почти полной монополией на оружие массового уничтожения и многие наиболее современные виды оружия;
- наиболее боеспособными и крупнейшими количественно армейскими соединениями;
- монополией на генерирование и распространение know-how и инноваций в сфере вооружений, организации и управления аппаратами насилия, и тому подобных сферах деятельности;
- системой секретных служб и информацией, позволяющими контролировать процессы возникновения любых «возмущений» в сложившейся системе гегемонии корпоративного капитала, его государств и международных союзов;
- контролем за международными механизмами насилия – НАТО и т.п.;
- контролем за институтами международного права (от Совета безопасности ООН до суда в Гааге) и/или возможностью безнаказанно ими пренебрегать.

Оборотной стороной, *реакцией на оскорбленность этим миропорядком, этой односторонней гегемонией, реакцией на попытку монополизации права на легитимное насилие и представительство ценностей цивилизации является феномен терроризма.*

← земли, до сих пор стоящих на грани голода и не имеющих даже простейших благ цивилизации как чистая питьевая вода и начальное образование; а 0,1% налога на финансовые спекуляции мог бы решить проблемы здравоохранения и образования для той же части населения.

Эта специфическая для современного мира функция – функция иррациональной реакции на монополизацию насилия корпоративными структурами – становится действительной угрозой для человечества. Однако для нас существенно не только абстрактное осуждение терроризма (сразу отметим, что корпоративный капитал и его структуры, например, секретные службы, сами систематически используют террор – как прямо, так и руками тех организаций, с которыми они, якобы, борются¹), но и фиксация **глубинной взаимосвязи между глобальной гегемонией капитала и терроризмом.**

События первых лет нового столетия показали, что здесь действует устойчивая закономерность: *чем (1) глубже социально-экономическое, политическое и национально-культурное угнетение стран «Третьего» мира (и, как следствие, развитие в них реакционно-фундаменталистских тенденций), чем выше при этом (2) уровень монополизации систем легитимного насилия (не говоря уже о современном оружии) и духовного подчинения народов этих стран субъектами глобальной гегемонии капитала (что ведет к оскорбленности угнетенных этим миропорядком и невозможности легитимного ответа на это оскорбление), а также (3) мощь теневого транснационального капитала (не забудем, что наркобизнес, торговля живым товаром и оружием, а также, главное, теневые финансовые операции – это такая же неотъемлемая изнанка глобального капитала, как коррупция – бюрократии), тем больше, с одной стороны, опасность использования терроризма силами, противостоящими этой власти, а с другой – агрессивность субъектов гегемонии, «протоимперии» (ТНК, НАТО и т.п., а также стоящая за ними корпоративно-государственная номенклатура США).*

Соединение практики локальных войн и терроризма в единую антагонистическую систему рождает феномен, названный военными теоретиками **асимметричными войнами**².

Они становятся совершенно особым типом насилия. Среди их характеристик, *во-первых*, различные, но непосредственно взаимосвязанные

¹ Широко известна роль США в создании движения «Талибан» и выросшей в нем группировки «Аль-Каида» (см.: <http://www.tagesspiegel.de/zeitung/da-sind-spuren-wie-Von-einer-trampelnden-elefantenherde/283180.html>; <http://oko-planet.su/politik/politiklist/207075-Istoki-talibana-I-al-kaidy-V-kabinete-prezidenta-ssha.html>; <http://www.russiapost.su/archives/4452>). Существенно, что сотрудничество истеблишмента США с Талибаном продолжается, несмотря ни на что (<http://presstv.com/detail/2013/06/28/311182/afghan-senator-slams-us-taliban-support/>).

² Одно из первых упоминаний асимметричных войн было сделано министром обороны США Уильямом Коэном в 2000 году (о возникновении и использовании этого термина см.: *Дериглазова Л.* Парадокс асимметрии в международном конфликте // *Международные отношения.* Том 3. №3 (9). Сентябрь–декабрь, 2005. <http://www.intertrends.ru/nineth/007.htm>).

(обусловленные социопространственными противоречиями глобализации) основания и причины военных действий у противостоящих сторон: продолжение политики гегемонии военными средствами со стороны субъектов глобализации (США и ряд других стран НАТО в войне с Ираком, Афганистаном, Ливией; Россия в войне с Чечней) и сопротивление глобальной гегемонии (как правило, с исторически реакционных позиций и неадекватными – террористическими, губящими мирных жителей – методами) со стороны объектов глобализации.

Во-вторых, асимметричные войны предполагают качественное различие средств и методов борьбы у противостоящих сторон при сходстве последних как в стремлении к «точечному» характеру ударов (и со стороны террористов, и со стороны государств, использующих «особо точное оружие»), так и по результатам, совершенно противоположным декларируемым: уничтожаются в обоих случаях преимущественно не виновники насилия, а мирное население и отнюдь не «точечно».

В-третьих, для этих войн характерно качественное различие сил у противостоящих сторон (военный потенциал «террористических» организаций на несколько порядков меньше потенциала США, НАТО или России) при способности каждой из них оказывать сравнимое воздействие на противоположную сторону.

Наконец, в асимметричных войнах зачастую отсутствует не только линия фронта, но и сколько-нибудь локализованный в пространстве театр военных действий. Для них характерна *точечно-сетевая структура военных действий* (как акты террора, так и «миссионерские» войны вспыхивают ныне практически в любых точках земного шара). И как таковые асимметричные войны становятся типичным продолжением форм развития сетевого общества и постиндустриальных технологий, характерных для глобальной гегемонии капитала.

Среди *причин возникновения асимметричных войн* следует выделить не только развитие структур и отношений *сетевого общества* и упомянутую выше *геоэкономическую и геополитическую противоречивость неолиберального миропорядка, трансформирующегося в протоимперию* (здесь лишь глобальные игроки обладают монополией на легитимное насилие и «цивилизованность» тогда как все остальные по определению становятся «разрушителями цивилизации», «фундаменталистами» и «террористами»), но и нечто большее. В частности, такой феномен как *диффузия* (вследствие развития высоких технологий и распространения террористических методов войны) *вооружений и мирной продукции*. Наиболее типичный пример здесь – *информационные сети как одно из наиболее мощных современных видов вооружений*. Кроме того, ресурсом для террористических акций ныне может быть любой высокотехнологичный объект – от удобрений, добавленных в питьевую воду, до радиоуправляемых игрушек, превращаемых в средство доставки взрывчатки (которую, кстати, несложно произвести в домашней «игрушечной» лаборатории из предметов бытовой химии).

Очевиден потенциально глобальный характер этого точечно-сетевого насилия: в отличие даже от мировых войн объектом насилия в современном мире с его новыми (информационными, химическими, ядерными, микробиологическими и т.п.) технологиями потенциально становится любой гражданин любой страны, более того – любая глобальная сеть или глобальный объект, «общественное благо» (воздух, вода, информация, культурные ценности мирового значения). Так возникает потенциальная угроза превращения точечно-сетевого насилия в глобальную пандемию («локальные» войны и террор до чрезвычайности «заразны»: усиление одного провоцирует все более масштабное развертывание другого).

И самое главное: очевидна *невозможность победы в таких конфликтах при помощи насилия* (уничтожение террористических баз при помощи военных действий против населения целых стран провоцирует лишь нарастание потенциала сопротивления); *остановить эту спираль насилия может лишь изживание (или устранение) ее причин – глобальной гегемонии капитала.*

Все названные выше специфические черты асимметричных войн не только эмпирически легко наблюдаемы, но и без труда могут быть логически выведены как проявления существенных противоречий глобальной гегемонии капитала в сфере насилия на этапе развития высоких технологий и сетевых принципов организации экономики, и общества.

* * *

Итак, опираясь на проделанное выше исследование и суммируя его выводы, мы можем утверждать: последние десятилетия прошлого века стали периодом не просто глобализации экономической и общественной жизни, угрожающей суверенитету наций, государств, но особой, характерной для позднего капитализма, социальной формой этого процесса. За видимостью ренессанса рынка с конца XX века скрывается система отношений, которую мы вслед за Грамши и другими марксистами предшествующего столетия назвали тотальной гегемонией капитала. Капитал и рынок оказались, по сути дела, мощной тоталитарной системой, всесторонне подавляющей человека; но подавляющей его не как некая бюрократическая иерархическая пирамида, а как многообразное и внешне почти незаметное поле, действующее на нас практически по всех сферах, где человек включен в общественную жизнь.

Именно эта глобальная власть капитала становится основой генезиса феномена, который ниже мы охарактеризуем как *протоимперию* – незавершенное состояние-процесс нелинейного генезиса нового типа имперской капиталистической глобальной системы. Этот генезис, возможно, так никогда и не приведет к рождению новой империи как таковой, но сама гиперреализованная угроза такого результата значима и существенно влияет на реалии современного мира.

Прежде чем охарактеризовать эти феномены, напомним, что составляющая основу протоимперских тенденций глобальная власть корпоративного капитала предполагает, во-первых, тотальный, проникающий во все поры жизни человека, рынок. Причем это не рынок свободно конкурирующих атомизированных предприятий, а *тотальный рынок как пространство борьбы олигополистических сетей*, центрами которых являются ТНК.

Во-вторых, гегемония капитала ныне – это преимущественно *власть виртуального фиктивного финансового капитала*, «живущего» в компьютерных сетях. В мире образовался виртуальный «черный ящик», состоящий из гигантских финансовых пузырей.

В-третьих, глобальная гегемония капитала ныне предполагает не просто эксплуатацию наемных рабочих через куплю-продажу рабочей силы, но и *целостное подчинение личности работника*.

В-четвертых, общеизвестна система методов *монополизации глобальными игроками ключевых ресурсов развития* – know-how, высококачественной рабочей силы и т.п. при поглощении подавляющей части природных ресурсов и экспорте грязных технологий, социальной «грязи» на «периферию».

В-пятых, это *глобальное политическое и идеологическое манипулирование, информационное и культурное давление*.

Для такой системы адекватной формой, но именно и только формой, причем формой превратной, неслучайно оказался неоренессанс рыночных отношений. Ибо лишь в среде, которая внешне выглядит как атомизированная структура со свободной конкуренцией входящих в нее элементов, крупные корпоративные структуры могут использовать свои поля влияния, свои возможности манипулирования и подчинения экономических агентов, потребителей и работников. Именно в этих условиях корпоративные капиталы, как производственные, так и финансово-спекулятивные, (1) частично высвобождаются от еще недавно достаточно сильного и ограничивающего их власть государственного регулирования и (2) уходят от контроля некогда сильных и эффективных общественных организаций, которые ограничивали их деятельность в рамках модели социального или социал-демократического хозяйства, где профсоюзы, экологические, муниципальные, потребительские и другие общественные структуры создавали существенные барьеры, нормативные рамки и иные формы ограничения рыночных отношений.

Иллюзия, причем иллюзия объективная, абсолютной свободы рыночных отношений, по сути дела, развязывает руки такого рода структурам, для которых внешние рамки общественного и государственного регулирования оказываются малодейственными.

Однако ныне и эта модель близится к «закату».

От неолиберальной глобализации к новой империи

По сути дела, символической точкой для отсчета нового летоисчисления в рамках позднего капитализма стал день 11 сентября 2001 года, о котором все уже давно говорят как о феномене «9.11». Не случайно, что именно с этим названием вышли десятки статей в различных журналах и более солидных изданиях на Западе. Весьма символической оказалась и книга Ноама Чомски с аналогичным названием¹, где были сформулированы некоторые из предлагаемых ниже тезисов. Сенсационный ажиотаж вокруг темы терроризма с той поры несколько стих, но проблема «9.11» оказалось не столь простой: видимая угроза терроризма скрывает за собой существенные подвижки в отношениях позднего капитализма. Нас она, однако, интересует не столько как содержательный вопрос о природе терроризма и так называемых антитеррористических акций со стороны Соединенных Штатов, сколько как вопрос о том, может или нет рассматриваться этот пункт в качестве одного из свидетельств кризиса неолиберальной модели (и общественной жизни, и общественно-го сознания), господствовавшей на протяжении 80–90-х годов прошлого столетия.

Прежде, чем определенным образом квалифицировать *изменения, произошедшие на рубеже XX–XXI веков*, хотелось бы очень коротко отметить их основные, эмпирически наблюдаемые черты.

В том, что касается изменений в социально-экономической сфере, то, здесь прежде всего бросается в глаза интенсификация активности все более мощных глобальных игроков как основных агентов, доминирующих на мировых рынках и в общественных отношениях. Развернувшиеся с особой интенсивностью накануне начавшегося в 2008 г. мирового экономического кризиса процессы поглощений и слияний крупнейших корпораций, и формирования гигантских корпоративных структур, стали не просто эмпирически наблюдаемыми явлениями, но и символическим пунктом, свидетельствующим об изменении природы капитала. По сути дела, *транснациональные корпорации превратились в силу, сравнимую с силой государства не только количественно (по объемам производства), но и качественно, как субъекты экономической и общественной власти. В результате у этих глобальных игроков усилилась интенция высвобождения из-под господства государства.*

Регулирующее воздействие государства, которое на протяжении второй половины XX века была силой, вполне сравнимой с деятельностью крупных транснациональных корпораций, сегодня, утрачивает свои позиции. По мере (1) развития внешних правил свободной конкуренции и свободного движения капиталов, (2) ослабления государства продолжающимися процессами приватизации и дерегулирования и (3) роста масштабов транснационального капитала и усиления его роли в мировой

¹ Chomsky N. 9–11. N.Y.: Seven Stories Press, 2001.

социально-экономической жизни – по мере развертывания этих изменений становится все более заметен качественный поворотный пункт.

Внешне альтернативой этому ослаблению экономической роли «государства вообще» выглядит небывалый рост геополитической и военнополитической мощи одного, особого государства, выделяющегося из общего, внешне равноправного неолиберального (как нам кажется до сих пор) мирового порядка. Это супермощь Соединенных Штатов Америки.

Кроме того, по сути дела, знаменем эпохи, наступившей после 11 сентября, стала способность именно одной супердержавы, совместно с ее сателлитами (хотя не всегда всеми одновременно), самостоятельно решать такие геополитические проблемы, как мир, война, агрессия или ее прекращение. Но если о последнем мы практически ничего не знаем, то о системе войн, которые начинает по своему желанию такое государство как США, мы уже знаем достаточно: конец XX – начало XXI века стали свидетельством таких войн против Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии и это, возможно, не последние агрессии начавшегося столетия.

Таково новое явление – *выход на арену протоимперии – США, претендующих на роль своего рода «старшего брата» мирового сообщества.*

Еще совсем недавно риторика Бжезинского отражала открытые претензии США на глобальное лидерство, о чем свидетельствуют хотя бы такие пассажи: «Россия – побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой»¹. Позже эта риторика изменилась, и Бжезинский, принимая во внимания все издержки таких претензий, предлагал проводить эту лидирующую роль более осторожно, стремясь к определенному соглашению с другими центрами силы, не навязывая открыто свое доминирование, а скорее предлагая бывшим соперникам мягкую интеграцию в клуб стран Запада². События весны 2014 года (в частности, присоединение Крыма к России) еще раз изменили позицию такого рода авторов и политических деятелей.

Итак, налицо по меньшей мере два *качественных изменения, свидетельствующих о «закате» неолиберализма:*

Первое. Очевидно доминирующая роль транснационального корпоративного капитала, преодолевающего качественную границу подчиненности государству и становящегося господствующей силой в условиях внешней свободы конкуренции на глобальных мировых рынках;

¹ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. С. 127.

² См.: Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. М.: Астрель, 2012.

Второе. Выход на мировую арену одного сверх-государства, способного на самостоятельные и неконтролируемые международным сообществом действия по подчинению любых других контрагентов мировой геоэкономики и геополитики.

Третье. Появление и развертывание сложной совокупности акцентировано антиимперских тенденций: от формирования альтернативных национально-государственных центров мирового геоэкономического и геополитического влияния (здесь реальный потенциал – но не более чем потенциал – есть пока только у Китая) до реверсивно-фундаменталистских международных сетей и углубляющейся крайне правой (вплоть до фашистской) угрозы.

Свидетельством начавшихся существенных изменений стало и постепенное *формирование имперской идейно-духовной атмосферы и идеологической парадигмы.* Если мы обратим внимание на риторику и модель идеолого-политических акций, а также их духовного оформления, то начиная с 2002–2003 гг. и особенно периода подготовки войны в Ираке, а также начала самой агрессии, то станет заметно это существенное изменение. Если прежде любые агрессивные акции и гегемонистские устремления опирались на стандартные либеральные идеологемы «свободного общества», включая защиту прав человека, свободу конкурентных отношений, институтов частной собственности, свободу слова и анти тоталитарную риторику, то начиная с 11 сентября идеолого-политическое и духовное оформление агрессивных гегемонистских акций стало существенно иным.

Суть этого изменения – все больший крен в сторону оправдания практически любых акций властей в условиях угрозы стабильности институтов (прежде всего частной собственности) в странах «золотого миллиарда». Во многих случаях все это весьма напоминает идейно-политическую и духовную атмосферу тоталитарных обществ середины XX века. Особенно это бросается в глаза, если мы внимательно проанализируем речи бывшего в начале 2000-х президентом США Дж. Буша, являвшиеся не просто высказываниями определенного государственного деятеля, но и, по сути дела, квинтэссенцией идеолого-духовной работы огромной идеологической – или, как сейчас модно выразиться, PR-машины.

Легко заметить, что эти высказывания по своей идейно-духовной модели стали во многом сродни риторике тоталитарных лидеров, включая таких, как Гитлер, Муссолини и их последователи. А как иначе расценить такие лозунги, как «историческая миссия по защите цивилизации»; «объективная необходимость взять на себя ответственность за сохранение ценностей цивилизованного мира»; общая парадигма противопоставления мира цивилизованного и нецивилизованного; априорное оправдание насилия как главного средства защиты «ценностей цивилизации»; абсолютная монополия на выражение этих ценностей без каких-либо сомнений в необходимости их обсуждения в режиме демократического

диалога; опора на циничное политическое и идеологическое игнорирование оппозиции и т.п.

Если к этому добавить ту модель реакции политического и идейного истеблишмента на эти речи, которую мы наблюдали накануне кризиса в Соединенных Штатах Америки и ряде других стран (типичный пример: зал встает и сопровождает выступление лидера овацией), то, даже оставив в стороне горькие воспоминания о единогласном одобрении с дружной овацией выступлений сталинских, брежневых и К^о, мы можем понять, что здесь наблюдается не просто единогласное голосование, но тотальное подчинение обывателя и идеолога определенной государственно-политической стратегаеме.

Кризис, начавшийся в 2008 году и избрание в США президентом Обамы, на первый взгляд, несколько притормозили эти процессы. Но в действительности это торможение пока скорее временное и базируется оно не столько на интенциях протоимперского капитала и его государства, сколько на достаточно сильных антигегемонистских тенденциях. Даже то, в общем-то не слишком значительное, оживление социальных движений, «рядовой» интеллигенции и левых общественных сил, которое мы наблюдали в начале 2000-х, оказалось способно помочь победить Обаме, частично изменить в пользу граждан риторику и даже в некоторой части практику антикризисных действий и т.п. Но это, повторим, пока что крайне ограниченные и половинчатые подвижки, слишком слабые для того, чтобы говорить о приостановке развертывания проимперских тенденций. К тому же многие шаги Обамы в области геополитики мало отличаются от действий его предшественников.

В мире все более очевидным становится напряженное противостояние расходящихся полюсов: интенсифицирующееся подчинение обывательского большинства жесткой установке военно-идеологической борьбы с «нецивилизованным», «террористическим» миром-врагом, с одной стороны, растущее активное альтернативное движение протеста против глобальной гегемонии капитала и войн – с другой.

За всем этим скрываются более глубокие изменения. Изменения, которые могут стать свидетельством того, что *эпоха неолиберализма не закончена, но вступает именно в период кризиса и «заката»*, что внутри нее начинаются существенные изменения, некоторые внешние черты которых мы описали выше.

Глобальный капитализм как подрыв общечеловеческих достижений буржуазной системы

Соединение воедино названных «пластов» глобализации и характеристик новой структуры глобального мира эпохи рождения «протоимперии» позволяет сделать выводы (они также хорошо известны в современном мире из названных выше работ С. Амина, И. Валлерстайна,

Н. Чомски и др.) о *природе современного «нового мирового порядка»*, сложившегося после распада «Мировой социалистической системы».

Этот «новый порядок» характеризуется тем, что *в мировом, глобальном масштабе ныне нарушаются (1) даже чисто буржуазные принципы социально-экономической и политической организации, те достижения в прогрессе рода Человек, что принесла с собой буржуазная формация («негативная» свобода от внеэкономического принуждения и т.п.), а также императивы, выдвигаемые (2) глобальными проблемами и (3) процессом генезиса постиндустриальных технологий.*

Во-первых, внедрение в мирохозяйственные отношения принципов, характерных для периода генезиса «протоимперии» (неомаркетизация, неоприватизация и т.п.), сопровождающееся формальным возвратом к «свободе торговли» и либерализации внешнеэкономических связей, на деле приводит к обратному результату. Складывается система отношений, характеризующаяся стабильно воспроизводимыми монопольными преимуществами и, следовательно, отсутствием даже основ свободной конкуренции в отношениях между крупнейшими ТНК и их сателлитами, с одной стороны, «периферией» экономической жизни – с другой. *Современный мировой рынок – это система, где нет свободной конкуренции, хотя формально здесь «восстановлены» фритредерские начала.*

Причины прямо обусловлены сказанным выше.

Первая: ТНК монополизировали прежде всего наиболее передовые и конкурентоспособные ресурсы (высокие технологии; квалифицированную рабочую силу и работников-новаторов, которые могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе только в развитых странах; know-how, патенты на высокие технологии и многие другие информационные продукты)¹.

¹ Существенно, что монополия на ряд из них является почти абсолютной: патент или иная интеллектуальная частная собственность дают владельцу право не допускать к пользованию данной информацией или иным благом третьих лиц. При этом, в отличие от «обычного» материального блага, информационный продукт не может быть создан заново или воспроизведен: он по определению единствен, тиражировать можно лишь материальные носители.

В результате при переходе к информационному обществу складывается ситуация абсолютного монополизма: тот, кто первым вышел на этот рубеж и закрепил частную собственность на важнейшие информационные продукты, получает почти абсолютные преимущества – догнать его нельзя. Даже разработав самостоятельно те же информационные блага, вы не сможете (если соблюдать законы рынка и право частной собственности, усиленно насаждаемые в процессе неомаркетизации) ими воспользоваться – они уже находятся в собственности других лиц; создать заново тот же информационный продукт, что уже находится в чьей-то собственности, в мире рынка значит украсть этот продукт. У тех, кто «опоздал», остается один шанс – перегнать, не догоняя. Но для этого нужна квалифицированная рабочая сила, →

Вторая причина. ТНК и, отчасти, их «родные» страны получают монополию не только на наиболее эффективные ресурсы, но и на их воспроизводство. Особенно важна здесь монополизация научно-технического прогресса и образования (воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы).

В результате соединения названных двух факторов центры глобализации, пройдя по спирали отрицания отрицания от колониализма к неоколониализму и **реколонизации**, становятся как бы новыми метрополиями, получающими ныне не столько основанную на внеэкономическом принуждении материальную ренту, сколько иную, основанную на целостной гегемонии корпоративного капитала *«интеллектуальную ренту»*, основанную на **монополизации потенциала прогресса, доступа к ресурсам развития постиндустриального общества.**

Третья причина. Для власти ТНК характерен названный выше контроль за мировым движением финансов и, шире, большей частью международных транзакций, а также телекоммуникаций. Эти «кровеносная» и «нервная» системы мирового сообщества просто развиваются в недрах, внутри ТНК и потому ими контролируются.

Четвертая причина. Как уже было сказано, на мировом рынке рабочей силы создаются мощные барьеры для свободного движения труда между странами и секторами экономической жизни. Эти барьеры крайне многообразны и уже были описаны выше: от запретов на иммиграцию в развитые страны до «номенклатурного» принципа подбора студентов в элитные вузы, из которых выходит элита информационного общества, которая опять же обладает близкими к монопольным возможностями для продвижения своих детей в лучшие школы, колледжи и т.д.

Тем самым наиболее сильные агенты мировой экономики, провозглашая «свободу торговли» и открытость конкуренции, заведомо ставят в неравные условия их участников, ибо одни из них обладают монополией на ряд преимуществ, которые другим принципиально недоступны.

Впрочем, и *сами правила «свободной торговли» дают априорные преимущества «Первому» миру и достаточно произвольно нарушаются теми же, кто их устанавливает*, – элитой мирового корпоративного капитала. Для агентов, которые не устраивают этих «хозяев», они заменяют фритредерство на жесткий протекционизм, а то и просто вводят санкции, объявляют блокаду и т.п.

Во-вторых, складывающийся мировой порядок неравноправен и недемократичен даже по буржуазным меркам.

Прежде всего бросается в глаза, что «правила игры» (институциональные рамки, структуры и «дороги» жизнедеятельности мировой экономики, политики, духовного производства) устанавливаются все теми

← работники-новаторы, а они, как уже было отмечено, могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе почти исключительно в развитых странах.

же субъектами гегемонии. Правила финансовых транзакций и торговли устанавливаются МВФ, МБ, ВТО и им подобные организации; стандарты мировой геополитики и правила взаимодействия государств регулируют саммиты «большой семерки» и НАТО – примеры легко продолжить. Ничего похожего на принципы даже формальной демократии, где большинство оказывает решающее влияние на принятие решений, в мировой экономике и политике нет¹.

Но названная элита не только устанавливает эти правила, но и обладает почти монопольной властью на их проведение в жизнь, на контроль за их соблюдением (выше мы их уже называли: финансовый контроль, монополия на ядерные вооружения и контроль за силами безопасности... здесь особые комментарии не требуются).

Если этих мер оказывается недостаточно, названные хозяева могут использовать и используют прямое насилие по отношению к третьим лицам: от блокад до прямых интервенций или организации государственных переворотов, когда ревнители «демократии» из «большой семерки» смело насаждают свои стереотипы при помощи крылатых ракет.

Наконец, экономико-политические аспекты мирового неравенства дополняются уже описанным выше информационным, идеологическим и культурным империализмом, закрепляя гегемонию элит мирового капитала и выгодные для них «правила игры», образ жизни, систему ценностей и мотивов в сфере сознания, в духовном производстве.

***В-третьих,** для «нового мирового порядка» характерен подрыв даже буржуазных принципов эквивалентности и равенства возможностей.*

Катастрофический разрыв в качестве жизни (и, соответственно, лежащем в его основе экономическом потенциале) между «золотым миллиардом» и большей частью человечества, находящегося в «гетто отсталости», является прямым результатом описанных выше механизмов гегемонии мирового корпоративного капитала, выросших из эпохи колониализма (а она завершилась всего-то 40–50 лет назад). Этот разрыв ныне закрепляется и увековечивается названными выше «правилами» нового мирового порядка.

¹ Отметим, что формально некоторые влиятельные международные организации (ООН и т.д.) строятся на демократических принципах. Однако реальная политика определяется другими структурами (НАТО, МВФ), где под этой формальной демократией скрывается реальный контроль за этими институтами со стороны тех сил (прежде всего истеблишмента США), которые обладают наибольшей финансовой и военной мощью, что и проявляется всякий раз, когда принимаются ответственные геополитические или геоэкономические решения (например, вопрос о том, бомбить или нет Югославию, начинать или нет войны с Ираком и Ливией, реально принимали власти США, что не было секретом даже для средств массовой информации, хотя формально это было делом ООН или по меньшей мере всего североатлантического блока).

Во второй половине XX – начале XXI века эта диспропорция постоянно усугубляется неравенством и несправедливостью (опять же повторим – речь пока идет о буржуазных мерках) в социальной сфере и сфере использования природных ресурсов.

В первом случае для всех, кроме части граждан «золотого миллиарда», оказываются малодоступны системы социальной защиты, обеспечивающие хотя бы частичное равенство стартовых возможностей (в частности, доступ к образованию) и хотя бы в некоторой степени снимающие социальную напряженность. Не допуская работников из других государств к конкуренции с гражданами развитых стран на рынке рабочей силы (борьба с иммиграцией) и используя часть (конечно же, меньшую) богатств, получаемых от названных выше монопольных преимуществ, для «подкормки» своего населения¹, «глобальная номенклатура» раскалывает трудящихся планеты, создавая для части из них искусственные привилегии. Обратной стороной этого процесса является консервация нищеты в «гетто отсталости».

Во втором случае в условиях «нового мирового порядка» осуществляется экспорт экологических проблем в страны «Третьего» мира. В последних не обеспечивается не только восстановление биогеоценозов (а издержки на эту деятельность должны входить в стоимость сырья в условиях обострения глобальных проблем), но даже и тот минимум природоохранных мероприятий, которые осуществляются в развитых странах. Так «Третий» мир оказывается пространством растущих экологических угроз.

Тем самым в мире складывается неэквивалентность и неравенство во взаимодействии «золотого миллиарда» и «гетто отсталости»: цена на продукцию второго не включает затраты на восстановление биогеоценозов или хотя бы минимальную охрану среды, а также на социальную защиту работников и другие компоненты, учитываемые в ценах на продукцию высокоразвитых стран, которые к тому же получают и наиболее значимую в нынешних условиях интеллектуальную ренту, причем этот обмен осуществляется в условиях монопольно регулируемой (ТНК и иными глобальными игроками) экономики.

Более того, процесс глобализации предполагает агрессивное поглощение прежде закрытых локализованных структур, таких, например, как бывшая «Мировая социалистическая система». Это подчинение включает и экспансию на товарных рынках, и финансовое подчинение ранее

¹ Еще В.И. Ленин писал о том, что империализм, «означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата» (*Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 402*). В результате возникает «слой обуржуазившихся рабочих или “рабочей аристократии”, вполне мещанских по образу жизни, по размеру зарплаток, по всему своему мирозерцанию» (Там же. С. 308).

закрытых экономик, и, затем, продвижение по всем остальным направлениям глобальной гегемонии (собственность, политическая власть, культурный империализм и т.п.).

В наиболее жесткой форме этот процесс (прежде всего в финансовой сфере) приходит в форме, известной как «асфальтирование» ранее независимых экономик (в страну устремляются значительные массы фиктивного капитала, что продуцирует искусственный бум, создание многочисленных пирамид и т.п., затем международный капитал вовремя «убегает», усиливая и без того неизбежный кризис, вызывающий обесценение национальной валюты, после чего международный капитал может и вернуться для скупки обесцененных национальных богатств; процесс можно затем повторить еще раз)¹. Известны примеры и политического (в том числе – через подготовку и осуществление антиконституционных военных переворотов, как, например, в Чили в 1973 году), и культурно-идейного (качественно более мощными mass media и идеологическими центрами глобального капитала) подавления независимых государств.

Таковы слагаемые генезиса «протоимперии», к которой постепенно движется (но, подчеркнем, еще не продвинулся окончательно) мир, уходя от иллюзии восстановления свободного рынка, частной собственности и открытого общества, от иллюзии окончательного ухода в прошлое великих идеологий, к власти «протоимперии».

«Протоимперия» как исторический тупик: возможные альтернативы

Это движение к открытому оформлению господства глобальных игроков. Это переход к эпохе открытых военных столкновений, порождаемых гегемонистскими силами. Это еще и движение к открытому идеолого-политическому оформлению этой гегемонии, когда плюрализм капитулирует перед ура-патриотической пропагандой.

Все это знаменует рождение новой фазы, переходной к новой системе, в которой, возможно (альтернативы все еще существуют!), начнут сбываться многие предсказания, сделанные столетие назад творческими марксистами. В данном случае следует обратить внимание прежде всего на забытую ныне идею ультраимпериализма или реколонизации. О последнем феномене много писали – в том числе и авторы этого текста – в связи с войной НАТО против Югославии². Первый же термин был пред-

¹ См., например: Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2005; Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина Паблишер, 2008.

² См.: Бузгалин А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. Т. 1; Бузгалин А.В. Всемирный форум альтернатив: альтерглобализм на европейской идеологической основе // Актуальные проблемы Европы. 2005. №3; Бузгалин А.В. Альтерглобализм →

ложен Карлом Каутским и в свое время подвергнут критике Владимиром Ульяновым, о чем, наверное, помнит большинство из советских ученых старшего поколения. Однако напомним: критика эта была завязана на тезис о возможности и необходимости победы социализма до того, как окончательно сформируются условия для становления ультраимпериализма¹, принципиальную возможность которого, кстати, большинство марксистов не отрицало.

История, как ни странно, подтвердила этот тезис. Парадокс XX века состоял в том, что необходимость социализма, порожденная глобальными катаклизмами такого масштаба, как Первая мировая война и антиколониальные революции, действительно была практически доказана (серией революций и иных форм движения к социализму в России, Венгрии, Германии, Китае, Испании, Вьетнаме, Кубе, Чили и мн. др., антиколониальной борьбой под социалистическими лозунгами в десятках стран Азии и Африки) еще на стадии империализма. И «Мировая социалистическая система» неслучайно возникла в масштабах, охватывавших треть человечества и просуществовала семь десятилетий, показав достаточно высокие и устойчивые темпы развития, ознаменовав свое господство высокими достижениями в области технологий, науки, образования, социальной защиты и культуры.

Но одновременно эти семь десятилетий существования МСС показали (на соответствующие работы авторов мы уже не раз ссылались в книге), что эта система, будучи неслучайно порождена противоречиями предшествующего мира, в то же время не имела достаточных оснований для своего возникновения. В силу этого она оказалась, по сути дела, мутантом, обществом, возникшим в условиях недостаточных объективных и субъективных предпосылок для движения к строю более экономически эффективному, чем капитализм, более демократическому, чем так называемое «открытое общество».

← как феномен современного мира // Полис (Политические исследования). 2003. №2.

¹ «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, – отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., – что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до “ультраимпериалистского” всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность». (Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 98). См. также: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 415–418.

Этот парадокс ознаменовался тем, что «реальный социализм» не только обеспечил высочайшие достижения и прорыв в области науки, культуры и социальных гарантий, но и стал системой с авторитарной политической системой, массовым насилием и подавлением инакомыслия. Именно эти негативные черты советской системы (неслучайно, подчеркнем вновь, возникшей и неслучайно ушедшей в прошлое), к сожалению, сегодня неслучайно оказываются вызваны к жизни возникающей в мировом масштабе глобальной протоимперией. Уход в прошлое «мутантного социализма» ознаменовался не прорывом в новую, переходную к «царству свободы», эпоху и социальную систему, а реверсивным ходом истории, породившим тенденцию к возникновению ультраимпериализма.

Мы не исключаем того, что эта эпоха придет на смену не просто неолиберальному «концу истории», торжествовавшему на протяжении предыдущих двадцати лет, но и целой эпохе позднего капитализма (империализма), начавшейся на рубеже XX века и просуществовавшей, с различными вариациями и модификациями, на протяжении всего этого столетия. Оставаясь, в целом, в рамках антагонистического общества, «мира отчуждения», «царства необходимости» и даже в рамках капиталистической общественно-экономической формации (авторы намеренно используют здесь формационный, а не цивилизационный подход, правомерность чего была показана выше) этот ультраимпериализм, возникающий сегодня на наших глазах, может оказаться началом новой, достаточно длительной эпохи, для которой будут характерны раскрытые выше тенденции:

- эволюции от видимости свободной мировой конкуренции к прямому и открытому диктату в экономике крупных корпоративных структур, сращенных с метагосударством (США, возможно какие-то еще) и/или наднациональными институтами государственного регулирования (ВТО, МВФ...);
- замещения скрытого политического манипулирования (при помощи различных политических технологий и PR) формами более или менее открытого авторитаризма или даже тоталитаризма, прямого наступления на институты демократии, гражданского общества, права человека и на «периферии» глобального мира, и в его «центре» (так называемый «патриотический акт» в США – первая ласточка этого процесса);
- циничного использования «права силы» и методов реколонизации в геополитике и геоэкономике;
- перехода от скрытого идеологического манипулирования (при сохранении хотя бы формального идейного плюрализма и относительной свободы слова, совести и т.п.) к однозначному господству государственной («имперской») идеологии и давления на инакомыслящих.

При этом ценности «цивилизованного мира» чем дальше, тем больше будут отождествляться с интересами глобальных игроков (хозяев «империи»), когда последние будут действовать (они уже начинают действо-

вать), конечно же, исключительно в интересах «цивилизованного мира» (подобно тому, как в сталинской системе номенклатура действовала исключительно в интересах «народа»). И точно так же всякий инакомыслящий и инакодействующий человек или их ассоциация будут квалифицироваться как то ли «антипатриотичные», то ли «попирающие ценности цивилизации» при угрозе появления новых «врагов народа («цивилизации», «империи»...), что, в свою очередь, откроет поле для *новых диссидентов*.

Насколько реально торжество этого крайне опасного и антигуманного, асоциального общественного строя, знаменующего собой новую фазу инволюции капиталистической системы, мы сейчас рассуждать не беремся. Заметим, однако, что, с одной стороны, угроза его торжества, безусловно, реальна. С другой стороны, в современной действительности (экономической, социальной, политической и духовной жизни) присутствуют и альтернативные силы, о которых мы не раз писали в упоминавшихся ранее работах.

Сейчас же отметим: «закат» и кризис «реального социализма», при всех его внутренних противоречиях, оказался фактором не столько позитивным, разрушающим авторитарную систему прошлого, сколько исторически негативным. Это *регрессивное влияние распада МСС выразилось* не только в том, что породило предпосылки для экономического и геополитического торжества глобального капитала и формирования однополюсного мира, но и в том, что этот распад, по сути дела, *расчистил дорогу для реверсивного хода истории, ведущего к ультраимпериалистическому («имперскому») тупику*. С чисто методологической точки зрения мы неслучайно квалифицируем ультраимпериализм, «протоимперию» (черты которых пока лишь прогнозируются, просматриваясь несколько аморфно и неясно, хотя общее направление эволюции достаточно определено) как *реверсивный ход истории*, путь в исторический тупик.

Причины этого на уровне социофилософского рассмотрения видятся в тенденции «увода» силами «протоимперии» основной траектории развития в русло, противоположное задачам свободного гармоничного развития Человека в диалоге с природой. Приоритетными для зарождающегося реверсивного русла становятся такие направления использования возрастающего технологического потенциала, как милитаризм, финансовые трансакции, паразитическое и симулятивное перепотребление и массовая культура при росте и углублении глобальных проблем и конфликтов.

Аргументация этих тезисов уже достаточно хорошо известна (вновь упомянем такие имена, как Н. Чомски, Э. Валлерстайн, С. Амин, Э. Туссейн и мн. др.):

- «закат» неолиберализма на практике показал свою ориентацию на рост военных расходов (до триллиона долларов в год) и использование войн и насилия для достижения своих целей; имперская геополитика на практике ориентирована на прямую реколонизацию и подчинение

слаборазвитых стран, и потому усугубление мирового военного противостояния;

- глобальный виртуальный финансовый капитал (как не просто доминирующая, но господствующая форма эпохи «заката» неолиберализма) по своей природе заинтересован в максимальной свободе движения и самовозрастания и потому предельно антагонистичен каким бы то ни было социальным и т.п. ограничениям (в отличие от производственного, хоть как-то ограниченного необходимостью поддерживать эффективную трудовую деятельность, а значит учитывать интересы и работника, и от национального, который заинтересован в поддержании хотя бы некоторой социальной стабильности);

- общество [симулятивного] потребления и адекватная ему массовая культура способны генерировать лишь относительно узкий слой специализированных интеллектуалов-профессионалов, все более отчуждая подавляющее большинство граждан от свободной творческой деятельности, усугубляя их бытие как потребителей-конформистов, пассивных объектов манипулирования, для чего «протоимперия» (в отличие от неолиберализма) не побрезгует использовать и прямые методы политико-идеологического давления¹.

Все эти тенденции и свидетельствуют о реверсивности данной инволюции, по отношению к линии прогресса, ориентированной на обеспечение простора для развития человеческих качеств.

При этом, конечно же, остается открытым вопрос о наличии прогресса и возможности его научного критериального отображения. Для постмодернизма здесь очевиден однозначно отрицательный ответ. Однако для практики неолиберализма (этот постмодернизм взрастившего и его адептами поддерживаемого: мало кто из постмодернистов не голосовал за правящие партии на выборах и не поддерживал «гуманитарные миссии» США в Югославии, Афганистане и т.п.) критерий прогрессивности и регрессивности очевиден: те, кого бомбят «наши» государства – нецивилизованны и регрессивны, а мы (те, кто бомбит) – прогрессивны и цивилизованы. И это не публицистическая гипербола, а практика социально-политической жизнедеятельности современного мира, где плюралистичное безразличие до недавнего времени оставалось прикрытием этой циничной позиции, а ныне постепенно отбрасывается за ненадобностью и неудобностью маскировки (отсюда легко выводится тезис о «закате» не только неолиберализма, но и характерной для этого периода методологии *постмодернизма*).

¹ Сказанное указывает на ключевые моменты опровержения повсеместно внедряемого ныне представления о США как «империи доверия» (см.: *Madden T. Empires of Trust. How Rome built – and America is Building – a New World. N.Y.–L.: Penguin Press, 2009*). Критический анализ этой книги см. в: *Иноземцев В.Л. Великая ложь // Альтернативы. 2010. №2*.

Безусловно, эта тенденция является не единственной, и в настоящее время разворачивается достаточно широкий спектр оппозиционных сил. Однако сама по себе она достаточно явно проявляет себя в лозунгах, по сути дела, оправдания (под эгидой борьбы с терроризмом) любых форм неокOLONиальной экспансии, оправдания любых форм насилия, подавления инакомыслия и антидемократических, антигуманных акций, вплоть до развязывания войн под вывеской защиты ценностей цивилизации.

Как уже неоднократно отмечалось выше, наряду с тенденцией «заката» неолиберализма и постмодернизма (как соответствующей теоретико-идеологической парадигмы), **ныне в мире развиваются достаточно мощные и качественно новые оппозиционные течения**. Самый конец XX века и первое десятилетие нового столетия продемонстрировали, что эти силы являются отнюдь не только теоретически моделируемыми, но и реально действующими в глобальном, также как и mainstream'овская тенденция, масштабе.

Авторам еще в середине 1990-х годов приходилось писать о том, что глобальная гегемония капитала не может не породить в качестве своей альтернативы субъекта ассоциированного социального творчества. И тогда, в 1995–1997 годах, нам немало пришлось услышать критики, суть которой заключалась в указании на отсутствие в общественно-политической и идейной жизни таких массовых, реально действующих сил. Однако с 1999 года волна массовых выступлений «антиглобалистов» (мы предпочитаем понятие альтерглобалисты – сторонники иной интеграции, а не противники глобализации), начавшаяся с Сиэтла и далее прокатившаяся практически по всему миру, включившая целую сеть новых форм оппозиционной деятельности, стала ответом на это постоянно звучащее критическое замечание. Реальная жизнь подтвердила теоретическую гипотезу. Постоянно протестующие против войн, экологических (проблема климата), социальных (увеличение возраста выхода на пенсию, сокращение социальных гарантий), гуманитарных (рост цен на образование) и т.д. проблем миллионы и миллионы граждан по всему миру стали практическим свидетельством того, что рождается не только «протоимперия», но и антиимперия.

Массовый субъект ассоциированного социального творчества стал вырастать буквально на глазах, и новые социальные движения наряду с переживающими «вторую молодость» традиционными институтами (профсоюзы, левые политические организации) стали не только идейным, но и общественно-политическим фактором современной жизни.

Как развивающееся в очень широких масштабах, хотя и обремененное массой внутренних и внешних противоречий, это течение становится одним из знамений «заката» неолиберальной эпохи и противопоставляет себя как форму общественной организации, адекватную для эпохи генезиса сетевого общества, альтернативную регрессивно-тупиковой

тенденции рождения «протоимперии». Насколько эта тенденция окажется реальной оппозицией, насколько она сможет составить конкуренцию или по меньшей мере затормозить процессы генезиса ультраимпериализма – это вопрос, который во многом зависит от не только объективных, но и субъективных обстоятельств, и мы пока не беремся прогнозировать результаты...

* * *

...но жизнь дописала за нас первую главу будущего капиталистической системы: вместе с XXI веком в мир пришли и новые альтернативы: от альтерглобалистского движения до разразившегося в 2008 году Всемирного экономического и финансового кризиса и неслучайно развертывающегося по всему миру в течение последних лет движения «Осциру!». Анализом этих феноменов мы и закончим нашу книгу, предварительно обратившись к феномену глобальных проблем как продукту «заката» не только капитализма, но и «царства необходимости» в целом.

глава 3 Тотальная гегемония корпоративного капитала как катализатор глобальных проблем человечества

То, что во второй половине XX века мир столкнулся с системой глобальных проблем, стало очевидно большинству исследователей, а затем общественных и политических деятелей и даже обывателей уже давно. Но до сих пор перечень глобальных проблем остается (даже в работах специалистов) относительно хаотичным и бессистемным. До сих пор, как правило, исследователи делают акцент на одной из глобальных проблем человечества, занимаясь ее изучением или изучением одного из ее аспектов. Тем не менее перечень этих проблем уже сейчас известен (в частности, его легко почерпнуть из названных ниже работ по глобальным проблемам и докладов Римскому клубу, о которых мы писали в Прелудии).

На первом месте до недавнего времени стояли экологические проблемы: истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, нарушение баланса между природой и обществом.

В последнее время среди доминирующих глобальных проблем обычно называют обострившиеся противоречия между Севером и Югом, когда постоянное отставание значительной части стран «Третьего» мира от развитых государств грозит обострением геополитических противоречий, социальных противоречий развитых стран (в частности, связанных с неконтролируемой миграцией из бедных стран в страны с достаточно высоким уровнем социальных гарантий).

Традиционно выделяемой является также проблема войны и мира, особенно обостренная не только в связи со слабо контролируемым распространением оружия массового уничтожения, угрозой его использования или неконтролируемого хранения, но и нарастанием «локальных» конфликтов, являющихся следствием обострения названных выше противоречий глобальной гегемонии капитала в геополитической сфере.

Наконец, к этому комплексу обычно добавляются проблемы перенаселения, связанные с невозможностью обеспечения экономического роста при господстве существующей модели удовлетворения потребностей и сопровождающие все это проблемы неконтролируемой миграции.

Этот перечень можно продолжить, но, на наш взгляд, принципиально важным является понимание *системы* этих глобальных проблем, того, как именно, по какому критерию они могут быть структурированы

и, главное, какие противоречия современного мира – уходящего «царства экономической необходимости» – порождают этот комплекс глобальных проблем.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В качестве *первого шага к выделению глобальных проблем* можно предложить следующую гипотезу: мы будем их рассматривать как целостную, обладающую одним системным качеством совокупность проблем, охватывающих все человечество и являющихся проявлениями противоречий, составляющих *differentia specifica* эпохи «заката» «царства экономической необходимости» и рождения «царства свободы».

Именно в этот момент обостряются до предела противоречия между человеком и природой и противоречия внутри самого социума, противоречия последней стадии эпохи отчуждения (корпоративного капитала).

Приняв эту гипотезу, можно сформулировать простейшее представление о **сущности глобальных проблем**: они являются отражением системных противоречий «царства необходимости», обостряющихся в период его «заката» (подрыва собственных основ), когда доминирование материального производства и отчужденных социально-экономических форм последнего становится тормозом общественного прогресса. Человечество подошло вплотную к необходимости гармоничного развития человека («в свободной ассоциации и посредством нее») в диалоге с природой, но не может реализовать этот социально-экологический императив вследствие сохраняющихся отношений глобальной гегемонии капитала.

При этом описанная выше гегемония капитала выступает как:

- продукт глобализации производительных сил (и потому является глобальной, общемировой в социопространственном измерении);
- превратная форма генезиса «постиндустриального» («информационного») общества, лежащего «по ту сторону материального производства» и потому проявляющегося прежде всего как описанная выше гегемония виртуального фиктивного капитала;
- высшая и наиболее «мощная» форма отчуждения, которая в силу этого интенсифицирует обострение противоречий «царства необходимости» в период его «заката».

Как таковые глобальные проблемы касаются *всего* человеческого сообщества в его взаимодействии с природой и порождаются процессом превращения человечества в силу, являющуюся, во-первых, *всеобщей* (единой, противоречивой, интегрирующей) и, во-вторых, *способной к осуществлению качественных трансформаций всего человеческого сообщества в единстве с природой*. Эта трансформация может носить

положительный характер – переход к «царству свободы», ноосферному типу развития и доминированию креатосферы. Но возможен и обратный процесс – эволюция к планетарной катастрофе.

Для того чтобы это определение из набора неких абстрактных, методологических соображений превратилось в сколько-нибудь конкретную характеристику, необходимо (ни много ни мало!) проделать существенное исследование эпохи перехода от «царства необходимости» к «царству свободы» на уровне технико-производственных, социально-экономических, а также социально-политических, геополитических и идеальных (культурных) социооснований такого конкретного всеобщего единства человечества.

Авторам остается лишь надеяться, что в качестве эскизных набросков такого исследования может служить первая часть данной работы. В ней, в частности, была предпринята попытка показать, что снятие материального производства, мира отчуждения в социально-экономической сфере и отчужденных форм духовного производства порождают такое единство и противоречивую взаимозависимость человеческого сообщества, *глобализм* в развитии человечества, который означает не что иное, как уже отмеченное конкретное, всеобщее единство человеческого сообщества и в пространстве, и во времени.

При этом, подчеркнем вновь, *всеобщее конкретное единство человеческого сообщества в социальном пространстве* может измеряться с качественной и количественной стороны мерой интеграции и взаимозависимости его различных слагаемых, а *во времени* – способностью всего человечества (либо его отдельных групп, но таких, деятельность которых вызывает последствия для всего человеческого сообщества) осуществлять некоторые изменения его системного качества.

Последнее означает: изменять существенные характеристики производства как материального производства, социальных отношений (включая отношения в сфере идеологии или духовного производства) как отношений отчуждения. Эти качественные изменения, как уже говорилось, могут быть позитивными или негативными (в последнем случае – порождать уничтожение биосоциосферы или отдельных сообществ и/или биогеоценозов).

Такие изменения мы в дальнейшем и будем называть глобальными.

Эти абстрактные гипотезы – первое приближение к определению глобальных проблем, единства человечества в пространстве и во времени. Но эти гипотезы позволяют нащупать и некий принцип систематизации того, что принято называть глобальными проблемами. На основе сказанного в предшествующих частях исходным принципом такой систематизации может стать структура «царства необходимости» на этапе его самоотрицания – этапе тотальной гегемонии корпоративного капитала.

Этот подход позволяет выделить **три уровня глобальных проблем:**

- материально-технический уровень, связанный с интенцией скачка «по ту сторону материального производства» и вызываемыми этим угрозами развитию человека и природы;
- уровень социально-экономических отношений, где нарастание отчуждения становится угрозой социуму и Человеку;
- уровень качественных изменений в духовной жизни, где формируются мощные препятствия на пути возникновения креатосферы.

«ЗАКАТ» «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»:

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

На первом уровне господствующие ныне технологические структуры – индустриальные и зарождающиеся превратные формы постиндустриальных технологий – порождают *угрозы* двум фундаментальным основам существования Земли как ноосферы: *природе и человеку*. Это угрозы техногенных планетарных катастроф, разрушения биосферы и истощения ресурсов, а также дегуманизации и перенаселения (что, кстати, опять же утверждает негативным образом глобальное единство человеческого сообщества).

Мир переходит в состояние, в котором материальное производство развивается по *антиприродной и антигуманной траектории*. В этом – ключ к пониманию глобальных проблем на материально-техническом уровне.

Последнее требует пояснения.

Пояснить, что означает *антиприродность* современного материального производства, достаточно просто, ибо во многом ответ на этот вопрос был уже дан выше: переразвитие (т.е. развитие в масштабах, превышающих рациональные потребности Человека – качественно мы их задали в I части) таких технологий в материальном производстве, которые ориентированы не на диалог с природой, а на ее утилитарное использование с целью бесконечного увеличения производства вещей и фиктивных ценностей, истощает невозполнимые ресурсы, разрушает биоеоценозы, угрожает разрушением биосферы в целом (проблема глобального потепления – один из таких примеров).

Наконец, следует отметить и то, что порожденная «поздним» капитализмом траектория генезиса технологий, лежащих «по ту сторону материального производства» (постиндустриальных, информационных) также оказалась антиприродной, ведущей к прогрессу превратного сектора (финансовые трансакции, ВПК, паразитическое перепотребление, массовая культура и т.п.). Последний еще больше, чем индустриальное производство, поглощает природные и человеческие ресурсы, не производя преимущественно фиктивные блага (рост вооружений, финансовых спекуляций, массовой культуры). Постольку иницируемый гегемонией

капитала бесконечный прогресс превратного сектора выступает в качестве основной глобальной угрозы нынешней эпохи.

Любой специалист в области глобальных экологических проблем легко уточнит и детализует эти характеристики; наша задача – лишь отметить, что эти проблемы генерируются вследствие гипертрофированного развития превратного сектора в странах «Первого» мира при экстенсивном росте грязных индустриальных технологий во «Втором» и «Третьем», т.е. генерируются гегемонией корпоративного капитала.

Антигуманность нынешнего типа материального производства состоит в том, что и господствующие технологии внутри материального производства, и превратные формы развития тенденций, лежащих «по ту сторону материального производства» (в частности, прогресс массовой культуры, узкого профессионализма и т.п., а не креатосферы), порождают иррациональные формы развития человека.

Этот процесс своим разветвлением прямо обязан гегемонии капитала, и в частности неомаркетинга, «неовещизму». Так, материальное производство развивается по траекториям, которые не только повышают объем производимых вещей и услуг, удовлетворяющих утилитарные потребности, но и неизбежно углубляют подчинение человека системе машин и сохраняют огромные объемы доиндустриальных технологий (особенно в развивающихся странах, а в последнее время и в странах «Второго» мира). Более того, даже в постиндустриальных сферах развиваются названные выше превратные формы, создающие потенциал регресса человека как общественного существа, *антикультурные* по своей сути.

Что касается информационных технологий, то напомним: капитал инициирует образ жизни, в котором не столько компьютер служит средством развития творческих способностей человека, сколько *человек формируется и воспроизводится как придаток, функция информационных систем* (систем функционирования виртуального капитала и виртуальной массовой культуры).

Этот процесс характеризуется той же логикой, что и превращение человека в придаток машины. Ранее капиталу нужна была индустрия, в которой работник есть функция машины (а машина есть основной *капитал*), что обеспечивало не только простор развития производственного (индустриального) капитала (господствующей формы капитала «классической» эпохи), но и реальное подчинение труда капиталу. *Сейчас капиталу нужны информационные системы, в которых человек есть функция сети* (а сеть есть механизм развития виртуального капитала), что обеспечивает не только прогресс фиктивного финансового капитала (господствующей формы капитала новой эпохи), но и **тотальное подчинение капиталу человеческих качеств** (в том числе – творческого потенциала).

Так капитал начинает воспроизводить человека как придатка компьютера, сети – homo computer'a, homo Internet'a (авторы здесь используют аналогии с понятием homo faber, который, пожалуй, лучше всего

был описан в романах Фриша; впрочем, и этот человек-машина, человек-придаток машины – homo faber – не исчезает).

Кроме того, в странах «Третьего» мира развитие примитивных индустриальных технологий (позволяющих несколько сократить уровень детской смертности, смертности от голода и болезней и т.п.) при господстве варварских форм гегемонии капитала и сохранении добуржуазных форм отчуждения (не позволяющих перейти к сознательному регулированию гражданами демографических процессов) приводит к неконтролируемому росту населения. Последний, в свою очередь, вызывает целую систему более частных по содержанию, но общепланетарных по охвату проблем:

- общей деградации человечества вследствие его численного роста за счет наиболее отсталых и бедных социально-этнических групп;
- обострения геополитических конфликтов вследствие перенаселения в странах «Третьего» мира и неконтролируемой миграции; знаменитое «столкновение цивилизаций» во многом есть продукт обострения этого круга проблем (хотя и не только этого – социально-экономические и духовные глобальные проблемы здесь не менее важны);
- новых импульсов проблемы истощения ресурсов и т.п.

Итак, *антигуманность господствующих ныне технологий связана прежде всего с тем, что они вызваны к жизни отношениями реального подчинения труда капиталу, развивающегося в тотальную гегемонию капитала по отношению к Человеку, и направлены в общем и целом на интенсификацию этого подчинения.*

Кроме прочего, эти технологии по преимуществу приводят к отчуждению от человека его творческих способностей (при их подавлении капиталом индустриального типа и узко-прагматической ассимиляции капиталом постиндустриального типа) и разобщению людей; порождают тенденции. Они гасят возможности и необходимость социального творчества, свободного человеческого общения. *Среда неотчужденного общения вытесняется*, с одной стороны, разъединяющими человека индустриальными технологиями, с другой стороны – превратными формами развития постиндустриальных технологических систем.

На принципах отчуждения эпохи глобальной гегемонии капитала строится не только производство, но и среда обитания, и «технология» жизни. В частности, таким образом построены города и их архитектура, таким стал господствующий тип жилища, таким образом построена «автомобильная цивилизация», где жизнь человека привязана к взаимодействию трех столпов – автомобиля, коттеджа, супермаркета. Так построена и нынешняя деятельность средств массовой информации, которые снижают возможности человеческого общения. Так организована и так называемая «виртуальная реальность», включая мир компьютерных игр – перечень легко продолжить.

Наконец, еще одной стороной нынешней антигуманной модели развития материального производства является стандартизация потребления

при фиктивном разнообразии товаров и массовое «съедание» свободного времени вследствие бесконечной погони за дополнительным удовлетворением утилитарных потребностей и прогрессом индустрии «досуга» (напомним вывод первой части: время досуга как время воспроизводства отчужденных форм человеческой жизнедеятельности – *товара* -рабочей силы и т.п. – содержательно отлично от свободного времени как времени гармоничного и свободного развития личности).

В то же время нынешние технологии развивают и потенциал альтернативных форм жизнедеятельности человека как творческой личности. Антигуманность является именно одной из тенденций, а не абсолютной доминантой в развитии современного материального производства. Но мы в данном разделе выделяем глобальные проблемы и глобальные угрозы, а тенденция к антигуманному развитию нынешних технологий (в том числе индустриальных и информационных) является крайне важной.

«ЗАКАТ» «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»:

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Второй – социально-экономический – уровень глобальных проблем, порождаемых «закатом», самоотрицанием системы материальных социальных отношений, основанных на отчуждении, может быть выделен исходя из сформулированной (и, как мы надеемся, обоснованной) выше гипотезы. В конце XX века сложилась и ныне развивается всемирная гегемония корпоративного капитала. Она является продуктом глобальных производительных сил, выражает в антагонистической социально-экономической форме материальную, объективную необходимость действительного единства и интеграции, конкретной всеобщности человечества.

Между тем всемирная гегемония корпоративного капитала стала основным тормозом перехода к ноо- и креатосфере, порождая **асоциальную** модель эволюции, ибо (1) приводит к стихийности протекания глобальных процессов, отсутствию субъекта, способного целенаправленно разрешить глобальные проблемы; (2) тормозит развитие креатосферы, используя ресурсы для роста в узких рамках превратного сектора, и (3) порождает «гетто отсталости» и общество потребления, что составляет важнейшие глобальные социально-экономические проблемы человечества.

Попробуем коротко раскрыть эти тезисы, положив в основу типологизации глобальных проблем на уровне материальных социальных отношений три таких важнейших «пласта» производственных отношений всякого способа производства, как: (1) социально-экономическая форма связи производителя и потребителя (координации); (2) отношения соединения работника со средствами производства и отображающие их отношения собственности; (3) отношения воспроизводства.

Во-первых, гегемония корпоративного капитала, как мы уже подчеркнули, порождает соперничество обособленных корпоративных структур (в качестве которых выступают национальные, транснациональные и мультинациональные корпорации, национальные государства, а также межгосударственные структуры). Процессы неомаркетизации и т.п. формы гегемонии капитала формируют принципиально неподконтрольную некоторой единой силе (ни корпорациям, ни государствам, ни наднациональным институтам) форму протекания экономических процессов, а именно их стихийность. Причем речь в данном случае идет даже не о стихийности рыночной саморегуляции, а о не подвластности мировых процессов взаимодействия глобальных игроков в мировой геоэкономической среде (включая финансовые рынки как основную сферу жизнедеятельности сегодняшнего капитала) ни силам саморегулирования рынка, ни сознательному регулированию государств.

Эта стихийность становится глобальной угрозой всемирным производительным силам и единой ноосфере Земли.

Оборотной стороной этого процесса является омещанивание, нарастание конформизма, неспособности граждан нынешнего мирового сообщества к ассоциированному социальному творчеству, торможение потенции этого ассоциированного социального творчества в результате новой волны развития денежного, товарного фетишизма и консьюмеризма («рыночный фундаментализм»). Эти процессы достигают высшей стадии, когда человек становится зависим от корпоративных структур по всем параметрам: как работник, как потребитель, как житель.

Складывается парадоксальная ситуация, когда *ни корпоративный капитал и его номенклатура, ни противостоящие ему граждане – работники, потребители, клиенты – не могут решить задачи преодоления той сложной системы отчуждения, которая порождена самими этими силами, не могут стать субъектом решения глобальных проблем.*

Следовательно, *глобальной угрозой человечеству становится отсутствие единой планетарной силы, способной противостоять нарастающую отчуждения.* Более того, в конце XX века началось размывание даже реального (а не потенциального, если угодно, виртуального) конкретно-всеобщего интереса к развитию социального творчества, к свободному ассоциированию. *Отсутствует та единая планетарная сила, которая способна решить глобальные проблемы первого уровня (противостоять угрозам антиприродного и антигуманного развития производства).* Нарастает стихийность в развитии глобальных и опасно больших производительных сил, что находится в жестком противоречии с указанным выше отсутствием у корпоративного капитала способности к сознательному регулированию глобальных процессов.

Еще раз оговоримся: сейчас мы формулируем именно угрозы, глобальные проблемы, и это – *односторонняя характеристика современной*

действительности, ведь в ней кроме этих угроз существует и потенциальная возможность их преодоления, о чем шла речь выше.

Во-вторых, в отношениях соединения работника со средствами производства система тотального подчинения труда капиталу приводит к тому, что *в обществе не складывается в массовых масштабах работник, способный к неотчужденному творческому труду*. Подчеркнем – именно в массовых масштабах и в неотчужденном виде; о наличии весьма ограниченных по масштабам тенденций развития превратных форм генезиса такого типа работников – «профессионалов» – уже говорилось.

Говорилось и о «вымывании» на периферию, в «низы» социально-экономической жизни работников массовых творческих профессий (учителя, воспитатели и т.п.), хотя именно они, исходя из законов генезиса креатосферы, должны составлять главную силу прогресса человечества в III тысячелетии, должны были бы быть подняты, как писал когда-то еще В.И. Ленин (а вслед за ним Грамши и многие другие теоретики и практики подлинного марксизма XX века), «на недосыгаемую высоту» (подробнее об это в IV части книги). Ныне же, в силу господства превратных форм развития творческой деятельности, они, повторим еще и еще раз, вытесняются на обочину жизнедеятельности капитала, развивающего прежде всего «профессионалов» превратного сектора.

Тем самым *корпоративный капитал, оказывается, в принципе не способен решить ключевую глобальную проблему человечества – перехода к креатосфере, лежащей «по ту сторону» экономического общества. Творческий потенциал большинства членов общества оказывается не востребован и подавляется в зародыше* (в секторах с господством ручного и машинного репродуктивного труда, где занято подавляющее большинство работников Земли), а для узкого круга «профессионалов» *тотальная гегемония капитала становится «тюрьмой» их творческих способностей*, консервируя господство отчужденно-экономических форм организации общественной жизни даже там, где труд человека уже вырвался «по ту сторону материального производства», ***запирая творчество в «концентрационный лагерь» превратного сектора***. В нем наиболее творчески способные члены всего человеческого сообщества из всех стран в превратных формах используют свои способности для развития субститутов креатосферы (финансов, ВПК, массовой культуры и т.п.). Тем самым они непосредственным образом служат укреплению власти того самого капитала, который их запер в этот лагерь, работая не покладая рук на возведение все более мощных и изолированных форм власти хозяев того концлагеря, в котором они сидят¹.

¹ В простейшем виде порожденные этим глобальные, материальные и социальные проблемы были довольно-таки давно сформулированы, причем не столько современными западными мыслителями, сколько отечественными марксистами. Они показали, основываясь на разработках самого Маркса, →

В-третьих, гегемония корпоративного капитала порождает сложное противоречие *воспроизводства* социально-экономических отношений капитала эпохи «заката» экономической общественной формации (оно тесно переплетено с социопространственным процессом глобализации, описанным выше).

На одном полюсе этого глобального противоречия воспроизводства – социопространственные и социовременные анклавов, являющиеся «родиной» корпоративного капитала и развивающиеся по специфическим законам функционирования субъектов гегемонии.

Эти сферы социального пространства-времени, как было показано выше, порождают и развивают высокие технологии, обеспечивают рост производительности труда, стабильность доходов, формирование «общества двух третей» (или хотя бы – как в последние десятилетия – «одной трети»). Но сложившееся в них **«общество потребления» само по себе становится глобальной угрозой человечеству.**

Оно, во-первых, основано на чрезмерном и иррациональном (нацеленном на престижное [пере]потребление огромного количества фиктивных благ) использовании ограниченных ресурсов (что, кстати, и делает эту модель невоспроизводимой в рамках всего человечества; другое дело, что ее и не надо воспроизводить). Во-вторых, «общество потребления» (что неслучайно заложено в самом его имени) ориентировано на развитие пассивно-конформистской модели жизнедеятельности, т.е. подрывает возможности развития субъекта решения глобальных проблем ¹.

Именно эти анклавов (а к ним относятся не все жители, не все институты развитых стран и не во все периоды их эволюции) потребляют непропорциональное большое количество природных и интеллектуально-творческих ресурсов человечества и монополизируют достижения прогресса. Они же оказываются родиной наиболее мощных институтов насилия, а также концентрируют в своих руках и монополизируют информацию и массовую культуру, становясь центрами информационного империализма, устойчивого идеолого-политического контроля и воздействия на человечество.

← что капитал не может решить «всего лишь» проблем гармоничного развития природы и культуры (это любимые тезисы Н. Злобина и В. Межуева), а значит (эту неочевидную связь мы раскрыли выше), он не может решить и проблемы благосостояния для всех (в качестве аналогии использую уже приводившийся пример: феодальное общество не могло решить «всего лишь» проблему индустриализации, а значит, преодоления угрозы голода, зависимости человека от природной среды, от стихии).

¹ Другое дело, что Запад – это не только «общество потребления», это еще и альтернативные ему социальные движения, и многое другое; вот почему снятие (с удержанием положительного) модели «общества потребления» и развитие социального творчества есть одно из важных слагаемых продвижения по пути решения глобальных проблем.

Именно эти анклавы социального пространства и времени создают и наиболее мощные интернациональные институты, которые в принципе призваны осуществлять контроль за развитием человечества как единого целого и обеспечивать решение глобальных проблем (ныне это, *на практике*, прежде всего НАТО, МВФ и подобные им институты, а отнюдь не ООН или ЮНЕСКО).

Но, что называется, «шуку бросили в реку»: *именно те и только те, кто порождает глобальные проблемы, в потенции (но не в реальности) обладают интернациональным контролем за возможностью решения этих глобальных проблем.* (Подчеркнем: иррациональный характер корпоративного капитала и государственных аппаратов стран «Первого» мира как *псевдогаранта* решения глобальных проблем порожден именно и прежде всего названными выше чертами гегемонии корпоративного капитала.)

Итак, *истеблишмент «Первого» мира, его корпорации становятся своего рода «псевдогарантом» спасения человечества от глобальных катастроф, которые они же сами прежде всего и генерируют*¹.

Такова одна из сторон противоречия воспроизводства глобальных материальных социальных проблем.

Второй полюс описываемого выше противоречия – «периферия» корпоративного капитала, те анклавы социального пространства и времени, которые сосредоточены сейчас главным образом в развивающихся странах и отчасти в странах бывшей «Мировой социалистической системы», а также в многочисленных анклавах нищеты в развитых странах (особенно в мегаполисах). Здесь концентрируются и воспроизводятся прямо противоположные экономические и социальные качества.

Это – грязные, экологически и гуманитарно опасные технологии, в которых человек воспроизводится как примитивная рабочая сила – придаток машин, а частично и как человек, занятый еще доиндустриальным ручным трудом. На базе этих примитивных технологий развиваются предельно жесткие формы капиталистического и дорбуржуазного угнетения².

Для этих стран характерным является низкий уровень производительности труда, культуры и доходов. Эти страны становятся источником производства и экспорта сырья при импорте продуктов потребления (а заодно и худших сторон «общества потребления») и грязных технологий.

¹ Для того чтобы решить эти проблемы на самом деле, должен появиться другой – *реальный*, а не иррациональный и превратный – *субъект решения глобальных проблем*; «выращивание» этой общественной силы – *глобальная задача*, которую должно решить человечество.

² Впрочем, есть и обратная сторона у этой медали: во многих странах «Третьего» мира именно вследствие жесткости и прозрачности социально-классовых конфликтов и экономических противоречий развиваются достаточно мощные антитезы угнетению в лице индустриального пролетариата и его политических организаций.

В этих социопространственных и социовременных «болотах» консервируются и расширенно воспроизводятся все факторы отсталости: (1) отсталые технологии; (2) низкий уровень образования и отсутствие стимулов к его получению у широких слоев населения, «запирающие» эти социумы в болоте отсталости; (3) господство наиболее патриархальных и консервативных социально-экономических, политических и культурных форм (которые, с одной стороны, порождаются первыми двумя факторами, а с другой – воспроизводят их); (4) как следствие и причина воспроизводства факторов (1) – (3) эти «болота» превращаются в «гетто нищеты», как материальной, так и культурной (одной из наиболее чудовищных характеристик этих гетто является **глобальная проблема бедности**¹).

С некоторой долей условности можно сказать, что эти страны и регионы, образующие «гетто нищеты», становятся импортерами (а в ряде случаев – и реэкспортерами) различной социально-экономической и технологической «грязи», порождаемой корпоративным капиталом: грязных технологий, «грязного» (низкокачественного, подчас вредного и опасного) ширпотреба, «грязной» масс-культуры и т.д.

Политическая система этих стран также зачастую становится «грязной» и крайне опасной. С одной стороны, для нее характерна слабость государства как института, поддерживающего «правила игры», обеспечивающего разрешение социально-классовых противоречий и создание институциональных рамок для пусть буржуазного, но все-таки стабильного сообщества. С другой стороны, как продукт этой слабости очень часто развиваются авторитарные тенденции и криминальность, терроризм, склонность к военным авантюрам и т.п.

Неустойчивость таких политических систем вкуче с информационной и культурной зависимостью от «Первого» мира порождает мощные идеолого-политические противоречия. Отсюда, в свою очередь, неизбежный рост угроз реставрации добуржуазных отношений, национализма, фундаментализма.

Так складывается сложное, глобальное противоречие между «родной» и «периферией» гегемонии корпоративного капитала, наследующее противоречия колониализма и неоколониализма и поднимающее их на новую ступень. Так разворачивается **антагонизм мира, утилизирующего в превратных формах достижения позднеиндустриального и возникающего постиндустриального общества, и мира, обреченного быть своего рода «гетто» технологической, социально-экономической и т.п. «грязи» капитализма**².

¹ В начале тома мы привели соответствующие данные.

² Это противоречие формулируется авторами исходя из иной, нежели у И. Валлерстайна, методологии (она была показана выше), хотя характеристика проявлений (они даны эмпирически) неизбежно схожа.

Существенно при этом, подчеркнем еще раз, что оба этих мира *не совпадают с географическими границами развитых и развивающихся стран*: в первых есть анклавы «грязи», во-вторых – второсортная «номенклатура» корпоративного капитала.

Это противоречие воспроизводства корпоративного капитала порождает еще одну *глобальную социальную проблему*, с которой сталкивается человечество в конце XX века: *большая часть человечества и большая часть биосферы оказываются заперты в «гетто социальной грязи».*

Как следствие названного выше противоречия появляются *глобальные проблемы социодинамики «Первого», «Второго» и «Третьего» миров и взаимодействия между ними.*

Эта динамика характеризуется крайней противоречивостью, поскольку, с одной стороны, «Первый» мир фактически консервирует свое господствующее положение, но вместе с тем консервирует и свое экономическое развитие. Экономический рост, рост благосостояния в этих странах идут медленно (так, например, качество жизни поколения конца 50-х и конца 90-х гг. в США и Западной Европе почти не изменилось).

Во «Втором» мире наблюдается крайнее обострение социально-экономических проблем. Лишь ряд стран преодолевает экономический кризис, для многих же из них (прежде всего для государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза) нарастает угроза скатывания к отсталым государствам «Третьего» мира. Такая тенденция в странах, обладающих мощными и сложными технологическими и экономическими системами, оружием массового уничтожения, достаточно высоким культурным потенциалом, создает новый импульс для развития описанных выше угроз человечеству.

Кроме того, динамика современного мирового сообщества характеризуется активным ускоренным развитием ряда стран «Третьего» мира, догоняющих развитие государства и приносящих новый набор противоречий, связанных с ускоренным, но достаточно односторонним развитием, как правило, периферийных форм современного капитализма в этих государствах.

Если же эти периферийные формы (сборка, создание комплектующих изделий для продуктов, производимых развитыми странами; использование дешевой рабочей силы для производства продуктов, реализуемых в развитых странах по демпинговым ценам, и т.п.) будут преодолены, то выход этих «Третьих» стран на уровень развитых государств, включение их «на равных» в мировое соперничество может привести к новой волне межимпериалистических столкновений. Они будут чреваты непредсказуемыми последствиями. Принимая во внимание наличие в ряде стран, идущих по траектории догоняющего развития, низкокачественных, но численно больших армий (а у некоторых из них – ядерного и химического оружия или возможностей его создания), а также огромные людские ресурсы, можно ожидать, что эти противоречия и способы

их разрешения могут в чем-то напоминать конфликты, характерные для государственно-монополистического капитализма начала XX века. Тогда они породили Первую мировую войну. Угроза такого же конфликта может возникнуть и сегодня.

Именно эти, вырастающие из глобальной гегемонии капитала, угрозы (вкуче с глобальными проблемами технологического и духовного плана) и лежат в основе того феномена, который Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций» и который так пугает (причем отнюдь неслучайно!) нынешнего обывателя «Первого» мира.

Наконец, не меньшую угрозу таит в себе *отставание большинства стран «Третьего» мира.* Это отставание не только консервирует, но и возрождает добуржуазные отношения с огромными импульсами насилия и терроризма, порождает новые волны фундаментализма.

Все эти аспекты были названы выше, и теперь мы лишь фиксируем разнонаправленность тенденций, а также *противоречие между углубляющейся интеграцией и взаимозависимостью мира, с одной стороны, и ростом сепаратизма, конфликтов, разногласий, объективно разнонаправленных тенденций эволюции, способных породить глобальные мировые коллизии, с другой.*

Подводя некоторый итог этому разделу, можно сформулировать **три глобальные социально-экономические проблемы.**

Первая. Гегемония корпоративного капитала порождает подавленность человека этой силой, господство порожденного ею конформизма, консюмеризма, индивидуализма. Происходит своего рода приватизация, «очастивание» всех сфер общественной жизни при параллельном росте (как alter ego этого процесса) власти корпоративных структур. В результате *нарастает разобщенность людей перед лицом глобальных проблем, разрешимых лишь ассоциированным, объединенным человечеством.* Ни конформистское большинство населения, ни номенклатура жестко соперничающих корпоративных кланов не способны решить названных выше проблем.

Вторая. Гегемония корпоративного капитала надевает превратные формы на процесс генезиса креатосферы. Она подавляет и не использует творческий потенциал большинства человечества, а способности меньшинства запирает в «концлагерь» превратного сектора, обрекая нас на рост фиктивных ценностей в рамках отмирающего (в смысле общеисторической тенденции, конечно) «царства экономической необходимости».

Третья. В современном человеческом сообществе сложились непреодолимые на данный момент качественная противоположность и количественный разрыв в динамике двух анклавов мирового сообщества. Как следствие этого на Земле *сформировалось экологическое, социально-экономическое и гуманитарное «гетто отсталости», для которого характерна глобальная проблема нищеты.* Для трех четвертей человечества

реальной глобальной угрозой становится замыкание в этом «инфернальном гетто».

На противоположной стороне – «золотой миллиард» – меньшая часть человечества, которая тяготеет к самовыврождению и замыканию в рамках «общества потребления». При этом *консервация «общества потребления» сама по себе становится глобальной угрозой человечеству*, даже если это общество и сможет каким-то образом не довести до катаклизма другие глобальные проблемы.

Более того, динамика этих двух анклавов характеризуется глубоким противоречием. С одной стороны, нарастают *сепаратизм, дезинтеграция, межцивилизационная разобщенность*, разнонаправленность динамики различных стран; с другой стороны, углубляется объективная необходимость интеграции и единого скоординированного решения глобальных проблем первого уровня (уровня материального производства). Особенно эти процессы дезинтеграции, распада, сепаратизма, нарастания угрозы конфликтов между группами стран и отдельными странами усилились вследствие распада «Второго» мира – мира бывшей «Мировой социалистической системы», что привело к *однополюсной модели мира* с абсолютным доминированием и экономических, и политических, и идеологических структур развитых стран.

«ЗАКАТ» «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»:

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Третий – социокультурный – уровень глобальных проблем, порождаемых «закатом» духовного производства, связан с развитием человечества по *антикультурной траектории*, по пути торможения прогресса креатосферы, причем именно в тот момент, когда возникли материальная возможность и необходимость превращения последней в основную сферу прогресса человечества.

К сожалению, этот аспект останется лишь заявкой на будущий текст, ибо здесь авторы еще не могут дать в достаточно систематизированном виде ответ на вопрос, какие именно социально-культурные проблемы превращаются ныне в глобальные. Но, по-видимому, в качестве намека на будущие теоретические разработки можно выделить следующие пункты.

Во-первых, это *глобальная проблема общей декультуризации социума, связанная с развитием (и даже ренессансом) превратных форм креатосферы*. Расширенное воспроизводство или даже консервация этих форм ведут к торможению прогресса культуры, мира, лежащего «по ту сторону материального производства». Как мы уже мельком отметили, *развитие массовой культуры (отчужденных форм духовного производства) ведет к деградации подлинной культуры и ее вытеснению в маргинальное гетто «элитарной» культуры*. При этом параллельно деградации подлин-

ной культуры развертывается процесс технологической усложненности материальных носителей псевдо(масс)культурных феноменов (типичный пример, упоминавшийся в первой части книги – сложные технологически и дорогостоящие видеоклипы с дебильными песенками).

Во-вторых, это уже отмеченное *отчуждение большей части человечества от возможностей использования даже превратных форм развития креатосферы* вследствие глобальной монополизации информации, образования и духовного производства со стороны mass media, идеологических структур и т.п. стран, являющихся «родиной» транснациональных корпораций, что и порождает информационный, культурный и идеологический империализм. Причем в данном случае духовное производство оказывается не просто подчинено интересам элит развитых стран. Оно оказывается прямым порождением гегемонии корпоративного капитала (со всеми последствиями, которые были сформулированы выше).

Это *отчуждение человечества от возможности использования даже превратных форм креатосферы* (плодов прогресса «информационного общества», «общества профессионалов») является *второй глобальной проблемой* в социально-культурной сфере.

Наконец, *третьей глобальной проблемой* в этой сфере становится развивающееся подавление (вследствие названных первых двух тенденций) *личности человека* как социокультурного субъекта. Личность (в потенциале – личность человека-творца, ориентированного на развитие культурных ценностей) превращают в функцию – специалиста и клиента, подчиненного стандартам «общества потребления», массовой культуры и корпоративной идеологии. Такой человек теряет свой творческий потенциал даже в том случае, когда он обладает высоким образовательным уровнем (выше уже говорилось об индивиде как винтике «глобального человека» в социально-экономическом плане; очевидно, что есть и социокультурный аспект власти этого «человека»)¹.

В странах же «Второго» и «Третьего» миров, т.е. странах, где проживает большая часть человечества, происходят еще более опасные процессы: они поглощают отбросы массовой культуры, окончательно замыкаясь в культурном «гетто» (кстати, с этим, равно как и с более глубокими социально-экономическими проблемами глобального пауперизма, связаны и феномены современного неолуддизма, впервые заявившего о себе еще в период хиппи и сохраняющегося в различных формах активного и пассивного разрушения внешних форм общества потребления и массовой культуры во всем мире).

¹ Если под культурой понимать мир со-творчества, диалога человека с другим человеком и природой, а под цивилизацией – систему отчужденных внешних правил и форм жизнедеятельности в «царстве необходимости», то названное выше соотношение можно квалифицировать как противоречие цивилизации и культуры.

Но это, повторим, лишь намеки на характеристику трех глобальных социокультурных проблем, которые человечество должно, но пока не может (вследствие гегемонии корпоративного капитала) решить.

* * *

Завершая характеристику глобальных проблем человечества как проблем «заката» общественной экономической формации, вызванных тотальной гегемонией корпоративного капитала, авторы хотели бы подчеркнуть: эти проблемы как бы *синтезируют все виды, формы и методы данной гегемонии, делая ее всеобщей, глобально-противоречивой во времени и пространстве.*

Однако капитал ныне, как всегда, порождает в своем воспроизводстве и силы, противостоящие его власти и доминированию. В представленном тексте они были отмечены лишь попутно при анализе ключевой проблемы гегемонии.

Ниже авторы хотели бы коротко суммировать эти основные антитезы тотальной гегемонии корпоративного капитала, вызываемые к жизни им самим.

К ПРОБЛЕМЕ КОНТРЕГЕМОНИИ (несколько слов в заключение к 3-й части)

«Контргегемония» – такое заглавие наш коллега из Великобритании Джереми Лестер выбрал для своего нового журнала, призванного обобщить имеющиеся в нынешнем мире и в человеческой истории основные антигегемонистские тенденции. Это понятие авторы решили использовать в качестве заголовка для заключения доклада.

При этом мы лишь пунктирно наметим основные линии анализа объективных процессов и социальных сил, противостоящих гегемонии капитала¹.

Начнем с классических марксистских тезисов об обобществлении производства как основе формирования нового типа координации – сознательного и непосредственно общественного регулирования глобальных социально-экономических процессов – и о классе наемных работников как основе будущей ассоциации, осуществляющей эту координацию. В той мере, в какой индустриальное материальное производство остается основой жизнедеятельности человечества (а на ближайшую историческую перспективу здесь будет занято до ½ трудящихся Земли) – в этой мере авторы считают по-прежнему актуальными эти положения.

¹ Подробнее политические антитезы гегемонии капитала показаны в уже упоминавшихся книгах и статьях авторов, в частности в работе «Пределы капитала».

Однако «закат» экономической формации и связанная с этим глобальная гегемония капитала как доминирующий феномен позднего капитализма делают принципиально недостаточными и ограниченными названные выше антигегемонистские тенденции. Наиболее важные процессы позитивной практической критики гегемонии (а также противостоящие ей силы) порождаются более мощным процессом, далеко выходящим за рамки классического капитализма – процессом генезиса «царства свободы» и всеобщей (если угодно, «массовой») творческой деятельности как его материальной основы.

Ключом к пониманию этой контргегемонистской тенденции является следующее методологическое соображение, раскрытое еще во введении к данному тексту. Поздний капитализм оказался способен к столь длительному развитию и тотальной (а это значит – далеко выходящей за пределы отношения эксплуатации наемного труда) гегемонии именно потому, что он внедряет переходные отношения, соединяющие господствующие капиталистические начала с ростками новой социальной организации – ростками «царства свободы». И хотя последние остаются в общем и целом подчинены капиталу, тем не менее они ему сущностно противоположны. Соединяясь с обобществленным трудом как антагонистом капитала, эти ростки способны создавать предпосылки рождения мощных контргегемонистских процессов и социальных сил.

Краткую систематизацию тех и других мы построим, опираясь (что естественно) на пунктир историко-логической эволюции позднего капитализма.

Первый уровень: развитие монополистического капитализма и подрыв свободной конкуренции вкупе с империализмом и колониализмом не только поднимают на новый уровень процессы обобществления, но и создают предпосылки (в виде локального монополистического и государственного воздействия на рынок) для сознательного регулирования социально-экономической жизни, что является прямой антитезой тотальному доминированию рынка как исходному пункту гегемонии капитала. Крайнее обострение межимпериалистических противоречий и колониализм создают к тому же возможность начала социалистических преобразований в отдельных частях мирового сообщества (с угрозой вымирания и мутации этих первых ростков нового мира).

Второй уровень: появление и широкое распространение социал-реформизма, во-первых, создает ряд переходных отношений, в которых развиваются ростки свободных ассоциаций граждан, трудящихся (а свободная ассоциация есть прямая антитеза закрытой корпорации вообще и капиталистической в частности), и, во-вторых, развивает формы самоорганизации трудящихся и граждан, формируя контргегемонистские силы. Важной предпосылкой прогресса последних и противостояния гегемонии капитала в целом становится относительное углубление в этот период политической демократии в развитых странах, преодоление

колониализма в «Третьем» мире, а также интенсивное и экстенсивное развитие мутантного социализма при частичном преодолении деформаций и прогрессе «чистых» ростков «царства свободы» (хрущевская оттепель ...). Однако в целом, по своим основам эта система не выходит за рамки позднего капитализма.

Резкое ускорение научно-технического прогресса создает предпосылки для перехода от реформизма к качественно новому обществу, основанному на доминировании творческой деятельности (но именно и только предпосылки; на деле они так и не реализованы в полной мере; НТП скорее усугубил глобальные проблемы, но не стал основой развития ноосферы).

Третий уровень: неолиберальный период, знаменуясь общим наступлением сил капитала, тем не менее неслучайно (как было показано выше) совпадает с постепенным сокращением роли материального производства и развитием информационных технологий; в развитых странах создаются дополнительные технологические предпосылки для перехода к креатосфере как области, лежащей «по ту сторону» не только гегемонии капитала, но и вообще «царства необходимости». Концентрация наиболее высококачественных ресурсов и наиболее влиятельных корпоративных структур в превратном секторе показывает, что поздний капитализм уходит с пути прогресса (развития производительных сил, человека как родового существа), создавая вместе с тем мощнейшие предпосылки нового рывка к «царству свободы» (своего рода воспроизведение на новом витке «отрицания отрицания» ситуации, характерной для империализма начала века с его первым импульсом прорыва к социализму).

Наблюдаемое нами постепенное «угасание» неолиберализма знаменуется развитием переходных отношений, развивающих элементы формального и реального освобождения труда (пока что внутри и к вышней выгоде капитала): участия работников в управлении и собственности, некоторой эмансипации от власти капитала работников, занятых творческой деятельностью и превращении знаний, творческих способностей в *alter ego* капитала и т.п. Впрочем, пока что эти процессы являются не более чем тенденцией, а обостряющаяся глобальная гегемония капитала вызывает и ответную реакцию – бурный рост альтерглобалистского движения и других форм социального творчества. Более того, именно в этих условиях вновь начинается прогрессивное развитие социальной базы перехода к «царству свободы», «стрела социального творчества» сдвигается влево.

Подводя итог этим шагам по дороге развития контргегемонистских сил, подчеркнем: в конечном счете альтернативой тотальной гегемонии корпоративного капитала как высшей форме эволюции экономической общественной формации постепенно становится *универсальное свободное социальное творчество ассоциированных трудящихся как адекватная форма развития креатосферы.*

На смену капиталу и закрытой принудительной корпорации здесь приходит открытая добровольная, свободная, «работающая» ассоциация; на смену тотальной гегемонии как высшей форме отчуждения – ассоциированное социальное творчество; на смену производству вещей как доминанте развития – сотворение культурных ценностей (включая восстановление биосферноценноз) как главная сфера жизнедеятельности homo creator'a.

Но это стратегическое направление трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» пока что остается всего лишь научным прогнозом. Реальностью же пока является усугубление гегемонии корпоративного капитала при развитии разнообразных переходных форм, описанных в основной части текста и упомянутых выше альтернативных социальных движений, анализом которых мы вполне закономерно завершим этот том.

p.s. Российский капитализм
Юрского периода
(вместо заключения ко II тому)

Завершая исследование специфики позднего капитализма, авторы, естественно, не могли обойти вниманием свою Родину и не посмотреть, как предложенная в двух предшествующих томах методология и теория «работают» в приложении к этому объекту¹.

Российскую экономическую систему последнего десятилетия принято характеризовать как рыночную или экономику с развивающимся рынком. Соответственно, едва ли не большинство российских и зарубежных ученых если и задаются вопросом о ее природе, то рассматривают его исключительно сквозь призму или некоторых особенностей реализации в нашей стране «стандартного» набора микро- и макроэкономических закономерностей, или меры приближения к некоторому стандарту (идеальной модели) рыночной экономики, прописанному в том или ином учебнике *economics*².

Мы этому нормативному подходу противопоставляем исследование процессов, происходящих в нашей экономической системе не только на уровне поверхностных (как правило, превратных) форм³, но и на уровне содержательных, глубинных противоречий, порождаемых процессом трансформаций, начавшихся в нашей стране в последние десятилетия XX века и незавершенных до сих пор⁴.

Этот подход отличает нас и от российских экономистов праволиберального направления⁵, и от ученых, акцентирующих специфику «рос-

¹ Авторы выражают благодарность за конструктивные критические замечания д.э.н., профессору Д.Б. Эпштейну, позволившие внести определенные коррективы в первоначальный вариант текста.

² Неправомерность такого подхода мы подчеркивали еще 20 лет назад (см.: Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурис, 1994). Такая постановка проблемы ныне получает все большее распространение.

³ Подробнее см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М.: Культурная революция, 2009; Дзарасов Р.С. Российский капитализм: анатомия эксплуатации // Альтернативы. 2010. № 4; Краус Т. Трансформации в постсоветском пространстве: к проблеме исторической интерпретации уроков смены общественного строя // Альтернативы. 2011. № 1.

⁴ Данные идеи созвучны позиции авторов, представленной в коллективных монографиях: Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, М.Б. Конашева, М.П. Кропоткина. М.: Культурная революция, 2013 и Политэкономию провала: Природа и последствия «рыночных» реформ в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013.

⁵ См.: Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Экономические записки. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008; Современная экономика России. Справочные и аналитические материалы / Под ред. Е.Т. Гайдара. М.: Проспект, 2010.

сийской цивилизации», в кругу которых тема незавершенности трансформаций и специфичности рождающейся в России системы также не слишком популярна: они предпочитают говорить о том, что неолиберальная модель рынка и капитализма неадекватна национальным и культурным особенностям России¹. Оно отличает нас и от большинства западных авторов, которые, как правило, акцентируют своеобразие российского капитализма², но связывают это опять же со спецификой «российского медведя», только с обратным знаком: несвободный рынок не адекватен российской цивилизации, а Россия неадекватна основным атрибутам цивилизованного бытия, важнейшим инвариантом которого является рынок. Исключение здесь составляют лишь несколько работ³.

Однако жизнь все чаще свидетельствует, что специфика нашей экономической системы слишком велика, чтобы ограничиться исчерпывающим перечислением некоторых особенностей рыночных механизмов⁴. Необходимо содержательное исследование, а оно, в свою очередь, предполагает некоторую минимальную систематизацию эмпирического материала и четкое определение методологических и теоретических предпосылок исследования.

¹ См.: *Кульков В.М.* Российская экономическая модель. М.: ТЕИС, 2009; *Осипов Ю.М.* Постигание России. М.: Экономистъ, 2005.

² Одно из прижившихся имен для обозначения этой специфики – *Kremlin Capitalism* (см., например, статью М. Голдвина в *The Moscow Times*, 22 September 2006).

³ К их числу следует отнести в первую очередь книгу Д. Котца и Ф. Виара (см.: *Kotz D., Wier F.* *Russia's Path from Gorbachev to Putin: The Demise of the Soviet System and the New Russia. (A revised and Updated Version of Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. 1997).* L.–N.Y.: Routledge, 2007; Русскоязычное издание: *Котц Д., Виар Ф.* *Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия.* М., 2013).

⁴ См.: *Хубиев К.А., Пороховский А.А., Черковец В.Н.* *Формирование экономической системы России в координатах мирового развития / Под ред. К.А. Хубиева.* М.: ТЕИС, 2001; *Хубиев К.А.* *Неоиндустриальная парадигма и альтернативные подходы к ней // Экономист.* 2013. № 4; *Хубиев К.А.* *Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности // Проблемы современной экономики.* 2014. № 3.

глава 1 Эмпирические, методологические и теоретические предпосылки исследования

Сказанное, в свою очередь, обуславливает необходимость позиционирования нашего исследования в «системе координат» различных школ экономической теории, их методологии и категориального аппарата. Без этого невозможно выбрать тот инструментарий, использование которого позволит адекватно исследовать практику и дать аргументированные, теоретически обоснованные рекомендации для выработки стратегии развития нашей экономической системы.

В современную эпоху позитивистского мелкотемья и постмодернистской «деконструкции больших нарративов» такой подход выглядит архаичным, однако авторы немало писали о важности его реактуализации в I томе, и потому в этом тексте ограничимся лишь отсылкой к известной параллели.

В экономической теории адекватная методология играет роль, аналогичную роли телескопа (микроскопа, иного прибора) в естественных науках: хорошо известно, что неадекватный выбор приборов и/или методики опытов может привести к ложному результату.

Мы в качестве такого «прибора» выбираем системный диалектический метод и ниже покажем, что он позволяет получить содержательную теоретическую модель, адекватно объясняющую практики нашей экономики.

Подчеркнем: этот текст не претендует на статус завершеного исследования (последнее попросту невозможно: процессы трансформаций не завершены), но и не является исключительно новой гипотезой: *авторы вот уже 20 лет работают над этой темой* и результаты этих исследований апробированы в докладах на престижных международных конференциях в крупнейших научных центрах России и многих странах мира, отражены в ряде книг и десятках статей, вышедших на многих языках¹. Еще более продолжительной является наша работа над про-

¹ Проблемам содержания и структуры производственных отношений российской экономики были посвящены десятки наших работ. Поскольку этот текст является в определенном смысле авторефератом нашей более чем 20-летней работы, постольку мы считаем возможным упомянуть хотя бы часть из этих публикаций. Прежде всего это серия статей в журнале «Вопросы экономики» (см.: Бузгалин А.В. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. 1995. № 2; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Либерализация versus модернизация (сравнительный анализ переходных экономических систем) // Вопросы Экономики. 1997. №7; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского марксизма →

блемами методологии политической экономии, и в частности структуры производственных отношений, с чего мы и начнем наш анализ.

Прежде чем начать поиск решения проблем специфики содержания и структуры системы производственных отношений российской экономики последних десятилетий, напомним некоторые в принципе хорошо известные, но не всегда системно представляемые эмпирически достоверные (насколько вообще может быть достоверной официальная статистика) параметры, характеризующие последние два десятилетия российской экономики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДВАДЦАТИ ЛЕТ ТРАНСФОРМАЦИЙ: НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ¹

Начнем с констатации некоторых *позитивных* экономических (о политике – демократии, свободе слова, возможностях выезда за рубеж и т.п. мы в *этом* тексте речь не ведем) результатов, которые принципиально важно принимать во внимание.

Среди основных – *ликвидация дефицита товаров и услуг*. При общем сохранении (или незначительном сокращении/увеличении) объемов потребления основных товаров и услуг в натуральном выражении (см. таблицу 1) введение свободных цен привело к сбалансированности платежеспособного спроса и предложения².

← (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9 и др.), а также ряд монографий и учебных пособий (см.: Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурус, 1994; Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы / Под общ. ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1995; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: ТЕИС, 2003; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал (часть III). М.: Едиториал УРСС, 2004 (2-е изд. – 2007) и др.).

Предложенная нами модель структуризации трансформационной экономики России стала базой для учебного курса и легла в основу ряда коллективных учебных пособий (см.: Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. М., 1995; Трансформационная экономика России / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006). В значительной мере по этому же принципу построено учебное пособие по трансформационной экономике России В.М. Кулькова (см.: Кульков В.М. Российская экономическая модель. М.: ТЕИС, 2009), который при этом делает больший акцент на национальных особенностях России.

¹ Данный раздел текста написан при содействии О.В. Барашковой и О.Б. Лемешонок.

² Для этого, на первый взгляд, кажущегося парадоксальным положения, есть хорошо известные объяснения: рынок создает объективную видимость →

Безусловно, за 20 с лишним лет в разы выросло потребление ряда товаров, которые были сконструированы и появились на рынке именно за эти 20 лет (компьютеры, мобильные телефоны и т.п.), а также автомобилей, косметики и т.п. Но и в РСФСР объемы потребления вновь появлявшихся товаров (это следствие структурных изменений на потребительском рынке, регулярно происходящих вследствие научно-технического прогресса), а также предметов длительного пользования (холодильников, телевизоров, автомобилей) возрастали в разы за пятилетку и едва ли не в десять – двадцать раз за 20 лет (см. таблицу 2 и таблицу 9 далее). Так, обеспеченность автомобилями на 1000 человек населения увеличилась за 20 лет – с 1970 по 1990 г. более чем в 10 раз (с 5,5 до 58,5 ед.), тогда как за последующие 20 лет «реформ» – в 5 раз (и это притом, что в советский период государственное регулирование было направлено на сдерживание роста личного легкового автотранспорта, что имело свои резоны; нынешние пробки практически во всех крупных городах тому подтверждение).

Вторым важным позитивным достижением стало *восстановление до уровня 20-летней давности* (по расчетам критиков «реформ») или даже *увеличение по сравнению с 1991 годом примерно на 30% среднего* (по данным официальной статистики) *уровня доходов*¹. Этот результат является едва ли не наиболее чувствительным для граждан нашей страны.

← избытия товаров и того, что он создает условия для удовлетворения любых потребностей каждого индивида. Здесь, однако, как и в других разделах нашего исследования, существенно различие содержания экономических феноменов и их превратных форм. Кажется, что на рынке удовлетворяются потребности, но содержанием является удовлетворение лишь платежеспособного спроса. Этот «нюанс» указывает на присущий рыночной экономике механизм отсекаания беднейших слоев (в частности, до половины россиян) от удовлетворения многих жизненно важных потребностей (например, в качественном жилье, медицинском обслуживании, образовании и т.п.). В своеобразной форме примерно о том же говорит даже исследование специалистов Высшей школы экономики. Объясняя тот факт, что 1990 год воспринимался как год дефицита, а 2000 год – как год избытия, хотя объем продаж многих товаров длительного пользования достиг уровня 1990 г. только к 2000–2003 гг., они отмечают, что, с одной стороны, рыночные цены равновесия ограничивают спрос, с другой стороны, предложение товаров и брендов расширилось, и при покупке того же количества товаров выбор потребителя стал гораздо шире (см.: *Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Рук. авт. колл. Е.Г. Ясин. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 29–30.*)

¹ Рассчитано для 2012 г. по сравнению с 1991 г. по: *Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»)*. Доступ по ссылке: →

таблица 1 **Обеспеченность населения
товарами длительного пользования в 1994–2012 гг.**

наличие предметов длительного пользования на 100 домашних хозяйств:	годы				
	1994	1998	2003	2005	2012
телевизоры, шт.	137	124	133	138	174
видеомагнитофоны, видеокамеры, шт.	9	43	57	66	46
персональные компьютеры, шт.	–	–	13	26	86
мобильные телефоны, шт.	–	–	25	104	244
музыкальные центры, шт.	–	–	24	34	38
холодильники, морозильники, шт.	114	113	114	117	125
стиральные машины, шт.	102	97	93	97	101
электропылесосы, шт.	77	80	78	84	93
микроволновые печи, шт.	–	–	–	25	69
посудомоечные машины, шт.	–	–	–	1	5
кондиционеры шт.	–	–	–	3	12
легковые автомобили (на 1000 жителей)	83,4	120,4	153,0	168,4	257,5

Источник: данные Росстата.

таблица 2 **Обеспеченность населения
товарами длительного пользования в 1970–2012 гг.**

наличие предметов длительного пользования на 100 домашних хозяйств:	годы				
	1970	1980	1990	2000	2012
легковые автомобили (на 1000 жителей)	5,5	30,2	58,5	130,5	257,5
телевизоры, шт.	137	124	133	138	174
видеомагнитофоны, видеокамеры, шт.	9	43	57	66	46
персональные компьютеры, шт.	–	–	13	26	86
мобильные телефоны, шт.	–	–	25	104	244
музыкальные центры, шт.	–	–	24	34	38
холодильники, морозильники, шт.	114	113	114	117	125
стиральные машины, шт.	102	97	93	97	101
электропылесосы, шт.	77	80	78	84	93
микроволновые печи, шт.	–	–	–	25	69
посудомоечные машины, шт.	–	–	–	1	5
кондиционеры, шт.	–	–	–	3	12

Источник: данные Росстата.

← http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

При этом, правда, как отмечают эксперты Высшей школы экономики, работавшие под руководством профессора Е.Г. Ясина (а их трудно заподозрить в больших симпатиях к советской системе, равно как и антипатиях к рыночным «реформам»), в результате резко возросшей социальной дифференциации населения к 2009 году существенно (более чем в 2 раза) улучшили свое положение по показателю реальных денежных доходов только высшие 20% россиян. Еще 20% наших граждан (третья квинтильная группа) 20 лет спустя после распада РСФСР живут так же, как и почти четверть века назад (при этом они смогли достичь уровня 1991 г. только к 2007 г.). Наконец, низшие 40% россиян живут хуже, чем в нашей стране конца 1980-х., при этом половина из них живут почти в два раза хуже, чем в дореформенный период (реальные денежные доходы составляли в 2009 г. 55% от уровня 1991 г.).

Авторы, более критично оценивающие результаты трансформаций, указывают, что для большинства населения реальные показатели качества жизни, и в частности объемов потребления, существенно хуже, а мера дифференциации еще выше, чем накануне реформ¹.

¹ Так, В.Н. Бобков (см.: *Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. №2. С. 3*) на основе построенной им группировки доходов населения на пять групп приходит к выводу о том, что «...**в современном российском обществе устойчиво преобладают низко- и ниже среднего обеспеченные домодами и жилищем группы населения: в 1994 г. – 71,0%, а в 2010 г. – 69,8% населения относились к низко- и ниже среднего обеспеченному населению**».

Приведем ниже важные пояснения по этому поводу, любезно предоставленные авторам профессором, д.э.н. Д.Б. Эпштейном. Поясняя методику В.Н. Бобкова, он, в частности, отмечает: «Первую группу в расчетах составляют те, кто имеет среднедушевой доход не более 1 бюджета прожиточного минимума (БПМ). Их доля за период с 1986 по 2010 год выросла с 3,1 до 12,5%. Вторая группа – это те, кто получает от 1 до 3 БПМ. Их доля сократилась с 59,1 до 46,4%. Третья группа – это те, чьи доходы находятся в интервале от 3 до 7 БМП. Эта группа сократилась с 35,1% до 31,2%. Четвертая группа и пятая группа относятся к группам с высокими доходами. Доходы в четвертой группе принадлежат интервалу от 7 до 11 БМП. Наконец, пятая группа – это группа с доходами выше 11 БМП».

Для придания большей наглядности и количественной определенности расчетам В.Н. Бобкова, Д.Б. Эпштейн предлагает принять, что среднее значение доходов по первой группе составляет 50% от верхней границы БМП (т. е. равно 0,5 БМП), а по пятой группе среднее значение доходов превышает нижнюю границу (11 БМП) также на 50%, то есть равно 16,5 БМП. В качестве средних значений доходов для второй, третьей и четвертой групп приняты их середины. В результате при подсчете весов групп в совокупном доходе оказалось, что первые три группы, охватывающие в 1986 году 97,7% населения, получали в сумме 93,1% совокупного дохода. А в 2010 году первые три группы охватывали уже 90,1% населения, но получали они в сумме лишь →

В любом случае, мы можем сделать вывод, что экономические и социальные достижения периода реформ во многом сводятся на нет для большинства россиян вследствие резко выросшего уровня имущественного неравенства¹.

К третьему достижению последнего двадцатилетия относится восстановительный рост не только в сырьевых, но и в некоторых других отраслях реального сектора экономики. В частности, за 2000-е годы были созданы сотни промышленных предприятий (в большинстве своем являющихся цехами по сборке, розливу и т.п. продукции ТНК или поставке им комплектующих), восстановлено производство на ряде предприятий ВПК, растет доля экспорта продуктов первичной переработки сырья. Более того, наблюдалась нелинейная тенденция роста производительности труда, причем не только в целом по экономике (здесь большую роль играл рост выработки на одного занятого в сфере услуг, торговле

← 69,3% дохода, то есть подавляющая масса населения страны стала в среднем за «годы реформ» беднее на 20,8 процентного пункта, или на 23%, а отнюдь не богаче на 40–50%, как утверждают результаты группы Е. Ясина. Наконец, есть еще один простой подход к оценке реальной динамики доходов. Хорошо известно, что реальный прирост доходов небогатое население тратит в первую очередь на улучшение питания, что отражается в росте потребления продукции животноводства, в частности мяса, молока, яиц, рыбы, до тех пор, пока потребности не будут насыщены. Об уровне насыщения потребностей свидетельствуют медицинские нормы и фактическое потребление развитых стран, с некоторой поправкой на географические и национальные особенности. В 1990 году в РСФСР в среднем объемы потребления мяса и мясopодукции, молока и молочной продукции, яиц и рыбы составляли на душу населения, соответственно, 75 кг, 386 кг, 297 штук и 20,3 кг, приближаясь к медицинским нормам. В 2009 году потребление указанных продуктов составляло, соответственно, лишь 66 кг, 244 кг, 260 шт. и 14,9 кг. При этом рост средних цен на эти виды продукции не обгонял рост доходов. Таким образом, уже факт существенного отставания потребления населением животноводческой продукции в 2009 году от уровня 1990 года напроць опровергает тезис о превышении доходов в 2009 году. Наоборот, он говорит о заметном отставании доходов основной массы населения в 2009 году от уровня 1990 года. Лишь к 2012–2013 году объемы потребления мяса вплотную приблизились к уровню 1990 года, но еще заметно отставание по молочной продукции, яйцам, рыбе. Существенно выше, чем в советский период (в 1990 году), население потребляло в 2009 году фруктов (55 кг против 35 кг) и несколько больше овощей (102 кг против 89 кг), а также картофеля (112 кг против 106 кг). Рост потребления фруктов обусловлен тем, что цены на них росли относительно медленнее, чем доход.

¹ См.: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Рук. авт. колл. Е. Г. Ясин. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 69–70.

и т.п.), но и в ряде отраслей промышленности, а также в сельском хозяйстве¹.

Наконец, важнейшим позитивным результатом «реформ» экономисты праволиберального направления считают *формирование в нашей стране основных институтов рыночной экономики и частной собственности*.

Здесь, однако, сразу же требуется оговорка: с нашей точки зрения рынок и частная собственность сами по себе не есть «результат»; сами по себе они – всего лишь одно из средств достижения результатов, которые ставит перед собой общество. Если же мы к числу таких результатов относим существенные позитивные результаты в области повышения человеческих качеств (удовлетворение материальных и духовных потребностей, продолжительность жизни, уровень образования и культуры, безопасность, ...), прогресс технологий, решение экологических проблем и т.п., то трансформации последних 20 лет привели к позитивным сдвигам только в одной сфере – *удовлетворении платежеспособного спроса широким ассортиментом преимущественно зарубежных потребительских товаров и услуг*.

Здесь результаты налицо: от «оптовых» рынков для бедных до изысканных бутиков для богатых, от киосков до гипермаркетов – все это видимые и значимые для рядового *потребителя* результаты «реформ». Да и по официальным статистическим данным оборот розничной торговли за этот период вырос почти в 3 раза (по расчетам на основании индекса физического объема оборота розничной торговли уровень 2012 г. в 2,93 раза выше уровня 1991 г.)², а объем платных услуг населению за этот период вырос почти в 2 раза.

Однако все остальные социальные индикаторы, как мы покажем ниже, либо ухудшились (положение беднейшей части населения, Индекс человеческого развития), либо незначительно улучшилось (средние доходы населения). В сравнении с темпами роста всех этих показателей даже в годы «застоя» (не говоря уже о десятилетиях «оттепели») эти результаты выглядят более чем скромно. И это притом, что сравниваем мы с «неэффективной» (по мнению авторов «реформ») плановой экономикой РСФСР.

Поэтому в качестве позитивных *результатов* (достижений) само по себе создание частной собственности и свободного предпринима-

¹ Подробнее об этом см.: *Эпштейн Д.Б.* Россия–2013: противоречия экономической эволюции // Альтернативы. 2014. №1.

² Согласно расчетам авторов на основе данных Росстата. Источник данных: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Доступ по ссылке:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

тельства (если оно в РФ свободно...), фондового рынка и сотен банков, и т.д. и т.п. некорректно: все это не более чем *средства*, которые могут приносить, а могут и не приносить продвижение по пути социального, гуманитарного, технологического и т.п. прогресса.

После этих ремарок следует обратиться к краткому комментарию основных общеизвестных макроэкономических индикаторов.

Как известно, официальная статистика показывает, что за эти годы *валовой внутренней продукт страны* сначала сократился почти в два раза, после чего начался экономический рост. По данным Росстата ситуация выглядела следующим образом (см. рисунок 1).

Данные Мирового банка более оптимистичны: они показывают, что по ВВП (в постоянных ценах) мы в конечном счете вышли на уровень, на 23% выше, чем в 1990 г. (см. таблицу 3)¹.

Расчеты других экономистов гораздо менее оптимистичны и показывают незначительное превышение ВВП АО сравнению с советским

¹ Данную таблицу (под номером 1) приводит в своей статье о Российской экономике С.С. Дзарасов (см.: Альтернативы. 2014. № 1) и сопровождает ее следующим комментарием: «Как оценивать приведенные данные, говорят они о росте российской экономики или ее восстановлении после стольких лет разрушения? Цифры сами по себе на этот вопрос ответить не могут. Для этого надо учитывать отражаемые ими процессы, в данном случае реалистичность экономического роста. Для получения ответа на этот вопрос приведенные данные Мирового банка нуждаются в соответствующей корректировке под углом зрения понимания экономического роста.

Во-первых, необходимо принять во внимание, что под экономическим ростом принято считать не простое возрастание по сравнению с предыдущим годом, а **превышение максимума предыдущего периода**. В качестве примера сошлемся на советскую статистику, где экономический рост исчислялся по сравнению с 1928 г., т.е. годом достижения максимума предыдущего периода, каковым был 1913 год. Если мы не хотим обманывать себя, то все происходящее до прежнего максимума изменения надо характеризовать как **восстановление прежнего уровня**, и только меру его превышения можно считать экономическим ростом.

Во-вторых, при определении объема ВВП следует учитывать отличие методики его исчисления в советской и современной статистике. В первом случае финансовые, торговые и иные услуги от него не включались, а в современной статистике они добавляются, за счет чего его объем дополнительно возрастает. В-третьих, с течением времени в расчет показателя ВВП включается стоимость вновь возникшей продукции (например, не имевшихся раньше мобильных телефонов), не имеющую цену базового периода, а потому ее приходится считать по текущей цене с большой долей инфляционного компонента. От этого стоимостная величина ВВП искусственно завышает его физический объем, что и было в данном случае.

Если в таблицу №1 (в нашем тексте это таблица №3. – А.Б., А.К.) удалось ввести указанные поправки, то вполне могло оказаться, что ВВП в его физическом измерении либо не превышал уровень 1990 г., либо превышал его незначительно».

уровнем. Так, по данным Д. Котца и Ф. Виара, основанным на статистике МВФ и данных Росстата соответствующих периодов, а не современных ретроспекций, максимальный спад ВВП РФ составил 51, 2%¹, а не 43% (данные Мирового банка). Соответственно, и нынешнее соотношение ВВП РФ в 2013 к 1990 году будет выглядеть существенно менее оптимистично.

таблица 3 Динамика ВВП в 1991–2013 гг.²

годы	в млн долл.	в % к 1990 г.	годы	в млн долл.	в % к 1990 г.
1990	1 151 040	100	2003	913 369	79
1991	1 093 488	95	2004	978 687	85
1992	934 932	81	2005	1 041 202	90
1993	853 593	74	2006	1 121 122	97
1994	745 187	65	2007	1 211 495	105
1995	714 634	62	2008	1 279 338	111
1996	688 852	60	2009	1 231 996	107
1997	698 366	61	2010	1 287 436	112
1998	661 039	57	2011	1 342 667	116
1999	703 022	61	2012	1 388 855	121
2000	773 648	67	2013	1 409 423	123
2001	813 033	71			
2002	851 601	74			

Источник: Росстат.

В любом случае большинством экономистов признается, что российская экономика росла в начале 2000-х годов во многом (оценки расходятся: от 30 до 50%) вследствие устойчиво высоких цен на энергоносители и сырьевые товары, составляющие абсолютно лидирующую часть российского экспорта³.

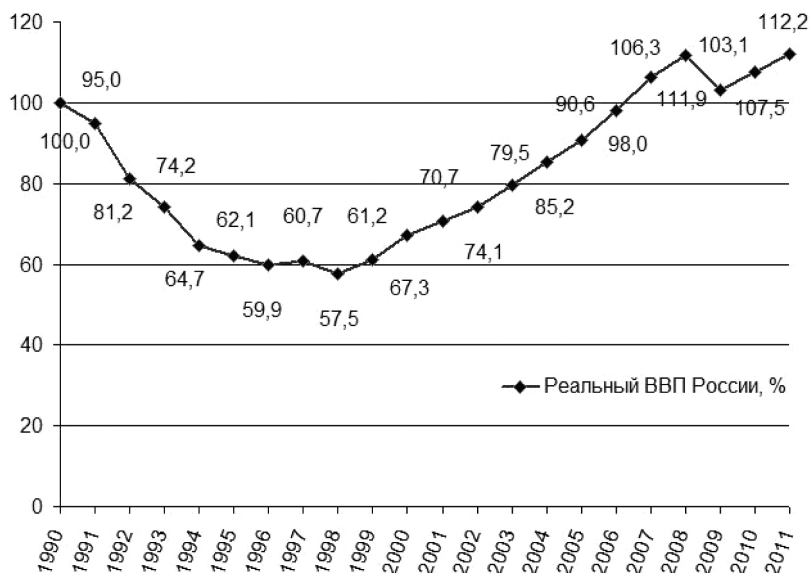
¹ Котц Д., Виар Ф. Цит. соч. С. 299.

² Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Доступ по ссылке:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

³ Напомним, что для послевоенной экономики СССР основным источником роста национального дохода было увеличение производительности труда. Так, за счет роста производительности труда за военные годы и в четвертой пятилетке было получено 69% всего прироста промышленной продукции, в пятой пятилетке – 68%, в шестой пятилетке – 72%, в седьмой пятилетке – 62%, в восьмой пятилетке – 73%. (см.: Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М.: Статистика, 1971. С. 58, 62–63).

рис. 1 Динамика ВВП России



Источник: Росстат.

Существенно, что вследствие высокого уровня экономической зависимости российской экономики от мировой экономической кризис 2008–2010 гг. оказался для России одним из самых глубоких в мире: кумулятивный спад около 9% против 3–5% в странах ЕС и США; для Китая кризис вообще обернулся всего лишь сокращением темпов роста до 7% в 2009–2012 гг.¹ Последние годы наша страна переживает период медленного роста, грозящего обернуться стагнацией (темпы роста ВВП в 2010–2013 гг. снизились с 4,5 до 1,3%²).

Итак, в области такого обобщающего макроэкономического показателя как валовой внутренний продукт в результате более чем 20 лет «реформ» российская экономика лишь незначительно превысила уровень «неэффективной», «кризисной» (оценки авторов «реформ») экономики РСФСР.

Безусловно, одним из важнейших индикаторов результатов эволюции экономической системы является *структура экономики*, и в частности

¹ См.: Россия и страны мира–2012. Стат.сб. // Росстат. М., 2012.

² Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

динамика современных высокотехнологичных производств. Если обратиться к общей оценке ситуации, то здесь едва ли не общепринятым является вывод о том, что в нашей стране оказался почти полностью разрушен высокотехнологичный сектор, ВПК восстанавливается с большим трудом и преимущественно на основе технологий и разработок советской поры. То же касается космоса. Авиастроение по объемам производства находится на уровне, более чем полувекковой давности.

Что касается образования, то здесь количественные результаты выглядят позитивно. Так, по количеству студентов на душу населения РФ в государственных и негосударственных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования РФ в 1,8 раза превосходит РСФСР 20-летней давности¹, но качество вузовского образования оставляет желать много лучшего, с чем согласны почти все представители образовательного сообщества², да и мировые рейтинги ведущих отечественных университетов катастрофически упали по сравнению с советским периодом. В области науки ситуация еще хуже, о чем многократно писалось в связи с дискуссией о «реформировании» РАН³.

Результаты в остальных отраслях материального производства иллюстрируются данными таблицы 4, которая показывает, что практически во всех отраслях, образующих основу экономики позднеиндустриального типа (не говоря уже о пятом и шестом технологических укладах) налично отставание по сравнению с «кризисным» 1991 годом.

Общий индекс промышленного производства и индекс обрабатывающих производств в 2010 составляли порядка 80% от уровня 1991 г., и только в добыче полезных ископаемых в 2010 г. уровень производства превышал уровень 1991 г. на 9%. Динамика обрабатывающей промышленности в разрезе отраслей дополняет картину отставания.

В то же время постреформенный период характеризовался (особенно в 2000-е годы) ростом таких сфер, как торговля и услуги, о чем мы писали выше.

¹ В сравнении уровня 2012 г. с уровнем 1992 г. Рассчитано по: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Доступ по ссылке:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

² Обзор материалов на эту тему см. в: Смолин О. Н. Образование и просвещение: «Русь, куда ж несешься ты?» (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы). В 4-х частях // Философские науки. 2013. № 11 и 12; 2014. № 1 и 2; а также в других публикациях О.Н. Смолина, посвященных образовательной политике (режим доступа к электронным версиям публикаций: http://www.smolin.ru/read/articles_edu/index.htm).

³ См.: Реформа РАН // Эксперт Online. 2013; <http://expert.ru/2013/07/1/reforma-ran/>.

таблица 4 Динамика производства продукции промышленности в 1991–2010 гг.¹

наименование показателя	2010 г. к 1991 г., %
общеэкономические показатели	
индекс промышленного производства ² , в % к предыдущему году	83,8
индексы производства по видам экономической деятельности разделов С, D, E ОКВЭД (в % к предыдущему году, с учетом поправки на неформальную деятельность)	
добыча полезных ископаемых	108,8
обрабатывающие производства	78,6
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	89,1
добыча полезных ископаемых	
добыча угля, млн т	91,2
добыча нефти, включая газовый конденсат, млн т	109,5
добыча газа природного и попутного, млрд м ³	101,2
обрабатывающие производства	
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	
производство готового проката черных металлов, млн т	104,7
трубы стальные, млн т	87,6
производство отдельных видов машин и оборудования	
производство холодильников и морозильников бытовых, тыс. шт.	95,9
производство металлорежущих станков, тыс. шт.	4,1
производство транспортных средств и оборудования	
производство легковых автомобилей, тыс. шт.	117,5
производство автокранов, тыс. шт.	22,5
производство вагонов грузовых магистральных, тыс. шт.	225,4
производство и распределение электроэнергии	
производство электроэнергии, млрд кВт/ч	97,2
потребление электроэнергии, млрд кВт/ч	96,6

¹ Рассчитано по: Социально-экономические показатели РФ в 1991–2012 гг. (приложение к сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Доступ по ссылке: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016 (дата обращения 20.01.2014).

² Агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на неформальную деятельность.

³ Рассчитано по данным официального сайта ЦБ РФ. Доступ по ссылке: www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?Prtd=mrrf_m (дата обращения 20.01.2014).

В последние годы наметились позитивные сдвиги в некоторых подотраслях и типах производств в не сырьевом реальном секторе экономики. Это касается в первую очередь сборочных производств, разливки, упаковки и т.п. товаров, а также (хотя и в меньшей степени) некоторых подотраслей промышленности и сельского хозяйства. В первом случае этот рост является следствием активного продвижения на российские рынки транснациональных компаний или их дочерних российских фирм. Во втором – результатом развития среднего отечественного бизнеса и сращенных с государством крупных производств (региональные агропромышленные объединения и т.п.).

В целом, однако, в не сырьевом реальном секторе российской экономики сохраняется не только существенное отставание от развитых стран, но и от уровня развития ключевых отраслей реального сектора РСФСР 1990 года. Такое положение в ключевых отраслях экономики является едва ли не общепризнанным. Сама по себе постановка официальными властями РФ проблемы реиндустриализации симптоматична. Причем – подчеркнем – задачи реиндустриализации, которые ставят лидеры развитых стран Запада и власти РФ качественно различны: там речь идет о сокращении посреднических секторов и расширении высокотехнологичного материального производства, адекватного вызовом XXI века, а у нас – о восстановлении индустрии образца СССР середины XX века.

В *финансовой сфере* к числу достижений относится создание значительного золотовалютного запаса (если на начало 1993 г. золотовалютный запас составлял 4,5 млрд долл., то на начало 2014 г. – уже 509,6 млрд долл. – см. таблицу 5).

Это достижение, впрочем, весьма сомнительного свойства. Во-первых, подавляющая часть этого запаса – валюта и ценные бумаги США и ЕС, которые, как известно, (а) мало доходны и (б) устойчивы лишь в той мере, в какой сохраняется доминирующее экономическое и геополитическое положение этих «протоимперий». Во-вторых, эти вложения в экономику наиболее развитых стран Запада оказываются невыгодны для российского производителя, который вынужден брать кредиты под проценты, многократно превышающие те, что мы получаем от Запада. Вместо долгосрочных и недорогих кредитов и прямых инвестиций, обеспечивающих реализацию целевых программ развития высокотехнологичных секторов, образования, науки и т.п. сфер экономики России, отечественные производители берут дорогие кредиты у зарубежных финансовых институтов, которые, к тому же (это уже камень в огород российского бизнеса) используются преимущественно в сырьевом и посредническом секторах.

О проблемах с *инфляцией* сейчас пишется меньше и большинство не только экспертов, но и граждан старается «забыть», что за годы «реформ» цены в стране выросли более чем в 50 тысяч раз, а по некоторым группам товаров более (хлеб, мясо, молоко...) – в 100 и более тысяч раз

таблица 5 Международные резервы Российской Федерации¹

дата	международные резервы, всего, млн долл.	в том числе монетарное золото, млн долл.	доля монетарного золота, %
01.01.1993	4 532	2 578	56,9
01.01.1994	8 894	3 059	34,4
01.01.1995	6 506	2 525	38,8
01.01.1996	17 207	2 824	16,4
01.01.1997	15 324	4 047	26,4
01.01.1998	17 784	4 889	27,5
01.01.1999	12 223	4 422	36,2
01.01.2000	12 456	3 998	32,1
01.01.2001	27 972	3 708	13,3
01.01.2002	36 622	4 080	11,1
01.01.2003	47 793	3 739	7,8
01.01.2004	76 938	3 763	4,9
01.01.2005	124 541	3 732	3,0
01.01.2006	182 240	6 349	3,5
01.01.2007	303 732	8 164	2,7
01.01.2008	478 762	12 012	2,5
01.01.2009	426 281	14 533	3,4
01.01.2010	439 450	22 798	5,2
01.01.2011	479 379	35 788	7,5
01.12.2011	510 910	48 224	9,4
01.01.2013	537 618	51 039	9,5
01.01.2014	509 595	39 990	7,8

Источник: рассчитано по данным Росстата.

и даже (например, проезд в Московском метро, широкий круг услуг) – в 500 тысяч раз (см. таблицу 6)... Это не просто публицистический образ – это характеристика непрерывного неравномерного интенсивного инфляционного процесса. И хотя сейчас он замедлился до уровня 6–8% в год, прошлое не оставляет: инфляционные ожидания остаются высокими. Да и инфляция в 6–8% для многих стран мира была бы вполне достаточным основанием для признания макроэкономической политики неэффективной. В России же это... большое достижение. И еще одна деталь: по мнению многочисленных экспертов рост цен на базовые потребитель-

¹ Рассчитано по данным официального сайта Центрального Банка Российской Федерации. Доступ по ссылке: http://www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?Prtid=mrnf_m. Дата обращения: 20.01.2014.

ские товары, услуги ЖКХ и другие блага, составляющие основу расходов большинства граждан России, составляет существенно более 10% в год.

таблица 6 Рост цен в 1991–2012 гг.¹

Наименование показателя	Рост цен в 2012 г. по сравнению с 1990 г. (1992 г.), раз
Цены на потребительском рынке	
Цены на товары и услуги (2012 г./1990 г.)	66683
Цены на продовольственные товары (2012 г./1990 г.)	54803
Цены на непродовольственные товары (2012 г./1990 г.)	36905
Цены на услуги (2012 г./1990 г.)	521141

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Существенно, что для «рядовых» граждан России актуальным является сопоставление стабильно поддерживавшихся цен на основные товары в конце существования СССР и в настоящее время в соотношении со средней заработной платой. На эту тему сделано немало исследований и практически все они показывают, что для большинства граждан, получавших тогда заработную плату 150–350 руб. в месяц (низкоквалифицированный рабочий – высококвалифицированный рабочий, ассистент – доцент) и получающих сейчас 15–35 000 руб. (т.е., с учетом деноминации, в 100 000 раз больше) соотношение цены/зарплата оказывается:

- негативным для таких сфер, как жилье, образование, культура, транспорт (плата за жилье выросла в 200 000 – 1 000 000 раз, билеты в театр и кино – 300–500 000 раз, городской транспорт – 300–500 000 раз и т.п.);
- нейтральным или негативным по большинству продуктов питания (рост цен в среднем около 100 000 раз; например, мясо в СССР стоило 2 руб. в магазине, где оно было в дефиците, и 4–6 руб. в свободной продаже на рынке; сейчас оно стоит 200–400 руб., хлеб – 18–26 копеек за 1 кг. В СССР, 20 – 100 руб. в РФ, молоко – 32 коп. за 1 литр и 40–60 руб. соответственно; обед в заводской или университетской столовой тогда стоил 60–80 коп., сейчас – 100–200 руб.);
- позитивным по таким товарам как одежда и товары длительного пользования (при оценке этих товаров в СССР по ценам на черном рынке,

¹ Рассчитано авторами по данным Росстата об индексах потребительских цен на различные группы товаров и услуг. Источник исходных данных: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Доступ по ссылке:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

например, джинсы у спекулянта тогда стоили 150–200 руб., сейчас 500–1500 руб.) или нейтральным (при оценке на государственном рынке, например, шерстяной мужской костюм тогда стоил 100–150 руб., сейчас – 10–20 000 руб.).

Если же перейти от макроэкономических индикаторов, по преимуществу используемых в неоклассической теории, к показателям *развития*, то здесь статистика покажет существенное ухудшение по сравнению с советским периодом. Так, «зеленый ВВП», или «полный индекс богатства» (IWI), рассчитанный экспертами ООН¹ в нашей стране снижался даже в период экономического роста начала 2000-х: природные ресурсы страны сокращались на 0,3% в год, с такими же среднегодовыми темпами сокращался индекс IWI на душу населения². По *индексу человеческого развития* наша страна занимает места в районе 60-го (в 2011 году – 66-е, отставая от Аргентины, Чили, Мексики, Румынии...³), что существенно ниже, чем показатели двадцатилетней давности (тогда СССР входил в первую десятку; для РСФСР эти показатели аналогичны: по ВВП на душу населения, продолжительности жизни и образованию Россия мало отличалась от среднего советского уровня).

По другим социальным индикаторам ситуация также свидетельствует либо об ухудшении, либо о крайне незначительном улучшении ситуации, по сравнению с – напомним – кризисным (!) 1991 годом. Выше мы подчеркнули, что в среднем объем потребления в сопоставимых ценах за четверть века вырос примерно в 1,3 раза, но при этом большинство населения либо незначительно улучшило свое положение, либо стало жить хуже (речь идет о 60% населения, образующих три 20%-ные группы населения, две из которых не достигают по величине реальных душевых доходов уровня 1991 года, а доходы третьей группы находятся на уровне 1991 г., т.е. в совокупности речь идет о 60% населения). Количество работников, доходы которых ниже прожиточного минимума (а в него не входит, например, аренда квартиры, сложные медицинские услуги и мн. др.) возросло за 20 лет примерно в 3,9 раза⁴. Число взрослых и детей, ставших бездомными и нищими, превышает миллион.

¹ Inclusive Wealth Index (IWI) дает представление о реальном богатстве страны, включает в расчеты показатели промышленности, человеческого и природного капитала. Подр. см.: Inclusive Wealth Report 2012, Measuring progress toward sustainability // Cambridge University Press, 2012. С. 23–24.

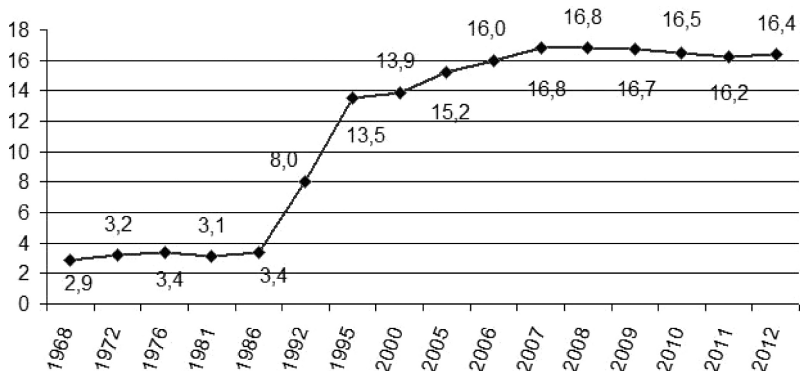
² Inclusive Wealth Report 2012. Measuring Progress toward Sustainability // Cambridge University Press, 2012. Р.36.

³ Доклад о человеческом развитии. М., 2011.

⁴ Бобков В.Н., Колосова Р.П. Характеристика социальной дифференциации в России: 1990–2010 гг. // Неравенство доходов и оплаты труда: тенденции, вызовы и стратегии перераспределения / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца. М., 2014.

Еще более впечатляющим является рост социальной дифференциации. Официальные данные показывают, что он вырос многократно. Так, децильный коэффициент в современной России по официальным данным составляет 16 раз (см. рисунок 2), но оценки экспертов гораздо более категоричны: 25–30 раз¹.

рис 2 Динамика коэффициента фондов, в размах²



Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2001. С. 130; Российский статистический ежегодник. 2011. М.: Росстат, 2011. С. 176; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32kv.htm (дата обновления 18.04.2013).

Неслучайно именно этот параметр – чрезмерно высокий уровень социальной дифференциации – многие известные экономисты страны считают одним из наиболее болезненных и негативных следствий «реформ»³.

Существенно, что социальная дифференциация существенно сказывается на качестве жизни, что можно проиллюстрировать хотя бы данными о заболеваемости групп населения с разным уровнем доходов (см. таблицу 7).

Противоречия, связанные с крайне высоким уровнем социальной дифференциации усугубляются тем, что эта дифференциация затрагивает не только доходы, но и богатство: по данным Global Wealth Report 2013 в России 110 человек контролируют 35% национального богатства⁴!

¹ См.: *Смолин О.Н.* Социальная справедливость: не «все поделить», но «делиться надо» // *Альтернативы.* 2014. № 1.

² *Анисимова Г.В.* Неравенства в российском обществе: динамика и проблемы // *Альтернативы.* 2014. № 1.

³ См. *Гринберг Р.С., Горшков М. К., Дегтярь Л. С.* Социальное неравенство и публичная политика. М.: Культурная революция, 2007.

⁴ *Global Wealth Report 2013* // CREDIT SUISSE AG. P.53.

таблица 7 **Заболееваемость в группах с разным уровнем доходов (в %)¹**

заболевания	уровень доходов			всего
	высокий	средний	низкий	
остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». М.: Росстат, 2009. Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdro8.htm (дата обращения: 05.10.2012).

Наконец, позволим себе принципиально важную ремарку: выше мы все время сравнивали РФ 2012–2013 гг. с РСФСР 1990–91 годов. *Если же предположить, что «реформы» шли по действительно эффективной траектории, то за это время страна должна была пройти такой же путь, какой СССР прошел от, скажем, послевоенного 1946/50 до 1970-го.*

Давайте вспомним, как изменились объемы потребления граждан, уровень образования, продолжительность жизни, научно-технический потенциал, производительность труда и т.п. за эти годы (см. таблицу 8). А они тогда росли. И росли быстро.

Посмотрим только на те показатели РСФСР 1947–1970 гг., где в РФ за 1991–2012 гг. произошли позитивные сдвиги. Реальные доходы выросли тогда за 20 лет почти в 3 раза, сейчас – в 1,3 раза; розничный товарооборот тогда увеличился в 5 раз, сейчас – в 3; в 7–10 раз тогда вырос объем потребления товаров длительного пользования и т.п. И это происходило в «неэффективной» по определению (определению таких «авторитетов», как Хайек, Мизес и т.п.) плановой экономике.

Если же посмотреть на сдвиги в развитии промышленности, науки, образования, то контраст будет просто разительным. РСФСР (как и весь

¹ Анисимова Г.В. Неравенства в Российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы, 2014, № 1.

Советский Союз) тогда совершил революционные сдвиги в технологиях: были созданы качественно новые отрасли (атомная, авиакосмическая, электронная), совершены прорывы в фундаментальной науке, осуществлен качественный скачок от преимущественно неполного восьмилетнего к обязательному среднему образованию и создана одна из лучших в мире систем обучения и воспитания. Страна была одним из мировых лидеров в наиболее передовых отраслях того времени и распространяла свое влияние на как минимум треть человечества...

Подчеркнем: в отличие от многих ностальгирующих по СССР современных экономистов, авторы подчеркивали и подчеркивают, что эти достижения имели и обратную сторону и были частью в далеко не самой эффективной и прогрессивной экономической модели. В данном случае мы хотим сказать только одно: преобразования в РФ привели к результатам много худшим, чем в действительно далеко не оптимальной экономике РСФСР.

Более того, мы постоянно подчеркиваем: *необходимо различать теоретическую модель пострыночной экономики и первый опыт ее исторического воплощения в СССР*. Мы неслучайно назвали советскую систему «мутантным социализмом» и не раз, в том числе в советский период, писали о том, что советская экономика была во многом действительно неэффективной, порождала дефицит, ведомственность, бюрократизм и т.п.¹. Так что «рыночная» экономика в РФ оказалась хуже этой, действительно крайне противоречивой и имеющей многие встроенные мутации системы².

Приведенный выше короткий обзор основных результатов постсоветского развития в РФ был сделан не для того, чтобы в очередной раз покритиковать «реформаторов». Об этом уже писалось много подробнее и до нас³. Наша задача состояла в другом. Мы «всего лишь» ставим

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М., 1985).

² Можно было бы предположить, что в «единственно эффективной» по определению (все тех же «авторитетов») рыночной экономике развитие должно было бы идти много быстрее, чем в плановой, однако жизнь показывает, что все далеко не так. И сноски на то, что после Второй мировой войны все восстанавливать было легче, по меньшей мере неуместны. Хотя бы потому, что «прорабы реформ» в начале 1990-х авторам лично заявляли, что они приняли страну в состоянии разрухи, сравнимой с «только с послевоенной» (имеется в виду Великая Отечественная война). Так что если верить их словам, то авторам «реформ» 1990-х восстанавливать РФ было так же «легко», как экономистам СССР в 1920-х или после 1945-го.

³ Эта оценка характерна для ряда ведущих ученых-экономистов Российской академии наук (см.: Глазьев С.Ю. Геноцид. М., 1999; Он же. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010; Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр ИНФРА-М, 2012; Он же. Итоги и уроки десятилетия системной →

*проблему: почему в стране с (1) огромными природными ресурсами, (2) высоким уровнем человеческого потенциала, и в частности одной из лучших в мире систем образования, науки и культуры, (3) одним из самых мощных военно-промышленных комплексов, сосредотачивавшим в своих недрах сильные высокотехнологичные производства, а также (4) в целом удовлетворительным индустриальным производством (на уровне среднеразвитых стран Европы и выше, чем в «Третьем» мире), – почему в стране с **таким** потенциалом переход от «неэффективной» (как казалось) плановой экономики к «эффективной» (как утверждается) рыночной экономике привел к глубокому кризису, который с трудом удалось преодолеть, оказавшись почти 25 лет спустя на стартовом уровне?*

Решение этой проблемы лежит в трех плоскостях.

← трансформации в странах ЦВЕ и в России // Российский экономический журнал. 2000. №1; *Он же*. Результаты экономических реформ в постсоциалистических странах // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3; *Сорокин Д.Е.* Стратегические ориентиры экономического развития России. М.: Алетей, 2010; *Татаркин А.И., Фетисов Г.Г., Цветков В.А.* О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3; *Татаркин А.И.* Инновационная миссия модернизации общественного уклада – потребность устойчивого развития России // Экономическая наука современной России. 2011. № 2; *Он же*. Состояние и проблемы активизации инновационного развития экономики России // Экономика и управление. 2010. №1), представителей большей части университетских кругов России (см.: *Дзарасов С.С.* Нужна другая модель реформ // Альтернативы. 2014. №1; *Пороховский А.А.* Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Экономика для человека. Социально-ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998; *Он же*. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009; *Он же*. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. 2011. №8; *Ханин Г.И.* От экономики разрушения к экономике созидания: как провести этот переход с умом // Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013; *Он же*. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск, 2014).

Она аргументируется в десятках публикаций таких журналов, как «Проблемы современной экономики», «Российский экономический журнал», «Философия хозяйства», «Экономист» и др.

Безусловно, есть и широкий круг интеллектуалов, отстаивающих противоположные взгляды. Они представлены преимущественно исследователями из Института Гайдара, Высшей школы экономики и ряда других научных центров, сериями публикаций в журнале «Вопросы экономики», который с конца 2000-х утратил последние следы плюралистичности мнений, став «рупором» неолиберального подхода.

таблица 8 Показатели развития экономики СССР в 1940–1970 гг.¹

наименование показателя	годы					
	1940	1946	1950	1960	1965	1970
1	2	3	4	5	6	7
динамика произведенного национального дохода (в сопоставимых ценах), в % к 1940 г. ²	100	78	164	435	597	866
производительность труда в промышленности (без промышленности колхозов; на одного работающего), в % к 1940 г.	100	87	145	296	372	492
динамика реальных доходов населения, в % к 1950 г. ³	–	–	100	187	223	296
розничный товарооборот на душу населения (в сопоставимых ценах), в процентах к 1940 г.	100	–	116	288	358	505
объемы потребления товаров длительного пользования (ед. на 1000 жителей):						
телевизоры	–	–	–	22	68	143
холодильники	–	–	–	10	29	87
стиральные машины	–	–	–	13	59	139
мотоциклы	–	–	–	10	17	21
радиоприемники и радиолы	–	–	–	129	165	199
динамика продажи важнейших товаров народного потребления в государственной и кооператив- ной торговле (в сопоставимых ценах, в % к 1940 г.):						
мебель	100	–	96	692	в 12 раз	в 18 раз

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М.: Статистика, 1971. С. 59, 64–65, 533, 537, 551, 558, 565, 569, 643.

² О масштабах восстановительного роста в послевоенные годы свидетельствуют следующие данные о промежуточном периоде, не вошедшем в таблицу: в 1946 г. национальный доход составлял 78% от довоенного уровня 1940 г., а в 1951 г. – уже 184% от уровня 1940 г., т. е. в первую послевоенную пятилетку было достигнуто увеличение годового национального дохода в 2 раза. При этом в дальнейшем за десять лет с 1960 по 1970 гг. национальный доход также увеличился вдвое.

³ В 1970 г. по сравнению с 1940 г. реальные доходы населения увеличились в 4 раза, в том числе за 10 лет с 1960 по 1970 гг. – на 58%. См.: Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М.: Статистика, 1971. С. 537.

1	2	3	4	5	6	7
велосипеды, мотовелосипеды и мопеды	100	–	342	в 15 раз	в 18 раз	в 21 раз
радиоприемники	100	–	637	в 27 раз	в 32 раза	в 38 раз
средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет ¹	–	–	67 (1955– 1956)	69 (1958– 1959)	–	70 (1970– 1971)
число врачей на 10 тыс. человек населения, чел.	7,9	–	14,6	20	23,9	27,4
численность лиц, получающих пенсии (на конец года, млн чел.)	4	–	–	24	26	41
численность студентов высших учебных заведений и учащихся средних специальных учебных заведений на 10 000 чел. населения (на начало учебного года)	41	–	69	111	166	188

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Первая: доказательство того, что капиталистическая система производственных отношений в целом ныне находится в состоянии «заката», и как таковая может быть *относительно* эффективной *исключительно* при условии ее неуклонного развития по траектории все большего социального регулирования (вопрос о социополитической аспектах возможности самореформирования этой системы мы в *этом* тексте не затрагиваем)².

Вторая: понимание того, что современная глобальная экономика воспроизводит на новом этапе и в новых формах старое противоречие «центра» и «периферии», обрекая не принадлежащие «центру» экономики на технологическое, гуманитарное и т.п. отставание в случае, если в этих странах не проводится целенаправленная долгосрочная политика, направленная на преодоление такого разрыва.

Третья: анализ и *отображение в системе категорий* сложившейся (в том числе и не без мощного воздействия субъективного фактора: целенаправленной политики «реформаторов» и стоящих за ними экономико-политических сил) в РФ специфической системы производственных отношений и институтов³ и формулирование на *этой основе* основных

¹ Данные приведены для 1955–1956, 1958–1959 и 1970–1971 гг. соответственно – в соответствии с периодизацией, приведенной в статистическом сборнике для данного показателя. См.: Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М.: Статистика, 1971. С. 565.

² Подробнее основные аспекты такой стратегии изложены в итоговом документе Московского экономического форума 2013 года (см.: www.me-forum.ru) и ряде международных документов, в частности Хартии Порту-Алегри.

³ Как мы покажем ниже, такая система не может не приводить в *целом* к доминированию асоциальной и по преимуществу экстенсивной модели →

направлений принципиальных изменений этой, как показывает опыт, неэффективной, системы.

Аналізу первых двух проблем были посвящены десятки наших предшествующих работ. Аналізу третьей будет посвящен нижеследующий текст, суммирующий основные положения наших предшествующих работ. Однако прежде чем начать анализ специфики проблем содержания российской экономической системы зафиксируем ряд методологических предпосылок.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ
(АВТОРЕФЕРАТ НЕКОТОРЫХ ВЫВОДОВ I ТОМА
В ИХ РЕТРОСПЕКЦИИ К РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ)

Обращаясь к кругу методологических предпосылок дальнейшего исследования, подчеркнем: в данном тексте они постулируются как аксиомы, хотя в действительности их следовало бы доказывать как теоремы. Причина этого – в специфике жанра этого фрагмента как своего рода автореферата I тома. Посему прекратим дальнейшие пояснения и перейдем к сути дела.

Во-первых, мы будем исходить из того, что экономика есть совокупность взаимодействующих исторически-конкретных систем. Во-вторых, последние будут раскрыты как системы элементов (групп элементов – подсистем); экономические системы, в свою очередь, могут объединяться в метасистемы. В-третьих, экономические системы ограничены во времени и пространстве. Эти банальности можно было бы не повторять, но, как выяснится в дальнейшем, они будут «работать» на обоснование ряда предлагаемых нами гипотез.

Поиск определенности экономической системы мы начнем несколько необычным путем: обратившись к *практике радикальных изменений экономической жизни*, которая с достаточной самоочевидностью продемонстрирует, что является экономической системой, какова ее структура и как эти представления сопрягаются с основными школами экономической теории. Достаточно очевидно, что один из наиболее радикальных сдвигов в экономической жизни наблюдается нами в постсоветском пространстве. То, что здесь осуществляется переход от одной экономики («плановой», «социалистической») – не будем сейчас заострять внимание на ее квалификации) к другой («рыночной», «капиталистической») признается сторонниками практически всех школ – от либералов до марксистов.

← *воспроизводства, отторгающей прогресс человеческих качеств и инновации и закрепляющей в целом периферийное положение нашей экономики.*

Более того, практически все они признают, что эти трансформации означают уход в прошлое ключевых параметров прежней экономики и рождение новых. Следовательно, приняв в первом приближении (а оно соответствует господствующим ныне представлениям – посмотрите хотя бы на любой учебник по компаративистике) тезис – происходящие в постсоветском пространстве изменения есть переход от одного типа экономической системы¹ к другой – мы можем сделать следующий теоретический вывод: **структура того, что умирает и рождается, укажет с наибольшей очевидностью на структуру экономической системы.**

Подчеркнем: в условиях стабильно функционирующей зрелой экономики, где все ее звенья соединены сложной системой прямых и обратных связей, выделение основных элементов структуры крайне затруднено. В период же ломки эти параметры обнажаются предельно четко.

Так что же именно подлежало «демонтажу» в старой системе?

Возьмем в качестве основы логику радикальных либерал-реформаторов. Они выдвинули (и попытались реализовать) лозунги либерализации, приватизации и стабилизации², т.е. перехода от плана к рынку, от государственной к частной собственности, от «экономики дефицита» к спросоограниченной саморегулирующейся системе, от советской «уравниловки» – к капиталистической системе доходов, от советской институциональной и политической системы к постсоветской (не будем в этом тексте дискутировать, какова ее сущность).

На методологическом языке это означало изменение:

- способа координации (аллокации ресурсов), формы связи производителей и потребителей;
- отношений присвоения/отчуждения средств производства и результатов деятельности (отношения собственности);
- отношений воспроизводства;
- системы отношений распределения дохода и социальных параметров.

Если принять во внимание что вскоре выяснилась и необходимость создания (в качестве основы рыночной экономики) новой технико-производственной структуры, с одной стороны, и (в качестве адекватной формы рынка) новой институционально-правовой³ и политической систем, – с другой, то...

¹ С учетом социопространственных вариаций следовало бы сказать – систем.

² Едва ли не общеизвестно, что именно на этом настаивали праволиберальные авторы реформ. В России – прежде всего Е. Гайдар и члены его «команды» (работы этого автора мы упоминали выше); из западных советников особенно известны Джеффри Сакс, Эндрю Уорнер, Андерс Аслунд, Джонатан Хэй и др. (см.: Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994. С. 25–27; Aslund A. How Russia Became a Market Economy. Brookings, 1995).

³ Мы пока оставим в стороне анализ институтов.

То мы получаем достаточно явственную, радикальным словом обозначенную, *структуру экономической системы*. В основе – определенная технико-производственная структура; в центре – форма координации, отношения собственности (способ присвоения/отчуждения), воспроизводства, распределения дохода и иных социальных результатов воспроизводства; в качестве оформления – институционально-правовая и политическая системы.

Итак, мы получили упрощенную модель экономической системы как взаимообусловленной связи определенных технологических структур (производительных сил) и социально-экономических связей (производственных отношений). Дополнением классического марксизма в данном случае стало «всего лишь» выделение основных блоков системы производственных отношений. Существенно, однако, что этот вывод мы получили не в результате провозглашения «вечной правоты марксизма», а на основе (повторим вновь) обобщения практики и теории либеральных реформ. Именно для такого вывода мы и стали «городить огород» с анализом структуры радикальных «реформ».

К таким же результатам можно прийти и на основе генерализации перехода от добуржуазных экономик (оставим в стороне споры о феодализме, азиатском способе производства и т.п.) к капиталистической. В этом случае мы бы зафиксировали, что на протяжении достаточно долгого периода произошел переход от преимущественно натурального хозяйства к товарному; от той или иной формы внеэкономического принуждения и личной зависимости (рабства, азиатской деспотии, феодализма) к отношениям юридически свободного наемного работника и собственника капитала (отношениям вещной зависимости в терминологии Маркса¹), предпосылкой чего стала индустриальная революция и т.д. Сходные выводы напрашиваются и при анализе попыток построения посткапиталистической экономики в СССР и других странах «реального социализма», где создавались системы планирования, проводилась национализация собственности, менялись отношения воспроизводства и т.п.²

Подтверждение правомерности выделения названных блоков экономической системы можно получить, обратившись к сравнительному анализу различных теоретических школ, так или иначе описывающих

¹ Эти положения развиты К. Марксом в «Экономических рукописях 1857–59 гг». (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I и II).

² В данном тексте мы не будем углубляться в рассмотрение этого вопроса. Спектр мнений по этой проблеме, в том числе и позиция авторов, представлены в монографиях: «Социализм–XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма» (М., 2009) и «СССР: незавершенный проект» (М., 2012). См. также: *Коэн С.* Большевизм и сталинизм // *Альтернативы*. 2011. №1; *Рюдигер А.* Террор и мечта: русская революция между историзмом и всемирной историей. Соображения по поводу революции и неудачи // *Альтернативы*. 2011. №1.

экономические системы (мы это показали в предыдущем томе и не будем повторять здесь).

Обоснование сформулированной выше модели структуры экономической системы, как легко заметить, в основных своих пунктах перекликается и со *структурой системы категорий, выделенных в «Курсе политической экономии»* Под ред. Н.А. Цаголова (особенно рельефно она была раскрыта во втором томе) – той структурой, которая была предложена университетской школой политической экономии¹. Эта структура сама по себе является важным достижением, и поэтому мы считаем не лишним повторить эти ныне полузабытые тезисы.

К основным положениям этой школы относится (напомним) выделение, во-первых, исходного производственного отношения, характеризующего взаимосвязь производителя и потребителя, социально-экономическую форму труда и продукта. Университетская школа политической экономии предполагала, что для капитализма исходным пунктом являются отношения товарного производства (подчеркнем: производственные отношения, включающие противоречия обособленности производителей в системе общественного разделения труда, противоречие частного и общественного, конкретного и абстрактного труда, овещение человеческих отношений в форме товара и т.п.; все это – категориально богатое пространство, далеко не сводимое к понятию «рынок»²). Для социализма в этом качестве была предложена плановая форма связи производителя и потребителя³, непосредственно общественный или непосредственно обобществленный (были разные трактовки) труд и, соответственно, такая же форма продукта. (В скобках заметим: разрушение в первую очередь именно системы планирования при проведении либеральных «реформ» как нельзя лучше подтвердило правоту названной гипотезы.)

¹ Курс политической экономии. В 2-х томах / Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 1-е. Т. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965; Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968; О системе категорий и законов политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

В настоящее время на важность этого методологического достижения вновь указал С.С. Дзарасов в статье, опубликованной в Великобритании и получившей там позитивный отклик (см.: *Dzarasov S. Critical Realism and Russian Economics // Cambridge Journal of Economics. November 2010. Vol. 34. №6. P. 1041–1056*); наш анализ возможностей использования этих достижений см. в: *Бузгалин А.В. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // Вопросы экономики. 2003. №3.*

² Подробнее об этом см. в: *Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» Маркса. М.: МГУ, 1964.*

³ См.: *Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. № 7. С. 117–129.*

Во-вторых, предполагалось, что экономическая система включает в себя т.н. *основное экономическое отношение* или способ соединения работника со средствами производства, который отражается в отношениях собственности. Для капитализма это были отношения частнокапиталистического присвоения и отчуждения. Что же касается идеальной модели социализма, то представители университетской школы считали, что в основе общественной собственности должен лежать непосредственно общественный способ соединения ассоциированных производителей с обобщественными средствами производства.

Далее, в-третьих, в рамках этой школы выделялись отношения воспроизводства и свойственные им закономерности накопления, а также, в-четвертых, отношения распределения общественного дохода (заработная плата, прибыль и рента при капитализме, распределение по труду и общественные фонды потребления – в идеальной модели социалистической системы).

Оформляла экономическую систему совокупность отношений, которые для капитализма получили неопределенную квалификацию «вторичных» и «третичных», а для социализма – имя «хозяйственный механизм».

Как мы показали выше, эта методология выдержала проверку временем.

Конец XX – начало нынешнего века обнаружили, однако, принципиальную актуальность исследования не только развитого, стабильного состояния, но и (причем едва ли не прежде всего) **трансформаций экономических систем**¹.

Здесь, как ни странно, опять оказывается актуальна определенная часть наследия «Цаголовской школы», а именно их разработки проблем переходных производственных отношений². Оставим в стороне историко-библиографический дискурс (мы уже не раз писали об этом аспекте наследия «Цаголовской школы») и суммируем ключевые аспекты методологии исследования трансформаций экономических систем.

Наиболее известная в рамках нашей традиции часть этой методологии – исследование переходных отношений, в том числе в рамках капитализма. Мы этот феномен исследовали как *диалектику «заката» общественной системы*. Суть этого «заката» может быть представлена как закономерное самоотрицание в рамках этой системы ее генетических основ, качества («исходного отношения») и сущности («основного отношения»³) вследствие развития внутри «старой» системы ростков

¹ Более того, последние десятилетия привели даже к появлению новой дисциплины – транзитологии.

² Кроме собственно Курса политической экономии следует назвать работы В.В. Куликова (см.: *Куликов В.В. Становление социалистических производственных отношений*. М.: Изд-во Московского университета, 1978) и С.Е. Янченко (см.: *Янченко С.Е. Переходные производственные отношения*. Минск: Изд-во БГУ, 1974).

³ Тезис о подрыве отношений товарного производства и развитии неполной плановости внутри капитализма в советский период квалифицировался →

новой. По видимости, парадоксом при этом является то, что последние вызываются к жизни потребностями самосохранения и развития прежнего строя, прогресс которого далее некоторой качественной черты невозможен вне самопродуцирования ростков качеств и сущностей, составляющих определенность следующей, идущей на смену данной, экономической системы. Так, объективно возникшие в конце средних веков задачи самосохранения феодальной системы вызвали к жизни массовое развитие в ее недрах товарных отношений, торгового капитала, протобуржуазии и т.п., что *на время* привело к укреплению феодальных монархий. Точно так же задачи самосохранения позднего капитализма вызвали к жизни феномены общественного регулирования экономики, социальной защиты, перераспределения доходов от капитала к трудящимся и др. ростки посткапиталистических отношений, что *на время* укрепляет эту систему.

При этом «ренессанс» неолиберальной стратегии в капиталистических странах и нынешние тенденции движения к протоимперии помогли подтвердить тезис о *нелинейности развертывания этого подрыва*. Более того, *постоянные смены прогрессивных и регрессивных форм самоотрицания основ системы можно отнести к закономерностям, наиболее типичным именно для стадии «заката»*.

Кроме того, *в условиях «заката» системы ослабляется базовая объективная детерминация ее эволюции и, как следствие, возрастает роль субъективного фактора*, что еще более усиливает нелинейность этого процесса.

Что же касается **возникновения новых систем**, то для этого процесса также характерно наличие в условиях «рассвета» новой системы в ее недрах значительных элементов прежней, «старой» системы. Это было типично и для раннего (мануфактурного) капитализма, и для первых попыток создания посткапиталистической экономики в рамках «Мировой социалистической системы».

Для генезиса («рассвета») новой системы, так же как и для «заката» старой, типичны нелинейность прогресса нового качества и *мультиценарность развития новой системы*¹. Соответственно возникает и

← как едва ли не ревизионизм, а о «подрыве» основного производственного отношения – капиталистической эксплуатации – тогда вообще не могло быть и речи.

¹ Последнее особенно значимо в условиях ее революционного генезиса. Причина этого достаточно очевидна. Качественный скачок есть по определению отрицание одного качества и рождение другого; для него характерны процессы и возникновения, и прехождения (что показал еще Гегель). И именно в силу этого временного «взаимоуничтожения» качеств старой и новой систем в момент революционного скачка становятся особенно значимыми флюктуации, зависящие отнюдь не только от предшествующего объективного развития системы. В условиях революции «старая» объективная →

вариант *тупикового* развития старых и новых систем с возможной стагнацией в этом состоянии или его революционным (контрреволюционным) разрушением.

Анализ таких *реверсивных* социоисторических траекторий позволяет показать некоторые черты *диалектики регресса* – сферы, ранее лежавшей вне непосредственного поля марксистских исследований. Опыт последнего столетия дал, однако, немало материала для такого анализа и ниже именно он станет важнейшим аспектом нашего последующего исследования.

Данное пространное методологическое вступление, предпосланное исследованию российской экономической системы позволяет сформулировать некоторую гипотезу, характеризующую специфику постсоветской экономики нашей страны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ:
РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
НАЧАЛА ХХІ ВЕКА КАК КОНСЕРВАЦИЯ
НЕЗАВЕРШЕННОЙ РЕВЕРСИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Начнем с очевидного: предлагаемая нами теоретическая модель должна базироваться на сформулированных выше методологических предпосылках и объяснять приведенные выше общеизвестные факты, характеризующие эволюцию российской экономической системы на протяжении последних двух десятков лет.

Напомним: за более чем 20 лет трансформаций в Российской Федерации, с одной стороны, оказались активно развиты сферы услуг и торговли, активно развиваются сырьевые сектора экономики, сборочное и т.п. производства, наметилась позитивная динамика в сельском хозяйстве; возникли основные формы капиталистической системы (рынок, наемный труд и капитал), преодолены внешние проявления дефицита товаров и услуг; сформировались классы крупной, средней и

← детерминация процессов и явлений, поведения индивидов и сложных общественных субъектов (социальных движений, партий и т.п.) ослабевает или *уже* не действует. Новая же объективная детерминация только возникает, она *еще* не действует или, по крайней мере, слаба. Для социальной революции этот тезис связан с известным феноменом возрастания роли субъективного начала, но, на наш взгляд, это есть лишь одно из проявлений более общей закономерности диалектического революционного скачка, кратко отмеченной выше. Этот вывод обуславливает важное следствие: неявно принятая ранее в марксизме трактовка всякого революционного рождения новой социальной системы как явления однозначно прогрессивного, ведущего к появлению более эффективного и гуманного нового образования, должна быть подвергнута критическому переосмыслению.

мелкой буржуазии; возникли политические формы президентской демократии.

С другой стороны, в России произошла деиндустриализация; ВВП с трудом удалось вернуть на уровень «неэффективной плановой экономики» четвертьвековой давности; государственный бюджет в определяющей степени зависит от мировых цен на энергоресурсы; рынок и государственное регулирование во многом являются теневыми, коррумпированными, прогрессирует бюрократизация; господствующим классом стала сращенная с высшей бюрократией каста долларовых миллиардеров-олигархов; политическая система далека от норм буржуазной демократии...

Все эти факты подлежат объяснению, и оно будет дано ниже, исходя, повторим, из предложенной выше методологии диалектического взгляда на процессы трансформации экономических систем, и в частности методологии исследования реверсивных социоисторических процессов.

В самом общем виде мы можем определить нашу экономику как *специфическую форму консервации незавершенной трансформации экономики советского типа* (с нашей очки зрения – *мутантного социализма*¹) *в поздний капитализм периферийного типа, включающий широкий спектр добуржуазных и консервативно-советских форм.*

Эта квалификация, безусловно, требует пояснений.

Начнем с конца: феномена позднего капитализма полупериферийного типа². Мы говорим о генезисе именно этого феномена, а не о «переходе к рынку», так как современная мировая экономическая система (частью которой, при всей ее специфике, является Россия) с политико-экономической точки зрения должна быть охарактеризована именно как *поздний капитализм* – система, где господствует финансовый капитал, а на мировом рынке капиталов, услуг и товаров, труда, инноваций и т.п. главными «игроками» являются транснациональные корпорации; где несмотря на мировой кризис продолжается процесс финансиали-

¹ Подробнее об этом в книгах: Социализм–XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А.В. Бузгалина, В.Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009; СССР. «Застой». Материалы конференции 5–6 ноября 2008 г. / Под ред. Р. Крумма и Л. Булавки. М.: Культурная революция, 2009; «Застой». Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: ТЕИС, Культурная революция, 2010; «Застой». Потенциал СССР накануне распада / Под общ. ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011; СССР: незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2012.

² Российской модели как мутации этого позднего капитализма авторы посвятили немало текстов, упомянутых выше.

О специфике периферийного капитализма см.: *Пребиш Р.* Социоэкономическая структура и кризис периферийного капитализма. М., 1978; *Амин С.* Вирус либерализма. М.: Европа, 2007.

зации; где национальные государства все еще перераспределяют по нерыночным критериям от 35 до 55% ВВП и т.п.

Это система, в которой сложились центр, полупериферия и периферия и развертывается процесс формирования протоимперий. Разрушение экономики советского типа могло привести либо к выбору новой модели продвижения к посткапиталистическому обществу, либо к коллапсу, либо к генезису того или иного типа именно этого капитализма. История показала, что Россия более 20 лет назад начала входить именно в такую мировую систему, а не некий абстрактный рынок. Поэтому российская экономика на предельно абстрактном уровне может быть охарактеризована как некий вид [запаздывающего генезиса] позднего капитализма. Дальнейший анализ покажет, что эта предельно абстрактная характеристика принципиально недостаточна. Но она необходима.

Здесь требуется важное пояснение. *В отличие от нормативно мыслящих сторонников неолиберальной доктрины мы считаем некорректным априори утверждать, что это был переход к «рынку».* И не только потому, что ныне, как мы показали выше, под вывеской «рынок» скрываются отношения позднего капитализма, но и потому, что результат трансформаций в России отнюдь не был предопределен желаниями радикальных реформаторов. Как показала практика, *в нашей стране этот переход в силу определенных причин (о них – ниже) оказался законсервирован на десятилетия, породив весьма противоречивую, неорганичную, но при этом относительно устойчивую переходную систему.*

Да, у России в начале 1990-х был шанс в течение 10–15 лет стать одной из «нормальных» полупериферийных стран мировой позднекапиталистической системы. Но для этого была необходима совершенно иная – мы в свое время называли ее социал-демократической – модель трансформаций, о чем авторы писали в своих публикациях начала 1990-х, еще в начале «реформ».

Однако в нашей стране была реализована иная модель, которая привела к быстрому разрушению *формальных* институтов советской экономики, но, что достаточно естественно, не смогла полностью разрушить обладавшую большой инерционностью прежнюю систему производственных и социокультурных отношений. Причина этой инерционности очевидна: последняя была укоренена благодаря как специфической системе производительных сил (высококонцентрированное и высокоспециализированное производство, ориентированное на преимущественное развитие тяжелой индустрии и ВПК), так и в устойчиво-некапиталистическом типе личности большинства граждан страны, социокультурных традициях СССР и дореволюционной России¹.

¹ О последнем немало написано в работах В.М. Кулькова (см. *Кульков В.М. Российская экономическая модель...*) и Ю.М. Осипова (см.: *Осипов Ю.М.* →

Этот, образованный единством производительных сил, производственных отношений и менталитета «*генотип*» российской экономической системы¹, должен был оказаться относительно устойчивым и он оказался таковым².

В результате капиталистические отношения в нашей стране сложились преимущественно на поверхностном, видимостном уровне, где формально были созданы и работают все «стандартные» институты позднекапиталистической системы полупериферийного типа. Но содержание трансформации не могли быть и не были завершены.

В результате в России сложилась «*двухсферная*» экономическая модель³.

В первом из этих *диффузных подпространств* – сферах, которые оказались интегрированы в мировую капиталистическую систему, как мы сказали, постепенно сложились производственные отношения позднего капитализма полупериферийного типа. Это сборка, розлив, упаковка и т.п. товаров, производимых ТНК и др. «вторичные производства»; некоторые производства в сферах машиностроения, строительства, транспорта и сельского хозяйства; сфера услуг (преимущественно обслуживание «среднего класса»); часть финансовой системы.

Вся остальная экономика (прежде всего сырьевой сектор и связанные с ним производства, большая часть финансов и др.) оказалась включена в во *второе, большее по объему диффузное подпространство*, в котором господствуют тренды реверсивной трансформации. В конце XX – начале XXI века в стране стихийно стали развертываться процессы во многом аналогичные тем, что происходили в эпоху первоначального накопления капитала в Западной Европе и США два–три столетия назад, но при существенной специфике. Последняя обусловлена тем, что в нашем случае эти процессы происходили в экономике с развитой индустрией и значимым

← Постигание России. М.: Экономистъ, 2005; *Осинов Ю.М.* Иное. М.: Экономистъ, 2006).

¹ Этот термин, правда применительно к капитализму, ввел Иштван Мессарош (*Mészáros I. Beyond Capital : Toward a Theory of Transition. L., 1995*); применительно к советской системе в чем-то сходный процесс описал Янош Корнай, выделявший «вегетативную систему» экономики (*Корнай Я. Дефицит. М.: Наука, 1990*).

² В этом смысле парадоксально правы Е. Гайдар и его коллеги, жалующиеся на то, что им не дали провести *их* реформы. Им, действительно, «не дали», но не политики, а мощная и неслучайная инерция советской системы.

³ Это именно *аморфные* сферы, *диффузные подпространства*, а не четко выделенные и имеющие жесткие границы сектора. Выделяемые ниже сферы неопределенно-аморфны и диффузно связаны друг с другом, а их скольконибудь строгое выделение возможно только силой научной абстракции. Впрочем, реальный бизнес тоже «чувствует» это деление и довольно явственно подразделяется на два подмножества: сырьевиков и финансистов – с одной стороны, несырьевой производственный бизнес – с другой. Эта линия проводится, в частности, некоторыми лидерами Московского экономического форума.

постиндустриальным сектором и базировались на *не полностью* разрушенном генотипе советских (а не позднефеодальных) производственных и социокультурных отношений¹.

В результате вместо типичного для «нормального» первоначального накопления капитала при сохранении *позднефеодальных* форм в пространствах, которые еще не освоил капитал, мы получили нечто оригинальное. В России наряду с генезисом форм позднего капитализма полупериферийного типа осуществился процесс «*негативной конвергенции*»² *продуктов (1) генезиса полуполюгальных форм капитализма, (2) разложения советской системы* (бюрократизм и блат выродившиеся в теневое огосударствление и паразитирование частного капитала на «стройках века», государственном бюджете³ и коррупционных сделках) *и (3) реинкарнации позднефеодальных форм*. Последние развиваются преимущественно в тех социально-экономических пространствах, где советские формы оказались формально разрушены, а капиталистические отношения недостаточно окрепли (не могут развиваться без опоры на внеэкономическое принуждение и личную зависимость). Как следствие этого в России в XXI веке развиваются не только позднекапиталистические формы, но и отношения, специфически интегрирующие продукты полураспада советской системы и реинкарнации позднего феодализма.

Это оказалось тем проще, что подобные процессы подспудно происходили еще в СССР⁴, где мутации социалистических производственных

¹ См.: Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурус, 1994. Акцент на переходном процессе в России как прежде всего первоначальном накоплении капитала характерен и для Е.В. Красниковой (см.: Красникова Е.В. Развитие капитализма в России. Век спустя. М.: ТЕИС, 2003; Красникова Е.В. Экономика переходного периода. М.: Омега-Л, 2005, 2006), однако в отличие от нее мы, во-первых, не сводим главную специфику постсоветской экономики к первоначальному накоплению капитала и, во-вторых, акцентируем существенные отличия последнего в постсоветской России от первоначального накопления капитала эпохи генезиса буржуазной системы в Европе.

² Термин «негативная конвергенция» появился еще в 1970-х годах, когда Р. Хейлбронер, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др. высказали мнение, что взаимодействие и борьба двух мировых систем приводит к тому, что они заимствуют преимущественно не лучшие (о чем мечтал известный диссидент академик Сахаров), а худшие черты друг друга. В постсоветской России эти идеи активно развивает О.Н. Смолин (см.: Смолин О.Н. Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов. М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001).

³ Неслучайно в этой связи широкое распространение не только в публицистике, но и в профессиональном языке экономистов-практиков (а в последнее время – и теоретиков) терминов «откат», «попил» и т.п. Не удивимся, если в скором будущем появятся статьи с теоретическим анализом этих «понятий».

⁴ Авторы говорили об этом еще в советские времена, но по цензурным соображениям тогда эти идеи опубликовать было невозможно. О некоторых документальных свидетельствах наших оценок того времени см. в: →

отношений (бюрократизм, блат, ведомственность, местничество) возрождали добуржуазные формы. Как следствие сегодня в российской экономике присутствуют и отношения личной зависимости (в частности, клановость и «вассалитет» в отношениях бизнеса и государства, внеэкономическое принуждение в отношениях «бизнеса» и работников, прежде всего иммигрантов и т.п.), т.е. достаточно типичные черты реверсивного исторического процесса – своего рода «рефеодализации» (подробнее об этом – в последующих разделах текста)¹.

В результате этой негативной конвергенции типичный для раннего капитализма XVI – начала XVIII веков преимущественный прогресс непромышленного капитала, создающего предпосылки для *индустриализации*, в наших условиях обернулся *регрессом* – деиндустриализацией. Акцент на преимущественном развитии торговли, посредничества и услуг характерен для обоих случаев, но историческое содержание – противоположно. Повторим: если в начале капиталистической эры в этих сферах создавались предпосылки для будущего прогресса индустрии (самой передовой для того времени отрасли экономики), то в России начала XXI века экспансия торговли и услуг стали важным фактором деиндустриализации, т.е. противоположного по своей исторической направленности тренда. Как следствие этих процессов вместо типичной для первоначального накопления капитала заинтересованности буржуазии в техническом прогрессе и прогрессивной для XVIII – начала XIX века индустриализации, в постсоветской России *капитал оказался безразличен к инновациям и содействовал усилению регрессивной для нынешней эпохи деиндустриализации вкупе со стагнацией креатосферы (образования, фундаментальной и прикладной науки и т.п.)*².

Суммируем: предложенная выше методолого-теоретическая парадигма позволяет выделить систему взаимоадекватных содержательных

← Бузгалин А.В. Белая ворона (последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М.: Знание, 1993.

¹ Авторская позиция по этому вопросу излагалась не раз на протяжении последних десятилетий: от препринтов докладов 1991 года (их оригиналы, к сожалению, не сохранились даже в нашей личной библиотеке) до текстов докладов на относительно недавно прошедших международных конференциях, специально инициированных авторами для обсуждения проблем рефеодализации в нашей стране (см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? М.: Едиториал УРСС, 2008). Своеобразный «ренессанс» феодальных форм в постсоветской России отмечают и зарубежные исследователи (см.: Lester J. Modern Tsars and Princes: the Struggle for Hegemony in Russia. L.: Verso, 1997).

² Призывы российских властей к реиндустриализации и надежды на то, что отечественный капитал сможет в будущем начать восстанавливать промышленность, даже если когда-нибудь и реализуются, то все равно окажутся регрессивны: для XXI века прогрессивным может быть только преимущественное развитие высоких технологий, науки, образования, культуры.

характеристик постсоветской российской экономической системы. Это система (1) *переходных* производственных отношений, возникших в результате (2) *инволюции* советской экономической системы (мутантного социализма) и образования вследствие ее разложения системы, объединяющей, с одной стороны, (3) продукты разложения последней и генезиса (вследствие этого разложения) форм, характерных для позднефеодально-раннекапиталистического экономического строя, а с другой – (4) формы позднекапиталистических отношений полупериферийного типа.

Этот продукт *незавершенной* реверсивной трансформации, будучи внутренне противоречив (к анализу противоречий этих переходных отношений мы вернемся ниже), тем не менее оказался способен к стабилизации, или, точнее *самоконсервации*. Причины этого – в *обретении* данной *неорганической совокупностью переходных производственных отношений адекватных для нее институциональных форм и материально-технической базы*.

Адекватная для нее материальная база образовалась в результате (1) разрушения тяжелой индустрии и постиндустриального сектора СССР/РСФСР, что привело к разрушению высококонцентрированных и высокоспециализированных производств и открыло дорогу для формирования конкурентной среды; (2) экстенсивного воспроизводства сырьевого сектора и формирования (3) совокупности «вторичных» (сборочных и т.п.) производств, являющихся в большинстве своем филиалами ТНК или их «партнерами» вкупе с (4) приоритетным развитием торговли, сферы услуг и посредничества (как правило, тоже зависимого от импорта и зарубежного капитала). Как мы показали выше (а это хорошо известно и из работ левых теоретиков «экономики развития»¹) эта материальная база адекватна для консервации [полу]периферийного капитализма в его неорганическом единстве с позднефеодальными формами и продуктами разложения советской системы (то, что мы назвали «негативной конвергенцией»).

Оформлением этой неорганической трансформационной системы, консервирующей (и тем самым стабилизирующей ее) стало образование совокупности институтов, для которых характерен *устойчивый разрыв формальных* (зафиксированных в законах и других правовых актах) *и реальных* (характерных преимущественно для теневого государственного регулирования и бизнеса) «*правил игры*». Следствием этого стал отрыв легальных *форм* координации (они имеют вид «нормальных»,

¹ См.: *Пребиш Р.* Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива? М., 1992; *Amin S.* Accumulation on a World Scale: A Critique of the Theory of Underdevelopment. N.Y., 1974; См. также: *Нуреев Р.М.* Экономика развития. М., 2001; *Дзарасов Р.С.* Национальный капитализм. Развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. 2013. № 2, 3.

адекватных абстракции рыночной экономики, трансакций) *от их реального содержания* («бизнеса по понятиям»¹). Столь же характерен для российской экономики *отрыв форм собственности от их реального содержания*: в современной России в государственных корпорациях ключевые права собственности во многих случаях принадлежат лицам, реализующим частные интересы, а частный бизнес зачастую контролируется региональными или федеральными чиновниками. Перечень легко продолжить...

Эта система превратных (создающих видимость наличия иного, нежели реальное, содержания) форм и неформальных правил игры, адекватная для воспроизводства названной выше системы переходных производственных отношений, оказалась реализована как вследствие внутренних противоречий экономики советского типа, так и в силу причин, вызванных «фуриями частного интереса».

Последнее важно. Напомним: в трансформационных состояниях субъектный фактор является одной из главных детерминант того, какой именно, из множества возможных, сценарий трансформации будет реализован.

Российская модель трансформации позволила узкому кругу лиц, установивших и поддерживающих эти неформальные правила, приватизировать и в настоящее время бесконтрольно использовать ключевые слагаемые общественного богатства. Соответственно, продолжение *такого* присвоения *этими* акторами может и далее осуществляться исключительно в условиях консервации описанной выше незавершенной трансформации (подробнее об этом в разделе о специфике отношений воспроизводства в российской экономике). Только эта модель позволяет продолжать ускоренную концентрацию капитала в руках узкого круга лиц, контролирующих государственные и частные ресурсы (государственных и частных инсайдеров), консервируя неформальные правила игры и механизмы неформального (теневого) государственного и частного внеэкономического принуждения во всем богатстве его постсоветских и позднефеодальных форм (от присвоения природной ренты и других общественных ресурсов лицами, не являющимися их легальными собственниками, до вассалитета, бюрократического манипулирования, коррупции и т.п.).

Опираясь на описанную выше материально-техническую базу (развитие сырьевого сектора, «вторичных» производств, торговли, услуг, посредничества при отторжении задач развития реального сектора и

¹ А. Олейник справедливо назвал его «бизнесом по понятиям», зафиксировав хорошо известный практике феномен господства неформальных норм взаимодействия бизнесменов друг с другом и третьими лицами (см.: Олейник А.Н. Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5).

креатосферы) и оформляя себя при помощи теневого «правил игры», описанная российская экономическая система обретает свое специфическое лицо. Это лицо не слишком красиво, но и перечисленные выше факты (чего стоит одна двадцатилетняя «яма» в результатах производства и один из самых высоких в мире уровней дифференциации в обладании общественным богатством) выглядят не слишком симпатично. В то же время, как мы уже отметили, наряду с этим диффузным пространством в России существует и иное, близкое к «нормальному» пространство позднего капитализма периферийного типа.

Сказанное позволяет нам более пристально рассмотреть конкретные производственные отношения, характерные для постсоветской российской экономической системы.

глава 2 Система производственных отношений постсоветской экономики

Используя предложенную выше модель структуры производственных отношений исторически-конкретной системы производственных отношений, начнем наш анализ с характеристики отношений координации.

СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СПОСОБ КООРДИНАЦИИ

Разрушение преимущественно планово-бюрократической системы отношений координации (бюрократической планомерности) привело к возникновению в России *сложного комплекса способов координации (распределения или аллокации ресурсов и поддержания пропорциональности)*.

Они включают (1) характерные для позднего капитализма формы рынка и их мутации, (2) государственное регулирование (и его мутации), а также (3) элементы добуржуазной координации.

Собственно рынок как форма координации в «классическом» виде в российской экономике присутствует разве что в сферах массового потребления. Большая же часть пространства рыночной координации занята существенно отличными от абстрактной модели рынка отношениями.

*Доминируют в современной российской экономике формы рынка, характерные для [NB!] **позднего** капитализма, но они присутствуют, как правило, в **неразвитом и деформированном виде**. Их дополняют не только «классические» формы рынка, но и широкий спектр полуфедеральных форм.*

Причина этого (в том числе – деформаций позднекапиталистических форм рынка) в том, что *характерные для капитализма **товарные отношения*** («рынок») сложились в российской экономике как система, первоначально в основном подчиненная нерыночным или не вполне рыночным (аналогом здесь может служить значимо деформированный традициями и личной зависимостью рынок эпохи средневековья) формам и потому сама живущая в деформированном виде. В нашей стране характерные для позднего капитализма рыночные механизмы формирования пропорций, стимулирования производителей и т.п. (в частности, олигополистическая конкуренция) работают, но (1) в крайне специфическом виде и (2) будучи лишь *одним из* способов координации.

В силу этого специфические для позднего капитализма трансформации рынка (олигополизм, неравная «рыночная власть» акторов) в российской трансформационной экономике приобрели вид локального *корпоративно-монополистического регулирования рынка, также деформированного* (по сравнению с «классическим» видом, характерным для развитых экономик) *вследствие наличия государственно-бюрократических и позднефеодальных переходных форм* (об этих деформациях – ниже).

Именно *такой* рынок, а не абстрактно-мифическая «экономическая свобода», якобы приходящая на смену бюрократическому планированию, господствует сегодня в России. Свобода товаровладельца в трансформационных экономиках достаточно иллюзорна: его поведение здесь детерминируется крупнейшими корпорациями. Впрочем, это регулирующее влияние, конечно, несколько слабее, чем в прошлом – бюрократическое. Существенно, что и в прошлом, и ныне эта детерминация существенно варьирует (например, ранее это была разница между «слабым» планом в Венгрии с конца 1960-х годов и «сильным» в СССР 1950-х годов; сейчас – между «слабой» властью корпоративных объединений в некоторых областях сервиса и «сильной» – в «городах-заводах» типа Магнитогорска или Норильска).

Экономической теории этот механизм локального корпоративного регулирования хорошо знаком. В неоклассике он характеризуется как «рыночная власть». В классическом институционализме Гэлбрейта – как «плановая система», которую корпорации создают вокруг себя, формируя диффузное пространство воздействий на потребителей и субпоставщиков через рекламу и массу других каналов¹. В новом институционализме – как неравная «переговорная сила»². В марксизме – как *локальное, частичное полицентричное регулирование экономики со стороны крупнейших корпораций* (последние положения были развиты в поздних работах Ф. Энгельса, в текстах В.И. Ленина и в работах критически мыслящих советских ученых 1960–1970-х годов, которые ввели понятие «неполной, монополистической планомерности»³). Применительно к СССР, где такое локальное регулирование также имело место наряду с централизованным планированием, этот феномен был назван «вегетативным контролем» (по аналогии с различием центральной и вегетативной нервной систем в организме человека)⁴.

¹ Этой проблеме посвящена, в частности, одна из наиболее известных книг Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество».

² Следует специально подчеркнуть, что едва ли не лучший из известных авторам анализ рыночной власти и даже рынка как механизма воспроизводства власти в России, базирующийся на неинституциональной теории, представлен в работах А.Н. Олейника. См, в частности: *Олейник А.Н. Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

³ См., в частности, названные выше работы Н.А. Цаголова, В.В. Куликова и др.

⁴ См.: *Корнаи Я. Дефицит*. М.: Наука, 1990).

Еще на заре реформ авторы подчеркнули роль этих механизмов, показав, что они качественно отличны как от народнохозяйственного планирования и регулирования, так и от рыночного саморегулирования. Напомним, что в данном случае отдельные институты экономических систем в силу определенных причин (высокий уровень концентрации производства и/или капитала, корпоративная власть и т.п.) получают способность сознательно (но в локальных, ограниченных масштабах) воздействовать на параметры производства поставщиков и потребителей (объем, качество, структура), рынка (цены на продукцию контрагентов, расширение продаж за счет маркетинга), социальной жизни и т.п.

Этот механизм отличен от народнохозяйственного планирования по своим субъектам, объектам, целям и содержанию: государство, как представитель общества, – обособленная корпорация; национальная экономика – часть (локус) рынка, производства; общенациональный – корпоративный интересы и т.п. Но он содержательно отличен и от рыночного механизма саморегулирования.

Более того, он отличен и от базовой модели олигополистической конкуренции, ибо включает в себя возможность сознательного воздействия не только на цену, но и на массу других параметров контрагентов, попадающих в «поле зависимости» формируемое корпорацией. Это поле, подобно магнитному, воздействует на содержание, структуру и объем спроса потребителей продукции данной корпорации; объемы, качество, технологии производства ее субпоставщиков (и опять же потребителей); производственные программы кооперирующихся с данной фирм; стратегии развития входящих в орбиту влияния корпорации структур; динамику, объемы, структуры покупок и продаж; параметры образа жизни конечных потребителей и т.п. Рыночная цена здесь является, таким образом, далеко не единственным и не главным параметром регулирующего воздействия.

Потенциал («силу») для такого регулирующего воздействия корпорация получает отнюдь не только вследствие монополизации определенной части рынка. В современных условиях едва ли не большую роль играет финансовый контроль, контроль за информационными потоками, сращенность с государственным аппаратом разных уровней, личная уния на уровне ключевых собственников, топ-менеджеров, инсайдеров (зачастую это одни и те же физические лица).

В условиях развитых рыночных экономик эти феномены не слишком очевидны (хотя и исследуются в отдельных работах, как правило, не экономических) и, по видимости, не играют существенной роли. В России создаваемые нашими корпоративными структурами «поля зависимости» brutally акцентированы. *Сложившийся в российской экономике механизм локального полицентричного корпоративного регулирования является главным параметром, определяющим аллокацию ресурсов. У нас выпукло видно, что решения крупнейших корпоративных структур-*

производителей формирует потребности (спрос) и структуру производства, а не наоборот, как это предполагает модель свободного рынка.

Из этого, повторим, *не следует*, что в российской экономике *не действуют* рыночные механизмы саморегулирования. Из этого следует, что в большей части экономики они играют подчиненную (по отношению к локальному корпоративному регулированию) роль. В результате в *постсоветской России* *спросоограниченная (рыночная) экономика подчинена корпоративно-формируемой*¹.

Продолжим. Присущее любой экономике позднего капитализма локальное корпоративное регулирование в России не только более широко распространено, но и *развивается* преимущественно (но не только) в *деформированном виде*.

Основные черты этих деформаций состоят в следующем.

Во-первых, в качестве субъекта локального регулирования, как правило, выступает не достигший определенного уровня развития персонафицированный капитал, а «обломок» («обломки») бывшей государственной пирамиды (отсюда доминирование в России сырьевых, военно-промышленных и иных корпораций, выросших на базе «гигантов социалистической индустрии», [бывших] государственных банков и т.п.).

Во-вторых, основой власти этих структур является, соответственно, не столько высококонцентрированный капитал (хотя образование таких капиталов идет очень активно), сколько доступ к тем или иным ресурсам – от монопольного использования природных богатств до близости к государственным ресурсам. Отсюда, кстати, ассоциация этого механизма с тем, что экономисты называют «*поиском ренты*». Все это позволяет определить такое воздействие как *противоречивое соединение корпоративно-капиталистического контроля и вегетативного регулирования*, являющегося пережитком «экономики дефицита». Разница лишь в том, что «дефицитом» ныне все более становится доступ к сырью и/или государственным кредитно-финансовым ресурсам, которые нынешние наследники советских «толкачей» *выбивают* (случайная игра слов?)

¹ Позволим себе образную параллель. Если сравнить рыночную конкуренцию с бегом, а конкуренцию российских акторов с бегом в мешках (есть у нас в стране такая забава), то победа в последнем случае достается не тому, кто лучше бегают, а тому, кто лучше бегают в мешках. Так и в случае с аллокацией ресурсов в России: здесь выигрывает не та корпорация, у которой лучше соотношение «цена-качество» на ее товар, а та, у которой больше возможностей манипулирования потребителем, использования на льготных условиях сырьевых и иных государственных ресурсов, сильнее каналы финансового контроля, более активен доступ к информации, шире возможности и больше власть для подкупа менеджеров, руководящих компаниями-конкурентами (хорошо известен императив Березовского: зачем покупать завод, если можно купить директора) и т.п. навыки «бега в мешках» на российских рынках.

еще более brutальными методами, нежели их советские предшественники, выбивавшие десятилетия назад дефицитное сырье или оборудование.

В-третьих, в силу такого содержания и под воздействием других методов координации, а также общей атмосферы диффузии институтов методы локального корпоративно-бюрократического регулирования широко используют как добуржуазные механизмы (внеэкономическое подчинение вплоть до прямого применения насилия организованными криминальными группировками), так и механизмы, основанные на сращивании с крайне бюрократизированным и часто теневым *государственным* регулированием.

Проявления господства отношений локального корпоративного регулирования в российской экономике хорошо известны. Например, в той мере, в какой оно существует, экономика «не поддается» радикальным рыночным реформам (либо саботируют «реформы», либо «убирают» реформаторов). Так, в России под определяющим господством псевдогосударственных и псевдочастных корпораций находится система пропорций, динамика цен («ножницы» цен на сельхозпродукцию и ресурсы для ее производства, рабочую силу и потребительские товары), финансы и т.п.

Повторим: это не просто олигополистический рынок; это экономика, регулируемая в определяющей степени нерыночным соперничеством обособленных корпоративно-бюрократических структур – этаких «динозавров» капитализма, под ногами у которых «болтаются» все остальные граждане и которых эти монстры безжалостно топчут, при этом, правда, сами будучи обречены в исторической перспективе (скорее всего, достаточно отдаленной – наша модель, повторим, законсервирована) на вымирание. *Столкновение власти этих «динозавров» и их регулирующих воздействий, а не единым центром (как в прошлом) или «невидимой рукой рынка» (которая в трансформационной экономике указывает явно не в ту сторону) определяется реальная система координации в трансформационной экономике кризисного типа.*

* * *

Крайне специфические формы в постсоветской российской экономике имеет и *государственное регулирование*.

Последнее вызвано к жизни как имманентными закономерностями позднего капитализма, ибо любая модель последнего предполагает регулируемый рынок, так и сохранением вследствие мощной инерции советской системы некоторых элементов бюрократической плановости. В результате сформировался своеобразный переходный вариант, интегрирующий (1) *черты имманентно свойственного позднему капитализму косвенного государственного регулирования* и (2) *элементы директивного централизованного управления*, свойственного советской системе. И то и другое имманентно содержит пороки бюрократизма, ведомственности, местничества и блата.

В результате в современной России появились *мутации* того и другого – активно развивающееся в нашей стране (1) *теневое косвенное государственное регулирование и/или* (2) «ручное» централизованное управление.

В первом случае речь идет о мутации имеющего внешний вид «обычного» для любой модели позднего капитализма, хотя и слабо развитого, государственного регулирования, которое, однако, осуществляется по преимуществу теневыми методами и является наследником советского «блата». Это регулирование осуществляется либо вне формально установленных институциональных норм, либо с их нарушением. В ряде случаев оно имеет форму коррупции, но иногда ориентировано на позитивную (с точки зрения экономических интересов государства) компенсацию диффузии институтов и разного рода институциональных ловушек, которыми переполнена российская экономика.

Во втором случае речь идет о мутации централизованного директивного управления, ибо широко применяемое в российской экономике «ручное управление» не только по форме очень похоже на действия советских наркомов и партсекретарей, но и по своей политико-экономической природе является разновидностью обязательной для выполнения централизованного воздействия государства на экономику, не связанного непосредственно ни с системой общенационального планирования, ни с рыночными стимулами для частных агентов экономики. В случае «ручного управления» перед нами прямое подчинение формально независимых агентов субъективным действиям государственных чиновников, т.е. бюрократически-волонтаристская мутация планомерности.

Подчеркнем: это воспроизведение не содержания планомерной организации общественного производства, а ее превратных форм, мутаций, возникших еще в рамках советской системы. В отличие от народнохозяйственной планомерности, где директивы государства должны быть экономически укоренены в технологических связях высоко обобществленного производства, общенародном присвоении и распоряжении, в постсоветской российской экономике «ручное управление», осуществляемое президентом, премьером, министрами, губернаторами или иными государственными лицами, не имеет таких оснований и носит характер отношений, типичных скорее для системы позднего феодализма, где перераспределение (своеобразная аллокация) ресурсов осуществлялась в значительной степени путем внеэкономического принуждения и базировались на личной зависимости. (В скобках заметим: в этом, кстати, их сходство с волонтаристски-бюрократическими мутациями планомерности в СССР, где, как мы писали еще в 1980-е, ростки планомерной организации общественного производства были от рождения деформированы и развивались в рамках патриархально-добржуазных форм.)

Существенно, что отношения теневого государственного регулирования и «ручного управления» в реальной хозяйственной практике

тесно взаимосвязаны, в ряде случаев – интегрированы – в рамках единой [отчасти] *теневой системы прямого («ручного») государственного управления* экономическими процессами и проектами.

Безусловно, общая атмосфера позднефеодальных мутаций позднекапиталистической экономики в большинстве случаев вносит в такое государственное воздействие существенные элементы рыночно-капиталистической заинтересованности (увеличение дохода, собственности) и/или стремлений укрепления внеэкономической власти (расширение сфер влияния, увеличение зависимости и т.п.) как частных, так и государственных акторов этих отношений.

Теневое государственное регулирование не следует путать с теневым рынком. Это взаимопересекающиеся и на практике интегрированные формы, но теоретически они существенно различны.

Кроме того, следует учитывать, что свойственные СССР тенденции ведомственности и местничества породили мощный сепаратизм, приведший к образованию *полицентральной системы локального государственно-бюрократического регулирования* на уровне регионов, отраслей и т.п. Бюрократический характер последнего превратился в самодовлеющий, приведя к значимому отрыву управляющих подсистем (*разнородных и борющихся друг с другом* бюрократических группировок) от интересов экономической системы в целом.

* * *

Развертывание постсоветских механизмов аллокации ресурсов неизбежно – в силу описанных выше деформаций товарных отношений и государственного регулирования, имманентно содержащих элементы внеэкономического принуждения и личной зависимости, – порождает и, казалось бы, неожиданные для индустриальной экономики на рубеже XXI века *добуржуазные способы координации*. К их числу относятся уже названные механизмы *поиска ренты*; различные формы *насилия*, все более широко развивающиеся формы вассалитета (в теневой экономике) и *патронажа* (в духе позднего феодализма с его иерархией централизованной власти и развивающимся в ее порах рынком), а также *натурально-хозяйственные тенденции*. Последние проявляются, например, в таких формах, как низкий уровень товарности сельского хозяйства и большая роль производства (до 40% сельскохозяйственной продукции) на приусадебных участках (дачах) и др.

Развитие добуржуазных форм координации порождается факторами, связанными с инверсией социально-экономического времени и трансформационной нестабильностью. В данном случае это, во-первых, инерция и даже высвобождение натурально-хозяйственных связей, ранее «придавленных» централизованным планированием, но ныне не замещенных в должной мере рынком. Во-вторых, шоковые реформы, разрушившие плановые связи, но не везде создавшие рыночные. В обра-

зовавшийся вакуум современных форм координации тут же «втянулись» допотопные: советский дефицит товаров в ряде сфер оказался замещен своего рода «дефицитом рынка» и, как следствие, возникновением [полу]феодалных форм координации (натуральное хозяйство, бартер, внеэкономическое давление на поставщиков и потребителей). В-третьих, возникающий деформированный рынок сам воспроизводит добуржуазные способы координации. Последние, следовательно, будут тем сильнее, чем в большей мере инерция кризисного развития прежних тенденций и вновь образовавшиеся деформации рынка будут интенсифицироваться попытками проведения новых неолиберальных реформ.

Закономерностью, подтвержденной двадцатью годами развития российской экономики, является обратная традиционной для праволиберального течения экономической теории связь: *чем активнее государство насаждает «свободную конкуренцию» и пытается проводить антимонопольное регулирование, тем в большей степени в стране развиваются (1) отношения локального корпоративного регулирования, а также (2) добуржуазные формы внеэкономического принуждения (поска ренты и связанная с этим коррупция, криминал и т.п.).*

* * *

Вследствие этого **трансформация в экономике России не может быть однозначно охарактеризована как процесс перехода к рынку**. Консервация развития на данном этапе трансформации может привести к тому, что скрытое за формами рынка корпоративно-монополистическое регулирование (дополняемое теневым и/или «ручным» государственным регулированием, а также добуржуазными способами координации) останется основным детерминантом способа координации (аллокации ресурсов).

Продолжим наше исследование, обратившись к системе отношений присвоения и отчуждения в отношениях собственника средств производства и работника (т.н. «основному производственному отношению»).

СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТЧУЖДЕНИЕ/ПРИСВОЕНИЕ И СОБСТВЕННОСТЬ

Исследование этого блока производственных отношений начнем с анализа лежащих в основе всех форм собственности, характерных для России, **отношений присвоения и отчуждения**, пронизывающей практически все урны экономики.

Конкретные формы этих отношений нами будут раскрыты ниже, а Начнем мы с выделения основных специфических черт их содержания.

Итак, российская экономическая система основывается на следующем контрапункте отношений, посредством которых осуществляется

отчуждение от трудящихся и присвоение корпоративно-бюрократической номенклатурой большей части общественного богатства¹.

Первый блок отношений присвоения и отчуждения – *система основанная на личной зависимости добуржуазных форм, встроенных в отношения позднего капитализма периферийного типа*. Они служат основой извлечения типичного для добуржуазных систем дохода – особого вида ренты, источником которой является та или иная форма внеэкономического принуждения.

Для постсоветской экономики наиболее типичными формами таких отношений являются, *во-первых*, административное соподчинение и контроль как на макроуровне – «ручное теневое управление», так и внутри корпораций. Хорошо известно, что они используются для присвоения теневых привилегий, льгот и доходов (отчасти этот феномен отражается понятием «административная рента»).

Во-вторых, в постсоветской экономике широко практикуется «огораживание» частными или псевдогосударственными структурами части природных ресурсов, федерального и местных бюджетов, научного, образовательного и культурного потенциала страны и т.п. Это позволяет данным субъектам присваивать часть принадлежащей гражданам природной и интеллектуальной ренты.

В-третьих, для этого блока характерны отношения прямого внеэкономического принуждения во всем многообразии его подвидов: от т.н. «вассалитета» в системе государственного и корпоративного управления до полурабской зависимости части работников от корпораций и более мелких структур². Последние лежат в основе присвоения ренты, которую можно было бы назвать «*рентой насилия*», подразумевая под этим прямое отторжение богатства в формах, напоминающих оброк и феодальных грабеж соседа одновременно.

Перечень можно продолжить...

Эти реверсивно возникшие отношения, как мы уже отметили, *встроены* в систему присвоения, характерную для **позднего капитализма периферийного типа**. Это **второй и господствующий блок** отношений отчуждения/присвоения, типичных для российской экономической системы. Последний практически во всех своих проявлениях характеризуется сложным переплетением форм капиталистических отношений и переходных форм.

Во-первых, для российской экономики характерно широкое использование раннекапиталистических форм отчуждения и присвоения, осно-

¹ Напомним: по данным Global Wealth Report 2013, в России 110 человек контролируют 35% национального богатства (Global Wealth Report 2013 // CREDIT SUISSE AG. P. 53).

² Наиболее типичными в этом отношении являются примеры жизнедеятельности работников/жителей моногородов и [нелегальных] мигрантов.

ванных на ручном труде и извлечении абсолютной прибавочной стоимости, получаемой, как известно, за счет удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Эти отношения распространены преимущественно в торговле и сервисе (в этих сферах занято 16,1 млн чел., что составляет 23,6% занятых в экономике), а также строительстве (5,6 млн чел., 8,3%) и сельском хозяйстве (6,6 млн чел. или 9,7%)¹. Для данных сфер типично сращивание этих отношений с отношениями внеэкономического принуждения.

Во-вторых, сердцевиной российской системы отношений отчуждения/присвоения является массовое использование классических (типичных для развитых стран Европы и США с конца XIX [NB!] века) форм капиталистической эксплуатации наемных рабочих, занятых индустриальным (по своей технологической природе) трудом и потому реально подчиненным капиталу². Эта эксплуатация осуществляется не только в отраслях материального производства (в первую очередь это касается сборочных и т.п. производств, а также некоторых сфер транспорта, сельского хозяйства и т.п.), но и в сфере обслуживания, где работник также часто является частичным и выступает придатком той или иной системы машин. Для этой части российской экономики характерны высокая норма эксплуатации (косвенное свидетельство этого – как правило, более чем 100-кратный, т.е. в разы, а то и на порядок превышающий европейский уровень, разрыв в величине реальных доходов хозяев и топ-менеджеров корпораций, с одной стороны, рядовых работников – с другой), минимальные права работников, их низкая социальная защищенность, отсутствие развитых форм самоорганизации (формальность эфэнпэеровских профсоюзов, малочисленность реальных независимых профсоюзов) и т.п.

Описанные выше отношения формального и реального подчинения труда капиталу воспроизводятся в России начала XXI века в весьма специфических формах. Это связано как с наличием в нашей экономике не только капиталистических, но и иных форм отчуждения (охарактеризованные выше внеэкономическое принуждение, пережитки советского патернализма и т.п.), так и с общей обстановкой.

Последнее касается, с одной стороны, «излишней» (с точки зрения потребностей [до]индустриального капитализма) образованности и культуры большинства работников России, инерции ценностей лич-

¹ Согласно расчетам авторов на основе данных Российского статистического ежегодника–2013: Стат.сб. // Росстат. 2013. С. 117–118.

² Согласно официальным статистическим данным, доля занятых в этих секторах экономики достигает 18,6 млн чел., что составляет 27,5% от количества занятых по всем видам экономической деятельности (Согласно расчетам авторов на основе данных Российского статистического ежегодника–2013: Стат. сб. // Росстат. 2013. С. 117–118).

ностного развития и т.п.¹, создающих немалые противоречия на пути развития полупериферийного типа капитализма. С другой стороны, Россия включена в глобальную капиталистическую систему, рождающую императивы «общества потребления» и стимулирующие развитие пусть полупериферийного, но позднего капитализма.

В-третьих, специфику российской модели позднего капитализма полупериферийного типа составляет, как мы уже отмечали выше, господство отношений корпоративно-бюрократического отчуждения/присвоения. Они основаны на присвоении частно-корпоративной и государственно-корпоративной номенклатурой (т.н. «инсайдерами») ключевых прав собственности господствующих в России экономических агентов – частных и государственных корпораций (по преимуществу сырьевых и финансовых).

В обоих случаях (и частные, и государственные корпорации) названный слой перераспределяет в свою пользу часть:

(1) прав и дохода собственников (доверительное управление в сочетании с заниженными дивидендами);

(2) заработной платы рядовых работников (занижение дохода работников – общеизвестный факт; чтобы убедиться в этом достаточно посмотреть на разрыв платы работников фирмы и ее топ-менеджеров, который в России десятки раз выше, чем в Западной Европе, Японии и даже США);

(3) дохода государства (укрытие от уплаты налогов; паразитическое использование общенародных ресурсов);

(4) основного капитала (присваиваемая «инсайдерами» часть амортизации) и иных ресурсов корпорации (отсюда низкий уровень инвестиционной активности, медленное обновление основных фондов, контракты, осуществляемые топ-менеджерами в ряде случаев в ущерб «своей» корпорации и т.п.).

Итогом этой системы отношений отчуждения/присвоения является присвоение корпоративно-бюрократической номенклатурой того, что можно назвать «*инсайдерской рентой*»².

¹ Отсюда, в частности, стремление подавляющего большинства семей дать детям высшее образование и нехватка молодежи, готовой без лишних само-рефлексий пойти в ПТУ и стать придатком станка или конвейера.

² Господство корпоративно-бюрократической номенклатуры как сущностная характеристика отношений присвоения/отчуждения (экономического содержания собственности) была раскрыта авторами в названных выше работах 1990-х годов. В последние годы вышла серия работ (в первую очередь Р.С. Дзарасова), в которых эти отношения раскрыты во всей их полноте и конкретности. См.: Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005; Дзарасов Р.С. Методология Цаглова в исследовании накопления капитала в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2009. №3. С. 3–29. Применительно к финансовым корпорациям эти положения →

Как легко понять, эти отношения оказываются не только хорошо совместимы с формами докапиталистической (основанной на личной зависимости), раннекапиталистической (основанной на формальном подчинении труда капиталу) и классически-капиталистической (основанной на реальном подчинении труда капиталу) эксплуатации, но и вызывают все эти три феномена к жизни «ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе»¹.

В свою очередь, столь же очевидно, что эти отношения крайне трудно совместить с развитыми формами социализации позднего капитализма, предполагающими высокий уровень самоорганизации и широкие экономические права граждан и работников, развитую социальную ответственность бизнеса и частного собственника², контроль гражданского общества за бизнесом и государством, прозрачность деятельности обоих акторов и т.п.

Третий блок отношений отчуждения/присвоения, типичных для современной России, – *мутации многообразных форм социализации, характерных для советской экономики*. Подчеркнем: в России большая часть форм социализации экономики (частично бесплатные для пользователя образование, здравоохранение и т.п.) выросла не из активной социально-творческой деятельности граждан и их организаций (профсоюзов, образовательных и правозащитных движений, социал-демократических и коммунистических партий), а из советской патерналистской модели. В результате этот блок отношений присвоения постепенно деградирует, опускаясь ниже уровня, типично даже для стран полупериферии. В России отсутствует прогрессивная шкала подоходного налога, доля расходов на образование, культуру, здравоохранение и т.п. в 2 раза ниже, чем, в развитых странах (см. таблицу 9), у нас несоизмеримо слабее, чем в той же Латинской Америке, местное самоуправление, профсоюзы и другие институты гражданского общества.

Все это делает весьма вероятным дальнейшую десоциализацию российской экономики и ее реверсивную инволюцию к моделям, типичным для капитализма 100-летней давности³.

← раскрыты в монографии А.А. Залетного «Финансовый капитал. Взгляд изнутри» (М., 2014). О специфике их проявления в сфере госкорпораций см.: Соколов А.А. Государство как частная собственность инсайдеров (на примере российских госкорпораций) // Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г.Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014. Анализ этого феномена с использованием методологии классического институционализма дан в: Брижак О.В. Экономика деформаций: специфика российского бизнеса // Философия хозяйства. 2014. № 1.

¹ Авторы позволили себе использовать знаменитую фразу В.И. Ленина о порождении капитализма мелким товарным производством.

² «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу» (Конституция ФРГ. Ст. 14, п. 2).

³ Об альтернативных сценариях развития российской социально-экономической системы – в заключительном подразделе этого текста.

таблица 9 Совокупные расходы на образование, здравоохранение и социальные трансферты в некоторых странах мира, % ВВП

	соц. трансферты	образование	здраво- охранение	все соц. расходы
Франция	32,1	5,8	9,0	46,9
Германия	27,8	4,5	8,9	41,2
Италия	27,8	4,5	7,4	39,7
Великобритания	24,1	5,3	8,0	37,4
США	19,2	5,3	8,5	33,0
Россия	12,5	4,6	4,3	22,2

Источник: расчеты авторов на основе данных Factbook 2013: Economic, Environmental and Social Statistics // OECD. 2013; http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-factbook-2013_factbook-2013-en.jsessionid=22spru8ovqv1oi.x-oecd-live-02; а также данных Росстата, Роструда, Федерального казначейства, федеральных законов об исполнении бюджета ПФР и исполнении бюджета ФСС, законов об исполнении бюджетов субъектов РФ.

Такая социально-экономическая основа отношений собственности неизбежно порождает специфику их форм и прав.

* * *

Продолжим наше исследование характеристикой хорошо известных проявлений специфики нашей экономики в сфере **прав собственности**. В профессиональных работах по экономике России не раз писалось, что для последней типичны процессы постоянных *качественных изменений субъектов, форм и прав собственности, перedel объектов собственности* и т.п., причем происходящие в общей обстановки слабости и противоречивости институциональной системы (диффузии институтов). В связи с этим *права собственности* в нашем обществе *слабо* (по сравнению с устойчивыми системами позднего капитализма и «реального социализма») *специфицированы*.

Отличительной чертой российской экономики является также постоянное *перераспределение прав собственности и имущества под определяющим влиянием локального корпоративного и теневого государственного регулирования, а также неэкономических факторов*.

Вследствие этого юридически зафиксированные *формы собственности в России не адекватны их действительному экономическому содержанию* в той мере, в какой происходят названные выше процессы.

С одной стороны, значительная часть приватизированных, т.е. формально считающихся частными, предприятий (акционерных обществ)

находится под контролем тех или иных государственных структур и это *теневая бюрократизация* (но не национализация) *частной собственности* в России.

С другой стороны, в государственных корпорациях или корпорациях, в которых крупные пакеты акций сосредоточены в руках государства, нередко определяющими их деятельность являются не интересы общества и даже не интересы государства как особого института, а интересы частных лиц – *корпоративно-бюрократической номенклатуры* (на языке неоклассики их можно определить как наиболее влиятельных инсайдеров). Последнее – одна из сторон потери российским государством контроля за собственностью. В то же время регулирование отношений собственности со стороны государства часто принимает форму вмешательства конкретных чиновников или их группировок, преследующих частные интересы, стремящихся получить выгоды от принятия тех или иных решений. Так разворачивается процесс *теневой приватизации государственной собственности*.

Действительным содержанием практически всех форм собственности в трансформационной экономике России является, как уже было замечено выше, *корпоративно-капиталистическое отчуждение работников, органично интегрирующее в себя формы внеэкономического принуждения* и т.п. Реальными хозяевами (институтами, концентрирующими в своих руках большую часть прав собственности, прежде всего распоряжение и присвоение) *нашей экономики по преимуществу являются номенклатурно-капиталистические (кланово-капиталистические) корпоративные группы* (подробнее об этом ниже).

Эти структуры являются *деформациями гегемонии корпоративного капитала*, так как капиталистические отношения здесь видоизменяются и сращиваются с другими, более архаическими. В корпоративные группы превращаются старые и новые хозяйственные (производственные, торговые, финансовые и т.д.) системы. Они (1) предполагают не только экономическое (капиталистическое), но и внеэкономическое принуждение к труду, наличие отношений добуржуазной (мафиозно-феодальной) структуризации и подчинения; (2) возникают, как правило, на базе или трансформации политико-хозяйственной власти «номенклатуры» в права собственников и/или легализации теневого сектора, и сохраняют их черты; (3) организованы как закрытые бюрократические кланово-корпоративные структуры («командные экономики» в миниатюре)¹.

¹ Названные выше процессы трансформации отношений собственности часто пытаются свести исключительно к формуле «развитие частной собственности», пропагандируя к тому же очередной миф, что бывшую государственную собственность бесплатно распределили среди населения и работников предприятий. Такой вывод если и можно сделать, то исключительно при условии отказа от анализа реального распределения прав собственности →

Итак, закономерностью российской экономики является двоякий процесс трансформации отношений собственности: с одной стороны, разложение и внеэкономическая ликвидация государственно-бюрократической системы отношений собственности, легализация криминальной собственности и спонтанный рост частной собственности на основе первоначального накопления капитала; с другой – параллельная трансформация этой формально частной или смешанной собственности в номенклатурно(кланово)-корпоративную. Первая тенденция доминировала в 1990-е годы, вторая – в 2000-е. В настоящее время здесь, как было отмечено выше, налицо противоречивая смесь теневой приватизации государственной собственности с теневой бюрократизацией частной. Эта двоякая тенденция порождает наиболее реакционные формы отчуждения работника от объектов собственности, труда и его продукта и тормозит использование его хозяйской мотивации, противодействует развитию как социализации собственности, так и развитию мелкой частной собственности и собственности работников.

Можно сделать вывод, что российская экономика характеризуется процессом интеграции (1) огосударственной собственности прошлого с (2) деформациями тенденций корпоративизации собственности, свойственной позднему капитализму, и (3) воссозданием добуржуазных форм принуждения и зависимости. Данные процессы свойственны в той или иной степени всем трансформационным экономикам, но в России они стали господствующими и именно они составляют важнейшую специфику доминирующего в современной экономике подпространства, в котором господствуют отношения кланово-корпоративного отчуждения/присвоения.

Подчеркнем: основная власть в российской экономике, как уже было сказано, принадлежит именно им. Доля 100 крупнейших российских компаний в валовом внутреннем продукте в 2000-е годы составляла свыше 50%, а в ключевых отраслях (сырьевой и финансовый сектора) они доминировали едва ли не абсолютно (см. таблицу 10)¹. Власть же этих структур гораздо шире, нежели формальная доля в объемах выпуска, ибо, как мы не раз подчеркивали, они оказывают мощное локальное регулирующее воздействие на сопряженные сферы экономики и государство.

← и апелляции только к некоторым законодательным актам и анализу форм, а не содержания отношений собственности. Обращение только к анализу формы собственности часто лежало и в основе призывов к ускоренной приватизации, что отвергали более тщательно анализирующие трансформационную экономику авторы.

¹ Основой для таких наблюдений послужил ежегодный рейтинг крупнейших компаний России, составляемый РА «Эксперт». В течение 1995–2003 годов в рейтинге принимали участие только промышленные компании, а с 2004 г. участвуют компании всех сфер деятельности.

таблица 10 Доля 100 крупнейших компаний России в ВВП¹

наименование показателя	период						
	1994	1997	1999	2003	2006	2010	2012
выручка 100 крупнейших компаний России, трлн руб.	196,6	835,9	1,9	6,96	15,1	25,9	35,1
ВВП, трлн руб.	610,7	2342,5	4,8	13,2	26,9	46,3	62,6
доля 100 крупнейших компаний в ВВП, %	32,2	35,7	40,1	52,7	56,2	55,9	56,1

Источник: расчеты авторов по данным РА «Эксперт» и Росстата.

В то же время не будем забывать и об ином подпространстве российской экономики – том, где формируются более-менее «нормальные» (типичные для позднего капитализма [полу]периферийного типа) отношения формального и реального подчинения труда капиталу. Эта сфера, однако, содержит мало российской специфики и к тому же в настоящее время не является доминирующей, что дает основания сосредоточиться в нашем исследовании преимущественно на пером из подпространств, а именно том, где доминируют отношения кланово-корпоративного отчуждения/присвоения.

Подкрепим наши размышления анализом системы отношений и каналов власти внутри российских кланово-корпоративных групп. Начнем с того, что в отличие от, скажем, западноевропейских экономик, в России структура прав собственности крупных корпораций носит чрезвычайно закрытый характер. Контролирующая группа обычно состоит из нескольких партнеров, образующих клан, тесно спаянный личными отношениями. Права контроля искусно распылены среди аффилированных компаний (включая офшорные фирмы, номинальных держателей, частных лиц и т.д.), выступающих в виде миноритарных акционеров. Нередко целая цепочка офшорных фирм выстраивается таким образом, что реальные владельцы вообще не фигурируют в каких-либо реестрах собственников. Наемные директора руководят при этом предприятием по указаниям фактических владельцев опять же на личной, «доверительной» основе, гарантией которой является полуфеодалная личная зависимость².

¹ Источник данных о выручке крупнейших предприятий: Ежегодный рейтинг крупнейших компаний «Эксперт–200». Доступ по ссылке: <http://www.gaexpert.ru/ratings/expert400/>. Источник данных о ВВП: данные Росстата.

² Эти выводы, теоретически сделанные авторами еще в 1990-х, подтверждены тщательным анализом фактов в приведенных выше работах Р.С. Дзарасова, →

При этом государство не всегда осуществляет мониторинг даже крупных операций с акционерной собственностью. Даже антимонопольные органы, «по должности» интересующиеся подобными сделками, не всегда владеют соответствующей информацией.

Контроль клановой группы над корпорацией опирается на монополизацию в первую очередь финансовых потоков и информации. При этом как крупнейшие собственники, так и высшие менеджеры компании в широких масштабах прибегают к действиям в ущерб развитию собственной корпорации. В числе таких действий можно назвать стремление контролировать только финансовые потоки и экспортные операции при отстранении от развития производственной базы компании; неоправданное раздробление предприятия с целью создания возможностей изолировать от компании наиболее прибыльные (или критические для ее существования) активы; распродажа или сдача в аренду активов в ущерб компании; заключение заведомо невыгодных контрактов с аффилированными компаниями; отказ от решения стратегических задач; использование своего пакета акций только как объекта для спекуляции; использование контрольного пакета как залога под кредиты и т.д.

Разумеется, все эти приемы применяются в обход миноритарных акционеров, которые полностью отстраняются также от участия в разделе прибыли корпорации. С целью уйти от контроля как со стороны миноритарных акционеров, так и со стороны государства (чтобы монополизировать присвоение прибыли и не платить ни дивидендов, ни налогов), кланы, владеющие крупными корпорациями, практикуют размещение доходов и вообще большей части ликвидных ресурсов компании за рубежом. Реинвестирование прибыли происходит из-за границы (под видом иностранных кредитов – недаром одним из крупнейших зарубежных инвесторов в России является Кипр), и вообще управление большей частью финансовых потоков корпорации организуется из-за рубежа. Встречающиеся случаи подготовки «прозрачной» бухгалтерской документации, полностью соответствующей национальным или международным стандартам (например, для размещения ценных бумаг за рубежом) являются в то же время и классическими случаями двойной бухгалтерии. Разумеется, никакая амнистия вывезенных за рубеж капиталов уже не способна изменить сложившийся порядок.

Это положение (а оно типично и для крупнейших государственных корпораций), было бы невозможно поддерживать длительное время без тесного переплетения интересов крупного бизнеса с интересами государственных чиновников, призванных осуществлять контроль в данной сфере. Фактически значительная часть чиновников соответствующих ведомств находится на содержании у крупного капитала. Происходит также интенсивная ротация кадров между крупным бизнесом

и государственной службой, широко затрагивающая даже членов правительства. Особенность России заключается в том, что коррупция выступает здесь не только как рента конкретного чиновника, являющаяся для бизнеса частью издержек по доступу к рынку или к конкретным активам. В России государственный чиновник обычно выступает реально как один из партнеров клановой группы, участвующий в разделе прибыли, в том числе от прикрываемых с его помощью нелегальных финансовых потоков.

Что же касается генезиса этих образований, то он достаточно очевиден. Полуразпад иерархической пирамиды государственно-бюрократической собственности привел к появлению ряда полуразрушенных мини-пирамид, образовавшихся большей частью на основе прежних так называемых «замкнутых ведомственных систем», которые стали просто «кланами». В дальнейшем эндо- и экзогенное развитие корпоративно-монополистического капитала вкупе с инерцией старой системы и бурным развитием добуржуазных форм («княжеств», «герцогств» с их вассалитетом, полукрепостничеством и т.п.) интенсифицировали процесс формирования кланово-корпоративных групп. Последние, однако, всегда будут (в силу общих причин трансформационной нестабильности) оставаться *аморфными, неустойчивыми, подвешенными*, находящимися в состоянии *полугенезиса-полуразпада*.

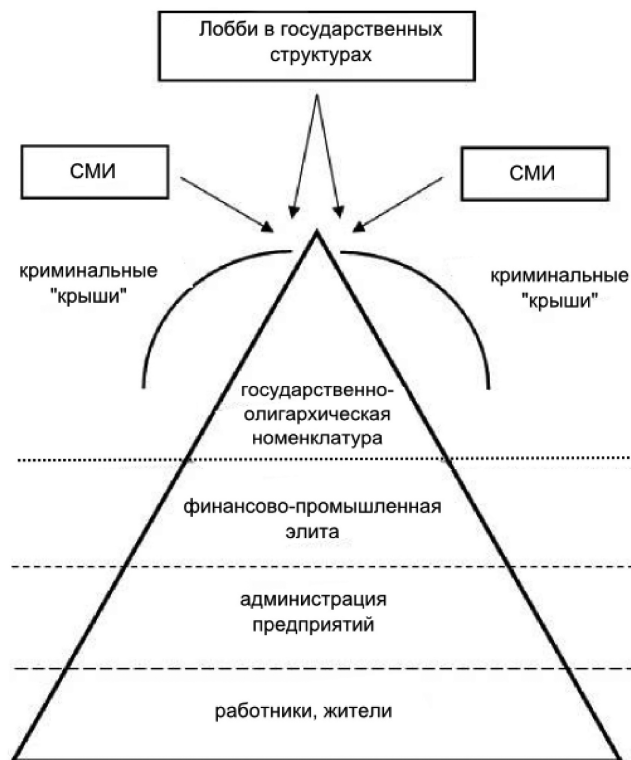
Выделим типичные слагаемые такой системы (см. рис. 3).

В самом низу – рядовые работники нескольких десятков предприятий. Эти лица находятся в положении не столько наемных работников, сколько в положении полузависимых «детей» этой патерналистской структуры. С одной стороны, они являются объектами добуржуазного подчинения и эксплуатации (в самых различных формах: от невыплаты зарплаты, превращавшей в 1990-е годы труд в рабский, до сохраняющегося и поныне контроля корпорации за функционированием социальной инфраструктуры, в результате чего работник-житель оказывается привязан к городу-заводу наподобие посаженного на землю крепостного). С другой стороны, сохраняются и элементы бюрократического патернализма «социалистического» прошлого.

На втором «этаже» структур располагается администрация предприятий. Для нее характерно противоречие между сохранением уже названных традиций «советского патернализма» в реализации принадлежащих им немалых правомочий собственников – с одной стороны; механизмов власти, соединяющих пережитки административно-командной системы с ростками корпоративно-капиталистического управления и эксплуатации, а также добуржуазного принуждения (вплоть до использования криминальных методов давления на организованных рабочих, профсоюзы) – с другой.

Над этими уровнями надстраиваются корпорация как таковая, холдинг, крупный банк, где и расположены реальные хозяева группировки.

рис. 3 Структура кланово-корпоративной группы



Эта же система обеспечивает взаимодействие с четвертым уровнем иерархии – коррумпированными (лоббируемыми) элементами различных законодательных, исполнительных и судебных государственных структур федерального, регионального и муниципального уровней, а также средствами массовой информации.

На периферии этих систем действует система «крыш», а также посреднический мелкий и средний частный бизнес, сращенный с организованными [полу]криминальными группами: несколько торговло-посреднических (а то и попросту паразитических) частных фирм, иногда еще и один-два мелких банка. В отличие от мелкого бизнеса в «цивилизованных» экономиках, где он, как правило, зависим от корпораций и эксплуатируется ими (неравноправный симбиоз), в российской экономике *такой* (есть еще и другой – относительно независимый) малый и средний бизнес создается боссами корпораций для перекачивания ресурсов этих крупных структур в карманы их хозяев, не тратясь даже на покрытие издержек и выплату налогов, дивидендов и т.п. *всей* структуры, что качественно увеличивает личные доходы ее элиты.

Основные права собственности на всю эту систему сконцентрированы в руках узкого круга лиц – топ менеджеров корпораций, банков и представителей лоббирующих структур, а также действительных хозяев дочерних частных фирм. Подчеркнем: речь идет о реальных правах собственности, о хозяйственной власти, а не просто о доле акций (хотя последняя также важна).

Каковы же основные каналы социально-экономической власти в этих корпоративных структурах?

Наиболее очевидный, но не самый важный – *собственность на акции*. Для реального контроля за группой иногда достаточно владеть 10–15% акций входящих в нее фирм при условии, что (1) остальные акции расплывлены среди многочисленных мелких собственников, неспособных к скоординированным действиям; (2) хозяева этих 10–15%, напротив, едины в своей предпринимательской деятельности (составляют «клан»); (3) эти хозяева держат в своих руках другие нити хозяйственной власти и контроля.

Кто же сегодня обладает таким консолидированным пакетом акций на большинстве бывших государственных предприятий? В России, по данным экспертных оценок, наиболее типичной является следующая картина. Порядка 10–20% акций может иметь государство (в так называемых «государственных корпорациях» эта доля, естественно, выше – до 51% и более, но реальная власть над ними, как и в случае с частными структурами, все равно находится в руках частных лиц – представляющих государство чиновников, топ-менеджеров и других инсайдеров). У персонала предприятий, получившего в начальный период приватизации около 2/3 акционерного капитала, в 1998 году осталось уже менее 40% общего числа акций. В настоящее время в руках работников находится незначительное количество акций, а это значит (учитывая российское законодательство), что они не консолидированы. Более того, работники российских предприятий, как уже было сказано, в большинстве по-прежнему пассивны, не объединены в ассоциации (профсоюзы, как правило, самоустраиваются от решения проблем собственности), не способны к солидарным действиям как собственники, а тем более как предприниматели. В подавляющем большинстве случаев они передоверяют основные права собственности высшей администрации предприятий, на которых они работают. Так же не консолидированы внешние миноритарные акционеры.

Напротив, крупнейшие акционеры и топ-менеджеры (*инсайдеры*) – это консолидированная структура, связанная десятилетними традициями соподчинения и совместной кастовой жизни («номенклатура»). Эти лица имели в конце 1990-х годов до 15% акций, а сейчас, как правило, в их руках находится контрольный пакет (для этого, повторим, достаточно иметь много меньше, чем 51%).

Второй важнейший канал контроля элиты за кланом – *административная власть*. В условиях России с ее вековыми традициями бюро-

кратического, контроля, административная власть высшего менеджмента играет одну из ключевых ролей в формировании устойчивых клановых структур.

Но это не только власть администрации предприятия по отношению к работникам. Существует и административный контроль представителей государственных структур (в том числе – региональных, особенно таких, как губернаторы и их «команды») по отношению к предприятиям. Пережитки командной экономики («плановая сделка», патернализм чиновников и т.п.) вкупе с современным хаотическим бюрократическим воздействием массы различных ведомств на рынок, равно как процесс перераспределения собственности, делают государственного чиновника если не «отцом», то по меньшей мере влиятельным «дядюшкой» по отношению к директору предприятия, что становится формой *теневой бюрократизации части прав собственности частных лиц*.

Льготные кредиты и налоговые «послабления», позиция судебной власти, благожелательное или придирчивое отношение разного рода инспекций, хотя бы минимальный госзаказ (для растущего в последнее время оборонного сектора он вновь чрезвычайно важен), высокие экспортные тарифы или, напротив, защитительные импортные пошлины, прямые дотации и т.п. – все это делает административную власть (правительство в центре и в регионах) крайне значимой, несмотря на кажущийся крах «административно-командной системы».

Наиболее значимым каналом хозяйственной власти является *финансовый контроль*. Большинство российских предприятий в течение последних десяти лет находятся в состоянии перманентного и жестокого дефицита ликвидных ресурсов. Долговой характер не только мировой, но и российской экономики делает этот канал контроля принципиально значимым.

В самом низу работник, которому могут заплатить, а могут и не заплатить (это зависит непосредственно от администрации) вовремя зарплату. Выше – зависимость администрации от банка. Даст или не даст банк кредит, а если даст, то на каких условиях? Администрация может воспользоваться его услугами также и для того, чтобы (обычно через подставные фирмы) в течение 2–3 месяцев, а иногда и полугода, «крутить» деньги, предназначенные для расчетов с контрагентами, значительно увеличивая первоначальную сумму за счет краткосрочных валютных, торговых и т.п. операций, в большинстве своем спекулятивных. Часть этих дополнительных средств получает предприятие, но немалая доля через банк уходит к хозяевам клана.

Еще выше – государственные органы – от мелкого чиновника в администрации региона до высших государственных лиц. Все они распределяют и перераспределяют различные государственные ресурсы и льготы.

Не забудем и о таком канале хозяйственной власти, как *личная уния*. Он венчает всю эту пирамиду зависимости, спаивая воедино (как волков

в стаю) элиту предприятий, банков, коммерческих структур и государственных органов. Эта личная уния тем прочнее, что подавляющее большинство клановых элит вышло из тех или иных групп прежней номенклатуры (совокупность таких черт кланово-корпоративных группировок позволяет применить для их обозначения английский термин *patronage machine*).

Особую прочность этим конструкциям, собственно клановую форму, придает близость к *теневым структурам* и возможность использования как *легальных* (охранные структуры фирм), так и *нелегальных форм внеэкономического воздействия*¹.

Наконец, *кланово-корпоративные структуры образуют фундамент не только экономической, но и политической власти*. Только связь здесь не проста. Большинство кланов поддерживает сразу несколько блоков и партий, а большинство партий опирается сразу на несколько кланов. Так возникает сложное перекрестье интересов, достаточно далекое (но не абсолютно оторванное) от идеологических и программных установок тех или иных партий.

* * *

Безусловно, российская экономика состоит не только из крупных корпораций, хотя последние и составляют, как мы показали выше, ее ядро и определяют основные параметры социально-экономического развития.

Но специфика нашей системы состоит в том, что так называемый *малый и средний бизнес* в огромной степени несет на себе печать тех же отношений присвоения/отчуждения, которые определяют содержание кланово-корпоративной собственности. Для этого сектора экономики в *большей степени характерна классически капиталистическая форма отношений присвоения и отчуждения, стимулирующая развитие производства* (в случае капиталистических предприятий реального сектора). Однако и на этих в основе своей классически-капиталистических предприятиях присутствует все та же смесь отношений внеэкономического принуждения (особенно жесткого на предприятиях с большой долей ручного труда, в малых и средних городах России, на селе, в сферах, где широко используется труд иммигрантов) с отношениями формального и реального (на предприятиях с индустриальными технологиями, в том

¹ Для того чтобы не входить в конфликт с конкретными акторами таких отношений, укажем в качестве примера на художественный фильм «За Маркса», в котором во многом реалистично (по мнению экспертов, в том числе – лидеров независимых профсоюзов) показаны методы внеэкономического подавления работников, пытающихся защищать свои права (подробнее об этом фильме см.: Чапас Р. Долго еще до Маркса... Впечатления о фильме Светланы Басковой // Альтернативы. 2013. № 2).

числе, в сферах торговли и сервиса) подчинения труда капиталу. Здесь в еще большей мере, чем в корпоративном секторе, слаборазвиты (отсутствуют) отношения самоорганизации трудящихся, а социальное партнерство в большинстве случаев не упоминается даже как лозунг. Здесь также непомерно высока дифференциация личных доходов хозяев и рядовых работников (по опыту ЕС и США для малых и средних предприятий она не должна превышать 4–6 раз; в России она составляет десятки раз) и т.д.

Такова на принципиальном уровне система отношения присвоения/отчуждения, составляющая экономическую основу отношений собственности в российской экономике.

* * *

Сказанное позволяет по-разному взглянуть на *соотношение отношений отчуждения/присвоения (собственности), типичных для России и для развитых стран*. Конечно же, сравнение нарисованной выше далеко нелицеприятной картины с американским учебником, описывающим современную рыночную экономику, даст однозначный результат: общими являются только некоторые внешние признаки. Однако анализ реальных социально-экономических отношений¹ (в частности, внутрикорпоративных отношений, отношений в области использования труда рабочих на аутсорсинге и труда иммигрантов) и такие (сомнительные с точки зрения академической среды) источники, как художественная литература и кинематограф, описывающие реальные, а не номинально-декретируемые отношения и распределение власти, показывает, что сходство все же есть. Только это сходство сродни соотношению не портрета и оригинала, а реального феномена и карикатуры на него, ибо последняя гротескно преувеличивает, выпячивает все пороки оригинала...

Вернемся к российским реалиям и посмотрим на то, как осуществляется механизм воспроизводства тех экономических отношений, о которых мы писали выше.

Специфика производственных отношений российской экономики: воспроизводство

Прежде чем выделить некоторые содержательные закономерности системы отношений воспроизводства в российской экономике напомним, что ученые, критически относившиеся и относящиеся к политике «шока без терапии», основанной на масштабной приватизации и развитии

¹ Сошлемся на известную работу советского диссидента А. Зиновьева «Запад», многократно публиковавшуюся в России и за рубежом, а также на I часть нашей книги, где анализируется соответствующий круг источников.

т.н. «свободного рынка», с 1990-х предупреждали, что эти «реформы» приведут к экономико-политической власти крупных олигархов, сращенных с бюрократическими и криминальными структурами. Такая система производственных отношений и институтов, в свою очередь, с неизбежностью обернется экстенсивным, ресурсозависимым типом экстенсивного роста, зависимостью от мировых рынков и глубоким кризисом. Последнее касалось не только наших работ 1990-х годов, но и более актуальных проблем: мы еще в 2004–2005 годах писали об угрозе экономического кризиса в мире и в России, критикуя неумеренный оптимизм официальных экспертов и указывая на ожидающие в 2008–2010 годах экономику России (и не только) трудности¹.

Однако общая политико-экономическая постановка вопроса предполагает в качестве предпосылки дальнейшего исследования и анализ некоторых более конкретных параметров, указывающих на контрапункты пред- и посткризисной российской экономики. Среди таких конкретных вопросов выделим лишь один, но принципиально значимый: о *преимущественно паразитическом типе российского капитала*.

Новый век для российской экономики начался и на протяжении 7–8 лет оставался периодом экономического роста. Однако, несмотря на это, российская экономическая система так и не смогла избавиться от ряда заложенных в ней в 1990-е гг. прошлого века негативных качественных составляющих.

Прежде всего об общеизвестной проблеме использования одного из наиболее очевидных потенциальных источников развития – *природной ренты*. Она, во-первых, в значительной степени становится (посредством описанных выше каналов) источником дохода корпоративно-бюрократической номенклатуры и как таковая используется не для инвестиций в Российскую экономику, а для паразитического [пере]потребления и/или вывозится за рубеж.

Во-вторых, та часть природной ренты, которая попадает в государственный бюджет, используется неэффективно. Государство замораживает достающуюся ему часть природной ренты в Стабилизационном фонде, и лишь совсем недавно появилось намерение перевести некоторую часть ее в Фонд развития. Та часть ренты, которая оседает (безо всяких на то оснований) в руках добывающих компаний, в значительной мере служит фундаментом для их экономического и технологического благодушия. И лишь некоторая часть этой ренты перетекает по разным каналам в другие отрасли, обеспечивая эффект мультипликатора экономического роста. До сих пор соотношение между изъятыми и разведенными запа-

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 228–229; Колганов А.И. Пример классового анализа российского капитализма (кое-что о макроэкономической мудрости журнала «Эксперт») // Альтернативы. 2004. № 2. С. 89–90.

сами природных ресурсов остается отрицательным, а это значит, что российская экономика продолжает строиться на *проедании природных ресурсов*.

Обновление основного капитала, даже в период экономического подъема начала 2000-х оставляло желать лучшего: нетрудно подсчитать, что накануне экономического кризиса объем инвестиций в основной капитал оставался уровне на 20% ниже 1991 года (когда он расценивался как совершенно недостаточный). В посткризисный период ситуация принципиально не изменилась (см. таблицу 11).

Возможности инновационного развития упираются и в деформированную отраслевую структуру российской экономики.

Рассмотрим в качестве примера наилучший (с точки зрения экономической динамики) период – предкризисное состояние российской экономики начала 2000-х. Так, отрасли, от которых во многом зависит инновационный потенциал страны – обрабатывающая промышленность, образование, здравоохранение – развивались в этот период темпами от 2 до 4% в год, в то время как финансовая деятельность, гостинично-ресторанный бизнес, оптовая и розничная торговля – от 9 до 11% в год¹. Инвестиции в машиностроение находились на уровне 2,2–2,3% от общего объема инвестиций в основной капитал, или в 6–7 раз меньше, чем инвестиции в добывающий сектор, и в 3–4 меньше, чем в сырьевые производства², в настоящее время эта деформированная с точки зрения распределения между видами экономической деятельности структура инвестиций, во многом сохраняется. При крайне высоком уровне удельного энергопотребления³ российская экономика шла и идет в большей мере по пути экстенсивного расширения потребления энергии, нежели энергосбережения, что порождает дефицит электроэнергии. Запросы на получение условий по подключению к энергосетям, по данным Мин-

¹ Итоги 2006 года и будущее экономики России: потенциал несырьевого сектора // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 30, рис. 3.

² Итоги 2006 года и будущее экономики России. С. 31, рис. 4.

³ Энергоемкость ВВП России по потреблению электроэнергии в 2008 г. была почти в 3 раза выше, чем в Японии и Великобритании, в 1,7 раза выше, чем в Финляндии, на 20% выше, чем в Канаде и Китае. Если же сравнивать страны по показателю энергоемкости ВВП по производству электроэнергии, что более корректно для России с учетом большой доли экспорта энергоресурсов в ВВП, то различия по энергоемкости становятся на порядок выше: в 2007 г. энергоемкость ВВП России по производству электроэнергии в 2007 г. была в 30 раз выше, чем в Японии, в 4 раза выше, чем в Китае, в 2 раза выше, чем в Канаде. Единственной страной, которая по этому показателю опережает Россию, является Норвегия (см.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации–2009: Энергетика и устойчивое развитие / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М., 2010. С. 157).

таблица 11 Динамика инвестиций в основной капитал
в 1991–2012 гг.¹

годы	индексы физического объема инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах)	
	в процентах к предыдущему году	в процентах к 1991 году
1991	85,1	–
1992	60,3	60,3
1993	88,3	53,2
1994	75,7	40,3
1995	89,9	36,2
1996	81,9	29,7
1997	95,0	28,2
1998	88,0	24,8
1999	105,3	26,1
2000	117,4	30,7
2001	110,0	33,7
2002	102,8	34,7
2003	112,5	39,0
2004	113,7	44,4
2005	110,9	49,2
2006	116,7	57,4
2007	122,7	70,4
2008	109,9	77,4
2009	84,3	65,3
2010	106,0	69,2
2011	108,3	74,9
2012	106,6	79,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

промэнерго России на середину 2000-х гг. удовлетворялись только на 17%². Ввиду того, что сроки технологического присоединения являются одной из составляющих делового климата, улучшение которого является одной из приоритетных задач, в последние годы предпринимаются меры

¹ Источник: расчеты авторов по данным Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Раздел 22. Инвестиции. Доступ по ссылке:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

² Итоги 2006 года и будущее экономики России. С. 30.

по повышению доступности данного вида услуг. В то же время устранение технических барьеров не позволит решить проблему снижения энергоемкости ВВП, для этого необходимо обеспечить реализацию инновационного сценария развития экономики. В случае, если сценарий будет инерционным, не удастся выполнить поставленную задачу снижения энергоемкости ВВП на 40% к 2020 г., что признается уже и Министерством энергетики, ввиду чего обосновывается снижение целевого показателя до 20% уменьшения энергоемкости ВВП¹.

Перечень препятствий структурного и инфраструктурного характера (низкая протяженность и плохое качество автодорожной сети, отсутствие современного скоростного железнодорожного транспорта, плачевное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры и т.д.), осложняющих путь к инновационному развитию, можно продолжать. Ясно, однако, что без преодоления этих препятствий невозможно говорить о переходе на интенсивный тип воспроизводства.

Среди важнейших проблем российского воспроизводства – **социальные**. Значительному повышению качества рабочей силы, что является необходимым фундаментом развития, а не просто роста современной экономики, препятствует низкая доля заработной платы в ВВП России и высокий уровень дифференциации доходов населения.

Имевший место в 2000-е годы (естественно, с перерывом на кризис 2008–2010 гг.) стихийный рост заработной платы лишь незначительно изменил долю заработной платы в ВВП (см. таблицу 12).

По-прежнему продолжают действовать механизмы государственной политики доходов, оказывающие давление на заработную плату в сторону ее занижения – установление минимального размера оплаты труда ниже прожиточного минимума, а также установление тарифной сетки оплаты труда в бюджетном секторе таким образом, что почти все тарифные разряды оплачиваются ниже прожиточного минимума².

Широковещательные намерения значительно поднять уровень заработной платы в бюджетном секторе по части реального исполнения резко отстают от сделанных обещаний. Хотя доля населения, живущего за чертой бедности, за последние годы сократилась, общая дифференциация доходов, как мы показали выше, не сокращается. Сохраняется и общий *асоциальный тренд воспроизводства* в России, где правящая экономико-политическая элита так и не сделала сколько-нибудь значительного шага к выходу из того абсолютно нетерпимого состояния

¹ См. заявление министра энергетики А. Новака на II Международном форуме энергоэффективности и энергосбережения «ENES 2013». Доступ к статье по ссылке: http://www.energo-save.com/news_archive/law/196/. Дата обращения: 20.01.2014.

² См. подробнее об этом: *Соболев Э.* Основные тренды оплаты труда в постсоветской России // *Альтернативы*. 2014. № 1.

с использованием человеческого потенциала нации, которое сложилось в последнее время, и которое является одним из мощнейших системных барьеров на пути перехода к интенсивному, эко-социо-гуманитарно ориентированному развитию.

таблица 12 Динамика заработной платы доли оплаты труда в ВВП в 1991–2012 гг.¹

годы	реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему периоду	реальная начисленная заработная плата, в процентах к уровню 1991 г.	доля оплаты труда в ВВП (включая скрытую оплату труда и смешанные доходы), процентов
1991	96,6	–	43,7
1992	67,3	67,3	36,7
1993	100,4	67,6	44,5
1994	92,1	62,2	49,3
1995	72	44,8	45,4
1996	106,4	47,7	50,9
1997	104,7	49,9	51,4
1998	86,7	43,3	48,0
1999	78	33,8	40,1
2000	120,9	40,8	40,2
2001	119,9	48,9	43,0
2002	116,2	56,9	46,8
2003	110,9	63,1	47,2
2004	110,6	69,7	46,1
2005	112,6	78,5	43,8
2006	113,3	89,0	44,5
2007	117,2	104,3	46,7
2008	111,5	116,3	47,4
2009	96,5	112,2	52,6
2010	105,2	118,0	49,7
2011	102,8	121,3	49,5
2012	108,4	131,5	50,4

Источник: рассчитано по данным Росстата.

¹ Рассчитано по данным Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник–2013»). Раздел 22. Инвестиции. Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

* * *

Что же является причиной такой ситуации?

Политико-экономический ответ на этот вопрос авторами уже был дан: сложившаяся в России система производственных отношений и, как следствие, экономико-политической власти.

Здесь действует следующая устойчивая *воспроизводственная ловушка*.

Исходный пункт этой «ловушки» на уровне материально-технических предпосылок характеризуется тем, что ключевые ресурсы развития (относительно качественное оборудование и рабочая сила, дорогостоящие экспортные товары, относительно современные и работоспособные институты управления и т.п.) сосредоточены в сырьевых секторах и узком круге связанных с ними производств, плюс производств, паразитирующих на государственном бюджете (часть строительства, престижные программы типа Олимпиады или Сколково и т.п.). Остальные сферы отстали от мирового уровня на 2–3 поколения основных фондов или вообще развалены (как, например, авиапром). Наука, образование, культура и т.п. сферы формирования креативных ресурсов развития испытывают чудовищный финансовый голод и находятся в тисках «институциональных ловушек».

На уровне производственных отношений основными механизмами регулирования экономики являются, как мы писали выше, локальное корпоративное и теневое государственное регулирование плюс «бизнес по понятиям». Основные каналы присвоения/использования прибавочного продукта и права собственности находятся в руках корпоративно-бюрократической номенклатуры.

В обществе предельно (для стран с таким уровнем развития, как Россия) велика реальная социальная дифференциация, но при этом (вопреки неоклассическим догмам) низок потенциал социально-экономической пассионарности (употребим термин, активно использовавшийся столь любимым нашей «элитной» интеллигенцией Гумилевым).

Какой же тип *воспроизводства* может и должна продуцировать данная система производительных сил и производственных отношений?

Персонифицирующий ее основное производственное отношение господствующий экономико-политический слой – корпоративно-бюрократическая номенклатура – *объективно*¹ заинтересован прежде всего в воспроизводстве (в идеале – расширенном) своей экономико-политической власти. Как именно может осуществляться такое воспроизводство?

¹ Подчеркнем: субъективный интерес тех или иных представителей правящей политико-экономической элиты может быть и иным, но система производственных отношений тем и отличается, что заставляет людей действовать по объективным «правилам игры» или выталкивает их из своего класса. Она реализует объективные социально-классовые интересы господствующих сил, а не их личные благопожелания.

Путем сохранения и развития названных в предыдущих подразделах способов координации и присвоения. Эти методы (теневое государственное регулирование, корпоративно-бюрократическая эксплуатация всех ресурсов корпорации инсайдерами и т.п.) совместимы лишь с **экстенсивным типом производства**.

Причина едва ли не очевидна: названная система экономико-политической власти порождает, **во-первых**, высокие транзакционные издержки, связанные, в частности, с бюрократизацией управления, расходами на внеэкономическое принуждение, неэффективностью системы управления и контроля и т.п. Более того, *эти расходы должны расти по мере укрепления власти данной системы, причем опережающими темпами*. Этот пункт столь очевиден, что не требует комментариев.

Во-вторых, она инициирует у правящей «элиты» объективную необходимость *постоянно увеличивать расходы на престижное (статусное) [пере]потребление*, что обусловлено спецификой отношений поддержания (укрепления) своего положения. Это атрибут корпоративно-бюрократической номенклатуры, для всех уровней которой характерна система «идентификаторов» власти.

Последняя измеряется – подчеркнем – не только объемом капитала, но и сложной системой параметров, интегрирующих (1) собственно капитал, (2) меру сращенной с государственной властью и (3) потенциал внеэкономического принуждения (поскольку криминальный жаргон проникает уже и в научный язык, мы, по аналогии с введенным ранее и не нами понятием «бизнес по понятиям» можем назвать этот параметр «мерой крутизны»).

Соответственно, *определенный стиль и объем статусного потребления является одним из основных внешних свидетельств меры «крутизны»* (экономико-политической власти) того или иного частно- (или/и государственно-) корпоративного клана. Эта система разворачивается на всех уровнях: от необходимости покупать в кредит непомерно дорогую автомашину для ме-е-елкого служащего большо-о-ой корпорации до самых длинных в мире яхт российских олигархов и безумных расходов на Олимпиаду в Сочи, призванных послужить статусным свидетельством «крутизны» корпоративно-бюрократической номенклатуры страны в целом.

В-третьих, названная система власти порождает высокий уровень социальной дифференциации вкупе с интенциями к социальному паразитизму и ростом деклассированных слоев населения. Описанное выше многомерное и потому предельно жесткое отчуждение практически всех категорий работников от труда и его результатов порождает низкий уровень заинтересованности работников в повышении эффективности

¹ Иногда даже вопреки субъективным ценностям тех или иных представителей этого слоя авторы не сталкивались с подобными жалобами со стороны представителей нынешней номенклатуры.

своей деятельности, не говоря уже об инновациях¹. Господство сырьевого корпоративного бизнеса, сращенного с государственной номенклатурой, снижает активность мелкого и среднего бизнеса не только в сфере инноваций, но и вообще сколько-нибудь значимых средне- и долгосрочных производственных проектов. Бюрократический характер государств и его отчужденность от гражданского общества инициирует преимущественно неэффективные, но статусно значимые направления расходования бюджетных средств на всех уровнях.

В условиях высокой и постоянно растущей (вследствие все тех же причин, лежащих на уровне основного производственного отношения системы: многомерного отчуждения) социальной дифференциации отчужденное от общество государство должно обеспечивать относительно стабильное существование беднейших слоев населения, сохраняя значимые социальные резервы.

Но нацеленность социальной политики на патернализм и потому пассивно-конформистское поведение населения вкупе с бюрократически-неэффективной системой расходования бюджетных средств на поддержание стабильности, а не на развитие, усиливает экстенсивность воспроизводства. Здесь воспроизводится двоякая связь, основанная на отчуждении граждан от государства и государства от граждан. Государство не доверяет ни гражданам, ни бизнесу и потому боится инвестировать в развитие (и человека, и производства), держа «про запас» тот или иной аналог стабилизационного фонда. В свою очередь граждане и бизнес не доверяют ни государству, ни самим себе и потому не соглашались на радикальное увеличение расходов государства на развитие. Последнее проявляется, в частности, в нежелании капитала осуществлять поддержку долгосрочных общегосударственных программ; едва ли не большинства населения – вкладывать государственные и личные ресурсы в долгосрочные, с отдачей через 10–20 лет, программы развития фундаментальной науки, освоения космоса, прогресса образования, здравоохранения, культуры, социальной сферы, выступая за за счет сокращения текущих расходов (на зарплаты работников бюджетного сектора, пенсии и т.п.).

Отсюда, **в-четвертых**, типичная для российской системы относительно низкая доля расходов на накопление, которые к тому же идут и в частном, и в государственном секторах преимущественно не на цели развития, а на краткосрочное увеличение «крутизны» разных слое корпоративно-бюрократической номенклатуры и обогащение обслуживающих ее слоев. Примерами таких расходов, кроме названных выше амбициозно-неэффективных проектов типа, могут служить продолжающиеся инвестиции в строительство нефте- и газопроводов, массовое строительство в России сборочных и т.п. производств, бурный рост торговли и других сфер транзакционного сектора и т.п.

¹ Тоценко Ж.Т. Социология. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. С. 75–79.

Так складывается *триединая (работник + бизнес + государство) незаинтересованность основных акторов российской экономики в отходе от экстенсивного типа воспроизводства.*

Результаты такого типа воспроизводства очевидны. На технико-производственном уровне – небыстрый экстенсивный рост, перемежающийся кризисами и стагнациями при сохранении преимущественно сырьевой ориентации экономики вкупе с расширением типичных для периферийного капитализма сфер экономики. К последним относятся сырьевые и вторичные (сборка и т.п.) отрасли материального производства, плюс торговля и услуги, плюс образование и культура, ориентированные на обслуживание такой экономики и нужд периферийного (т.е. высокодифференцированного, но при этом в большинстве своем отсталого) «общества потребления», плюс сохранение слабой, патерналистски ориентированной социальной сферы. Возможным исключением может быть только военно-промышленный комплекс, о причинах укрепления которого – чуть ниже.

На социально-экономическом уровне – сохраняющийся тренд углубления реальной социальной дифференциации, а также продолжающееся упрочение власти корпоративно-бюрократической номенклатуры, переходящее в новую фазу.

Иллюстрациями первого тренда служит рост низкооплачиваемой занятости (увеличившейся за годы реформ почти в 4 раза, до 12,5% в 2010 г.), неравенства в распределении доходов работников (коэффициент Джини в 2010 г. достиг значения 0,413), масштабов бедности (нуждающиеся слои населения составляют 17,4%), социальной незащищенности и т.д.¹

Новая фаза укрепления власти номенклатуры знаменуется, во-первых, одним из самых высоких в мире уровнем концентрации богатства. Так, по данным Всемирного Банка, 1% богатейшего населения России владеет 67% национального богатства².

Во-вторых, для этой – немало окрепшей за последние 10–15 лет – экономико-политической силы стала характерна тенденция к консолидации.

¹ Бобков В.Н., Колосова Р.П. Характеристика социальной дифференциации в России: 1990–2010 гг. // Неравенство доходов и оплаты труда: тенденции, вызовы и стратегии перераспределения / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца. М., 2014.

² См.: <https://www.worldwealthreport.com>. Эта цифра критикуется рядом российских специалистов, считающих, что величина национального богатства для России занижена экспертами этой организации. На наш взгляд, даже в случае действительного занижения нашего богатства уровень его концентрации в руках олигархического капитала остается чрезмерным даже по капиталистическим меркам, что подтверждают и сведения о количестве долларовых миллиардеров и все остальные данные о социальном неравенстве, в том числе приводившиеся выше.

Это отражается, в частности, в попытках формирования новой – про-тоимперской, ориентированной на консолидированную экспансию вовне и защиту своих совместных амбиций – геополитической и геоэкономической стратегии российского государства. Оно все более становится выразителем интересов становящихся транснациональными [сырьевых] корпораций РФ, для которых жизненно важным становится наличие общенациональной политической силы, защищающего их интересы на глобальных рынках, где их пока держат на вторых ролях более мощные экономически и лучше зачищенные геополитически конкуренты.

Следствием этого стали и типичные для последних лет попытки *реанимировать военно-промышленный комплекс России*. Этот курс выгоден для всех основных слоев номенклатуры и кажется позитивным для «народных масс».

Для корпоративной элиты он выгоден, ибо позволяет получить (и в немалой степени попилить) крупные государственные ресурсы. Здесь, правда, возникают и новые противоречия между старыми (сырьевыми) и новыми (промышленными) кланами корпоративных элит, но это уже второй вопрос.

Для государственной номенклатуры он укрепляет видимость ее «крутизны» (причем не только в своих собственных глазах, но и в глазах электората и зарубежных оппонентов) высших слоев номенклатуры.

Для патерналистски настроенной части населения России (а это в настоящее время едва ли не большинство) рост ВПК и про-тоимперские амбиции создают *превратную форму реализации их общенародных интересов*, подчинения, по видимости, общегосударственным целям (которые невольно, но неправомерно отождествляются с общенародными) деятельность крупного капитала.

Впрочем, эта новая тенденция амбивалентна. Следствием реализации этой попытки могут быть как некоторые позитивные изменения (частичное восстановление промышленности, инженерного образования, некоторых отраслей науки), так и негативные процессы (консервация бедности, низкого уровня социальной защищенности, проблем в гуманитарном образовании и культуре).

Да и в целом развитие за счет усиления ВПК – это один из самых неэффективных вариантов продвижения к инновационному типу воспроизводства: *главным результатом прогресса ВПК является создание средств **разрушения** человека, природы, общества*, а гражданское производство и наука если и прогрессируют, то только как побочный эффект и потому крайне однобоко. Впрочем, вероятность стратегически-последовательного осуществления курса на прогресс ВПК и эффективного использования выделенных ему средств остается невысокой. Авторы сугубо не уверены, что (1) станет реальностью консолидация номенклатуры вокруг именно этой программы и, главное, что (2) этот слой, по определению отягощенный грузом межкапиталистических противо-

речий и крайне бюрократизированный, сможет что-то сделать не «как всегда».

Так складывается процесс *экстенсивной э/инволюции*, который устойчиво воспроизводит сырьевую ориентацию экономики, отторжение инноваций и все те технико-экономические и социально-экономические основания, на которых базируется власть корпоративно-бюрократической номенклатуры.

*Порочный круг экстенсивного воспроизводства специфических для постсоветской России деформаций производительных сил и производственных отношений позднего капитализма полупериферийного типа и порождаемых им добуржуазных и иных «инклюдзов», замыкается и генерирует основания для нового витка эскалации власти акторов, заинтересованных в лучшем случае – в экстенсивном расширении сложившейся ситуации, в худшем – в ее консервации*¹.

Существенно, что в этом «верхи» оказываются солидарны с большей частью «низов», для которых закрытость социальных лифтов, характерная для такой социально-экономической системы, делает доминирующим интересом «отсутствие перемен». Так, по итогам проводившегося Институтом социологии РАН в 2013 г. общероссийского социологического исследования «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя», нуждающиеся, коих порядка 34%, не стремятся изменить ситуацию, а хотят «стабильности» (так сказали 71% опрошенных). Вместе с тем «снижение общественно-политической активности характеризует не только бедных, но и представителей благополучных слоев населения»².

В системе отношений воспроизводства, как и в других сферах производственных отношений России, присутствует и несколько иное подпространство, где пусть ограничено, но действуют механизмы «нор-

¹ Все это до боли напоминает то, что было характерно для худшей стороны экономики СССР периода ее стагнации (конец 1970-х – 1980-е годы), и о чем мы писали четверть века назад, предрекая угрозу «негативной конвергенции» в случае капиталистически ориентированных реформ. К сожалению, наш прогноз оправдался.

Но между господством номенклатуры в экономике СССР и в РФ есть и разница, причем принципиальная. Во-первых, тогда эта система паразитировала на ростках новой, социалистической экономики с присущими ей высокими интенциями образования, науки, культуры, социальной справедливости и т.п. Сейчас же она паразитирует на уже давно ставших историческим прошлым отношениях формального и реального подчинения труда капиталу вкупе с формами позднего капитализма периферийного типа. Во-вторых, тогда наша экономика все еще обладала потенциалом по ключевым параметрам развития (прежде всего человеческим качествам) сравнимым с наиболее развитыми странами мира. Сейчас мы отстаем от них на десятилетия.

² Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН и Фондом им. Ф. Эберга. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 167.

мальной» капиталистической мотивации интенсивного воспроизводства, в частности – использования тех или иных путей повышения производительности труда (в частности, технических, управленческих и т.п. инноваций) с целью повышения нормы прибыли.

Эти механизмы стимулирования капиталом снижения издержек и повышения качества за счет инноваций действуют в российской экономике преимущественно в двух сферах. Либо там, где (1) производство (пусть сборочное или т.п.) осуществляется в рамках зависимых от ТНК предприятий, на которые слабо распространяется специфика российского олигархо-бюрократического капитализма, либо (2) на отечественных предприятиях (преимущественно несырьевого реального сектора), где капитал, с одной стороны, относительно свободен от власти номенклатуры и инсайдеров, а с другой – не имеет доступа к сырьевым и бюджетным ресурсам, позволяющим получать рентные доходы.

Отсутствие доступа к ренте и становится сильным стимулом для повышения производительности труда. В той мере, в какой в России развиваются такие производства, в нашей стране появляются надежды на капиталистическую интенсификацию, т.е. на использование механизмов (1) развития (2) столетней давности. Здесь существенны оба параметра: как то, что это все же развитие, а не экстенсивный рост/стагнация, так и то, что с исторической точки зрения эти формы стимулирования прогресса давно устарели. Последнее проявляется, в частности, в том, что даже ориентированные на технические инновации капиталистические предприятия России в подавляющем большинстве случаев предпочитают закупать их за рубежом, а не инвестировать в разработку своих собственных.

* * *

Суммируем основные положения нашего видения **специфики экономической системы постсоветской России**. Эта специфика определяется (1) кризисом советской экономической системы, приведшим вследствие (2) неадекватной для постсоветских условий и исторически реверсивной модели его разрешения в 1990-х (т.н. «шоковая терапия») к (3) мутации позднего капитализма полупериферийного типа, воспроизводящей вследствие этих мутаций (4) многие негативные черты советской экономической системы и (5) порождающей реверсивный процесс регенерации добуржуазных отношений.

Собственно сама эта мутация есть ничто иное, как результат выигрыша в борьбе за экономико-политическую власть в России олигархических групп, паразитирующих на национальном богатстве страны и сращенных с отчужденным от общества государственным аппаратом; порожденная этим модель экстенсивного, базирующегося на сырьевой зависимости воспроизводства адекватна для консервации власти названных акторов.

Закономерным следствием формирования такой системы является *слабость институциональной системы*: диффузия институтов (в частности, низкий уровень спецификации и защиты прав собственности, защиты контрактов и т.п.); наличие многочисленных «институциональных ловушек» (в том числе ситуаций, когда реформирование неэффективных или социально-реакционных институтов требует затрат, превышающих возможный позитивный эффект реформ или сталкивается с непреодолимым сопротивлением какой-либо из экономико-политических «элит»); господство неформальных «правил игры» и т.п.

* * *

Какими же могут быть сценарии будущей э/инволюции (развития? коллапса?) нашей экономической системы?

Мы не хотим в этом тексте уделять сколько-нибудь значительное внимание доказательству того, что сценарий преодоления главного встроенного порока нашей экономики – власти корпоративно-бюрократической номенклатуры – на пути перехода к т.н. «*свободной*» (возможный вариант – минимально регулируемой) *рыночной экономике*, основанной на «настоящей» частной собственности иллюзорен. Упомянем лишь два аргумента.

Первый: эта теоретическая модель есть не более чем ностальгия по романтической поре капитализма, миновавшей уже столетия назад. Капитализм уже немолод, предельно циничен и жесток к тем, кто оказался на периферии.

Второй: именно попытка создать в России «свободную рыночную экономику» привела в России к власти олигархов и бюрократии и к иному результату, как мы и предсказывали еще в последние годы существования СССР, привести не могла. Зачем же второй наступать на те же самые грабли? Конечно «попытка не пытка», но только не в условиях нашей страны.

Есть ли *альтернативные силы* в российской экономической системе, объективно не заинтересованные ни в попытке реализовать утопию «свободного рынка», ни в консервации существующей системы? Есть ли социально-экономические основания перехода к *интенсивному типу воспроизводства*, нацеленному как минимум на *реиндустриализацию*, как максимум – на *обеспечение приоритетного развития креатосферы*?

Есть, хотя они и слабы, ибо слабы, ибо слабо развиты формирующие эти экономико-политические интересы основания, лежащие в российской системе производительных сил и производственных отношений.

Рассмотрим эту проблему несколько подробнее.

Основой для *альтернативы-минимум*, т.е. перехода к интенсивному типу развития, ориентированного на восстановление промышленной системы (близкого к советскому типу), отвечающей стандартам 4 и 5

технологических укладов, могли бы служить частнокапиталистические (в области несырьевого реального сектора гражданского назначения) и государственные предприятия (в сырьевых отраслях, энергетике, инфраструктуре, ВПК) при условии *формирования в России экономической системы, свойственной для полупериферийного капитализма, правящий экономико-политический класс которой последовательно реализует долгосрочную стратегию догоняющего развития.*

Часть российского капитала (преимущественно несырьевой реальный сектор) и работников, а также некоторые слои бюрократии (преимущественно, слабокоррупцированная часть силовых структур и руководители дотационных регионов) уже не первый год частично реализуют этот тренд. *В России возник и функционирует система капиталистических предприятий реального несырьевого сектора, отчасти реализующих модель интенсивного капиталистического воспроизводства.* Они включены в систему производственных отношений, где производительный капитал может осуществлять накопление преимущественно за счет интенсивного развития (ибо доступа к сырью и бюджету у них нет), и потому заинтересован в воспроизводстве квалифицированных наемных работников и активной промышленной политике государства, нацеленной на снятие локального корпоративного регулирования экономики, ибо иначе он не победит в конкуренции с сырьевыми и т.п. корпоративными структурами.

Эту линию тактически заинтересованы поддержать некоторые слои жителей моногородов и средних промышленных городов России, отчасти – деревни: развитие такого капитала несколько улучшит их экономическое положение, хотя качественных изменений при этом в положении трудящихся не произойдет, только несколько упорядочится система отношений эксплуатации.

Для работников социальной сферы и креатосферы этот курс может также принести некоторые позитивные сдвиги, но только при условии радикальной де бюрократизации государственного аппарата, т.е. в случае, если курс на модернизацию будет осуществлять демократическое государство, опирающееся на сильное гражданское общество. Последнее маловероятно, ибо «патриотический» капитал в этом мало заинтересован: сколько-нибудь реальная демократия приведет к усилению социал-реформистских и антикапиталистических сил и заставит капитал как минимум существенно делиться с гражданами правами собственности (сильные профсоюзы, участие работников в управлении, требование прозрачности и социальной ответственности бизнеса) и доходами (высокая прогрессия подоходного налога и т.п.). На стадии борьбы с корпоративно-бюрократической номенклатурой капитал реального сектора готов поддерживать эти требования с целью консолидации оппозиции, но в случае успеха, скорее всего, откажется от этих интенций.

Названные слои, объективно заинтересованные в такой стратегии, достаточно активно выступают за ее реализацию. Примером этого стали

уже упоминавшиеся нами Московские экономические форумы, проходившие в МГУ в марте 2013 и 2014 годов и собиравшие всякий раз порядка 2000 представителей этих общественных сил и отстаивающих эти позиции интеллектуалов.

На наш взгляд, однако, воплощение этой линии в жизнь, во-первых, остается маловероятной (главным образом из-за традиционной политической осторожности российского производительного капитала, с одной стороны, и слабой заинтересованности в этом большинства граждан, которые если что и получают, то незначительные тактические выигрыши, с другой). Во-вторых, эта стратегия в целом уже устарела: к промышленному государственно-регулируемому капитализму Россия уже опоздала. Данный курс был относительно прогрессивен (да и то лишь при условии сильной социальной составляющей по образцу «шведской модели») в середине XX века. В начале XXI столетия он, как мы уже сказали, мало-реален и в лучшем случае приведет Россию в лоно стран «цивилизованного» полупериферийного капитализма.

Возможны и принципиально иные альтернативы, в которых заинтересованы иные социально-экономические силы, но об этом, равно как и наших согласиях и разногласиях со сторонниками реиндустриализации, – в следующем разделе текста.

глава 3 «По ту сторону» капитализма Юрского периода

Как легко может догадаться читатель, к моменту кризиса выросшей из «шоковой терапии» и экстенсивного сырьевого роста модели экономической системы России в экспертном и экономико-политическом сообществах сложились три основных сценария возможного будущего.

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Первый. Максимально полная реализация преимуществ рыночной системы, основанной на частной собственности и предполагающей минимальное государственное вмешательство при максимальной открытости российской экономики. Этот сценарий предполагает развитие России по траектории *неолиберальной модели позднего капитализма полупериферийного типа*. В рамках этой модели приоритетными в России останутся сырьевой и превратный сектора при постепенно активизирующемся отечественном промышленном производстве (преимущественно сборочного типа), строительстве и т.п.

Второй. Сценарий реиндустриализации (вариант – неоиндустриализации) России на основе радикального усиления роли центрального государственного аппарата как субъекта регулирования вертикально интегрированных частно-государственных производственных структур, ориентированных на возрождение отечественного производства, прежде всего – машиностроения и/или ВПК. Важнейшее слагаемое этой модели – суверенная модель экономической эволюции. Теоретически эта траектория может быть квалифицирована как имперско-капиталистическая модель позднего капитализма полупериферийного типа. В своей основе она сохраняет существующие производственные отношения, предполагая, однако, значимую коррекцию их форм: легализация и упорядочение государственного регулирования, перераспределение экономической и политической власти в пользу промышленных корпораций при сокращении посреднического и сырьевого секторов и т.п. Левое крыло сторонников этой модели подчеркивает также необходимость усиления социальной ориентации экономики. Правое крыло ее сторонников об этом «забывает».

Третий сценарий не является столь известным как первые два, но авторы книги и их коллеги разрабатывают, уточняют и пропагандируют его на протяжении уже более 20 лет, в результате чего он стал предметом серьезного обсуждения по меньшей мере в академических кругах. Это

сценарий преимущественного развития креатосферы на основе прогресса социализации экономики. Он предполагает качественную смену модели трансформаций и переход к активному выращиванию элементов «царства свободы» в рамках активно реформируемого капитализма. Иными словами, это сценарий существенного изменения модели социально-экономической системы России, а именно перехода от олигархически-бюрократического позднего капитализма полупериферийного типа к трансформационной системе, реализующей траекторию опережающего развития по направлению к эко-социогуманитарно-реформируемому капитализму.

Предлагаемый сценарий с точки зрения авторов есть не более чем *программа минимум* (программа-максимум – социалистическая революция, высвобождающая энергию социального созидания «царства свободы»), но и он предполагает (1) существенно перераспределения экономической и политической власти от олигархических группировок и бюрократии к демократическому и социальному [буржуазному] государству, социально ответственному и общественно-контролируемому бизнесу и гражданскому обществу плюс (2) приоритетное развитие креатосферы. Этот сценарий выглядит в настоящее время абсолютно утопичным, но, напомним, «скандинавская модель» капитализма в начале XX века казалась абсолютной утопией радикальных левых, а в середине того же столетия, спустя каких-то 30 лет, стала реальностью...

Реализация последнего сценария в идеале может привести к возникновению модели капитализма, максимально адекватной для движения в направлении посткапиталистической системы, т.е. социалистической революции (эта траектория чем-то напоминает ленинскую идею перерастания буржуазно-демократических преобразований в социалистические). Возможен ли этот сценарий политически – вопрос, ответ на который будет зависеть от многих конкретных условий. Равно как и вопрос о том, как (путем сколь радикальных реформ и/или революций) могут быть осуществлены трансформации от существующей к названной выше траектории развития и далее. В данном тексте мы эти вопросы не рассматриваем, сосредоточив внимание на социально-экономических аспектах.

А они предполагают качественные изменения структуры общественного воспроизводства и начало эко-социогуманитарно ориентированной трансформации производственных отношений позднего капитализма при уничтожении добуржуазных форм. Что касается новой структуры производства, то здесь перспективной целью должно стать формирование экономики, в которой около 20–25% занято в материальном производстве и сфере утилитарных услуг, еще столько же в непрерывно сокращаемом превратном секторе и не менее 50% – в растущей креатосфере. Причем именно последняя должна все более становиться драйвером прогресса этого общества.

Для иллюстрации приведенных выше, прямо скажем, не очевидных тезисов используем простейшую историческую аналогию, при этом, естественно, отдавая себе отчет в том, что аналогия не есть доказательство, но *есть* полезная иллюстрация. Итак, проведем аналогию перехода от доминирования индустриального производства к обществу, где доминирует креатосфера с переходом от аграрного к индустриальному производству, происходившему в мире на протяжении как минимум трех столетий, начиная с XVIII века.

Вследствие этой трансформации сельское хозяйство, прежде бывшее доминирующей сферой (до 80% занятых), превращается в одну из сфер индустриального («постаграрного») производства, чья доля и роль в общественном воспроизводстве постоянно сокращаются (до 1–5%), хотя производительность и результативность растет. Последнее хорошо известно: Европейские страны, где непосредственно в аграрном производстве занято несколько процентов населения позволяют производить сельскохозяйственной продукции в масштабах достаточных не только для обеспечения нужд своей страны, но и еще экспортировать его в третьи страны.

Аналогичная «судьба», по мнению авторов, ожидает и индустрию, которая может стать в будущем одной из сфер креативного (постиндустриального) производства, создающей все больше материальных благ при сокращении доли и роли в общественном производстве. Разработка и реализация технологии автоматизированных контейнерных перевозок позволила в десятки (!!!) раз сократить численность экипажей морских судов. В результате малоквалифицированные рабочие (матросы и т.п.) в этой сфере морского транспорта практически исчезли, а обслуживание судов осуществляется преимущественно (!) лицами с высшим и средним специальным образованием, которые к тому же регулярно (в среднем раз в 5–7 лет) проходят переобучение. Объем и скорость перевозки грузов при этом выросли в разы.

Для таких преобразований, однако, требуется включение в общественное воспроизводство существенно большей доли ученых, инженеров, преподавателей и, главное, существенное повышение общей культуры и уровня образования населения, т.е. включение в общественное воспроизводство все большего числа учителей, работников культуры, социальных работников и т.п.¹

По-видимому, у читателя уже давно возникает вопрос: зачем нужно было породить весь этот огород политэкономических абстракций?

¹ Еще раз подчеркнем: в сегодняшних условиях большая часть высвобождаемой из материального производства рабочей силы либо люмпенизируется, превращаясь в прекариат, либо, что еще более типично, абсорбируется все более растущим бесполезным (превратным) сектором, а не креатосферой. Отсюда задача, о которой пойдет речь ниже: активная социально-экономическая политика, направленная на радикальное сокращение этой сферы.

Прежде чем ответить на этот принципиально важный вопрос несколько ремарок по поводу традиционных возражений: если приоритетом общественного развития станет креатосфера, то кто будет производить машины и оборудование, еду и одежду, дома, автомобили, самолеты и т.п.?

Отступление 1. Проклятые вопросы

Ответ на сформулированный выше вопрос на принципиальном уровне прост: человек творческий радикально повышает производительность труда в разы сокращая необходимую занятость в материальном производстве. Так, тысячи ученых, подняв хотя бы вдвое урожайность сельскохозяйственных культур, могут тем самым сократить труд миллионы крестьян, талантливый технолог и управленец могут сэкономить труд десятков тысяч рабочих... То, что *тысячи занятых в сфере высоких технологий высвобождают труд миллионов, занятых в индустриальном производстве* (не говоря уже о ручном труде), хорошо известно.

В данном случае, однако, встает другой вопрос – проблема «лишних» работников, высвобождаемых в результате радикального повышения производительности труда. Однако и ее решение в принципе хорошо известно: в мире креатосферы существует круг сфер деятельности, где постоянно требуется дополнительная рабочая сила – учителя, «садовники» (люди, воссоздающие природу), социальные работники и т.п. могут и должны составлять большую часть занятых в обществе эпохи «человеческой революции», подобно тому, как промышленные рабочие составляют большую часть занятых в индустриальном обществе.

Позволим себе историческую параллель: для решения проблемы достаточного производства сельскохозяйственной продукции в вечно голодном аграрном обществе феодальной эпохи (где 80% занятых составляло крестьянство) надо было... в несколько раз сократить численность населения, выращивающего зерно и пасущего скот, и занять большую часть населения совершенно «бесполезным» (с точки зрения средневекового крестьянина) делом производства даже не сельхозинвентаря, а станков, оборудования и т.п. В результате этого уменьшившееся до 5–10% аграрное население оказалось способным полностью обеспечивать все остальное население продуктами питания, а производство – сырьем, производя сельскохозяйственной продукции в несколько раз больше чем 80% в прежнюю эпоху. Не резонно ли предположить, что переход к постиндустриальному обществу требует такой же перегруппировки, в результате которой 10–20% занятых в материальном производстве (при 80% занятых в креатосфере: образовании как I подразделении неэкономике; науке и т.п., как II подразделении) будут создавать больше материальных благ, чем составлявший ранее большинство населения промышленный пролетариат?

Второй вопрос звучит не менее жестко: а действительно ли человечество движется к постиндустриальному (информационному) обществу? Ответов здесь как минимум два.

Оптимисты, естественно, говорят «да» и указывают на сокращение доли материального производства в развитых странах, на растущие как снежный ком объемы продаж компьютеров, массмедийных продуктов и патентов, а также число пользователей Интернета и мобильных телефонов. Естественники вспоминают еще и о микробиологии и нанотехнологиях. Бизнесмены – о сетевом бизнесе и креативных корпорациях и т.п. И все они делают вывод, что мир вступает в новое – информационное (постиндустриальное) общество. На Западе к кругу таких оптимистов принадлежит прежде всего Элвин Тоффлер¹. У нас оптимисты более осторожны и избирательны. Типичный пример – Владислав Иноземцев, обещающий постиндустриальные блага только Европе. Ну, может быть, и еще кое-кому, кто сумеет к ним присоединиться.

Пессимисты указывают на то, что большая часть мира как жила, так и живет в индустриальной эре (а около миллиарда жителей – в доиндустриальной). Что большая часть т.н. «постиндустриальных» экономик стала полем финансовализации, что даже в «Первом» мире сфера услуг – это преимущественно труд уборщиков, подавальщиков, кассиров и т.п. работников «высокоинтеллектуальных» специальностей. Что большинство молодых пользователей компьютеров используют их как пишущую машинку и книжный шкаф – в лучшем случае, как развлечение со «стрелялками» – в худшем. Что для большинства пользователей Интернета – средство покопаться в неприличных сайтах, посплетничать в «ЖЖ», купить новые джинсы на 10% дешевле, чем в магазине... Есть и более фундаментальные аргументы, доказывающие, что никакого глобального перехода к новому качеству развития нет. И самый сильный аргумент пессимистов: в США и Западной Европе после мирового экономического кризиса все больше говорят о необходимости реиндустриализации.

В этом споре, как ни странно, правы и те и другие. И не потому, что авторы предлагают последовать постмодернистской методологии отказа от больших нарративов или хабермасовским интенциям интеллектуального бытия в мире коммуникаций и текстов, а не живых социально-политических проблем.

Правы и те, и другие, ибо они нащупывают (каждый по-своему) разные «детали» слона, бродя с завязанными глазами и принимая хобот за змею, ноги за колонны и т.п. Они отказываются от взгляда на проблему через призму исторически развивающихся, сложных, системных сдвигов: технологических, социально-экономических, политико-институциональных и культурных. Они ориентируются на «позитивную» фиксацию

¹ Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2007.

тех или иных реальных (но односторонних!) тенденций и не хотят видеть диалектики целого.

Прежде чем аргументировать этот вывод сформулируем еще один вопрос: *а прогрессом ли является признаваемое едва ли не всеми развитие новых технологий и институтов?*

Либералы-оптимисты опять отвечают «да», и тут они правы: для бизнеса, особенно финансовых институтов, ТНК и некоторых малых фирм «капитализм высоких технологий» стал золотым дном.

Гуманистически настроенные интеллектуалы бьют тревогу, указывая на новые глобальные проблемы, и прежде всего на то, что в новом пост-индустриальном мире востребованными станут уже не две трети («средний класс»), а лишь четверть профессионалов высшего уровня. Остальные 75% граждан будут «опущены» в *гетто допостиндустриального бытия*. На Западе об этом не пишет только ленивый (в России принято ссылаться на ставшую особо модной в последние годы Ханну Арендт¹), у нас – по преимуществу только некоторые философы, часто очень далекие друг от друга (Вадим Межуев, Валентина Федотова²).

В данном случае опять же правы и те и другие. Дело в том. Что на протяжении последних десятилетий действительно разворачивается устойчивая тенденция возрастания роли Человека, его творческой деятельности и личностных качеств. Именно *такая* (творческая) деятельность именно *такого* (креативного, пишущегося с большой буквы) Человека создает новые технологии и новые ресурсы развития (информацию, знания, культурные ценности). Она требует новых форм своей организации. Она обуславливает необходимость появления новых экономических и политических институтов. И эта тенденция проявляет себя уже более полувека. В энтузиазме наших родных Королёвых и Макаренко. В действительном буме IT на Западе. В массовом социальном творчестве латиноамериканской бедноты и новых социальных движений Западной Европы.

Однако не менее значимо и то, *что прогресс человеческих качеств и творчества идет крайне неравномерно во времени и в пространстве*. Периоды креативного бума – например, эпоха конца 1950 – 1960-х г. с ее колоссальными технологическими (космос, химия, микробиология, медицина...) и социальными (от хрущевской «оттепели» и антиколониальных революций до торжества социал-демократической модели в Западной Европе) сдвигами – сменяются периодами застоя, а то и регресса.

¹ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.

² См.: Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007; Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации (социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества). М. 2008.

Еще более очевиден тезис о пространственной неравномерности прогресса креативной деятельности. Общество *знаний* и творческого *труда*, а не финансовых спекуляций и компьютерных игрушек развивается чрезвычайно неравномерно, концентрируясь даже не в отдельных странах, а *отдельных сетях*. Основная же часть жителей Земли находится в гетто отсталости и при сохранении нынешней модели глобализации будет все дальше отдаляться от мира креатосферы. Лишь крайне ограниченный круг людей из этого гетто имеет шанс вырваться в новый мир.

Между тем природа творчества состоит в том (и это доказано советской школой философов и психологов – Леонтьевым, Выготским, Ильенковым), что способностью к нему обладает любой ребенок в любой семье – богатого и бедного, жителя Кембриджа и Урюпинска. *И для всех них в потенции открыто поле общедоступной творческой деятельности*. Оно уже давно (не одно десятилетие) принципиально широко и открыто для большинства. Только надо хотя бы на минуту задуматься и понять, что наиболее востребованная и в высшей мере креативная деятельность – это прежде всего труд воспитателя детского сада и школьного учителя, медицинского работника и тренера-физкультурника (мы нарочито использовали термин советской поры с акцентом на культуре физического бытия Человека, а не бизнесе в сфере профессионального спорта), рекреатора природы и общества («садовники» и социальные работники), инженера и рабочего-инноватора, художника (причем не только профессионального) и ученого...

Еще раз подчеркнем: в сегодняшнем мире «рыночного фундаментализма» (Дж. Сорос) и глобальной гегемонии капитала (Бузгалин и Колганов) творческий потенциал человека уходит преимущественно в иные сферы. Это финансы и другие виды посреднической деятельности (по оценкам институционалистов в США транзакционные издержки давно превышают издержки производства). Это масскультура (где десятки высококреативных людей десятилетиями производят жвачку для обывателя) и товары для «общества пресыщения». А также военно-промышленный комплекс и другие силовые структуры (в США доля военных расходов ныне больше, чем во времена холодной войны; в России численность занятых в многочисленных государственных и частных охранных структурах много выше, чем число энкавэдэшников во времена самого страшного сталинского террора)... В этих сферах, по преимуществу паразитических, занято до половины наиболее квалифицированных работников развитых стран. И это притом что в Западной Европе сегодня 2–3% населения вполне способны прокормить, а еще 20–25% снабдить оборудованием и машинами все население этих стран.

Вывод получается обескураживающим: *большая часть креативного потенциала человечества даже в наиболее развитых странах растрачивается по большому счету впустую*. А то и во вред человеку и природе. Более того, социально-экономическая система, утилизирующая этот

потенциал в развитых странах, ведет в сторону от того, что необходимо Человеку и Природе.

Так складывается система, в которой есть два полюса: *гетто пре-сыщения и гетто нищеты*, а в середине более-менее сытое/голодное большинство. Это большинство мечтает попасть в первое гетто, страшится скатиться во второе и пребывает в состоянии воспроизводства обывательского стандарта. В лучшем случае (массовидный стандарт США и ЕС) – это частный домик, автомобиль и двухнедельный отдых за границей. В худшем (массовидный стандарт России) – тесная квартир-ка, новый телевизор и обед в Макдоналдсе по праздникам. Такая модель – стратегически тупикова.

Если оставить в стороне заглавные буквы и пафос, то тезис прозвучит не слишком ново: *можно и нужно искать альтернативы той модели развития креативного потенциала человека, которую реализуют страны «золотого миллиарда».* Но искать эти альтернативы надо не на путях ностальгии по прошлому, а в альтернативных моделях будущего.

Отступление 2. Еще раз к вопросу о наших разногласиях

Вернемся к предмету нашей полемики с авторами, акцентирующими необходимость реиндустриализации, и уточним пункты наших согласий и расхождений.

Мы *согласны* с нашими коллегами по дискуссии (во всяком случае, с представителями левого крыла этих теоретиков) в том, что для прогресса нашей страны (да и для мировой экономики в целом) необходимы:

- сворачивание паразитических слагаемых нематериального производства (финансовых спекуляций, посредничества и т.п.);
- развитие материального производства и услуг, обеспечивающих прогресс человеческих качеств;
- отказ от политики и идеологии «рыночного фундаментализма» и развитие программирования экономики, проведение активной промышленной политики и других механизмов сознательного регулирования¹;

¹ О необходимости проведения в России более активного государственного регулирования, и в частности промышленной политики для России, говорится в многочисленных публикациях отечественных авторов. Этому были посвящены два Московских экономических форума, в рамках которых многие ведущие ученые страны высказались в поддержку данного положения (см.: *Гринберг Р.С.* Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014; *Пороховский А.А.* Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Там же; *Сорокин Д.Е.* Приоритетность национально-государственного интереса // Там же; →

• социальная ориентация экономики, снижение уровня социально-экономической дифференциации и т.п.;

В чем же суть расхождений?

Они в акцентах. Но это не пустяки.

Главный акцент наших оппонентов, как мы уже не раз отмечали, это – (I) индустриализация (реиндустриализация, неоиндустриализация)¹. Под этим в работах данных авторов, как правило, понимается не

← *Татаркин А.И.* Промышленная политика как основа системной модернизации России // Там же; *Цаголов Г.Н.* Как преодолеть либеральный застой // Там же; и др.). Об этом пишут бизнесмены, развивающие производство в реальном секторе экономики (см.: *Бабкин К.А.* Разумная промышленная политика необходима и возможна // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014; *Он же.* Финансовая политика тормозит российское развитие // Фактор стагнации: демонетизация финансово-экономической системы России и выход из нее. М.: Наука и политика, 2014; *Бодрунов С.Д.* Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. №2; *Бодрунов С.Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России. СПб., 2013) и даже некоторые консультанты федеральной власти (см.: *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010). Систематически об этом, как уже отмечали, говорится в статьях, публикуемых в журналах «Российский экономический журнал» (главный редактор – А.Ю. Мелентьев), «Экономист» (главный редактор – С.С. Губанов), «Экономическое возрождение России» (главный редактор – С.Д. Бодрунов) и др.

¹ Подчеркнем: понятие «реиндустриализация» трактуется весьма разнообразно различными учеными.

В отличие от большинства авторов, пишущих о необходимости приоритетного развития материального производства, С.Ю. Глазьев прямо связывает будущее нашей экономики с наиболее современными (нано-, био- и т.п.) технологиями (см.: *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010).

В коллективном докладе по проблемам реиндустриализации, подготовленном под руководством Р.С. Гринберга, Д.Е. Сорокина и С.Д. Бодрунова, сделан важный и часто «забываемый» другими авторами акцент на необходимости развития прежде всего высокотехнологичного материального производства, не забывая и о необходимости его интеграции с наукой и образованием (см.: Реиндустриализация – ключевое направление современной экономической политики // Экономическая система России. Анатомия настоящего и стратегия будущего. М.: ЛЕНАНД, 2014).

Для Р.С. Гринберга характерно также внимание к связи этой проблемы с вопросами социальной справедливости (см.: *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость: российские соблазны ложного выбора. М., 2012; *Гринберг Р.С.* Результаты экономических реформ в постсоциалистических странах // Проблемы теории и практики управления. 2013. №3), а Д.Е. Сорокин связывает данную проблему с общими контурами стратегии России и ее →

то, что этот термин означает в строгом категориальном поле, о котором мы писали выше, т.е. не [вос]создание индустриальных технологий, а нечто иное, как правило, определяемое через описание ряда сфер, где требуется приоритетное развитие. При этом оказывается, что речь идет не столько об индустриализации в том или ином смысле, сколько о восстановлении и приоритетном развитии несырьевого материального производства. Согласитесь: воссоздание индустриальных технологий, т.е. 3-го и 4-го технологических укладов, и приоритетное развитие названных производств – это «две большие разницы».

При этом (2) вопрос о том, какими будут господствующие технологии и содержание труда в этих отраслях остается гораздо менее акцентированным, нежели приоритет несырьевого материального производства как такового. Безусловно, наши оппоненты не возражают против прогресса высоких технологий (особенно это характерно, повторим, для работ С.Ю. Глазьева), но главную задачу видят в ином: восстановить материальное производство СССР (отсюда и сам термин – *реиндустриализация*)¹.

Такая «терминологическая некорректность» приводит к тому, что реальные практические задачи, выдвигаемые сторонниками этого курса), начинают тяготеть в силу ряда причин (о которых ниже) именно к строгому смыслу понятия «реиндустриализация» и в результате *такие* оппоненты нелиберального курса оказываются сторонниками *консерватизма*, хотя пишут они (как, например, С.С. Губанов) о прогрессивном курсе. Консерваторами же они являются прежде всего потому, что ориентируют стратегию на приоритет пусть обновленной, но в основном прежней структуры производства и, как мы увидим ниже, характерной прежде всего для XX века вертикально интегрированной государственной собственности и, соответственно, опору на власть партийного государства, государственную власть партии социального большинства, партии вертикальной интеграции собственности².

← преемственность с историческим опытом развития нашей страны (см.: *Сорокин Д.Е. Стратегические ориентиры экономического развития России. М.: Алетей, 2010*). Один из первых разработчиков этой проблемы – С.Д. Бодрунов – предлагает и конкретные формы такой интеграции в НПО-кластерах (см.: *Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. №2; Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. СПб., 2013*). С.С. Губанов вообще предпочитает использовать иной термин – «неоиндустриализация» (см.: *Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. №11*).

¹ Говоря о «неоиндустриальном консенсусе России», С.С. Губанов подчеркивает необходимость наследования лучших достижений СССР и выбор в пользу вертикально-интегрированной, государственно-корпоративной формы собственности (см.: *Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11*).

² *Губанов С.С. Неоиндустриализация России и вопрос о собственности. М., 2012.*

На экономическом языке это означает ориентацию на постепенное воссоздание прежде всего традиционных отраслей материального производства – тех, что действительно были основой экономики предыдущего века. В частности, речь идет о воссоздании станкостроения, автомобилестроения, сельскохозяйственного машиностроения, максимум – ВПК, авиастроения и космической промышленности¹.

«Естественно», что (3) в работах наших оппонентов такие сферы, как образование, здравоохранение и наука оказываются на втором месте: им посвящено гораздо меньше текстов, а многие программные статьи о них вообще *как бы* забывают (случайно? Или из-за нехватки объема?). По сути дела о них пишут как о некоторых вторичных сферах, которые должны производить здоровых и грамотных рабочих и инженеров, а также содействовать повышению производительности труда в основных отраслях материального производства. Остальные отрасли креатосферы (культура, рекреация общества и природы и т.д.), как правило, вообще не упоминаются.

И самое последнее и едва ли не главное (5) отличие. Оно касается трансформации системы экономических отношений и институтов. Здесь наши оппоненты, видящие едва ли не главные причины нашей отсталости в компрадорском характере российского частного капитала, выдвигают лозунг перехода к вертикально интегрированной государственной собственности. И этот лозунг логично вытекает из определения основных задач как неоиндустриализации, восстановления [в лучшем случае – на новом технологическом уровне] машиностроения, авиастроения, энергетики и т.п. в борьбе с компрадорским капиталом, паразитирующем на сырьевых ресурсах страны, которые должны быть возвращены народу.

На наш взгляд речь должна идти о существенно иных акцентах. Будем говорить о них на примере нашей страны – предмете для нас наиболее дорогим и важном.

Первое. Соглашаясь с нашими коллегами в том, что мы должны сойти с «сырьевой игры» и повторять тупиковую траекторию Запада (приоритетное развитие превратного сектора), мы в качестве основы экономики будущего видим сферы, формирующие ключевые ценности нашего об-

¹ Как мы уже отметили, в работах С.Ю. Глазьева акцент делается на ином – высокотехнологичном производстве вообще, в том числе на новых (нано-, био- и т.п.) производствах, образование упоминается, но специально не рассматривается, а про остальные отрасли креатосферы крайне редко говорится. Но и это скорее исключение. С.С. Губанов уже пишет о высокотехнологичном содержании традиционных секторов; для него «фундаментальным условием первостепенной значимости» является развитие прежде всего «первоклассного и высокоавтоматизированного машиностроительного комплекса». В работах многих других авторов акцент на качестве технологий вообще исчезает.

щества и одновременно создающие главный источник прогресса его экономики. Это прогресс человеческих качеств или, в более строгой политэкономической постановке – свободное гармоничное развитие личности. Отсюда ключевое определение нашей стратегии: «**ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА**»¹. В постановке наших коллег лозунг звучит скорее иначе: «человек для производства».

На языке стратегии это различие становится существенным. Приоритетное развитие производства означает измерение результатов объемом ВВП, все остальное – производные показатели.

Приоритетное развитие креатосферы означает измерение результатов (успехов и провалов) нашей социально-экономической политики в таких показателях, как Индекс человеческого развития и индикаторы экологического состояния страны и т.п., а не объемах ВВП или материального производства. На языке цифр это означает увеличение по меньшей мере в 2 раза доли в ВВП страны I и II подразделений новой экономики, в частности таких отраслей, как образование, здравоохранение, культура, наука и т.п. (о целях и средствах стратегии – ниже).

Второе. Собственно материальное производство (III подразделение) в этих условиях должно развиваться по траектории (2.1) качественного изменения структуры (опережающий рост новых отраслей, основывающихся преимущественно на постиндустриальных технологиях: био-, нано- и т.п. технологии) и (2.2) воссоздания традиционных отраслей на качественно новом технологическом базисе². Приведем только один пример: переход грузового морского транспорта на контейнерные перевозки привел к радикальному, в десятки раз, сокращению занятости в этой сфере. Огромный современный сухогруз, экипаж которого в прошлом веке состоял из сотен преимущественно малоквалифицированных матросов, ныне обслуживает едва ли десяток человек, каждый из которых имеет высшее или среднее специальное образование. В результате 10 высокообразованных людей в сфере *материального производства* делают тот же объем работы, который ранее делали сотни индустриальных

¹ См.: Бузгалин А.В. Экономика для человека // ВВП. 2013. № 2. Подчеркнем: впервые этот императив именно в таком виде авторы сформулировали еще в 1992 году. В настоящее время он стал главной темой Московского экономического форума, прошедшего на базе МГУ в марте 2013 года и собравшего более 1500 участников – ведущих ученых, экспертов, предпринимателей, общественных и политических деятелей со всех континентов. Многие научно-практические конференции и семинары также акцентируют на этом, в частности, много материалов содержится в 1-й части сборника по итогам международной конференции Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России / Под ред. Н.Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2014 и в сборнике Стратегия опережающего развития – III. Тома 1 и 2. М., 2011.

² Напомним, в работах наших дискутантов речь идет преимущественно о пункте 2.2.

рабочих. Такие примеры можно найти в сфере аграрного, химического и мн. др. производств. Иными словами, мы обосновываем необходимость экономического курса, ориентированного на увеличение выпуска продукции материального производства при сокращении его роли и доли в экономике.

Третье. Стратегия, ориентированная на преимущественное развитие креатосферы будет *стратегией опережающего, лидирующего развития*, в отличие от курса на реиндустриализацию, который ориентирует нас на догоняющую траекторию. По сути дела, авторы предлагают своего рода план ГОЭЛРО–2, о чем мы пишем, постоянно обновляя наши тексты, уже более 20 лет¹.

Мы специально хотим напомнить об упомянутом историческом прецеденте: более 90 лет назад в нищей, разрушенной войнами и преимущественно сельскохозяйственной России, страдающей прежде всего от голода и нехватки сельскохозяйственного сырья, был выдвинут план не «реаграризации», а электрификации – общенациональный технологический и экономический проект скачка через как минимум два (!!!) технологических уклада за 15–20 лет. Таким же масштабным был план культурной революции.

Тем самым мы предлагаем аналогичный амбициозный план.

Четвертое и самое главное. Естественно, что *такой* план предполагает принципиально значимые изменения в системе экономических отношений и институтов. Поскольку мы (4.1) основные причины видим не в компрадорском характере частного российского капитала (хотя и солидарны с критикой этих аспектов нашего бытия), а в сращенной государственного и частного *корпоративного* капитала как основы экономической власти и силы регулирования экономики. Поскольку выше мы показали, что корень этого в том, что в России сложилась система кланово-бюрократических каналов корпоративной власти, интегрирующая методы господства, характерные для государственно-бюрократического феодализма и капитализма вкупе с пережитками государственно-бюрократической и ведомственно-местнической корпоративной организации советской эпохи, постольку мы считаем, что лечить эту болезнь

¹ Понятие «Стратегия опережающего развития» было предложено нами в начале 1990-х годов, когда под эгидой журнала «Альтернативы» прошла первая международная конференция на эту тему. В 2000-е годы нами была проведена серия из 11 международных конференций, в том числе в 2006 году «Человеческий потенциал модернизации России: стратегия опережающего развития – 2006», а в 2011 году – «Стратегия опережающего развития–III». Все материалы этих конференций были опубликованы в соответствующих монографиях. Мы рады, что у С.Ю. Глазьева в 2010 году вышла книга, где он также использовал понятие «стратегия опережающего развития», хотя и сожалеем, что он не упомянул о целой серии коллективных работ под этим названием, выходявших в течение многих лет.

при помощи перехода к вертикально интегрированной государственной корпоративной собственности – это попытка тушить пожар керосином. Даже если предположить невозможное – переориентацию государственного аппарата на цели, предлагаемые нашими коллегами – мы получим всего лишь новую разновидность существующей в корне порочной системы.

Далее, поскольку мы (4.2) доказываем, что приоритетом развития должны быть не вертикально-интегрированные отрасли материального производства, а креатосфера, то и социально-экономические отношения в этой сфере должны строиться на стратегии постепенного, но не уклонного выращивания *отношений базирующейся на сетевой общественной самоорганизации ассоциированной собственности* в отраслях материального производства и *собственности каждого на все*, характерной для мира культуры. Именно последний вопрос – вопрос о снятии интеллектуальной частной собственности, переходе к режиму *сору-left*, *open-source* и т.п. является для нас приоритетным, ибо приоритетом развития производительных сил для нас является сфера создания культурных продуктов – новых человеческих качеств, научных и художественных достижений, социальных, экологических и производственных технологий. Это блок проблем огромной сложности, и мы о нем пишем уже много лет, в частности в последней части книги «Пределы капитала», поэтому здесь мы зафиксируем различие и поставим многоточие...

А теперь о некоторых следствиях указанных выше теоретических консолидаций и разногласий, касающихся практических вопросов разработки стратегии опережающего развития.

«Экономика для человека»:

АЛЬТЕРНАТИВЫ ДОГОНЯЮЩЕМУ РАЗВИТИЮ

Начнем с принципиально важного тезиса: *стратегия опережающего развития – это проект, который ориентирован на качественное реформирование сложившейся экономической, социальной и политической системы*, ибо в рамках инерционного сценария решение проблем значимого улучшения основных параметров российской социально-экономической системы невозможно. Определенные фрагменты проекта могут использоваться как элементы реформ, отчасти смягчающих противоречия современного типа российской системы.

Ключевое отличие предлагаемой **Стратегии опережающего развития** от большинства ныне предлагаемых модернизационных стратегий состоит в выдвигании принципиально отличных от реализуемых ныне в большинстве стран мира **целей** развития и переходе к соревнованию с существующими системами по иным, нежели ныне ими реализуемые, критериям прогресса.

Исторической параллелью может служить отказ политического класса раннебуржуазных торгово-промышленных республик от традиционных для позднефеодального общества критериев успешности дворянских «элит», – таких как знатность, роскошь, сохранение традиций и т.п. – и переход к новым критериям прогресса, среди которых тогда на первый план выдвигались рост объемов производства товаров массового спроса и денежной прибыли. Мы утверждаем, что столетия спустя настало время поддержать уже давно выдвигаемые многими социальными, гуманитарными, экологическими и т.п. сетями, а также известными интеллектуалами (начиная едва ли не с теоретиков «Римского клуба»¹) иные, нежели типичные для «позднего капитализма» критерии прогресса социально-экономической системы.

Соответственно, *временной горизонт* такой стратегии должен охватывать не менее 15–20 лет, включая промежуточные цели и соответствующие средства их достижения.

Главное отличие стратегии опережающего развития, как мы уже подчеркнули – это не столько средства, сколько принципиально новые *стратегические цели*. Среди них:

- приоритетное развитие человеческих качеств, в частности: повышение ИЧП до уровня скандинавских стран; приоритетное развитие творческого потенциала большинства граждан; продление периода гарантированно здоровой жизни до 70 лет и более;
- превращение России и интегрированных с ней стран и международных сетей в одного из культурных лидеров человечества;
- обеспечение социально справедливых оснований творческой и трудовой мотивации, включая фактическое равенство стартовых возможностей для каждого (получение образования, предоставление рабочего места, предполагающего использование творческого потенциала и т.п.), основанную преимущественно на трудовом вкладе социальную дифференциацию (децильный коэффициент на уровне 5,5–6,5 раза);
- переход к ноосферному (основанному на ответственности общества за рекреацию и развитие биосферы) типу развития, в частности, выход на экологические параметры не хуже скандинавских стран (2020); измерение развития в т.ч. по показателю чистого адаптированного (с учетом загрязнения и деградации природного потенциала) валового продукта;
- рост свободного времени (времени, в котором осуществляется развитие человеческих качеств) при сокращении времени репродуктивного труда (труда, как средства обеспечения жизни), трансакций (типичный пример – «шопинг»), «досуга» (нерабочего времени, не обеспечивающего развитие человеческих качеств) и т.п. Использование параметра «свободное время общества» как одного из ключевых измерителей качества развития;

¹ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

• формирование принципиально новых технологий и структуры экономики, ориентированных на развитие человеческих качеств, социальную и природную рекреацию, а не рост вещного богатства, трансакций, симулякров, что позволяет реализовать альтернативную существующему тренду модель движения к постиндустриальному обществу.

Цели промежуточных этапов могут определяться исходя из конкретной социально-политической ситуации. В данном тексте эта проблема не раскрывается, поскольку пока отсутствуют реальные условия для ее постановки. Традиционно рассматриваемые в качестве целей развития рыночные параметры роста (объем ВВП, конкурентоспособность на мировых рынках и т.п.) в рамках данного проекта, как мы уже подчеркнули, трактуются как одно из возможных средств обеспечения развития.

Более конкретно приоритеты развития креатосферы могут быть проиллюстрированы следующими ориентировочными параметрами (цифровые значения корреспондируют с уровнем наиболее передовых в данном отношении стран):

- общедоступное образование через всю жизнь (от яслей и детского сада через школу, университетские комплексы, систематическое повышение квалификации до образовательных комплексов для пенсионеров). Выделение на развитие этой сферы не менее 10% ВВП;

- сферы, обеспечивающие здоровье через всю жизнь (общедоступная медицина, спорт...) – не менее 8% ВВП;

- наука, искусство, другие сферы создания ценностей, смыслов, идей, технологий и т.п. результатов и ресурсов развития новой экономики – не менее 5% ВВП;

- рекреация природы и общества (не менее 5% ВВП).

По мере продвижения в сторону указанных выше структурных сдвигов следует стремиться к достижению занятости в данных сферах на уровне не менее 50–60% общего числа работающих за счет сокращения числа занятых в традиционных отраслях материального производства (при повышении объемов производства в его отраслях – сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, строительстве и др.) до 20–25% (уровень развитых стран Западной Европы), отраслях обслуживания утилитарных потребностей (торговля, питание, туризм...) – до 10–15% (несколько ниже уровня развитых стран Западной Европы), отраслях транзакционного сектора (государственное и корпоративное управление, финансы и иное посредничество) – 10–15% (в 2–3 раза ниже современного уровня развитых стран).

В качестве краткого комментария заметим: в развитых странах для обеспечения удовлетворения материальных потребностей даже на сегодняшнем технологическом уровне достаточно 20–30% занятых. Большая часть занятых сферы услуг выполняет паразитические функции, которые могут быть сокращены при параллельном росте занятых в отраслях креа-

тосферы. Отрасли креатосферы (например, образование) – это (1) сферы общедоступной творческой деятельности Педагога, Врача, Художника, Ученого, Садовника, которые непосредственно развивают человеческие качества и субъекта, и «объекта» деятельности, т.е. прямо реализуют главную цель стратегии; (2) они формируют (создают) творческие способности работника, т.е. главное средство развития новой экономики. Таково тезисное обоснование правомерности выдвижения в качестве ключевых предложенных выше целей развития.

Если теоретически наиболее дискуссионная проблема – это стратегические цели прогресса, то с практической точки зрения едва ли не наиболее сложный вопрос – это не императивы, а *реальные возможности реализации предлагаемой нами стратегии*. Т.е.

* * *

Каковы же возможные *средства и ресурсы опережающего развития*? В этом вопросе, как ни парадоксально, у нас немного расхождений с нашими коллегами по дискуссии, поэтому лишь коротко зафиксируем ключевые параметры, предварительно заметив: основные предлагаемые выше механизмы реализации стратегии не могут быть внедрены одномоментно, декретом. Они должны *выращиваться, постепенно, но неуклонно* создаваясь и претворяясь в жизнь на базе качественно новых институционально-политических предпосылок.

Итак, среди ключевых средств реализации стратегии опережающего развития могут быть выделены¹:

- система долгосрочных эко-социо-технологических программ, предполагающих согласованное изменение технологических и социально-экономических, а также культурных параметров на основе выбора траекторий опережающего развития с целью качественного изменения структуры;
- формирование системы средств селективного (дифференциация налогов, кредитов, институциональных параметров) и прямого (планы развития для предприятий государственного сектора, целевые общественно-государственные инвестиции, закупки, гранты и т.п.) регулирования, позволяющих перераспределять в перспективе не менее 50% ВВП для реализации долгосрочных программ при сохранении рыночных критериев развития (повышение прибыльности, конкурентоспособности) для остальной части экономики;
- изменение системы отношений и прав собственности, обеспечивающее (1) полное изъятие на общественные нужды природной ренты;

¹ Предлагаемые ниже параметры легли в основу итогового документа уже упоминавшегося Московского экономического форума 2013 года (см.: Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М., 2014.

(2) постепенное превращение в общественно-государственные и частно-общественно-государственные предприятий креатосферы (образование, здравоохранение и т.п.); (3) программирование деятельности государственных и частно-государственных предприятий; (4) социальную ответственность частного бизнеса; (5) участие работников в контроле и управлении на предприятиях всех форм собственности; (6) прозрачность и гарантированность системы прав собственности; (7) приоритетное развитие ассоциированных форм собственности и «социального капитала»; (8) поэтапное движение к отказу от частной собственности на интеллектуальные продукты;

- формирование системы социальных и экологических нормативов, обеспечивающих гарантированное наличие равных стартовых возможностей (включая гарантии прожиточного минимума, образования, обеспечения здоровья, переквалификации, занятости в общественно-государственном секторе) для каждого гражданина, охрану труда, здоровья, природы на уровне не ниже развитых стран Западной Европы;

- институциональная революция, обеспечивающая сокращение в 2–3 раза транзакционных издержек и занятости в посреднической деятельности за счет упрощения и сокращения бюрократической системы и, главное, системы посредничества, особенно в финансовом секторе. Преодоление провалов государства за счет постепенной передачи функций государства институтам общественного самоуправления и продвижения от политического «рынка» и политического манипулирования к «демократии корней травы».

- развитие долгосрочных интернациональных образовательных, научных, технологических, культурных, экологических программ, интегрирующих усилия государств, международных сетей и НПО, выступающих за отказ от «правил игры», созданных «Вашингтонским консенсусом».

Одним из *примеров* отличия стратегии опережающего развития от других траекторий может служить анализ трех условно выделяемых вариантов программ развития пассажирского транспорта.

Программа № 1 – создание бензинового легкового автотранспорта существующего мирового уровня при ориентации на преимущественно личный транспорт (2 автомобиля на семью) – устаревшая модель.

Программа № 2 – создание гибридного легкового автотранспорта мирового уровня при ориентации на преимущественно личный транспорт (2 автомобиля на семью) – модель догоняющего типа.

Программа № 3 – переход к новой системе перевозки пассажиров, обеспечивающая повышение скорости перевозки пассажиров на 20–40% при сохранении комфортности на уровне легкового автомобиля и при сокращении числа транспортных средств в 3–5 раз, загрязнения среды в 2–3 раза, транспортного травматизма и смертности – в 4–5 раз и т.п. (скоростной общественный электротранспорт + велосипед при реорганизации типа организации поселений) – эко-социо-техническая

модель опережающего типа. Последняя, как легко понять, предполагает существенные социокультурные изменения и формирование качественно отличных от господствующих ныне ценностей и образа жизни.

Другой пример – создание общегосударственной системы образования через всю жизнь как совокупности открытых образовательных сетей, центрами которых становятся общественные университеты, а не формирование частных транснациональных университетов-корпораций (ТНК).

Что же касается вопроса об *основных стартовых ресурсах* для начала реализации программы, то ими могут быть:

- средства, высвобождаемые в результате «институциональной революции»: 10–20% ВВП.
- средства, получаемые в результате полной мобилизации природной ренты и интеллектуальной ренты, создаваемой в общественно-государственном секторе – 10–20% ВВП.
- концентрация общественно-государственных ресурсов исключительно в секторах прорыва с постепенным спиралевидным расширением их круга.
- налоговая реформа, включающая радикальное (до 0%) снижение налогов на прибыль, используемую бизнесом для инвестиций в реализацию общественно-государственных целевых программ, низкие налоги на реинвестируемую прибыль, высокие (не менее 50–70%) налоги на прибыль, используемую частным бизнесом для личного потребления, на дивиденды, банковские проценты, рентные и т.п. доходы; прогрессивная шкала налогообложения (от 0 до 50%) заработной платы и др. видов трудовых доходов, обеспечивающая разрыв 10% высших и 10% низших зарплат не более 6–7 раз.

В дальнейшем *основными ресурсами реализации программы в средне- и долгосрочной перспективе* станут рост качества рабочей силы и творческого содержания деятельности, новые технологии, эффект от альтернативных сетей международной кооперации и т.п. факторы повышения производительности труда, а также развитие новых социальных, экономических, культурных форм общественной организации, иного образа жизни и т.п. параметров, сокращающих непроизводительные издержки и повышающие качество жизни при прежних (или сокращающихся) материальных затратах.

А теперь поставим едва ли не самый сложный вопрос: кто, какой социально-экономический субъект способен начать реализацию стратегии опережающего развития?

* * *

Вопрос *субъекте реализации Стратегии опережающего развития* переводит наши размышления в социально-политическую плоскость. В самом деле, кто, какие экономические, социальные, политические силы могут быть заинтересованы в реализации названной стратегии?

Лишь на первый взгляд можно предположить, что все граждане и институты нашей страны равно заинтересованы в преодолении кризиса нашего Отечества. Уже тот факт, что из страны с чудовищной нехваткой инвестиций в течение многих лет вывозится до 20 миллиардов долларов ежегодно, указывает на тот факт, что (как ни парадоксально это звучит) «российский капитал не имеет Отечества». К тому же само понимание кризиса и целей реформ разными общественными силами страны видится по-разному. Для одних становление рыночной экономики, основанной на частной собственности, уже само по себе есть цель, за которую в принципе можно заплатить ценой обнищания (конечно же, временного!) многих десятков миллионов граждан, разрушения высоких технологий, науки и т.п. Для других целью является геополитическое доминирование российского государства и за ценой опять же не постоим... Для третьих общегосударственные цели вообще ничто: они обеспечивают обогащение своей семьи любой ценой, заранее отправляя своих детей жить и учиться за рубеж. Перечень легко продолжить.

Поэтому вопрос о силах, способных поддержать и реализовать стратегию опережающего развития, далеко не прост.

Для основных субъектов власти в современной России эта стратегия не нужна, опасна, ибо ее реализация предполагает (как было показано в начале доклада и в разделе о средствах реализации стратегии) качественное изменение системы власти в экономике и обществе. Выход на эту стратегию сведет доходы элиты бизнеса к 5–7% в год при высоком (до 60%) подоходном налоге и прозрачности всех расходов; поставит высших должностных лиц в государстве в положение подконтрольных гражданам служащих без каких-либо привилегий и льгот и с окладом не выше профессорского; отправит в тюрьму значительную часть нынешних преуспевающих бизнесменов...

Не менее проблематичной является и заинтересованность значительных полупролетаризированных слоев населения (для которых эта стратегия откроет возможность повышения своего статуса, но только путем радикального изменения образа жизни, «выдавливания из себя бомжа»), а также части квазисреднего класса, прежде всего челноков и иных мелких бизнесменов, сросшихся с криминально-спекулятивной сферой транзакций: для них эта стратегия также окажется сопряжена с качественной трансформацией всего образа жизни, и это превращение спекулянтки в учительницу будет не менее болезненно, чем предыдущее превращение учительницы в спекулянтку.

Так кто же может быть заинтересован в реализации этих изменений?

Ответ, по-видимому, уже понятен: та часть работников (квалифицированные рабочие, учителя, врачи, инженеры, ученые и т.п. плюс социальные новаторы, лица с предпринимательскими способностями в любых сферах деятельности), кто заинтересован в принципиальном повышении своего статуса и качества жизни за счет более эффективного,

престижного, творческого *труда*, реализации своих новаторских способностей. Это слой «прогрессоров» (если использовать терминологию Стругацких) может быть пассивно поддержан широкими массами «рядовых» рабочих, заинтересованных в честном и уважаемом труде и стабильном доходе, а также уже и еще нетрудоспособными.

Гораздо более сложный вопрос – о поддержке такой стратегии хотя бы некоторыми «элитными» структурами. Можно предположить, что часть высшего руководства организаций, связанных в прошлом с высокими технологиями, наукой и образованием, может поддержать такую стратегию, при условии, что это не будет связано (хотя бы первоначально) с понижением их статуса, а, напротив, откроет возможности для роста.

И, наконец, самая сложная проблема – политическая сила, способная осуществить поворот страны в предлагаемом нами направлении. Несмотря на выдвижение в программах ряда партий и движений стратегических установок, так или иначе упоминающих приоритет высоких технологий, образования и науки, а также необходимость обеспечить выход страны на траекторию устойчивого развития (что, на наш взгляд, является сомнительной полумерой на пути к ноосферному типу прогресса), в целом реальная политика нынешних организаций свидетельствует, что они, скорее всего, не смогут и не захотят задействовать те средства (прежде всего базисную демократию), без которых невозможна практическая реализация целей опережающего развития.

Однако целые далеко не склонны к пессимизму. Мы говорили выше именно о стратегии, необходимость которой диктуется объективными процессами. Эти же объективные процессы (которым, впрочем, нелишне и посодействовать) ведут к формированию той силы, которая захочет и сможет провести названные качественные изменения в экономической и политической системах нашей страны. Процессы пробуждения и самоорганизации социальных сил, заинтересованных в движении к экономике и обществу постиндустриальной эры (от бастующих шахтеров, требующих реструктуризации своей отрасли, и протестного движения трудовых коллективов, борющихся за деприватизацию, рабочий контроль и самоуправление, до бастующих учителей, профессоров, выступающих в защиту науки и образования) начались и разворачиваются достаточно интенсивно. При благоприятных объективных и субъективных предпосылках они могут привести к формированию в ближайшем будущем прогрессивной демократической левой (социалистической) прогрессорской сети.

И еще один принципиально сложный вопрос: *политические предпосылки и субъект реализации Стратегии*. Авторы исходят из гипотезы наличия политически ответственных сил (прежде всего институтов общественной инициативы и общественного самоуправления), способных совершить предлагаемые качественные изменения, провести политические преобразования, создающие институциональные предпосылки для реализации названной стратегии. Иными словами, субъект

реализации Стратегии – это социально-творческие, способные к созданию новых «правил игры» граждане нашей страны и их добровольные союзы. Проблема наличия такого субъекта и/или условий, при котором он может сформироваться в *этом* – теоретико-экономическом – тексте, нами не рассматривается. И не потому, что мы не знаем ответа или боимся его сформулировать, а потому, что это – тема, принципиально выходящая за рамки предмета данной книги. В других текстах (прежде всего в журнале «Альтернативы», где мы публикуемся ежегодно) авторы многократно предлагали свои ответы на эти вопросы.

Наконец, последнее. В современном мире вообще, а в России с ее культурными традициями, в особенности, слово интеллектуальных лидеров общества (как правило, неформальных) значит очень много. Вот почему *создание сегодня в нашей стране культурной и научной атмосферы, формирующей у всех нас уверенность в необходимости и возможности возрождения нашей Родины на основе опережающего развития, интегрирующего идвигающего вперед все основные ценности мирового сообщества и нашего социума, становится как никогда актуальной задачей каждого свободомыслящего гражданина.*

финал От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям (некоторые итоги книги как пролог к будущему)¹

¹ Основа этого текста была написана в момент рождения альтерглобалистского движения – зимой 2001–2002 годов. Тогда же один из авторов этого текста (А.В. Бузгалин) предложил имя – альтерглобализм, указывающее на то, что мы выступаем не против глобализации как таковой, а за иную модель интеграции и диалога иных акторов. Возможно, опубликованный тогда в виде брошюры (на английском языке, как материал для одной из подготовительных встреч Первого Европейского социального форума) текст стал первым в мире введением и обоснованием категории-имени «альтерглобализм».

Ниже читателю предлагается версия текста, подготовленная к публикации в 2012 году.

Но, как известно, социально-протестные движения не закончились в этом году. Жизнь стремительно изменяет расстановки сил едва ли не ежемесячно. Поэтому мы решили оставить наш анализ реальных процессов на уровне основных событий 2000-х, показав устойчиво действовавшие тогда тренды. Это тем более важно, что новые явления не столько отрицают, сколько дополняют наш анализ, что мы покажем в конце этого текста.

Завершая два тома «Глобального капитала», мы должны и можем показать рождение альтернатив той власти сил отчуждения вообще и глобальной гегемонии корпоративного капитала в частности, исследованию анатомии которой была посвящена наша книга.

Этот финал тем более закономерен, что он, с одной стороны, итожит все те интенции социального освобождения, альтернатив гегемонии, которые мы выводили из анализа противоречий глобального капитала на протяжении всего текста книги и как таковой данный финал станет прологом к следующему, III тому, посвященному исследованию противоречий и перспектив генезиса «царства свободы».

С другой стороны, он станет обобщением опыта широкой практической деятельности антигегемонистских сил, в которой авторы принимают активное участие на протяжении всех предшествующих десятилетий. Более того, поскольку в течение практически всей своей научной и практической деятельности авторы обращались и обращаются к поиску альтернатив глобальной гегемонии капитала, постольку данный текст будет своего рода *summa summarum* предшествующих исследований и публикаций, раскрывающих противоречия и перспективы социально-политической борьбы последнего десятилетия. Ее хорошо известными символами стали альтерглобализм и продолжающее, развивающее его принципы движение «Оккупируй!», новые радикальные политические выступления в арабском мире и в Греции, освободительные интенции в Латинской Америке и на постсоветском пространстве – эти едва ли не наиболее заметные социальные альтернативы начала XXI века – периода, во многом переломного, ставшего годами поисков и надежд, локальных побед и временных отступлений...

Заметим: альтерглобалистское движение родилось *как бы* внезапно¹ и быстро стало популярным в мире. О нем и продолжающих его инициативах и акциях второго десятилетия этого века пишут все кто может, хочет или вынужден (рынок – не тетка: заказ хозяина отрабатывать должен всякий наемник...).

Не меньший резонанс вызвало и движение «Оккупируй!», очень быстро ставшее всемирным.

¹ Эта «внезапность» рождения альтерглобализма, о котором активно заговорили после успешных контрдействий в Сиэтле, есть по большому счету видимость: протестные действия – от маршей до забастовок – в мире не прекращались и в 1990-е. Другое дело, что Сиэтл и последующие практики продемонстрировали обретение альтернативными движениями новых форм и новых качеств.

Наконец, в 2010–2012 годах по миру прокатилась волна политических выступлений (начиная с «арабской весны» и далее к Греции, Испании, Португалии и даже России), по многим своим параметрам близких к принципам и формам альтерглобалистского движения. Последующие годы стали свидетельствами еще более бурных событий...

Эти процессы были и остаются крайне противоречивыми, они несут в себе далеко не только позитивные интенции (особенно это касается т.н. «цветных революций», в которых немаловажным слагаемым были и остаются имперские интенции метрополий глобального капитала, но тем важнее их анализ).

Не смешивая эти три протестных течения, авторы этого текста все же исходят из того, что *в своих сущностных чертах альтерглобализм, «Оккупируй!» и «сетевые революции» генетически* (т.е. диалектически, не формально) *едины, всеобщы.*

Это единство подобно не сходству ежа и половой щетки, а родству потомков одних родителей, один из детей которых может быть черноглазым брюнетом, а другая – голубоглазой блондинкой. Единство трех классов протестных феноменов обусловлено их сущностным, генетическим родством и потому, во-первых, причинами их генезиса – кризисом неолиберальной модели глобализации как особого этапа «заката» не только капитализма, но и «царства необходимости» в целом; поэтому они, во-вторых, строятся как протест против всех форм отчуждения, а не только капиталистической глобализации, и носят интерклассовый характер; наконец, в-третьих, их генетическое единство обусловлено тем, что все они есть продукт современной эпохи – эпохи сетевых, информационных взаимодействий, и посему сами суть сети со всеми присутствиями им противоречиями.

Начнем же мы наше исследование с *альтерглобализма как исторически и логически исходного (первого, но не последнего!) типа развертывания протестно-креативного движения нового века.*

глава 1 Альтерглобализм: феноменология, противоречия, перспективы

Всякое исследование полезно начинать с некоторой систематизации эмпирического материала. Так мы поступим и в данном случае. Это тем более важно, что значительная часть даже специалистов-политологов до сих пор воспроизводит навязанную СМИ догму о нашем движении¹ как кучке погромщиков «Макдональдсов».

АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ: К ПЕРВИЧНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФАКТОВ

Хотя альтерглобалистское движение развивается уже более 10 лет, систематическое отображение этого движения еще крайне далеко от своего завершения. Авторы, однако, считают возможным выделить некоторые группы явлений и дать им краткую характеристику, не вдаваясь в описание конкретных событий и акций².

В море эмпирического материала выделим несколько основных сфер нашей активности: (1) протестные массовые акции (от Сиэтла до Генуи, Барселоны и далее к всемирным дням протеста против войны в Ираке и т.п.); продолжением этих акций стали многочисленные практики оккупаций (от Уолл-стрита в Нью-Йорке до Чистопрудного бульвара в Москве);

¹ Авторы этого текста непосредственно участвуют в альтерглобалистском движении с момента его зарождения, поэтому не отделяют себя от его участников, исследуя его не как посторонние наблюдатели, но как активные участники, изнутри, что позволяет увидеть многое, недоступное внешнему наблюдателю, особенно противоречия и проблемы нашей деятельности...

² Ныне даже на русском языке появилась достаточно обширная литература по альтерглобализму. Кроме серий статей в журналах «Альтернативы» (здесь содержится, пожалуй, наиболее полная на русском языке подборка статей об альтерглобализме – от путевых заметок участников всемирных, европейских и иных социальных форумов и протестных акций до теоретических размышлений маститых профессоров, охватывающая период с 2000 года), «Международные процессы», «МЭиМО», «Полис», «Политический журнал», «Свободная мысль», вышли и первые монографии: Альтерглобализм. Теория и практика «Антиглобалистского» движения (под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003); Глобализация сопротивления (под ред. С. Амина и Ф. Утара. М.: УРСС, 2004); *Агитон* К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста (М.: Гилея, 2005); *Каллиникос* А. Антикапиталистический манифест (М.: Праксис, 2005), два упомянутых ранее издания книги «Кто творит историю» (в них содержится, пожалуй, наиболее полная информация о практиках и теории альтерглобализма на русском языке) и др.

(2) постоянную, «повседневную» деятельность сетей, движений и организаций, ряд из которых прямо ассоциируют себя с альтерглобалистским движением и движением «Оккупируй!», ряд фактически действует в поле нашего общего протеста и созидания, не используя имени «альтерглобализм»; (3) социальные форумы – проходящие регулярно с 2000-го года Всемирные [ВСФ], континентальные и межрегиональные – европейские (их активность в последние годы снизилась), азиатские, средиземноморские и т.п., национальные и даже региональные и продолжающие их логику тематические конференции и встречи; (4) интеллектуальная деятельность (упомянем в качестве примера Левые форумы в США; весной 2012 года на этой теоретической конференции левой интеллигенции, посвященной концептуализации движения «Оккупируй!», собралось около 4000 человек) и др.

Наиболее известная (хотя и не самая содержательно важная) форма нашего движения – **протестные акции**, которые проводятся начиная с 1999 года в местах и во время разного рода «саммитов» агентов глобализации (встречи «большой восьмерки», ВТО, МВФ, Давосский форум и мн. др.). К числу эмпирически достоверных черт этих действий, воспроизводимых уже более 10 лет в сотнях крупнейших акций (в приводимой выше литературе можно найти описание акций в Сиэтле, Праге, Квебеке, Генуе, Ростокке и др.), можно отнести:

- массовость акций (от многих десятков тысяч до многих миллионов участников);
- интернациональный характер выступлений (во всех случаях в акциях были представлены многие десятки стран с делегациями до нескольких тысяч человек), ряд акций проводился как всемирные (иногда – в один день) в десятках стран;
- интерклассовая структура участников (от безработных и крестьян до профессионалов и мелкой буржуазии), представительство разных возрастов (при относительном доминировании молодежи) и примерно пропорциональном представительстве мужчин и женщин;
- принципиальная установка инициаторов и одновременно стихийно воспроизводимая практика плюрализма идеологий, форм и методов действий;
- сочетание методов диалога и гражданского неповиновения при взаимодействии с властями (во время акций участники, как правило, разделяются на колонны, склонные или нет идти на прямые столкновения с полицией, выставляющие радикально-левые и умеренно-социальные лозунги и т.п.);
- полицентричность, сетевой принцип организации акций; отсутствие единой политической или иной институциональной структуры, реально организующей акции; подвижность и временность координирующих акции сетей.

Удивительно, но факт: участвующие в акциях крайне аморфные, многообразные, принципиально непохожие друг на друга структуры

(профсоюзы и экологи, коммунисты и социал-демократы, верующие и атеисты...) оказались способны не просто к взаимодействию, но и к мощным, устойчиво воспроизводимым совместным действиям, по масштабам с очевидностью превосходящим оппозиционные движения предыдущих двадцати лет. Причиной этого может быть только одно: эти акции – ответ (пусть в крайне противоречивых формах) на реальные вызовы времени; они нашли отклик в умах и сердцах миллионов, а это происходит только тогда, когда движения выражают реальные интересы и потребности широких слоев населения, когда их цели, формы, методы действий адекватны интересам тех, кто приезжает и приходит, рискуя жизнью, чтобы принять участие в этих действиях. Выражаясь образно, можно сказать, что **альтерглобалисты и их последователи поймали в свои паруса ветер истории**. Хватит ли у нас сил и умения, чтобы этот ветер не потерять, чтобы не только устоять под его напором, но и сделать наш корабль достаточно прочным, команду – единой, рулевых – умелыми, а штурманов – способными проложить верный курс – на эти вопросы ответы даст история.

Если уйти от образов, то принципиально важно показать, **какие именно организации включены в наше движение и почему**. Естественно, речь идет не о перечне этих организаций (только в ВСФ их участвует до 5000), а об их первичной систематизации. К числу наиболее известных традиционных структур следует отнести, во-первых, разнообразные общественные союзы и неправительственные организации. Среди них:

- профсоюзы (в том числе далекие от поддержки социалистических идей; так в США в ряде акций в них участвуют организации, входящие в АФТ–КПП), организации жителей и т.п.;
- экологические, женские, молодежные, детские и т.п. организации;
- организации и сети, защищающие права человека и социально обездоленных групп (мигрантов и др.), антифашистские и подобные им организации;
- гуманитарные и неправительственные организации, оказывающие помощь развивающимся странам, в том числе – в вопросах борьбы с нищетой, голодом, болезнями и т.п.;
- научные, образовательные, культурные и т.п. организации, организации, занятые проблемами воспитания и здоровья и мн. др.

Во-вторых, наряду с ними альтерглобалистское движение поддерживают и традиционные левые политические организации очень широкого спектра. Среди наиболее активных – некоторые коммунистические партии (так, Партия коммунистического обновления Италии была одним из основных организаторов массовых манифестаций в Генуе, Левая партия ФРГ много делает для поддержки различного рода социальных форумов, и не только), а также троцкистские и анархистские организации. Ряд из них весьма влиятелен среди левых Латинской Америки и Западной Европы (их депутаты входят в парламенты Бразилии, Аргентины, Франции

и др. стран) и очень активно работают в различных НПО и социальных движениях, в том числе профсоюзах, АТТАК, движениях безработных, женских организациях.

В-третьих, в мире активно формируются так называемые «новые социальные движения» и собственно альтерглобалистские организации. Они очень разнообразны по составу, целям, структуре и принципам организации. Вот лишь два примера.

Движение безземельных крестьян Бразилии, насчитывающее более 2 млн участников, возникло как низовая инициатива наиболее обездоленной части крестьянства – тех, кто был лишен и земли, и работы, но решился на совместные действия по оккупации необрабатываемых десятилетиями земель; они создали сеть кооперативов и фермерских хозяйств со своей структурой взаимопомощи и кооперации, социальной защиты, заботой об образовании, здравоохранении, местным самоуправлением и т.п.

Второй пример – сеть АТТАК была инициирована во Франции группой интеллектуалов из весьма уважаемой газеты «Монд дипломатик» и первоначально предполагала всего лишь пропаганду идей введения налога Тобина (0,1% налога на финансовые спекуляции). Оставаясь довольно умеренной в целом структурой, она тем не менее очень быстро превратилась в одну из крупнейших мировых альтерглобалистских сетей.

Не продолжая примеров, заметим, что само *альтерглобалистское движение стало* так называемым *новым социальным движением*. Феномен такого рода движений лишь в последнее время стал предметом изучения, однако уже сейчас появились первые материалы, обобщающие их основные черты в сравнении с традиционными общественными организациями.

Одним из наиболее интересных объектов изучения в рамках альтерглобалистского движения, однако, были и остаются¹ **социальные форумы**, представляющие собой не только некоторые события (форумы как таковые), но и постоянно живущие в Интернете и локальных действиях *сети участников социальных форумов*.

«Другой мир не просто возможен – альтернатива капиталистической глобальной системе начала создаваться и создается нами, и прежде всего – здесь, сейчас!» – так могли бы без преувеличения сказать участники и делегаты всемирных и многих других социальных форумов, проходящих в мире, начиная с 2001 года.

Модель организации любых форумов предполагает, что инициаторами мероприятий Форума (конференций, семинаров, круглых столов, встреч, демонстраций, перфомансов...) могут быть любые социальные

¹ Заметим, что к 2010-м годам активность ряда из этих сетей, в частности европейских, снялась в новом качестве протестной и созидательной активности. Мы еще вернемся к этому вопросу ниже.

движения и организации, поддерживающие Хартию ВСФ; политические организации и партии ими являться не могут.

Авторам довелось принять участие в четырех ВСФ, а также в организации и работе всех европейских, трех общероссийских, ряда региональных и т.д. форумов. Глядя на этот процесс изнутри, заметим, что каждый из форумов был явлением действительно необычным: мы искали пути созидания (своими руками, снизу) иного, альтернативного господствующей ныне глобальной либерально–капиталистической системе, мира. Мира более демократического, гуманного, социально справедливого и более прогрессивного в техническом, экономическом (но прежде всего – человеческом!) измерении.

Этот поиск основан и на практическом опыте организаций и движений, и на результатах анализа известных ученых и общественных деятелей (на ВСФ и ЕСФ их бывают многие тысячи); что же до практических инициатив, то назову лишь некоторые из представленных на различных форумах:

- уже упомянутое движение безземельных крестьян в Бразилии;
- системы местного демократии участия, формирующие механизмы практического участия большинства граждан территории в управлении;
- десятки различных систем общедоступного образования взрослых;
- сети, обеспечивающие бесплатный доступ к компьютерным программам и другим типам знаний;
- сотни различных примеров эмансипации женщин (в том числе в странах «Третьего» мира);
- новейший опыт борьбы латиноамериканских товарищей за альтернативный неолиберальному миропорядок...

...и это лишь несколько примеров многих сотен новых практических дел, реализуемых альтерглобалистскими организациями и движениями.

Но все же доминирующими (не численно, но по существу) всякий раз становятся проблемы формирования нового по содержанию и формам, многообразного, но скоординированного интернационального движения за глобализацию снизу, в интересах граждан.

Очень важно, что форумы становятся полем, на котором заявляют себя новые по сути социальные движения (прежде всего движение альтерглобалистов как таковое). Появление и быстрый рост таких движений, их практическое сотрудничество со «старыми» социальными движениями и организациями (прежде всего профсоюзными) и левыми партиями – это интереснейший феномен новой эпохи. Более того, сами форумы становятся таким новым по принципам и методам организации явлением: организованным на основе многих инициатив снизу, по сетевому принципу, на основе мобилизации и совместной работы, плюралистическим (в смысле спектра «старых» идеологий), но при этом в сути своей единым, практически нацеленным и теоретически мощным действием–мобилизацией с огромным эффектом.

Несколько слов об атмосфере, царящей на форумах. Если выразить несколькими словами их суть, мы бы сказали так: «Деловая, инициативная, радостная, но при этом предельно неформальная и, пожалуй, несколько безалаберная». Люди улыбаются, спорят, работают по 12 часов в сутки (а потом еще по многу часов поют и танцуют, причем далеко не только в Латинской Америке или Индии, но и в чопорном Лондоне...) Даже на таком огромном митинге, как ВСФ (последние годы – порядка 50–100 тысяч участников, тысячи семинаров, конференций, акций) практически незаметна полиция; обстановка предельно свободная, благожелательная. Заседания форумов (всех, в которых мы участвовали) были открытыми. Любой участник, любая организация могли методом заявки организовать любую встречу, семинар, шествие – лишь бы не мешали другим работать (и таких инициативных «действ» – от теоретических круглых столов высоколбой профессуры до кукольных шоу – бывают сотни). Все это на практике свидетельствует – самоорганизация снизу при толковой координации и помощи (но не начальственным командованиям) со стороны сотен и тысяч добровольцев – это работающая и эффективная форма деятельности.

И еще – о деньгах. Все критики нашего движения постоянно спрашивают: *на чьи деньги и под чьим руководством все это делалось, кто тот невидимый «кукловод», который стоит за этими «инициативами»?*

Ответим на примере ЕСФ, ибо авторы непосредственно участвовали в их подготовке. Руководства не было вообще. Была очень широкая, представляющая более 100 крупнейших международных общественных структур Ассамблея, занимавшийся исключительно определением общего поля пленарных заседаний и координацией: кто, где, когда будет заседать и т.п. Программы конференций, семинаров, дискуссий определяли организаторы каждого из мероприятий (а ими были подчас нескольких десятков организаций и движений).

Платили все за все сами: и богатые западные негосударственные фонды, чьи делегаты жили в основном в отелях, и бедные общественные организации и движения других стран (при наличии во многих случаях поддержки со стороны первых: они не боятся «делиться»), жившие у друзей и незнакомых товарищей из Флоренции или Парижа (авторы, например, всякий раз останавливались у друзей, деля комнатку на троих–четверых–пятерых). У каждого из ЕСФ был очень скромный бюджет (примерно 50–100 евро на участника; для сравнения: участники Давосского форума платят в *тысячи раз* больше), который складывался из оргвзносов (от символических 2 до солидных 50 евро – в зависимости от дохода, который ты сам называл при регистрации – всем верили на слово; вообще *на форумах никогда ни у кого не спрашивают документы...*), дотаций органов местного самоуправления, крупных международных неправительственных организаций. При этом участники, которые формально участниками Форума не являлись и вообще ничего не платили,

по сути дела обладали теми же правами: говорить, слушать, делать, подписывать – все так же, как и делегаты.

Безусловно, все форумы, и особенно ВСФ и ЕСФ, полны проблем и противоречий, что является свидетельством не только трудностей нашего движения, но и его жизненности. Жизненности, ибо участники и организаторы форумов эти противоречия видят, не скрывают, но напротив, всячески акцентируют, стремясь и к диалогу различных позиций, и поиску путей соединения противоположностей в новой деятельности.

К числу наиболее ярких *противоречий социальных форумов* относятся достигающие качественного уровня различия между неявно формирующимися группами участников Форума:

- относительно богатыми неправительственными организациями (как правило, из «Первого» мира, некоторых других стран) и относительно бедными и часто малочисленными организациями и движениями, а также относительно бедными и богатыми участниками Форума (впрочем, на это никто особо не обращал внимания, да и взаимопомощь была на высоте, равно как и уважение к тем, кто работает на самых ответственных «участках фронта»: так, на ВСФ гости движения, объединяющего беднейшие слои бразильцев – безземельных крестьян – во время форума жили в одном из самых дорогих отелей города, а известный бельгийский лидер крупной международной сети за отмену долгов «Третьего» мира – в одном из самых дешевых общежитий);

- «реформистским» и «радикальным» крыльями движения (эти слова мы берем в кавычки, поскольку в ряде случаев «реформистское» действие по предотвращению войны требует от его организаторов не меньшей радикальности, чем постоянно повторяемые иными «радикалами» призывы к немедленным революционным действиям; более того, на деле наиболее активными организаторами умеренно-реформистских действий в рамках альтерглобалистского движения, как правило, являются именно сторонники социализма и коммунизма, хотя далеко не только они);

- сторонниками диалога с «глобальными игроками» (теми или иными структурами глобального капитала, например, Давосским форумом) и противниками последнего (к их числу, кстати, относится большинство рядовых «реформистов», многие из которых прямо не стоят на социалистических позициях, а не только социалисты и коммунисты; с другой стороны, есть немало левых, кто считает такой диалог необходимым).

Что касается нашей Родины, то *альтерглобалистскому движению России* довелось впервые жестко повзаимодействовать с властями в 2002 году – во время митингов, приуроченных к приезду Буша и лидеров Евросоюза в мае в Санкт-Петербурге и в Москве. Десятки наших товарищей было арестовано, многие из них избиты.

Эти уличные акции стали первыми яркими событиями, которые к тому же были освещены средствами массовой информации. Однако на самом деле альтерглобалистская деятельность в России развивалась,

пожалуй, с 9 ноября 2001 года (в этом случае, если говорить о «альтерглобализме в узком смысле слова», движении, которое ассоциировало себя с этим именем). Именно тогда пошла серия общественных слушаний в Доме журналистов, в других местах города Москвы, во многих городах России, митинги и акции, в том числе митинг на площади Маяковского. После этого в России состоялась целая серия действий, которые уже прямо ассоциировали себя с альтерглобалистской тематикой. Прежде всего следует отметить, что эти действия были сугубо интернационалистскими, фактически всегда увязаны с международными акциями. Кстати, акции 9 ноября 2001 г. в Москве тоже неслучайно проводились именно в день всемирных действий против Всемирной торговой организации, вступление в которую для России может обернуться огромным количеством негативных социальных и экономических последствий.

Качественным скачком в развитии нашего движения стал *Первый российский социальный форум*, прошедший в апреле 2005 года в Москве. В нем приняло участие около тысячи человек из более чем 60 регионов страны, представляющие 108 различных общественных организаций и движений. На десятках пленарных и секционных заседаний, семинарах, встречах обсуждался широкий круг альтернатив: от международных до региональных. Мы искали и стратегические решения, и совершенно конкретные возможности противостоять монетизации льгот, приватизации ЖКХ, разрушению демократии, расизму и нарастанию фашистских тенденций (кстати, националисты попытались спровоцировать на Форуме драку, но быстро ретировались, получив дружный отпор). Форум, как и все другие действия альтерглобалистов, готовился оргкомитетом (около 30 человек, состав был плавающим, председателя не было, заседания вели каждый раз новые люди), открытым для представителей любой общественной организации, заявившей о своей солидарности с Хартией ВСФ. Бюджет Форума был минимальным и формировался из взносов различных общественных организаций (каждый давал сколько может) и использовался главным образом для Фонда солидарности – помощи совсем бедным регионалам для приезда в Москву и проживания в общежитии; практически вся подготовительная работа была проведена на общественных началах.

Партии в организации Форума не участвовали, хотя многие из активистов нашего движения входят в те или иные левые организации. Любопытно и то, что «водители» оппозиции, присутствовавшие на РСФ (а к нам их пришло немало), слово получали только в порядке общей очереди, от микрофона в зале, или на семинарах и секциях...

Конечно же, РСФ появился не на пустом месте: ему предшествовали два Сибирских социальных форума, Московский форум социальных инициатив, Социальный форум Черноземья, десятки семинаров и конференций по всей стране. Но главное даже не в этом. *Как и везде в мире, в России социальный форум стал возможен только тогда, когда гражд-*

дане страны проснулись и возвысились до реального социального протеста. В нашей стране это произошло во время массовых акций против монетизации льгот в январе – феврале этого года. Именно эти действия, наша работа по их поддержке и стали прологом для РСФ.

На следующий год в Питере прошел Второй российский социальный форум, неслучайно совпавший с саммитом «большой восьмерки». Власти изолировали нас на стадионе, окружив мощным кордоном полиции и спецназа (ассоциации с чилийскими событиями 1971 года были у всех на слуху), по дороге на Форум были задержаны, арестованы, подверглись репрессиям многие сотни делегатов (адвокаты, добровольно работавшие на Форуме, составили подробный список всех правонарушений со стороны властей). Несмотря на все эти формы давления на форуме работали семинары, конференции, круглые столы. Были обсуждены и уточнены подготовленные активистами и экспертами альтернативные (тем, что выносились на саммит) программы развития образования, использования энергетических ресурсов, защиты социальных и гражданских прав.

В дальнейшем в России проходили различные встречи, конференции, совещания активистов социальных и альтерглобалистских движений. Во многих из них участвовали наши товарищи из стран СНГ, показавшее, что у нас есть масса общих проблем и возможностей их солидарного решения.

А еще были десятки акций, семинаров и конференций самых разнообразных социальных движений нашей страны, реального, а не созданного по указанию администрации президента, гражданского общества России – движений жителей и «образованцев», экологов и правозащитников, профсоюзов и молодежи...

Таков российский альтерглобализм в узком смысле слова¹.

Но в широком смысле слова движение противников капиталистической системы, неолиберальной глобализации в России, естественно, имеет гораздо более длительную историю, поскольку оно связано с поиском реальных альтернатив в экономической, социальной и политической областях.

Во-первых, это касается деятельности различных социальных и общественных движений, главным образом рождающихся «снизу» и противостоящих тем моделям развития либеральной рыночной капиталистической экономики, которые навязываются России сегодня, в том числе и под мощным давлением со стороны Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, НАТО и других глобальных игроков.

¹ Деятельность российского альтерглобализма регулярно освещается, в частности, в журнале «Альтернативы», где, начиная с 2001 года, систематически публикуются отчеты и аналитические материалы обо всех важнейших событиях международного и российского альтерглобалистского движения. Все эти материалы можно найти также на сайте www.alternativy.ru.

Во-вторых, альтерглобалистское движение в России связано и с другой традицией – политической оппозиции нынешней системе. Левая коммунистическая и социалистическая оппозиция в России существует фактически с момента распада Советского Союза, об этом надо сказать прямо. Другое дело, что здесь, в большинстве случаев, присутствует не столько поиск иной модели интеграции, иной модели интернационализма, сколько критика современной глобальной системы мирового империализма (как предпочитают говорить сторонники этой идеологии) с патриархальных позиций, с позиций ностальгии по советской системе, возможно, даже с позиций российского шовинизма и национализма (если говорить о радикальных крыльях этого движения).

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в России существует и правая оппозиция глобализму со стороны монархических и других националистических организаций, противопоставляющих глобальной экспансии (прежде всего с их точки зрения, американской) необходимости закрытого развития нашей страны, возрождения ее как особой самостоятельной державы. В стране существует и собственно *анти*-глобалистское течение правых и левых сторонников исключения России из процессов интернационализации, выступающих с консервативно-державных позиций, но это совершенно иное противопоставление глобализации, нежели то *альтер*глобалистское движение, движение за иную интеграцию, о котором мы говорим сейчас.

В связи с этим в России складывается достаточно сложная ситуация, когда для *альтер*глобалистов (сторонников иной модели интеграции) возникает необходимость борьбы на два фронта. Первый и основной, естественно, – это борьба против проводников неолиберальной модели экономического, социального и политического развития нашей страны. Второй, к сожалению, во многих случаях не менее важный, – это пропагандистская работа, направленная на разъяснение тупиковости и, во многом, вредности патриархально-консервативной критики глобализма из прошлого, идей национальной замкнутости, а уж тем более идей великодержавного российского шовинизма. Тем не менее мы должны учитывать, что для последней тенденции в России существуют объективные предпосылки. Среди этих предпосылок:

- действительная ответственность не только российских, но и западных кругов номенклатуры глобального капитала за те катастрофические, кризисные последствия приватизации, либерализации, геополитических и идеологических трансформаций, которые произошли в нашей стране;
- разрушение Советского Союза, которое больно ударило по социальной, патриотической гордости и престижу граждан нашей страны;
- вестернизация культуры, разрушение единого социально-культурного пространства, существовавшего на территории Советского Союза и многие другие причины, неоднократно анализировавшиеся авторами этого текста.

Тем не менее в стране сейчас может сложиться единая оппозиция, соединяющая движение за иную глобализацию как идейно-политическое течение с реальной, идущей «снизу», социальной борьбой за создание иного мира. Среди конкретных, практических дел, которые сегодня могут интегрировать эти общественные организации, альтерглобалистское движение и многие традиционные левые политические организации, выделяются задачи борьбы за социально ориентированные, демократические модели коммунальной реформы, реформы образования, защиту общедемократических ценностей, социально ориентированный путь модернизации экономики.

Рубеж 2011–2012 годов в нашей стране ознаменовался резким всплеском общедемократической политической активности, неслучайно совпавшим с массовыми политическими акциями (вплоть до революционных) в мире. Но о них ниже.

Продолжим. Поскольку данный текст ориентирован прежде всего не на описание альтерглобалистского движения, а на исследование его природы, постольку мы хотели бы сейчас обратиться к исследованию тех объективных причин, которые вызвали к жизни наше движение и которые дают некоторый ключ к пониманию его природы.

Кто мы такие?

(к вопросу о причинах возникновения
и природе альтерглобалистского движения)

Авторам еще в середине 1990-х годов приходилось писать о том, что *глобальная гегемония капитала не может не породить в качестве своей альтернативы субъекта ассоциированного социального творчества*. И тогда, в 1995–97 годах, нам пришлось услышать немало критики, суть которой заключалась в указании на отсутствие в общественно-политической и идейной жизни таких массовых, реально действующих сил. Однако начиная с 1999 года волна массовых выступлений «антиглобалистов» (тогда еще не было имени альтерглобалисты), начавшаяся с Сизтла и далее прокатившаяся практически по всему миру, включившая целую сеть новых форм оппозиционной деятельности, стала ответом на это постоянно звучавшее критическое замечание. Реальная жизнь подтвердила теоретическую гипотезу. Постоянно протестующие против войн и попыток властей выхода из мирового кризиса за счет граждан миллионы и миллионы граждан по всему миру стали практическим свидетельством того, что рождается не только «протоимперия», но и антиимперия¹.

¹ Выше мы показали отличие нашей позиции от получившего широкое распространение противопоставления «империи» и «множества» в работах М. Хардта и А. Негри.

Массовый субъект ассоциированного социального творчества стал вырастать буквально на глазах, и альтерглобалистское движение стало не только идейным, но и общественно-политическим фактором современной жизни. Более того, в последующем оно оказалось во многом «снято» выросшими как его логическое продолжение другими формами (но не другими сущностями) социального протеста и творчества в рамках движения «Окупай!» и «сетевых революций». Вот почему с сущностью этих феноменов следует разобраться подробнее.

Во-первых, этот новый тип социальной оппозиции *и наследует, и отрицает предыдущую социальную и политическую борьбу*, будь то социал-демократическая, коммунистическая или даже профсоюзная, экологическая и иные формы оппозиции глобальной гегемонии капитала, характерные для XX века.

Во-вторых, этот новый тип общественных отношений и общественной деятельности случайно родился как *интернациональный* и глобальный, неслучайно начался с широчайшего использования современных *сетевых форм и технологий* (наше движение построено как разомкнутая, открытая сетевая структура, а Интернет является основной формой коммуникаций и организации альтерглобалистского движения).

В этом контексте становится понятно, почему, в-третьих, важна предложенная в самом начале данного текста аргументация, указывающая на то, что генезис сетевого постиндустриального общества стал одной из предпосылок эволюции от глобализации к протоимперии. Но тогда же мы указали, что возможен и иной парадигмальный ответ на вызовы сетевого общества и позднекапиталистической гегемонии. Вот почему мы беремся утверждать: *начинающееся с альтерглобализма волна новых форм социального протеста и творчества есть альтернативный ответ на вызовы протоимперских форм генезиса новых технологий и гегемонии капитала.*

Именно такую возможность открывает (но пока именно и только открывает) теоретико-методологическая парадигма *новых социальных альтернатив*, формирующихся в настоящее время.

Альтерглобалистское движение – первая форма таких альтернатив – неслучайно возникло в эпоху развития сетевых принципов организации.

Как таковое оно, *во-первых*, стало моделью *сетевой социальной организации* даже там, где собственно технологические процессы остаются прежними (по преимуществу индустриальными). В *альтерглобализме* во многих случаях *социальная форма «убежала вперед»*, став пока еще оппозиционным, внесистемным, но реальным социальным вызовом для развития и экономических, и технологических структур. Среди *основных черт сетевой организации как одного из принципов альтерглобализма* выделим (использовав в качестве эмпирической базы наш анализ практики движения) такие как:

- неиерархичность, децентрализация, преимущественно горизонтальная и/или функциональная кооперация участников;
- гибкость, подвижность, изменчивость форм и конфигураций; легкость и быстрота создания и распада структур;
- открытость сети для «входа» и «выхода»; общедоступность ресурсов (прежде всего информационных) сети;
- равноправие участников сети независимо от их роли, масштаба, ресурсов; не только некоммерческий, но и антирыночный характер деятельности;
- вторичность форм и структур по отношению к содержанию деятельности;
- уникальность сетей.

Все названные выше черты, повторим, абстрагированы из реальности, где они находятся в «смеси» с традиционными чертами отчасти бюрократической, отчасти коммерческой, отчасти закрытой организации. Однако это действительное абстрагирование, происходящее на практике постоянно. Практически каждая протестная акция организовывалась как особая уникальная сеть, открытая для любого участника, который приходит туда со своими ресурсами (но при поддержке более «сильных» или «богатых»), мог свободно использовать все общие ресурсы сети, ее «бренд», взаимодействовать и вести диалог с любым другим участником. Конфигурация этих сетей постоянно изменялась и после акции эта сеть как таковая распадалась, рождая затем новые. У каждой из акций был оргкомитет, но всякий раз он был открыт для каждого и в нем не было ни председателя, ни «генсека».

Во-вторых, альтерглобализм вырос (и это самоочевидное обстоятельство было раскрыто выше) как альтернатива капиталистической глобализации, чреватой протоимперской моделью. Как позитивное, диалектическое отрицание глобальной гегемонии капитала, тотальной системы подчинения человека наше движение на практике обрело следующие черты, становящиеся неписаными, но соблюдаемыми на практике, **принципами**:

- **интернационализм** движения; оно с самого начала возникает как прежде всего международное и по кругу участников, и по целям деятельности, и по характеру действий (международные действия против глобального истеблишмента; международные социальные форумы и т.п.); движение началось и продолжается как межгосударственное и этим особенно ценно, ибо представляет собой не националистически-государственническую (и в этом смысле тяготеющую к прошлому), а всемирную, постглобалистскую альтернативу, ориентированную на будущее;
- **интерклассовый и интеридеологический характер** движения, выступающего против всех форм отчуждения и гегемонии, а не только эксплуатации наемных работников (именно таковыми, опять же, и по кругу участников, и по целям были и акции протеста, и ВСФ);

• *антигегемонистский* (а в своих наиболее развитых формах – антикапиталистический) характер движения, лозунгом которого неслучайно стали слова «мир – не товар»; даже умеренная часть движения выступает за то, чтобы земля, вода и основные природные ресурсы, с одной стороны; знания, образование, культурные ценности и системы обеспечения базисных потребностей человека (пища, жилище, здравоохранение) – с другой, были общественными благами, были выведены из-под контроля рынка и капитала; радикальные альтерглобалисты (и авторы в том числе¹) считают необходимым продолжить эту линию вплоть до изменения господствующего ныне мира отчуждения в целом, движения к «царству свободы».

В-третьих, наше движение, как мы уже отметили, по своей природе (и это природа, содержание практических действий) построено как система альтернатив отчуждению во всем многообразии его форм и видов (ВСФ эту философскую тему выразил в гораздо более простой и яркой формуле: «Другой мир возможен!»). В этой связи неувидительны следующие эмпирически наблюдаемые и устойчиво воспроизводимые принципы альтерглобалистского движения:

• *солидарность, сотрудничество и ответственность* как альтернативы отчуждению (отсюда практически постоянно повторяющиеся акценты на «экономике солидарности», «социально ответственных организациях», «демократии участия» и др. формах сотрудничества в экономике, политике, социальной жизни);

• *организация движения на принципах* (мы о них писали ранее), весьма сходных с давно известной теоретической моделью альтеротчуждения – *свободной, добровольной, работающей ассоциацией*²; практика движения показала, что оно строится (при абстрагировании от «примесей» мира отчуждения) именно как открытый для всех, исключительно добровольный и неформальный (движение не имеет устава или программы – только некоторые «рамочные» параметры, изложенные в Хартии ВСФ) союз, основой членства в котором являются не деньги (взносы) или власть (формальная принадлежность к структуре с определенными полномочиями – государству, партии), а практическое участие в деятельности (принцип работающей ассоциации – в теории; принципы мобилизации и участия – на практике);

• *самоорганизация и самоуправление* как механизмы жизнедеятельности движения, проявляющейся в *формах сетевой демократии, консенсусной демократии, демократии участия* и др. (в сочетании с прин-

¹ См., например: Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М., 2003, 2007.

² Эти принципы раскрыты в заключении к I тому. Первое развернутое изложение этих положений дано в авторском разделе книги «Критический марксизм. Продолжение дискуссий» (под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М., 2002. С. 159–164).

ципом работающей ассоциации эти механизмы обеспечивают возможность практического участия в принятии решений для каждого: вы просто уходите из ассоциации, с позицией которой принципиально не согласны и участвуете в работе той, где ваш голос услышан, где диалог, отчаянный спор ведет к согласию или создаете свою, новую сеть; наиболее массовой и активной становится структура, наиболее открытая, диалогичная, адекватная интересам граждан).

Суммируя, мы можем сделать вывод, что *differentia specifica* этого движения состоит в генезисе качественно нового, массового, интернационального и относительно устойчивого (насколько мы можем судить сейчас) общественного феномена, выходящего за рамки основных жизненных принципов не только позднего капитализма и капиталистической глобализации, но и всего мира отчуждения.

Повторим: движение на практике становится альтернативой не только сущности глобализации и капитализма, но и «царства необходимости» в целом.

Как таковое – развивающееся в очень широких масштабах, хотя и обремененное массой внутренних и внешних противоречий – течение, альтерглобализм становится одним из знамений «заката» неolibеральной эпохи и противопоставляет себя как форму общественной организации, адекватную для эпохи генезиса сетевого общества, альтернативную регрессивно-тупиковой тенденции рождения «протоимперии». Как таковое оно, напомним предложенную в начале раздела гипотезу, становится первой в ряду форм создания нового типа оппозиционной борьбы. Насколько именно альтерглобалистское движение, насколько иные формы («Оккупируй!» и т.д.) окажутся реальной оппозицией, насколько они смогут составить конкуренцию или по меньшей мере затормозить процессы генезиса ультраимпериализма – это вопрос, который во многом зависит от не только объективных, но и субъективных обстоятельств, и авторы пока не берутся прогнозировать результаты этой, разворачивающихся на наших с вами глазах, борьбы.

При всей своей новизне, названные новые оппозиционные движения живут и развиваются в рамках *этого* – переполненного различными формами отчуждения – мира, наследуя многие его черты. В этом смысле новые движения несут на себе печать этого мира. Кроме того, они являются наследником предшествующих оппозиционных капиталу сил. Как таковые, они обладают мощными противоречиями.

Истоки и противоречия альтерглобализма

Исследование природы и принципов нашего движения по сути дела уже дало ответ на вопросы, вынесенные в заголовок этого подраздела. Альтерглобализм стал наследником долгой, трагической и героической

борьбы за социальное освобождение, рождающейся во всех своих наиболее мощных проявлениях – от Парижской коммуны через Великую Октябрьскую социалистическую революцию, серию других социалистических и антиколониальных революций XX века и май 1968 года – снизу, как массовая, ассоциированная деятельность. *Альтерглобализм не вытесняет, но, напротив, наследует, снимает и в чем-то объединяет различные ранее существовавшие формы и направления социально-освободительной деятельности, сохраняя в диалоге и практической дискуссии самые разнообразные структуры, содействующие самоорганизации и созиданию иного мира.*

При этом акцент нашего движения на многообразии альтернатив составляет (равно как и все остальные его отличительные черты) *и силу, и слабость* этой новой формы. Силу – ибо мы не навязываем ни одной из участвующих организаций некой единой униформы; для участия в движении необходимо именно многообразие своеобразных организаций, их непохожесть. Слабость – ибо движение напоминает руку с растопыренными пальцами, а для того, чтобы пробить стену корпоративной гегемонии капитала нужен кулак.

Как таковое альтерглобалистское движение сугубо противоречиво, что видно невооруженным глазом. Причем для него характерны как внутренние, диалектические противоречия, характеризующие его сущность, так и **внешние противоречия**, показывающие его «инаковость» в современном мире. Последние наиболее очевидны, поэтому именно с них мы начнем наше исследование.

Зафиксированная выше противоположность мира отчуждения и нашего движения не может не отражаться на собственной природе последнего. *Альтерглобалистское движение с момента его рождения развивается в переходных формах, соединяющих его собственные новые качества и качества современного глобального капитализма, без чего невозможно существование альтерглобалистов в нынешней системе. Более того, само это сосуществование есть *contradictio in ajecto*, являющееся, между тем, реальным противоречием между альтерглобалистской природой движения и его включенностью* (как через столкновения, аресты, борьбу, так и, в ряде случаев, сотрудничество) *в глобальный капитализм.*

Отсюда – наши мучительные противоречия.

Первое – *между имманентными для движения принципами добровольно работающей ассоциации – с одной стороны, и необходимостью использовать финансовые и политико-правовые механизмы, профессиональную деятельность в нашей собственной работе – с другой.*

Как правило, это противоречие разрешается так, что функции профессиональной деятельности, финансового обеспечения, политического представительства берут на себя действующие неправительственные и общественно–политические организации, симпатизирующие альтерглобализму и составляющие значительную часть его участников, тогда

как само движение в своих действиях (от демонстраций до научных конференций) относительно независимо от жестких ограничений и может позволить себе быть открытым, сетевым, гибким и построенным на основе кооперации личностей, деятельностей и ассоциаций, а не денег, капиталов и корпоративных структур.

На практике это происходит так, как, например, во время второго ВСФ, проходившего в Порту-Алегри. Как мы отметили выше, муниципалитет города и правительство штата (в них доминировала Партия трудящихся Бразилии, сама по себе являющаяся полупартией-полудвижением) взяли на себя обеспечение материально-технической стороны (при оплате по минимальным расценкам всех услуг самими участниками и огромных объемах добровольного бесплатного труда и бесплатного жилья, обеспеченных жителями города). Крупные международные движения и НПО взяли на себя материальную поддержку ряда делегатов из развивающихся стран (и стран Центральной и Восточной Европы), но подавляющее большинство участников прибыли за свой счет.

Разрешение этого противоречия не означает его исчезновения. Оно более чем актуально и подчас мучительно (материальное неравенство структур «Первого» и «Третьего» миров, относительно «богатых» и «бедных» НПО, зависимость многих НПО от глобального капитала – все это создает большие проблемы); оно разрешается и воспроизводится, и это одна их фундаментальных черт, характеризующих бытие альтерглобализма в условиях «царства необходимости» на этапе глобальной гегемонии.

Не менее очевидно и **второе** противоречие, в котором отражается оппозиция мира отчуждения и альтерглобалистского движения – *противоположность социально-экономического неравенства участников* (от миллионов беднейших безземельных крестьян Бразилии до элиты западноевропейских парламентариев), с одной стороны, и *их равноправного диалога и солидарности в рамках движения* – с другой. Это противоречие не только создает напряжение внутри движения, но и лежит в основе фактического отторжения от многих альтерглобалистских действий большей части потенциально наиболее важной части движения – активно и конструктивно борющихся против гегемонии глобального капитала рабочих, крестьян, «рядовой» интеллигенции «Третьего» мира и наших стран. У них достаточного объема свободного времени, ресурсов для участия в зарубежных форумах и т.п. И здесь ставшая практикой поддержка со стороны участников из стран «Первого» мира и добровольное выделение ими средств на солидарность с участниками из бедных стран, помощь им в организации информационных систем, поездок и т.п. – все это стало одним из средств снятия этого противоречия, которое, однако, остается актуальным.

Третье противоречие, проявляющее антагонизм между принципами и формами нашего движения, с одной стороны, и мира отчуждения – с

другой. Это *противоречие между открытостью и сетевым принципом организации движения, и необходимостью взаимодействия с властными структурами, участвуя в политических процессах.*

Из наиболее очевидных проявлений этого противоречия выделим, (1) эмпирически наблюдаемую и уже упоминавшуюся *зависимость многих участников движения (особенно крупных «старых» НПО «Первого» мира, ориентированных на помощь развивающимся странам, бедным, но не только) от субъектов гегемонии (государства, глобальных межгосударственных структур и даже ТНК) через разного рода фонды и гранты, политические решения парламентов, зависимость от правящих партий и т.п.* В результате они становятся, с одной стороны, участниками создания альтерглобалистских сетей, а с другой – проводниками глобальной гегемонии капитала (здесь отчасти уместна подсазанная авторам С.-М. Михайлом аналогия с миссионерами эпохи колониализма).

Не менее очевидно (2) *противоречие (и диалектическое единство) левых политических партий, с одной стороны, и движения как такового – с другой.* Последнее проявляется как в эмпирически очевидной форме борьбы за включение партий в число организаторов социальных форумов (до настоящего времени ими могут быть только НПО и социальные движения), так и в виде менее очевидной противоположности между массовостью, открытостью, мягкостью сетевых структур альтерглобалистов и относительной жесткостью, фиксированностью членства, иерархичностью структур политических партий (подробнее об этом ниже).

Кроме того, перед нашим движением стоит проблема включения в реальную политическую систему с целью реальной борьбы за реальное перераспределение власти в пользу сетей граждан. Здесь альтерглобалисты сталкиваются с практически хорошо всем известным (3) *противоречием между необходимостью, с одной стороны, сохранения нашим движением своей специфики как открытой сети (что лежит в основе успеха и массовости) и, с другой стороны, обретения традиционных организационно-институциональных форм для участия в жизни гражданского общества и политической борьбе.*

Насколько нам удастся найти формы снятия всех этих внешних противоречий – вопрос открытый. Один из путей для этого – не приспособление альтерглобалистских сетей к правилам мира отчуждения, а *изменение мира отчуждения, навязывание ему своих правил и форм жизни, методов деятельности и взаимодействия.* Именно так, в частности, организованы основные протестные акции наших сетей, направленные на изменение этого мира при помощи действий, лежащих вне его «правил» (гражданское неповиновение и др.).

Новый импульс поиску путей снятия этого противоречия дает опыт движения «Оккупируй!», революционных выступлений в арабском мире и протестных акций в [пост?]кризисной Европе, но об этом ниже.

Внутренние противоречия альтерглобализма есть не что иное, как самая сущность этого движения. И здесь все упомянутые выше принципы движения оказываются не более чем проявлениями его глубинных противоречий. Авторы пока не готовы системно и содержательно раскрыть эту методологическую установку, но мы беремся утверждать, что к числу таких глубинных противоречий, имеющих немало эмпирически очевидных проявлений, относится *противоречивость ассоциированного социального творчества как «родовой сущности» альтерглобализма*.

Прежде всего – *противоречие между социальным творчеством как диалогом особых, уникальных субъектов (личностей, сообществ) и единым процессом совместной согласованной деятельности*. Причем основной совместной деятельности здесь является не одинаковость, а уникальность (при единстве стратегии-действия) субъектов. Для альтерглобализма это противоречие более чем очевидно и проявляется в каждом аспекте нашего движения, в каждом его практическом шаге, где и когда приходится постоянно не просто согласовывать, но соединять в едином процессе действий [всякий раз особых] уникальные комбинации организаций, движений и индивидов.

Эту тему легко может развить каждый участник движения, поэтому мы ограничимся лишь указанием на одно из следствий этого противоречия: столь же многообразная, сколь многообразны формы отчуждения и интересы личности, подвижная, гибкая, открытая *сетевая организация* (комбинация субъектов ассоциированного созидания нового мира – если говорить на философском языке) *есть сила и слабость альтерглобализма*. Развивая уже упомянутый выше тезис, подчеркнем: сила нашего движения в том, что именно его принципы делают движение массовым, привлекательным для самых разных слоев, групп, индивидов, реактивным (способным быстро реагировать на самые разнообразные проблемы) и трудноразрушимым [в отличие от четкой структуры] извне. В то же время эти же принципы обуславливают нашу слабость: сетевое, децентрализованное, открытое и подвижное в своих формах движение оказывается неустойчивым, аморфным, легко размываемым и гаснущим, активно реагирующим на различные «вирусы» [разногласий, провокаций и т.п.] – перечень легко продолжить.

К числу эмпирически наблюдаемых внутренних противоречий альтерглобализма как одного из видов социального творчества относится также *единство и противоположность разрушительной* [в первую очередь по отношению к институтам глобальной гегемонии капитала] *и созидательной* [«Другой мир возможен!»] *сторон нашей деятельности*.

Первая из них наиболее известна. И это неслучайно.

Во-первых, она более проста и доступна как для включения в нее, так и для получения первого впечатления о движении: обывателю (а мы все в той или иной степени пассивные конформисты), особенно

людям, исключенным из «общества двух третей», разрушительные формы протеста гораздо ближе и понятнее, чем сложное ассоциированное социальное созидание.

Во-вторых, это разрушение в современном мире не может не принимать иррациональных, извращенных форм, что нередко используется для дискредитации движения (типичный образ «антиглобалистов», нарочито транслируемый массмедиа обывателю – хулиганы, бьющие витрины «Макдональдсов» и вообще всячески мешающие нормально жить честному законопослушному гражданину).

Однако диалектическое отрицание не может не быть частью нашей деятельности. Другое дело, что оно может и должно быть направлено на конструктивную замену старых отношений и институтов (структур, правил и стереотипов) отчуждения новыми отношениями освобождения человека (к позитивной программе альтерглобалистов мы еще вернемся).

И все же *главное в нашем движении – не акции протеста* (хотя они по многим причинам, в том числе – отмеченным выше, наиболее заметны), *а позитивное каждодневное созидание другого мира* (других, новых отношений, ценностей, мотивов) *многими тысячами организаций и движений* (напомним, что только в ВСФ бывает представлено до 5000 структур). В этом единстве отрицания и созидания – суть нашего движения.

Не менее важно и противоречие альтерглобализма как борьбы против мира отчуждения («царства необходимости») *в целом, с одной стороны, и современных форм власти капитала (как особого вида отчуждения) – с другой.* И хотя гегемония капитала есть «всего лишь» существующий ныне вид отчуждения, здесь, в противоречии между общим и особенным, скрыто немало проблем.

Это противоречие порождает две эмпирически очень легко различимые тенденции. *Первая* представлена многочисленными общественными движениями и организациями, акцентирующими достаточно общие формы отчуждения (как правило, корреспондирующие с глобальными проблемами): человека и природы, мужчины и женщины, различных возрастных групп и т.п. *Вторая* – собственно классовые проблемы борьбы против капитала.

Естественно, эти две линии тесно сращены: именно глобальная гегемония капитала «ответственна» в конечном счете за нынешнюю остроту глобальных проблем, а классовая борьба ныне невозможна без борьбы за права женщин, молодежи и т.п. Однако и противоположность здесь налицо – интерклассовость и интеридеологичность альтерглобализма, акцентируемая отстраненность значительной части участников движения от социалистической направленности – все это находится в противоречии с антикапиталистическим содержанием действий этих организаций и антикапиталистической сущностью самого движения (будучи борьбой против отчуждения, наше движение не может не бороться с исторически доминирующей ныне социальной силой отчуждения – капиталом).

Эта противоположность обусловлена двойственностью социальной базы нашего движения и проявляется в многочисленных оппозициях современной «общедемократической» и классово-борьбы. К числу таких проявлений относится, в частности, ограниченность действий (своего рода «неореформизм») значительной части движений и НПО, участвующих в альтерглобализме. Здесь дает себя знать и упомянутое выше «внешнее» противоречие, обуславливающее сращенность части движений с институтами глобальной капиталистической системы, в частности государствами, частными фондами, структурами ООН, ЮНЭСКО, ЕС и т.п., финансирующими участвующие в движении НПО. Последние в этом смысле проигрывают в последовательности и адекватности в реализации сущностных интенций альтерглобализма его радикальной части, где лидируют представители левых партий и политических организаций. Однако именно эти «неореформистские» НПО (например, упомянутая выше сеть АТТАК) привлекают наибольшее число ранее не вовлеченных в оппозиционную деятельность людей, создавая сети, которые, собственно, и получили имя «альтерглобалистов».

Демократические левые политические партии (речь в данном случае не идет о неосталинистских и/или сектантских организациях), участвующие в движении (их конфигурации и даже имена достаточно часто изменяются, поэтому упомянем в данном случае только международную сеть их журналов и фондов «Трансформ!», которая к моменту написания этих строк – 2012 году – стала одним из главных «мостов» между социальными движениями и левыми партиями в ЕС), как правило, более последовательно соединяет так называемые «общедемократические» цели и цели борьбы за социализм. При этом, однако, они ограничены своим фиксированным членством, программой, историей, конфликтами и расколами etc.

В то же время движения, партии и НПО в альтерглобализме уже соединены – массовыми акциями, социальными форумами, деятельностью партийных активистов в движениях и НПО (один из наиболее ярких примеров, хорошо знакомых авторам, – деятельность Эрика Туссена, Кристофа Агитона и многих других членов левых партий в организациях, борющихся за отмену долгов «Третьего» мира, в АТТАК и т.п.), тогда как в НПО есть немало лидеров (таких, как Самир Амин или Франсуа Утар), являющихся более последовательными борцами за социализм, чем иные вожди компартий...

Вот почему диалог и сотрудничество во многом противоположных «неореформистских» НПО и движений, с одной стороны, и демократических последовательно левых партий – с другой, составляет одну из основ действительного плюрализма и прогресса альтерглобалистского движения.

Однако здесь же скрыта и угроза раскола, дивергенции альтерглобалистов на подчиненных глобальным игрокам «неореформистов» (по

сути, в этом случае они предадут движение) и вновь маргинализированных левых (которые в этом случае «выпадут» из движения), что приведет – и это главная угроза – к уходу из движения большинства «рядовых» активистов, участвующих в нем именно потому, что соединение НПО и левых партий в альтерглобализме привело к появлению нового качества, вызвало могучий социальный импульс, подобный соединению под давлением двух неагрессивных веществ, приводящему к взрыву и высвобождению скрытой энергии.

Предотвратить раскол и дивергенцию нашего движения может не только сохранение диалога партий и движений, но и, прежде всего, развитие *особого системного качества альтерглобализма как нового социального движения, принципиально не сводимого к взаимодействию левых партий и НПО* (об этом новом качестве мы уже писали выше). Среди путей прогресса этого нового качества выделим и дальнейшее развитие массовых акций-*поступков*, социальных *диалогов*, информационных *сетей*, и пока что мало акцентирую выработку плюралистической, но взаимосогласованной *позитивной программы движения*, и развитие *теории альтерглобализма*, что может определить и новые практические шаги нашего движения.

Конечно же, на этом пути и левые партии, и социальные движения, и НПО, и все движение в целом столкнутся с сложнейшими проблемами, в том числе и теми, что уже были упомянуты выше, – но дорогу осилит идущий¹!

Не менее сложные проблемы для нас связаны с наметившейся уже сейчас со стороны глобального капитала (государств, основных партий, корпораций и их фондов, наднациональных институтов и т.п.) тенденцией *«удушения альтерглобализма в объятиях»*. «Помощь», и прежде всего подкуп (деньгами, статусом, встроенностью в истеблишмент) лидеров и наиболее мощных структур, провоцирование расколов и конфликтов, дискредитация (уже сейчас нас обвиняют в том, что мы являемся агентами и мирового сталинизма, и глобального капитала; и реформистами, отвлекающими трудящихся от классовой борьбы, и суперрадикалами-террористами...), создание фиктивных организаций с вывеской «альтерглобалисты» (в том числе и в России) – эти известные средства борьбы против любых реальных оппозиционных движений широко используются и против нас.

Другое дело, что у нас здесь есть некое преимущество: благодаря своей гибкости и сетевой организации мы менее уязвимы для лобовой

¹ Заметим: эти тезисы были сформулированы в начале 2000-х гг. Жизнь во многом подтвердила эти размышления: альтерглобалистское движение ныне снимается в новых протестных конфигурациях, которые (NB!) наследуют родовые, сущностные принципы этого движения. Мы еще вернемся ниже к этой теме.

атаки: у нас слишком много «центров» и лидеров, чтобы их можно было легко купить; наши структуры столь многообразны и разнообразны, что их все практически невозможно дискредитировать... В этом смысле мы можем позаимствовать принципы японских единоборств (говорят, их выработали безоружные крестьяне для борьбы против вооруженных профессионалов – самураев) и использовать силу врага против него же, для его поражения, а собственную слабость – для нашей победы.

Наконец, *одной из важнейших угроз* для альтерглобализма (к сожалению, очень созвучной с нашей кличкой – «антиглобалисты») стал растущий во всем мире и особенно опасный в России национализм. Последний также является отрицанием глобализации, но отрицанием, идущим из прошлого, нацеленным на разрушение действительных достижений интернационализации и потому реакционным. Эта тема, однако, с одной стороны, слишком сложна для коротких ремарок, а с другой – многократно комментировалась. Поэтому здесь мы ограничимся только постановкой этой проблемы.

Суммируя, заметим: действительное место и роль альтерглобализма в мире оппозиционного социального творчества характеризуется лучше всего практической деятельностью нашего движения, в которой, по сути дела, уже сложилась разнообразная плюралистичная, но при этом уже достаточно ясная позитивная программа альтерглобализма.

ПОЗИТИВНАЯ ПРОГРАММА АЛТЕРГЛОБАЛИЗМА

Альтернативы глобальной власти капитала складываются объективно, и мы их можем лишь изучать и, изучив, интенсифицировать позитивные процессы освобождения, не переходя при этом той черты, которой субъективный фактор [прогресса] вырождается в субъективизм [провоцирующий регресс]. К числу таких налицо данных и хорошо известных альтернатив следует отнести двоякого рода процессы.

Во-первых, это попытки изоляционизма, «ухода» от глобализации; во-вторых, созидание новых форм интернационализации, являющихся практической и теоретической антитезой глобализму.

Именно этот второй путь решения проблем и предлагают альтерглобалисты, исходя при этом не из благопожеланий и нравственных императивов (хотя последние нам отнюдь не чужды), а из анализа объективно возможных путей выхода из тупиков протоимперии, ограничившись в данном случае своего рода программой–минимум, требованиями социализации и демократизации этой системы (они, в свою очередь, могут и должны стать прологом программы–максимум, но об этом – в других текстах).

Во-первых, наши альтернативы предполагают выведение из-под частного контроля и передачу в общественное ведение таких общественных благ, как природные ресурсы, общественная инфраструктура, куль-

турные блага, знания и средства их получения. Это может быть сделано как минимум путем развития интернациональных, экологических, социальных, гуманитарных норм; как максимум, при наличии подлинно демократического государства, – национализации. В перспективе же мы считаем природу и культуру принадлежащими всем на равных основаниях, выдвигая требование их *всемирной социализации*. Заметим: эти меры вполне возможно осуществить и при сохранении рыночной капиталистической системы: просто знания и информация станут бесплатными (как бесплатны сегодня теорема Пифагора или романы Толстого), а корпорации, добывающие нефть или руду будут платить ренту не частному собственнику и не национальному государству, а международным общественным структурам, не раздающим подачки бедных, финансирующим *развитие* – развитие науки и высоких технологий, образования и искусства, развитие, позволяющее решить проблемы экологии и бедности... – этот перечень общеизвестен.

Особого комментария заслуживает проблема преодоления частной собственности на знания, ранее уже акцентировавшаяся в нашей книге. Генезис постиндустриальных технологий делает особо важным направлением противодействия глобализации выдвижение и реализацию новых принципов организации информационного пространства и развития мира культуры. Задачи (1) *свободного, общедоступного* (предполагающего лишь компенсацию издержек, крайне низких при большом числе пользователей) *распространения культурных благ*, основанного на *отмене частной собственности на знания*, (2) развития средств их использования (*общедоступные бесплатные информационные сети плюс компьютеризация, доступная для всех*) и (3) *общедоступного бесплатного образования через всю жизнь* при общественной поддержке обучающихся из бедных семей, становятся ключевыми в борьбе против глобальной гегемонии капитала информационной эры. *Общедоступность знаний и образования становится базой демократической, основанной на прогрессе креатосферы интеграции народов.*

И это всего лишь некоторые аспекты реализации известного альтерглобалистского лозунга **«Мир – не товар!»**.

Во-вторых, суммируя различные социальные, экологические и гуманитарные инициативы участников нашего движения, мы можем выдвинуть лозунг создания своего рода **социально-, гуманистически-, экологически ориентированного и ответственного мирового экономического устройства**, когда к «цивилизованной» интеграции будут допущены не государства, соблюдающие «Вашингтонский консенсус», а лишь те страны, где:

- обеспечен социально гарантированный минимум;
- введен прогрессивный подоходный налог и налог на наследство;
- гарантировано общедоступное медицинское обслуживание и образование (что касается средств для этих программ, то авторы уже отметили:

для этого достаточно всего лишь чуть-чуть ограничить финансовые спекуляции, милитаризм и перепотребление миллиардеров...);

- профсоюзам и общественным организациям предоставлены широкие права по контролю за бизнесом;
- демократические структуры, институты гражданского общества обладают властью большей, чем глобальные игроки...

Перечень этих шагов ныне общеизвестен. Более того, они уже *частично* реализуются в рамках определенных сообществ (например, в скандинавских странах).

Более того, реализация этих императивов *будет не противостоянием глобализации, а импульсом еще более широкой интеграции, но по иным правилам – правилам (как минимум!) международного «шведского капитализма»*, от которых капиталу убежать можно будет только в джунгли контролируемых наркокартелями территорий.

На этой основе становится разрешимой задача *выравнивания уровней развития «Первого» и «Третьего» миров* не за счет ухудшения качества жизни в первом, а за счет изменения системы мирохозяйственных отношений, перераспределения паразитических расходов хозяев «Первого» мира в пользу решения проблем ускоренной модернизации (приоритетного развития постиндустриального сектора, образования и т.п.) и преодоления нищеты в странах «Третьего». Но главное в ином – в формировании новых социальных отношений, обеспечивающих ориентацию мировой экономики на цели равномерного обеспечения социальных приоритетов, отказа от милитаризма, финансовых спекуляций и т.п. К перечисленным выше предложениям программы-минимум в данном случае добавим такие давно известные требования, как отмена долгов «Третьего» мира, введение унифицированных международных экологических, социальных и гуманитарных нормативов и т.п.

Кроме того, в рамках альтерглобалистской программы-минимум возможна и деятельность, направленная на «выведение» из-под власти корпоративного капитала определенных «оазисов» экономической, социальной и культурной жизни и осуществление тактики «глобализации снизу». Такими интегрирующимися снизу «оазисами» могли бы стать сети кооперативов вкупе с органами местного самоуправления, экологическими и т.п. союзами, ориентированными на реализацию в своей практической работе некоторого ограниченного круга «правил» новой (гуманитарно, экологически, социально ориентированной) модели интеграции. При условии создания своей системы интернациональных институтов (а основы для этого есть – существуют альянсы кооперативов и т.п. международные структуры), аналогичных по роли «несвятой троице» и ориентированных именно на наднациональное регулирование, эти «лилипуты» (кооперативы и т.п.) могут стать серьезным вызовом (хотя еще и не конкурентом) для глобальных игроков.

Именно так может начать реализовываться еще один важнейший лозунг нашего движения: *«Другой мир возможен!»*

На вопрос, кто будет решать эти задачи, мы по сути дела уже начали отвечать. Это прежде всего растущие *силы интернационального альтерглобализма*.

По сути дела, субъектом формирования новой интеграции снизу становится *международное гражданское общество и новые социальные движения*, поддерживающие их левые партии и политические организации. Сейчас они несоизмеримо слабы в сравнении с хозяевами возникающей протоимперии, однако наши роль и влияние растут очень быстро (в день единой демонстрации против войны в Ираке, когда на улице сотен городов одновременно вышло более 10 миллионов человек, даже The N.Y. Times написала, что в мире теперь есть две силы: власти США и Общественное мнение) и все более признаются как прогрессивная альтернатива новой империи, угроза которой поистине устрашающа.

Есть и немало иных потенциальных участников этой деятельности. При всех противоречиях, силами, противостоящими протоимперии, могут стать (как мы сказали выше, *при определенных условиях*) государства, оказавшиеся в «гетто отсталости». На основе предшествующих размышлений мы можем предположить, что даже *власти некоторых стран «Третьего» мира могут стать субъектами контррегемонистских действий*, если они сподвигнутся на реализацию некоторых шагов, предполагающих как минимум открытость их стран для культурного, образовательного, экологического и т.п. диалога, кооперацию с «антиглобалистскими» силами в странах «золотого миллиарда» и т.п.

Достаточно очевидно, что изоляционистски-фундаменталистские (каким бы ни был этот фундаментализм – исламским, православным, националистическим, «коммунистическим») режимы стран «Третьего» мира на такие шаги неспособны. Следовательно, в рамках этих стран возникает «сверхзадача» борьбы за переориентацию их контррегемонистских действий.

В заключение вновь подчеркнем: сказанное – не более чем программа минимум, реализация которой поможет всего лишь реформировать нынешнюю систему, обеспечить ее значительную (но не качественную!) подвижку в сторону большей социализации, гуманизации и экологизации. Однако даже за эту «мировую реформу» бороться придется всерьез и долго.

* * *

Да, ныне наши альтернативы все еще кажутся мало реалистичными, а наши силы – незначительными в сравнении с мощью глобальных игроков. Однако еще полстолетия назад столь же романтично-прожектерской выглядела борьба против колониализма, а ныне об этом позоре «Первого» мира предпочитают вообще не вспоминать...

Мир мрачного угнетения и обывательского мракобесия, скуки и насилия понял, что главная угроза его власти исходит ныне от **веселых альтерглобалистов**, а не боящиеся плыть против течения граждане всего мира начинают понимать, что могут сами – и весело! – творить новый мир.

Впрочем, мы должны быть и самокритичны.

Собственно альтерглобалистское движение как таковое в последние годы (напомним, этот текст был написан в 2012-м) переживает период скорее упадка, чем расцвета.

Но!

На базе этого генетически исходного импульса новых социальных протестно-креативных инициатив вырастает целый спектр новых феноменов, критически снимающих и одновременно продолжающих и развивающих наши инициативы. Альтерглобализм, провозгласивший подвижность и гибкость форм и структур, уходит в прошлое? Возможно, но таковы его сущность и жизненные принципы – быть гибким, не держаться за устаревающие формы, не бояться уступать место новому...

Вот почему совершенно неслучайно охарактеризованные выше противоречия и проблемы нашего движения, равно как и (повторим!) заложенная в самой его сущности интенция постоянной смены форм и методов деятельности, привели к тому, что примерно десять лет спустя после возникновения наше движение стало активно менять свои конфигурации...

глава 2 От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям

Эти интенции стали особенно интенсивными в связи с начавшимся в 2008 году мировым финансовым и экономическим кризисом. Очевидность классовой ангажированности первых антикризисных программ властей США, ЕС, России и т.д. (спасение проигравших в «казино-капитализме» частных финансовых структур за счет средств налогоплательщиков), вкупе с ухудшением социально-экономического положения граждан «Первого» мира, незамедлительно обернулась массовыми кампаниями под лозунгами, квинтэссенцией которых стало знаменитое: *Let Them Pay for Their Crisis!* (Пусть они платят за их кризис!).

Из ставшего «вдруг» (вследствие кризиса) очевидным противоречия между подавляющим большинством общества и корпоративно-финансовой номенклатурой и родилось движение «Оккупируй!», в котором оказались задействованы очень многие из тех акторов и тех программных установок, которые развивались в рамках альтерглобалистского движения как такового, в частности внутри сети АТТАК и др. Это движение быстро получило едва ли не всеобщее распространение и перекинулось на борьбу не только с финансово-спекулятивным капиталом, но и на многие сопряженные с ним структуры¹. Существенно, что эти протестные акции унаследовали от своих предшественников сетевые принципы организации, открытость, отсутствие однозначной политической ангажированности, акцент на гражданском неповиновении как одном из основных методов действий, интернационализм и интерклассовость.

Во многом совпадающими с требованиями альтерглобалистов и работавших в диалоге с ними левых партий оказались и позитивные требования участников движения «Оккупируй!».

Однако это движение стало далеко не единственным компонентом новой конфигурации протестно-созидательной борьбы кризисных лет. Двумя другими важнейшими слагаемыми этого процесса стали, во-первых, т.н. «арабская весна» и, во-вторых, события, связанные с кризисом Европейского союза, и в первую очередь массовые и перманентные протестные действия в Греции.

¹ См.: Боуман Э. О движении «Захвати Уолл-стрит!» // Альтернативы. 2012. №1; Райт Э.О. Движение «Захвати Уолл-стрит!» и стратегии преобразований // Там же; Терли Дж. Глобальный акт несогласия // Там же; Стоун Р., Боуман Э. Фабрики, преобразованные работниками: «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!» // Альтернативы. 2011. №1.

Первые даже получили имя «революций». Авторы, однако, не склонны считать *борьбу, победы и поражения народов арабского региона* социальной революцией в точном смысле этого слова. Политические изменения, действительно, оказались во многих случаях принципиальными: ушли в прошлое существовавшие десятилетия [полу]авторитарные структуры, причем произошло это вследствие не доброй воли старых лидеров и не вследствие инспирированного НАТО государственного переворота. Главным действующим механизмом изменений стали массовые выступления граждан, действительный протест, идущий снизу. И этот феномен требует теоретического осмысления и основанных на этом социально-политических выводов.

Заметим: эти новые формы и методы действий проявили себя в полной мере едва ли не впервые во время гораздо более близких нам географически и культурно событий на Украине осенью 2004 года. Тот, первый Майдан, существенно отличался от того, что началось осенью 2013-го. Но тем важнее вспомнить об уроках тех событий. На наш взгляд, сделанные нами тогда выводы во многом подтвердились на протяжении последующих лет. Прежде чем сделать некоторые общие выводы, позволим себе напомнить о том, что один из нас (А.В. Бугалин) писал в 2005 году об уроках Майдана.

Урок первый. При всем при том что акции на Майдане, безусловно, имели за своей спиной деньги и поддержку крупной буржуазии и Запада, они вышли далеко за пределы продукта политико-идеологического манипулирования. В них, как и в любых революционных действиях снизу, был и мощный социально-творческий потенциал. На Майдане сотни тысяч людей, кто в большей, кто в меньшей степени, возвысились до социального творчества новых общественных отношений, и это знаменательно уже само по себе, независимо от того, к каким результатам приведет это противостояние. *Майдан показал, что массовые, вызывающие действительный энтузиазм и подъем народа, мощные, охватывающие как минимум полстраны, акции гражданского неповиновения, имеющие некоторые черты политической революции и направленные на слом олигархо-бюрократической власти, в постсоветском пространстве возможны. Точка.*

Урок второй. Развитие классового самосознания и организованности различных слоев национальной буржуазии в наших странах происходит быстрее, чем у рабочего класса, и массовые выступления граждан по своему классовому содержанию оказались преимущественно буржуазными. У слабости сил социального освобождения, идущих дальше ограниченных буржуазно-демократических лозунгов, есть объективные и субъективные (слабость, вялость, патриархальность большинства левых партий) причины, но урок Майдана состоит в ином: до тех пор пока класс наемных работников (т.е. и «рядовая» интеллигенция, и рабочие) будет оставаться слаб и неорганизован, средняя и мелкая буржуазия

всегда будет проигрывать олигархам, а потому последовательные демократические реформы (даже буржуазно-демократические) проведены не будут. *Обязательным условием успешности антиолигархической революции на постсоветском пространстве является союз общедемократических сил с силами социального освобождения (левыми) в рамках социально-демократических требований.* Под флагом исключительно абстрактно-демократических требований, без союза с организованными наемными работниками победа такой революции невозможна. Возможно в лучшем случае некоторая временная демократизация олигархобюрократической власти.

Урок третий. Условием массовых выступлений граждан против власти является кризис самой власти и наличие мощной альтернативной силы, способной пробудить, поддержать (а отчасти и организовать) выступление граждан. Но если эта сила не будет последовательно демократической, опирающейся на самоорганизацию низов, то выступлением масс в конечном счете воспользуется иная («оппозиционный») слой все тех же верхов¹. Между тем *всякое отступление от общедемократических лозунгов и их неполнота приводят к резкому ослаблению этого движения (например, наличие националистической составляющей у сторонников Ющенко оттолкнуло от них значительную часть русскоязычного населения).* В любом случае, однако, действительно массовое выступление граждан дает бесценный опыт самоорганизации, показывает, что они способны на солидарность, социальный энтузиазм и самостоятельное творение истории.

Эти уроки, повторим, оказались в основном правомерны и по отношению к последующим событиям.

Другое дело, что многолетняя война в Сирии и переросший в гражданскую войну в Украине второй Майдан показали, что эти выводы недостаточны. Но об этом позже.

Сначала – теоретическая гипотеза, претендующая на некоторое обобщение происходивших и происходящих событий.

Первое, что абсолютно необходимо подчеркнуть, это *наличие глубокого содержательного (конкретно-всеобщего) единства практически всех массовых социальных выступлений последних лет.* Это единство присутствует, несмотря на то, что внешней, формальной общности между ними мало. Они, во-первых, проходили в самых различных экономических, социально-политических и культурных пространствах мира (от Арабского мира до ЕС), имеющих огромное количество специфических

¹ При этом массовое движение может стать жертвой поистине трагического самообмана – вспомним, что Гитлер пришел к власти на волне вполне оправданного массового недовольства режимом Веймарской республики, благоволившим обогащению верхушки капиталистов в условиях жесточайшего кризиса.

атрибутов. Во-вторых, они имели самые различные формы: от мирных митингов до вооруженных столкновений и завершившихся (если они вообще завершились...). В-третьих, их результатами стали в одних случаях всего лишь подвижки в общественном мнении (движение «Оккупируй!»), в других – смена политической власти (Египет), в третьих – гражданские войны (Ливия, Сирия, Украина). И все же мы настаиваем на наличии такого единства.

Его глубинная основа – *противоречие между искренними и энтузиастическими движениями* (их многообразие и неодинаковость есть их атрибут) *масс и мощным политико-идеологическим манипулированием этими социально-творческими процессами со стороны разнообразных гегемонистских сил* (от ТНК и государственных структур «Центра» до фундаменталистских структур, претендующих на свою долю мирового «пирога» государств «Периферии»).

Материальной основой этого противоречия стали новые информационные технологии. С одной стороны, Интернет, мобильные телефоны и социальные сети стали абсолютно необходимой материально-технической базой, которая позволила (1) максимально быстро (в считанные часы), с (2) минимальными организационными и материальными издержками (такая организация акций практически не требует ни больших оргусилий, ни значительных денег) и (3) на основе сетевого принципа (что создает предпосылки для неиерархической организации протеста и протестующих) сделать реальностью национальные и интернациональные акции сотен тысяч и даже миллионов граждан.

С другой стороны, эти же технологии уже давно стали основой переживания демократии (даже там, где она есть) в массовое политико-идеологическое манипулирование.

Не менее значимо и то, что новая природа этих конфликтов, накладываясь на использование новых (в том числе – высокоточных) видов оружия и военной тактики, обуславливает весьма специфическую форму и логику вооруженных действий, порождая феномены «сетевых войн», в которых нет ни ярко выраженных фронтов, ни строгой границы воюющих сторон, ни четкой определенности противоборствующих экономических, политических и идеологических конфронтаций, ни явной границы между армией и мирными жителями.

Следствием этих противоречий стали крайне разноплановые и опять же противоречивые результаты социальных выступлений. С одной стороны, почти везде на их плечах к власти пришли отнюдь не силы, намеренные реализовывать интенции социального протеста (единственное, но очень важное исключение – Исландия). С другой стороны, все эти социально-творческие действия показали, что и новом веке массовые и мощные выступления граждан возможны и реальны.

Наконец, в рамках и «арабских весен», и европейских и североамериканских «оккупаций» и демонстраций в самых различных формах

проявили себя все те принципы и противоречия, о которых мы писали выше в связи с анализом альтерглобализма. И это неслучайно: в мире складываются новые социально-творческие отношения, некоторые существенные черты которых мы и постарались показать выше.

А теперь об украинской весне 2014-го.

Начавшаяся в братской стране *гражданская война* в дни, когда писался этот текст, была далека от завершения. И кровь наших сограждан по СССР, постоянно льющаяся на этой необъявленной войне – плохой контекст для беспристрастного анализа. Но некоторые важные тезисы мы можем сформулировать уже сейчас.

И здесь наиболее значимы те противоречия и те новые интенции, которые проявило народное сопротивление на юго-востоке Украины в первой половине 2014 года (о дальнейшем мы пока не загадываем).

Сформулируем их на строгом методолого-теоретическом языке с тем, чтобы не подчинить задачи исследования бурлящему напору переполняющих авторов чувств негодования.

Во-первых, это движение, как и арабские выступления, оказалось перекрестием двух противоположных пространств: геополитического и социального противостояния. О первом пишут все. Второе большинство вообще не видит, а оно между тем является той основой, на которой выросла борьба в донецком и луганском регионах и без которого этой борьбы вообще бы не было. Эта основа – низовая инициатива и самоорганизация граждан, которые *выступили против крайних форм социального отчуждения* – прямого насилия (избиений, репрессий, убийств, бомбардировок...) по отношению к ним и их семьям, соседям, знакомым и неизвестным товарищам по беде, не только близким, но и «дальним».

Существенно, что акторами этого насилия стали представители предельно антигуманных сил отчуждения – правонационалистические и фашистские формирования, а также стоящие за ними и поддерживающие их силы политико-экономической гегемонии глобального капитала (лидеры США и НАТО в целом) и их украинские сателлиты.

Не менее существенно, что противостояние этим силам Зла (в точном смысле этой философской категории, ибо зло, как мы постарались показать в I томе, есть нравственное измерение отчуждения) стало вооруженной борьбой, в которой ее субъекты самой своей жизнью доказывают, что у людей были, есть и будут *общественные* интересы, цели, идеалы, которые можно и должно отстаивать совместно и платя за это самую высокую цену – цену жизни.

Во-вторых, это вооруженное сопротивление, т.е. решительная и предельно конкретная борьба против крайних сил отчуждения, ведущаяся силами ополченцев и жителей Донецка и Луганска, вплоть до начала июня 2014 года оставалась в то же время очень неопределенной по своим социально-экономическим, внутривнутриполитическим и идеологическим императивам.

Нет, у этого сопротивления были и есть социально-экономические корни: недаром юго-восточные олигархи – хозяева большей части экономики этого региона – либо не поддержали ополченцев, либо прямо выступили против них. И, напротив, шахтеры и другие представители рабочего класса выступили в большинстве на стороне защитников новых республик. Но возникающие в результате борьбы ополченцев протогосударственные образования не заявили (во всяком случае, повторим, пока не заявили) никаких четких социально-экономических и внутривнутриполитических стратегических интенций – ни в программах, ни в действиях. Более того, на словах большинство их лидеров вообще не намерено сколько-нибудь существенно менять природу их экономической системы. И это притом, что по факту они действуют на основе посткапиталистических принципов. Их борьба и работа по преимуществу основана на отношениях солидарности, не завязана на денежные, капиталистические интересы, не ориентирована на приобретение/передел частной собственности...

Возможно, что эта неакцентированность стратегии временна и в будущем логика их победы (а мы всеми силами будем ей содействовать) приведет их к необходимости и политико-экономических преобразований, как это произошло, например, на Кубе, где первоначально далекая от левых интенций борьба против благоденствующей под прикрытием США диктатуры Батисты привела к началу социалистических преобразований...

Это противоречие существенно, ибо оно во многом воспроизводит противоречия «арабской весны», первого Майдана и большинства других протестных движений последнего десятилетия.

В-третьих, опыт Донецка и Луганска – это опыт формирования новой власти на основе действий, идущих преимущественно снизу и осуществляемых «рядовыми» гражданами. Она привела к созданию протогосударственных структур, выросших из этой борьбы, а не из формальных демократических процедур. Принципы добровольной ассоциации, низовой демократии проявили себя в данном случае вполне рельефно, но и вместе с тем в предельно brutальных формах. Более того, одним из жестких противоречий этих протогосударств стало то, что лидерами этих по сути своей базисно-демократических образований стали люди с державной, имперской, государственноческой, а иной раз даже монархической идеологией.

Это противоречие неслучайно, ибо оно проявило феномен, названный В.И. Лениным «черносотенным демократизмом»¹.

Последний свойствен большинству авторитарных систем с патерналистским государством, сохраняющих мощные патриархальные тра-

¹ О противоречиях «темного мужицкого демократизма» и о «черносотенном демократизме» см.: Ленин В.И. О черносотенстве / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 18–19.

диции (в одной из частей I тома мы показали, почему эта черта устойчиво воспроизводится на постсоветском пространстве, апеллируя не к непознаваемым особенностям «русского духа», а к рациональным особенностям социоисторической эволюции нашего мира). Он свойствен и для наших стран, где размытость классовых противоречий приводит к формированию народно-творческих сил, проявляющих себя там и тогда, где и когда возникает угроза именно всему народу – его культуре, будущему, самой жизни – в условиях, рождающих то ли народные бунты, то ли отечественные войны.

Эти силы несут в себе как реакционный, так и прогрессивный заряд, причем последний оказывается тем сильнее, чем более их оппоненты (как в случае с киевскими властями в 1914-м) оказываются марионетками глобальной гегемонии капитала, скрывающейся за вывесками формального демократизма и постмодернистского плюрализма.

В результате этого противоречия в конкретной истории наших стран *реальными силами разотчуждения зачастую становятся не постмодернистские левые интеллектуалы, а рядовые граждане*, являющиеся к тому же в ряде случаев носителями идей патриархального консерватизма. В случае, когда эти силы становятся частью более глубокой и стратегически ориентированной борьбы за социальное освобождение, они могут сыграть прогрессивную роль. В случае, если они оказываются самодостаточными, результатом их борьбы обычно пользуются консервативные силы. Пример первой линии – прогрессивная роль, сыгранная частью патриотически настроенного российского офицерства, перешедшей на сторону красных в период Гражданской войны. Примеры второго – усиление крепостничества после победы России в Отечественной войне 1812 года, когда бывшие герои-патриоты превращались в скотски эксплуатируемых рабов, или использование народного протеста в арабских странах реакционными исламистами и т.п.

В случае борьбы на юго-востоке Украины мы тоже можем предвидеть угрозу того, что (в случае, если донецкие и луганские борцы не пойдут дальше чисто военных вопросов) на плечах низовой инициативы ополченцев к власти в этом регионе придут те или иные консервативные силы.

* * *

...так мы решили завершить II том «Глобального капитала» – книги, над которой авторы работали все последние годы. По большому счету – всю предшествующую жизнь. Впереди у нас завершение работы над еще одним томом и, надеюсь, немало других дел – общественных и научных. И, конечно же, продолжение работы над проблемами этих двух томов, чему будет во многом содействовать критика наших читателей, которую мы надеемся услышать.

библиография¹

- Абрамсон И.Г., Конашев М.Б. (ред.) Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования. М.: Культурная революция, 2013.
- Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
- Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. (Очерк истории западной экономической мысли). М.: Наука, 1993.
- Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2005.
- Аитова Г.Ш. Марксистский взгляд на проблему глобальной справедливости // Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г.Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. М.: ИВФ АНТАЛ, 1996.
- Альтерглобализм. Теория и практика «Антиглобалистского» движения / Под ред. А.В. Бузгалина, М.: УРСС, 2003.
- Американская модель: с будущим в конфликте / Под общ. ред. Г.Х. Шахназарова. М.: Прогресс, 1984.
- Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М.: Европа, 2007.
- Амин С. «Схлопывание» современного капитализма и дерзость левых // Альтернативы. 2014. № 2.
- Анархономика. Доклад Копенгагенского института изучения будущего. М.: Ультракультура 2.0, 2012.
- Анисимова Г.В. Неравенства в российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы. 2014. № 1.
- Антипина О.Н. Глобальные социально-экономические проблемы современности: взгляд Римского клуба // Альтернативы. 1995. № 2.
- Антипина О.Н. Загадка «новой экономики знаний» («парадокс Солоу») // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2000. № 6.
- Антипина О.Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.
- Антипина О.Н., Вереникин А.О. О чем спорят экономисты? // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 1.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.

¹ Составлена О. Барашковой, О. Лемешонок и Д. Хромовым под руководством А. Бузгалина и А. Колганова.

- Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.
- Арсланов В.Г. Альтернатива или глобальная провокация? (заметки об антиглобалистском движении) // Альтернативы. 2003. № 3.
- Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007.
- Аузан А.А., Золотов А.В., Ставинская А.А., Тамбовцев В.Л. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах. Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009. М., 2010.
- Аузан А.А. Коалиции за модернизацию: возможности возникновения и методология анализа // Вопросы экономики. 2008. № 1.
- Аузан А.А. Социалистическое самоуправление в экономике: политэкономический аспект. М.: Экономика, 1987.
- Бабкин К.А. Разумная промышленная политика необходима и возможна // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
- Бабкин К.А. Финансовая политика тормозит российское развитие // Фактор стагнации: демонетизация финансово-экономической системы России и выход из нее. М.: Наука и политика, 2014.
- Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Пронин В.В., Самохвалов В.А. Последствия присоединения России к Всемирной торговой организации. М.: Центр полиграфических услуг «Радуга», 2012.
- Барбюс А. Огонь (Дневник взвода). М., 1984.
- Батищев Г.С. Определенность и распределенность // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. / Под ред. Ф. В. Константинова М.: Советская энциклопедия, 1967.
- Батищев Г.С. Коммунистический труд // Философская энциклопедия. В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.
- Бегбедер Ф. 99 франков. М.: Иностранка, 2002.
- Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН и Фондом им. Ф. Эберта. М.: Институт социологии РАН, 2013.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2000.
- Белоцерковский В.В. Самоуправление. М., 1990.
- Бенедетти К. Европа: практики обновления // Альтернативы. 2011. № 2.
- Бенсаид Д. Большевизм и сталинизм: судьба революции в XX веке // Альтернативы. 2011. № 1.
- Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1989.
- Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Философия свободного духа. М., 1994.

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.
- Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010.
- Бжезинский З.* Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012.
- Библер В.С.* Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975.
- Бобков В.Н.* 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. № 2.
- Бобков В.Н., Колосова Р.П.* Характеристика социальной дифференциации в России: 1990–2012 гг. // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006.
- Бодрунов С.Д.* Российская экономическая система: будущее высокотехнологического материального производства // Экономической возрождение России. № 2. 2014.
- Бодрунов С.Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013.
- Болдырев Ю.Ю.* Русское чудо – секреты экономической отсталости, или Как, успешно преодолевая препятствия, идти в никуда. Книга первая. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2002.
- Болдырев Ю.Ю.* Русское чудо – секреты экономической отсталости, или Как, успешно преодолевая препятствия, идти в никуда. Книга вторая. Похищение Евразии. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2003.
- Боуман Э.* О движении «Захвати Уолл-стрит!» // Альтернативы. 2012. № 1.
- Брижак О.В.* Экономика деформаций: специфика российского бизнеса // Философия хозяйства. 2014. № 1.
- Бузгалин А.В.* Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. Т. 1.
- Бузгалин А.В.* Альтерглобализм как феномен современного мира // Полис (Политические исследования). 2003. № 2.
- Бузгалин А.В.* Анти-Поппер. М.: Либроком, 2009.
- Бузгалин А.В.* Белая ворона (последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М.: Знание, 1993. (Научно-публицистическая серия «Третий путь»).
- Бузгалин А.В.* Всемирный форум альтернатив: альтерглобализм на европейской идеологической основе // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 3.
- Бузгалин А.В.* Десять тезисов о рыночном социализме. Альтернативы. 2000. № 4.

- Бузгалин А.В. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. 1995. № 2.
- Бузгалин А.В. Коммунизм как практический вызов: к критике Славоя Жижека // Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Бузгалин А.В. (отв. ред.) На пути к экономической демократии. Международный опыт: В 2-х кн. / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1994. (Серия «Третий путь»).
- Бузгалин А.В. Новая Касталия // Альтернативы. 2006. № 2.
- Бузгалин А.В. Новая Касталия. На пространстве постсоциализма может родиться новая интеллектуально-культурная сеть прогрессоров // Политический класс. 2006. № 9.
- Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурус, 1994.
- Бузгалин А.В. (ред.) Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы. М.: Экономическая демократия, 1995.
- Бузгалин А.В. Политическая экономия социализма: наука или...? // Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века: Материалы дискуссии / Под ред. А.В. Бузгалина, З.А. Корчагиной. М.: ТЕИС, 2003.
- Бузгалин А.В. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013.
- Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Бузгалин А.В. Результаты «реформ» в России: рынок и капитал // Политическая экономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России. М.: Едиториал УРСС, 2013.
- Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М., 2003, 2007.
- Бузгалин А.В. Россия на пути в XXI век: проблемы выработки стратегии опережающего развития // Альтернативы. 1996. № 3.
- Бузгалин А.В. Социальная справедливость как условие экономической эффективности // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. М.: Экономика, 2011.
- Бузгалин А.В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности // Альтернативы, 2013, №1.
- Бузгалин А.В. Так что же такое постиндустриальный капитализм? // Альтернативы. 2008. № 3.
- Бузгалин А.В. Частная собственность устарела // Отечественные записки. 2004. № 6.
- Бузгалин А.В. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // Вопросы экономики. 2003. № 3.

- Бузгалин А.В. Экономика для человека // ВВП. 2013. № 2.
- Бузгалин А.В., Булавка Л.А. Диалектика диалога versus метафизика пост-модернизма // Вопросы философии. 2004. № 1.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма. М.: Знание, 1988.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2004 (2-е изд. – 2007).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Гордиев узел (к проблеме нестоимостной редукции труда) // Философия хозяйства. 2001. № 6.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Либерализация versus модернизация (сравнительный анализ переходных экономических систем) // Вопросы экономики. 1997. № 7.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мы пойдем другим путем. От «капитализма Юрского периода» к России будущего. М.: Яуза: Эксмо, 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М.: Изд-во Московского университета, 1983.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система как мутация позднего капитализма // Альтернативы. 2014. № 1.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социализм после «социализма»: ответы на вызовы неэкономике // Альтернативы. 2006. № 4.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (ред.) Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? М.: Едиториал УРСС, 2008.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: ТЕИС, 2003.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И., Шухтин В.П. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1985.
- Булавка Л.А. Императивы симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2.
- Булавка Л.А. К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки. 2012. № 10.

- Булавка Л.А. Личность в мире симулякров // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 г. Тезисы и выступления участников. СПб.: Эйдос, 2013. Режим доступа: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1194.
- Булавка Л.А. Парадоксы Никиты Михалкова // Независимая газета. 1997. № 30.
- Булавка Л.А. Постсоветская культура: принуждение к мутации // Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013.
- Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2.
- Булавка Л.А. Пролетарская культура: культура для пролетариата? // Альтернативы. 2011. № 4.
- Булавка Л.А. «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12.
- Булавка Л.А. Пролеткульт. Отношение к культурному наследию // Альтернативы. 2012. № 1.
- Булавка Л.А. Российский постмодернизм как результат эволюции противоречий советской культуры // Языки культур. Взаимодействия. М.: Рос. ин-т культурологии, 2002.
- Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: социофилософский анализ // Фундаментальные проблемы культурологии. Том 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.–СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009.
- Булганина С.Н. Природа и структура экономических субъектов. Оренбург, 2003.
- Бухарин Н.И. Империализм и накопление капитала. М., 1929.
- Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005.
- Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. Пер. с англ. / Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. М.: Таурис Альфа, 1997.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / Пер. с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Валлерстайн И. После либерализма, М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Вереникин А.О. Человеческий потенциал экономического развития: Авторефер. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991.
- Воейков М.И. Демократия и экономическая политика: российские тенденции; Трудовые и социально-классовые отношения в России //

- Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. М.: Экономика, 2011.
- Воейков М.И. Послереволюционный большевизм: идейные альтернативы социально-экономической стратегии // Альтернативы. 2011. № 2.
- Воейков М.И. Социальные реформы и социально-классовая проблема в современной России // Социальные реформы: иллюзии и реальность. Материалы научной конференции. М.: УРСС, 2006.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991.
- Вяккерев Ф.Ф. Является ли антиномия «образом», противоречия // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979.
- Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Экономические записки. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2008.
- Галкин А.А. Размышления о фашизме // Социальные трансформации в Европе XX века. М.: 1998.
- Ганнт Г.Л. Организация труда. Размышления американского инженера об экономических последствиях мировой войны. М., 1923.
- Гессе Г. Игра в бисер. М.: АСТ, 2006.
- Гиренок Ф.М. Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации: (Феномен евразийства). М.: ИНИОН РАН, 1993.
- Гиренок Ф.М. Новые дикие // Евразийская перспектива. М., 1994.
- Гиренок Ф.М. Основы Евразийства, М.: Арктогея Центр, 2002.
- Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: Терра, 1999.
- Глазьев С.Ю. Грядет ли новый финансовый кризис в России? // Вопросы экономики. 2000. № 6.
- Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
- Глобализация мирового хозяйства и место России / Под ред. В.П. Колесова, М.Н. Осьмовой. М.: ТЕИС, 2000.
- Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. М.: ТЕИС, 2002.
- Глобализация сопротивления / Под ред. С. Амина и Ф. Утара. М.: УРСС, 2004.
- Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? / Под ред. Т.Т. Тимофеева. М.: Новый век, 2002.
- Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003.
- Глобальное сообщество: Новая система координат (подходы к проблеме) / Под ред. А.И. Неклесса. СПб.: Алетейя, 2000.
- Гловели Г.Д. История экономических учений. М.: Юрайт, 2013.
- Горький М. Мещане / Горький М. На дне. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Граф Дж., Ванн Д., Нэйлор Т. Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Грамши А. Тюремные тетради в трех частях. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.

- Грани глобализации: трудные вопросы современного развития / Под ред. М.С. Горбачева. М.: Альпина Паблшер, 2003.
- Грималюк В.А. Социалистическое обобществление труда. М.: Экономика, 1972.
- Гринберг Р.С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
- Гринберг Р.С. Итоги и уроки десятилетия системной трансформации в странах ЦВЕ и в России // Российский экономический журнал. 2000. №1.
- Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // Экономика для человека. Социально-ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
- Гринберг Р.С. Результаты экономических реформ в постсоциалистических странах // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3.
- Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр ИНФРА-М, 2012.
- Гринберг Р.С. Современная политическая экономия: экономическая свобода и социальная справедливость // Альтернативы. 2013. № 1.
- Гринберг Р.С., Горшков М.К., Дегтярь Л.С. Социальное неравенство и публичная политика. М.: Культурная революция, 2007.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
- Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Опасный пессимизм. Отказаться от демонизации роли государства в экономике // Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е., Бодрунов С.Д. (ред.) Реиндустриализация – ключевое направление современной экономической политики // Экономическая система России. Анатомия настоящего и стратегия будущего. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Губанов С.С. Неоиндустриализация России и вопрос о собственности. М.: Книжный мир, 2012.
- Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11.
- Гумаргалиев И.Е. «Доверие» как феномен пострыночных отношений // Альтернативы. 2009. № 1.
- Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

- Дволайцкий Ш.* К теории ценности Маркса (о различном толковании понятия «Общественно необходимый труд») // Экономические науки. 1975. № 10.
- Дементьев В.В.* Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. 2004. № 3.
- Дериглазова Л.В.* Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные отношения. Сентябрь-декабрь 2005. Т. 3. № 3.
- Деррида Ж.* Призраки Маркса. М.: Logos altera, 2006.
- Дзарасов Р.С.* Национальный капитализм. Развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. 2013. № 2, № 3.
- Дзарасов Р.С.* Методология Цаголова в исследовании накопления капитала в современной России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2009. № 3.
- Дзарасов Р.С.* Российский капитализм: анатомия эксплуатации // Альтернативы. 2010. № 4.
- Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В.* Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Дзарасов С.С.* Нужна другая модель реформ // Альтернативы. 2014. № 1. Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009: Энергетика и устойчивое развитие / Под общей ред. С.Н. Бобылева. М., 2010.*
- Доклад о человеческом развитии. М., 2011.*
- Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. (Библиотека журнала «Альтернативы»).*
- Ерасов Б.С.* Антиевразийство и новое евразийство в канун XXI века // Евразийство: проблемы осмысления. Уфа: Восточный университет, 2002.
- Ерасов Б.С.* Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5.
- Ермоленко А.А., Зыза В.П., Лазовский В.Ф.* Бюрократизм в коллективном производстве. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989.
- Ефремов И.А.* Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1958.
- Жижек С.* 13 опытов о Ленине, М.: Ad Marginem, 2003.
- Жижек С.* Размышления в красном цвете. М.: Издательство «Европа», 2011.
- Залетный А.А.* Новейшие социально-экономические работы Пола Кругмана и их значение для российской трансформационной экономики наших дней // Альтернативы. 2012. № 4.
- Залетный А.А.* Финансовый капитал. Взгляд изнутри. М.: ТЕИС, 2014. «Застой». Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: ТЕИС, Культурная революция, 2010.

- «Застой». Потенциал СССР накануне распада / Под общ. ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011.
- Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.
- Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980.
- Зуев С.Э. Капитализация культуры и культурный капитализм // Арт-менеджер. 2003. № 3.
- Зяблюк Р.Т. Потребительная стоимость в экономическом учении марксизма и перестройка хозяйственного механизма. М.: Изд-во Московского университета, 1989.
- Игонина Л.Л. Экономика и финансы: диалектика взаимосвязи // Альтернативы. 2013. № 1.
- Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2. / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1964.
- Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: МПСИ, 2010.
- Иноземцев В.Л. Великая ложь // Свободная мысль. 2010. № 2.
- Иноземцев В.Л. Книгочей. Библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М.: Ладомир, 2005.
- Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
- Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: «Academia» – Наука, 1999.
- Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia: Наука, 1999.
- Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Возращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии. М.: Интердиалект+, 2002.
- Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Под ред. проф. В.Б. Суляна. М. Магистр, 2009.
- Итоги 2006 года и будущее экономики России: потенциал несырьевого сектора // Вопросы экономики. 2007. № 9.
- Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
- Калиникос А. Антикапиталистический манифест. М.; Праксис, 2005.
- Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, М.Б. Конашева, М.П. Кропоткина. М.: Культурная революция, 2013.
- Кастельс М. Сетевое общество. М., 2001.
- Кляйн Н. NO LOGO: Люди против брендов. М.: Хорошая книга, 2003.
- Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Хорошая книга, 2009.
- Кляйн Н. Заборы и окна. М.: Хорошая книга, 2005.

- Колганов А.И.* Демократия и права собственности // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. М.: Экономика, 2011.
- Колганов А.И.* Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1994.
- Колганов А.И.* Пример классового анализа российского капитализма (конец о макроэкономической мудрости журнала «Эксперт») // Альтернативы. 2004. № 2.
- Колганов А.И.* Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990.
- Колганов А.И.* Собственность на знания как тормоз экономического и социального развития // Альтернативы, 2002, №1.
- Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990.
- Косолапов Р.И.* Социализм: к вопросам теории. 2-е изд. М.: Мысль, 1979.
- Котц Д., Виар Ф.* Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия. М., 2013.
- Коуз Р.* Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
- Кочетов Э.Г.* Глобалистика. Теория. Методология. Практика. М.: Норма, Норма-Инфра-М, 2002.
- Козн С.* Большевизм и сталинизм // Альтернативы. 2011. № 1.
- Красникова Е.В.* Развитие капитализма в России. Век спустя. М.: ТЕИС, 2003.
- Красникова Е.В.* Экономика переходного периода. М.: Омега-Л, 2005, 2006.
- Критический марксизм. Продолжение дискуссий. Под ред. Бузгалина А.В., Колганова А.И. М., 2002.
- Кропоткин М.* Производственное самоуправление: альтернатива капиталу // Альтернативы. 2011. № 2.
- Круглый стол о материальном и идеальном // Альтернативы, 2013, № 3.
- Кругман П.* Великая ложь. М.: АСТ; СПб.: Мидгард, 2004.
- Кто творит историю – II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО / Под ред. И. Абрамсона, А. Бузгалина, П. Линке, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция-ТЕИС, 2011. («Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 29).
- Куликов В.В.* Становление социалистических производственных отношений. М.: Изд-во Московского университета, 1978.
- Култер Дж.* Критика политэкономии знака. Маркс Бодрийера / Пер. с англ. А.В. Дьякова // Хора: Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 2. Доступ к электронной версии статьи по ссылке: <http://jkhora.narod.ru/2009-02-06.pdf>.

- Кульков В.М. Российская экономическая модель. М.: ТЕИС, 2009.
- Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд 3-е, переработанное и дополненное. М.: Экономика, 1973.
- Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. II. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Экономика, 1974.
- Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. 2. / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 1-е. М., 1965.
- Кутьрев В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010.
- Латышева Г.И. Основное отношение и высшая цель общественного производства при социализме. М.: Наука, 1981.
- Левина И. К вопросу о соотношении реального и финансового секторов // Вопросы экономики. 2006. № 9.
- Левина И. Природа и структура труда в экономике XXI века // Философия хозяйства. 2006. № 1.
- Левина И. Проблема трансформации: сравнительно-исторический анализ подходов и решений (классические версии) // Вопросы экономики. 2008. № 9.
- Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011.
- Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33.
- Ленин В.И. Еще одно уничтожение социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25.
- Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
- Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6.
- Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
- Ленин В.И. О «демократии» и диктатуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
- Ленин В.И. О черносотенстве // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24.
- Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
- Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958.
- Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1.

- Леонов С.Л. Фиктивный капитал: содержание и виды // Экономические науки. 1980. № 9.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Лестер Дж. Отверженные как новый революционный класс // Альтернативы, 2009, №1.
- Лимнатис Н. Манипулирование – сущность, проявления, пути снятия: философский и социально-политический анализ. М.: Экономическая демократия, 2000.
- Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального) М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Лобастов Г.В. Диалектика разумной формы и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012.
- Лобастов Г.В. Идеальное. Ильенков и Лифшиц. М., 2004.
- Лукач Д. К онтологии общественного бытия. М., 1991.
- Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1 и 2, М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
- Майданский А.Д. Диалектика материального // Альтернативы. 2013. № 2.
- Мандел Э. Власть и деньги. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Мареева Е.В., Мареев С.Н. Проблема мышления: созерцательный и деятельностный подход. М.: Академический проект, 2013.
- Маркарян К.В. Общая теория постиндустриального государства. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Маркарян К.В. Человеческий капитал в постиндустриальной экономике: Авторефер. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13.
- Маркс К. Капитал (аудиокнига МР3). М.: АрМир, 2010.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга 1. Процесс производства капитала (комплект из 2 книг). М.: Терра – Книжный клуб, 2009.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо, 2011.
- Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24.
- Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I.
- Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Маркс К. Капитал. Цифровая книга. М.: Проспект, 2011.
- Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4.
- Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4.
- Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.
- Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48.

- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Марцинкевич В.И. Человек в экономической науке и в российской экономике (что скрывается за термином «человеческий капитал») // Человеческий капитал и Россия. Материалы теоретического семинара ИМЭМО. М.: ИМЭМО РАН, 2005.
- Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: Академкнига, 2007.
- Межуев В.М. Есть ли материя на Марсе? // Альтернативы, 2013, № 2.
- Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007.
- Межуев В.М. Мой ответ Майданскому // Альтернативы, 2013, № 2.
- Межуев В. Социализм как пространство культуры // Альтернативы, 1999, №2.
- Межуев В.М., Славин Б.Ф. Диалоги о социализме. Два подхода к одной идее. М., 2001.
- Мелентьев А.Ю. Основной экономический закон и социально-экономическая эффективность социалистического производства // Экономические науки. 1981. № 4.
- Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
- Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. М.: ИПРАН, 2008.
- Миргородская Е.О. Глобальный финансовый капитал. М.: Магистр, 2007.
- Митяев Д.А. О динамике саморазрушения мировой финансовой системы. Сценарии и стратегии. В 4-х частях // Экономические стратегии. 2009. №№ 1, 2, 4 и 5–6.
- Мовсеян А.Г. Транснационализация в мировой экономике. М.: Финансовая академия, 2001.
- Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М., 1997.
- На пути к рабочему контролю и самоуправлению трудящихся / Под ред. А. Колганова, Э. Рудыка, Д. Симмонса. М.: РИГ-Издат, 2001. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М.: Статистика. 1971.
- Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.
- Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.

- Нижегородцев Р.М.* Теоретические основы информационной экономики Владикавказ: Проект-Пресс, 1998.
- Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESES. Т.1. 1993. Вып. 2.
- Нуреев Р.М.* Экономика развития. М., 2001.
- Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е изд. М.: Норма, 2008.
- Нэбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992.
- О системе категорий и законов политической экономии. /Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
- Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Н.Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2014.
- Ойкен В.* Основы национальной экономики. М., 1996.
- Октябрь 1917: Вызовы для XXI века / Под общ. ред. А.А. Сорокина. М.: ЛЕНАНД, 2009.
- Олейник А.Н.* Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.
- Орлов В.В., Васильева Т.С.* Труд и социализм. Пермь: Изд-во ПГУ, 1991.
- Оруэлл Дж.* Скотный Двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии / Пер. с англ. М., 1989.
- Осипов Ю.М.* Иное. М.: Экономистъ, 2006.
- Осипов Ю.М.* Постижение России. М.: Экономистъ, 2005.
- Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М.: ТЕИС, 2004.
- Основной закон Федеративной Республики Германии // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. Пер. с нем. / Под ред. Ю.П. Урьяса. М.: Прогресс, 1991.
- От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике / Под ред. С. Федорова. М.: Слово, 2001.
- Павлов М.Ю.* Корпорация в условиях генезиса постиндустриального общества: дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.
- Павлов М.Ю.* Новая природа корпораций в неэкономике // Неэкономика: Очерки теории и методологии / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ТЕИС, 2003.
- Павлов М.Ю.* Экономика знаний: творческий потенциал человека. М.: ТиРу, 2013.
- Павлов М.Ю.* Экономика нанотехнологий. М.: Изд-во Московского университета, 2013.

- Пайпс Р.* Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Панарин А.С.* Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1995, № 6.
- Панарин А.С.* Западники и евразийцы // Общественные науки и современность, 1993, № 6.
- Панарин А.* Искусшение глобализмом. М.: Эксмо, 2002.
- Панарин А.С.* Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // Панарин А.С. «Вторая Европа» или «третий Рим»? М.: РАН, 1996.
- Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
- Пантин И.К.* Русская революция: политико-философское прочтение события // Альтернативы. 2011. № 2.
- Паренти М.* Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990.
- Партийное строительство. Учебное пособие, изд. 6-е. М., 1981.
- Патнэм Р.* Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭМО. 1995. № 4.
- Пелевин В.* Generation «П». М., 1999.
- Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. – М.: Претекст. 2005.
- Перкинс Дж.* Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина Паблишер, 2008.
- Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.
- Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л.* Микроэкономика. М.: Дело, 2000.
- Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956.
- По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1990.
- Политическая экономия социализма – научная основа руководства народным хозяйством / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Каф. марксист.-ленин. полит. экономии, каф. основ науч. упр. социалист. экономикой ; под ред. И. И. Кузьмина, С. В. Рогачева. М. : Мысль, 1975.
- Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. Материалы дискуссии / Под ред. А.В. Бузгалина и З.А. Корчагиной. М.: ТЕИС, 2003.
- Политэкономия провала: Природа и последствия «рыночных» реформ в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013.
- Попов Г.Х.* С точки зрения экономиста. Наука и жизнь. 1987. № 4.
- Пороховский А.А.* Вектор экономического развития. М.: ТЕИС, 2002.
- Пороховский А.А.* Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Экономика для человека. Социально-ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы

- Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
- Пороховский А.А.* Политическая экономия современного кризиса // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
- Пороховский А.А.* Современный кризис: взгляд политэконома // Альтернативы. 2009. №1.
- Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
- Постиндустриальный мир и Россия / Под ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Пребиш Р.* Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива? М., 1992.
- Пребиш Р.* Социальноэкономическая структура и кризис периферийного капитализма. М., 1978.
- Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.
- Райт Э.О.* Движение «Захвати Уолл-стрит!» и стратегии преобразования // Альтернативы. 2012. № 1.
- Российская экономика: финансовая система, М., ТЕИС, 2000.
- Российская экономическая система. М., 2014.
- Российский статистический ежегодник 2013: Стат. сб. М.: Росстат, 2013.
- Ротбард М.* Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003 (переиздание в серии «Австрийская школа» – Челябинск: Социум, 2010).
- Рубе В.А.* Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России. М.: ИНФРА-М, 2004.
- Рубе В.А.* Малый бизнес: история, теория, практика. М.: ТЕИС, 2000.
- Рубе В.А.* Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Рубе В.А.* Сотрудничество или эксплуатация. (Мелкий бизнес глазами буржуазных экономистов). М.: Мысль, 1986.
- Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. С новым дополнением к статье. Ответ критикам. 4-е изд. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930.
- Рудык Э.Н.* Производственная демократия в стране и мире: состояние, проблемы и перспективы // Альтернативы. 2011. № 2.
- Рудык Э.Н.* Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: РИГ-Издат, 2002.
- Рудык Э.Н.* Социальное предприятие, социальная экономика, социальное государство: подходы к проблеме // Альтернативы. 2003. № 4.
- Рыбаков В.М.* На чужом пиру. М.: Аст, 2000.
- Рэнд А.* Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

- Рюдигер А. Террор и мечта: русская революция между историзмом и всемирной историей. Соображения по поводу революции и неудачи // *Альтернативы*. 2011. № 1.
- Рязанов В.Т. От рентной экономики к новой индустриализации России // *Экономист*. 2011. № 8.
- Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998.
- С чего начинается личность / Под общ. ред. Р. И. Косолапова. М.: Политиздат, 1984.
- Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994.
- Сергеева И.В., Быков В.М. Материальные и нематериальные факторы мотивации труда // *Человек и труд*. № 9. 2010.
- Симмонс Дж., Мэрс У. Эффективное предприятие. Американский опыт участия работников в управлении. М.: Аргументы и факты, 1993.
- Скрауч О.Н., Мехришвили Л.Л. Специфика научной мотивации молодых преподавателей региональных вузов: по материалам социологического исследования // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 2.
- Словарь по политологии / Под ред. проф. В.Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001.
- Смолин О.Н. Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов. М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001.
- Смолин О.Н. Образование и просвещение: «Русь, куда ж несешься ты?» (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы). В 4-х частях // *Философские науки*. 2013. № 11 и 12; 2014. № 1 и 2.
- Смолин О.Н. Социальная справедливость: не «все поделить», но «делиться надо» // *Альтернативы*. 2014. № 1.
- Соболев Э.Н. Основные тренды оплаты труда в постсоветской России // *Альтернативы*. 2014. № 1.
- Современная экономика России. Справочные и аналитические материалы / Под ред. Е.Т. Гайдара. М.: Проспект, 2010.
- Соколов А.А. Государство как частная собственность инсайдеров (на примере российских госкорпораций) // *Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию* / Под ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Сорокин А.А. Идеальное, проблема творчества и развитие человека // *Вопросы философии*. 2009. № 6.
- Сорокин А.В. Модель общественного богатства – матрица синтеза категорий микро- и макроэкономики (часть 1) // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2010. № 1.

- Сорокин А.В.* Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. М., 2009.
- Сорокин Д.Е.* Стратегические ориентиры экономического развития России. М.: Алетейя, 2010.
- Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма, М., 1999.
- Социализм–XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А. В. Бузгалина, В. Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009. («Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2011. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Социальная экономика: теория и практика. М.: ТЕИС, 2009.
- Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2013»).
- Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. Колганова А.И. М.: ТЕИС, 1998.
- СССР. «Застой». Материалы конференции 5–6 ноября 2008 г. / Под ред. Р. Крумма и Л. Булавки. М.: Культурная революция, 2009.
- СССР: незавершенный проект / Под ред. А. В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2012.
- Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М. 2003.
- Стоун Р., Боуман Э.* Фабрики, преобразованные работниками: «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!» // Альтернативы. 2011. № 1.
- Стратегия опережающего развития – III. Том 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / Под общ. Ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Стратегия опережающего развития – III. Том 2. Спектры российских модернизаций / Под общей редакцией М.И. Воейкова и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Возвращение (Полдень, 22-й век). М.: Детгиз, 1963 (1-й вариант).
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Далекая Радуга: Фантаст. повести. М.: Молодая гвардия, 1964.
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Полдень, XXII век (Возвращение). М.: Детская литература, 1967 (окончательная редакция).
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Стажеры. М.: Детгиз, 1962.
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Страна багровых туч. М.: Детгиз, 1959.
- Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Хищные вещи века. М.: Молодая гвардия, 1965.
- Сухарев О.С.* Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения // Приоритеты России, 2013, № 24 (213).
- Тапскотт Д., Вильямс Э.* Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009.

- Тарасов А.Н. Суперэтатизм и социализм // Свободная мысль. 1996. № 12.
- Татаркин А.И. Инновационная миссия модернизации общественного уклада – потребность устойчивого развития России // Экономическая наука современной России. 2011. № 2.
- Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации России // Экономика для человека. Социально-ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
- Татаркин А.И. Состояние и проблемы активизации инновационного развития экономики России // Экономика и управление. 2010. №1.
- Татаркин А.И., Фетисов Г.Г., Цветков В.А. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3.
- Тейлор Ф.У. Научная организация труда. М., 1925.
- Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М., 1991.
- Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003.
- Терли Дж. Глобальный акт несогласия // Альтернативы. 2012. № 1.
- Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. В 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В.М. Гальперина и Н.А. Зенкевича. СПб.: Экономическая школа, 2000.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001.
- Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2007.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2007.
- Тоценко Ж.Т. Социология. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001.
- Трансформационная экономика России / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006.
- Тронеv К.П. Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1974. № 4.
- Тронеv К.П. Соотношение основного экономического закона и закона социалистического накопления // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика 1974. № 5.
- Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.

- Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации (социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества). М. 2008.
- Философская энциклопедия. В 5 тт. / Под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.
- Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. – М.: Финансы и статистика, 1989.
- Форд Г. Сегодня и завтра. М.: Контролинг, 1992.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.
- Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990.
- Хабибуллин Р. Предприятия с собственностью работников: марксистская теория и современная российская практика // Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Хажеева А. Схемы ухода от налогов: как их выявляют налоговики // Двойная запись. 2004. № 8.
- Хакимова Г.А. Марксистские основания мир-системной методологии: неосмитианский марксизм или новый исторический материализм? / Критический марксизм: поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г.Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Ханин Г.И. От экономики разрушения к экономике созидания: как провести этот переход с умом // Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: Едиториал УРСС, 2013.
- Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск, 2014.
- Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4.
- Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
- Хауг В. Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма // Альтернативы. 2008. № 3.
- Хейли А. Колеса. М.: Прогресс, 1983.
- Хейли А. Менялы. М.: Все для вас, 1993.
- Хемингуэй Э. Фиеста. Прощай, оружие! Иметь и не иметь. Рассказы. Старик и море. Пер. с англ. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир. 2003.
- Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968.
- Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» Маркса. М.: МГУ, 1964.
- Хессин Н.В. Диалектика исследования товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М., 1964.
- Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики, 1964, № 7.

- Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.
- Ховард М. Самоуправление, развитие и денежные трансферты // Альтернативы. 2011. № 4.
- Хубиев К.А. Неоиндустриальная парадигма и альтернативные подходы к ней // Экономист. 2013. № 4.
- Хубиев К.А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности // Проблемы современной экономики. 2014. № 3.
- Хубиев К.А., Пороховский А.А., Черковец В.Н. Формирование экономической системы России в координатах мирового развития / Под ред. К.А. Хубиева. М.: ТЕИС, 2001.
- Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально-ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
- Чапас Р. Долго еще до Маркса... Впечатления о фильме Светланы Басковой // Альтернативы. 2013. № 2.
- Человеческий потенциал модернизации России (Стратегия опережающего развития – 2006): Доклады и выступления на Международной научной конференции, 20–21 апреля 2006 г. / Под общ. ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: ЛЕНАНД, 2006. (Библиотека журнала «Альтернативы»).
- Черковец В.Н. Основной экономический закон и высшая цель общественного производства при социализме. М.: Знание, 1974.
- Черковец В.Н. (ред.) Эффективность и высшая цель социалистического производства / Под общ. ред. В.Н. Черковца. М.: Экономика, 1986.
- Чибриков Г.Г. Кризис финансовой системы: методы преодоления // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
- Шафф А. О смысле жизни // Философия истории. М., 1995.
- Шафф А. Срочно требуются «новые левые» // Альтернативы. 1995. № 2.
- Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Штырбул С.А. Социальный капитал и социальный потенциал: Авторефер. дис. ... канд. экон. наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория. М., 2010.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1982.
- Щедровицкий Г.П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное // На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Школы культурной политики, 2004.
- Щедровицкий Г.П. Интеллект и коммуникация // Вопросы философии. 2004. № 3.

- Эклунд К. Эффективная экономика. Шведская модель. М., 1991.
- Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М., 2014.
- Экономика знаний и инноваций: перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2007.
- Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. М., 1995.
- Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу 14 июля 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 39.
- Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
- Эпштейн Д.Б. Россия-2013: противоречия экономической эволюции // Альтернативы, 2014, № 1.
- Эрхард Л. Благосостояние для всех / Пер. с нем. М.: Начала-пресс, 1991.
- Этциони А. Социоэкономика: дальнейшие шаги (1991) // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1.
- Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.
- Яковец Ю.В. Кризисы неизбежны и необходимы // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Выпуск 3. / Под общ. ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2013.
- Яковлева А.Ф. Социальное и философское значение «всеобщего труда» Маркса // Критический марксизм. Поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под. ред. Г.Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Яковлева Н.Г. Современное образование: между гуманизмом и прагматизмом (системно-структурный анализ) // Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России / Под ред. Н.Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2014.
- Янченко С.Е. Переходные производственные отношения. Минск: Изд-во БГУ, 1974.
- Aghion P., Williamson J.G. Growth, Inequality and Globalization. Theory, History and policy, Cambridge, 1998.
- Amin S. Accumulation on a World Scale: A Critique of the Theory of Underdevelopment. N.Y., 1974.
- Amin S. Capitalism in the Age of Globalization. The Management of Contemporary society, L. – N.Y., 1997.
- Amoroso B. On Globalization, Capitalism in the 21-st Century. L., 1998.
- Arthur Ch. J. The New Dialectic And Marx's Capital. Leiden–Boston: Brill, 2004.

- Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. How Russia Became a Market Economy. Brookings, 1995.
- Anderson P.* The Origins of Postmodernity. L., 1998.
- Bakhtin M.M.* Problems of Dostoevsky's Poetics. Edited and translated by Caryl Emerson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984.
- Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. Michigan: The University of Michigan. 1994; originally published as *Simulacres et Simulation*, Paris: Edition Galilee, 1981.
- Baudrillard J.* The Transparency of Evil. L., N.Y., 1993.
- Bauman Z.* Postmodernity and its Discontents. N.Y., 1997.
- Beck U.* What is Globalization (UK), Cambridge-Oxford, 2000.
- Becker G.* Investment in Human Capital // The Journal of Political Economy. 1962. № 10.
- Becker G.S.* Human capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education, Chicago-L., 1993.
- Bell D.* Sociological Journeys. Essays 1960–1980. L.: Heinemann, 1980.
- Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.
- Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976.
- Berle A.A., Means G.C.* The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan Company, 1932.
- Berle A.A., Means G.C.* The Modern Corporation and Private Property, Macmillan Publishing, N.Y., 1932.
- Beynon J., Dunkerley D.* (Eds). Globalization: The Reader. L.: The Athlone Press, 2000.
- Binswanger M.* Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1999.
- Boeke J.H.* Economics and Economic Policy of Dual Societies. N.Y.: Institute of Pacific Relations. 1953.
- Boisot M.* Knowledge Assets. Oxford, 1998.
- Boltansky L., Chiapello E.* The New Spirit of Capitalism. L.-NY, Verso, 2005.
- Boltanski L., Thevenot L.* De la Justification. Lea économies de la grandeur. Paris: Gallimard. 1990.
- Bourdieu P.* Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market. N.Y., 1998.
- Bourdieu P., Wacquant L.* An Invitation to Reflexive sociology. Chicago, 1992, University of Chicago Press.
- Bourdieu P.* The Forms of Capital. in Handbook of theory and research for the sociology of education, edited by John G Richardson. N.Y., 1986.
- Bowles S., Gordon D. M., Weisskopf Th.* Beyond the Waste Land: A Democratic Alternative to Economic Decline. N.Y.: Doubleday, 1984.
- Boxman E., de Graaf P., Flap H.* The Impact of Social and Human Capital on the Income Attainment of Dutch Managers // Social Networks. 1991. № 13.

- Branscomb A.* Who Owns Information? From Privacy to Public Eccess. N.Y., 1994.
- Brehm, J., Rahn W.* Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // *American Journal of Political Science*, 1997, # 41.
- Bresner J., Costello T., Smith B.* Globalization from Below: The Power of Solidarity, Cambridge, 2000.
- Brooking A.* Intellectual capital, N.Y. – L., 1995.
- Brzezinski Z.* Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N.Y.: Viking Press, 1970.
- Brzezinsky Z.* Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1993.
- Building a Global Information Society: Report Of The Aspen Institute Roundtable on International Telecommunications / Ed. by Robinson K.G.* Washington, D.C.: The Aspen Institute, 1996.
- Burt R.* Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- Buzgalin A., Kolganov A.* Economic Crisis: Scenarios of Post-Crisis Development // *Science&Society*. 2010. Vol. 74. № 4.
- Cahoone L. (Ed.)* From Modernism to Postmodernism. An Antology. Cambridge-L., 1997.
- Callinicos A.* Against Postmodernism. A Marxist Critique. L., 1989.
- Carroll W.K.* The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the 21st Century. L. – N.Y.: Zed Books, 2010.
- Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol 1–3, Malden (Ma) – Oxford, 1996–1998.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. Malden, Mass. Oxford: Blackwell, 1996.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, 1997.
- Chomsky N.* 9–11. N.Y.: Seven Stories Press. 2001.
- Coleman J.* Foundations of social theory. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
- Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Edited by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich.* Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 2010.
- Crawford R.* In the Era of Human Capital. N.Y., 1991.
- Creative Economy Report 2010: Creative Economy: A Feasible Development Option.* Geneva: UNCTAD, 2010. (Available at: http://unctad.org/es/Docs/ditctab20103_en.pdf).
- Creative Industries Economic Estimates: Statistical Release.* January 2014. L., 2014.
- Davis J., Hirschi T., Stack M.* Cutting Edge. Technology, Information, Capitalism and Social revolution. L.-N.Y.: Verso, 1997.
- Delong J.* Property Matters. N.Y., 1996.

- Denison E.* The Sources of Economic Growth in US and Alternative before US. N.Y., 1962
- Desai M.* The Transformation Problem // *Journal of Economic Surveys*. 1988. Vol. 2. № 4.
- Domhoff G.W.* Who Rules America. Prentice-Hall, 1967.
- Dordick H., Wang G.* The Information Society: A retrospective view. Newbury Park: Sage, 1993.
- Doremus P., Keller W., Pauly L., Reich S.* The Myth of the Global Corporation. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Drucker P.* Landmarks of Tomorrow: A Report of the New «Post-Modern» World. L., 1996.
- Drucker P.* The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. L., 1994.
- Drucker P.* The End of Economic Man: The Origins of Totalitarianism. L., 1995.
- Drucker P.* The Post-Capitalist World // *The Public Interest*. 1992. № 109.
- Drucker P.* Post-Capitalist Society. N.Y. City: Harper Business, 1993.
- Dzarasov S.* Critical Realism and Russian Economics // *Cambridge Journal of Economics*. November 2010. Vol. 34. № 6.
- Edvinsson L., Malone M.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Roots. N.Y.: Harper Business. 1997.
- Eggertson T.* Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
- Etzioni A.* Essays in Socio-Economics (Studies in Economic Ethics and Philosophy). Springer Berlin Heidelberg, 1999.
- Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // *Socio-Economic Review*. 2003. № 1.
- Factbook 2013: Economic, Environmental and Social Statistics. OECD, 2013.
- Fine B.* Theories of Social Capital. Researched behaving Badly. L.: Pluto Press, 2010.
- Florida R.* The Rise of the Creative Class. N.Y., Basic Books, 2002 (2-nd edition – 2006).
- Foley D. K.* Recent Developments in the Labor Theory of Value // *Review of Radical Political Economics*. 2000. Vol. 32. № 1.
- Frane A., Roncevic B.* Social Capital: Recent Debates and Research Trends // *Social Science Information*. 2003. Vol. 42. № 2.
- Frank R., Cook P.* The Winner-Takes-All Society. N.Y., 1995.
- Friedman Th.L.* A Manifesto for the Fast World // *N.Y. Times Magazine*. 1999. March 28.
- Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues And The Creation Of Prosperity. L.: Hamish Hamilton, 1995.
- Gay M.* The New Information Revolution. Santa-Barbara, 1996.
- Gilbert D.* The American Class Structure in an Age of Growing Inequality. Belmont, California: Wardsworth, 1998.

- Gilder G.* Wealth and Poverty. N.Y.: Basic Books, 1981.
- Gilpin R.* The challenges of Global Capitalism, Princeton, 1998
- Global Wealth Report 2013. Zurich: CREDIT SUISSE AG, 2013.
- Gordon D.M., Edwards M., Reich M.* Segmented Work, Divided Workers. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Gordon D.M., Weisskopf Th., Bowles S.* Power, Accumulation and Crisis: The Rise and Demise of the Postwar Social Structure of Accumulation // Lippit V. D. (ed.) Radical Political Economy: Explorations in Alternative Economic Analysis. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996.
- Gorz A.* Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. L.: Pluto Press, 1982.
- Gouldner A.W.* The Future Intellectuals and Rise of the New Class. N.Y., Toronto: Oxford University Press, 1979.
- Greider M.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997.
- Guttman R.* Cybercash: the Coming Era of Electronic Money, Palgrave, 2003.
- Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1973.
- Habermas J.* Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984.
- Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Harvey D.* The “New” Imperialism: Accumulation by Dispossession // Socialist Register. 2004. № 40.
- Haseler S.* The Super-Rich. The Unjust New World of Global Capitalism. Houndmills – L. – N.Y., 2000.
- Haug W.F.* High-Tech-Kapitalismus: Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg & Hegemonie. Hamburg: Argument-Verlag. 2005.
- Hegarty P., Jean Baudrillard* Live Theory. L. & N.Y.: Continuum. 2004.
- Heilbroner R.L.* An Inquiry into the Human Prospect. N.Y.: Norton, 1974.
- Heilbroner R.L.* Business Civilization in Decline. N.Y.: Norton, 1976.
- Heilbroner R.L.* On the limited «relevance» of economics, Capitalism Today, N.Y./ L., 1970.
- Held D., McCrew A.* The Global transformations reader. An introduction to globalisation debate. Oxford – N.Y., 2000.
- Hessen R.* The modern corporation and the private property: a reappraisal // The journal of law&economics. 1983. Vol. XXVI (2).
- Hilferding R.* Das Finanzkapital. Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1910 (Marx-Studien, vol. III).
- Hobson J. A.* Imperialism. A Study. N.Y.: James Pott & Co., 1902.
- Hudson W.J.* Intellectual Capital: How to Build it, Enhance it, Use It, N.Y., 1993.
- Inclusive Wealth Report 2012. Measuring Progress Toward Sustainability. Cambridge University Press, 2012.

- Inglehart R.* Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
- Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y. Morrow, 1971.
- Kahn H., Wiener A.J.* The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. N.Y.: Macmillan; L.: Collier-Macmillan, 1967.
- Kalb D., van der Land M., Staring R. et al. (Eds.)* The Ends of Globalization. Bringing Society Back In. Lanham, MD.: Rowman & Littlefield, 2000.
- Kautsky K.* Der Imperialismus // Die Neue Zeit. 32 (1914), Vol. 2.
- Kautsky K.* Imperialism and the War // International socialist review, 15 (September 1914).
- Kimberly S. Young.* Internet Addiction: The Emergence Of A New Clinical Disorder // CyberPsychology and Behavior. January 1998. Vol. 1. № 3.
- Knoke D.* Organizational networks and corporate social capital. in Corporate Social Capital and Liability. Boston: Kluwer, 1999.
- Kolganov A.* Jurassic Park of Capitalism: Specific character of property relations in Russian transition economy // Comparative economic studies. May 2000. № 7.
- Korten D.* When Corporations Rule the World. West Hartford, 1995.
- Kotz D., Wier F.* Russia's Path from Gorbachev to Putin: The Demise of the Soviet System and the New Russia. (A revised and updated version of Revolution from Above: The Demise of the Soviet System, 1997). L.-N.Y.: Routledge, 2007.
- Kristof N.D.* Crony Capitalism Comes Home // The N.Y. Times. October 27, 2011.
- Krugman P.* The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.)-L., 1998.
- Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. Cambridge, 1995.
- Laibman D.* Rhetoric and Substance in Value Theory: An Appraisal of the New Orthodox Marxism // Freeman A., Kliman A., Wells J. (eds.). The New Value Controversy and the Foundations of Economics. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar. 2004.
- Lapavistas C., Levina I.* Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010.
- Lechner F.J., Boli J. (Eds.)* The Globalization Reader. N.Y. Oxford (UK) – Malden (MA), 2000.
- Lester J.* Modern Tsars and Princes: The Struggle for Hegemony in Russia. L.: Verso, 1997.
- Levina I.* What is Financialization: New Phenomenon, or Periodically Occurring Process? (Manuscript, 2002).

- Lewis W.A.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economic and Social Studies, XXII (May 1954).
- Lucas R.E.* Macroeconomic Priorities (Presidential Address delivered at the one-hundred fifteenth meeting of the American Economic Association, January 4, 2003, Washington, DC) // The American Economic Review. March 2003. Vol. 93. № 1.
- Luttwak E.* Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. Huppers Collins Publishers, N.Y., 1999.
- Luxemburg R.* Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur ökonomischen Erklärung des Imperialismus. Berlin: Buchhandlung Vorwärts Paul Singer G.m.b.H., 1913.
- Lyon D.* The Information Society. Cambridge, 1988.
- Machlup F.* Economics of Information and Human Capital. Princeton, 1994.
- Madden T.* Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World. N.Y.–L.: Penguin Press, 2009.
- Mandel E.* Der Spätkapitalismus – Versuch einer marxistischen Erklärung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1972.
- Marcuse H.* One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, 1967 (2-nd edition – L.: Routledge, 1991).
- Masuda Y.* Managing in the Information Society: Releasing Synergy Japanese Style. Oxford; Cambridge: Basil Blackwell, 1990.
- Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington: World Future Soc., 1981.
- McDermott J.* Corporate Society. Class, Propriety, and Contemporary Capitalism. Boulder, San Francisco, Oxford; Westview Press, 1991.
- Mészáros I.* Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. L.: Merlin Press, 1995.
- Mills Ch.Wr.* The Marxists. N.Y.: Dell Publishing Co., 1962.
- Minsky H.* The Financial Instability Hypothesis. Working Paper № 74. NY: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College, May 1992.
- Minsky H.* Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press, 1986.
- Mishra R.* Welfare State in Capitalist Society. Policies of Retrenchment and Maintenance in Europe, North America and Australia. Toronto–Buffalo: University of Toronto Press, 1990.
- Mittelman J.H.* Globalization syndrome. Transformation and Resistance. Princeton, 2000.
- Mittelman J.H.* Globalization. Critical reflections. Boulder (Co) – L., 1997.
- Money and the Nation State. The Financial Revolution, Government and the World Monetary System / R.H. Timberlake, K. Dowd (Eds.), M.H. Miller (Foreword). L., 1998.*
- Mulgan G.J.* Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford: Polity, 1991.

- Myrdal G.* Economic Theory and Under-developed Regions. L.: Gerald Duckworth & Co., 1957.
- Neef D.* The Knowledge Economy. Boston-Oxford, 1999.
- O'Meara P., Mehlinger H., Krain M.* Globalisation and the Challenges of a New Century. Bloomington – Indianapolis, 2000.
- Okumura H.* Corporate Capitalism in Japan. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 2000.
- Perspectives on Free and Open Source Software / Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. (Eds.). Cambridge, Massachusetts, L., England: The MIT Press, 2007.
- Pieters J.N.* Global Futures. Shaping Globalization, L.-N.Y., 2000.
- Portes A.* Social Capital. Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. № 24.
- Postone M.* Rethinking Marx in a Postmarxist World // Charles Camic (ed.), Reclaiming the Sociological Classics. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers. 1998.
- Putnam R.* Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. 1995. № 6.
- Reich R.B.* The Work of Nations: Preparing ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992.
- Rifkin J.* The Age of Access, 2000.
- Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era. N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995.
- Robison R., Goodman D.S.G. (Ed.)* The New Rich in Asia, L. – N.Y., 1996.
- Rodrick D.* Has Globalization Gone Too Far? Washington (DC), 1997.
- Rodrick D.* The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work, Washington (DC), 1997.
- Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
- Rugman A.* The End of Globalization. A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means For Business, L., 2000.
- Ryrie W.* First World, Third World, N.Y., 1995.
- Sakaya T.* The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. Tokyo, N.Y., L., 1991.
- Sakaya T.* The Knowledge-Value Revolution, or A History of the Future. N/Y.: Kodansha America Ltd. 1991.
- Samuelson R.J.* The Good Life and Its Discontents. The American Dream in the Age of Entitlement 1945–1995. N.Y., 1997.
- Sassen S.* Globalization and its Discontents, N.Y., 1998.
- Schaff A.* Alienation as a Social Phenomenon. Oxford, 1980.
- Schiff M.* Social Capital, Labour Mobility, and Welfare: The Impact of Uniting States // Rationality and Society. 1992. Vol. 4. № 2.
- Scholte J.A.* Globalization: A Critical Introduction. Houndmills –N.Y., 2000.

- Schram S.F.* Words of Welfare. The Poverty of Social Science and Social Science of Poverty. Minneapolis–L.: University of Minnesota Press: 1995.
- Schuller T., Baron S., Field J.* Social Capital: a Review and Critique // Social Capital: Critical Perspective / S. Baron, et al. (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Schultz T.* The Economic Value of Education. N.Y., 1963.
- Scott A. (Ed.)* The Limits of Globalization. Cases and Arguments. L.: Routledge, 1997.
- Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. / Q. Hoare and G. Nowell-Smith (eds. & trans.). L.: Lawrence and Wishart. 1986.
- Sim S.* The Routledge Companion to Postmodernism. L., Routledge, 2001.
- Singh A., Zammit A.* Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of 'doing business'? // Corporate Governance: an International Review. 2006. №14.
- Stamatis G.* On the «New Solution» // International Journal of Political Economy. 1998. Vol. 28. № 4.
- Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. L.-N.Y.: Bloomsbury Academic, 2011.
- Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Welth of Organizations. N.Y. – L.: Doubleday–Currency. 1997.
- Stiglitz J.* Crony capitalism American-style // Project Syndicate, February 2002. (Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>).
- Stiglitz J.* Globalisation and its Discontents. N.Y., 2000.
- Sweezy P.* The Triumph of Financial Capital // Monthly Review, 1994, vol. 46.
- Tapscott D., Williams A.* Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. N.Y.: Penguin, 2007.
- The Economic Crisis Reader / By G. Friedman, F. Moseley, Ch. Sturr et al. N.-Y.: Dollars & Sense, 2010.
- Thomas C.* Capital Markets, Financial Markets And Social Capital (An Essay on Economic Theory and Economic Ideas) // Social and Economic Studies. 1996. Vol. 45. № 2/3.
- Tobin J.* World Finance and Economic Stability: Selected Essays of James Tobin. Cheltenham, Glos. et al.: Elgar, 2003.
- Toffler A.* Future Shock. N.Y. Random House, 1970.
- Toffler A.* Power shift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. – N.Y.: Bantam Books, 1990.
- Toffler A.* Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». – N.Y.: Morrow, 1983.
- Toffler A.* The Eco-Spasm: Report. Toronto etc.: Bantam House, 1975.
- Toffler A.* The Third Wave. N.Y.: Morrow, 1980.

- Veneziani R.* The Temporal Single-System Interpretation of Marx's Economics: A Critical Evaluation // *Metroeconomica*. 2004. Vol. 55. № 1.
- Veseth M.* Selling Globalization. The Myth of the Global Economy, Boulder – L., 1998.
- Wallerstein I.* The End of the World as We Know it. Social Science for the Twenty-First Century. L., 1999.
- Wallerstein I.* Utopistics, Or Historical Choices of the Twenty-First Century. N.Y., 1998.
- Wallerstein I.* World Inequality, Montreal, 1975.
- Webster F.* Theories of the Informational Society. L.-N.Y., 1995.
- Wei Sh.-J.* Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // *International Finance*. 2001. № 4.
- Wresch W.* Disconnected. Haves and Have-nots in the Information Age. New Braunschweig, 1996.
- Wrey L.* The Rise and Fall of Money Manager Capitalism: a Minskian Approach // *Cambridge Journal of Economics*. 2009. № 33.

Указатель имен¹

- Абрамсон И.Г. 403², 661, 797, 806, 807, 815
Автономов В.С. 497, 797
Агийон П. (Aghion P.) 547, 819
Агитон К. 763, 783, 797
Аитова Г.Ш. 355, 405, 711, 797, 815, 817, 817, 819
Айхлер В. 40, 797
Амин С. (Amin S.) 20, 22, 144, 251, 322, 402, 540, 548, 628, 636, 692,
697, 763, 783, 797, 803, 819
Аморозо В. (Amoroso V.) 544, 819
Андерсон П. (Anderson P.) 77, 819
Анисимова Г.В. 430, 679, 680, 797
Антипина О.Н. 64, 70, 72, 122, 205, 206, 446, 797
Арендт Х. 743, 797
Арский Ю.М. 60, 798
Арсланов В.Г. 94, 610, 798
Артур К. (Arthur Ch.) 288, 289, 819
Аслунд А. (Aslund A.) 686, 819
Аузан А.А. 239, 526, 798
- Бабкин К.А. 555, 746, 798
Баккара П. 229
Барашкова О.В. 664, 797, 829, 830
Барбюс А. 20, 798
Барон С. (Baron S.) 497, 826
Барт Р. (Burt R.) 514, 821
Батищев Г.С. 84, 85, 89, 91, 93, 96, 111, 339, 364, 798
Бауман З. (Bauman Z.) 77, 820
Бахтин М.М. (Bakhtin M. M.) 84, 96, 819
Бегбедер Ф. 196, 798
Бейнон Дж. (Beupon J.) 544, 820
Бек У. (Beck U.) 544, 820
Беккер Г. (Becker G. S.) 236, 496, 820
Белл Д. (Bell D.) 70, 369, 374, 479, 588, 798, 820
Белоцерковский В.В. 239, 798

¹ Составлен О. Барашковой, О. Лемешонок и Д. Хромовым под руководством А. Бузгалина и А. Колганова.

² Курсивом в указателе обозначены страницы, на которых упоминание об авторе встречается в подстрочных сносках, а не в основном тексте.

Бенедетти К. 168, 798
Бердяев Н.А. 96, 480, 798
Берле А. (Berle A.) 172, 331, 820
Бёке Ю.Г. (Boeke J.H.) 373, 764, 820
Бжезинский З. (Brzezinski Z.) 70, 166, 588, 612, 626, 799, 821
Библер В.С.
Бинсвангер М. (Binswanger M.)
Бобков В.Н. 84, 93, 96, 364, 799
Бобылев С.Н. 724
Бодрийяр Ж. (Baudrillard J.) 144, 156, 176, 179, 180, 181, 182, 187, 193,
194, 195, 196, 267, 799, 807, 820, 823
Бойсо М. (Boisot M.) 107, 820
Боксман Э. (Boxman E.) 514, 515, 820
Болдуен К.
Болдырев Ю.Ю. 312, 799
Боли Дж. (Boli J.) 54, 824
Болтански Л. (Boltanski L.) 173, 330, 376, 820
Бодрунов С.Д. 746, 747, 799, 804
Боулз С. (Bowles S.) 321, 820, 823
Боуман Э. 70, 790, 799, 815
Бранскомб А. (Branscomb A.) 107, 820
Браун В. (Brown W.) 71, 824
Брем Дж. (Brehm J.) 514, 515, 820
Брешер Дж. (Bresher J.) 548, 821
Бри М. (Brie M.) 251
Брижак О.В. 711, 799
Брукин А. (Brooking A.) 497, 686, 819, 821
Булавка Л. А. 44, 95, 96, 125, 142, 172, 175, 177, 197, 217, 363, 364, 464,
491, 492, 606, 609, 692, 801, 802, 806, 808, 815
Булганина С.Н. 499, 802
Бурдые П. (Bourdieu P.) 142, 512, 513, 515, 820
Бухарин Н.И. 18, 37, 145, 634, 802, 808
Бхагвати Дж. 549, 563, 802
Быков В.М. 237, 814
Бьюкенен Дж. 602, 802

Вайскопф Т. (Weisskopf Th.) 321, 820, 823
Вакан Л. (Wacquant L.) 515, 820
Валлерстайн И. (Wallerstein I.) 79, 540, 548, 612, 614, 628, 636, 802,
827
Ван Г. (Wang G.) 107, 822
Ванн Д. 129, 804
Василенко И.А. 548
Васильева Т.С. 98, 811

Веблен Т. 129, 179, 596, 802
Везет М. (Veseth M.) 547, 827
Веласкес Торрес К. 336
Венециани Р. (Veneziani R.) 296, 827
Вереникин А.О. 206, 496, 497, 499, 797, 802
Вернадский В.И. 70, 76, 132, 802
Виар Ф. (Wier F.) 662, 671, 807, 824
Вильямс Э. 230, 340, 816
Вильямсон Дж. (Williamson J.) 547, 819
Винер Э. (Wiener A.) 70, 824
Воейков М.И. 32, 63, 68, 180, 403, 480, 481, 589, 616, 799, 803, 811, 815.
Восленский М.С. 476, 477, 803
Вэй Ш.-Ж. (Wei Sh.-J.) 163, 828
Вяккерев Ф.Ф. 803

Гайдар Е.Т. 661, 682, 686, 694, 803, 814
Галкин А.А. 42, 803
Ганнт Г.Л. 35, 803
Гейтс Б. 332, 506, 574
Гернье М. 71
Гессе Г. 90, 104, 183, 803
Гессен Р. (Hessen R.) 572, 823
Гилберт Д. (Gilbert D.) 822
Гилдер Дж. (Gilder G.) 374, 822
Гилпин Р. (Gilpin R.) 546, 822
Гильфердинг Р. 32, 34, 157, 253, 540
Гиренок Ф.М. 77, 803
Глазьев С.Ю. 76, 161, 681, 746, 747, 748, 750, 803
Гловели Г.Д. 614, 803
Гобсон Дж.А. (Hobson J. A.) 32, 145, 823
Гордон Д. (Gordon D.) 321, 374, 820, 822, 823
Горц А. (Gorz A.) 72, 472, 479, 823
Горшков М.К. 679, 804
Горький М. 597, 803
Грааф Дж. 129, 804
Грааф П. де (Graaf P. de) 515, 820
Грамши А. 90, 99, 491, 492, 592, 623, 648, 804
Грейдер М. (Greider M.) 162, 163, 317, 823
Грималюк В.А. 35, 218, 804
Гринберг Р.С. 39, 142, 405, 432, 679, 745, 746, 804
Губанов С.С. 746, 757, 748, 804
Гудман Д. (Goodman D.) 547, 826
Гулднер Э. (Gouldner A.) 380, 823
Гумаргалиев И.Е. 535, 804

Гуттманн Р. (Guttman R.) 251, 823
Гэй М. (Gay M.) 108, 822
Гэлбрейт Дж.К. 71, 143, 145, 156, 274, 331, 368, 479, 596, 701, 804, 805

Данилов-Данильян В.И. 60, 798
Данкерли Д. (Dunkerley D.) 544, 820
Дволайцкий Ш. 805
Дегтярь Л.С. 679, 804
Делез Ж. 187
Делонг Дж. (Delong J.) 171, 821
Дементьев В. В. 143, 145, 805
Дериглазова Л.В. 621, 805
Деррида Ж. 178, 805
Десаи М. (Desai M.) 296, 821
Джеймисон Ф. (Jameson F.) 17, 180, 197, 823
Дзарасов Р.С. 571, 614, 661, 697, 710, 715, 805
Дзарасов С.С. 670, 682, 688, 805
Долгов С.И. 548
Домхоф Г. (Domhoff G.) 172, 821
Доремус П. (Doremus P.) 577, 822
Дордик Г. (Dordick H.) 107, 822
Доуд К. (Dowd K.) 251, 825
Дракер П. (Drucker P.) 71, 75, 172, 369, 381, 405, 822
Дэвис Дж. (Davis J.) 107, 821
Дэнисон Э. (Denison E.) 496, 821

Ерасов Б.С. 77, 805
Ермоленко А.А. 368, 805
Ефремов И.А. 5, 58, 90, 334, 805

Жижек С. 144, 178, 197, 338, 339, 350, 800, 805

Залетный А.А. 78, 157, 711, 716, 805
Залиханов М. Ч. 60, 798
Заммит А. (Zammit A.) 163, 827
Зиновьев А.А. 142, 369, 549, 560, 576, 580, 722, 806
Злобин Н.С. 85, 86, 89, 95, III, 339, 364, 492, 649, 806
Золотов А.В. 526, 798
Зуев С.Э. 350, 806
Зыза В.П. 368, 805
Зяблюк Р.Т. 280, 806

Иголина Л.Л. 440, 451, 806
Ильенков Э.В. 85, 89, 94, 100, III, 147, 309, 526, 744, 806, 809

Инглхарт Р. (Inglehart R.) 513, 823
Иноземцев В.Л. 49, 64, 66, 70, 79, III, 150, 184, 205, 222, 237, 364,
369, 381, 405, 467, 544, 548, 612, 742, 806

Кагарлицкий Б.Ю. 21, 612, 802, 806
Калб Д. (Kalb D.) 547, 824
Каллиникос А. (Callinicos A.) 180, 763, 806, 821
Камю А. 144
Кан Г. (Kahn H.) 70, 71, 824
Кастельс М. (Castells M.) 66, 74, 107, 127, 136, 149, 150, 167, 806, 821
Каутский К. (Kautsky K.) 32, 36, 586, 587, 634, 808, 824
Кахун Л. (Cahoone L.) 77, 821
Келлер У. (Keller W.) 577, 822
Келсо Л. 71
Кимберли С. (Kimberly S.) 824
Кляйн Н. 144, 156, 573, 806, 807
Кноук Д. (Knoke D.) 514, 824
Колосова Р.П. 678, 731, 799
Колпаков В.А. 743, 817
Конашев М.Б. 661, 797, 806
Кон-Бендит Д. 144
Кондратьев К.Я. 441, 798
Корнаи Я. 694, 701, 807
Кортен Д. (Korten D.) 167, 575, 824
Корчевой Е.А. 555, 798
Косолапов Р.И. III, 218, 339, 807, 814
Костелло Т. (Costello T.) 548, 821
Котляков В.М. 60, 798
Котц Д. (Kotz D.) 70, 321, 432, 434, 662, 671, 807, 821, 824
Коулман Дж. (Coleman J.) 512, 513, 807, 821
Коэн С. 687, 807
Кочетов Э.Г. 544, 807
Красильщиков В.А. 544
Красникова Е.В. 695, 807
Кристоф Н. (Kristof N.) 163, 178, 288, 783, 824
Кропоткин М.П. 806, 807
Кроузер А. 198
Кроуфорд Р. (Crawford R.) 122, 821
Кругман П. 77, 78, 432, 807
Крумм Р
Крэйн М. (Krain M.) 546, 825
Кудров В.М. 548
Кузнецов А.В. 555, 798
Кузнецов П.Г. 104, 533

Кузнецова Е.С. 405, 806
Кук П. (Cook P.) 166, 171, 822
Куликов В.В. 34, 204, 218, 689, 701, 807
Култер Дж. (Coulter G.) 193, 807
Кульков В.М. 662, 664, 693, 808
Кумар К. (Kumar K.) 77, 824
Кутырев В.А. 96, 808
Кьяпелло Э. (Chiapello E.) 75, 173, 377, 820
Кэрролл У. (Carroll W.) 574, 821

Лазовский В.Ф. 368, 805
Лайбман Д. (Laibman D.) 296, 824
Ланд М. ван де (van der Land M.) 321, 547, 820, 822, 824
Лапавитсас К. (Lapavitsas C.) 250, 824
Ласло Э. 71
Латышева Г.И. 237, 808
Левина И. (Levina I.) 250, 251, 296, 329, 808, 824
Лемешонок О.Б. 664, 797
Ленин В.И. 7, 14, 15, 17, 18, 20, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 43, 87, 90, 95,
99, 105, 105, 142, 143, 145, 178, 197, 201, 217, 218, 220, 253, 276, 288,
311, 318, 321, 454, 461, 470, 473, 492, 586, 587, 595, 596, 611, 612,
632, 634, 648, 701, 711, 795, 805, 808, 809, 813, 815, 817
Леонов С.Л. 252, 809
Леонтьев А.Н. 81, 106, 744, 809
Лернеп М. 71
Лестер Дж. (Lester J.) 70, 477, 479, 656, 696, 809, 824
Лехнер Ф. (Lechner F.) 544, 824
Лимнатис Н. 402, 406, 597, 809
Лион Д. (Lyon D.) 108, 825
Линке П. 43, 217, 403, 807, 808, 815
Лифшиц М.А. 94, 809
Лобастов Г.В. 92, 94, 809
Ломоносов М.В. 13, 104, 132, 252, 289, 533, 812
Лосев К.С. 60, 798
Лукас Р. (Lucas R.) 427, 824
Лукач Д. 81, 91, 99, 100, 101, 495, 519, 809
Лутвак Э. (Luttwak E.) 166, 825
Львов Д.С. 266
Льюис У. (Lewis W.) 374, 824
Люксембург Р. (Luxemburg R.) 18, 32, 34, 145, 157, 321, 454, 473, 540,
586, 611, 809, 825

Мадден Т. (Madden Th.) 612, 637, 825
Майданский А.Д. 94, 809, 810

Мак-Дермот Дж. (McDermott J.) 575, 825
Мак-Кру Э. (McCrew A.) 544, 823
Малгэн Дж. (Mulgan G.) 118, 121, 825
Мандел Э. (Mandel E.) 17, 18, 201, 368, 809, 825
Мареев С.Н. 94, 809
Мареева Е.В. 94, 809
Маркарян К.В. 496, 497, 504, 514, 525, 809
Маркс К. 6, 8, 13, 14, 15, 16, 36, 49, 54, 55, 56, 72, 80, 82, 84, 85, 87, 89, 91, 93, 94, 97, 98, 99, 100, 103, 105, III, 132, 140, 187, 193, 198, 205, 217, 218, 220, 222, 223, 231, 241, 243, 244, 248, 252, 253, 258, 260, 262, 268, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 302, 303, 305, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 330, 337, 338, 339, 341, 342, 347, 368, 374, 376, 378, 390, 391, 393, 413, 414, 415, 418, 426, 427, 428, 435, 437, 439, 441, 442, 445, 449, 450, 453, 454, 460, 461, 464, 470, 471, 472, 473, 478, 483, 495, 506, 519, 522, 526, 533, 574, 581, 586, 591, 596, 612, 614, 648, 687, 688, 721, 743, 797, 805, 807, 809, 810, 813, 817, 818, 819, 835
Маркузе Г. (Marcuse H.) 72, 472, 695
Мартел Л. (Martel L.) 71, 824
Марцинкевич В.И. 502, 810
Масуда Й. (Masuda Y.) 73, 107, 546, 825
Махлуп Ф. (Machlup F.) 497, 825
Медоуз Д. 71, 810
Межуев В.М. 85, 89, 90, 94, 95, 103, 364, 649, 743, 810
Мелентьев А.Ю. 237, 746, 810
Мессарош И. (Meszaros I.) 377, 694, 825
Мехлинггер Х. (Mehlinger H.) 546, 825
Мехришвили Л.Л. 237, 814
Миллс Ч.Р. (Mills Ch. Wr.) 359, 825
Миндели Л.Э. 149, 810
Минс Г. (Means G.) 172, 331, 547, 820
Мински Х. (Minsky H.) 250, 434, 440, 825
Миргородская Е.О. 261, 810
Миттельман Дж. (Mittelman J.) 544, 547, 825
Митяев Д.А. 261, 810
Мишра Р. (Mishra R.) 374, 825
Мовсеян А.Г. 544, 810
Моисеев Н.Н. 131, 266, 810
Мэлоун М. (Malone M.) 327, 497, 822
Мэрс У. 355, 814
Мюрдаль Г. (Myrdal G.) 373, 825

Нарский И.С. 309, 810

Нижегородцев Р.М. 75, 811
Ниф Д. (Neef D.) 108, 825
Новоженов Д.В. 571, 710, 716, 805
Норт Д. 596, 597, 811
Нуреев Р.М. 322, 602, 697, 802, 811
Нэйлор Т. 129, 804
Нэсбитт Дж. (Naisbitt J.) 73, 369, 811

Ойкен В. 143, 145, 811
Окумура Х. (Okumura H.) 577, 825
Олейник А.Н. 147, 172, 698, 701, 811
О`Мира П. (O`Meara P.) 546, 825
Орлов В.В. 98, 811
Осипов Ю.М. 251, 693, 694, 811
Офицеров В.А. 43, 815

Павлов М.Ю. 64, 426, 569, 811, 812
Пайпс Р. 593, 812
Панарин А.С. 77, 544, 549, 812
Пантин И.К. 616, 812
Паренти М. 402, 406, 597, 812
Парето В. 265
Патнэм Р. (Putnam R.) 512, 514, 812, 826
Паули Л. (Pauly L.) 577, 822
Пелевин В. 196, 812
Перкинс Дж. 633, 812
Пестель Э. 71
Печчеи А. 236, 411, 752, 812
Пикассо П. 43
Пиндайк Р. С. 120, 812
Питерс Я. (Pieters J.) 544, 826
Ползунов И.И. 132
Попов Г.Х. 367, 812
Пороховский А.А. 251, 427, 428, 432, 544, 682, 745, 812, 813
Портес А. (Portes A.) 514, 826
Поршнев Б.Ф. 81, 813
Постон М. (Postone M.) 278, 826
Пребиш Р. 692, 697, 813
Пронин В.В. 555, 798
Прудон П.-Ж. 287
Пушкин А.С. 132, 329, 505, 508

Рагман А. (Rugman A.) 547, 826
Радаев В.В. 664, 819

Райри В. (Ryrie W.) 547, 826
Райт Э. 790, 813
Ран В. (Rahn W.) 514, 515, 820
Рандерс Й. 71, 810
Ранцевич Б. (Roncevic B.) 497, 822
Рей Л. (Wrey L.) 440, 828
Рейх М. (Reich M.) 321, 374, 432, 434, 821, 822
Рейх Р. (Reich R.) 150, 380, 826
Рейх С. (Reich S.) 577, 822
Рифкин Дж. (Rifkin J.) 73, 107, 349, 373, 374, 381, 826
Робинсон К. (Robinson K.) 546, 821
Робинсон Р. (Robison R.) 547, 826
Родрик Д. (Rodrick D.) 547, 826
Ростов У.У. (Rostow W. W.) 71, 826
Ротбард М. 574, 590, 813
Рубе В.А. 167, 813
Рубин И.И. 288, 813
Рубинфельд Д.Л. 120, 812
Рудык Э.Н. 354, 355, 813
Рыбаков В.М. 141, 813
Рэнд А. 590, 814
Рэш У. (Wresch W.) 107, 828
Рюдигер А. 687, 814

Сакайя Т. (Sakaya T.) 73, 107, 826
Сакс Дж. 574, 686, 814
Самохвалов В.А. 798
Самуэльсон Р. (Samuelson R.) 48, 208, 826
Сартр Ж.-П. 43, 72, 91, 99, 144, 519, 598
Сассен С. (Sassen S.) 547, 826
Сергеева И.В. 237, 415, 814
Сим С. (Sim S.) 177, 827
Симмонс Дж. 355, 810, 814
Сингх А. (Singh A.) 163, 827
Скотт А. (Scott A.) 547, 826
Скрауч О.Н. 237, 814
Славин Б.Ф. 43, 89, 90, 91, 339, 496, 800, 805, 810
Смит А. (Smith A.) 283, 496, 534
Смит Б. (Smith B.) 548, 821
Смолин О.Н. 673, 679, 695, 814
Соболев Э.Н. 726, 814
Соколов А.А. 711, 716, 814
Сократ 87, 132
Сорокин А.А. 94, 616, 810, 814

Сорокин А.В. 292, 299, 815
Сорокин Д.Е. 142, 682, 745, 746, 747, 804, 815
Сорос Дж. 142, 169, 510, 744, 815
Ставинская А.А. 526, 798
Стак М. (Stack M.) 107, 821
Стаматис Г. (Stamatis G.) 296, 827
Старинг М. (Staring M.) 547, 824
Стиглиц Дж. (Stiglitz J.) 77, 163, 432, 547, 815, 827
Стоун Р. 70, 790, 815
Стругацкие А.Н. и Б.Н. 58, 90, 130, 758, 815
Стэндинг Г. (Standing G.) 376, 827
Стюарт Т. (Stewart T.) 327, 827
Суизи П. (Sweezy P.) 251, 827
Сухарев О.С. 76, 816

Тамбовцев В.Л. 526, 798
Тапскотт Д. (Tapscott D.) 230, 340, 816, 827
Тарасов А.Н. 483, 816
Татаркин А.И. 682, 746, 816
Тевено Л. (Thevenot L.) 330, 820
Тейлор Ф.У. 35, 816
Тейяр де Шарден П. 132
Терещенко Н.А. 198, 816
Терли Дж. 790, 816
Тимберлейк Р. (Timberlake R.) 251, 825
Тинберген Я. 71
Тироль Ж. 145, 816
Тобин Дж. (Tobin J.) 251, 252, 766, 827
Томас К. (Thomas C.) 513, 515, 827
Томас Э. (Thomas E.)
Тоффлер Х. 229, 816
Тоффлер Э. (Toffler A.) 55, 72, 122, 143, 145, 229, 369, 381, 742, 816, 827
Тощенко Ж.Т. 730, 816
Трауб-Мерц Р. 63, 403, 678, 731, 799, 811
Тронев К.П. 14, 237, 289, 407, 816
Туссен Э. 783

Уильямс Э. (Williams A.) 239, 827
Уильямсон О. 330, 816
Утар Ф. 763, 783, 803
Уткин А.И. 544, 817
Уэбстер Ф. (Webster F.) 107, 108, 828

Файн Б. (Fine B.) 141, 511, 512, 822

Федотова В.Г. 743, 817
Федотова Н.Н. 817
Фетисов Г.Г. 682, 816
Филд Дж. (Field J.) 497, 826
Флап Х. (Flap H.) 514, 515, 820
Флорида Р. (Florida R.) 75, III, II2, II3, II5, 325, 346, 822
Фоли Д. (Foley D.) 296, 822
Форд Г. 35, 207, 337, 574, 817
Франк Р. (Frank R.) 166, 171, 822
Фрейн А. (Frane A.) 497, 822
Фридман Т. (Friedman Th.) 160, 431, 822
Фромм Э. 72, 100, 106, 129, 236, 519, 598, 817
Фуко М. 187
Фукуяма Ф. (Fukuyama F.) 75, 163, 512, 513, 534, 822

Хабермас Ю. (Habermas J.) 17, 96, 479, 695, 823
Хабибуллин Р. 817
Хадсон У. (Hudson W.) 497, 823
Хажеева А. 153, 817
Хазелер С. (Haseler S.) 548, 823
Хакимова Г.А. 614, 817
Ханин Г.И. 682, 817
Харви Д. (Harvey D.) 22, 49, 398, 401, 817, 823
Харт К. 197, 817
Хауг В. (Haug W.) 136, 817, 823
Хейлбронер Р.Л. (Heilbroner R.L.) 71, 580, 695, 823
Хелд Д. (Held D.) 544, 823
Хемингуэй Э. 20, 817
Хессин Н.В. 14, 34, 201, 205, 217, 238, 309, 688, 817, 818
Хигарти П. (Hegarty P.) 176, 823
Хикс Дж.Р. 507, 818
Хильфердинг Р. (Hilferding R.) 32, 823
Хирши Т. (Hirschi T.) 107, 821
Ховард М. 387, 818
Хомский Н. (Chomsky N.) 625, 821
Хорос В.Г. 544, 813
Хромов Г.С. 149, 810
Хромов Д.Е. 797, 829, 830
Хубиев К.А. 662, 818

Цаголов Г.Н. 710, 746, 805, 818
Цаголов Н.А. 34, 39, 40, 172, 204, 311, 407, 688, 701, 808, 810, 811
Цветков В.А. 682, 816

Чайковский П.И. 132
Чангли И. 91, 111
Чапас Р. 721, 818
Черковец В.Н. 204, 218, 237, 238, 818
Чибриков Г.Г. 432, 818
Чубайс А.Б. 661, 803

Шаститко А.Е. 172
Шагунова Т.М. 198, 816
Шафф А. (Schaff A.) 72, 519, 818, 826
Шекспир У. 123, 132, 258
Шенкман Б.И. 89
Шифф М. (Schiff M.) 514, 826
Шкредов В.П. 289
Шольте Я. (Scholte J.) 547, 826
Шрам С. (Schram S.) 374, 826
Штырбул С.А. 522, 818
Шубин А.В. 95, 818
Шуллер Т. (Schuller T.) 497, 826
Шульц Т. (Schultz T.) 496, 826
Шухтин В.П. 219, 801

Щедровицкий Г.П. 96, 818

Эбурдин П. 73, 811
Эггертссон Т. (Eggertson T.) 330, 822
Эдвардс М. (Edwards M.) 374, 822
Эдвинссон Л. (Edvinsson L.) 327, 822
Эйнштейн А. 43, 87, 132, 307, 335, 500
Эклунд К. 40, 71, 818
Энгельс Ф. 13, 14, 15, 16, 34, 49, 56, 80, 82, 85, 93, 94, 97, 98, 99, 103,
231, 241, 258, 279, 280, 284, 286, 287, 301, 314, 315, 316, 318, 319,
330, 338, 339, 391, 461, 464, 472, 506, 526, 591, 687, 809, 810, 819.
Эпштейн Д.Б. 661, 667, 669, 819
Эрхард Л. 40, 71, 819
Этциони А. (Etzioni A.) 108, 117, 819, 822

Яковец Ю.В. 441, 544, 819
Яковлева А.Ф. 98, 819
Яковлева Н.Г. 67, 749, 811, 819
Янченко С.Е. 34, 689, 819

Предметный указатель¹

- абстрактное – см. *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
- абстракция 33, 93, 246, 286–287, 289, 292, 302, 310, 415, 465, 469, 472, 481, 580, 694, 698, 740
исходная («клеточка») 278, 285, 567
см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
- азиатская деспотия 362, 681, 687
см. также: *способ производства / азиатский*
- активность социальных движений и НПО 10, 43, 48, 58, 78, 169, 209, 238, 387, 397, 399, 403, 457, 477, 487, 489, 491, 525, 529, 531, 536, 538, 568, 592, 594, 601, 6037, 617–618, 628, 638, 639, 649, 659, 691, 711, 743, 758, 761, 764, 766, 767, 771, 774, 777, 783, 784, 795
см. также: *альтерглобализм*
- актор (-ы) экономики 58, 149, 152, 157, 169, 392, 398, 399, 403, 476, 532, 533, 555, 556, 613, 698, 760, 790, 794
понятие 482
в постсоветской экономике 701, 703, 706, 711, 721, 731, 733, 734
противоречие отчуждения и социального творчества:
 социальные акторы 482–494
- акционерные общества 466, 568, 574, 712
см. также: *капитал / акционерный капитал*
- аллокация ресурсов 46, 141, 202, 208, 250, 462, 520, 554, 686, 700, 702, 705, 706, 707
см. также: *распределение / ресурсов*
- альтерглобализм 10, 30, 403, 548, 566, 610, 638, 639, 658, 763–773
причины возникновения и его природа 773–777
его истоки и противоречия 777–785
его позитивная программа 785–789
его системное качество 784
от альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям 790–796
в России 771–773
Всемирный социальный Форум 766–769
Российские социальные Форумы 769–771
см. также: *активность социальных движений и НПО*

¹ Составлен О. Барашковой и Д. Хромовым под руководством А. Бузгалина и А. Колганова.

альтернативы

движение и журнал «Альтернативы» 94, 548, 750, 759, 763, 771
догоняющему развитию 751–762

новой имперской модели мира 624–639

[прото]империи 633–639

анархономика 340, 536

антикризисное регулирование 431, 434, 436, 455–460, 628, 790

антимонопольное регулирование (антимонопольная политика)

19, 33–34, 204, 580, 707, 716

аристократия 216

«рабочая» 29, 632

научная 594

асимметрия

информации 146, 156

переговорной силы 146, 147

см. также: *войны / асимметричные*

ассоциации граждан – см. *ассоциированное социальное*

творчество, освобождение, социальное творчество

ассоциированное социальное творчество 7, 41, 46, 48, 91, 173,

328–239, 247, 355, 382, 387, 467, 482–495, 529, 530, 536, 598, 647,
653, 658, 689, 751, 755, 778–782

его субъект 482–486, 490, 603, 604, 773–774

см. также: *освобождение, социальное творчество*

базис и надстройка

базис 16, 66, 67, 70, 134, 213, 243, 269, 370, 393, 467, 472, 486, 493,
530, 617, 749

надстройка 82, 90, 109, 193, 199, 273, 275, 359, 438, 453, 464, 467,
485

прямая (экономическая, базисная) и обратная детерминация 465

см. также: *трансформации, трансформационные процессы*

банки 168, 246, 248, 250, 253, 255, 256, 429, 456, 457, 561, 569, 612,
670, 703, 719, 721

беднейшие страны 60, 614, 619

см. также: *периферия, страны «второго» и «третьего» мира*

бедность 59, 61–64, 68, 69, 80, 111, 170, 360, 404–405, 469, 479, 482,
487, 517, 563, 565, 566, 587, 589, 614, 619, 640, 645, 651, 665, 668,
669, 726, 730–733, 743, 744, 768, 769, 778, 779, 780, 786

безработица 21, 39, 47, 389, 391, 405, 427, 430, 444, 445, 477, 478,
529, 764, 766

беспольный (превратный) сектор 9, 27, 65, 110, 112, 113, 127–130,
134–135, 137, 149–151, 177, 210, 212–213, 215, 242–245, 319, 320, 325,

335, 343, 344, 358, 363–364, 375, 392, 398, 415–425, 432, 453, 472,
475–476, 484, 500, 554, 603, 643–644, 646, 648, 650, 653, 658, 738–740

прогресс креатосферы vs. экспансия превратного сектора 415–419
виртуальный фиктивный финансовый капитал
как феномен превратного сектора 272–276
см. также: *капитал / виртуальный фиктивный*
мера про[ре]гресса креатосферы и превратного сектора в
основных отраслях общественного воспроизводства
позднего капитализма (теоретическая модель) 422–423
противоречия материального производства и рост превратного
сектора как первопричины кризиса 441–449
биогеосфера (биогеоценозы) 60, 122, 131, 132, 134, 207, 208, 337,
351, 408, 552, 632, 643, 652, 659, 752
см. также: *природа, рекреация, экология*
биполярное развитие и де[ре]колонизация 30, 37–47, 51, 53
см. также: *колониализм*
биржа 226, 274, 427
благо
всеобщее универсальное 207
материальное 49, 119, 129, 179, 213, 272, 412
общественное 39, 120, 207, 211, 212, 351
культурное (способствующее развитию личности) 124, 126, 127,
128, 135, 210, 211, 232, 273, 274, 418
симулятивное 55, 65, 186, 188, 189, 195, 199, 319, 326, 360, 419, 573
см. также: *симулякр (-ы)*
не-симулятивное 320
частное 190, 207, 347
богатство
вещное 336, 407, 753
всеобщее 2107 231, 324, 328, 356, 393, 504
общественное 106, 196, 232, 278, 279, 292, 326, 328, 339, 367, 439,
451, 474, 504
[всеобщее] культурное 9, 195, 196, 336, 341, 342, 343, 442
историческое различие стоимостной и натуральной формы
богатства 278
полный индекс богатства (IWI) 678
«большие нарративы»
их отрицание (отказ от них, их «деконструкция») в эпоху
постмодерна 177, 188, 663, 742
парадигмы, продолжающие оставаться «большими
нарративами» 190, 516
см. также: *постмодернизм*
буржуазия 465, 477, 480, 764, 782, 791
см. также: *капиталист (-ы), классовая борьба, пролетариат*
буржуазный способ производства – см. *способ производства*

валовой внутренний продукт (ВВП) 27, 68, 390, 415, 430, 555,
670–672, 678, 692, 715, 724, 726, 272, 749, 753
и нерыночное перераспределение ресурсов государством
(доля в ВВП) 446, 517, 519, 520, 536, 693, 712, 754
мировой ВВП 429, 438
ориентировочные параметры приоритетного развития
креатосферы (доля в ВВП) 753–754
«зеленый ВВП» (полный индекс богатства – IWI) 678
вещи 8, 81, 82–85, 93, 102, 103, 122, 126, 129, 132, 179, 189, 193, 198,
209, 222, 223, 285, 313, 365, 602, 643, 644, 659
деньги как вещь, подчиняющая человека 231
переход от производства вещей как доминанты развития
к сотворению культурных ценностей 659
см. также: *вещная зависимость, овещнение, отчуждение,
фетишизм*

вещизм
классический 360
неовещизм 169, 644
см. также: *товарный фетишизм*

вещная зависимость 383, 687
креативно-вещная зависимость 357, 381, 383
см. также: *зависимость, капитализм, личная зависимость,
овещнение, отчуждение, фетишизм*

видимость 47, 50, 83, 84, 109, 126, 146, 151, 152, 159, 167, 188, 268,
308, 324, 348, 374, 455, 468, 490, 503–504, 505, 521–522, 528, 538,
566–567, 583, 603–604, 618, 623, 635, 664, 694, 698;
как диалектическая категория 210, 537
неслучайность объективной видимости (ее действительность)
84, 132, 193, 198, 199, 231, 243, 260, 277, 292–293, 295, 302, 374,
393, 424, 523–524, 537, 578–579, 581
новая реальность, скрытая за видимостью «социального
капитала» 538–542
см. также: *превратные формы*

викиномика (wikinomics) 230, 340, 536

виртуальные (-ый)
деньги – см. *деньги*
см. также: *гиперреальность, симулятивная реальность*
фиктивный финансовый капитал – см. *капитал*

внеэкономическое принуждение 125, 524, 709, 729

Возрождение 95, 125
см. также: *итальянские города-государства, Просвещение,
Ренессанс*

войны 2, 21, 72, 164, 165, 202, 208, 267, 488, 562, 606, 628, 637, 638, 769
асимметричные 618–623

- переход от мировых войн к пандемии насилия 615–624
локальные 37, 165, 274, 401, 617
мировые 21, 24, 30, 36, 38, 42, 70, 274, 401, 623, 681
торговые 583
см. также: *насилие, протомперия*
- воспитание
и обучение как слагаемые образования 106, 109, 116, 235, 325, 355, 360, 418, 422
как часть креатосферы 422
как слагаемое «первого подразделения» общественной деятельности 106
см. также: *образование*
- воспроизводство 6, 9, 69, 82, 175, 251, 282, 286, 289, 320, 325, 388
расширенное 360, 394, 397, 399, 400, 654
в условиях позднего капитализма 389–407
глобального капитала 389–461
его государственное регулирование –
см. *государственное регулирование*
его особенности в постсоветской России 722–737
изменения в структуре общественного воспроизводства
(материальное производство, креатосфера и бесполезный сектор в экономике XXI века) 419–426
см. также: *накопление капитала, производство, товарное производство*
- восхождение от абстрактного к конкретному –
см. *метод восхождения от абстрактного к конкретному*
- время
рабочее 55, 56, 289, 361
понятие 102–104
необходимое 102, 341
прибавочное 102, 297, 341
досуга 102, 358, 359, 361
свободное 9, 28, 56, 102, 125, 129, 130, 224, 333, 336, 339, 341, 359
понятие 102–104
его отличие от времени досуга 102–103
личность и свободное время
как объекты гегемонии капитала 357–362
рекреации 103
соотношение свободного и рабочего времени
как критерий прогресса 225
и решение антиномии нестоимостной редукции
социально-неоднородного труда 224–226
Всемирный форум альтернатив (Всемирный социальный Форум)
– см. *альтерглобализм*

всеобщее

генетически-всеобщее 21, 101, 147, 160, 165, 286, 425, 461, 604,
689, 762, 789

конкретно-всеобщее 38, 40, 147, 252, 337, 370, 394, 453, 526, 556,
573, 574, 586, 792

см. также: *метод восхождения от абстрактного к
конкретному*

всеобщий [творческий] труд – см. *труд*

всеобщий эквивалент 8, 230, 246, 247, 254–256, 265, 271, 329, 354
см. также: *деньги*

Вторая мировая война – см. *мировые войны*

вывоз капитала – см. *капитал*

высокие технологии – см. *технологии*

гегемония

корпоративного капитала 13–55

глобального капитала 141–245

тотальная гегемония корпоративного капитала как
катализатор глобальных проблем человечества –
см. *глобализация, глобальные проблемы*

глобализация гегемонии – см. *глобализация*

духовная гегемония капитала 606–611

см. также: *глобализация*

генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем –
см. «*закат*», *социально-экономические системы*

генетически-всеобщее – см. *всеобщее*

гибкость 788

производственных систем (корпораций) 26, 73, 222, 775, 784
как одна из предпосылок формирования полей зависимости
(«паути») 168

см. также: *поле зависимости («паутина»)*

гиперреальность 181, 187, 197, 564

гиперреализованные угрозы 24, 255, 259, 623

виртуальный фиктивный финансовый капитал:

гиперреализованные угрозы кризиса и дерегулирования
263–271

глобализация

понятие 551

общие замечания 543–551

производительных сил 551–554

производственных отношений 554–567

общественное отношение корпоративного доминирования
и манипулирования как системное качество глобализации
567–577

- политическая 585–606
культурная 606–611
финансовая 246, 561
как третий этап позднего капитализма 47, 50
взаимодействие ее субъектов и объектов 622
ее двойственность 548
ее мера 550
ее системное качество 545, 567
и архаизация 611–624
и интернационализация 546, 551, 650
от неоллиберальной глобализации к новой империи 625–628
политэкономия глобализации 9, 543
см. также: *альтерглобализм, глобальные проблемы, интернационализация, мир-системный подход, протоимперия, страны «Второго» и «Третьего» мира, «центр» и «периферия»*
- глобальная гегемония капитала – см. *гегемония, капитал*
- глобальные проблемы
и деятельность Римского клуба 71–72
невозможность решения их капитализмом и необходимость создания новых социальных отношений (царства свободы) для их решения 72, 76, 488–489
к проблеме их определения и типологизации 641–643
их технологические основы 643–646
их социально-экономические основы 646–654
их социо-культурный уровень 654–656
см. также: Римский клуб
- глобальный (-ое, -ая, -ые)
капитал – см. *капитал, гегемония / глобального капитала*
корпоративный капитал – см. *капитал, гегемония / корпоративного капитала*
неравенство – см. *неравенство, «центр» и «периферия»*
протоимперия – см. *протоимперия*
трансформации – см. *трансформации*
экономика – см. *экономика*
см. также: *глобализация*
- государственное регулирование 7, 21, 22, 27, 30, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 52–53, 158, 202, 247, 254, 258, 264, 266, 300, 366, 430–434, 436, 446, 447, 451, 454, 455, 517, 520, 554, 556, 563, 565–567, 603, 624, 665, 692, 697, 700, 704–706, 712–713, 728–729, 738, 745, 750, 754
см. также: *государство, регулирование экономики*
- государство
«всеобщего благосостояния» (welfare state, всеобщего благоденствия) 7, 18, 46, 71, 264, 397, 407, 474

как одна из сфер генезиса пострыночных отношений –
см. *пострыночные отношения*
см. также: *государственное регулирование, демократия, базис и надстройка / надстройка, провалы государства*
гражданское общество 27, 360, 454, 458, 459, 460, 513, 567, 585, 597, 599, 602, 603, 635, 711, 730, 736, 739, 764, 771, 780, 788, 790, 791
см. также: *активность социальных движений и НПО, институты / гражданского общества*
гуманизация 71, 240, 317, 602, 788
дегуманизация 643
гуманизм 67, 457

деконструкция 176–177, 179, 181, 188, 663
см. также: *постмодернизм*
демократизация 74, 240, 785, 792
демократия 40, 53, 217, 257, 354, 402, 407, 556, 584, 631, 635, 657, 664, 692, 736, 767, 771, 776, 793
базисная (низовая) 210, 409, 483, 589, 598, 602, 758, 795
понятие 592–593
для немногих 402
«корней травы» 225, 755
участия 598, 776
массовое политическое производство vs. демократия 596–606
политико-идеологическая гегемония и манипулирование
vs. демократия и культура 585–611
см. также: *социал-демократы*

деньги
как мера стоимости 292–294
превращение их из всеобщего эквивалента
в виртуальные деньги 255
см. также: *всеобщий эквивалент*
виртуальные 246–259
виртуальные деньги как особая (финансовая) суперсеть («паутина паутин») 255, 257
см. также: *поле зависимости («паутина»)*
и абстрактная возможность кризисов при капитализме 437–441
товар и деньги: инволюция 139–305
см. также: *всеобщий эквивалент, золото, капитал / фиктивный финансовый, монетаризм, фетишизм*

де[ре]колонизация – см. биполярное развитие
и де[ре]колонизация
детерриализация 177, 451, 479
см. также: *постмодернизм*
деформации 238, 415, 431, 658, 700, 701, 703, 706, 707, 733

см. также: *мутации*
децентрация 176–177
см. также: *постмодернизм*
деятельность
общественных организаций – см. *активность социальных движений и НПО, ассоциированное социальное творчество*
по рекреации социальной и природной среды – см. *рекреация*
переход от репродуктивного к творческому содержанию деятельности 91–117
см. также: *диалог, креативная деятельность, опредмечивание, разотчуждение, распредмечивание, социально-творческое преобразование, творческая деятельность, труд, ценности и мотивы*
диалектика 14, 95, 187, 200, 294, 384, 554, 598, 743
«заката» и генезиса социальных систем (диалектика самоотрицания систем, диалектика трансформаций) 7, 14, 18, 35, 143, 151, 353, 360, 534, 689
бренда 573
диалога 96
прогресса 6
регресса 691
см. также: *диалектический метод*
диалектический метод (подход) 38, 81, 97, 99, 161, 163, 170, 187, 253, 296, 301, 321, 377, 384, 408, 466, 521, 523, 540, 573, 663, 691, 692, 762, 782
диалектическая логика 210
диалектическое противоречие – см. *противоречие*
отрицание диалектическое 92, 227, 232, 413, 775, 782
см. также: *диалектика, метод восхождения от абстрактного к конкретному*
диалог 84, 86, 93, 96–100, 105, 108, 120, 122, 127, 130–132, 215, 220, 228–229, 242, 335–336, 338, 341, 343, 364, 378, 380, 382, 496, 503, 511, 525, 527, 598, 603, 643, 655, 760, 764, 769, 775, 777, 779, 781, 783, 784, 788
его субъект 86, 96
цивилизаций – см. *цивилизации*
см. также: *опредмечивание, распредмечивание, со-творчество, субъект / субъект-субъектное отношение, хома креатор*
диктатуры 41–42, 334, 588, 795
новой частной собственности (капитала) 147, 172, 493
фашистские 38, 481, 616
дифференциация социальная – см. *социальная дифференциация*
добуржуазные (-ый)
общества 14, 18, 30, 92, 187, 524

отношения 125, 376–377, 381, 473, 554, 562, 645, 650, 651, 653, 733,
734

способ (-ы) производства – см. *способ производства*
догоняющее развитие – см. *развитие*
дориночные экономические отношения – см. *экономические
отношения / дориночные*
духовное производство 85–88, III, 375, 419, 491, 600, 606–610, 611,
618, 630, 631, 642, 654–655
см. также: *массовая культура*

евразийство 76–77, 80, 549

зависимость

неэкономическая (личная) – см. *личная зависимость*
экономическая (вещная) – см. *вещная зависимость*
креативно-вещная 357, 381, 383

«закат»

о методологических основаниях исследования социально-
экономических систем на стадии «заката» 6–7

о характеристиках этапа «заката» капитализма 17–22
структура развитой системы как ключ к исследованию
процессов «заката» 80–89

«закат» капитализма и «царства необходимости»:
трансформации воспроизводства производственных
отношений 390–403

воспроизводство в условиях «заката» капитализма
и «царства необходимости»: прогресс креатосферы
vs. экспансия превратного сектора 415–419

«закат» «царства необходимости» как контекст:
некоторые эмпирические свидетельства
и методология исследования 55–89

см. также: *генезис, развитие и «закат» социально-
экономических систем, капитализм / поздний,
«царство необходимости»*

закон-тенденция

возрастания в процессе расширенного воспроизводства
гегемонии капитала транзакционных и [анти]социальных
издержек 399–400

нормы прибыли к понижению 441

прямо-пропорциональной связи меры социализации
капиталистической экономики и потенциальных
возможностей для повышения меры равноправия
участников политического процесса 592

относительного обнищания пролетариата
(наемных работников) – см. *обнищание пролетариата*
(*наемных работников*)
см. также: *класс наемных работников, наемные работники,*
пролетариат

закон капиталистического накопления 9, 391
его трансформация в условиях позднего капитализма 389, 396,
397, 403–407

закон стоимости – см. *стоимость*

занятость 38, 74, 387, 390, 430, 447, 478, 731, 741, 749, 753, 755
самозанятость 477, 504
частичная 373, 376
гибкая 380
ее нерыночные формы (занятость в «третьем» секторе и др.) 169
вариант решения проблемы «лишних» работников,
высвобождаемых в результате радикального повышения
производительности труда 741–742
см. также: *прекариат*

«Запад» 76, 576, 722
см. также: «Север», «центр» и «периферия»

западная цивилизация – см. *цивилизации (-я)*

западничество 77, 548, 580
см. также: *цивилизации (-я)*

заработная плата 28, 296, 299, 310, 326, 329, 341, 342, 345, 394, 395,
409, 443, 444, 457, 468, 473, 481, 504, 505, 507, 558, 590, 607, 677,
689, 710, 726–727, 756
см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания*
пролетариата (наемных работников)

«застой» 44, 275, 669, 743, 746

здравоохранение 39, 116, 325, 325, 499, 520, 712

здоровый смысл 302

земля
как ресурс 125, 327, 346, 347, 351, 401, 766

знак (-и) 176, 179–180, 187, 573
новая форма фетишизма (фетишизация «второго уровня»)
197–198, 199
и деньги (долговые обязательства как «знаки стоимости») 262,
293, 439
и фиктивный капитал 449
см. также: *капитал / фиктивный, симулякр (-ы), фетишизм*

знания
«общество знаний» 50, 51, 53, 64, 66, 74, 79, 108, 109, 167, 169,
233, 331, 496, 598, 618, 696, 744
«революция знаний» 67, 69, 74, 91, 108, 111

экономика знаний (основанная на знаниях) 122, 446, 453
знаниеинтенсивная экономика 107
знаниеинтенсивные технологии 65, 108
золото 197, 231, 247, 254, 255, 258, 265, 269, 270, 271, 293, 439, 523, 676
см. также: *деньги, цены / «революция цен»*
«золотой миллиард» – см. *страны «золотого миллиарда»*
см. также: «север», *страны «первого» мира,*
«центр» и «периферия»

издержки

производства 212, 311, 342, 347, 383
их распределение 229, 238, 239
транзакционные 156, 210, 212–214, 242, 256, 257–258, 269, 330,
399, 400, 568, 729, 744, 755
[анти]социальные 399

изменения

качественные (интенсивные, революционные) 22, 23, 44, 55, 57,
65, 88, 89, 105, 118, 127, 132, 138, 155, 199, 209, 214, 233, 250, 251,
265, 273, 295, 328, 377, 392, 418, 465, 483, 593, 599, 626, 641,
642, 658, 681, 690, 712, 736, 739, 749, 751, 754, 758, 777

в структуре общественного воспроизводства
(материальное производство, креатосфера
и бесполезный сектор в экономике XXI века) 419–426
см. также: *воспроизводство*

производительных сил – см. *производительные силы*

к проблеме систематизации современных западных теорий
качественных изменений в общественной жизни рубежа
веков 69–80

технологические (технологические сдвиги, технологический
прогресс) 41, 50, 65, 66, 67, 127, 136, 240, 323, 360, 400, 446,
495, 670, 754

империализм

как стадия позднего капитализма 17–18, 20, 21, 22, 24, 26, 28,
31–37, 40, 43, 45–47, 51, 53, 141, 145, 146, 155, 173, 206, 247, 275,
321, 393, 578, 611, 616, 657, 658

ультраимпериализм 36, 619, 633, 635, 636, 649, 655, 777

см. также: *капитализм / поздний, экономический империализм*

империя 20, 428, 459, 546, 582, 616, 617, 619, 623, 625, 633, 788

анти-империя 638

«империя доверия» 612, 637

«империя» и «множество» 773

см. также: *альтернативы / новой имперской модели мира;*
глобализация, протои́мперия

инволюция 6, 7, 54, 77, 187, 210, 323, 357, 384, 391, 464, 636, 697, 711, 733, 735
см. также: *реверсивное движение, регресс*

индекс человеческого развития (индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП) – см. *развитие*

индивид – см. *ассоциированное социальное творчество, хомо креатор, хомо советикус, хомо экономикус, человек*

индустриализация 25, 101, 213, 382, 649, 696, 746, 747
деиндустриализация 692, 696
см. также: *реиндустриализация*

индустриальное (-ые, -ый)
общество 71, 72, 79, 80, 173, 219, 383, 741
производство – см. *технологии / индустриальные технологии* – см. *технологии*
технологический уклад – см. *технологические уклады*
капитализм – см. *капитализм*

инсайдеры 112, 152, 153, 156, 159, 401, 463, 571–572, 698, 702, 710–711, 713, 719, 729, 734

институты
гражданского общества 39, 162, 525, 589, 590, 711, 787
см. также: *гражданское общество*

институционализм
классический 144, 147, 330, 701
новый 145, 268, 463, 512, 579

интеллектуальная рента – см. *рента*

интеллектуальный капитал – см. *капитал*

интеллигенция (интеллигент) 35, 101, 334, 362, 469, 474, 485, 489, 491, 492, 532, 600, 628, 728, 764, 779, 791
ее превращение в про-буржуазную
интеллектуально-политическую силу 590
и внутреннее противоречие в социальной страте
креативных наемных работников 344–345
и гегемония капитала в информационной и духовной сферах 402

интернационализация 489, 542, 545, 559, 567, 772, 785
и глобализация 546, 551, 650
см. также: *глобализация*

интернет 66, 67, 144, 150, 219, 360, 478, 553, 602, 774, 793
как одна из предпосылок для развития рынков в
иртуальных симулякров 184
развитие на его основе процессов,
сходных с обобществлением труда 219

информатизация 66, 73, 213
и компьютеризация 66, 73, 213, 265, 451
см. также: *телекоммуникации*

информационное (-ая, -ые)
общество 47, 55, 64, 66, 69, 73, 74, 76, 90, 107, 117, 126, 136, 163,
206, 239, 242, 244, 368, 385, 468, 469, 496, 568, 571, 598, 599,
629, 630, 655, 742
экономика 115
продукты 127, 130, 149, 219, 229, 242, 273, 378, 629
отличие продуктов от товаров с точки зрения
обмена деятельностью в мире культуры 229
товары 127–128, 169, 201, 242–243, 329, 366, 607
ресурсы 401
технологии – см. *технологии*
революция 25, 67, 100, 305
информация 153, 159, 207, 213, 219, 241, 343, 388, 786
в «обществе профессионалов» 107–108
как товар 126–127, 129, 212, 230, 242, 269, 270, 342, 365, 571
критика информации как товара с позиций марксизма 200
см. также: *асимметрия / информации*
искусство
как часть «креативной экономики» 112, 113, 114
как часть креатосферы 137, 210, 224, 235, 237, 326, 335, 355, 360,
412, 421, 423, 531, 753, 786
его ориентировочная доля в отраслях креатосферы 753
подлинное 116, 210, 560, 598
постмодернистское 197
в мире симулякров (превратных форм, отчуждения) 181, 190,
196, 210, 235, 242, 351, 369, 364, 607, 610, 611
произведения искусства 120, 192, 196, 207, 338, 420, 421, 500
истина 99, 121, 154, 177, 183, 195, 243, 277, 278, 290, 291, 300, 347, 598
истина, добро и красота 177, 188, 208
историзм
конкретный историзм – см. *историческое и логическое*
историко-преобразовательная деятельность – см. *социально-творческое преобразование*
исторически-конкретные социально-экономические системы 95,
292, 481, 587, 685, 700
исторический материализм 82, 93, 94, 614
исторический процесс 6, 19, 482, 591, 594
его «зигзаги» (зигзаги истории) 594
и реверсивное течение исторического времени 696
мера сознательного воздействия на него как критерий
отличия свободного индивида от волюнтариста 594
см. также: *историзм, историко-генетический подход, исторически-конкретные социально-экономические системы, исторический материализм, историческое и логическое,*

история, социальное творчество (историческое творчество), социально-творческое преобразование
историческое и логическое 7, 13, 14, 19, 32, 52, 321, 322, 372, 523, 528, 614, 774

см. также: *метод восхождения от абстрактного к конкретному*

исходное производственное отношение –
см. *производственные отношения*

итальянские города-государства 17
см. также: *Ренессанс*

капитал

акционерный 28, 449, 719

банковский 31, 157

виртуальный фиктивный

как подрыв капиталистического производства 47–54
гиперреализованные угрозы кризиса и дерегулирования
263–671

как феномен превратного сектора экономики 271–276

глобальный

см. также: *гегемония / глобального капитала*

интеллектуальный 328, 329, 332, 346

корпоративный – см. *гегемония / корпоративного капитала*

купеческий 48, 268, 522

монополистический 19, 45, 47, 142, 152, 155, 157, 253, 367, 445, 577,
616

монополистический капитал как подрыв основ рынка
на первом этапе развития позднего капитализма 31–37

переменный 294, 355, 495

постоянный 294, 310, 316, 342, 355, 523

«природный» 510–511, 538, 678

ростовщический 49, 244, 268, 309, 522

«социальный» – см. «социальный» капитал

ссудный 244, 248, 249, 253, 261, 443, 445, 449

торговый 49, 253, 268, 443, 445, 690

фиктивный финансовый 253–277

см. также: *финансиализация*

«человеческий» – см. «человеческий» капитал

«капитал-функция» 248, 330

капитал-собственность 248, 330

общественный социально-регулируемый (на социал-реформистском этапе эволюции капитализма) –
см. *капитализм / модели позднего капитализма / социал-демократическая (социал-реформистская)*

промышленный 443
сращивание его с банковским 31, 157
транснациональный
см. также: *транснациональные корпорации (ТНК) / как господствующая форма капитала*
вывоз его 30, 31, 723, 757
воспроизводство его (воспроизводство глобального капитала на этапе «позднего капитализма») 389–460
его генезис 13–31
его органическое строение 297–298, 442, 443
его метаболизм 377
концентрация его 31, 34, 698, 702
накопление его
«накопление через изъятие» (accumulation by dispossession) 401
см. также: *закон капиталистического накопления*
первоначальное накопление его 15, 49, 400, 402, 528, 694, 695, 696, 714
перенакопление его 30, 42, 49, 185, 190, 193, 194, 249, 266
перенакопление капитала и материальная основа кризиса 441–449
сращивание капитала с интересами протоимперских государств – см. *протоимперия*
противоречие капитала и наемного труда – см. *прибавочная стоимость*
см. также: *гегемония, капитализм, подчинение труда капиталу, отношения / наемного труда и капитала, фетишизм, эксплуатация*
«Капитал» К. Маркса 51, 283, 302
«Капитал XXI века» 8
выведение возможности и необходимости основных идей mainstream'a из логики «Капитала» 302–304
как наиболее востребованное экономическое сочинение в период Мирового финансового и экономического кризиса 2008 г. 427–428
идея «царства свободы» 89
объяснение капиталистической эксплуатации 308–317
трудовая теория стоимости 293–295, 297
теория заработной платы 296–297
капитализм
периферийный 652, 692, 697, 699, 708, 715, 731, 733
см. также: *периферия*
полупериферийный 9, 692, 694, 695, 697, 710, 715, 733, 734, 736, 737, 738, 739
см. также: *периферия / полупериферия*

поздний
этапы его эволюции 52–53
империализм как стадия позднего капитализма – см.
империализм
модели позднего капитализма
неолиберальная (североамериканская) 19, 22, 47, 48, 49, 160,
186, 268, 321, 322, 403, 432, 448, 458, 459, 500, 501, 543, 564, 605,
614, 625, 635, 638, 658, 682, 690, 693, 707, 738, 747, 767, 777
социал-демократическая (социал-реформистская,
скандинавская, шведская) 21, 38, 43, 46, 48, 63, 71, 238, 339,
464, 530, 554, 624, 693, 743
превратный сектор в условиях позднего капитализма –
см. *беспольный (превратный) сектор*
«высоких технологий» 743
«кооперативный» («контрактный», «партнерский») 583
«блатной капитализм» (*crony capitalism*) 153, 163
переход от мутантного социализма к мутантному капитализму –
см. *мутантный социализм*
глобальный капитализм как подрыв общечеловеческих
достижений буржуазной системы 628–633
см. также: *посткапиталистическое общество, рынок,*
рыночная экономика, «царство необходимости»
«Капитализм юрского периода» 574, 660–759
«по ту сторону» капитализма юрского периода 738–762
капиталистическая система производственных отношений –
см. *системы / производственных отношений*
капиталистический способ производства – см. *способ*
производства
капиталист (-ы) 28, 171, 240, 296, 302, 311, 313, 314, 315, 322, 323,
330, 337, 342, 350, 371, 391, 443, 466, 495, 505, 559, 601.
см. также: *буржуазия*
качественные изменения – см. *изменения*
кейнсианство 431, 433
посткейнсианство 432, 434
кланово-корпоративные структуры 377, 574, 577, 713–715, 717, 721
их структура 718
класс наемных работников (наемных рабочих) – см. *закон-*
тенденция / относительного обнищания пролетариата
(наемных работников), наемные работники, пролетариат
классовая борьба – см. *социально-классовая борьба*
«клеточка» – см. *абстракция / исходная*
клиент (-ы)
корпораций («периферия», «мухи») 142, 154, 158–160
см. также: *потребитель*

коллективные предприятия 354, 368, 387, 475, 477
см. также: *кооперативы*

колониализм 20, 32, 36, 45, 393, 553, 579, 617, 634, 657, 780
борьба с ним 21, 46, 58, 618, 634, 658, 778, 788
неоколониализм 45, 50, 53, 264, 553, 630, 639, 651
см. также: *биполярное развитие и де[ре]колонизация*

коммунизм 87, 91, 99, 21, 338, 339, 349, 520, 576, 593, 595, 769
коммунистические партии 492, 517–518, 711, 765, 772, 774
см. также: *посткапиталистическое общество, социализм, «царство свободы»*

компьютеризация – см. *информатизация*

конвейер (конвейерное производство, конвейерные технологии)
23, 26, 35, 56, 57, 67, 102, 109, 133, 316, 375, 529, 710

конкретно-всеобщее – см. *всеобщее / конкретно-всеобщее*

конкретный историзм – см. *историческое и логическое*

конкуренция 6, 39, 44, 47, 143, 167, 204, 207, 221, 232, 241, 245, 297,
298, 299, 301, 302, 373, 406, 435, 470, 485, 496, 507, 509, 514, 518,
530, 533, 534, 540, 549, 556, 581, 583, 605, 630, 703, 736
совершенная (свободная) 17, 27, 32, 33, 34, 36, 51, 151, 152, 162,
170, 174, 233, 273, 431, 437, 619, 625, 626, 635, 657, 707
несовершенная 19, 27, 33, 34, 52–53, 142, 145, 147, 157, 161, 163, 233,
580, 602, 629, 700, 702

контрреволюция 691
см. также: *нелинейность (развития, трансформаций),
реверсивное движение*

контрреформы – см. *нелинейность (развития, трансформаций),
реверсивное движение*

конформизм 482, 585, 599, 647
конформист 361, 402, 483, 590, 730
см. также: *омещанивание, отчуждение*

концентрация
капитала – см. *капитал*
производства 31, 702
и специализация 26, 35, 155, 218
см. также: *капитал / накопление капитала*

кооперативы 73, 79, 171, 315, 475, 785, 504, 510, 766, 787
см. также: *коллективные предприятия*

кооперация 26, 36, 92, 97, 150, 152, 156, 161, 218, 314, 352, 365, 378,
379, 380, 381, 493, 500, 503, 519, 525, 526, 528, 529, 537, 540, 552,
553, 559, 572, 579, 756, 766, 775, 779, 788
простая 14
кооперация и борьба корпоративных сетей
на тотальном рынке (на «рынке пауков») 161–170

координация 27, 141, 202, 232, 250, 286, 389, 451, 554, 555, 646, 656,
686, 687, 697, 700, 729
специфика способа координации в постсоветской России 700–707
копилефт (copyleft) 78, 151
корпорации
их «центр» («пауки») 152–154, 255, 561, 562
их «периферия» («мухи») 154
каналы корпоративного манипулирования
(«поля зависимости» – «паутины») –
см. *поле зависимости («паутина»)*
кооперация и борьба корпоративных сетей («рынок пауков»)
161–171
см. также: *капитал / корпоративный,*
транснациональные корпорации (ТНК)
краудсорсинг (crowdsourcing) 78
краудфандинг (crowdfunding) 78
креативная деятельность 9, 50, 326, 335, 337, 356, 376, 471, 609, 744
ее развитие 357, 366, 473, 744
ее субъект: контрапункты формального подчинения капиталу
353–357
парадоксы реального подчинения
капиталу творческой деятельности 362–367
и капиталистическое отчуждение 378–384
см. также: *креатосфера, творческая деятельность,*
хомо креатор
креативный класс 75, 325, 366, 469
и «общество профессионалов 91–117
см. также: *хомо креатор*
креатор – см. *хомо креатор, человек / креатор*
креатосфера
ее генезис 89–132
ее «производство» 132–140
и рынок: взгляд сквозь призму экономикс 205–217
и проблемы нестоимостной редукции труда 222–226
противоположность товарного производства и креатосферы
232–246
капитал, его гегемония и пределы в мире креатосферы 352–378
прогресс креатосферы vs. экспансия превратного сектора 415–419
и измерения в структуре общественного воспроизводства 419–426
мера про[ре]гресса креатосферы и превратного сектора
в основных отраслях общественного воспроизводства
позднего капитализма (теоретическая модель) 422–423
ориентировочные параметры приоритетного развития
креатосферы (доля в ВВП) 753–754

см. также: *со-творчество, творческая деятельность, «царство свободы», хомо креатор*
критерий прогресса – см. *прогресс*
критический марксизм – см. *марксизм*
культура
 подлинная 57, 214, 345
 советская 95
 феномены культуры 93, 97, 120–123, 212, 229, 338, 350, 362, 383
 мир культуры 85, 89, 97, 99, 100, 105, 109, 121, 124, 137, 210, 211, 228, 335, 349, 360, 382, 385, 410, 490, 491, 598, 604
 эксплуатация homo creator'a и мира культуры глобальным капиталом (присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения прибавочной стоимости) 331–352
 политико-идеологическая гегемония и манипулирование vs. демократия и культура 585–611
 массовая культура как ее превратная форма – см. *массовая культура*
 идейное манипулирование и массовая культура 606–611
 культурная революция – см. *революция*
 см. также: *креатосфера, культурные ценности, опредмечивание, разотчуждение, распредмечивание, творческая деятельность*
культурные ценности 85, 86, 89, 96, 97, 98, 102, 116, 199, 206, 209, 212, 215, 223, 241, 332, 337, 347, 351, 361, 386, 491, 503, 607, 623, 659, 776
смена доминанты: от материальных ресурсов и потребностей к культурным ценностям 117–132

левые
 партии (организации) 38, 638, 764, 773, 783
 постмодернисты 796
 см. также: *альтерглобализм, коммунизм / коммунистические партии, социализм / социалистические партии, социальные движения*
либерализм 7, 20, 47, 75, 170, 221, 240, 326, 518, 604, 636, 658
 см. также: *неолиберализм, неолиберальная модель [этап] позднего капитализма*
личная (неэкономическая) зависимость 28, 92, 100, 163, 313, 508, 528, 687, 695
 см. также: *вещная зависимость, зависимость, отчуждение*
личность
 социально-творческая (прогрессор) – см. *прогрессор*
 личность и свободное время как объекты гегемонии глобального капитала 357–362

подчинение капиталу личностных качеств человека –
см. *отчуждение*
см. также: *освобождение, прогресс / его критерии,*
хомо экономикус, человек, человеческие качества,
экономический человек

логическое – см. *историческое и логическое*

люмпены 472, 477, 478, 479, 484, 485, 498, 740, 757
см. также: *прекариат*

макроэкономика 36, 39, 215, 221, 427, 561, 565, 577, 661, 678

манипулирование 53, 178, 399, 598, 603, 793
масс-медийное 210
корпоративное – см. *поле зависимости («паутина»)*

мануфактура 16, 315, 373, 473, 505, 690

маржинализм 278, 292

маркетинг
как область изучения превратных форм позднего капитализма
578–581

марксизм 33, 35, 117–118, 121, 144, 145, 209, 147, 148, 187, 193, 217, 218,
277, 290, 292, 295, 298, 311, 314, 346, 410, 428, 434, 441, 454, 461,
466, 470, 471, 472, 516, 519, 537, 539, 612, 648, 691, 701
аналитический 291
западный 72, 91
классический 228, 278, 297, 308, 331, 480, 496, 604, 687
критический 44, 94, 200, 289, 616
постсоветская школа критического марксизма 319, 597, 616
творческий 81, 90, 95, 218, 439
«цаголовская» школа (университетская школа, школа
Н. А. Цаголова) 40, 143, 337, 407, 688, 689, 710
и мир-системный анализ 614
марксистский анализ пределов рынка 217–232
марксистская теория государства и программы выхода
из кризиса 453–460
марксистская теория эксплуатации 308–317
применение марксистской теории государства
для исследования проблем демократии, капитализма
и социализма 585–596
см. также: *политическая экономия, диалектика,*
диалектический метод, метод восхождения
от абстрактного к конкретному

массовая культура (масс-культура) 85, 109, 110, 111, 114, 212, 213,
242, 245, 366, 402, 406, 416, 417, 419, 485, 560, 563, 599, 600, 617,
636–637, 643–644, 648–649, 654, 655
как превратная форма культуры 129–131, 274

и воспроизводство духовной гегемонии капитала
(идейное манипулирование и массовая культура) 606–611
см. также: *духовное производство, манипулирование /
масс-медийное*

масс-медийное манипулирование – см. *манипулирование*

математическое моделирование 292, 390, 516, 579, 580

материализм – см. *исторический материализм*

материальное производство 16, 24, 35, 49, 56, 81–83, 86–88, 91, 103,
109, 117, 120, 134, 151, 212, 224, 417, 500, 554, 609, 610, 643–644,
656, 749

материальное производство, креатосфера
и бесполезный сектор в экономике XXI века 419–426

противоречия материального производства и рост превратного
сектора как первопричины мирового финансового
и экономического кризиса 441–449
см. также: *переход «по ту сторону» материального производства*

медицина 136, 151, 322, 743, 753

менеджеры
топ-менеджеры 156, 159, 332, 600, 702, 710, 719
разница в уровне доходов в сравнении с рабочими 401, 709, 710
см. также: *профессионалы, управляющие*

меновая стоимость – см. *стоимость*

«мертвый» (овещенный) труд – см. *труд*

метод восхождения от абстрактного к конкретному 13, 277, 284,
286, 287, 293, 295, 303, 319, 333, 371, 415, 435
применительно к «закатному» периоду развития социально-
экономических систем 6, 8

уровни восхождения от абстрактного к конкретному
в исследовании развития капиталистической эксплуатации
308–317
см. также: *абстракция, всеобщее, диалектика, диалектический
метод (подход), историческое и логическое, историко-
генетический подход, конкретное, конкретный историзм,
снятие*

микроэкономика 206, 299, 578

миниатюризация 73, 218, 373

«Мир – не товар!» («World is not for sale!»)
как лозунг анти-гегемонистского движения 173, 199, 531, 776, 786

«Мировая социалистическая система» («Мировая система
социализма») 30, 37, 41, 45, 50, 57, 137, 221, 240, 323, 376, 394, 611,
617, 620, 629, 632, 634, 650, 654, 690

мировой финансовый и экономический кризис
виртуальный фиктивный финансовый капитал: гипер-
реализованные угрозы кризиса и дерегулирования 263–272

некоторые факты и варианты их объяснения 428–435
его глубинные предпосылки 435–437
деньги и абстрактная возможность кризисов при капитализме:
финансовый кризис как относительно самостоятельное явление 437–441
противоречия материального производства и рост превратного сектора как первопричины кризиса 441–449
финансализация как мультипликатор кризиса 449–453
марксистская теория государства и программы выхода из кризиса 453–461
см. также: *антикризисное регулирование, экономические кризисы*
мировые войны – см. *войны*
мир-системный подход (мир-системный анализ) 614
см. также: *глобализация, развитие / догоняющее, «центр» и «периферия»*
монетаризм 7, 258, 266, 267, 300, 452, 457, 458
монополия 17, 31, 33, 144, 158, 162, 247, 250, 560, 581, 582, 601, 612, 620, 629, 6499, 702
см. также: *олигополия*
мутантный социализм (мутантно-социалистические отношения) 46, 141, 202, 221, 238, 362, 581, 616, 617, 635, 658, 681, 692, 697
см. также: *«реальный социализм», социализм*
мутации – см. *мутантный социализм, «реальный социализм»*

надстройка – см. *базис и надстройка*
наемные работники 14, 28–29, 269, 296, 304, 308, 310, 315, 321, 325, 332, 333, 337, 340, 341, 344, 352, 355, 369, 371, 372, 373, 383, 394, 395, 398, 454, 455, 459, 463, 466, 467, 471, 473, 478, 481, 489, 492, 509, 510, 523, 534, 539, 556, 558, 559, 564, 584, 586, 593, 607, 656, 687, 717, 736, 775, 791, 792
переход от наемного рабочего и прибавочной стоимости к homo creator'у и интеллектуальной ренте 308–317
см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания пролетариата (наемных работников), пролетариат, эксплуатация*
наемный труд – см. *труд*
накопление капитала – см. *капитал*
см. также: *закон капиталистического накопления*
налоги 720, 754, 756
налог тобина (налог на финансовые спекуляции) 620, 766
прогрессивный подоходный налог 322, 397, 464, 520, 592, 711, 736, 757, 786
уход от уплаты налогов 153, 562–563, 710, 716, 718
налогоплательщики 349, 394, 395, 456

см. также: *социальная справедливость*
насилие 22, 141, 146, 165, 232, 371, 379, 401, 462, 528, 576, 611, 612, 627, 635, 636, 638, 653, 706
его роль в процессе генезиса капитализма 15
его роль в условиях позднего капитализма 402–403
прямое 160, 161, 2027 401, 406, 582, 631, 704, 794
легитимное 160, 622
от мировых войн к пандемии насилия 394, 615–624
аппарат насилия (институты насилия) 143, 160, 572, 604, 607
«рента насилия» 708
натуральное хозяйство 27, 202, 279, 301, 305, 462, 465, 519, 687, 706, 707
наука 16, 19, 39, 47, 67, 108, 116, 121, 123, 128, 136, 137, 148, 207, 208, 210, 212, 214, 216, 235, 237, 243, 274, 335, 338, 349, 355, 360, 363, 364, 367, 376, 418, 419, 420, 510, 527, 528, 580, 598, 606, 608, 611, 634, 635, 673, 675, 680–681, 682, 696, 728, 730, 732, 733, 741, 746, 748, 749, 753, 757, 758, 786
ее превращение в непосредственную производительную силу 57, 316
фундаментальная 38, 214, 234, 235, 349, 350, 367, 412, 421, 681, 696
«Наука логики» (Г.В.Ф. Гегель) 12, 90
научно-технический прогресс (НТП) – см. *прогресс*
национализация – см. *собственность*
нелинейность (развития, трансформаций) 8, 27, 55, 67, 150, 199, 203, 235, 240, 264, 331, 399, 465, 588, 623, 668, 690
неоклассика (неоклассическая экономическая теория) 33, 40, 145, 175, 183, 190, 194, 200, 207, 208, 305, 327
творческая деятельность и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики 327–331
см. также: *основное течение (mainstream), экономикс (economics), экономическая теория, экономический империализм*
неоколониализм – см. *колониализм*
неолиберализм 7, 22, 23–30, 51, 63, 75, 211, 221, 326, 596, 620, 628, 636, 637, 638, 658
см. также: *либерализм*
неолиберальная модель [этап] позднего капитализма – см. *капитализм / модели позднего капитализма*
неоприватизация 170, 353, 561, 629
«ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка 171–174
см. также: *приватизация*
неправительственные организации (НПО) – см. *активность социальных движений и НПО*
неравенство 29, 42, 48, 62–63, 68–69, 80, 173, 250, 301, 403, 546, 589, 597, 632, 668, 679, 731, 779

см. также: *социальная дифференциация, социальная справедливость*
нерыночные формы общественной жизни 33, 40, 169, 193, 201, 223, 224, 579, 582, 693, 700, 704
см. также: *посткапиталистическое общество, пострыночные отношения, постэкономическое общество*
неэкономические средства и методы гегемонии капитала –
см. *глобальная гегемония капитала*
новые социальные движения (НСД) см: *активность социальных движений и НПО, альтерглобализм*
номенклатура
понятие 476–477
глобального капитала (корпоративного капитала, корпоративно-капиталистическая номенклатура) 29, 68, 158–160, 171, 186, 324, 371, 375, 468, 476, 477, 483, 484, 542, 571–572, 575, 585, 597, 599, 600–605, 621, 632, 647, 653, 708, 710, 713, 714, 723, 728–736, 772, 790
бюрократическая (государственная, партийная) 422, 468, 469, 600, 636, 708, 710, 719, 721
ноосфера 70, 76, 132, 643, 647, 658
ноосферный тип воспроизводства (развития) 642, 752, 758
ноу-хау (know how) 151, 232, 328, 361, 365, 386, 420, 618, 620, 624, 629
обеспечение доступа к культурным ценностям –
см. *культурные ценности*
обнищание пролетариата (наемных работников) 48, 59, 321, 403, 757
обобществление производства 26, 32, 34, 51, 52, 57, 142, 143, 149, 151, 155, 167, 172, 201, 205, 223, 268, 270, 470, 471, 472, 493, 551, 552, 581, 583, 616, 656, 657, 656, 688, 689, 705
понимание его в марксизме 35–37
формальное и реальное 201
марксистский анализ пределов рынка: обобществление и границы обособленности производителей 217–222
обособление 222, 241, 525
обособленность производителей 8, 13, 14, 26, 33, 34, 40, 45, 53, 148, 151–152, 157, 167, 168, 170, 194, 201, 227, 243, 244, 271, 279–284, 285–286, 288, 289, 301, 305, 314, 336, 435–436, 647, 702, 704
обобществление и границы обособленности производителей 217–222
свобода как снятие обособленности производителей и их подчинения рынку 201–205
см. также: *труд / частный*
образование 23, 38, 39, 67–69, 106, 116, 214, 355, 360, 363, 367, 379, 395, 401, 410, 421, 460, 470, 480, 502, 510, 606, 651, 740, 749

см. также: *воспитание*, «*образование для всех*», *обучение*
«*образование для всех*» 470
обучение – см. *воспитание / и обучение*
общественное (-ая, -ый)
богатство – см. *богатство*
разделение труда 6, 34, 56, 81, 83, 87, 88, 92, 97, 109, 110, 133, 148,
149, 150, 151, 201, 218, 227, 238, 243, 244, 278, 279, 281, 282, 283,
284, 289, 305, 315, 377, 388, 435, 462, 467, 490, 518, 551, 552, 688
новая сетевая модель разделения труда 305
его снятие 148, 227
«*закат*» эпохи разделения труда 597
человек (человек общественный) – см. *человек*
общественно-экономическая формация – см. *экономическая*
общественная формация
см. также: *пострыночные отношения*
общество
знаний (основанное на знаниях) – см. *знания*
информационное – см. *информационное общество*
индустриальное – см. *индустриальное общество*
постиндустриальное – см. *постиндустриальное общество*
посткапиталистическое –
см. *посткапиталистическое общество*
постэкономическое – см. *постэкономическое общество*
«*потребления*» – см. *потребление*
«*пресыщения*» 177, 744
«*профессионалов*» – см. *профессионалы*
сетевое 74, 136, 774, 777
услуг 64, 71, 73, 132–138
«*двух третей*» 323, 375, 474, 649, 782
«*одной трети*» 474, 649
община 305, 498, 528, 529
овещнение 82, 84, 126, 212, 688
см. также: *вещи*, *вещная зависимость*, *орыночничество*,
отчуждение, «*очастничество*», *труд / овещненный*, *фетишизм*
олигархии (-я) 17, 29, 31, 171, 427, 498, 692, 723, 731, 735, 739, 792
см. также: *номенклатура*
олигополия 33, 144, 145, 165, 578, 579, 624, 701, 702, 704
омещанивание 169, 170, 402, 406, 647
опережающее развитие – см. *развитие*
опредмечивание 85, 86, 93, 97, 105, 126, 208, 215, 224, 232, 338, 382,
425, 503
см. также: *распредмечивание*
органическое строение капитала – см. *капитал / его строение*
орыночничество 166

см. также: «*участивание*»
освобождение 363, 472, 488, 604, 606, 607, 617, 782, 785
социальное 191, 348, 481, 496, 761, 778, 491, 792, 796
труда – см. *труд*
см. также: *ассоцированное социальное творчество, свобода, социальное творчество, социально-классовая борьба, эксплуатация / борьба за освобождение от нее*
основное производственное отношение –
см. *производственные отношения*
основное течение (mainstream) 117, 206, 281, 299, 427, 509, 638
выведение возможности и необходимости основных идей mainstream'a из логики «капитала» 302–304
см. также: *неоклассика (неоклассическая экономическая теория), экономикс, экономическая теория, экономический империализм*
открытое программное обеспечение (open source) 78, 230
относительная прибавочная стоимость –
см. *прибавочная стоимость*
отношения
наемного труда и капитала – см. *подчинение труда капиталу присвоения/отчуждения* – см. *отчуждение / экономическое (отношения присвоения/отчуждения)*
работника и собственника средств производства –
см. *основное производственное отношение*
см. также: *производственные отношения, способ производства*
отрицание диалектическое – см. *диалектический метод (подход) «оттепель» в СССР (хрущевская оттепель)* 45, 58, 606, 658, 669, 743
отчуждение
понятие 83
его снятие (преодоление) 331, 338, 377, 387, 472, 530
см. также: *освобождение, разотчуждение*
и творческая деятельность
творческая деятельность vs. капиталистическое отчуждение 378–384
противоречие отчуждения и социального творчества:
социальные акторы 482–495
см. также: *актор (-ы) экономики*
самоотчуждение человека 83
см. также: *конформизм, омещанивание*
экономическое (отношения присвоения/отчуждения) 686, 687, 708
особенности отношений отчуждения/присвоения в постсоветской России 707–722

см. также: *вещизм, вещная зависимость, глобальная гегемония капитала, овещнение, рыночничество, очастнивание, подчинение труда капиталу, превратные формы, фетишизм, «царство необходимости»*
«очастнивание» 172, 322, 373, 653

см. также: *овещнение, рыночничество, отчуждение*

патернализм 377, 709, 711, 717, 720, 730, 731, 732

первоначальное накопление капитала – см. *капитал*

переменный капитал – см. *капитал*

перенакопление капитала – см. *капитал*

перепотребление 129, 474, 787

паразитическое 643

симулятивное 636

перераспределение

прибавочной стоимости (прибыли) 29, 39, 44, 321, 324, 326, 442

дохода (-ов) 29, 397, 405, 464

ресурсов 59, 446, 705

ВВП – см. *валовой внутренний продукт / и нерыночное*

перераспределение ресурсов государством (доля в ВВП)

см. также: *распределение*

переход «по ту сторону» материального производства

«по ту сторону собственно материального производства»:

некоторые эмпирические черты процесса

и подходы к их систематизации 56–69

генезис креатосферы: изменения производительных сил

накануне скачка «по ту сторону материального

производства» 89–140

см. также: *переход от «царства необходимости»*

к «царству свободы»

переход от формального к реальному подчинению труда

капиталу 15

см. также: *вещная зависимость, капитал, подчинение труда*

капиталу

переход от «царства необходимости» к «царству свободы» 90, 101,

129, 211, 226, 227, 232, 386, 635, 642, 658

см. также: *«царство необходимости», «царство свободы»*

переходные отношения и формы 18, 33, 34, 41, 43, 276, 351, 358,

360, 367, 519, 521, 657, 658, 689, 697

периферия 66, 133, 156, 311, 401, 459, 473, 612

полупериферия 156, 311, 459, 473, 614, 693, 711

см. также: *беднейшие страны, глобализация, капитализм /*

периферийный, полупериферийный, мир-системный подход,

«север» и «юг», страны «второго» и «третьего» мира,
«центр» и «периферия»

персонафикация 135, 259, 329, 336, 375, 475, 477, 482, 518, 532, 533,
600, 728

плюрализм 635, 764, 783, 796

подлинное
искусство – см. *искусство*

подчинение труда капиталу 16, 50, 51, 92, 321, 369, 374, 375, 382,
506, 508, 509, 575, 648, 722;
его современные формы 52, 159, 308, 322, 331, 333, 341
реальное 15, 16, 315, 316, 317, 357, 374, 378, 379, 385, 644, 645, 711
его сущность 316
формальное 16, 17, 315, 341, 354, 358, 380, 711
формальное и реальное 313, 320, 374, 378, 709, 715, 733
его современные формы 52, 159, 308
контрапункты формального подчинения капиталу субъекта
креативной деятельности 353–357
противоречия трансформаций реального подчинения труда
капиталу в мире креатосферы: личность и свободное время
как объекты гегемонии 357–362
парадоксы реального подчинения
капиталу творческой деятельности 362–367
см. также: *переход от формального к реальному подчинению
труда капиталу*

подчинение человека капиталу в мире креатосферы – см. *человек
поздний капитализм* – см. *капитализм*

позитивизм 18, 112, 290, 433, 516, 550, 578, 663
см. также: *постмодернизм, прагматизм,
экономический империализм*

поле зависимости («паутина», виртуальная фиктивная сеть) 174,
175, 274, 307, 562, 573, 575, 579, 581
каналы корпоративного манипулирования («поля зависимости»
– «паутины») 154–161
тоталитарный рынок: сети и их хозяева («рынок пауков
и паутин») 142–154, 174
рынок «пауков» (кооперация и борьба корпоративных сетей)
161–170
виртуальные деньги как особая (финансовая) суперсеть
(«паутина паутин») 255, 257
см. также: *гибкость*

политическая экономия (политэкономия) 8, 14, 20, 32, 33, 36, 39,
40, 42, 91, 107, 117, 128, 140, 146, 155, 157, 165, 177, 180, 187, 190,
191, 194, 195, 267, 272, 276, 290, 299, 309, 314, 317, 318, 415, 427,
434, 596, 664, 740, 749

товара-симулякра 187–196
глобализации 9, 543–584
см. также: *марксизм, трудовая теория стоимости*
постиндустриальное (-ая, -ый)
общество 69, 132, 380, 468, 630, 741, 753
см. также: *генезис / постиндустриального общества*
экономика 150, 496, 507, 531
тенденции 55, 115
технологии – см. *технологии*
технологический уклад – см. *технологические уклады*
посткапиталистическое (-ие)
общество 172, 567, 693
отношения 7, 38, 322, 393, 396, 397, 409, 687, 690, 739, 795
эмпирические проявления генезиса посткапиталистических
отношений 530–538
феномены, скрытые за понятием «социальный капитал»:
генезис нового класса отношений,
переходных к посткапиталистическим 525–530
см. также: *«социальный» капитал*
см. также: *пострыночные отношения,*
постэкономическое общество
постмодернизм 77, 144, 176, 177, 179, 180, 183, 187, 188, 91, 194, 195,
197, 198, 451, 478, 482, 537, 607, 637, 638, 663, 7427, 796
см. также: *«большие нарративы», деконструкция,*
детерриализация, децентрация
постоянный капитал – см. *капитал*
пострыночные отношения 17, 33, 158, 202, 203, 204, 217, 218, 224,
230, 237–239, 511, 520, 522, 524, 534, 535, 681
см. также: *посткапиталистическое общество,*
постэкономическое общество
постсоветская (-ое, -ие)
школа критического марксизма – см. *марксизм*
социумы 177
трансформации 733
пространство 165, 686, 791
постэкономическое общество 87, 90, 184, 206, 222
научные школы, его исследующие 70–80
см. также: *знания / общество знаний,*
информационное общество, постиндустриальное общество,
посткапиталистическое общество,
пострыночные отношения, «царство свободы»
потребитель 66, 103, 125, 143, 144, 148, 151, 161, 183, 194, 202, 213,
372, 389, 413, 559, 584, 646, 665, 669, 688, 703
информационных благ 120

см. также: *клиент, производитель / способ связи производителей и потребителей*

потребительная стоимость 8, 13, 223, 280, 283, 286, 288, 292, 294, 309, 333, 609

товара-симулякра 179–191

см. также: *стоимость*

потребление

«общество потребления» 46, 175, 180, 185, 359, 474, 489, 608, 619, 646, 649–650, 654–655, 710, 731

перепотребление (пресыщение) 180, 479

«общество пресыщения» 177, 744

нерыночное – см. *пострыночные отношения*

потребности

симулятивные 157, 186, 188, 190–191, 194, 195, 196, 360, 636, 637

утилитарные 82, 83, 91, 102, 110, 111, 118, 123, 125, 227, 423, 599, 646, 753

фиктивные 319

прагматизм 67, 29, 466

см. также: *позитивизм, экономический империализм*

превратные (превращенные) формы

понятие 36, 84–85

рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма 196–200

превратные формы «долговой экономики» 260–263

методология исследования превратных форм в фетишизированном мире 291–302

интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства 346–352

есопотіс, маркетинг, менеджмент и финансах как областях изучения превратных форм позднего капитализма 578–581

см. также: *беспольный (превратный) сектор, видимость, массовая культура / как превратная форма культуры, фетишизм*

превратный сектор – см. *беспольный (превратный) сектор*

предельная польность 243–244, 277, 280, 281, 291, 304, 305

см. также: *неоклассика, теория / предельной польности, экономикс*

предыстория 49, 50, 81, 119, 490, 597, 604

см. также: *«царство необходимости»*

прекариат 459, 477–479, 536, 740

понятие 376

см. также: *люмпены*

прехождение 7, 690

см. также: *генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем, развитие*

прибавочная стоимость 9, 15, 53, 250, 269, 271, 372, 409, 414, 442, 444, 463, 471, 474

абсолютная 15, 709

относительная 15

добавочная (избыточная) 367

в «Капитале» К. Маркса 260, 262–263, 268, 294–296, 324

переход от наемного рабочего и прибавочной стоимости к homo creator'у и интеллектуальной ренте 308–317

особенности ее присвоения в условиях эксплуатации XXI века 317–327

присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения прибавочной стоимости 331–352

см. также: *прибыль, стоимость, трудовая теория стоимости, эксплуатация*

прибавочный продукт 310, 323–324, 387, 408, 463, 518–519

прибавочный труд – см. *труд*

прибыль 29, 50, 58, III, 128, 143, 165, 268, 481, 523, 590

монополистическая 9, 17, 155, 317–326, 632

средняя 296, 442–444, 449

виртуальная 265

ее максимизация 199, 210, 302, 409

ее перераспределение 29, 38, 44, 185, 409, 716, 756

ее присвоение 319, 320, 324, 329, 409, 716

норма прибыли 155, 185, 190, 250, 302, 328, 404, 441–444, 449, 734

прибыль без производства (превратные формы «долговой» экономики) 260–263

в «Капитале» К. Маркса 295–296, 302, 450, 507

см. также: *прибавочная стоимость*

приватизация 78, 160, 162, 172, 257–258, 271, 323–325, 371, 401, 500, 509, 511, 571, 575, 625, 653, 686, 712–714, 719, 722, 770, 772

деприватизация 758

см. также: *неоприватизация, «очастнивание»*

природа (природные ресурсы) 16, 24, 56, 83, 92, 93, 95, 97, 101–102, 104, 118, 119, 122, 124, 125, 129, 131–134, 204, 206, 316, 342, 347, 351, 388, 401, 408, 411, 423, 426, 517, 542, 587, 619, 624, 632, 682, 708, 724, 752, 755

см. также: *биогеосфера, капитал / «природный», рекреация / природы, человек, общество и природа, экология*

присвоение 9, 29, 173, 270, 294, 301, 308, 309, 310, 324, 326, 331, 381, 382, 384, 387, 397, 402, 409, 463, 505, 530, 554, 686, 689, 705, 710, 729

присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения прибавочной стоимости 331–352

особенности отношений отчуждения / присвоения
в постсоветской России 707–722
см. также: *отчуждение / экономическое (отношения
присвоения/отчуждения), эксплуатация*

провалы государства 536–537, 755
провалы рынка 40, 145, 211, 274, 503, 507, 536–537
см. также: *регулирование экономики*

прогресс
креатосферы – см. *креатосфера*
человеческих качеств – см. *человеческие качества*
научно-технический (НТП) 25, 40, 45, 46, 47, 55, 70, 74, 149, 631, 658
см. также: *революция / научно-техническая*
технологический – см. *изменения / технологические*
его критерий 38, 183, 188, 344, 409, 419, 519–520, 637–638
его нелинейность – см. *нелинейность (развития,
трансформаций)*
см. также: *развитие, технологические (-ое) / уклады, развитие,
эволюция*

прогрессивный подоходный налог – см. *налоги*
«прогрессор» 117, 758
см. также: *субъект / социально-творческий*

производитель (-и)
обособленность производителей – см. *обособленность*
способ связи производителей и потребителей –
см. *координация*
ассоциированные производители 689

производительность труда – см. *труд*

производительные силы 9, 22, 23, 26, 58, 66, 200, 314, 315, 319, 466,
506, 550, 686, 693, 694
их изменения накануне скачка «по ту сторону материального
производства» 89–140
их глобализация 551–554, 641, 646, 647
единство производительных сил и производственных
отношений 694, 728, 735
их прогресс (развитие) 14, 58, 59, 185, 188, 190–191, 195, 307, 312,
317, 384, 413, 419, 448, 548, 658, 751
см. также: *производственные отношения, способ производства,
человек*

производственные отношения
основное 237, 407, 515, 529, 556, 690, 707
исходное 34, 688
их глобализация 554–567
особенности системы производственных отношений
в постсоветской экономике России 700–738

трансформации воспроизводства производственных
 отношений в эпоху «заката» капитализма
 и «царства необходимости» 390–403
 см. также: *производительные силы, способ производства*
 производство
 духовное – см. *духовное производство*
 материальное – см. *материальное производство*
 нематериальное 745
 симулятивное 109
 см. также: *симулятивная (-ый, -ые) / реальность, товар, потребности*
 развитие «по ту сторону» материального производства –
 см. переход «по ту сторону» материального производства
 см. также: *воспроизводство, обобществление производства, переход «по ту сторону» материального производства, производительные силы, производственные отношения, товарное производство*
 пролетариат 16, 459, 461, 465, 471–472, 473, 483, 492, 580, 587, 632, 650, 741
 развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата 489
 и классовая борьба 353, 480
 не-класс постиндустриальных пролетариев (А. Горц) 472
 пролетарии как наемные рабы в условиях буржуазной демократии (В.И. Ленин) 587
 депролетаризация 465
 см. также: *закон-тенденция / относительного обнищания пролетариата (наемных работников), класс наемных работников, люмпены, наемные работники*
 Просвещение 301, 519
 см. также: *Возрождение, Ренессанс*
 противоречие (-я)
 диалектическое противоречие 309, 778
 глобализации – см. *глобализация*
 капитала и наемного труда – см. *капитал*
 стоимости и потребительной стоимости – см. *стоимость*
 товара – см. *товар*
 см. также: *диалектика, метод восхождения от абстрактного к конкретному*
 протоимперия 37, 58, 402, 556, 597, 605, 611, 618, 620–629, 675, 690, 693, 732, 773–775, 777, 785, 788
 как исторический тупик: возможные альтернативы 633–639
 см. также: *империализм, империя, глобальная гегемония капитала*

профессионалы 66, 107, 108, 110, 111, 112, 186, 205, 210, 275, 324, 328, 335, 344, 356, 362–364, 366, 369, 372, 375, 428, 439, 447, 458, 459, 467, 479, 480, 506, 637, 648, 743, 764

«общество профессионалов» 69, 91, 107, 109, 110, 111, 148, 237, 655
и креативный класс 91–117

см. также: *менеджеры, управляющие*

профсоюзы 28, 38, 43, 45, 48, 162, 170, 210, 238, 239, 210, 238, 239, 355, 397, 399, 459, 471, 481, 507, 517, 526, 534, 559, 563, 584, 624, 638, 709, 717, 719, 721, 736, 765–767, 771, 774, 787

см. также: *ассоциированное социальное творчество*

работник

наемный – см. *наемные работники*

его эксплуатация – см. *эксплуатация*

рабочий день 413, 709

борьба рабочих за его сокращение 311, 322

развитие

догоняющее 612, 614, 652, 736, 750, 751, 755

альтернативы ему 751–762

опережающее 739, 749, 750–751, 751–756

его субъект 756–759

саморазвитие 19, 81, 82, 87, 96, 99, 100, 225, 228, 3327, 385, 428

технологическое – см. *изменения / технологические*

устойчивое (sustainable development) 75, 76, 80, 131, 132, 682

критика концепции 131

креатосферы – см. *креатосфера*

производительных сил – см. *производительные силы*

человеческих качеств (человека, личности, личностных качеств) – см. *человеческие качества*

его нелинейность (неравномерность) – см. *нелинейность (развития, трансформаций)*

индекс человеческого развития (индекс развития

человеческого потенциала – ИРЧП) как его мера 520, 530, 669, 678, 749

см. также: *генезис, развитие и «закат» социально-экономических систем, «закат», прехождение, прогресс, трансформации, эволюция*

разделение труда – см. *общественное разделение труда*

разотчуждение 796

см. также: *социальное творчество*

распределение 13, 29, 39, 146, 151, 174, 207, 208, 227, 281, 410, 411, 412, 227, 281, 410, 411, 412, 519

дохода (-ов) 29, 250, 397, 451, 462, 474, 507, 520, 616, 686, 689, 731

ресурсов 202–203, 204, 217, 218, 232, 251, 602, 700

по труду 227, 387, 410, 413, 689
по потребностям 387, 410, 411, 412, 413
см. также: *аллокация ресурсов, перераспределение*
распредмечивание 9, 85, 86, 93, 105, 106, 109, 118, 120–126, 130, 207,
209, 215, 226, 229, 230, 232, 242, 335, 337, 338, 342, 351, 356, 360,
382, 411, 425, 492, 503
см. также: *диалог, опредмечивание, субъект / субъект-
субъектные отношения, труд / творческий*
рациональный экономический человек –
см. *экономический человек*
реальное подчинение труда капиталу – см. *подчинение труда
капиталу, переход от формального к реальному подчинению
труда капиталу*
«реальный социализм» 43, 191, 202, 239, 367, 635, 636, 664, 687, 712
см. также: «*мутантный социализм*», *социализм*
реверсивное движение 17, 137, 202, 208, 210, 356–357, 417, 459, 473,
615, 627, 636, 637, 691–699, 711, 734
см. также: *инволюция, регресс*
ревизионизм 690
революция
«знаний» 67, 69, 74, 91, 108, 111
«информационная» 25, 67, 100, 305
«компьютерная» 66, 127, 447
культурная 595, 750
научно-техническая 25, 41, 43, 51, 53, 70, 236
«образовательная» 67
«управляющих» – см. *управляющие*
«цветные революции» 762
«человеческая» 236, 240
сетевые революции 790–796
социалистическая 18, 21, 32, 37, 456, 488, 739, 778
революция 1917 года ([Великая] Октябрьская революция) 18, 21,
37, 301, 606, 616, 617, 778.
регресс 6, 18, 42, 160, 240, 481, 547, 549, 564, 615, 636–638, 644, 690,
696, 777, 785
диалектика регресса 691
см. также: *инволюция, реверсивное движение*
регулирование экономики
антимонопольное – см. *антимонопольное регулирование*
глобальное (наднациональное) 556, 562–563, 583, 635, 787
государственное – см. *государственное регулирование*
локальное (со стороны корпораций) 6, 7, 33, 143, 145, 156, 158,
450, 555, 557, 581, 701, 702, 703, 707, 728, 736
общественное 203, 656, 690

пострыночное 483
сознательное 33, 36, 203–205, 220–221, 238, 432, 454, 521, 647, 657,
745
дерегулирование 250, 259, 263, 428, 432, 424, 625
см. также: *капитал / виртуальный фиктивный капитал*
см. также: *социал-реформизм, провалы рынка*
реиндустриализация 55, 65, 78, 151, 376, 416, 675, 696, 742, 745–747, 750
различные трактовки термина 675, 746
неоиндустриализация 76, 747
см. также: *индустриализация*
реколонизация – см. *биполярное развитие и де[ре]колонизация*
рекреация
природы 104, 364, 752
общества (социальная рекреация, рекреация человека) 103,
104, 125, 128, 130
природы и общества 103, 114, 116, 136, 137, 210, 320, 326, 360, 364,
376, 420, 748, 753
см. также: *биогеосфера, природа, экология*
религия 83, 85, 300, 301, 462, 513, 523, 578
ренессанс 17, 95–96, 125, 180, 519
см. также: *возрождение, итальянские города-государства,*
просвещение
рента
интеллектуальная 9, 192, 367, 504, 630, 756,
и эксплуатация XXI века 308–331
ее присвоение как снятие присвоения прибавочной
стоимости 331–352
как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего
культурного богатства 346–352
природная 297, 347, 351, 395, 498, 689, 698, 708, 723, 734, 754, 756,
786
культурная (креатосферная) 348, 350, 367
внеэкономическое принуждение как источник особого вида
ренты («ренты насилия») 708
«инсайдерская рента» 710
репродуктивный труд – см. *труд*
реформы 22, 255, 281, 483, 485, 488, 563, 586, 667, 668, 669, 680,
681, 687, 688, 692, 702, 706, 707, 733, 735, 739, 751, 757, 792
см. также: *контрреформы*
Римский клуб 71–72, 129, 411, 640, 752
см. также: *глобальные проблемы*
ручной труд – см. *труд*
рынок
и креатосфера 205–217

«симулятивный» («фиктивный») рынок 183, 185, 244, 363
симулякр 174–200
тотальный 141–174
 см. также: *поле зависимости («паутина»), глобальная гегемония капитала*
«невидимая рука» рынка 164, 228, 457
марксистский анализ его пределов 217–232
 см. также: *пострыночные отношения*
его регулирование – см. регулирование экономики
см. также: провалы рынка, посткапиталистическое общество, товар, товарное производство
рыночная экономика 229, 232, 267, 282–285, 298, 301, 447, 519, 520, 574
 см. также: *капитализм, товарное производство*
«рыночноцентричная» экономическая теория –
 см. *экономическая теория*
 см. также: *неоклассическая экономическая теория, экономикс*
рыночный фундаментализм 142–143, 169, 170, 190, 245, 432, 510, 555, 603, 647, 745
 см. также: *рынок, «экономический империализм»*

саморазвитие – см. *развитие*
свобода 168, 173, 228, 281, 304, 387, 559, 584, 593–594, 595, 635, 701
 как снятие обособленности производителей и их подчинения рынку 201–205
 подчинение труда, свободного времени и человека глобальной гегемонии капитала 352–378
 «негативная» 386, 629
 «позитивная» 95, 594
 мера свободы деятельности homo creator'a 344
 см. также: *освобождение, «царство свободы»*
свободная (-ое)
 ассоциация – см. *ассоциированное социальное творчество*
 время – см. *время*
 конкуренция – см. *конкуренция*
 индивидуальность 330, 384
«Север» и «Юг» 553, 554
 противоречие «Север»-«Юг» 487–488
 см. также: *«Запад», «центр» и «периферия»*
сервис 23, 67, 112, 113, 376, 701, 709, 722
 см. также: *услуги*
сети
 тотальный рынок сетей 141–174
 см. также: *поле зависимости («паутина»), виртуальная фиктивная сеть*

транснациональная корпоративная сеть –
см. *транснациональные корпорации (ТНК)*
см. также: *активность социальных движений и НПО*

симулякр (-ы)
политическая экономия товара-симулякра 187–196
рынок симулякров 174–200
«удвоение» фетишизма вследствие развития мира симулякров
(рыночные симулякры как превратные формы товарного
фетишизма) 8, 196–199
см. также: *фетишизм*
см. также: *благо / симулятивное, знак (-и), превратные формы,
товар / симулякр*

симулятивная (-ый, -ое, -ые)
реальность (мир, бытие) 142, 175, 176, 178, 179, 186, 194, 360, 363,
364, 367, 417, 425, 609
благо – см. *благо*
потребности – см. *потребности*
производство 109
рынок – см. *рынок*
товар (s-товар) – см. *товар*
мера симулятивности товара (сегмента рынка) 181
деятельность по созданию симулятивной оболочки
(s-деятельность) 192

системное качество 67, 88, 98, 119, 508, 524, 641, 642
его снятие 89
капиталистического способа производства
(рыночной экономики) 6, 32, 201, 282
позднего капитализма 7, 12, 88, 543
альтерглобализма 784
глобализации 545, 567
транснациональной корпоративной сети 569, 572–573
см. также: *абстракция / исходная («клеточка»),
метод восхождения от абстрактного к конкретному,
системный подход*

системы
экономические (социально-экономические) –
см. *экономические системы*
производственных отношений
капиталистическая – см. *капитализм*

скандинавская модель – см. *капитализм /
модели позднего капитализма / социал-демократическая
(социал-реформистская, скандинавская, шведская)*

славянофильство 549
СМИ – см. *средства массовой информации*

СНЯТИЕ

- как понятие диалектики 89, 321, 338
- рынка 201, 202, 205, 217–232, 240
- отчуждения – см. *отчуждение*
- «царства необходимости» (предыстории) –
см. *«царство необходимости»*
- креатосфера: свобода как снятие обособленности
производителей и их подчинения рынку 201–217
- присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения
прибавочной стоимости 331–332
- частной собственности – см. *собственность*
- эксплуатации 337–340, 377
- частные примеры 148, 160, 161, 194, 201, 331, 354, 389, 472, 751
- собственность
 - акционерная 73, 716
 - всеобщая («собственность каждого на все») 348, 351, 387, 751
 - государственная 171, 454, 463–464, 711, 713, 714, 717, 747–748
 - интеллектуальная 9, 120, 126, 195, 241, 328, 331, 337, 338, 356, 508
 - коллективная 354–355, 520–521, 575, 714
 - см. также: *коллективные предприятия*
 - общественная 689
 - частная 34, 42, 47, 93, 109, 126, 127, 171, 173, 208, 232, 241, 242, 270,
279, 281, 282, 304, 325, 346–347, 349–352, 366, 383, 385, 386,
388, 463, 464, 503, 508, 510, 518, 532, 534, 574, 589–595, 607,
608, 609, 627, 629, 669, 686, 735, 738, 751, 755, 757, 786
 - противоречие в развитии частной собственности
и конкуренции в мире креатосферы 232–233, 241
 - диктатура новой частной собственности 172
- снятие частной собственности 382
- защита и распределение прав собственности 65, 152–153, 159,
171–172, 207, 213, 251, 330, 371, 379, 382, 399, 451, 463, 527, 555,
556, 569, 571, 575, 698, 712–713, 719, 754, 755
- ассоциирование собственности 521, 751, 735
- см. также: *коллективные предприятия, кооперативы*
- капитал-собственность 248, 330
- национализация 337, 339, 456, 457, 517, 687, 713, 786
- проблема соотношения демократии, рынка и частной
собственности 589–596
- особенности отношений отчуждения/присвоения
и отношений собственности в постсоветской России 707–722
- см. также: *отчуждение / экономическое (отношения
присвоения/отчуждения), приватизация, присвоение*

со-творчество 84–87, 90, 97, 99, 101, 106, 108–109, 118, 119, 120, 122, 126–128, 130, 132, 195, 215, 222, 228, 242, 337, 343, 379, 380, 382, 425–426, 490, 496, 529, 536, 606, 655
его субъект 96, 125, 338, 598
см. также: *диалог, креатосфера, распредемчивание, субъект / субъект-субъектные отношения*

социал-демократическая модель капитализма – см. *капитализм / модели позднего капитализма*

социал-демократы 38, 44, 48, 76, 78, 80, 162, 410, 454, 520, 582, 588, 710, 765

социал-реформизм – см. *капитализм / модели позднего капитализма*

социализация
капитала 456
экономики 52, 518
десоциализация 453
мера социализации рынка и капитала 43–44

социализм 32, 35, 48, 76, 105, 201, 217, 237, 264, 265, 323, 337, 338, 339, 432, 488, 515, 527, 616, 617, 634, 658, 688, 689, 769, 783
демократия, капитализм и социализм 585–596
см. также: «*мутантный социализм*», «*реальный социализм*»

социалистическая революция – см. *революция*

социальная дифференциация 29, 63, 170, 403, 432, 459, 550, 566, 667, 678–679, 699, 722, 726, 728, 729, 730, 731, 746
см. также: *неравенство*

социальная справедливость 43, 63, 210, 387, 404, 517, 589, 593, 632, 679, 733, 746, 752
и экономическая эффективность 405, 407, 408–410
см. также: *налоги / прогрессивный подоходный налог*

социально-классовая борьба (классовая борьба, борьба за социальное освобождение) 38, 46, 160, 310, 323, 353, 397, 404, 409, 458, 464, 480, 481, 485, 487, 488, 783, 784

социально-творческий субъект – см. *субъект*

социально-творческое преобразование (социально-преобразовательная деятельность) 94, 168, 169, 404, 477, 482–490, 492, 495, 517, 594, 599, 602, 711, 739, 740, 758–759, 791, 793–795
см. также: *освобождение / социальное*

социально-экономические системы – см. *экономические системы*

социальное освобождение – см. *освобождение*

социальное партнерство 159, 163, 410, 487, 509, 530, 533, 534, 592

социальное творчество (историческое творчество) 210, 238, 353, 355, 360, 386, 397, 404, 408, 420, 467, 496, 498, 529, 593, 595, 596, 601, 607, 647, 649, 658, 659, 781, 785, 791

противоречие отчуждения и социального творчества:
социальные акторы 482–494
см. также: *ассоциированное социальное творчество, освобождение, разотчуждение, социально-творческое преобразование, «царство свободы»*

социальные движения – см. *активность социальных движений и НПО, альтерглобализм*

социальные трансферты 29, 38, 39, 264, 396, 397, 454, 481, 536, 538, 712

«социальный» капитал 47, 50, 75, 309, 495, 609, 755

посткапиталистические социально-экономические отношения или «социальный капитал» к критике теории «социального» капитала) 511–540

«социальный анти-капитал» 538

см. также: *«человеческий» капитал*

«способ координации» – см. *координация*

способ производства

буржуазный 14, 102, 125, 377, 475, 534, 553, 586

добуржуазный (-ые) 202, 232, 309, 381, 687, 692, 696, 700, 704–708, 714, 717, 733, 739

азиатский 687

капиталистический –

см. *экономическая общественная формация*

феодальный 16, 28, 29, 163, 241, 318, 329, 347, 366, 382, 383, 463, 522, 649, 690, 695, 696, 697, 698, 701, 706, 707, 713, 715, 741, 752

см. также: *производительные силы, производственные отношения, экономическая формация, экономические системы*

средства массовой информации (СМИ, масс-медиа) 116, 143, 181 343, 360, 398, 543, 554, 582, 599, 763

см. также: *манипулирование / масс-медийное*

СССР 44, 76, 93, 201, 221, 275, 367, 412, 468, 586, 675, 733

см. также: *«мутантный социализм», «реальный социализм», «оттепель» в СССР*

стоимость

как общественное отношение рыночной экономики 278–283

закон стоимости 227, 230, 231, 265, 297

особенности его проявления в мире креатосферы 226–232

особенности закона стоимости в мире креатосферы 226–232

меновая стоимость 193, 303

симулятивного товара (s-товара) 191, 194, 197

противоречие (единство и противоположность) стоимости и потребительной стоимости 286, 292, 294

диффузия трудовой основы стоимости в ходе прогресса творческой деятельности 243–244

- о невозможности количественного подсчета стоимости
(ее квантификации) 283–287
см. также: *потребительная стоимость, прибавочная
стоимость, товар, трудовая теория стоимости, цена*
страны «Второго» и «Третьего» мира 75, 271, 317, 487, 489, 571, 572,
583, 611, 619, 644, 652, 654, 655
см. также: *беднейшие страны, глобализация, мир-системный
подход, периферия*
страны «золотого миллиарда» 46, 65, 66, 210, 368, 474, 599, 619,
631, 632, 654, 745, 788
страны «Первого» мира 32, 47, 64, 65, 66, 78, 134, 143, 148, 162, 170,
184, 267, 321, 334, 425, 472, 487, 556, 558, 568, 571, 613, 614, 644,
650, 651, 657, 769, 779, 780, 787
строение капитала – см. *капитал*
субъект
ассоциированного социального творчества – см.
ассоциированное социальное творчество
диалога – см. *диалог*
креатосферы – см. *креативная деятельность*
со-творчества – см. *со-творчество*
творческой деятельности – см. *творческая деятельность*
труда – см. *труд*
субъект-субъектные отношения 84, 93, 96, 99, 412, 496
см. также: *актор (-ы) экономики, «прогрессор»*
сущность
и явление (видимость) 243, 303, 305, 309, 320, 331, 348, 414, 511,
522, 578, 579
в методологии марксизма (в диалектике) 12, 522, 537
родовая сущность человека – см. *человек*
см. также: *явление*
сфера услуг 23, 26, 27, 64, 65, 66, 73, 114, 136, 166, 167, 168, 184,
318–320, 376, 414, 420–425, 446, 472–473, 571, 668, 691, 694, 696,
697, 731, 742, 753
см. также: *сервис, услуги*

творческая деятельность
массовая (общедоступная) 57, 58, 90, 104, 657, 777, 778
творческая деятельность vs. капиталистическое отчуждение
378–384
и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики 327–331
ее эксплуатация – см. *эксплуатация / креативной
(творческой) деятельности*
см. также: *креативная деятельность, креатосфера,
распредмечивание, со-творчество,*

социально-творческое преобразование, социальное творчество, творчество, труд / всеобщий [творческий], хомо креатор
творчество 87, 89, 90, 92, 93, 97, 99, 100, 103, 105, 124, 173, 196, 200, 245, 329, 333, 3334, 336, 338, 340, 360, 361, 363, 364, 380, 383
и свобода 95

творчество vs. гегемония корпоративного капитала:
противоречия позднего капитализма как вызов обществу
будущего 384–388

см. также: *распредмечивание, со-творчество, социальное творчество, субъект / субъект-субъектные отношения, творческая деятельность, хомо креатор, человек / креатор*
телекоммуникации 71, 124, 265, 268, 446, 517, 551, 553, 603, 630
их развитие как предпосылка для развития финансового
капитала как виртуального 451

теория

экономическая – см. *экономическая теория*

прибавочной стоимости – см. *прибавочная стоимость*

теория предельной полезности

ее актуальность для отображения видимости превратных форм
(механизмов функционирования) рынка 243–244, 579

как продолжение «капитала» 302–307

и трудовая теория стоимости 277–278, 291–302, 305

их принципиальное различие 280–281

терроризм 389, 618, 620–623, 625, 628, 638, 653, 784

технический и социальный прогресс – см. *прогресс*

технологии

высокие 79, 151, 158, 164, 165, 479, 553, 564, 581, 619, 622, 629, 649,
696, 741, 743, 747, 757, 758, 787

знаниентенсивные 108

информационные 27, 48, 49, 50, 64, 66, 67, 107, 108, 127, 130, 136,

141, 149, 152, 167, 168, 184, 213, 214, 218, 219, 252–254, 268, 269,

363, 373, 385, 400, 417, 536, 553, 607, 644, 646, 658, 793

индустриальные 133, 135, 382, 420, 425, 475, 552–553, 619, 645,

646, 747

постиндустриальные 64, 135, 150, 167, 205, 218, 382, 420, 424, 501,

559, 604, 622, 629, 643, 749, 787

политические 406, 596, 602, 604, 605, 635

грязные 553, 624, 644, 650, 651

их развитие (прогресс, качественные изменения) 73, 78, 183,

184, 214, 414, 442, 447, 490, 530, 643, 669

см. также: *общество, экономика*

технологические (-ий, -ое)

уклады 25, 76, 419–422, 441, 446, 673, 736, 747, 750

основы глобальных проблем – см. *глобальные проблемы*

прогресс, развитие (изменения) –
см. *изменения / технологические*

товар
его противоречия (глубинные предпосылки кризиса) 435–437
симулятивный (s-товар, товар-симулякр) 179, 181, 185, 194
политическая экономия товара-симулякра 187–196
«информационный» товар как превратный феномен
в мире культурных благ 127
см. также: *рынок, симулякр (-ы), потребительная стоимость, стоимость, товарное производство, фетишизм / товарный*
товарное производство 13, 14, 15, 17, 32, 34, 51, 54, 141, 167, 174, 194, 201, 211, 217, 222, 227, 230, 231, 246, 254, 278, 279, 282, 286–294, 297, 298, 301, 305, 336, 390, 435, 436, 439, 505, 688, 689
его пределы 200
противоположность товарного производства и креатосферы:
некоторые тренды 242–245
товарный и денежный фетишизм – см. *фетишизм*
топ-менеджеры – см. *менеджеры*
тотальный рынок – см. *рынок / тотальный*
транзакции 58, 65, 78, 109, 126–128, 146, 147, 149, 157, 159, 168, 214, 215, 250, 251, 254, 256, 257, 265, 268, 271, 272, 273, 298, 313, 370, 417, 439, 457, 459, 500, 509, 554, 561, 575, 630, 631, 636, 643, 698, 752, 757
сфера транзакций (транзакционная сфера) 55, 168, 213, 371, 416, 561, 730, 753
транзакционные издержки – см. *издержки*
транснациональные корпорации (ТНК) 46, 47, 57, 58, 160, 204, 253, 258, 365, 369, 377, 455, 482, 487, 544, 545, 552, 554, 579, 580, 621, 625, 626, 675, 692, 697, 732, 734, 743, 756, 780, 793
и новое качество обособленности производителей (тотальная власть ТНК) 151–154
как господствующая форма капитала 28, 556–566
транснациональная корпоративная сеть: анатомия, структура, доминирование 568–577
ее системное качество 569, 572–573
общественное отношение корпоративного доминирования и манипулирования как системное качество глобализации – см. *глобализация*
трансформации (-ия)
воспроизводства производственных отношений 390–403
закона капиталистического накопления – см. *закон капиталистического накопления*
«царства необходимости» в «царство свободы» – см. *переход от «царства необходимости» к «царству свободы»*
см. также: *развитие, трансформационные экономики, эволюция*

трансформационные

процессы 77, 143, 465

экономики 78, 664, 701, 704, 713

см. также: *трансформации*

труд

абстрактный 227, 231, 245, 255, 287, 288, 289, 290, 297, 310, 336,
347, 450, 688

всеобщий [творческий] 9, 72, 97, 98, 155, 167, 205, 219, 230, 239,
255, 265, 325, 347, 354, 355, 602

живой 315–316, 409, 501, 505, 506

индустриальный 380, 388, 462, 471, 473, 529

интеллектуальный 346, 373

конкретный 13, 180, 287, 288, 289, 292, 297, 310, 688

машинный 15, 16, 23, 135, 181, 315, 316, 420, 471, 547, 648

«мертвый» (овещенный) 194, 227, 278, 285, 288, 294, 315–316,
409, 439

наемный 34, 43, 50, 159, 292, 294, 295, 299, 301, 320, 321, 326, 330,
332, 333, 341, 353, 374, 392, 395, 459, 461, 476, 480, 489, 505, 510,
523, 528, 530, 568, 657, 691

особенности противостояния современного виртуального
[мобильного] глобального капитала наемному труду 558,
559, 563, 567

прибавочный 294, 310, 318, 463, 466

производительный 318–319, 324

непроизводительный 319

репродуктивный 23, 56, 151, 181, 209, 211, 223–225, 238, 333, 335,

337, 341, 352, 353, 354, 356, 364, 365, 378, 388, 420, 422, 462, 470,
471, 473, 474, 478, 495, 498, 506, 529, 600, 648

понятие 91–92

см. также: *деятельность / переход от репродуктивного
к творческому содержанию деятельности*

ручной 16, 23, 26, 65, 67, 101, 102, 316, 318, 320, 388, 420, 471, 473,
528, 571, 650, 709, 721, 741

превратный 329

свободный 489

творческий – см. выше: *труд / всеобщий [творческий]*

частный 279

см. также: *обособленность производителей*

нестоимостная редукция труда 222–226

освобождение труда (формальное и реальное) 52–53, 343, 377,
382, 384–388, 408, 463, 471, 483, 484, 529, 658

производительность труда 15, 55, 59, 64, 87, 100, 126, 129, 134,
136, 184, 185, 213, 311, 314, 318, 356, 367, 416, 598, 619, 649, 671,
680, 683, 734, 741, 748, 756

- см. также: *деятельность, общественное разделение труда, переход от формального к реальному подчинению труда капиталу, подчинение труда капиталу, трудовая теория стоимости*
- трудовая теория стоимости 8, 140, 276, 286
- ее актуальность 291, 304–305
- ее выведение в «Капитале» К. Маркса 278–283, 287–288, 290
- и теория предельной полезности 277–278, 291–302, 305
- их принципиальное различие 280–281
- причина непопулярности трудовой теории стоимости 277
- см. также: *прибавочная стоимость, стоимость, теория предельной полезности, труд*
- университеты 149, 210, 413, 469, 519, 525, 572, 753
- публичные (общественные) 348
- университеты-корпорации 757
- управляющие III, 172
- «революция управляющих» 330, 331, 463, 575
- см. также: *менеджеры, профессионалы*
- услуги 57, 65, 82, 91, 110, III, 119, 128, 129, 135, 148, 168, 175, 178, 182, 184, 185, 186, 188, 191, 212, 213, 252, 260, 262, 273, 359, 365, 374, 398, 410, 416, 446, 447, 452, 502, 505, 508, 522, 644, 677, 739, 745
- общество услуг 64, 71, 73, 132–138
- см. также: *сервис, сфера услуг*
- устойчивое развитие – см. *развитие*
- утилитарное потребление – см. *потребление*
- участие работников в управлении 355, 658, 736
- см. также: *коллективные предприятия*
- фабрика 15, 16, 26, 35, 133, 218, 315, 317, 375, 493
- фашистские диктатуры – см. *диктатуры*
- феодализм 14, 29, 275, 330, 470, 583, 687, 705, 750
- феодальный способ производства – см. *способ производства*
- фетишизм
- денежный 44, 83, 197, 258, 413, 590, 608
- товарный 44, 169, 196, 197, 360, 647
- товарный и денежный 231–232, 292, 474, 593
- «финансовый фетишизм» в экономической теории 247
- институциональный 44
- фетишизация 127, 197–199, 244, 293, 591
- информации-товара 127
- его «удвоение» вследствие развития мира симулякров (рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма) 8, 196–199

- методология исследования превратных форм
в фетишизированном мире 291–302
см. также: *вещизм, вещьная зависимость, овещнение, отчуждение, превратные формы*
- фиктивные блага – см. *благо*
- фиктивный финансовый капитал – см. *капитал*
см. также: *финансиализация*
- финансиализация 7, 27, 30, 52, 55, 77, 151, 155, 175, 176, 246, 247, 264, 345–346, 392, 398, 399, 400, 416, 417, 432, 444, 458, 692–693, 742
ее характеристики 250–251
как мультипликатор кризиса 449–453
см. также: *деньги, фиктивный финансовый капитал*
- финансовый капитал – см. *капитал*
- формальное и реальное подчинение труда капиталу –
см. *подчинение труда капиталу, переход от формального к реальному подчинению труда капиталу*
- формальное освобождение труда – см. *труд*
- формации – см. *экономическая общественная формация*
- формационный подход 635
см. также: *экономическая общественная формация*
- фундаментализм 487, 488, 562, 651, 653, 788
см. также: *рыночный фундаментализм*
- фундаментальная наука – см. *наука*
- фундаментальное противоречие
механизма функционирования глобальной макроэкономики
в эпоху отчуждения 542, 565–566
«царства необходимости» – см. «царство необходимости»
- хомо креатор (homo creator) 236, 305, 308, 331, 344, 364, 366, 393, 501, 659
переход от наемного рабочего и прибавочной стоимости
к homo creator'у и интеллектуальной ренте 308–317
эксплуатация homo creator'а и мира культуры глобальным
капиталом 331–352
см. также: *креативный класс, человек / креатор*
- хомо финансус (homo finansus) 251
- хомо экономикус (homo economicus) 169, 208, 236, 237, 498, 526
- «цаголовская школа» в марксизме – см. *марксизм*
- «царство необходимости»
понятие 56
его «закат»: некоторые эмпирические свидетельства 55–89
его снятие 84, 89, 201
его фундаментальное противоречие 173, 384–385

- см. также: *отчуждение, переход от «царства необходимости» к «царству свободы», предыстория*
- «царство свободы» 54, 67, 69, 90, 103, 106, 126, 134, 199, 201, 202, 223, 239, 338, 339, 386, 392, 407, 408, 467, 472, 489, 659, 761
- понятие 56
- см. также: *коммунизм, переход от «царства необходимости» к «царству свободы», посткапиталистическое общество, свобода, социальное творчество*
- цена (-ы) 8, 35, 143, 145, 164, 243, 265, 290, 297, 298, 304, 335, 336, 435, 450, 506, 702
- как денежное выражение стоимости 292
- товара-симулякра 179–196, 231
- рабочей силы 296, 335, 504, 557
- «революция цен» 271
- см. также: *стоимость*
- ценности и мотивы 38, 39, 40, 87, 98, 99, 169, 208, 209, 371, 532, 539
- см. также: *фетишизм*
- «центр» и «периферия» 23–30, 542, 564–565, 612, 614, 619, 624, 629, 635, 650–651, 684, 693, 793
- см. также: *глобализация, мир-системный подход, периферия, «Север», «Юг»*
- цивилизации (-я)
- противоречие культуры и цивилизации 655
- диалог цивилизаций 544
- «столкновение» цивилизаций 618, 620, 622, 627, 645, 653, 654
- «естественные ценности цивилизации» и их «защита» 590, 608, 620, 622, 627, 636, 638
- евразийская 549
- западная 78
- российская 662
- индустриальная рыночная 76
- «автомобильная» 57, 168, 645
- «нефтяная» 57
- «постнефтяная» 57
- см. также: *западничество, славянофильство*
- цивилизационный подход 635
- см. также: *западничество, славянофильство, цивилизации*
- частная собственность – см. *собственность*
- «челноки» 757
- человек
- его родовая сущность 87, 92, 617, 328
- как функция рынка – см. *вещная зависимость*

креатор (креативный работник) 196, 333–334, 337, 338, 343, 347, 352, 394, 395, 403, 404, 519
см. также: *креативный класс, креатосфера, хомо креатор*
общественный 190
подчинение его капиталу в мире креатосферы 352–378
формальное подчинение 353–357
реальное подчинение 362–637
человек и социум как функции капитала и как его предел –
см. «*социальный капитал*», «*человеческий*» капитал
см. также: *личность, освобождение, отчуждение, хомо советикус, хомо экономикус*
человек, общество и природа 59, 173, 240, 271, 314, 425, 489, 510, 531, 552–553, 636, 640–641, 643, 647, 649, 655, 732, 741, 744, 745, 776, 782, 785–786
см. также: *природа*
человеческие качества
развитие их (прогресс) 116, 149, 163, 182, 183, 188, 190, 199, 210, 226, 405, 407, 409, 424, 442, 498, 504, 510, 532, 685, 743, 749
их воспроизводство 343–344, 500
их подчинение 383, 559
и понятие «человеческий капитал» 498–499
сферы их формирования 421, 751
время развития их (свободное время) в соотношении с рабочим временем как критерий эффективности 752
см. также: *диалог, личность, хомо креатор, человек*
человеческие отношения – см. *диалог, личность, со-творчество, субъект / субъект-субъектные отношения, хомо креатор, человек*
«человеческий» капитал 28, 50, 79, 109, 170, 236, 327, 328, 345, 355, 356, 375, 393, 394, 469, 477, 495, 532, 557, 560, 576, 678
человек в экономике: к критике теории «человеческого капитала» 496–511
см. также: «*социальный*» капитал, *эффективность / инвестиций в человеческий капитал*

«шоковая терапия» 734, 738

эволюция

история эволюции позднего капитализма как логика его самоотрицания 13–54

капитализма, экономической системы 6, 7, 8, 90, 91, 100, 141, 148, 149, 172, 182, 186, 198, 202, 246, 247, 248, 256, 305, 317, 321, 323, 358, 404, 446, 454, 460, 465, 466, 502, 519, 543, 546, 578, 579, 582, 586, 614–618, 635, 636, 642, 646, 649, 653, 657, 658, 672, 690, 691, 738, 774, 796

см. также: *развитие*
эквивалентный обмен 524
экология 24, 38, 73, 106, 199, 240, 351, 425, 491, 519, 563, 653, 752
см. также: *биогеосфера, природа, человек, общество и природа*
экономика
глобальная – см. *глобализация*
«для человека» 751–762
«долговая» 260–263, 720
добровольного дарения (gift-economy) 536
знаниентенсивная – см. *знания*
знаний – см. *знания*
информационная – см. *информационное общество*
современная капиталистическая – см. *капитализм*
дориночная – см. *экономические отношения / дориночные*
рыночная – см. *рыночная экономика*
пострыночная – см. *пострыночные отношения*
симулякр – см. *симулякр (-ы)*
см. также: *анархономика, викиномика, производственные отношения, способ производства, экономические системы*
экономикс (economics) 33, 34, 40, 117, 118, 123, 126, 145, 230, 243, 260, 284, 314, 373, 661
его рыночноцентричность 120, 194, 291, 404, 497, 536
рынок и креатосфера: взгляд сквозь призму economics 205–217
economics, маркетинг, менеджмент и финансы как области изучения превратных форм позднего капитализма 578–581
необходимость в «новом» экономикс, направленном на обеспечение эко-социо-гуманитарного прогресса 209
см. также: *основное течение (mainstream), неоклассика, экономическая теория, «экономический империализм»*
экономическая общественная формация (общественно-экономическая формация) 36, 127, 359, 597, 604, 635
капиталистическая формация на стадии «заката» 17, 41, 46, 51–52, 53, 80, 81, 200, 402, 461–462, 495, 629, 649, 656, 657, 658
социопространственные противоречия «заката»
экономической формации позднего капитализма 37, 543–659
пост-экономическая 80, 222
см. также: *способы производства, формационный подход*
экономическая политика – см. *государственное регулирование, капитализм / модели позднего капитализма, провалы рынка, регулирование экономики*
экономическая теория – см.: *институционализм, кейнсианство, маржинализм, монетаризм, неоклассика, основное течение (mainstream), политическая экономия,*

теория предельной полезности, трудовая теория стоимости, экономический империализм

экономические кризисы 30, 158, 176, 186, 193, 250, 255, 264, 266, 267, 300, 390, 426, 445, 453, 460, 583, 731

перенакопление капитала: кризисы возвращаются 426–453

марксистская теория государства и программы выхода из кризиса 453–460

см. также: *мировой финансовый и экономический кризис*

экономические отношения

до-рыночные 202, 519, 520, 528

рыночные – см. *рынок, рыночная экономика*

пострыночные – см. *пострыночные отношения*

см. также: *способ производства*

экономические системы (социально-экономические системы)

3, 14, 17, 18, 19, 22, 23–30, 31, 34, 36, 41, 43, 44, 46, 47, 50, 80–88, 132, 137, 150, 201–202, 206, 217, 218, 226–227, 238, 251, 277, 279, 280–282, 301, 303, 317, 351, 371, 377, 389, 390, 419, 428, 435, 462, 463, 464, 466, 503, 549, 556, 575, 579, 582, 586, 614, 672–673

методологические основания их исследования 685–691

см. также: *способ производства*

«экономический империализм» 206, 371, 605

см. также: *рыночный фундаментализм, экономикс (economics)*

экономический человек 208, 235, 302, 303, 305, 360, 524, 526, 532, 546

см. также: *хомо экономикс (homo economicus)*

эксплуатация 28, 43, 185, 294, 296, 307, 377, 383, 439, 464, 473, 509, 558, 624

борьба за освобождение от нее 775

норма эксплуатации 373, 709

способ 28

XXI века 317–327

креативной (творческой) деятельности 9, 52,– 53, 307, 333, 353–357

капиталом мира креатосферы 349–350

парадокс эксплуатации в сфере [co]творчества 336

уровни восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании развития капиталистической эксплуатации 308–317

эксплуатация homo creator'a и мира культуры глобальным капиталом 331–352

см. также: *креатосфера*

экспорт 544, 668, 670, 716, 724, 728, 740

экологически грязной продукции и грязных технологий в страны «периферии» 565, 624, 632, 650, 651

эффективность

производства 237, 238, 264, 265, 300, 328, 408, 409, 439, 442, 451,
539, 552, 729
экономики 304
мера эффективности общественного воспроизводства 404,
423–424
транзакций 213, 262
инвестиций в человеческий капитал 499, 507, 509
и социальная справедливость 405, 407, 408–410

«юг» – см. «север» и «юг».

явление

и сущность 243, 303, 305, 309, 320, 331, 348, 414, 511, 522, 578, 579
в методологии марксизма (в диалектике) 303, 537
исследование различных социально-экономических явлений
159, 160, 175, 183, 190, 230, 277, 295, 302, 310, 314, 328, 346, 359,
414, 427, 428, 438, 444, 449, 451, 459, 493, 501, 511, 516, 517, 518,
523, 536, 538, 546–547, 574, 578, 579, 626, 691, 760, 763, 767
см. также: *сущность*

подробное оглавление

6 предисловие ко II тому

II прелюдия Контексты

глава 1 Предыстория гегемонии корпоративного капитала как контекст: история эволюции «позднего капитализма» как логика его самоотрицания	13
Основные вехи генезиса и развития капитала и стадии его самоотрицания	13
Первая стадия позднего капитализма: монополистический капитал как подрыв основ рынка. Империализм	31
Вторая стадия позднего капитализма: капитал в поисках путей ограничения стихийных рыночных [само]регуляторов. Социал-реформизм, биполярный мир и де[ре]колонизация	37
Третий этап позднего капитализма: виртуальный фиктивный капитал как подрыв капиталистического производства. Глобализация	47
глава 2 Закат «царства необходимости» как контекст: некоторые эмпирические свидетельства и методология исследования	55
«По ту сторону собственно материального производства»: некоторые эмпирические черты процесса и подходы к их систематизации	56
«Закат» «царства необходимости»: к проблеме систематизации современных западных теорий качественных изменений в общественной жизни рубежа веков	69
«Царство необходимости»: структура развитой системы как ключ к исследованию процессов «заката»	80
глава 3 Генезис креатосферы как контекст: изменения производительных сил накануне скачка «по ту сторону материального производства»	89
Смена доминанты: от репродуктивного к творческому содержанию деятельности. «Революция знаний», «общество профессионалов» и «креативный класс»	91

СМЕНА ДОМИНАНТЫ: ОТ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ
И ПОТРЕБНОСТЕЙ К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ.
«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» 117

СМЕНА ДОМИНАНТЫ: «ПРОИЗВОДСТВО» КРЕАТОСФЕРЫ.
«ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» И «ОБЩЕСТВО УСЛУГ» 132

139 часть I Товар и деньги: инволюция

глава I Рынок как результат глобальной гегемонии корпоративного капитала.....	141
Тотальный рынок сетей	141
<i>Тоталитарный рынок: сети и их хозяева («рынок пауков и паутины»)</i>	142
<i>Тотальный рынок: каналы корпоративного манипулирования («поля зависимости» – «паутины»)</i>	154
<i>Тотальный рынок: кооперация и борьба корпоративных сетей («рынок пауков»)</i>	161
<i>Неоприватизация: «ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка</i>	171
РЫНОК СИМУЛЯКРОВ	174
<i>Рынок симулякров: некоторые предварительные замечания...</i>	176
<i>Рынки симулякров: возможность и необходимость генезиса. .</i>	183
<i>Политическая экономия товара-симулякра</i>	187
<i>Удвоение фетишизации: рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма</i>	196
КРЕАТОСФЕРА: ПРЕДЕЛЫ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И РЫНКА... ..	200
<i>Креатосфера: свобода как снятие обособленности производителей и их подчинения рынку</i>	201
<i>Рынок и креатосфера: взгляд сквозь призму esopotics</i>	205
<i>Марксистский анализ пределов рынка: обобществление и границы обособленности производителей</i>	217
<i>Марксистский анализ пределов рынка: креатосфера и проблемы нестоимостной редукции труда</i>	222
<i>Марксистский анализ пределов рынка: контрапункты [не]бытия субстанции, формы и закона стоимости в мире креатосферы</i>	226

<i>Противоположность товарного производства и креатосферы: некоторые тренды</i>	232
глава 2 <i>Виртуальные деньги</i>	246
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ: «ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ», И НЕ ТОЛЬКО	246
ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИКТИВНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ: DIFFERENTIAE SPECIFICAE	253
глава 3 <i>Новое бытие всеобщей формулы капитала: фиктивный финансовый капитал.....</i>	260
ПРИБЫЛЬ БЕЗ ПРОИЗВОДСТВА, ИЛИ ПРЕВРАТНЫЕ ФОРМЫ «ДОЛГОВОЙ ЭКОНОМИКИ»	260
ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИКТИВНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ: ГИПЕРРЕАЛИЗОВАННЫЕ УГРОЗЫ КРИЗИСА И ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ... ..	263
ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИКТИВНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ КАК ФЕНОМЕН ПРЕВРАТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ	272
<i>p.s.</i> <i>Трудовая теория стоимости как будущее</i>	277
ВОЗВРАЩАЯСЬ К КЛАССИКЕ: СТОИМОСТЬ ЕСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	278
ВОЗВРАЩАЯСЬ К КЛАССИКЕ: СТОИМОСТЬ НЕЛЬЗЯ СОСЧИТАТЬ (К ПРОБЛЕМЕ СУБСТАНЦИИ СТОИМОСТИ)	283
ЕЩЕ РАЗ О ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ И ТЕОРИИ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕВРАТНЫХ ФОРМ В ФЕТИШИЗИРОВАННОМ МИРЕ	291
ТЕОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ КАК... ПРОДОЛЖЕНИЕ «КАПИТАЛА»	302
306 часть II <i>Гегемония капитала: сущность и пределы</i>	
глава 1 <i>Глобальный капитал: содержание и структура отношений эксплуатации</i>	308
ОТ НАЕМНОГО РАБОЧЕГО И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ К НОМО СРЕАТОР'У И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕНТЕ	308
<i>Капиталистическая эксплуатация: классический марксизм</i>	308
ЭКСПЛУАТАЦИЯ XXI ВЕКА: КОНТРАПУНКТЫ «ДИФфуЗИИ» КАПИТАЛА И ПРИСВОЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ, МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ [СВЕРХ] ПРИБЫЛИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕНТЫ	317

<i>Творческая деятельность и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики.....</i>	<i>327</i>
<i>Глобальный капитал: ЭКСПЛУАТАЦИЯ НОМО СРЕАТОР'А И МИРА КУЛЬТУРЫ (ПРИСВОЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕНТЫ КАК СНЯТИЕ ПРИСВОЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ)</i>	<i>331</i>
<i>Эксплуатация творческой деятельности: специфика объекта, содержания и форм.....</i>	<i>332</i>
<i>Эксплуатация творческой деятельности: количественные аспекты</i>	<i>341</i>
<i>Интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства....</i>	<i>346</i>
<i>Подчинение труда, свободного времени и Человека: КАПИТАЛ, ЕГО ГЕГЕМОНИЯ И ПРЕДЕЛЫ В МИРЕ КРЕАТОСФЕРЫ</i>	<i>352</i>
<i>Креативная деятельность и ее субъект: контрапункты формального подчинения капиталу.....</i>	<i>353</i>
<i>Противоречия трансформаций реального подчинения труда капиталу: личность и свободное время как объекты гегемонии</i>	<i>357</i>
<i>Невозможное возможно: парадоксы реального подчинения капиталу творческой деятельности и «двойное замещение» [креатосферы и творца].....</i>	<i>362</i>
<i>Подчинение капиталу Человека: заключительные ремарки...</i>	<i>367</i>
<i>Отступление 1. Творческая деятельность vs. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ: КАПИТАЛ СТАНОВИТСЯ ИЗЛИШЕН?.....</i>	<i>378</i>
<i>Отступление 2. Творчество vs. ГЕГЕМОНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КАПИТАЛА: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА КАК ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ БУДУЩЕГО</i>	<i>384</i>
<i>глава 2 Контрапункты воспроизводства глобального капитала</i>	<i>389</i>
<i>Воспроизводство в условиях позднего капитализма: НОВОЕ КАЧЕСТВО ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.....</i>	<i>389</i>
<i>«Закат» капитализма и «царства необходимости»: трансформации воспроизводства производственных отношений</i>	<i>390</i>
<i>Трансформация закона капиталистического накопления....</i>	<i>403</i>

ОТСТУПЛЕНИЕ 1. «По ту сторону» воспроизводства капитала.....	407
Новая структура общественного воспроизводства	413
<i>Предварительные методологические ремарки</i>	<i>413</i>
<i>Воспроизводство в условиях «заката» капитализма и «царства необходимости»: прогресс креатосферы vs. экспансия превратного сектора</i>	<i>415</i>
<i>Изменения в структуре общественного воспроизводства: материальное производство, креатосфера и бесполезный сектор в экономике XXI века</i>	<i>419</i>
ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА: КРИЗИСЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	426
<i>Кризис–2008: «Капитал» Карла Маркса стал наиболее востребованным экономическим сочинением...427</i>	
<i>Мировой кризис: некоторые факты и варианты их объяснения.....</i>	<i>428</i>
<i>Противоречия товара. Глубинные предпосылки кризиса, или Почему бизнес осенью 2008 г. начал требовать государственной поддержки</i>	<i>435</i>
<i>Деньги и абстрактная возможность кризисов при капитализме. Финансовый кризис как относительно самостоятельное явление</i>	<i>437</i>
<i>Перенакопление капитала и материальная основа кризиса. Противоречия материального производства и рост превратного сектора как первопричины кризиса</i>	<i>441</i>
<i>Фиктивный капитал: финансиализация как мультипликатор кризиса.....</i>	<i>449</i>
ОТСТУПЛЕНИЕ 2. МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРОГРАММЫ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА.....	453
<i>Антикризисное регулирование: какое и в чьих интересах?.....</i>	<i>455</i>
глава 3 Экономические основы социальной структуры позднего капитализма.....	461
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ	461
ОТСТУПЛЕНИЕ. К КРИТИКЕ ТЕОРИЙ МЕРИТОКРАТИИ	467
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: КЛАССЫ, МЕЖ/ВНУТРИКЛАССОВАЯ ДИФфуЗИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	470

Противоречие отчуждения и социального творчества: социальные акторы.....	482
p.s. Человек и социум как функции капитала и как его предел: к критике теорий «человеческого» и «социального» капитала.....	495
Текст 1. Человек в экономике: к критике теории «человеческого капитала».....	496
Текст 2. Посткапиталистические социально-экономические отношения или «социальный капитал»?	511
<i>«Социальный капитал»: как ищут и что находят западные и копирующие их отечественные авторы?.....</i>	<i>512</i>
Отступление. Несколько предварительных определений ...	518
<i>Отношения и процессы, скрытые за понятием «социальный капитал»: базовые социальные взаимодействия.....</i>	<i>521</i>
<i>Феномены, скрытые за понятием «социальный капитал»: генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим.....</i>	<i>525</i>
<i>Генезис посткапиталистических отношений: эмпирические проявления</i>	<i>530</i>
<i>Новая реальность, скрытая за видимостью «социального капитала»: что было бы полезно увидеть бизнесу и наемному работнику (вместо заключения ко 2-му тексту)</i>	<i>538</i>
541 часть III Глобализация гегемонии: социопространственные противоречия «заката» экономической формации и позднего капитализма	
<i>глава I Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации.....</i>	<i>543</i>
Глобализация: вводные замечания.....	543
Глобализация производительных сил	551
Глобализация производственных отношений.....	554
Транснациональная корпоративная сеть: анатомия, структура, доминирование	568
Отступление. Еще раз к вопросу об ECONOMICS, МАРКЕТИНГЕ, МЕНЕДЖМЕНТЕ И ФИНАНСАХ КАК ОБЛАСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕВРАТНЫХ ФОРМ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА	578

Каналы внешней власти корпораций: некоторые дополнительные замечания.....	581
<i>глава 2 Глобализация: социополитическое, социопространственное и социокультурное измерения</i>	<i>585</i>
Глобальный капитал: политико-идеологическая гегемония и манипулирование vs. демократия и культура	585
<i>Отступление. Демократия, капитализм и социализм: краткая апология основ марксизма</i>	<i>585</i>
<i>Массовое политическое производство vs. демократия.....</i>	<i>596</i>
<i>Воспроизводство духовной гегемонии капитала: идейное манипулирование и массовая культура.....</i>	<i>606</i>
Социопространственное бытие глобального капитала: новая геоэкономическая и геополитическая структура мира. Глобализация и архаизация	611
<i>Глобальная гегемония капитала: социопространственная структура.....</i>	<i>612</i>
<i>От мировых войн к пандемии насилия.....</i>	<i>615</i>
Новая имперская модель мира и ее альтернативы.....	624
<i>От неолиберальной глобализации к новой империи.....</i>	<i>625</i>
<i>Глобальный капитализм как подрыв общечеловеческих достижений буржуазной системы.....</i>	<i>628</i>
<i>«Протоимперия» как исторический тупик: возможные альтернативы.....</i>	<i>633</i>
<i>глава 3 Тотальная гегемония корпоративного капитала как катализатор глобальных проблем человечества.....</i>	<i>640</i>
К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	641
«ЗАКАТ» «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	643
«ЗАКАТ» «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ...	646
«ЗАКАТ» «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	654
К ПРОБЛЕМЕ КОНТРЕГЕМОНИИ (несколько слов в заключение к 3-й части)	656

660 p.s. Российский капитализм Юрского периода (вместо заключения ко 2-му тому)

<i>глава 1</i> Эмпирические, методологические и теоретические предпосылки исследования.....	663
Результаты двадцати лет трансформаций: некоторые статистические иллюстрации	664
Методологические предпосылки исследования российской экономики (автореферат некоторых выводов I тома в их ретроспекции к российской экономике)	685
Теоретические предпосылки исследования: российская экономическая система начала XXI века как консервация незавершенной реверсивной трансформации	691
<i>глава 2</i> Система производственных отношений постсоветской экономики.....	700
Специфика производственных отношений российской экономики: способ координации.....	700
Специфика производственных отношений российской экономики: отчуждение/присвоение и собственность	707
Специфика производственных отношений российской экономики: воспроизводство	722
<i>глава 3</i> «По ту сторону» капитализма Юрского периода	738
Сценарии будущего	738
Отступление 1. Проклятые вопросы	741
Отступление 2. Еще раз к вопросу о наших разногласиях....	745
«Экономика для человека»: альтернативы догоняющему развитию.....	751

760 *финал* От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям (некоторые итоги книги как пролог к будущему)

<i>глава 1</i> Альтерглобализм: феноменология, противоречия, перспективы	763
Альтерглобализм: к первичной систематизации фактов....	763
Кто мы такие? (к вопросу о причинах возникновения и природе альтерглобалистского движения).....	773

Истоки и противоречия АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА.....	777
Позитивная программа АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА	785
глава 2 От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям	790
797 <i>библиография</i>	
829 <i>указатель имен</i>	
841 <i>предметный указатель</i>	
894 <i>подробное оглавление</i>	

Бузгалин А.В., Колганов А.И.

Глобальный капитал

В 2-х тт.

Т. 2.

Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы
(«Капитал» re-loaded)

Оформление И. Бернштейн

Вёрстка Т. Волохова, Е. Кудрявцев

Подписано в печать 29.09.2014. Формат 60×90/16

Гарнитура CharterС.

Печ. л. 56,5. Тираж 1200 экз.

ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский печатный двор».

142300, Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.